

История в лицах. Лица в истории

История в лицах. **Лица в истории**

Лучшие статьи, опубликованные в журнале «Русский мир.ru» в 2008–2012 годах

2008 год

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЛУОСТРОВ	4
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЧЕРНАЯ КРОВЬ ИМПЕРИИ.....	8
ЛАДА КЛОКОВА	
ПО МУНДИРУ ВСТРЕЧАЮТ	18
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЛИНИИ НА ЛЬДУ, ИЛИ ИСТОРИЯ, НАПИСАННАЯ КОНЬКАМИ	22
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО	
ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК, ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ	28
МИХАИЛ БЫКОВ	
ОСЕННИЙ СОН О ПРИДУМАННОМ СЫНЕ	34
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ИЗ ЖИЗНИ ПОРУЧИКА N.....	38
МИХАИЛ БЫКОВ	
НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ.....	44
МИХАИЛ БЫКОВ	
КОДЕКС ЧЕСТИ.....	50
МИХАИЛ БЫКОВ	
ТУРКЕСТАНСКИЙ ПЕРВОПРОХОДЕЦ.....	56
РУБЕН НАЗАРЬЯН	
Я БЫ В ГВАРДИЮ ПОШЕЛ.....	60
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО	68
МИХАИЛ БЫКОВ	

2009 год

ГУБЕРНАТОР САМАРКАНДА	76
РУБЕН НАЗАРЬЯН	
ПРИ КОНЯХ И В ПОЛЕ.....	82
МИХАИЛ БЫКОВ	
СЕДЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ	90
МИХАИЛ БЫКОВ	
МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА	98
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ	
НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР	104
ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ	
«БОГ НЕДАРОМ ПОВЕЛЕЛ КАЖДОМУ БЫТЬ НА ТОМ МЕСТЕ, НА КОТОРОМ ОН ТЕПЕРЬ СТОИТ».....	114
АННА ГАМАЛОВА	
КТО ПРИЗВАН ДУШОЙ.....	120
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА	
СТАРАЯ ГВАРДИЯ	126
МИХАИЛ БЫКОВ	
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА. ЮЖНАЯ БИТВА	132
МИХАИЛ БЫКОВ	
ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛОН.....	138
ГАЛИНА ШЕБАЛДИНА	
«РУССКОЕ ЧУДО» В ЧЕРНЫХ ПЕСКАХ.....	142
РУБЕН НАЗАРЬЯН	
ГЕНЕРАЛИССИМУС	148
МИХАИЛ БЫКОВ	
ВРЕМЯ ЧИТАТЬ КАМНИ.....	154
ЛАДА КЛОКОВА	

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ	160
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
НАСЛЕДИЕ ЛИХАЧЕВА	166
ЗИНАИДА КУРБАТОВА	
ГРАММОФОН ДЛЯ КРАСНОЙ ПРОПАГАНДЫ.....	172
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	

2010 год

НЕ ТОЛЬКО В ЮРЬЕВ ДЕНЬ	176
МИХАИЛ БЫКОВ	
КАК СТЕПЬ И МОРЕ.....	182
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
НИЧТО НЕ ПРОПАДАЕТ В ЭТОМ МИРЕ	186
ВЕРА МЕДВЕДЕВА	
НА ВЫСОТЕ	190
МИХАИЛ БЫКОВ	
ВРАТА НАШЕЙ УЧЕНОСТИ	196
САША КАННОНЕ	
ДИКИЙ ВЕТЕР И РУССКИЙ РАЙ.....	202
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СКИТАНИЙ.....	206
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ	
«ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ СЧИТАЮТ СЕКУНДАМИ...»	210
ВЛАДИМИР КОЗЛОВ	
ЭХ, ПО ШЛЯХУ, ЭХ, ПО РОМОДАНУ.....	218
МИХАИЛ БЫКОВ	
НА СОПКАХ ЯПОНИИ.....	224
МИХАИЛ БЫКОВ	
ДЕЛО МАРКСА	230
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
СКОЛЬКО ИСТИН В КУПРИНЕ.....	234
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ТАЙНЫ «ГРАНАТОВОГО БРАСЛЕТА».....	240
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ	
КАК НАЗЫВАЛАСЬ ТА ВОЙНА?	244
МИХАИЛ БЫКОВ	
И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРАПОРЩИКА ОЛЕНИНА	250
МИХАИЛ БЫКОВ	
ИСТОКИ	258
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ	
РОДОМ ИЗ «КУЗНЕЦОВКИ».....	264
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ	
ПЕРЕТЯГИВАНИЕ ЛЬВА	268
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ШЛЯПА – В ПОЛЕ	274
МИХАИЛ БЫКОВ	
НЕ ВИЖУ ЗЛА	282
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	

2011 год

КРЕСТ ГУСАРА.....	286
МИХАИЛ БЫКОВ	
УШЕДШИЙ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ.....	288
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	

СДЕЛАТЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ.....	294
МИХАИЛ БЫКОВ	
КАПИТАН БЕЗ КОРАБЛЯ.....	299
МИХАИЛ БЫКОВ	
ПОЧТИ БОЛГАРСКИЙ ЦАРЬ.....	302
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
БЕЛЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ.....	306
МИХАИЛ БЫКОВ	
ГЕНЕРАЛ ОТ ФИЗКУЛЬТУРЫ.....	312
МИХАИЛ БЫКОВ	
НЕ ВСЯКИЙ ЮНКЕР – ШТЫК.....	314
МИХАИЛ БЫКОВ	
СТАРУШКА СО ЗВЕЗДОЙ.....	320
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
НЕПРОЧИТАННЫЙ.....	326
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
К ЯЗЫКОВУ.....	332
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ	
ВАСИЛИЙ С ОСТРОВА.....	336
МИХАИЛ БЫКОВ	
САМОЛЕТ ПО-МОЖАЙСКИ.....	339
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРОШЛОГО.....	342
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
УБИТЫЕ ЗАЖИВО.....	348
МИХАИЛ БЫКОВ	
ГИМН КАВАЛЕРГАРДА.....	354
МИХАИЛ БЫКОВ	
ТИХИЙ ОМУТ.....	357
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ПОЧТИ ИНОСТРАНЕЦ.....	362
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
КТО УБИЛ ЛЕРМОНТОВА?.....	368
МИХАИЛ БЫКОВ	
ПЕРВЫЙ ДВОЙНИК.....	374
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ПОРОК СЕРДЦА.....	378
ДМИТРИЙ БЫКОВ	
КЛЮЧИ ОТ ИЗБОРСКА.....	382
ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ	
«ВРЕМЯ! Я ТЕБЯ МИНУЮ».....	384
ЛАДА КЛОКОВА	
ПОСЛЕДНИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ.....	390
МИХАИЛ БЫКОВ	
РУССКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС.....	396
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ	
МУЗЕЙ СВЕТОПИСИ.....	400
ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА	
ПЕВЕЦ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ.....	404
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
УПАДОЧНЫЙ РЕНЕССАНС.....	408
АННА ГАМАЛОВА	
АЛМАЗ В СЕРЕБРЕ.....	411
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЛЮБОВЬ И КРОВЬ.....	416
АННА ГАМАЛОВА	
ИМЕНИТЕЙШИЙ ГРАЖДАНИН ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО.....	420
ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ	
ДВА В ОДНОМ.....	430
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ВЕЧНЫЙ СТРАННИК.....	436
АННА ГАМАЛОВА	

СТАРШИЙ РАЗВЕДЧИК.....	440
МИХАИЛ БЫКОВ	

2012 год

О РАДОСТИ ДУШЕВНОЙ.....	443
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ДОДО.....	448
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЖАР-ПТИЦА РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	451
КСЕНИЯ БОБРОВИЧ	
СЧАСТЛИВЧИК.....	456
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ.....	459
МИХАИЛ БЫКОВ	
ОРДЕН БЕЛОГО ОЛЕНЯ.....	462
МИХАИЛ БЫКОВ	
ЗАЙМИТЕСЬ, ГОСПОДА, КУЛЬТУРОЙ.....	474
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
РУССКАЯ ТРОЯ.....	479
ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ	
ОЗЕРО ЛЕБЕДЕЙ.....	482
ОЛЬГА ГОРКИНА	
АЛЕКСАНДРИЯ.....	488
МИХАИЛ БЫКОВ	
И ГОГОЛЬ, ТАКОЙ МОЛОДОЙ.....	494
АННА ГАМАЛОВА	
НОЧЬ СВЕТЛА.....	497
МИХАИЛ БЫКОВ	
СЛАДКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ КУПЦА ПРОХОРОВА.....	500
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ	
И ЛИЦО, И МЫСЛИ, И ОДЕЖДА.....	504
АННА ГАМАЛОВА	
«ПОРА ПОПУЛЯРИТЬ ИЗЫСКИ».....	507
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТОЙ МАРИИ.....	512
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ	
«Я – ИЗЫСКАННЫЙ СТИХ».....	515
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА.....	520
МИХАИЛ БЫКОВ	
«СЕ ЧЕЛОВЕК».....	526
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ	
В СОПРОВОЖДЕНИИ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ.....	530
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ПОБЕДА С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ.....	536
МИХАИЛ БЫКОВ	
ВОЛЬНЫЙ ГРАД.....	542
ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ	
ДВАДЦАТЬ СЕМЬ. КРАСНОЕ.....	548
МИХАИЛ БЫКОВ	
И ТАЙНА ВЕЧНОСТИ СПОКОЙНА И ПРОСТА.....	552
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
БРАТЦЫ.....	558
МИХАИЛ БЫКОВ	
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.....	562
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
В ГОСТЯХ У ГЕНИЯ.....	569
ДМИТРИЙ ИВАНОВ	
«ГРАД НЕБЕСНЫЙ». «ГРАД ОГУРЕЧНЫЙ».....	574
ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ	

EAST-NEWS/IMAGO

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЛУОСТРОВ

МИХАИЛ БЫКОВ

20 февраля 1921 года в Галлиполи несколько русских офицеров открыли фотомастерскую. Корпус первого фотоаппарата сделали из жести от консервных банок и досок от ящиков. Впоследствии, экономя на всем, купили аппарат Эрнемана. Так Галлиполи обрел собственную фотоисторию.

Галлиполи – полуостров в европейской части Турции. С востока омывается водами пролива Дарданеллы, с запада – Эгейского моря. С античных времен полуостров известен как Херсонес Фракийский. Берега Галлиполи помнят армию персидского царя Ксеркса и фаланги Александра Македонского, орды галлов и отряды крестоносцев Фридриха Барбароссы. Долгие века порт и город Галлиполи были заметной торговой точкой на карте Юго-Восточной Европы. Однако к XVIII веку город захирел, и до сих пор его население не превышает 15 тыс. человек. Полуостров оживает раз в год, по весне, когда сюда приезжают туристы из Англии, Австралии, Новой Зеландии на мемориал, посвященный сражениям Первой мировой войны, развернувшимся здесь между войсками Антанты и турецкой армией.

БУХАНКА ХЛЕБА НА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК

В конце ноября 1920 года военные корабли и гражданские пароходы один за другим бросали якоря на траверзе порта Галлиполи в нескольких кабельтовых от берега. Холодный и настырный морской ветер забирался под шинели солдат и офицеров, прошедших огонь и воду Перекопа, рвал вуали черных шляпок, пытаясь рассмотреть столь редкие для здешних мест лица европейских женщин, трепал влажные от пота волосы тифозных больных, поднятых наконец из душных трюмов на палубы перед эвакуацией на берег.

За неделю до прихода русского эвакуационного флота в Галлиполи суда начали скапливаться под Константинополем. По оценкам штаба генерала барона Врангеля, в бухте Мод собралось 126 вымпелов, вывезших из Севастополя, Керчи, Феодосии, Ялты и Евпатории 145 693 человека, среди которых было около 7 тыс. женщин и детей, а также свыше 6 тыс. раненых.

На многих кораблях были подняты сигнальные флаги, означающие: «Терпим жажду» и «Терпим голод». Из воспоминаний генерала Калинина: «Условия путешествия были кошмарны. Керченская эскадра состояла из 30 вымпелов. Нам не повезло, как выехавшим из других портов. Дул норд-ост... Продовольственные запасы кончились на третий день. Три дня затем мы пили морскую воду и ели селедки. От этого начались массовые желудочные отравления. Все трюмы были загажены. А тут еще мучения от морской болезни. До Константинополя ехали неделю...»

О том, как «повезло» остальным, вспоминал пассажир вышедшего из Севастополя парохода «Херсон» штабс-капитан Орлов: «В день на каждого выдавался стакан жидкого супа. Буханку хлеба, там, где он был, делили на 50 человек...»

Десятки тысяч русских были обречены на ожидание. Специальная англо-французская комиссия по управлению территорией европейской части Турции должна была выполнить собственные решения.

Еще до начала эвакуации из Крыма генерал барон Врангель писал французскому представителю этой комиссии, возникшей в результате поражения Турции в Первой мировой войне, графу Мартелю на предмет размещения русских воинских частей и беженцев в выбранных заранее местах.

Поначалу французская сторона с оптимизмом смотрела на складывающуюся ситуацию. Французы планировали привлечь часть русских офицеров и солдат в Иностранный легион. Остальным были намерены предоставить статус беженцев.

Что касается вербовки, то тут все прошло неплохо. Свыше 3 тыс. человек поставили подписи под контрактом с Иностранным легионом и, как писал полковник Абданс-Коссовский, «провели долгие годы под знаменами пяти пол-

ков легиона. На их долю выпала вся тяжесть борьбы с рифанцами, шлеухами, туарегами, друзами. В раскаленных песках Марокко и Сахары, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая рассеяны кости безвестных русских легионеров, дравшихся за честь французских знамен».

С переводом остальных в статус беженцев все оказалось куда сложнее. Русская армия Врангеля не собиралась сдавать знамена и оружие. Не хотелось мириться с мыслью, что борьба в России окончательно завершена.

Несколько позже французам удалось настоять на том, чтобы в частях осталась только двадцатая часть оружия. В итоге они получили 45 тыс. винтовок, 60 тыс. гранат, 12 млн патронов и... 300 тыс. пудов чая, 1 млн метров мануфактуры, 600 тонн кожи – вооружений и гражданских товаров на сумму 110 млн франков. Союзническую помощь безвозмездной никак не назовешь.

ГОЛОЕ ПОЛЕ

Итак, главный лагерь было решено поставить в Галлиполи. Здесь предстояло разместиться частям регулярной армии, тыловым, штабным и военно-учебным учреждениям. Путь казаков-донцов лежал в лагерь Чатаджи, в 200 километрах от Галлиполи. Кубанский казачий корпус ждали на греческом острове Лемнос, корабли Черноморского флота с экипажами – в тунисском порту Бизерта. Галлиполийский полуостров – это узкая 90-километровая полоска суши, зажатая между морем и проливом, в самом узком месте ширина ее – всего 27 километров. Жили там в основном греки и турки да немного евреев и армян. Единственный город – Галлиполи – насчитывал чуть более 8 тыс. жителей. Хозяйство было примитивное, жили крайне бедно. Одним словом – глухая провинция. Если добавить, что в годы Первой мировой здесь шли суровые бои, город бомбили и бомбардировали с моря, станет ясно, в каких условиях пришлось русским начинать налаживать жизнь.

22 ноября 1920 года пароходы «Саратов» и «Херсон» отдали якоря на галлиполийском рейде. Их пассажиры стали первыми русскими, которых впоследствии будут называть «галлиполийцами».

Сохранились воспоминания очевидцев о первом визите на берег генерала Александра Кутепова в сопровождении французского офицера. «С возвышенного берега, – писал кавалерийский полковник Ряснянский, – им открылась Долина смерти и роз, названная так потому, что вдоль протекавшей в долине речонки было много кустов роз и водились змеи двух пород, из них одна ядовитая. Земля принадлежала какому-то турецкому полковнику. «Это все?» – невольно вырвалось у Кутепова. «Все», – ответил француз». К слову, наши солдаты, всегда шустрые на язык, быстро переименовали греческое «Галлиполи» и турецкое «Гелиболу» на свой, российский лад. «Голое поле» – так стали называть свой новый дом десятки тысяч русских людей, волею судеб потерявших Родину после Гражданской войны.

Есть на свете вещи, труднообъяснимые с рациональной точки зрения. Кто, спрашивается, заставлял «галлиполийцев» упорствовать в нежелании признавать статус беженцев? Это решило бы их проблемы куда быстрее – согласись они, и можно было бы разбежаться по всему свету, устраивать личную судьбу. Там, на Родине, победившая советская власть собирается строить новое государство, в котором нет места бывшим ценностям. Кому нужны эти простреленные и потрепанные куски ткани с уже бессмысленными надписями: «1-й ударный Корниловский полк», «Дроздовская пехотная дивизия», «2-й Марковский артиллерийский дивизион»?

Но нравственность – нерациональная категория. Подвиги духа человеческого не измерить в километрах, не оценить в каратах, не перекачать в баррелях.

А в чем собственно подвиг? Подвиги летчиков Нестерова и Маресьева – понятно. Героика моряков «Варяга» и 28 панфиловцев у разьезда Дубосеково – тоже. А тут...

БЕЖЕНЦЫ ИЛИ «НЕЧТО ДРУГОЕ»?

Первоначально в галлиполийском лагере разместилось 16 тыс. солдат и офицеров, еще 11 тыс. – в полуразрушенном городке. Вместе с мужчинами остались в «Голом поле» 1139 женщин и 244 ребенка.

27 декабря французы определили суточные нормы питания. На человека полагалось 500 граммов хлеба, 300 граммов мороженного или консервированного мяса, 150 граммов каши, 7 граммов чая, 20 граммов сахара. Значительную часть продуктов привозили уже испорченными. Например, все консервы оказались протухшими.

Не лучше обстояло дело с медикаментами, которые были ох как нужны. Палатки ставились на голой земле, дрова на пустынном полуострове были в большом дефиците, электричество и керосин для ламп почти отсутствовали. Систематически болело множество людей – от простуд, переохлаждения, грязи, испорченной пищи. Каждый десятый «галлиполиец» страдал серьезным заболеванием: туберкулезом, малокровием, дистрофией. Офицер Лукаш в мемуарах писал: «В лагерях ходит голодная цинга. У русских детей и женщин босые ноги, часто обверченные у щиколоток марлевыми бинтами. На бронзовых спинах, на руках, по ногам пролегли сизые широкие полуязвы, точно пятна пролежней. Отчего? Говорят, от селитры. В консервах селитра, и от нее – селитренные пятна. Ходит дизентерия в белых

лагерях. Брюшной тиф поднялся от высохшей и глинистой лагерьной речки и пошел шагать по палаткам российской гвардии. Moskitная лихорадка яростно бросает людей на койки». Сильно сказывалась и нехватка зимней одежды. В дни эвакуации люди не думали о такой ерунде, как зимние пальто и ботинки на меху. А солдаты и офицеры фронтовых частей, находившиеся в непрерывных боях с середины лета 1920 года, еще в Крыму выглядели весьма потрепанно.

Спустя месяц после высадки, несмотря на нечеловеческие условия жизни, полевой лагерь был оборудован. К палаткам прибавились землянки, позже их наладились крыть черепицей, стеклить. В городе приспособляли и перестраивали под жилье любые свободные дома, в том числе такие, от которых остались лишь две стены. Впрочем, как всегда и везде, попадались и любители экзотики. Один офицер вплоть до отъезда на службу в Сербию прожил с семьей в яме, накрытой брезентом, другой – в корпусе выброшенной на берег старой фелюги, несколько офицеров-летчиков обрели кров в пещерах.

Разобравшись с жильем, приступили к сооружению помещений для общественных нужд. Появились офицерские собрания – большие палатки и пристройки, где открывались чайные, читальни, даже театральные подмостки, как в Дроздовском полку. Силами солдат и офицеров инженерных частей отремонтировали построенный «еще рабами Рима» водопровод. Поступление воды, в том числе в дома местных жителей, увеличилось на треть.

Постепенно разворачивались армейские госпитали и лазареты Красного Креста. Под их контролем была организована систематическая уборка мусора и городских туалетов, открылись бани и дезинфекционная камера.

Несмотря на тотальный дефицит воинской формы, Кутепову удалось-таки придать подразделениям традиционный армейский вид. Из различных сорочек и даже пижам делали гимнастерки, а затем перекрашивали их. Шаровары шили из одеял. Погоны и другие знаки различия ценились особенно, но за неимением оных в нужном количестве командование разрешило рисовать их чернилами прямо на ткани гимнастерок и околышах фуражек.

Помимо воинской красильни в городе появились и другие мастерские. Русские наладили ремонт оружия, пошив формы, производство и реставрацию палаток. Как могли, возвращали к жизни два десятка автомобилей, прибывших вместе с войсками из Крыма.

В конце 1920 года опять-таки усилиями «галлиполийцев» была пущена узкоколейная железная дорога, соединившая пристань с городом и лагерем.

Уже в 1921 году в Галлиполи стали выходить устная газета и несколько рукописных журналов, открылись курсы иностранных языков и «исторические комиссии» по изучению событий Гражданской войны, ставились драматические спектакли и устраивались музыкальные вечера.

И Врангель, и Кутепов поставили себе целью не только восстановить во вверенных им частях приемлемый быт в предложенных экстремальных условиях, но и сохранить 35-тысячный галлиполийский корпус как реальную боевую силу. Первый большой парад состоялся уже 25 января 1921 года в ознаменование праздника Богоявления. «Торжественный церемониал и отличный вид войск дали почувствовать присутствовавшим на параде французам и другим иностранцам, что в русском галлиполийском лагере не беженцы, а нечто другое», – написано в издании «Русские в Галлиполи» за 1923 год. А регулярные занятия в частях начались четырьмя днями ранее.

В середине весны пехотные части от одиночных занятий перешли к ротным и батальонным учениям. В кавалерии и артиллерии сказывались обстоятельства непреодолимой силы. Лошади и пушки остались в Крыму. Однако кавалеристам нашли дело: они постигали навыки ведения разведки и владения холодным оружием. Артиллеристы занимались по программам пехотных подразделений. Возобновились занятия и тренировки 2 тыс. юнкеров в шести военных училищах, эвакуированных вместе с боевыми частями.

«Я БЫЛ В ГАЛЛИПОЛИ»

Вечно так продолжаться не могло. Французские власти начинали нервничать, так как даже весьма скромное содержание Русского корпуса в Галлиполи было все труднее оправдывать в парламенте и перед налогоплательщиками. Вот-вот управление территорией должно было вернуться к турецким властям. Русские по-прежнему не собирались превращаться в беженцев. Советская Россия хранила гробовое молчание по поводу официальной амнистии (и нарушила его только 3 ноября 1921 года)...

Казалось бы, после пережитого зимой 1920/21 года ничего страшного случиться уже не могло. Оказалось иначе. Русских ждала проверка на нравственную твердость. Уже в апреле 1921-го начались систематические провокации, целью которых было разобщить «галлиполийцев», заставить их смотреть на мир проще и прагматичнее.

Посыпались предложения о выезде на работу в Бразилию, Сербию, Болгарию. Стали снаряжаться пароходы в порты Советской России – для тех, кто решил вернуться, несмотря ни на что. Русских офицеров стали задерживать французские патрули. Прекратилось мизерное денежное довольствие.

В некотором смысле замысел удался. Несколько тысяч врангелевцев вернулись в Россию. Только на посулы работы в Бразилии «купились» 2 тыс. человек. Еще 2 тыс. покинули корпус частным порядком, приняв статус беженцев. Из воспоминаний начальника штаба генерала Штейфона: «Некоторые начальники прибегали в штаб и докладывали: «Все уйдут!» Этого не случилось. С 27 мая 1921 года и далее корпус оставался единым военным организмом».

16 июля на полуострове состоялось знаковое событие. Галлиполи обрел собственный мемориал. Открылось русское кладбище, а на нем – памятник, созданный в буквальном смысле всеми русскими, находившимися в то время в Галлиполи. По призыву генерала Кутепова каждый, в том числе и малыши из детского сада, принесли к месту возведения памятника хоть один камешек, хоть горсть земли. Этот памятник стоит и сейчас, восстановленный в 2005 году по инициативе Фонда Андрея Первозванного.

Мучительные переговоры о дальнейшей судьбе Русского корпуса продолжались. Наконец была достигнута договоренность, что основную часть войск возьмут на службу правительства Болгарии и Сербии. 9–10 ноября над полуостровом разразился мощный ураган. Он срывал палатки, бил стекла, уносил крыши. Этот ураган стал последним испытанием для большинства русских, проживших на турецких задворках целый год. Корабли увозили «галлиполийцев» вплоть до 15 декабря, когда после торжественного молебна на городском футбольном поле лагерь покинул его бессменный командующий генерал Кутепов. Его последние слова были: «Наступит время, когда каждый из нас... будет с гордостью говорить – я был в Галлиполи».

Сербы не сдержали до конца данных обещаний. Офицеры и солдаты учебно-кавалерийского и технического полков под общей командой генерала Мартынова покинули Галлиполи только 4 мая 1923 года, передав на сохранение французскому коменданту русскую церковь, в которой два с половиной года молились о спасении десятки тысяч русских. ❶

Альбом галлиполийских фотографий находится в частной коллекции.
«Русский мир.ru» публикует уникальные снимки из этой коллекции.

ЧЕРНАЯ КРОВЬ ИМПЕРИИ

ЛАДА КЛОКОВА

Сейчас, в начале XXI века, правительство с гордостью рапортует о том, что Россия становится лидером по добыче нефти в мире. Сто лет назад, в начале века XX, Российская империя тоже занимала первое место в мире по объемам добываемой нефти, опережая по этому показателю главного конкурента – США.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О б этом сегодня помнят лишь специалисты. Как и о том, что многие нефтепромышленники и ученые России могут именоваться первопроходцами и новаторами, без открытий и достижений которых представить историю развития нефтяной отрасли невозможно.

Для капризной дамы по имени Клио полтора столетия не такой уж большой срок. Тем более поразительно, что за это время, с середины XIX века, темная, дурно пахнущая, добываемая из-под земли жидкость превратилась в кровь человеческой цивилизации. Нефть – причина или подспудная движущая сила многих конфликтов и войн XX века. Нефть – предмет соперничества держав. Нефть – главный товар в мире, от цены которого в немалой степени зависит «самочувствие» глобальной экономики. Нефть и продукты ее переработки – то, без чего сегодня человечество не проживет и дня.

КАМЕННОЕ МАСЛО И ГРЕЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Полезные свойства нефти человеку были известны еще в глубокой древности. Выходившую на поверхность земли нефть иранцы называли *naft*, турки – *neft*, греки – *nafta*, римляне – *bitumen*. А распространившееся позже слово *petroleum* было создано с помощью синтеза двух слов: греческого *petros* (камень) и латинского *oleum* (масло).

«Каменное масло» в древности широко использовалось в строительстве. В Египте и в междуречье Тигра и Евфрата найдены возведенные за 3 тыс. лет до н.э. сооружения, плиты стен и полов которых скреплялись с помощью нефти. Битумом покрывали стены зернохранилищ и водохранилищ. Нефть добавлялась в состав для бальзамирования в Древнем Египте. В Средние века ее подмешивали в олифу для улучшения красок. Нефть активно использовалась в медицине, и, кстати, не только древними. Еще в середине XIX века в США очищенная нефть под названием «масло сенека» или «горное масло» предлагалась как средство от головной и зубной боли, глухоты, ревматизма, водянки и рекомендовалась для заживления ран на спинах лошадей и мулов¹. Естественно, нефть в древности использовалась и для освещения. Ну и, наконец, в военных целях. Точный состав знаменитого греческого огня (*oleum incendarium* – применялся в VII–XV веках при осаде крепостей и в морских сражениях. – **Прим. ред.**), не раз спасавшего Византийскую империю от врагов, сегодня неизвестен. Но ученые считают, что для составления смеси, именовавшейся греческим огнем, которую невозможно было затушить ни водой, ни песком, использовались нефть, смола, селитра, канифоль и сера.

Иранские и арабские летописи свидетельствуют: еще в III–IV веках нефть, добываемая на Апшеронском полуострове, вывозилась в Персию, откуда распространялась и по другим странам. В X веке арабский географ Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн писал: «Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Джилан, ад-Дайлам, Табаристан и Абаскун, находящиеся на побережье Джурджана, на территорию, расположенную в сторону Азербайджана... Эти [суда] посещают на побережье местность, которую называют Бакух – это промысел белой и другого цвета нефти...»². Сначала нефть просто собирали в тех местах, где она выходила на поверхность земли. Позже стали копать колодцы. Уже в XII веке монах-миссионер Журден Кателини де Северак указывал: «...в одном месте – а называется оно Баку – копают колодцы, из которых извлекают и вычерпывают масло: называется оно «нафт», и горючее это масло и целебное, и хорошо горит»³.

Бакинское ханство было окончательно присоединено к Российской империи в начале XIX века. Можно было бы считать, что именно к этому времени следует отнести рождение российской нефтяной промышленности. Однако это не совсем так.

«ГОРЮЧА ГУСТА ВОДА»

Еще в XVI веке в России собирали «горючую густую воду» с поверхности реки Ухта, доставляли в Москву, перерабатывали, а затем продавали в аптеках. Начало же систематическому исследованию, описанию и учету подземных ископаемых в империи положил Петр I, создавший в 1700 году Приказ рудокопных дел, переименованный позже в Берг-коллегию. Спустя три года появилось первое документальное указание на открытие русской нефтяной залежи. В январе 1703 года первая русская печатная газета, «Ведомости», извещала: «Из Казани пишут, что на реке Соку нашли много нефти...»

В 1721 году в Берг-коллегию поступило донесение от Григория Черепанова, в поисках руды обследовавшего берега северных рек. На Ухте он увидел «нефтяные ключи»: на поверхность реки всплывало черное «масло», которое жители собирали черпаками. В 1724 году Черепанов собрал немного нефти и отправил в Берг-коллегию. Петр I весьма заинтересовался «посылкой», но в следующем году царь скончался, и о черном ухтинском «масле» забыли на 20 лет.

Только в 1745 году архангельский купец Федор Прядунов отправился на Ухту, надумав заняться добычей и «двоением» или «передваиванием» (так тогда называли переработку. – **Прим. ред.**) нефти. Он добился от Берг-коллегии разрешения наладить нефтяной промысел и обязался дважды в год посылать в Санкт-Петербург рапорты о состоянии дел. Для «двоения» нефти Прядунов решил использовать опыт винокурения и смолокурения. Свою нефть Прядунов именовал «желтым маслом», продавалась она в аптеках Санкт-Петербурга и Москвы. Кроме того, в «желтое масло» добавляли растительное и использовали для освещения. Но на нефтяном деле купец Прядунов не разбогател, а жизнь его закончилась трагически. За

неуплату налогов он был посажен в долговую тюрьму, где скончался в 1753 году. Потом промысел переходил в разные руки, через суд права на него в итоге вернул сын Прядунова. Но и после смерти

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ И ВЕЛИКИЕ ДЕЛА

Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ

(1711–1765)

Гениальный русский ученый, просветитель, поэт, переводчик. Заложил основы теории органического происхождения нефти. В 1763 году в работе «О слоях земных» высказал гениальное предположение о том, что происхождение нефти связано с растительными остатками, которые подверглись обугливанию и давлению в земной толще.

Дмитрий Иванович МЕНДЕЛЕЕВ

(1834–1907)

Великий русский химик, открывший периодический закон химических элементов. В 1863 году Менделеев впервые побывал в Баку, после чего изучение и развитие нефтяной отрасли становится одним из главных дел его жизни. Активно протестовал против варварских методов добычи, системы откупов и грабительских налогов правительства. Убеждал вести разведку и разработку месторождений на основе научных данных. По совету Менделеева братья Нобель впервые в мире ввели в штатное расписание своего «Товарищества» должность «геолог-нефтяник». Один из немногих ученых, утверждавших, что помимо Апшерона в России есть немало богатых нефтяных залежей. Поставил на научную основу работу российских нефтеперерабатывающих заводов. Еще в 60-х годах XIX века убеждал Василия Кокорева проложить от нефтяных колодцев до завода в Сураханах и от завода к морю специальные трубы (то есть впервые выдвинул идею трубопровода).

Александр Александрович ЛЕТНИЙ

(1848–1883)

Выдающийся химик и инженер. В 1875 году первым в мире обнаружил, что тяжелые нефтяные «остатки» при температуре 300°C разлагаются на бензин, керосин, газы. Это открытие позже легло в основу теории крекинга – переработки нефти и ее фракций для производства моторных топлив. Летний был первым, кто сумел выделить из нефти ароматические углеводороды (бензол, толуол, антрацен и т.д.) в 1877 году. Тогда же запатентовал процесс пиролиза нефти, позже спроектировал и построил первый в мире завод (Ярославль, завод Рагозина), вырабатывавший ароматические

углеводороды. В 1879 году построил завод по производству минеральных масел из нефтяных «остатков» (Санкт-Петербург, завод Ропса). В 1880-м построил близ Баку два завода, один из которых впервые в России начал выпускать церезин, что сделало возможным производство в стране качественных и недорогих свечей. Летний настаивал на проведении разведочных работ на нефть в Туркмении, возражая большинству нефтедобытчиков, считавших, что, поскольку бакинской нефти много, нужды в новых месторождениях нет.

Виктор Иванович РАГОЗИН

(1833–1901)

Один из основоположников российской нефтяной отрасли, почетный инженер-технолог. Автор исследования «Нефть и нефтяная промышленность». Проводил опыты по изучению мазута, построил два перерабатывающих завода – в Балахне и под Ярославлем. Отвез продукцию своих заводов на экспертизу во Францию, где было признано, что качество русских масел намного выше американских аналогов. В 1880 году получил право маркировать свою продукцию российским государственным гербом.

Владимир Григорьевич ШУХОВ

(1853–1939)

Гениальный инженер-механик, автор Шаболовской радиобашни в Москве. Еще учась в Императорском московском техническом училище, сконструировал «нобелевскую форсунку». С 1878 года занялся решением научно-технических проблем нефтяной промышленности. Создатель первого в мире нефтепровода на Апшероне (Балаханы–Черный город, длина – 11 км, заказчики – братья Нобель), первого в мире мазутопровода с подогревом, насосов для глубинного бурения нефти на 2–3 км (!), установок для непрерывной переработки нефти, цилиндрических резервуаров для нефти, танкеров, трубопроводов, эрлифта. Основоположник нефтяной гидравлики. Шухов довел до стадии создания промышленной установки процесс крекинга, но, поскольку в конце XIX века еще не был изобретен двигатель внутреннего сгорания и потребность в больших объемах бензина отсутствовала, аппарат Шухова ждал своего часа более 20 лет.

впервые в мире была применена перегонка нефти вместе с водяным паром, а нефть подогревалась при помощи природного газа⁵. Эти методы будут широко использоваться в будущем, спустя многие годы после смерти Воскобойникова. Однако Николай Иванович не успел поруководить своим детищем: в 1838 году властям был направлен донос на Воскобойникова, в котором утверждалось, что по его вине пропало несколько тысяч пудов нефти. Воскобойников был отстранен от должности и долго находился под следствием. Несмотря на то, что в

итоге он был оправдан – «пропавшая» нефть в прямом смысле слова испарилась из открытых хранилищ, – в должности Воскобойникова не восстановили, а завод закрылся в 1839 году.

последнего дело захирело, и к 70-м годам XVIII века промысел прекратил свое существование.

Некоторые историки считают первопроходцем освоения ухтинской нефтяной «целины» не Прядунова, а купца Набатова, который, возможно, на год раньше архангельского самоучки построил на Ухте установку по «передваиванию» нефти. Причем, если Прядунов собирал нефть с воды, то Набатов добывал нефть с помощью колодцев, очищал ее и так же, как Прядунов, продавал в московские аптеки⁴.

ОТ «ПЕРЕДВАИВАНИЯ» К ПЕРЕРАБОТКЕ

Подписанный в 1813 году Россией и Ираном Гюлистанский мирный договор признавал переход под юрисдикцию Российской империи части территорий Северного Кавказа и Закавказья, в том числе и Бакинского ханства. Хотя де-факто бакинские нефтяные промыслы отошли империи еще в 1806 году. На новые земли потянулись переселенцы из России. В их числе были и крепостные крестьяне из Владимирской области – братья Герасим, Василий и Макар Дубинины, осевшие в Моздоке. В то время на Северном Кавказе также добывали с помощью колодцев тяжелую нефть, в основном на Сунженском хребте, близ Брагунов и в Беное. Ее и решили перерабатывать Дубинины. Старший, Василий, сам составил чертежи, по которым в 1823 году был построен первый в мире промышленный куб для перегонки нефти. Стремясь расширить производство, Дубинины не раз обращались за кредитом к властям, однако всегда получали отказ. Завод братьев просуществовал до 1847 года и закрылся за неимением средств.

В то время как Дубинины в Моздоке делали первые шаги в нефтепереработке, в Баку прибыл молодой ученый Николай Воскобойников – выпускник Петербургского горного кадетского корпуса. Всего через два года после начала работы на промыслах Воскобойников уже в 1827 году составил классификацию местной нефти, описал процесс добычи с помощью колодцев и разработал предложения по улучшению условий ее хранения. В 1834 году его назначили директором бакинских и ширванских нефтяных и соляных промыслов. В том же году Воскобойников направил министру финансов донесение с предложением организовать в Баку переработку нефти. Николай Иванович резонно указывал, что более 90% добываемой на Апшероне нефти продается в Иран и лишь оставшееся количество пудов перерабатывается и поступает на внутренний рынок. Это притом, что Россия закупала дорогой импортный, в первую очередь американский, фотоген.

Как ни странно, но к донесению Воскобойникова правительство отнеслось с вниманием. Уже в конце 1837 года в Балаханах заработал завод, спроектированный Воскобойниковым, на котором

ВОСК, МАСЛО И МАЗУТ

Рост населения и развитие экономики в XIX веке требовали смены привычных малоэффективных осветительных приборов. Светильники с растительным или животным жиром, свечи и лучины давали тусклый свет. Ворвань горела ярче, но была слишком дорога, как и добываемый из угля «городской газ». Камфин (производное скипидарного масла. – **Прим. ред.**) давал много света, но был крайне пожароопасен. Появившийся в 1820-х годах аналог керосина, фотоген, оказался хорошей альтернативой, однако лампы, в которых он использовался, сильно чадили и нередко воспламенялись. Несмотря на это, фотоген пользовался популярностью. Но поистине взрывной рост потребления фотогена, точнее, керосина приходится на вторую половину XIX века.

В 1853 году львовский фармацевт Игнацы Лукасевич с помощью конструктора Адама Братковского сконструировал лампу, которую мы до сих пор называем керосиновой. А год спустя канадец Авраам Геснер подал заявку на патент для производства нового «жидкого углеводорода» под названием «керосин» (от греч. keros – воск и elaion – масло). К 70-м годам XIX века в США уже 34 компании производили керосин⁶. В России в это время также работали нефтеперерабатывающие или, как их называли, керосиновые заводы: в Сураханах, Дрогобыче, Фанагории (Таманский полуостров), Москве, Грозном, Керчи, Нижнем Новгороде, Балахне на Волге, под Ярославлем и т.д.

Крупнейшим из них был построенный рядом с Баку, в Сураханах, нефтеперегонный завод купца Василия Кокорева. Разбогател Василий Александрович на винных откупах, «кокоревская водка» в те времена была понятием нарицательным, означавшим дешевый и низкокачественный продукт. Сколотив состояние на торговле алкоголем, Кокорев начал вкла-

и прямое финансирование производства и добычи, и переработки. Кокорев добывал нефть, перерабатывал ее на принадлежащем ему заводе, а свою продукцию именовал «фотонафтилем».

Между прочим, именно Кокорев наряду с Дмитрием Менделеевым активно лоббировал идею отказа от откупов в нефтяном деле и перехода на налоговую систему взаимоотношений государства с производителями. И это очень важный момент: ведь откупная система не стимулировала российских нефтедобытчиков относиться к нефтяному делу как к бизнесу, требующему долговременных инвестиций. А это значит, что они не были заинтересованы в совершенствовании методов добычи и не считали нужным бережно относиться к запасам.

давать деньги в строительство железных дорог, создал крупнейший в России по размерам капитала Волжско-Камский коммерческий банк, но до этого занялся нефтяным делом. В том числе и потому, что до 1872 года в нефтяной отрасли применялась откупная система: раз в четыре года государство продавало откупщикам нефтеносные участки, те договаривались с добытчиками и переработчиками об оптовых закупках продукции, кредитовали их, а цены на продукцию производителей выставляли грабительские. А с откупной системой Кокорев, которого за глаза звали «откупщицким царем», был знаком отменно. Именно он придумал, как обойти проблемы откупной системы, совместив откуп

КРУПНЕЙШИЕ НЕФТЕДОБЫТЧИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Откупщицкий царь»

Василий Александрович Кокорев – один из тех талантливых русских купцов, кто сыграл огромную роль в развитии российской промышленности. Из числа первых русских миллионеров, купец первой гильдии. Разбогател на винных откупках, после чего инвестировал капиталы в железнодорожные, промышленные и торговые компании, пароходства, нефтяные промыслы. В 1859 году построил нефтеперегонный завод, на базе которого учредил «Бакинское нефтяное общество». Принципиально работал только с российским капиталом, не привлекая иностранные инвестиции. Поддерживал экономические инициативы Дмитрия Менделеева и ратовал за внедрение технических новшеств в нефтяную отрасль. Придерживался либеральных взглядов. В 1887 году написал книгу «Экономические провалы» – захватывающую эпопею, дающую оценку российским экономическим событиям первой половины XIX века. В этой работе Кокорев детально анализирует экономические неудачи России. Также наиболее известными работами Кокорева являются «Взгляд на европейскую торговлю», «Мысли о русской внутренней торговле», «Об откупках». Василий Кокорев умер в 1889 году, похоронен в Санкт-Петербурге.

«Бранобель»

Три брата – Роберт, Людвиг и Альфред – были сыновьями шведского изобретателя Эммануэля Нобеля, придумавшего подводную мину и эмигрировавшего в Россию в 1873 году. Эммануэлю Нобелю удалось создать собственную компанию, которую Людвиг и Роберт Нобели превратили в оружейный концерн. Альфред Нобель, как известно, построил «динамитную империю», которой руководил из Парижа. В 1874 году Роберт Нобель отправился на Кавказ в поисках крупной партии ореховой древесины: оружейный концерн братьев получил от российского правительства солидный контракт на производство ружей. Едва прибыв в Баку, Роберт был сражен наповал «нефтяной лихорадкой» и, не посоветовавшись с братом, купил за 25 тыс. рублей нефтеперегонный завод и несколько нефтеносных участков. Так началась история «российских нефтяных королей» – Нобелей. «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель») было основано в мае 1879 года тремя братьями и их другом – полковником Петром Бильдерингом. Уже в 1885 году «Бранобель» выпустило 15 млн пудов керосина, притом что в тот год бакинскими нефтезаводчиками было выпущено всего 28 млн пудов керосина. В том же году в переговоры с Людвигом Нобелем вступили представители Standard Oil, пожелавшие

В ГЛУБЬ НЕДР

Принято считать, что впервые метод промышленного бурения скважин для добычи нефти был использован в США Эдвином Л. Дрейком в 1859 году у городка Тайтусвилл, на северо-востоке Пенсильвании.

В эту глухомань бывший железнодорожник Дрейк был направлен в 1857 году акционерами «Пенсильвания рок ойл компани» и «Сенека ойл компани», решившими добывать нефть с помощью бурения, применявшегося при добыче соли. Тогда месторождения соли бурили практически везде, где она добывалась, в том числе и в России (обычно использовался ствол листовенницы. — Прим. ред.). Но первыми бурить соль додумались китайцы, которые еще до нашей эры добывали ее с помощью бамбукового бура.

Дрейк оказался упорным малым: несмотря на проблемы с финансированием, на пристрастие нанятых соледобытчиков к виски, отсутствие результатов и на то, что жители Тайтусвилля считали его умалишенным, он не сдавался. В августе 1859 года инвесторы, чье терпение и финансы истощились, написали Дрейку письмо с требованием расплатиться по счетам и свернуть работы. Но еще до того, как его получил адресат, бур в Пенсильвании дошел до нефти. Не позаботившиеся заранее о хранении долгожданного черного золота добытчики разливали его во всю имевшуюся посуду — вплоть до кастрюль. Дрейк срочно скупил все свободные бочки из-под виски в

купить значительный пакет акций российской компании. Нобели от сделки отказались. В собственности «Бранобель» к концу XIX века находилось не менее 11 перерабатывающих заводов, компания располагала нефтепромыслами на Апшероне, в Грозненском районе, на Кубани, в Ферганской долине, на острове Челекен и т.д. К 1904 году Нобелям принадлежали 433 скважины только близ Баку! К 1910 году «Бранобель» контролировало 20% всего производства керосина на Апшероне, 50% его сбыта и 35% сбыта мазута. В то же время на промыслах и заводах Нобелей трудилось уже 30 тыс. человек. До 1918 года включительно «Товарищество» являлось самой крупной российской нефтяной компанией.

Нобели всячески поощряли изобретение и внедрение технических новшеств. Именно они активно привлекали к решению сложнейших технических задач инженера Шухова. Они же в сотрудничестве с немецким инженером Рудольфом Дизелем наладили производство дизелей на заводе «Людвиг Нобель» в Санкт-Петербурге.

«Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество»

Было создано в 1886 году на базе «Батумского нефтепромышленного и торгового общества», выкупленного у российских предпринимателей Бунге и Палашковского знаменитой семьей Ротшильд (Rothschild — одна из крупнейших в мире финансовых династий, основана Майером Амшером Рот-

шильдом, сколотившим первоначальное состояние на финансовых спекуляциях и военных поставках. Династия подразделяется на французскую и американскую ветви. — Прим. ред.). Ротшильды владели нефтеперерабатывающим заводом на Адриатике и задались целью решить проблему его бесперебойного снабжения дешевым сырьем. Они пытались договориться о слиянии «Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества» и «Бранобель», но братья Нобель на это не пошли. В 1891 году «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество» заключило соглашение с Маркусом Сэмюэлем (основатель Shell), предоставив ему на 9 лет исключительное право на реализацию своей продукции в Азии. Кстати, в течение первого десятилетия XX века Shell скупала акции таких российских нефтяных предприятий, работавших в Баку, как «Московское нефтепромышленное общество», «Соучастники», «Общество «Мазут», «Кавказское нефтепромышленное общество», «Уральско-Каспийское общество». В 1912 году Shell приобрела и «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество» Ротшильдов, промыслами которого управлял Давид Ландау — отец крупнейшего советского физика Льва Ландау. Нефтяной бизнес династии контролировал барон Альфонс де Ротшильд.

«А.И. Манташев и К°»

Основателем компании был Александр Иванович Манташев — сын тифлисского купца-армянина, занимавшегося торговлей мануфактурой. В 1869

Тайтусвиле. Он уже праздновал победу, но финал этой истории был грустным: из-за неосторожного обращения с банальной лампой вся добытая Дрейком нефть сгорела в ужасном пожаре. Дрейк же, чье имя вошло в историю мировой нефтяной отрасли, окончил свою жизнь в полной нищете.

Между тем метод бурения для добычи нефти был впервые в мире применен в России. Первым в 1844 году предложил бурить скважины на нефть ударным способом инженер Ф.А. Семенов. Его предложение четыре года пылилось на столах столичных министерств, но наконец в 1848 году первая скважина была пробурена на Биби-Эйбатском месторождении у

Баку. Однако она не дала нефти, и метод не получил распространения. В 1864 году попытку повторил полковник Новосильцев, пробуривший скважину у Анапы. На этот раз опыт оказался удачным, и бурение постепенно начало проникать в российскую нефтедобычу. Спустя 5 лет бурение скважин было вновь начато и на Апшеронском полуострове⁷. А отмена в 1872 году откупной системы, тормозившей внедрение новых технологий, вкупе с распространением бурения положи-

году он отправился в Манчестер для организации прямых поставок мануфактуры для компании отца. В 1872 году вернулся в Тифлис, где продолжил торговать мануфактурой. Позже стал одним из главных акционеров тифлисского Центрального торгового банка. Нефтью Манташев заинтересовался в начале 90-х годов XIX века, в том числе вошел в качестве акционера в капитал «Бранобеля». В 1899 году основал торговый дом «А.И. Манташев и Ко», который уже в 1904 году по добыче уступал только «Бранобелю» и «Каспийско-Черноморскому нефтепромышленному обществу». Манташев был одним из богатейших людей в России, акционерный капитал его компании в 1914 году составлял 30 млн рублей! Умер Манташев в апреле 1911 года в Санкт-Петербурге. Его основными наследниками были четыре сына, эмигрировавшие после Октябрьской революции 1917 года.

Лианозов Степан Георгиевич

Один из крупнейших российских нефтедобытчиков, член правления и директор приблизительно двадцати нефтепромышленных компаний. Один из создателей Русской генеральной нефтяной корпорации «Ойль», которая была организована рядом российских банков прежде всего для борьбы с монополизацией отрасли со стороны «Бранобеля» и Shell. Эмигрировал после Октябрьской революции 1917 года. Активно выступал против Советской власти, один из руководителей «Северо-Западного правительства», созданного в 1919

году в Эстонии генералом Юденичем. В 1920 году перебравшись в Париж, принимал вместе с Рябушинским, Денисовым и братьями Гукасовыми активное участие в создании организации «Торгпром» («Торгово-финансовый и промышленный комитет»), которая в спорах с большевиками пыталась защищать интересы русских промышленников. Умер в 1951 году.

Братья Гукасовы

Павел Осипович и Аршак Осипович Гукасовы были крупными бакинскими нефтепромышленниками. Возглавляли правление многих крупных нефтепромышленных обществ и товариществ. Павел Гукасов – инженер, неоднократно избирался председателем съездов бакинских нефтепромышленников. Кстати, совет съездов издавал «Обзоры бакинской нефтяной промышленности», а также журнал «Нефтяное дело» (с 1899 года), которые послужили бесценной статистической базой данных для историков. Заметим также, по признанию многих зарубежных специалистов, изучавших историю нефтяной отрасли, именно по образу и подобию статистических материалов съездов позже строились принципы подготовки и обработки нефтяной статистики во многих других странах мира. Павел Гукасов в 1906–1912 годах являлся членом Государственного совета от торгово-промышленных кругов. Гукасовы эмигрировали после Октябрьской революции 1917 года. Принимали активное участие в деятельности организации «Торгпром».

ли конец варварской практике добычи нефти с помощью колодцев.

Внедрение механического способа бурения привело к взрывному росту добычи нефти. Сначала в США, где бурение стало распространенным методом на 13 лет раньше, чем в России. «В 1871 году отставание России от США по добыче нефти стало... 36-кратным, причем в 1872 году США сосредоточили у себя почти 81% мировой нефтедобычи, добыв... в 34 раза больше нефти, чем Россия».⁸ Но империя быстро сокращала отставание: переход с откупной системы на открытые торги нефтеносными участками с долгосрочной арендой и бурение сделали свое дело. «Добыча нефти с 25 тыс. тонн в 1872 году поднялась до 66 тыс. тонн в следующем году... С 1873 года российская нефтяная промышленность, пользуясь изобилием нефти в Баку по сравнению с Пенсильванией... и более близким расположением бакинской нефти к поверхности земли... берет более высокий темп роста добычи нефти, чем промышленность США, и в 1888 году почти нагоняет абсолютные размеры американской нефтедобычи, ликвидирует свое недавнее 34-кратное отставание и вплотную приближается к равенству в нефтедобыче».⁹

МАЗУТНЫЙ СЛЕД

70-е годы XIX века можно считать одними из важнейших в развитии российской нефтедобычи: именно в это время отрасль демонстрировала небывалые результаты. Так, с 1874 по 1878 год рост добычи составил 416%! Отказ от откупной системы, внедрение современных технологий и весьма важная тенденция – вытеснение с российского рынка американского керосина – дали отрасли возможность развиваться бешеными темпами.

Мощным стимулом оказалась и неожиданная поддержка нефтяников со стороны правительства: да, подобные казусы происходили в истории российской нефтедобычи. В 1877 году министр финансов граф Михаил Рейтерн распорядился взимать пошлину на импортный керосин в золотом исчислении, что фактически

превращало продукт в неконкурентоспособный товар на российском рынке. Одновременно был отменен акциз на производимый в России керосин, что резко увеличило прибыли местных производителей. К 1883 году импорт керосина сократился в 5 раз, а объем продаж российского керосина на внутреннем рынке возрос в 15 раз!¹⁰

Но нефтяники радовались недолго. Всего через десять лет, в 1888 году, министр финансов академик Иван Вышнеградский вновь ввел акциз на керосин, к тому же в 5 раз выше прежнего. Из-за возросшей цены спрос на керосин на внутреннем рынке резко упал, и промышленники попытались переориентировать потоки керосина на экспорт (что не облагалось акцизами), но этот план провалился: практически везде уже господствовала американская Standard Oil. Вступив в схватку с самим Джоном Рокфеллером, российские нефтепромышленники долго не сдавались. Жесточайшая демпинговая война приводила даже к тому, что доходы от экспорта керосина в конце XIX века у американцев сокращались почти в два раза, а российские компании продавали керосин в 8 раз дешевле, чем на внутреннем рынке! Но в итоге российские нефтяники проиграли, сумев отвоевать у американцев лишь территориально близкие к империи рынки.

Когда стало ясно, что внешняя «керосиновая экспансия» провалена, нефтедобытчики нашли наиболее выгодный для себя, но не для отрасли, выход из ситуации. Бакинская нефть была тяжелой, при выделении из нее керосина 70–80% сырья уходило в так называемые нефтяные «остатки», точнее, мазут. «Остатки» сливали в нефтяные амбары – выкопанные в земле ямы, – а затем сжигали. Теперь же проблема «остатков» всерьез заинтересовала нефтепромышленников. Ее смог решить гениальный русский инженер Владимир Шухов, который в 1879 году изобрел форсунку (распыляла мазут с помощью пара и давала возможность использовать его в качестве топлива. – Прим. ред.). Новшество запустили в производство на своих заводах братья Нобель, из-за чего за ним закрепилось название «нобелевская форсунка». Мазут в качестве топлива быстро завоевал признание, всего за 10–15 лет на нефтяные «остатки» перешли флот и железные дороги. Нефтепромышленники сократили выработку

керосина и в погоне за прибылью предпочитали торговать «остатками». Доходило до того, что к мазуту примешивалась сырая нефть, что делало применение «остатков» в виде топлива опасным. Кстати, общеизвестная фраза Дмитрия Менделеева «сжигать нефть – все равно что топить печь ассигнациями», которую часто цитируют не к месту, была написана великим химиком как раз по поводу использования «остатков». Менделеев был категорически против этого, считая, что из нефти нужно вырабатывать ценные продукты, а не тупо сжигать ее под котлами. Кстати, проблемы переработки не решены в российской нефтяной отрасли до сих пор: РФ экспортирует сырую нефть, а не нефтепродукты, а из 29 российских нефтеперерабатывающих заводов относительно современными можно считать лишь единицы.

НЕФТЬ НА ВОДЕ

«Занимаясь перевозкой нефти с 1866 года и пытаясь вместе с братом изобрести способ перевозки нефти без бочек, в 1873 году мы переделали лодку «Александр» для налива нефти, устроив в ней ларь, в который нефть наливалась и выгружалась с помощью ручного насоса. Этот опыт, навлекший на нас насмешки других промышленников, дал блестящие результаты: «Александр» сделал за навигацию 10 рейсов, тогда как прочие суда 6 рейсов»¹¹. Так скромно вспоминали о своем изобретении судовладельцы, инженеры-самоучки братья Николай и Дмитрий Артемьевы. Именно их следует считать создателями нефтеналивного флота, позволившего кардинальным образом удешевить доставку нефти и нефтепродуктов от места добычи и переработки к потребителю.

Поскольку в империи основным регионом нефтедобычи был Апшеронский полуостров, то доставка нефти и нефтепродуктов в Центральную Россию шла в том числе по Каспию и Волге. Нефть и нефтепродукты перевозились сначала в деревянных, позже железных бочках, что было довольно

дорого. Жалуясь на жадность судовладельцев, нефтепромышленники пытались придумать новые способы доставки. Василий Кокорев даже привлек в качестве консультанта Менделеева, который и предложил перевозить продукцию в трюмах специальных судов¹². Кокорев построил несколько нефтеналивных барж, но по странному стечению обстоятельств они сгорели еще до спуска на воду. Так что первыми в России и в мире удачную наливную перевозку нефти в 1873 году совершили братья Артемьевы. За два года Артемьевы построили две нефтеналивные баржи, а в 1878 году додумались приспособить для ускорения погрузки и выгрузки не ручной, а паровой насос. Судовладельцы и нефтепромышленники, ранее насмехавшиеся над братьями, в срочном порядке начали переоборудование своих флотилий. Новость о революционном способе перевозки нефти распространилась быстро, и во всем мире его тогда именовали не иначе как «русский способ».

Естественно, опыт братьев Артемьевых дорабатывали и совершенствовали. Уже в 1879 году на Волге промышленник Чернов построил баржу длиной около 160 м, в 1881-м братья Нобель спустили на воду первые колесные танкеры грузоподъемностью около 820 тонн. А в 1884 году по Волге в Петербург отправилось невиданное техническое чудо: баржа, состоявшая из... двух разъемных половин. Сконструирована она была инженером А. Боярским для решения проблемы беспереvalочной доставки нефти до Санкт-Петербурга. Баржа, получившая прозвище «двойник», проходила Каспийскую систему то в собранном, то в разобранном виде! В 1885 году Владимир Шухов конструирует и строит две металлические нефтеналивные баржи, создав первые прототипы современных танкеров длиной 150–170 м.

Между прочим, изобретение русскими инженерами нефтеналивных барж и танкеров сыграло не последнюю роль в том, что лондонский купец Маркус Сэмюэль, основатель компании Shell, ныне являющейся одним из крупнейших в мире нефтяных концернов, смог одержать победу над Standard Oil, потеснив детище Рокфеллера сначала на азиатских, а затем и европейских рынках. В 1890 году Сэмюэль, мечтавший создать компанию, которая поколебала бы мировое господство Standard Oil, отправился с ознакомительной поездкой

в Баку. Именно здесь он впервые увидел нефтеналивные танкеры и понял, что именно станет козырной картой в его тяжелой борьбе с Рокфеллером. «Ему были нужны танкеры, чтобы не перевозить керосин в бочках. Экономия места и веса и выигрыш в объеме значительно снижали затраты на транспортировку в пересчете на галлон... Сэмюэлю был нужен новый, более крупный, технически более совершенный тип танкера, и он дал заказ на разработку и строительство таких судов. Ему были нужны гарантированные поставки из Батума больших объемов керосина по цене, в которую была бы заложена экономия, полученная при переходе на новую форму транспортировки. Ему необходимо было получить доступ в Суэцкий канал, что сокращало путь на четыре тысячи миль и таким образом еще больше снижало цены и увеличивало преимущество над Standard, чья нефть перевозилась на парусных судах вокруг мыса Доброй Надежды... Постройка первого танкера близилась к завершению в Уэст-Хартлспуле. Он получил имя «Мурекс» — по названию вида морских раковин, что стало традицией для всех последующих танкеров Сэмюэлей. Это был памятник Маркусу-старшему, торговцу раковинами. 22 июля 1892 года «Мурекс» отплыл из Уэст-Хартлспула и направился в Батум, где он загрузился керосином БНИТО («Батумское нефтепромышленное и торговое общество», позже переименовано в «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество», контролировалось Ротшильдами. — **Прим. ред.**). 23 августа танкер прошел через Суэцкий канал и направился на восток. Часть своего груза он оставил на острове Фрешутер, что рядом с Сингапуром, затем, когда его нагрузка значительно уменьшилась, что позволило ему миновать трудную песчаную отмель, он отплыл по направлению к Бангкоку. Революция началась»¹³. К началу 1893 года в распоряжении Сэмюэля было уже десять танкеров, к 1902-му 90% всей нефти, транспортировавшейся через Суэцкий канал, принадлежало Маркусу Сэмюэлю.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Первые два десятилетия XX века можно считать смутным временем в российской нефтедобыче. Конкуренция между крупнейшими российскими нефтедобытчиками, жестокие «внутрицеховые» раздоры, отсутствие единой внятной политики по завоеванию внешних рынков, попытки в одиночку противостоять европейским и американским конкурентам, непродуманная налоговая система, сложная политическая ситуация внутри России, Первая мировая война, революция — это лишь неполный перечень факторов, которые постепенно уничтожали молодую, но мощную отрасль. Уже в 1920 году Россия добывала нефти почти в 3 раза меньше, чем в 1913-м, а вечный соперник — США — обгонял Россию по объемам добычи более чем в 15 раз. Только во второй половине XX века, уже после открытия гигантских нефтяных провинций в Западной Сибири, СССР вновь займет первое место по добыче нефти в мире. Тогда же советские нефтяники снова совершат революцию в нефтяном деле, первыми разработав и внедрив систему морской добычи, без чего представить современную нефтедобычу невозможно, придумают технологию гидроразрыва пласта, построят самые длинные трубопроводы... Но это уже совсем другая история. ■

¹ Дэниел Ергин. «Добыча». М.: ДеНово. 1999.

² Султанов Ч.А. Большая нефть Азербайджана. Т.1. Баку. 1999.

³ Там же.

⁴ Иголкин А., Гаржалцан Ю. Русская нефть, о которой мы так мало знаем. М.: Олимп-Бизнес. 2003.

⁵ Там же.

⁶ Дэниел Ергин. Указ. соч.

⁷ Иголкин А., Гаржалцан Ю. Указ. соч.

⁸ Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН. 1999.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Речное судоходство в России. М.: Транспорт. 1985.

¹² Кучкин С.А. Водный транспорт нефти. Куйбышев: Кн. изд-во. 1972.

¹³ Дэниел Ергин. Указ. соч.

ПО МУНДИРУ ВСТРЕЧАЮТ

МИХАИЛ БЫКОВ

Бытует мнение, будто все модное и актуальное Россия тащила домой из Европы. С чего началась русская военная форма, к примеру? С европейских кафтанов и камзолов, которыми Петр Первый заменил длиннополное стрелецкое платье.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Воспитанники
Пажеского
корпуса

Император Павел как военный «модельер» страдал пруссоманией, а его сыновья Александр Первый и Николай Первый – франкофонией. Да и сегодня форма Российской армии имеет откровенно выраженные черты обмундирования армии американской. Последняя коллекция, которую разработал для Министерства обороны господин Юдашкин, также не избежала за океанского влияния. Так ли мы зависимы в этом вопросе?

Так-то оно так. Только не всегда. В 1813 году прусская армия получила новые головные уборы. Их вид был полностью заимствован у русской армии, солдаты которой носили более компактные кивера с вогнутыми верхними краями. Эти кивера совершенно не походили на те, что были в обиходе у европейских войск, и сильно смахивали на цилиндры трубочистов.

А, скажем, современной модой на расстегнутые пуговицы на рукавах дорогих мужских пиджаков весь мир обязан императору Александру Первому. По крайней мере, об этом говорит анекдот образца 1803 года. Перед очередным смотром войск дежурный офицер свиты обратил внимание царя на некоторый беспорядок в его одежде: на не по форме не застегнутые нижние пуговицы клапанов на обшлагах. Что мог сказать государь в ответ? «У русского императора ничего не может быть не по форме!» – ответил Александр.

С тех пор и вплоть до 1917 года нижние пуговицы на рукавах офицерских парадных мундиров не застегивались во всей русской армии. В какой-то момент портные даже перестали делать под эти пуговицы петли. Что лишь добавило обшлагам элегантности.

НЕМЕЦКОЕ ИЛИ «ФРАНЦУЖСКОЕ»?

Если же вернуться к истокам истории обмундирования русской регулярной армии, ведущей летопись с конца XVII века, то придется разочаровать апологетов западноевропейского стиля. В 1698 году Петр Алексеевич издал указ, по которому официальным «служилым» платьем признавалось платье «мадьярское», или венгерские кафтаны.

Только в 1702 году в «немецкое» платье по царскому распоряжению (в котором мундиры именовались почему-то «французскими»), и то только для участия в победном московском параде после взятия крепости

Орешек, переоделись 400 солдат лейб-гвардии Преображенского полка и 100 солдат лейб-гвардии Семеновского. Окончательно «онемечились» гвардейцы лишь год спустя. А остальная армия приняла облик, свойственный всем европейским армиям того времени, в 1705 году.

К этому периоду относится и выбор основного мундирного цвета для русской армии.

Известно, что основным цветом стрелецких войск был красный. Если точнее – темно-красный, он же черевчатый. Еще в 1550 году, когда Иван Грозный сформировал первую элитную часть, впоследствии получившую название Стремянного стрелецкого полка, ее воины получили право носить красные кафтаны.

Однако черевчатым цветом стрельцы не ограничивались. Жаль, что во времена, скажем, Алексея Михайловича Тишайшего не практиковались военные парады на Красной площади Москвы. Зрелище было бы изумительное. Брусчатку топтали бы стрелецкие сотни, одетые в васильковые и брусничные, горчичные и песочные, осиновые и темно-коричневые, лазоревые и белые, алые и багровые, мясные и луковые цвета. Их было немало, стрельцов. Стрелецкое войско Ивана Грозного состояло из 15 тыс. конных и пеших. Третий Романов – царь Федор – имел уже 55 тыс. стрельцов.

Тогда же появились и выборные солдатские полки: 1-й Шепелева–Лефортова, 2-й Кравкова–Гордона, 3-й Головина. Полки были весьма многочисленны, раз каждая тысяча солдат носила кафтаны одного цвета. Первая тысяча одевалась в зеленое, вторая – в голубое. Формально «потешные» преображенцы и семеновцы входили в 3-й выборный полк Автонома Головина и носили зеленые и голубые кафтаны.

Эти цвета – красный (черевчатый) у Лефоровского и Бутырского выборных полков, зеленый (темно-крапивный) у лейб-гвардии Преображенского и голубой (лазоревый)

или синий (васильковый) у лейб-гвардии Семеновского полка – служили русским солдатам вплоть до окончания Северной войны в 1720 году.

Теперь уже лейб-гвардии Преображенский полк стал коренным полком новой русской армии. Цвет его мундиров превратился в основной цвет знаменитой русской пехоты и к тому же в ливрейный цвет императорского дома Романовых. В XIX веке этот цвет не называли иначе как мундирный. Именно такого цвета мундиры носили не только офицеры почти всех полков армии, но и чиновники почти всех гражданских ведомств. Исключение составляло лишь парадное обмундирование части кавалерии – кирасирских, гусарских и уланских полков.

Красное сукно на воротниках и обшлагах мундиров известно в русской гвардии с 1711 года. Поле и кровь на нем – такова мрачно-романтическая символика русских полков.

Итак, в пехоте и артиллерии мундирная расцветка в основе была зеленая, а полки отличались так называемым приборным металлом и отделкой воротников, обшлагов, лацканов, выпушкой, кокардами, пуговицами, султанами и репейками. А что в кавалерии, традиционно самом пышном и расфуфыренном роде войск?

БРАВЫЕ КАВАЛЕРИСТЫ

Петр Великий держал своих драгун в черном, точнее – темно-синем теле. Никакого разнообразия. 33 тыс. всадников в мундирах если и производили впечатление своим видом, то прежде всего громадными ботфортами выше колен. Связано это вовсе не с капризами моды, а с суровой жизненной необходимостью. Кавалерийские полки ходили в атаку и выступали на парадах в сомкнутом конном строю. Тяжелая металлическая сбруя, но более всего сами кони товарищей по бокам могли сильно травмировать ноги. Их старались защитить хотя бы высокими сапогами из очень толстой и прочной кожи.

Только незадолго до своей смерти в 1725 году Петр позволил излишества в собственной кавалерии. Для торжеств по поводу коронации его супруги Екатерины в 1724 году был создан Кавалергардский корпус. Кавалергардов собирали по всей армии. В итоге 60 рослых красавцев-драбантов и составили свиту императрицы Екатерины. Имя модельера, создавшего для них специальную военную форму, осталось неизвестным. Хотя не исключено, что это было коллективное творчество. За право командовать Кавалергардским корпусом вели нешуточные баталии такие петровские сподвижники, как Меншиков и Ягужинский.

В любом случае эффект вышел поразительный. Кавалергарды выглядели, будто сошедшие с картин средневековые рыцари. Ничего подобного не видели ни при одном европейском королевском дворе. Сразу после коронации Кавалергардский корпус был распущен за ненадобностью. Обмундирование, в том числе серебряные многокилограммовые кирасы, спрятали в дальние хранилища.

Полного блеска императорская кавалерия достигла в начале следующего века. Задел создал Павел Первый.

Однако 70 лет, разделявшие царствование Петра Первого и его правнука Павла, не прошли бесследно для военной моды России. Некоторым образом отметилась и Анна Иоанновна. В частности, тем, что основала первый гвардейский кавалерийский полк – лейб-гвардии Конный.

Петр Третий, известный благоговением перед прусским императором Фридрихом Вторым, переделал армию на немецкий манер. Такое новшество лишь усугубило чувства обманутости и позора, скрывавшие армию после Семилетней войны. Едва взойдя на престол, Петр аннулировал все успехи русских войск в той войне, и взятие Берлина оказалось столь же напрасным подвигом, как и победы в битвах при Кунсдорфе, Цорнсдорфе и Егерсдорфе.

Сие продолжалось недолго. Екатерина Вторая явилась царицей, одетой в гвардейский пехотный мундир старого образца. И впоследствии быстро ликвидировала все нововведения своего странного мужа.

Тридцать лет петербургские офицеры соревновались меж собой в пышности обмундирования и дороговизне личного оружия. Как раз тогда стало нарождаться и состязание в эффективности внешнего вида между целыми полками. Это был старт формированию полковых традиций и полкового братства.

Но пришел 1796 год, а с ним – император Павел. Современники ошибочно считают, что Павел Петрович был до мозга костей «пруссаком». Служивший при Павле в лейб-гвардии Конном полку Саблуков вспоминал, что за неполных пять лет правления этого царя конная гвардия переменяла форму не менее семи раз. Однажды Саблуков был отправлен в Петербург с приказом уже через день явиться в Гатчину в мундире совершенно нового покроя. Причиной столь жесткого требования стал прием Павлом британской делегации, которую сопровождали конные гвардейцы короля Англии. Русскому императору очень понравились ярко-красные мундиры британцев. Каким-то чудом Саблуков выполнил поручение. Одновременно он сообщил о новшествах сослуживцам. Но едва те успели изготовить себе новое обмундирование, как последовало следующее распоряжение от императора о смене цвета сукна.

С одной стороны, метания Павла Первого основательно измучили его армию. Тем более что прусская мода оказалась для солдат крайне неудобной в повседневной жизни и, особенно, в бою. С другой стороны, Павел экспериментировал, и только законодательница военной моды гвардия пополнилась гусарами, егерями, казаками, артиллеристами, кавалергардами. Парады превращались в красочные шоу.

ДОЛОЙ КОСЫ И БУКЛИ

Наполеон был не только великим полководцем, но и весьма талантливым модельером. Во всяком случае, его войска стали эталоном военной формы в начале XIX века. Разумеется, тому способствовали и военные успехи корсиканца. Парадокс, но русский царь даже после одержанных его солдатами побед над французами во время заграничных походов вплоть до 1807 года продолжал преклоняться перед всем военно-французским. Любопытный факт: Александр узнал, что во французской армии уже не носят букли, косы и стригут волосы на затылке коротко. Немедленно из-под его пера вышло соответствующее распоряжение. Правда, сам император довольно долгое время собственную косу не трогал, а при появлении на публике прятал ее под воротник.

После того как Александр Первый ввел в русской армии моду на «фрачный» тип мундира, и он, и его брат Николай Первый принципиальных изменений не проводили. Шла непрерывная работа над нюансами, так сказать, отделка имеющегося.

Автором же самого разительного преобразования стал император Александр Третий.

От природы это был могучий человек, который на самом деле разгибал подковы и рывком клал лошадь на землю. Царь – лицо государства, и Александр Третий прекрасно понимал, как нелепо он выглядит в мундире, сшитом строго по фигуре, как неловко сидят на его массивной голове каска и кивер. Личный боевой опыт, полученный на Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, лишний раз убеждал его в том, что

солдат должен чувствовать себя свободно и раскованно. Решения не заставили себя ждать.

Вплоть до 1907–1909 годов, когда последние радикальные реформы военной одежды провел сын Александра, Николай, русские солдаты носили широкие шаровары, заправленные в сапоги, свободные кафтаны и сюртуки, застегивающиеся внахлест, мешковатые мягкие шапки. Сам император в такой форме выглядел весьма импозантно, казался еще мощнее, что очевидно при одном взгляде на его конный памятник, находящийся сейчас в Петербурге, во внутреннем сквере Мраморного дворца, что у Марсова поля. Шепотом современники Николая Второго, заказавшего этот памятник отцу, звали изваяние «Бегемот на бегемоте».

Последняя реформа армейского обмундирования оказалась замечательной. После поражения в Русско-японской войне, сильного общественного недовольства в адрес армии в связи с ее участием в наведении порядка в ходе Первой русской революции требовалось что-то, что могло бы поднять моральных дух в войсках, вернуть солдатам и особенно офицерам самоуважение.

Наряду с мерами финансового порядка Николай Второй решил реформировать внешний вид войск. И через новую форму напомнить военному сословию о том, что история русской армии – это не только Цусима и Мукден, но и Бородино. Эту реформу можно вполне оценить как стиль ретро. В парадный строй вернулись кивера, ментики, этишкеты, каски с «конскими хвостами» и огромными двуглавыми орлами вместо шишака. Но остановившись Николай Второй на этом, желаемого эффекта не получилось бы. Парады парадными, а в остальное время армия хотела жить в соответствующих времени обмундировании и амуниции.

В 1909 году русские войска получили совершенно новую летнюю полевую форму: гимнастерки, кители и простые штаны защитного цвета, фуражки. Простой оказалась и зимняя форма одежды.

Февраль 1917 года поставил крест на чаяниях русских солдат и офицеров в конце лета – начале осени того же года покончить с кайзеровской Германией и войти в Берлин. Если говорить о военно-стратегических основаниях, то к началу 17-го года они имелись, чтобы думать именно так. Годом ранее художнику Виктору Васнецову и группе специалистов военное министерство поручило разработать новые образцы русской военной формы, в том числе для праздничного парада по улицам прус-

ской столицы. Эскизы оказались удачными, были приняты, и вскоре над новым военным заказом заработали швейные фабрики.

К тому моменту, когда в октябре 1917 года к власти пришли большевики, на военных складах страны уже лежали сотни тысяч богатых, гимнастеров и шинелей с широкими цветными нагрудными застегками. Они не подошли для берлинского парада. В буденовках-богатырках, в шинелях с «разговорами» вошла в историю Красная армия.

СПРОСИТЕ ЖЕНЩИН

Одежда имеет много функций. Она согревает, прикрывает, украшает, сигнализирует...

Военная одежда имеет дополнительные функции. Она защищает. Драгунские каски «с конскими хвостами» уберегали хозяев от рубящего удара саблей или палашом. А великолепные эполеты – это потомки рыцарских наплечников, которые и сами могли спасти от скользящего удара в плечо. Нашейные металлические горжеты, украшавшие преображенцев и семеновцев и отличавшие их от других пехотинцев надписью, напоминавшей о храбрости этих полков под Нарвой в 1701 году, спасли не одну офицерскую жизнь от пули.

Военная одежда идентифицирует. Ибо как иначе объяснить требования солдат лейб-гвардии Семеновского полка, заключенных в Петропавловскую крепость после известного возмущения нижних чинов против жестокости командира полка Шварца? Солдаты не требовали горячей пищи или свежего сена на подстилку, не настаивали на наказании грубого начальника. Они хотели одного: чтобы вместе с ними в крепости были Георгиевские знамена полка, полученные за храбрость в боях. Они были – семеновцы!

Военная одежда вдохновляет. Император Александр Второй переименовал славный лейб-гвардии Егерский полк в Гатчинский пехотный. Как-то царь, прогуливаясь в Летнем саду, встретил заслуженного генерала, вышедшего в отставку с правом ношения мундира родного ему полка гвардейских егерей. «Здорово, старый егерь!» – приветствовал генерала государь. «Я теперь не старый егерь, – отвечал тот. – Я теперь молодой гатчинец...» Полку было возвращено его прославленное боевое имя. Военная одежда украшает. Как никакая другая. И тут в доказательство не нужны никакие истории.

Спросите женщин. И посмотрите на фотографии.

ЛИНИИ НА ЛЬДУ, ИЛИ ИСТОРИЯ, НАПИСАННАЯ КОНЬКАМИ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Потребовался век, чтобы Россия вспомнила о своей национальной гордости – первом в истории страны олимпийском чемпионе, Николае Панине-Коломенкине. В этом году ему поставят бюст в селе Хренове под Воронежем, где он родился, и памятник в самом Воронеже, где он никогда не жил.

Сто лет назад – в октябре 1908 года – «санкт-петербургский катальщик» Николай Панин стал победителем IV Олимпиады в Лондоне и первым олимпийским чемпионом в истории России.

С тех пор фигуристы бывшего СССР и России 12 Олимпиад подряд ни разу никому не уступили золото в парном катании. В спортивных танцах на льду россияне дали миру первых олимпийских чемпионов – Людмилу Пахомову и Александра Горшкова. В мужском разряде – олимпийских чемпионов и чемпионов мира, новаторов, развивающих фигурное катание. За последние сорок с лишним лет Россия поставила своеобразный мировой рекорд: ее фигуристы получили 85 золотых наград на чемпионатах мира.

И дело не только в том, что этот рекорд вряд ли кто-нибудь сможет превзойти. И даже не в том, что Николай Панин-Коломенкин был первым в растущем списке российских фигуристов-победителей. Первый чемпион еще создал и сами коньки, на которых все фигуристы катаются до сих пор. Но и это не все: именно он разработал и внедрил методику обучения фигурному катанию, которая считается русской и преподается во всемирно известной Академии фигурного катания Санкт-Петербурга его учениками и последователями. Учиться по ней желают многие: к российским тренерам выстраиваются очереди из чемпионов и медалистов самых

престижных международных турниров. Так панинская методика помогает триумфу мирового фигурного катания. А вот ответ на вопрос, почему человека, немало сделавшего для триумфа российского фигурного катания, вспоминают только через сто лет, частично дает биография выдающегося спортсмена.

ПРОТЕКЦИЯ В ЧЕМПИОНЫ

Когда в 1872 году в селе Хренове Воронежской губернии в семье главы Воронежского завода сельскохозяйственных машин Александра Николаевича Коломенкина родился сын Коля, родители решили: будет продолжать дело отца. А мальчишка неожиданно увлекся гонками на примитивных деревянных коньках с железным полозом. Отец к увлечению сына отнесся как к детской забаве, а мать привезла ему из Москвы настоящие английские коньки. По тем временам – роскошь даже для высшей знати.

Однако опробовал их деревенский мальчик уже в Петербурге. В 1882 году его родители расстались, и Евгения Владимировна, забрав сына и двух дочерей, уехала в столицу.

Правда, коньки пылились на полке целый сезон, а Коля сквозь металлический забор Юсуповского сада – закрытого клуба развлечений для высшего общества – лишь тоскливо наблюдал, как учат правильно кататься избранных. Для мальчика подобное было почти невозможно: хозяева ограничивали доступ в сад под предлогом «сохранения его добропорядочного характера». Иными словами, каток в саду служил для развле-

РИА «НОВОСТИ»

чения и обучения катанию только столичной знати. Вот и гонял мальчишка на «Прудках» – катке сквера на Греческом проспекте. Но тут случился интересный поворот судьбы: мать Коли вновь выходит замуж и по протекции отчима 13-летний мальчик получает рекомендательное письмо от председателя Петербургского общества любителей бега на коньках Вячеслава Срезневского, приват-доцента Императорского университета. Срезневский открыл ему дорогу не просто в Юсуповский сад, а в мир спорта. Он сразу обратил внимание на необычные способности Коли, который одинаково успешно осваивал и скоростной бег на коньках, и хоккей, и катание на финских санях, и просто «рисование ледовых фигур», которое и за спорт-то никто не держал...

РОЖДЕНИЕ ПСЕВДОНИМА

В 1893 году Николай Коломенкин поступил в Санкт-Петербургский университет на отделение естественных наук физи-

ко-математического факультета. Каток он не оставил, хотя совмещать учебу и занятия спортом было тяжело.

Его кумиром стал Петр Францевич Лесгафт, чье имя носит сегодня Санкт-Петербургский институт физической культуры со знаменитой на весь мир кафедрой фигурного катания. Кстати, кафедре присвоено имя Николая Панина-Коломенкина.

А в то время Лесгафт читал в университете курс анатомии, да так, что на его лекции ходили, как в театр. Именно он в 1893 году создал Общество содействия физическому развитию детей и молодежи. В нем юный Коломенкин, разрываясь между фигурным катанием и наукой, увлекся еще и стрельбой из пистолета, и велосипедным спортом.

И так преуспел в велогонках, что начал тренировать своего друга, тоже студента, Сергея Крупского. Отец Сергея, профессор Технологического института, был ярым противником спорта, поскольку считал его «низким» занятием, и запрещал сыну участвовать в велогонках. Чтобы не огорчать отца, Крупский участвовал в соревно-

ваниях под псевдонимом Панин. Конспирация – Панин побеждал даже на европейских соревнованиях – работала успешно, но лишь до первой травмы.

Однажды на Каменноостровском велодроме Сергей разбился и попал в больницу. Увидев сына в кровоподтеках и ссадинах, отец выдвинул ультиматум: или университет, или служба в армии. Сергей, оставив спорт, выбрал учебу. Вот тогда-то, по свидетельствам очевидцев, расстроенный Панин и захотел продлить жизнь победному псевдониму. Он попросил Коломенкина взять его себе. Разговор состоялся в больнице.

«Я слышал, – начал Крупский, – ты собираешься выступать в соревнованиях фигуристов. Возьми мой псевдоним. Панин – счастливая фамилия: я с ней ни разу не проиграл!» Так в фигурном катании появилось новое имя – Николай Панин.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

В 1901 году Николай Панин подает заявку на участие в соревнованиях за звание «Лучший конькобежец по искусству» в России. Он

ожидал, что придется соревноваться с известным в те времена фигуристом Александром Паншиным, но тот, как потом писали его недоброжелатели, «видя прогресс Панина», отказался. Так Панин без какой-либо

Николай Александрович КОЛОМЕНКИН (псевдоним – Панин)

Родился 27 декабря 1871 года (8 января 1872 года по новому стилю) в селе Хренове Воронежской области.

Русский спортсмен и тренер. Первый в дореволюционной России чемпион Олимпийских игр по фигурному катанию на коньках. Многократный чемпион России в стрельбе из пистолета (12 раз в период с 1906 по 1917 год). С 10 лет жил в Петербурге.

Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1893–1898), где одним из его педагогов был П.Ф. Лесгафт, оказавший на Панина-Коломенкина огромное влияние.

В 1897 году выиграл звание чемпиона «Петербургского кружка любителей спорта».

В том же году организовал в Юсуповском саду юношескую школу фигурного катания

на коньках. В 1901-м впервые выиграл звание лучшего конькобежца России и занял третье место на международных соревнованиях в Гельсингфорсе. В 1903 году стал вторым на чемпионате мира по скоростному бегу на коньках и фигурному катанию, состоявшемся в Петербурге. В октябре 1908 года принял участие в IV Олимпийских играх (Лондон), в программу которых впервые был включен зимний вид спорта – фигурное катание на коньках. Выиграл эти состязания, став первым в истории России олимпийским чемпионом.

В 1906–1917 годах – многократный чемпион и рекордсмен в стрельбе из пистолета. С 1902 года член ведущего в России «Крестовского теннис-клуба». Один из основателей «Донского кружка любительского спорта» (1898), культивировавшего водный спорт и легкую атлетику, член «Царскосельского кружка велосипедистов» (с 1895). Талантливый популяризатор и пропагандист спорта; автор теоретической работы об основах техники фигурного катания (1909). В 1930–1950-х годах преподавал фигурное катание в Институте физической культуры в Ленинграде.

Умер 19 января 1956 года в Ленинграде. Похоронен на Серафимовском кладбище. Золотая олимпийская медаль первого олимпийского чемпиона России хранится в Эрмитаже в зале №21.

заметной конкуренции, выполнив все фигуры, получил большую золотую медаль, а также титул лучшего фигуриста России.

В 1903 году, в год 200-летия Петербурга, Международный союз конькобежцев предложил Петербургскому обществу любителей бега на коньках провести чемпионат мира «по конькобежному искусству». Николаю Панину впервые предстояло помериться силами с лучшими фигуристами мира. В Петербург приехали звезды – чемпион мира швед Ульрих Сальхов, экс-чемпион мира немец Гильберт Фукс, чемпион Австрии Макс Богач и чемпион Германии Эрнст Лассан. В этой компании Панину не было места. Но именно он стал главной сенсацией соревнований – чемпионство отстоял Сальхов, но уступил ему самую малость именно Николай Панин.

В 1908 году в Петербурге проходили международные соревнования по фигурному катанию. В соревнованиях принял участие уже семикратный чемпион мира Ульрих Сальхов. В те времена соревнования состояли из трех частей. «Школа» – «рисование фигур». Обязательная – показ прыжков. И вспомогательная – произвольная программа «под выбранную музыку». Как правило, победитель определялся в «рисовании фигур»: спортсмен оставлял на льду линии, а судьи определяли, какая из них четче и правильнее. Когда подошла очередь Панина, он подкатился почти к самому барьеру и проложил безукоризненный след, который после шестикратного повторения образовал четкую белую фигуру на льду. Публика разразилась аплодисментами. Сальхов проложил след рядом, уверенный в том, что тот затмит панинский. Но рисунок вышел кривоватым и неправильным. Публика притихла. Так после «школы» и специальных фигур Панин возглавил соревнования. Произвольную программу лучше всех откатал Ульрих Сальхов. Но Николай Панин вышел победителем: он набрал 344,4 балла, Сальхов – 328,2 балла.

До Олимпиады в Лондоне оставались считанные недели. И впервые великий швед Сальхов был побежден.

ПАНИН ПРОТИВ САЛЬХОВА

В октябре 1908 года на Олимпийские игры в Лондон Россия послала пять спортсменов: четырех борцов – Александра Петрова, Николая Орлова, Георгия Демина, Евгения Замятина – и фигуриста Николая Панина. В те годы соревнования по зимним и летним видам спорта проходили одновременно. Впервые включенные в программу Олимпийских игр соревнования по фигурному катанию проходили на чудо-катке – закрытом Prinzess-halle – с искусственным льдом, с местами для зрителей, как в театре. У мужчин на обязательное и произвольное катание записались семикратный чемпион мира и шестикратный чемпион Европы Ульрих Сальхов, двукратный серебряный призер чемпионатов мира, серебряный и бронзовый призер чемпионатов Европы немец Клаус Бургер, бронзовый призер чемпионатов мира и Европы швед Пер Турен, американец Ирвинг Брокау, россиянин Николай Панин, англичане Артур Камминг и Джон Холл-Сей. Едва русский, недавний победитель Сальхова, начал выполнять вторую обязательную фигуру – «восьмерку», как швед пошел в психологическую атаку. Он громко на весь каток крикнул: «Разве это «восьмерка»? Она же кривая!»

Как потом определили судьи, в те времена выходившие на лед, чтобы оценить оставленный спортсменом след, «восьмерка» была безукоризненной. Но Сальхов не унимался: «У него ничего не получается!»

Главный судья соревнований не отреагировал на эти выкрики. Закончив «школу», Панин заявил протест. Шведскому спортсмену сделали замечание. И начался настоящий олимпийский скандал. Подобный тем, что сегодня стали нормой на Олимпиадах. Сальхов ответил грубым ругательством и угрозами – и судьям, и Панину. Однако скандал вывел шведа из душевного равновесия, и по итогам выполнения обязательной программы он оказался лишь третьим. Поняв бесполезность дальнейших притязаний на золото, Сальхов и примкнувший к нему Ирвинг Брокау, еще один неудачник «школы», сняли свои кандидатуры с выступлений. А Николай Панин, откатав произвольную программу, стал первым в российской истории олимпийским чемпионом.

НАКАЗАНИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

Дома «триумфатора русского спорта», как мгновенно его называли газеты, ждал сюрприз. До той поры Панина охранял от досужих разговоров его псевдоним. Но Олимпиада тайное сделала явным. На стол директора Санкт-Петербургского департамента налогов и сборов, в котором трудился чиновник Коломенкин, лег «Петербургский листок». Красным карандашом в нем услужливо была обведена фотография фигуриста, выполнявшего замысловатый рисунок. Подпись поясняла, что это Николай Панин, неоднократный чемпион России, награжденный золотой медалью на IV Олимпиаде в Лондоне. Удивительное сходство чемпиона с помощником податного инспектора Николаем Коломенкиным вызвало у директора сначала недоумение, а потом гнев.

«Вы должны сейчас же прекратить выступать на льду, – раздраженно заявил он вызванному на ковер Панину. И, не сдержавшись, позволил себе замечание: – Где это видано, чтобы чиновник департамента щеголял перед людьми в трико!»

«Это полезно для здоровья. И для чести страны, позвольте заметить, тоже», – парировал свежее испеченный олимпийский чемпион. Но всесильный фининспектор, особа весьма влиятельная при императорском дворе, и слышать ничего не хотел: «Либо департамент, либо спорт!»

За первого российского олимпийского чемпиона заступился даже великий князь Михаил, брат императора Николая II. Но чиновник согласился лишь на жесткий компромисс: мол, так и быть, Коломенкин может продолжать работать в ведомстве, но только при условии, что он «оставит псевдоним и недостойное занятие».

Панин-Коломенкин выбрал спорт.

ВЕЛИКИЙ ОТШЕЛЬНИК

Он перешел на тренерскую и педагогическую работу, предрекая России роль лидера в фигурном катании. И написал первую в мире монографию – «Фигурное катание на коньках» (1909). За нее чемпион был дважды удостоен золотой медали Международного союза конькобежцев «За выдающееся в области спорта научное сочинение».

Но революция 1917 года, потом Гражданская война и ленинский СССР, отменивший фигурное катание как «буржуазное развлечение», снова поставили его перед выбором. Заклятый

друг Ульрих Сальхов, понимая, кто окажется по ту сторону опускавшегося железного занавеса, звал Панина-Коломенкина в Швецию, американцы – в США. Фигурист остался в СССР.

Сначала он переключился на преподавание, потом, как истинный спортсмен, вернулся к тому, что любил всю жизнь, – занимался бегом, греблей, теннисом и велосипедным спортом. В 1928 году Панин-Коломенкин стал победителем Всесоюзной спартакиады сразу в двух видах – в стрельбе из пистолета и боевого револьвера. Но страсть к фигурному катанию его не покидала. Еще в 1909–1910 годах Панин, разработавший новую модель конька – специально для фигурного катания – и мечтавший ее внедрить в России, пошел на беспрецедентный шаг.

Уникальную разработку он передал тому самому Ирвингу Брокау, который поддерживал Сальхова на Лондонской Олимпиаде в скандале против Панина. В начале 30-х годов новую модель конька, обеспечившего безбедную жизнь Брокау, начала серийно производить американская фирма «А.Г. Спольдинг и братья». А в 40–50-е именно эта модель позволила спортсменам США освоить так называемый новый стиль или атлетичное фигурное катание. Лидерами в нем американцы оставались до 1963 года, пока их не сместили с трона советские фигуристы, вставшие на «американские» коньки, придуманные Паниным.

Все это будет позже. И великий отшельник, как называл Панина Сальхов за отказ эмигрировать на Запад, до тех лет не доживет. Но он успеет осуществить нечто большее. В 1935 году сбылась еще одна его мечта: в Высшей спортивной школе при Институте физической культуры имени П.Ф. Лесгафта он открыл отделение фигурного катания.

Правда, вскоре началась Великая Отечественная война. Она опять отдала Панина-Коломенкина, который ушел на фронт, от его заветной мечты – создать кафедру-лабораторию по подготовке фигуристов-чемпионов. Но после войны, в 1951-м, он все же создал кафедру фигурного катания в Инсти-

туте Лесгафта. Это не была еще одна кафедра. Это даже не была просто легализация фигурного катания в СССР. Панин-Коломенкин вооружил свое детище теорией и методикой обучения фигурному катанию, которую исповедует сегодня весь мир.

Первым эту долго, до 80-х годов, оспариваемую реальность признал знаменитый тренер американец Карло Фасси, так мечтавший тренировать русских. В 1987-м он писал: «Что действительно лежит в корне русского катания – это вера в то, что творческое начало таится не в атлетизме – это шаг к нему, а фактически в величайшем техническом совершенствовании. На чем настаивал их великий Панин. Поэтому, в то время как другие фигуристы вращаются на льду, как флюгеры, русские вычерчивают чистые и абсолютно плавные линии, как по лекалу».

ВЕЛИКИЙ ДИЛЕТАНТ

Но если бы сегодня Панин-Коломенкин увидел, во что превратилось фигурное катание, он, наверное, не узнал бы его. «Школа», или обязательные фигуры – коронный вид Панина, сделавшая его олимпийским чемпионом, отменена как устаревшая да еще с формулировкой «мешающая развитию вида».

«По поводу отмены «обязаловки» – выписывания отдельных фигур на льду – могу сказать, что это была правильная отмена, – считает Алексей Мишин, профессор фигурного катания, тренер олимпийских чемпионов Алексея Урманова, Алексея Ягудина и Евгения Плющенко, посещавший лекции самого Панина. – Лишь наивные люди считают, что такие фигуры являются базой для овладения фигурным катанием. Так рассуждают только дилетанты. Был великий дилетант Николай Панин-Коломенкин, который считал, что без обязательных фигур нельзя. Он не предполагал, на какой уровень поднимется наш вид. Но планку-то установил сам Панин, предложив и модель фигурного конька, и методику подготовки фигуриста. Поясню, в чем дело. В человеческом организме работают два «компьютера». Один отвечает за медленные движения, другой –

за быстрые. Вычерчивание фигур на льду дает технику, но не совершенствует ту грань таланта, которая обеспечивает исполнение сложнейших прыжков. Панин предрек это разработанными им теорией и методикой обучения фигурному катанию, но не успел проверить практикой».

Отмена «школы» стала революцией в фигурном катании. Ее суть, как и суть всякой революции, противоречива – для роста она использует методику технического совершенствования фигуриста, разработанную Паниным-Коломенкиным, но для творчества отвергает любимые им обязательные фигуры.

С памятью о великом фигуристе получается примерно то же самое. На первый взгляд его не забывали: во всех энциклопедиях написано, что он – первый олимпийский чемпион России. Но, Панин-Коломенкин, придумавший десятки фигур, не удостоен такой чести, как Сальхов, Тулуп или Ритбергер, чьими именами названы элементы фигурного катания. И для памятника своему великому фигуристу Россия созрела только спустя сто лет. Как-то странно: памятники поставят подальше от признанных центров фигурного катания. Никто не спорит, конечно, бюсты и памятники нужны и в родном селе первого чемпиона, и в Воронеже. Но почему бы не увековечить память Панина-Коломенкина там, где бываю миллионы поклонников фигурного катания – в Санкт-Петербурге. Городе, которому Панин-Коломенкин завоевывал статус колыбели мирового фигурного катания. Но с этой инициативой не выступают ни Академия фигурного катания, ни кафедра фигурного катания Института физической культуры, ни Федерация фигурного катания России.

Действительно, нет пророка в своем отечестве. Ведь фигурное катание для России, в немалой степени благодаря Панину-Коломенкину, перестало быть просто видом спорта. Это еще и вопрос культурной идентичности. Неспроста же мир фигурного катания говорит на русском языке. Лучшие российские тренеры, вооруженные методой Панина-Коломенкина, разъехались по всему свету. Российских чемпионов-фигуристов полмира знает в лицо. Наконец, несмотря на разруху 90-х, русское фигурное катание сохранило статус мирового лидера и претендует на чемпионские позиции на Олимпиаде-2014 в Сочи. Так стоит ли памятник Панину-Коломенкину, при всем уважении и благодарности к Воронежу, прятать далеко от центров мирового фигурного катания? Или опять – лучше так, чем никак? ❀

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК, ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

МИХАИЛ БЫКОВ

90 лет назад, 15 апреля 1918 года, в 50 верстах от Екатеринодара похоронили командующего Добровольческой армией, генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова.

Двумя днями ранее он был убит взрывом снаряда в обыкновенной хате, где размещался его штаб. А несколькими днями позже вернувшиеся в окрестности Екатеринодара красные нашли могилу генерала, разрыли ее, труп привезли в столицу Кубани, истыкали штыками и, устав от изуверств, облили керосином и сожгли на вокзальной площади. Прах Корнилова развеяли по ветру. Что знали красные бойцы, их командиры и комиссары о человеке, над мертвым телом которого они устроили средневековое издевательство? Что еще помнили о нем в угаре революционной вседозволенности и кровавом азарте разгоравшейся Гражданской войны?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А что знаем и помним мы, живущие в относительно спокойное время, в большинстве своем равнодушные к эпохальным событиям столетней давности, утопающие кто в мещанских страданиях по золотому тельцу, кто в стаканах с дешевой паленой водкой? Хоть чей-нибудь пепел стучит в наше сердце?

Люди постарше, ограниченные историческими знаниями в рамках советских учебников и советского патристического кино, могут знать о генерале Корнилове прежде всего следующее. Реакционер и солдафон, преданный царской системе, учинивший мятеж летом 1917-го, что едва не привело к срыву Октябрьской революции и реставрации прежней власти. Короче, враг!

Продвинутое сословие – советско-российская интеллигенция – более активно фокусируется на лидерах красного толка. Официальная деятельность и личная жизнь Троцкого и Бухарина, Фрунзе и Тухачевского, Горького и, наконец, самого Сталина традиционно интересна им куда более, чем судьбы Деникина и Врангеля, Юденича и Колчака, Алексеева и Корнилова. Почему? Победители всегда привлекательнее для обслуживающей прослойки. А с проигравших что возьмешь?

Кроме того, победившие не сидели молча. Один из краеугольных камней в фундаменте успеха красной власти – прекрасно организованная пропаганда еще до прихода к этой самой власти. А уж после, при наличии всех возможностей, пиарщики социализма проигравших не щадили. Тем, кого по разным причинам попросту забыли, повезло значительно больше, чем тем, кого помнили... В 1930 году многих казаков станицы Каркаралинской (в современном Казахстане. – **Прим. авт.**), где рос Лавр Корнилов, разоблачили как скрытых врагов Советской власти и расстреляли, другим дали по 10 лет лагерей.

В 1898 году Корнилов совершил первый подвиг, сделавший ему имя в русской армии. Зная о тревоге русского командования по поводу секретов афганской крепости Дейдади в предгорьях Гиндукуша, перекрывавшей пути-дороги к Кабулу, Лавр Георгиевич взял трехдневный отпуск и, переодевшись то ли афганцем, то ли туркменом, в сопровождении трех текинцев и с револьвером в халате провел полную рекогносцировку. Если б его поймали, то не просто расстреляли бы, а посадили на кол.

Имущество было конфисковано, казацкие семьи выселены. Троюродная племянница генерала Корнилова, Елена Корнилова-Бессонова, признавалась в письме историку Юрию Попову, нашедшему ее в Павлодаре: «Я несколько дней не могла заставить себя Вам ответить. Прежний страх силен, и я не могла заставить себя написать. В апреле 1930 года нас с мамой удалили из дома, все конфисковали...»

ИЗ ПРОСТЫХ КАЗАКОВ...

Лавр Корнилов родился в 1870 году в городке Усть-Каменогорске на территории Сибирского казачьего войска. К слову, сибирские казаки отличались от своих вольнолюбивых братьев с Дона, Кубани, Терека и Урала особенной верностью в государственной службе. Вероятно, потому, что, в отличие от донцов, кубанцев, терцев и уральцев, возникли не сами по себе, а по царскому указу.

Он не был дворянином, не чета одногодку Владимиру Ульянову-Ленину. Отец, Егор Корнилов, выслужился до первого офицерского чина из простых казаков, так и ушел в отставку в звании хорунжего (казачий чин, аналогичный чину подпоручика). Перебравшись в Каркаралинскую станицу, Егор Николаевич взял в жены казачку, в венах которой текла польская и калмыцкая кровь. Вероятно, поэтому маленький Лавр рано проявил склонность к языкам. Корнилов свободно владел английским, французским, немецким, китайским, маньчжурским, тюркским, фарси, арабским и хинди.

Дом Корниловых в Каркаралинске цел до сих пор.

В 1883 году Лавра отправили в Омск, в 1-й Сибирский Императора Александра Первого кадетский корпус. Так 13 лет от роду Корнилов впервые надел погонны, чтобы уже всегда носить их на плечах. Спустя шесть лет он окончил корпус первым кадетом и отправился в Санкт-Петербург, в знаменитое Михайловское артиллерийское училище. Корнилов – один из лучших юнкеров, но самолюбивый и подчас непримиримый характер сибирского казака давал себя знать. Однажды начальник училища генерал Чернявский в последний момент спасет Корнилова от отчисления. Как бы то ни было, в 1892 году юнкер Корнилов вышел из училища первым в списке. Получив право на выбор вакансии, он отверг саму возможность продолжить карьеру в престижных гвардейских частях, не привлекла молодого подпоручика и перспектива спокойной карьеры в артиллерийских бригадах, дислоцированных в европейских губерниях империи. Он выбрал... Туркестан.

Это у поручика Александра Куприна все дальние армейские гарнизоны – прибежище порока и могила русского офицерства. Наверное, кому какой выбор был ближе. Подпоручик Корнилов три года с остервенением готовился к вступительным экзаменам в Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба, а еще через три года окончил ее с малой серебряной медалью. Казалось, теперь-то самое время задержаться в Петербурге, место в Главном штабе ждало его на совершенно законных основаниях. Но характер и мироощущение толкали Корнилова вон из столицы. Он вернулся в Туркестан, под начало генерала Ионова, хорошо известного в России в качестве ученого-исследователя Центральной Азии.

Боевой орден – Владимира 4-й степени с мечами – за подвиг в мирное время (!) капитан Корнилов не получил, несмотря на представление к нему генералом Ионовым. Получил он 30 суток гауптвахты за самовольную отлучку за границу. И известность в армии.

Вплоть до Русско-японской войны Корнилов занимался преимущественно военной картографией и сопутствующими этому процессу изысканиями. Его вовсе не случайно сравнивали с путешественником генералом Пржевальским. Корнилов досконально исследовал горный район Кушки, выжженную солнцем Кашгарию, Восточную Персию, в том числе абсолютно не изведанную пустыню Дашти-Наумед, в переводе – Степь Отчаяния.

В 1901 году капитан умудрился найти время для женитьбы на Таисии Марковиной. Свадьбу сыграли в Ташкенте, а медовый месяц провели... в пустыне, в очередной командировке офицера штаба Туркестанского военного округа. В 1903 году Корнилов добрался до индийских пределов. В Белуджистане его застало известие о начале Русско-японской войны.

Разумеется, неумный штаб-офицер оказался в Действующей армии. Корнилов принял участие в боях под Сандепу и Телином. За Мукден получил орден Святого Георгия 4-й степени. Подполковник вывел части 1-й стрелковой бригады из окружения, лично возглавив ночную штыковую атаку. Из

Тем не менее командование сочло нужным наградить почти всех участников прорыва. Генерал-лейтенант Корнилов получил Георгия 3-й степени и был отчислен от должности как пребывающий в плену.

К осени 1916 года в плен попало 60 русских генералов. Бежал только один – Корнилов.

28 августа 1916 года в румынском городке Турну-Северян заросший, грязный, оборванный беженец остановил проходившего мимо русского офицера

фразой: «Я – генерал-лейтенант Корнилов...»

Два месяца пробирался Лавр Георгиевич к своим, после того как с помощью чешского фельдшера, маскарада и грима покинул австрийский госпиталь в местечке Кессиге. Эта история облетела всю Россию и публиковалась с массой подробностей во множестве газет.

Прошло всего две недели, а генерал уже поправился после многонедельной голодовки и прочих мытарств и получил под команду 25-й армейский корпус.

До февраля 1917 года Корнилов, как и положено, воюет, но далее события стали разворачиваться стремительно. В марте–апреле он – командующий Петроградским военным округом. Лоббистами выступили председатель Думы Родзянко и военный министр Гучков. 23 апреля Корнилов написал рапорт с просьбой откомандировать его на фронт, и следующие полтора месяца он командовал 8-й армией. Потом в течение месяца – Юго-Западным фронтом. Наконец, с 19 июля 1917-го он Верховный главнокомандующий русской армией. Чуть раньше Лавра Георгиевича произвели в полные генералы.

Впрочем, армии уже не существовало. Распропагандированные и деморализованные части бросали фронт, а заменить их было нечем. В тылу сидели запасные батальоны, совершенно необученные и насквозь революционные. Не могли же, в самом деле, держать фронт одни ударные батальоны, первый из которых создал с санкции Корнилова в мае 1917 года капитан Неженцов. И хотя они состояли из готовых сражаться офицеров и солдат, это была капля в 11-миллионном море армии.

Несколько больший эффект дали экстренные меры по наведению порядка в строевых частях: возврат к расстрелам за дезертирство и мародерство, к которым Корнилов стал прибегать начиная с марта, еще в должности командарма 8-й армии. «Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и тру-

высочайшего приказа о награждении: «...отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север...»

В 1905 году за боевые отличия Корнилов произведен в полковники.

Вскоре по окончании войны он получает назначение в Китай в должности военного атташе. В Пекине Корнилов также оставил по себе память как об удачливом разведчике, склонном к розыгрышам и маскарадам. Так, переодевшись китайским мандарином, он принял парад сверхсекретной части специального назначения, спрятанной от посторонних глаз в горах Северного Китая.

В 1907 году Корнилов награжден Золотым оружием (вновь – за боевые заслуги в мирное время) и в 1912-м произведен в генерал-майоры. С этого времени Лавр Георгиевич в основном командовал строевыми частями, отстранившись от штабной работы. В географическом отношении его карьера, теперь уже строевого начальника, по-прежнему впечатляет: командир 8-го Эстляндского пехотного полка в Варшаве, начальник 2-го Заамурского отряда пограничной стражи в составе пяти полков, командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии во Владивостоке.

По мобилизационному расписанию сразу после начала Великой войны Корнилов прибывает на Юго-Западный фронт и принимает под временное командование 48-ю пехотную дивизию. Приставка «врид» (временно исполняющий должность) исчезла 30 декабря 1914 года.

Дивизия воевала в Карпатах и на реке Сан с блеском и получила прозвище «Стальная». Ее командир стал генерал-лейтенантом. Правда, не всем нравился стиль руководства Корнилова. Его полки, носившие прославленные имена, – Измаильский, Очаковский, Ларго-Кагульский и Рымникский, совершали чудеса героизма, но несли при этом громадные потери. Людей Корнилов не жалел. Знаменитый генерал Алексей Брусилов неоднократно отмечал излишнюю азартность комдива и, мягко говоря, хладнокровное отношение к потерям.

Кончилось все для Корнилова в Галиции пленом. В конце апреля 1915 года, когда лишенная боезапаса русская армия под сильнейшим давлением австро-венгров и немцев стала отходить, 48-я пехотная дивизия попала в кольцо. Само собой, Корнилов пошел на прорыв, но тут военное счастье отвернулось от генерала. Из окружения выбрались только Ларго-Кагульский полк да батальон Очаковского полка. Через несколько дней раненого Корнилова с шестью солдатами пленили в горах. Из 7000 солдат и офицеров «Стальной» дивизии осталось только 2000. Полки сохранили знамена, но потеряли 34 орудия.

сов», – писал Корнилов. Но принципиально изменить ситуацию на фронтах было уже невозможно.

Не знаю, понимал ли это Корнилов в конце лета 1917 года, верил ли в иную возможность развития событий? Но он не сидел сложа руки и предлагал действовать. 3 августа Верховный главнокомандующий передал Керенскому доклад с первоочередными мерами, среди которых – возвращение прав русскому офицеру, отмена Декларации прав солдата, уничтожение института комиссарства, роспуск солдатских комитетов, запрет на митинги в частях...

15 августа Корнилов выступил в Москве на Государственном совещании, сказав, в частности: «Я ни минуты не сомневаюсь, что все эти меры будут приняты безотлагательно».

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

Ни одна из этих мер принята не была. И Корнилов решился на радикальный вариант – ввести в Петрограде военное положение и взять власть под свой контроль. С этой целью в Питер был отправлен 3-й конный корпус и Туземная кавдивизия. Интересно, что прибывший в Ставку Верховного в Могилеве известный эсер-террорист Савинков передал Корнилову полное одобрение его действий Временным правительством. Это было 23 августа. А 27 августа в Петрограде вышел экстренный выпуск газет, в котором Корнилов обвинялся в предательстве и измене. На приказ сложить полномочия генерал не отреагировал, и тогда его обвинили в организации мятежа.

Лишенный связи со Ставкой, в отсутствие внятных приказов Главковерха, генерал Крымов остановил свой 3-й конный корпус и выехал в Петроград лично для выяснения всех обстоятельств. Известно, что его принял Керенский. После беседы Крымов застрелился. По крайней мере, такова официальная версия.

Корнилов стреляться не стал. Хотя и собиравшись. Вместо этого он спокойно вернул полномочия прибывшему в Ставку генералу Алексеву и согласился на арест. Помимо Корнилова были арестованы и переведены в город Быхов генералы Лукомский, Деникин, Марков, Эрдели, Ванновский, Романовский и другие.

Всем этим людям спас жизнь генерал Духонин, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Самого Главковерха уже не было, после переворота 25 октября Керенский бежал. А Духонин остался в Ставке и 19 ноября распорядился выпустить из заключения Корнилова и иже с ним. В эту

же ночь Корнилов в сопровождении верного Текинского полка отправился на Дон, а спустя еще несколько часов отряд Красной гвардии во главе с бывшим прапорщиком Крыленко ворвался в Могилев и «отыгрался» на генерале Духонине. Николая Николаевича в буквальном смысле растерзали.

На полдороги к Дону, у станции Унеча, практически безоружных текинцев обстреляли большевистские заградотряды, и Корнилов принял решение пробираться далее в одиночку. Ему было не привыкать. Текинцы пробивались конным порядком. Лавр Георгиевич появился в Новочеркасске 6 декабря, а 27 декабря стал главнокомандующим Добровольческой армии, только-только получившей это новое, боевое наименование. Доселе она называлась Алексеевской организацией. Вскоре красные начали наступление на Новочеркасск и Ростов. К концу января Корнилов располагал армией... в 5 тыс. человек, среди которых хватало необученных студентов и гимназистов и недоученных юнкеров.

Красные наседали, взяли Новочеркасск, Батайск, начались бои за Ростов. Корнилов принял решение уходить на Кубань и там за счет местных казаков и офицерства Кавказской армии пополнить ряды, обзавестись артиллерией...

Под утро 9 февраля части добровольцев покинули Ростов и перешли Дон. Начался удивительный в своем мужестве и доблести 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии.

Все даты даются по старому стилю. 9 февраля тогда – это 23 февраля сегодня. Вот такие чудеса! Хотим мы того или нет, но на протяжении десятков лет, празднуя День Красной армии, мы поминали и воинов армии Белой, Добровольческой. Потому как именно в этот день армия генерала Корнилова начала боевой путь по донским и кубанским степям. За 80 дней Ледяного похода Добровольческая армия приняла более 40 боев и вернулась к Ростову окрепшей и возросшей числом.

Что же до победных событий под Петроградом, автором которых являлась Красная гвардия, то их попросту не было. А было вот что.

23 февраля (по новому стилю) в Смольном собрались члены ЦК РСДРП, чтобы обсудить полученный в 10.30 утра германский ультиматум. Немцы предлагали заключить сепаратный мир на условиях отторжения от России Курляндии, Лифляндии, Украины, демобилизации армии, разоружения Балтийского и Черноморского флотов и т.д. ЦК дал добро и перебрал вопрос ВЦИКу. Там спорили до 3 часов утра, и в результате 116 членов ВЦИКа против 85 приняли условия капитуляции. В 7 часов утра решение ВЦИКа было доведено до германского командования.

Никто из сотен участвовавших в совещаниях и заседаниях властителей страны ни словом не обмолвился о создании Красной армии и уж тем более о ее первых зубодробительных победах под Питером.

Более того, ни 23 февраля, ни 24-го красные газеты не печатали каких-либо радостных реляций с фронта. А по законам большевизмского жанра должны были бы.

Может быть, все дело в том, что не было в те дни никакого фронта и никакой атакующей немецкой армии? Немцы не вели боевых действий. Они «захватывали» русские города группами в 50–100 человек, подкатывая на велосипедах и мотоциклах. Это уже потом, в 1938 году, во впервые опубликованном «Кратком курсе истории ВКП(б)» можно прочесть о натиске вооруженного до зубов германского хищника, которому был дан отпор под Нарвой и Псковом.

Кстати, о боях под Нарвой. Буйные революционные балтийцы-сподвижники еще более революционного матроса Дыбенки действительно ненадолго появились под Нарвой. Но, увидев вооруженных немецких солдат вместо привычных недорезанных буржуев, немедленно дали деру по железной дороге, прихватив по пути несколько цистерн со спиртом. Отловили их, кажется, только под Шлиссельбургом. За этот «подвиг» Дыбенко был арестован и чудом не расстрелян.

Почему создателю Красной армии товарищу Троцкому так хотелось сделать днем ее рождения именно это число, неизвестно. Зато известно, что декрет о создании Красной армии был принят Совнаркомом 15 (28) января 1918 года, 16 января на эти цели выделили 20 млн рублей.

ЧИСТИЛИЩЕ

Итак, Добровольческая армия вышла из Ростова. До гибели генерала Корнилова оставалось сорок девять дней.

Перед выходом из Ростова генералы долго обсуждали направление движения. Казачьи атаманы предлагали всей армии уйти в Сальские степи, на казачьи зимовья. Там, мол, красные не достанут, зато можно разжиться конским составом и вообще набраться сил. Корнилов отказался. Видимо, чутье политика подсказывало, что партизанщина – это крах Белого движения. За партизанами не пойдут офицеры, от партизан будут шарахаться буржуазия и интеллигенция. Лавр Георгиевич понимал, что добровольцам для создания авторитета в народе, особенно среди казаков, нужен Поступок. И таким поступком могло стать освобождение Екатеринодара от советской власти. Эти 4 тыс. штыков должны были пройти чистилище – чтобы стать Армией. И они его прошли.

А вот Корнилов из огня не вышел. Единственный свидетель его гибели – адъютант командующего корнет Текинского полка

Хаджиев – с восточной пронциательностью объяснил случившееся: «31 марта 1918 года. В 6 часов утра Верховный вышел из дома, чтобы попрощаться с телом полковника Неженцова, привезенным ночью... После этого Верховный... с суровым выражением лица направился в штаб. В это время обстрел штаба участвовал. Линия разрывов стала подходить к дому Верховного. Вот один из снарядов убил трех казаков, чистивших пулемет у самого дома. «Ваше высокопревосходительство, надо поторопиться с переводом штаба», – указал я Верховному на умирающих в конвульсиях казаков. «А...» – произнес он и вошел в дом. Мне показалось, что он хотел отдать приказание о переводе штаба, но мгновенно забыл о нем... Войдя в свою комнату, опершись левым коленом на стул и схватившись руками за голову, он застыл над картой... Верховный не пошел на фронт потому, что ему доложили, что от генерала Эрдели идет донесение, которое должно быть вручено ему каждую минуту. И на основании этого донесения он должен был дать распоряжение генералу Романовскому раньше, чем идти на фронт. Вот почему он находился в это злополучное утро у себя в комнате, а не пошел к войскам под Екатеринодар с самого раннего утра, как он имел привычку делать это с первого дня похода. Его задержали в этой несчастной комнате в этот день три обстоятельства – прощание с телом Неженцова, донесение от Эрдели и самое главное – Его Величество Время. Он должен был умереть именно в это утро, в указанное в его судьбе время. Кисмет!» Снаряд разорвался прямо в комнате генерала. Минут через сорок Корнилов скончался.

РЕАКЦИОНЕР ИЛИ РЕСПУБЛИКАНЕЦ?

Так был ли генерал Лавр Корнилов реакционером и сторонником Реставрации?

Как-то летом 1917-го с ним попытались обсудить вопрос возвращения на престол Романовых в лице великого князя Дмитрия Павловича. Корнилов ответил так: «Ни на какие авантюры с Романовыми не пойду».

Известен также случай, когда Корнилов заявил, что Романовы возродятся только через его труп. Какая уж тут Реставрация!

Генерал Корнилов принял к исполнению приказ Временного правительства об аресте императрицы Александры Федоровны, цесаревича и августейших дочерей. Есть попытки оправдать этот поступок тем, что Корнилов хотел таким образом оградить царскую семью от революционных домога-

тельств. Существует и обратное утверждение, будто генерал совершил арест лично и с видимым удовольствием. Причиной тому – недостаточная оценка его заслуг государем в 1916 году, после возвращения из плена. Мол, могли бы армию дать вместо корпуса. Сохранились воспоминания самой Александры Федоровны по этому поводу: «Я понимаю ненависть к нам Гучкова, Керенского и других, но за что нас так ненавидят такие лица, как генерал Корнилов, которого так обласкал Ники? Я умею держать себя в руках, но в тот час, когда генерал Корнилов с красным бантом рядом с пожалованным ему Ники орденом вошел ко мне и сказал мне: «Гражданка...» Сам Корнилов свои мотивы участия в аресте царской семьи не прокомментировал. Остался без комментариев и еще один «республиканский» поступок генерала в бытность главкомом Петроградского гарнизона. Одним из импульсов к февральским брожениям в столице послужило убийство в казармах запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитана Лашкевича унтер-офицером Кирпичниковым. За этот «подвиг» Временное правительство наградило унтера Георгиевским крестом. Непосредственно награждение произвел генерал от инфантерии Корнилов. Дабы не подумалось, будто все это случилось под влиянием момента, стоит привести слова самого Корнилова, сказанные в январе 1918 года перед строем 1-го Офицерского батальона Добровольческой армии: «Я – убежденный республиканец. Если же Учредительное собрание высказалось бы за монархию, я этому решению подчинюсь». А далее генерал сказал, что, если выбор будет остановлен на ком-либо из романовской династии, он немедленно сложит полномочия и уедет из России.

Не любил генерал за что-то Романовых, факт. Но и монархию как таковую не любил. Тогда резонно спросить, куда же звал Россию этот простой по происхождению человек, широко образованный и наблюдательный ученый, безудержно смелый офицер и георгиевский кавалер, яркий и безжалостный полководец и убежденный республиканец?

В диктатуру! – тут же крикнут поклонники исторических шаблонов. А может быть, на сей раз, они правы? Ну в самом деле: Корнилов – стоик, чуждый плотских интересов и материальной зависимости, чрезвычайно волевой и цельный человек, умеющий

ждать и терпеть. Никто не мог назвать себя его другом и единомышленником в полном смысле слова. Все, что он делал в жизни с видимым удовольствием, это либо путешествовал в одиночестве, либо руководил массами людей. Любой психолог согласится с наличием задатков властелина.

Может быть, эта очевидная в маленьком с раскосыми монгольскими глазами генерале сила и напугала господина Керенского летом 1917-го, заставила премьера передернуть политические карты в последний миг? Иначе застучали бы по питерским мостовым кованые копыта боевой кавалерии и въехал бы в Зимний на белом коне Лавр Георгиевич.

В самом конце 1917 года Корнилов подготовил собственную политическую программу. Среди пунктов: восстановление прав гражданства, свободы слова и печати, права собственности, русской армии. Генерал предлагал все-таки созвать Учредительное собрание, ввести обязательное начальное образование, отделить церковь от государства, уравнивать всех граждан в суде, сохранить все социальные завоевания рабочих за исключением насильственной социализации предприятий, решить аграрный вопрос путем всенародного обсуждения. Наконец, он предлагал Польше, Украине и Финляндии превратиться в отдельные национально-государственные единицы при широкой поддержке правительства России.

Могли бы подписаться под этим документом все 200 тыс. русских офицеров, еще уцелевших после трех лет войны и многих месяцев революционного террора? Ой ли. Тут и ответ, почему только 40–50 тыс. пришло под знамена Белого дела. Один из лучших кавалерийских генералов начала XX века, убежденный монархист генерал граф Келлер писал по этому поводу: «Объединение России – великое дело. Но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное. Корнилов – революционный генерал, ему и карты в руки, пускай пытается спасти русскую демократию... теперь, быть может, время для этого». И что получается: генерал-демократ? Можно было бы ерничать по поводу столь рискованной формулировки. Если бы не одно «но». Корнилов за убеждения отдал жизнь. А верны ли были его убеждения, сегодня судить уже поздно.

Не поздно – отдать дань памяти генералу Корнилову. Нашему соотечественнику, в чьей судьбе преломилась судьба России в самый трудный период ее истории. «Мы все запутались тогда, весной семнадцатого года...»

Деникин отдал приказ позаботиться о теле Лавра Георгиевича полковнику Григорьеву. Тот все сделал как надо. О точном месте захоронения знали только три человека. Над могилой не оставили ни креста, ни холмика – ничего. Не помогло... ❶

ОСЕННИЙ СОН О ПРИДУМАННОМ СЫНЕ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

«...Вся она, может быть, знак. Знак, что приблизилось время», – писал об этой поэтессе теоретик искусства, художник и музыкант Михаил Матюшин. Ей прочили славу и признание, считая, что она – необычное, почти непонятное в условиях современности явление. Но этим прогнозам не суждено было сбыться...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1912 году у Элеоноры фон Ноттенберг умер сын. Материнская тоска стала стихами – скорбными, спокойными и сильными.

*...Дитя мое, дитя хорошее,
Неумелое, верное дитя!
Я жизни так не любила,
Как любила тебя.*

*И за ним жизнь уходит –
Это ничего.
Он лежит такой хороший –
Это ничего.*

*Он о чем-то далеком измаялся...
Сосны, сосны!
Сосны над тихой и кроткой дюной
Ждут его...*

*Не ждите, не надо: он лежит спокойно –
Это ничего.*

«Ее стихи на смерть единственного сына, такие простые и страшные, нельзя читать без участия», – писал Корней Чуковский, один из лучших литературных критиков Серебряного века.

А никакого сына, «незабвенного В.В. Ноттенберга», никогда не было. Его придумала Еле-

на Гуро, художница и поэт. И написала о его смерти так, что не поверить было невозможно. И все поверили: и критики, и искусствоведы, которые даже уверяли иногда, что Гуро и зовут-то по-настоящему Элеонорой фон Ноттенберг.

Литературные мистификации – дело обычное, тем более для Серебряного века: кто только не примерял на себя разные маски! В 1912 году, когда вышел подписанный пышным немецким именем сборник «Осенний сон» со стихами об умершем сыне, еще не забылась грустная история с разоблачением самой красивой мистификации в русской литературе – Черубины де Габриак. Рыжекудрая католичка (судя по самоописаниям) потрясла весь литературный Петербург изысканными и странными стихами, поразила сотрудников «Аполлона» почтовой бумагой в траурной рамке, засушенными цветами в конверте, загадочной биографией. И вдруг обнаружилось, что под аристократической маской Черубины скрывалась некрасивая хромая учительница Елизавета Дмитриева. «Элеонора фон Ноттенберг» звучит почти так же роскошно, как «Черубина де Габриак», а Гуро и Дмитриеву связывала добрая дружба. И что самое жуткое, у Черубины–Дмитриевой в стихах (хотя и более поздних) тоже присутствует умерший ребенок. «Бледная девочка», Вероника, «детский профиль на белых подушках», «Смерть, как призрак белой дамы, встретилась с тобой и, отняв тебя у мамы, увела с собой»...

Впрочем, с Дмитриевой хоть что-то понятно – настолько она была проникнута общим духом тогдашнего литературного жизнетворчества. Ее Вероника – условна и литературна, может быть – навеяна Гейне, может быть – вымечтана и похоронена, как несостоявшийся вариант жизни, неродившийся ребенок от романа с Максимилианом Волошиным. Но зачем нежной, милой Елене Гуро, жившей в спокойной Финляндии, вдали от страстей и маскарадов петербургской литературной богемы, зачем ей-то было репетировать самую страшную для женщины роль – роль матери, лишившейся ребенка? Почему ее плач о сыне так ужасающе убедителен?

ТИШАЙШАЯ ФУТУРИСТКА

Жизнь ее была не слишком длинной и не очень богатой бурными событиями; биографию можно рассказать в нескольких строчках. Но недолгие годы были насыщены таким интенсивным творческим поиском, что хватит на целую книгу. Елена Гуро родилась в 1877 году в семье полковника, рано стала писать стихи и рисовать и в 13-летнем возрасте поступила в Рисовальную школу при Императорском обществе поощрения художников в Петербурге. Вскоре она познакомилась с художником и музыкантом Михаилом Матюшиным, за которого потом вышла замуж. Вместе с Матюшиным училась у Ционглинского; вместе с ним ушла от учителя-импрессиониста в другую студию, где преподавали Бакст и Добужинский. Прошла через увлечение импрессионизмом, символизмом, мирикусниками, искала собственные пути – и наконец выработала свою характерную манеру. Ее графика легко узнается: незавершенные наброски, которые стараются поймать что-то главное. Нежная, прозрачная, светлая живопись. А когда она начала писать стихи – они оказались такими же трогательными, светлыми, недосказанными.

Первые ее опыты – и в иллюстрации, и в прозе – никакой славы автору не принесли; правда, ее первую книгу, «Шарманка», которая вышла в 1909 году, заметили и одобрили люди самых разных литературных вкусов, от строгого символиста Вячеслава Иванова до оглушительно-нахального футуриста Давида Бурлюка. Сочетание нежной музыкальности со смелым формальным поиском пришлось по душе и тем, и другим. Но публика на книгу не обратила внимания. Сила и своеобразие неяркого и светлого, как северное лето, дарования Гуро и в самом деле оказались очевидны только самым чутким. Тираж книги не разошелся, Гуро сама рассылала ее по библиотекам тюрем и санаториев; трогательно, безумно и безнадежно – тюремная библиотека самое место для ее «совушек фонариков» и «звезд золотой бумаги».

Заметили те, кто мог заметить. Гуро могла примкнуть и к символизму, и к футуризму: оба течения были ей близки. Символизм был чуток к таинственному, внимателен к музыке и краскам; молодой футуризм яростно искал новой выразитель-

ности. «Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод, все, что встретим на пути, может в пищу нам идти!» – писал Давид Бурлюк. И пищей для творчества футуристов действительно становилось даже самое неперевариваемое: земля, навоз, весенняя грязь, городские фабрики, рычание моторов, перезвон колоколов...

Гуро сделала свой выбор: примкнула к «Гилее» – самой скандальной группе российских футуристов, куда входили братья Бурлюки, Алексей Крученых, Велимир Хлебников, Василий Каменский.

К этому времени у нее умер отец, дослужившийся до чина генерал-лейтенанта. Дочери назначили солидную пенсию, и на генеральские деньги стали выходить сборники «Гилеи». Футуристы собирались у Матюшина и Гуро – сначала в Петербурге на Песочной, потом в финском поселке Уусикиркко. Вели теоретические споры, принимали манифесты, а Гуро незаметно, молча присутствовала, но удивительным образом сцементировала эту громкую компанию. Сама она ни скандальностью, ни буйством не отличалась, напротив, к ее имени крепко прирос кем-то данный эпитет «тишайшая». И в самом деле, что это за кубофутуризм:

*...И танцует кадрили котенок
В дырявом чулке,
А пушистая обезьянка
Качается в гамаке...*

И «счастливые мандарины» на елке, и «застенчивый шум капель» – все это бесконечно далеко и от «Дыр бул шыл» Крученых, и от бурлюковского «наплевать!». Критики искренне не понимали, что Елена Гуро делает среди этих молодых людей с их грохотом, их нигилизмом, их эпатажем и презрением к хорошим манерам. «Гуро вся – тоска и молитва, где же ей барабаны, шиши и пощечины?» – восклицал Корней Чуковский.

Но ведь русский футуризм – это не только сбрасывание Пушкина с парохода современности, не только мрачный рык молодого Маяковского – «Это душа моя клочьями порванной тучи в выжженном небе на ржавом кресте колокольни!» Это и умная лирика Николая Бурлюка, и смелые, лихо сдвинутые – под

стать громозвучным товарищам – образы Елены Гуро: «Воробыищат в весеннем опрокинутом глазу»... Это и завораживающая заумь Хлебникова, который был особенно близок к Гуро. И роднившая многих футуристов любовь ко всему живому, растущему, дышащему. И не эту ли нестерпимую, до муки, любовь мы найдем под стальной броней у Маяковского?

«Что нужно выразить? – записывала Гуро в дневнике. – Мир в окраске материнской нежности. Флюид любви. Флюид героизма и нежности, искреннюю неловкую обнаженность юности – до дна, что ставит вещь вне литературы».

Она умела смотреть на мир так, как не умел никто другой. Умела заметить его крохотные повседневные радости: разомлевшего кота, у которого «от лени и тепла разошлись ушки», росток земляники, весенние ивы. Умела приласкать взглядом всех, кому особенно нужно человеческое тепло: бродячую собаку, ребенка, случайного прохожего под дождем, замерзшую девушку в большом городе.

Ее вторая книга, «Осенний сон», вышла в свет, когда у автора уже обнаружилась лейкемия. Умирала Гуро долго и мучительно. Книга получилась бесконечно грустная, прощальная – о том, как печальна, нелепа и прекрасна жизнь. В ней-то и опубликованы жуткие своей смертельной тишиной стихи о сыне. Вся книга – о жалости к людям, которым тяжело, сиротливо и неуютно в больших городах, среди «картонной пустоты» глаз под модными шляпами. Кто соберет эти озябшие души, кто поймет их, кто их согреет? Вот она пишет о человеке, который стоял у вокзала в темноте под дождем, а через три дня умер:

«Это был мой сын, мой сын, мое единственное, мое несчастное дитя.

Это вовсе не был мне сын, я его и не видала никогда, но я его полюбила за то, что он мок, как неприютная птица, и от глубокого горя не заметил этого».

Так и появился в ее стихах плач по умершему сыну – по несчастным людям, по неприютному миру, который так больно оставлять. Раз больше некому, она сама его усыновила. Для каждого нелепого персонажа у нее хватит материнской ласки, все они ей как дети. А когда начинаешь понимать, откуда появ-

Молодой футурист Бенедикт Лившиц, заехав с друзьями-гилейцами к Матюшину и Гуро за несколько месяцев до ее смерти, запомнил ее отрешенной от всего, излучающей «умиротворенную прозрачность человека, уже сведшего счеты с жизнью».

Умерла Гуро в 1913 году – последнем мирном году России. Через год увидел свет ее посмертный сборник «Небесные верблюжата» – стихи о материнской любви ко всему юному, долговязому, трогательному. «Плащ милосердия падает на весь животный мир, и люди заслуживают жалость, как небесные верблюжата, как гибнущие молодые звери с золотистым пушком», – писал о книге Хлебников.

Каждый, кто брался писать о Елене Гуро, обязательно подчеркивал: ее еще не знают, но обязательно узнают, ее время еще придет, ее поймут и оценят. «Вся она, как личность, как художник, как писатель, со своими особыми потусторонними путями и в жизни и в искусстве – необычное, почти непонятное в условиях современности явление, – писал о ней Михаил Матюшин. – Вся она, может быть, знак. Знак, что приблизилось время».

Но время приблизилось такое, что скромная лирика Гуро оказалась невостремленной, а затем и вовсе забытой. Ее имя заслонили другие имена, ее тихую музыку задавили лязг и грохот, ее мир уничтожили война и революция.

Остались стихи. Вячеслав Иванов говорил: «Тех, кому больно жить в наши дни, она, быть может, утешит. Если их внутреннему взгляду удастся уловить на этих почти разрозненных страничках легкую, светлую тень – она их утешит». И она утешает:

*Ты моя радость.
Ты моя вершинка на берегу озера.
Моя струна. Мой вечер. Мой небосклон.
Моя чистая веточка в полбедневшем небе.
Мой высокий-высокий небосклон
вечера.* 🍷

вилось в ее поэзии умершее дитя, – тут и сама она прямым текстом это подтверждает:

«А теплыми словами потому касаюсь жизни, что как же иначе касаться раненого? Мне кажется, всем существам так холодно, так холодно. Видите ли, у меня нет детей, – вот, может, почему я так нестерпимо люблю все живое.
Мне иногда кажется, что я мать всему».

НЕЖНОСТЬ ОБРЕЧЕННОГО

Публика не стала вникать в философские тонкости – приняла стихи за чистую монету: мать плачет по сыну, да, очень трогательно. Гуро вообще не очень знали и не слишком хорошо понимали: гремучей славы гилейцев ей не перепало. И ее, и Николая Бурлюка, и отчасти даже Хлебникова, гениальность которого осознали куда позже, – всех совершенно заглушили более громкие собратья – Давид Бурлюк, Маяковский, Крученых... Скандальность кубофутуристов, конечно, сделала им замечательную рекламу, но и серьезно повредила: редкие современники заметили то действительно ценное, что нес русский футуризм, – его лирическую силу, его смелость, новизну его поэтического языка, неожиданный взгляд на мир... Разглядели только жажду разрушения, обойную бумагу сборников, их дикие названия: «Засахаре кры», «Дохлая луна»... Но даже не потому Гуро осталась незамеченной, что не ругалась с публикой, не носила желтой кофты, что ее не выводили из зала приставы. Просто когда футуризм начал входить в моду, она уже отошла от теоретических споров и выступлений: она умирала. Желавшая обогреть всех, сама мерзла, уходя в долину смертной тени. Писала в одном из последних стихотворений:

*Я смертной чертой окружена.
И не знаю, кто меня обвел.
Я только слабею и зябну здесь.
Как рано мне приходится не спать,
Оттого, что я печалюсь.*

В ее книгах – нежность обреченного; через тридцать лет Ольга Берггольц замечала ту же страдальческую ласку в пристрастии умирающих от дистрофии блокадников к уменьшительным суффиксам: «хлебушек», «водичка». Это не Элеонора фон Ноттенберг тосковала о «незабвенном сыне» – это Елена Гуро, расставаясь с миром, прощалась со всем, что так любила и не смогла уберечь своей любовью.

ИЗ ЖИЗНИ ПОРУЧИКА N

МИХАИЛ БЫКОВ

«Царь закончил словами: «Поздравляю вас с производством. До свидания, господа офицеры!» Последние слова он особенно подчеркнул, повысив голос... Перевоплощение наше осуществилось. Еще пять минут назад я был солдат, а теперь! Неужели я действительно офицер? Неужели я уже человек, настоящий человек?!»

Из воспоминаний князя Владимира Трубецкого, 1912 год

Мама моя служила в Российской государственной библиотеке, тогда еще Ленинке. Нередко после занятий я торопился в центр Москвы, чтобы под прикрытием ее синего удостоверения проникнуть в недра библиотеки и обменять прочитанные книги на новые, полные тайной прелести. А затем, расставшись с мамой, спешил в находившийся рядом с библиотекой громадный магазин с волнующим названием «Военторг».

На первых этажах его чрева все было как в обычных советских универсамах первой половины 70-х. То есть скучно и уныло. Но на третьем этаже любой мальчишка, даже ничтожный консерваторский рохля со скрипичным футляром в руке, попадал в мир яркий и звонкий. Там торговали всякой военной всячиной. Начиная со звездочек на пилотки и заканчивая отрезами ткани цвета черной ночи, хаки и маренго, из которых шилась офицерская и генеральская форма...

«Военторга» нынче нет. Который год уже здание реконструируют, обещая открыть тут современный торговый центр. Где теперь покупают ткань для «парадки» выпускники российских офицерских училищ, пардон, институтов?

В старом «Военторге» продавались форменные пуговицы. Блестящие, под золото, со звездами и якорями, крыльями-пропеллерами и железнодорожными молоточками – разные. Купить их было невозможно, равно как и все остальное. Продавать военный товар разрешалось только военнослужащим по предъявлении документа. Но мы, лефортовские пацаны, знали, где волшебные пуговицы можно достать даром. А если повезет, то и погоны с петлицами. Рядом с площадью Красных ворот, за правым плечом гранитного Лер-

монтова, через дорогу в полуподвале старинного некогда жилого дома работала крохотная фабрика. Мрачные неопрятные женщины в синих халатах на покрашенных зеленой масляной краской станках штамповали эти самые пуговицы в гигантских количествах. Там же делали и прочую военную атрибутику.

Летом жара в цехе, видимо, становилась нестерпимой, и женщины открывали окна настежь. Целый день перед их глазами мелькали в окнах-бойницах ноги людей, спешащих в сторону Трех Вокзалов. Но когда в этих окнах возникали наши счастливые до глупости лица, женщины теряли присущую им мрачность, и нам кое-что перепало.

Этими пуговицами, предварительно сплюснутыми, мы играли в расшибалочку. Не знаящие нашего секрета несчастные ставили на кон сплюснутые пробки от сидра и пива. Сейчас, если кто из мальчишек играет в азартные игры, то только на деньги. Кстати, о деньгах. Лет с семи я уже твердо знал, что жизнь советского офицера прекрасна. В том числе и потому, что денег у него всегда в достатке. Об этом я мог судить по отцу моего близкого друга, подполковника, служившего в бронетанковой академии. Да и вообще – об этом все знали!

Как сейчас все знают, что жизнь российского офицера в материальном плане весьма и весьма незавидна. А еще лет пять назад она была незавидна и в плане моральном. Доминировало мнение, что в офицерский корпус идут те, кто даже в токарный колледж поступить не смог. Соответственным было и отношение. Интересно, в какой период нашей исторической жизни преобладало традиционное отношение к армии и к ее цвету – офицерству? Стало быть, надо определить, какова она, эта традиция.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий князь Константин Константинович Романов в роли Иосифа Аримафейского в спектакле по пьесе «Царь Иудейский» собственного сочинения

Давайте не будем лезть в историю слишком глубоко. Довольно сказать, что в моральном аспекте русские воины-профессионалы испокон веку не могли пожаловаться на недостойное к себе отношение народа и власти. Содержали, бывало, плохо. Но уважали всегда.

Пожалуй, впервые офицерское сословие подверглось систематическим и масштабным гонениям со стороны остального общества в ходе Русско-японской войны и особенно сразу после ее безрадостного завершения.

Именно в 1905–1908 годах русские офицеры чувствовали, вероятно, то же самое, что их потомки в 90-е годы прошлого века и в первые годы века нынешнего.

Так как же жил-был русский офицер сто лет назад?

ДОЛГ И АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

Не стоит фокусировать внимание на крохотных армейских гарнизонах. Хотя бы потому, что на них в свое время излишне сфокусировал внимание талантливый писатель Александр Куприн, сам служивший недолго – с 1891 по 1894 год – младшим офицером в обыкновенной армейской части – 46-м Днепровском

пехотном полку. Позволю себе усомниться в объективности его литературных полотен на военную тему. Иначе очень трудно понять, как в годы Первой мировой войны вели в бой свои роты спившиеся и отупевшие русские офицеры, три четверти которых, по Куприну, страдали сифилисом.

Куда более точно описал армейские будни в заштатных гарнизонах генерал Антон Деникин в замечательных очерках «Офицеры», «Старая армия» и «Путь русского офицера». Сразу замечу, Антон Иванович родом из простой семьи, в списках гвардии не значился и даже в один момент чуть не погубил офицерскую карьеру любовной стычкой – всего лишь – с начальником Академии Генерального штаба генералом Сухотиным, протеже военного министра Куропаткина.

Имеются в деникинских строчках и сожаления о серости армейских будней, и скупые пожелания в адрес власти больше думать о душе и кошельке простого офицера. Но одновременно есть на страницах его книг и подтверждения того, что офицерство в целом оставалось верным принципам долга и чести, дружбы и профессионализма, которые оно впитывало еще в кадетском возрасте.

Вот что писал Антон Иванович Деникин по этому поводу, отталкиваясь от собственных воспоминаний о Киевском юнкерском училище: «Самовольная отлучка или рукопашный бой с «вольными» где-нибудь в подозрительных предместьях Киева, когда надо было выручать товарищей или «поддержать юнкерскую честь», встречали полное одобрение в юнкерской среде. И наряду с этим кара за них почиталась все же правильной». Все традиции, все принципы офицерского корпуса России более выпукло и ярко проявлялись там, где концентрация военных превышала привычные нормы. И в тех частях, где могли похвастаться не только штатным знаменем, но и наградными знаменами, георгиевскими трубами и боевой историей. В Петербург, господа, в Петербург!

резвон – вы знали уже, что где-то рядом шествует приехавший в столицу провинциальный ухарь-армеец, гусар-красноштанник. Но если до вашего слуха доносилась мягкая и благородно дзинькующая мелодия – рядом офицер, носящий знаменитые савельевские шпоры» – так объяснял князь Трубецкой необходимость посетить именно лавку Савельева.

Впрочем, хорошие шпоры можно было найти у Фокина. Все равно этот магазин не миновать. У Фокина – ремни и портупеи, эполеты и темля-

ки, краги и фляги, лядунки и ташки, фуражки и каски. У Фокина же лучше всего получались знакомства с «белыми дамами». Так на армейском жаргоне называлось холодное оружие.

А еще надо было успеть к сапожнику, к шорнику, к лошадинику. Лошадиный вопрос стоял особенно остро. Дело в том, что офицер обязан был привести в полк собственную лошадь, в гвардии – двух. Причем какой-нибудь Росинант за 125 рублей мог еще проскочить в армейском драгунском полку. Да и то случайно. А кавалеристам гвардейских дивизий приходилось раскошеливаться. Хороший конь мог попасться и за 300 рублей, бывало, платили больше тысячи. Все могло сойтись: и лошадь отменная, и цена подходящая, а масть не годится. Что поделаешь, конные эскадроны в строю должны были соответствовать званию императорской кавалерии. Конная гвардия сидела на вороных «медведях», кавалергарды – на гнедых, синие кирасиры ее величества – на рыжих. «Медведями» в русской армии называли громадных кирасирских коней, рост которых в холке не мог быть ниже 160 сантиметров. В легкой кавалерии лошади тоже подбирались в масть.

Вся эта карусель с приобретением формы, снаряжения, оружия, лошадей начиналась после того, как будущий офицер получал подтверждение о том, что выбранный им полк готов его принять.

ЧЕСТЬ ПОЛКА

В этом вопросе традиции русской армии работали в полную силу. В первую очередь традиция под названием «честь полка». Полковое офицерское собрание тщательно изучало кандидатуру будущего офицера и отказывало просившему, если находило, что кандидат своим появлением способен нанести вред чести полка, негативно повлиять на сложившиеся в полку отношения. Известны случаи, когда офицеры-кавалергарды отказывали в праве носить форму их полка членам императорской фамилии.

ПО МАГАЗИНАМ!

Здесь, в Петербурге, находилось большинство офицерских училищ – Пажеский корпус, Николаевское кавалерийское, Павловское и Константиновское пехотные, Михайловское артиллерийское, Николаевское инженерное, Морской корпус. Отсюда, из Петербурга, каждый год после производства разъезжались по полкам и батареям офицеры, не получившие по различным причинам права выйти в гвардейские части столичного гарнизона. К слову, в конце XIX – начале XX века в Петербурге и окрестностях дислоцировалось до 1/10 всей российской армии мирного времени.

Помимо выпускной оценки, которая в первую очередь и влияла на возможность выбрать полк, будущего офицера в последние недели учебы особо занимала сугубо материальная проблема. Ко дню производства нужно было иметь готовую офицерскую форму, в которую переодевались в тот же день, дабы праздновалось получение эполет как положено.

«Военторга» еще не было. Но были, были изумительные мастера своего дела! Редкий офицер в Питере не делал заказ почтенному Норденстрему, портному, одевавшему и «мрачных» конно-гренадер, и недосыгаемых преображенцев, и кавалергардов, признававших только один шик – отсутствие всяческого шика. Ателье Норденстрема находилось не где-нибудь – на Невском. Шпоры, обязательная принадлежность того времени, приобретали у Савельева. «Если вы слышали позади себя на улице громкое и вызывающее бряцание, вы, не оглядываясь, смело могли сказать, что за вами идет либо жандарм, либо какая-нибудь штабная крыса из комендантского управления. Если до вас доносился тонкий, задорный, кокетливый или же крикливый пе-

БЕЗ НАДБАВОК И ЛЬГОТ

С 1 декабря 2007 года денежное вознаграждение лейтенанта (командира взвода) составляет 10 200 рублей, капитана (командира роты) с выслугой от 5 до 10 лет – 11 500 рублей. С 1 декабря 2008 года доходы составят 11 700 рублей и 13 200 рублей соответственно. Это без надбавок и льгот. Распространяется на офицеров, несущих службу не в столицах и не в отдаленных точках. Министр обороны РФ ежемесячно получает свыше 90 000 рублей. Это – без надбавок и льгот.

И еще. Обыкновенная автомашина стоит сегодня более 250 000 рублей. Обыкновенная лошадь на конезаводе «Хреновое», что в Воронежской области, обойдется офицеру тысяч в 70.

А вот другой пример. На лагерных учениях под Красным Селом юный корнет-кирасир, желая, видимо, придать процессу дополнительную мужественность, прошелся по рядам вверенного ему взвода отборным матом. Авторитетнейший в полку ротмистр Данилов заметил корнету: «Когда ты непотребными словами оскорбляешь людей, одетых в ту же форму, какую носишь сам, ты этим оскорбляешь свой собственный мундир, а следовательно, и тот полк, который мы все любим. Не забывай, что ты имеешь дело не с лакеями и хамами, а с солдатами-кирасирами, призванными на службу самому государю».

Аналогичным образом относились в полках и к «держимордам». Владимир Гиляровский вспоминал о службе своей вольноопределяющимся в Нежинском пехотном полку: «Одному из солдат за побег и промотание казенных денег полковой суд присудил пятьдесят ударов розог. Экзекуция проходила в присутствии всего батальона. Когда она началась, большинство молодых офицеров отвернулись. Но нашелся один офицер, который излишне усердствовал в этом деле, приказывая сильнее бить провинившегося, чаще менять розги, что довело командира батальона до крайнего возмущения, после чего он отправил штабс-капитана под арест. Возмущались и другие офицеры...» Дело чуть не кончилось вызовом на дуэль. Смягчились только после общего согласия «выкурить ненормального» из полка.

В гвардии рукоприкладство было официально под запретом. Офицеров, нарушивших это правило, частенько ждал военный суд, минимум крайне жесткое решение суда чести полка.

Что еще входило в понятие «честь полка»?

Офицер должен был покинуть полк в том случае, если не мог отдать денежный долг. Если долг относился к постороннему человеку, офицерское собрание находило нужную сумму, но никакого снисхождения лично к должнику не следовало. Если, разумеется, должник самостоятельно не исправлял ситуацию.

Как-то двое корнетов Сумского гусарского полка, стоявшего в Первопрестольной, в Хамовниках, поехали в привокзальный ресторан привести себя в порядок после изрядной пирушки. Позавтракали и попросили счет. Очень скромный, надо признать. Оказалось, и такой наличности не хватает. И тогда корнеты приняли поистине кавалерийское решение: заказали дорогого шампанского, икры, пригласили цыган. Погуляли на весьма приличную сумму. Под ко-

нец заявили метрдотелю, чтобы ресторан записал на их счет, а им пора в полк. Метрдотель безропотно согласился. Гусары! А гусары примчались в казарму, рассказали товарищам, те собрали денег и выручили корнетов. На следующий же день они вернулись в ресторан и расплатились.

Анекдот же вошел в неофициальную историю полка. Почему? Находчивость позволила корнетам сохранить честь Сумского полка. Хороши бы были сумцы, если б Москва узнала, что офицеры этого славного полка не имеют денег, чтобы позавтракать в вокзальном буфете! Пообедать на сотню – другое дело. А кто, спрашивается, возит с собой такие деньги?

Блюсти честь полка означало не позволить нанести себе оскорбление действием ни при каких обстоятельствах. Редко, но случалось, что офицер становился жертвой уличного нападения или драки. Еще реже случалось так, чтобы после такого инцидента офицеру не приходилось бы подавать в отставку.

СКРОМНЫЙ БЮДЖЕТ

Понятие «честь полка» распространялось и на семьи офицеров. Поэтому во многих полках офицеру, желавшему вступить в брак, требовалось согласие полкового офицерского собрания. «Офицерские жены составляли как бы часть полка, – писал кавалергард граф Александр Игнатъев, – моему товарищу князю Урусову, женившемуся на дочери купца Харитоненко, пришлось уйти из полка, ему запретили явиться на свадьбу в кавалергардском мундире».

Гвардеец мог брать в жены только дворянских дочерей.

Уходить из полка приходилось и таким мужьям, кто женился на дамах, замеченных в активной партийно-политической деятельности.

Женатых офицеров в полках всегда было меньше, чем холостых. Объяснялось это просто. Большинство состояло из обер-офицеров: прапорщиков, подпоручиков, поручиков, штабс-капитанов – людей по большей части молодых. Так, средний возраст пехотных офицеров в самом конце XIX века составлял: у подпоручика (сейчас – младший лейтенант) – 24–25 лет, поручика (лейтенант) – 27–28 лет, капитана – 44 года, полковника – 50 лет. Но главная причина холостяцкого житья была в другом – слишком скромном денежном содержании русских офицеров. Военное ведомство даже выпустило приказ, запрещавший жениться офицерам в чине ниже штабс-капитана (старший лейтенант) и в должности ниже помощника командира роты.

Перед Русско-японской войной, в 1903 году, платили: подпоручику – 70 рублей в месяц, капитану – 145, подполковнику – 200, полковнику – 265, генерал-лейтенанту – 500. Были различные надбавки и льготы. В частности, за службу на Кавказе

залось бы, как это корреспондируется с поэзией Дениса Давыдова, с юнкерскими поэмами Лермонтова, со всем эпистолярным наследием русского офицерства?

Очень просто: знали меру. И пили качественные напитки. И очень основательно закусывали. Не знавшие меры, как правило, пить продолжали, но уже в отставке. «По склонности к напиткам не аттестуется» – была

и такая формулировка в приказах.

Что еще мог позволить себе капитан?

Костюм стоил 5–8 рублей, пальто – 10–15.

Но капитану они были ни к чему. Офицерам запрещалось носить гражданское платье.

Даже находясь дома, офицер надевал вицмундир, если знал, что ему нанесут официальный визит.

Сам офицер делал визиты только в пролетке, если, конечно, не располагал собственным выездом.

ЖИЛИ КАК МОГЛИ.

УМИРАЛИ КАК ДОЛЖНО

Куда выезжал офицер в свободное от службы время, которая отнимала, кстати, ежедневно по 8–10 часов, не считая караулов, дежурств и парадировок?

В театр. По воспоминаниям гвардейского егеря Владимира Геруа, билет в первый ряд стоил до 10 рублей. В то же время было принято, чтобы офицер сидел не далее седьмого ряда. 50-процентная скидка, само собой, помогала, но истинным театралам-офицерам приходилось несладко.

Ездили на балы, где молодые офицеры танцевали много, но, по возможности, с разными дамами. Приглашение одной девицы на два танца подряд могло рассматриваться как серьезные намерения, имеющие соответствующие последствия.

Играли? Конечно, играли. В карты, в винт особенно. Много драматических сюжетов закручивалось вокруг карточных игр. Ну да ведь это не только в русской армии так было. Так было везде и всегда.

«Играли и в азарт, – вспоминал лейб-драгун А.Б., – но так как очень денежных людей не было, то не зарывались особенно. Хотя помню раз, что компания сидела что-то трое суток в одной из квартир в холостом доме. Кто-то проиграл, что-то около 12 тысяч! Тогда старший из присутствующих встал, запер дверь на ключ и не открывал дверей до тех пор, пока несчастливец не отыгрался».

Играли не только в карты. Во всех полковых собраниях имелся бильярд. Губернатор Московской области генерал-полковник Громов

и в Средней Азии давали полуторную надбавку к жалованью. Имелись лагерные, дровяные, осветительные, командировочные, проездные (второй класс железной дороги), фуражные (для офицеров, содержащих коня по должности). Билеты в театр офицеры приобретали за половину стоимости. Их дети учились в военных училищах за казенный счет.

Одновременно с этим офицер сам платил за квартиру, покупал снаряжение и форму. А еще приходилось платить взносы в офицерское собрание, скидываться на различные праздники и подарки полковым дамам, старым полковым командирам, шефам полка из августейших домов России и Европы.

В любом случае молодой офицер получал доход меньше, чем квалифицированный рабочий и уж тем более представитель гражданской интеллигенции. Денег не хватало.

Что можно было себе позволить на 145 капитанских рублей плюс надбавки? Если учесть, что капитан в должности командира роты обязан был снимать 2-комнатную квартиру. Да-с, таковы правила! Полковник имел право жить только в 5-комнатной, не меньше. Но и стоили эти многокомнатные квартиры соответственно.

Сорок-пятьдесят рублей в месяц – это тот предел, ниже которого ни один владелец жилья в Питере не опускался, если его просили сдать 2-комнатную квартиру.

Победать в столице можно было за копейки в буквальном смысле слова. 12 копеек обходился «закусон» в кабаке. Но в том-то и проблема, что офицерам категорически запрещалось питаться в кабаках. Либо офицерское собрание, либо приличные рестораны, где стоимость обеда увеличивалась в разы. В «Англетер» фрикасе шло по 25 рублей за порцию, а стерляжья уха – по 8.

Конечно, есть можно было дома. Если он, этот дом, все-таки имелся. Кило говядины стоило 80 копеек, постной свинины – 50, курица – 30, бутылка дешевой водки – тоже 30. С деликатесами, однако, сложнее. Килограмм сыра, например, обходился в 3 рубля с полтиной.

В результате молодые офицеры принимали пищу в собраниях своего полка, где цены заметно отличались от городских.

«В собрании обед и ужин стоили гроши, так как дичи, мяса, рыбы и овощей было вволю, получали все из первых рук. Знаменитые налимь и сырты не сходили у нас со стола», – писал один из офицеров лейб-гвардии Драгунского полка, стоявшего в то время в Кречевицах, под Новгородом.

В Петербурге было скромнее и дороже. Обеды и ужины в собрании обходились не менее 20 рублей в месяц.

Обедавшие в полку добровольно брали на себя ряд ограничений. Прежде всего по употреблению спиртного. Надо сказать, пьянство в русской армии сильно не приветствовалось. Ка-

так объяснил свою любовь к этой игре: «В царское время офицеры много времени проводили за бильярдным столом. Поскольку искусство владения кием считалось своего рода одной из воинских доблестей».

Еще в 1881 году вышло Положение об офицерских собраниях, в котором предписывалось ради содействия развитию в среде офицеров военного образования и взаимного сближения «учредить в частях офицерские собрания с библиотекой, столовой, фехтовальными и гимнастическими залами с принадлежностями, бильярдом, стрельбищами и т.п.». Позже бильярд был официально признан важным военно-прикладным занятием для всего офицерского состава армии. А еще позже эти распоряжения генералов Ванновского и Куропаткина сослужили бильярду плохую службу: в Советской России игру признали вражеской и запретили.

Военно-прикладное значение спорта в официальном признании не нуждалось. Сто лет назад в русской армии особым успехом пользовались разнообразные скачки, стрельба, фехтование, парфорсная охота. Распространялась спортивная гимнастика. Офицерам разрешалось заниматься спортом в специальной спортивной одежде. Так, как это делали гражданские. Но с двумя условиями – двуглавым орлом на груди и бело-сине-красным поясом на бедрах.

Как бы ни экипировались офицеры-спортсмены, но в составе сборной России на пятых Олимпийских играх в Стокгольме из 178 человек 85 представляли армию. 14 кавалеристов, 22 фехтовальщика, 20 стрелков, 3 легкоатлета, 21 гимнаст и 5 пятиборцев. Представляли, надо признаться, неважно. Русская команда завоевала всего четыре медали: две серебряные и две бронзовые. «Чистый» спорт в России только начинали культивировать, физическую культуру рассматривали по большей части в прикладном аспекте.

Пользовались популярностью музыкальные вечера, пикники, домашние театральные постановки. Правда, офицерам не разрешалось принимать участие в тех спектаклях, где играли профессиональные актеры, но на любительском уровне запрет не действовал. Окончательно его подверг ревизии знаменитый поэт К.Р., в житейской своей ипостаси великий князь Константин Константинович, придумавший вместе с однополчанами знаменитые впоследствии «Измайловские досуги». Эти концертно-театральные вечера лейб-гвардии Измайловского полка продолжались три десятка лет, в том числе и в окопах Первой мировой. Офицеры-измайловцы собирали весь цвет петербургской публики, а некоторые постановки в театре «Эрмитаж» выглядели совершенно профессиональными. Ни у кого язык не повернулся упрекнуть К.Р. и его сподвижников в нарушении офицерского этикета.

Офицеры в России жили как могли.

Но умирали как должно...

Поражение в войне на востоке становилось все очевиднее. И все озлобленнее и яростнее нападали на армию партийные газеты, как либеральные, так и социалистического толка. Наводя порядок внутри страны во время волнений на Транссибе и в обеих столицах, армия стала объектом уже политических атак. Николай Второй понял, что оплот империи требует особого внимания. С 1905 года началась армейская реформа.

Управление армией было децентрализовано, появились Главное управление Генерального штаба и Совет государственной обороны. Сократились сроки службы. Офицерский состав омолодился.

В 1909 году улучшились материальные условия жизни офицеров и нижних чинов.

Тот самый капитан стал получать более 200 рублей в месяц (оклад плюс добавочные плюс столовые), а поручик – более 100.

Дабы укрепить армию в ее традициях, полкам вернули парадную форму, стиль которой напоминал мундирный стиль победного 1812 года.

Активно обсуждались меры моральной поддержки офицерского корпуса. Впрочем, нужны ли были именно такие меры армии тогда, судите сами.

«Мы двигались в походной колонне по улицам местечка Р. Батальонный командир заметил древнего старца, который при виде наших мундиров снял шапку и вытянулся.

– Ты что, дед? – спросил батальонный командир. – Почему стоишь смиренно?

– А как же, – ответил старик, – ведь это ж мой родной полк. В таком вот мундире я, батюшка мой, еще на туретчину ходил...

Батальонный повернул коня и помчался к полковому командиру. Генерал приказал развернуть все 16 полковых и ротных знамен, и мы торжественным маршем, под музыку, с развернутыми знаменами прошли перед ветераном...

В журнал полка в тот же день было записано точное место и время встречи с ветераном», – вспоминал один из офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка. 📖

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТОРЕВЫМ

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ

МИХАИЛ БЫКОВ

Первым официально окрестил эту войну Крымской советский историк академик Евгений Тарле. Кончилась она действительно в Крыму, когда русские войска после 349-дневной обороны оставили базу Черноморского флота – Севастополь. Но вот начиналась Крымская война на Дунае, а продолжилась на Кавказе и в Малой Азии, на Белом и Балтийском морях, на Тихом океане.

Бомбардирование
Бомарзунда
18 августа
1854 года

Меня с ранних лет, едва начал формироваться стойкий интерес к военной истории Отечества, удивляли очевидные несоответствия в традиционной для советского времени подаче кровавых событий середины XIX века. А именно: стояла ли любовь к демократии в прогрессивной Османской империи и примкнувших к ней позже не менее демократических монархиях Франции, Великобритании и, конечно же, Пьемонта (Сардинии) тех потерь, что понесли эти страны в борьбе с «тюрьмой народов» и ее начальником, царствующим «палачом свободы» Николаем Первым? И второе: месяцы боев, десятки тысяч убитых, огромные флоты под парами и парусами – все это вокруг крохотного пятачка русской земли в Крыму. Как-то не слишком разумно с точки зрения военной стратегии и уж вовсе глупо, если по-

смотреть на результаты войны, зафиксированные в протоколах Парижского мира 1856 года.

Постепенно все рассекретилось и прояснилось. На Крымскую войну можно посмотреть глазами ее участников. Среди которых не будет ни замечательного русского адмирала Нахимова, ни его боевых товарищей по Черноморскому флоту – адмиралов Корнилова и Истомина. Не будет блестящего военного инженера Тотлебена и военного хирурга Пирогова. Не будет даже героев прежних учебников истории – простого матроса Кошки (на самом деле комендора. – Прим. авт.) и сестры милосердия Даши Севастопольской. Не будет никого, кто отличился при обороне Севастополя в Крымскую войну.

Но будут другие.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ. СОЖАЛЕНИЯ РОТМИСТРА ШЕНШИНА

Если бы нам удалось поговорить сегодня с адъютантом военного министра ротмистром Шеншиным, он мог бы рассказать примерно следующее:

– Государь отправил меня на Аландские острова в июле 1854 года, и я прибыл на главный остров архипелага. Мне было приказано Его Величеством раздать награды отличившимся 9 июня при бомбардировке острова и передать коменданту полковнику Бодиско последние инструкции. В них говорилось о том, что надобно делать, если удерживать форт станет невозможно.

Важно заметить, что к тому времени на Бомарзунде (пролив при входе в Ботнический залив. – **Прим. ред.**) стояла каменная сводчатая двухэтажная казарма, рассчитанная на гарнизон в 2500 человек. В стене казармы, выходящей на пролив Бомарзунд, насчитывалось 115 амбразур. Кроме того, огонь можно было вести с трех башен и с 4-орудийной береговой батареи. Честно признаюсь, даже поверхностного взгляда довольно, чтобы понять все несовершенство недостроенных укреплений на Аландских островах, коим предстояло закрывать врагу проход к финскому берегу у города Або.

В распоряжении полковника Бодиско было 42 офицера и 1942 нижних чина, включая ссыльных и штрафников. Стрельбу предполагалось вести из 112 орудий.

А что противник? Насколько мне известно, первую атаку англо-французский флот предпринял 9 июня. Английский капитан Халль привел к Бомарзунду три пароходо-фрегата с 144 орудиями на борту. Британцы начали обстрел, но русский форт молчал, пока корабли не сократили дистанцию. И тогда заработали береговые пушки. Все три фрегата получили серьезные повреждения и бежали. Позже капитана Халля обвинили в откровенной глупости, но его выходка сослужила хорошую службу командующему объединенным флотом адмиралу Непиру. К тому времени адмирал убедился, что его приход на русскую Балтику в самом конце марта лишен всякого военного смысла. И потому, что корабли погнали в море плохо оснащенные и недоукомплектованными, и потому, что в английском адмиралтействе, вероятно, плохо представляли себе стратегические цели этого похода. Как бы то ни было, но Непир вот уже более двух месяцев болтался в Финском заливе. Попытался было атаковать наш гарнизон на полуострове Гангут. Пятичасовая артиллерийская дуэль закончилась тем, что два фрегата получили повреждения, а еще

один сел на мель. Форт потерял 9 нижних чинов ранеными. Что бы сделал британский адмирал, если бы узнал, что его эскадре противостояли всего-то 1200 русских с четырьмя орудиями, которыми командовали герой Бородина (!) подполковник Моллер и 70-летний артиллерийский капитан Семенов?

Еще 8 июня Непир отправил домой депешу, в которой излагал план дальнейших действий. Он всячески подводил к тому, что взять крепость Свеаборг, прикрывающую Хельсингфорс, и тем более Кронштадт, оберегающий Санкт-Петербург, практически невозможно. Посему приемлем только третий путь – к Аландским островам с целью уничтожения тамошнего форта. Самонадеянный поступок капитана Халля придал значимости укреплениям Бомарзунда в глазах Лондона, и эскадра пошла туда. В ее составе было 42 вымпела. Они несли свыше 3000 орудий и 13 000 человек десантного войска.

Боевые действия начались 26 июля 1854 года. 10 дней понадобилось союзному флоту, чтобы добиться своего: разрушить форт и башни и принудить гарнизон к прекращению огня. Удивительно, как прозорливо оценил ситуацию Его Величество, когда в канун Аландских событий писал князю Меншикову: «Союзный десант уже подошел к Аланду. Гарнизон в добром духе и, я надеюсь, продержится дней десять...»

Наши потери в Бомарзунде составили 53 убитыми, англо-французские – от 300 до 400 убитыми и ранеными. Еще более 1200 человек союзники потеряли от эпидемии холеры.

И все же им удалось представить события в таком виде, будто они победили в крупном сухопутно-морском сражении и овладели мощной крепостью, охранявшей весь Финский залив и Ботнический в придачу. Что ж, пусть в Англии думают что хотят. Важно, что даже такой сомнительный успех оказался самым большим их успехом на Балтике.

Сам я в Аландском деле не участвовал, так как, выполнив поручение императора, переоделся рыбаком и успел вернуться в Петербург. Помню, писал по возвращении графу Орлову, что «бедный гарнизон Аланда выдерживает последний натиск и погибнет с честью».

Пока Аланд сражался и позже, Петербург весьма спокойно смотрел на присутствие вражеского флота в Финском заливе. Видать, все были уверены в государе и в Кронштадте. Дачники не отказались от привычного образа жизни и как в мирное время ездили из Петергофа и Ораниенбаума на Красную горку смотреть английские корабли, маячившие на горизонте. Впрочем, вскоре это развлечение приелось и перестало вызывать интерес. Я же, побывавший на Бомарзунде и знавший его защитников, следил за судьбой этих людей с интересом неослабевающим. Равно как и за всем, что происходило на Балтике в ту войну.

БЕЛОЕ МОРЕ. КРЕСТ АРХИМАНДРИТА АЛЕКСАНДРА

Немало рассказал бы нам о событиях, нарушивших мирное течение жизни Архангельска, Новодвинска и Соловков, настоятель тамошнего монастыря отец Александр. Например, такое:

– После царя Петра толком нашими северными землями на предмет охраны границы никто не занимался. Архангельск имел гарнизон в 4000 человек да 50 старых и плохоньких пушек. Знаю, незадолго до войны начальник Архангельского порта запросил Петербург о помощи солдатами, орудиями, деньгами и материалами для укрепления береговой линии по фарватеру Двины. Чем-то помогли, в чем-то отказали. Новодвинскую крепость подняли по новой, снабдили 38 пушками, по берегу учинили 11 батарей с 52 пушками. Построили аж 20 канонерских лодок. На них поставили еще 40 орудий. Людей, правда, не прислали. Ни одного человека. Но командир контр-адмирал Бойль оказался доволен. А посему не забыл и нашей обители. Выделили нам 8 шестифунтовых орудий. От ценностей всяческих монастырь избавили, вывезя их подальше от берега. Солдат нам не дали. Зато обязали окрестных поморов помогать при случае. Для чего их снабдили 3000 ружей и огненным запасом.

Как выяснилось позже, все сделанное оказалось не напрасным. С Божьей помощью отбили мы от французов с англичанами. Те, разорив напоследок Колу и Пушлахты в Онежском заливе, этим подвигом только и могли похвастаться. С чем, собственно, и отбыли восвояси.

Но прежде пришлось нам подраться. В июне вошли в Белое море с запада три английских парохода с шестью десятками пушек. Стрелять не стреляли, но селенья на берегу кое-где пожгли. А затем, убоявшись мериться силами с архангельским и уж тем паче новодвинским гарнизонами, решили, видать, монахам смелость показать.

6 июля 1854 года со стен монастырских увидели мы два винтовых корвета с британскими флагами. После крест-

ного хода с чудотворными иконами решили мы другой ход провести – с двумя пушечками вдоль берега. Рассказывали потом, что англичане с перепугу перепутали наш отряд в несколько десятков послушников да богомольцев с «множеством войска, спрятанного в лесу». Вот и открыли по нас артиллерийский огонь. Мы – в ответ. Британцы и примолкли. А вечером капитан Оммалей, представившийся через парламентаря главнокомандующим эскадрой Ее Величества на Белом море, потребовал сдачи гарнизона. Я отвечивал, что нет на Соловках никакого гарнизона, кроме инвалидной команды для охраны монастыря. Стало быть, и сдаваться в плен некому. Пока мы разговоры разговаривали, фейерверкер Другильский недалеко от берега снарядил 3-орудийную батарею.

Утром следующего дня началась бомбардировка монастыря. Ядра летели до вечера. Мы тоже без дела не сидели. Восемь монастырских пушек и батарея Другильского славно потрудились. Вражеские корабли ушли ни с чем, в монастыре все остались целы. Только гостиница сгорела.

Это уж после нас англичане пошли в Онежский залив, где пакостили на острове Кий и под городом Колой в отсутствие какого-либо войска с нашей стороны. 31 июля появились и французы. Два корабля порыскали по Белу морю и к концу сентября вместе с англичанами и ушли. Вот такая у нас война вышла.

ОХОТСКОЕ МОРЕ. ГИБЕЛЬ КНЯЗЯ МАКСУТОВА

О смертельной ране молодого морского артиллерийского лейтенанта князя Александра Максудова и о других делах в Авачинской бухте губернатор Петропавловска-Камчатского генерал-майор Завойко рассказал бы, наверное, так:

– Вражеская эскадра пробыла у нас «в гостях» недолго, всего каких-то 10 дней. Но выдержать эти дни оказалось делом нелегким. И если б загодя не побеспокоились, вряд ли все закончилось бы нашей победой.

Еще осенью 1853 года на Дальний Восток отправились три фрегата, два транспорта, корвет и шхуна. Часть кораблей шла в устье Амура, часть – к берегам Камчатки.

Странное дело, мир с западными странами еще не нарушился, жили по морскому закону. Но вот, поди ж ты, английская общественность, якобы обеспокоенная движением нескольких русских кораблей, к тому же идущих порознь, в сторону Индии и Китая, потребовала от адмиралтейства пресечь и потопить. В охоту за русскими судами и кораблями пустился английский адмирал Прейс, чей отряд усилили французским. Итого под флагом адмирала собралось 8 кораблей с 258 орудиями.

Как ни старался адмирал, ничего у него не вышло. Все русские борта прошли туда, куда им полагалось. В начале июля 1854 года транспорт «Двина» и фрегат «Аврора» вошли в Петропавловскую бухту, остальные соединились с морским отрядом адмирала князя Путятина в устье Амура.

Видать, серьезную клятву дал перед походом адмирал Прейс, раз покончил с собой, не справившись с возложенной на него задачей!

В исполнении этого решения он не оплошал, и вражеская эскадра подошла к Петропавловску с серьезными намерениями. Тут как нельзя кстати пришлось орудия, доставленные из европейской России транспортом «Двина». На вооружение береговых батарей пошли орудия одного борта с фрегата «Аврора». 14 июля мы получили извещение о вступлении в войну с нами Франции и Англии, а к 17 августа были полностью оборудованы семь батарей. Встретить врага мы могли огнем 45 орудий. В гарнизоне было трудно с личным составом. Пришлось мобилизовать чиновников и простых горожан, а также взять часть экипажей с кораблей. Всего набралось 42 офицера и 879 нижних чинов.

17 августа чужой пароход появился у Петропавловска. Для рекогносцировки. Что особенно любопытно, шел он под американским флагом.

День спустя к нему присоединилась вся эскадра. Мы не стали ждать, когда 204 английских и французских орудия поздороваются с нами, и поприветствовали их первыми. Противник сразу же отошел.

Только через два дня, 20-го, англо-французские силы предприняли генеральный штурм. После двухчасового обстрела наших батарей вдоль и поперек десант из 600 человек на 15 баркасах поплыл к берегу. Ему удалось захватить батарею №4, которой доблестно командовал мичман Попов, не потерявший ни одного человека. Но победу праздновали недолго. «Аврора» и «Двина» пушечным огнем выгнали французов назад на голый берег.

Блестяще сражался со своей батареей №2 лейтенант князь Максудов, не отставали артиллеристы батареи №3. К вечеру корабли противника ушли подальше от береговой линии. Их потери так и остались неизвестными, мы лишь засекли множество поврежденных на кораблях и баркасах. Мы лишили 6 солдат убитыми и 12 – ранеными. Кроме того, был ранен офицер.

Три дня противник ничего не предпринимал. Дело шло к тому, что, оконфузившись и предполагая в Петропавловске серьезный гарнизон, союзная эскадра окончательно покинет Авачинскую бухту и пойдет искать военного счастья в другом месте. Однако 23 августа из города бежали несколь-

ко американцев. Им удалось пробраться на английский флагман «Президент». Они-то и сообщили, что силы наши крайне скромны и что зарядов на каждую пушку немного.

Тут же в эскадре приняли решение атаковать на следующий день. Пошли с севера. И так получилось, что против 60 с лишком орудий «Президента», «Форта» и «Вираго» мы смогли выставить только 8. Однако наши артиллеристы стреляли так хоро-

шо, что союзники рискнули высадить десант только после того, как упал без оторванной ядром руки командир теперь уже 3-й батареи князь Максудов.

Авторитет князя на батарее был так высок, что без него пушки на некоторое время растерялись. Тут-то и высадилось до 700 французов и англичан, среди которых первыми шла рота отборных карабинеров. По тайным тропам к Петропавловску их вели те самые сбежавшие американские моряки. Вскоре десант захватил господствующую над городом с севера Николину гору. Наступил момент истины. Три русские стрелковые партии вскарабкались на гору с другой стороны и ударили в штыки. Первым делом перекололи всех офицеров, и противник, лишившись начальников, побежал. В эти минуты особенно отличились 16 камчадалов, засевших в камнях и бивших отступавших, точно бобров на охоте. Каждый выстрел – в голову!

Гарнизон Петропавловска в этот день потерял 96 человек, из них 31 убитыми. По сообщениям англичан, потери в союзнической эскадре составили 209 человек. Думаю, цифра основательно занижена. Были у нас и трофеи. Особенно горды петропавловцы захваченным английским флагом. Интересно было читать позже о том, что союзники столкнулись с прекрасно укрепленным городом, чьи оборонительные сооружения ничем не уступали севастопольским. Потому, мол, и потерпели неудачу. Ой ли?

И ЗА ДУНАЙ, И ЗА КАВКАЗ?

Первые события Крымской войны случились на территории так называемых Дунайских княжеств. Именно здесь на русские передовые части напали турецкие отряды. И именно здесь первоначально, по плану императора Николая, разворачивались российские войска для переправы через Дунай и похода в Болгарию и далее на Константинополь. На Дунайском театре военных действий не было громких побед русского оружия. Откровенных и чувствительных поражений

тевшая на прямую наводку, но быстро потерявшая всю прицельность от прицельного огня из штуцерных ружей.

Драгуны остались одни. Они рубились стоя на месте под огнем. Командир полка князь Чавчавадзе в гуще драки указывал подчиненным места, куда надо было бы навалиться. Горстки драгун бросались на стену турецкой пехоты и либо гибли, либо вырубали шашками очередной плацдарм. Тут и

подоспели на помощь отдохнувшие тверцы. Навалились вместе – и от доблестных трех батальонов турок не осталось никого.

Из 33 офицеров-нижегородцев в этом бою выбыло 23...

ПОЛУОСТРОВ КРЫМ. **ЗАГАДКИ ВОЙНЫ**

Долгие годы Крымскую войну в России называли Восточной войной. Именно так озаглавил генерал от инфантерии Зайончковский монументальный труд, посвященный событиям 1853–1856 годов, над которым он работал долгие годы. Уместно сказать, что впервые издали книгу к 50-летию Восточной войны, в 1907 году. И с тех пор она не переиздавалась. Табу было нарушено почти век спустя, в 2002 году. Интересно, имел ли какое-нибудь отношение к табуированию этого исследования любимый историк Сталина Евгений Тарле?

Но вернемся к сути.

Тогда, в середине XIX века, никто не вел речь о России как об авторитарном монстре, которого надо непременно обуздать. Францией правил очередной Наполеон, в Англии не только царствовала, но и управляла королева Виктория, монархи занимали троны Османской империи, Пруссии, Австро-Венгрии. Обуздать Россию им тем не менее очень хотелось. Потому как после победы в Отечественной войне 1812 года и вступления в Париж весной 1814-го Российская империя стала сверхсилой, к тому же с собственным мнением по каждому европейскому да и мировому вопросу. Вечная мечта британцев о мировом господстве через контроль над Азией вновь могла остаться лишь мечтой.

Только глобальными интересами объясняется то, что часть ведущих европейских держав с таким несвойственным им единодушием и столь быстро решила обложить и по возможности атаковать Россию со всех сторон. Откровенно говоря, часть едва не стала целым. Только тонкая дипломатическая игра и очевидные пробуксов-

тоже не было. Шла тяжелая солдатская работа. В бою под Ольтеницей старший канонир 5-й легкой батареи Тимофей Чиликин только приготовился зарядить орудие, как пуля ударила в голову. Рванулся было к нему товарищ по орудийному расчету, но Чиликин его остановил: «Дай дослать последний заряд» и тут же загнал банник в ствол. Командир батальона в Якутском пехотном полку майор Соллогуб и подпоручик Камчатского пехотного полка фон Витте подхватили знамена из рук убитых знаменщиков и несли их во время атаки впереди строя до конца боя. Ротный командир Селенгинского пехотного полка штабс-капитан Конюк бодро шел впереди роты в атаку, получив четыре ранения. Только пятое – контузия ядром в бок – вывело его из строя.

После переправы через Дунай, немислимой по всем представлениям, началась долгая осада крепости Силистрия. Качели войны качались здесь медленно. Что, видимо, и позволило союзникам активизироваться и направить значительные силы в Крым. А представителям дипломатического корпуса Англии и Франции – давить на правительства Пруссии и прежде всего Австрии с целью принудить их вступить в войну против России.

На Кавказе успех по традиции сопутствовал русской армии. Громкие взятия Баязета и Карса – это только парадная вывеска, за которой скрыты десятки выигранных сражений, и среди них – битва при Курюк-Дара, случившаяся 24 июня 1854 года, прежде, чем пал Карс. Достаточно описать лишь один эпизод сражения. Возможно, именно так вспоминал бы его кавалерийский генерал Багговут:

– Я приказал Тверскому драгунскому полку атаковать главную батарею турок на правом их фланге. На сей раз драгуны пошли вперед молча, без всякого «ура». Орудия противника били картечью в лоб и с фланга, но драгуны вели лошадей строем, как на параде. Эта молчаливая смерть сломила турок, они бросили орудия, но убежать не успели – были изрублены. Едва драгуны взяли турецкие пушки, как сбоку откуда ни возьмись – тьма башибузуков. Драгуны, не ломая строй, повернули и встретили нового врага. Изрубили и его. Задача была исполнена, и полк отошел в полном спокойствии. Под огнем неприятельских батарей и сквозь порядки целой дивизии Керим-паша.

Турки решили отыграться на правом фланге. В атаку пошли три штуцерных батальона, пушки и кавалерия. Нашему левому флангу пришлось бы худо, не окажись рядом нижегородских драгун. Наши кавалеристы остановили турецкую пехоту, срубая линию за линией. Но турки держались молодцом. Гибли, но не бежали. Не помогла и 7-я донская батарея, выле-

ки союзников на фронтах оставили Австро-Венгрию и Пруссию среди нейтралов. Шаткость позиций видел и Николай Первый. Иначе... Из учебника в учебник ходит миф о том, что русская армия в тот период значительно отставала от европейских в уровне вооружений. Французы и англичане, даже турки частично воевали нарезными ружьями (штуцерами), русские – кремневыми, их флот состоял из пароходов, наш ходил под парусом. По правде, и у союзнического флота хватало парусных фрегатов, и у нас имелись корабли с паровыми двигателями. Что касается ружей, то в русской армии к 1853 году имелось без малого 800 000 нарезных стволов. Вот только вооружены ими были полки, остававшиеся в глубоком резерве в центре и на западе русской Европы. Гвардия, отлично вооруженная, в полном составе стояла в Петербурге и Варшаве. Почему бы это? Сдается, на этот вопрос у Николая Павловича был ясный ответ.

А зачем нам, русским, вообще понадобилась эта война? Сегодня, в эпоху прагматизма и консюмеризма, ответ может показаться странным. Но он правдив. В архиве внешней политики Российской империи МИД РФ он и находился все эти десятки лет. «В 1836 году Иерусалимский патриарх Афанасий письменно обратился к императору Николаю Первому с просьбой оградить права Иерусалимской церкви от армян, получивших фирман, который нарушал права греческого духовенства. Во второй половине XIX века между тремя общинами (греками, армянами и францисканцами) развернулась острая «битва за султанские фирманы». Суть ее сводилась к тому, что путем политического давления, а также за взятки османским сановникам в Константинополе и в Иерусалимском санджаке можно было приобрести право на владение той или иной христианской святыней. Генконсул в Сирии и Палестине Базили сравнил отношение османских властей к институту христианских святынь с прибыльным предприятием, назвав Святые места «золотым рудником» для османских пашей.

В 1852 году после убедительной просьбы русского царя султан подписал «окончательный» фирман, защищавший интересы православия в Палестине. Однако в 1853 году под давлением Франции родился новый документ, из которого следовало, что ключи от храма Рождества Христова в Вифлееме надо передать монахам-францисканцам. Последовало жесткое заявление со стороны русского царя. Султан стал тянуть время. В Валахию и Молдавию вошли русские войска, сделав эти подконтрольные Ближневосточной Порте земли залоговыми до восстановления статус-кво в Палестине. Турки инициировали мелкие боестолкновения.

В Восточной войне, которую русские начали по идейным соображениям, а турки при поддержке Франции, Англии и...

Пьемонта – по политико-экономическим, безвозвратные потери достигли 309 000 солдат и офицеров. Известный военный статистик Урланис убедительно доказывает, что Россия не теряла в этой войне сотни тысяч жизней, не «забрасывала шапками» противника на позиции. Русские потери – 153 000 убитых, умерших от ран и болезней, пропавших без вести. Потери коалиции – 156 000.

Но в любом случае ясно: для России это была самая кровопролитная война из всех ее войн в XIX веке! В 1812 году страна лишилась 120 000 защитников, в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов убыль составила примерно 95 000. Остальные военные конфликты и близко не сопоставимы с означенными по масштабу.

И наконец, проиграли ли мы эту войну?

Был период, когда отечественные историки с каким-то странным злорадством декларируют: проиграли, и еще как! На самом деле империя сохранила территорию и армию, не разорилась, не подверглась унижению капитуляции. Парижский мир содержит только один пункт, действительно ущемивший русские интересы, – запрет на содержание флота в Черном море. Он, к слову, просуществовал совсем недолго – 15 лет. Зато до сих пор действуют все те права православной церкви и православных людей в Святых местах, что возникли еще в фирмане 1852 года. Можно ли считать проигравшей сторону, добившуюся своих целей в войне?

В парижских кулуарах во время переговоров в 1856 году говорили так: «Странная война. Победившие не победили, проигравшие не проиграли». ❀

Зайончковский А.М. «Восточная война». 1907 г.

Тарле Е.В. «Крымская война». 1941–1944 гг.

Шеремет В.И. «Османская империя и Западная Европа». 1986 г.

Урланис Б.Ц. «История военных потерь». 1998 г.

Крестьянников В.В. «Достоинный поклонения. Восточная (Крымская) война». 2005 г.

КОДЕКС ЧЕСТИ

МИХАИЛ БЫКОВ

Дуэль. Этот сугубо мужской способ защиты чести и выяснения отношений в XX веке был окончательно вытеснен универсальным конкурентом под названием «Пойдем выйдем». На юридически обустроенном Западе секундантов и вовсе заменили адвокаты.

Почему же так случилось, что сегодня о дуэли большинство из нас могут судить только по произведениям классической литературы? Что ж, пусть классическая литература и поможет в этом разобраться.

Такой подход тем более разумен, что в России, в отличие от западноевропейских стран, где дуэль и зародилась, вплоть до начала XX века никакого единого дуэльного кодекса не существовало. Самый полный европейский свод правил – кодекс Шатовильера, принятый в 1836 году. В России – кодекс князя Дурасова, датированный 1908 годом.

Просочившись в империю вместе с голландскими и немецкими новобранцами Петра Великого, дуэль сразу попала под официальный запрет. В «Уставе воинском» (1716 год) в статье «Патент о поединках и начинании ссор» царь ясно и просто объяснил подданным, что участников этих самых поединков ждет виселица, а зачинателей ссор – много крупных неприятностей.

В том же году запрет распространился на гражданских лиц и действовал до 1832 года, когда был высочайше утвержден Свод законов Российской империи, в котором, кстати, отношение властей к дуэлям никакого принципиального изменения не претерпело. Иными словами, дуэль в России являлась уголовным преступлением. Православная церковь разделяла эту официальную точку зрения и формально считала невозможным отпевать умерших участников поединков.

На практике же все было иначе. В истории не зафиксировано случая, когда кого-либо из дуэлянтов наказали повешением или лишили жизни другим образом. Один из самых ярких и буйных бретеров России, Федор Толстой по прозвищу Американец, прожил довольно длинную для первой половины XIX века жизнь, умер естественной смертью, хотя сам, по его собственному признанию, лишил жизни на дуэлях 11 человек. Самым жестким наказанием

было заключение в крепости на несколько месяцев или разжалование в солдаты. Священники частенько находили благовидные способы обойти запреты Синода насчет дуэльных жертв, и на Божий суд неудачливые стрелки и фехтовальщики отправлялись как положено.

Тем удивительнее, что санкцию на создание первого русского дуэльного кодекса выдал... император. В 1894 году Александр Третий посчитал, что офицерство остро нуждается в регламенте по улаживанию всевозможных конфликтов, и дал прямое указание по этому поводу. В результате появился не только труд Дурасова, но и описи Суворина, Важинского, переводы западноевропейских кодексов.

ВЫШЕ ЖИЗНИ

Надо признать, мера существенно запоздала. Дело вовсе не в том, что к этому времени Россия уже потеряла в поединках не одну сотню представителей национальной элиты и дворянского сословия в целом. Несмотря на отсутствие официального кодекса, русские дуэлянты стрелялись, кололи и рубились, исходя из неписаных законов, сформированных на основе дворянской этики и в результате практики поединков XVIII века.

Кодекс опоздал потому, что вымирание дуэли началось по причинам, куда более глубоким и фундаментальным, чем наличие или отсутствие правил взаимного расстрела у барьера. Кончалась эпоха доминирования дворянского сословия в обществе. А вместе с этим сословием уходило сословные представления о вечных ценностях, главной из которых была ЧЕСТЬ.

Собственно, ее – ЧЕСТЬ – и защищали в многочисленных поединках на пистолетах и рапирах, саблях и шпагах русские дворяне. Поводы для вызова могли быть разные: оскорбление словом или действием, женщина, обиженные родственники, нечестная игра, карьерные интриги... Но в любом случае за всеми этими поводами стояло одно: честь дворянина. К слову, ее не стоит путать с понятием «человеческое достоинство». Это вовсе не одно и то же. Вернее, честь включала в себя и чело-

подразумевалось не только происхождение, но и возраст. Считалось неприличным звать к барьеру человека пожилого и больного. А как быть в том случае, спросите вы, если этот пожилой и больной, что называется, сам напросился? В принципе, разные поколения существовали в разных мирах, жили разными интересами. И столкнуться их интересы могли крайне редко. По большей части там, где возникал намек на адюльтер или неисполнение обязательств,

связанных с женитьбой. В сущности, вызов Пушкина Дантесу-Геккерену – следствие именно такой ситуации, любовной интриги, связанной с женой Александра Сергеевича. Пушкин был уже почтенного возраста, в довольно высоких чинах, а Дантес – молодым человеком и младшим офицером. Если подходить формально к правилам дуэли первой половины XIX века, то развести Пушкина с Дантесом можно и нужно было еще на стадии вызова. Но, во-первых, стреляться хотел сам поэт, во-вторых, атмосфера вокруг этого скандала складывалась настолько нетрафаретная, что сделать что-нибудь секунданты были не в силах.

Обычно в случае большой возрастной разницы и разницы в физических возможностях поссорившихся в дело чести вступал сын, младший брат, жених. Именно так произошло у Достоевского. Ведь Ставрогин оттащил за нос на глазах общества Гаганова-отца. Спустя четыре года после смерти оскорбленного Гаганов-сын вызвал Ставрогина к барьеру, чтобы защитить честь родителя.

Неравенством признавалось и существенное различие в чинах или социальном положении. В армии вызов подчиненного своему командиру рассматривался как бунт и, таким образом, вообще был исключен из практики. У офицеров внутри полка имелись иные способы защитить свою честь от оскорблений начальников. Широко было распространено коллективное заявление о выходе в отставку или прошение о переводе в другие полки. В таких случаях высшее командование принимало, как правило, сторону офицеров и убирало из части командира, вызвавшего всеобщее недовольство.

Хрестоматийна история попытки вызова на дуэль молодым офицером лейб-гвардии Кавалергардского полка Михаилом Луниным великого князя Константина Павловича. Как-то на марше великий князь догнал кавалергардов и заметил, что один из офицеров вместо положенной каски едет в фуражке. Константин Павлович, известный в войсках своим вспыльчивым характером (вероятно,

веческое достоинство. Но, кроме того, являлась соединением множества родовых, национальных, сословных, профессиональных, семейных, имущественных и личных самоощущений человека, рожденного в дворянской среде.

Хорошо это или плохо – другой вопрос. Один безвестный немецкий лейтенант оставил в дневнике запись, датированную 1914 годом. Судя по ужасу и восторгу, сквозившему в этих строчках, он так и не уяснил, почему русские гвардейские офицеры шли в атаку на пулеметы его взвода в полный рост! Гибли, но под пулями не ложились. Современный рациональный мозг тут же выдаст очевидную оценку: подобное поведение абсолютно глупо и бессмысленно. А мне кажется – для кого как. Для офицера, воспитанного в традициях своего сословия и времени, такое поведение было логичным и естественным. Просто потому, что, уткнувшись носом в землю и выжив, потом он никогда не будет себя уважать. А самоуважение – качество, которое лежит в основе понятия «честь», качество, которое элита России когда-то ценила выше жизни.

Теперь самое время обратиться к классическим литературным примерам, чтобы разобраться: а что же это такое – дуэль?

ПОЕДИНОК РАВНЫХ

Но прежде любопытное наблюдение. Если современного среднего человека спросить, какие реальные дуэли у него на памяти, он сошлется на поединок Пушкина и Дантеса, Лермонтова и Мартынова... И все! Совершенно иная ситуация, если повторить вопрос с поправкой на дуэли литературные. Большинство назовет по меньшей мере пять историй у барьера.

Пусть это будет противостояние пушкинских Онегина и Ленского («Евгений Онегин»), Швабрина и Гринева («Капитанская дочка»), Сильвио и графа Б. («Выстрел»), лермонтовских Печорина и Грушницкого («Княжна Мери»), тургеневских Базарова и Кирсанова («Отцы и дети»), толстовских Безухова и Долохова («Война и мир»), чеховских Лаевского и фон Корена («Дуэль»), купринских Ромашова и Николаева («Поединок»), Ставрогина и Гаганова из «Бесов» Достоевского.

Если посмотреть на этих персонажей не с литературной, а с социальной точки зрения, то выявится несколько основных особенностей, свойственных дуэльному миру России.

Понятно, что все 18 человек – дворяне. Далее. Только один, Павел Кирсанов, мужчина в возрасте. Остальным от 18 до 30 с небольшим. Так оно было и на самом деле. Львиная доля вызывавших и вызванных – молодежь и люди чуть старше. Главное неписаное правило русской дуэли заключалось в том, что вызов может быть брошен только равному. Под равностью

в отца), прилюдно наорал на офицера, используя идиоматические выражения. Оскорбленный офицер был лишен возможности защитить свою честь известным способом. И тогда вступились остальные. Кавалергарды как один подали прошение об отставке. Провели скорое расследование инцидента, и выяснилось, что офицер чуть ранее был ранен в голову, рана и повязка не позволяли ему надеть тяжелую кирасирскую каску. И командир полка разрешил ему находиться в строю в неуставном головном уборе.

Константин Павлович явился в полк и перед строем принес извинения лично оскорбленному офицеру и всему полку в целом. Затем заявил, что он к услугам тех, кто недоволен его извинениями. Из строя вышел Лунин, но на его желание прислать секунданта великий князь жестко бросил: «А вы еще слишком молоды для этого!» Подразумевался не столько возраст, сколько социальный и чиновный уровень будущего декабриста.

А что нам по этому поводу предлагают классики?

Во всех девяти случаях очевидных социально-карьерных различий у дуэлянтов не наблюдается. Конечно, Онегин из куда более знатного рода, чем Ленский, но оба они молоды и не служат. Кирсанов и Базаров тоже не ровня в отношении происхождения, но опять-таки оба не на государственной службе. Тут уместно сказать несколько слов о такой разновидности дуэли, как реконтре. В переводе с французского – схватка. Если собственно дуэль являлась ритуальной формой защиты дворянской чести, то реконтре – это фактически спонтанное столкновение соперников, в котором формальным правилам, ритуальным моментам придается куда меньше значения. Короче говоря, дуэль – это сознательное и подготовленное действие. Реконтре – всегда эмоция, злость, месть. Дуэль прежде всего связана с честью, реконтре – с обидой и ущемлением интересов.

С этой точки зрения поединки Базарова и Кирсанова, а также Гринева и Швабрина очевидно относятся к реконтре и проводились наскоро, без необходимых формализмов. Очевидно, что противники сходились ради смерти. Подтверждением служит и отсутствие секунданта.

ПОМОЩНИКИ ДУЭЛЯНТОВ

Кстати, о секундантах. Ритуал дуэли требовал, чтобы при подготовке поединка и во время его всеми организационными во-

просами занимались помощники дуэлянтов. Считалось, что за считанные часы до решающего мгновения человеку не стоит беспокоить себя заботами о приглашении врача, приобретении оружия, уточнении места, времени боя, условий схватки. Равно как после события даже уцелевшему участнику дуэли вряд ли захочется влезать в бытовые мелочи. Особенно если одна из таких «мелочей» – бездыханное тело недавнего противника, лежащее на земле.

Кроме того, секунданта являлись гарантией тому, что поединок пройдет согласно достигнутым договоренностям. Стрелялись, конечно, дворяне, люди чести, но под дулом пистолета нервы у любого могут сдать.

Ведь хранит история случаи, когда благородство участников дуэли выглядело весьма сомнительно. Так, любимец иркутского генерал-губернатора Муравьева-Амурского Беклемишев стрелялся с господином Неклюдовым. Имеются свидетельства, что перед дуэлью Неклюдову подменили секунданта, не зарядили пистолет и что Беклемишев стрелял до сигнала, подбежав к противнику вплотную.

Лермонтов, сам дворянин, следовательно, человек чести, подтверждает образом драгунского майора, секундировавшего Грушницкому, что и в офицерско-дворянской среде встречались экземпляры, более уместные по моральным качествам в среде уголовной.

Степень важности института секунданства подтверждается хотя бы тем, что секунданта несли ответственность за участие в дуэли не меньшую, чем сами дуэлянты. Довольно вспомнить подполковника Данзаса, долгие недели ждавшего в равелине Петропавловской крепости смертного приговора за участие в качестве секунданта в дуэли Пушкина с Дантесом-Геккереном.

ЗАВТРА Я ПРИШЛЮ ВАМ СВОИХ СЕКУНДАНТОВ

Кем же были большинство дуэлянтов в профессиональном плане?

Из 18 наших героев семеро – Гринев, Швабрин, Печорин, Грушницкий, Долохов, Николаев и Ромашов – офицеры. Сильвио, граф Б., Кирсанов, Гаганов – офицеры в отставке. То есть даже в литературе две трети дуэлянтов принадлежат военной профессии. Трудно сказать, каким точно было соотношение гражданских и военных в реальной жизни, но очевидно, что большинство поединков затевали люди в эполетах и погонах. Среди бретеров, то есть дуэлянтов по призванию, все знаменитые имена принадлежали офицерам. Упомянутый уже Толстой-Американец, мрачный Якубович, князь Федор Гагарин

по кличке Адамова Голова, Михаил Лунин, Дорохов, граф Федор Уваров-Черный, Петр Каверин в разные периоды своей беспокойной жизни служили по большей части в элитных гвардейских полках.

Бретеры – это особый человеческий тип. Он был всегда, существует и поныне. Мужчины с повышенным содержанием адреналина в крови в различные эпохи реализовывали себя сообразно традиции и моде, техническим возможностям и пределам уголовного права, ежели таковое существовало.

В конце XVIII – первой половине XIX века, как, впрочем, и ранее, жизнь человеческая ценилась самими людьми, этой жизнью обладавшими, весьма и весьма невысоко. Тому способствовали религиозность, бесконечные войны, простота быта, техническая беззащитность человека перед природой, наконец, особенности психики, связанные с высоким болевым порогом... А раз так, то... завтра я пришлю вам своих секундентов. И присылали по самому зряшному поводу. И убивали на шести шагах. И пили потом шампанское. Однако бретерство вовсе не было такой эпидемией ритуальных беспричинных убийств, как может показаться с первого взгляда. Оно было явлением ярким и лишь потому слишком заметным. Кто устанет пересказывать «подвиги» записных дуэлянтов, отнюдь не всегда связанные непосредственно с поединками? Князь Гагарин, прозванный Адамовой Головой по причине раннего и полного облысения, взялся на пари доставить Наполеону два фунта чаю. Что и исполнил, явившись прямо в ставку императора Франции. Под впечатлением от смелости русского офицера Бонапарт отпустил того восвояси. Дело было в... 1812 году.

Но истинной угрозы обществу и дворянскому сословию бретерство не несло. В нашем литературном списке только один «профессиональный» бретер – Долохов из «Войны и мира». В определенном смысле бретерствовал в обществе и Ставрогин. Вот, собственно, и все. Остальные выходили к барьеру вовсе не по причуде.

А почему? В семи случаях из девяти поводом стала женщина. Поводом для бретерского поступка Долохова тоже была женщина, жена Пьера Безухова Элен. В двух случаях – принципы. В одном – оскорбление действием близкого родственника.

В этом смысле наши литературные герои существенным образом отличаются от французских персонажей Дюма, дравшихся по самому никчемному поводу под девизом «Я дерусь, чтобы драться». А герои книг, как известно, имеют прототипов.

ВЫБОР ОРУЖИЯ

Интересен и такой «русский аспект», как выбор оружия. Только в «Капитанской дочке» отношения выясняются при помощи холодного оружия, а именно офицерских шпаг. Остальные

восемь пар предпочли пистолеты. Случайность? Никак нет.

Действительно, русская дуэль – это дуэль огнестрельная. Причин тут несколько. Во-первых, при всей внешней красочности дуэли на шпагах или саблях такой поединок крайне редко приводил к летальному исходу. То есть в случае серьезной ссоры оружие не могло адекватно отразить претензии участников боя друг к другу. Во-вторых, не каждый потенциальный дуэлянт владел холодным оружием с достаточным мастерством. А значит, воля Божья, которая должна была водить клинками в руках противников, не всегда могла реализоваться. Справедливость зависела от профессиональных навыков. Понятно, что при прочих равных офицер-кавалерист имел изначальное преимущество перед офицером-артиллеристом и уж тем более перед каким-то «фрачником».

Природная тяга русского человека к справедливости и риску привела к тому, что пистолет стал самым востребованным оружием в поединках. Парадокс, но резко возросший элемент случайности результата стал придавать этому результату ореол большей справедливости.

Несколько слов о дуэльных пистолетах. Одно из самых расхожих заблуждений сегодня в том, что только очень нервный или очень плохо видящий человек не способен попасть в цель на тех условиях, что обычно сопровождали пистолетную дуэль в России. Ну как можно промахнуться с десяти шагов?

Запросто. Дуэльные пистолеты – производства французской фирмы «Лепаж», немецкой «Кухенрейтер» и Тульского оружейного завода – были гладкоствольными, очень тяжелыми и неудобными, сверхкрупнокалиберными. Пуля из такого пистолета и правда летела куда хотела помимо воли стрелка. Пушкин, известный несколькими дуэлями, писал по этому поводу, что навык стрельбы надо тренировать каждый день, и лишь тогда можно надеяться на какой-то результат. Его Сильвио, убивающий мух и попадающий в игральную карту, скорее ожившая мечта Пушкина-стрелка, чем реальность. Добавим сюда определенное нервическое состояние

дуэлянта, на которого направлено дуло пистолета и в котором кипит нанесенная обида и азарт боя, – и станет ясно, что нынешние претензии к уровню стрельбы у барьера мало обоснованы.

А что есть, собственно, барьер? Каковы были способы и условия ведения пистолетной дуэли?

В дуэли Лаевского и фон Корена первым стреляет Лаевский. И стреляет в воздух. В русской традиции исключительно скверный поступок, который в большинстве случаев толковали как акт неуважения к противнику, секундантам, дуэли в принципе. Или, что еще хуже, как акт трусости. Ибо после выстрела в воздух чувство благородства сильно затруднит противнику возможность стрелять в цель. Презрение к дуэли или к противнику уместнее было высказывать обратным образом: выдержать чужой выстрел, а уж потом стрелять в небо.

Никакого барьера как препятствия не существовало. Барьер — это черта, за которую дуэлянт не имел права переходить ни при каких обстоятельствах. Расстояние между двумя чертами и было минимумом, с которого можно вести стрельбу. Правда, до этой черты еще надо было дойти. Расстояние схождения определялось обычно шагов в 15–20. То есть стрелок начинал движение, когда до противника могло быть несколько десятков метров.

Самая «популярная» межбарьерная дистанция — 10–12 шагов. Реже стрелялись с 15–20 шагов или с 6. Высшая степень желания уничтожить друг друга — дуэль «через платок». В этом случае противники стрелялись, держа на расстоянии вытянутой руки края платка и целясь сквозь него. Известны случаи, когда даже при таких «зверских» условиях оба дуэлянта оставались целыми и невредимыми. Куда больше шансов сохранить жизнь было тогда, когда участники дуэли договаривались стреляться при 30 шагах. Но подобное происходило крайне редко, ибо походило скорее на пародию, чем на дуэль. Именовалось такое событие «пробочной дуэлью».

Стрелялись по команде, в очередь, в произвольном режиме — в зависимости от предпочтений вызвавшего и вызванного. Сходились лицом к лицу и по параллельным линиям. Выстрелившему первым запрещалось сходить с занятого места. Он мог только развернуть корпус и прикрыть грудь уже разряженным пистолетом. Категорически запрещалось надевать какое-либо защитное снаряжение, даже большие украшения, часы и прочее. В теплое время года предпочтительнее было драться в сорочках. Осечки за выстрел не засчитывались, зато не приветствовалось, если участник просил заменить упавший в снег или лужу пистолет. Так было на Черной речке, когда раненый Пушкин пожелал заменить оружие, извалявшееся в снегу. Александру Сергеевичу пошли навстречу, вопреки обычаю.

Были какие-нибудь отклонения от правил в литературных дуэлях? Еще какие! Печорин, в интересах всех участников поединка, предложил совершенно неожиданные условия, в результате чего малейшее ранение приводило к неминуемой гибели. В праве секундантов и дуэлянтов обсудить любое нестандартное предложение и принять его.

Онегин опоздал к месту дуэли на два (!) часа и вместо секунданта привел слугу. Совершенно недопустимое поведение, свидетельствующее об отсутствии какого-либо уважения к Ленскому и его секунданту Зарецкому. Кстати, Зарецкий был вправе пресечь поединок и публично объявить о несостоятельности Онегина, но по известным мотивам он этого не делает.

В реальности самой отвлеченной от хрестоматийных правил проведения поединка была дуэль между двумя генералами: Николаем Тучковым 1-м и князем Михаилом Долгоруким. Дело было в Финляндии. Шла Русско-шведская война 1808–1809 годов. Генерал-лейтенант Тучков командовал одним из передовых корпусов, в который по распоряжению императора Александра Первого прибыл любимец двора, без пяти минут член императорской фамилии генерал-майор Долгорукий (намечалась его свадьба с родной сестрой царя — великой княжной Елизаветой Павловной).

28-летний князь продемонстрировал Тучкову бумагу, подписанную императором, из которой якобы следовало, что именно он, Долгорукий, поведет колонны тучковского корпуса в бой. Тучков резонно заметил, что подчиняется своему непосредственному командующему графу Буксгевдену, а кроме того, является старшим в чине. Слово за слово — дошло до вызова. Тучков рассудительно заметил, что негоже двум генералам в разгар боевых действий выяснять отношения, как мальчишкам. Не лучше ли во время завтрашней атаки прогуляться во главе пехотных линий в сторону шведских позиций? Долгорукий согласился. Едва колонны, во главе которых шли Тучков и Долгорукий, двинулись в бой, как одно из первых ядер угодило akurat в князя. При дворе очень горевали. Тем более что прежде, чем узнали печальную новость, успели уже отправить в Финляндию приказ о назначении Долгорукого командиром корпуса вместо Тучкова и личное письмо Михаилу Петровичу об окончательном согласии на брак с великой княжной.

Так рассказывал об этой своеобразной дуэли брат Николая Тучкова, Павел.

А как часто поединок нес гибель его участникам?

ЖЕРТВЫ САТИСФАКЦИИ

На литературном барьере оставили жизни Ленский, Грушницкий и подпоручик Ромашов. Трое из 18. Серьезно ранены Гринев и Долохов. Ранение получил Кирсанов, пуля задела мизинец Ставрогина. Еще четверо.

Конечно, данная выборка, как говорят социологи, не репрезентативна и не позволяет сделать далеко идущие выводы. И все же...

Дуэль не была быстрым и очевидным способом убийства человека, несимпатичного другому человеку по каким-то причинам. Это на самом деле ритуальный механизм, позволявший дворянству соответствовать собственным представлениям о самом себе. Механизм, в котором процесс был куда важнее результата. За исключением тех историй, когда речь шла не о чести, достоинстве, смелости, наконец, лихости. А о смертельном оскорблении и мести. В случае иного исхода можно предположить, что уже вечером Лермонтов и Мартынов встретились бы у Верзилиных и вели бы себя как минимум корректно. Трудно предположить подобное в отношении Пушкина и Дантеса.

В наших литературных изысканиях личной ненависти после поединка не испытывали участники пяти из шести схваток, завершившихся без летального исхода. Только Швабрин пылал злобой в адрес Гринева, но, как уже было сказано, их дуэль, скорее, реконтре. Более репрезентативной выглядит официальная статистика дуэлей. Историк Микулин документально подтвердил, что с 20 мая 1894 года по 20 мая 1910 года в армии по приговору офицерских судов чести состоялись 322 поединка. В них участвовали 4 генерала, 14 штаб-офицеров, 187 капитанов и штабс-капитанов, 367 поручиков, подпоручиков и прапорщиков. Один поручик дрался трижды, четверо – по два раза. Среди гражданских также нашлись двое, дважды выходивших к барьеру. Дело в том, что 251 поединок проходил между военными, остальные – с участием военных и штатских. Куда отнести дуэль между военными врачами – затрудняюсь.

В семи случаях использовалось холодное оружие, в 315 – огнестрельное. Убито 15 человек, тяжело ранено 17.

В этот же период еще как минимум сто раз сходились офицеры, обошедшиеся без полковых судов чести.

А дальше? В литературе XX века ярких и выразительных примеров мы уже не найдем. Сами литераторы пытались драться. Известны тандемы

Брюсов – Белый и Гумилев – Волошин. В обеих историях до стрельбы дело не дошло. Брюсов и Белый просто помирились, а Гумилева и Волошина примирила потерянная Максимилианом калоша по пути на Черную речку. Калошу нашли совместными усилиями, но на дуэль сил и настроения уже не осталось. В армии возникла другая проблема. Если гвардейский корпус вплоть до Великой войны (Первой мировой) сохранял правило пополнения своих офицерских рядов дворянами, то в армии это правило перестало работать. Вспомним хотя бы генералов Деникина и Корнилова. Дуэль переставала быть чисто сословным методом защиты чести. Получали право на жизнь и те методы, что были близки и понятны недворянской части офицерства и чиновничества. А когда офицеры одного батальона в одном случае идут к барьеру, а в другом могут элементарно набить обидчику физиономию, для всех становилось очевидным, что система морально устареваема. Оскорбленный, но обнищавший дворянин в своих попытках разобраться с помощью «кухенрейтеров» с оскорбившим его миллионером-буржуа превращался одновременно и в нарушителя традиций (поединок возможен только с равной), и в объект насмешек (в начале XX века не всякий дворянин мог физически добраться до некоторых представителей буржуазии).

Новые силы пришли к власти в мире. И там, в Европе, где дуэль явилась в некотором смысле продолжением дворянской рыцарской традиции. И у нас, в России, где поединок дворянской чести наследовал «полю» – поединку, которым, по Судебнику Ивана Грозного от 1550 года, «мог быть решен всякий процесс». Сказать, что современная драка с применением всех возможных подручных средств это продолжение дуэльной линии только в новых условиях, язык не поворачивается. А вот наследием каких таких мужских традиций является следующий пример современной жизни, пусть разбирается кто-то другой.

Как-то в Канаде на трассе Ванкувер–Эдмонтон ехали в машине русские люди. Один эмигрант, за рулем, двое других – приехавшие из России по делам. В параллельном ряду двигался типичный «рэднек» – «красная шея», как называют в Северной Америке фермеров на традиционных грузовичках-пикапах. Ковбой «подрезал» раз, другой, третий. Развлекался, видимо. На светофоре машины остановились, и водитель-эмигрант, крича на всю прерию соответствующие случаю русские слова, выскочил из машины. «Рэднек» тоже вылез, держа что-то тяжелое в руке. Русские гости, естественно, подумали, что назревает «дуэль», и поспешили на помощь эмигранту. Тому было глубоко за 50, росту он был немногим более обидчика. Но каково же было изумление гостей, когда они услышали следующее:

– Все видели? – вопрошал эмигрант, адресуясь к водителям других машин. – Теперь я тебя засужу, ты мне не одну тысячу заплатишь, понял?

Последняя фраза предназначалась ковбою. Он, вероятно, понял. А я так до сих пор – нет! 🍷

ТУРКЕСТАНСКИЙ ПЕРВОПРОХОДЕЦ

РУБЕН НАЗАРЬЯН

Еще в XIX веке в силу различных причин русские покидали родовые гнезда и переселялись на новые земли – в Сибирь и Среднюю Азию, Закавказье и на Дальний Восток. Одних гнала нужда, других – политические преследования, третьих – жажда наживы.

Многие из этих людей обживали окраины Российской империи не добровольно, а в соответствии со своими служебными полномочиями: речь в первую очередь идет о военнослужащих и гражданских чиновниках.

Естественно, не для всех переселенцев новые земли становились родными: многие русские, отслужив положенный срок, возвращались в европейскую часть России. Но было немало и тех, кто осел здесь навсегда, обретая вторую родину. Они заводили семьи, трудились на этой земле, вносили свой вклад в развитие окраин империи. Деятельность этих людей заслуживает всяческого уважения или, по крайней мере, памяти...

ТАЛАНТЛИВЫЙ САМОУЧКА

В 1884 году приехал на заработки в Самарканд никому не известный доселе мастерской Алексей Мирошниченко и был принят управляющим и механиком на мельницу Д.А. Лямина. По договору, он должен был отработать здесь четыре года. И новый специалист сразу же принялся за дело.

Алексей родился в 1857 году в крестьянской семье Таврической губернии. С 12 лет мальчик работал в различных городах России на машино- и судостроительных заводах. Любознательный и способный подросток быстро освоил «все работы по металлическому инженерному строительству», научился читать, писать и конструировать. Он не получил никакого специального образования,

Самарканд.
Закаспийская
область.
Базарная
улица

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

его университетами были 8 лет, проведенных на производстве. А затем Мирошниченко, которому уже исполнилось 20, начал искать применение полученным знаниям, но отсутствие диплома об образовании настораживало работодателей. Семь последующих лет мыкался по городам и весям России талантливый самоучка, пока судьба не привела его в Туркестан...

Отслужив положенный срок у Д.А. Лямина и скопив небольшой капитал, Алексей Мирошниченко в 1888 году самостоятельно построил собственную мельницу. Производимая им мука отли-

ные вальцовые мельницы и добились даже более дешевого, чем у Мирошниченко, производства муки. Мельница Гукасова, по свидетельствам современников, «была образцовой и построенной на широкую ногу», а производство Багдасара Газарова, представлявшее собой внушительное четырехэтажное сооружение с пятью новейшими машинами австрийского производства, сразу же стало промышленной достопримечательностью города.

чалась высоким качеством и потому пользовалась широким спросом в Самарканде. А спустя еще четыре года он, пользуясь предоставленным ему из Москвы кредитом, перестроил свою мельницу на вальцовую. Таким образом, в 1892 году Мирошниченко первым в Туркестанском крае ввел в практику вальцовый мучной помол.

Вслед за тем, используя остатки полученного кредита, он устроил при своей мельнице и макаронное производство. Это тоже была первая макаронная фабрика в Туркестане. И если привозимые сюда из Европейской России макаронные изделия обходились покупателю довольно дорого (35 копеек за фунт), то производимые в Самарканде Алексеем Мирошниченко стоили лишь 12–14 копеек. Причем качество их не уступало российскому товару. Неугомимый и предприимчивый мукомол продолжал совершенствовать свое производство. «...Опасное в пожарном отношении керосиновое освещение, – вспоминал позднее Алексей Тимофеевич, – заставило меня думать о применении освещения электрического. Чтобы осуществить это мне с моими тогда малыми средствами, я вынужден был ознакомиться с этим делом, чтоб самолично установить его без выписки инженеров, механиков и электротехников. А так как у меня тогда дело было настолько малое, что не позволяло держать ни кузнеца, ни слесаря, ни механика, то я, умея все делать сам, в своем хозяйстве самолично построил и водяное железное колесо для приведения в действие динамо-машины. Это было в 1893 году, и я первый принес в Самарканд электрический свет и своими руками создал и двигатель для добывания этого света»¹.

Макароны Мирошниченко пользовались все большим спросом, их стали вывозить большими партиями в различные города Туркестана. И потому сразу же возникла проблема упаковки популярного продукта. В то время в Самарканде еще не было налажено производство деревянных ящиков, и потому хозяину мельницы и фабрики пришлось самому устраивать специальный цех. Мирошниченко выписал и установил у себя лесопильные машины, решив тем самым проблему «закупорки макарон». Как оказалось, это тоже было первое лесопильное производство в Самарканде.

Не дремали и конкуренты: богатые армянские предприниматели М. Гукасов и Б. Газаров тоже построили в Самарканде мощ-

Дабы выдержать конкуренцию, Мирошниченко сначала взялся за увеличение мощности, а затем и за полную перестройку собственной мельницы. Используя свой опыт металлурга, он создал совершенно оригинальную конструкцию. Пятиэтажное здание мельницы было построено по проекту Алексея Тимофеевича. Да и все ее устройство осуществлялось под его личным руководством. В 1894 году детище его демонстрировалось на Туркестанской выставке, проведенной в Самарканде, и удостоилось специальной бронзовой медали за мукомольное производство. Автор официального отчета о выставке писал: «Господину Мирошниченко, одному из предприимчивых и энергичных промышленников, практически знакомому с различными техническими производствами, принадлежит честь устройства первой вальцовой мельницы в Туркестане. В особенную заслугу ему должно быть поставлено также и самое устройство, без помощи техников, сложного механизма мельницы его; она приводится в действие железным водяным колесом (собственного изобретения владельца), развивающим 18 лошадиных сил и имеющим механизм, останавливающий колесо моментально, несмотря на громадную силу быстрого водяного потока из реки Сиаб... Мельница имеет зернохранилище – элеватор, дающий владельцу возможность выдерживать зерно без порчи продолжительное время... Таких дельных и предприимчивых русских людей следовало бы всячески поддерживать и поощрять, потому что они не только общепользны, но и вносят в туземную среду немало технических знаний, немало культурной работы. Туркестан не богат такими людьми»².

Следует добавить, что мельница Мирошниченко, выстроенная им с применением элементов корабельной конструкции, проработала около полувека, оставаясь по своей уникальности единственной не только в Туркестане, но и во всей России. После Самарканды она экспонировалась на крупных выставках в Ташкенте, Нижнем Новгороде, Париже и Вене, причем всюду удостоивалась похвал и медалей. А на Всемирной выставке 1900 года в Париже мельница Мирошниченко была признана лучшей в мире, и ее владелец получил Гран-при и золотую медаль.

Это мукомольное производство уже в конце XIX столетия стало достопримечательностью города: его, наряду с архитектурными шедеврами Средневековья, непременно посещали все именитые гости Самарканды. Так, сообщая о визите генерал-губернатора Туркестана С.М. Духовского на знаменитую мельницу, обозреватель газеты заметил, что «господин Мирошниченко составляет приятное исключение: без всяких особенных аттестатов и отличий, а главное, без всяких пособий от казны он создал дело и ведет его на славу... Это человек огромной энергии: все машины, все мельчайшие подробности устройства мельницы, весь ее механизм, все это дело его рук. При этом нужно заметить, что г-н Мирошниченко самоучка и ни в каких высших учебных заведениях, как кажется, не обучался, а между тем его мельница – последнее слово науки» («Туркестанские ведомости», 1899, № 74). Неумолимый труженик хорошо делал свое дело и в последующие годы, о чем сохранилось документальное свидетельство более поздних лет: «Мельниц в Самарканде – три, из коих две находятся в армянских руках, а третья, особенно хорошо оборудованная, снабженная новейшими усовершенствованиями и поставленная на широкую ногу, имеющая также макаронное отделение, принадлежит купцу Мирошниченко, выдающемуся по своей предприимчивости, опыту и знанию дела местному предпринимателю»³.

Характерно, что столь высокая оценка самаркандцу была дана членами грозной инспекции графа Палена, два года буквально терзавшей своими проверками весь Туркестанский край.

САД НА ПЕСКЕ

Заслуживает внимания и иная сторона деятельности Алексея Мирошниченко в Самарканде. Будучи страстным садоводом, он разбил помологический сад около своей мельницы на веками не орошаемых пустынных буграх и оврагах. Он не только выровнял эту опаленную солнцем землю, но и сумел ее оросить с помощью гидравлических таранов, поднимая воду на 30-метровую высоту. Примечательно, что и в этом начинании Мирошниченко опять оказался новатором, ибо никто до него (да и несколько десятилетий спустя) в Туркестане еще не применял насосов для искусственного орошения. Причем насосы эти были тоже изготовлены самим энтузиастом в его мастерской при мельнице. На означенном участке он посадил лучшие европейские сорта яблонь, груш, персиков, черешен, слив и абрикосов, граната, инжира, винограда, грецкого ореха и фундука, десятки сортов ягод и декоративных растений. По признанию самого Мирошниченко, этот сад был создан им исключительно в научных целях, с тем чтобы выявить наиболее подходящие для Туркестана образцы.

Садовод проводил регулярные научные наблюдения и вел специальные дневники. На сад Мирошниченко сразу обратили внимание практичные местные жители, которых он наделял бесплатно черенками плодовых европейских растений и всевозможными материалами для прививок. Затем черенками Мирошниченко были привиты все казенные сады и питомники города. Они же стали основой сада откывшегося в Самарканде в начале XX века училища садоводства, виноградарства и виноделия, за что Мирошниченко удостоился похвалы областных властей и благодарности генерал-губернатора Туркестана.

За четверть века сад Мирошниченко стал, по существу, крупным научным учреждением, похвастаться которым могла далеко не каждая европейская держава. Владелец его ежегодно расходовал на это хозяйство весьма значительную по тем временам сумму – не менее 5000 рублей.

Однако наступили иные времена – советская власть национализировала все имущество Алексея Тимофеевича.

вало бы» (ГАСО, ф. 1685, оп. 1, ед. хр. 35. В тексте сохранены особенности авторского стиля. – Прим. авт.).

Заявление это, написанное на бланках некогда процветавшей фирмы, увенчанное изображением полученных медалей и перечислением многочисленных заслуг туркестанского изобретателя и первопроходца,

венчала теперь скромная подпись: «Садовладелец А. Мирошниченко»...

Дальнейшая судьба Алексея Тимофеевича мне не известна. Скорее всего, он так и остался лишь скромным «садовладельцем» и нашел вечный покой в нашем городе. Судьбой его позднее интересовался только сын – Владимир Алексеевич Мирошниченко, дважды приезжавший сюда из Москвы в 70-е годы. Но тогда о знаменитом самаркандском конструкторе и предпринимателе не знали даже сотрудники краеведческого музея...

Вместо научных экспериментов в саду теперь проводили лишь сбор урожая, забывая не только ухаживать за растениями, но и просто поливать их. Была выведена из строя уникальная и тщательно продуманная оросительная система. И потому уже через год с небольшим после национализации заброшенный и засушенный сад за ненадобностью возвратили прежнему хозяину. Однако теперь Мирошниченко не мог самостоятельно даже поливать его, ибо система полива была связана с мельницей, которая ныне находилась в ведении новой администрации. Тем не менее пожилой садовод настойчиво продолжал бороться за свое детище, доказывая его большую государственную ценность. Он обращался во многие городские и республиканские организации, но безуспешно – сад продолжал засыхать.

А довольно скоро, в 1924 году, Мирошниченко лишили и возможности пользоваться электрическим освещением, тем самым, которое появилось в Самарканде благодаря его личным усилиям. В мае того же года 67-летний Алексей Мирошниченко обратился с пространном заявлением в областной комитет, прося позволив ему спасти от гибели помологический сад и подключить к электросети четыре маленькие лампочки, которыми освещалось его жилище.

Нельзя читать без волнения этот крик души. Мирошниченко пишет, что вся его жизнь была непрерывным трудом, кипучая работа не позволила ему ни разу взять отпуск, побывать за границей, просто отдохнуть. Свое заявление властям он деликатно завершает следующими строками: «...Выше перечислены все мои «грехи», заключающиеся во всей моей жизни в творчестве, творчестве и творчестве. За это нигде и никогда не карали. И засушивание моего сада, и загашение в моем жилище света, повторяю, созданного мною собственноручно, вероятно, недоумение.

И потому я ходатайствую о закреплении за мной права о бесплатном пользовании от мельницы силою для приведения в действие моих насосов для орошения моего сада и о пользовании электрическим светом для моего жилья в количестве 4-х лампочек; а за мельницей – о закреплении обязанности подавать воду и свет, независимо от того, в какое ведомство переходит мельница, и каков взгляд на это дело мельничной администрации, кстати сказать, очень часто меняющейся, а потому не имеющей возможности даже и разобраться в этом деле, как следо-

¹ Государственный архив Самаркандской области (ГАСО). Ф. 1685, оп. 1, ед. хр. 35, л. 516. В том же году неутомимый изобретатель проявил себя и на ином поприще. Из-за того, что железнодорожный вокзал находился довольно далеко от города, самаркандцы испытывали острую нужду в средствах передвижения. И тогда Алексей Мирошниченко опубликовал в местной газете «Окраина» (28 июня 1893 года) письмо, в котором любому предпринимателю, желавшему заняться извозом на четырехместных экипажах – линейках – от города до вокзала, предлагалась «бесплатная помощь в виде совета по части конструкции таких линеек». Желавших, как оказалось, было немало, и вскоре транспортная проблема города была решена.

² Справочная книжка Самаркандской области на 1895 год. Самарканд, 1895. Вып. 3. С. 113–114.

³ Материалы для характеристики народного хозяйства в Туркестане. Ч. 2. СПб., 1911. С. 326–327.

Я БЫ В ГВАРДИЮ ПОШЕЛ

МИХАИЛ БЫКОВ

Восемь лет в нашем календаре существует праздник, о котором в России мало кто знает. Вероятная причина: мы слишком мало говорим об этом дне. Что ж, попробуем исправить. В 2000 году президент России подписал указ о праздновании 2 сентября Дня российской гвардии.

Первый резонный вопрос: почему именно 2 сентября? Совершенно законное любопытство, тем более что Гвардейским днем могли стать еще несколько дней.

Например, 13 декабря, святочный день Андрея Первозванного. На него приходилось празднование русской императорской гвардии вплоть до 1917 года. Да и сейчас Гвардейское объединение в Париже, включающее в себя полковые организации эмиграции, профессиональные торжества проводит на святого Андрея Первозванного.

А чем хуже 18 сентября? В 1941 году приказом наркома обороны СССР гвардия возродилась в Красной армии именно в этот день. Сразу четыре стрелковые дивизии – 100-я, 127-я, 153-я и 161-я – стали 1-й, 2-й, 3-й и 4-й гвардейскими соответственно.

В царствование Александра III отмечался 200-летний юбилей Преображенского и Семеновского лейб-гвардии полков. Император повелел праздновать 30 ноября. Почему – загадка! Несколько позже он же утвердил новую дату праздника – 23 мая. И тоже – без видимых на то оснований.

Зато есть все основания сделать праздником гвардии один из дней в середине октября. Потому как в начале этого месяца (по старому стилю) в 1550 году царь Московский Иван Васильевич повелел создать из бояр и дворян Государев полк. Но о связи этого полка с императорской и уж тем более советской гвардией – несколько позже.

А чем же мы все-таки обязаны 2 сентября? Есть версия, что в этот день в 1700 году царь Петр постановил считать полки Преображенский и Семеновский «лейб-гвардией». Эта версия была близка императору Николаю I. Он-то и решил праздновать День гвардии 22 августа (по старому стилю). А по нынешнему – 2 сентября.

Второй не менее резонный вопрос: зачем понадобилось таким образом выделять ту часть армии, что носила и носит гвардейские знаки различия? Разве недостаточно нам 23 февраля и 9 Мая, а в церковном календаре еще и двух праздников святого Георгия Победоносца? На этот вопрос ответ куда более пространный. Ибо вмещать в себя должен не только знаковые моменты национальной военной истории, но и огромный пласт культурной, этической и повседневной жизни русских людей на протяжении нескольких веков.

ОТКУДА ЧТО ПОШЛО?

Есть несколько исторических штампов, кочующих из учебника в учебник, из романа в роман, из кинофильма в кинофильм. Русскую армию создал Петр I. Первым

русским солдатом и первым гвардейцем был Сергей Леонтьевич Бухвостов. Появились преображенцы и семеновцы, а вместе с ними и немецкие кафтаны, треуголки, звания от полковника до прапорщика включительно. Странно, право, но все было совсем не так.

На самом деле слово «гвардия» в обиход ввел Петр Алексеевич. Впервые он употребил его в 1700 году в письме кур-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

фюрсту Бранденбургскому, где говорится о «лейб-гвардии капитане» Юрии Трубецком. Но отсутствие слова в лексиконе вовсе не означает отсутствие предмета или явления в жизни.

В начале октября 1550 года озабоченный совершенно устаревшим состоянием войска царь Иван Грозный распорядился создать в уездах Московском, Дмитровском и Рузском новую воинскую часть – Государев полк. Чин его должен быть конный, состав – 1000 человек. На деле в полку оказалось 1078 служивых, все боярского или дворянского происхождения. Причем 28 человек – из высших чинов царского двора, 33 – дети боярские, 86 – представители знатных и княжеских родов, при дворе не служившие. Остальные – из простых дворян. В то же время царь другим указом утвердил Стремянной приказ (полк) из выборных (лучших) стрельцов числом в 3000 человек с пища-

лями. Этой отборной пехоте велено было обретаться в Воробьевой слободе.

Если посмотреть на боевые формуляры этих двух частей русского войска XVI–XVII веков, становится очевидным, что они выполняли функции, свойственные аналогичным придворным гвардейским образованиям в Европе, именуемым «лейб-гвардией».

Сто лет спустя «протогвардейский» корпус пополнился еще двумя полками: 1-м и 2-м солдатскими Выборными, каждый – по 2000 человек. Известный впоследствии как военный учитель Петра I генерал Патрик Гордон писал в 1667 году, что барабанщики в Выборных полках носили немецкое платье. Офицеры уже имели привычные нашему уху чины: полковника, майора, капитана, поручика, прапорщика...

Когда в 1682 году 11-летний Петр вместе с братом Иоанном стал царствовать (но – не править! – Прим. авт.), ему пола-

галось значительное число прислуги, набираемой по большей части в Государевом полку: спальники, конюхи, сокольники и прочая. Вся эта орава молодых людей сопровождала юного царя повсюду: присутствовала на первых показательных пушечных стрельбах в сельце Воробьеве и царской вотчине Преображенском, упражнялась в стрелковом и конном деле, строила потешную крепость Прешбург на Яузе-реке (в 300–

400 метрах от нынешнего Матросского моста. – **Прим. авт.**) В 1687 году к ватаге добавились отлученные от госфинансирования по причине полного равнодушия царя ко всем видам охоты сокольничие села Семеновское.

И все равно полноценными армейскими подразделениями группы потешных еще не были. Тот же «первый русский солдат» Бухвостов в 1683 году служил при дворе конюхом, в марте 1686-го был переписан в потешные пушкар. В любом случае в книгах Дворцового и Казенного приказов, в документах Мастерских палат сведений о существовании преображенских и семеновских солдат нет.

Новый рывок история гвардии совершила после устранения от власти «третьего зазорного лица», царевны Софьи, и Стрелецкого бунта. Время потешных прошло, Петру понадобились полноценные и верные полки. Выборных и Государева было явно недостаточно.

Весной 1692 года из потешных сформировали 3-й Выборный полк под командой Автанома Головина. Было их всего 800 человек. Двумя годами позже состоялись знаменитые маневры у села Кожухова, где полки нового строя показали все преимущества регулярной армии над армией ополченческого типа. А на следующий год 3-й Выборный полк в составе отряда стольника Апраксина получил боевое крещение под стенами турецкой крепости Азов. Этот отряд, кстати, оказался единственным, выполнившим поставленную боевую задачу.

Понадобилось еще три года, чтобы 3-й Выборный разделили наконец на Преображенский и Семеновский полки. В 1700 году, когда они получили статус гвардейских, первый

насчитывал 16 фузилерных (стрелковых. – **Прим. авт.**) рот, гренадерскую и бомбардирскую. Состав семеновцев был на четыре роты меньше.

Еще под Азовом бывшие потешные получили навыки корабельной службы и морской войны. А в 1707 году Петр посадил оба полка на лошадей. Дабы лучшие его воины получили преимущество в маневре. Французский офицер Моро де Бразе, служивший в русской армии в 1711 году, во время Прутского похода, вспоминал: «Гвардейский эскадрон его царского величества состоял из 300 рейтаров...»

Теперь видно, что возникшие в России гвардейские пехотные, кавалерийские, морские и артиллерийские части все родом из Преображенского и Семеновского полков царя Петра. Но и эти полки, в свою очередь, родились не на пустом месте. Родословную они ведут от гвардии царя Ивана Грозного, от его Государева и Стремянного полков.

ОТ КАРЛА ДО ГИНДЕНБУРГА

Непобедимый шведский король Карл XII впервые столкнулся с гвардией Петра под Нарвой осенью 1700 года. Его войска разбили армию русского царя. И только три полка – Преображенский, Семеновский и 2-й Выборный генерала Гордона – стояли насмерть и не позволили шведам полностью уничтожить противника. Карл был поражен мужеством и мастерством русской гвардии и приказал пропустить их к своим с пушками и знаменами. Глядя на гвардейскую колонну, идущую через мост над рекой Нарвой, король восхищенно произнес: «Какие мужики!»

Спустя сто лет под Аустерлицем вторил шведскому самодержцу победивший союзнический войска Австрии и России Наполеон Бонапарт. Император Франции заметил при виде юного кавалергардского корнета Сухтелена, попавшего в плен после двух ранений – ядром в ногу и саблей в голову: «Он слишком молод, чтобы драться с нами». Сухтелен отвечал: «Чтобы быть храбрым, не надо дожидаться старости, Ваше величество!» «Браво!» – сказал Наполеон, адресуя это слово всем русским гвардейцам, спасшим в тот день и свою, и австрийскую армию от полного уничтожения.

Как раз в том сражении случилась памятная атака лейб-гвардии Конного и Кавалергардского полков, которую описал граф Лев Толстой в романе «Война и мир». Из пекла боя он вернул живыми только «о восемнадцать человек». На самом деле в таком составе возвратился из атаки 4-й эскадрон Кавалергардского полка, насчитывавший перед боем свыше 150 латников. Тоже – цифры!

О том, что русская гвардия вовсе не была парадным украшением монархии, а также послушным орудием дворцовых переворотов, говорят сухие данные отчетов о Бородинском сражении. За Семеновскими флешами встали в каре против кавалерии Нансути лейб-гвардии Измайловский, Литовский и Финляндский полки. Из 1970 измайловцев в строю осталось 808, из 1785 литовцев – 708, из 1613 финляндцев – 1259... 17 августа 1813 года грянул бой под Кульмом. Корпус французского маршала Вандама в два раза превосходил силы 1-й и 2-й гвардейских дивизий, оказавшихся у него на пути. Только лейб-гвардии Семеновский полк потерял убитыми и ранеными 900 человек, но с места не сошел. На следующий день подошли подкрепления, и Вандам сдался с 12 тыс. человек – половиной от числа вступивших в сражение.

Во время последней Русско-турецкой войны, в 1877 году, под местечком Телиш поднялся в смертельную атаку лейб-гвардии Егерский полк. Потери – 27 офицеров и 1200 нижних чинов. Это был уже третий случай в истории лейб-егерей, когда полк фактически переставал существовать. Так распорядилась судьба на Бородинском поле в 1812 году, так же провидение решило под болгарской Варной в 1828-м. Тогда в расположение полка вернулось только 250 человек. Но полк всякий раз восстанавливал состав и в Первую мировую войну, в 1916 году, остатками двух рот остановил наступление Баварской гвардейской дивизии. В 11-й роте из 200 человек невредимыми остались... трое.

Первая мировая – это особенная война для русской гвардии. Живет среди военных историков гипотеза, будто гвардейский корпус с его уникальным офицерским и солдатским составом кто-то неведомый сознательно бросил на полное уничтожение. Сначала – в Мазурских болотах летом–осенью 1914 года, затем в 1915 году в районе Вильно, а когда гвар-

дия почти восстановилась – летом и осенью 1916 года на реке Стоход под Ковелем и у деревни Свинюха, после Брусиловского прорыва.

26 августа 1914 года у деревни Тарнавка в атаку пошел лейб-гвардии Московский полк. Ему предстояло преодолеть три с половиной версты по открытой местности, пристрелянной 50 австрийскими орудиями. Из 64 офицеров в строю осталось 7, из 3000 нижних чинов – около 800. Высоту взяли, захватив 42 пушки. В этом же бою на соседнем участке почти полностью лег лейб-гвардии Гренадерский полк, потеряв 55 офицеров и 2900 солдат. Был ли смысл в героизме гвардейцев или жизни отдавались за пресловутую гвардейскую доблесть? В результате боев, проведенных 2-й гвардейской пехотной дивизией под Тарнавкой, были уничтожены остатки 10-го австрийского корпуса и разгромлен германский пехотный корпус. Начался отход четырех австро-венгерских армий, что повлияло на исход всей кампании в Галиции, выигранной русскими.

А вот в 1916 году гибель гвардии объяснить тактическими либо стратегическими военными смыслами никак невозможно. Сначала, в июле, полки губили в безнадежных атаках в болотистой пойме реки Стоход, а в сентябре обескровленные дивизии были переброшены на боевой участок у деревни Свинюха, где только 19-го числа гвардия ходила в атаку 17 раз! Близорукость и жестокие решения командующих и штабных – это мрачная и постыдная сторона тех недель. Поведение на передовой офицеров и солдат, воспитанных так, что даже перспектива очевидной гибели не могла удержать их от выполнения долга, – совершенно

другое явление, характеризующее качество человеческого материала, из которого со времени Петра строился корпус русской гвардии.

«В ротах оставалось по 40–50 человек, – писал один из офицеров лейб-гвардии Семеновского полка, – командовали прапорщики да фельдфебели. Но полк ни разу не бежал...»

Однако стоило возникнуть серьезной опасности в лице Наполеона – и гвардейские части быстро вернулись в исходное состояние опоры трона и народной защиты.

В XIX веке гвардия разрослась, стала кузницей офицерских и сержантских кадров. Вновь вернула себе статус поставщика

специалистов в различные сферы хозяйственной и административной жизни империи. Стала задавать моду во всех сферах жизни. Так или иначе, но служба в гвардии формировала ум и дух литераторов Державина, Катенина, Давыдова, Чаадаева, Лермонтова, Чавчавадзе, Алексея Константиновича Толстого, Хомякова, просветителя Новикова, музыкантов Мусоргского, Римского-Корсакова, Вильегорского, Алексея Львова (автора музыки к гимну «Боже, царя храни!» – Прим. авт.), ученых-путешественников Резанова, Пржевальского, Семенова-Тяньшанского, Булатовича, полководцев Багратиона, Барклая-де-Толли, Паскевича, Гурко, Скобелева, Брусилова, Юденича, Врангеля...

Как почти для любого жителя провинции Санкт-Петербург представлял центр мира и высшую мечту, так и гвардия, дислоцировавшаяся в основном в столице, казалась вершиной карьерного успеха. Даже в селах, откуда черпался солдатский кадр, знали, что служба в гвардии наделяла вчерашних крестьян особым шиком, уважением окружающих и некоторыми материальными преимуществами. Солдатам-гвардейцам платили повышенное содержание, у них всегда был шанс отличиться в глазах начальства и царя-батюшки, за что следовали всевозможные награды и подарки. В гвардии не приветствовалось рукоприкладство, зато правила полковой корпоративности требовали от офицеров внимательного отношения к солдатам. Например, в лейб-гвардии Егерском полку офицеры в свободное время выступали в роли учителей – грамотность здесь была абсолютная. В лейб-гвардии Измайловском полку работала огромная библиотека, и вообще, благодаря организованному великим князем Константином Константиновичем

ОСОБО ПРИБЛИЖЕННЫЕ ОСОБЫ

При Петре гвардейские офицеры быстро стали элитой государства. Их использовали не только в боевых действиях. Они выполняли функции дипломатов и министров, промышленников и руководителей госпредприятий, педагогов и ученых. Довольно вспомнить карьеру Василия Корчмина, ушедшего в мир иной в звании генерал-лейтенанта артиллерии и гвардии полковника Преображенского полка. Он участвовал в боях и в строительстве Петербурга, ездил к шведам переговорщиком и разведчиком, контролировал процесс обучения недорослей наукам в Голландии и Англии. Когда Корчмин командовал батареей на острове в устье Невы, что напротив нынешней Сенатской площади, Петр отправлял ему депеши с надписью «Василию на остров». Петербуржцы верят, что именно так Васильевский остров и обрел свое имя.

Почему-то принято считать, что гвардейцы занимались исключительно организацией и проведением акций типа «дворцовый переворот». Да, воцарение Екатерины I, Елизаветы, Екатерины II, Александра I, отстранение от власти фаворитов Меншикова и Бирона их рук дело. Иными словами, гвардия весьма сильно повлияла на политическое лицо России XVIII века.

Но, во-первых, это означает, что она сохраняла за собой элитарность. А во-вторых, не была лишь слепым орудием тех или иных политических группировок. Ибо выбор, который делала гвардия, всегда и почти во всем вел страну вперед. Неужели Миних, Салтыков, Шувалов, братья Орловы, Потемкин отметились в истории страны только личным фавором в покоях императриц? Все они имели к гвардии самое непосредственное отношение. Равно как и князь Италийский, граф Рымникский генералиссимус Суворов, начавший службу при Елизавете Петровне в лейб-гвардии Семеновском полку рядовым.

Каждое царствование вносило свои коррективы в жизнь гвардейских полков. При Елизавете и Екатерине Великой (поздний период. – Прим. авт.) нельзя отказать гвардейским офицерам в излишнем сибаритстве, тяге к роскоши и безделью и как следствие – в падении уровня военной подготовки. Что сказывалось на вверенных им солдатах. Во второй половине XVIII века преображенцы занимались больше торговлей дровами, а семеновцы – портняжным бизнесом. Так полки поделили сферы влияния в Петербурге.

«Измайловским досугам» культурная жизнь была ключом. Лейб-гвардии Семеновский полк всегда был знаменит школой солдатских детей. В Гвардейском Морском экипаже также действовала детская школа, кроме того, имелась ластовая рота для нестроевых ветеранов на коште полка. Многие полки построили собственные полковые храмы, работа которых тоже, безусловно, отражалась на нравственных представлениях большинства чинов. До сих пор в Петербурге действуют полковые храмы лейб-гвардии Преображенского, Измайловского полков, Морского экипажа. В Царском Селе вновь открыли двери храмы лейб-гвардии Гусарского полка и Собственного Его Императорского Величества Конвоя, в Павловске – церковь 6-й Донской батареи лейб-гвардии Конной артиллерии... Не только молились, но и жили солдаты-гвардейцы в условиях, которые большинству подданных империи и не снились. До сих пор сохранились казармы егерей и моряков Гвардейского экипажа, лейб-казаков и атаманцев, лейб-гренадер и кавалергардов. Манеж Конной гвардии украшает площадь рядом с Исаакиевским собором, казарма-дворец Павловского полка – резиденция питерской ЕЭС на Марсовом поле. В Царском Селе реставрируют сказочные хоромы Конвоя, живут гарнизонной жизнью корпуса «желтых» кирасир Его Величества, в Павловске еще цел дом офицерского собрания 6-й Донской батареи Конной артиллерии. Из 217 лет официального существования лейб-гвардии Преображенский полк воевал 41 год, лейб-гвардии Семеновский – 39 лет. Выходит, не только военными подвигами приходилось поворачивать свой высокий статус в империю.

НАС БЫЛО МНОГО НА ПЛАЦУ

Еще со времен Павла I появилась традиция провожать зиму и встречать лето большим майским парадом на Марсовом поле. Публики собиралось множество, военный парад по тем временам – одно из самых ярких шоу. Вот кусочек воспоминаний очевидца такого парада

в начале XX века. «После минутного перерыва на краю поля со стороны Инженерного замка появлялась блиставшая на солнце подвижная конная масса. Перед царской ложей выстраивался на серых конях хор трубачей Кавалергардского полка, игравший полковой марш... Серебристые линии кавалергардов на гнедых конях сменялись золотистыми линиями Конной гвардии на могучих вороных, серебристыми линиями кирасир на караковых конях и вновь золотистыми линиями кирасир на рыжих. Вслед за ними появлялись красные линии донских чубатых казаков и голубые мундиры атаманцев, пролетавших обыкновенно наметом. Во главе второй линии проходили мрачные конногренадеры в касках с гардами из черного конского волоса, а за ними на светло-рыжих конях – легкие синеватые и красноватые линии улан. Над ними реяли цветные флюгера на длинных бамбуковых пиках, отобранных ими в турецкую кампанию. Красно-серебряное пятно гвардейских драгун на гнедых конях было предвестником самого эффектного момента парада – прохождения царскосельских гусар. По сигналу «галоп» на тебя летела линия красных доломанов. Едва успевала, однако, эта линия пронестись, как превращалась в белую – от накинутых на плечи белых ментиков». В завершение парада – показательная кавалерийская атака на зрительскую трибуну. Надо признать, не у всех дам выдерживали нервы, когда на них широким галопом несло несколько тысяч всадников. Особым шиком считалось остановиться в считанных метрах от первой линии зрителей. Из этого описания видно, что Гвардейский корпус перед Первой мировой войной выглядел куда более мощно в численном отношении, чем экспериментальные полки Петра Великого.

В царствование Николая II гвардия квартировала в Петербургском военном округе и Варшаве. Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский полки входили в 1-ю гвардейскую пехотную дивизию. Московский, Лейб-Гренадерский, Павловский и Финляндский – во 2-ю. В гвардейскую стрелковую бригаду были включены 1-й Его Величества, 2-й Царскосельский, 3-й Его Величества и 4-й Его императорской фамилии полки. Кавалерию представляли 1-я гвардейская дивизия, включавшая кирасирские полки: Кавалергардский, Конный, Кирасирский Его Величества («желтые», или «царскосельские», кирасиры. – Прим. авт.) и Кирасирский Ее Величества – «синие», или «Гатчинские». В дивизию легкой кавалерии входили

Конно-Гренадерский, Гусарский, Уланский Ее Величества и Драгунский полки, а также Казачий и Атаманский.

Отдельным образом в Петербурге и пригородах существовали Собственный Его Императорского Величества Конвой, формировавшийся из казаков Кубанского и Терского войска, Саперный батальон, Жандармский эскадрон, Железнодорожный полк, Сводно-Казачий полк, Гвардейский Морской экипаж, Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк, Рота Дворцовых гренадер, Запасный кавалерийский полк. Артиллерию представляли 1-я и 2-я артиллерийские бригады, бригада Конной артиллерии, два Мортирных дивизиона, Тяжелый артиллерийский дивизион, Стрелковая артиллерийская бригада. «Варшавская гвардия» выглядела скромнее. В 3-ю пехотную гвардейскую дивизию входили Литовский, Петроградский, Кексгольмский и Волынский полки. В отдельную кавалерийскую бригаду – Гродненский гусарский и Уланский Его Величества полки. Там же стояла 3-я гвардейская артиллерийская бригада.

Силичи! Свыше 100 тыс. солдат и офицеров, представляющих военный цвет нации. Как бы сложилась судьба Отечества, не положи их генералы Главного штаба в болотах Литвы и Польши, в лесах Волыни и на склонах Галиции?

ВСЕ РЕБЯТА НА ПОДБОР

Императрица Елизавета требовала, чтобы в гвардейскую пехоту из рекрутов отбирали мужчин ростом не ниже 182,5 см. Сохранилась запись от 1840 года о правофланговом лейб-гвардии Преображенского полка унтер-офицере Хонине – его рост был 2 м 5 см. Живет легенда о том, что в конце XIX века в роте Его Величества Преображенского полка (1-я рота 1-го батальона. – **Прим. авт.**) служил солдат, получивший кличку «Малыш» по причине низкорослости. Он был самым маленьким в роте – 192 см. Сами судите, каков был подход при комплектовании гвардейских полков, если из собранных со всей России 431 436 призывников 1913 года только 180 человек имели рост выше 192 см. До 187 см доросли 1250 человек. Выглядели эти гиганты в строю впечатляюще. В гвардии не только лошади подбирались в масть. Дело в том, что еще Николай I распорядился, чтобы люди в полках соответствовали полковому стилю.

Преображенцы – темноволосые, высокие и мощные, чей тип определялся внешним обликом создателя полка, Петра Великого. Аналогичные требования существовали и к нижним чинам Гвардейского экипажа, в котором за «родителя» также почитали первого русского императора. В семеновцы попадали высокие гладковыбритые блондины с голубыми глазами – под полковой цвет. Красивые брүнеты отправлялись в Измайловский полк. Егеря – невысокие, коренастые, крепкие. Московцы – высокие и непременно рыжие. Лейб-гренадеры обязаны были быть высокими брүнетами со зверским выражением лица. В Павловском полку служили, естественно, курносые блондины. «А курносы, как телята, это павловцы-ребята», – пелось в шуточных солдатских куплетах, известных под названием «Журавель».

В гвардейской кавалерии тоже блюли стиль. В Конной гвардии предпочтение отдавали высоким брүнетам. В кавалергардах – высоким блондинам. «Кавалергарды-дураки, подпирают потолки», – из того же сборника «Журавель».

«Синие» кирасиры обязательно носили усики, а конногренадеры по прозвищу «мрачные» – усищи. Кирасиры Его Величества отличались рыжеватостью – в тон собственных коней. Атаманский казачий полк – сплошь бородатые блондины, а лейб-гвардии Казачий – сплошь чубатые брүнеты да шатены. Странно, что отец Гришки Мелехова Пантелей служил, по мнению Михаила Шолохова, в атаманцах!

Имели свои отличия и гусары, и уланы, и Конная артиллерия. «Разодеты, как швейцары, царскосельские гусары!», «Все красавцы, все буяны – наши славные уланы!»... Но главное их отличие было, само собой, не во внешних особенностях.

Известен случай с юным семеновским унтер-офицером Александром Суворовым. Как-то стоял он на посту в Петергофе у Монплезира. Мимо проходила царица Елизавета Петровна. Спросила солдата, кто он да откуда. Суворов ответил. Царица восторгалась, вспомнила хорошо ей знакомого Василия

Суворова. Затем, довольная, протянула сержанту рубль. А тот возьми и откажись, устав воинский, мол, не велит. «Что ж, – согласилась императрица, – верно. Я положу целковый у твоих ног на землю, как сменишься, так возьмешь». Сказала-сделала. И ушла. Этот целковый, первую свою награду, Суворов хранил всю жизнь.

В этом случае проступило все, что отличало элиту русской армии. Долг и честь, благодарность и верность, память и моральная чистота. Так воспитывали солдат. Так воспитывали офицеров. К этим качествам совершенно нелишне добавить и высочайшую образованность большинства господ офицеров. Во времена Петра учились в Европах, а в XIX веке государство позаботилось о том, чтобы создать мощную сеть элитарных учебных заведений, готовивших офицеров в гвардию. Только в Петербурге располагались знаменитый Пажеский корпус, Николаевское кавалерийское, Павловское и Владимирское пехотные, Константиновское и Михайловское артиллерийские, Николаевское инженерное училища, Морской корпус. В Москве – Александровское и Алексеевское пехотные училища.

Учили не только военным наукам. Иностранные языки и гуманитарные дисциплины с упором на историю Отечества, Закон Божий, математика, естествознание. А кроме того, учили хорошим манерам и танцам, преподавали музыку и рисование. Само собой, не забывали о «физкультуре»: верховой езде, стрельбе и фехтовании. Как-то в газете 100-летней давности попался на глаза исторический «ребус»: среди прочих причуд начала XX века упоминалось, что офицеры предпочитали стоять в петроградских и московских конках. Пытался объяснить себе загадку с позиций века XXI: боялись измять мундир, мешало холодное оружие, запрещал устав...

Ответ нашелся в чьих-то мемуарах. Оказалось, потому, что они были... офицерами! Сильными, гордыми, молодежавшими людьми, которым просто нравилось ощущать землю ногами, а не... всем остальным.

НИКОГДА НАМ НЕ СЛУЖИТЬ В КАВАЛЕРГАРДАХ

В 1918 году новая власть стала расформировывать гвардейские полки. Начала, разумеется, с Преображенского.

Прошло всего 23 года, и та же самая власть осознала, что военные традиции – одна из базовых ценностей армии, способная привести ее к победе в любой войне. Уже осенью 1941 года, когда немец еще теснил нас под Москвой и судьба столицы оставалась под большим вопросом, первые гвардейские дивизии получили право нести традицию славы дальше.

Другое дело, что позже, в пылу успехов 1944–1945 годов, гвардейский статус превратился еще в одну сугубо боевую коллективную награду. Сотни частей и соединений обрели гвардейство. Никто и не думает оспаривать подвиги их солдат и офицеров. Но только ли подвиги на поле брани определяют безусловно и постоянно лучших? Можно ли считать элитой вооруженных сил целые танковые, воздушные и полевые армии, численность каждой из которых исчислялась десятками и сотнями тысяч солдат и офицеров?

Лично мне ближе современный подход к гвардейскому званию. За 17 лет жизни России после распада СССР случилось всякое. И повоевать нам пришлось в достатке. Но лишь однажды власть решила присвоить гвардейство – 22-й отдельной бригаде спецназа ГРУ. Видать, бригада эта – что-то особенное. В самом начале 90-х предпринималась попытка возродить в Российской армии Преображенский и Семеновский полки. Идея, конечно, красивая, но не жизнеспособная. С военной точки зрения шаг абсолютно бессмысленный. С показательно-парадной? Но в том-то и дело, что «те» преображенцы и семеновцы оказались героями парадов после того, как стали героями сражений.

Может быть, довольно, что эскадрон Президентского полка демонстрирует нам на Соборной площади Кремля торжественные разводы караула по субботам, а оркестр Министерства обороны в особо торжественных случаях получил возможность выступать в парадных мундирах лейб-гвардии Преображенского полка?

Хотя... какой же русский откажется увидеть, как «серебристые линии кавалергардов сменяются золотистыми линиями Конной гвардии»...

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

МИХАИЛ БЫКОВ

На ленте венка от Императорской Академии Генерального штаба, который лег на могилу генерала, было написано: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному». Немногих русских генералов проводили в последний путь такими словами.

РИА «НОВОСТИ»

Известно ведь, что не слишком складывались отношения царя и популярного военачальника.

165-летие со дня рождения Михаила Скобелева, – сначала отмеченное в Петербурге, где он родился в Комендантском доме Петропавловской крепости, затем в Рязани и селе Заборове Новодеревенского района Рязанской области, где на территории бывшего родового имения Скобелевых генерал похоронен, – достойный повод еще раз попытаться понять масштаб этой исторической фигуры.

Дорога из Москвы на Рязань хороша. Бронницы, Коломна, Луховицы, Рыбное с указателем на есенинское село Константиново – от одних названий уже не скучно. Правда, и тут чувствуется автомобильное засилье. Казалось бы, суббота, раннее утро, а в ста верстах от столицы, под Коломной, очередной затор. На въезде в Рязань тоже беспокойно. Молоденький лейтенант не сидит в домике ДПС. Нет, бегают вдоль полосы, машет жезлом, посвистывает... Мы, как богатыри русские, на перепутье. Налево поедешь – в Мещеру попадешь, прямо поедешь – в центр полумиллионного города, направо... Насчет направо – указателя нет. Лейтенант внимателен к остановившимся москвичам:

– На Рязк? Так это вам направо и надо. Мост, поворот, снова мост, снова поворот, а дальше – прямо. Километров сто будет.

– За Рязком есть такое село, Заборово называется... – воодушевленно продолжаю опрос.

А были ли эти слова близки к истине? Или чувствами составителей траурного текста в Петербурге управляла известная традиция, согласно которой принято значительно преувеличивать достижения ушедшего, закрывая при этом глаза на все его недостатки? Может быть, и сам император Александр Третий слишком поддался эмоциям, направляя сестре генерала Скобелева телеграмму: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии незаменимая и, конечно, всеми истинно военными людьми сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей»?

– Вот этого не знаю, – машет полосатым жезлом офицер милиции.

– Ну, как же, там мемориал генерала Скобелева! – уточняю я. Но лейтенант с виноватой улыбкой уже бежит через разделительную полосу.

После сотни верст до древнего маленького Рязска выяснилось, что еще примерно тридцать – до райцентра, поселка Александро-Невского, оттуда еще столько же до самого Заборова.

Много это или мало – три с лишним часа от МКАД?

Генерал Скобелев добирался в поместье иначе. Если из Москвы, то поездом по Южной железной дороге до станции Раненбург, от станции – на лошадях мимо сел Боровок, Посечье... Только потом – Спасское-Заборово.

Однако бывал он тут нечасто. Служба не позволяла. Да и темперамент тоже.

Хотя в последние месяцы жизни все чаще признавался близким друзьям в том, что устал, изуверился, измучился. И что лучше уж в Спасском яблоки выращивать. Незадолго до смерти генерал заказал в книжном магазине огромное количество специальной литературы по сельскому хозяйству. А уж учиться он умел! Хотя делал это весьма своеобразно.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 сентября 1843 года, в день святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Генералами были и отец, и дед будущего героя Плевны. Казалось бы, судьба predetermined. Тем более что дед, генерал Свиты, комендант Петропавловки, часто видится с императором, а отец – адъютант военного министра графа Чернышова. Поначалу Миша получает домашнее образование с немецким гувернером, с которым воюет по любому поводу. На смену немцу приходит француз, вернее, 12-летнего Скобелева везут в Париж в пансион Дезидерио Жерардэ. На сей раз выбор наставника оказался настолько удачен, что месье Жерардэ спустя много лет будет сопровождать воспитанника в его знаменитых военных походах. Впрочем, среди исследователей жизни генерала есть мнение, что именно Жерардэ осуществлял при Скобелеве некую миссию в интересах масонских лож. Однако об этом позже.

В семье приняли решение готовить Михаила к поступлению в... Петербургский университет. 21 мая 1860 года после двухлетней подготовки Скобелев держал предварительный экзамен не где-нибудь, а на квартире графа Адлерберга, женатого на сестре Ольги Николаевны, матери Михаила. Не то важно, что Адлерберг был дядей, а то, что Александр Владимирович с юных лет дружил с будущим государем Александром Вторым и занимал должность министра двора Его Императорского Величества.

Это существенный момент в биографии Скобелева. Дело в том, что усилиями пропагандистов в советский период узкий ручеек информации о генерале загнали в канал «Скобелев – народный герой». Складывалось ощущение, что Михаил Дмитриевич и сам выходец из простых, что между ним и петербургской аристократией существовала дистанция, переходящая в открытую вражду. Да, Скобелев был любимцем всего русского народа, но в то же время и по крови, и по статусу принадлежал к элите общества. Довольно сказать, что его сестры вышли замуж: Надежда – за князя Белосельского-Белозерского, Ольга – за графа Шереметева, Зинаида – за Евгения Максимилиановича, князя Романовского, герцога Лейхтенбергского, который приходился двоюродным внуком императору Николаю Первому. Да и сам Скобелев был женат, пусть крайне недолго и совершенно неудачно, на княгине Марии Гагариной.

На математическом факультете Михаил проучился недолго. В университете тон задавали «нигилисты», начались волнения, дело шло к закрытию заведения. По совету отца (и, надо думать, по протекции. – Прим. авт.),

22 ноября 1861 года Скобелев поступает в

Кавалергардский полк. В сентябре следующего года он – портупей-юнкер, 31 марта 1863-го произведен в корнеты. Служба в тяжелой кавалерии оказалась недолгой, и в марте 1864 года Михаил переводится в Гродненский гусарский лейб-гвардии полк. Несколько ранее началось очередное восстание в польском Генерал-губернаторстве. Скобелев вместе с полком

принимает участие в его ликвидации, получает первый орден – Святой Анны четвертой степени. Любопытно, что еще до перевода в гродненские гусары он, отправившись в отпуск, оказался в Преображенском лейб-гвардии полку, следовавшем на поимку одного из отрядов восставших. Весь отпуск корнет провел в походном седле. Такое поведение типично для Скобелева в ходе всей его военной карьеры.

Скобелев – не первый успешный русский офицер, который обходится без двух начальных ступеней воинского профессионального образования. Он не был в кадетском корпусе, не посещал военное училище. А спустя три года после выхода в офицеры уже поступает в Николаевскую академию Генерального штаба. Говоря современным языком – в аспирантуру. Видимо, налицо классический случай генетической передачи накопленной информации.

На границе Новодеревенского района, около сверхсовременной заправки с высокой теремной крышей, довольно дико смотрящейся среди побелевшей от ночных заморозков язби, нас встречают тамошние власти. Машину направляют местным трактом мимо свежепобеленных коровников и не сжатых еще полей кукурузы, гордо поднимающейся метра на полтора-два над духовно чуждой ей рязанской землей.

Сопровождающая нас женщина, заместитель главы района, рассказывает о бывших скобелевских угодьях. Выясняется, что народу в самом южном уезде Рязанской губернии живет немного, тысяч тринадцать. Хозяйства стоят крепко. Зерна намолотили более сотни тысяч тонн. Возвращается поголовье крупного рогатого скота.

Мощный «Дон-1500», безжалостно расправляясь с большими листьями и длинными стеблями и набивая початками громадное железное брюхо, двигается вдоль дороги. А с противоположной стороны тракта на нас надвигается пятнистое черно-белое стадо голов так в четыреста. Действительно, возвращается! – подумалось. И еще. Если не проскочим, стоять нам среди коров минут двадцать.

Проскакиваем. Странно, но на душе нет ни грамма привычного уже городского сарказма в адрес нашей не самой счастливой на свете деревни. Суетятся куры на обочинах, надменный гусь переходит дорогу, ведя в кильватере двух гу-

сын, черная, жирная земля, поднятая под озимые, исходит паром, уверенно смотрят улыбающиеся глаза замглавы, рассказывающей о переоборудованных фермах. Я гляжу на ее плотные крепкие пальцы с коротко подрезанными ногтями – знает, о чем говорит.

– Вот и первый пруд, – показывает она рукой направо. – У Скобелевых был целый каскад прудов. Мы пока привели в порядок один. Но лиха беда начало.

За прудом – небольшой лесок, а за леском – колокольня...

Древним род Скобелевых никак не назовешь. Известно, что в XVIII веке жил-был сержант Никита Скобелев, происхождением из дворян-однодворцев. Жена, Татьяна Корева, из ставропольских дворян, родила ему трех сыновей – Федора, Михаила и Ивана. Все трое были офицерами. Полковником, поручиком и полным генералом соответственно. Иван Никитич, дед Михаила, фигура в русской истории приметная. Мало того что всю жизнь в боях, что в 1812 году состоял непосредственно при Кутузове, что имел четвертого и третьего Георгиев и орден Александра Невского. Он еще и весьма солидное состояние сколотил и стал известен как военный бытописатель под псевдонимом «русский инвалид». Печатался Иван Никитич с 1833 года и до самой смерти в 1849-м, публиковал рассказы для солдат и пьесы о солдатах. Его литературные опыты были чрезвычайно популярны и написаны ярким образным языком. Тем удивительнее, ведь Скобелев-дед не имел никакого специального образования, получив военную специальность непосредственно в войсках. Он и писал-то с орфографическими ошибками.

Но как писал! Самые известные его строчки относятся не к литературному произведению, а к боевому приказу. Он диктовал их, сидя на барабане после боя около города Минска. «...К защите прав батюшки-царя и славы святого нам отечества, среди храбрых товарищей, и трех по милости Божьей оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно». В этом

бою польское ядро разнесло генералу левую руку, и ее пришлось ампутировать. Было сие в 1831 году. А где еще два пальца? Они остались в Швеции, где в 1808 году в битве при Кирке Коуртане Ивану Скобелеву оторвало два пальца на правой руке, а третий – раздробило.

Отец Скобелева, Дмитрий Иванович, окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и вышел в Кавалергардский полк. Сражался не меньше, чем Иван Никитич. В том числе на Восточной (Крымской) войне. Затем он служил в Петербурге и Царском Селе. Последовательно командовал Конно-Гренадерским лейб-гвардии полком и Собственным Его Величества Императорским Конвоем, состоял при генерал-инспекторе кавалерии. Но самое примечательное, что во время последней Русско-турецкой войны, принесшей всемирную славу его сыну, они воевали вместе, в ноябре 1877 года под Плевной. Умер Скобелев-отец неожиданно, вследствие врожденного порока сердца. Этот факт имеет смысл запомнить обязательно.

Мать Михаила Дмитриевича была «женщина замечательная и многое из своих качеств передала сыну. Обладая всеми качествами – хорошими и дурными – женщины большого петербургского света, Ольга Николаевна не довольствовалась этой ролью и имела исключительное для женщины честолюбие... Обладая большим и весьма гибким умом и знанием сердца человеческого, Ольга Николаевна имела к тому же дар быстро ориентироваться среди самых разнообразных личностей, встречавшихся на ее довольно бурном жизненном пути». Так писал о матери Михаила Скобелева один из его ближайших друзей, соратников и учеников, генерал Куропаткин, печально известный впоследствии как главный виновник событий Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Трудно сказать, насколько точны эти оценки, но именно человеческий фактор сыграл трагическую роль в жизни и смерти Ольги Николаевны Скобелевой. В Русско-турецкую войну она активно занималась организацией

военных лазаретов и была их начальницей. После войны и похорон мужа Скобелева отправилась на Балканы и возглавила тамошний Красный Крест. В Филиппополе она открыла приют на 250 воспитанников, в других городах Болгарии и Румелии учредила школы и госпитали. Ее известность, помноженная на известность мужа и, особенно, на славу сына, сделала Ольгу Николаевну весьма влиятельным лицом на Балканах. Тот же Куропаткин писал, что госпожа Скобелева не ограничивалась благотворительной деятельностью. Ее «материнское честолюбие заходило настолько далеко, что она считала возможным увидеть своего сына первоначально генерал-губернатором, а затем князем Болгарии и Румелии и, наконец, собирателем славянских земель на Балканах в одно сильное государство». Она погибла в ночь на 6 июля 1880 года в пяти километрах от Филиппополя, у маленького селения Чирпак (Чирпан). На ночной дороге на ее экипаж напала группа всадников, возглавляемых поручиком русской армии и одновременно капитаном румелийской полиции черногорцем по происхождению Алексеем Узатисом. Едва коляска остановилась, Узатис выхватил шашку и зарубил Ольгу Николаевну. Так же погибли горничная и кучер. А вот сопровождавший Скобелеву преданный ее сыну унтер-офицер Матвей Иванов умудрился сбежать. В городе он поднял тревогу. Узатиса нагнали, окружили, и он застрелился.

История более чем странная. Во-первых, потому, что Узатис прекрасно знал Скобелеву и сопровождал ее в большинстве поездок по балканским городам и весям. Во-вторых, потому, что сам Узатис, рожденный в России и служивший в русской армии под непосредственным началом Михаила Скобелева, был спасен своим начальником от военного суда. Сразу после войны, когда русские части стояли в Сан-Стефано, по соседству с Константинополем, Скобелева вызвал к себе вновь прибывший командующий генерал Тотлебен. Михаил Дмитриевич потребовал украшенную алмазами Золотую шагу (особый вид награды «За храбрость». – Прим. авт.), и тут выяснилось, что шага-то есть, а вот алмазов – нет. Провели расследование, и все сошлось на ординарце Узатисе. За такие вещи полагалась каторга, но Скобелев предпочел «не выносить сор из избы». Узатиса вместе с братом отосла-

ли назад в полк, а Михаил Дмитриевич взял обет молчания с офицеров, участвовавших в расследовании. Наконец, в-третьих, Узатис наверняка знал, что в этот раз Скобелева приехала в Болгарию с огромной суммой денег – около миллиона рублей. Сказывала, что собирается купить землю, построить дом и монастырь. В последнюю поездку она взяла с собой «только» 46 000. Тайна гибели матери Скобелева не разгадана до сих пор. Но есть несколько версий: от банального ограбления до политического заказа. Церковь выглянула из-за рощи неожиданно – несмотря на то, что ее присутствие там угадывалось по колокольному шпилью. Кирпичный храм, крашенный снежно-белой краской. Два придела по бокам. В левом – могила самого Михаила Дмитриевича Скобелева, в правом – матери и отца. Об этом мы узнаем чуть позже, а пока идет поминальная служба, и все дороги ведут к алтарю. В церкви – хорошо. Знаете, так бывает. Когда не нужны эпитеты и всяческие прочие обороты. Просто – хорошо... Может быть, потому, что тут почти нет случайных людей. Те, кому служба по каким-то причинам в тягость, ждут на улице, выстроившись где в шеренгу, где кучками вдоль широкой аллеи, уходящей куда-то в начинающий желтеть лес.

Идем к могилам, батюшка кропит водой, свечи в руках быются, потому как в приделах бегают ветер, проникая из открытых церковных дверей.

После крестного хода вокруг храма можно и основательно оглядеться. Замглавы куда-то пропала. Зато рядом – губернатор Рязанской области Олег Ковалев, первый заместитель председателя Совета Федерации Александр Торшин, начальник мемориального комплекса Министерства обороны генерал-майор Александр Кирилин, представитель Скобелевского комитета Александр Алекаев, чьими усилиями храм обрел наконец прекрасный иконостас ручной работы. Короче, кто хотел, тот доехал. Все здесь, у бюста генерала Скобелева, глаза которого обращены в сторону церкви. А напротив – не менее тысячи че-

ловек. Богомольные бабушки из окрестных сел и деревень в меньшинстве. Очень много молодых. В форме всяческих военно-патриотических организаций и клубов, поисковых отрядов, в форме рязанских военных училищ. Без формы и без хоругвей – в гражданском и праздничном.

Ветер дует сильно и с холодком. Срывает с микрофона слова о том, какую роль в истории отечества сыграл генерал, похороненный здесь 126 лет назад. Но люди слушают и вслушиваются. Речи получаются все-таки чуть длиннее, чем нужно. Но вот слева за спиной передергивают затворы – и в осеннее небо несутся пронзительные звуки выстрелов воинского салюта. Кричат черные птицы, поднятые с веток. Молчат торжественно люди. У меня нет головного убора, как-то не склонен носить. И я с чувством тихой зависти гляжу на стоящего рядом генерала Кирилина. И на полковника милиции – чуть подальше. И на начальника Рязанского военкомата. И на курсантов, застывших в парадном строю. Ах, как хочется вздернуть ладонь к правому виску и отдать честь самому Скобелеву!

Боевой путь генерала от инфантерии Скобелева укладывается в 18 лет. Или – в шесть военных кампаний. После «дебюта» в польском восстании 1863–1864 годов и обучения в Николаевской академии Михаил Дмитриевич в чине штаб-ротмистра Генерального штаба отправляется на службу в Туркестанский округ. Очевидно, что его связи при дворе и гвардейское прошлое гарантировали место в Петербургском гарнизоне. Но Скобелев ищет дела. Он и в академии усидел с большим трудом. И если бы не профессор Витмер, вряд ли бы усидел.

Уже с младших чинов Скобелева преследовали всяческие мифы и истории. Одна из них связана как раз с зачислением его в Генеральный штаб. На выпуске после экзамена по теории пришлось сдавать и практику. Скобелеву досталось задание отыскать место для переправы кавалерии через Неман. Не слишком жалую сей предмет – рекогносцировку – и в теории, в практическом плане молодой офицер выбрал предельно простое решение. На глазах приемной комиссии он вскочил в седло и пустил коня вплавь через реку. Конь сдюжил испытание в оба конца, а начальник комиссии генерал Леер приказал зачислить Скобелева в Генштаб, подчеркнув, что армии нужны решительные начальники, умеющие импровизировать.

да полушубки. Михаил Дмитриевич предвидел, что солдатам придется преодолевать горные перевалы Болгарии, а там в одних мундирах не забалуешь.

И что ему было делать, как существовать во времена враждебной среде, если армия не предполагает возможности

удалиться в затвор или замкнуться в гордом одиночестве? А вокруг – и воровали, и били солдата, и забывали обеспечить его всем необходимым, отправляя в бой...

После побед в Кокандском походе, завершившемся присоединением к России Ферганской области, и после победы в Ахалтекинской экспедиции, взятия Геок-Тепе, что позволило получить контроль над территорией Туркмении, Скобелева весьма холодно принимали в Петербурге.

Император Александр Второй поблагодарил за Коканд и Фергану в 1876 году, но даже не протянул руки. А во второй части короткого приветствия выразил неудовольствие по поводу «всего остального». Над «всем остальным» потрудились князья Долгорукий и Витгенштейн, отправившиеся в Среднюю Азию за своей долей наград и чинов и осевшие при штабе. Особенно отличился в доносах, по словам военного министра Милютина, князь Долгорукий. Царь, видимо, поверил.

К этому времени 33-летний Скобелев уже имел чин генерала, золотое Георгиевское оружие и кресты четвертого и третьего Георгиев, догнав, таким образом, своего родителя.

В 1881 году уже император Александр Третий обошелся с героем, награжденным за Геок-Тепе Георгиевским крестом второй степени (а таких в истории России всего 125 человек. – Прим. авт.), крайне холодно. Вновь весь разговор свелся к одной фразе, содержащей прозрачный намек на несуществующее желание генерала возглавлять оппозицию режиму нового государя. «Мне даже не предложили сесть!» – переживал Скобелев детали визита.

Неужели причины столь сдержанного отношения при дворе имели сугубо личный

Надо сразу сказать, что парадный портрет Михаила Дмитриевича сильно отличается от реального. Он был человеком с множеством свойственных этому существу комплексов и недостатков. Среди них были такие безобидные, как запредельная любовь к ароматам. Современники отмечали, что и сам генерал, и его помещения всегда были надушены чрезвычайно.

Знаменитый художник-баталист Василий Верещагин, друживший и прекрасно знавший Скобелева и на войне, и в быту, отмечал склонность и к мистике. «Суеверие этого милого, симпатичного человека было очень велико. Он верил в счастливые и несчастные дни, счастливые встречи и предзнаменования. Он ни за что не стал бы сидеть за столом в числе 13 человек, не допустил бы трех свечей на стол...» – вспоминал Верещагин. Также он писал о том, что «всегда толковый, разумный, увлекательный на поле битвы, Скобелев в частной жизни был хотя и симпатичен, но нервен, капризен. При разговоре он редко сидел... Когда же сидел, то непременно вертел что-нибудь в руках». И теперь самое интересное и важное наблюдение Верещагина: «Чертовски храбрый на поле битвы, Скобелев был порядочный трус перед высокопоставленными лицами – он как будто съеживался в их присутствии, принимал жалостливый вид. Всегда заново одетый и надушенный перед солдатами под пулями, в главной квартире он ходил каким-то отчаянным: шинель на боку, фуражка на затылке – точно он боялся, чтоб не засмеяли, не поставили ему в вину щегольство одеждою, как ставили в вину храбрость».

Трусость, о которой говорит Верещагин, надо понимать как некий «комплекс иноходца», плохо уживавшегося с «нормальными» людьми и, следовательно, с «нормальными» правилами жизни. К примеру, Скобелев никогда не позволял во вверенных ему частях воровать у солдат. Считал, что плох тот командир, который не знает, какая пища в котлах его роты. И нещадно боролся с такими офицерами. Он не понимал и не принимал нормы, по которой солдат обрекался на дополнительные сложности и так в нелегком ратном деле. Если было ясно, что придется окапываться, дабы спастись от огня противника, то как можно, по разумению Скобелева, отправлять роты в атаку без шанцевого инструмента? Известен случай, когда он собственного отца «выставил» на приличную сумму, так как необходимо было срочно оплатить поставщику купленные для целого отря-

окрас? Проще говоря, всем правила зависть? Император Александр Третий во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов был в действующей армии, контролировал ход мирного урегулирования балканского кризиса, который, кстати, так не устроил Скобелева по своим результатам. Не мог царь не знать о военном даровании Михаила Дмитриевича, о его взглядах на славянский мир, уже оформлявшихся в некую доктрину. Не мог не понимать, что как раз Скобелев – образец патриота, понимающего ценность мировой, и в частности западноевропейской, культуры для нормального развития русской державы и одновременно прозорливо оценивающего ближайшие перспективы в отношениях с главными политическими игроками Европы. Никто, как Скобелев, побывавший с инспекцией в германской армии в 1879 году, не мог видеть, что кайзер милитаризирует страну с фантастической скоростью и что цель этой милитаризации, скорее всего, находится на востоке от немецких границ.

Да, новый царь не склонен был ввязывать страну в какие-либо военные авантюры, что и доказал последующим правлением. Да, меняя направление внешней политики, он внутри страны декларировал русскость во всем. Тем удивительнее, что он не нашел нужным вовремя привлечь на свою сторону человека беспримерной популярности. Написавшего, что «история нас учит, что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскресением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве».

Таким образом, в 1881 году Скобелев оказался вытолкнутым на политическую обочину, где он мог от безнадежности оказаться в альянсе самом удивительном. С неистовыми славянофилами, в сравнении с которыми Иван Аксаков был либералом. Сторонниками французского премьера Гамбетты, связанного с масонами. Боевыми организациями сербских студентов, перед которыми Скобелев так ярко выступил в Париже в феврале 1882 года. Революционными деятелями, близкими к членам военизированной организации «Народная воля»... Ситуация усугублялась тем, что примерно в это же время Скобелев расстался с женщиной, Екатериной

Александровной Головкиной, с которой он готов был создать семью.

В любом случае после двух выступлений, 9 января в Петербурге и 5 февраля в Париже, стало ясно, что в России появился публичный политик-оппозиционер в погонах полного генерала, пользующийся беспредельной любовью не только русского, но и многих балканских народов, популярный во Франции и Польше, глубоко уважаемый в среднеазиатских пределах. Видимо, уже не имело значения, что думал Скобелев о ситуации в России и Европе на самом деле и насколько далеко готов был зайти генерал вслед за собственными речами.

В Петербурге спохватились. Скобелева вернули из отпуска. Состоялась аудиенция с императором. Они проговорили более двух часов, через придворных по столице быстро разнесся слух, что генерал покинул царский кабинет с улыбкой. Но маховик уже завертелся.

После разговора с императором он некоторое время провел в Минске, где стоял вверенный ему 4-й корпус. Затем еще раз посетил Париж. Начал готовиться к поездке в Болгарию, где, по его мнению, вскоре ожидалась война. Князь Оболенский рассказывал, что потом виделся со Скобелевым в Петербурге, тот срочно превращал в деньги все свои облигации, акции и прочие ценные бумаги, а также золото и драгоценности. Кстати, об этих деньгах. Их набралось более чем много – миллион рублей. Генерал передал их своему крестному, преданнейшему человеку Ивану Ильичу Маслову, но очень быстро выяснилось, что деньги исчезли, а Маслов сошел с ума. Тот же Оболенский сообщал позже, что деньги так и не обнаружили, а Маслов так и умер сумасшедшим через 10 лет после ухода генерала.

Но другие источники утверждают, что незадолго до смерти в 1891 году Иван Ильич Маслов завещал миллион рублей на дело народного просвещения. А из жизни ушел в здравом уме и светлой памяти. И именно здравый ум, мол, подсказал ему спрятать деньги крестника, дабы тот не ввязался в какую-ни-

будь историю с такими деньжищами. Однако зачем Михаилу Дмитриевичу понадобилась такая сумма наличными да еще и вдруг – осталось загадкой.

22 июня 1882 года Скобелев прибыл в Москву. А на третий день его видели обедающим в ресторане «Эрмитаж». После

он отправился в гостиницу «Англия», на угол Петровки и Столешникова переулочка. Глубокой ночью известная московская кокетка Шарлота (Ванда, Роза, Элеонора) Альтенроз, проживавшая в «Англии», появилась у дворника и сообщила, что у нее в номере мертвый русский офицер. Прибыла полиция, труп опознали тут же и переправили его в гостиницу «Дюссо», где Скобелев снял номер. Профессор Нейдинг, проводивший вскрытие, установил причину смерти: «паралич сердца и легких, от воспаления которых он страдал еще так недавно». Сам Скобелев на сердце никогда не жаловался, хотя еще в Туркестане армейский врач определил у него сердечную недостаточность.

Полиция быстро выслала девицу из России. Дело закрыли. Но большинство подданных империи не верили, что все так просто. Чтобы Скобелев – и от болезни сердца?

Версий хватало. Самая простая: кокетка была немкой и выполняла задание из Берлина. Самая опасная: отравили члены «Священной дружины» – тайной организации, созданной великим князем Владимиром Александровичем в основном из представителей родовой аристократии для защиты императора. Самая сложная: убийство – дело рук масонов, из-под контроля которых Скобелев вырвался окончательно.

Каждая из них имеет интересные доказательства и в то же время – откровенные изъяны.

29 июня 1882 года специальный траурный поезд прибыл на станцию Раненбург под утро. Шел ливень. Тысячи людей стояли на коленях вдоль железнодорожного полотна, вокруг маленького станционного вокзала. Гроб с телом Скобелева поставили было на катафалк, но люди подняли его на руки и понесли. Несли версту за верстой. В каждой

деревне по пути процессии начинали служить панихиду, молясь о почившем воине Михаиле. Ливень прекратился только к восьми утра – и ударило белое летнее солнце.

В два часа пополудни гроб опустили в могилу в левом приделе Спасо-Преображенской церкви села Спасское – Заборовские Гаи.

Рядом с церковью через парадный плац – одноэтажное, крашенное белой краской кирпичное здание с деревянным крыльцом. Когда-то – школа, построенная Скобелевым для крестьянских детей. Теперь – музей мемориального комплекса. В первом зале – фотографии, ордена, личные вещи, письма и документы. Все, как и положено мемориальному комплексу. Во втором – несколько старых, но свежепокрашенных школьных парт с откидными досками и углублениями для чернил. На стене портрет царствующего императора и императрицы, на другой – Лермонтова, Пушкина, по-моему, еще Некрасова и Толстого.

Стою около этих парт, думаю о чем-то трудноуловимом, а из первого зала слышится взволнованный голос директрисы музея:

– Михаила Дмитриевича называли Белым генералом...

Вспомнилась легенда, по которой, еще в бытность корнетом, Скобелева вытащил из болота белый конь. И с тех пор он признавал только белый цвет. В самое пекло боя – в белом кителе, при орденах и на белом скакуне. Странно, подумалось, с десяток скобелевских портретов видел, не меньше – и почти везде он в темном.

– Совсем не за цвет одежды прозвали его так солдаты, – вновь разбивает тишину голос директрисы. – Белый цвет на Руси всегда был символом чистого сердца и незапятнанной чести... А на улице люди уже расходятся. Такого я не видел еще никогда: тысячная толпа стояла на площади, оголяется дорога и галечные тропы – а на них ни фантика, ни окурка. Чисто.

Верещагин В. Скобелев / Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – М., «ДАРЬ», 2007.

Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала.

Слово современников. Слово потомков. Сост., вступ. ст. С.Н. Семанова. – М., «Русский мир», 2000.

Шолохов А. Полководец, Суворову равный, или Минский корсиканец Михаил Скобелев. – М., «ЮниВестМедиа», 2008.

ГУБЕРНАТОР САМАРКАНДА

РУБЕН НАЗАРЬЯН

25 июля 1897 года площадь у Георгиевской церкви Самарканда была заполнена людьми. И кого здесь только не было! Горожане всех сословий и жители окрестных кишлаков, официальные делегации от уездов Самаркандской области, других областей Туркестанского края, посланники бухарского эмира, иностранные купцы, офицеры и солдаты местного гарнизона.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРА

Полицейские кордоны с трудом сдерживали напиравшую толпу, а народ все шел и шел. Причем каждый из присутствующих непременно хотел протиснуться ближе к храму, в котором происходила траурная церемония.

А затем, после завершения церковной панихиды, огромная людская масса устремилась на городское солдатское

кладбище, где позднее состоялся гражданский митинг. Так Самарканд прощался со своим военным губернатором, генерал-лейтенантом графом Николаем Яковлевичем Ростовцовым, завещавшим похоронить его именно здесь. Многие из участников пышных похорон вспоминали, как в эти же самые дни, 21 июля прошедшего, 1896 года, на этой же самой Церковной площади происходили иные торжества, связанные с открытием первого в Самарканде музея. И главным действующим лицом тогда был все тот же граф Ростовцов...

ШЕСТЬ ЛЕТ В САМАРКАНДЕ

С личностью этого незаурядного человека, упокоенного более столетия назад на местном кладбище, связано немало значительных событий в жизни древнего города. Помимо упомянутого музея, которому Николай Яковлевич жертвовал собственные деньги, чучела птиц, серебряные и медные монеты различных эпох и стран, другие экспонаты из личной коллекции, граф способствовал появлению в Самарканде зданий Общественного собрания, штаба войск, тюремной церкви, гренажской и пастеровской станций, железнодорожного депо, Хлопкового арбитражного

комитета. Именно его стараниями в городе были открыты первые ясли, рабочий дом, бесплатная лечебница для проходящих и два первых хлопкоочистительных завода. Всего шесть лет, с 1891 по 1897 год, возглавлял Самаркандскую область военный губернатор Ростовцов, но, пожалуй, никто из его предшественников и преемников не пользовался столь однозначным авторитетом и всеобщим уважением населения, как Николай Яковлевич. Дабы не перечислять всего сделанного им, назову лишь наиболее значительные заслуги графа. Именно он осуществил первую в истории Самарканда перепись населения. Перед этим важным делом по его личной инициативе в городе ввели нумерацию домов – нечетные номера по правой стороне улицы, четные – по левой. В то время, в 1892 году, подобное практиковалось лишь в странах Западной Европы, а в Российской империи только два столичных города – Санкт-Петербург и Москва – сделали это несколько раньше Самарканда.

При Ростовцове в городе начала издаваться первая и единственная во всем Туркестанском крае частная газета «Окраина», появился первый книжный магазин и вторая типография. В 1893 году в Самарканде загорелись первые электрические лампочки. Стараниями графа в городе была проведена Туркестанская сельскохозяйственная и промышленная выставка, проложены новые и заново замощены имеющиеся улицы, разбит парк. Велики его заслуги в

деле просвещения, развития здравоохранения и культуры области.

По инициативе и при личном участии Николая Яковлевича в 1893 году была основана Каратепинская санитарно-гигиеническая станция для лечения малярийных больных, ставшая одной из лучших в империи. В том же году стараниями графа в Самаркандской области начало развиваться пчеловодство. Для этого Ростовцов выписал из Петербурга несколько ульев со всеми необходимыми принадлежностями и большое количество специальной литературы по пчеловодству, а из Тифлиса – трех маток пчел лучшей кавказской породы. Получив все это, граф пригласил в Самарканд из Семиреченской области опытного пчеловода, В.И. Крюкова, и поручил ему организацию новой отрасли хозяйства в регионе. Первая опытная пасека Самарканда была устроена в губернаторском саду, полученный мед отличался прекрасным вкусом и приятным запахом. Тем самым Ростовцов доказал многочисленным скептикам не только возможность существования пчеловодства в Туркестане, но и перспективы его быстрого развития.

При Ростовцове началось регулярное издание «Справочных книг Самаркандской области» и «Адрес-календарей», активно велись археологические раскопки на городище Афрасиаб. Под его непосредственным руководством и при личном участии в статистическом комитете была впервые составлена программа работ по описанию исторических памятников Самарканда, предусматривавшая описание и изучение всех памятников, а также издание «строительно-архитектурного атласа» города, книг и брошюр по истории Самарканда различных эпох. Граф Ростовцов сумел добиться от правительства не только существенных средств на эти цели, но и привлечь к работе известнейших востоковедов из Императорской Академии наук.

Будучи чрезвычайно справедливым и безукоризненно честным человеком, Николай Яковлевич всегда приходил на по-

был директором учебных заведений Санкт-Петербурга и имел чин действительного статского советника. А его жена, Александра Ивановна, происходила из известной купеческой семьи Кусовых. Сыновья их, Илья и Яков, воспитывались в Пажеском корпусе, а затем служили в различных гвардейских полках. Илья Иванович скончался в 1828 году в звании полковника и был похоронен в столичной Александро-Невской лавре, а его сын, Илья Ильич, дослужился до чина генерал-майора.

мощь обиженным и нуждавшимся в его поддержке людям. С большим уважением относилось к военному губернатору мусульманское население области, ощущавшее реальные плоды его деятельности. Граф Ростовцов был удостоен высшей награды соседнего государства, Бухарского эмирата, за заслуги в обеспечении населения этой страны питьевой и поливной водой в период жесточайшей засухи. Очень довольно было Николаем Яковлевичем и его непосредственное руководство: в 1893 году Главный начальник края, генерал-губернатор Туркестана барон А.Б. Вревский, выразил ему «полную признательность за особую заботливость о преуспевании во всех отношениях Самаркандской области». Доверие к Ростовцову было настолько велико, что дважды, во время длительного отсутствия того же барона в 1895 и 1896 годах, граф замещал его на посту главы Туркестанского края.

Ростовцов, прекрасно зная Самаркандскую область, продолжал постоянно изучать ее нужды и потребности. Он заботился не только о развитии экономики и просвещении региона, но и о материальном благополучии вверенного ему населения. Это без всяких преувеличений был человек с редкими качествами души и сердца. Неспроста в некрологе, опубликованном в газете «Туркестанские ведомости», говорилось, что «время его губернаторства будет вписано в летописи Самаркандской области золотыми буквами».

Велики заслуги графа в строительстве железной дороги от Самарканда до Андижана и Ташкента: потому после смерти военного губернатора российское правительство в целях увековечения его памяти присвоило название «Ростовцово» железнодорожной станции Булунгур и одной из улиц Самарканда.

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Желание узнать подробнее о дотуркестанском периоде жизни этого незаурядного человека привело меня к довольно неожиданным открытиям. Удалось выяснить, что дед будущего губернатора, Иван Иванович Ростовцов (1764–1807),

Отец Николая Ростовцова (в советских источниках фамилия эта чаще пишется «Ростовцев»), Яков Иванович, родился 28 декабря 1803 года. После выпуска из Пажеского корпуса начал службу подпоручиком в лейб-гвардии Егерском полку. До 1825 года он исполнял должность адъютанта штаба Гвардейского пехотного корпуса. Яков Ростовцов сблизился с лидерами Северного общества декабристов, которых хорошо знал и по совместной военной службе, и как литератор: этот офицер писал стихи и, прекрасно владея несколькими языками, переводил на русский сочинения западноевропейских драматургов. Его сочинения и переводы нередко печатались в популярных столичных журналах. Возможно, любовь к словесности повлияла и на выбор супруги – жена Якова Ивановича была дочерью и внучкой известных русских писателей Эминых. Ее дед, Федор Александрович Эмин (1735–1770), родился в Константинополе, в юности был янычаром и служил в Алжире и Испании. Затем, попав в Лондон, был крещен в церкви российского посольства, после чего, в 1761 году, переехал в Санкт-Петербург. Владея несколькими азиатскими и европейскими языками, в том числе латынью, Федор был сразу принят преподавателем в столичный сухопутный Шляхетский корпус. Здесь он и начал свою литературную деятельность. Затем Эмин становится переводчиком Коллегии иностранных дел, а вскоре и сотрудником «кабинета» императрицы Екатерины Второй. Как писатель он отличался необыкновенной продук-

тивностью: за неполных шесть лет Эмин опубликовал 19 томов своих сочинений и переводов. Помимо этого он издавал и сатирический журнал «Адская почта». Можно утверждать, что именно Федор Эмин ввел в русскую литературу жанры авантюрного, воспитательного и любовно-героического романа.

По отцовской стезе пошел и сын Николай Федорович (1767–1817). Сделав прекрасную служебную карьеру (чиновник, армейский офицер, а затем гражданский губернатор Финляндии), он получил известность и как писатель. В 1780-е годы Николай Эмин был близок к кругу Г.Р. Державина, писал литературные памфлеты, стихи и эпистолярные романы. Затем увлекся анакреонтической поэзией и испытал сильное влияние сентиментализма.

Его дочь, Вера Николаевна Эмина (1807–1888), выйдя в 1829 году замуж за Якова Ростовцова, родила ему двух сыновей – Николая (1831) и Михаила (1832).

Вернемся же, однако, к событиям 1825 года, благодаря которым имя Якова Ростовцова впервые вошло в анналы российской истории. Часто и близко общаясь с руководителями Северного декабристского общества Оболенским и Рылеевым, Яков Иванович узнал о готовящемся заговоре. Но, будучи лично обязанным новому российскому царю и не желая кровопролития, Ростовцов решил на чрезвычайный поступок. 12 декабря 1825 года (за два дня до восстания) он написал письмо императору и сам отнес его августейшему адресату в Зимний дворец. В этом послании Ростовцов, извещая монаршую особу о предстоящем заговоре, призывал Николая отказаться от трона и уступить его старшему брату, Константину. Император встретился с автором письма и имел с ним беседу, причем Ростовцов не назвал имен заговорщиков.

А на следующий день Яков Иванович пришел домой к Оболенскому и вручил ему копию своего письма царю, а также передал записанное им содержание состоявшейся накануне беседы. С письмом этим ознакомились Оболенский,

Рылеев и другие декабристы. Все они, по свидетельствам мемуаристов, поблагодарили Ростовцова за честность и благородство, после чего притворно сообщили ему об отмене своих планов. Однако в день восстания не поверивший им Яков Ростовцов все же оказался на подступах к Сенатской площади и пытался уговорить солдат Измайловского полка присягнуть императору Николаю, но был сильно избит прикладами и в бессознательном состоянии доставлен домой. Более двух недель врачи боролись за его жизнь, лишь 1 января 1826 года он сумел выйти из дома...

В 1828 году Яков Ростовцов был назначен адъютантом к великому князю Михаилу Павловичу, в 1831-м стал штаб-офицером по управлению Главного начальника военно-учебных заведений. В 1835 году полковник Ростовцов становится начальником штаба военно-учебных заведений. В 1841 году он получает звание генерал-майора, в 1849-м – генерал-адъютанта, а в 1850-м – генерал-лейтенанта. В год смерти императора Николая Первого (1855) Яков Ростовцов становится членом Государственного совета, а при новом самодержце, Александре Втором, назначается членом Секретного, а затем Главного комитета по крестьянскому делу. Блестящие способности, целеустремленность и работоспособность генерала способствовали его выдвижению на пост председателя этого комитета (1858), занимавшегося проблемами отмены крепостного права. Император Александр Второй полностью передоверил Ростовцову грандиозное дело крестьянской реформы в России.

Интересно, что Яков Иванович привлек к решению крестьянской проблемы, бывшей в те годы гвоздем экономической и социально-политической жизни страны, оставшихся в живых и вернувшихся из Сибири после амнистии 1856 года декабристов – Е.П. Оболенского, А.П. Муравьева, П.Н. Свистунова, А.Е. Розена и Н.А. Назимова. Они служили под его началом и внесли свой вклад в радикальное разрешение вопроса. И все же, по общепринятому мнению, в основу проведенной в 1861 году крестьянской реформы легла соб-

последней книги басен Крылова со специальной надпечаткой, сделанной душеприказчиком: «Приношение. На память об Иване Андреевиче по его желанию». А через год после смерти великого писателя группа его друзей, в числе которых был и Ростовцов, поместила в журнале «Москвитянин» объявление о сборе денег на памятник И.А. Крылову.

В 1854 году Яков Иванович ходатайствовал перед императором о дозволении отпраздновать 50-летие творческой деятельности известного писателя Н.И. Греча. Получив разрешение Николая Первого, Ростовцов принял актив-

ное участие в предстоящем торжестве: он не только занимался сбором средств для подарка юбиляру, но и предоставил Гречу для юбилейного вечера зал Кадетского корпуса...

КАРЬЕРА ВОЕННОГО

Будущий губернатор Самаркандской области, как и его отец, посвятил себя военному делу. Николай тоже окончил Пажеский корпус и в 1848 году стал корнетом лейб-гвардии Кирасирского полка. А четыре года спустя поручик Ростовцов поступает в Академию Генерального штаба, после блестящего окончания которой в чине ротмистра он причисляется к Генеральному штабу. Во время Крымской войны молодой офицер был удостоен золотой полусабли и ордена Святой Анны третьей степени с мечами и бантом «за храбрость и мужество при обороне Севастополя». В 1856 году подполковник Ростовцов назначается флигель-адъютантом императора Александра Второго. А шесть лет спустя, дослужившись до подполковничьих погон и похоронив отца, он вдруг уходит в отставку. Пять следующих лет Николай Яковлевич посвятил гражданской службе: был председателем Порховской уездной земской управы, а затем почетным мировым судьей Порховского и Псковского округов.

В 1867 году он вновь надел форму офицера Генерального штаба и был причислен к великому князю Николаю Константиновичу. В том же году Ростовцов со своим патроном совершил две поездки в казахские

сторонняя программа Якова Ивановича Ростовцова. Однако сам он не дождался этого знаменательного события: удостоившись в 1859 году чина генерала от инфантерии, этот выдающийся государственный деятель России скончался в феврале 1860 года и был похоронен с высшими почестями в Федоровской церкви Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга. За большие заслуги перед государством указом императора от 23 апреля 1861 года вдова и дети покойного были возведены в графское достоинство.

Занимая высокие должностные посты и будучи чрезвычайно занятым человеком, Яков Иванович находил время и для литературы. Он не только писал стихи, но и регулярно знакомился со всеми заметными сочинениями русской и европейской словесности, поддерживал прежние дружеские связи и заводил новые с отечественными писателями. Особенно близок ему был И.А. Крылов. Великий баснописец не имел семьи и близких родственников, а потому последние восемь лет жизни провел в тесном общении с Ростовцовым. Именно при содействии генерала Иван Андреевич поселился на 1-й линии Васильевского острова. Квартира его находилась напротив здания Кадетского корпуса, в котором жила семья Ростовцовых. Яков Иванович помог Крылову издать в типографии штаба военно-учебных заведений последнюю прижизненную книгу басен (1843).

Не проходило и дня без их общения. Крылов считал генерала лучшим другом и даже назначил его своим душеприказчиком. Последние дни перед кончиной Крылова Ростовцов неотлучно находился при нем, кормил умирающего поэта, подавал ему лекарства и беседовал. А после смерти выдающегося баснописца Яков Иванович лично обратился к митрополиту Антонию с просьбой похоронить покойного на кладбище Александро-Невской лавры. Получив согласие, Ростовцов взял на себя и большую часть похоронных забот. Он разослал приглашения на похороны всем друзьям и знакомым. С приглашением было послано и по экземпляру

степи. Князь и его свита изучали этот край, выбирая маршрут строительства железной дороги от Оренбурга до Ташкента. Знания Николая Ростовцова и его трудолюбие пришлось тут как нельзя кстати. И поэтому спустя несколько лет великий князь, отправляясь на Восток, дважды, в 1878 и 1879 годах, брал с собой графа. Теперь уже изучалась не только казахская степь, но и владения Хивинского и Бухарского ханств. Ростовцов производил маршрутные съемки и описывал геологические особенности Средней Азии, внимательно изучал жизнь и нравы населявших ее народов. В 1880 году он получает звание генерал-майора и назначается начальником штаба 8-го армейского корпуса, а затем его переводят на должность начальника 4-й стрелковой бригады. Этот пост он и занимал до 1891 года, когда император поручил Ростовцову возглавить Самаркандскую область Туркестанского края.

Еще находясь на службе при императорском дворе, молодой офицер получил широкую известность в высшем свете как большой любитель литературы и театра. Начитанный и прекрасно образованный Ростовцов охотно посещал литературные салоны и был лично знаком со многими петербургскими и московскими писателями. А в январе 1858 года в Риме он свел знакомство с И.С. Тургеневым, совершавшим поездку по Европе. Тогда же в одном из своих писем П.В. Анненкову Тургенев сообщил о знакомстве с Ростовцовым и дал следующую характеристику: «Трудно выразить, что это за милый, симпатичный, честный и откровенный человек».

После расставания между новыми знакомыми завязалась регулярная переписка, а два года спустя Николай Ростовцов пригласил Тургенева посетить остров Уайт, где он в то время отдыхал. Писатель воспользовался приглашением и летом того же года прибыл на остров, где уже собралась довольно большая русская колония: Николай Ростовцов и его брат Михаил, искусствовед, А.К. Толстой, В.П. Боткин, П.В. Анненков и другие известные люди.

Встреча эта состоялась уже после смерти Ростовцова-старшего и незадолго до отмены крепостного права в России. Тургенев, решив внести и свой вклад в «крестьянское дело», задумал основать «общество для обучения народа грамоте и распространения в нем первоначального образования с помощью имущих и развитых классов всего государства». Маститый писатель привлек к работе над программой этого общества своих единомышленников-«островитян», среди которых был и Николай Ростовцов. В августе 1860 года проект программы был размножен и послан всем выдающимся лицам обеих столиц России – литераторам, художникам, ревнителям просвещения и влиятельным особам, проживающим дома и за границей. С ним ознакомились Кавелин и Герцен, Ковалевский и Огарев, Дружинин и Некрасов, Чернышевский, Фет и многие другие. О проекте этом долго еще говорил «весь образованный Петербург»...

А три десятилетия спустя Николай Яковлевич Ростовцов прибыл в Самарканд и, внося значительный вклад в развитие нашего края, остался здесь навсегда, сохранив о себе самые добрые воспоминания. Ему же принадлежала инициатива создания в городе столь необходимых средних учебных заведений, появившихся в Самарканде через два года после его кончины. В сентябре 1899-го в торжественной обстановке были открыты одновременно женская гимназия и мужская прогимназия. В церемонии, посвященной этому важному событию, приняли участие не только местные и столичные чиновники, но и Главный начальник Туркестанского края, генерал-губернатор С.М. Духовской, вспомнивший о заслуге в этом деле покойного графа Ростовцова: «Во время торжества среди нас поднимался дух этого гуманнейшего и просвещеннейшего из туркестанских деятелей. Умная и прозорливая инициатива этого незабвенного старика будет долго еще просвечиваться во всей разнообразной административной жизни нашей области. Помянем же еще раз добрым словом этого деятеля»... ■

ПРИ КОНЯХ И В ПОЛЕ

МИХАИЛ БЫКОВ

Россия воевала много. Реже – по желанию, чаще – по необходимости. Чаще – побеждала, реже – терпела поражения. Но всегда кто-то вел за собой полки, управлял битвой и нес ответственность за ее исход. До поры этим делом занимались правители. Но пришел час, и появилась на Руси профессия – полководец.

История войн Древнего мира и Средневековья среди полководцев числит, как правило, правителей разного ранга и калибра. Довольно вспомнить Александра и Кира, Суллу и Августа, Марка Аврелия и Атиллу, Карла Великого и Барбароссу, Чингисхана и Тамерлана. Ганнибал и Сунь-Цзы – яркие, но все-таки исключения. Даже в тех случаях, когда победа являлась плодом усилий талантливых помощников и командиров, носители власти имели возможность донести до потомков лишь собственное величие и гениальность.

Русская военная история развивалась подобным же образом. Олег, Святослав, Владимир Святитель, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский... Альтернативой стратегическим талантам великих князей служит свод легенд о русских богатырях, основанных подчас на абсолютно реальных биографиях.

Шли века, и следом за укрупнением и развитием государств, увеличением населения менялись система и характер власти. Царю или князю хватало забот помимо военных походов. Необходимость ежечасно самоутверждаться на престоле сохранялась, но реализовывать ее стало возможно не только в седле с мечом в руках. Обязательность такой формы сущест-

вования превратилась для правителя в условие желательное, а со временем – в никчемные или вредные капризы.

В регулярной армии, построенной Петром Первым, институт профессиональных командиров и военачальников стал ее фундаментом. А как оно было ранее, в длинном промежутке от нашествия Батыя до пришествия Петра?

Кто громил Мамай на Куликовом поле? Великий князь Дмитрий. Кто брал Казань? Царь Иван Грозный. Кто освободил Москву от польско-литовской оккупации в великую Смуту?.. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский к политической власти имел, мягко говоря, косвенное отношение. А был он профессиональным военным. К началу Смуты – воеводой в Зарайске. Генералом, по-нашему. Но был ли князь первым в истории русским генералом, а то гляди, и фельдмаршалом? Или он был первым русским генералом, попавшим в историю? Ни то и ни другое.

Имена первых генерал-фельдмаршалов в отечестве мы, конечно, никогда не узнаем.

А вот в историю военачальники с талантами, но без короны на голове попали веками раньше Пожарского. Про одного, например, некоторые думают, что прямо из засадного полка. Другие полагают, что из-под венца.

РИА «НОВОСТИ»

НАРОЧИТЫЙ ВОЕВОДА И ДРУГИЕ

Так назвал его неизвестный автор «Сказания о Мамаевом побоище», подчеркивая качества «полководца, изрядного во всем». Где и когда родился князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, точно неизвестно. Достоверно лишь то, что был он сыном литовского князя Кориата из Гедиминовичей, принявшего православие под именем Михаил. В 1356 году молодой князь Дмитрий взял в жены Анну, сестру великого князя Московского Дмитрия Ивановича. С десятков лет прожил с ней дома, на Волыни, а потом переехал жить в Москву. Само собой, в чине ближнего боярина.

Пусть на поле Куликовом и перед татарами, и перед поколениями потомков Боброк выскочил из леса как черт из табакерки, на деле же он оказался там не волею случая. Есть точные данные, что начиная с 70-х годов князь Дмитрий Боброк служил на Москве по военной линии. В 1371-м водил полки на Рязанское княжество. В 1376-м отправился в поход против Волжской Булгарии и вернулся, привезя в обозе арматы (пушки. – Прим. авт.), взятые при осаде города Булгара. В 1379-м коман-

реход был мирный, по официальному договору с литовским правителем Александром Казимировичем от 1494 года. Воротынские ушли в другое государство вместе с собственными землями. Оказывается, и такое было возможно. В любом случае получилось, что Воротынский оказался последним удельным князем на Руси.

Зафиксировано, что Михайло Иванович Воротынский воевал начиная с декабря 1544 года. Тогда ему пришлось сражаться с татарами Имин-Гирея в Белевском уезде. И уже на следующий год он был отправлен воеводой в крохотный городок Васильсурск. Позже князь бился против крымских татар на южных рубежах Руси, вдоль Тульской засеки, участвовал в штурме Казани, за что получил от Ивана Грозного огромную вотчину под Нижним Новгородом. Он не избежал участи многих бояр, репрессированных царем в 60-е годы XVI века. Но в ссылке жил недолго, после возвращения командовал войсками на южных рубежах, в районе Серпухова. В 1574 году был арестован по доносу и казнен. Земли его отошли казне, но вернулись к сыну.

довал московским войском в походе на Литву. И только потом уже наступил прославивший его имя 1380 год.

В отличие от семи сотен бояр и боярских детей, сложивших голову на Куликовом поле, Дмитрий Боброк сохранил и честь, и жизнь. Летописи Московского княжества в последний раз упоминают его имя в 1389 году. Однако некоторые историки считают, что Волинский прожил еще десять лет и погиб в битве войска литовского князя Витовта против татар хана Темир-Кутлуя на реке Ворскле в 1399 году. Если так, то в последнем бою Дмитрий Боброк сражался в возрасте примерно 60 лет...

Самый известный воевода XV века – князь Даниил Щеня, командовавший войсками великого князя Московского Ивана Третьего. На протяжении 26 лет имя Щени упоминается в различных источниках того времени – серьезный срок для русского Средневековья. Впервые о Данииле сообщается в 1489 году в связи с его походом вместе с 60-тысячным войском в вятские земли и захватом города Хлынова. Последний раз – в 1515-м, в «Актах Западной Руси». А в промежутке князь Щеня бился против литовцев, вместе с князем Василием Патрикеевым воевал Вязьму в 1493 году, сражался и взял в плен в битве у реки Ведроши литовского гетмана Острожского в 1499-м, осаждал и брал Смоленск в 1514-м. Щеня последовательно поднимался в чинах. В 1508 году после опалы главного воеводы Московского княжества, князя Даниила Холмского, он занял его фельдмаршальскую должность. Несмотря на то, что в том же году Щеня неудачно показал себя при осаде Орши. Ведомая лишь одна серьезная военная неудача Даниила Щени. В 1501 году он столкнулся на поле брани под Изборском с войсками магистра Ливонского ордена Плеттенберга и был разбит.

Иван Грозный военных походов не чурался. Хотя и особой любовью к полководческой профессии не пылал. При нем взойшли звезды князя Михаила Воротынского и Ивана Шуйского, отцов двух персонажей русской истории времен большой Смуты – воеводы Ивана Воротынского и царя Василия Шуйского соответственно.

Воротынские – литовский княжеский род, перешедший на службу к московским великим князьям в конце XV века. Пе-

князю Ивану Шуйскому повезло больше. Он пережил царя Ивана Васильевича и, согласно завещанию последнего, вошел в регентский совет при наследнике Федоре Иоанновиче. Но прежде по царственной воле одного Ивана Васильевича другому Ивану Васильевичу пришлось повоевать с лихвой. Шуйский, ведущий род от Рюрика, появился на свет во второй половине 50-х годов XVI века. Уже в 1572 году получил чин боярина (с конца XVI по конец XVII века Боярская дума насчитывала не более 200 человек единовременно). Князь Иван слыл одним из крупнейших полководцев Ливонской войны. Истинную славу стяжал в 1581–1582 годах при обороне Пскова от войск польского короля Стефана Батория. Точное количество польских войск назвать трудно, но в любом случае Псков осаждала профессиональная армия в несколько десятков тысяч человек. Шуйский располагал 4 тыс. воинов и 12 тыс. наспех вооруженных жителей города, на которых пришлось 10 километров стен и

укреплений. Единственное преимущество русского полководца – два дальнбойных орудия «Трескотуха» и «Барс», способные стрелять на дистанцию более километра.

Батерий использовал весь арсенал, доступный осаждающим. Он 31 раз штурмовал стены Пскова, его саперы вырыли 9 подкопов. Но все приступы были отбиты, две галереи взорваны защитниками города, остальные обрушились сами. В итоге в феврале 1582 года из-под Пскова ушли последние польские отряды. А тремя неделями ранее польско-литовская сторона вынуждена была подписать перемирие с Москвией.

Предание гласит, что перед отъездом в Псков Шуйский на кресте поклялся царю защитить город или погибнуть. Приехав в Псков, взял такую же клятву с жителей города.

Князь Иван Васильевич Шуйский умер в 1587 году своей смертью.

ПОСРЕДИ СМУТЫ

В начале XVII века лезвием сабли блеснула в истории отчества судьба полководца Михаила Скопина-Шуйского, племянника царя Василия. Впервые его имя стало широко известно в 1606 году, когда бывший крепостной крестьянин князя Телятевского Иван Болотников поднял восстание против царской власти Шуйского. Еще не успела Москва отойти от власти Лжедмитрия Первого, а Болотников уже захватывал в южных пределах города от имени чудом спасшегося царевича Дмитрия. Скопин-Шуйский разбил 20-тысячный отряд Болотникова в Коломенском, глава повстанцев был схвачен, сослан в Каргополь и там лишен жизни.

Но безумная полоса в жизни страны только начиналась. В июле 1607 года в Стародубе-Северском появился Лжедмитрий Второй, более известный впоследствии как Тушинский вор. Польские отряды стояли под Москвой, боевые действия шли то в Смоленске, то вокруг Троице-Сергиевой лавры, то в Нижнем Новгороде, то во Владимире. Русским приходилось туго. Но и им порой улыбалась удача. В феврале 1609 года был подписан русско-шведский договор против поляков.

Князь Скопин-Шуйский вел русско-шведское войско и последовательно освободил от врага Тверь, Кострому, Галич, Ярославль, ликвидировал осаду Лавры. «Тушинцам» не помогло даже то, что в сентябре 1609 года польский король Сигизмунд Второй пошел на открытую интервенцию. Сам Лжедмитрий бежал в Калугу, а польские наемники по приказу короля отошли к осажденному Смоленску и влились в состав регулярной польской армии. Это позволило князю Скопину-Шуйскому отогнать от Москвы последние группы «тушинцев» и просто бандитов, пользующихся ситуацией. В марте 1610 года его войска вошли в город. Москва ликовала. Но недолго. В мае после короткой болезни 23-летнего полководца не стало. Есть версия, что причиной смерти была не болезнь, а отравление. В любом случае Россия потеряла последнего из Рюриковичей, «венчанного», по словам историка Соловьева, в сердцах народных. Михаил Скопин-Шуйский был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Во время войны полководческое место пусто не бывает. К моменту смерти Скопина-Шуйского на Руси уже были наслышаны о князе Дмитрии Пожарском.

В 1605 году стольник князь Пожарский присягнул, как и многие московские знатные люди, среди которых и Скопин-Шуйский, Лжедмитрию Первому. После годинской беды было трудно разобраться в происходящем. Русская элита давно уже не сталкивалась с проблемой передачи власти в отсутствие прямого наследника.

Спустя два года Пожарский дал присягу царю Василию Шуйскому. И начал свою войну за свою страну. 1608 – разгромил отряды воровских казаков на юго-восточном шляхе под Коломной. 1609 – оборонял Москву. 1610 – будучи назначенным воеводой в Зарайск, сражался на защите южных границ и усмирил восставшую в пользу второго Лжедмитрия Коломну. 1611 – вновь сражался в Москве с польскими оккупантами, командовал последним очагом сопротивления – маленькой деревянной крепостью на Сретенке, у церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. Был тяжело ранен: в ногу и в голову (польский гусар пробил шлем князя тяжелым шестопером. – **Прим. авт.**). Пожарского удалось вывезти из города и переправить сначала в Лавру, а затем в родовое поместье

Мугреево. Именно сюда пришли посланники Нижнего Новгорода с предложением к князю возглавить второе народное ополчение. Пожарский согласился не сразу. Есть специалисты, которые трактуют эту паузу так, будто князь молчал, выжидая каких-то преференций. Однако все известное о Дмитрие Михайловиче Пожарском опровергает попытки упрекнуть его в каком-либо меркантильном расчете или излишнем честолюбии.

Последняя нижегородская делегация посетила князя в Мугреево в октябре 1611 года. Тогда-то архимандрит Печерского монастыря Феодосий, дворянин Ждан Болтин и выборные посадские люди и услышали от Пожарского: «Рад пострадать за Православную веру до смерти, а вы изберите из посадских людей такого человека, чтоб... ведал бы он казну на жалование ратным людям». Такой человек уже имелся. И в Мугреево у князя побывал. И работу по сбору средств среди русских людей вел. 1 сентября земским старостой в нижегородской общине Нижнего Новгорода был избран Косма Минин (Минич. — Прим. авт.). Что до православной веры, то и среди священнослужителей в Нижнем нашелся человек, чей голос слушал весь город.

И СЛОВОМ, И ДЕНЬГАМИ

Когда сегодня вспоминают об участии церкви в победе над Смутой начала XVII века, называют прежде всего патриарха Гермогена, отказавшегося предать Русь в польском плену и уморенного голодом в феврале 1612 года. Архимандрита Дионисия, составившего грамоту, многократно переписанную в его келье в Троице-Сергиевой лавре и отправленную по всем городам и весям страны. Авраамия Палицына, активно участвовавшего во всех процессах и особенно в деле избрания царем Михаила Романова. А также страдавшего в польском плену митрополита Филарета, отца будущего первого царя из династии Романовых. И настоятеля Нижегородского Печерского монастыря архимандрита Феодосия.

Загадка, почему остается втуне имя протопопа нижегородского Спасо-Преображенского собора Саввы Евфимьева. Именно он на другой день после получения грамоты Дионисия из Лавры большим колоколом Спасского собора Кремля собрал к амвону нижегородцев и обратился к ним с призывом собрать второе ополчение.

О Савве известно немного. Есть сведения, что первоначально он служил в Старом остроге на Оке, в церкви Космы и Дамиана. В 1604-м стал настоятелем главного храма Нижнего Новгорода — Спасо-Преображенского в Кремле. В 1606 году Савва получил грамоту от царя Василия Шуйского, из которой следовало, что именно он возглавляет причт всего Нижнего Новгорода. Народная молва гласит, что Савва был чрезвычайно образованным и мудрым человеком, пользовавшимся огромным авторитетом среди прихожан. А его прихожанами были самые известные, богатые и знатные люди города. Предполагают, что после 1613 года Савва попал в опалу. Но как тогда объяснить, что в 1625 году он совершенно точно продолжал служить настоятелем Спасо-Преображенского храма, ведь вплоть до начала XX века там хранилось Четвероевангелие, расписанное золотом рукой Саввы, о чем и уведомляла соответствующая надпись, сделанная «лета 7133 (1625) апреля в 15 день»? Более того, за личные заслуги в создании народного ополчения только Савве Евфимьеву и Косме Минину царь Михаил Федорович пожаловал в собственность «государево место» у Спасского собора в Кремле рядом с «государевым двором».

После горьких вопросов, заданных Саввой Евфимьевым с амвона кафедрального собора, слово взял Косма Минин. В отличие от обращения Саввы точный текст мининской речи не сохранился. Из летописи следует, что говорил он четко, ясно и предметно. Как, видимо, и должен говорить народный трибун по природе и успешный торговец по профессии.

Дата рождения Космы Минина не установлена. Скорее всего, он был старше Дмитрия Пожарского и родился около 1570 года в городе Балахне, известном добычей соли. Там

отцу Космы, Мине Анкундинову, принадлежали солеварницы и рассольные трубы. Мина слыл за очень состоятельного человека. У Космы было четыре или пять братьев. Старшие трое так и остались в Балахне, унаследовав отцовские промыслы по-

сле того, как Мина принял постриг под именем Мисаила. Косма стал первым из рода, кто перебрался в Нижний Новгород. Минин промышлял по мясному делу, имел лавку под кремлевской стеной и скотобойню. Жил он на посаде Благовещенской слободы, ныне именуемой Гребешком.

Видимо, Косма Минин отличался не только изрядной деловой хваткой, но и личной храбростью. Поход с ополчением на Москву в 1612 году – далеко не первый его военный опыт. Он сражался с врагами и в 1608 году под Балахной и на Оке, и в 1611 году в Москве, в том числе на Сретенке и Лубянке. Весьма вероятно, что его визит в Мугреево к Пожарскому был совсем не официальным. Вряд ли они не знали друг друга после мартовских событий на Сретенском пятачке.

Представляя сподвижников «фельдмаршала» Пожарского, нельзя не остановиться на одном историческом казусе. С легкой руки редактора журнала «Москвитянин» Погодина с 1852 года Минина называют, в том числе в учебниках, «Кузьма Захарьев Минин Сухорук». Случилось так, что Погодин опубликовал в своем журнале текст купчей за 1602 год, в которой речь шла о сделке, совершенной человеком с таким именем. Погодин сгоряча посчитал, что фигурант купчей и великий русский патриот – одно лицо. Еще при проверке оригинала купчей в 1915 году выяснилось, что слова «Минин» в тексте нет. Кроме того, удалось установить, что в начале XVII века в Нижнем Новгороде жил «Кузьма Захарьев сын Сухорука», но по другому, не мининскому адресу. Короче, давно бы надо исправить оплошность, ан нет – кочует она из книги в книгу, из энциклопедии в энциклопедию.

В октябре 1611 года Косма закончил речь так: «Вот моя доля. Все, что скопил, отдаю на рать». И вынес кованный железом ларец. Кто знал, что Господь уготовил этому сильному и совсем не старому человеку менее пяти лет жизни? В декабре 1615 года Косма Минин по поручению властей отправился в Казанский уезд разбираться в причинах начавшихся там волнений среди черемисов и

татар. На обратном пути где-то в Чувашии в мае 1616 года Минин скончался.

Но в конце февраля 1612 года народное ополчение во главе с Пожарским и Мининым двигалось по берегу Волги. Балахна, Юрьевец, Кинешма, Кострома, Ярославль... Князь Пожарский вышел из Нижнего, имея в составе 4500 человек, из которых тысяча конных.

После пятимесячного формирования в Ярославле ополчение насчитывало уже более 7000 воинов, хорошо вооруженных и обученных. Дорога лежала на Москву. На подступах к столице Пожарский столкнулся с 10-тысячным отборным отрядом гетмана Ходкевича, спешившего на помощь осажденным в Московском Кремле полякам. Упорный бой завершился поражением гетмана, польский гарнизон был обречен. 22 октября воины Пожарского и присоединившиеся к нему казаки Трубецкого ворвались в Китай-город. Поляки согласились сдать. 25 октября Кремль покинули польские солдаты, часть из которых была перебита тут же казаками, нарушившими данное слово сохранить жизнь пленным. Среди поляков, выходивших через ворота, контролируемые отрядами Пожарского, жертв не было. На следующий день последними покинули Кремль чудом уцелевшие за месяцы осады жители города.

ВЫ ОТКУДА И КУДА?

История, как и любая другая наука, так устроена, что знание дается лишь тому, кто готов ради этого потрудиться. Остальные люди довольствуются тем, что попадаетея либо по случаю, либо само собой. В отношении князя Дмитрия Пожарского и по случаю, и само собой попадаетея почему-то несоразмерно мало значению этого человека для российского государства. Откуда же взялись на земле русской князья Пожарские и куда делись?

В 40 км на восток от Суздаля, в Ковровском районе Владимирской области, стоит село Клязьминский городок. Когда-то оно называлось Стародуб-на-Клязьме. Это бывшая столица удельного Стародубского княжества, выделенного в XIII веке великим князем Всеволодом Большое Гнездо для младшего сына, Ивана. В свою очередь, один из князей Стародубских, Василий Андреевич, получил от отца в удел волость Пожар, или Погары.

западную границу. Чуть позже мать, Евфросинья Федоровна, переселилась во дворец в качестве верховой боярыни при царевне Ксении Борисовне.

Деятельность князя Пожарского во время Смуты теперь известна довольно широко. А что было потом? Есть ведь и такие, кто бездумно повторяет слова о том, будто князь сильно обиделся на народ за то, что не его крикнули на царство. А посему ушел в историческую тень. Во-первых, Пожарский ни на кого не обижался. Потому как именно он ратовал за спокойное и разумное проведение Земского собора, на котором

и выбрали в цари молодого Романова. Во-вторых, именно Пожарский нес за царем на церемонии коронации «державу», что свидетельствует о полном его согласии с выбором народа. В-третьих, царь Михаил провозгласил на церемонии назначение Пожарского боярином – высшим государственным званием России того периода. Наконец, в тень он не уходил, а остался на ярком военно-историческом солнце.

В самом конце декабря 1614 года князь разгромил крупный отряд казаков и черкесов во главе с атаманом Заруцким, опустошивший города Поволжья. Летом того же года Пожарский пресек деятельность «полевого командира» Лисовского, который, пользуясь возможностями Смутного времени, на протяжении 7 лет разорял русские города. Бой произошел под Орлом, после чего Лисовский ушел в направлении Польши, успев, правда, по дороге «изувечить» несколько русских поселений. Осенью 1617 года воевода Пожарский остановил под Калугой новые польские отряды панов Чаплинского и Опалинского. Летом 1618 года польский король Владислав повел новое наступление на Москву. Получил отпор от Пожарского в бою за Борисов, но совершил маневр и вышел на московскую дорогу. Пожарского поставили руководить обороной Москвы. Бои продолжались целый месяц, но полякам так и не удалось прорваться в город. Сам воевода князь Пожарский бился на стенах у Арбатских ворот.

На этом военная служба Дмитрия Михайловича в целом завершилась. Он перешел на ад-

Случилось это на стыке XIV и XV веков. Род стал именоваться по названию места – Пожарские.

Ныне в селе Троицком неподалеку от Коврова можно найти лишь остатки фундамента Троицкой церкви, изначально в дереве построенной еще в XV веке князьями Пожарскими. По документам можно проследить изменения в топонимике места, и станет ясно, что нынешнее Троицкое – это и есть древние Погары.

Вотчина Мугреево находится еще восточнее. Ее отписал отцу Дмитрия Пожарского, Михаилу Глухому, царь Иоанн Грозный за участие в Казанском походе и Ливонской войне. Дед Пожарского, Федор Иоаннович, обзавелся домом на Москве у Сретенских ворот.

Пожарские пострадали во время гонений на родовую аристократию, но в итоге царь вернул им все отнятое. Другое дело, что за годы опалы вотчины сильно оскудели. Дед Дмитрия Михайловича высоких чинов не добился, отец – тоже.

Будущий герой родился, скорее всего, 17 октября 1578 года в имении Мугреево. Почему – скорее всего? Пусть официально принятая дата рождения Пожарского – 1 ноября (по новому стилю), историк Шматов весьма убедительно с точки зрения церковного канона доказывает, что сие невозможно.

Рос княжич в деревне, где учился владеть оружием и учил грамоту по книгам из богатой отцовской библиотеки. В 9-летнем возрасте Дмитрий потерял отца. Но мать, урожденная Беклемишева, взяла хозяйство в свои руки. Не позднее 1593 года семья переехала в Москву, и 15-летний князь Пожарский поступил на царскую службу. Чин имел маленький – стряпчий с платьем, но в интригах не участвовал, на рожон не лез, в палатах не выслуживался. Боевое крещение получил при отражении набега крымских татар еще при царе Федоре Иоанновиче, умершем в 1598 году. Тогда же был серьезно ранен, предположительно в коленную чашечку. Рана зажила, но хромота осталась на всю жизнь, что дало повод присоединять в родословных книгах к его фамилии прозвище Хромой.

В 1600 году Борис Годунов пожаловал Дмитрию Пожарскому поместье в Подмоскovie и перевел из стряпчих в стольники. Князь попросил назначить его в войско и был отправлен на

министративное поприще. Руководил Ямским (1619–1624), Разбойным (1624–1628) и Московским Судным (1634–1638 и 1639–1640) приказами, был воеводой в Переславле и Новгороде. Как сказали бы сейчас, генеральских погон не снимал, так как министерства ему поручали, все больше связанные с людьми рисковыми. Как министр МВД, Пожарский «продавил» новые и необходимые законы – об ответственности за неумышленное убийство и за куплю-продажу краденого имущества.

Кому-кому, а ему верили. За многие годы государственной службы Пожарский ни разу не позволил никому усомниться в своей кристальной честности. Любые попытки думать иначе разбиваются об оценки современников, принадлежащих к различным сословиям: от крепостных крестьян до царя и патриарха. В одном из сел, принадлежавших Пожарским, живет предание, в котором утверждается: князь был высокого роста, имел большую седую бороду и носил длинный кафтан с откидным воротником. Крестьян же своих любил, как отец детей, за то и православные не могли нахвалиться им. Среди его крепостных встречались грамотные, которым дозволялось пользоваться княжеской библиотекой.

А царь... Царь писал в жалованной грамоте 1619 года: «...и многую свою службу и правду к нам и ко всему Московскому государству показал». Ему вторил Иван Иванович Голиков в историческом труде «Деяния Петра Великого»: «...царь Михаил Феодорович, чтя заслуги государственных мужей, провожал гроб сего незабвенного боярина и почтил оный слезами своими».

Думный боярин князь Дмитрий Пожарский ушел из жизни 20 (возможно, 30. – **Прим. авт.**) апреля 1642 года и похоронен в Суздале, в Спасо-Евфимьевом монастыре. За полгода до смерти он составил духовную грамоту, в которой завещал детям семейные святыни. А детей было шестеро. Три сына несли фамилию князей Пожарских, дочери оказались замужем за князем Куракиным, князем Пронским и дворянином Лыковым. От второй жены, Феодоры, урожденной Голицыной, детей не было.

КУДА ВСЕ ДЕВАЛОСЬ?

Иван, сын Всеволода Большое Гнездо и основоположник рода князей Стародубских, – это 10-е колено Рюриковичей. Основоположник фамилии князей Пожарских Андрей Федорович – 14-е колено. Сам князь Дмитрий Михайлович – 21-е колено. В 23-м колене случилась беда. Князя Василия Петрович и Симеон Иванович умерли бездетными, а князь Георгий Иванович, хоть и был женат на суздальской помещице Анастасии Алмазовой, единственного мальчика, названного Иваном, прижил вне брака. Этот мальчик унаследовал отцовскую фамилию, но право на титул потерял. Так в конце XVII века на смену княжескому роду Пожарских пришел просто дворянский.

Через два колена случилось и вовсе непредвиденное. Правнук последнего князя Пожарского, протоиерей собора Рождества Богородицы в Суздале Григорий, родил троих сыновей. Старший оказался под подозрением Екатерины Великой в симпатиях к ее лишенному трона мужу императору Петру Третьему. Бежал из страха в Пруссию. Два его брата – тоже из страха – поменяли фамилию на «Григорьевы». Так и пошло.

Дворянский род, правда, сохранился благодаря брату протоиерея – Филиппу. Семь лет в лейб-гвардии Преображенском полку, дослужился до премьер-майора, вышел в отставку, был дважды женат, в 1762 году за ним числилось 6 крепостных душ в деревне Баламьгово.

В таком примерно духе все и продолжалось. Уездные казначеи, надворные советники, штабс-капитаны в отставке, земские исправники, солдаты, крестьяне...

В 1891 году один из потомков прусского Григорьева–Пожарского подал прошение о признании его детей дворянами. Сам он дослужился до коллежского советника, имел три ордена. Просьбу секретаря канцелярии министра Императорского двора уважили.

Сейчас на земле живут представители 33, 34 и 35-го колена великого некогда российского княжеского рода. Евгению, Константину и Юлии Пожарским по 16 лет.

А сам князь Дмитрий Михайлович Пожарский за титулы, похоже, не слишком держался. Незадолго до смерти он принял иночество под именем вечного своего товарища – Космы. 🍷

Даты даны по старому стилю.

Фельдмаршал в дословном переводе означает «слуга при лошадях в поле».

СЕДЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

Два с лишком века разделяют начало первой Русско-турецкой войны, грянувшей в 1676 году, и конец последней, завершившейся 19 февраля 1878-го. За эти 200 лет Россия и Турция столкнулись семь раз и находились в состоянии войны 65 лет.

Не грех лишний раз подумать, насколько эти семь войн с южным соседом являются самостоятельными историческими событиями. Не стали ли они для России одной, растянувшейся на 200 лет военной кампанией?

Прежде чем перейти к предмету сегодняшнего разговора – перипетиям Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, – стоит вспомнить несколько принципов, определявших отношения двух держав на протяжении веков.

Первое – Царьград, он же Константинополь, он же Стамбул. Для русских этот город – символ и дом христианской веры наряду с Иерусалимом. После того как турки-османы прибрали к рукам Византию в 1451 году, они автоматически стали для русских недругами. И подавляющее большинство солдат «били турку» прежде всего потому, что «басурманы» стали хозяевами святых для каждого православного мест.

Далее. Развитие России требовало выхода к морям. На юге этому мешала Османская империя с ее сателлитом – Крымским ханством. Еще в середине XIV века османы размещались на пяточке азиатского берега Мраморного моря, а в середине XVII владели землями Кубани, Таврии, Молдавии, Румынии, Болгарии, Абхазии, контролировали грузинские княжества... Короче, Черное море было внутренним морем Турции. Соответственно, закрыты для России были и проливы в море Средиземное.

Наконец, на территориях, захваченных турками, жили народы, русским не чужие. Если не по крови, то по вере, а чаще родственные и тем, и другим. Более того, часть этих территорий в России искренне считали своей собственностью, а Россия всегда – рано или поздно – возвращала назад некогда потерянное. Традиционное отношение Блистательной Порты к самой себе, о сути которого свидетельствует уже само это название, лишь раззадоривало русских царей и цариц.

Каждый раз в истории очередного военного конфликта какой-либо из трех этих факторов имел решающее значение, но каждый раз в комбинации наличествовали все три фактора.

ЖУРНАЛИСТ НА БАЛКАНАХ

Януарий Алоизий Мак-Гахан родился в США в 1844 году. Еще в дни Парижской коммуны, в 1870 году, стал крайне популярен благодаря острым публикациям в газете «Нью-Йорк геральд». Европейского читателя Януарий поразил беседами с влиятельными политиками. Жанр политического интервью в Европе тогда был неизвестен. После того как в Париже поскучнело, Мак-Гахан рванул в Россию, где не только репортерствовал, но и удачно женился – на Варваре Николаевне, урожденной Елагиной. Но в новом доме не засиделся – вместе с генералом Скобелевым прошел Хивинскую кампанию, в 1874 году оказался уже на Пиренеях в отряде претендента на испанский престол Дон Карлоса Младшего. Устав от испанского солнца, отправился в составе экспедиции на корабле «Пандора» в Арктику. А летом 1876 года Януарий получил контракт от английской газеты «Дэйли ньюс». Ему поручалось провести журналистское расследование в Болгарии, где турецкие каратели вырезали только в Пловдиве 15 тыс. человек, а всего умертвили свыше 30 тыс. Это была месть турецких властей за участие болгар в военно-освободительном движении, вспыхнувшем на Балканах. Мак-Гахан не ограничился серией публикаций, он выпустил еще и брошюру, переведенную на многие языки, в том числе русский. Полные жутких подробностей строчки повергли в шок. Русские власти получили в глазах Европы моральное право вмешаться в отношения Османской империи и покоренных ею

православных народов. Правда, пришлось еще пообещать не потерявшей габсбургского прагматизма Австро-Венгрии закрыть глаза на ее интерес к землям Боснии и Герцеговины. Такова она, как говаривал еще петровский Лефорт, «европейский политик».

КАПИТАНЫ НА ДУНАЕ

Первый этап войны – форсирование Дуная. Сегодня – молниеносная операция, а 130 лет назад перетащить через мощную реку с быстрым течением и шириной в километр несколько армейских корпусов с кавалерией и артиллерией было непросто. А Дунай еще, как нарочно, разлился. В результате перебирались в Болгарию две недели. Но прежде надо было построить переправу и обезопасить подходы к ней по воде.

В России была объявлена мобилизация, кстати, первая в ее истории. Доселе воевали солдаты из рекрутов, николаевская армия состояла из постоянного кадра. Ведь в отставку нижние чины уходили в преклонном возрасте. Если удавалось до нее дожить в калейдоскопе военных походов и кампаний.

По плану генерала Обручева, вторжение в Порту шло в двух направлениях: кавказском и балканском. И там, и там – горы, но Балканы проще. А главное, если через Кавказ, то от турецкой границы до главной цели – Константинополя – 1500 верст по малонаселенному нагорью, а от берегов Дуная – всего 500, мимо горных болгарских деревушек и равнинных городков, где «братушки» русским всегда помогут. Так и пошли. В Закавказье – тремя автономными группировками с выходом на Эрзерум. Туда отправилась армия в 100 тыс. штыков и сабель. И через Дунай около румынского местечка Зимница и расположенного напротив через реку болгарского городка Систов и двух турецких береговых крепостей Рушук и Никополь – по правую и левую сторону. Здесь вместе с 220-тысячной русской армией оказался и Януарий Мак-Гехан. Форсировав Дунай 15 июня 1877 года, он прошел вместе с отрядами генералов Гурко и Скобелева всю войну, несмотря на перелом ноги и лихорадку. А умер в 33 года от тифа в константинопольском лазарете, когда в Сан-Стефано уже велись мирные переговоры.

По завершении Крымской (Восточной) войны Россия потеряла право держать флот на Черном море. И хотя она вернула усилиями министра иностранных дел князя Горчакова это право в 1871 году, серьезного флота в южных водах пока не имела. Почти все, чем она располагала к началу военных действий 1877 года, – это маленькие паровые катера, быстрые, но в боевом отношении ничтожные. Их задача – ставить мины в фарватере Дуная, чтобы закрыть туркам дорогу к строящемуся мосту. Минное дело – штука, конечно, полезная, но больно скучная. Русские моряки включили фантазию и оснастили катера шестовыми минами. Мина того времени – большой железный овальный короб из двух частей, наполненный взрывчаткой. В действие она приводилась при помощи электропроводки. Но как ее доставить поближе к кораблю-жертве? Для этого и придумали привязывать к мине длинный шест, с помощью которого подтаскивали снаряд к чужому борту. Миноноски с экипажем в 10–15 человек должны были противосто-

ять турецким боевым кораблям, среди которых выделялись мониторы и броненосцы.

Первыми в рейд в районе крепости Рушук отправились лейтенанты Шестаков и Дубасов на четырех катерах: «Цесаревич», «Ксения», «Джигит» и «Царевна». 14 мая на дунайское дно легли остатки турецкого военного парохода с командой. Но прежде, чем раз-

дался взрыв, русские катера были обстреляны из пушек и осыпаны градом пуль с турецкого борта. Один из катеров, сильно поврежденный, вышел из боя, два других при совершении минной атаки едва не затонули под обломками вражеского корабля. Но когда пришли домой и осмотрелись – выяснилось: все экипажи целы!

Первым раненым офицером войны стал лейтенант лейб-гвардии Морского экипажа Николай Скрыдлов. На катере «Шутка» он атаковал турецкий пароход «Эrekli». Успеха не достигли, несмотря на то, что миноноска ткнулась в борт врага: ружейным и пушечным огнем перебило проводку, и мина не сработала. Турки испугались настолько, что повернули и ушли. Скрыдлов получил пули в обе ноги. По дороге в Бухарест на лечение все сетовал: «Эх, за одну смелость Георгия не дадут. Не видать мне ордена. А дадут, так всего-навсего Анну»... Выздоровев, Николай Илларионович командовал пароходом «Калабрия». После войны вернулся на Балтику. В 1893 году назначен младшим флагманом Балтийского флота, в 1903-м – главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря. Годом позже так и не успел прибыть в Порт-Артур и занять место адмирала Макарова, погибшего при взрыве флагманского броненосца «Петропавловск». Порт-Артур сдали, и Тихоокеанским флотом Скрыдлов командовал из Владивостока. Вышел в отставку в 1909 году. Расстрелян большевиками в Петрограде в 1918-м в возрасте 74 лет.

За минные атаки на Дунае Георгиевские кресты 4-й степени получили и Шестаков, и Дубасов, и... Скрыдлов. А еще мичман Нилов и гардемарин Аренс. По поводу двух последних главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-старший писал в Петербург:

«Бесстрашие моряков невообразимое... атаковали монитор под сильным огнем из ружей, орудий, картечниц и револьверов». Как раз из револьвера Нилов застрелил на командном мостике броненосца английского офицера, руководившего турецким экипажем. Георгиевский крест вместе с морскими офицерами получил и знаменитый русский художник-баталист Василий Верещагин. Он умудрился-таки убедить начальство пустить его в рейд на «Шутке» с лейтенантом Скрыдловым. А сам командир миноноски был только рад: в Морском корпусе фельдфебель Верещагин командовал ротой, в которой рядовым служил кадет Скрыдлов.

ХАН В КРЕПОСТИ

На дунайских берегах еще копились батальоны и батареи, а в Закавказье уже вовсю шли бои. Полковник русской армии, командир Эриванского конно-иррегулярного полка младший сын владельца Нахичевани Исмаил-Хан полагал, что тяжело придется тем частям, что отправились на Эрзерум через Карс и Ардаган. Его милицейским сотням, включенным в отправленный на пограничный стык России, Турции и Персии Эриванский отряд генерала Тургукасова, предстоит дело попроще: перекрыть туркам дорогу в Эриванскую провинцию Российской империи. Отряд двигался по берегу реки Евфрат, а малая его часть 19 апреля заняла скромную крепость Баязет на самом северо-востоке Блистательной Порты. Впрочем, крепость – лишь название. На деле Баязет более походил на замок в горах и не был оборудован для длительной осады. Там стал русский гарнизон численностью 1600 человек. И тут – началось! Турки блокировали крепость, подтянув свыше 12 тыс. солдат. Последним, кто прорвался в Баязет, и был как раз полковник Исмаил-Хан Нахичеванский с остатками от четырех сотен своего полка. На подступах к Баязету ему пришлось принять жестокий бой с турками. Хану в том году было 58 лет! Более турки лить свою кровь не желали. Перво-наперво они отвели от крепости единственный водоток, и ее защитники остались без воды под палящим июньским солнцем. Был, правда, еще один источник – ручей в 300 метрах от крепостной стены. Вода текла, но турки соорудили на ручье плотину из трупов русских солдат и убитых лошадей... С провизией обстояло не лучше. Основная часть запасов хранилась в городке в нескольких верстах от крепости. И провиант достался туркам.

В крепости 8 июня произошел инцидент. Во время штурма сдали нервы у командира гарнизона подполковника Пацевича, и он приказал выбросить белый флаг. Офицеры застрелили подполковника, а гарнизон возглавили старший по званию Хан Нахичеванский и комендант крепости капитан Штоквич. В романе Пикуля и телесериале «Баязет» именно Хан представлен в непривлекательной роли человека, готового служить «и нашим, и вашим». В реальности он-то и руководил обороной! Вот что Хан писал впоследствии, вспоминая минутную слабость боевого офицера Пацевича. «Своя ли пуля его сразила или чужая – не берусь судить. Но ранили его в спину...» А сражаться с осаждавшими турками было трудно не потому, что их было много и они хорошо воевали. Сил у защитников Баязета едва хватало на то, чтобы перезаряжать ружья. Из приказов по крепости:

«6 июня. Прекращается варка горячей пищи всем частям, кроме госпиталя. Дача воды в сутки – по крышке в день на человека». «9 июня. Порция воды уменьшается до половины крышки». «14 июня. Дневная дача сухарей уменьшается на четверть фунта». «24 июня. Выдать больным по крышке воды, а остальным – по ложке». «27 июня. Для гарнизона нарезать обеих оставшихся лошадей, а мясо это жарить, оставив имеющуюся воду для питья»... На следующий день у крепости появились прибывшие на помощь русские войска. Последним приказом в осажденном Баязете предписывалось выставить на крепостной стене знамя 2-го батальона 74-го пехотного Ставропольского полка и значки казачьих сотен. Всем частям построиться около знамени, пропеть «Боже, царя храни!» и прокричать «Ура!». Спустя несколько дней при ставке командующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича был дан парад. Все время, пока шли ряды «сидельцев Баязета», шпалеры всего 10-тысячного Эриванского отряда стояли «на караул» и преклонив знамена.

В списке награжденных за Баязет первое имя – Исмаил-Хан Нахичеванского. Он стал генерал-майором и кавалером Георгиевского креста 4-й степени. Жил еще долго и умер в 1909 году в возрасте 90 лет, будучи генералом от кавалерии в отставке и кавалером 8 российских и 3 иностранных орденов. В отставку он вышел по собственному прошению за неполный год до смерти. Исмаил-Хан служил действующим офицером русской армии... 68 лет!

Общий перелом на Кавказском фронте наступил в октябре 1877 года. Русские войска разбили турецкую группировку при

Аладже 1–3 октября, 6 ноября сдалась крепость Карс, и наша армия вышла к Эрзеруму, павшему в ноябре. На этом боевые действия прекратились.

ГЕНЕРАЛ ГОРЫ

Сразу после начала войны болгары, жившие в России, потребовали отправки в действующую армию. Военный министр Милютин распорядился создать отряды болгарского ополчения, правда, предполагал, что их будут использовать в качестве тыловых подразделений. Он ошибся. Пять болгарских дружин, организованных русским генералом Николаем Столетовым с русскими же офицерами во главе, прибыли на театр военных действий и оказались в группировке генерала Гурко. После форсирования Дуная русским колоннам была поставлена задача: как можно быстрее взять перевалы Балканского хребта и оказаться по южную сторону от него. Корпуса Гурко вошли в древнюю столицу страны Тырново, затем – в Габрово и через Халинийский перевал проскочили во внутреннюю Болгарию, к городу Казанлык. Все шло как по маслу. Но западная группа войск затормозила по ту сторону хребта, у Плевны, где ее встретил лучший, пожалуй, турецкий генерал той войны, Осман-паша. Случись что – и все дивизии Гурко оказались бы отрезанными от единственной переправы через Дунай, у Зимницы. А армия без тыловых коммуникаций обречена. Пришлось остановить движение, седлать Шипкинский перевал, столь удачно обойденный ранее, и – ждать. 7 июля Шипка оказалась в руках отряда генерала Святополк-Мирского. Что же представлял собой этот перевал, которому после войны дали второе название «Болгарские Фермопилы»?

Шипкинский путь идет по отрогу главного Балканского хребта, повышаясь к горе Свя-

того Николая (1523 м) и резко ныряя в долину реки Тунджи на юге. Вокруг – господствующие высоты, среди которых одна с милым названием – Лысая гора. В тактическом отношении позиции, занятые русскими солдатами, были крайне невыгодными. Участок земли длиной в два ки-

и болгар выбыло из строя около 3350 нижних чинов, 108 офицеров и 2 генерала. Один из них – блестящий военачальник и военный теоретик Михаил Драгомиров – был ранен в колено и чудом избежал ампутации. На помощь подошли Житомирский и Подольский пехотные полки под командой генерала Радецкого, который принял общее командование. С его именем связано знаменитое «шипкинское сидение», продливше-

лометра и шириной в один, простреливаемый со всех сторон. Ни укреплений, ни естественных укрытий. Организация атаки в любом случае предполагала спуск-подъем по крутым склонам в зоне прямого неприятельского огня.

К августу основные силы русских отрядов Гурко откатились в Забалканье. 8-го числа на Шипке осталось 6000 солдат: Орловский и Брянский пехотные полки, три казацки сотни да пять дружин болгарского ополчения под командой генерала Столетова. Сулейман-паша, решивший во что бы то ни стало вернуть перевал, сосредоточил вокруг до 30 тыс. человек, имея превосходство в количестве пушек и тотальное преимущество в их качестве (накануне войны турецкая армия получила самые современные стальные орудия с германских заводов Круппа). Столетов отправил командиру корпуса генералу Радецкому депешу: «Весь корпус Сулеймана-паши, видимый нами как на ладони, выстраивается перед нами в восьми верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны, говорю это без преувеличения. Будем драться до крайности, но поддержка необходима». Николай Григорьевич в своих людях был уверен. В том числе в болгарских воинах. Боевое крещение они уже прошли: 19 июля в сражении у городка Ески-Загоры, когда войска генерала Гурко оставляли южные склоны Балкан у Казанлыка. Вместе с болгарскими ополченцами гибли и командовавшие ими русские офицеры. Командир 3-й дружины полковник Калитин погиб со знаменем в руках, сраженный сразу несколькими пулями. Знамя подхватил капитан Феодоров, поручик Усов, поручик Попов. Последнего болгарские бойцы вытащили с поля боя и спрятали – смертельно раненного – под листвой в лесу. Раненный в ногу поручик Живарев, несмотря на приказ генерала Столетова сесть на телегу, отказался в пользу измученных бегством болгарских детишек и тяжело раненных солдат ополчения. Жители Ески-Загоры и соседних деревень, уже пылавших, отступали вместе русскими в сторону Шипки. Болгары знали, что с ними будет, когда придут турецкие солдаты.

Шипкинское сражение началось 9 августа и продолжалось 6 дней с малыми перерывами. Перед боем Сулейман-паша отправил султану бумагу, в которой сообщил о взятии перевала. Обманул Сулейман-паша своего господина! За неделю боев турки не добились ничего, потеряв более 7000 человек. У русских

еся более четырех месяцев. Сам Радецкий, по словам художника Василия Верещагина, был известным любителем картежной игры и наигрался в обожаемый винт в Балканах на всю оставшуюся жизнь. Бои, конечно, тоже случались, и генерал от них не бегал, сам водил роты в контратаки. Но люди гибли по большей части из-за жутких холодов. Число обмороженных доходило до 300–400 в день. Офицер Подольского пехотного полка вспоминал: «Мороз 21 градус, сильная метель, прямо снежный ураган, на ровных местах глубина снега три четверти аршин, наносы же до полутора сажень. Все вооружились лопатами...» К этому времени болгарских ополченцев на Шипке давно уже не было. Их дружины откомандировали в деревню Зелено Древо – прикрывать Имитлийский перевал. Отвели в резерв и Брянский и Орловский полки, потерявшие до половины своих людей.

Генерал Столетов оборонял Шипку до самого конца, а после взятия Плевны контратаковал и погнал турок дальше. В современной Болгарии улицы многих городов носят имена русских генералов. А вот гора такая только одна – пик Столетова. Бывшая – Святого Николая. Хотя тут еще надо разобраться. В 1977 году пику Столетова болгарские власти дали название Шипка, несмотря на то, что одна вершина под таким же названием уже имела. В 2007 году на имя президента Болгарии отправлялись письма с предложением вернуть горе имя святого. Хитрецы-экскурсоводы говорят, что генерала Столетова тоже звали Николаем, выходит и пик – его имени. Сам генерал два года не дожил до 1914-го, когда болгарский царь Фердинанд из рода баварских Кобургов заключил союз с Германией и Австро-Венгрией против России.

ХУДОЖНИК ПОД ПЛЕВНОЙ

Отношение художника Верещагина к войне очевидно. Достаточно посмотреть на его полотна. Не скрывал Василий Васильевич своей нелюбви к ратному делу и в мемуарах, и в письмах, и в беседах с друзьями и коллегами. Это тем более интересно, что среднее образование он получил в Морском корпусе, в качестве волонтера отправлялся в несколько военных кампаний, а в некоторых боях даже участвовал, получил ранение и орден за военные отличия. Наконец, погиб во время войны на боевом корабле вместе с адмиралом Макаровым. С которым дружил так же, как и с генералом Скобелевым. А еще Василий Верещагин потерял на войне брата – Сергея, прибывшего в армию добровольцем и убитого под Плевной. Ох уж эта Плевна!

Художник вспоминал Плевну нарочито равнодушно. Но все-таки – прорывалось: «Кругом самого прозаичного восточного городишка, построенного в глубокой долине, невысокие, гладкие, совсем не живописные холмы, почти без растительности, покрытые лишь бурою, выжженною травюю, и между ними кое-где полками и батальонами – валяющиеся на траве, кто на спине, кто на брюшке, солдаты. Это и была невидимка Плевна, унесшая уже столько жизней». «Унесшая уже» потому, что Верещагин прибыл к Плевне только к третьему, последнему штурму. Он произошел 30–31 августа 1877 года. Но прежде были штурмы 8 и 18 июля. Наверное, не имеет смысла пускаться в анализ каждой из трех этих неудач с сугубо военной точки зрения. Тем более что причины военного характера являлись следствием переустройства русского общества после 1861 года. В эти годы реформировалась не только армия, причем коренным образом и не всегда во благо. Дворянство постепенно делилось полномочиями. Все это привело к тому, что армия явилась на Дунай в переходном состоянии. Солдаты уже были призывными, а многие офицеры остались с рекрутских времен. Современные вооружения уже производились или были закуплены, но в войска еще не поступили. Военная тактика отста-

вала от требований современной войны, а генералы, не задумываясь, посылали батальоны в бой в надежде на высокий боевой дух и знаменитые русские штыки. И они, верные присяге, ротными шеренгами в полный рост шли под шквальный огонь скорострельных ружей турок, замурованных в построенных по всем правилам саперного искусства ложементов и редутах.

До поры в армиях всех стран соблюдалось неписаное правило, сохранившееся от «войн в кружевах»: офицеров специально не выцеливать, солдаты воюют с солдатами. Но в последней Русско-турецкой войне оно перестало работать в одностороннем порядке. А русские офицеры и даже генералы по традиции гарцевали на виду, молодецки расхаживали перед залегшими ротами, в общем, всячески демонстрировали полное презрение к врагу и смерти. Этим всегда сильно было русское офицерство. Это являлось и его все более влиявшей на события слабостью. Зачем много думать над картой, вести разведку и готовить удар, если достаточно увлечь за собой людей и на штыках ворваться на вражескую позицию! И увлекали, и врывались... Так было при первой атаке Плевны, когда одна рота Костромского пехотного полка вышла в штыки на окопы целого турецкого батальона. Очень немногие вернулись назад. После выяснили, что выбить из Плевны 15-тысячный турецкий гарнизон собирались войсками, численность которых была в два раза меньше. Так же «толково» подготовились и ко второму штурму Плевны через 10 дней. Когда, например, командир Курского пехотного полка услышал сигнал рожка к атаке, он спросил дивизионного командира: «Куда и кого атаковать?» И получил ответ: «Идите прямо перед собой и уничтожьте всю сволочь на пути». Два полка – Курский и Рильский – так и сделали: пошли, но на «всю сволочь» сил у них не хватило, и остатки рот откатились к вечеру на исходные. Пензенский пехотный полк пошел в бой первым – по ровному как стол полю, без артоподготовки и без приказа на ружейную стрельбу. Турки поливали огнем, а роты шли. За полчаса полк потерял более тысячи человек, но на штыках ворвался в окопы и зацепился там на время. Зачем это было сделано, корпусной командир генерал Криденер, отвечавший за операцию, похоже, не знал. «Будем надеяться на русского человека... он со своей несокрушимой силой, быть может, сумеет выбраться из беды, несмотря на всех стратегов, интендантов и прочая...» – писал по следам со-

бытий великий русский медик Боткин. В ротах строевые офицеры выражались резче: «Нами управляют дураки!»

В третий раз Плевну надо было взять уже хотя бы потому, что в день штурма поздравляли с тезоименитством государя Александ-

ра Второго. По ту сторону Балкан войну еще воспринимали как победоносные маневры и готовили подарок к празднику. К 30 августа общая длина турецких укреплений составила 22 км, которые обороняли 34 тыс. воинов и 72 орудия. Русские силы – 83 тыс. штыков и сабель, 424 орудия. На сей раз и в тактическом отношении штурм был спланирован с некоторой фантазией. Но система управления войсками так и не наладилась. Пассивность многих начальников с генеральскими погонами обескураживает. Части генерала Скобелева захватывали передовой Гривицкий редут турок, а корпус генерала Зотова стоял и наблюдал за сражением со стороны. Итог битве подвел американский военный атташе Грин, примчавшийся в русский тыл к вечеру с сообщением о полном поражении на всех направлениях. Ему поверили, не проверив. И паника докатилась до берегов Дуная – ждали турецкого контрнаступления. На созванном военном совете вопрос стоял ребром: не закончить ли всю кампанию? Благодаря настоянию ряда генералов, в частности военного министра Милютина, император принял решение продолжать войну. Из Петербурга вызвали талантливого военачальника генерала Тотлебена и весь Гвардейский корпус. От штурма Плевны отказались, предпочтя планомерную осаду.

В последней войне с турками русская армия потеряла убитыми, умершими от ран и болезней 105 тыс. солдат и офицеров. Треть из них – жертвы Плевны.

Одной из них был Сергей Верещагин, младший из четырех братьев. Как и двое старших, Сергей был послан учиться в Морской корпус, но учился без особого интереса. Его больше тянуло к мольберту и краскам. После корпуса 21-летний Верещагин едет на Кавказ – рисовать. Однако, будучи неу-

верен в собственных способностях, возвращается и становится чиновником в Вологде, затем работает на сыроварнях у брата Николая. Но зов таланта пересиливает. В Париже Сергей занимается в ателье известного мастера Жерома. На войну с турками пошел добровольцем и по просьбе брата Василия был принят ординарцем к генералу Михаилу Скобелеву. Все, кто сталкивался с Сергеем Верещагиным на войне, отмечали его безудержную смелость. «Ведь это храбрец, у него пять ран, под ним убито восемь лошадей, наградить его!» – писал императору генерал светлейший князь Суворов, потомок великого полководца. От имени царя Сергею выслали солдатский Георгиевский крест. Но сам Сергей об этом уже не узнал. Он погиб в бою под Плевной 30 августа 1877 года в неполные 32 года. Одни говорили, что был зарублен в конной атаке, другие – что сражен пулей в сердце. Как ни старался Василий Верещагин найти тело брата, ему это не удалось. А графические работы художника Сергея Верещагина сохранились.

А СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ В БЕРЛИНЕ

После падения 28 ноября взятой измором Плевны турки были деморализованы. Они и раньше-то не чувствовали себя хозяевами положения. Русский солдат дробил гранит их воинской доблести в порошок, несмотря на все особенности нашей национальной военной стратегии. А уж после Плевны армия султана посыпалась этим самым порошком со склонов Балкан к берегам Босфора.

Были звонкие сражения и до, и после падения Плевны. 22 августа Скобелев красиво взял город Ловчу. 12 октября русская гвардейская пехота, залив своей и турецкой кровью подступы к деревне Горный Дубняк, почти замкнула кольцо плевненского котла. 16 октября лейб-гвардии Егерский полк грудью лег на замочек этого кольца у деревни Телиш и запер его окончательно. 23 декабря русские войска вошли в Софию, 27-го сразились с турками у местечка Шейново, 5 января пал Филиппополь. На этом собственно болгарская земля кончилась. Начиналась Византия...

8 января русские части заняли второй по величине город Османской империи, Эдирне (Адрианополь). До Константинополя оставалось 190 км, на 30 меньше, чем до сивасской переправы на Дунае, с которой все и началось.

Мир был подписан в феврале в местечке Сан-Стефано, в 20 верстах от столицы Блистательной Порты, из которой несколькими неделями раньше население уже собиралось бежать. Ни победившие, ни побежденные не верили, что что-то может помешать русским войти в Константинополь. Казалось бы, вот она, мечта Екатерины Великой и поколений русских людей – рядом! Но обтрепавшиеся и голодные войска стояли в Сан-Стефано и дальше от искомой цели, в Мраморное море вошла британская боевая эскадра, демонстрируя недвусмысленное намерение помешать русским выйти к Босфору орудиями и десантом. Где-то вдалеке помалкивала как всегда недовольная, но еще не сговорившаяся до конца Европа. Выжидал даже проверенный союзник канцлер Германии князь Бисмарк. Впрочем, он-то как раз и сказал, что в создавшейся ситуации русским надо договориться с Англией, ибо она может начать войну в одиночку, в отличие от вечно ищущей союзников Австро-Венгрии.

При дворе российского императора новой войны опасались. Сан-Стефанский договор заключили наспех, используя состояние Турции. Но одобрить его европейцы не спешили. Министр иностранных дел светлейший князь Горчаков настойчиво предложил собраться в Берлине для окончательного развязывания балканского узла.

По договору Сан-Стефано полную независимость от Турции получали Сербия, Румыния и Черногория. Болгария объявлялась автономным княжеством с правом избрания собственного властителя. Турецкие военные уходили из болгарских земель, русские оставались там еще на два года. России возвращались утерянные в ходе Крымской войны территории: Карская область и земли в Бессарабии. Берлинский конгресс, состоявшийся летом 1878 года, консолидировал европейские страны. На фоне германского нейтралитета Россия явно проигрывала дипломатическую войну.

По Берлинскому трактату южная часть Болгарии оставалась за Турцией в качестве провинции Восточная Румелия. Турецкие войска покидали страну, но Болгария должна была платить Порте дань. Независимая Сербия прирастала территорией, но за счет Болгарии. Свободная Черногория лишалась единственного полноценного средиземноморского порта Бар.

Россия получала назад земли в Бессарабии и в Закавказье, но без Баязета. В качестве компенсации независимой Румынии отходила дельта Дуная. Русская армия оставалась в Болгарии, но только на 9 месяцев. Изменялись греческие границы в пользу эллинов. А вот – самое интересное. Англия получала Кипр. Австро-Венгрия имела право оккупировать Боснию и Герцеговину. И кто сегодня посмеет сказать, что тогда, летом 1878 года, в Берлине балканский узел развязали, а не наоборот – затянули крепче?

Лицейскому соученику Пушкина канцлеру Горчакову Россия обязана не только многими дипломатическими успехами, но и принципиально новой внешней политикой после 40-летней гегемонии принципа его предшественника, графа Нессельроде, «наша задача блюсти интересы династии, а не страны». Это Горчаков после Крымской войны разослал циркуляр, гласивший: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Но по окончании конгресса в Германии Горчаков написал императору: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Похожим образом оценили работу русской делегации в Берлине и многие подданные Его Величества. Герой войны генерал Скобелев подытожил: «Черными пятнами на королях и императорах лежат войны, принятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов. Но еще ужаснее, когда народ, доведя до конца это страшное дело, остается неудовлетворенным, когда у его правителей не хватает духу воспользоваться всеми результатами войны».

Через год после конгресса 81-летний князь Александр Михайлович Горчаков фактически отошел от дел, уехал за границу на лечение и умер в Баден-Бадене в 1883 году. Прах

его был перевезен в Петербург и захоронен в семейном склепе в Троице-Сергиевой Приморской пустыни.

Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев 39 лет умер в 1882 году в Москве при весьма странных обстоятельствах.

Оставалось чуть более 30 лет до рокового выстрела Гаврилы Принципа в боснийском Сараево...

МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

О том, что Михаил Бахтин отбывал ссылку в городе, где я живу, мне с завидным постоянством напоминают московские знакомые. В ответ я обычно замечаю: можно подумать, я не знаю, что великий русский мыслитель и литературовед, исследователь творчества Рабле и Достоевского 25 лет жил и работал в Саранске.

Тогда мне объясняют разницу между ссылкой и жизнью. Сказать, что я знаю эту разницу, было бы несправедливо, но я имел возможность наблюдать ее результат на примере одного преподавателя филологического факультета института, в котором учился. Он скромно ходил вдоль стенок, не целовался с коллегами, как это было заведено, при встрече, спина его была испачкана мелом, но никто ему об этом не говорил. Вся же вина Сергея Ивановича Морозова заключалась в том, что он любил рассказывать о своей единственной встрече с Анной Ахматовой и своей вере в Бога. А сослан он был в наш город преподавать только студентам-заочникам, которые по большей части являлись жителями отдаленных районов. Если Сергей Иванович слышал умиленные воспоминания о Михаиле Михайловиче Бахтине, который преподавал в том же институте, то громко стучал палкой в пол и называл своих коллег нехорошими словами. «Опять Морозов карнавал вокруг Бахтина устроил!» – сокрушались в таком случае присутствующие и расходились. Бахтин – неудобное это было имя...

То, что Бахтин жил и творил в Саранске, я, как и все остальные студенты, много раз слышал от преподавателей филфака,

которые были его учениками, ходили к нему в гости и даже клялись, что из аудиторий еще не выветрился дым его сигарет. Бахтину единственному была предоставлена привилегия курить во время лекций. А пепел сигарет стряхивать прямо на пол. Иногда пепел покрывал его одежду, и казалось, что она припорошена снегом. Когда он отворачивался, над ним хихикали.

АВТОР ЭФОРТА ЮРИЙ СЕЛИВЕРСТОВ

Жил Бахтин на втором этаже элитного дома, от которого до местного обкома партии было рукой подать. В подъезд Бахтина я не раз бегал к однокурснице за конспектами пропущенных лекций. Ее папа был лектором в обкоме партии. Конспект я переписывал на маленькой кухне в квартире ее родителей. Такие же маленькие кухни были и за стеной у моих соседей, работавших на заводах. По сравнению с ними Бахтин жил барином...

Однокурсница любила Ахматову, подсмеивалась над Морозовым, дружила с преподавательницей филфака, которая считалась любимой ученицей Бахтина. В свое время она была его аспиранткой и написала под его руководством кандидатскую работу о творчестве немецкого писателя Виланда (Христоф Мартин Виланд, 1733–1813, видный поэт и идеолог немецкого рококо, издатель первого немецкого журнала литературы и искусства «Германский Меркурий», дружил с Гете. — Прим. ред.). Бахтин тогда заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского госуниверситета.

Я часто ходил вместе с однокурсницей в гости к той самой преподавательнице — любимой ученице Бахтина. Она редко, но очень подробно рассказывала о Бахтине, его жизни, своих впечатлениях о нем. «Бахтин — это ум!» — повторяла она. Это был единственный человек в городе, а может, и в мире, который действительно много знал о Бахтине, и если до нее не добрались исследователи жизни этого великого мыслителя XX века, то только потому, что она отказывалась от встреч. Дама была красива, элегантна, и я не знаю, в кого я был тогда больше влюблен: в нее или в однокурсницу. Или в атмосферу вечеров, когда речь шла о литературе Средних веков и эпохи Ренессанса. С тех пор прошло почти 20 лет. Морозов умер, однокурсница теперь живет среди памятников Средневековья и Ренессанса в Европе с богатым мужем, я иногда бываю у той преподавательницы и стараюсь не напоминать о Бахтине. Теперь об этом опасном мыслителе я знаю больше.

Оказывается, у Бахтина в Саранске была не только любимая ученица, но и любимый ученик. Юрий Федосеевич буквально дневал и ночевал в квартире Бахтина, который явно выделял его из всех остальных. Женат этот молодой человек был на дочери соседки Бахтина по лестничной площадке и потому часто

заходил в гости к великому мыслителю. Испытывал смущение он только тогда, когда у Бахтина заходила речь о Виланде. А все потому, что в аспирантку, которая писала диссертацию, Юрий Федосеевич был влюблен. Короче, это была драма. Но только для него. Аспирантка была замужем, а Бахтин наблюдал за развитием этого сюжета холодно и спокойно. У него

на столе лежали страницы будущего труда «Франсуа Рабле», в котором, кстати, фрейдизму, впервые в советском литературоведении, уделялось много внимания. В основу книги легла научная работа о Рабле, за которую после долгих споров и обвинений в космополитизме, в пропаганде разврата и западных ценностей Бахтину все же присвоили кандидатскую степень... После отъезда Бахтина из Саранска в Москву Юрий Федосеевич запил, потерял работу в университете, даже из пригородной школы был уволен. Говорили, что погубила его любовь...

Я набрался смелости и спросил ту самую преподавательницу. «О, нет, — ответила она с грустной улыбкой, — это — Бахтин». И пояснила. Тогда ее спасла семья, дочери, жизнь, молодость, недооценка общения с великим мыслителем, а те, кто стал догадываться о ценности присутствия такого человека в провинциальном захолустье, кто стал сравнивать себя с ним, кто слишком приблизился, были обожжены священным огнем и заболели Бахтиным. Уж если он повлиял на ход философской мысли всего XX века, то что могло случиться с головами бедных провинциалов, которые окружали его в те годы в Саранске? Без общения с Бахтиным жизнь кончилась для Юрия Федосеевича.

Работы Бахтина в области философии и филологии ныне считаются классическими. В книге «Проблемы творчества Достоевского» вводится представление о «полифонизме» текста. При таком типе повествования слова героев звучат как будто из разных независимых источников — так игра разных инструментов в ансамбле образует полифонию. В противовес «монологическому» слову большинства писателей проза Достоевского «диалогич-

на». Переворот в теории литературы вызвала работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (завершена в 1940 году, опубликована в 1965-м). По Бахтину, литература имеет корни в «народных праздниках» – карнавалах и мистериях древности. Работы Бахтина, посвященные исследованию западной литературной традиции, остаются революционными до сих пор и, по сути, открывают новый мир – мир мифоритуальной традиции, которую Бахтин увидел в карнавале и связал с народной смеховой культурой. Он реабилитировал «мрачное» Средневековье. В противовес сложившимся представлениям в эпоху феодализма народная жизнь бурлила, была полнокровной и яркой: «Особо важное значение имела отмена во время карнавала всех иерархических отношений. На офици-

альных праздниках иерархические различия подчеркнуто демонстрировались; на них полагалось являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место, соответствующее своему рангу. Праздник освящал неравенство. В противоположность этому на карнавале все считались равными».

Бахтина называют загадкой. А те, кто берется ее разгадать и не может дать ответ, должны, как известно, умереть. Как в мифе о Сфинксе. Или сойти с ума, на худой конец, как в «Принцессе Турандот». Так случилось с местным саранским скульптором, который взялся создать памятник Бахтину и начал работу над ним с чтения трудов философа. В итоге готовый памятник вызвал шок у местной интеллигенции. Все вспоминают великого мыслителя бредущим по городу с костылем под мышкой на одной ноге... А тут он стоял... на двух ногах. «Карнавал!» – сказал бы, наверное, по этому поводу сам Бахтин.

Нашлись среди старожилов города люди, которые объявили его своим фронтовым товарищем, а потерю ноги – раной, полученной во время диверсионного задания в тылу у немцев. И это, поверьте, была еще не самая дикая выдумка насчет

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ БАХТИН

родился 17 (5) ноября 1895 года в Орле. Отец будущего великого ученого был банковским служащим. Гимназию Михаил Бахтин окончил в Одессе, здесь же поступил в университет. В 1916 году Бахтин переводится в Петроградский университет на историко-филологический факультет. Блестящий худенький юноша (Бахтин страдал хроническим остеомиелитом) со страстным увлечением занимается древними и новыми языками, углубленно изучает общее языкознание, литературоведение, философию, историю мировой культуры. В 1918 году Бахтин по окончании университета уезжает работать в городок Невель (ныне в Псковской области). Здесь в местном альманахе «День поэзии» (1919) вышла первая работа молодого ученого, «Искусство и ответственность». Осенью 1924 года Михаил Бахтин вместе с женой Еленой Александровной переезжает в Ленинград. В год «великого перелома» Бахтина арестовали по обвинению в подготовке политического заговора против государства. Ссылка на Соловки вследствие тяжелой болезни была заменена «поездкой»

в Кустанай. Книга о Ф.М. Достоевском вышла в свет тогда, когда автор находился под следствием. Ныне это всемирно известный научный труд «Проблемы поэтики Достоевского», который произвел научный переворот и взрыв. В 1940 году Михаил Бахтин завершил работу над трудом «Франсуа Рабле в истории реализма». В наши дни всемирно известное исследование Бахтина носит принципиально другое название – «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В сентябре 1945 года Бахтина утверждают в должности заведующего кафедрой всеобщей литературы Мордовского педагогического института имени А.И. Полежаева (ныне – Мордовский государственный университет). В 51 год Бахтин становится кандидатом филологических наук. Осенью 1969 года Бахтин выехал из Саранска на лечение в Москву. По выходе из больницы он оказался в доме для престарелых в городе Климовске. М.М. Бахтин скончался 7 марта 1975 года. Похоронен на Введенском кладбище в Москве, заложенном в 1771 году во время эпидемии чумы.

предложил выпить по бокалу красного вина и отказался брать расписку. Было это уже в новой квартире философа. Она Кузьме Федоровичу не понравилась голыми стенами, лампочками без абажуров и книгами, которых было много, очень много. «Он про Достоевского писал, но я не читал... я как с должности ушел, нутрий стал разводить на шапки», – говорил Кузьма Федорович.

Видел я эти шапки на кафедре русской и зарубежной литературы. Их «надевали» на поставленные ребром словари, чтобы не свалился на краях дорогой мех. Так же поступали со своими шикарными головными уборами студентки в библиотеке. Служили «подставками» для шапок и книги Бахтина, которые, увы, не пользовались у студентов особым спросом. Когда я служил в армии, то мы под свои армейские шапки с кокардами подставляли томики Общевоинских уставов. Офицеры нам за такое неуважение наряды вне очереди давали. Мы на командиров обижались. Но университет – не казарма, тем более тот, в стенах которого преподавал когда-то великий гуманист. Хотя я тогда на эти книги под шапками никак не реагировал. Понимал. А вот теперь – не понимаю. Офицеры-то, похоже, правы были... Уставы кровью писаны. А труды Бахтина?

В 1937 году в Саранске расстреляли ректора педагогического института Антонова, который пригласил Бахтина на работу в город. Это был первый приезд ученого в Саранск по окончании ссылки в Кустанай, которой из-за болезни был заменен его пятилетний срок заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности и за участие в антисоветской организации «Воскресение». Интересно, что за такую замену хлопотал в числе прочих и советский граф Алексей Толстой. В пединституте Бахтин невольно оказался за круговороте событий: ректора критикуют за приглашение на работу человека после пятилетней ссылки. И хотя в 1957 году Антонова посмертно реабилитируют, преподавателям и студентам не рекомендовано тесно общаться с мыслителем, который после войны снова вернулся в Саранск и оказался в тюрьме, как в прямом, так и в переносном смысле.

этого человека. Но для жителей Саранска послевоенных лет, когда много было вокруг инвалидов, она более простительна, нежели корыстное желание скульптора быстрее заработать на известном имени.

В 1945 году, когда Бахтин приехал в Саранск, ему сначала дали комнату в здании бывшей саранской тюрьмы. Там селили преподавателей местного университета. А в том элитном доме квартиру ему выделили уже потом, за 16 лет до его отъезда из Саранска в Москву.

Видел я это здание бывшей городской тюрьмы и даже поднимался по высоким ступеням в кабинет начальника коммунального хозяйства, которое там расположено сейчас. И каждый раз, ставя ногу на очередную узкую и высокую кривую ступеньку покосившейся лестницы, я вспоминал почему-то арестантов с бубновым тузом на спине, представлял тяжелое дыхание великого мыслителя XX века. По этим ступеням он таскал ведра с водой из колодца, связки книг, тут он, как говорят, сломал свой костыль. После полиомиелита, которым он болел с детства и который обострился в Кустанайской ссылке в 1934 году, Бахтин лишился ноги. Иногда ему, чтобы добраться до квартиры, предоставляли в университете телегу... Без ноги, в тюрьме, солома на дне телеги... Кстати, тогда в Саранске и его окрестностях произошла самая большая в стране вспышка эпидемии трахомы (инфекционное заболевание конъюнктивы и роговицы, при котором резко снижается острота зрения. Раньше трахома была частой причиной слепоты. – **Прим. ред.**), и кругом бродили безглазые люди... Средневековые какое-то... Бахтин бы сказал, наверное: «Карнавал!»

В таких условиях он писал труд о Рабле. Позже, когда появились его публикации за границей, Бахтина стали мучить просьбами дать в долг не только соседи по дому, или коллеги по кафедре, или студенты, но и вовсе не знакомые ему люди. Он не отказывал никому.

Пришлось мне как-то общаться с человеком, которому Бахтин дал денег в долг на легковой автомобиль. Проситель работал проректором в университете по хозяйственной части и, когда во время очередной борьбы с привилегиями списывали машины, решил приобрести одну из университетских «Волг». Деньги ему великий мыслитель и литературовед вынес из кухни в банке из-под чая. «Даже с женой не посоветовался!» – смеясь, рассказывал 94-летний Кузьма Федорович Бурмистров. После Бахтин

Ради справедливости надо сказать, что моя знакомая из дома Бахтина свою шапку на его труды в библиотеке не водружала. Зато она рассказывала о новом жильце бахтинской квартиры. Серый и тихий человек был еще недавно первым секретарем обкома, но после смещения с поста и развода с женой оказался в этой квартире, которую ему выделил город. Руководил городом на тот момент его политический противник, который в свое время немало недель просидел в приемной у первого секретаря и однажды покаялся ему жестоко отомстить, поставив в такое же положение. Поэтому и оказался бывший «первый» в бахтинской квартире неслучайно. Это была западня. Мэр начал кампанию по созданию в этой квартире музея Бахтина и привел свое проклятие в исполнение. Днями бывший хозяин региона сидел в приемной, и полгорода ходило смотреть на этот карнавал. Потом жилец бахтинской квартиры умер, труп пять дней пролежал в комнате... В квартиру эту боялись после селиться. Тогда «Мастер и Маргарита» был очень популярным романом, и моя знакомая часто говорила: «Как у Булгакова! Дьявольская квартира!» Слышал я разговоры о дьявольской квартире Бахтина и от других людей: чиновников и хозяиственников. Сейчас на фасаде этого дома вывески Сберегательного банка, обувного и охотничьего магазинов. Я редко прохожу мимо этого дома с памятной доской Бахтину. Мне не нравятся встречи со старыми знакомыми, расспросы.

Пять лет назад мне все же пришлось подняться по знакомой лестнице. К этому времени дотошные бахтиноведы добрались и до моей любимой преподавательницы по зарубежной литературе, и она сдалась под их напором. Белых пятен в биографии Бахтина, видимо, не осталось. Кроме сомнительной легенды о его последней квартире в Саранске. Я согласился на это расследование без желания и до сих пор жалею о нем. Не очень-то приятно слушать рассказ о тягостных днях мыслителя и философа.

Антонина Максимовна Шепелева прожила рядом с ним 15 лет на одной лестничной

площадке. Она не считала общение с Бахтиным главным событием своей жизни, говорила о нем просто, а по поводу истории с памятником сказала: «Он бы издевательски посмеялся и выразил бы свое негодование. Так его здесь унижали и третировали, что он сбежал отсюда без оглядки». Антонина Максимовна знает, что в городе на Бахтина оказывали моральное давление, видели в нем только врага народа. Бахтины боялись каждого очередного перевода денег из-за границы. Жена Бахтина Елена Александровна прижимала сжатые кулачки к груди и говорила: «Только не из-за границы. Только не из-за границы». Им поступали деньги за произведения, которые выходили за рубежом, но Елена Александровна прилагала усилия, чтобы получать гонорары только советскими деньгами. Бахтин из квартиры без повода старался не выходить. Ему было тяжело передвигаться на костылях. Возвращался Михаил Михайлович мокрый от пота, усталый... Никто его не сопровождал, не провожал. Да он и сам не хотел, чтобы его кто-то поддерживал под руку. «Нет, дорогие мои, это была не гордость, это было больше, чем осторожность. Это был самый настоящий физиологический страх животного. Бахтин с супругой производили впечатление очень сильно напуганных людей... Старались громко не вздохнуть, лишь бы не привлечь лишнего внимания», — рассказывала Шепелева. По этой причине Бахтины никому ни в какой просьбе не отказывали, лишь бы никто не составил о них пусть мимолетного, но дурного мнения. Их несчастным положением пользовались в корыстных целях: брали займы у них маленькие и большие суммы денег. Чаше большие, конечно. Был с такими просителями случай. Супруга Бахтина прибегает к Шепелевой на кухню и кричит: «Посмотри в окно! Видишь, мужчина пошел? Кто это? Он сейчас у Михаила Михайловича взял большую сумму займа, а кто он такой, мы и не знаем!» Супруга Бахтина выбирала самые дешевые продукты на рынке, выгадывала каждую копейку. В последнее время перед отъездом из Саранска в Москву они так бедно жили, что сама Елена Александровна ела одну картошку в день. Так получилось, что Шепелева стала для Бахтиных нянькой. День для них закан-

чивался примерно в десять вечера. По ночам Бахтин не работал. Они ложились в постель, а соседка запирала дверь с внешней стороны и уходила в свою квартиру вместе с ключом. Они сами просили закрывать их с внешней стороны, чтобы никто не мог их побеспокоить. Если бы даже кто-то пришел, они бы не открыли дверь. Они вообще по собственной воле не хотели никого видеть. Телефона у них в квартире не было, они сами отказались от него. В семь часов утра соседка приходила к ним открыть дверь. За уход они не платили. Но в благодарность Бахтин многие страницы кандидатской диссертации написал за зятя своей соседки. Им был тот самый Юрий Федосеевич.

Дом у Бахтиных был запущенным. Никаких штор, никаких занавесок. Он носил обручальное кольцо, а она – нет. Антонина Максимовна помнит своеобразную улыбочку Бахтина, его желчные замечания. Не по поводу событий современной жизни, об этом он не говорил, ибо боялся. «Тормозной механизм у него работал и сбоев не давал, – авторитетно заметила Антонина Максимовна. – Между собой супруги, конечно, откровенничали. Друг от друга секретов никаких не было».

В квартиру к Бахтиным Антонина Максимовна заходила как в коچهгарку. Дома валялось много пепельниц и огромное количество сигарет почему-то всегда в смятых пачках. Когда соседка выходила от них, то ее одежда была пропитана запахом табачного дыма. Супруг ругал ее за частые посещения соседей. Но та слушать увещаний мужа не стала. Юрий Федосеевич, ее зять, тоже не прислушивался к словам тестя и продолжал ходить к Бахтину. Но дружбы у них, по ее мнению, быть не могло. Бахтин к этому времени был уже в таком состоянии, что все чувства в нем умерли, сгорели, были уничтожены жестокой жизнью, которая ему досталась. Эта человеческая часть его существа умерла. Остался только интеллект и больная физическая оболочка, а также физиологический страх животного, у которого могут отнять даже эту жизнь. Философ сам при-

знавался в этом своей соседке. А доверял ей Бахтин только потому, что ее исключили из комсомола: Антонина Максимовна не сообщила своим товарищам о муже собственной сестры, который был объявлен врагом народа.

«Я с вами вот сейчас разговариваю, – прервала вдруг воспоминания Шепелева, – а сейчас как будто вижу его... Как он идет по лестнице... Ему надо подняться еще на одну площадку, а он задыхается от усталости и будто пытается собрать силы, чтобы подняться выше... Супруга его всегда ждала, он сам дверь не открывал. Он запрещал помогать себе, не разрешал, все сам, сам».

Я был не первым, кто пришел к Шепелевой с расспросами о Бахтине. Приезжают незнакомые люди. Крутятся возле дверей квартиры Бахтина, потом звонят в соседнюю квартиру, к Шепелевой. На ее глазах они кланяются дверям, за которыми столько лет жил и страдал их кумир. Так что того и гляди скоро начнется паломничество. Но никакой дьявольщины с квартирой она не помнит. А кто жил здесь после Бахтина, она сбилась со счета! Помнит только, что квартира после отъезда Бахтиных долго стояла пустой с их вещами. Они с собой ничего не взяли, даже одежду оставили. Елена Александровна вообще в халате поехала. Так поспешно бежали, как только поняли, что могут покинуть Саранск.

После Бахтиных заселился бывший партийный работник, чья супруга жаловалась соседке, что квартира очень запущенная и главное – никак не могут выветрить табачный запах. «А еще антиинтеллигент!» – возмущалась она.

Антонина Максимовна уговорила нынешних хозяев бахтинской квартиры впустить нас. Мы вошли. Когда-то тут у порога стояла и моя преподавательница, которая писала работу по Виланду, а Бахтин, провожая ее, целовал ей руки... И кто был виноват в той драме с мужем дочери Антонины Максимовны? Любовь, Бахтин, карнавал?

В комнате, где раньше стоял стол Бахтина, бродил бульдог новых хозяев. Он залаял на нас, а потом улегся и стал грызть кости. Как все это похоже на карнавал: великий мыслитель с супругой голодали в этой комнате, а теперь здесь собака от скуки гложет кости. Невольно на память пришла цитата из Бахтина: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения». ❀

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ

Все французские кладбища так же бездушны, как и отлаженная бюрократическая машина Французской Республики, – ни тебе деревца, ни чахлого кустика. Все, кроме одного – русского некрополя Сен-Женевьев-де-Буа, где по нашей традиции есть и деревья, и скамейки... Русские приходят на это кладбище не просто поклониться усопшим, но и поговорить, выпить, посоветоваться, а то и отчитаться о своей земной жизни. В поисках громких имен русского и советского зарубежья на могильных плитах немногие из посетителей обращают внимание на скромную табличку «Зиновий Пешков, Легионер».

Безрукого генерала сегодня мало кто помнит. Россия отвернулась от него и отобрала единственную дочь, Франция отобрала руку, но наградила почетом и уважением. Теперь прожитая им жизнь – удел историков. Для советских он был отщепенцем, для истинно русских в Париже – выкрестом и выскочкой, а для французов – генералом и героем, но все же чужим. Иностранцем. Легионером. Разобраться в хитросплетениях жизни этого человека непросто: вся его жизнь похожа на метания перепуганного зайца под ружьями охотников... но только до того момента, как он стал полноценным членом мужского братства – Французского Иностранного легиона...

ИЗ АРХИВА

...Граверных дел мастер Свердлов оторвался от инструментов, близорую прищурился и признал в высоком господине, заглянувшем в его лавочку на Нижегородской ярмарке, ссыльного писателя Пешкова. Книг его он не читал, но слышал от соседей, что молодой барин нажил неприятности от властей и в наказание был сослан под надзор полиции в родной Нижний, поближе к своему папаше – купцу. У нижегородского мещанства ссыльный литератор вызывал смешанные чувства: вроде как «свой» да к тому же невинно пострадавший, но

держаться от него лучше подальше, иначе можно нажить неприятности.

Вдовствующему еврею Свердлову с детьми на руках терять было уже нечего: он и так сидит на трехногой табуретке на самом дне социального колодца российского общества. Без суетливого подобострастия спросил: «Что угодно-с?» Оказалось, писателю понадобились суетные бумажные свидетельства на-

шего пребывания на земле – визитные карточки. «Не извольте беспокоиться. Будут готовы-с через три дня. Заходите».

Спустя несколько дней Пешков заглянул к Свердловым на Большую Покровскую. Карточки были готовы. «Извольте познакомиться – дети мои, – пробормотал Михаил Израилевич. – Сиротки: дочь Софья, Вениамин, Яков – младшенький и Зиновий – старший. Моя опора, так сказать...»

По пути домой писатель вспоминал случайное знакомство:

«Софья весьма недурна... Если повезет, то папаша выдаст ее за богатого еврея, и к тридцати она превратится в матрону, озачиненную только тем, чтобы дома «было что кушать». Малец букой смотрит... словно на классового врага. А вот старший занятный паренек. Открытый. Есть в нем какое-то обаяние. Уверенность в себе, что ли. И не затравленный, взгляд смелый».

Алексей Максимович стал захаживать к Свердловым «попить чайку». Вначале братья ревновали: думали, опальному «инженеру человеческих душ» приглянулась сестрица Софья, оказалось – нет.

Буревестник грядущего цунами пристроил всю еврейскую семью к «движению». Отец сирот стал безвозмездно изготавливать столь нужные подполью фальшивые печати, а юноши выполнять различные поручения нижегородских дантонов: стояли «на атаке» во время модных тогда «маевок», когда сознательные пролетарии в лучших своих картузах и смазанных сапогах и пролетарки в ситцевых платьях лужали семечки и внимательно крамольным речам чахоточных пророков. Кончилось все достаточно быстро: в 1901 году охранка Нижнего замела всех «несогласных», не забыв и отца сирот.

Две отсидки в тюрьме. Они сблизили Алексея Максимовича и Зиновия Михайловича. Правда, в отличие от тех тюрем, в обустройстве которых примет живейшее участие младший из двух Свердловых, в царских застенках к молодым социалистам относились не как к врагам, а как к заблудшим овечкам, соотечественникам, еще не совсем потерянным для лечения и социальной адаптации.

После освобождения из нижегородского застенка Пешков одарил Зиновия своим портретом и начертал: «На добрую память о днях совместной веселой жизни!» И не без босяцкого ухарства добавил: «За каменной стеной». Яков никакого фотопоощрения не получил, зато приобрел бесценный опыт, который вскоре учтет: с врагами, как с ним, не церемонятся.

А вот Зиновий понял другое: это игра, но не его. Поразило в движении и отвратило одно: идеалистов в нем – единицы. Как юная пропагандистка Лидочка, которая снабдила Зиновия запрещенной литературой, а заодно помогла избавиться ему от отягощающей повседневности девственности. Или тот же Пешков. На одну честную и тихую Лидочку, готовую идти на каторгу ради мечты о всеобщем счастье, – десятки невестребованных истеричек. Остальные – все те же «Бесы» из Достоевского. Они готовы на самосуд и убийство. Уголовщина – вот имя «идеи», которую к тому же формулируют весьма путанно.

Писатель Пешков привязался к своему юному соратнику по борьбе и дал ему добрую кличку Зинка. Зиновий обращается к нему на «ты» и зовет «Алексеем». Но при этом боготворит. В апреле 1902-го поднадзорного Пешкова отправляют в Арзамас. Ему нужен библиотекарь. Не раздумывая, он приглашает на эту роль Зиновия. К концу лета писатель заканчивает пьесу. Он называет ее «На дне жизни». Ни он, ни домочадцы еще не знают, что пьеса о дне жизни для автора – вспышка на ее поверхность. Успех, слава, деньги.

Немирович-Данченко в Арзамас пожаловал сам. Пьесу ставят без промедления – в квартире Пешкова. Зиновий играет роль Васьки Пепла.

Сам Мастер предлагает Зиновию отправиться в Москву и попробовать свои силы на столичных подмостках. Уже от одного этого у еврейского сироты кружится голова. Режиссер МХТ, заручившись поддержкой самого Шалаяпина, начинает хлопотать о зачислении юного протеже Буревестника на драматические курсы. Но как часто бывает с нашей интеллигенцией, в этих хлопотах никто так и не поинтересовался, в какой стране живет, – доброхотам невдомек, что лицам не православного вероисповедания в обеих столицах жить воспрещается: империя

Романовых неукоснительно блюла черту оседлости. Выход был только один: из еврейского юноши сделать русского. Буревестник берется устроить это чудесное превращение: он усыновляет Зиновия и дает ему свою фамилию. Но для полноты картины нужно креститься в православную веру.

Таинство вскоре свершается в арзамасской Троицкой церкви. Метрическая книга свидетельствует: «Мещанин иудейской веры Ешуа Золомон Мовшев Свердлов принял православное крещение под именем Зиновия Пешкова».

Семейство Свердловых к вынужденному православию старшего сына отнеслось спокойно. Все, кроме Якова: для него поступок брата – предательство. В глазах Якова брат-погодок стал приспособленцем.

В октябре 1903 года власти спохватились – в Троицкую церковь пришел императорский указ об исправлении этой записи: Пешкову надлежит вернуть фамилию Свердлов. Поздно. Юноша уже затерялся в Москве.

В МХТ горьковский приемыш стал своим, его полюбили взрослые. Через Зиновия Федор Шаляпин передавал студентам билеты на свои концерты в ложу 4-го яруса Большого театра.

Памятью об успехе на прогоне горьковской пьесы в арзамасской квартире ссыльного, в спектакле «На дне» Станиславский доверяет Зинке роль Меланхолика: юноша в мизансцене поддерживал гневную Василису, готовую эффектно упасть.

Овации сотрясают зал каждый вечер, а после театрального разъезда Зиновий уже не сдерживает театральных барышень, готовых упасть в его объятия. Чего большего желать вчерашнему провинциалу? Но Зиновия Москва тяготит: все эти видимые успехи – не его заслуга. Все – по протекции.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВОЯЖ

Конец душевным терзаниям положили обстоятельства: Россия схлестнулась с Японией за Дальний Восток. Пусть и выкредст, но раз уж православный, то обязан умереть за отечество. Отсрочки от армии школа МХТ не давала. Призыв Зиновия был неминуем. Он окончил всего четыре класса гимназии –

служить ему придется в нижних чинах, а значит, «еврейчику» в казарме не поздоровится.

Бежать – вот выход. Посоветовался с приемным отцом. Буревестник был пасмурен и краток: «Сынок, нет резона сложить свою голову за эту шайку. Бездарный выбор. Война эта – не твоя. Уезжай». Пешков по загранпаспорту, сделанному то ли Горьким, то ли нелегально, через Финляндию уехал в Швецию. Оттуда перебрался в страну всех беглецов – Америку. Но и там долго не задержался. Опять прочитанные книжки подсказали сюжетный ход: он отправляется в страну настоящих мужчин – в Канаду, на Юкон, в рассказы Джека Лондона.

Увы, никаких собачьих упряжек, снегоступов и индейцев: приходится работать сначала в прачечной, потом в типографии. Он возвращается в Штаты и учится работать локтями в Нью-Йорке. Но Америка – не его страна. Ему тошно в ней. Он делится с Горьким своими чувствами: «Нет гармонии разнообразия типов, нет общности интересов и характеров. Всеми руководят требования желудка. Еще много станций надо проехать этим людям Нового Света, чтобы обрести свой путь, чтобы стать народом и выработать национальную идею и путь к культуре и духовному величию». Бедный, но наблюдательный и думающий эмигрант обречен стать неудачником в любой стране. Денег на жизнь Зиновию катастрофически не хватает, и он «балует пером» – пишет рассказы и отправляет их на суд маститому писателю – приемному отцу. Один из них, «Без работы», Горький опубликовал. Но про себя Зиновий знает, что писательство – это не его каторга.

В марте 1906 года Горький едет в турне по Америке, где его встречают весьма восторженно. Там же он пишет хрестоматийную «Мать». Зиновий находит приемного отца и остается при говорящем только по-русски с характерным волжским оканьем, то есть «немом» писателе, переводчиком. Жене Горького приемыш не нравится.

Буревестник отправляется в Италию, в Неаполь, а Зиновий – в Новую Зеландию, о которой грезил еще в детстве. Год отработал Зиновий крючником и продолжал писать рассказы – еще одной детской мечтой стало меньше. Гонораров и заработанных «крючничеством» денег едва хватило для покупки билета

на пароход до Италии: Зиновий не сдаётся, но даже героям нужна передышка. К тому же так заманчиво звучит «вилла Спинола» – дом, где поселился приемный отец.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАНИКУЛЫ

На Капри Зинка ведет бухгалтерию писателя. Горький через него общается с островитянами – к английскому Пешкова быстро прибавляются ломаные французский и итальянский.

Кто только не отметился тогда на вилле Горького на Капри! Ильич с Инессой и Наденькой поочередно, польский карбонарий Дзержинский, интеллигентный до приторности Луначарский, рефлектирующий Бунин, Новиков-Прибой, саркастический Саша Черный, статистик из черниговской управы ласковый Коцюбинский, год копивший средства для подобного вояжа, занудно мучающий себя и окружающих «вечными вопросами» Викентий Вересаев, успешный Репин – всех не вспомнить. Но как шутил издатель пролетарской литературы Пятницкий: «В этом водовороте людей и солнца у Горького было только два друга: попугай и Зинка». Вилла Спинола, где тогда обитал глашатай революции, постепенно превратилась в странноприимный дом гонимых марксистов. Этот дискуссионный клуб советские марксмологи впоследствии назовут «Школой на Капри». Увы, большинство ее «выпускников» – членов «Общества политкаторжан», то есть тех старых большевиков, которые привели Сталина к власти, будут безжалостно уничтожены как «враги народа». Но даже в застенках Лубянки, помногу раз оклеветав друг друга вслух и письменно, «про себя» эти старики не отрекутся от того, что говорили тогда в Италии. Их убеждение что вера апостолов.

В то время Алексей Максимович пишет Пешковой: «Людей видел я несть числа, а ныне чувствую, что всего ближе мне – Зиновий, сей маленький и сурово правдивый человек, – за что повсюду ненавижим».

Но все больше времени Зиновий проводил не с приемным отцом, а с Амфитеатовым в портовом городе Специи. (А.В. Амфитеатов, 1862–1923, известный фельетонист и беллетрист, в 1902 году был сослан в Минусинск за фельетон «Господа Обмановы», то есть Романовы. – **Прим. ред.**) Уже тогда Амфитеатов был ему ближе,

чем вся «модная тусовка» русских ниспровергателей. Происходит это задолго до всех войн и революций, которые, свершившись, разлучат навсегда Александра Валентиновича с Алексеем Максимовичем: не до «не податия руки», а до презрения до гробовой доски.

Как-то в Специи Зиновий познакомился с милым «даттилографом» – машинисткой, перепечатававшей рукописи Амфитеатрова. Синьорина Бурога была дочерью полковника-казака и хороша собой. Зиновий уже начал было подумывать... но тут на вакации приехала ее младшая сестра, Лида. Пешков был сражен наповал: его идеал, женщина его мечты, пусть и значительно выше ростом. Рост Зиновия не превышал 162 см.

Ровно через пять дней знакомства юная казачка в объятиях пылкого еврейского юноши прошептала: «Да!» Легко представить, что сделалось с папенькой курортницы, когда его донцы узнали, что полковничья-то дочка выходит за выкresta.

Русская семья так же отреклась от Лидии, как еврейская – от Зиновия.

Приглашение на свадьбу было напечатано на русском и итальянском: «Мария и Алексей Пешковы имеют честь Вам сообщить о предстоящем бракосочетании их сына Зиновия и синьорины Лидии Бурога. Оно состоится на Капри, на вилле Спинола. Будем счастливы видеть...» И один только Горький не разделял всеобщего веселья: мезальянс был ему не по душе...

«Этот красивый паренек вел себя по отношению ко мне удивительно по-хамски, и моя с ним дружба – кончена. Очень грустно и тяжело», – сообщает Горький жене.

Зиновий пытается объяснить с пролетарским писателем. Но попытка поговорить по душам, как и прежде, не удалась: «Зино-

вий – хам, – пишет с Капри Алексей Максимович супруге, – слезы его – слезы виноватого». А в это же время новобрачные наивно шепчут друг другу: «Лишь только смерть разлучит нас!» Никакие казацкие «монтекки» и еврейские «капулетти» не помешают им быть «вместе навеки».

...Так они тогда думали. То был упоительный день, как все сумасшедшие свадьбы по любви! Никаких родителей со стороны

что не застрахован от неприятных неожиданностей, и ушел в Иностраннный легион. Для людей чести, которые хотят похоронить свое прошлое, нет лучшего кладбища, чем Легион, его суровая дисциплина военной каторги и его жизнь, исполненная трудностей, лишений и военных опасностей. Я пришел сюда в поисках смерти или успокоения». Легионер Блогар пришел в Легион ради смерти и получил ее.

жениха и невесты, зато более шестисот гостей восторженных островитян – жители юга понимают безумство неожиданно нагрянувшей любви.

ЕГО ПЕРВАЯ ВОЙНА

В тот день, когда Гаврило Принцип столь удачно разрядил свой «браунинг» в тишайшего эрцгерцога Фердинанда и его жену, дочери Пешковых шел уже второй годик. Зиновию было тридцать, и, кроме этой даты, у него не было ровным счетом ничего: ни своей квартиры, ни доходного места, ни славы. Его очаровательная казачка все больше стала походить на Ксантиппу при Сократе и давила своими материальными запросами его безграничную свободу мироощущения.

Зиновий обычно влюблялся в то место, где жил, и в тех людей, что его окружали. И становился таким местным патриотом, что готов был сражаться за свою влюбленность в этот уголок земли. Он стал агитировать итальянцев добровольно вступать в армию и идти на войну с немцами. Его неподдельная вера в правоту произносимых им слов нравилась организаторам пропагандистской кампании – в добровольцы «пушечное мясо» записывалось толпами. Но «шовинистическая» деятельность Зиновия, как ее назвал приемный отец, окончательно отвратила от него Горького...

В результате страстный агитатор задумался: какое же он имеет право уговаривать людей идти на смерть, а сам отсиживаться в тылу? Это верх цинизма! Решение созрело мгновенно: в русской армии служить нельзя, остается Марсель. Зиновий отправляется на Ривьеру с сотней лир в кармане. Немного шарма, пламенные рассказы о своих способностях – и он принят в пехотный полк в Ницце. Писарем. Зиновий разбирает и систематизирует полковую почту. Его способности к «логистике» приводят штабных вояк в восторг. Зиновий уже грезит офицерскими погонами на своих плечах и гламурной штабной карьерой, но тут все разом и заканчивается: принят вердикт, по которому единственное подразделение, где могут служить иноземцы во Франции, – это Иностраннный легион. Так Пешков стал легионером.

В Легионе он встретил немало соотечественников: в патристическом порыве русские студенты Сорбонны и других французских школ и университетов вступили в Легион. Одним из тех немногих, кто пережил ту войну и вернулся в СССР, был Виктор Финк. Его книга «Иностраннный легион» выйдет в «Советском писателе» в 1933 году. В ней – окопная правда, как и в «Огне» Барбюса.

Куда же попал Зиновий? Из письма убитого легионера, которое приводится в книге, многое становится ясно: «Я понял,

Вчерашний писарь «Пешкофф» вскоре отличился в боях под Реймсом. Ему присваивают звание капрала и назначают командиром отделения 2-го пехотного полка. При больших потерях продвижение в чинах происходит быстро.

В мае 1915 года военный атташе России во Франции граф Игнатъев, тот самый, что вскоре «переметнется к красным», докладывал в Петроград о действиях 2-го пехотного полка Иностранного легиона: «Как полковое, так и высшее начальство отзываются с высокой похвалой о храбрости наших волонтеров, которые без различия национальностей сражались в последних упорных боях, где потеряли более половины своего состава». Именно эти «последние упорные бои» и стоили Пешкову правой руки...

Будущий нарком просвещения Луначарский в войну был военным корреспондентом «Киевской мысли». В июле 1915 года был опубликован его очерк с фронта, в котором он приводит рассказ Пешкова: «Это было шикарное утро – когда начался артналет, то воздух ревел, а со стороны неприятельских траншей фонтаном разлетались деревья, земля, люди, камни. Капитан мне крикнул: – Не прекрасно ли это, Пешков?

– Да, мой капитан, это как извержение Везувия.

Солнце освещало поле золотом, на поле разворачивалась грандиозная картина ада. По команде мы выскакиваем из своих окопов. Я вместе со своим отделением бегу вперед, по нам оживают немецкие пулеметы, и вдруг моя рука падает как плеть, что-то меня толкает, и я лечу на землю. Нет сил встать... Кое-как достал нож, разрезал ремни и постарался ими стянуть правую руку».

Легионеру Пешкову очень хотелось жить: в полубоморочном состоянии он умудрился добрести до перевязочного пункта, а оттуда до железнодорожной станции. С приключениями добрался до Парижа, в пригороде которого был американский госпиталь. Позднее Зиновий писал: «При осмотре одна из сестер, высокая блондинка в ослепительно

белом халате, сдирая с меня грязь, по-английски сказала: «Ну, этот умрет». Я посмотрел на нее и сказал: «А может быть, еще не совсем?» Боже мой, что с ней случилось!» Именно эта блондинка «в ослепительно белом халате» в нужный момент вернула Зиновия к жизни: их роман напоминает историю раненого «тененте» из романа Хемингуэя «Прощай, оружие!». Руку Пешкова, в отличие от ноги лейтенанта Генри, спасти не удалось – теперь Зиновий навеки калека...

В своих воспоминаниях секретарь Сталина Бажанов утверждает, что когда до Нижнего дошла весть, что Зиновий потерял руку на фронте, то старик Свердлов оживился: «Какую руку?» Он страшно разволновался, а когда узнал, что сын лишился правой, то восторжествовал: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку.

28 августа маршал Жоффр подписал приказ о награждении капрала Пешкова Военным крестом с пальмовой ветвью. На торжественной церемонии во Дворе чести Дома инвалидов Зиновию вдобавок вручили именное оружие. В свите маршала Франции оказался долговязый офицер с длинным носом по фамилии Де Голль – он подошел к легионеру и разговорился с ним. Взаимную симпатию, возникшую во время светского разговора с бокалом шампанского в руке, оба тогда молодых офицера пронесут через всю жизнь...

После пережитых потрясений и неожиданно свалившейся славы герою Пешкову дали отпуск. Как он был некстати, этот долгожданный отдых! Война отобрала у Зиновия сначала правую руку, а теперь и жену. Жена могла бы стать его правой рукой... но она сообщает однорукому герою Арраса, что уходит от него, потому что он не помогает материально. И не делает ей никаких практических предложений. Как содержать семью? От него одни идеи... Герой войны в полной растерянности. Что же делать? В чем он виноват? Он знает, что в сражении с таким врагом, как нужда, он всегда проигрывает.

Легионер Пешков решает вернуться в Россию и уйти в монастырь. Он понимает: дома его ждет лишь каторга – охранка не забывает ничего... Зинка остается в полном одиночестве: для своих он не герой, а никому не нужный человек.

В минуту отчаяния его спасает служба: теперь Легион – его единственная семья. Он возвращается в полк лейтенантом.

ТРИУМФ БРАТА ЯКОВА

В России – революция! В мае 1917-го Пешков уже капитан и кавалер ордена Почетного легиона – высшей награды Французской Республики. Его направляют с деликатной миссией на родину – в качестве представителя военной миссии Франции при Временном правительстве.

Зиновий сопровождает Керенского в его вояжах на фронт, но быстро впадает в немилость: он слишком прямо говорит о разброде в русской армии, о ее грядущем развале и о том, что «война до победного конца» в этих условиях – бред. После возвращения в милую Францию, ставшую ему еще более милой после посещения родины, Пешкова принимает президент республики. «Мажер Пешкофф» делает четкий и нелицеприятный доклад о положении дел в России и в ее армии. Врать ему ни к чему.

И тут, прослышав о его быстром взлете, казачка Лидия предлагает сойтись. Зиновий непреклонен: он вычеркивает из своей жизни тех, кто предал и заставил его страдать. Он спокоен: у Лидии давно уже появился итальянский покровитель, который воспитает их *bambino* и сотворит еще несколько *bambini*. После Октябрьской революции, как и многие русские интеллигенты, французы надеются, что большевики долго не протянут. А вот Пешков в это не верит. Он слишком хорошо знает брата Якова и его товарищей... да и гости виллы Спинола еще не забылись. Конечно, Амфитеатров ему ближе, чем приемный отец... Не зря же Амфитеатров доказывал, что этот режим – «позорное мелочное рабство закабаленных масс», но режим воцарился надолго и приведет лишь к дегенерации русской культуры. Трагическая смерть Блока, расстрел Гумилева, постыдная политическая «двузначность» поведения Горького – все это Амфитеатров воспринимал как верные приметы начала гибели великой культурной традиции.

Пешков далек от эмиграции с ее спорами о грядущем. Из Нового Света он отправляется в Сибирь, к Колчаку.

В сентябре 1919-го Верховный правитель лично награждает «майора французской службы» орденом Святого Владимира третьей степени.

Колчаку – большевистская пуля на рассвете и могила в проруби, а Пешкову – следующее задание от Генштаба французской армии...

Как скажет спустя двадцать лет в микрофон лондонского радио друг и покровитель однорукого легионера, беженец полковник Де Голль, «мы проиграли сражение, но не войну!», так же Париж в 1919 году пытается спасти Кавказ от большевизма. Пешков едет в независимую от призрака коммунизма Грузию, в Тифлис. Но расчет французов опять ошибочен: распад страны даже иностранец остановить не может.

Тот грузин, что командует в это время войсками под Царицыном, пустил бы Зиновия, не задумываясь, «в расход». Грузины, что командуют Тифлисом в тот год, выказывают советнику представителя Франции всяческое уважение.

В Тифлисе Зиновию заниматься особенно нечем: ему ясно, что, как только через Кавказский хребет перевалит Красная армия, марионеточный режим рухнет. Как и во все свои прошлые приезды на родину, Пешков чувствует себя здесь снова чужим среди своих. Легионер с удовольствием пользуется своим новым статусом: теперь его охотно принимают там, куда раньше еврейского юношу не пустили бы дальше прихожей. На одном из таких *soire champagne* в обреченном городе, где вместо шампанского рекой течет кахетинское, он знакомится с Саломей Николаевной Андроникиной – одной из самых красивых и неординарных женщин своего времени. Саломея принимает ухаживания и комплименты однорукого выкреста в форме офицера французской армии, но не более того: она думает, что есть, пусть и слабая, но надежда вернуться к прошлой жизни. Саломея, та самая, чьи портреты по очереди писали восторженные художники, которой посвящала свои рифмы Ахматова, а позже писала благодарственные письма обнищавшая в эмиграции Марина Цветаева... Та самая Саломея, что стала символом, последним отблеском заката русского Серебряного века – бархатного сезона исчезающей страны.

Ночной разговор краток: «Меня отзывают. Завтра. Поедете со мной?» Похоже на эвакуацию посольства дружественной страны, когда страна ломается под накопившимся гнетом этой дружбы. Ни бонны, ни гувернантки из Питера взять с собой невозможно – только вы. Одно место багажа. Вернее, два: Саломея и ее чемодан. Ответ краток: «На рассвете? Что ж, в путь...»

Шустрая канонерка – русский корабль, который скоро тоже превратится во французский металлолом в тунисской Бизерте. Торопливый стук дамских каблучков по трапу – матрос вот-вот сдернет его. Майор Пешков ретируется с трофеем. Самому не верится, но Саломея – его!

План непродуманного бегства мог рухнуть: в новом паспорте, второпях сляпанном во французской миссии, была транзитная виза. Тем, кто приходит ночью на канонерке, печать от болгарских пограничников не требуется, но при посадке на поезд до Парижа

в Софии в болгарях вдруг взыграла турецкая кровь – смесь «обиды за державу» и привычки к «бакшишу». Месяе француз может следовать домой, а вот его русскую мадам придется оставить здесь – нет въездной болгарской печати! Деньгами вопрос не решить – при свидетелях не примут «малую лепту». Паровоз дает нетерпеливый гудок и выпускает облако пара – ему невтерпеж.

Пешков левой рукой решительно поднимет валявшуюся на столе печать почтовой службы и грохнет ею что есть силы о девственный паспорт своего драгоценного багажа. Вам нужна печать – силъ ву пле, другари! Какие еще будут вопросы к важному представителю дружественной страны?

9 мая 1982 года лондонская газета «Таймс» сообщила: «Вчера на 94-м году жизни скончалась Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн, последняя из самых блистательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии, одна из самых известных красавиц той эпохи. Она славилась умом, обаянием и остроумием. В числе ее друзей были знаменитые русские поэты и художники...» В списке друзей Пешкова нет. Свой роман с легионером-выкрестом Саломея Николаевна не афишировала до глубокой старости.

Их отношения продолжались и в Париже, но ждать возвращения офицера из опасных командировок Саломея была не приучена: Зиновий не Одиссей, а она не Пенелопа, да и вообще профессиональные красавицы – неважные подруги фронтовикам.

Расстались они без претензий: каждый получил то, что желал. ...А Зиновий снова возвращается в Крым, в качестве прикомандированного военного советника, или спецпредставителя. И вместе с остатками армии Врангеля уходит из России. Теперь уже навсегда...

СНОВА В ПАРИЖЕ

Противоречивость характера Пешкова (или верность Легиону?) выразилась и в том, что после разгрома Белого движения в 1921 году он становится общественным секретарем Международной комиссии помощи голодающим в России. Познакомившись с «красным графом» Алексеем Толстым, французский легионер организует движение помощи русским школьникам. Благодаря своим связям он привлек к этой деятельности девять правительств и семь национальных «Красных Крестов».

Разумеется, для соратников брата Якова он остается врагом. В январе 1922 года Пешков подает рапорт на имя министра иностранных дел господина де Переттии. Сегодня из

него ясно, что Зиновия больше никто и ничто не связывает с прошлым. Теперь он – настоящий легионер. Ничто не отвлекает Зиновия от тяжелого душевного состояния: он живет жизнью «штабной крысы» – каждое утро заставляет себя в тоске отправляться на работу в штаб, где до шести переключает бумажки. Он пишет рапорт за рапортом и наконец получает новое назначение: приказано убить в полк, расквартированный в Марокко. Там разгорается война с берберийскими племенами.

ЖАРКИЙ ПЕСОК МАРОККО

Пешкова назначают командиром роты 1-го полка Легиона, который расквартирован в Северной Африке. В ординарцах у него – казачий есаул. Нет-нет да усмехнется про себя Зиновий, представив себе никогда не виданного им тестя полковника Бураго... «Казак в услужении у жида». Но в действительности командир роты очень привязан к своему соотечественнику и тяжело переживает его потерю: ординарец погибает не в бою – его зарезал в городе какой-то марокканец.

Зиновий наконец-то счастлив – он снова среди своих. Мужское братство ему всего дороже! «Наш Великолепный Однорукый» называют его за глаза солдаты. «Мои босяки» – ласково величает он про себя своих подчиненных.

Год службы промелькнул в стычках с непокорными племенами рифов под началом Абд аль-Керима и изматывающих маршах по пустыне, когда выбившихся из сил оставляют умирать среди песков, лишь вынудив затвор из его винтовки – чтобы ею не смогли воспользоваться повстанцы.

Во время одной из таких рутинных операций – это и есть все колониальные войны – отряд Пешкова приблизился к пригорку возле оазиса. Он едва успел сказать себе тогда: «Вот идеальное место для засады» – как полетели пули. Одна из первых досталась командиру: восставшие всегда сначала отстреливают офицеров.

Ранение на этот раз в левую ногу. Был у Пешкова тогда шанс стать еще и безногим, но ногу спасли. В госпитале Рабата его навещает маршал Илоте и вручает ему второй Военный крест с пальмовой ветвью.

Сент-Экзюпери нашел себя в своих полетах над Сахарой, а Пешков – среди песков той же самой пустыни. Еще в рабатском госпитале он начинает писать книгу «Иностранный легион». Андре Моруа выдаст большой кредит его работе – снабдит книгу своим лестным предисловием.

О Легионе уже написано более двух сотен книг, но эта – одна из лучших. По этой книге в Голливуде в 30-е годы снимут фильм...

МЕЖДУ ВОЙНАМИ

Автора книги о Легионе голливудским продюсерам долго искать не пришлось: полковник Пешков теперь частый гость в Штатах. Скорее всего, он собирает информацию, интересующую французский Генштаб. Но все эти вояжи и амплуа «рыцаря плаща и кинжала» ему не по душе: он снова скучает, тоскует по пустыне и своим босякам и отчаянно флиртует. Однажды, обняв дочь автомата, к тому же графиню, мадам Комбетт, привычно шепнул на ушко: «Будьте моей», но зачем-то добавил: – «...женой». Должно быть, от долгого одиночества и скуки большого города.

Свадьба в 1933 году была долгой – в лучших буржуазных традициях месяцами выбирали платье и составляли списки гостей, – а вот брак оказался скоротечным.

Потом возникла испанская аристократка. Ровно на столько, чтобы на свет мог появиться ребенок, а потом они разошлись. Впрочем, их мальчик прожил всего десять дней: роду Свердловых было предначертано исчезнуть навек. Он любил эту искреннюю в своей взбалмошности испанку, но после смерти ребенка они разошлись идейно. Космополит-легионер старался, но так и не смог принять ее веру в националистов и каудильо Франко... в той гражданской, на этот раз испанской, войне он снова был на стороне слабых и побеждаемых. В старости они встретятся вновь, и сеньора, холерная сухонькая старушка, признает его правоту...

Пешкову везло на войне, а вот в любви и карьере удача слишком часто поворачивалась к нему спиной. Незадолго до европейского танкового турне австрийского троичника Гитлера Зиновий случайно встретился с Де Голлем. Два офицера обедали в парижской закусочной – *brasserie*, смеясь над тем, что оба все еще полковники, когда все вокруг давно генералы. «Мой несносный характер – вот причина», – улынулся Де Голль. Пешков мог бы сказать то же, вспомнив приемного отца: «слишком прям со всеми» и добавить уже от себя: «к тому же чужой».

Пешков тогда жил между двух огней: русская эмиграция не забывает о том, что именами его брата и приемного отца названы два города в ненавистной ей «совдепии», а бдительная французская контрразведка учитывает ее мнение, да и всякий легионер для французов никогда не сможет стать своим «солдатиком», пусть и осыплет его республика наградами.

Тогда же он в последний раз видится с дочерью. Лиза вышла замуж за советского дипломата и счастлива: она едет домой! Ка-

рьера и жизнь дипломата вскоре закончатся на Лубянке, а она проведет долгие годы в лагерях, поселившись после ссылки в Сочи, хотя бы чем-то напоминавшем ей детство на Капри...

ВТОРАЯ ВОЙНА

В 1940 году полковник снова командует батальоном. Свою «странную войну» Пешков ведет в Марокко: по выслуге лет ему положено подать в отставку и получить пенсию от правительства Виши, но французы все еще сдерживают атаки немецкого «Африканкорпс». Исход битвы ясен – это тот же Крым, тот же Дюнкерк, пусть и в песках Северной Африки.

В этот момент старый друг Де Голль обращается ко всем французам из Лондона, призывая всех патриотов своей страны не сдаваться, а продолжать борьбу: «Проиграно лишь сражение, но не война».

Все почти как тогда, во времена Тифлиса и Саломеи, только теперь уже сами французы собирают добровольческую армию и патриоты станут пробираться не на Дон, а в Лондон. Разумеется, Пешков один из первых, хорошо замаскировавшись под «штафирку», покупает билет на пароход в Лондон. Его место не на пенсии, а под знаменем «Свободной Франции».

Никто из легионеров тогда не пошел за «законным правительством» Виши. Такие вот странные иностранцы...

Их «белые кепи» видны среди касок-кастрюлек британских солдат под ливийским Тобруком и египетским Эль-Аламейном, Бир-Хакеймом – этими арабскими словами теперь названа самая близкая к Эйфелевой башне станция метро. Марокканский опыт не раз выручал Пешкова и его «босяков» в этой смертельной схватке с солдатами «лиса пустыни» – маршала Роммеля.

Де Голль выводит старого друга из боя – отзывает полковника Пешкова с Африканского фронта и отправляет его специальным послом в Южную Африку: французам катастрофически не хватает оружия. Зиновий должен убедить нейтральных буров поделиться своими арсеналами. Миссия успешна, как всегда. В 1943 году Зиновий Алексеевич, имея четыре класса нижегородской гимназии, заказывает генеральский мундир и примеряет новые погоны.

Теперь он генерал, как и друг Де Голль. Новоиспеченный «генераль» отправляется с новой миссией: приказано установить

дружеские отношения с Чан Кайши. Для выполнения этого приказа пришлось выучить китайский язык – похоже, нижегородская гимназия давала хорошее базовое образование!

Его дипломатические способности уникальны: он не только устанавливает хорошие отношения с «западным» человеком

Чан Кайши. Встреча с Мао Цзедуну Зиновию запомнится на всю жизнь. Он поражен тем, как не похож китайский вариант коммунизма на привычный российский – сколько в нем конфуцианской мудрости!

Война еще не окончена, но новый передел мира наступит уже завтра: неутомимый Пешков быстро передвигается между Китаем, Камбоджей, Лаосом, Вьетнамом и Индией, но никогда не забывает о нуждах ветеранов-легионеров – теперь у них появился «свой человек в Париже».

В марте 1946 года 62-летний генерал назначен главой французской миссии союзного командования на Дальнем Востоке. Он старательно учит японский. За работу в Стране восходящего солнца его наградили Большим крестом Почетного легиона, но отчеты о его успехах до сих пор пылятся в засекреченных архивах.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ПЕНСИЯ

В начале 1950 года прошение одинокого легионера об отставке было удовлетворено. Двухкомнатная парижская квартира на rue Loriston и полусотня наград разных государств – вот все, что нажил этот русско-французский генерал. Можно добавить почетное членство в дюжине различных общественных организаций и ассоциаций и домработницу. Вожденная старость французского буржуа.

Званные обеды для немногочисленных друзей по выходным. Служба в русской церкви по воскресеньям. Походы в русский ресторан «Новый», где, сидя за столиком, так приятно послушать рассказы о войнах и есть с кем поделиться своими воспоминаниями.

А вот по ночам трудно уснуть: вспоминается Лиза, о судьбе которой он ничего не знает.

Да и юность, проведенная в России, теперь воспринимается уже совсем по-другому.

Старая, легионер Пешков становился все больше и больше русским генералом-эмигрантом – как те белые генералы. Один из французских дипломатов, встречавшихся с Пешковым в те годы, написал так: «Кризисы, которые тогда переживала Франция, задевали за живое великодушного и чувствительного человека, каким был Зиновий Пешков... Не называя Россию, он в разговорах мало-помалу начинал говорить о ней, о русской литературе, о Чехове, об отце и о прочих, прочих, прочих. Он искал и вновь находил в различных современных формах вечную Россию. Он верил в русского человека, в его жизненную силу, в его добродетель».

И в это тоскливое время обеспеченной старости в жизнь Пешкова врывается свежий ветер, имя ему – Эдмонда Шарль-Ру. Ему под семьдесят, а ей всего за тридцать. Даже в дочери годится с трудом... Их разделяют десятилетия, но объединяет пережитая война и Легион. Медсестра Эдмонда прошла с легионерами всю войну. У нее меньше наград, чем у Зиновия, зато они так хорошо понимают друг друга. Пешков обретает в ней то, чего так и не нашел в других женщинах за всю свою долгую жизнь: собеседника, друга и собутыльника.

Эдмонда работает корреспондентом Elle и пишет романы. Ее первая книга – о судьбе сицилийских эмигрантов в Америке. «Прощай, Палермо» получает Гонкуровскую премию и переводится на 27 языков. Сегодня этот роман мало кто вспомнит, зато ее книгу о Коко Шанель охотно раскупают от Москвы до Владивостока по сей день...

Вскоре Эдмонда становится бессменным главным редактором Vogue: в Зиновии был *charme*, а Эдмонда создавала *chic*. Так шарм объединился с шиком...

Однажды в штаб-квартире экзистенциалистов в Café de Flore на бульваре Сен-Жермен, теперь одним из самых «попсовых» заведений города, Эдмонда представляет «своего генерала»

своим знакомым – Сартру и всем тем, кто с ним ищет новый духовный путь меняющейся Франции. Старому легионеру прибавляется размышлений в его «яхтенном» кресле, выставленном в солнечный день на балкон: новомодные философские идеи о персональной ответственности за происходящее так далеки от его привычного русского «авось» и работы в мужицкой артели под названием «Легион».

А тем временем Франция теряет колонии, Франция теряет свое величие – *La grandeur*. Любимое словечко стареющего друга Де Голля. Сначала Индокитай, затем Алжир... катастрофа не у ворот, а уже на пороге. Как и прежде, Зиновий Алексеевич – патриот того места, куда его определила судьба.

В этот момент кто-то «наверху» вдруг вспоминает о старом солдате: всегда найдутся деликатные миссии, которые разумные правители поручают только своей «старой гвардии». Восьмидесятилетнего Зиновия Алексеевича просят отправиться на другой край света и убедить его старого приятеля Чан Кайши, а заодно и великого Мао в том, что Франция – им обоим лучший друг. Пешкову удалось это сделать: пусть и ненадолго, но о Франции снова заговорили как о великой державе, творящей судьбы мира.

Это была последняя миссия старого легионера – 27 ноября 1966 года Пешкова не стало. Все газеты вышли с некрологом под заголовком «Ушел Солдат». Его написали Луи Арагон и Эльза Триоле. В православной церкви на рю Дарю, чьим прихожанином был Зиновий Алексеевич, его старый друг священник Николай Оболенский отслужил по нему заупокойную панихиду. Были высокие французские и иностранные чины. Из советских, разумеется, никого. Почетный караул из легионеров. Ордена на подушечках. Застывшая в горе Эдмонда – ушел не только солдат, но и самый близкий ей друг.

Кем же был этот человек, которого сын Лаврентия Берии Серго в воспоминаниях даже умудрился приписать к ведомству своего отца? Авантюристом? Шпионом? Солдатом? Трудно сказать. Он относился к тому племени мальчишек, которые сначала долго не взрослеют, а затем категорически отказываются стареть. Редкая порода людей, для которых жизненный опыт не оборачивается цинизмом. Они живут так, будто у них много жизней. И пишут роман своей жизни, где главный герой – они сами. Но они же – его единственные настоящие читатели. 📖

«БОГ НЕДАРОМ ПОВЕЛЕЛ КАЖДОМУ БЫТЬ НА ТОМ МЕСТЕ, НА КОТОРОМ ОН ТЕПЕРЬ СТОИТ»

АННА ГАМАЛОВА

В библиотеках готовят гоголевские выставки и анкетируют читателей. Театры ставят «Ревизора» и «Женитьбу». Начался объявленный ЮНЕСКО Год Гоголя: грядет 200-летие со дня рождения писателя.

РИА «НОВОСТИ»

Пока главным событием юбилейного года оказалась сенсационная продажа картины Путина за 37 млн рублей; от Гоголя тут – разве что мотивы. Вот выходит фильм «Вий», тоже «по мотивам», – и Брэд Питт вроде как обещает его рекламировать. Главным героем фильма будет английский картограф, так что доля участия Гоголя в проекте тоже примерно понятна. Обещан выход на экраны «Тараса Бульбы» с Богданом Ступкой в главной роли; режиссер – Бортко. На канале «Культура» прошла премьера фильма «Оправдание Гоголя» с участием главного российского гоголеведа Игоря Золотусского; об-

ещаны новые факты, новые автографы, съемки в гоголевских местах... Надо смотреть: интересно. В Манеже пройдет выставка «Гоголь и его окружение» из фондов нескольких музеев и архивов – надо пойти. Остальные юбилейные мероприятия как-то не вдохновляют: библиотечные выставки, научно-практическая конференция...

В РАМТе поставили «Портрет» с Евгением Редько; отзывы прессы – уважительные, но кислые. Ведутся долгие споры об открытии музея – ни в Питере, ни в Москве его до сих пор нет. Питерские ученые в здании Патриотического института нашли

червям, ее грызущим; прошу лучше помолиться покрепче о душе моей, а вместо всяких погребальных почестей угостить от меня простым обедом нескольких не имущих насущного хлеба».

Но вместо «простого обеда», само собой – шествия, гулянья, выяснения, кто больше любит и лучше понимает классика. Печальнее всего – игра в перетягивание Гоголя, затеянная двумя его родинами, Россией и Украиной. Юбилей оказался отличным поводом показать кому-нибудь кукиш или заявить:

«А вы, Виктор Андреевич, настоящий гусак».

А у нас зато музеи Гоголя, а у вас? А он зато по-русски писал, а вы разносились со своим переводом на мову, как с писаной торбою.

Грустно, что юбилей, как и всякий юбилей, оказался только поводом – для публикаций, для произнесения праздничных слов, написания колонок и постановки спектаклей, где по сцене слоняется нескладный Гоголь (сюртук, нос, взор и патлы).

Юбилейные публикации строгоются по определенному шаблону и жонглируют одними и теми же штампами. Человек, который последний раз читал Гоголя к экзамену в десятом классе 20 лет назад, твердо помнит только «Русь, Русь! Куда мчишься ты»... или «ты мчишься»... как его там... ну, еще «птица-тройка», «тиха украинская ночь», а то еще «чем я тебя породил – тем и убью» – уж как запомнилось, так запомнилось. У него в памяти хранится воображаемая картина «Афтар жжот второй том «Мертвых душ» – воображаемая потому, что репинской картины на аналогичный сюжет он, скорее всего, не видел. Зато по месту работы такой человек пропитался культурными веяниями и твердо знает, что «Нос» – это чистый фрейдизм, а Гоголь – чертовщина и «мистика». Театральные деятели еще пользуются словом «духовность». Журналисты упирают на верчение в гробу.

Гоголевскую Россию юбилейные авторы обычно сравнивают с нынешней и констатируют «как все похоже». Или проявляют оригинальность и говорят «нет, совсем не похоже». Пользуясь случаем, бранят что-нибудь особо ненавистное. Тонко намекают на свое уникальное понимание пресловутой гоголевской мистики...

Скучно на этом свете, господа!

комнату, где Гоголь, возможно, готовился к лекциям. В Москве идет ремонт в «Доме Гоголя» на Никитском бульваре, занятом нынче библиотекой (мемориальных в нем – две комнаты); чем закончится – неизвестно.

В Москве вот задуманы народные гулянья с шествием по Садовому кольцу и Сорочинская ярмарка, бюджет выделен... А инициативная группа интеллигентов предложила вернуть на прежнее место памятник работы Андреева. Тягание покойников и памятников туда-сюда в символических целях – распространенная идеологическая практика, но Гоголю, чьи останки перенесли из Свято-Данилова монастыря на Новодевичье, в этом смысле особенно повезло; велись даже разговоры о том, чтобы вернуть не только памятник, но и останки на прежнее место. Тревожить усопших и выкорчевывать памятники – это, конечно, серьезная юбилейная деятельность; по счастью, гроб трогать не стали, а вот чтобы памятник не трогали – потребовалось вмешательство министра культуры. Хорошая новость – реставрация могилы: есть надежда, что на ней вместо плиты «от советского правительства» появится православный крест, какой и стоял раньше на ней в монастыре.

Должно быть, не только от полного непонимания Гоголя, но и из-за всей этой кладбищенско-памятниковой суеты пресса который месяц вяло обсуждает гробовые темы гоголевской мистики: «почему камень-голгофа с могилы Гоголя оказался на могиле Булгакова?» и «классика похоронили живьем, как он того и боялся». А может, просто участь такая у русских писателей – чтобы читатель не их самих читал, а всякие оглушительные глупости об их жизни и смерти: Есенина убили, Маяковского убили, Пушкин бегал по бабам, Толстой мучил жену, Цветаева любила женщин, а Ахматова – одну себя. А Гоголь в гробу вертел головой, как какая-нибудь кинематографическая панночка.

Возможно, переворачивается он в гробу и сейчас, если на том свете хоть немножко видны юбилейные приготовления. Как сам Гоголь оценил бы их – понятно любому, кто хоть раз держал в руках его «Завещание», черным по белому строго и однозначно требующее: «Предать же тело мое земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом; стыдно тому, кто привлечется каким-нибудь вниманием к гниющей персти, которая уже не моя: он поклонится

НИ ОДНОЙ МИНУТЫ НЕ УТЕРЯТЬ

Живого Гоголя, похоже, никто и не представляет – он окончательно выродился в странную фигуру: двоящуюся, ухмыляющуюся, шевелящую носом – не то тень, не то мышь летучая, еще и шашни водит с нечистой силой...

Как-то совсем и не видно за этими культурными штампами, за фигурой inferнального грызуна – иного, живого Гоголя. Собственно, а что мы знаем о нем, что помним помимо царского «все тут досталось, а мне больше всех»? Помимо подаренных Пушкиным сюжетов? Прямо по Заходеру: «Что мы знаем о лисе? – Ничего, и то не все».

Какой же он, живой Гоголь, малоизвестный среднему выпускнику средней российской школы? Помещичий сын, маменькин баловень, чье детство прошло в родовом имении в Васильевке. Отец впервые увидел мать младенцем и четырнадцать лет ждал, пока она повзрослеет, затем женился – и оба были счастливы и не мыслили иной доли. Молоденькая мать после двух мертворожденных детей вымолила сына у Бога и назвала Николаем в честь Николая Угодника. Ребенок был так серьезен, что пугал мать; трех лет уже читал, пяти – писал что-то свое. Однажды утопил кошку, которая его напугала, и горько каялся потом. Родителей, рано умершего брата и сестер любил нежно.

Отец его работал секретарем у богатого родственника, бывшего министра Трошинского; дом был самодурский, полный шутов; но – театр, библиотека; впечатлительный отцовскими пьесами (отец сам и писал, и дирижировал, и актерствовал), Николенька учредил похожий театр в Нежинской гимназии, куда мальчика привели учиться. Стал писать пьесы – уже когда поступил в Нежинскую гимназию высших наук. В гимназии другие дети сначала чурались его: странный, вечно мерзнувший, золотушный, закутанный – но он так умел их расшевелить, что многие к нему потянулись. Друзья любили его, и он их любил, однако многие и насмешничали над дурно одетым, неопрятным, жующим пряники мальчиком. Он много писал: трагедии, элегии, повесть, поэмы; впрочем, друзья их ставили невысоко, зато до упаду хохотали над его устными рассказами и проделками. Для гимназического театра он сам рисовал декорации, сам играл в нем – особенно удачны были комические роли, заезжий петербургский актер даже отказывался верить, что господу Простакову играл 16-летний

юнец, а не женщина. Издавал он и журнал, где опубликовал свою повесть «Братья Твердиславичи».

К занятиям Гоголь был, скорее, равнодушен, успехи делал только в рисовании и русской словесности, в письмах матери жаловался на ничтожность окружающих его людей, в том числе преподавателей. При всей своей скрытности, меланхолии, молчаливости отличался всплесками веселости, любил морочить окружающих и разыгрывать сложные шутки: едва не свел с ума мнительного одноклассника, уверяя, что у него «бычачьи глаза», в другой раз сам прикинулся сумасшедшим, чтобы избежать розог. Еще в гимназии он мечтал о юриспруденции: искоренении неправого суда, служении государству. Изучал право. Поклялся себе, как рассказывал в одном письме, «ни одной минуты короткой жизни своей не потерять, не сделав блага».

В 1825 году умер отец его, Василий Афанасьевич. Мать, убитая горем, почти помешалась, не могла есть; Николай пытался выброситься в окно, но потом писал матери, что удар перенес «с твердостью истинного христианина», и всячески ее утешал и успокаивал. Удивительная это была семья: в ней все друг друга любили, даже свекровь невестку.

После окончания гимназии 19-летний Николай (Никоша, Николенька – в письмах матери, с неохотой и тоской провожавшей его на север) отправился в Петербург – служить. Места искал долго и трудно, жил в холодной комнате, безденежно, тщетно искал протекции, скучал по Украине и просил мать присылать ему в письмах подробности об украинском быте: так начались «Вечера на хуторе близ Диканьки». Весной 1829 года опубликовал написанную еще в Нежине «идиллию в картинах» под названием «Ганц Кюхельгартен», подписался псевдонимом «В. Алов». Вот наугад строфа из поэмы:

*Но скоро тайная печаль
Им овладела; взор туманен,
И часто смотрит он на даль,
И беспокоен весь и странен.
Чего-то смело ищет ум,
Чего-то тайно негодует;
Душа, в волненьи темных дум,
О чем-то, скорбная, тоскует;
Он как прикованный сидит,
На море буйное глядит.*

Поэму обругали «Московский телеграф» и «Северная пчела». Автор скупил все нераспроданные экземпляры поэмы, сжег их, наплел в письме матери что-то несусветное про неземную любовь – и уехал в Германию на деньги от заложенного име-

ния; этот шаг вполне мог разорить семью, если бы один из родственников матери не уплатил ее долги.

Через два месяца вернулся. Попытался наняться в театр. Но на слушаниях конфузился, был вял, простая игра его ко двору не пришлась: в моде еще были романтические завывания. Пришлось служить – как ни отвратительна была ему мысль о департаментской скуке. Чиновником он был плохим, работу свою не любил, иногда даже прогуливал, предаваясь литературным занятиям; по вечерам занимался живописью в Академии художеств, где отдыхал душой от департаментской скуки. Затем ему помогли получить место преподавателя истории младшим классам в Патриотическом институте (там учились дочери военных) – и он немедленно оставил чиновничью службу, хотя и терял почти половину жалованья. Тут как раз вышли из печати «Вечера на хуторе близ Диканьки», которые в одночасье сделали автора знаменитым писателем; Пушкин хвалил книгу и охотно беседовал с Гоголем. Провинциал воспарил – счастлив был, письма его домой отдавали завиральной хлестаковщиной, создавая у маменьки иллюзию всемогущества дорогого Никоши. Он даже велел ей слать письма для него лично Пушкину, даже не спросив у Пушкина разрешения... так-то, брат Пушкин...

Имение оставалось заложенным, нужно было платить проценты, отдавать долги, заботиться об образовании сестер, которых Гоголь виртуозно пристроил за казенный счет в тот же Патриотический институт; с деньгами он обращался неумело, дела имения поправить не мог. Ученицы в институте и мальчики, у которых Гоголь был домашним учителем, его любили, но он тосковал по взрослому слушателю – ему казалось, он может преподавать в университете. История волновала его, он умел оживить ее для слушателей, история бушевала и звенела в его «Тарасе Бульбе»... Получив место в Петербургском университете, он преподавал неровно – иногда блестяще и ярко, но чаще вяло и скучно, в письмах жаловался на «сонных слушателей»... Наконец, и ему, и начальству стало ясно, что университетского профессора из него не вышло. Официальной причиной отставки была реорганизация университета. Уволился он и из Патриотического института – по причине нездоровья, которое требовало длительного лечения.

Тем временем из печати одно за другим выходят произведения, которые теперь числятся шедеврами: за несколько лет опубликованы «Миргород», «Арабески», «Женитьба», «Записки сумасшедшего»... Появился новый Гоголь – уже не вдохновенный романтический поэт, не просто юморист. Уже появился надлом в беззаботном хохоте, в голосе – слеза. Знакомые восторженно хвалят, критика бранится и советует ему вернуть-

ся к малороссийскому материалу... Гоголь, убитый своими педагогическими неудачами и литературными нападками, совершенно растерян и опечален. И тут Белинский на всю Россию заявляет: это великий писатель, и Гоголь снова воспаряет и чувствует в себе великие силы. Так и качало его всю жизнь на этих качелях – от самоуничижения до самовозвеличивания, от убеждения в собственной гениальности до сокрушения о ничтожестве, до истребления рукописей: все не то, все не так!

Пушкин убеждает Гоголя взяться за серьезную прозу. Аргументация у него убийственная, почти в прямом смысле слова: ипохондрику Гоголю, который даже чужим людям жалуется на непонятные болезни в кишках, он толкует: кто знает, сколько еще можно протянуть при таком слабом здоровье, надо же и оставить что-то после себя, как Сервантес оставил «Дон Кихота». Впечатленный Гоголь взялся за «Мертвые души» – со всей страстью, со всем своим пересмешническим даром, который пытался объяснять своей борьбой с меланхолией, со всей язвительной наблюдательностью он набросился на все, что нашел в людях и в себе, любимом, нечеловеческого, отвратительного – заботясь, как хороший христианин, о бичевании порока, об исправлении нравов, об осмеянии злого... Первые главы «Мертвых душ» Пушкин выслушал, все мрачней и мрачней, – и сказал наконец: «Боже, как грустна наша Россия». Гоголь не ожидал – и все думал потом, как загладить это мрачное впечатление. Он и не подозревал, кажется, что пишет социальную сатиру.

«Ревизора» публика толком не поняла. «Писеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество», – писал о ней в дневнике начальник репертуара Александринского театра Храповицкий. Часть публики видела водевиль – да так Александринка и поставила эту пьесу, другие бухтели: «невозможность, клевета и фарс». Царь хохотал от души и один, кажется,

заступался за комедию, о которой сказал: «Всем в ней попало, а мне больше всех». Одно это и удержало «Ревизора» на сцене вопреки общественному негодованию: всех полил грязью, хоть бы одного хорошего человека нашел. Гоголь впал в тоску: вовсе не водевиль он писал, не комедию положений. Но и славы бунтовщика не добивался, и ненависти целых классов не ожидал. Он думал – увидят, поймут, ужаснутся, расскаются,

За границу он вернулся с облегчением, но в дороге заболел желудком, собрался умирать, опять погрузился в тяжелую тоску, пережил кризис, чудом выздоровел и обрел убеждение, что недаром Бог его спас, что теперь ясно стало, что делать и как делать, куда идти и зачем. Здесь начался новый Гоголь – тоскующий о душе, взывающий нравственной чистоты, проповедующий, Гоголь «Шинели» и «Мертвых душ».

а зрители пофыркали, похлопали, наговорили глупостей... От тоски у него всегда было одно лекарство: дорога. Он отправился за границу и с дороги писал Жуковскому: «Знаю, что мне много встретится неприятного, что я буду терпеть и недостаток, и бедность, но ни за что в свете не возвращусь скоро. Долее, долее, как можно долее буду в чужой земле. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России, но сам я, но бранный состав мой будет удален от нее».

Швейцария, Германия, Франция, Италия... Он только в Италии и мог жить, только там не тосковал, не мерз, не кутался в бабы шали – ходил гоголем, мог нарядиться в малиновые штаны и голубой сюртук; знакомые смеялись: «малина со сливками»... В Италии спокойно, вдумчиво творил свое великое полотно художник Иванов (с Гоголя он написал голову ближайшего к Христу человека). Италия, теплая, счастливая, позволяла ему жить спокойно, без бешеных приступов тоски, без постоянных болезней, изводивших его в России, испокон веков сводящей с ума, а то и в могилу, хрупких и нервных астеников и меланхоликов. Италия давала перспективу вечности, твердую почву, ясные ориентиры. Но в Риме его ждала тяжелая новость – о смерти Пушкина. Гоголь в тоске писал Погодину, что писать не для кого, читать некому: «что теперь труд мой? что теперь жизнь моя?» Его звали на родину – он отказывался: «выносить надменную гордость безмозглого класса людей»? – нет, не буду, как ни люблю отчизну, лучше чужбина.

Лишь через три года после отъезда Гоголь привез в Москву «Мертвые души» и читал при общем восторге. Еще через три года они вышли в свет – и снова разразилась буря обвинений в клевете, фарсе, очернительстве. Но Гоголь снова был за границей; деньги у него постоянно кончались, он постоянно просил друзей похлопотать у государя о вспоможении – и вспоможение это несколько раз получал; выручали друзья, присылавшие денег, – кто в долг, кто просто так. Маменькино имение было расстроено, сестер надо было забирать из института, выдавать замуж, но душа писателя совершенно не лежала к этим житейским хлопотам. В Россию он ехал еще веселый и счастливый, постоянно подстраивал какие-то розыгрыши и шалости – но чем ближе родина, тем тяжелее было время. Веселость улетучивалась, нужны были деньги, взять их неоткуда; Гоголь мечется, просит друзей похлопотать, занимается и перезанимает, мучается с робкими, капризными, ничего не понимающими сестрами, не зная, как их устроить. В России Гоголь замерз, устал, отморозил ухо, простудился – «тяжким сном» называл свою жизнь в России, – хотя жил в гостеприимной Москве у любящих его друзей. Россия изменилась – стала жесткой, чиновной, озлобленной.

В 1841 году он привез их на родину, где книга застряла в цензуре, а за границу решил возвращаться через Иерусалим, паломником. Очиститься, прикоснуться к божественной истине – и тогда во втором томе будет сказано все лучшее, заветное, мертвые души воскреснут... Он переполнен счастьем богопознания – он охотно делится им с друзьями, а друзья не слушают, не слышат, их удивляет и возмущает эта безумная, странная страсть проповедовать, поучать, наставлять – с претензией, что он несет Божью истину... Издатели ждут второго тома – но второй том должен стать ВСЕМ, в него надо уместить всю правду, всю красоту, весь гимн Божеству; первый том был «грязным крыльцом», второй должен стать «храмом», а храм нельзя строить второпях...

Друзья все больше недоумевают, получая от него жесткие требования прислать денег, взять на себя все его дела, выписывать для него все рецензии, присылать сведения – словом, делать для него неблагодарную, черновую работу. Этим же друзьям Гоголь нещадно обличает и поучает – дает наставления, как одеваться, что читать, как себя вести; рвет с сестрой, рвет с друзьями... Новый, открывшийся ему мир так ослепил его, что Гоголь страшно занесся и стал неоправданно жесток и немилосерден с людьми...

Второй том не клеился, вместо него в свет вышли злополучные «Выбранные места из переписки с друзьями» – завещание не завещание, трактат не трактат, странная книга – поучение соотечественникам, как жить, заветные мысли перед лицом смерти: вот как надо строить жизнь, управлять губернией, жить с супругом, писать стихи, править Россией – каждый пусть строго спросит с себя, каждый пусть покается, умрет в покаянии и воскреснет, чтобы жить в чистоте и правде... Гоголь гремел медью, обличал и требовал, как власть имеющий, как достигший уже заслуженного величия, раздраженно и безжалостно – слушатели переглядывались и спрашивали: не рехнулся ли он? Собратья-литераторы ополчились на него:

измена, фарс, ханжество, зазнайство, гордость, глупость... Наконец, все признали, что Гоголь сошел с ума. Гоголь никогда, конечно, не был полностью душевно здоров – одна только его мнительность и вечная ипохондрия тянут на диагноз, не говоря уже о приступах черной тоски; впрочем, авторы посмертных психиатрических изысканий нашли у него симптомы чего угодно: аутизма, биполярного расстройства, мании величия, вялотекущей шизофрении, депрессии... Но он был в ясном уме – и отрезвел, услышав общий ропот негодования. «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым», – признавал он. «Я зарапортовался». Он тихо, смиренно оправдывался, просил прощения, он стал мягче, перестал поучать... но мнения своего не переменял, крепко веря только в нравственное изменение – а не в цивилизационный прогресс, которого требовал Белинский. Не стал даже отсылать свой подробный ответ на его знаменитое письмо – ограничился коротким призывом к миру...

Он поехал в Иерусалим, но пережил потрясение не религиозное, а личное: поразился холодности и бесчувственности своей молитвы у Гроба Господня. В печали он вернулся в Россию, поехал домой, в Васильевку. Холоден был с матерью и сестрами, к гостям не выходил, снова разболелся, спешно уехал в Петербург, томился; возможно, думал о женитбе, собственном доме, гнезде – но передумал, поселился у графа А.П. Толстого. Второй том мучил его, толкал, звал в дорогу – «наездиться по России», насмотреться на нее. Во втором томе Чичиков должен был пережить крушение и возрождение, второй том должен был быть велик и прекрасен – но выходило все не то, Гоголь сомневался в себе: то ли я делаю, чего Бог от меня хочет? Нет, не то! – рукопись в огонь, беспощадно, бесповоротно, как в юности. «Боже, дай полюбить еще больше людей», – молил он. А силы были уже не те, и смерть ходила рядом, он слабел, болел, изнемогал, истязал себя придириками. Книга, кажется, была уже совсем готова, и вдруг он снова взялся за переделку. Хотел ехать в Крым, вернулся с дороги – все не то, не так... Не вышло. Рукопись сожжена, черта под жизнью подведена, он точно знает, что умрет, его зовут оттуда, а доктора еще суетятся, мучают, льют холодную воду на голову. «Оставьте меня», – просил он. И умер тихо, во сне.

Все это чушь и суета, что его похоронили живым: скульптор, снимавший посмертную маску, видел следы разложения,

да и сама процедура снятия маски, когда гипсом наглухо и надолго заливаются нос и рот, утомила бы всякого спящего окончательно.

Все это чушь, что он сошел с ума, что был одержим религиозным фанатизмом или водил дружбу с чертом; он был очень умный, тонкий, усталый, очень верующий человек, который замахнулся в одиночку спасти Россию и надорвался под этой ношей.

ОРКЕСТР

Похоже, единственное, что имеет смысл сделать в юбилейный год, если не имеешь прямого отношения к гоголеведению, открытию музеев, реставрации могилы, – это достать с полки томик автора, о котором вдруг все вспомнили. Собственно, этой цели и служат юбилеи, памятные даты и дни рождения: вспомнить и заново перечесть – новыми глазами, с другим жизненным опытом.

Открыть на любой странице – и читать, читать, читать. И смеяться, как некогда наборщики «Вечеров на хуторе близ Диканьки», как сами смеялись когда-то первый раз, в детстве еще, читая: «А ну! гоп трала! гоп трала!» или воображая покойника верхом на трубе, с галушкой в зубах. И с ледяной тоской следить за скитаниями души пани Катерины – «Бедная Катерина! Она многого не знает из того, что знает душа ее!».

И радоваться волшебному, скрипичному пению этих строк, о чем бы ни говорили они. Гоголь научил русскую прозу петь и плакать, у него первого зазвучала она целым оркестром: вот фагот, вот гобой, вот гудит контрабас, вот звенит челеста...

Гоголь весь – о приключениях души, ее путях, ее деформации, ее возрождении. Гоголя читать – это и есть работа для души: восхищение, смех, рыдание, ужас, грусть, отвращение; все это необходимо ей для жизни, для роста, для того, чтобы не отупеть. Гоголь, если его читать внимательно, не позволит напялить на себя маску кислой самодовольной скуки – маску, которую можно делать уже символом литературоведения и литкритики, вот как смеющаяся маска символизирует комедию, а плачущая – трагедию.

Гоголевский взгляд на мир – сродни божественному. С тем же пониманием и ужасом смотрит он, с насмешкой и гневом – но и состраданием, радостью и бесконечной любовью ко всему этому миру, человечеству, жизни, стране – нелепым, диким, безобразным, прекрасным, жалким, неповторимым. И посмотреть на мир его глазами – это хороший душевный опыт, нужный. Может быть, даже и стоящий всей этой юбилейной суеты. ●

КТО ПРИЗВАН ДУШОЙ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

За 17 последних лет деятельность российского Красного Креста за рубежом сошла на нет. РОКК не упоминается в информационных сводках Международного комитета и не замечен в российской прессе. И это притом, что исторически именно российские организации стали прообразом Красного Креста, основали военно-полевую хирургию и более 120 лет были одним из самых активных гуманитарных центров планеты.

Все началось с 17-летней Даши Севастопольской, первой военной сестры милосердия. Так ее прозвали на Крымской войне (1853–1856), куда она отправилась после гибели отца-матроса.

Дав обет целомудрия, она вытаскивала раненых под огнем противника, сутками работала на перевязочных пунктах и в госпиталях, стирала белье да еще и участвовала в боях, ходила в разведку. В российской истории девушка стала единственной представительницей низшего сословия, награжденной золотой медалью на владимирской ленте «За усердие». Весть о Даше разнеслась по столичным дворцам. В 1854 году помощью севастопольским раненым занялась великая княгиня Елена Павловна, основавшая в Санкт-Петербурге Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия, куда вошло более 200 человек. Инициатива великой княгини соответствовала духу времени: схожими были действия знаменитой Флоренс Найтингейл, создательницы школы сестер милосердия. Обучение персонала Крестовоздвиженской общины было возложено на Николая Пирогова, основателя военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии (именно он во время Крымской войны изобрел гипсовую повязку при переломах). Престиж кампании Елены Павловны был настолько высоким, что высокородные дамы пускали в ход все связи, чтобы надеть ленту с надписью «Возьмите иго Мое на себя» и поменять светские салоны на зачумленные бараки. Екатерину Бакунину, например, взяли не сразу, а после следующего письма: «Меня удивляет отказ. Когда дочь Бакунина, который был губернатором в Петербурге, и внучка адмирала Ивана Лонгиновича Голенищева-Кутузова желает ходить за матросами, то странно, кажется, отказывать ей в этом».

Впоследствии Анри Дюнан, основатель Красного Креста, первый лауреат Нобелевской премии мира, признается: «Если сегодня Красный Крест охватывает весь мир, то это благодаря примеру, поданному во время войны в Крыму

Ее Императорским Высочеством Великой княгиней Еленой Павловной». Молодой швейцарец тактично преумалывает свои заслуги. В 1859 году он оказался очевидцем битвы при Сольферино, в Италии. К концу дня на поле боя были брошены на произвол судьбы 40 тыс. мертвых и раненых. Молодой человек забил тревогу, и в 1864 году ему удалось организовать конференцию при участии 16 европейских стран, где было принято решение о нейтралитете медслужб. Вот выдержка из документа: «Госпитали признаются нейтральными и потому покровительствуются и почитаются воюющими до тех пор, пока в оных будут находиться больные и раненые». Конвенцию подписали 12 стран, символом организации избрав красный крест на белом фоне (швейцарский флаг, где красный и белый цвета поменяли местами).

В 70-е годы XIX века Российское общество Красного Креста (РОКК) начало расширять сферу деятельности: от оказания помощи при стихийных бедствиях, пожарах, голоде, неурожаях до строительства инвалидных домов, больниц. Масштаб деятельности потрясает.

Сестры милосердия помогали македонцам, пострадавшим от «внутренней смуты», итальянцам – во время землетрясения в Калабрии и на Сицилии, французам – после наводнения в Париже, черногорцам – в борьбе с эпидемией холеры... В Санкт-Петербурге открыли станции, где постоянно дежурили санитарные кареты. По существу, они стали прообразом современной службы «Скорой помощи». К 1900 году общества Красного Креста были организованы почти в 30 странах. В Первую мировую войну под флагом Красного Креста объединились десятки тысяч добровольцев, со всех концов света в Россию стекались пожертвования. Перевозку раненых осуществляли санитарные поезда, госпитальные суда РОКК и автомобили, многие из которых были переданы частными лицами... За впечатляющими, но сухими цифрами, характеризующими деятельность РОКК, стоят человеческие судьбы, подвиги членов организации. Из них особенно выделяется удивительная женщина Римма Иванова, первая

в истории награжденная орденом Святого Георгия 4-й степени. Девушке едва исполнился 21 год, когда она добровольцем ушла на фронт и была зачислена в 83-й Самурайский полк под мужским именем. Когда все раскрылось, ее оставили служить под началом брата – полкового врача. Однажды во время боя в Карпатах Римма увидела, что погибли оба офицера роты. Девушка подняла роту в атаку и бросилась на вражеские окопы. Позиция была взята, но героиня получила смертельное ранение. Орденом ее наградили посмертно.

В МАССЫ

С приходом советской власти Красный Крест перестал быть околвоенной организацией и достиг, пожалуй, наивысшей точки своего исторического развития. Структура общества и международные договоренности по большей части остались прежними, лишь покровительство императорских домов сменилось контролем Народного комиссариата здравоохранения. Окончательно советский Красный Крест был сформирован в 1923 году, когда произошло объединение обществ Красного Креста России, Украины, Белоруссии, Армении, Грузии и Красного Полумесяца Азербайджана. Полномочия СОКК продолжали расширяться. В 20-х годах ему можно было без пошлин и акцизов ввозить гуманитарные грузы, пользоваться внеочередностью перевозок, использовать собственные перевозочные средства. В пользу Красного Креста были установлены добавочные сборы и добровольно-принудительные членские взносы в 100 рублей с человека. СОКК обслуживал крупнейшие промышленные стройки, железнодорожный транспорт, строил бани, прачечные, парикмахерские, столовые, общежития, детские сады. Массово готовил население по программе санитарной обороны. Миллионы советских граждан овладели приемами оказания первой медицинской помощи. СОКК последовательно занимался здоровьем детей: открыл санатории, врачебно-профилактические кабинеты, пункты первой помощи, провел тотальное медицин-

ское обследование. Вехой в этой работе стало открытие на средства СОКК знаменитого лагеря «Артек» в Крыму в 1925 году. С 1933 года началось массовое строительство краснокрестных санитарных самолетов – впервые в истории страны труднодоступные районы могли получать экстренную медицинскую помощь. Что любопытно, для этих самолетов военные специально тренировали бортовых врачей и медсестер-парашютисток.

Об этой деятельности СОКК знали все. Но была в Красном Кресте деятельность, которая власти не нравилась. Международный Красный Крест развил глобальную кампанию помощи ссыльным, каторжанам, политзаключенным. Ключевой фигурой этой кампании в СССР стала Екатерина Пешкова, жена Максима Горького. Ей московское отделение, так называемый Политический Красный Крест, или Помполит, поручило важнейший участок – посещение тюрем. Екатерина Павловна посылала туда продукты и медикаменты, хлопотала о пересмотре дел, встрече с родными... Ей писали письма недоуменные иммигранты, верящие, что арестованы по нелепой случайности. Тогда ведь широко были распространены аресты среди иностранцев, членов иностранных компартий, искавших убежища в СССР и переходивших границу в поисках работы. Меншевик Григорий Аронсон так объяснил феномен Помполита: «Надо полагать, вся эта гуманитарная деятельность Пешковой терпелась с ведома Ленина, который время от времени особенно ухаживал за Горьким». Средства для оказания материальной помощи Политический Красный Крест черпал преимущественно из зарубежных фондов. Большую активность проявлял нью-йоркский Международный комитет помощи политзаключенным в России, привлекая к своей работе Герберта Уэллса, Томаса Манна, Бернарда Шоу, Ромэна Роллана, Анатоля Франса, Альберта Эйнштейна и других западных интеллектуалов. Екатерина Пешкова безусловно отличалась гражданской смелостью. Известен та-

НАЙДИТЕ МОЮ РУССКУЮ МАМУ!

Послевоенный период можно охарактеризовать как расцвет международной деятельности Красного Креста. Санитарно-эпидемиологические отряды СОКК работали в Маньчжурии на ликвидации эпидемии чумы, подавляли вспышки тифа в Польше, уничтожали очаги холеры, оспы и других инфекционных заболеваний в КНДР. В 1946 году в различных городах

Северной Кореи Красный Крест развернул 17 госпиталей, в 8 городах Китая функционировали его больницы и медпункты. Широкую известность получили больницы СОКК в Аддис-Абебе, Тегеране и Лахдари (Алжир). Понятно, что в СССР после войны тоже хватало разрухи, одиноких стариков и инвалидов. Но в те времена бескорыстная помощь и мечты о счастливом мирном будущем были обычным общественным настроением. СОКК внутри страны организовал службу патронажных медсестер, обслуживая на дому свыше 30 тыс. одиноких престарелых и больных. Постепенно война уходила в историю, а мир стали потрясать доселе невиданные техногенные катастрофы. Самой страшной была авария на Чернобыльской АЭС (1986). Не обращая внимания на показания счетчиков Гейгера, волонтеры доставляли под Гомель чистые продукты, обследовали жителей Курской и Брянской областей в передвижных лабораториях. Кстати, они функционируют и сейчас, за 20 с лишним лет продиагностировано 130 тыс. человек. Помощь КК поступала и спустя десятилетие. А через два года после Чернобыля разразилось сильнейшее землетрясение в Армении. На основе спасательных отрядов была создана Спасательная служба РКК, которая существует и по сей день.

Международное движение тем временем принимало новые документы по защите внутренних и внешних вооруженных конфликтов. В полную силу заработало Центральное справочное бюро, созданное в марте 1945 года, – сейчас оно называется Центром розыска и информации РКК. Оно соединяло семьи, разлученные в годы

кой отрывок из ее разговора с Генрихом Ягодой, наркомом внутренних дел СССР. Ягода спросил: «Когда вы закроете свою лавочку?» Она ответила: «Через день после того, как вы закроете свою». Забавно, в итоге ГПУ было ликвидировано раньше, чем Помполит (1937).

Но грянул 1938 год. Совет Народных Комиссаров изъясил у СОКК всю хозяйственную и лечебно-санитарную деятельность. Только вдумайтесь в эту цифру: 6111 (!) учреждений было передано органам здравоохранения и другим организациям. Лишенный материальной базы, Красный Крест больше никогда не обретет былого размаха и свободы. Однако от этого его значимость ничуть не уменьшается. Создание института донорства обеспечило отправку на фронт во время Второй мировой войны 1 млн 700 тыс. литров донорской крови. Это невероятный результат, благодаря которому 72% раненых вернулись в строй. Конечно, сотрудники Красного Креста занимались и своим обычным делом – организацией добровольцев. Неиссякаемый поток волонтеров шел, не ожидая наград. Известна, к примеру, такая история. 15-летняя сирота Катя Демина о том, что началась война, узнала в поезде по пути на каникулы в Брест. Поезд попал под обстрел. Девушка ушла на фронт, прибавив себе два года. С 369-м отдельным Краснознаменным Керченским батальоном морской пехоты она в составе десанта угодила на штурм крепости на Дунае. Штурм намечался с суши, но для отвлечения сил врага было решено высадиться на островок. Начинаясь осенний паводок. Высаживаться пришлось прямо в ледяную воду. Бой длился восемь часов, вода прибывала, доходила до пояса и выше. Раненые падали и захлебывались. Катя с простреленными руками металась от одного к другому, привязывала солдат за ремни к деревьям под огнем. Самоотверженная девушка с 22 осколками в теле потеряла сознание, ее выносили и потом дважды представляли к званию Героя Советского Союза, но наградные листы терялись в бюрократических лабиринтах. В 1979 году Екатерина Демина награждена высшей краснокрестной наградой – медалью МККК им. Флоренс Найтингейл.

Второй мировой, беженцев и мигрантов. Международный центр розыска объединил более 70 обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, накопив данные по десяти миллионам искаленных судеб. Более полумиллиона людей нашли родных и близких. В бесконечных архивных шкафах хранятся пыльные папки, в каждой из которых – судьба конкретного человека. Вот тут лежит дело итальянца Стефана, который в 44 года нашел маму в одной из деревень Харьковской области. Ее в годы войны угнали в Германию, там она влюбилась в итальянца, от которого родился мальчик Стефан. Влюбленных разлучили, мальчика отдали отцу. Оно и к лучшему, потому что мать на родине ожидал ГУЛАГ. На память от матери ребенку досталась только фотография. Во время одного из визитов первого президента СССР в Италию Стефан в центре Милана стоял с плакатом: «Господин Горбачев, найдите мою русскую маму!» Информационному центру было дано задание разобраться, и сын наконец встретился с мамой. А отец, к тому времени уже оставшийся вдовцом, приехал под Харьков выкупать свою невесту.

В отличие от иностранных коллег российский Центр розыска лишь формально входит в состав РКК. На деле это самостоятельная организация с независимым руководством.

ПРОТИВ РЫНОЧНЫХ ЗАКОНОВ

Распад СССР выбил у Красного Креста почву из-под ног. В 1992 году Минздраву стало не до КК, из-за бумажной неразберихи два года не могли подготовить юридическую основу для взимания членских взносов. РОКК по статусу сравнивался с обществами любителей пива, мягкой игрушки и сотен тысяч других незатейливых инициатив. РОКК не мог заниматься коммерческой деятельностью, не получал средств из госбюджета. А нет денег – нет и масштабной благотворительности. Но против всех рыночных законов российское общество Красного Креста (так организация стала называться с 1992 года) жило. В некоторых

регионах два года люди работали без зарплаты вообще. «Советь не позволила закрыть организацию», – пояснила Ирина Кусова, директор Северо-Осетинского отделения РОКК. О помощи кому-то за рубежом не могло идти и речи, впрочем, как и сегодня. Деликатнее всего современную интернациональную работу в РОКК описала директор Раиса Лукутцова: «Мы активно сотрудничаем с международным комитетом на территории России». К слову, национальное общество не имеет права самостоятельно разворачивать деятельность на территории другой страны. Это право дано только МККК, отделения которого расположены в 80 странах мира. Национальное общество Красного Креста и Полумесяца может лишь оказать МККК помощь и содействие. В России Красный Крест также не может заменять функции госорганов – допустим, МЧС, Минздрава или милиции – лишь помогать. Хочешь отправить добровольцев искать пострадавших под сошедшей лавиной – попроси в МЧС разрешения помочь, подчиняйся руководителям.

Развал СССР породил и новые проблемы: бомжи, беспризорные дети, безработица, СПИД, война в Чечне. Природа тоже не щадила: наводнения в Якутии (1998), Кургане и Оренбурге (2000), в Восточной Сибири (2001), Краснодарском и Ставропольском краях, на Юге России и Северном Кавказе (2002). Что тут могла поделывать общественная организация, в которой стабильным оставался только энтузиазм людей? Однако то, что сделано, со скидкой на условия можно назвать высокими достижениями. Создание первого детского приюта РОКК, где побывало 1000 детей за 8 лет (1994 год, помощь Нидерландов). Гуманитарная помощь незащищенным слоям населения в период дефолта в \$78,5 млн (1997–2000 годы, поддержка российского правительства и меценатов). В 1999 году РОКК создал отделения в 32 регионах РФ, начал помощь вынужденным мигрантам. На 1 ноября 2001 года распределено 8 498 818 буханок хлеба, 1 711 080 порций горячего питания. В Ингушетии в палаточных лагерях психологи через игру адаптировали к нормальной жизни детей от 3 до 7 лет. Да, список того, чем современный РОКК может похвастаться, звучит не очень солидно:

Центр помощи пострадавшим в Беслане, передвижная лаборатория в зоне чернойбыльской аварии, выставки, уже 20 лет привлекающие внимание к проблемам туберкулеза и СПИДа. Еще есть российский госпиталь в Эфиопии, чудесным образом сохранившийся с советских времен, но РОКК ему оказывает лишь консультативную помощь, а не финансовую поддержку. В РОКК даже нет отчета о деятельности за 2008 год: некому делать.

ДЛЯ НАС НЕТ ЧУЖОГО ГОРЯ

Но существование Северо-Осетинского республиканского отделения РОКК и ее героического руководителя Ирины Кусовой с лихвой окупает вздохи о былом величии Красного Креста. Три штатных сотрудника отделения за последние шесть лет прожили целую вечность. Трагедию Беслана, потом серию стихийных бедствий, и вот с августа принимают на себя боль пострадавших в Южной Осетии. Сама Ирина Кусова в Красном Кресте работает с 1971 года, не считая обидной зарплату в 6000 рублей. Вот они, лучшие люди современности, кто и не собирался встраиваться в обреченное на пустоту общество потребления.

– Накануне 4 августа к нам привезли осетинских детей, – вспоминает Ирина Кусова. – Мы их разместили в общежитиях профтехучилищ, спортзалах школ Владикавказ, интернатах. Я лично ездила проверять условия. Из-за подготовки к учебному сезону в ряде мест не было воды, где-то не хватало постельных принадлежностей. На следующий день доставили спортивный инвентарь, канцтовары, чтобы нашим психологам было чем заняться с детьми, которых переполнял страх за жизнь близких. Вещи нам отдали под честное слово перечислить деньги потом, нам полностью доверяют. Потом пошла волна семей. И это было по-настоящему страшно. Чуть не в каждой семье были убиты мужья и взрослые сыновья, тела лежали неделями, к ним не давали подойти. Я общалась с женщиной, она просила помочь поехать туда и брата похоронить. Брат был убит, тело лежало во дворе более двух недель. Благодаря МККК она смогла выехать и захоронить. Сейчас к нам каждый день прибывают одна-две семьи осетин, проживающих

на территории Грузии и имеющих грузинское гражданство. Вчера, например, приходила женщина, у нее по ту сторону Тбилиси дочь с семьей: муж и двое детей. Там они подвергаются репрессиям. Их не выпускают в Россию. Девочка 7-го класса ходит на костылях, из-за тяжелого психологического состояния не может самостоятельно стоять. Отец тоже нуждается в психологической помощи. Когда наплыв беженцев

очень большой, мы дежурируем по очереди, составляя графики. Для нас нет чужого горя. Был случай: моя сотрудница сняла с себя сапоги, отдала их женщине, которая пришла зимой босая, – и пошла домой в тапках. Люди, которые приходят работать в Красный Крест, работают до конца независимо от того, есть оплата или нет. А кто не призван душой к такому виду деятельности, те долго не задерживаются.

КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ

Движение включает Международный комитет Красного Креста, Лигу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, национальные общества. Международный комитет международной организацией, по сути, не является, так как состоит из 15–25 граждан Швейцарии. Интернациональную функцию несет ЛОКК, в которую СССР вошел в 1934 году.

В движении Красного Креста и Красного Полумесяца официально приняты три эмблемы. Красный крест на белом фоне (1865), красный полумесяц на белом фоне (1929 год, его выбрали преимущественно страны ислама) и красная шестиконечная звезда на белом фоне (1930 год, эмблема израильского общества Красного Креста Давида. С 2006 года наряду со звездой Давида в Израиле используется и Красный Кристалл – визуально красный четырехугольник). Первоначально эмблемы были полностью лишены религиозного содержания. Так, в Индонезии, самой большой мусульманской стране мира, используется эмблема красного креста, чем подтверждается религиозно нейтральный статус организации. 🕉

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

Степень прочности нации и государства определяется отношением к старикам. Особенно к старикам, воевавшим за свободу этой самой нации и за суверенитет этого самого государства.

После жаркого июльского полудня роты лейб-гвардии Семеновского полка возвращались с Больших маневров в Красносельский лагерь. Полковой командир, сидя верхом и с высоты оглядывая стройные ряды солдат, вдруг заметил, что знаменщик второго батальона отстал. Командир остановил полк, по ротам пробежала команда «Оправиться!», и только после того, как отставший Родионыч встал на свое место, полк двинулся далее.

Уже вечером к командиру 7-й роты обратился денщик и доложил, что Родионыч желает его видеть. Ротный предложил появившемуся из-за палаток унтеру стаканчик вина, но знаменщик отказался и сразу приступил к делу. Строго глядя прямо в глаза капитану, Родионыч спросил: «Неужто, Ваше высокоблагородие, я не догадался, что командир полка остановил колонну лишь потому, чтобы меня, дурака старого, дожидаться? Больше такого не случится. Мне теперича в полку оставаться нельзя, не по силам». Просьбу Родионыча уважили, полковой написал на Высочайшее имя, и знаменщика, кавалера трех степеней солдатского знака отличия ордена Святого Георгия, перевели служить в Роту дворянских гренадер. Сколько было лет Родионычу в 1871 году, когда случилась эта история, точно сказать не берусь. Но известно, что призвали его на царскую службу в... 1828 году! 43 года носил Родионыч синее семеновское сукно на воротнике мундира!

Ну, все кажется? Нет, не все! Спустя полгода явился Родионыч в родной полк на Рождество – «проздравиться». А после поздравлений ротному своему и выпалил: «Помогите вернуться, Ваше всбрдь! Не могу я служить в богадельне. Там, помилуйте, назначают тебя в караул у знамени и тут же рядышком постель стелют». Еще раз отправили гербовую бумагу Его Величеству и вновь Родионычу пошли навстречу. Он возвратился в полк. Со знаменем выходил, правда, только по большим праздникам. Так в полку и умер.

В МОНАСТЫРЬ!

Об отставных военных государство российское забеспокоилось всерьез при царе Федоре Алексеевиче. Больших войн после известной Смуты начала XVII века не было, но мелких хватало, и бродили по дорогам страны старые воины и инвалиды, просиживали часами на папертях и у ворот монастырей. О пенсионном фонде тогда слыхом не слыхивали.

В 1682 году Аптекарский приказ получил от царя распоряжение – открыть за государственный счет госпиталь и богадельню. Касательно второй в указе было прописано: «для бедных и отставных солдат, кои, будучи изуродованы на службе царской, не могли уже пропитать себя. Богадельни сии должны служить пожизненным и тихим для раненых воинов пристанищем». В то же примерно время призрением солдат и офицеров настойчиво рекомендовали заняться православным монастырям. Кстати сказать, и солдаты, и офицеры в царском войске имелись и до реформ Петра Первого. Полки иноземного строя появились при первом государе династии Романовых. И, в отличие от стрельцов, казаков и дворян конного ополчения, этим людям вне армии жить оказывалось в буквальном смысле не на что.

О первых увечных воинах, принятых обителями на содержание по рекомендации свыше, упоминается в документах за 1682, 1685, 1686 годы. Например, московский Симонов монастырь разместил в своих кельях 47 ветеранов «надворной пехоты». Просились на монастырский кошт и старики-стрельцы, не сумевшие сохранить хозяйства или не способные ими заниматься.

ДВЕ ЦАРИЦЫ

При Елизавете развитие получила система инвалидных домов. Указ о создании солдатских богаделен она подписала 4 декабря 1761 года. К середине XVIII века их было три: в Петербурге, Москве и Казани. Рассчитаны они были примерно на 5000 мест. Монастырям же наступило облегчение, ибо возобно-

дало мнение, что «военным людям в спокойствии под управлением и смотрением духовным быть весьма несходственно».

Екатерина Великая сделала упор на отправке отставников «в выгодные места» на поселение с наделением их жильем и деньгами. Так в русских городах возникли известные из классики «инвалидные команды» – нечто среднее между полицейскими и народными дружинниками. Гвардейских стариков определили в Муром, остальных – в Касимов, Шацк,

Арзамас, Путивль, Зарайск, Сызрань... Всего 31 город. Денежное содержание назначили от 120 рублей в год армейским подполковникам до 10 рублей нижним чинам. Первый призыв составил 4353 солдата и офицера.

Росло во второй половине XVIII века и количество инвалидных домов. Так, в 1779 году открылась солдатская богадельня на 100 человек в Москве, в бывшем доме камер-юнкера графа Салтыкова, выкупленном у него специально для этой цели. В 1784 году президенту Военной коллегии светлейшему князю Потемкину было указано приспособить под нужды ветеранов место в Чесме при церкви Иоанна Крестителя и содержать там стариков на деньги Кавалерской думы ордена Св. Георгия.

Отдельным образом озаботились и содержанием солдатских жен и вдов. Тех женщин, что не способны были работать, отправляли либо в богадельни, либо на поселение, либо в монастыри. Все расходы части несло государство.

Армия при Екатерине Второй насчитывала четверть миллиона человек и воевала много. Тем не менее с учетом мест, выделяемых солдатам в гражданских богадельнях, проблему государственного призрения ветеранов и военных инвалидов императрица решила.

ЛАСТОВЫЕ И ПОДВИЖНЫЕ

Сын Екатерины Павел поставил организацию инвалидных команд на поток. Первоначально ветеранские роты возникали при гарнизонных батальонах. Но главные результаты павловских инициатив проявились только перед Отечественной войной 1812 года. Как и положено, первыми за организацию инвалидных рот взялись гвардейские части. В 1809 году они учреждены при лейб-гвардии Преображенском, Семеновском, Егерском, Кавалергардском, Конном и Гусарском полках. Затем к процессу присоединились гвардейские драгуны и уланы. С одной стороны, солдаты-старики и инвалиды получали призрение в родных полках, с другой – полки обзаводились прислужой для работы в казармах, конюшнях, полковых храмах, лазаретах и т.д.

В 1811 году формирование инвалидных рот перекинулось в армию. Они получили четкую организацию в три разряда. Первый

разряд – подвижные роты, второй – служащие, третий – неспособные. Из названий ясен принцип возникшей градации. В 1823 году третий разряд упразднили, остальных реформировали только в 1864-м. По причине начавшихся общеармейских реформ, в результате которых, как известно, солдаты стали выходить в запас в молодом возрасте. До 80-х годов дожили только инвалидные роты при гвардейских полках.

Расцвет инвалидных рот пришелся на конец царствования Николая Первого. В 50-х годах XIX века существовало 15 команд при гвардейских частях, 104 подвижные роты, 564 уездные и 296 этапных.

Нельзя не упомянуть знаменитую ластовую роту Гвардейского Морского экипажа. Та самая, что в большинстве своем, в отли-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чие от строевых рот, не пошла на Сенатскую площадь в декабре 1825-го. Ластовыми ротами или экипажами называли те команды, что занимались на флоте обслуживанием небоевых кораблей. Но в Гвардейском экипаже в ластовые определяли бессемейных нижних чинов и унтеров, которые прослужили в части не менее 25 лет. Они жили в казармах Экипажа на Крюковом канале, стояли на полном довольствии, носили полковую форму и знаки различия. Но не имели личного оружия. В день восстания декабристов в ластовой роте служило 128 человек, в большинстве – ветераны Отечественной войны 1812 года.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

Самым солдатским императором был, несомненно, Николай Первый. Он истово любил армию, и она обыкновенно отвечала ему взаимностью.

В 1831 году та самая петербургская Чесма, о которой упоминала бабушка Николая в письме к Потемкину, передана указом царя в военное ведомство для устройства богадельни. Чесменский дворец отремонтировали, перестроили, приделав три двухэтажных флигеля. Чуть позже разбили парк с 500 молодыми березами, землю со стороны Московского тракта обнесли оградой. Новоселье справили в 1836 году. Хозяйский стол оказался многочисленным: 400 нижних чинов и 16 офицеров.

Не прошло и года, как император распорядился передать на нужды новой богадельни царские палаты Измайловского острова под Москвой (около станции метро «Партизанская». – **Прим. авт.**). Об этом в полном смысле слова царском подарке ветеранам армии надо сказать особо.

В селе Измайловском с XVII века располагалась усадьба Романовых. При царе Алексее Михайловиче русло Серебрянки превратили в два рукава, и образовался остров, названный Серебряным. Здесь появились царский дворец, Покровский собор, церковь царевича Иосаафа, 100-метровый мост через пруд, Мостовая башня. Здесь же в 1688 году будущий император Петр Первый нашел в амбаре Лыняного двора старенький английский ботик – дедушку русского флота, пел на клиросе собора Покрова Пресвятой Богородицы, на первом этаже Мостовой башни собирал новорожденный Сенат. После переезда царского двора в Петербург, строительства поблизости от новой столицы Петергофа, Царского Села, Павловского остров потерял какую-либо привлекательность в глазах царствующих особ. Но это отношение несколько не умаляет ценности императорского подарка.

По проекту архитектора Тона к огромному Покровскому собору пристроили три многоэтажных корпуса. Южный и северный –

для 400 с лишним солдат и унтер-офицеров, восточный – для 16 офицеров. Конечно, старый храм потерял часть былой красоты, но архитектор думал, видимо, о насущных проблемах: в богадельне могло оказаться много увечных и немощных воинов – как же им в собор попадать? Из жилых корпусов двери вели прямо в приделы собора, который заново освятили в 1850 году. Ведь в 1812-м французы, захватившие Москву, осквернили храм и уничтожили всю древнюю утварь. Кто знает, может быть, именно это событие подтолкнуло Николая Первого устроить богадельню для ветеранов войны 1812 года здесь, на Измайловском острове?

Заселение богадельни произошло в 1846 году. В каждом из четырех отделений жило по 104 человека, по двое-четверо в комнате. Ветеранов обслуживали четыре столовые, лазарет на шестьдесят коек, прачечная, баня, конюшня, ледники и даже цейхгауз. Особую опеку над богадельней взял Союз кавалеров ордена Св. Владимира. Это позволяло обеспечивать подопечных денежными и вещевыми подарками по всем большим церковным праздникам, разнообразить стол и обустройства тех инвалидов, кто желал жить за пределами острова в приемных семьях. Николаевская военная богадельня вместе с семейным инвалидным домом для отставных офицеров и нижних чинов с женами и детьми, приютом солдатских вдов и школой солдатских детей служила верой и правдой вплоть до 1917 года. Новая власть решила, что на острове уместнее расположить архив НКВД, овощной склад и правительственный гараж.

ДВОРЦОВЫЕ ГРЕНАДЕРЫ

Но прежде всех богаделен Николай Первый, едва придя к власти, затеял организацию невиданной доселе ни в России, ни в остальной Европе воинской части. «Желая ознаменовать особое Мое благоволение к тем нижним чинам Лейб-гвардии, которые на Отечественной войне оказали свое мужество... Я признал за благо учредить из них при

Дворе моем особую роту под названием Дворцовых Гренадер, с тем, чтобы они были обеспечены в своем содержании на всю жизнь и чтобы служба их состояла только в полицейском надзоре во Дворцах...». Этот указ император подписал 2 октября 1827 года. Чуть более 15 лет минуло с Бородинского сражения.

Комплектованием Роты занимался младший брат царя, Михаил Павлович. В первом наборе – 120 гренадер: из них 18 преображенцев,

17 семеновцев, 26 измайловцев, командир – капитан лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады Георгий (Егор) Качмарев, призванный в 1806 году и сам выслуживший офицерский патент из нижних чинов. К слову, все офицеры Роты набирались из ветеранов, начавших военную карьеру в солдатах. Только ближе к концу XIX века эту традицию стали нарушать. Выглядела Рота фантастически. Мундиры царского сукна – неописуемой красоты темно-зелено-синеватого цвета, отдающего в черное с красносуконными воротником, обшлагами, лацканами и полочками на фалдах. Шитые золотым галуном воротник, погоны, перевязь, портупья, погонный ремень к ружью, лампасы на брюках. Пуговицы, гербы и кутас с кистью на шапке, темляк на тесаке или офицерской полусабле, четыре широкие нашивки на левом рукаве – все золотое! Черный галстук – шелковый! А шапка... Шапка высоченная, из медвежьего меха, точь-в-точь как были у солдат Старой гвардии Наполеона Бонапарта. На круг только одна «парадка» обходилась в 400 с лишком рублей. Для справки: килограмм баранины стоил тогда 7 копеек.

«Чтобы все помнили, кого они победили!» – говаривал, поглядывая на отовсюду видимые шапки высоченных гренадер, Николай Павлович. Ветераны и вправду смотрелись истинными великанами. При среднем мужском росте в в 162–164 см, каждый гренадер был не ниже 184. Плюс, само собой, шапка!

Под «полицейской службой во Дворцах» подразумевались караулы в местах, где располагался сам император, члены фамилии. А также постоянные посты в Зимнем дворце, участие в торжественных мероприятиях двора, визуальный контроль за дворцовой прислугой. Позже гренадеры стали нести караулы у памятников царям в Петербурге. В 1830 году Роте было пожаловано гвардейское знамя, но подчинялась часть министру Двора, а не командующему Гвардейским корпусом. В 1849 году специальным указом создан Московский отряд Роты дворцовых гренадер, размещившийся в Кремле.

Казалось бы, что хорошего в том, что солдат, отслуживший не один десяток лет, вместо спокойной старости получал «почетное право» служить дальше? Служба в Роте не являлась только моральным поощрением. Годовой оклад гренадера 2-й статьи, то есть младшего чина, равнялся 300 рублям. Плюс выплаты за награды (все солдаты Роты были георгиевскими кавалерами. – Прим. авт.),

хозяйственные доплаты, пожалования по случаю, именины... Набегало столько, что армейскому обер-офицеру и не снилось. Впрочем, все гренадеры и так приравнялись к унтер-офицерам, унтеры – к прапорщикам, фельдфебель – к подпоручику армии, а все офицеры имели чины Старой гвардии. То есть капитан считался за армейского полковника. Отдельным пунктом положения о Роте подчеркивалось, что дворцовые гренадеры отдают честь только членам Императорской фамилии, фельдмаршалам, министру Двора, начальнику Главного штаба. И – все! В случае смерти гренадера похороны шли по высшему разряду с генеральскими почестями.

После октябрьских событий 1917 года Рота дворцовых гренадер... сохранилась! По одной версии, гренадеры продолжали нести службу как прежде. По другой – рассыпались по собственным дворам, благо, все имели дома под Петроградом. Я склонен думать, что второй вариант ближе к истине. Иначе большевики, глядя на стариков с орлами на медвежьих шапках в коридорах Зимнего дворца, всполошились бы, как это случилось в отношении других гвардейских частей. Уже к лету 1918 года все полки и батареи лейб-гвардейского происхождения были полностью расформированы по инициативе товарища Бронштейна-Троцкого. Да как солдаты Роты получали бы довольствие у комиссаров?

О дворцовых стариках вспомнили только в 1921 году. 4 февраля Рота дворцовых гренадер была расформирована приказом №536 по Петроградскому военному округу. Как гренадеры выживали дальше, официальная история умалчивает. Зато говорят легенды. Одна из них повествует о том, что многие старики-солдаты устроились в Зимний на работу: вахтерами, печниками, дворниками, смотрителями. Наверное, при желании эту легенду легко проверить в кадрах Эрмитажа. Но есть ли оно, это желание?

В ОТСТАВКУ

Понятно, что в отставку выходили и солдаты, и унтеры, и офицеры. Но сроки службы у всех определялись по-разному. Солдат освобождался от службы после конкретного срока: в XVIII веке – после казарменных 25 лет, в результате милитарных реформ середины XIX века – после шести, в начале XX века служили только три-четыре года. Разумеется, вернувшийся в деревню 24-летний солдатик к разряду ветеранов не очень-то подходил. В этот период заботы государства более распространялись на тех, кто, пострадав во время военных действий, терял способность зарабатывать на жизнь. Потому-то и строились солдатские богадельни тогда, когда армия отправляла солдата в мирную жизнь уже в таком возрасте и

советника доложили императрице Марии Федоровне, а та после каждой победы русских войск над Наполеоном во время Заграничного похода пополняла кассу «Русского инвалида» 8–10 тыс. рублей. В обществе тут же нашлись сподвижники, и к моменту вступления русской армии в Париж в марте 1814 года капитал составил свыше 300 тыс. рублей. Масштаб, достойный внимания российского императора. Александр Первый учредил комитет для призрения заслуженных воинов, куда все средства

и поступили. Два года их не трогали, а потом сто лет умело управляли. В конце века капитал Александровского комитета о раненых составлял свыше 21 млн рублей. Это притом, что комитет выплачивал пенсии постоянно и большому числу ветеранов. Например, в 1891 году на пенсии истратили почти 2 млн рублей, на единовременные пособия – около 2 млн, на солдатских и офицерских сирот – полмиллиона, на богадельни – 200 тыс. В 1912 году ежегодные пособия Александровского комитета по инвалидности в зависимости от чина и увечья составляли от 120 до 1716 рублей в год. Зарабатывал Александровский комитет разными способами. Был даже такой экзотический, как обязательный для каждого театра, цирка, оркестра даваемый раз в год бенефис, сборы от которого поступали в инвалидную кассу.

Вторую крупную «кассу взаимопомощи» организовал Александр Второй в 1859 году. В положении она называлась эмеритальной (накопительной) кассой военно-сухопутного ведомства. Условия были просты: каждый офицер и военный чиновник вносил в кассу 6% суммарного денежного довольствия. Проценты не вычитали только из орденских выплат, пособий инвалидного капитала, выплат на лечение, обмундирование, погребение, воспитание детей, подъемных в связи с военным походом и страховых компенсаций за потерю недвижимого имущества в результате стихийных бедствий. Одновременно с этим решением император принял и другое: дабы не ущемить материальное положение офицеров, повысить им денежное содержание на... правильно, на 6%. Получать эмеритальную пенсию могли все участники кассы при условии 25-летней выслуги на государственной службе и 5-летних выплат взносов. Чуть ранее, в 1856 году, заработала эмеритальная касса для офицеров флота.

Но ведь была еще и обыкновенная государственная пенсия! В 1764 году за 35-летнюю службу стали выплачивать половину жалованья. В начале XIX века специальная комиссия решила: за 20 лет беспорочной

в таком физическом состоянии, что иначе как с посторонней помощью ему было и не прожить. Но ведь и во времена рекрутчины не все старослужащие уходили на покой обязательно больными и увечными. Власть пыталась решить проблему трудоустройства. Так, с 1862 года появилась в полиции новая должность – городской. Вакансии заполнялись преимущественно армейскими ветеранами.

Какой-то внятный порядок, определявший сроки службы унтер-офицеров, появился только в 1890 году. По новому регламенту им определили 15 лет с правом продления.

Офицеры регулярной армии вплоть до екатерининского указа о дворянских вольностях служили пожизненно. Следовательно, о какой-либо стройной системе выхода в отставку и разговора не было. Потерявшие физическую возможность служить и не имевшие дохода определялись, как уже упоминалось, на кошт монастырей. «Дворянские вольности» привели к тому, что с 1864 года уходить в отставку стали по поводу и без. А многие офицеры, побывав в отставниках, возвращались на службу. Стоило начаться какой-нибудь войне, как полковые офицерские списки разбухали. Честь дворянина требовала служить.

Постепенно жизнь офицерская менялась, и к середине XIX века запросто выйти в отставку уже не получалось. Вернуться на службу было еще труднее. К концу века снять погоны мог только тот офицер, кто прослужил свыше 20 лет. Чуть позже ввели и возрастной ценз. Обер-офицеры уходили из армии в возрасте 55 лет – да, и такие поручики с капитанами встречались. Подполковники подлежали обязательному увольнению в 58 лет. На генералов и полковников ценз не действовал. А уже перед Первой мировой войной ценз для высших офицеров стал зависеть не от чина, а от должности. Командир корпуса прощался с войсками в 67 лет, командир пехотной дивизии – в 63, командир кавалерийского полка – в 56. Оно и верно. На лошади сидеть на шестом десятке нелегко. Что любопытно, кавалеры ордена Св. Георгия могли служить сколь угодно долго.

ПЕНСИОННЫЙ ФОНД

Итак, отставка! В случае беспорочной службы – с правом ношения мундира. Оно, конечно, льстит. Но то, на что этот мундир принято надевать, питается не только честолюбием.

В 1813 году по инициативе одного предприимчивого и честно-го статского советника по фамилии Пезаровиус в Петербурге стала выходить газета «Русский инвалид». Все свободные средства, вырученные от продаж, Пезаровиус предполагал тратить на помощь военным ветеранам и увечным. О планах статского

службы офицеру полагалось инвалидное жалование, за 30 лет – половинное, за 40 лет – полное. Ставших неспособными к службе в результате боевых ранений и контузий обеспечивали приличным содержанием независимо от выслуги лет. Начиная с 1803 года бывших офицеров без средств к существованию не осталось в принципе. Пособие получали даже те офицеры, кто был уволен из армии по суду. Существовала и такая форма помощи, как предоставление жилья офицерам, определенным на инвалидное содержание. Квартиры давали в основном в губернских городах.

В XVIII веке офицерским вдовам и сиротам пособие выдавалось по личному распоряжению императора или императрицы. Закон о пенсиях семьям умерших офицеров появился в 1809 году. Платили 1/8 оклада мужа вдовам старше 40 лет, в случае замужества пенсию аннулировали. Дочери-сироты также теряли право на материальную помощь государства при выходе замуж. Совершенно иной подход работал в отношении семей, главы которых потеряли жизнь в бою или в результате ранения. Вдовы получали полную пенсию пожизненно, сыновья – до 16 лет, дочери – до замужества. Случалось, пенсии выплачивались и матерям погибших офицеров.

Со временем менялась и пенсионная система русской армии. Росло офицерское жалование, росли и пенсии. Власти старались продумывать не только общие схемы, но и учитывать ситуации сугубо индивидуальные. В 1850 году интересный прецедент был создан отставным подпоручиком Фокеевым. Он отправил «наверх» прошение с просьбой наделить его землей «для прокормления». Просьбу уважили, а впредь было решено офицерам-«бомжам» отводить земельные куски в Оренбургском казачьем войске. Далековато конечно, зато – в собственность.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ВОРОНКОВ

Каждое воскресенье, ежели царь находился в Петербурге, Ксенофонт Воронков рапортовал Его Величеству о благополучии введенной ему первой роты лейб-гвардии Семеновского полка. В свое время Ксенофонт Максимович сдал экзамен на офицерский чин, получил саблю с офицерским темляком и офицерское же жалование – 312 рублей в год, но от производства отказался. Остался фельдфебелем роты Его Величества (так назывались все первые роты в гвардейских

пехотных полках. – **Прим. авт.**). Лучшим фельдфебелем всей гвардии, за что и получал ежегодную пенсию, завещанную великим князем Михаилом Павловичем.

В 1873 году начались у фельдфебеля приступы грудной жабы. Унтер-офицер скрывал болезнь как мог, но вскоре о ней прознали, в том числе старый семеновский полковой командир барон Притвиц. От барона на имя Воронкова пришло в полк письмо, в котором генерал просил фельдфебеля принять в подарок небольшой дом со всей обстановкой в деревне. Ксенофонт Максимович благодарил барона, но от подарка отказался. «Переехать в усадьбу не могу, так как перестану видеть Государя», – объяснял в ответном письме причину семеновцев. Вскоре болезнь настолько усилилась, что Воронков всю неделю лежал в казарме. Но по воскресеньям вставал, одевался и к часу дня являлся на собственный Его Величества подъезд. Появлялся император, Воронков докладывал, возвращался в казарму и валился с ног.

Хоронили Ксенофонта Максимовича, четверть века прослужившего фельдфебелем государевой роты, всем полком. Барон Притвиц тоже приехал. Плакал.

БИФИТЕРЫ И ГРЕНАДЕРЫ

Всякий, кто бывал в лондонском замке Тауэр, видел этих причудливо одетых людей, аккурат как на этикетке знаменитого английского джина. Они бродят по дорожкам древней крепости-тюрьмы, отвечают на глупые вопросы туристов, фотографируются, иногда дурачатся, но фамильярности не допускают. Они – не гиды и не охранники, не зрители и не привратники...

Кто они, бифитеры Тауэра? Легенда утверждает, что бифитерами, то есть мясоедами, их прозвали средневековые жители Лондона. В самые голодные времена короли не жалели мяса для слугителей столичной цитадели.

Сегодня мяса в Лондоне хватает всем. А в бифитеры Тауэра идут не обжоры, а отставные офицеры британской армии, прослужившие не менее 22 лет. Беспорочно. Обязательно – с наградами. И обязательно – бессемейные. Они в замке не только работают. Они там живут. Их, седых и усатых, с заметной офицерской выправкой – всего 36 человек. Еще один бифитер – женщина. Вот и весь отряд. Но его вполне достаточно, чтобы весь мир не мог забыть о славных британских традициях.

И среди солдат эпохи Александра Второго, и среди сегодняшних ветеранов, думаю, немного таких – намертво прикипевших к своим ротам, как фельдфебель Воронков и знаменщик Родионыч. Но немало в России найдется таких солдат и офицеров, кто с удовольствием и гордостью продолжил бы службу в Роте дворцовых гренадер.

Это в Лондоне – замки, а в Кремле – дворцы...

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА. ЮЖНАЯ БИТВА

МИХАИЛ БЫКОВ

*Где они, те, что прошли
раньше дорогой солдата?
Те, перед кем трепетал
мир удивленный когда-то?*

Лейтенант шведского Северо-Сконского кавалерийского полка Хенрик фон Борнеман, попавший в плен спустя три дня после Полтавской битвы, написал эти стихи в 1711 году. А вскоре погиб – стража застрелила его при попытке к бегству. До окончания Северной войны оставалось десять лет. Но ее победитель уже определился – еще под Полтавой. Это понимали все: царь Петр и король Карл, «потешные» поручики и пленные шведские лейтенанты. И безымянные русские солдаты. После 1709 года удивленный мир теперь трепетал перед ними.

В отличие от многих других исторических событий Северная война вызывает у обывателя массу простых и совершенно уместных вопросов. Ну, например: какого лешего шведы делали в районе Полтавы? Или: если война называлась Северной, почему дрались на Украине? Или: как случилось, что война началась давным-давно, а главное сражение грянуло только спустя 9 лет? И если для шведской армии битва оказалась смертельной, зачем русским понадобилось ждать еще 12 лет, чтобы заключить мир? Но прежде остальных должен возникнуть вопрос о самой Швеции: чему обязана Европа явлением могучей шведской государственности и еще более могучей шведской армии в XVII – начале XVIII века?

ШВЕДСКИЙ ФЕНОМЕН

К тому моменту, когда Петр Первый решил воевать Балтику, Швеция как империя существовала уже без малого полтора века. В конце XV столетия распался Тевтонский орден, и контроль над землями по южному берегу Балтийского моря оспаривали Польша, Дания и Швеция. Летом 1561 года передовые отряды шведской армии десантировались в Ревеле (ныне – Таллин), и постепенно одна прибалтийская территория за другой стали переходить под власть шведской короны. Германские княжества потеряли земли Померании и порт Бремен. Дания лишилась многих береговых зон и всяческих больших и малых островов. Польша уступила шведам Лифляндию, а Московия – Ингерманландию (нынешняя Ленинградская область) и область Кексгольм (Юго-Восточная Финляндия). Успехи Швеции зиждились на штыках отлично организованной и подготовленной армии. Шведский король-полководец XVII века Густав-Адольф оставил наследникам отличный инструмент силового воздействия на соседей, который славился прежде всего полками бесстрашной линейной пехоты и драгунской кавалерии. В общей сложности – до 150 тыс. штыков и шпаг. Наемников в шведской армии не признавали, полки формировались по земляческому принципу, что создавало особый боевой дух. А усиливала его однообразная, но, благодаря упорным тренировкам, чрезвычайно эффективная тактика, сформулировать которую можно так: «быстрота и натиск». За 150 лет мелких и малокровных, но непрекращающихся войн в Швеции народился и

окреп уникальный офицерский корпус. Носители воинских традиций средневековых викингов, шведские офицеры были профессионалами своего дела. Они умели только воевать, но умели это лучше других. Для сравнения: в конце XVII века русское служилое сословие об узкой профессиональной подготовке даже не задумывалось. Каждый боярин, стольник или служивый дворянин занимался в определенный момент тем, что ему поручил старший. Показательна в этом смысле карьера главного военачальника петровской армии, Бориса Шереметева. До 1700 года он успел побывать и офицером, и дипломатом, и крепким хозяйственником, и политиком...

Помимо армии Швеция располагала отличной для своего времени металлургией. А флот, хоть и деревянно-парусный, был оснащен по последнему слову артиллерийской техники и состоял из 42 линейных кораблей и 12 фрегатов, что в конце XVII века могло расстроить даже Британию.

Ясно, что положение дел не слишком радовало Польшу, Данию, Протогерманию и Россию. Петр нашел единомышленников среди монархов этих стран, и к 1700 году возник альянс. На первый взгляд – внушительный, на деле – весьма хилый и плохо управляемый.

Двухсоттысячная русская армия только училась быть армией, что и доказали шведы в первом сражении Северной войны – 19 ноября 1700 года под крепостью Нарва.

ОТ НАРВЫ ДО НАРВЫ

К тому времени, как к Нарве подошли 12 тыс. войск шведского короля Карла XII, 35-тысячная русская армия завязла в осаде крепости, командовал нашими силами наемник – маршал де Круа, Петр ускакал в Псков за подкреплением – в общем, типичная для России в начале любой войны ситуация.

Карл, мнящий себя истинным королем викингов, ценил тактику своих предков. Неожиданные броски – это его стиль. В таком вот стиле под прикрытием предутреннего тумана и хлопьев снега он атаковал позиции русской армии. Едва шведы прорвались в центре, маршал де Круа, рекомендованный Петру польским королем и по совместительству саксонским курфюрстом Августом, прошествовал в лагерь противника и сдал Карлу шпагу. С ним в плен отправились десятки наемных офицеров из иностранцев. Дворянская конница Шереметева, глядя на все это безобразие, запаниковала и пустилась вплавь через 200-метровую реку Нарву. Предпочла тонуть, но не сражаться.

Предпочли сражаться, но не бежать только три полка: гвардейские Преображенский

и Семеновский и иноземного строя Джеймса Гордона, а также дивизия генерала Вейде на левом фланге. Гвардия стояла насмерть у моста через Нарву, отгородившись от атакующих шведов телегами и рогатками. Карл лично водил своих в атаку на преображенцев и семеновцев, но напрасно. «Потешные» так и не сошли с места. Благодаря мужеству нескольких тысяч солдат, русская армия не была разгромлена наголову, правда, потеряла свыше 6 тыс. убитыми и утонувшими. Шведам досталась вся артиллерия, Преображенскому и Семеновскому полкам – первая слава. Их пропустили через мост на восточный берег с оружием и знаменами.

Это был первый и последний крупный бой, выигранный шведами у русских. Карл выбрал стратегически ошибочный вариант дальнейшего поведения. Он не решился добить деморализованное русское войско, исходя из того, что началась зима, а зимой в ингерманландских болотах воевать бессмысленно. Также король посчитал, что куда своевременнее разобраться с другими членами коалиции: Данией и Польшей. К чему, собственно, и приступил. Пока Карл гонялся по Польше за Августом, русские полководцы методично освобождали крепости Прибалтики от шведских гарнизонов. Шереметев праздновал викторию у Эрестфера в 1701-м, получив в награду от царя орден Андрея Первозванного и фельдмаршальский чин. Несмотря на то, что именно к Борису Петровичу Петр Алексеевич относился, мягко говоря, прохладно: не мог простить свойственного полководцу консерватизма родовитого боярства. У Гуммельсгофа в 1702-м Шереметев вновь, как и при Эрестфере, побил Шлиппенбаха. В том же году Михаил Голицын штурмом взял Орешек-Нотебург, отказавшись выполнить царский приказ об отступлении со словами: «Я теперь принадлежу только Богу». Правильный Шереметев захватил крепость Ниеншанц в 1703-м – это в устье Невы. В 1704-м ему покорился Дерпт. Наконец, в том же 1704 году после 45-минутного яростного штурма пала Нарва. А в 1708-м адмирал Федор Апраксин отбил первое в истории нападение на... Санкт-Петербург.

Не сказать, что в начале XVIII века солдаты враждующих армий вели себя по-рыцарски. Знаменитые некогда «войны в кружевах» уходили в прошлое. Но и откровенно злобствовали не всякий раз. В Северной войне известно довольно случаев, когда побежденного противника освобождали и отпускали с «пулями во рту». Так победители выражали уважение мужеству врага. Но чем дальше, тем жестче вели себя солдаты. Сказывалась усталость от многолетних походов, потихоньку формировалось чувство личной вражды друг к другу.

Когда русские части ворвались в Нарву, началась жестокая резня. Солдаты, обозленные упорством шведов, не получивших приказа коменданта Горна о сдаче и продолжавших сражать-

ся, не слушали даже офицеров. Петр лично заколол одного из своих гренадер, чтобы прекратить побоище. Позже он укорил Горна, показав кровь на своей шпаге и объяснив, что это не шведская, а русская кровь, и что пролилась она по вине шведского коменданта, проявившего дурацкое упрямство.

Потом шведы перестали брать русских в плен принципиально. А еще позже, в 1708 году, на территории польской Мазурии занялись «воспитанием» гражданского населения. «Множество народу было убито, а также все сожжено и разорено, так что оставшиеся в живых не так скоро забудут шведов», — это из воспоминаний полковника шведского драгунского полка Нильса Юлленшерна. Меншиков кроваво ответил при взятии города Батурина, оплота гетмана Мазепы, где Карла дожидались богатые запасы провизии и огневой припас. А сразу после Полтавской битвы не удержался Петр Алексеевич. Казаки один за другим, из тех примерно двух тысяч, что ушли вместе с Мазепой к Карлу, теряли буйну голову под топором палача, ложились на колесо, садились на кол...

Но это потом. А пока — русская армия крошила потихоньку шведскую мощь. В боях и осадах в Прибалтике с 1701 по 1708 год скандинавы потеряли по меньшей мере 30 тыс. солдат и офицеров. А в их руках остались только сильно укрепленные крепости Рига да Ревель. Петр вернул под власть русской короны почти все земли этой области, утраченные Россией в XVI–XVII веках.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ — ПЕРЕМЕНЫ

Карл не просто гонялся за поляками-саксонцами. Он бил их с завидным постоянством. Под Ригой и Клишовом, под Варшавой и Лейпцигом. Время от времени доставалось и русским частям, отправленным царем на помощь горе-союзникам.

После взятия Лейпцига в 1706 году саксонский король подписал мирное соглашение с королем шведским, а русский царь потерял последнего союзника. Зато Карлу стало легче: на польский трон сел его ставленник Станислав

Лещинский. Тылы успокоились, и пора было подумать о походе на Москву. Тут-то и кроется ответ на вопрос, как шведскую армию и ее авантюрного коронованного военачальника занесло под Полтаву.

Сразу после Рождества 1708 года Карл вместе с 45 тыс. солдат переправился на восточный берег Вислы и взял курс на Москву. Все они одинаковы, эти завоеватели: чуть что — сразу на Москву. Пройдя нищие Мазурию и белорусские земли, столкнувшись с русским отрядом князя Репнина

при Головчине, Карл убедился, что его армии катастрофически не хватает припасов. Он встал лагерем на Днепре, недалеко от Могилева. Сюда и должен был подойти 16-тысячный корпус генерала Левенгаупта с обозом из 7 тыс. повозок. Но не подошел. Прежде чем Карл узнал о последствиях сражения у деревни Лесной 28 сентября 1708 года, он принял решение, о которомистики спорят до сих пор. Казалось бы, стой и жди Левенгаупта с добром! Ан нет, после двух кровавых стычек с русскими отрядами у села Доброго и деревни Раевки в августе–сентябре, Карл повернул армию на юг — в Малороссию. Понятно, что не обошлось без призывов уже изменившего к тому времени русской короне гетмана Мазепы. Но какие именно аргументы привел обольститель из Батурина? Говорил о богатых запасах еды и фуража? Рассказывал о готовности 50 тыс. казаков подняться против якобы ненавистной Москвы? Пугал историями столетней давности, когда на Москву ходили польские паны?

Да, у Доброго шведы понесли потери и отступили. И случилось это впервые на глазах самого Карла. Да, у Раевки Карл едва не попал в плен и к тому же смог вблизи увидеть царя Петра, что мало кому прибавило бы уверенности. Но все дальнейшие действия шведского короля показывают, что он не испугался. Он в принципе не боялся ничего и никого.

МАТЬ И ДОЧЬ

Левенгаупт добрался-таки до своего короля. Но без провианта, пороха и без двух третей своего корпуса. Совсем недалеко от лагеря Карла его на марше перехватил летучий кавалерийский отряд под командой самого царя. Впрочем, отряд — это скромно сказано. На переправлявшихся через речку Леснянку шведских солдат налетело до 12 тыс. драгун и казаков. Бились целый день. Шведы стали «гнуться» после того, как на помощь Петру подошел пехотный корпус генерала Боура. Последние оружейные залпы раздались уже в темноте. Левенгауптцы бросили обозы и побежали. Ушло до 7 тыс., но под городом со странным названием Пропойск их настиг спецотряд царского генерала Пфлуга, и шведский корпус сократился еще на тысячу. Впрочем, уверен, что Карл с радостью обменял бы остатки корпуса Левенгаупта на те телеги, что были брошены у Лесной. Солдаты у короля еще имелись. А вот воевать приходилось на пустой желудок и с полупустым подсумком.

Сам Петр назвал сентябрьскую победу у Лесной «матерью победы Полтавской». Ко всему прочему, будущий первый русский император был и чертовски наблюдательным. Заметил, что «Лесную» и «Полтаву» разделили ровно 9 месяцев, день в день. Если посмотреть на события, случившиеся в эти 9 месяцев, то возникает стойкое ощущение, будто Карл и его армия втягивались в огромную ловушку, приготовленную умелым охотником.

Сам Полтавский бой блестяще описан Пушкиным в поэме «Полтава». Но вот версия для тех, кто плохо реагирует на рифму. Шведы, как уже говорилось, признавали только одну тактику: атакующую. И в этот раз они пошли в атаку первыми.

Хронология событий такова. 27 июня 1709 года, три часа утра: шведская пехота двинулась на русские редуты, но подверглась атаке драгун Александра Меншикова. Появились также шведские всадники, и закипел

встречный кавалерийский бой. Шведская пехота выровняла боевые порядки и вновь пошла на штурм артиллерийских редутов. Она захватила два ближних, недостроенных редута, но дальше продвинуться ей не удалось. В то же время драгуны Меншикова загнали в лес понесшие громадные потери от артиллерийского огня и расстроенные колонны генерала Росса. К 6 утра наступила пауза, которая растянулась аж на три часа. Около 9 утра просочившиеся мимо редуты полки шведской пехоты выстроились в две шеренги для последней атаки. Шеренги были жиденькие, так как Карл приказал растянуть фронт в соответствии с длиной русского фронта. В шеренгах оставалось от силы 10 тыс. солдат. Сам король распорядился поставить его носилки перед правым крылом боевых порядков (в одной из прежних стычек Карл был ранен в ногу и не мог ходить). Напротив строились в колонны русские полки: Преображенский, Семеновский, Ингерманландский, Астраханский и батальон гренадер – справа. В центре – дивизия генерала Репнина. Того самого, что за отход дивизии при Головчине был разжалован в рядовые, а за храбрость и дельный совет царю в пик боя при Лесной – прощен и возвращен к войскам в прежнем чине. Слева – батальоны дивизии Алларта. Командовать всей пехотой выпало фельдмаршалу Шереметеву. По флангам разместились кавалеристы Боура и Меншикова. Петр в последний раз объехал войска в полковничьем преображенском мундире. Ровно в 9 завыли трубы, забили барабаны, и синяя шведская линия тронулась в смертный путь. Да, шведские пехотинцы умели держать строй. И в штыковую ходить умели! После обмена ружейными залпами синий и зеленый строи сошлись в рукопашной. На нашем левом фланге дрогнул было батальон Новгородского пехотного полка. Но вовремя заметивший это Петр лично повел в атаку второй батальон полка, и новгородцы восстановили фронт.

Точно в пьесе, наступил момент, когда равновесие оказалось нарушено. Уже два

Куда бы ни ткнулся швед, всюду его ждали русские отряды, а при отсутствии оных не ждало ничего, кроме пустых амбаров и гнилой соломы. Даже крохотные крепости, попадавшие по дороге, отнимали живую силу и время. Крепость Веприк с полторатысячным гарнизоном держалась 10 дней и капитулировала только потому, что вышел весь порох. Потери шведов при осаде составили до тысячи человек. И нервы, видно, стали сдавать окончательно. Крепость сожгли дотла, а весь гарнизон жестоко казнили. Правда, по другой версии, Карл выдал каждому пленному премию в несколько злотых за храбрость. Но это как-то плохо соотносится с теми фактами, что остались в истории многих украинских городов и сел после шведского похода. Во Львове горожан рубили на улицах, грабили костелы и церкви, а в Львовском городском архиве завели конюшню. В Красном Куте жителей от мала до велика раздели и погнали в поле по снегу. В Лохвицах не брезговали массовыми казнями. В Крестовоздвиженском монастыре под Полтавой вместо дров жгли иконы, на одной из них вырезали клетки шахматной доски. Сожгли деревни Рашевка, Ковалевка, Опошня. В последней развлекались, заставляя детей под страхом пытки убивать собственных родителей.

Так или иначе, путь шведов лежал к берегам реки Ворсклы, туда, где она впадает в Днепр. У стен полтавской крепости Карл оказался весной 1709 года и сразу приступил к штурму. Крепость – это громко звучит, на деле – земляные валы, частоколы, примитивные орудийные редуты и гарнизон в 6 тыс. человек, добрая половина которого – мирные жители. Зато комендант – настоящий полковник. Алексей Степанович Келин (Келен, Келин) – один из тех русских героев былых времен, сведений о которых осталось крайне мало. Не в привычках русской армии XVIII века было возвеличивать индивидуальные заслуги солдат и офицеров. Дата рождения будущего генерал-майора неизвестна. Зато известно, что он сражался начиная с 1702 года, брал Орешек, Ниеншанц, Дерпт, Нарву, в 1708-м командовал Тверским пехотным полком и в декабре того же года получил назначение в Полтаву. Карл три месяца безуспешно штурмовал крепость. Упорство полковника Келина и его гарнизона лишили шведскую армию артиллерии. Дело в том, что за время осады Карл в запальчивости расстрелял все то немногое, что у него было. А пока он занимался безнадежным делом, к Полтаве подошли основные силы армии Петра – 42 тыс. солдат при 102 орудиях. Шведов к тому моменту оставалось от 30 тыс. до 35 тыс. 19 июня 1709 года царь писал коменданту Келину: «Пойдем со всем войском к Петровскому мосту и тамо, перешед и осмотрясь, пойдем на неприятеля искать с оным баталии, чтобы пробитца всем войском к городу».

часа продолжался рукопашный бой. Шведы начали слабеть. Но тут ядро попало в носилки Карла, и короля бросило оземь. Шведы сломались. И побежали.

Два дня остатки шведских войск собирались на днепровском берегу у Переволочны. Их не преследовали. Царь дал армии отдохнуть и устроил праздник. Но 30 июня отправился в погоню. У Переволочны застали до 15 тыс. солдат и офицеров, несколько тысяч нестроевых и статских, Карла и Мазепы среди них не было. Король с гетманом, остатками личной стражи и 1300 воинами переправился на другой берег и исчез. А брошенные войска во главе с несчастливцем Левенгауптом сдались в плен. Всего – 20 тыс. человек.

В четыре дня исчезла армия, десятилетиями наводившая ужас на Европу! Боевые невозвратные потери шведского войска в Полтавской битве составили 9234 человека, пленными, захваченными непосредственно на поле сражения, – 2874. В русской армии похоронили 1345 павших. Победителю достались 31 орудие, десятки тысяч мушкетов, шпаг, пик, кучи упряжи и снаряжения, но главное – 142 знамени и штандарта. А в денежных ящиках полков – 400 тыс. монет, в сундуках Мазепы – 300 тыс.

Военные статистики какие только подсчеты не ведут! Есть и такая таблица: крупнейшие по числу убитых битвы Нового времени до изобретения автоматического оружия (1618–1913). Полтавский бой стоит 13-м в этом кровавом списке, опередив такие знаменитые и, казалось бы, масштабные сражения, как Аустерлиц (1805), Плевна (1877), Трафальгар (1805), Цусима (1905) и даже Ватерлоо (1814).

ЛУЧШЕЕ НАПАДЕНИЕ – ЗАЩИТА

Споры о качествах личности Петра Великого идут по сей день. Причем от полюса до полюса. Известный публицист и идейный монархист Иван Солоневич был убежден и пытался убеждать остальных, что у Петра полководческий навык отсутствовал напрочь. Хуже того, обвинял царя в природной трусости. Есть и такие, кто готов сравнивать царя с величайшими стратегами, да еще в пользу самого Петра Первого.

Есть мнение, что государь перехитрил шведов, а есть точка зрения, что это Карл перехитрил сам себя. Некоторые отстаивают позицию, из которой следует, что в Полтавской битве победил не Петр-военный, а Петр-администратор и великий эконом. Им

возражают те, кто помнит о контратаке второго батальона Новгородского пехотного полка и трех пулях, попавших царю в седло, шляпу и крест на груди.

Есть ли ответ на вопрос, почему победа под Полтавой выбрала Петра Романова?

Самому Петру не повезло (а России как раз наоборот. – **Прим. авт.**) в том, что в бытность его правителем не случилось войны наполеоновских масштабов. Впрочем, в начале XVIII века ее и не могло случиться. А значит, твердо говорить о пределах военного дарования Петра весьма затруднительно. Оценивать его допустимо лишь в относительных величинах. Но в том, что талант был, сомневаться не стоит.

Фридрих Великий крайне серьезно изучал опыт Северной войны. Применительно к полтавской баталии он отмечает, что Петр очень грамотно выбрал место для лагеря потому, что вода и дрова для тысяч солдат перед боем важнее генеральских амбиций будут.

Организовав «войну мелких уколов», царь «вел» Карла в бесконечный поход по славянским землям, в процессе которого блестящая шведская армия утрачивала прежнюю дисциплинированность и веру в предопределенность успеха. Участники битвы вспоминали потом, что под Полтавой Карл впервые не призвал войска к утренней молитве. Царь показал себя отличным квартирмейстером, то есть начальником штаба, отличающим не только и не столько за само сражение, сколько за полноценную подготовку к нему. Его армия имела полный боезапас, продукты, фураж, она заранее знала, где будет переправа, где разбит лагерь, а где построены укрепления.

Кстати, о фортификации. Успех в Полтавской битве предопределили многие факторы, но главных два: грамотно и вовремя построенные редуты и работа артиллерии. Суть тактики Петра в сражении можно определить так: «активная оборона». Для реализации замысла он нашел дивный способ. Редуты, построенные на поле битвы, не только перегораживали его поперек, но и шли от поперечной линии укреплений в сторону шведов. Получился своеобразный волнорез, не позволивший знаменитой шведской пехоте наступать широким фронтом, разбивший ее на части. Сто лет спустя Наполеон советовал: «Избегайте поля боя, на котором неприятель укрепился и окопался» (сам, правда, на Бородинском поле поступил иначе). Положение атакующих шведов усугублялось тем, что 70 орудий поливали их огнем не только фронтально, но и вдоль флангов. Петр добился фантастической плотности артиллерийского огня в Полтавской баталии. Во время стрельбы из редуты с 3 до 6 часов утра подсчет выпущенным зарядам не велся. Но что-

бы представить себе картину боя хоть частично, замечу, что во второй фазе битвы только пушки дивизий Алларта и Репнина выпустили около 1000 ядер и картечи. Чтобы окончательно осознать глубокий военный смысл решения Петра о строительстве Т-образного укрепления, представьте, что ядро, попадающее во фронт наступающей шеренги, выбивало несколько человек. А вот ядро, летящее вдоль шеренги, теоретически – эффект кеглей – могло вывести из строя до 150 воинов. Жуткая эффективность! Так, собственно, и произошло в реальности. Потери шведской пехоты за первые три часа сражения были колоссальны. Боевой дух падал на глазах, поскольку сражение как таковое для солдат короля еще даже не наступило.

Из дальнейших действий Петра на Полтавском поле ясно, что в отсутствии оперативных полководческих навыков его обвинить нельзя. А если вспомнить, что многие сражения и штурмы Северной войны планировал и воплощал тоже Петр Алексеевич, даром что командующими любил назначать других, станет понятно главное: царь воевать умел. С другой стороны, та самая истина, познаваемая в сравнении, напоминает и о глупостях Азовского похода, и о первой Нарве, когда отсутствие знаний и опыта не заменилось талантом предвидения и гением интуиции. Она же – истина – напоминает и о 1711 годе, когда Прутский поход против Турции, вступившей в войну под напором беглеца Карла и, как водится, остальной Европы, едва не стоил нам всех балтийско-полтавских достижений. Тогда авантюра возобладала над здравым смыслом. Но если б это была гениальная авантюра...

АГОНИЯ ВИКИНГА

Карл уцелел, но не успокоился. Его интриги при дворе султана зашли так далеко, что шведского короля взяли под арест. На родину монарх попал нескоро – только в 1714 году, а когда попал, в Стокгольме так и не появился. Удивительно, но, покинув столицу в 1700 году, Карл XII отведенные ему Господом Богом последние 18 лет жизни провел за ее пределами. Король погиб во время военных действий в Норвегии в 1718 году: шла обычная утренняя рекогносцировка, и шальная пуля ударила его в голову. В Швеции стараются не обсуждать, откуда прилетела эта шальная пуля: с фронта или из тыла...

Итак, король странствовал, а страна воевала. Правда, без успеха. Антишведская коалиция вновь возродилась. Понятно, европейские мо-

нархи почувствовали, что и на их шакалий аппетит останется от российского обеда. После взятия в 1710 году Шереметевым Риги, а Апраксиным Выборга к России отошла вся Прибалтика и Карельский перешеек, а подсутившемуся вовремя дважды королю Польши Августу – Лифляндия.

В 1713 году датско-саксонской армии досталось от шведского генерала Штейнбока. Пришлось Петру выручать союзников. Сначала шведы, уже испытывавшие хронический страх перед русским солдатом, бежали под Фридрихштадом, чуть позже сдали мощную крепость Штеттин. Что характерно: город отошел к Пруссии. На этом подарки союзникам кончились, а русский царь вплотную занялся шведским флотом. Надо было уничтожить последний оплот шведской империи.

26 июля 1714 года при полном штиле гребная флотилия русских атаковала лишенные маневра шведские парусники у мыса Гангут. 11 кораблей стали призовыми для русских моряков, которыми командовал адмирал Апраксин, а шведский адмирал Эреншельд был взят в плен. План операции разрабатывал, к слову, не Апраксин, а царь Петр.

Строго говоря, военные действия на этом закончились. Понимая, что Швеция разбита, Карл начал бои на дипломатическом поприще. Вплоть до смерти монарха они ни к чему конкретному не привели. Но едва Карл ушел из жизни, как активизировались западные союзники России. Последовательно мир со Швецией заключили Ганновер, Пруссия, Дания... Скандинавы лишились почти всех континентальных территорий и приобрели нового партнера – Англию. Казалось бы, ситуация вокруг России снова начинает ухудшаться, ибо морское могущество Британии не оспаривалось. Но корабль, что называется, уплыл. Русский флот уже мог решать серьезные задачи, что он и доказал в двух последних морских сражениях Северной войны: у острова Эйзель (Сааремаа) и у острова Гренгам в 1720 году. Гренгам входит в Аландский архипелаг, а это в считанных милях от Стокгольма. Паника в шведской столице разразилась нешуточная, но брать город в планы русского царя не входило. Хотя сделать сие было вовсе не трудно.

И царь, и вся страна хотели мира. Он был подписан в финском местечке Ништадт (ныне – Усикаупунки) 30 августа 1721 года. Швеция **навечно** передавала России Эстляндию, Лифляндию, Ингрию, карельский Выборг. Швеции вернули финские земли, захваченные в 1713–1714 годах да еще заплатили 2 млн рублей.

Эх, Петр Алексеевич, щедрая душа, с кого теперь получить два золотых миллиона, превратившиеся за 300 лет в бумажные триллионы? А ведь и во времена царя Петра русский человек знал, что ничего вечного на земле не бывает! 🍷

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛОН

ГАЛИНА ШЕБАЛДИНА

Полтава и Переволочна... После событий 1709 года два этих географических названия навечно вписаны в историю русского и шведского народов. Здесь было все: осада, бой, погоня, смерть... Те из шведов, кто не погиб и сдался в плен, наверное, верили, что им повезло и что Бог не оставил их в трудную минуту.

Численность плененных под Полтавой и Переволочной превысила 22 тыс. человек (а если считать гражданские и придворные чины, а также женщин, сопровождавших шведскую армию, то можно говорить приблизительно о 25 тыс. человек. — **Прим. ред.**). После сражения Петр Первый долго беседовал со шведским генералом Адамом Левенгауптом, после чего отдал следующие распоряжения: пленных генералов и офицеров содержать в соответствии со званием; унтер-офицерам и рядовым выдавать жалованье и содержание, как у русской пехоты, а также разрешить заниматься ремеслом; те, кто захочет принять русскую службу, должны получать жалованье, соответствующее русским чинам; пленным, которых сопровождали жены, разрешить совместное проживание.

4 июля царь с войском и пленными направился в Полтаву, где приветствовал защитников крепости, выдержавших осаду врага. Колонны пленных шведов провели перед войском и местными жителями. А 7 июля Петр вновь произвел осмотр пленных и пригласил генералов на обед, во время которого прозвучал известный тост за великопленных учителей, которым русские отчасти обязаны своей победой.

ТРИУМФ В МОСКВЕ

Дабы продемонстрировать своему народу и всему миру славу и мощь новой русской армии, Петр задумал провести грандиозное празднование в Москве. Такой парад не был новинкой: подобное, но с меньшим размахом, произошло после виктории под Нарвой. Грандиозное, как никакое другое ранее, празднество произошло 21 декабря 1709 года и состояло из нескольких частей: парада лучших полков русской армии, иллюминации, костюмированных сцен и, конечно, шествия

плененных шведов. Коменданту Москвы князю Гагарину приказали сосредоточить «весь полон» в селе Коломенском и приготовить там же все для приезда царя.

Сценарий праздника был разработан самим Петром. Открывали парад колонны музыкантов — трубачей и литаврщиков. Далее следовал Семеновский лейб-гвардии полк во главе с генерал-лейтенантом князем Михаилом Голицыным. В середине полковой колонны размещались полевая артиллерия, знамена, штандарты и шли пленные, взятые в битве у деревни Лесной в сентябре 1708 года. «Полтавскую» часть шествия открывал Преображенский лейб-гвардии полк. За ним шли офицеры, плененные под Полтавой. Замыкали ряды шведов попавшие в плен генералы во главе с фельдмаршалом Реншёльдом и первым походным министром шведского короля — графом Карлом Густавом Пипером. Триумфальные арки, под которыми проходили колонны, были расписаны аллегориями и карикатурами, а также девизами на

Личный штандарт Карла XII, захваченный во время Полтавской битвы

Пелымь, Верхотурье, Космодемьянск, Сургут, Нарым, Березов, Тара, ну и, конечно, Тобольск.

Режимы содержания каролинов в Центральной России и в восточной ее части практически не отличались и определялись в первую очередь статусом пленных. Конечно, в начале XVIII века не могло быть и речи о существовании каких-либо единых и обязательных для всех стран законодательных актов, определяющих права и обязанности воюющих сторон по отношению к военнопленным. Статус военнопленного был связан прежде всего с

латыни. На одной из них, например, была изображена колесница бога солнца, место которого занимал сам Петр. Над колесницей красовались знаки зодиака: Рак и Лев, обозначающие июнь и июль. Расшифровывать сию эмблему следовало так: когда солнце вступило в знак Рака, был жестоко посрамлен шведский Лев, который, отступая, пятился назад, как рак. Во время подготовки к празднику в Москве в ближайших пригородных селах и слободах было собрано около 18 тыс. пленных каролинов (так назывались вообще воины шведских королей Карла X, Карла XI и Карла XII. — **Прим. авт.**). Понятно, что такая концентрация чужестранцев создавала немалые трудности для местных жителей и властей. В конце концов была проведена регистрация пленных, определена их ценность для выкупа или обмена, а затем небольшие группы шведов рассылались на поселение в различные города. Этот подход соответствовал не только духу времени и известной мировой практике, но и свидетельствовал о практичности строителя российской державы — Петра Великого, направлявшего на массовые работы пленных унтер-офицеров и рядовых.

Численность пленных сокращалась за счет тех, кто принимал приглашение поступить на русскую службу. Так, сразу после Полтавы и Переволочны около 6 тыс. каролинов, прежде всего из числа рядового и унтер-офицерского составов, принесли присягу Петру. Оставшуюся часть рядовых и офицеров вместе с семьями и прислужгой стали рассылать по российским городам. Большие группы были направлены в Ярославль, Ростов, Новгород, Владимир, Муром, на оружейные заводы в Тулу, а также в Арзамас, Симбирск, Вологду, Архангельск, Уфу, Чебоксары.

ССЫЛКА В СИБИРЬ

Массовая высылка шведских военнопленных из Центральной России в Сибирь произошла в 1711 году. Причиной такого ухудшения положения каролинов долгое время считалась неудачная попытка заговора в Свияжске и Казани в апреле 1711 года: шведы пытались организовать побег, но планы их были раскрыты. Однако, согласно последним исследованиям, появилась иная версия: обострение российско-турецких отношений в конце 1710 года и объявление Турцией, на территории которой находился в это время Карл XII, войны России. Так что Петр отдал приказ казанскому губернатору Петру Апраксину об отправке шведов из Азова и Воронежа, а губернатору князю Матвею Гагарину — о принятии пленных в Сибири. География ссылки каролинов оказалась обширной: Томск, Кузнецк, Енисейск, Туруханск, Красноярск, Иркутск, Нерчинск, Якутск, Селенгинск, Илимск, Киренск, Вятка, Соликамск, Чердынь, Кай-городок, Яренск, Тюмень, Туринск,

разного рода ограничениями, которые действовали до окончания военных действий и заключения мирных кондиций. Они распространялись на свободу передвижения, свободу переписки, свободу выбора занятий и т.д. Одним из обязательных условий ссылки была охрана, как во время переходов, так и по прибытии на место. Караульными назначали служащих местных полков или бывших солдат, уволенных из действующей армии по старости, увечью или болезни, а там, где таковых было недостаточно или не было вовсе, в караул выставляли посадских жителей или крестьян. Для местных жителей охрана пленных была обременительной повинностью. Нередко они подвергались не только оскорблениям, но и агрессии со стороны своих подопечных. 21 марта 1710 года в Сибирский приказ поступила челобитная воеводы из Вятки С.Д. Траханиотова, где он жаловался на ссыльных, которые нарушают приказ, своевольно ходят по улицам, часто ссорятся с охранниками и даже бьют их. В качестве примера он передал челобитную солдата Кузьмина, которого пленный капитан Стакелберг не только ударил по лицу, порвал одежду, но и приказал нести себя из бани на руках. А дьячка Воскресенской церкви Алексея Зеленина избил капитан Келер с товарищами. Понадобились дополнительные распоряжения центральных властей и беседы с представителями пленных, чтобы нормализовать ситуацию.

Чрезвычайно большое значение для пленников имело поддержание связей с родиной. Русские власти не раз подтверждали свободу обмена корреспонденцией, сохранив за собой право контроля над ее содержанием, что было обычной практикой того времени. Все попытки каролинов сообщить домой о своих трудностях и проблемах заканчивались задержанием писем. Власти не могли допустить, чтобы в Швеции получили известие о том, что «многие из нижних и высших офицеров принуждены у мужиков работать, также от нужды женились графы и бароны на ста-

рых финских бабах и их дочерях только для того, чтобы добыть себе хлеба». Подобные сообщения могли осложнить и без того непростое положение русских пленных в Швеции. Все помнили, что произошло, когда в конце 1711 года в Швецию попало письмо графа Пипера, где сообщалось, что русские отправили в Сибирь подполковника Кульбаша и капитана Сакса. Ответной реакцией Королевского совета была высылка всех русских пленных из Стокгольма.

Находясь в плену, каролины живо интересовались, что происходит в мире и как обстоят дела у родных. Генерал Росс, отбывавший ссылку в Казани, в письме от 19 сентября 1717 года, поздравил сына со вступлением в брак. С Исетского железного завода фельдфебель Линдберг 17 декабря 1717 года сообщил брату в Стокгольм, что женился, и попросил прислать ему китайского шелка. Казанский ссыльный Патрик Гриссбах попросил родных позаботиться о наследстве после смерти его матери. А королевский секретарь Йозас Цедергельм уделял большое внимание воспитанию сына, отправляя в Стокгольм инструкцию о важности и порядке изучения разных наук. К тому же даже в плену он умудрялся успешно заниматься хозяйственными вопросами. Так, в письме от 26 августа 1718 года он сообщил брату о покупке местности в Швеции у генерала Левенгаупта, который, как известно, также находился в плену.

Свобода вероисповедания для иностранцев, официально объявленная Петром в манифесте 16 апреля 1702 года и распространявшаяся также на пленных каролинов, впоследствии неоднократно подтверждалась царскими, сенатскими и синодскими указами. Религиозная толерантность Петра Великого позволила каролинам не только открыто придерживаться своей религии, но и не мешала распространению пиетизма (мистическое учение в ортодоксальном лютеранстве, распространенное в XVII–XVIII веках. – **Прим. ред.**), который сыграл особую роль в жизни сибирских пленников. С кафедры открывшейся в ноябре 1713 года в Тобольске кирхи шведские проповедники призывали приспособляться к условиям плена, использовать все возможности для того, чтобы выдержать ниспосланное свыше испытание.

КАССА ПУСТА

Как выживали ссыльные каролины, на долгие годы оказавшиеся в русском плену? Где изыскивали средства, на которые можно было купить еду, одежду и заплатить врачу за лечение? Наиболее актуальными эти вопросы были для пленных офицеров, потому что они не получали никакого содержания. Отчаянная нехватка средств, особенно в первые годы плена, обрекала многих на полуголодное существование и даже смерть.

В своих письмах домой каролины отчаянно молили родных и знакомых о помощи.

В начале 1714 года граф Пипер сообщил шведским ольдерманам (руководители шведских колоний на местах ссылки, как правило, из числа высшего офицерства. – **Прим. авт.**), что «касса пуста и остается только надеяться на короля и Господа Бога». И с горечью добавил, что денег не хватает даже на то, чтобы оплатить покупку вина для причастия и медикаменты. Безденежье стало одной из основных причин перехода некоторого числа пленных на русскую военную и гражданскую службу, что в те времена не было чем-то из ряда вон выходящим. Большому осуждению подвергались те, кто при этом менял вероисповедание.

Одним из основных средств выживания для каролинов стал частный кредит. Но не все пленники могли себе его позволить. Многие занялись различными ремеслами и торговлей.

Спектр занятий, ремесел и промыслов шведских военнопленных в сибирской ссылке довольно широк. Ротмистр Георг Малин был не только поэтом, описавшим многие эпизоды своей сибирской ссылки в стихах, но и ювелиром и художником. Ротмистр Фридрих Ликстон, отбывавший ссылку в Верхотурье, покупал качественную тонкую кожу, из которой шил кошельки и перчатки. Каролины занимались изготовлением серебряной посуды и прочих предметов роскоши. Наибольшего успеха в этом деле достиг Юхан Шкруф. Его изделия были настолько качественны и красивы, что губернатор Гагарин приказал отправлять купленные у мастера поделки в госказну. Поручик Александр Борман делал гравюры, ротмистр Нирот писал картины. Поручик Эрик Улспар резал фигуры из кости так искусно, что князь Гагарин преподнес Петру Первому в подарок изготовленные каролином шахматы. В начале 1713 года в Тобольск из Верхотурья прибыли ротмистр фон Кунов и лейтенант Лейоншольдт, которые вместе с тобольским пленником Фэнриком Магнусом Сильверхельмом заключили

договор об изготовлении... игральных карт. Были среди пленных врачи, переводчики, учителя, портные, гувернеры, садовники... Но наиболее популярным занятием среди каролинов, как офицеров, так и рядовых, было самогонование и изготовление пива.

Первые годы пребывания шведских ссыльных в Сибири были трудными еще и потому, что культура, быт и нравы европейцев сильно контрастировали с укладом жизни местного населения. И те, и другие вос-

принимали поведение друг друга как дикое и непристойное. Шведские мемуаристы весьма красочно описывали пьянство русских, особенно в праздники. В эти дни ссыльные старались не выходить на улицу и запирали двери. Местные же, в свою очередь, осуждали чрезмерно вольное поведение ссыльных по отношению к женщинам. В острог сажали только за попытку заговорить с русской женщиной на улице. Недопонимание и неприятие друг друга, безусловно, влияли на отношения между ссыльными и местным населением, но не были основной причиной столкновений между ними. Решающее значение имел тот факт, что местные жители волею обстоятельств вынуждены были участвовать в содержании военнопленных: нести караульную службу, размещать их в своих тесных жилищах, делиться пищей, нести дополнительные налоговые тяготы.

И все же поведение сибиряков в отношении иноземцев отличалось от реакции жителей Центральной России. Земли Сибирского края не были исконно русскими, российские власти колонизировали и обживали территории, которые давно были заселены разными народами отнюдь не христианского вероисповедания. Ссылка в Сибирь в XVI–XVII веках пленных поляков, литовцев, черкесов не добавила православного элемента и без того неоднородному местному населению. Важную роль в формировании отношения населения к пленным играла позиция местных властей. И если казанский губернатор Петр Апраксин относился к шведам, по их собственным отзывам, с «необыкновенной твердостью и жестокостью», то сибирский губернатор Матвей Гагарин являл противоположный пример. Его покровительство, безусловно, оказывало влияние на позицию остальных сибирских чиновников. А это, в свою очередь, облегчало существование ссыльных. Только благодаря губернатору пленники обладали довольно большой свободой передвижения – ходили в гости, знакомились с окрестностями, навещали друзей и родственников, совершали поездки в Москву, Санкт-Петербург и другие города. В ряде случаев моральная поддержка имела не меньшее значение, чем материальная помощь. Без поддержки сибирского губернатора не могла бы осуществиться идея строительства школы для детей пленных. Шведские офицеры часто бывали на обедах в губернаторском доме, участвовали в русских праздниках. Каролины внесли весьма важную лепту в начавшееся при первом русском императоре систематическое изучение и описание земель за Уралом.

Попавший в плен в 1706 году под Выборгом матрос Хенрик Буш был отправлен в 1714 году в составе отряда Кузьмы Соколова для строительства кораблей в Охотск. Построив небольшое судно, экспедиция предприняла в 1716–1717 годах путешествие вдоль побережья Камчатки, составляя описание ее берегов и морские карты.

Лейтенант Амбьёрн Молин три года провел в Охотске, где участвовал в строительстве кораблей. О своем путешествии через Сибирь, о народах, ее населяющих, он рассказал по возвращении в Швецию.

Капитан Юхан Мюллер принял участие в миссионерской экспедиции сибирского митрополита Филофея Лещинского и подробно описал жизнь остяков. В 1720 году в Берлине вышла его книга об этом народе.

Лейтенант Андэш Пильстрем составил интересные заметки о традициях и обычаях черемисов и вогулов.

Истории, традициям и верованиям калмыков посвящена книга корнета Юхана Шнитцкера.

Но, пожалуй, самым известным каролином-исследователем сибирских земель является капитан Филипп Иоган Табберт (в 1722 году получил дворянский титул и фамилию фон Страленберг. – **Прим. авт.**). Тринадцать лет плена он потратил на исследования. Его слова: «Мы знаем о Сибири не больше, чем осяки о Германии» стали для него же, по-видимому, девизом в работе. Оказавшись в Тобольске, Страленберг принялся за основную свой труд – составление карты всей Сибири с соответствующими описаниями и комментариями. В 1725 году карта и описание Сибири были опубликованы в Нюрнберге и вызвали фурор в Европе. На протяжении последующих полутора столетий трудно обнаружить исследование, автор которого не ссылается на работу этого пленного шведа.

НИШТАДТСКИЙ МИР

30 августа 1721 года Россия и Швеция, подписав Ништадтский мирный договор, вышли из состояния войны. В 14-м пункте мирного трактата судьба военнопленных определялась следующим образом: «С обеих сторон военнопленным, какой бы нации они не были, чина и состояния имеют тот час по той ратификации одного мирного трактата отпустить без всякого выкупа. Однако когда всякий наперед либо в учиненных каких долгах или разделку учинит или в платежах оных доверственную и справедливую поруку даст из плена освобождены на совершенную выпущены и с обеих сторон безо всякого удержания. И в некоторое уриченное по расстоянию место, где оные пленники ныне обретаются правомерное время до границы с надлежащими подводами безденежно по возможности выпровожены быть». ❶

«РУССКОЕ ЧУДО» В ЧЕРНЫХ ПЕСКАХ

РУБЕН НАЗАРЬЯН

Уже само намерение российского правительства проложить железнодорожную магистраль сквозь пустыню Каракумы вызвало широкий международный резонанс. Причем большая часть как отечественных, так и зарубежных специалистов сомневалась в реализации подобного проекта.

Американские и европейские газеты публиковали иронические заметки, авторы которых снисходительно называли проект «русской утопией». Но начавшееся вскоре строительство дороги охладило пыл скептиков: западная пресса еженедельно печатала сводки о ходе работ как о боевых действиях. Стройка эта была настолько необыкновенной, что ею заинтересовался писатель-фантаст Жюль Верн. И уже в 1892 году вышел в свет его новый роман, «Клодиус Бомбарнак», описывающий путешествие французского репортера по уже существовавшей Закаспийской железной дороге... В минувшем году эта знаменитая магистраль отметила 120-летнюю годовщину.

ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА

Во второй половине XIX столетия Россия контролировала значительные территории на восточном побережье Каспийского моря. Созданный плацдарм позволил продолжить наступление вглубь Средней Азии, завершившееся присоединением к империи части хивинских, кокандских

и бухарских владений. Но удаленность этого стратегически важного региона от европейской части России создавала сложности как в управлении краем, так и в охране новых границ. Иными словами, необходимо было решить транспортную проблему. Об этом же настоятельно просил Санкт-Петербург и генерал Михаил Скобелев, войска которого в 1880 году готовились к штурму крепости Геок-Тепе на восточном побережье Каспия. Не взяв ее, нечего было и думать о дальнейшем продвижении вглубь Ахалтекинського оазиса.

Так что проект строительства железной дороги, которая связала бы Среднюю Азию с метрополией, возник вполне естественным образом. В апреле 1880 года в Ахалтекинский оазис направляется специальная экспедиция во главе с генерал-лейтенантом М.Н. Анненковым. Учитывая характер местности – безводной и труднопроходимой пустыни – и отсутствие необходимого для перевозки военных грузов количества верблюдов, Скобелев и Анненков поставили перед высшим командованием вопрос о постройке 26-верстной железной дороги от Михайловского залива на побережье Каспия до

поселения Молла-Кара, откуда и должен был начаться штурм крепости Геок-Тепе.

9 июля 1880 года император приказал «приступить безотлагательно к устройству базы и свозу на нее необходимых запасов посредством верблюдов, лошадей и дековилевской переносной дороги» и «вместе с тем приступить к подробным исследованиям для устройства постоянной железной дороги». А уже 27 июля 1880 года генералу Анненкову было поручено возглавить работу по сооружению первой очереди железной дороги от Михайловского залива до Кизил-Арвата...

ОТ КАСПИЯ ДО КИЗИЛ-АРВАТА

В том же, 1880 году был сформирован 1-й резервный железнодорожный батальон, включавший 25 офицеров, 30 инженеров-техников, врачей и представителей других профессий, а также 1080 нижних чинов различных специальностей. Это и были строители первого участка будущей Закаспийской железной дороги. Первоначально предполагалось построить здесь переносную конную железную дорогу системы Дековила. Однако вскоре стало ясно, что это нереально: сыпучие пески, барханы и почти полное отсутствие воды и фуража... Не отказываясь совсем от использования «переноски», Анненков принимает решение о строительстве паровой железной дороги и уже через 10 дней (4 сентября) рапортует о завершении работы. В ответ последовало очередное высочайшее повеление, предписывавшее продолжить прокладку магистрали до Кизил-Арвата. Общая протяженность дороги от Михайловского залива до этого пункта должна была составить 217 верст (230 километров). Ровно через год (4 сентября 1881 года) первый паровоз пришел в Кизил-Арват, а уже с 20 сентября началось регулярное движение поездов по этому маршруту.

Закаспийская железная дорога строилась в неимоверно сложных условиях: она шла через песчаные барханы, солончаки и степи, прокладывалась под палящим солнцем, не хватало воды. Для ускорения работ к военным строителям присоединились вольнонаемные рабочие из российских гу-

берний. Но они, не привыкшие к жаркому климату, безводью и местной пище, часто болели. Было решено «мобилизовать» армян из Баку, Шуши и Елизаветполя, легче переносивших жаркий климат и владевших персидским и тюркским языками. Они-то и помогали русским инженерам и техникам общаться с мусульманским населением.

Для солдат железнодорожного батальона сформировали специальный укладочный поезд из 27 двухэтажных вагонов. Они

были приспособлены не только для жилья, в них располагались кухни и мастерские, столовая, кузница и склады, телеграф и медпункт. Здесь же поместили пункт управления строительством.

Все необходимые материалы доставляли из России в Михайловский залив пароходами, затем рельсы и шпалы перегружались на специальные поезда. Строительство осуществлялось по скоростной американской технологии: поезда, подталкиваемые сзади паровозами, подходили к тому месту, где заканчивалась уже построенная колея. После укладки каждых 100 саженей пути материальный поезд продвигался по уложенной линии вперед, и работа продолжалась. Запаса материалов обычно хватало на две версты. Когда они заканчивались, поезд отходил назад и становился в специально отведенный тупик, чтобы пропустить очередной состав со стройматериалами. Так удавалось укладывать шесть верст пути в день. А для доставки на стройку менее тяжелых материалов использовался конный и верблужий транспорт. Особую проблему представляло водоснабжение строительства. На совершенно безводные участки пути вода доставлялась специальными поездами и верблюдами, перевозившими ее в бидонах.

Большая часть возводимой дороги, лишь изредка пересекавшей оазисы, проходила по глинистой, солонцеватой, песчаной пустыне, сменявшейся иногда барханами. Летучий песок, переносимый с места на место, засыпал и разрушал шпалы, железнодорожное полотно, бараки для рабочих, приводил в негодность технику. Но ничто не могло оста-

новить генерала Анненкова, руководившего стройкой. Михаил Николаевич придумал новый способ борьбы с движущимися песками: он распорядился посадить кусты саксаула вдоль возводимой железнодорожной трассы. Метод Анненкова оказался настолько эффективным и рентабельным, что впоследствии с успехом применялся при строительстве железных дорог в Алжире, Ливии и в пустыне Сахара...

Однако завершение строительства этого участка осуществлялось уже без генерала Анненкова. Война с текинцами продолжалась и во время строительства, так что солдатам железнодорожного батальона не раз приходилось брать в руки оружие. Михаил Николаевич, получив серьезное ранение при рекогносцировке местности в Янги-Кала, был вынужден оставить свой пост. Он возвратился в укрепление Самурское и, немного подлечившись, был отозван в Санкт-Петербург, где получил новое назначение: ему предписывалось руководить строительством стратегических железных дорог в Полесье.

КИЗИЛ-АРВАТ – МЕРВ – САМАРКАНД

После трех лет активной эксплуатации дороги в апреле 1885 года было решено продолжить ее до реки Амударья: уже 12 июля того же года были уложены первые рельсы от Кизил-Арвата. Сооружение очередного участка магистрали вновь поручили Михаилу Анненкову. Темпы работ резко возросли, уже 29 ноября первый паровоз прибыл в Асхабад: за четыре с половиной месяца было уложено 205 верст пути. В столице Закаспия строителям магистрали была устроена торжественная встреча.

Но Санкт-Петербург требовал ускорить строительство. 1-й резервный железнодорожный батальон был переименован в 1-й Закаспийский, а в помощь ему сформировали и 2-й Закаспийский железнодорожный батальон. Уже в следующем году батальоны объединили в единую железнодорожную бригаду и пополнили ее специальными кадровыми ротами.

2 июля 1886 года дорога достигла города Мерва. Когда сюда прибыл первый рус-

ский поезд, в Мерве царили, по описанию очевидцев, торжество и ликование... Этот день командир 2-го Закаспийского железнодорожного батальона полковник Андреев отметил соответствующим приказом, в котором говорилось: «Сегодня, ровно год спустя после начала укладки продолжения Закаспийской военной железной дороги, после долгого, настоящего и усиленного труда, среди всяких лишений под полуденным зноем и на холоде, под снегом и дождем, по проложенным нашим батальоном на протяжении 527 верст рельсам пришел первый русский паровоз в город МERV, находящийся в глубине Азии, на самых отдаленных окраинах нашего отечества и имеющий особое значение и важность в Средней Азии... С первых дней формирования вверенного мне батальона ему выпала завидная доля исполнить самостоятельную задачу – проложить рельсовый путь в Азию, через Закаспийский край и Бухару в Туркестан. Ныне, благодаря общим усилиям всех чинов батальона, честно и добросовестно потрудившихся для этого дела, обширная задача уже наполовину выполнена вполне успешно, в один год уложено 527 верст пути и обставлены необходимыми для правильного движения условиями 21 станция, что представляет еще беспримерный до сего времени факт, так как ни в России, ни в других государствах, где существуют специальные железнодорожные части войск, таких обширных задач на них не возлагалось и подобных результатов не достигнуто, а построенные линии за границей имели значение лишь подъездных, обходных или соединительных путей весьма незначительной длины...» (ЦГВИА, Кушкинская полковая рота. Приказы по Туркестанской бригаде. Дело 21, ф. 5873-1, листы 218–224).

Работа продолжалась в неимоверно сложных условиях. Особенно труден был песчаный участок между Мервом и Чарджуем. При малейшем дуновении ветерка гребни барханов начинали куриться, при более сильном ветре контур местности моментально менялся. Там, где был песчаный холм, образовы-

валась выемка, а на месте выемки вырастал бугор. Бывало, не успевали сделать полотно, как его тотчас же разрушало, выемку заносило, а насыпь выдувало. Однако, несмотря на такие препятствия, постройка дороги шла быстро.

Завершив самый сложный участок магистрали по безводным просторам пустыни Каракумы, строители 30 ноября 1886 года вышли к Амударье. К этому времени силами 1-го Закаспийского железнодорожного батальона была построена 27-верстная линия от Михайловского залива до нового, более удобного порта на Каспии, Узун-Ада, который и стал отныне начальным пунктом Закаспийской железной дороги.

Земли же за Амударьей принадлежали Бухарскому эмирату. Российское правительство сумело договориться с эмиром о продолжении строительства магистрали по его территории до Самарканда. И сразу же перед строителями встала сложнейшая задача – возведение моста через Амударью. Но генерал Анненков справился с ней: за 124 дня непрерывной дневной и ночной работы дело было сделано. Предприимчивый Анненков соорудил деревянный мост протяженностью 2 версты 247 сажений. Подобной длины железнодорожных деревянных мостов не сооружалось еще никем и нигде в мире! И потому полюбоваться этим чудом строительной техники специально приезжали крупнейшие железнодорожные инженеры Европы и Америки.

А уже летом 1887 года последовало распоряжение 2-му Закаспийскому железнодорожному батальону приступить к укладке железнодорожного пути вглубь Туркестана: от бухарского города Чарджуя к «русскому» Самарканду. Опыт, приобретенный строителями в Закаспийском крае, и тщательно произведенные инженерные изыскания по линии нового участка дали возможность генералу М.Н. Анненкову проделать эту работу в более благоприятных условиях. Темпы укладки полотна все возрастали, и уже в последние дни февраля 1888 года первый поезд пришел в Бухару. А затем понадобился лишь месяц, чтобы довести полотно почти до самой границы эмирата...

Первый поезд, выехав из Красноводска, точнее, от станции Узун-Ада, прибыл в Самарканд 15 мая 1888 года – в день годовщины коронавания императора Александра Третьего,

в период царствования которого было осуществлено присоединение Средней Азии к России. Завершение столь масштабного проекта буквально поразило весь цивилизованный мир: сооружение железнодорожной магистрали было названо стройкой века, которая отныне стала именоваться «русским чудом».

Закаспийская военная железная дорога стала первым опытом постройки такого масштаба военным ведомством. Средняя стоимость каждой из 1343 верст от Узун-Ада до Самарканда составила всего 33 500 рублей. Такое быстрое и дешевое сооружение дороги через песчаную степь и безводное пространство пустыни было выполнено только благодаря исключительной энергии и героическому труду строителей. Герой упомянутого выше романа Жюль Верна (alter ego самого автора) констатирует: «Часто говорят о той необычайной скорости, с какой американцы проложили железнодорожный путь через равнины Дальнего Запада. Но да будет известно, что русские в этом отношении им ничуть не уступают, если даже не превосходят как быстротой строительства, так и смелостью индустриальных замыслов».

АВТОР «РУССКОГО ЧУДА»

Заслуги генерала Анненкова перед отечеством поистине трудно переоценить. Постройка Закаспийской военной железной дороги обошлась российскому правительству всего в 43 млн рублей. Для сравнения: ни одна железная дорога, возведенная в стране, не укладывалась в столь скромную сумму. И это несмотря на то, что нигде более не приходилось сталкиваться с такими

трудностями доставки техники и строительных материалов, дальностью их подвоза, сыпучими песками и безводными пустынями, палящим солнцем и раскаленными степными ветрами...

Михаил Николаевич Анненков (1835–1899) был потомственным военным. Его отец, генерал-адъютант Николай Николаевич, отличился во время Польской кампании. Затем

был командиром Измайловского полка, директором канцелярии военного министерства. Последовательно занимал посты новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, государственного контролера, киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Был членом Государственного совета. Михаил Николаевич окончил Пажеский корпус, затем Академию Генерального штаба, принимал участие в усмирении польского мятежа. В 1867 году опубликовал цикл статей о применении железных дорог в военном деле. В 1869 году был произведен в генерал-майоры и назначен начальником передвижения войск по всем железным дорогам России. Его инженерный и организаторский талант принес много пользы отечеству во время Русско-турецкой войны. В 1879 году Анненков был произведен в генерал-лейтенанты. Затем последовала командировка в Туркестан на строительство Закаспийской военной железной дороги. Был первым начальником управления военных сообщений Закаспийского края. В последние годы жизни занимал различные ответственные посты в Центральной России, в частности руководил особым управлением общественных работ для оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая... Но главным делом его жизни, вписавшим имя Михаила Николаевича в анналы отечества, было, конечно же, сооружение Закаспийской железной дороги. За блестящее выполнение важной и ответственной работы, завершенной в столь короткий срок, за безупречную честность и самоотверженность М.Н. Анненков был удостоен грамоты императора Александра Третьего, пожалован бриллиантовым знаком Св. Александра Невского и осыпан другими милостями. А в ознаменование 25-летия существования железной дороги благодарная Россия воздвигла памятник своему достойному сыну на привокзальной площади Самарканда. На торжества по этому поводу в бывшую столицу империи Тимура были приглашены более ста официальных лиц из различных городов России и столько же гостей из

соседних областей Туркестана, местных чиновников, офицеров и именитых горожан.Guestы из России встретили на перроне самаркандского вокзала 20 октября. А на следующий день при большом скоплении народа в торжественной обстановке состоялось открытие памятника генералу. Он представлял собой серый гранитный постамент из глыб, на котором установили бюст в соседстве с двуглавым орлом. На фасадной стороне монумента красовалась витиеватая надпись «Генерал от инфантерии Михаил Николаевич Анненков, строитель Закаспийской военной железной дороги. 1835–1899». На задней стороне памятника, обращенной к вокзалу, содержалась краткая информация: «Закаспийская военная железная дорога постройкою начата 25 ноября 1880 года, окончена 15 мая 1888 года». Торжества завершились роскошным званым обедом в Общественном собрании, данным от имени города. Участие в нем приняли 200 приглашенных лиц, как иногородних, так и местных. Сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют, что пиршество это обошлось городской казне в 1400 рублей...

В советское время бюст М.Н. Анненкова, двуглавый орел и обе надписи были уничтожены. На освободившемся пьедестале в сентябре 1924 года водрузили фигуру вождя мирового пролетариата. Соответственно появилась и новая надпись: «... Ленинизм жив. Идеи Ленина для нас так же тверды и непоколебимы, как эта скала, на которой мы увековечили память Ильича. Мы выполним заветы Ленина». Некоторое время спустя в духе сталинских агиток был создан советский миф о сооружении этого памятника: «На привокзальной площади древнего Самарканда в знак любви к великому вождю В.И. Ленину рабочие, дехкане, трудовая интеллигенция города своими силами воздвигли величественный монумент. На огромной глыбе мрамора, высеченной из цельной скалы в Нуратинских горах, установлена бронзовая фигура вождя» (Алескеров Ю.Н. Самарканд. Путеводитель. Ташкент, 1970. С. 180–181). Монумент этот, простоявший семь последующих десятилетий, был затем демонтирован...

спийской железной дороге. Уже через год после ее появления, в 1889 году, в Самарканд было ввезено около 22 тыс. пудов чая, 117 тыс. пудов сахара, 165 тыс. пудов соли, 13,5 тыс. пудов табака, 33,6 тыс. пудов фруктов и ягод, 43 тыс. пудов орехов, 25 тыс. пудов угля, 48 тыс. пудов керосина и т.д. В том же году из Самарканда в различные регионы империи вывезли 200 тыс. пудов хлеба (в зерне), 166,5 тыс. пудов хлопка, 530 тыс. пудов муки и круп, 433,5 тыс. пудов риса, 23 тыс. пудов овощей, 94 тыс. пудов фруктов и ягод, 118 тыс. бутылок вина и водки, 33,5 тыс. пудов саксауль-

ного угля, массу других товаров среднеазиатского производства. А в следующем, 1890 году в приложении к отчету военного губернатора Самаркандской области сообщалось, что общая сумма вывозимых из Туркестанского края в Россию и за ее пределы товаров составила около 20 млн рублей, из которых на долю Самарканда приходилось 26,6%, или около 5,5 млн. Главными продуктами экспорта были хлеб, хлопок, мясо и масленичные семена. Ввоз товаров из России и других стран составил 21,5 млн рублей, причем около 30% этих товаров предназначалось Самарканду. В последующие годы обороты импорта и экспорта товаров через Самарканд исчислялись уже не десятками, а сотнями миллионов рублей. Вместе с доходами рос и сам город, где появились страховые агентства, многочисленные предприятия пищевой и обрабатывающей промышленности, хлопкоочистительные заводы, различные фабрики и мастерские, предприятия бытового назначения, многочисленные магазины, рестораны и питейные заведения, стали строиться гостиницы и доходные дома...

«Закаспийская железная дорога не принадлежит к тем гигантским сооружениям, которыми обогатилась цивилизация последнего времени; она не охватывает ни колоссального пространства, как тихоокеанская дорога, не прошла сквозь сердцевину гор, как дорога сен-готардского туннеля, – писал о еще не оконченной стройке известный венгерский путешественник-востоковед Арминий Вамбери. – Но по своему стратегическому, торговому и культурному значению она смело может соперничать с величайшими путями сообщений Европы и Америки. Если мы примем в соображение короткое время, употребленное на постройку этой линии, мы не можем не удивляться энергии и искусству, с которыми были преодолены немаловажные технические затруднения».

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что сооружение Закаспийской железной дороги в первую очередь было продиктовано военно-стратегическими и политическими соображениями. Российские власти гораздо больше заботились о нуждах армии – провианте, артиллерийских снарядах и прочем вооружении и снаряжении, нежели о тюках и ящиках с гражданскими товарами и прочими продуктами европейской цивилизации. Однако при этом нет необходимости умалять важную роль железной дороги в ускорении и облегчении сообщения между капиталистической Европой и феодальными окраинами Российской империи, в преобразовании культуры и быта народов Средней Азии, в развитии промышленности, торговли и сельского хозяйства. Особую, чрезвычайно существенную роль сыграла эта дорога для Самарканда, ставшего в короткое время главным торговым центром не только для Туркестана, но и для соседнего Бухарского эмирата. Благодаря «железке» здесь вскоре появились транспортные конторы Российского общества, братьев Каменских, «Надежда», «Кавказ и Меркурий», банки, чаеразвесочные фабрики и другие промышленные заведения. Достаточно красноречивы цифры, характеризующие экспортно-импортные операции, осуществлявшиеся по Зака-

И. Крейцингер.
Портрет
А.В. Суворова
в мундире
гвардейского
Преображенского
полка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ГЕНЕРАЛИССИМУС

МИХАИЛ БЫКОВ

За считанные месяцы до смерти он, будучи уже 70-летним стариком, с детской непосредственностью танцевал и шалил на бале в Праге. Несколько ранее – предпринял дерзкое путешествие по альпийским перевалам Швейцарии. Менее чем за год до прощания с миром – весной и летом 1799 года – он с несколькими тысячами товарищей по оружию посетил Северную Италию, оставив неизгладимый след в нескромной истории этой страны.

К стати, он исключительно хорошо относился к местоимению «он». Как-то даже заметил по этому поводу, что, если в войсках озвучат приказ с пояснением: «Он подписал» и все, до последнего солдата, поймут, о ком речь, – значит, полководец достиг пределов известности и уважения. В тот раз адъютант принес на подпись письмо, в котором перечисление всех титулов, чинов и званий подписанта заняло куда больше места, чем собственно текст. Он размашисто перечеркнул пером громоздкую презентацию и собственноручно вписал: «Суворов приказал!» И тут же, быстро сверкнув глазами, уточнил: «Ну что, так лучше?..»

Врожденная скромность, строгое воспитание и укрощенная десятилетиями молитв гордыня не позволяли поставить автограф «Он подписал!». Хотя мог бы! И солдаты в руке не ошиблись бы!

СУВОРОВ: БОЙСЯ БОГАДЕЛЬНИ

6 (17) февраля 1797 года фельдмаршал Суворов в одночасье превратился в опального пенсионера. Павел I, едва успев сменить почившую в бозе мать-императрицу, затеял масштабную и довольно противоречивую реформу армии. Фельдмаршал Александр Суворов принял ее в штыки, подарив России очередной афоризм: «Пули не букли, коса не тесак, я не немец, а природный русак!» Милость Павла к любимому генералу матери немедленно сменилась на гнев. И Александр Васильевич на два года отправился в скромное поместье Кончанское Новгородской губернии. Как пояснил император, в связи с отсутствием войн и, следовательно, необходимостью Суворова в армии.

Один из самых банальных штампов, коими усеяны листы биографии знаменитого полководца, – он всю жизнь провел в войнах и походах. Суворов на самом деле воевал много. Двадцать кампаний, как тогда на-

зывали войны и военные походы. Шестьдесят сражений различного масштаба. Однако были в жизни Александра Васильевича и довольно длительные мирные периоды.

Начнем с того, что, поступив на действительную службу в 1745 году рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк (15 лет от роду, по другим данным – в 1747 году. – **Прим. авт.**), Суворов отправился воевать только спустя 13 лет уже в чине подполковника. После успешного дебюта в Семилетней войне, свежееиспеченный полковник получает в командование сначала Астраханский пехотный, а чуть позже – Суздальский пехотный полк. Семь лет он занимается с вверенной ему частью, и этот богатый опыт позволил Суворову создать уникальный военный учебник по организации полковой жизни – «Полковое учреждение», известное так же как «Суздальское учреждение». Дальше – карьерный рост, начало очередной русско-турецкой войны, но 43-летнего полковника даже не рассматривают кандидатом в списки офицеров действующей армии фельдмаршала Петра Румянцева. Пришлось самому писать рапорт. А уж попав на фронт, заявить о себе взятием Туртукая. Потом – вновь пятилетний мирный перерыв. Если исключить весьма короткое по времени и скромное по результатам участие Суворова в поимке «казацкого царя» Петра III – Емельяна Пугачева. (К слову, любопытный факт: после восстания Пугачева имя Емельяна практически исчезло из оборота в русских семьях.)

А затем – Русско-турецкая война 1787–1791 годов, в которой генерал-аншеф Суворов получил всеобщее признание как выдающийся полководец. Сражения на Кинбурнской косе и за крепость Очаков, при Фокшанах и на реке Рымник, наконец, феноменальный штурм крепости Измаил!.. Но следующие четыре года Суворов занимается рутинной работой в Финляндии и на Украине: строит укрепленные пограничные линии, тренирует вверенные ему войска. Короткая кампания в Польше в связи с «наведением конституционного порядка» – и вновь мирная Украина, штабной уездный городок Тульчин, где в охотку пишется великая книга «Наука побеждать». Вот эта самая книга,

а вкупе с ней и порядки, установленные Суворовым в южных дивизиях, и вызвали гнев императора, так как шли вразрез с новыми, им самим разработанными армейскими уставами.

Короче говоря, военные кампании заняли в жизни генералиссимуса 16 лет из 55, отданных армии. Что нисколько не умаляет, а, наоборот, подчеркивает величие его побед.

Отставка кончилась неожиданно. Опять-таки 6 (17) февраля, но уже 1799 года фельдмаршал Суворов был вызван из Кончанского в Петербург специальным рескриптом императора. Между прочим, таких мистических совпадений в богатой событиями жизни Суворова было с избытком. «Долгом почитаю, не от своего только лица, но от лица других, предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену», – писал Павел. Этими «другими лицами» являлись король Англии и император Австрии. Они настояли на назначении Александра Васильевича главнокомандующим союзной армией, созданной в центре Европы, для борьбы с юной, но исключительно жадной до чужих земель Французской Республикой.

Сидя в собственном имении, как «в богадельне», опальный фельдмаршал внимательно следил за военными успехами молодого французского генерала Бонапарта. «Далеко шагает», – бывало, приговаривал Александр Васильевич, чаевничая с окружавшими его в Кончанском гренадерами-ветеранами.

СУВОРОВ: ПОРА ОСТАНОВИТЬ МАЛЬЧИКА

Перед тем как писать этот материал, автор провел небольшой опрос среди знакомых. Без всяческих претензий на его научность и уж тем более – репрезентативность. Однако ответы людей, по большей части с высшим гуманитарным образованием, настолько однотипны, что позволено сделать некоторые выводы. Все без исключения считают Суворова величайшим полководцем России, большинство вспоминают про Измаил и Сен-Готард, некоторые – про «Науку побеждать» и Чертов мост. Об Итальянском походе союзной армии под началом русского фельдмаршала не сказал никто. И уж тем более никто не сказал о реке Адде, реке Треббии и городке Нови. Но история живет независимо от того, знают ее или нет.

графу Разумовскому: «Я в Милане получаю из Вены ответы о приезде моем в Верону. Я только что в Турин перешел – пишут мне о Милане». Откуда ж было знать Суворову, что и Разумовский сыграет вскорости весьма неприглядную роль в «итальянском театре масок».

Но пока всякие интриги и каверзы не могли помешать реализации главного суворовского качества – умению побеждать в бою. Через неделю после прибытия фельдмаршала в Верону суворовцы взяли Брешию, еще через

четыре дня вышли на берег реки Адды в районе озера Комо, где стояли 30 тыс. французов генерала Моро. Бились три дня, французы потеряли треть убитыми, ранеными и пленными и отступили на запад, к Пьемонту. 18 апреля Суворов вошел в Милан, в котором уже хозяйничали передовые казаки разьезды. На освобождение провинции Ломбардия русскому фельдмаршалу потребовалось... 10 дней! Миланцы встречали Суворова столь же страстно, как и прежде венцы, веронцы, брешианцы. Сыпались цветы, сияла иллюминация, смеялись женщины.

СУВОРОВ: В АТАКЕ НЕ ЗАДЕРЖИВАЙ!

Одним из важнейших боевых принципов Суворов считал необходимость гнать противника до конца, не останавливаться после промежуточного успеха. Но в случае с Моро произошло иначе. Разведка сообщила, что с юга от Неаполя движется на помощь французскому генералу другой специалист – генерал Макдональд. Пришлось разворачиваться в обратную сторону, прикрывшись аррьергардом генерала Розенберга. Суворов остановился у города Павии, чтобы разобраться, кого же бить первым: Моро или Макдональда? «Помог» в этом процессе прибывший в русский лагерь великий князь Константин Павлович. Его отец Павел I посчитал, что самое время для 20-летнего отпрыска поучиться военному уму-разуму у самого «генерала Вперед». Так величали Суворова еще глубоко уважавшие его турки. Но великий князь решил не учиться, а сражаться. Из довольно мелкого боевого эпизода с переправой через реку По для предстоящей атаки войск Моро, закрепившихся в крепости Валенца, вырос целый бой, в котором не подготовленный к нему русский отряд генерала Розенберга потерял свыше 1200 человек и отступил. Спровоцировал ситуацию как раз Константин, взявший Розенберга, как сказали бы сейчас, «на слабо». Генерал чудом избежал военного суда, а великий князь не избежал беседы с главнокомандующим с глазу на глаз. Учебка началась.

210 лет назад в эти самые дни – 4 (15) августа – Александр Суворов одержал одну из самых блистательных побед в сражении при Нови. Но прежде о том, как он и его армия там оказались.

Как известно, Суворов не выносил «немогузнайства». Он готов был принять любую фантазию, но только не отсутствие ответа. За глупость не ругал, но и не поощрял, разумеется. Просто оставлял без внимания. А вот хитроумие, смекалку, юмор отмечал всегда. Высшая похвала – приглашение к обеду похрустеть наструганной рукой фельдмаршала редькой. Один из сопровождавших Суворова из ссылок попал под проверку на географическую тему. Граф Рымникский спросил, какие остановки есть между Новгородом и Петербургом. Тот и ответил: «Первая – Милан, вторая – Турин, третья – Париж!» Суворов остался доволен. Такая география полностью совпадала с его планом итальянской кампании. Но прежде он сделал три другие большие остановки.

Первую – в Петербурге, где император вел себя так, будто и не было недоразумений длиною в два года. «Веди войну как умеешь», – напутствовал Павел.

В Митаве Суворов посетил будущего французского короля Людовика XVIII, а на тот момент – принца Прованского из гнании. И выразил уверенность, что следующая их встреча произойдет в Париже. При условии, что помешать этому попытаются генералы французской Директории, и никто иной.

В Вене Александр Васильевич нанес официальный визит императору Австрии Францу, который назначил его фельдмаршалом австрийской армии. Судя по разным признакам, друг другу они не сильно понравились.

В марте Суворов прибыл в свой штаб. «В Вероне, где встречаются нас события» ждали русские генералы Розенберг, Багратион, Милорадович, австрийский начальник Мелас и 52 тыс. солдат и офицеров. Удивительно, но впервые за всю многолетнюю военную карьеру великий полководец оказался... главнокомандующим.

В русско-турецких войнах Суворов подчинялся главному графу Румянцеву-Задунайскому, потом – светлейшему князю Потемкину-Таврическому. В Польше воевал под формальным началом того же графа Румянцева. Пугачева гонял под руководством графа Петра Панина.

Но и главнокомандование не обходилось без попыток тотального контроля «сверху». Только на этот раз за Суворовым внимательно смотрели сразу из Петербурга, Вены, Лондона и из собственного штаба – австрийские генералы и павловский «стукач» Герман. Сам Суворов пытался относиться к такому контролю с юмором. Писал в письме русскому послу в Вене

Шел май. Опасность с юга была временно ликвидирована. И Суворов выбрал жертву – генерала Моро, прикрывавшего дорогу на Францию у города Александрия. Обходной маневр в 400 с лишком километров вывел союзные войска в тыл Моро и позволил без боя занять столицу Пьемонта – Турин. Французы спрятались в Генуе, а перед Суворовым открылась дорога на Париж. До французской границы оставалось всего-то 100 верст. Но тыл, тыл! Там активизировался Макдональд и спешил на соединение с Моро.

4 (15) июня в штабе фельдмаршала становится известно, что французы бьют австрийцев под Моденой. Суворов поспешил на помощь. А спешить Суворов и его солдаты умели. Еще в бытность командиром Суздальского пехотного полка сорок лет назад Александр Васильевич твердо уяснил, какое колоссальное значение имеет умение армии совершать быстрые переходы. Годы тренировок привели к тому, что его солдаты в сутки проходили до 70 км, что в два-три раза больше уставной нормы.

Трое суток бегут суворовские роты. В 4 часа пополудни 7 (18) июня колонны появляются на берегах реки Тидоне неподалеку от города Пьяченцы и вступают в бой. Даже любимец Багратион не понял особенностей момента и просил остановить солдат, чтобы те отдышались и дождались отставших. «В ротах по сорок человек», – докладывал он главному. Но в ответ услышал: «У Макдональда нет и по двадцати. Атакуй с Богом! Ура!»

Бой на берегах Тидоне, а потом и Треббии длился три дня. Всего сошлось до 70 тыс. человек. Но австрийские части под командованием генерала Меласа самоустраились от сражения. В последний день наступил предел человеческих возможностей. Багратион доложил Суворову о том, что солдаты отходят. «Плохо, князь Петра!» – ответил 69-летний полководец. И поскакал к войскам. Русские солдаты, увидев в рядах самого Ляксандру Василича и слыша его крик «Заманивай, шибче заманивай!», остановились. А когда следом услышали приказ: «Вперед!», откуда-то появились силы и злость... Макдональд был разгромлен начисто, потеряв в бою и при бегстве армии свыше 18 тыс. солдат.

В детстве Сашенька Суворов жег по ночам огарок под одеялом в спальне родительского московского дома за Басманными воротами Земляного города. Жег – и в мутном желтом свете восковой свечи читал. До самого утра. Особенно любил книгу о славном полководце Ганнибале из Карфагена, не один раз громившем римские легионы. Одна из побед Ганнибала одержана была на берегах итальянской реки Треббии.

СУВОРОВ: НЕДОРУБЛЕННЫЙ ЛЕС ВЫРАСТАЕТ СНОВА

При венском дворе почувствовали неладное. Казалось бы, мечта Габсбургов осуществлялась на глазах. Суворов буквально взашей вытолкнул французских революционеров из Италии, их остатки еще сидели в крепостях и в предгорьях Апеннин, но ясно было, что вскоре попросят и оттуда. Однако союзники беспокоились о другом. Слава Суворова и любовь к нему в Италии превысили все возможные пределы. «Сапог» свалился с французской ноги, но пришлось впору на русскую. И хотя в Петербурге никто не думал кипятить итальянское молоко, Вена по дурной привычке дула на воду.

Суворов хотел идти на Париж. Он искренне считал якобинцев Франции врагами Европы, трона и веры. А ведь и к трону, и особенно к вере фельдмаршал относился чрезвычайно серьезно. Император Франц предпочел бы остановиться на границе с Францией и, приумножив земли империи, политые русской кровью, пожинать плоды успеха. С другой стороны, опасность еще присутствовала, уже размышлял об исчезновении из Египта Бонапарт, и, стало быть, никак нельзя было отказаться от союза с Павлом. Поэтому-то суворовскую армию законсервировали в Северной Италии на полтора месяца. Сами австрийцы тем временем осаждали крепости, еще занятые французскими гарнизонами.

Так, 17 (28) июля была освобождена Мантуя, и сразу же вслед этому событию Суворов получил от Павла указ, даровавший ему титул светлейшего князя Итальянского. Радостно, конечно, но добить засевшего в прибрежной Ривьере у Генуи генерала Моро с присоединившимися к нему остатками армии Макдональда было бы еще радостнее.

Приказа все не было, но Суворов продолжал готовиться к продолжению кампании. Встать венский кабинет со стула заставили сами французы. Париж прислал в Италию нового командующего – молодого, яркого 30-летнего генерала Жубера. Французская армия зашевелилась на крутых апеннинских склонах, и у городка Нови 3 августа раздались первые выстрелы. Суворов решил начать сражение первым. Рано утром 4 августа русские колонны пошли на приступ хорошо укрепленных на господствующих высотах позиций Жубера. Французский генерал не стал отсиживаться за орудийными батареями и верхом рванул на передовую. Одна из первых пуль ударила ему в грудь – и блестящая карьера оборвалась. Жубер сдержал слово, данное жене при прощании: «Я вернусь к тебе победителем или мертвым».

Обычно такие события в самом начале боя деморализующим образом действуют на солдат. Но французы оказались на высоте и в прямом, и в переносном смысле.

Новинское сражение длилось с пяти утра до шести вечера. Первоначально ворваться на позиции врага, расположенные на крутых склонах над долиной, никак не удавалось. Сильный орудийный огонь, тяжелый подъем, дикая жара — мешало все! Редкий случай, когда Суворов в ходе боя изменил собственным правилам. После полудня он остановил атаки и дал солдатам отдохнуть. Одновременно отправил корпус австрийцев по длинной дуге в обход. К вечеру, когда атаки русских в лоб дали первые результаты и французы подвинулись, в тыл последним зашли австрийские колонны. Бой был сделан! Из 85 тыс. человек, дравшихся с обеих сторон, потери составили более 14 тыс.

На князя Итальянского графа Римникского началась мода. Мужчины стали делать себе стрижки по-суворовски, в кондитерских печь пирожки по-суворовски, в шляпных лавках появились треуголки по-суворовски. Образ Суворова в виде рисунков, гравюр, газетных карикатур, картин тиражировался многими тысячами и раскупался по всей Европе. В городке Асти, где остановился фельдмаршал после Новинского сражения, население увеличилось в разы за счет туристов и паломников, мечтавших увидеть великого полководца. Все европейские монархи отметились, прислав фельдмаршалу высшие награды своих государств. Особо отличился сардинский король, присвоивший Суворову титул потомственного принца-кузена. К слову, именно этот по-своему щедрый поступок сардинского самодержца позволил в октябре 1799 года императору Павлу возвести Суворова в звание генералиссимуса. Но об этом — в свое время.

В августе же Павел, прекрасно зная, что фельдмаршал является кавалером всех российских орденов, ломал голову над наградой. И придумал-таки. «Вы поставили себя выше всяких награждений», — написал он в Италию и особым рескриптом распорядился, чтобы при появлении Суворова все чины гвардии и армии приветствовали его так, как приветствуют только членов императорской фамилии.

А сам Суворов ждал приказа идти на Париж. Но так и не дождался.

И в Вене, и в Лондоне интриги заплелись в длинную комбинацию по выдавливанию русских из Италии. Но не во Францию, а в оккупированную республиканцами Швейцарию, где уже стоял в бездействии 25-тысячный корпус генерала Римского-Корсакова, обреченный на встречу с 80 тыс. солдат лучшего маршала Директории, Массены. Смысл комбинации сводился к тому, что в Италии австрийцы теперь и сами справятся, если что. А вот в Голландии и германских княжествах вот-вот появится сам Бонапарт, и противостоять ему там будет некому. Пусть русские и выходят на оперативный простор большой Европы. А чтоб и тени сомнений не возникло в необходимости этого похода через Альпы, имелся козырь под названием «корпус Римского-Корсакова». Суворовские солдаты обязательно пойдут ему на выручку, если станет очевидно, что без этой помощи его уничтожат. Уж такие они, эти русские солдаты...

Поднимая армию в поход, Суворов прекрасно понимал, что Европа в который раз из двух зол не выбрала Россию. Размер русской карты опять не давал ей поместиться в мелкоформатной европейской колоде.

Уходя из Италии в сторону швейцарских перевалов, русский фельдмаршал произнес: «Иду, но горе тем, кто меня посылает!» Нет, Александр Васильевич не кликал беду, он ее предвидел. И спустя каких-то шесть лет злой гений Наполеона Бонапарта принес европейским державам горя сполна.

СУВОРОВ: СКАЖИ МНЕ, ГОСПОДИ, КОНЧИНУ МОЮ

Швейцарский поход Суворова — это хрестоматия военной истории. Такого не было ни до, ни после. Даже переход любимого им Ганнибала через Альпы во время Второй Пунической войны с римлянами был осуществлен в тяжелых природных условиях, но без боев с превосходящими силами противника. Суворов же шел по Альпам с боями. И — прошел! В одной из стычек едва не попал в плен сам Массена. В кулаке русского унтер-офицера Махотина, отличавшегося дикой физической силой, остался кусок шитого золотом воротника от мундира французского военачальника. Не удержал унтер генерала за шиворот, лошадь тому

помогла, взяла от страха в карьер. Ну, и сукно французское мундирное оказалось дрянью.

Когда армия спустилась в долину Рейна, Павел отозвал фельдмаршала на родину. Уже в чине генералиссимуса! А с генералиссимусами в России история такая. Всего их было... Впрочем, тут простого подсчета мало.

Звание, родившееся во Франции в середине XVI века, впервые в России использовал царь Петр. В 1696 году генералиссимусом стал воевода Алексей Шеин за Азовский поход, в целом весьма неудачный. Петр Великий произвел в чин «генералиссимуса всех потешных войск» князя-кесаря Федора Ромодановского и военачальника Бутурлина. При Екатерине I великой чести удостоился светлейший князь Александр Меншиков. Анна Леопольдовна, императрица в 1740–1741 годах, наградила чином мужа своей дочери – герцога Антона Ульриха Брауншвейга. Видимо, потому, что Антон был отцом так и не ставшего полноценным царем внука царицы, Ивана VI. Сам генералиссимус после прихода к власти Елизаветы Петровны долгие годы жил в глухой ссылке в Холмогорах. Неизвестно даже место его погребения.

Сто пятьдесят лет назад – 25 августа 1859 года – в высокогорном ауле Гуниб был пленен русскими войсками имам Шамиль. Он также с 1854 года носил титул генералиссимуса, правда, почему-то турецких войск. В этом списке он по той причине, что жизнь закончил российским подданным в Калуге.

Еще один персонаж – Иосиф Джугашвили. Этот случай особый, и анализировать его чрезвычайно трудно. Да, лидер советского государства имел прямое отношение к военному процессу: это и победы 1943–1945 годов, но это и страшные месяцы 1941–1942-го, это довольно бескровный возврат территорий Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии, но это и заиндевшая от мороза мясорубка советско-финской войны.

Единственный русский генералиссимус, получивший это звание с соблюдением абсолютно всех уставных требований, – это Александр Васильевич Суворов. Почему в его случае так важен был титул, преподнесенный королем Сардинии? Потому, что помимо всех военных условий существовало еще одно: претендент должен входить в какую-нибудь монархическую семью.

Суворов возвращался долго. Рождество встретил в Праге. Затем, после первых сильных приступов болезни, остановился в Кракове. Перебрался в собственное имение под Кобрином, подаренное Екатериной Великой за польскую кампанию. Здесь он в дни Великого поста написал «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу». Его текст полностью сохранился.

Пасху великий полководец встретил в Риге, где в последний раз предстал перед обществом в парадном мундире при всех орденах. Сил оставалось мало, но Суворов знал, что в Петербурге ему организована встреча императорского уровня. Только фантастическая сила воли, присущая ему всю жизнь, позволила генералиссимусу преодолеть путь от Риги до столицы. Но оказалось, что по каким-то неведомым причинам Павел I отменил всю программу праздничной встречи. 20 апреля Суворова привезли в дом племянника Хвостова на Крюковом канале, где он и закончил земной путь 6 мая 1800 года.

Напоследок – о мистических совпадениях.

Суворов женился в 1774 году на дочери князя Прозоровского Варваре Ивановне. Счастливым их брак не был, но в семье родилось двое детей: дочь Наталия, Суворочка, как звал ее сам Александр Васильевич, – в 1775 году и сын Аркадий – в 1784-м.

В дни Итальянского похода отца сын присутствовал при нем в качестве штабного офицера. В 1811 году во время русско-турецкой войны Аркадий Суворов командовал 9-й пехотной дивизией. Он утонул при переправе через реку Рымник, спасая гибнущего солдата. Тот самый Рымник, на котором его отец одержал одну из самых ярких побед.

Аркадий имел сына Александра, выслужившего чин генерала от инфантерии и в свою очередь родившего сына Аркадия, флигель-адъютанта императора Александра II. Правнук генералиссимуса Александра Васильевича Суворова умер в 1893 году, с его смертью княжеская и графская ветвь рода Суворовых пресеклась...

Последними словами генералиссимуса после исповеди и причастия в день смерти были: «Долго гонялся я за славою – все мечта. Покой души – у Престола Всевышнего». ☛

ВРЕМЯ ЧИТАТЬ КАМНИ

ЛАДА КЛОКОВА

Экскурсовод привычно, без раздражения пересказывала давно заученный текст, не рассчитывая на внимание окружающих. И правильно. Шумные экскурсанты, суетливо толкая друг друга, как заведенные щелкали фотоаппаратами. «Вопросы есть?» – устало обернулась экскурсовод.

– А что это за лицо в перьях?

– Слон?!.. Там слон? Они что, слонов видели?

Захотелось сесть в траву, закрыть уши руками, чтобы не слышать пустого гомона, и молчать, молчать, молчать. Потому что тогда ничто не помешает наблюдать за игрой света на древних белокаменных стенах, превращающей кентавров, львов, орлов, павлинов, грифонов и херувимов в дышащих, танцующих, хитро улыбающихся тебе незнакомцев...

Вот он – вечный ребус, знаменитая легенда, неразгаданная тайна. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском – рукотворное чудо предков. «Они», ведавшие, как выглядели слоны и херувимы, знали толк в своем деле. Зря, что ли, первый каменный храм в Москве возводился в 1326 году по образу и подобию Георгиевского собора? Зря, что ли, Аристотель Фиораванти, обустроивший в XV веке Московский Кремль, был специально отправлен на «экскурсию» во Владимир, чтобы создать в новой столице Успенский собор, не уступающий по красоте владимирским храмам? Надменный итальянец долго отказывался верить, что в «дикой Московии» могли существовать столь блестящие образцы архитектуры...

– 15 минут на самостоятельный осмотр, – скомандовала экскурсовод.

Попробуем успеть.

«САМ БЕ МАСТЕР»

Сын Владимира Мономаха князь Гюрги (он же Георгий, он же Юрий Долгорукий) в 1152 году построил на реке Колокше крепость, а в ней, как водится, церковь. Естественно, в честь св. Георгия, своего небесного покровителя. А поселение он назвал в собственную честь – Гюргев. Дабы отличать его от другого, приднепровского Гюргева, добавили «Польской», то есть стоящий в поле. Так и получился Юрьев-Польской – форпост на границах владими́ро-суздальской земли. Досталось городку изрядно: в XIII, XIV и XV веках его разоряли монголо-татары, в XVII – жгли поляки.

Как выглядела церковь, построенная Долгоруким, неведомо. Внук основателя Москвы – князь Святослав Всеволодович, получивший Юрьев-Польской в удел, – основал здесь мужской Михайло-Архангельский монастырь и, разобрав церковь Св. Георгия, построил новый собор – Георгиевский. Летописи уточняют, что Святослав «руши церковь святого Юрия каменую, тако же бе обветшала и поломалася», а вместо нее возвел другую: «чудну зело, вельми украси ю резным камнем от подошвы и до верху святых лики и праздники, а сам бе мастер». До сих пор идут споры, действительно ли Святослав сам руководил строительством или летописец преувеличил его роль. Сие доподлинно неизвестно. Зато, благодаря археологам, известно, что собор Святослав возвел не на месте дедовской церкви, а рядом. Работы заняли четыре года: храм был закончен в 1234-м. И через четыре года Юрьев-Польской был razорен монголо-татарами в первый раз. В том же 1238 году Святослав участвовал в трагической для русских князей битве с монголо-татарами на реке Сить, позже стал великим князем Владимирским, ездил в Орду договариваться с ханами, а под конец жизни вернулся в Юрьев-Польской... Женат он был на Евдокии – дочери муромского князя Петра и княгини Февронии, тех самых святых, которые сегодня популяризируются в России как покровители семьи и влюбленных в противовес св. Валентину.

В 60-е годы XV века Георгиевский собор, к ужасу горожан, рухнул. Возможно, это гово-

рит в пользу того, что строил его действительно князь, а не профессиональный архитектор. Ведь подобные каменные храмы стояли на Руси по 500, а то и более лет. А постройка Святослава продержалась двести с небольшим. В XV же веке приехал в Юрьев-Польской из Москвы опытейший архитектор Василий Ермолин. Специально, чтобы восстановить собор. Это он обновлял в столице обветшавшие кремлевские стены, перестраивал Спасские ворота, собор Вознесения, реставрировал церкви во Владимире... В «Ермолинской летописи» говорится, что Георгиевский

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

собор «розвалилися вси до земли», так что перед архитектором стояла сложная задача. Восстановить собор в первозданном виде Ермолину не удалось: пропорции храма изменились, он стал более «приземистым». К тому же часть великолепных рельефов при обрушении погибла, часть уцелевших Ермолин пытался собрать так, чтобы воссоздать сюжетные линии каменного узора, но...

В XVII, XVIII и XIX веках к Георгиевскому собору постоянно что-то пристраивали, изуродовав его до неузнаваемости. Только в XX столетии все поздние пристройки были снесены. Так что собором можно снова любоваться.

КРУЖЕВО В КАМНЕ

А любоваться есть чем. Несмотря на то, что выглядит Георгиевский собор ныне не совсем так, как во времена Святослава, когда летописи воспевали его небывалую красоту. Он и сейчас поражает воображение. Нет, не куполом и не размерами — храм невелик. Это как раз тот случай, когда красоту можно назвать ускользающей, нездешней, неральной. Хотя, казалось бы, что может быть реальнее, осязаемее и весомее твердо стоящего, будто вросшего в землю белокаменного русского собора XIII века? Причина этого странного ощущения — завораживающий

Воспетый летописями
Георгиевский собор, несмотря
на свои скромные размеры,
и сегодня поражает воображение
искусственными рельефами
и хитроумными узорами

скульптурный рельеф. Первое, что приходит на ум при взгляде на него, — кружево в камне.

Чтобы понять, насколько сложна была в техническом отношении эта работа, достаточно сказать, что древние мастера сначала вырезали на отдельных камнях горельефы, которые ставились в кладку стен как обычные блоки. И только после того, как стены с горельефами были возведены, по готовой плоскости вырезали ковровый растительный орнамент, заключая фигуры в искусный лабиринт стеблей, листьев и цветов. Представьте, какая высочайшая точность и невероятная аккуратность требовались от резчиков: малейшая ошибка могла привести к необходимости менять целые фрагменты готовой кладки собора! Даже думать не хочется, чем мог рисковать допустивший ошибку мастер.

Совмещение подобных техник резьбы означает, что у строителей существовал детально проработанный проект храма, в противном случае идеально совместить ковровый узор с уложенными в кладку горельефами было бы просто невозможно.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ «АЗБУКА»

ГРИФОН

Легендарный монстр, с головой, крыльями и когтями орла, а телом – льва. В древности считалось, что грифоны охраняли золото Индии, а греки были уверены, что они стерегут золотые копи скифов. В иносказательном смысле считался стражем Древа жизни, символизировал страх на пути восхождения к высшей истине. В христианстве означал воскресение и двойственную природу Христа. В средневековой Европе олицетворял силу Солнца. В «Божественной комедии» Данте грифоны везут триумфальную колесницу Церкви с Иисусом Христом. Возможно, этот мотив станет понятнее, если вспомнить, что в античности грифоны считались священными животными Аполлона и тоже везли его колесницу. Позже в христианской традиции стал олицетворять сатану.

ЛИЛИЯ

В христианской традиции является символом чистоты и целомудрия, в первую очередь ассоциируется с Богородицей. Кроме того, может символизировать раскаяние, поскольку считается, что лилия выросла из слез Евы, когда она покидала Эдем. Лилией увенчан жезл архангела Гавриила. В раннем Средневековье fleur-de-lys стала геральдической эмблемой французских королей, хотя до XII века лилия не была признана официальным символом французской монархии.

КИТОВРАС

Иными словами – кентавр. Голова и торс человека, тело – лошади. В древнегреческих мифах выступали одновременно и как представители сил зла, и как добрые помощники героев (кентавр Хирон – учитель Ахиллеса и т.д.). Часто изображались в свите Бахуса. В средневековой Европе олицетворяли низменную, животную природу. На Руси были известны под именем Китовраса (позже – полканы), иногда наделялись крыльями. Китоврас, по версии русской легенды, кентавр, которого царь Соломон обманом заставил помогать в строительстве Иерусалимского храма. Якобы научил Соломона, как с помощью алмаза обтесывать камни, состязался с царем в мудрости. В итоге получил перстень Соломона, с помощью которого отомстил – забросил царя в далекую страну. Некоторые варианты легенды утверждают, что Китоврас был родным братом Соломона.

ПАВЛИН

Ассоциировался с царским достоинством, любовью, являлся символом красоты. В греческой мифологии узор на перьях павлина считался глазами убитого гиганта Аргуса. В раннем христианстве павлин связывался с солнцем и считался символом бессмертия. Позже христиане считали, что узор на перьях павлина символизирует «всевидящую Церковь».

ЛЕВ

В Древней Греции считался проводником Солнца, а весной Дионис мог являться в образе льва. У славян-лютичей лев – олицетворение бога войны Радогоста. В Средние века у христиан стал символом воскресения: в бестиариях рассказывалось, что новорожденные львята 3 дня пребывали мертвыми, пока лев не возвращал их к жизни своим дыханием. У буддистов лев – храбрость и благородство, символизирует Север, с которым связан приход Будды. В Ветхом Завете со львом сравниваются Иуда, Дан, Саул, Даниил, лев – одно из четырех явленных Иезекиилю животных. Лев также знак отшельничества и одиночества, соотносится со многими христианскими святыми. Он же – эмблема Антихриста. В Псалтири победа над князем тьмы интерпретировалась как победа надо львом и драконом.

ХЕРУВИМ

В христианстве второй после серафимов ангельский чин, херувимы – одни из тех, кто наиболее приближен к Богу. Согласно ветхозаветной традиции, херувим, вооруженный огненным мечом, охраняет вход в Эдем, а также является средством передвижения Бога. Согласно описаниям, Ковчег Завета охраняли два отлитых из золота херувима. По Иоанну Златоусту, херувим – это «полная мудрость».

Как же прекрасен он был в первозданном виде, когда эта изысканная кружевная каменная вязь полностью покрывала все стены собора! Можно только догадываться о том, какое восхищение и благоговение испытывали в те времена приходившие сюда верующие...

Вот и современные экскурсанты, отсняв положенную серию фотографий на тему «я на фоне...», все же выключают технику и всматриваются в плутоватые физиономии львов и гордые профили кентавров. Правда, между нами и теми, кто всматривался в рельефы Георгиевского собора семь столетий назад, есть разница. Они, в отличие от нас, в буквальном смысле читали стены храма, как книгу. И вопрос нашего современника о «лице в перьях» вызвал бы у них в лучшем случае недоумение, в худшем – опасение: а не повредился ли умом тот, кто его задает? Кто ж не знает, как выглядит херувим?

ПОТЕРЯННЫЙ КОД

В работах, посвященных Георгиевскому собору, можно встретить два мнения о знаменитых рельефах. Одни утверждают, что мастера скопировали их с византийских орнаментов, которыми были украшены ткани, блюда и прочая утварь княжеской казны. Другие осторожно пишут о том, что до сих пор наука не располагает достаточно полными данными об истоках этого декора.

Бессмысленно оспаривать влияние Византии на средневековое русское искусство. Как и спорить с тем, что создаваемые на Руси шедевры зодчества, иконописи, литературы были отмечены национальным своеобразием. Рельефы Георгиевского собора лишнее тому доказательство. На этих древних стенах слились в единую «летопись» христианские символы и мотивы славянского язычества. И хотя полностью «прочитать» оригинальную историю, изложенную древними мастерами, нам не удастся (ведь при восстановлении собора в XV веке смысловой код рельефов был нарушен), мы все же можем отыскать отдельные «предложения», «слова» и «буквы».

Но до этого вспомним, чем являлся в Средние века для христианина храм. Своеобразным микрокосмом, воспроизводящим царство Бога, Небесный Иерусалим, модель Вселенной. Купол отождествляется с небом, апсида – с нематериальным миром и т.д. В христианской Византии очень рано поняли, какое колоссальное значение для распространения и упрочения религии имеет искусство. Неслучайно православное богослужение Павел Флоренский считал «синтезом искусств», подчеркивая, что архитекту-

ра, живопись, пение, проповедь нацелены на создание образа иного, идеального мира. Скульптуры, иконы, фрески, мозаики, буквица, орнаменты – все использовалось для общения с паствой. Разрабатывались каноны изображения Христа, Богородицы, небесного воинства, пророков и святых (периодически они изменялись, как, например, в 692 году, когда Трулльский вселенский собор запретил изображать Иисуса Христа в виде какого-либо символа – рыбы, агнца и т.д., что было характерно для раннего христианства). «Язык» этот должен был быть ясен простым людям: все, что они не могут понять из Писания, должно быть передано с помощью образов. А это значит, что «разговаривать» на этом «языке» надо было привычными с древности символами. И хотя язычество всячески преследовалось, почти весь мощнейший символический арсенал былых богов был заимствован и переработан христианством.

Можно только удивляться тому, сколько раз в сочинениях Отцов Церкви используются слова «абсолютная красота» и «красота». «Бог есть прекрасное», – писал в VI веке Дионисий Ареопагит. Ранние христианские богословы считали, что красота и прекрасное – это порядок и форма в противовес хаосу, равносильному Небытию. То есть Бог есть прекрасное, а земная красота – Его образ и отражение. Кстати, интересная деталь: синоним слова «некрасивый» в русском языке – «безобразный», то есть существующий вне образа, без образа.

Храм, как модель Вселенной, должен был поражать своим великолепием и быть наполнен образами-отражениями прекрасного. А образы эти должны были нести ясную смысловую нагрузку, донося запрограммированное послание до каждого человека.

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Так что же было «написано» на стенах Георгиевского собора? Историки искусства, реставраторы и архитекторы проделали колоссальную работу по изучению храма, что дало возможность восстановить сюжеты его христианских композиций. На северном, главном, смотревшем на городскую площадь фасаде помещались «Распятие» (сейчас хранится внутри собора, как и части композиции «Вознесение Александра Македонского»), «Три отрока в печи огненной» и «Даниил во рву львином». Сцена «Распятия» является обязательной в любом христианском храме и в объяснениях не нуждается. А ветхозаветные сюжеты о чудесном спасении трех отроков из огненной печи и пророке Данииле, которого не растерзали голодные львы, имели четкий подтекст: божественного покровительства достойны лишь истинно верующие. О том же свидетельствовала композиция на западном фасаде храма – «Семь отроков

эфесских». По легенде, римский император Деций приказал замуровать в пещере 7 христиан, чтобы они погибли от голода и жажды. Но юноши уснули чудесным сном и были обнаружены живыми 200 лет спустя. Этот сюжет был очень популярен в средневековой Руси и часто изображался на амулетах и оберегах.

Еще одна ясно «прописанная» идея Георгиевского собора – защита Владимировского княжества божественными силами. На храме не менее трех изображений Спаса, окруженного фигурами ангелов и херувимов, представителей небесного воинства. Та же идея «читается» и в изображении выстроившихся перед нами, как будто в боевом строю, святых покровителей князей владимировской династии. Тема суровых защитников, мучеников и воинов смягчается образом небесной заступницы Руси – Богородицы. Это – Оранта, дважды изображенная на стенах собора. Тогда Оранта считалась прежде всего покровительницей Киева, и двойное использование ее образа, с учетом противостояния владимировских и киевских князей, могло восприниматься подданными первых как демонстрация преемственности Владимиром функций и значения угадываемого Киева.

Вспомним о том, кому посвящен собор. Изображение св. Георгия помещено над входом северного фасада. Но вы не увидите того, к чему привыкли: ни коня, ни издыхающего дракона. Св. Георгий стоит во весь рост, смотрит вам в глаза, в его правой руке копье, в левой – щит, украшенный вставшим на дыбы львом. Такой же, кстати, красовался на гербе владимировских князей. Теперь понятно, почему на стенах собора так много львов и львиных масок!

ОТТЕНКИ СМЫСЛОВ

Ранних христиан, как известно, отдавали на растерзание львам, а у христиан более поздних времен лев стал одним из изблюбленных символов в искусстве. Странно? Да. Как и значение многих других символов, если упустить из виду одно важное обстоятельство. Средневековый человек жил в мире, переполненном предчувствиями, ассоциациями, предрассудками, отсылками к высшим смыслам. Бог для него проявлялся в каждой вещи, существе, явлении. Символы, с помощью которых он изъяснялся, имели не один, а два, а то и больше смысловых уровней и оттенков. Символические загадки можно было отгадывать на каждом шагу.

Ну вот, например, лев. В дохристианские времена он символизировал царскую

власть, солнце, огонь. Христианство переняло льва в качестве символа царской власти, назвав Иисуса «львом от колена Иудина». Именно лев – одно из немногих животных, часто упоминаемых в Библии. Он же – символ евангелиста Марка, одно из четырех животных Апокалипсиса, охраняющих Небесный Иерусалим. И он же превратился в христианстве в один из образов, который принимает сатана! Но львы на Георгиевском соборе отношения к дьяволу явно не имеют. Почему? Во-первых, потому, что здесь они – напоминание о символе Владимировского княжества и охранители храма. Во-вторых, в подавляющем большинстве они изображены либо анфас, либо в три четверти. А ведь еще с VI–VII веков в византийском искусстве действовало строгое правило, ставшее общеупотребительным для католицизма и православия: демонические и второстепенные персонажи, прямого взгляда которых верующие должны избегать, изображались строго в профиль. Это называлось «начало отсутствия».

Неординарна в символическом смысле и персона грифона. Хотя на стенах Георгиевского собора они – явно второстепенные персонажи. Их здесь гораздо меньше, чем львов или птиц, они изображаются в профиль, с раскрытыми в немом крике клювами. В христианстве грифон, с одной стороны, символизирует бдительность и воинственность, с другой – воскресение и двойственную природу Христа: божественную (птица) и человеческую (животное). Так же как и лев, со временем грифон стал олицетворением сатаны. Но подобная оказия с этой милой полуптичкой-полульвом произошла все-таки позже, так что, скорее всего, они, как и хитрые цари зверей, играют роль стражей Георгиевского собора.

Но есть на этих стенах персонаж, изначальная принадлежность которого к хтоническим сущностям сомнений не вызывает. «Базиликос», или «кокатрис», король змей. Да, это – василиск, «без яда губящий», обращающий в пустыню любую местность. От его взгляда каменело все живое. Змеиный хвост завит кольцом, крылья расprostерты, петушиные лапы хищно вцепились в камень. Глаз не видно. То ли их стерло время, то ли мастер сознательно лишил василиска его главного оружия. На всякий случай. Мало ли что?

Вообще, демонических сущностей на стенах Георгиевского собора не так уж много по сравнению с католическими храмами-ровесниками. Когда в Юрьеве-Польском возводился собор, в Западной Европе уже около столетия бушевала готика, и изображение бесов и чудовищ на стенах храмов было обычным делом. Один из авторитетнейших европейских теологов-мистиков XII века, Бернар Клервоский, писал: «...зачем они здесь, эти поразительные нелепые чудовища, эта уродливая

статность и статное уродство? Эти нечистоплотные обезьяны? Эти свирепые львы? Эти чудовищные кентавры?.. Со всех сторон вы окружены таким буйным и поразительным разнообразием форм, что куда приятнее предаваться чтению этих мраморных манускриптов и проводить дни, восхищаясь каждой подробностью этих орнаментов, вместо того чтобы размышлять о божественном законе».

Кстати, о кентаврах Георгиевского собора. Вспоминая о полуконях-полулюдях, вооруженных топором или держащих за уши зайца, часто называют их полканами. Как бы не так. Полкан, как известно, один из героев «Повести о Бове Королевиче» – наполовину человек, наполовину конь (этим объясняют происхождение названия – «пол-коня»), обладающий невероятной силой и скоростью. Но «Повесть о Бове Королевиче» – это пересказ средневекового французского романа о рыцаре Бово д'Антоне, переведенный на славянские языки не раньше XVI века! В романе Pulicane – полупес-получеловек, помогающий главному герою. Когда мастер Георгиевского собора вырезал кентавра, он вряд ли мог что-либо знать о Полкане. Так что на стенах русского храма XIII века перед нами не Полкан, а, скорее, Китоврас. И его изображение здесь вполне уместно. В конце концов, кто помогал легендарному Соломону строить не менее легендарный Храм?

Сложнее разобраться с двумя другими персонажами Георгиевского собора – девой-птицей и существом, похожим и на волка, и на пса с гривой (хотя некоторые исследователи называют его «пардусом», то есть барсом).

Женщин-птиц в русских мифах и легендах насчитывалось не меньше трех – Сирин, Алконост и Гамаюн. Последняя, кажется, меньше всего подходит для изображения на соборе. Она – родом из древней славянской мифологии, посланница бога Велеса, предвещающая будущее и приносящая разрушительные бури. Опасная птица. А образ Алконоста был заимствован русскими из греческого мифа о несчастной Алкионе, превращенной богами в зимородка. Если люди слышат ее пение, они впадают в забвение. Не слишком позитивная характеристика. Что касается Сирина, то ее имя тоже греческого происхождения (естественно, от сирен) и созвучно русскому названию рая – Ирий. Спускаясь из рая на землю, она поет для людей, разгоняя печаль и тоску. Сирин часто ассоциируют со славянскими берегинями, вилами, русалками, изначально бывшими добрыми божествами, приносящими дожди и плодородие.

Если предположить, что второе странное существо – это все-таки пес, то, возможно, это славянский Симаргл. Этот языческий бог изображался в виде пса, он охранял Древо жизни и тоже относился к богам плодородия. Между прочим, хвост существа со стен

Георгиевского собора явно напоминает какое-то растение.

Изображение растительного мира – основа коврового узора этого храма. Он довольно разнообразен. Здесь и почти геральдические цветы лилии, и, кажется, стилизованные листья аканта – распространенного в античности орнамента, заимствованного Византией, и выходящие стебли с характерными листьями, похожие на виноградные лозы. Кстати, очень важный момент. Собор посвящен св. Георгию, который сегодня воспринимается большинством только как святой воин. Но в старые времена Егорий-храбрый почитался не только как бесстрашный воитель, но и как «устроитель земли», покровитель земледельцев (именно так и переводится с греческого на русский его имя). В Юрьев день – 23 апреля – крестьяне в первый раз после зимы выгоняли скот пастись в поле. Так что, как видите, обилие растительного орнамента на храме Георгия – тоже неслучайно.

Особое внимание привлекают странные, трехъярусные цветы-деревья, очень живо напоминающие традиционные орнаменты славянских вышивок, символизирующих Великую мать Макошь (исследователи нередко называют такие цветы-деревья «змееногой богиней» или «женщиной-вазоном»), превратившуюся в итоге в христианскую Параскеву Пятницу..

Как мы помним, храм – это модель Вселенной, которая в Средневековье состояла как минимум из трех уровней: небесных сфер и рая, земли, а также мира тьмы и забвения – ада. На стенах Георгиевского собора можно найти персонажей, символизирующих все эти уровни. А растительный орнамент, связывающий здесь каждый из миров, фактически превращается в великое Древо жизни, символизирующее с древних времен само Мироздание. Круг замкнулся...

ГЛУБИНА НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

...Недавно в Ростове Великом довелось заглянуть в маленькую лавочку, торгующую изделиями народных промыслов. Среди вохроа поделок, вещичек и бессмысленных

мелочей вдруг отыскалась витрина с россыпью небольших изразцов. На керамических квадратиках, любовно расписанных современным художником, скакали китоврасы-полканы, скалились добрые львы, распускали сияющие крылья Сирин, Гамаюн и Алконост..

«Нужно знать глубину народной памяти», – писал один из ведущих российских историков, археолог и академик Борис Александрович Рыбаков. Не поспоришь. ♡

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Чуть не любой спор на тему «есть такое слово или нет», «можно так сказать или нельзя» в конечном счете оканчивается апелляцией к Далю: у него все есть. Полная коллекция русских слов как коллекция бабочек: обширная, разноцветная, включающая вымершие к нашему дню виды и редкие мутации. Коллекционер и классификатор – роль во всякой национальной культуре важная. Даль, однако, для российской культуры был больше, чем коллекционер и классификатор.

Русский лексикограф, одаривший Россию полным словарем ее языка, даже и русским по крови не был – хотя, несомненно, был русским по духу. Отец его, датчанин Йохан Христиан фон Даль, был по образованию филологом и богословом. В Россию его позвала Екатерина II служить придворным библиотекарем, однако он понял, что больше пользы может принести как врач. Вернулся в Йену, выучился на доктора и вновь отправился в Россию. Работая врачом в Луганске, он боролся с антисанитарией, занимался профилактикой инфекций, устроил лазарет для рабочих. Затем семья переехала в Николаев.

Мать Даля, Мария Фрейтаг, дочь немца и бежкой француженки-гугенотки, владела пятью языками. Йохан Даль знал семь языков, в том числе древнееврейский. Владимир унаследовал родительские таланты в полной мере.

Дети – а их в семье было шестеро – получали образование дома. Мать учила их и наукам, и рукоделию. Дочь Владимира Ивановича Екатерина писала: «Часто он говаривал, что никогда не быть бы ему таким искусным хирургом, если бы пальцы его не были приучены к мелкой женской работе».

Даль очень любил мать и писал о ней: «Мать разумным и мягким обращением своим, а более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покидавшее меня во всю жизнь... Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же».

Мальчик писал стихи и проявлял, скорее, гуманитарные таланты, однако в 13 лет вместе с младшим братом, Карлом, отправился в телегу из Николаева в Петербург учиться в престижном Морском кадетском корпусе.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Владимир
Иванович Даль**
(10 (22) ноября
1801 года –
22 сентября
(4 октября)
1872 года)

ПОИСКИ СЕБЯ

В 1821 году умер отец семейства, Иван Матвеевич, как его звали по-русски. Большая семья осталась почти без средств к существованию: старшие братья были юны и только начинали карьеру, младшие еще не вышли из детского возраста. Брата Льва взял в свой полк муж старшей сестры; мать с братом Павлом уехала в Дерпт и зарабатывала там репетиторством.

В 1823 году у Владимира Даля случилась крупная неприятность. Он написал

Среди одноклассников и друзей Даля были будущий адмирал Нахимов, будущие герои сражения в Наваринской бухте Станиславский, Завалишин (ставший декабристом) и Рыкачев, автор воспоминаний «Год Наварина»... Владимир учился очень хорошо: был двенадцатым по успеваемости, но корпус не любил, бездушное и казенное воспитание претило ему. Впоследствии он написал о своих юношеских годах повесть «Мичман Поцелуев». Главный герой ее, Смарагд Поцелуев, «жаждал познаний, душа его требовала постоянных, урочных и полезных занятий – а между тем он носил ее с собою в караул, на знаменитую гауптвахту в молдаванском доме, иногда на перекличку в казармы у вольного дока, носил как гостью, как чужую, и сам видел, что этой пищи было для него недостаточно». Время учебы в корпусе Даль называл «убитыми годами». Учебное плавание по портам Балтийского моря в 1817 году убедило его в том, что море – не его призвание. Хотя бриг «Феникс» был прекрасен, командовал им один из лучших флотских командиров, лейтенант Дохтуров, программа практики была чрезвычайно обширна и включала знакомство с городами и жизнью иностранных гардемарин. Двенадцать лучших учеников, взятых в плавание, должны были вести дневники, куда записывали впечатления. Вот писательство Владимиру было интересно (кстати, он еще во время учебы в корпусе собрал словарь кадетского жаргона из 34 слов). В программе практики был заход в Копенгаген; Даль очень ожидал встречи с родиной предков, но в Дании убедился, что родина его Россия, что с Данией у него нет ничего общего. Окончив курс и получив звание мичмана, он попросился служить на Черном море, в Николаеве, где еще жила его семья. Отправился через всю Россию к месту службы на лошадях, как тогда и путешествовали. «На этой первой поездке моей по Руси я положил бесознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал», – писал Даль, а Мельников-Печерский рассказал в своих воспоминаниях случай, который вошел даже в школьные учебники русского языка: «Ямщик... поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо – верный признак перемены к теплу. «Замолаживает!» – сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на холод, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет: «Замолаживает – иначе пасмурнеет – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью...»

Далю тогда едва шел восемнадцатый год. Так началась работа над словарем, которая длилась более полувека.

хлесткую эпиграмму на главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала Грейга, эпиграмма широко разошлась по городу, и начальство решило принять меры. При обыске у Даля обнаружили рукописный черновик стихотворения, так что молодого моряка разжаловали в матросы и посадили на полгода под арест. Затем суд его оправдал, ему присвоили следующий чин, лейтенанта, но оставаться в Николаеве Владимир Иванович не мог: Грейг препятствовал его продвижению по службе. Даль перевелся в Кронштадт, а в 1826 году, отслужив положенные 7 лет отработки обучения за казенный счет, он вышел в отставку. Он еще и качки не выносил.

Двадцать пять лет, отставка, ни дела в руках, ни дохода – по сути, надо начинать жизнь заново. Он уехал в Дерпт к матери и там поступил в университет на медицинский факультет. Зарабатывал частными уроками русского языка, жил на чердаке, однако свои студенческие годы всегда вспоминал добром: «Каждый сам располагает собою и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец, как хочется... Нас не секли, не привязывали к ножке стола... Это не школа, здесь нет розог, нет неволи». Здесь уже его однокурсником был Николай Пирогов, будущее светило хирургии и друг Даля на всю жизнь. Даль продолжал писать стихи и маленькие комедии, причем стихи его в первый раз появились в печати в журнале «Славянин», который издавал Воейков. Именно в это время студент-медик вошел в литературные круги и свел знакомство с известными литераторами, в том числе с Жуковским и Языковым.

МОЛНИЕНОСНЫЙ ХИРУРГ

В 1828 году в мирные планы Даля вмешалась русско-турецкая война. Всех медиков, которые учились за казенный счет, отправили на фронт фельдшерами. Далю, отличному студенту-энциклопедисту, позволили в виде исключения сдать экзамены досрочно и ехать в армию врачом; он блестяще сдал экзамены – и на степень доктора не только медицины, но и хирургии. В армии новоиспеченный

хирург получил большую практику и огромный опыт. После того как русские войска заняли крепость Силистрия, на поле боя осталось две тысячи раненых, и Даль, уже чуть не падавший от усталости, «резал, перевязывал, вынимал пули»... За турецкую кампанию он получил орден Св. Анны.

Солдатики в госпиталь попадали из всех уголков России, и чуткое ухо доктора продолжало автоматически ловить интересные словечки. «Речь простолюдина, — замечал тогда Владимир Иванович, — с ее своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определенностью, и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди». Он постоянно собирал новые слова, пословицы, сказки. Даль писал: «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка...» Записи свои он возил в тюках на верблюде, который однажды пропал. Даль был безутешен — однако через 11 дней казаки привели к нему отбитого у турок верблюда вместе со всеми драгоценными записями.

Даже после войны Даль продолжал работать в опасных местах. В 1831-м лечил холерных больных и занимался профилактикой распространения холеры; врачей на холере и тогда, и позже бунтующий народ мог убить. Затем он оказался в Польше, на подавлении восстания. Здесь он отличился: когда войскам нужно было перебраться на другой берег Вислы, но инженера для постройки моста не было, доктор Даль сам создал понтонный мост, защищал его, пока войска переправлялись, и затем разрушил. Начальство вместо благодарности объявило ему выговор: врач должен раненых лечить, а не мосты строить; однако император Николай I наградил Даля орденом Св. Владимира с бантом. После войны Владимир Иванович пошел работать ординатором в военносухопутный госпиталь в Петербурге. Здесь его прозвали «молниеносным хирургом»: наркоза еще не было, операции делали по живому, но на столе у Даля ни один раненый не умер от левого шока. При этом талантливый врач, как некогда и его отец, воевал с казнокрадством, антисанитарией, бюрократизмом (кое-что из его опыта воплотилось в повести «Вах Сидоров Чайкин»).

Мельников-Печерский пишет о годах его работы в госпитале: «Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрел известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своем веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была

развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать и делать все, что угодно, как правою. ...Самые знаменитые в Петербурге операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукой».

СКАЗОЧНИК

В столице у него было больше времени заниматься литературой и больше возможностей печататься. Бывший моряк, хирург, он вошел теперь в круг литераторов, познакомился и подружился с Пушкиным, Крыловым, Гоголем, Одоевским.

Первая повесть Даля, под названием «Цыганка», вышла в еще 1830 году; в 1832-м он издал книгу лично собранных и пересказанных сказок с кучерявым названием: «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пятюк первый». Писатели приветствовали новую книгу, Пушкин горячо обсуждал с ее автором красоту и поэзию русского фольклора. Однако Фаддей Булгарин усмотрел в ней насмешки над правительством и нецензурщину и написал донос. Книгу запретили, а самого Даля взяли в печально известное Третье отделение. За него заступился Жуковский, служивший при дворе. Николай I опять сыграл роль доброго царя: Даля освободили уже через несколько часов. Более того, освободили и от предстоящей тяжелой командировки на эпидемию глазной болезни в военносиротских заведениях: царь счел, что это будет уж очень похоже на ссылку.

Но вскоре Даль оставил не только Петербург, но и медицину: оставаться в госпитале, где с попустительства начальства творились безобразия, он уже не мог и не хотел. Он попросил о помощи Жуковского, тот переговорил со своим другом Василием Перовским, военным губернатором Оренбурга и братом писателя Алексея Перовского (мы его знаем как автора «Черной курицы» Антония Погорельского). Губернатор предложил Далю место чиновника особых поручений. Эта работа под началом человека образованного и мыслящего означала свободу от утомительной казенщины. Перед отъездом в Оренбург Даль женился на 17-летней Юлии Андре. Когда в Оренбург приезжал Пушкин, собирая материалы о Пугачевском бунте, Даль несколько дней ездил вместе с ним. В воспоминаниях Даля о Пушкине есть уморительный эпизод: поэт расспрашивал старожилов о Пугачеве и одарил одну старуху, которая ему особенно много рассказала, золотым червонцем. Местные жители испугались, отвезли старуху с ее червонцем к начальству и наябедничали: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА

В.И. Даль составлял «Толковый словарь» 53 года. До сих пор он остается одним из крупнейших и авторитетнейших словарей русского языка. Содержит около 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок и присловий. Последние четыре новых слова, услышанных от прислуги, Даль внес в свой словарь за неделю до смерти.

«...Это не есть трудъ ученый и строго выдержанный; это только сборъ запасовъ изъ живаго языка, не изъ книгъ и безъ ученыхъ ссылокъ; это трудъ не зодчаго, даже не каменщика, а подносчика его; но трудъ ц лой жизни...» — из речи Даля «О русскомъ словаре», зачитанной в Обществе любителей российской словесности 25 февраля 1860 года.

антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Антихрист Пушкин, который обычно отпускал длинные ногти, немало смеялся. Кстати, именно Даль подарил Пушкину сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Пушкин написал Далю на новенькой книжке: «Твоя от твоих. Сказочнику Далю от сказочника Пушкина».

К вопросу о том, каким Даль был сказочником: «Курочку Рябу» именно он написал.

НАТУРАЛИСТ И ЭТНОГРАФ

По службе Даль много ездил по губернии и встречал самых разных людей. Он внимательно вглядывался в необычную для него азиатскую, степную жизнь. Он написал повесть о башкирах и повесть о казахах. Собрал две богатые коллекции флоры и фауны губернии, которые получили высокую оценку Академии наук. Замысел «Толкового словаря» тоже вызрел в Оренбурге. При этом Даль продолжал оперировать — за семь лет своей службы в Оренбуржье он бесплатно сделал более 50 операций на глазах. Город стоял на пути из России на восток и был центром торговли со Средней Азией; Даль увлекся востоковедением, тюркскими языками, которые заинтересовали его еще в русско-турецкую войну. Его описания особенностей тюркских языков — едва ли не первые лингвистические работы в русской тюркологии. Даль собирал старинные тюркские рукописи, одну из которых, редкое и ценное историческое сочинение XVII века, тоже передал Академии наук.

Он основал в Оренбурге естественно-научный музей, перевел на русский язык с немецкого «Естественную историю Орен-

бургского края» Эверсмана и приобрел такие обширные познания в области биологии, что по возвращении в Петербург начал работу над учебниками для военно-учебных заведений. Его «Зоологию» и «Ботанику» высоко оценили и преподаватели, и ученые. В 1838 году Петербургская Академия наук избрала Даля своим членом-корреспондентом за его естественно-научные труды.

СВИДЕТЕЛЬ

В 1836 году Даль ненадолго приехал в Петербург.

П.И. Мельников-Печерский рассказывал: «Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски — выползина. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Далю: «Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..» На другой день Пушкин пришел к Далю в новом сюртуке. «Какова выползина! — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. — Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу...».

Когда Даль услышал, что Пушкин ранен на дуэли, немедленно помчался к нему. Как врач и как друг, он стоял у постели Пушкина, которому тогда медицина ничем не могла помочь. Он просидел с умирающим всю ночь, поил с ложечки, подавал лед — у поэта был жар. Даль подробно описал эти тяжкие часы для потомства — пушкинскую тоску и боль, смирение и готовность встретить смерть. «Ужас невольно обдавал меня с головы до ног, — я сидел, не смеядохнуть, и думал: вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни; здесь, где душа рвется из тела, где живое, мыслящее совершает страшный переход в мертвое и безответное, чего не найдешь ни в толстых книгах, ни на кафедре!» Именно в эти часы Пушкин перешел с Далем на ты — навсегда. Впадая в забытие, поэт брал друга за руку и звал — пойдем, пойдем со мной, выше! Приходя в себя,

рассказывал: мне показалось, что мы лезем с тобой по книжным полкам... И снова звал — подними меня, пойдем, пойдем! Даль сохранил последние слова Пушкина: «Кончена жизнь» — и «тяжело дышать, давит». И расслышал его тихий, незаметный последний вздох.

Пушкин завещал другу свой перстень с изумрудом, который называл своим талисманом, и простреленный сюртук, ту самую «выползину»; похоронили поэта в сюртуке его друга Нащокина. Понимая ценность этих реликвий,

ЗАЩИТНИК

В 1848 году в «Москвитянине» вышла маленькая повесть «Ворожейка» о цыганке-мошеннице. Кончалась она словами: «Власти, как всегда, бездействовали». Повесть очень не понравилась царю: от литератора это стерпеть можно, от чиновника – уже никак. Царь велел поставить автору на вид. Министр Перовский сказал Далю афористически: «Выбирай что-нибудь одно: писать – так не служить; служить – так не писать». Деваться

Даль заботился о том, чтобы сберечь их для потомства; и перстень, и сюртук сейчас находятся в Музее Пушкина на Мойке.

УПРАВЛЕНЕЦ

В Оренбурге родились сын и дочь Даля. После рождения дочери умерла жена. Даль остался вдовцом с двумя малыми детьми. В 1839 году Даль принял участие в походе против хивинского хана, который окончился трагедией: большая часть войска не вернулась обратно. Оставаться в Оренбурге он больше не собирался: Перовский, измученный неудачным походом, уходил в отставку, и его команда, как сейчас говорят, задумывалась о новых местах службы.

В 1840 году Даль снова женился – на Екатерине Соколовой, и в 1841 году переехал в Петербург. Вторая жена родила ему трех девочек.

В столице он продолжал свои естественно-научные изыскания – работал над учебниками, писал для журналов статьи о повадках животных. Писал повести и рассказы, много публиковался и именно в это время стал известным писателем. Работал он теперь начальником особой канцелярии Министерства внутренних дел; министром был третий брат Перовский – Лев.

К этому времени Даль уже дослужился до статского советника; он довольно много сделал для совершенствования системы больниц, создал и ввел в Петербурге «городовое положение», написал исследование о скопческой ереси. Пользуясь своим служебным положением, Даль придал своей работе над словарем всероссийский масштаб: он мог рассылать запросы в регионы и получать материалы с мест. Писцы их переписывали и сортировали по губерниям; один из служащих канцелярии писал потом, что «самый воздух в ней был пресыщен филологией». Гости у Далея собирались по четвергам. И были они замечательные, цвет страны: мореплаватель Врангель, хирург Пирогов, актер Щепкин, поэт Шевченко, писатель Одоевский. На одном из таких «четвергов» родилась идея создания Русского географического общества.

В 1847 году Даль попросил читателей журнала «Отечественные записки» присылать ему народные слова, сказки, пословицы, описания праздников. Общество откликнулось – материалы ему присылали многие литераторы, ученые, чиновники. Вот это еще в нем замечательно: он не только собиратель, писатель, доктор – но и неутомимый, опытный, умелый организатор; не только в лексикологии, но и в лечебном деле, и в этнографии, и в изучении естественных наук; не только самому узнать, но и поставить дело так, чтобы принести максимальную общественную пользу, – вот доминанта его служения.

было некуда – Даль попросился в провинцию. Он хорошо помнил предыдущий арест с обыском – и загодя сжег все свои бумаги, о чем потом жалел.

Он уехал в Нижний Новгород управлять удельной конторой – ведать делами крестьян, принадлежащих царской семье. В губернии их было 37 тысяч, и нового управляющего ожидало бескрайнее море бед и проблем. Даль писал друзьям: «У различных чиновников даже нет и понятия о той грязи, с которой мы возимся. Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь до последнего вздоха». Здесь он чем только не занимался: от систематизации сведений о губернии до собственноручного выдергивания больных зубов крестьянам! И все это время он продолжал работать над словарем. Бродил с записной книжкой по Нижегородской ярмарке, собирал, классифицировал; писцы писали, длинные списки слов укладывались в коробочки... В Нижнем же он опубликовал статью «О наречиях русского языка», несколько статей о вреде одной грамотности без просвещения и сотню очерков из русской жизни (потом он издал их отдельной книгой).

Когда в 1853 году началась очередная русско-турецкая война, Даль создал в Нижнем Новгороде добровольческий полк, один из первых в России, и в составе этого полка на фронт поехал его сын Лев.

С ранних лет Даль не выносил несправедливости и дурного устройства дел, поэтому постоянно ссорился с начальством. В Нижнем он конфликтовал с губернатором, которому прямым текстом однажды написал: «Чиновники Ваши и полиция делают, что хотят, любимцы и опричники не судимы. Произвол и беззаконие господствуют нагло, гласно». Отношения с губернатором обострились, и наконец после очередной ссоры с ним Даль подал в отставку. Служить в условиях тотальной неправды и несвободы ему надоело. Он хотел заниматься своим делом – словарем. В Нижнем он закончил обработку материалов до буквы П включительно.

ЛЕКСИКОГРАФ И ПИСАТЕЛЬ

В 1859 году семья Даля переехала в Москву. Здесь его уже ничто не отвлекало от словарной работы. Наконец он выступил с докладом о ней на заседании Общества любителей российской словесности; Общество признало работу важной и решило изыскать средства для публикации словаря. К этому времени Даль разбирался в словечках, диалектах, акцентах как русский профессор Хиггинс, куда позднее придуманный Шоу; поговору он безошибочно определял происхождение человека – и однажды неожиданно вывел на чистую воду двух бродяг с фальшивыми паспортами, которые пытались выдать себя за вологжан-монахов. Даль собирал материалы для украинского словаря. Знал немецкий, французский, английский; в Дерпте выучил латынь; говорил на украинском, польском, белорусском; в Оренбурге научился объясняться с татарами, казаками и башкирами на их языках. Зная несколько славянских языков, смог читать и на других – болгарском и сербском. Публикация словаря началась в 1861 году и продолжалась семь лет; в 1862-м вышел в свет второй фундаментальный труд – «Пословицы русского народа», появилось его Полное собрание сочинений.

Работу Даля страна оценила по заслугам: он стал почетным членом Петербургской Академии наук, Общества любителей российской словесности, Императорской Академии наук... Вообще, к концу жизни награды посыпались на Даля как из рога изобилия; сам он оставался человеком скромным и перечислять свои ордена и регалии не любил. Составляя их перечень по просьбе академика Грота, Даль писал: «Сам испугался учености своей, переписав все почеты эти... Да для чего вам все это, право, не понимаю... Судите дело, а личность откиньте, что вам до нее?» Ученые-языковеды, однако, считали труд Даля далеко не безупречным. Сергей Булич, автор статьи о Дале в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отзываясь о «Толковом словаре» без всякого пиетета: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического... не всегда достоверного». Булич ставит Даля в вину отсутствие фундаментального филологического образования, неспособность систематизировать и объяснить собранный материал научно. «В природе Даля, несмотря на естественно-историческое образование, полученное в Дерптском университете, было что-то мешавшее ему сделаться спокойным и точным ученым», – пишет Булич, излагая доволь-

но популярный в научном сообществе начала XX века взгляд на роль Даля в русской лингвистике.

Кажется, «спокойным и точным ученым» Даля мешало сделаться его постоянное стремление действовать, приносить непосредственную пользу здесь и сейчас. Не было описания края – составил; увидел больного крестьянина – прооперировал; коллекцию собрал и подарил академии; нашел любопытный сюжет – передал тому, кто им лучше распорядится; увидел интересное – описал и напечатал. Сюжет Пушкину, песни Киреевскому, сказки Афанасьеву, собрание лубочных картин – Императорской публичной библиотеке... Коллекции, собрания, редкие рукописи раздавал щедро и бескорыстно: берите, пользуйтесь!

Литературное творчество Даля Булич тоже ценит невысоко: «Многочисленные повести и рассказы его страдают отсутствием настоящего художественного творчества, глубокого чувства и широкого взгляда на народ и жизнь. Дальше бытовых картинок, схваченных на лету анекдотов, рассказанных своеобразным языком, бойко, живо, с известным юмором, иногда впадающим в манерность и прибаутность, Даль не пошел, и главная заслуга его в этой области заключается в широком пользовании этнографическим материалом». А вот иного мнения придерживался Гоголь: «По мне он значительней всех повествователей-изобретателей». Белинский называл его «живой статистикой русского народонаселения». В литературе Даль занимает свою нишу – «физиологического очерка», считается основателем и типичным представителем «натуральной школы». Когда Россия Даля ушла в историю, эти очерки, повести, сказочки, перечислять которые здесь будет слишком долго, стали живым и непосредственным свидетельством канувшей в Лету пестрой и многообразной жизни.

Недаром и в заглавие словаря своего Даль вставил ключевое слово «живой» – «живого великорусского языка». И словарь с его огромным количеством контекстуальных примеров дает полную и подробную картину богатого и щедрого языка; в этом смысле он – произведение более художественное, нежели научное.

Большое, говорят, видится на расстоянии. С расстояния в полтора века, отделяющих нас от первой публикации Даля, уже хорошо видно, какая это громада.

И не только словарь, но и автор его человек поразительный, возрожденческого масштаба: вышивать, оперировать глаза, сколачивать табуретки, устраивать разумную систему здравоохранения, писать учебники по ботанике и изучать татарский язык – все он умел, все ему давалось. И все его многолетние труды были не для собственной славы, карьеры, богатства. А для чего – сегодня хорошо видно.

Как заспорим, есть в русском языке какая-нибудь «каралька» или нет, – так пожалуйста к Даю.

НАСЛЕДИЕ ЛИХАЧЕВА

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

Меня, еще маленькую, дед учил не разбрасываться, не тратить время зря. Телефон, например, в нашем доме существовал только для того, чтобы договориться о встрече, выяснить важные вопросы. Не для пустой болтовни. Заниматься спортом, ходить на танцы – все это, по его мнению, было тратой времени.

РИА «НОВОСТИ»

кие вещи. Что же нужно было читать интеллигентному человеку? Что нужно было читать мне, по его мнению? Классику русскую и зарубежную. Труды по истории С. Платонова. Из пушкинистов – Ю. Лотмана. Издания о правильном произношении. Конечно, моего любимого Льва Успенского «Ты и твое имя». Книги о животных Даррелла. Книжки ленинградцев – Евгения Тарле, Владислава Глинки. Помню «Повесть о Сергее Непейцыне», героя 1812 года, – я ее зачитала до дыр. Во время одного из переездов она пропала. Я до сих пор помню ее твердый переплет с истертыми уголками, картинку на обложке – солдат, идущий в атаку. Необычную фамилию автора – Глинка. Дедушка всегда расспрашивал потом, что мне понравилось и почему. Рассказывал про авторов. Не разрешал давать книги кому-то из друзей. «Зачитают, не вернут».

Во многом благодаря деду я полюбила книги. Запах свежей типографской краски и запах старых книг, разные типографские шрифты, книжные элементы-заставки, концовки, шмуцтитутлы. Золотой обрез, суперобложки, красивые форзацы и, конечно, экслибрисы. Каждый уважающий себя владелец библиотеки должен иметь такой книжный знак, квадратик с картинкой, который наклеивают на форзац. Моей маме, искусствоведу, дед подарил пачку экслибрисов, это были ксилографии, выполненные художником. На них – элемент византийского храма и

Дед считал, что читать нужно много, но в соответствии с определенной системой. В книжном шкафу тоже не должно быть «ничего лишнего». Каждый профессионал всю жизнь собирает библиотеку – это сложно, это важно. Книги достают, выписывают из-за границы, покупают у букинистов. Хорошая библиотека – это клад.

Дедушка следил за тем, что я читаю. Часто приносил книги из магазина на Невском, он и сейчас, слава богу, существует – это «Книжная лавка писателей». Там ему «оставляли» какие-то ред-

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ

(28 (15) ноября 1906 – 30 сентября 1999)

Всемирно известный ученый и деятель культуры, выдающийся филолог, историк, философ культуры. Родился, прожил жизнь и скончался в Санкт-Петербурге. Похоронен в Комарово, под Санкт-Петербургом. Его имя присвоено малой планете (2877), открытой отечественными астрономами. Академик Лихачев был председателем Российского фонда культуры, депутатом Верховного Совета, Героем Соцтруда, лауреатом трех Государственных премий, первым кавалером ордена Андрея Первозванного, среди его многочисленных наград ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, орден «За заслуги перед Отечеством» и др. Весь путь Д.С. Лихачева в науке связан с Пушкинским Домом – Институтом русской литературы АН, куда он пришел младшим научным сотрудником в 1938 году, заслужил все возможные ученые степени, возглавил Отдел древнерусской литературы и не расставался с Пушкинским Домом до конца, до последних дней научного творчества. Его исследования летописания, «Слова о полку Игореве» и многих других памятников древнерусской литературы, фундаментальные труды, посвященные историко-литературным проблемам и глобальным вопросам русской художественной культуры, – признанная славистами всего мира классика. Д.С. Лихачев автор 500 научных и примерно 600 публицистических работ. Академик Лихачев был избран иностранным членом Болгарской, Сербской, итальянской Национальной академии деи Линчеи, членом-корреспондентом Австрийской, Британской, Геттингенской академий наук, почетным доктором университетов Бордо, Будапешта, Оксфорда, Софии, Цюриха, Эдинбурга, Университета имени Николая Коперника в Торуне и др.

надпись: «Из книг Веры Лихачевой». Лет в 14 я уже знала – буду книжным иллюстратором. Образование – это прежде всего самообразование, считал дед. И здесь чтение играет важнейшую роль.

Была и литература, которую читать, по его мнению, было нельзя. Она портила вкус. Я так и не читала «Двенадцать стульев» – не рекомендовал. Еще ругал Андрея Синявского «Прогулки с Пушкиным».

Когда я увлеклась Кавериним, дедушка выписал мне его собрание сочинений. Некоторые из книг, что он мне дарил, дед снабжал полусерьезными надписями на авантитуле. Вот альбом «Авангард, остановленный на бегу» Евгения Ковтуна. Серьезная научная работа о ленинградских авангардистах 1930-х. Дедушка надписал ее так: «Дорогой Зиночке. Для ознакомления, но не для подражания». Это было в те времена, когда я профессионально училась живописи.

Некоторые фильмы дедушка тоже запретил смотреть. «Андрей Рублев» Тарковского был, по его мнению, неправильной картиной. Неправильно трактующей отечественную историю.

Он был невероятно цельной личностью. Он знал, чего хочет в жизни, он знал, сколько всего ему нужно сделать. Поэтому сам был предельно собран, работал очень много и, конечно, не разбрасывался по мелочам.

Всегда и во всем он оставался архивистом, историком. Вот альбомы с семейными фотографиями, которые хранятся у меня. Каждый снимок подробнейшим образом подписан. Кто изображен, где, когда, с кем. «Свадьба тети Шуры и дяди Вали Андреалетти», «Бабушка Вера и Юра

в квартире на Каменноостровском, сзади висят фамильные портреты, кожаный диван потом продали во время блокады». Целые биографии предков на этих страницах. Как это важно сейчас, когда деда с бабушкой уже нет и некому рассказать о некогда большой семье. А дипломы, справки, письма, записки, карточки – все это дед хранил в особом чехе. Он вез с собой из Соловецких ла-

герей особого назначения деревянную ложку, вырезанную другом, пропуск, чтобы ходить по лагерю, английский словарь, который отбывал с ним срок. Он уже тогда, 26-летним юношей, понимал: это – история.

Именно поэтому, как только дедушка умер, весь его архив мы передали в Пушкинский Дом. Многие говорят: надо было отдавать в ЦГАЛИ. Не знаю, но ведь дед хотел, чтобы все было в Пушкинском Доме, Институте русской литературы, где он проработал всю жизнь. Потом уже я отдала и библиотеку, и красивый книжный шкаф в институт. В отдел древнерусской литературы, которым дед руководил. Когда я прихожу в Пушкинский Дом, то смотрю на знакомые переплеты.

А вот архив за 10 лет так почему-то и не разобрали. Хотя это по меньшей мере очень интересно... Впрочем, жизнь сейчас иная. Наверное, поэтому и нет человека, который за небольшие деньги разбирал бы архив Лихачева... Нет пока и книги об академике Лихачеве. Ее хотели выпустить в издательстве «Молодая гвардия», в знаменитой серии ЖЗЛ. Но как писать, когда архив не разобран? Впрочем, есть и другой аспект проблемы. Кто будет писать? Вызвался один из дедушкиных учеников, но провалил эту затею. Ведь кому не под силу осмыслить и описать жизнь слона.

Все личные вещи дедушки мы отдали в музей истории города. Все ордена, кроме «Андрея Первозванного» – его дед сам передал Эрмитажу. Три мантии – особенно ценную Оксфордскую, Пражского университета и Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Фотографии, письменный стол, пишущую машинку, на которой были написаны все его знаменитые вещи – «Поэзия садов», «Смеховой мир» Древней Руси», «Письма о добром»... Косоворотку, вышитую бабушкой в 1947-м. Все подарки, сделанные известными людьми. Например, смокинг Николая Бенуа. Коллекцию пластинок с дарственными надписями Марии Юдиной, Ивана Козловского... Сначала нам обещали, что будет отдельная экспозиция в Румянцевском

особняке. Что все вещи будут храниться в одном месте. Но этого, к сожалению, не случилось.

Все предметы расписали по разным фондам. Часть вещей музей отдал без описи в народный музей гимназии Мая (гимназия, где дед учился). Все это очень печально для меня и не очень объяснимо. Ведь такая экспозиция и имя Лихачева могли бы привлечь особое внимание к музею. И не только внимание, но и деньги!

Однажды я спросила деда, почему он решил заниматься именно древнерусской литературой. Он рассказал мне такую историю. Когда дедушке было лет восемь, а его брату Мише тринадцать, к празднику Рождества они рисовали поздравительные открытки. Миша изобразил новогоднюю елочку, падающий снег – обычный в таких случаях набор. Дедушка – тогда маленький Митя – нарисовал древнерусскую икону с Богородицей. Он запомнил, что брат над ним потешался, но у него осталось ощущение, что он поступил единственно правильным образом. Когда дедушка учился в старших классах школы, начались гонения на православную церковь. Храмы оскверняли, во время службы в них входили пьяные комсомольцы в шапках. Священников репрессировали. Тогда – вспоминал дед – особенно остро он почувствовал жалость к родной стране, интерес к ее истории, желание заниматься древнерусским искусством и литературой, популяризировать их. При дедушке отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме получил особый статус, сотрудники ездили повсюду с докладами, конференции проходили в столице и провинции. Приезжали коллеги-иностранцы. «Слово о полку» – наше все!

Интересный факт. В 1975-м деда попытались избить на лестнице нашего дома – это была акция устрашения, после того как он отказался выступить против Сахарова. С верхней площадки спустился человек и ударил деда в область сердца. А у дедушки за бортом пальто была вложена рукопись доклада о «Слове о полку». Так вот дед много раз вспоминал: «Меня спасло «Слово»!

А что теперь? Дедушка ушел 10 лет назад. Недавно один из его учеников сделал в Пушкинском Доме доклад о том, что

«МОИ КНИГИ – В СУЩНОСТИ, ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСОЧКИ»

Дмитрий Сергеевич Лихачев был великим книжником, и у него была его любимая книга. Это – «Русское искусство. От древности до авангарда», книга, опубликованная совместными усилиями не существующего ныне московского издательства «Искусство» и итальянского «Фабри». Как только книга увидела свет, она мгновенно превратилась в библиографическую редкость.

...Дмитрий Сергеевич представил в редакцию эстетики нашего издательства материал для книги под условным названием «Ответственность искусства». При знакомстве я подарила ему иллюстрированную книгу известного искусствоведа Михаила Алпатова. Дмитрий Сергеевич, просмотрев ее, сказал, что у него не было издано ни одной красивой книги. В ответ на мое замечание, что красивые иллюстрированные издания готовятся долго, он ответил, что был бы счастлив, даже если бы она вышла после его смерти, потому что красота привлечет внимание к мыслям, красивую книгу купят. Не прочтет хозяин, прочтет сын хозяина... Книгу «Русское искусство. От древности до авангарда» тиражом всего в 3,5 тысячи экземпляров удалось издать в 1992 году. Она получилась красивой. Дмитрий Сергеевич был счастлив, разглядывал и гладил каждую страницу...

Десять лет с нами нет Лихачева. Человека, которого называли совестью нации, знаковой фигурой русской культуры.

Ровесник века, Д.С. Лихачев пережил три войны, революцию, голод, блокаду, каторгу. «Прожив большую жизнь от самого начала века до его приближающегося конца, – писал Дмитрий Сергеевич, – я имею не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории... Для меня, например, памятны Николай II, Александра Федоровна, наследник-цесаревич, великие княжны, старый дореволюционный Петербург – и его мастерские, и его балерины. Революция и пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов на кладбище Солов-

ков, видения прячущихся в мороз в Ленинграде 32-го года по парадным крестьянок с детьми, проработки плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского Дома, ужасы блокады – и все это в моей зрительной и слуховой памяти».

На каторге в Соловецком лагере особого назначения началась трудовая биография будущего академика. Среди его сокамерников были и уголовники, и люди, известные в русской культуре. «Чему я научился на Соловках? Прежде всего я понял, что каждый человек – человек. Мне спасли жизнь «домушник» Овчинников и... король всех уроков на Соловках, бандит и соучастник налетов знаменитого Ленки Пантелеева – Иван Яковлевич Комиссаров, – вспоминает Дмитрий Сергеевич. – Из всей этой передраги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать... добро, полученное от самих сокамерников, опыт всего виденного создали во мне какое-то очень глубоко залегшее во мне спокойствие и душевное здоровье. Я не приниósил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу». Памятником соловецкого заключения явилась первая научная публикация, «Черты первобытного примитивизма воровской речи». Позднее были изданы воспоминания о годах каторги и блестящее историко-культурное исследование Соловецкого монастыря с его уникальным архитектурным комплексом, знаменитым собранием рукописей и икон и мартирологом узников.

Но избранной в студенческие годы сфере научных интересов – литературе и культуре Древней Руси – Д.С. Лихачев был верен всю жизнь. «Я хотел удерживать в памяти Россию, как хотят удерживать в памяти образ умирающей матери... – пишет академик Лихачев в своих воспоминаниях. – Мои книги – это, в сущности, поминальные записочки, которые дают за упокой... записываешь наиболее дорогие имена, а такие находились для меня прежде всего в Древней Руси»... Мечта об изучении летописания и искусства Древней Руси осуществ-

вилась лишь в 1938 году. Проработав корректором издательства Академии наук, а затем редактором, Дмитрий Сергеевич становится младшим научным сотрудником Института русской литературы АН – Пушкинского Дома. 11 июня 1941 года блестяще защищает кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII века. А через две недели началась Великая Отечественная. Воспоминания о блокаде, о гибели под обстрелом и еще более страшной смерти – от холода, голода, истощения, о самоотвержении, благородстве и о подлейших проявлениях человеческой природы Дмитрий Сергеевич написал вместе с женой, Зинаидой Александровной. «Были ли ленинградцы героями? Нет, это не то: они были мучениками», – скажет он позднее. А в блокадные годы он совместно с археологом М.А. Тихановой публикует исследование «Оборона древнерусских городов». «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня «современное звучание», – пишет ученый... Дмитрий Сергеевич защищал гонимых ученых, дискредитируемые нравственные ценности, духовные традиции, архитектурные памятники, великие реки, малые города. Это была великая оппозиция души. Когда режим преступал пределы нравственно допустимого, когда искусствоведческая критика уподоблялась судам инквизиции, а научные дебаты могли завершиться для одной из сторон лагерем, Лихачев вводил в актив общественного сознания великое наследие древнерусской культуры. «В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения», – утверждал Дмитрий Сергеевич. Он выступал с требованием не разоблачать, а изучать старое искусство. Разъяснял, что эстетические категории не носят оценочного характера и что прогресс в области культуры обнаруживает себя не столько в изменении, сколько в сохранении прошлого, в накоплении культурных ценностей. Лихачев стремился вернуть вытесненный из нашей жизни пласт духовной культуры, требующей

хотя бы некоторого знания Священного Писания. Древнерусские писатели, летописцы и философы, озабоченные историческими судьбами родины, исправлением общественных недостатков, защитой справедливости, поднимались из глубины веков как живой укор существующему порядку.

Постперестроечная эпоха принесла академику Лихачеву свободу передвижения, многочисленные награды и почести, государственное признание... И большое разочарование от нравственного упадка и безразличия к гибнущей культуре. Он прилагает титанические усилия для защиты культурного наследия на государственном уровне, формулирует «Декларацию прав культуры» и, наконец, в последней надежде вразумить сограждан, разрабатывает проблему экологии культуры, рассматривая ее как цель и смысл существования человечества.

У академика Лихачева были враги: агрессивное невежество, людская глупость, предательство, которое он считал более страшным, чем смерть, следователь Стромин, который сфабриковал его дело, беспринципность в науке и... беспочвенные концепции. Наверное, поэтому блестящие и бесспорные теоретические выводы, полученные в итоге скрупулезного изучения памятников древнерусской и русской художественной культуры на протяжении ее исторического развития, Дмитрий Сергеевич называет своим сугубо личным мнением. Итак, личное мнение академика Лихачева о русской культуре: многовековая русская культура не замкнута в себе, Россия жила и живет единой жизнью общекультурного космоса.

Д.С. Лихачев сказал: «Ученый – это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен». Память о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве хранят его бесчисленные добрые дела – спасенные культурные ценности, восстановленные репутации, его ученики. Но лучшей памятью об ученом будет – перечитать его книги.

ЛАРИСА МАРИУПОЛЬСКАЯ

«Слово» – поздняя подделка... Как я могу прокомментировать это? Если бы дед был жив, это была бы бесстрашная вылазка врага, притаившегося в родном гнезде. А когда его нет...

Лихачева бесконечно переиздают. По-разному происходят эти переиздания. В свое время в издательстве «Искусство» вышла книга «Русское искусство. О древности до авангарда». Там был ряд глав-статей, их список и порядок дед утвердил лично. Он радовался выходу этой книги, вернее, альбома, радовался красивой обложке, великолепным иллюстрациям. Даже гладил переплет, когда из Москвы пришел первый этот альбом. Теперь эту книгу решили переиздать. Но... своеобразно. Исключили статью «Слово о Киеве», центральную, основополагающую. Почему? Из-за политики, из-за ситуации с Украиной. Получается, Лихачева правят и цензурят...

История с Советским фондом культуры для деду была и блистательная и грустная одновременно. Он основал его единолично, а Раису Горбачеву привлек к работе в фонде по понятным причинам. Сколько всего замечательного было сделано. Сколько перевезено из-за рубежа в Россию ценных раритетов, не сосчитать. Русские эмигранты помогали из-за того, что верили именно академику Лихачеву. Знаменитая парижанка и меценат Лидия Борисовна Варсано подружилась с дедушкой и передала крупные суммы в Пушкинский Дом, оплачивала выступления во Франции талантливых юных музыкантов. Дед лично вез в Россию вещи Тургенева, и на таможне отчаянно зазвенели у него в чемодане тургеневские ножи и вилки. Помню, как к деду обратилась искусствовед Марина Бенцони. Она рассказала, что художник театра Николай Бенуа тяжело болен, у него остается огромный архив, из которого российские музейщики хотят отобрать часть. «Какую часть, надо увозить все!» – крикнул дедушка и написал письмо президенту страны. Таких историй сотни. Дед ездил, уговаривал, писал в высокие инстанции. Не жалел себя и своего времени. Его

должность в фонде не оплачивалась, да он и не думал о материальном вознаграждении или какой-то личной выгоде.

Однажды он понял, что ему не все говорят, что за его спиной кто-то решает свои дела, придумывает командировки, чтобы отдохнуть за границей. А один известный москвич явился в гости к мадам Варсано и попросил шубу для своей дочери. Для деду это было неприлично, позорно. После его выхода из фонда был у него публичный спор с режиссером и новым президентом фонда, Никитой Михалковым, на тему «Может ли культура зарабатывать деньги?». Михалков считал, что может. Особняк, принадлежавший фонду, стали сдавать для вечеринок, пока в нем не произошел пожар... Дед потом говорил: «Я против любых фондов...» В год столетия дедушки на одном из телеканалов прошла программа, где главным интервьюируемым был как раз Никита Михалков. Хотя в ситуации, когда у них сложились такие, мягко говоря, плохие отношения, записывать интервью с Михалковым как-то странно.

А после дедушкиной смерти было образовано целых три фонда. Один как-то очень быстро перестал существовать, другой, самый известный, возглавляемый писателем Граниным, сейчас особенно активно занимается популяризацией Петра I (этой эпохой и этой фигурой дед не занимался).

А вот журнал, основанный одновременно с фондом – «Наше наследие», продолжает выходить. На здании в Неопалимовском переулке, которое занимает редакция, установили мемориальную доску. 30 сентября 2009 года здесь отмечали 10-летие со дня смерти дедушки. Была выставка фотографий и автографов...

В Петербурге именем Лихачева названа маленькая площадь на Петроградской стороне, на ней год назад открыли с большим вкусом сделанную стелу. Есть школа, которая носит его имя, – там учился он и его братья. Проходят Лихачевские чтения в Гуманитарном университете профсоюзов и Пушкинском Доме. Талантливым детям из области ежегодно вручают «Звезду Лихачева». Конкурс «Созвездие талантов» был придуман еще при его жизни, там много номинаций, теперь вручают победителям и звезду из бисера его имени.

Лихачева помнят.

Много печального происходит, но много и хорошего. ❧

ГРАММОФОН ДЛЯ КРАСНОЙ ПРОПАГАНДЫ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

90 лет назад в очередной раз решалась судьба России. От школьных учебников в памяти осталась фраза «молодая советская республика в огненном кольце фронтов». Как жилось обычным людям внутри «огненного кольца»? Об этом мало что известно. Учебники истории оперируют большими цифрами, рассказывают о фронтах и армиях. А в старых газетах, даже самых тенденциозных, находятся подлинные свидетельства живой истории.

«Когда приневская столица, // Забыв величие своё, // Как опьяневшая блудница, // Не знала, кто берёт ее», – писала об этом времени Ахматова. К приневской столице, правда, это относилось в меньшей степени, чем к негласной «третьей столице» Российской империи – Одессе, где у власти сменялись интервенты, украинский гетман, атаман, красные, белые... Почти каждая власть, приходя, устраивала еврейский погром, закрывала одни издания, открывала другие, наводила террор, переписывала всех способных держать в руках оружие, затем начинала тотальную реквизицию всего, что нужно, чтобы вооружиться для дальнейшей борьбы.

ОФИЦЕРЫ, ОФИЦЕРЫ...

Хуже всего в этой ситуации, кажется, приходилось бывшим офицерам. Хочешь не хочешь – вой. В Белой армии – потому что ты офицер и дал присягу; в Красной – потому что ей не хватает командиров. Мемуары и красных, и белых пестрят историями о том, как новоиспеченные красные командиры вели свои батальоны в атаку под комиссарским пистолетом – и перебежали на сторону белых при первом удобном случае; как белые дезертировали, обиженные недоверием, допросами, обвинениями, не желая участвовать в безобразиях и грабежах, – и при очередной смене власти попадали к красным...

Сергей Волков, автор книги «Трагедия русского офицерства», пишет: «В мае 1919 г. сообщалось о взятии заложниками жен и детей 11 офицеров 10-й стрелковой дивизии, перешедших к белым. Как отмечалось в докладе ЦК Российского Красного Креста: «Жена, мать, дочь офицера бросаются в тюрьму, расстреливаются. Иногда это происходит потому, что офицер исчез. Есть подозрение, что он перешел к белым. Иногда офицер уже давно убит, а родных все-таки берут в плен, потому что весь офицерский класс держится под подозрением». Часть офицеров перед смертью подвергалась пыткам».

К весне 1919 года измотанность Красной и Белой армий была такова, что врагов все чаще брали в плен, а не убивали; наскоро переформировывали полки, перевооружали людей и снова бросали в бой уже на своей стороне. Обе стороны пишут в мемуарах о нехватке людей, недостатке дисциплины, недостаточности снабжения – нет винтовок, нет патронов, не хватает еды, лошадей, вагонов, паровозов, просто денег. Армиям уже почти все равно, откуда это брать, – военное время все спишет, у кого еще что-то осталось, у того и реквизируют...

САПОЖНИК, ПОРТНОЙ – КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ?

Войска атамана Григорьева, тогда еще входившие в состав Красной армии, взяли Одессу в апреле 1919 года; Добровольческая армия покинула город в спешке и отчаянии.

Двадцать девятого апреля «Известия Одесского совета рабочих депутатов» («Известия О. с. р. д.») объявили об учете «всех без исключения» боевых офицеров и чиновников с примечанием: «от регистрации освобождаются только явные калеки». Общество георгиевских кавалеров призвало на перерегистрацию «всех георгиевцев, стоящих на советской платформе».

Затем была объявлена мобилизация ветеринаров: раненых и больных лошадей тоже надо было ставить в строй. 1 мая газета грозно предупреждала рабочих «от увлечения шкурными вопросами, погоней за суточными, за которые их так недавно покупали белогвардейцы»: настоящий пролетарий воюет за революцию, а не за деньги.

Для нужд армии у населения начали изымать жезлы, фураж и консервы. Объявили учет имеющегося у населения оружия и лошадей. Через несколько дней начался призыв в Красную армию. Чтобы никто не пытался спрятаться – уклоняющимся от призыва посулили «самую строгую ответственность, вплоть до предания суду военного трибунала».

Второго мая по городу пронесся еврейский погром; в скором времени погромы случились и в соседних городах, занятых григорьевцами или красноармейцами. Погромы, однако, происходили стихийно: идеологически Красная армия их не поддерживала. Бунин в «Окаянных днях» цитирует «Голос Красноармейца»: «Смерть погромщикам! Враги народа хотят потопить революцию в еврейской крови, хотят, чтобы господа жили в писаных хорамах, а мужики в хлеву, на гнойниках с коровами, гнули свои спинки для дармоедов-лежебоков...»

Четвертого мая подписан армейский приказ о сборе артиллерийского имущества и покупке лошадей; идет сбор сведений о «мельничных машинах и круподерках», типографских красках, колбасах, запасах масла, семян и стеклотары – все должно быть учтено и при необходимости реквизировано.

Вновь организованные стрелковые полки ведут запись и приглашают на службу «санитаров и носильщиков, машинисток, лаборантов, трубача, конюха, коноводов, сапожника, портного, слесаря, шорника, колесника, поваров (кашеваров)» – соблазняя их «жалованием 500 рублей».

К началу мая в армию стали реквизируют автомобили, велосипеды и горючие материалы. Эстакаду в порту взялись разбирать на топливо. 8 мая в «Известиях О. с. р. д.» была объявлена реквизиция граммофонов – в целях красной пропаганды; на следующий

день – реквизиция всех биноклей под страхом трибунала (тем не менее, как вспоминали участники боев, хороших полевых биноклей все равно не хватало).

В середине мая в городе закрылись все аптеки – для учета и реквизиции лекарств.

ШАЛОСТИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Как живут обычные люди в эпоху погромов, всеобщей мобилизации и закрытых аптек – тоже вполне понятно даже по частным объявлениям в газете: «Из трех разорванных чулок делаем пару новых», «Утерян желтый женский ботинок, прошу возвратить». Утрата ботинка – тяжелый удар: новой обуви давно уже взять негде, люди донашивают старую и надевают деревянные сандалии; еще два года вся Одесса громко хлопала деревяшками при ходьбе.

Многочисленные гувернантки – англичанки, немки, парижанки – ищут места, но мест нет, ибо платить им нечем. Люди сообщают об утере сахарных карточек – еще надеясь, что кто-то добрый их вернет; в одном объявлении прямым текстом просят «пожалеть бедн. женщ.», потерявшую деньги и документы. Власти сообщают, что в ближайшее время начнется распределение чая и соли по карточкам.

Водопровод в городе бездействует, воду таскают из порта. Квартиры буржуев и частные магазинчики «реквизируют» – то есть грабят. Календарь у красных один, у белых другой, в датах путаница, во времени тоже: часы несколько раз переводили вперед, в результате разница с астрономическим временем достигла двух с половиной часов.

Газетная реклама в это время – удивительная. Одну половину ее составляют огромные объявления врачей-венерологов, а вторую – реклама развлекательных заведений: здесь и знаменитый цирк Труцци, и театр «Летучая мышь» Никиты Балиева; выступает певица Иза Кремер, идут оперетты «Гейша», «Прекрасная Елена», «Веселая вдова». Объявления о них соседствуют с извещениями о расстреле буржуазных элементов, членов Союза русского народа, бывших белых офицеров и контрразведчиков. Всего за первые три месяца советской власти в Одессе было расстреляно 2200 человек. Здесь же – целые столбцы сообщений о наложенных на буржуазию контрибуциях: практически каждый частный предприниматель должен был раскошелиться на нужды Советов. И сообщения о борьбе с бандитизмом, налетчиками, грабителями. И, конечно, траурные объявления – обычно о жертвах туберкулеза, голода, сифилиса.

Бунин летом 1919 года, уже в дни мощного денкинского наступления, списал себе в дневник с афиши на столбе следую-

щее объявление: «В зале Пролеткульта грандиозный абитурбал. После спектакля призывы: за маленькую ножку, за самые красивые глаза. Киоски в стиле модерн в пользу безработных спекулянтов, губки и ножки целовать в закрытом киоске, красный кабачок, шалости электричества, котилён, серпантин, два оркестра военной музыки, усиленная охрана, свет обеспечен, разъезд в шесть часов утра по старому времени. Хозяйка вечера – супруга командующего третьей советской армией, Клавдия Яковлевна Худякова».

«В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КАТАСТРОФИЧЕСКИХ МОМЕНТАХ»

С середины мая общий тон газетных статей становится все мрачнее: атаман Григорьев, взявший Одессу, вдруг объявил о своей независимости от Советов и провозгласил себя гетманом Украины. С тех пор в течение месяца «Известия О. с. р. д.» исправно докладывали: сначала – что «все меры к подавлению восстания приняты», затем – что «Григорьевскую авантюру можно считать окончательно ликвидированной», затем – что «банды рассеяны»... Другие газеты – вот хоть «Одесский коммунист» – наперебой выкрикивали: «Смерть пьянице Григорьеву», но иногда серьезно признавали: «Речь теперь идет уже не о диктатуре пролетариата, не о строительстве социализма, но уж о самых элементарных завоеваниях Октября... Крестьяне заявляют, что до последней капли будут биться за мировую революцию, но, с другой стороны, стало известно об их нападениях на советские поезда и об убийствах топорами и вилами лучших наших товарищей...»

Тем временем положение на фронтах становилось все хуже, и Красная армия поспешно переформировывала полки и перевооружалась. Агитаторы и граммофоны с красной агитацией не смолкали, митинги шли один за другим – в отсутствие радио и телевидения известить население о точке зрения власти на текущие события никак иначе не получалось. В конце концов от митингов начали уставать все, даже красноармейцы, чей боевой дух эти мероприятия должны были поднимать. В конце мая газетчик, побывавший во 2-м одесском стрелковом полку, сообщал: «Замечается усталость от политики. Постоянные митинги, лекции, собеседования на политические темы – все это вызвало потребность немного удалиться от них. В связи с этим, выяснилась большая потребность в беллетристике». Красноармейцы просили дать им Тургенева, Горького, Андрея, с охотой записывались в хоровой, драматический и музыкальный кружки – иначе было совсем тоскливо.

«Известия О. с. р. д.» то сообщали о грядущей мобилизации, то категорически опровергали это сообщение, «ибо рабочие

и крестьяне Одессы и округа охотно становятся в ряды армии безо всякой мобилизации». Тем не менее мобилизацию в конце концов пришлось объявить, правда, в армию не брали «буржуев», а мобилизовали только пролетариат, что, разумеется, вызывало у пролетариата законное негодование. Приходилось агитаторам снова браться за перья и надсаживать глотки на митингах, объясняя, почему внутреннему врагу не место в Красной армии. И все равно многие рабочие, не говоря уже о несознательной буржуазии, идти на фронт решительно не желали; на уклонистов устраивали облавы.

Еще в конце апреля сотрудники одесских «Известий» спрашивали в Харькове, тогдашней столице советской Украины, можно ли ожидать прибытия в город наркомвоенотоварища Троцкого, и получили ответ от комиссара штаба: мол, «товарищ Троцкий посещает фронт только в исключительно катастрофических моментах, когда необходимо поднятие духа войск». Уже через месяц товарищ Троцкий дважды посетил Харьков на своем знаменитом бронепоезде. Бронепоезд, в котором нарком прожил два с половиной года, ездил по фронтам, Троцкий выступал перед массами; в поезде была небольшая типография, где печаталась газета «В пути», там же были и другие чудеса техники: холодильная камера и даже, говорят, небольшой самолет; в штате бронепоезда состояло более 200 человек, включая латышских стрелков, матросов, кавалеристов, мотоциклистов, телефонистов и, наконец, 37 агитаторов. Некоторое время вместе с Троцким ездил и Демьян Бедный, чьи агитки публиковались в той же газете. Весь конец мая и июнь 1919-го Троцкий носится по Украине: именно здесь над Красной армией сгущаются самые грозные тучи. Эшелоны с наспех собранными частями уходят на фронт. 9 июня в Одессе уже объявлено о взятии на воинский учет всех трудящихся; идет тотальная мобилизация рабочих. 11 июня местные «Известия» старательно опровергают слухи, «что власть большевиков скоро кончится». Впрочем, большевики и сами не уверены, что долго продержатся. Штаб Реввоенсовета переводят из Одессы в неназванное место «по чисто техническим условиям». По городу бродят слухи о скором прорыве фронта, Реввоенсовет обещает за распространение слухов «строжайшее наказание, вплоть до расстрела на месте». Кажется, власть ничего уже не может, кроме как грозить расстрелом. Положение на фронтах все хуже: Добровольческая армия наступает, Красная бежит, ко-

мандование выясняет сложные отношения с батькой Махно, который держит участок фронта, но не вполне красен; все это оборачивается изнурительной борьбой еще и с махновщиной. 17 июня Троцкий, выступая в Харькове, объявляет, что город в опасности. «Все под ружье», — призывает он. Буржуев отправляют «на трудовой фронт». Одесская ЧК беспомощно констатирует, что в городе «белогвардейцы и черносотенцы ведут злостную агитацию против советской власти» и обещает им немедленный расстрел.

ДОЛОЙ ШКУРНИЧЕСТВО

В Одессе начинается голод. Большевики вынуждены печатно объясняться, «почему нет хлебного пайка» и сообщать о мерах по борьбе с голодом «на внутреннем фронте». В качестве одной из таких мер красноармейцам разрешается отправлять домой с фронта посылки — до пуда съестного; где они его берут пудами — легко догадаться.

К слову, в одной из бунинских дневниковых записей 1919 года говорится: «Ходил бриться, стоял от дождя под навесом на Екатерининской. Рядом со мной стоял и ел редьку один из тех, что «крепко держит в мозолистых руках красное знамя всемирной коммунистической революции», мужик из-под Одессы, и жаловался, что хлеба хороши, да сеяли мало, боялись большевиков: придут, сволочут, и заберут! Это «придут, сволочут, и заберут» он повторил раз двадцать». И еще запись в один из следующих дней: «На базаре целые толпы торгующих старыми вещами, сидящих прямо на камнях, на навозе, и только кое-где кучки гнилых овощей и картошек. Урожай в нынешнем году вокруг Одессы прямо библейский. Но мужики ничего не хотят везти, свиньям в корыто льют молоко, валят кабачки, а везти не хотят...»

В июне «Известия О. с. р. д.» опровергают слухи о переходе целого полка на сторону белых: перешли, мол, только командиры, а солдаты честно драпали. Из воспоминаний деникинцев известно, что переходы целыми полками действительно случались, причем потребность в людях доходила до такой степени, что перебежчиков и пленных тут же ставили в строй взамен павших.

Деникин наступает на Харьков, красноармейцы спасаются бегством, Троцкий грозит: «Горе дезертирам! Отныне из конца в конец страны пойдет на них жестокая и беспощадная облава». Чем хуже положение на фронте, тем отчаяннее становится

тон красной печати. Тем временем в Москве открылось целое ведомство по делам дезертиров.

Двадцать восьмого июня одесские «Известия» призывают: «Долой шкурничество, апатию, панику, дезертирство, нам не страшны поражения, мы учимся побеждать!» В том же номере цитируется выступление наркома по военным делам Украины тов. Подвойского на пленарном заседании Реввоенсовета: «Харьков пал, пал Белгород, пали Валки, неприятель около Полтавы, левый берег Екатеринослава в руках врага, и Царицын отрезан от центра». «Сошел с рельс или остановился не локомотив революции, а весь, товарищи, поезд нашей революции потерпел крушение». Дальше Деникин пойдет к Киеву, Одессе, Николаеву, горестно пророчит Подвойский, — и пророчит совершенно верно.

Одесситы, однако, и в такой обстановке остаются верны себе: в этот же день в молодежной студии пролетарского искусства проходит лекция «Сущность поэзии и литературы».

Еще через несколько дней «Известия О. с. р. д.» мрачно сообщают: «Бьет последний час революции» — и призывают: «Все на фронт». Григорьев, вроде еще месяц назад окончательно добытый и ликвидированный, наступает на Елисаветград, Ворошилов требует достать его — живого или мертвого. В Одессе: на массовые расстрелы семей красноармейцев деникинцами одесская чрезвычайка отвечает расстрелом «представителей буржуазии» без суда и следствия.

Тон большевистских газет — от панического до торжественно-пророческого: они много твердят о мировой революции, о пламени коммунистического пожара в Венгрии и Германии, скороговоркой сообщают об оставленных городах и призывают сражаться до последней капли крови. По городу продолжают носиться слухи — для кого радостные, а для кого и страшные. Газеты то сообщают, что Харьков, Белгород, Лозовая и Николаев отбиты у врага, то берут свои слова обратно: слухи не подтвердились. В завшивленной прифронтовой полосе начинается и разбегается, как лесной пожар, эпидемия тифа; в Одессу с фронта везут тифозных больных.

Наконец, 23 августа в городе высаживается десант. Ураганный артиллерийский огонь с берега, восстание офицерских организаций в городе — и большевики бегут, оставляя противнику даже походные кухни с готовыми обедами. Красная страница в истории города закрылась, открылась белая — с новыми погромами и арестами, новыми расстрелами и реквизициями, с другими газетами и все теми же объявлениями: утерянные документы, представления варьете, смерти от туберкулеза и тифа, лечение сифилиса, поэтические вечера...

Просто жизнь.

НЕ ТОЛЬКО В ЮРЬЕВ ДЕНЬ

МИХАИЛ БЫКОВ

«Я бредил конногвардейскими латами и римскими шлемами кавалергардов, серебряными трубами Преображенского оркестра, и после майского парада любимым моим удовольствием был конногвардейский праздник на Благовещение», – вспоминал петербургское детство Осип Мандельштам.

Не всяк наш современник сообразит, о чем писал поэт с такой восторженностью. Майский парад – это традиционный ежегодный военный парад Петербургского гарнизона на Марсовом поле, завершавший зиму и знаменовавший выход частей в летние лагеря. Конногвардейский праздник на Благовещение – полковой день старейшего кавалерийского полка русской гвардии – лейб-гвардии Конного, отмечаемый 7 апреля по новому стилю.

Пишу в настоящем времени не случайно. И сегодня в достатке людей, которые, спустя почти 90 лет после расформирования полков и батарей Российской императорской армии, отмечают памятные даты, с ними связанные. Равно как и другие русские военные праздники старого царского календаря. Загляните в Интернет, задайте вопрос о полковых праздниках и увидите, сколько приглашений публикуется по этому поводу. Вот реконструкторы лейб-гвардии Финляндского полка сообщают, что провели полковой праздник на Васильевском острове. Вот зовет в гости на полковой день военно-исторический клуб гусар-ахтырцев. Им вослед – сумские гусары. В скромном украинском Чугуеве отмечают полковые дни Чугуевского уланского полка и Чугуевского пехотного юнкерского училища. В бессарабских Бендерах прошли торжества, посвященные полковому празднику 55-го Подольского пехотного полка, долгие десятилетия стоявшего гарнизоном в этом городе. На торжествах присутствовали лидеры непризнанной Приднестровской Республики. Недаром, видать, еще в 60-е годы XX века последние конногвардейцы обращались к грядущим поколениям: «Мы уходим. И на вас лежит нравственная обязанность сохранять в чистоте все, что касается священной памяти Конной Гвардии. Бог даст

вам возможность служить возрожденному Отечеству. Идите стремя к стремени...»

Товарищество и высочайший боевой дух русской армии отмечались многими военными специалистами в разные эпохи. Среди них и представители самых достойных в военном отношении противников России – пруссаков. Писали на эту тему Клаузевиц, Бисмарк, Мольтке-старший, Людендорф.

Понятно, что профессиональные военные навыки оттачиваются в часы занятий на плацах и в манежах, на стрельбищах и маневрах. Откуда берется тот самый боевой дух, объяснить сложнее.

Тут и психология победителя (если она имеется. – **Прим. авт.**), передаваемая в войсках из поколения в поколение. И влияние общенациональных ценностей, перетекающих в армию из гражданской сферы. И доверие солдат своим офицерам и генералам, формируемое повседневной жизнью, как на войне, так и в мирное время. И – религиозное и нравственное воспитание в полках, которым занимались по должности и по душе полковые священники, унтеры, старослужащие, те же офицеры.

При парадном построении больших войсковых масс обязательно используют жалонеров. Это солдаты, выполняющие функции живых маячков на дистанции. По флажкам на их штыках роты и батальоны могут четко ориентироваться в пространстве.

Похожую роль играли в русской армии военные праздники. В большинстве своем это были полковые дни, которые «привязывались» к престольному празднику полкового храма. В остальных случаях – большие смотры и парады, достойные отдельного разговора, кавалерские дни военных орденов, особенно ордена Святого Георгия, викториальные даты, благо их в истории Отечества в избытке. Военные были непременно участниками торжеств общего характера: дней рождений и именин членов императорского дома, главных церковных праздников, национальных юбилеев.

Император Николай II, великие князья и генералы обходят строй лейб-гвардии Преображенского полка. Царское Село. 1902 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАШ ПОЛК! ЗАВЕТНОЕ, ЧАРУЮЩЕЕ СЛОВО...

Цесаревич Алексей, сын императора Николая II, был помимо прочего шефом обыкновенного пехотного полка из провинции – 89-го Беломорского. И, несмотря на свое высокое положение, шеф обязан был носить скромные знаки различия беломорцев на таких же скромных мундире или шинели. По крайней мере, тогда, когда наследник участвовал в жизни подшефного полка, в обязательном порядке посещая его в день полкового праздника. Это видели солдаты. Это формировало в них ощущение, будто и сын императора, и простой, порой неграмотный солдат – члены одной большой и сильной семьи, носившей название «Беломорский пехотный полк».

В полковой день прощалось то, что ни в коем случае не прошло бы безнаказанно до или после. Однако ошибка или недосмотр именно в этот день заставляли офицера и солдата переживать собственную оплошность куда сильнее. Граф Сергей Шереметев, служивший в середине XIX века в кавалергардах, вспоминал: «5 сентября 1866 года, уже будучи полковым адъютантом, вполне заслуженно подвергся гневу государя. Он прямо из манежа отправил меня под арест, но не успел я дойти до места, как меня остановили и приказали немедленно вернуться во дворец. Меня ввели в зал, где весь полк (офицерский состав. – **Прим. авт.**) уже завтракал с государем. Возвращение при таких условиях было крайне неприятное. Но гнев государя давно прошел. Он ласково взглянул на меня и, приказав сесть и завтракать, проговорил, улыбаясь: «Небось аппетит пропал!»

Какой там аппетит – опозориться на глазах 50 офицеров-гвардейцев!

Как же проходили полковые праздники?

Никакого четкого регламента воинские уставы Российской империи по этому поводу не имели. Церемониал выработался сам собой, с учетом времени года, состава полка, рода войск, к которому он принадлежал. Особое значение имело финансовое состояние части. В русской армии полки были своего рода хозрасчетными единицами. Бюджетное содержание покрывало только обязательные статьи расхода. Остальное зависело от хозяйственной сметки командира полка и более – командиров ротных. Известно, например, что на стыке XIX и XX веков полковая касса лейб-гвардии Семеновского полка была бедна, зато ротные – ломились от денег.

Обычно праздничные церемонии занимали дня два-три. Вот что писал о полковом празднике 1910 года поручик лейб-гвардии Павловского полка Александр Редькин: «С утра все блестело в казармах, полы, которые были вымыты с вечера, печи и стены начисто перетерты. Портреты, картины и таблицы в ротных помещениях начищены в совершенстве, нигде ни пятнышка, ни пылинки. Еще с вечера кумовья-Финляндцы заступили наш домашний караул, чтобы дать возможность всем людям быть на параде, а мы, Павловцы, в свою очередь, на их полковой праздник, на 12 декабря, на Спиридона Повороты посылали к ним свой караул. Заведено было угощать эти караулы праздничным обедом и ужином. За полчаса до выхода из казарм в роты приходили офицеры и тщательно осматривали людей, подтягивали пояса, поправляли лацкана и помпоны на грендерках. Все было первого срока и не всегда барышни, собираясь на бал, так тщательно наряжались, как прихорашивались наши полки к Царскому параду». Далее поручик описывал марш полка по улицам Петербурга, восторженную реакцию встречавшихся на пути статских, особенно барышень, последние «штрихи к портрету» полка перед появлением императора.

Наконец, началось! В Манеже не только лейб-гвардии Павловский, но и казачий лейб-гвардии Атаманский полк. Он тоже чествуются на Александра Невского. Перед молебном император в окружении военного начальства обходит ряды солдат, выстроенных по шнуру. После молебна – тожественное прохождение. Горны запели сигнал ата-

ки, забили барабаны – и 1-й батальон двинул вперед. Четко слышна команда ротных: «На ру-ку». И в секунду, по словам поручика Редькина, лес штыков в ритм шагу повалился на руку. Дело в том, что в свое время павловцы получили две уникальные для Российской армии награды. В парадном строю полк носил островерхие с медным налобником митры-гренадерки времен императора Павла, пробитые пулями и поцарапанные штыками в одиннадцать атак под Фридрихс-ландом в 1807 году. И в парадном же строю поротно павловцы шли, держа винтовки на руку штыком вперед – за доблесть в Наполеоновских войнах. Остальные пехотные полки имели ружья на плече.

Парад завершали нестроевые и дети солдатской школы. В этот день в строй у офицеров отпрашивались даже хитрющие денщики. Всем хотелось пройти на глазах государя.

За официальной частью следовала обеденная, развлекательная и ужин, для особо стойких офицеров плавно переходивший в завтрак. Солдаты после парада и усиленного калориями, пивом и чаркой обеда получали увольнение допоздна. Кто шел к друзьям-знакомым, кто в Михайловский манеж на специальное театрално-цирковое представление и киносеанс.

На царский обед съезжались все офицеры, когда-либо служившие в полку и способные передвигаться. Так, на описываемом полковом празднике присутствовал майор Вормс, служивший в павловцах в годы Крымской войны, то есть полвека ранее. Обед завершался фруктами, конфетами и кофе с коньяком и ликерами. В полковой традиции было взять с собой с царского стола хотя бы яблоко, а лучше изумительно вкусных малиновых леденцов. Старые, пробитые пулями гренадерки прекрасно заменяли сумки.

К десяти вечера солдаты в казармах отужинали котлетами, битками, колбасой с картошкой и перешли к чаепитию с пастилой и карамелью. А в офицерском собрании приступили к праздничному застолью под два оркестра. Во главе стола – старый павловец великий князь Николай Николаевич, который стойко и умело держался до часу ночи. Последние офицеры сдавались к восьмью утра. Служба ждала их только спустя сутки. А следующий день после полкового праздника можно было отдыхать.

Лейб-гвардии конногренадеры, стоявшие в Петергофе, праздновали полковой праздник летом – 17 июня, на Всех Святых. В принципе – похоже. Отличалось меню. Государь снял

пробу с жирных солдатских щей и гречневой каши на коровьем масле, а позже отведать в Офицерском собрании крокеты из телячьей печени, грибы в сметане, фирменные конногренадерские пирожки с начинкой. Пили по большей части водки и настойки на березовых почках, рябине, перце. Павловцы специализировались на шампанском, хересе и прочих винах.

ОТ ПАСХИ ДО БОРОДИНА

Воинские праздники нивелировали большинство предрасудков обыденной жизни. Генерал Паренсов рассказывал протопресвитеру Российской армии и флота отцу Георгию (Шавельскому), какое чудо наблюдал в одном полку Терского казачьего войска, стоявшем на Кавказе. После пасхальной заутрени, на которую собралась вся полковая семья, к кресту потянулись люди. Первым, само собой, командир. После того как весь личный состав похристосовался с батюшкой, потянулись уже к командиру. И тот начал христосоваться с подчиненными. Подошла очередь полкового врача. Командир полка, как положено, трижды произнес «Христос воскрес!» и получил от доктора троекратный ответ «Воистину воскрес!». А чудо в том, что полковой командир был мусульманином, а полковой врач – иудеем.

Торжественно праздновали в частях русской армии Рождество Христово и Крещение. Именно в Рождество отмечали неофициальный государственный праздник «Воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцат языков». Как известно, последние наполеоновские солдаты покинули пределы России в первых числах января 1813 года. В Рождество праздновали полковые дни пять полков армии. У прорубленных в невском льду крещенских купелей на Водосвятии собирались тысячи солдат и офицеров.

Во времена становления русской регулярной армии существовал дефицит традиций, и Петр I создавал их буквально на ровном месте ингерманландских болот. Праздником, обязательным для всех первых жителей Петербурга, являлся спуск на воду каждого построенного мало-мальски крупного боевого корабля. Начало XX века изобиловало круглыми праздничными датами. Тут и победы в Северной войне, и Отечественная 1812 года, и полувековые даты Семилетней и Крымской войн, и 25-летие последней русско-турецкой.

Особенно мощно праздновали 100-летие Бородинского сражения. Именно тогда, в 1912 году, на Бородинском поле были установлены многие полковые и дивизионные памятники, стоящие по сей день. Средства выделялись, в большинстве случаев, из полковых касс. Подразделения всех частей, сра-

ПОЛКОВЫЕ ПРАЗДНИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Гвардия

Лейб-гвардии Преображенский полк – 19 августа. Преображение Господне.

Лейб-гвардии Семеновский полк – 4 декабря. Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Лейб-гвардии Егерский полк – 30 августа. Св. мученик Мироний.

Лейб-гвардии Московский полк – 21 ноября. Собор Архистратига Михаила.

Лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Величества полк – 30 апреля. Свв. Зосима и Савватий Соловецкие.

Кавалергардский Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полк – 18 сентября.

Свв. Захарий и Елизавета.

Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк – 19 ноября. Св. Павел Исповедник.

Лейб-гвардии Драгунский полк – 1 апреля. Свв. мученики Хрисанф и Дарья.

Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк – 26 февраля. Прп. Мартиниан.

Лейб-гвардии Конногренадерский полк – 9-е воскресенье по Св. Пасхе.

Лейб-гвардии Конная артиллерия – 10 мая. Св. равноапостольный император Константин.

Армия

11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова полк – 12 сентября.

Св. блгв. князь Александр Невский.

13-й лейб-гренадерский Эриванский царя Михаила Федоровича пехотный полк – 12 июля. Ап. Петр и Павел.

89-й Беломорский Его Императорского Высочества наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича полк – 22 мая. Св. Николай Чудотворец.

32-й Кременчугский пехотный полк – 28 августа. Успение Божией Матери.

1-й Сибирский стрелковый Его Величества полк – 9 декабря. Св. Георгий.

1-й лейб-драгунский Московский императора Петра I полк – 21 мая. Икона Владимирской Божией Матери.

3-й уланский Смоленский императора Александра III полк – 10 августа. Смоленская икона Божией Матери (Одигитрия).

12-й гусарский Ахтырский генерала Дениса Давыдова полк – 15 июля. Положение риз Пресвятой Богородицы во Влахерне, Чудотворная икона Ахтырской Божией Матери.

1-й саперный батальон – 11 марта. Святитель Порфирий.

жавшихся на Бородине, прибыли под Москву для участия в торжественном параде. Памятными медалями наградили прямых потомков участников сражения.

Наряду с общими праздниками отмечались и локальные события. В 1909 году личный состав лейб-гренадерского Эриванского полка отметил 50-летие взятия аула Гуниб. Еще один «кавказский» полк – 77-й Тенгинский пехотный – в 1890 году отметил 50-летие подвига рядового Архипа Осипова, взорвавшего пороховой погреб и погибшего в огне взрыва вместе с десятками штурмовавших крепостное укрепление горцев.

Отмечали в полках не только военно-исторические даты, но и день основания полка, так называемое старшинство. Довольно сложная система старшинства складывалась в течение всего XIX века. Не стоит погружаться в детали, но в общих чертах она учитывала не только день основания конкретной воинской части, но и ее предысторию, которая частенько из-

обилдовала переименованиями, слияниями, переформированиями и сменой рода или вида войск. Скажем, лейб-гвардии Уланский Его Величества полк основан в 1817 году, но старшинство ведет с 1651-го. А вот у гродненских лейб-гусар и дата создания, и старшинство совпадают день в день.

В 1838 году родилась традиция отмечать юбилейные даты полков вручением особой регалии – юбилейной ленты на знамена и штандарты. Первыми такие ленты получили лейб-эриванцы и пехотинцы Кременчугского полка. С тех пор главным событием юбилеев стала прибавка полотнищ новых юбилейных знамен к древкам. Очень часто в церемонии участвовал сам император, а нанести удар молотком по серебряному или по-

золоченному гвоздику успевал каждый солдат полка.

Обычно в связи с такими юбилеями ремонтировались казармы, здания офицерских собраний и полковые храмы, издавались книги и брошюры по истории полка, открывались полковые музеи.

храмовым днем для многих воинских частей русской армии – Главного штаба, 10 пехотных, 5 кавалерийских полках, Семиреченского и Оренбургского казачьих войск, 4 военных училищ.

Георгиевская дума постановила праздновать День георгиевского кавалера 9 декабря. В столице торжеством занимались на самом «верху». В Зимний дворец на праздничный обед приглашались все кавалеры, находившиеся в Петербурге. Столы сервировались в Георгиевской зале специальной посудой с георгиевской символикой.

Случались и совсем трогательные события. В 1909 году шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка стала дочь императора Ольга Николаевна. Некогда елисаветградские гусары отличались от других гусарских полков белыми ментиками, что подтверждала и полковая песня: «Бережем мы имя Ольги, белый ментик и штандарт». Сразу после назначения нового шефа офицерами полка завладела идея фикс: вернуть исконный цвет. История тянулась два с лишним года, вплоть до совершеннолетия великой княжны. Депутация от полка прибыла в Ливадийский дворец в Крыму, где находилась в тот момент царская семья, 2 ноября 1911 года. В тот же день командира полка полковника Мартынова принял начальник военно-походной канцелярии генерал свиты Орлов и сообщил, что по случаю совершеннолетия Ольги Николаевны государь приказал узнать, какую милость испрашивает полк. Мартынов ответил, что есть одно заветное желание – вернуть белые ментики. Орлов отказал в категорической форме, ссылаясь на дурной пример другим и дороговизну процедуры.

Спустя два дня во время бала в честь именинницы Мартынова позвали к царю. Николай поздравил полковника и через него весь полк с возвращением белых ментиков. Солидную сумму в 20 тысяч рублей на пошив новой формы выделила из личных средств шеф полка 16-летняя Ольга Николаевна.

АНДРЕЙ И ГЕОРГИЙ

Главным орденом Российской империи считался орден Андрея Первозванного. За всю историю награду получили, по разным сведениям, от 900 до 1100 человек. Однако далеко не все обладатели золотой цепи были военными и получили орден за военные заслуги. Первозванный – это скорее орден статуса, чем награда за определенный поступок или сумму действий. Андреевский крест – эмблема Русской императорской гвардии. А также – элемент полкового знака 12 армейских полков. Причем у 13-го уланского Владимирского и 11-го пехотного Псковского – основной элемент.

Но каких-то ярких воинских праздников орденский капитул никогда не проводил.

Орден Святого Георгия был учрежден как орден исключительно военный. Так оно и было, если не считать периода с 1769 года по середину XIX века, когда получить IV степень Георгия офицеры могли за выслугу лет. Вероятно, по этой причине День георгиевского кавалера получил в России чрезвычайную популярность. Георгиевских, или, как говорили в народе, Юрьевых, дня в церковном православном календаре два: весенний – 6 мая и зимний – 9 декабря. День святого Георгия был

А вот как праздновали Георгия в Чугуевском пехотном юнкерском училище. В канун Юрьева дня в Покровском кафедральном соборе служили всенощную и панихиду по всем убитым и умершим выпускникам и офицерам училища. Утром – вновь служба, укороченная обедня и молебен св. Георгию. Богослужения собирали не только юнкеров, но также солдат и офицеров гарнизона и местных жителей. Днем – парад и приведение к присяге новичков. Затем обед на несколько сотен человек, а вечером – бал, на который приезжали гости даже из столицы Малороссии – Харькова. Танцевали до утра...

Несколько лет спустя в Архангельске программа была менее консервативна. Литургия, молебен, парад местных воинских частей, триколоры и георгиевские флажки в руках жителей, прием, обед. А потом для архангелогородских георгиевских кавалеров... лекция в здании центрального кинематографа о значении Георгиевского праздника. Два дня в городе работала команда добровольцев, собиравших деньги на создание фонда для воспитания детей павших георгиевских кавалеров. И это было важнее обедов и приемов. Шел третий год Первой мировой войны, которую тогда, в 1916-м, называли Второй Отечественной.

НА ВОЙНЕ ТАК НА ВОЙНЕ

Понятно, что в военное время полковые праздники и юбилеи отмечались иначе. Но отмечались обязательно.

Отец Митрофан (Сребрянский) служил полковым священником в передовых частях на фронте Русско-японской войны. Пасху 1905 года он вспоминал всю оставшуюся жизнь. Яйца, например, красили так: попросили у китайцев красной бумаги, из которой делают фонарики, и сварили ее в котле. В получившейся красной жиже яйца обрели праздничный цвет. Пасхальный стол вместо привычных уже газет батюшка накрыл собственной резервной простыней. Куличи, которых так и

не принесли посланные в Харбин разведчики, заменила черняшка с воткнутой сверху свечой. Нашлась бутылка красного вина и к ней – сбереженная еще из-под Мукдена копченая колбаска. «Храм» развернули в огромном глинобитном сарае, где помещались обычно штабные писаря. Вынули окна, чтобы пение было слышно не только десяткам счастливиц, что поместились внутри, но и сотням солдат, оставшихся снаружи, под жутким ветром и холодным дождем.

17 октября 1916 года отмечал свой полковой день Собственный Его Императорского Величества Конвой. Стоить заметить, что эта воинская часть была полноценной боевой единицей, насчитывавшей четыре казачьи сотни – более 600 человек. На сей раз праздник справляли не в теплых казармах Царского Села, где сотни Конвоя дислоцировались постоянно, а в ставке верховного главнокомандующего в Могилеве. К этому времени офицеры Конвоя уже добились от государя согласия на попеременную отправку сотен на передовую. Так что конвойцы воевали наравне с другими.

В ставке дежурили 1-я и 2-я Кубанские сотни. Наряду с привычными атрибутами полковой праздник 1916 года остался в памяти конвойцев особняком. Именно в этот день в полк приняли последних двух офицеров царского времени. Именно в этот день в первый и последний раз на полковом празднике помимо привычных фотографий была сделана кинозапись. Случился и курьез. Хор Конвоя исполнил гимны всех стран-союзников, представители которых находились на приеме. Англичанин выслушал гимн своей страны по стойке смирно, итальянец бросился в гущу хора и стал подпевать, француз, серб и бельгиец благодарно улыбались, нейтрал-японец кланялся. Недовольным остался представитель Румынии. Гимна его страны казаки выучить не успели. «Не удивительно, – прокомментировал государь, – Румыния слишком поздно вступила в войну». Это – по-русски. А по-французски царь довольно долго беседовал с румынским генералом, и тот остался в полном удовлетворении. 13 октября 1920 года в память об очередной годовщине штурма Горного Дубняка в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов в Крыму состоялся праздничный парад русских гвардейцев. Среди прочих маршировали в парадном строю офицеры-измайловцы. Потом была эмиграция. Но не все офицеры лейб-гвардии Измайловского полка покинули родину. В 1931 году оставшихся в Советской России обвинили в создании контрреволюционной монархической организации, арестовали 29 человек. Большинство было расстреляно. А вся их вина – в том, что собирались в День Троицы и, свято храня традицию, отмечали полковой день.

И ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ ПРО ДЕНЬ ПРИЗЫВНИКА

Сегодня в России армию не любят. И на армейские праздники смотрят косо. Особенно на такие, как день ВДВ. Кроме, разумеется, самих десантников. Исключение составляет лишь 9 Мая.

Но большинство армейских и военно-исторических праздников широким слоям нашего ошалевшего в борьбе за выживание народа известно мало. Ну кто, спрашивается, в курсе, что 13 ноября мы отмечаем День шифровальной службы? А 8 апреля – День учреждения военных комиссариатов России? А 13 ноября – День войск РХБЗ? А 1 августа – День тыла? Совсем нехорошо? Да, «романтизма нету». Так, что ли, утверждал герой одного из рассказов Михаила Зощенко? Ну какой, в самом деле, романтизм таится в дне 15 ноября – Дне призывника. Матери плачут, мальчишки напиваются – и все это, оказывается, праздник...

В современном «датном» календаре – 33 профессиональных военных праздника. Не меньше – так называемых викариальных дней, когда отмечаются победы русского оружия, в основном почему-то в Великой Отечественной войне. А сердце – не поет. Впрочем, есть предложение превратить безличный праздник Героев Отечества, учрежденный в 2007 году, в очень личный День Героев и Георгиевских кавалеров. Иными словами, персонально поздравлять в этот день мы будем кавалеров Золотой Звезды Героя СССР и России, Георгиевского креста и ордена Славы. Не знаю, кто как, а я буду делать это с удовольствием. Тем более что день-то какой замечательный – 9 декабря, День святого Георгия Победоносца.

Глядишь, скоро и вместо Дня войск дяди Васи появится, скажем, день 6-й роты Псковской воздушно-десантной дивизии. Или – 9-й роты 345-го Отдельного парашютно-десантного полка. Достойнее, верно? Ротные праздники в русской армии, кстати, тоже имелись. Отмечались они скромнее, чем полковые, что

вполне понятно, но в ротах их ценили. Впрочем, об этом пусть уже спецы Минобороны по воспитательной работе думают. Хочется верить, что и там, в недрах здания на Знаменке, люди не прочь прочитать в какой-нибудь утренней газете, вроде той, что выходила до 1917 года под названием «Русское слово», нечто подобное: «От 14 июля 1908 года. Полковой праздник в день свв. Петра и Павла. В лагерном расположении войск московского гарнизона состоялся парад Перновскому, Несвижскому и Киевскому гренадерским полкам по случаю полковых праздников...»

КАК СТЕПЬ И МОРЕ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Мальчик сидит в промерзлой бакалейной лавке на ящике из-под сардин и тоскует. Делать уроки в таком холоде невозможно. Он отвлекается на болтовню с приказчиками, обслуживает клиентов, подсчитывает выручку. И знает, что по латыни завтра получит двойку, а отец снова выпорет, хотя сам же велел в лавке сидеть. Пока никто не знает, что мальчика потом назовут гением.

Чехов говорил: «В детстве у меня не было детства». Утром гимназия, днем лавка, вечером спевка: отец собрал любительский церковный хор, который поет по праздникам в церквях. В воскресенье – обедня, домашний акафист, потом еще одна служба. На каникулах – работа в лавке: отец считает, что детям вредно бездельничать и болтаться с приятелями, которые научат плохому. Порки, попреки куском хлеба, многочасовые церковные службы – повседневные будни Чеховых. Учеба не доставляла мальчику удовольствия: сначала его отдали в греческую школу, где мальчиков били линейкой и ставили на колени на крупную соль, затем была гимназия с обилием латыни и двоек. Разве что иногда после школы братьям Чеховым удавалось улизнуть ловить рыбу или птиц. Из радостей, конечно, еще были море и поездка на Дон через степь. Море и степь, бескрайние и прекрасные, говорили о воле, просторе, широте и красоте мира, не ограниченного лавкой и гимназическим классом.

Родители Антоши Чехова были потомками крепостных крестьян, которым удалось выкупить себя из рабства. Отец, Павел Егорович, гонял скот, затем осел в Таганроге и открыл бакалейную лавку. Глубоко верующий, он старался и детям своим внушать понятия о христианской этике, приучал их к труду, водил в церковь... Но добру детей он учил розгой, не зная других методов. Отец любил музыку, сам выучился играть на скрипке и разбирать ноты... Чехов говорил, что у всех детей в их семье талант от отца, а душа – от матери. Дети и впрямь были талантливы; устроили

даже домашний театр, в сценках Антону обычно доставались роли комических старух.

Мать свою, Евгению Яковлевну, робкую женщину, Чехов очень любил и нежно о ней заботился. Она платила ему, как выразился писатель Потапенко, «благотворительной нежностью». К отцу Антон Павлович относился с видимым почтением, но холодно.

У чеховских маленьких героев часто такое же горькое, подневольное детство. Но Чехов никого не обвиняет, не проповедует – только показывает. Так точно, так психологически достоверно, что крохотная зарисовка с натуры приобретает силу обличительного документа. Писать «с тенденцией» и страдать о горе народном было в литературе конца XIX века хорошим тоном. Чехов потому и отличался от современных ему писателей, что всего лишь спокойно рассказывал историю – без восклицаний, проклятий, призывов и морали. А действовали на читателя эти безыскусные на первый взгляд рассказы до слез. Критики, однако, до самой смерти обвиняли писателя в безыдейности, беспринципности, равнодушии к идеалам и нуждам российской действительности.

СВОБОДА

Дела бакалейной лавочки постепенно катились под гору, Павлу Егоровичу грозила долговая яма. Спасаясь, семейство Чеховых перебралось в Москву, где отец с трудом нашел место младшего приказчика в амбаре.

В 1876 году Антон остался один в Таганроге – до окончания гимназии. Он жил в старом родительском доме, который приобрел друг семьи; окупая свой стол и кров, помогал в учебе хозяйскому сыну. Избавленный от отцовского контроля, он почувствовал некоторую свободу. В гимназии он ничем не выделялся – соученики его толком не запомнили. Порядки были строгие, Чехову постоянно попадало за то, что он позволял себе явиться в гимназию, например, в клетчатых брюках вместо форменных. Одним из любимых учителей Чехова в гимназии был отец Федор Покровский, который первым обратил внимание на литературный талант юноши и подарил ему псевдоним «Чехонте». Антон Павлович, помнивший и це-

нивший добро, потом выхлопотал для старого священника орден за участие в Русско-турецкой кампании. Добром он отплатил и таганрогской городской библиотеке, где в юношестве постоянно брал книги: туда он передал всю свою личную библиотеку, туда присылал сотни книг, собрания сочинений.

К гимназическим годам относятся его первые литературные опыты, в том числе первая драма, «Безотцовщина». Кроме того, были написаны три во-

девиля (в театр Чехов впервые попал в 13 лет, на оперетту Оффенбаха, и сразу в театр влюбился); было множество рассказов и сценок, которые не сохранились. Юморески для гимназического журнала, шутки, смешные подписи к картинкам вылетали из-под чеховского пера в бессчетном количестве. Он находил в окружающей жизни невероятно много смешного – или, скорее, настолько нелепого, что над этим можно только смеяться.

Мать обиженно писала ему в 1876 году, вскоре после переезда в Москву: «Мы от тебя получили 2 письма наполнены шутками, а у нас в то время только было 4 коп. и на хлеб и на светло. Ждали мы от тебя не пришлешь ли денег, очень горько...» Поразительно, что родители и старший брат ждут денег от 16-летнего гимназиста, а не наоборот. Совершенно неизвестно при этом, было ли у него самого хоть четыре копейки.

ДЕБЮТ

Окончив гимназию, Чехов перебрался в Москву, где поступил в университет на медицинский факультет. Учился хорошо. Тогда же Чехов начал писать и отдавать в развлекательные журналы свои рассказы, которые подписывал то «Антоша Чехонте», то «Человек без селезенки». Были и другие псевдонимы, смешные или странные, – больше полусотни. Он быстро прославился как автор уморительно смешных историй.

В Москве же Чехов переработал «Безотцовщину» – по воспоминаниям его младшего брата, Михаила, она была «с конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд, и т.п.» – и отдал ее Ермоловой, та вернула драму, кажется, непрочитанной. Первый сборник рассказов – «Шалость» – не издан, возможно, по цензурным условиям. Первой опубликованной книгой стали «Сказки Мельпомены», вышедшие в 1884 году, за ними последовали «Пестрые рассказы» и «Невинные речи».

В 1883 году студент Чехов стал московским корреспондентом «Осколков». В 1884 году окончил университет и занялся медицинской практикой – работал в Воскресенске и Звенигороде, ездил на вскрытия, выступал экспертом в суде, словом, выполнял трудные обязанности русского земского врача. Фактически он давно стал главой семьи, которую содержал на литературные заработки. Михаил Чехов вспоминал: «В нашей семье появились вдруг неизвестные мне дотоле резкие, отрывочные замечания: «Это неправда», «Нужно быть справедливым», «Не надо лгать» и так далее». Удивительно, что Чеховы признали его старшинство и авторитет, и даже отец к концу жизни переменялся. Старший

брат писателя, Александр Павлович, рассказывал: однажды, когда взрослые уже братья Чеховы стали вспоминать, как их пороли, отец сказал виновато: «Пора бы уж об этом и позабыть. Мало ли что было в прежнее время?! Прежде думали иначе...»

ПО КАПЛЕ

Восьмидесятые годы для Чехова – время не только писательского, но и человеческого становления. Он старается освободиться от наследия жизни в купеческой среде, вытравить из манер подобострастие, из речи ошибки и диалектизмы (уроженец Таганрога, он вместо «стул» говорил «стуло»). Он работает над собой, «выдавливая из себя по капле раба», как написал Суворину; жаль, что эта метафора стала расхожей до полной потери смысла. Это точное описание той трансформации молодого медика – превращение из человека испуганного, битого, связанного предрассудками и страхами, в человека свободного, уважающего свое и чужое достоинство.

Медицинские и литературные заработки позволили молодому доктору кормить семью, снимать на лето дачи, перестать думать о копейках «на хлеб и светло». На дачи он постоянно зазывал гостей, которые вспоминали, что Чехов разыгрывал друзей и домашних и смешил всех до колик. И дарование его казалось всем именно таким – веселым, легким, эффективным. Но эта удивительная легкость и веселость совмещались в нем с придирчивой, постоянной работой над собой, с кропотливым литературным трудом и безрадостной медицинской практикой, которая хоть и давала ему массу жизненных наблюдений, но тяготила. Может быть, существуй в те годы профессия психотерапевта – Чехов с его вниманием к мельчайшим движениям души мог бы стать светилом в этой области. Его наблюдения отличаются такой клинической точностью, что цитаты из чеховских рассказов можно и сегодня встретить в качестве иллюстраций к психологическим пособиям.

УСПЕХ

Следующий сборник Чехова, «В сумерках», был тепло принят и критикой, и публикой. Стало понятно, что в русской литературе появился крупный писатель с совершенно новой творческой манерой. «Петербургская газета», например, писала, что от чеховских рассказов «веет правдивой жизненностью, искренностью чувства, пластичностью образов и красотой поэтических описаний природы. Г-н Чехов несомненно поэт, хотя и пишет прозой, – более поэт, чем иные патентованные стихослагатели». Академия наук присудила сборнику половинную Пушкинскую премию. Стало возможно перестать строчить ради денег, задуматься. Чехов посоветовался с друзьями, съездил на юг,

в родные места — и после этой поездки написал поэтичную и просторную повесть «Степь».

Дела Чехова шли на лад. Он много и хорошо писал для театра — и пьесы («Иванов», «Леший», «Свадьба»), и водевили («Медведь», «Юбилей» и пр.); некоторые из них шли с большим успехом. Его наперебой звали в гости. Часто и гостей звали «на Чехова», к его величайшему смущению. Сам он придерживался сформулированного много позднее принципа «быть знаменитым некрасиво» и старался держаться в тени. И к своим писаниям относился с видимым пренебрежением: нацарапал, настроил... и вечно был собою недоволен. Да, множество публикаций, и премия — «и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение», писал он в 1889 году. Его излюбленная поговорка была — «надо себя дрессировать!».

Вроде бы все было хорошо. Он молод и знаменит, сборник раскупается, деньги есть — но чего-то не хватает. «Нет, не то мы пишем, что нужно!» — восклицает он в письмах. «Чувство мое говорит, что занимаюсь я вздором». «Потягивает меня к работе, но только к литературной, которая приелась мне». Он тоскует по настоящему делу. Вскоре оно нашлось. В обществе шли разговоры о тяжелом положении каторжан на Сахалине. Чехов собрался туда ехать — и привезти точный отчет о положении каторжан и состоянии дел. Засел за справочники, газеты и журналы, статистические выкладки; работа была скучная и тяжелая; он жаловался, что от этого чтения «в мозгу завелись тараканы»... И все-таки поехал. Железных дорог тогда не было, путь на Сахалин был долгим и тяжелым — на лошадях, по бездорожью; то он топал по распутице, то ночевал в избе на полу, то его обобрали случайные попутчики... Вся поездка — за свой счет; сделанная ею пробоина в чеховских финансах не затягивалась несколько лет. Ему пришлось обойти и объехать остров, по площади почти равный целой Чехии, и вручную переписать его обитателей. Этот труд — все чеховские переписные карточки — был недавно полностью издан на Сахалине. Он собрал огромное количество статистических данных и живых впечатлений, которые полностью обработал и опубликовал в 1895 году в книге «Остров Сахалин», решительно не похожей ни на какие другие произведения Чехова.

После тяжелого Сахалина он возвращался домой кружным путем, через Индию, Сингапур, Цейлон, Порт-Саид и Константинополь. Поездка подорвала его здоровье, обострился туберкулезный процесс — но Чехов, вни-

мательный и опытный врач, отличался странным невниманием, пренебрежением к своему здоровью; носиться с ним ему казалось стыдно и недостойно — пока туберкулез не укладывал его на больничную койку.

Поездка на Сахалин стала рубежом, отделяющим раннего Чехова от зрелого. Сказались ли тяжелые впечатления или нездоровье, но веселость иссякла, сохранившись лишь для досугов с друзьями; та самая повседневная нелепица русской жизни, которая раньше вызывала смех, теперь порождала тоску и недоумение; он и прежде не был записным весельчаком — еще до Сахалина увидели свет мучительная до слез «Тоска» и жуткий рассказ «Спать хочется». А может, само время сыграло свою роль — время, о котором современники говорили, что это «сумерки Чехова, Чайковского и Левитана», время апатии и тоски о чем-то большем... Недаром на свет являются «Хмурые люди», а еще перед тем — «Скучная история». Это новый Чехов с новыми героями и новой поэтикой: это жизнь как она есть глазами обыкновенных людей. Чехов внес в литературу удивительное умение — не навязывать читателю ответы, а правильно ставить вопросы.

САДЫ И ШКОЛЫ

Два года по возвращении с Сахалина Чехов прожил в Москве на Малой Дмитровке, затем, в 1892 году, купил имение Мелихово, где поселился вместе с семьей; отец его оставил работу и занялся хозяйством в имении. Год был тяжелый — Чехов занимался помощью голодающим и работал на холере. Своему издателю Суворину он писал тогда: «Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикант женился, а через неделю зовет меня: «Непременно сию минуту, пожалуйста»... Все это противно, должен я это сказать. Девочка с червями в ухе, поносы, рвота, сифилис — тьфу! Сладкие звуки и поэзия, где вы?» Но врачом он был безотказным, крестьян принимал много и бесплатно, много сделал для земства...

Он уже знал, чем хочет заниматься, и знал, как это сделать; теперь медицина только отвлекала его. В Мелихове написаны «Попрыгунья», «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «Чайка», «Дядя Ваня»... В Мелихове был сад, которым Чехов занимался со страстью. Позднее, когда чахотка вынудила его поселиться в Крыму — где он тоже, конечно, стал сажать сад, — он даже сообщал жене телеграммой, что у него расцвела камелия...

Сажать сады, строить школы и открывать библиотеки — ему было важно не только гневно рассказывать, как плох этот мир, но и добиваться, чтобы он стал лучше. Чехов построил на свои деньги три школы в Подмоскovie, проложил шоссе, насадил сад. Садоводы в его прозе — творцы и поэты, им отданы лучшие мысли и главные слова.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЬЕСА

В 90-х годах Чехов пишет совсем уж безрадостные вещи: пошлость засасывает его героев, и справиться с ней им не помогают ни любовь, ни добрые дела. Читатели – не в восторге от такой перемены в любимом авторе и требовали от него «мажорных аккордов». Казалось, он пишет о том, «как все плохо», хотя на самом деле он занимался исследованиями тонких и важных материй: человеческой души и ее взаимодействия с другими душами. Наблюдения были неутешительными: каждый человек оказался носителем внутренних конфликтов, которые ограничивали и его собственное развитие, и способность понять другого; это не «среда заела», это сам человек отдает себя окружающей пошлости. Но что удивительно: как бы отвратительна ни была история, которую он рассказывает, в ней обязательно присутствует какой-то камертон, позволяющий точно настроить звук; всегда есть какое-то свидетельство настоящей жизни, гармоничной и прекрасной, – даже в безысходной «Палате №6» в бреду доктора Рагина несутся олени, «необыкновенно красивые и грациозные».

Тонкие механизмы конфликтов стали основой принципиально новой чеховской драматургии, вначале вовсе не понятой ни публикой, ни критикой. «Чайку» с Комиссаржевской в главной роли бенефисная публика и вовсе освистала, и Чехов бежал, не вынеся позора. Но через два года – потрясающий триумф в Художественном театре... затем «Дядя Ваня»... Уже очевидно, что это новое слово в драматургии, и надо работать, и работа требует его присутствия в Москве, в театре... Но у Чехова обострился туберкулез, а лечить его в те годы можно было только мягким климатом... И Чехов, похоронив отца и продав Мелихово, уехал с матерью в Ялту, где купил свой дом (и, конечно, посадил вокруг него сад).

В 1901 году он женился на актрисе Художественного театра Ольге Книппер – и многие сокрушались, видя, как они смотрят вдвоем: он – исхудавший и постаревший, она – молодая и блестящая. Он должен был зимовать в Ялте, ей нужно было работать в Москве; он изнывал от сидения в заглохшем на зиму курортном городишке и рвался в Москву, где кипела жизнь и ждала жена. Но... Последнюю свою пьесу, «Вишневый сад», он писал уже еле живой, иногда по две строчки в день.

В 1904 году ему стало так плохо, что в России оставаться было уже нельзя; Чехов с женой выехал в Германию, где вскоре и умер.

И критики дружно запели о сумрачном даровании, о чеховском пессимизме, безрадостности и безволии. Затем, правда, наступило новое время, и Чехов стал критическим реалистом и яростным обличителем существующего строя.

МЕТРОНОМ

Удивительно, что в воспоминаниях друзей Чехов разный: одни говорят о его слабости, нежности, деликатности, кто-то даже называет его «бесхарактерным»; другие – о железной воле. А кто-то пишет, что он был «духовный богатырь». Что у него был «постоянно действующий внутренний метроном».

Вот этот «метроном», пожалуй, самое удивительное в Чехове – и человеке, и писателе: ему удавалось выдерживать верный тон, нигде не сбываясь на фальшь. Как бывает тонкий музыкальный слух, так, наверное, бывает и тонкий человеческий – не литературный даже, а именно человеческий слух: удивительная чуткость ко всякой лжи, криводушию, самолюбованию, неестественности – хоть в речи, хоть в поступках.

Чехову удалось построить непротиворечивую систему человеческой этики и художественной эстетики. Ее называют иногда безрелигиозной системой в русской литературе, но это не особенно верно, как неверно всякое определение от противного. Лучше всего иллюстрирует эту чеховскую гармонию рассказ «Архиерей», написанный перед смертью. Это простая история о том, как к немолодому больному архиерею на Страстной седмице приезжает его больная мать с племянницей. Мать стесняется сына, дослужившегося до большого чина, племянница робко просит денег, сам архиерей служит долгие службы этой недели до гудения в ногах и боли в спине – и умирает в Страстную субботу от брюшного тифа. Но этот рассказ о болезни, старости, общей нелепости и смерти – совершенно прозрачен и прекрасен, от первых строк, где архиерей внезапно заплакал на всенощной в Вербное воскресенье, а вместе с ним – все, кто был в церкви, и до последних, где умирающий архиерей, уже не отец Петр, а просто Павел, идет куда-то, легкий и свободный, а его старушке-матери потом никто и не верит, что сын у нее был архиерей...

Вроде бы все плохо, но рассказ пронизан весенней, пасхальной радостью. Он удивительно гармоничен и соразмерен. Только у Чехова, наверное, было такое точное чувство масштаба человеческой жизни в мире, такая точная мера всех вещей, что безнадежные обстоятельства – старость, разочарование, нищета, брюшной тиф и смерть – не заслоняют вечной и огромной, как степь и море, правды, ради которой только и стоит жить. 🍷

НИЧТО НЕ ПРОПАДАЕТ В ЭТОМ МИРЕ

М. Башкирцева.
Автопортрет. 1883 год

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

Немногие знают, что когда-то президент Франции Франсуа Миттеран любил приходить на парижское кладбище Пасси к мавзолею русской девушки Марии Башкирцевой. Она прожила всего 25 лет и оставила после себя прекрасные картины и удивительно искренние дневники. В свое время они настолько тронули Марину Цветаеву, что свой первый поэтический сборник она посвятила именно Марии. В конце прошлого года исполнилось 125 лет со дня ее смерти. Директор фонда «Возрождение памяти Марии Башкирцевой» Татьяна Швец рассказывает «Русскому миру.ru» о том, почему эта девушка осталась в памяти потомков.

Действительно ли дневники Марии Башкирцевой – явление в литературе или ее поклонники больше соперничают трагической истории жизни этой девушки?

– Я уверена, «Дневник» Марии Башкирцевой – это произведение, подобных которому литература просто не знает. Велимир Хлебников называл его «уникальным явлением мировой культуры», а английский государственный деятель и писатель Уильям Гладстон считал «самой замечательной книгой столетия». С 13 лет и до самой смерти Мария регулярно записывала все события прошедшего дня, свои мысли и переживания, как бы наблюдая за собой со стороны. Ее «Дневник» – это детальная, правдивая «фотография» человеческой жизни. Насколько эти дневники являются ценным литературным произведением, свидетельствует тот факт, что 86 тетрадей Марии и 84 папки с ее перепиской хранятся в Национальной библиотеке Франции в Пале-Рояль.

Мы недавно вернулись из Парижа, где нам разрешили посмотреть в библиотеке записи, сделанные рукой Марии Башкирцевой. Сами тетради очень красивые: кожаная обложка, золотой обрез, муаро-

вый форзац, прекрасная бумага. Последняя тетрадь заполнена едва на треть. 20 октября 1884 года Мария сделала последнюю запись: «Мне очень трудно подниматься по лестнице...», а дальше – только чистые листы...

Всего несколько месяцев не дожила Мария до своего 26-летия. Но, несмотря на такую короткую жизнь, она сумела наполнить ее невероятным духовным содержанием. С ранней юности Мария мечтала о славе. У нее был потрясающий голос, меццо-сопрано, она играла на рояле, гитаре, арфе, цитре и мандолине. Однако из-за болезни голос стал пропадать, а вместе с ним исчезли и мечты стать великой певицей. Именно поэтому Марии было так важно, чтобы после смерти были опубликованы ее дневники. Ведь она верила: если после человека остается

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

как постепенно жажда славы сменяется жаждой творчества. Мария превращалась в настоящую художницу, для которой самое важное – возможность работать. Нужно было иметь достаточно мужества и упорства, чтобы противостоять болезни и, преодолевая боль, работать за мольбертом по 14 часов в сутки.

Мария была невероятным мастером психологического портрета не только в литературе, но и на холсте. Уже через год после начала учебы в Парижской академии живописи она выставляет свою первую работу в Салоне. Иногда, глядя на ее рисунки и полотна, просто не понимаешь: как молодая девушка из абсолютно благополучной семьи могла столь глубоко проникнуть во внутренний мир человека? Например, когда она путешествовала по Испании, то добилась разрешения посетить тюрьму и написать с натуры портрет каторжника. Ее «Приговоренный к смерти» – очень сильная психологическая работа. А еще я не могу без слез смотреть на картину «Дождевой зонтик», которая теперь находится в коллекции Государственного Русского музея. В глазах девочки-подростка, изображенной на портрете, столько горя, отчаяния и безысходности, что кажется, Мария выразила в них все те чувства, которые переполняли ее саму, когда она осознавала свое поражение в борьбе со смертельной болезнью.

МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА БАШКИРЦЕВА

родилась 11 ноября 1860 года в селе Гавронцы близ Полтавы. Родители ее разошлись, и Мария находилась под опекой своего деда – генерала П.Г. Башкирцева. В 1870 году из-за слабого здоровья была отправлена на лечение в Ниццу. С 1877 года жила в Париже, училась живописи в Академии Р. Жюльена. Умерла в Париже в октябре 1884 года. Большинство ее произведений погибло на Украине во время Великой Отечественной войны. Ее «Дневник» впервые был опубликован в Париже в 1887 году (частично), на русском языке книга вышла в 1902 году.

что-то достойное, значит, его жизнь была прожита не зря и он не исчезает окончательно.

– В наше время начали противопоставлять «духовно богатых девушек» и «нимф». Считается, что первые – это погруженные в книги создания, которые и одеться-то со вкусом не умеют. А вторые – живут только для себя, порхая по жизни, красивые, но глупенькие. Может быть, пример Марии Башкирцевой прекратит эту искусственную дискуссию?

– Мне тоже кажется, что это противопоставление слишком условно. Может быть, сейчас такое «нэпмановское» противоречие и существует, но в XIX веке его не было. Любая женщина из высшего общества должна была быть образованна, знать иностранные языки, следить за книжными новинками, уметь поддерживать разговор, играть на музыкальных инструментах. Ведь та же Мария происходила из очень состоятельной семьи. Ее отец был предводителем дворянства в Полтавском уезде. И в России, и в Ницце Башкирцевы жили богато, Мария ни в чем не нуждалась. Про нее никак уж нельзя было сказать, что она увлекалась учебой и чтением, потому что была некрасива или бедна. В ней прекрасно уживались две стороны натуры: невероятная женственность и интеллектуальность. Одно другому не противоречит.

Ей были присущи мечты, свойственные молодым девушкам: выйти замуж, создать семью, родить детей. В юности она часто посещала балы, прекрасно танцевала, любила красивые наряды. И уж если говорить про «нимф», то Марию окружающие обожали, выполнялся любой ее каприз, любая прихоть. Она могла бы наслаждаться той жизнью, которую давало ее положение. Но с раннего возраста Мария тянулась к знаниям, хотя все ее окружение было довольно праздным. Еще в детстве она сама, без всякого принуждения, просила нанять ей лучших учителей, и в Ницце за пять месяцев прошла программу трех классов лицея. Мария устраивала настоящий разнос своей учительнице, если та опаздывала хотя бы на полчаса.

Кстати, Мария очень хорошо знала, сколько ей положено ренты, родственники постоянно ей объясняли, какого именно нужно искать мужа. Все это она не отбрасывала. Но ей не хотелось выходить замуж только для того, чтобы соответствовать нормам того времени. Конечно, она часто влюблялась. Первая детская влюбленность, в 13-летнем возрасте, и побудила ее начать вести дневник. К сожалению, молодые люди в ее окружении часто не соответствовали уровню Марии, и быстро наступало разочарование.

Некоторые ставят в упрек Марии стремление к славе, которым переполнены первые тетради. Но ведь без этой сильнейшей мотивации она вряд ли успела бы столько сделать. Читая «Дневник», можно проследить эволюцию ее души, увидеть,

– Насколько я знаю, во всей Франции не наберется и двадцати улиц, названных именами русских людей. Один из таких редких примеров – улица Марии Башкирцевой в Ницце...

– С Ниццей связано пять лет жизни Марии. Ее семья поселилась в самом престижном месте, в доме на Английской набережной, номер 55. Вилла Башкирцевых до наших дней не сохранилась, на ее месте построен университетский центр, а рядом установлена стела, на которой написано: «Здесь Мария Башкирцева начала вести свой дневник». А когда Ницца строилась и расширялась, то одна из новых улиц, примыкающих к Английской набережной, была названа ее именем. Эта улица очень зеленая и уютная, с красивыми особняками, а там, где она начинается, установлен небольшой мемориальный фонтан из белого мрамора.

С прошлого года существует улица Марии Башкирцевой и в Полтаве, ведь родовые земли Бабановых-Башкирцевых находились именно там, рядом со знаменитой Диканькой. Однако еще пятнадцать лет назад о Марии в тех местах почти ничего не знали. В районном музее ей был посвящен небольшой раздел экспозиции, вот, пожалуй, и все. Нам же удалось не только провести международную конференцию по творчеству Марии Башкирцевой, но и добиться, чтобы одна из улиц Полтавы была названа ее именем. А в Гавронцах, где находился дом Башкирцевых, разрушенный во время революции, выделили участок земли, и теперь здесь создан парк ее имени – в том самом месте, где она появилась на свет. В парке установили мемориальный знак: стопка книг, символизирующая дневники Марии, а на них лежит палитра в виде сердца, пронзенного тремя кисточками. И мне приятно сказать, что теперь все местные жители знают, кто такая Башкирцева, очень ею гордятся и читают ее дневники.

– Какова была цель создания французской «Ассоциации друзей Марии Башкирцевой»?

– Группа поклонников Марии во Франции решила издать полный авторский текст «Дневника», поскольку раньше он появлялся только в сокращенном виде. Чтобы осуществить эту задачу, им понадобилось десять лет. Эти дневники издавались как раз на взносы членов ассоциации. Сейчас же необходимо объединить усилия всех, кому дорога Мария и во Франции, и в России, и на Украине, чтобы сохранить обветшавшую часовню на ее могиле, а вместе с ней – те уни-

ЕДИНСТВЕННАЯ РОЗА

В конце жизни Мария Башкирцева вступила в переписку с Ги де Мопассаном, который был очарован ее письмами. Но одно из его остроумно-циничных писем Башкирцева сочла оскорбительным и в последнем письме отвечает знаменитому писателю: «Вы не тот, кого я ищу. Но я никого не ищу, ибо полагаю, что мужчины должны быть аксессуарами в жизни сильных женщин. Невозможно поручиться за то, что мы созданы друг для друга. Вы не стоите меня. И я очень жалею об этом. Мне так хотелось бы иметь человека, с которым можно было бы поговорить». Больше она ему не писала. Все попытки Мопассана возобновить переписку или встретиться с Марией потерпели фиаско. После смерти Башкирцевой он побывал у нее на могиле. «Это была единственная Роза в моей жизни, чей путь я усыпал бы розами, зная, что он будет так ярок и так короток!» – сокрушался Мопассан.

кальные вещи, которые там хранятся, в том числе большое незавершенное полотно «Святые жены» и палитру. Власти Парижа ссылаются на закон об охране частной собственности, но на сегодня даже не удается выяснить, кому же принадлежит могила Марии, ведь родственников у нее не осталось. А между тем в наглухо закрытой каменной часовне в условиях сезонного перепада температуры и влажности ветшают и гибнут те вещи, которые служили Марии при жизни.

– А почему ваша ассоциация решила сама перевести все дневники Башкирцевой? Не проще ли было воспользоваться существующим французским текстом?

– Французы, конечно, проделали огромную работу, но они не везде дали правильную транскрипцию многих русских слов. Дело в том, что

Мария писала дневник на французском, однако когда приезжала на родину, то вела его на русском. Именно поэтому мы хотим сами взяться за расшифровку дневников, чтобы исключить все неточности.

– Мария вела дневник на французском, ее родовые земли – на Украине, а свои картины она подписывала «русская». Мария впитала в себя разные культуры, совершенно их не разделяя. Как вы считаете, почему сегодня так пытаются противопоставить русскую и украинскую культуру?

– Для меня это очень большой вопрос. Я сама родилась в Диканьке, рядом с Гавронцами, где когда-то появилась на свет Мария Башкирцева. Именно о тех местах Гоголь писал «Вечера на хуторе близ Диканьки», причем на русском. Сейчас я живу в Москве, но часто бываю на Полтавщине. Мне больно видеть, как нынешнее украинское правительство старается всячески отгородиться от России. Делается все, чтобы молодое поколение украинцев не знало русского языка. Русская литература сейчас преподается в разделе иностранной: только один час в неделю! Произведения Гоголя, Толстого, Пушкина школьники теперь изучают в переводе на украинский язык. Таким образом, создаются искусственные препоны в общении между нашими народами, имеющими общие корни. Я думаю, здравый смысл в конце концов победит, и эта «детская болезнь» молодого государства скоро пройдет.

В XIX веке Малороссия была частью Российской империи, поэтому Мария была русской подданной. Когда мы проводили конференцию в Полтаве, то один местный националист стал кричать, что мы у них «воруем» Марию Башкирцеву, поскольку она украинка. А ведь она себя считала «неистово русской» и свои полотна подписывала «Мари Константен Рюс». Она обожала русскую литературу. У ее отца в Гавронцах была богатейшая библиотека, вечерами в доме любили вслух читать произведения Пушкина, Толстого, Гоголя. Мария гордилась тем, что она русская, и написала об этом в дневнике, когда приходила провожать гроб с телом Тургенева, который из Парижа отправляли в Россию. Ей было очень приятно, что проститься с нашим писателем пришло столько французов. Она

хорошо говорила и на русском, и на украинском языке. Конечно же, очень любила Украину, как землю, где родилась. Перед самой смертью Мария просила гавронских вишен и яблок. И я считаю неэтичным в угоду националистической политике «делить» Марию Башкирцеву. Наоборот, она всем своим творчеством объединяет культуры России, Украины и Франции.

– Удалось ли Марии найти в жизни близкого по духу человека?

– Когда Мария уже знала, что чахотка не оставляет ей надежды на выздоровление, она написала письма Эмилю Золя, братьям Гонкур и Ги де Мопассану. Откликнулся только Мопассан, который был заинтригован посланием умной и несомненно талантливой незнакомки. Ее письма задели его, вызывая на откровенность. Между ними завязалась переписка, но Мопассан в то время уже был слишком избалован славой и вниманием женщин, поэтому в последних письмах позволил себе некоторые фразы, которые очень сильно задели Марию. Она прекратила переписку и не согласилась на встречу, о которой просил писатель.

И только в конце жизни Мария познакомилась с человеком, с которым у них действительно было душевное родство. Это художник Жюль Бастьен-Лепаж. Ему тоже был отмерен короткий век, поскольку он болел раком. Наверное, нельзя говорить, что у них была любовь в классическом понимании этого слова, но между ними было полное взаимопонимание. Он – 36-летний талантливый художник из бедной семьи. Она – юная девушка, только окончившая Академию художеств. Мария восхищалась творчеством Бастьен-Лепаж и подсознательно поддавалась его влиянию. Судьба была к ним обоим немилосердна. Последние месяцы своей жизни эти два тихо угасающих человека находили утешение в разговорах об искусстве во время прогулок в Булонском лесу. Они умерли почти одновременно. Бастьен-Лепаж ушел из жизни через пять недель после смерти Марии.

Прошло уже 125 лет, но интерес к личности Марии Башкирцевой, противоречивой и талантливой, не проходит. Нынешние «нимфы» считают, что женщине, кроме внешней привлекательности, больше ничего и не нужно. А Мария Башкирцева олицетворяла собой гармоничное соединение красоты, обаяния, ума и работы души. Именно поэтому ее любят и помнят до сих пор. 🍷

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА ВЫСОТЕ

МИХАИЛ БЫКОВ

На заседании Особого комитета по усилению флота его председатель – контр-адмирал Российского императорского флота великий князь Александр Михайлович – докладывал, как израсходованы средства, собранные по всей России для восстановления военно-морских сил после трагедии в Цусимском проливе. Потрачено почти 17 миллионов рублей, построено 19 крейсеров и 4 подлодки, остаток на счетах – 880 тысяч рублей...

Происходило это заседание 6 февраля (по старому стилю) 1910 года. И именно этот день можно считать днем рождения российской военной авиации. Поскольку, закончив тему строительства военно-морского флота, великий князь перешел к вопросу строительства флота военно-воздушного и предложил остаток собранных средств потратить на обучение пилотов и закупку аэропланов. Александр Михайлович был убежден, что эра военной авиации наступит через считанные годы. История показала, что он оказался прав. Уже в 1912 году, во время 1-й Балканской войны между Балканским союзом и Османской империей, на фронт отправился русский авиаотряд, сформированный из гражданских пилотов-добровольцев. По политическим соображениям государь запретил участвовать в этой войне кадровым военным. Отряд действовал в районе турецкой крепости Андрианополи и

под Чатталджи. Пилоты занимались разведкой, но опробовали и бомбометание, сбрасывая 10-килограммовые бомбочки вручную. Император внял доводам великого князя и согласился с финансированием новой военной отрасли. 6 марта 1910 года во Францию, передовую авиадержаву начала XX века, выехали восемь офицеров и семь нижних чинов – учиться летать. Группа была сформирована в основном из военных моряков. Спустя полгода они вернулись на родину дипломированными военными летчиками и механиками. Примерно в это же время в Россию прибыли и первые семь самолетов, заказанных специально для армии. Первые русские дипломированные пилоты из числа гражданских начали учить офицеров летному делу в Гатчинской

воздухоплавательной школе под Петербургом. Первыми военными летчиками, подготовленными дома, стали штабс-капитан Георгий Горшков, поручики Евгений Руднев и Иван Когут.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

«...Сунулся я к врачу инженерного училища, а он возьми да и найди у меня недостатки: опять правое легкое. Говорит: «Нельзя вам летать». Если даже и верно, что он говорит, то мне еще более необходимо попасть в школу, чтобы провести свой проект, а от полетов можно будет и отказаться, они меня вовсе не тянут...».

Из письма Петра Нестерова жене, 9 сентября 1911 года

Гатчинская авиационная школа была первым военно-учебным заведением в России, где стали готовить профессиональных пилотов. Возникла она не на пустом месте. Еще в 1885-м в четырех километрах от Гатчины, в поселке Сализи, открылся учебный полигон Воздухоплавательной школы с эллингами и «парковками» для аэростатов. Сама школа неоднократно меняла название, но суть дела сохранялась – тут готовили кадры для войны дирижаблей и воздушных шаров. Именно отсюда, из Гатчины, отправились русские офицеры осваивать профессию военного летчика во Францию. Именно отсюда осенью 1910 года дипломированный авиатор Георгий Горшков выехал в Севастополь, получив назначение на должность инструктора создаваемой там авиашколы, впоследствии знаменитого Качинского училища. Именно здесь, в Гатчине, 26 марта 1911 года официально был открыт первый русский военный аэродром.

Отдел воздушного флота выработал весьма ясные правила приема в Гатчинскую и Севастопольскую летные школы. Цель – подготовка русских военных летчиков на русской земле. Подавляющее большинство пилотов, обучавшихся за границей, жаловались на низкий уровень преподавания. В школы принимались в первую очередь кадровые офицеры армии и флота, а при наличии вакансий – гражданские лица, но отбывшие военную службу и с образованием. Обучение – бесплатное. Офицеры больше занимались специальными дисциплинами: «Двигатели внутреннего сгорания», «Теоретические сведения по авиации», «Тактика и применение аэропланов в военном деле» и т.д. В солдатском классе, открытом в 1912 году, преподавались арифметика, геометрия, физика, метеорология, русский язык и... Закон Божий. Стало быть, летали и верили! И одно другому не мешало.

Кто разрабатывал эти учебные программы? Кто, спустя всего семь лет после полета бра-

тьев Райт, обладал достаточными знаниями, чтобы рассуждать о применении аэропланов в бою?

Морской офицер Александр Можайский, который изобрел и построил первый в мире самолет в 1825 году, уже ушел из жизни. Конструктор Игорь Сикорский только приближался к секретам своих будущих успехов, первый из которых датирован 1913 годом. Великий князь Александр Михайлович был организатором авиационного дела, но отнюдь не специалистом-теоретиком. Да, кипела работа в кабинетах и лабораториях Николая Жуковского... А еще?

Начальником Гатчинской школы в 1910 году был Александр Матвеевич Кованько. Единственный связанный с авиацией и воздухоплаванием офицер империи, выслуживший чин генерала. Фигура малоизвестная, но от этого не менее интересная. Еще подпоручиком после окончания Николаевского военно-инженерного училища в Петербурге воевал в последней Русско-турецкой войне. В 1885 году стал инициатором создания первой в России «кадровой команды военных аэронавтов». 16 октября того же года в течение пяти часов «путешествовал» на воздушном шаре над Петербургом. Год спустя опять-таки впервые произвел фотосъемку с аэростата. В Русско-японскую войну командовал полевым воздухоплавательным батальоном. Был награжден Золотым Георгиевским оружием за храбрость. Слыл неплохим изобретателем. Прекрасно рисовал, писал стихи.

В 1911 году генерала Кованько на посту начальника школы сменил подполковник Сергей Ульянин. Человек также не чуждый азарту изобретательства. Еще в 1899 году он придумал прибор для обучения юнкеров артиллерийских училищ – миниатюр-полигон. А в 1910 году справился с уникальной задачей: изобрел устройство, позволявшее вести автоматическую аэрофотосъемку с борта самолета с высоты 200–400 метров. Будучи командиром Варшавского крепостного отделения, капитан Ульянин исхитрился попасть в первую группу офицеров, отправленных учиться летному делу во Францию.

Среди первых учителей – и гражданские летчики, начавшие осваивать специальность несколькими годами раньше военных. И прежде других – Михаил Ефимов, обладатель французского диплома за номером 31, первый шеф-пилот Севастопольской летной школы.

За семь лет работы Гатчинская авиашкола подготовила 342 человека: 269 офицеров и 73 нижних чина. Примечательно, что 62 летчика-«гатчинца» стали в годы Первой мировой войны георгиевскими кавалерами. Каждый шестой! Особо хочется отметить двух выпускников солдатского класса. Абакуменко заслужил все четыре степени солдатского Георгия, был про-

чину: 60 верст за 56 минут. Сам пилот сошел на землю в полумороженном состоянии. Вот что он вспоминал после: «...В начале полета чувствуется некоторая неуверенность в дальнейшем и не раз мелькнет мысль – не повернуть ли назад; особенно ярко проявилась эта мысль у Васильевского острова, когда сильно мотнуло аппарат. Малоприятны были моменты при неправильных порывах ветра; иногда чувствовалось, что аппарат не слушается управления; не особенно приятно также лететь над местностью, где спуск невозможен; всегда надо быть готовым к внезапному прекращению шума мотора...»

изведен в офицеры и в 1917 году получил орден Св. Георгия IV класса. Кравцов повторил его путь с той лишь разницей, что вместо ордена был награжден Георгиевским оружием.

Справедливости ради надо заметить, что и другие школы – Севастопольская и Московская – в подготовке классных летчиков старались не отставать. Георгиевскими кавалерами Первой мировой стали 269 военных летчиков.

ПЕРВЫЕ РЕКОРДЫ

«27 августа вечером, привязавшись предварительно ремнем (тропом) к сиденью, я поднялся на высоту 1000 метров, с которой решил планировать. Когда я последний раз посмотрел на анероид (прибор для определения высоты, в виде часов), мне пришло в голову, что в случае неправильного поворота этот приборчик должен будет выпасть из кармана куртки, когда я буду летать вверх ногами. Но... я решил «рискнуть» им для большей убедительности. Вот, собственно говоря, все, чем я рисковал, то есть на 13 рублей 50 копеек казенным имуществом...».

Из письма Петра Нестерова жене, август 1913 года
Многие знавшие Петра Нестерова, знаменитого автора «мертвой петли», отмечали его своеобразное чувство юмора, граничащее с безрассудством. Наверное, на заре авиации иных людей на борту самолета представить трудно. Сами «Ньюпоры», «Фарманы», «Мораны» и «Спады», на которых летали тогда, представляли собой такое, чему серьезный человек доверить свою жизнь не согласился бы ни при каких обстоятельствах. Деревянно-фанерная конструкция с прикрепленным к ней двигателем, внутреннюю работу которого можно наблюдать снаружи, высоту набирает едва выше километра, скорость – чуть более 100 км/час. Игорь Сикорский на киевских маневрах 1913 года установил рекорд скорости – 125 км/час. А военный летчик Руднев 9 октября того же года поразил всех быстротой перемещения из Петербурга в Гат-

валось, что аппарат не слушается управления; не особенно приятно также лететь над местностью, где спуск невозможен; всегда надо быть готовым к внезапному прекращению шума мотора...»

Кстати, в наставлениях начинающему пилоту Евгений Руднев рекомендовал брать в полет не перчатки, а варежки. Так пальцы, грея друг друга, сохраняют чувствительность. А еще летчик сожалел, что на ручке рычага отсутствует какой-нибудь щиток вроде гарды от шпаги. Он бы защищал правую кисть от обдувания ветром.

Известен случай, когда во время боевого вылета самолет русского летчика Вячеслава Ткачева попал под ружейно-пулеметный обстрел. Одна из пуль угодила в бачок с маслом, находившийся под ногами летчика. Чтобы масло не разбрызгивалось, Ткачев заткнул пробойну ногой и благополучно посадил машину на землю.

Летать на аппаратах начала века было трудно. Об этом говорит и количество трагедий, сопровождавших рождение авиации. Только в 1910 году в мире погибло 25 летчиков, один из них – капитан русской армии Мациевич, разбившийся при посадке во время петербургского праздника воздухоплавания. Но воевать на таких самолетах было еще труднее. Слишком мало времени прошло с момента изобретения первых аэропланов, и специалисты попросту не успели придумать, чем боевой самолет может отличаться от гражданского. Рассуждали, отталкиваясь от опыта военного воздухоплавания.

РЕКОРДЫ, УСТАНОВЛЕННЫЕ РУССКИМИ АВИАТОРАМИ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Высота: летчик Янковский на самолете «Сикорский-11» поднялся на 3800 метров 31 мая 1913 года.

Дальность: летом 1914 года Сикорский и Нестеров с разницей в месяц преодолели по 750 км.

Продолжительность полета: 5 июня 1914 года Сикорский продержался в воздухе с пятью пассажирами 6 часов 33 минуты 10 секунд.

А этот опыт подсказывал: функция самолета – исключительно разведывательная. Бомбочки, конечно, тоже имеют место. Но – факультативно.

И хотя еще Александр Можайский в 80-х годах XIX века высказывался по поводу необходимости вооружать самолет, к Первой мировой войне ничего путного ни в одной армии мира сделано на сей счет не было. Даром что в 1911 году русский летчик Масленников взлетел в небо с пассажиром за спиной, вооруженным пулеметом, а спустя месяцы аналогичную попытку осуществили в США. Французы установили шкворень для легкого пулемета на «Ньюпоре» в 1912 году, а наш соотечественник поручик Поплавко в 1913-м водрузил такую же штуку на свой «Фарман» уже для тяжелого «максима». Однако все эти опыты остались единичными попытками, а серийные самолеты выходили из строительных ангаров безоружными.

Что двигало Петром Нестеровым, когда он решился сделать в воздухе полный вертикальный круг, фигуру высшего пилотажа, получившую название «мертвая петля»? То самое безрассудство, столь свойственное многим первопроходцам? Жажда славы? Или рациональное желание профессионального военного летчика понять и апробировать возможности машины? Чтобы потом, в бою, заставить ее трудиться на пределе, который для самого летчика уже не секрет. Сам Нестеров писал об этом так: «С этим только поворотом воздух является побежденным человеком. По какой-то ошибке человек позабыл, что в воздухе везде опора... когда я закончил свою петлю и уже планировал к ангарам, мне пришла мысль: а вдруг мою петлю никто не заметил, и даже хотел повторить ее немедленно, но, увидев у ангара сбегаящую толпу, я понял, что мой полет видели... В некоторых газетах появилась обидная заметка: «Он рисковал собой и казенным аппаратом без разрешения начальства?!»

На это должен заметить, что я не зеленый юноша, служу офицером 8-й год, имею жену, двух детишек и мать, которой по возможности помогаю...»

После «мертвой петли» Петр Нестеров стал единственным русским офицером авиации, в распоряжении которого был не только штатный самолет, но и еще один «Моран», выданный ему по личному распоряжению командующего авиацией великого князя Александра Михайловича.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

«Вчера приехали в Ровно благополучно; явился к командиру корпуса, который принял меня очень хорошо. Сегодня выгрузились и переехали уже почти на новое место – наш аэродром... Настроение повышается. Аппараты собираем, как ребята и вы обе?»

Из письма Петра Нестерова жене, 26 июля 1914 года
Русская разведка сообщала, что сборка одного самолета занимает у французских механиков не более 11 минут! Имелось в виду, вероятно, прикрепление крыльев к корпусу аэроплана. Транспортировали аппараты просто: на одной телеге корпус, на другой – крылья.

Русская армия встретила Первую мировую войну с авиапарком в 244 самолета, распределенных по 6 ротам и 39 авиаотрядам. Для сравнения: союзники Франция и Англия имели 138 и 56 аппаратов соответственно, противники, Германия и Австро-Венгрия, – 232 и 30 машин.

Русская авиация доминировала не только численно. Лишь в нашей армии к концу 1914 года сформировалась бомбардировочная авиация. Четырехмоторное произведение Сикорского S-22, более известное под названием «Илья Муромец», выпускалось в 1913 году как пассажирский самолет. Но уже в октябре 1914-го «Муромцев» переделали и собрали в эскадру бомбардировщиков под командованием генерал-майора Шидловского. Она базировалась в полосе Северо-Западного фронта, в деревне Старая Яблонна. Каждый «Муромец» имел экипаж из трех человек, на вооружении – два пулемета и около полутонны бомб.

Однако преимущество в самолетах и даже наличие специализированных бомбардировщиков нивелировалось проблемами обеспечения техники запчастями, а также отсутствием навыков у сухопутного командования по использованию авиации.

В первые месяцы войны летчики вылетали на разведку, возили срочные донесения и, разумеется, встречали в небе самолеты противника. Гоняли друг друга, как голуби над хлебным лотком, но до попыток уничтожить врага дело доходило редко. Как уже сказано, самолеты были безоружными.

Самолеты, но не летчики! Эта простая мысль пришла в голову командиру 20-го авиаотряда подьесаулу Вячеславу Ткачеву во время одного из первых боевых вылетов. Правда, в самом первом случае обошлось без стрельбы из штатного маузера. 12 августа Ткачев произвел воздушную разведку указанного ему Привисленского района, а заодно посмотрел с высоты птичьего полета, что делается на других

участках фронта – под Сандомиром и Красником. Тут-то и попал под обстрел. Пришлось сажать аэроплан среди наших отступающих пехотных цепей. Солдаты, с трудом признав в «посланце неба», одетом в черную кожу, русского офицера, прицепили-таки аппарат к ротной двуколке. Часа через два Ткачев докладывал генералу из штаба дивизии о том, что видел. Оказалось, эти сведения предупредили готовящееся крупное наступление австрийцев на участках Юго-Западного фронта.

Подъесаул Ткачев стал первым георгиевским кавалером среди русских военных авиаторов. Через несколько месяцев он же стал первым летчиком, сбившим вражеский самолет из личного оружия. Гоняясь за германцем в воздухе, Ткачев выхватил из кобуры маузер и пристрелил оппонента. Почему подобное не случилось раньше? Есть и такое объяснение. Военных летчиков тогда было немного, по учебе и участию в военных мероприятиях мирного времени большинство из них были знакомы меж собой. И в воздухе срабатывало чувство «авиаторского братства». Летит себе человек в разведку, никого не трогает...

ПЕРВЫЙ ТАРАН

А первый сбитый аэроплан врага оказался на счету все того же Петра Нестерова. В приказе о посмертном награждении штабс-капитана орденом Св. Георгия присутствует и такое не слишком военное словосочетание – «по личному желанию». Согласитесь, можно трактовать так, будто воздушный бой вовсе не обязательное условие боевой работы военного летчика.

В своем первом и последнем воздушном бою Нестеров применил другой прием, позволяющий сбить противника, не имея никакого оружия, кроме шасси. Это – таран!

Все произошло 26 августа 1914 года. Но прежде...

О таране как способе воздушного боя Нестеров думал задолго до роковой стычки в небе над западно-украинским городком Жолкиевом. Осенью 1913-го на маневрах он до иступления довел летчика Гартмана из «вражеского» авиаотряда. Нестеров раз за разом перерезал Гартману путь, да настолько близко, что тот не выдержал испытания и повернул машину домой, не выполнив задания. Правда, напоследок успел погрозить Нестерову кулаком.

Русские летчики в начале войны искали способы вести бой в воздухе самостоятельно. Ткачев достал маузер, поручик Александр Козаков придумал использовать маленький морской якорь с пироксилиновой шашкой. Зависнув над аппаратом противника, можно было спустить якорь на тросе, зацепиться им за раму или крыло, капсуль сдетонирует и...

Нестеров пробует привязывать к хвосту самолета медную проволоку с грузом, которым можно разрушить винт чужого самолета. Но таран оказывается способом более надежным. Хотя и смертельно опасным.

Под Жолкиевом, где стоял штаб 3-й армии генерала Рузского и 11-й «нестеровский» авиаотряд из десяти машин, с назойливой регулярностью стал появляться австрийский биплан. Покружит-покружит да улетит. Командование начало нервничать. Начальник разведки и контрразведки 3-й армии генерал-майор Бонч-Бруевич в глаза обвинил авиаторов в бездействии и трусости. Чем и спровоцировал Нестерова. Летчик в присутствии других офицеров дал слово чести разобратся с австрийцем.

На следующий день ждали австрийца. И он появился. Едва его громоздкий «Альбатрос» завис над городом, как Нестеров рванулся к самолету. Австриец, сделав два круга над Жолкиевом, уже повернул на запад, когда заметил, что над его машиной сверкнул серебром маленький «Моран» с русскими кругами на крыльях. «Альбатрос» начал снижаться, но было поздно. «Моран» колесами ударил его в крыло, и оба аппарата рухнули на землю.

Чуть позже в болоте нашли и труп австрийского пилота. В летной книжке было записано: «Лейтенант барон Розенталь». Тут же барона опознали местные жители. Розенталь оказался здешним помещиком, его замок стоял рядом с городом. Именно в этом замке разместился 11-й авиаотряд русской армии, в спальне барона жил последние дни своей короткой жизни Петр Николаевич Нестеров!

В 1957 году вышла книга советского генерала Бонч-Бруевича, в которой утверждалось,

что Нестеров таранил австрийского унтер-офицера. Тут же следовал комментарий: даже в австро-венгерской армии в небо поднимались нижние чины, а вот в русской только офицеры. Это не единственная ложь, которую позволил себе генерал, рассказывая о гибели штабс-капитана Нестерова. А австрийский унтер был. Его труп тоже нашли. Экипаж «Альбатроса» состоял из двух человек.

ПЕРВЫЕ АСЫ

«Не получал от тебя уже более недели вестей и сам не писал, так как не было почты, все время в передвижении. По дорогам, когда едешь на автомобиле по 50–100–150 верст, встречаются картины страшного разрушения, и приходят вместе определенные мысли о зверстве и бессмысленности войны».

Из письма Петра Нестерова жене, 24 августа 1914 года

В 1915 году самодеятельность закончилась.

Самолеты начали оснащать легкими пулеметами. И война в воздухе приобрела тот характер, который нам так знаком по военным фильмам. Появилась истребительная авиация.

К сожалению, в русской армии переход к новым видам воздушного боя несколько затянулся. Можно сказать, что по боевым возможностям наша авиация сравнялась с французской, немецкой и британской только во второй половине 1916 года.

К этому времени выросла плеяда отличных летчиков военного времени.

Александр Прокофьев-Северский еще в 1915 году был тяжело ранен бомбой, разорвавшейся на борту его самолета в руках механика. Офицеру ампутировали ногу чуть ниже колена. На службу Александр вернулся по специальному разрешению императора. Весной 1917-го Северского снес вместе с мотоциклом грузовик в Петрограде. Результат – травма здоровой ноги. Едва вернулся в строй – ранение в руку. К Октябрю 1917 года Прокофьев-Северский участвовал в 57 воздушных боях, сбил 13 вражеских самолетов, кавалер ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия. Служил командующим истребительной авиацией Балтийского флота. Было ему тогда – 23 года!

Константин Арцеулов, племянник великого мариниста Айвазовского, вошел в историю военной авиации как человек, первым научившийся выводить самолет из штопора. Испытания нового приема пилотирования он провел в сентябре 1916 года в Каче, под Севастополем. И до конца войны этот прием спас не одну пилотскую жизнь.

Евграф Крутень – первый теоретик истребительной авиации, подтвердивший свои тезисы боевой практикой. Именно Евграф Николаевич придумал такой тактический прием, как парная работа истребителей. С него повелось: ведущий – ведомый... Крутень первым предложил объединить малочисленные авиаотряды легких самолетов в большие авиагруппы и атаковать врага

массой до 50 машин. Командир знаменитого 7-го авиаотряда летал на «Ньюпоре», корпус которого был украшен изображением головы русского витязя в островерхом шлеме. Как правило, увидев эту голову, вражеские летчики поворачивали в сторону домашних аэродромов.

Вячеслав Ткачев, близкий друг Петра Нестерова, – из поколения первых. Но оказался едва ли не последним ушедшим из жизни летчиком-героем Первой мировой войны. Он умер в 1965 году в Краснодаре, на родной Кубани. Но не прост был путь генерала Ткачева домой.

Перед Октябрьским переворотом он служил начальником всей русской авиации, сменив на этом посту великого князя Александра Михайловича, вынужденного уйти в отставку после Февральской революции. Октябрь Ткачев не принял, ушел на Дон и Кубань, командовал авиацией в Русской армии генерала Врангеля. Едва покинув Крым в 1920 году, Вячеслав Матвеевич сразу отстранился от политики, отверг предложения о любом сотрудничестве с фашистами, когда те пришли на Балканы. В 1944-м отказался бежать из Югославии на Запад, был арестован «Смерш», возвращен в СССР и приговорен по 58-й статье к десяти годам лагерей. Отсидел полностью, а когда вышел, отказался от французского гражданства (жена, с которой его навсегда разлучили в 1944-м, жила во Франции в доме для престарелых. – **Прим. авт.**) и предпочел получить советский паспорт. Работал в переплетной мастерской, вышел на пенсию (27 рублей). Написал две книги: «Крылья России (История Российской военной авиации 1914–1917 годов)» и «Русский сокол», посвященную жизни Петра Нестерова. Их отказались печатать под тем предлогом, что юридически вину перед СССР Ткачев искупил, но морального поощрения не заслужил.

И Ткачев, и его друг Нестеров были великими русскими военными летчиками. Хотя формально к числу асов не принадлежат. Ас (от французского «туз». – **Прим. авт.**) – летчик, одержавший не менее десяти зарегистрированных, то есть подтвержденных тремя и более участниками боя воздушных побед. Таковых в России в Первую мировую войну набралось более сорока человек. Первый результат – у Александра Козакова, чей официальный счет достиг 17 побед, а с учетом сбитых самолетов, упавших на территории врага, – 32.

Более назидательной мне кажется другая статистическая выкладка. Из сорока одного русского аса 1914–1917 годов в Первой мировой погибли одиннадцать человек (среди них Александр Козаков и Евграф Крутень). Семнадцать летчиков эмигрировали. Под репрессии попали семь человек, четверо были расстреляны сразу. Судьба троих неизвестна. И еще трое умерли в СССР своей смертью. ❀

ВРАТА НАШЕЙ УЧЕНОСТИ

САША КАННОНЕ

В сравнении того, как магнит привлекает к себе железо, так он природными и самообразованными способностями своими обратил внимание на себя.

Петр Великий о Леонтии Магницком

Автор первого русского учебника математики Леонтий Филиппович Магницкий раз и навсегда определил образ отечественной науки с ее великой свободой по отношению к земным истинам и великим смирением перед Истиной Небесной. Ломоносов назвал его «вратами своей учености», Петр I уподобил магниту. Из этого сравнения царь произвел новое имя, даровав его математику. Но фамилия не пришлась впору. Магницкий носил ее не по своей воле, то и дело объясняя, что-де не поляк, а русский. О своем легендарном предке «Русскому миру. ru» рассказывает потомок ученого, кандидат физических наук, сотрудник астрономического отделения физического факультета МГУ, автор монографии о Леонтии Магницком Александр Константинович Магницкий.

– Магницкого называют «предтечей Ломоносова», но не особо его помнят. Вот вы преподаете в МГУ. Студенты спрашивают вас о вашей фамилии? Она им о чем-то говорит?

– Мое поколение Магницкого помнит. Раньше приводились даже задачи из его учебника. Что касается молодых, то в массе своей, я думаю, они не зададут такого вопроса. Хотя наши студенты на астрономическом отделении Леонтия Филипповича, конечно, знают. Ведь он не только первый российский математик, но и первый астроном. Он первым ввел в российский обиход понятия «миллион» и «триллион», первым в мире вычислил широту и долготу главных русских городов, составил первые в России руководства по геометрии и триго-

метрии. Да и учебник Магницкого – это настоящая энциклопедия знаний. Это и навигация, и география, и геометрия, и физика, и механика, и геодезия, и много-много других наук. В 1703 году «Арифметика, сиречь наука числительная» была напечатана колоссальным для того времени тиражом, в 2400 экземпляров, и в течение полувека являлась основной для русской науки.

– А есть ли памятник Магницкому?

– На родине Леонтия Филипповича в Осташково местные власти в 2009 году приняли решение построить ему мемориал. Памятник ученому – единственный в России – открыли еще в год его 300-летия, в 1969-м. Он сделан в виде стелы, так как ни одного портрета Магницкого у нас нет. Так вот, этот памятник планируют заменить и разбить вокруг него сквер. Проект есть, однако пока ничего не сделано.

– В Осташково какие-то следы пребывания Магницких остались?

– Нет. После отъезда в Москву ни Леонтий Филиппович, ни его потомки туда больше не возвращались. Все жили в Петербурге, в Москве. Впоследствии сын Магницкого Иван обосновался в Нижегородской области. Оттуда идут мои корни.

– Как вы занялись изучением Магницкого?

– Случайно. Я вообще, не гуманитарного склада человек. Я астрофизик, специалист по фотометрии. Но в начале 90-х у меня возникли проблемы – семейные, с деньгами, с работой. И как раз в этот момент руководитель исторического отдела нашего института профессор Петр Владимирович Щеглов предложил мне эту тему. «Кому же, – сказал он, – этим заниматься, как не

вам?» Я начал работать, собрал много неизвестного материала и написал книгу о Магницком. В издательстве ее приняли, и теперь дело лишь за окончательной правкой.

– Вы пользовались только сторонней литературой или в вашей семье сохранились какие-то воспоминания, архивы, личные вещи вашего предка?

– Мой отец, который тоже был ученым, профессором агрохимии, много о нем рас-

сказывал. В то время никакой литературы о Магницком не было, и эти рассказы были для меня единственным источником информации. Что касается реликвий, то в нашей семье ничего не осталось. Но в 2005 году, когда отца уже не было в живых, я неожиданно оказался обладателем мощей Леонтия Филипповича. А получилось так. В течение 36 лет Магницкий был прихожанином храма Георгия Победоносца на Лубянке, но похоронили его в храме Гребневской иконы Божией Матери. Там в 1733 году нашла упокоение жена Магницкого, Мария Гавриловна, а спустя шесть лет, в 1739-м, и он сам. Вообще-то на гребневском кладбище

«Арифметика»
Леонтия
Магницкого

– У вас в роду все занимались наукой?

– Дед был священником, расстрелян в сталинские времена. И прадед – священник. Другой дед, по материнской линии, был членом IV Государственной думы. Пустовойтов Иван Иванович. Он был крестьянин, но владел немецким языком, выписывал агротехнические журналы из Германии.

По реформе Столыпина дед взял землю в Саратовской губернии и устроил хозяйство так, что прославился на всю губернию и был выбран в Государственную думу. После революции его тоже расстреляли.

– У Леонтия Филипповича был один сын?

– Двое. Причем о втором сыне я узнал не нарочно, потому что до сих пор считалось, что у него был только сын Иван. Но, собирая материал о Лефортово, в одной книге, посвященной немецким школам в Москве, я вдруг наткнулся на упоминание о некоем Василии Магницком. А поскольку фамилия Магницкий была придумана Петром, других ее носителей, кроме самого Леонтия Филипповича и его прямых потомков, на Руси не было. Да и сам факт, что этот Василий оказался в немецкой школе, тоже свидетельствует о том, что он сын Леонтия Филипповича. Сам Магницкий начинал с изучения языков и своих сыновей пустил по тому же пути. Известно, что Иван Леонтьевич с 1727 по 1729 год учился в Славяно-греко-латинской академии, а потом в университете при Санкт-Петербургской Академии наук. В итоге он стал переводчиком и преподавал в Морской академии, возникшей после раздела Навигацкой школы в 1715 году.

– А что известно о супруге Магницкого?

– Мария Гавриловна была дочерью приказного дьяка Гаврилы Окунькова, у которого помимо нее было еще двое сыновей. Как и отец, оба служили в монастырском и сенатском приказах, жили в Москве. Первое время после женитьбы Магницкие жили скудно. У них уже появились дети (год рождения первого сына, Ивана, судя по всему, 1700-

хоронили только знать, и Магницкий попал туда, вероятно, благодаря знакомству со Стефаном Яворским, Местоблюстителем Патриаршего престола. Его брат был настоятелем этого храма. Храм стоял неподалеку от того места, где сейчас располагается Музей Маяковского. До его установки там был пустырь. Когда пустырь разрывали, на раскопках присутствовал профессор истории Андронов, описавший их. На четырехметровой глубине помещалась дубовая колода. В ней сохранились кости, сапоги, чернильница в виде лампадки, гусиное перо. Андронов отвез надгробные плиты Марии Гавриловны и Леонтия Филипповича в храм Василия Блаженного, где они и сейчас находятся. Помимо надгробия Андронов попросил еще череп Леонтия Филипповича и чернильницу. Но пока он отвозил плиты, скелет пропал из кладовки, куда его поместили после эксгумации (есть надежда, что рабочие вновь его закопали и впоследствии его можно будет извлечь). А в кладовке совершенно случайно осталась одна кость – фрагмент руки Магницкого, той самой, которой писалась «Арифметика». Андронов взял ее себе. Далее случайно в Библиотеке им. Ленина он знакомится с Михаилом Либерманом. Зная, что тот является потомком губернатора Санкт-Петербурга Романа Брюса, который был наставником и другом Леонтия Филипповича, Андронов вручает кость ему. Во время войны Михаил Либерман попадает в плен. После освобождения, боясь ареста, он передает реликвию своему младшему брату, Алексею. Михаила действительно репрессировали, и кость остается у Алексея. Алексей умирает в 90-е годы, и мощи переходят к его дочери, Татьяне Алексеевне Либерман. И вот как-то раз, в компании, ей показывают фотографию паломнического лагеря на Селигере, в организации которого я принимал участие. Она спросила, кто делал снимки. Ей ответили: Магницкий. Она всплеснула руками: «Как – Магницкий? Да у меня же останки Магницкого! Срочно ведите меня к нему!» И в 2005 году в храме Георгия Победоносца, прихожанином которого был Леонтий Филиппович и прихожанином которого являюсь я, мы встретились, и она вручила мне эту кость. Я считаю, что ее следует захоронить, и не в музее Сухаревской башни, который собираются создавать, а в приделе Георгиевского храма.

й), но не было своего пристанища, и жили они у приятелей, переходя из дома в дом. Об этом покровитель Магницкого Курбатов пишет Петру I. Мария Гавриловна умерла в 1733 году, «чрезмерно развеселившись от радостной встречи с сыном». Речь идет как раз об Иване, о чем мы узнаем из эпиграфии, подписанной «горькослезный Иван».

– Известно, что именно Курбатов рекомендовал Магницкого Петру. Что это за человек и каким вообще было окружение Магницкого в Москве?

– Алексей Александрович Курбатов занимал пост царского «прибыльщика», говоря современным языком, министра финансов. Какое-то время он возглавлял Оружейную палату. Навигацкая школа находилась в ее ведомстве, и он принимал живейшее участие в судьбе ее учеников и учителей. То, что сановник столь высокого ранга хлопотал о Магницком перед царем, говорит о популярности ученого у российской знати. Судя по всему, Леонтий Филиппович приобрел ее как репетитора. Вероятно, он обучал не только детей, но и взрослых. Тогда это было в порядке вещей. Но первым покровителем Магницкого по его прибытии в Москву был, по всей видимости, Карион Истомина. Иеромонах, личный секретарь двух патриархов, придворный поэт, он был старше Леонтия Филипповича на двадцать лет и в пору их знакомства занимал видное место и в церковной, и в светской иерархии. Входя в число доверенных лиц царицы Софьи Алексеевны, он нередко выступал в роли ее советника и даже предлагал создать храм науки, свободной от религиозной идеологии, что особенно интересно, учитывая, что сам он был священнослужителем. Вероятно, с Магницким он познакомился тогда, когда тот учился в Славяно-греко-латинской академии. Потом они вместе участвовали в процессе о ереси Тверитинова. Карион Истомина выступал на стороне Магницкого.

– В число воспитанников Магницкого входил и Ломоносов. Как складывались их отношения?

– Их знакомство произошло, вероятно, в 1730 году, когда Михайло Ломоносов пришел в Навигацкую школу. Но здесь ему делать было нечего: к этому времени он знал «Арифметику» почти наизусть! Поняв это, Леонтий Филиппович, видимо, направил его в Славяно-греко-латинскую академию. У Ломоносова было желание заниматься наукой, а наука-то вся на латыни писана! Их судьбы вообще во многом схожи. Примерно в 1685 году с рыбным обозом из селигерского края прибывает в Москву Магницкий, который тогда еще был Теляшиным (в литературе о Магницком его называют Телятиным, что неверно). Точно так же, несколькими годами позже, с рыбным обозом приезжает из Холмогор Ломоносов. В юности оба хотели стать священниками. Когда Ломоносов выразил намерение принять духовный сан, ему отказали, так как он не из священнического рода. Михайло Васильевич подчинился этому решению как проявлению Высшей Воли. На самом деле его дед по материнской линии был дьяконом, и при желании он мог это доказать. Леонтий Филиппович тоже мечтал о пути священнослужителя и имел для этого все резоны. Святитель Нектарий, основатель Нило-Столобенской пустыни, приходился ему двоюродным дедом. Оба – и Магницкий, и Ломоносов – были чтецами в церкви, оба нуждались попервоначально, но, как пишет Михайло Васильевич, «наук не оставили». Но самое главное, что объединяло обоих ученых, – это их мировоззрение и, в частности, отношение к религии. Будучи верующими людьми, и тот, и другой отделили церковь от науки, поняв то, чего многие не понимают до сих пор. Что религия – это мировоззрение, а наука – способ изучения материального мира.

– Магницкий входил в число ближайших сподвижников Петра. Как он относился к реформам?

– Вообще, современники по большей части ненавидели Петра. Если сейчас всех заставить ходить в немислимой одежде, это не понравится. Точно так же реагировали на нововведения Петра его подданные. Что до Леонтия Филипповича, то в начале преобразований, когда противодействие им было сильнее, он оставался на стороне Петра, но, когда царь приступил к церковной реформе, выступил против. Однако инициативы

Петра в области образования он всегда поддерживал. В 1701 году Петр своим указом создает Навигацкую школу в Москве. С самого ее открытия Леонтий Филиппович преподавал в ней, а в последние десять лет своей жизни ее возглавлял. Именно для нее он писал свои знаменитые учебники.

– Если вернуться к разногласиям между вашим пращуром и Петром – что именно в церковной реформе не устраивало Магницкого?

– Петр превратил церковь в министерство и поставил управлять ею обер-прокурора, фактически сам себя назначил главой церкви. Попытка заменить церковь государством предпринималась еще Алексеем Михайловичем. Петр эту политику продолжил. Новый духовный регламент был принят в 1721 году. Царь распустил церковный собор и лично назначил нового патриарха. Для этого из Киева был выписан Феофан Прокопович – ловкий и умный человек, готовый на все, чтобы угодить власти. Он и стал главным проводником государственной воли для духовенства. Архимандрит Феофан Яновский, бывший фактическим главой церкви до Прокоповича, не годился для этой цели и был смещен. Все это возмущало Магницкого. Леонтий Филиппович был истинно верующим человеком и не мог согласиться с попранием церкви. Наиболее ярким проявлением этого недовольства стало его участие в деле о ереси Дмитрия Тверитинова.

– В чем заключалась ересь?

– В открытой пропаганде протестантства, которая велась на протяжении пятнадцати лет. В основе ее лежали те же догматы, так же отрицались иконы. Презируя уклад русской жизни и стремясь переделать все на европейский манер, Петр обратился к его основе – православию. Тверитинов понял государеву волю и поспешил ее исполнить. Произошло это не без сторонней помощи. Он учился у немецких врачей, они его и науськали. Тверитинов впоследствии в этом сознался. Вообще,

этот процесс сыграл колоссальную роль в жизни петровской России, став своего рода оселком, на котором царь проверял лояльность подданных. Сенат собирался дважды. Суд длился несколько месяцев. В это время глумления над церковью, уличные шествия и всепьянейшие соборы достигли апогея. Первая сатанинская месса была устроена Петром I 15 января 1715 года, как раз накануне сенатского суда. Это было то самое венчание престарелого Никиты Зотова, которое вошло в историю как «Патриаршья свадьба».

Рассмотрение дела было поручено Феофану Яновскому. Помимо прочего на него была возложена миссия примирить Магницкого с реформированной церковью. Но Магницкий, невзирая на давние отношения, связывавшие его с архимандритом, при встрече не только не пошел к нему под благословение, но даже не поздоровался. Впоследствии собор во главе с митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном Яворским собрал восемьдесят сказок против Тверитинова и отлучил от церкви и его, и самого Феофана Яновского. Петр аннулировал это решение, а Магницкий его признал и отказался иметь дело с Яновским.

– Почему Магницкий оказался под следствием?

– Потому что выражал свою позицию открыто! История сохранила его «Записку о ереси Тверитинова», в которой он обличает протестантизм. Предполагается, что «Записка» была адресована митрополиту Новгородскому и являлась приглашением на диспут, который и состоялся в доме Магницкого на Лубянке. Он длился одиннадцать часов в присутствии многих важных персон.

– У Магницкого же были высокие покровители! Кто-то вступился за него в ходе процесса?

– Три человека, самые близкие к Петру, оказались на его стороне. Причем двое из них сами находились под следствием! Это были светлейший князь Александр Данилович Меншиков, генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин и государственный канцлер Гаврила Иванович Головкин. Суд состоялся в 1715 году. Петр оказывал давление. Все, кто противился ереси, были арестованы, в том числе и Магницкий.

С Магницким говорил сам Петр, и в этот же день допроса его освободил, «не найдя в нем вины». Петр знал, что делал: ему важно было запугать всех, от мала до велика. Магницкий понимал это, от своих принципов не отступился. На заседании суда Федор Матвеевич Апраксин и рыдал, и падал на стол, говоря Леонтию Филипповичу: «Куда ты идешь, ты, простой, ничтожный человек!» Магницкий ему отвечал, что, как у того на корабле каждый матрос выполняет свое дело, так же и он на своем месте делает то, что должно. Это говорит о высоком нравственном достоинстве Леонтия Филипповича. Петр I не любил, чтобы ему перечили.

– Свой путь 15-летний Магницкий начал как возчик для доставки рыбы монахам в Иосифо-Волоколамский монастырь близ Москвы. Пораженные способностями отрока братья решили готовить его в священнослужители. Как получилось, что он все-таки стал ученым?

– Тут Промысел Божий. Наверное, он был нужнее своей стране не священником, а ученым.

– Разве он волен был выбирать?

– Думаю, это был его личный выбор. Ничего не мешало ему стать священником. Я глубоко уверен, что раз он окончил Славяно-греко-латинскую академию и не рукоположился, наука в нем сильно перетягивала. Он кем угодно мог стать, будучи внучатым племянником архимандрита Нектария (в миру его звали Николай Павлович Теляшин. Его родной брат, Иоанн Павлович, был дедом Леонтия Филипповича). Его родственники были священниками, сам он исходил из Нило-Столобенской пустыни и обладал большими познаниями в богословии. Известно, что в 1715 году он был одним из первых читателей «Камня веры», писанного Стефаном Яворским и запрещенного к опубликованию Петром I. Петр лютеранский катехизис разрешил печатать, а «Камень веры» запретил!

– Петр жаловал Магницкому деревни во Владимирской и Тамбовской губерниях и сверх того наградил его «саксонским кафтаном и другою одеждою». Но учителям-иностранцам платили больше. Они действительно были лучше русских или это результат субъективного отношения к ним Петра?

– Петр и Магницкого щедро одарил. Помимо прочего ему была жалована богато украшенная икона Николая Святого. Наконец, судя по тому, что Магницкий был похоронен в храме Гребневской Божией Матери, ему было жаловано

и дворянство. При жизни Магницкого звали профессором и признавали равным Фарварсону (Андрей Фарварсон, английский ученый, любимец Петра, большую часть жизни проживший в России). Помимо него в Навигацкой школе были еще двое учителей-англичан, Грейс и Гвин. «Но те, – как писал в своем докладе Алексей Александрович Курбатов, – до Магницкого наукой не дошли». Что касается иностранцев, договор с ними был действительно на большую сумму, но Петр I его не соблюдал. Фарварсону он заплатил меньше, чем полагалось. Впоследствии и Леонтию Филипповичу подняли зарплату. Кроме того, в 1703 году сразу после издания «Арифметики» ему построили дом за государственный счет – на Лубянке, близ храма Георгия Победоносца. Это произошло в марте, а уже летом Леонтий Филиппович просил освободить его от Навигацкой школы. То есть он готов был потерять и дом, и другие блага из-за конфликта с учителями-англичанами. И конфликт этот произошел, вероятно, из-за высокомерия учителей.

– В первые годы учеников принимали без сословных ограничений. Как долго этот порядок сохранялся?

– Петру I позарез нужны были морские офицеры. Дворян не хватало, и учеников набирали среди всех сословий. После 1715 года, когда открылась Морская академия в Санкт-Петербурге, началось разделение по сословиям. В Москве давали начальное образование, а высшее получали в Санкт-Петербурге. 📖

ДИКИЙ ВЕТЕР И РУССКИЙ РАЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Можно ли на пороге исторических катаклизмов предвидеть, что ждет страну и тебя лично? Можно ли предусмотреть, принять меры, чтобы зубчатые колеса истории не зацепили тебя и семью? Старые журналы времен забытой войны в канун революционных событий рассказывали о войне и мире и строили прогнозы, которые жизнь скоро опрокинула.

Журналы 1916–1917 годов, последних дореволюционных, и сохранили особый дух старой России, и уловили уже порывы ветра неизбежных перемен. Жизнь на их страницах еще нормальная, но уже трудная, еще консервативная, но уже открытая новому. Уже страшная, с похоронками и столбцами имен убитых в газетах, но еще обычная, привычная, сохраняющая мирный, неперевернутый уклад.

Интересней всего, наверное, смотреть на прессу для обычного, интеллигентного читателя – небогатого, но образованного; именно на него ориентировались популярнейшие «Нива», «Огонек» и множество других газет и журналов. Врачи, курсистки, студенты, преподаватели и учителя, средние чиновники и юристы, земские деятели, инженеры, среднее офицерство – все это были читатели тонких журналов обо всем на свете.

В 1916–1917 годах весь мир уже устал от войны, но она по-прежнему оставалась главной темой журнальных статей. На обложках красовались зарисовки фронтовых художников, а статьи подробно рассказывали о войне с самых разных ракурсов.

ОБ ИСТОЩЕНИИ АВСТРО-ГЕРМАНИИ

Литературно-художественное приложение к «Ниве», например, весь 1916 год печатало серию страшно обстоятельных статей полковника К. Шумского, в которых он подробно, с картами, рассказывал, где и как ведется война, как снабжаются армии, что происходит на фронте у союзников. Любимые темы Шумского – «Об истощении Австро-Германии», «О развязке войны», «Приблизились ли истощение противника». Приблизились,

уверял Шумский изнемогающего от войны читателя: третьего года войны не выдержит ни Германия, ни Австрия, «это истощение Австро-Германии должно наступить, и его можно ожидать уже в 1917 году». В 1917 году Австро-Германия не истощилась, война не кончилась, а сам Шумский уехал из России навсегда, поселился во Франции, там умер и был похоронен на кладбище Пер-Лашез.

ОБ АНГЛИЙСКИХ СРЕЛКАХ И ЭЛЬЗАССКИХ КРЕСТЬЯНКАХ

Иллюстрированный журнал «Весь мир» рассказывал читателю и о последних новостях на театре военных действий – битве на реке Сомме, обороне Вердена, – и о технических новинках этой войны. На страницах журнала мелькают аэропланы и подводные лодки, читателям подробно рассказывают о пулемете, «наиболее гуманном орудии в современной войне» (прилагаемый рисунок демонстрировал, как именно пулемет косит ряды пехоты), показывают модель германского укрепленного участка, «железо-бетонное пулеметное гнездо», «новейший перископ – наружный вид наблюдательного аппарата с хижинкой для наблюдателя». Военные корреспонденты исправно доставляли в журнал портреты бойцов и жанровые сценки: вот казацкая поле-

вая баня, вот отдых на привале, вот кавалеристы, вот летчики, вот бойцы в новейших противогазах. Художники слали рисунки, изображающие военные сцены, которые невозможно было запечатлеть фотоаппаратом: не потащишь его с собой в зимнюю разведку, переходить вброд ледяную речушку в намо-

кающих валенках, не возьмешь в атаку. Еще одна постоянная журнальная тема – достижения науки и техники в области протезирования: вот как пристегиваются искусственные руки и ноги, вот как немцы учат своих инвалидов держать равновесие и прыгать через препятствия на одной ноге.

Война во «Всемирной» в самом деле всемирна: читателю охотно рассказывали о «бушидоо – религии японского солдата», об озорных проделках английского лейтенанта Смили, о битвах, которые ведут с австро-германскими войсками союзники. Приводили открытки, изготовленные для немецких солдат, с напечатанным заранее текстом, чтобы не трудиться, его сочиняя. Например, таким: «Военная служба стоит очень дорого, а потому ваш преданный сын ждет с нетерпением присылки денег».

Союзники в этой войне представляли на страницах журналов почти родными, близкими, понятными. Иностранные летчики и моряки весело улыбались с фотографий, сигали в море с мачт, позировали на фоне огромных

античных ваз, найденных в жарких краях при рытье окопов. «Английские стрелки помогают эльзасским крестьянкам убирать жатву. На этой почве возникает немало романов», – извещала подпись под фотографией обнимающихся парочек. В «Ниве» Корней Чуковский подробно рассказывал после поездки в Англию о том, как английские женщины и дети заменили ушедших на фронт мужчин, как взяли на себя их работу и обязанности и гордо, ответственно выполняют их. В другой публикации – приводил переводы фронтовых писем английских солдат, очень похожих на письма, приходившие с германского фронта в русские семьи.

НЕУЖЕЛИ МНЕ НЕ ПИТЬ ЧАШИ...

С фронта писали много – и домой, и в газеты-журналы. Писать письма было чуть ли не единственным развлечением на фронте. Через «Весь мир» солдаты искали себе «крестных матерей» – женщин, готовых вступить с ними в переписку и даже прислать что-нибудь полезное. К крестным матерям было принято обращаться в слезливо-возвышенном тоне, описывать унылое осеннее ненастье или скучные солдатские досуги, как-нибудь эдак: «Милые читательницы, я, баталер Балтийского флота, служащий уже три года на далеком севере финских скал и в продолжение этого времени не слыша и звука родного языка, очень желал бы, дорогая мамаша, завести хотя бы с одной переписочку, которая сочувствует жизни моряка. Город Або, Финляндия, 8-я отдельная рота артиллерийского приморского флота, М. Агееву». Другие просто присылали списки необходимого: «Имею нужду в рубашках, исподниках, портянках, карандаше, письменной бумаге, конвертах, сахаре, сухарях, ножике, табаке, спичках». Чаще всего крестных матерей просили прислать книги, старые журналы и венские гармони: солдаты на позициях изнемогали от скуки. Впрочем, просили также балалайки и мандолины, «скрипку и ноты для нея», гитару, электрические фонарики, сапожный инструмент, бумагу, химические карандаши – ими было удобнее всего писать. Некоторые солдаты и нижние чины пытались продолжить образование и просили у добрых мамаш учебники латинского и греческого, «физику Краевича, Древнюю и новую историю Иловайского, Историю средних веков Иванова». «Приходской листок» опубликовал в 1916 году несколько писем с фронта, адресованных священникам. В одном из них прихо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жанин пространно рассуждает о Рождестве Христовом, вспоминает о дарах волхвов и, сожалея, что не может принести никаких даров, пишет батюшке: «Мне жаль, что я в столь глубокой с вами разлуке и не могу провести этот праздник во храме единодушно с Вами и разделить церковные песнопения пополам, но делать нечего надо покориться судьбе, неужели мне не пить чаши, которую дал мне Отец наш Небесный?»

«Военный вестник», публикуя обзор фолк-клора военного времени, приводил печальные частушки солдаток:

Миша Миша мой солдатик

Помнишь Варю ты свою

Али в немском скверном царстве

Ты томишься во плену?

А газета «Вечернее время» напечатала солдатскую песню, записанную малограмотным воином: «Если войска в нас нихватет своих жен мы вооружим стариков с печи потащим но Россию ниодадим».

Юмор тоже теперь стал военный.

«Посетительница лазарета:

– Я думаю, вам очень тоскливо здесь?

Раненый:

– О нет. Ведь к нам не допускают посетительей ежедневно».

НЕ РАЗБИВАЯ СТЕКОЛ

Женщины в форме сестер милосердия стали уже привычным явлением; на старых журнальных фотографиях мы видим в сестринской форме и царицу Александру Федоровну с царевнами Ольгой и Татьяной среди раненых Царскосельского госпиталя. Канцелярия Ея Величества государыни императрицы Марии Феодоровны извещала, что «прием пожертвований деньгами и вещами в пользу раненых и больных воинов принимается в собственном Его Величества Аничковом Дворце, Фонтанка, 50 по средам, четвергам и пятницам от 11 – 3 час. дня».

Новое явление для 1916–1917 годов – первые женские военные формирования: женщины-моряки в Мурманске, женский батальон смерти в Петрограде.

Приложение к «Ниве», публикуя рецензию на книгу «Трагедия суфражистки», мемуа-

ры одной из лидеров английского движения за равноправие женщин, замечало не без ехидства: «В то время как женщины на континенте (в особенности в России и Финляндии) завоевывают свои права тихо и скромно, путем постоянного расширения культурной работы на разных поприщах, не крича о «попраных» правах и засилье мужчин, не разбивая стекол, английские женщины идут путем натиска и бурного захвата». Однако и натиск, и бурный захват, и битье стекол с началом мировой войны отошли на второй план: борьба за права женщин вступила в новую стадию, когда сама жизнь потребовала от женщин покинуть кухню и детскую, чтобы воевать и работать наравне с мужчинами.

Татьяна Щепкина-Куперник, прославившаяся потом своими переводами Ростана, напечатала в приложении к «Ниве» стихи о женщинах, заменивших на покое мужей и братьев:

Косы звонкие метки и остры,

Жарок вянущих трав аромат.

Бог на помощь вам, жены, вам, сестры,

Наших ратников – наших солдат.

Журналы предреволюционных лет публикуют портреты женщин-врачей и женщин-общественных деятельниц, демонстрируют фотографии благотворительной столовой, открытой Лигой равноправия женщин, и кооперативных курсов при Лиге. Рассказывают о воспитанницах Новороссийской женской гимназии, которые культивируют лекарственные травы в помощь промышленности, и публикуют душераздирающие рассказы о подвигах сестер милосердия на фронте.

Впрочем, женщин волнует отнюдь не только равноправие. Снаряды, пули, наблюдательные пункты и укрепленные районы прелестным образом перемежаются великосветскими рассказами из жизни прекрасных графинь и последними парижскими модами. Последняя тенденция – укороченные платья! Трены отменяются!

Парижский корреспондент «Всего мира» Н. А. Т. в каждом своем обзоре пытается пророчить: «Трудно сказать, какие материи будут в моде для нарядных туалетов. Однако, кажется, в особенное употребление войдет всевозможного рода тюль». Средний журнальный читатель большого штата прислуги не имел, а с началом войны многое пришлось делать и самому.

В помощь хозяевам журналы печатали длинные подборки полезных советов: как мыть линолеум, как отчистить пятна ржавчины с белья, как стирать «пыльные тряпки» и чистить «эмалированные ванны»... Все большее место среди полезных советов начали занимать советы по замене сахара медом и домашнему изготовлению сахара. Газета «Русский инвалид» из номера в номер рекламировала брошюру «Чем заменить мясо: Руководство к приготовлению вкусных, сытных и дешевых блюд». А «Весь мир» — лекарство от истощения «лецитал».

ЗАПЕЧАТЛЕЙТЕ ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Реклама военного времени — совершенно особая тема. В 1916 году «Русский инвалид» предлагал своим читателям: «Запечатлейте эпизоды великой войны! Фото-камеры и принадлежности к ним предлагает в большом выборе т/д I. Стефон и Ко».

Медико-техническая контора Федора Ивановича Фогеля предлагала «Дезинфекционные аппараты «Гигиена» станционные и на колесах для дезинфекции и дезинсекции всякого рода белья и одежды, кипятильники усовершенствованные дешевой конструкции».

Господам офицерам в действующую армию наложенным платежом предлагали выслать полное обмундирование и снаряжение, включая бекеши, поддевки, кожаные куртки, папахи, шпоры, чемоданы, фонари электрические.

В газете рекламировались «обода для аэропланов», «настоящие финляндские санитарные повозки, брезенты, непромокаемые пальто». И еще, конечно: «Лучший ответ русских на германские слова о мире — усиленная подписка на военный заем».

О ЛОВЛЕ СТРАУСОВ

При этом, конечно, читатель не терял живого интереса к происходящему в стране и мире. Поэтому серьезные журналы вели с ним «химические беседы», рассказывали о «материи и мировом эфире как основе вселенной», обсуждали животрепещущие вопросы вроде «понимают ли собаки значение смерти» и рассуждали о возможностях человеческого мозга. Менее серьезные — развлекали историями о «ловле страусов на основании их всем известной привычки прятать голову в песок

при приближении опасности»: туземцы шумят и гремят трещотками, страусы бегут на белых людей и прячут головы в мешки с песком, которые тут же затягивают тесемками. Этнографические типы, смешные местные обычаи (девушки три раза скачут на одной ноге вокруг башни в Уотерфорде, чтобы выйти замуж в этом году), нью-йоркские танцовщицы-босоножки, жизненный цикл цикады, пребывание эмира Бухарского в Петрограде и испанская королева Виктория-Евгения с инфантом Гонсало на морском берегу... Кажется, никто ничего не чувствует, не понимает, не предвидит, что впереди. Читатели готовят перевязочные материалы для госпиталей, возятся с шахматными этюдами, решают задачи на премии...

Одни поэты, кажется, чутко ловят колебания мировых струн. Они точно что-то знали и провидели — каждый в меру своего таланта. Н. Горлов страдал читателя со страниц приложения к «Ниве»:

*Оживают призраки каменных гробниц,
Льнут к оконным впадинам впадины
глазниц,*

*Точно к сердцу тянется мертвая рука
И томит безглазая жуткая тоска!*

Сергей Городецкий, наоборот, радостно приветствовал молодежь и пророчил новую жизнь:

*Война минует. Станет шире,
Еще богаче русский край,
И в изумленном старом мире
Осуществится русский рай».*

А Блок уже слышал завывания черного ветра перемен:

*Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?*

Двумя годами позже черный ветер во всю силу задует в его «Двенадцати»: «Ветер, ветер, на всем белом свете».

Слушайте поэтов, господа. Они даже если и не знают ничего, то напойт верно — о черном ветре, о безглазой тоске и о русском рае. 🍷

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СКИТАНИЙ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Этот удивительный человек совершил кругосветное путешествие, чтобы вернуться домой. Он прошел более 3 тысяч километров по Южной Америке, жил в Японии, Китае, Австралии, изнывал от тропических болезней, несколько лет провел в европейских тюрьмах... Владимир Наседкин выжил только благодаря удивительной силе духа и желанию вернуться в Россию.

В 1884 году в Харькове в семье бывших крепостных Наседкиных родился сын – Владимир. В семь лет его отдали в приходскую школу. Обучившись грамоте, Владимир начал читать своей матери романы и пьесы вслух. Литература произвела такое впечатление на неграмотную женщину, что она стала сочинять рассказы, диктуя их своему сыну.

В юности Владимир увлекся революционными идеями, принимал участие в организации забастовок и распространении запрещенной литературы. Все закончилось арестом и ссылкой в Сибирь. В феврале 1907 года Наседкин с другими осужденными был отправлен из Одесской тюрьмы в глухое таежное село Мартыновку Иркутской губернии. Преодолев около 8 тысяч километров в трюмах пароходов, на баржах, «лодках-душегубках», пройдя немалую часть пути пешком, узники к концу лета добрались до пункта назначения.

Здесь Владимир пробыл всего... 20 минут. Обменяв у якута арестантский бушлат на старую лодку, он и еще двое ссыльных бежали. Плыли по бурной речке, вычерпывая воду из лодки. Миновав Киренск, Витим, Бодайбо, Сретенск, Благовещенск, Наседкин попадает во Владивосток. «Работа была случайная, – вспоминал Владимир, – платили за нее гроши». Почти два года Наседкин провел на Дальнем Востоке, работая кочегаром на пароходе, грузчиком в порту, рыбаком, полировщиком в мраморной мастерской. Он опасался ареста и нигде не задерживался надолго. В итоге решился бежать в Японию.

ЯПОНСКИЙ ТЕАТР И ТОВАРИЩ АРТЕМ

На японском рыбацком судне он добрался до Хакодате, а затем попал в Нагасаки. Надеясь найти здесь соотечественников, но отыскал лишь молодого парня Саньку, который работал в гостинице за кусок хлеба и мечтал уехать в Китай. Наседкин дал Саньке денег на дорогу до Шанхая, сам же не спешил покидать Японию. Познакомился с местным башмачником, немного говорившим по-русски, стал изучать японский, попутно обучая русскому языку японцев, которые встречали иностранные пароходы.

С самого начала своих странствий Наседкин проявлял совершенно удивительные романтизм и стремление познать окружающий мир, не жалея при этом ни сил, ни оставшихся копеек. Экономя на всем, он тратил последние деньги на билеты в японский театр, а попутно изучал систему воспитания в местных школах.

Через некоторое время Владимир на русском пароходе зайцем перебрался в Шанхай. Но и здесь он не нашел достойного заработка. Наседкин часто бесцельно бродил по огромному городу. Именно в один из таких дней он случайно встретил предводителя харьковских рабочих Федора Сергеева. Сергеев, больше известный под кличкой «товарищ Артем», спасаясь от сибирской каторги, только что прибыл в Китай. В поисках работы земляки нашли пекарню, хозяином которой был русский. Здесь уже работали два русских парня, так что хозяин только развел руками: «Ведь вы же не захотите возить хлеб по городу!» Харьковчане, не раздумывая, впряглись в тележки. «На улице китайцы остана-навливались, – вспоминал Владимир, – с удивлением разглядывали невиданное зрелище: европейцы работают как кули...» (кули – носильщик, грузчик, возчик, чернорабочий в Индии, Китае, Японии, Индонезии. – Прим. ред.).

В колониальных газетах писали, что надо выселить русских из города, потому что, работая кули, они «подрывают престиж европейцев».

Прожив в Шанхае полгода и поднакопив денег, Владимир и Артем купили билеты на пароход в Австралию, надеясь найти там менее тяжелую работу.

ПО СТОПАМ РУССКОГО ДЖЕКА

Останавливаясь по пути в Гонконге, на Борнео и острове Тимор, русские странники впервые увидели хижины аборигенов, кокосовые пальмы, детвору, жующую стебли сахарного тростника. Ожидали увидеть такую же туземную жизнь

и в Австралии. Но Брисбен (административный центр штата Квинсленд. – Прим. ред.) мало чем отличался от типичного европейского портового города.

Едва сойдя на берег, друзья встретили соотечественников и с удивлением узнали, что в Австралии живет большая колония русских рабочих. Еще одним открытием для них стало то, что почти все рабочие здесь – члены профсоюзов и борются за свои права.

Русские рабочие в то время были уже хорошо известны в Австралии. Еще с конца XIX века по стране ходили легенды о Русском Джеке, который поражал австралийцев богатырской силой и благородством. Свой самый известный подвиг Иван Федоров (так звали Русского Джека) совершил у деревни Холл Крик, куда спешил, чтобы застолбить золотоносный участок. По пути встретил больного старателя. Русский Джек посадил больного в свою тачку и 300 километров толкал ее по бездорожью до ближайшей больницы. Позднее австралийский писатель Питер Бридж написал книгу об Иване Федорове, а в Холл Крик был установлен памятник Русскому Джеку.

Вскоре Артем и Наседкин оказались в Уорике (небольшой город в юго-восточной части штата Квинсленд. – Прим. ред.) на строительстве железной дороги в бригадах Томсона: «С первой полочки я приобрел палатку и установил ее рядом с палаткой Артема. Койку устраивали из двух мешков, в виде «раскладушки». Столом служил ящик, к которому прибивали ножки. Жестянки из-под керосина использовались как умывальник. Из посуды покупали только сковородку, эмалированную кружку, тарелку, ложку и котелок для чая. Вот и все «хозяйство» австралийского землекопа...»

Бригады Томсона, состоявшие из 400 русских, шотландцев и ирландцев, считались лучшими на строительстве. Артем быстро освоился с новой работой и в соревновании по наполнению вагонетки на скорость превзошел всех. За что и получил прозвище Большой Том. В свободное от работы время он обошел все бригады в радиусе 15 километров, собрав русскую спортивную команду. Помимо спортивного коллектива Артем организовал среди соотечественников кружки по занятию музыкой и изучению английского языка.

«ЭХО АВСТРАЛИИ»

С наступлением жары работа замирала. Рабочие съезжались в Брисбен со всей Австралии, в городе целые улицы заселялись русскими. В первое же межсезонье Артем объединил всех русских в Союз русских эмигрантов (с 1914 года – Союз русских рабочих). Владимир вспоминал об этом так: «Мы встречались с земляками, приехавшими из центра сахарной промышленности Бандаберга, с угольных шахт Ньюкасла, медных рудников Нового Южного Уэльса, с золотых приисков и других районов. Среди прибывших нашлось немало хороших певцов, танцоров, музыкантов. С помощью Союза рабочих Австралии сняли помещение для устройства вечера. Огромный зал был переполнен, а у входа толпилось множество людей, желавших попасть на вечер. Актеры-любители хорошо поставили «Женитьбу» Гоголя. Даже не знавшие русского языка зрители дружно хохотали. Потом играли русские гармонисты, их сменил оркестр балалаечников. На сцену вышли танцоры, исполнявшие русские и украинские пляски. Музыка и танцы захватили австралийцев, громом аплодисментов они наградили исполнителей...» Также силами новообразованного Союза были организованы кассы взаимопомощи и налажен выпуск первой русскоязычной газеты, «Эхо Австралии». И здесь Наседкин выделялся из всей общины. Его записки о трудовой жизни то и дело прерываются описаниями окружающей природы, посещений музеев, зоологических и ботанических садов, впечатлениями от местной литературы. В музеях Наседкин изучал как австралийскую природу, так и быт населявших регион народов и племен. Особенно впечатлило русского рабочего, что «Тасмания – целая страна! – была куплена за пару бочек спирта, несколько одеял и побрякушек; «договор» был скреплен значками вождей местных племен... В Тасмании все население было истреблено. Лишь несколько уцелевших стариков поселили в «музее» бухты Лаперуза; там они жили в палатках, их подкармливали. Это были последние аборигены».

В конце 1912 года в Брисбене Владимир последний раз увиделся с Артемом, который к тому времени женился на австралийке и обзавелся собственным домом. Никто и предположить не мог, что после революции 1917 года Артем вернется на родину, станет соратником Сталина, займет пост председателя Временного правительства Украины, погибнет в 1921 году при испытании аэрозона, будет похоронен на Красной площади, а его ребенка усыновит будущий вождь народов.

«СОБСТВЕННИКИ СОЛНЦА»

Владимир перебрался в Сидней, где и русских, и работы было мало: «После одиннадцати часов вечера жизнь в Сиднее замирала. На улицах оставались только бездомные и безработные. Они имели «право» бродить всю ночь; если же человека находили спящим под открытым небом или, например, в подъезде, судья приговаривал его к тяжелым принудительным работам

КУЗЬМА ИЗ САНТЬЯГО

Попасть в Австралию оказалось легче, чем выбраться из нее: билеты на пароходы, уходившие из страны, были слишком дороги. В порту Ньюкасла Наседкину пришлось поступить матросом на немецкий парусник, подписав кабальный договор.

на срок до одного года. Таких людей называли «собственниковми солнца», потому что их единственным благом была возможность греться на солнце».

Целые дни Наседкин проводил в музее, библиотеке, картинной галерее. В итоге остался без единого гроша. Неожиданно для самого себя он стал «собственником солнца». Ночами Владимир бродил по Сиднею. Однажды его нашли спящим в ботаническом саду и отдали под суд. Спасло его только членство в Союзе рабочих, который к тому времени обладал большим авторитетом, так что приговор ограничился устным предупреждением.

Из Сиднея Наседкин отправился в Мельбурн. Пешком. Скитания безработных по стране были обычным делом. Золотоискатели, землекопы, шахтеры, строители бродили по всему Восточному побережью Австралии. «По пути я думал: вряд ли есть еще другая страна, где такое множество людей передвигается пешком... В Австралии установился обычай гостеприимно относиться к путникам. На фермах были помещения, где они могли поесть, переночевать, запастись пищей на дорогу».

«Долгие часы проводил я в музейных залах Мельбурна. В минералогическом музее были собраны образцы редких полезных ископаемых. Возле модели огромного золотого самородка была надпись, что нашли его в Сибири... Так же часто я бывал в Мельбурнской библиотеке – одной из крупнейших в Австралии. В Мельбурне при мне гастролировал русский балет. Билеты стоили баснословно дорого, но в городе только и говорили о прекрасном русском искусстве, о «непревзойденной Анне Павловой».

Вернувшись в Сидней, Наседкин устроился полировщиком в мраморную мастерскую. На досуге перевел на русский язык повесть австралийского писателя Маркуса Кларка о жизни первых каторжан, сосланных из Англии в Ботани-Бэй (бухта в Сиднее), и очень жалел о том, что перевод был потерян во время дальнейших странствий.

«В один из воскресных дней я отправился за город – на мыс Куджи, где мечтал поселиться. Волны с гулом разбивались о скалы, образуя пенящийся бурлящий водоворот. Справа тянулся прекрасный отлогий пляж, на золотистый песок набегали лазурные волны. Я спустился по скалам почти к самому берегу». Владимир подружился с семьей Тук, жившей на мысе, и снял у них комнату. Но «все чаще мною овладевала тоска: воспоминания о России, о прошлом были и отрадны, и мучительны». А тут еще мамаша Тук вдруг объявила русского женихом своей дочери Бетти и пообещала добиться для него австралийского гражданства. От отчаяния Владимир бросился с любимой скалы в океан, кишасший акулами и медузами. Посмотреть на невиданный трюк сбежала целая толпа, а на следующий день сиднейские газеты приветствовали русского смельчака, плававшего с акулами. Герой же тем временем принял окончательное решение: любой ценой вернуться на родину.

Парусник шел в чилийский порт Вальпараисо. Океан бушевал. 33 дня деревянное судно трепали волны. «Парусам конец, скоро будет конец и судну!» – кричал шкипер. Но в итоге парусник смог причалить к берегам Чили.

Наседкину удалось сбежать с судна, но на берегу его ждало разочарование. Дело происходило летом 1914 года, когда из-за разразившейся Первой мировой войны торговля между Европой и Южной Америкой сильно сократилась. Суда, перевозившие из Чили селитру, стояли на приколе в Вальпараисо, а оставшиеся без работы моряки бедствовали на берегу. Владимир добрался до Сантьяго, где вместе с одним русским начал продавать дешевые лубочные картинки. Но затем познакомился с другим соотечественником – Кузьмой, который сообщил, что в Европу сейчас можно попасть только из Панамы. Владимир получил в Русском консульстве документ, удостоверяющий личность, и вместе с Кузьмой стал пробираться к Панамскому каналу. Пройдя пешком по побережью более 1000 километров, они оказались в порту Антофагаста. Но и отсюда не было никаких рейсов. Дальше на пути лежала пустыня Атакама. Кузьма сказал, что идти через пустыню – это верная гибель, и вернулся в Сантьяго. Владимир же запасся водой и решил рискнуть: «Шел я быстро. Вокруг пески и горы, никаких признаков жизни». Спал, закапываясь в песок: «Я так засыпал себя песком, что оставалось открытым только лицо – ночи были очень прохладные, а песок, накаленный за день солнцем, согревал».

Через несколько дней вода кончилась. Изнемогая от жажды, Владимир почти терял сознание. Поднимался, шел и снова падал... Его, едва живого, нашли местные кочевники. Приведя «безумного русского» в чувство, спасители доставили Наседкина в порт Арика. Оттуда на пароходе он добрался до Перу, а затем до эквадорского порта Гуакилья, изучив по дороге процесс производства какао и кофе.

Из Гуакильи пароходы тоже не ходили. В Панаму оставался один путь – пешком через джунгли Эквадора и Колумбии. В дороге Владимир ночевал в хижинах индейцев: «В каждой хижине стояла каменная чаша, в которой женщины размалывали просушенные бобы какао,

добавляли в них сок сахарного тростника и из такого теста пекли большие лепешки. За все время перехода я не видел хлеба, питался одними «шоколадными лепешками».

В джунглях Колумбии русский странник перешел с какао-диеты на диету банановую. Банановое дерево давало аборигенам все: из листьев делали посуду, одежду, сооружали хижины, из больших бананов варили суп, средние – жарили, мелкие – ели сырыми.

Добравшись до Боготы, Наседкин передохнул у русского фотографа, с которым случайно познакомился. С помощью соотечественника удалось пристроиться на пароход, шедший по одному из притоков реки Магдалены к побережью Карибского моря. На пароходе Владимира свалила лихорадка: «Я почти ничего не ел, глаза заволакивал туман, казалось, что смерть моя близка...»

По прибытии в порт города Барранкилья Наседкин решил идти в город пешком. 10 километров брел всю ночь, но, не дойдя совсем немного, потерял сознание. Очнулся в христианском монастыре, в приюте... для прокаженных: «Меня подобрали и, посчитав за неживого, привезли в мертвецкую, чтобы затем предать тело кремации. Меня спасла настоятельница монастыря: осматривая мертвецкую, она по каким-то признакам установила, что я еще жив, и распорядилась унести в палату».

Оправившись, Наседкин вернулся в барранкильский порт, где поступил матросом на пароход, шедший с грузом бананов в Ливерпуль.

В ЕВРОПЕЙСКОМ АДУ

На пароходе измученный скиталец плакал от счастья. Но уже на подходах к Британским островам стало ясно, что на пути в Россию опять возникли препятствия. В Старом Свете бушевала война. Владимир прожил полгода в Лондоне, работая на кондитерской фабрике. Не найдя возможности добраться до России по морю, решил пробираться по суше, сквозь воюющую Европу.

Но только он пересек Ла-Манш, как был арестован, несмотря на наличие оформленной по всем правилам визы. Наседкину предложили либо вступить в Иностраннный легион, либо подышать за решеткой. В Легион вступить он отказался. Начались три года французских тюрем и лагерей. Три долгих года грязных застенков, голода, издевательств, побоев...

Освободившись, Наседкин перебрался в Италию. И опять попал в тюрьму на несколько месяцев, после чего его выслали в Грецию. В Афинах Владимир устроился в гуманитарную миссию

«Русский дом», помогавшую военнопленным. Затем перебрался в Белград, где работал в таком же «Русском доме». Пережил тяжелую зиму в Софии, ночуя в сараях рядом с буйволами. Затем добрался до Константинополя. На улицах здесь царило безумие: «Матросы и солдаты бродили толпами, горланили песни, устраивали драки. А на главной улице стояли русские, просившие подаяния. Вид у них был ужасный... Здесь же продавали картины, книги, редкие вещи. Ценные издания с отличными гравюрами отдавали за гроши. Разгул в Константинополе дошел до последних пределов. В Галате стояли в окнах почти совсем голые женщины, зазывавшие прохожих».

Владимир устроился работать в ресторан «Черная роза», где пел Вертинский. Наседкина взяли только потому, что он умел превосходно готовить кофе по рецептам самых разных стран.

После нескольких месяцев жизни в Константинополе появилась возможность вернуться на родину. Было объявлено, что пароход «Решид-паша» готов доставить беженцев в Новороссийск. Наседкин оказался в числе счастливых: у него были и виза, и билет. Однако, выйдя на рейд, забитый до отказа пароход простоял неделю. Пошли слухи, что русских хотят отвезти не в Новороссийск, а на «остров смерти» Лемнос (так его называли из-за страшных условий жизни, русские беженцы там умирали целыми семьями. – Прим. ред.). Некоторые пассажиры стали перебираться обратно на берег. Среди них был и Владимир... Пароход все же ушел в Страну Советов, но по прибытии в Новороссийск большая часть пассажиров были расстреляны.

В сентябре 1921 года Владимир устроился на маленькое греческое судно, доставившее его наконец в Севастополь.

Путь по родной земле до Харькова оказался тяжелым. Однажды Наседкина спасло только то, что в свои 37 лет он выглядел на 70, и матросы, пожалев старика, взяли его к себе в поезд.

В Харькове Наседкин пошел в дом своих родителей. Там совершенно незнакомый человек рассказал, что никого из Наседкиных в живых не осталось, а мать его умерла два месяца назад. «Тоска сжала мое сердце, я не мог сдержать слез. Зашел в соседний дом. Дверь открыл пожилой человек. Посмотрев на меня, он воскликнул: «Володя! Неужели это ты?! Я тебя только по глазам узнал – ведь ты совсем старик!»

О дальнейшей жизни Владимира Наседкина почти ничего неизвестно. Сообщается только: «работал на производстве, а в свободное время писал книгу о своих странствиях».

Книга «Пятнадцать лет скитаний по земному шару» Владимира Наседкина впервые была напечатана в 1932 году тиражом 5000 экземпляров. Через год переиздана тиражом 500 экземпляров. В 60-х годах, когда автору уже пошел девятый десяток, книга вышла тиражом 50 тысяч экземпляров, была переведена на английский и французский языки. ■

«ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ СЧИТАЮТ СЕКУНДАМИ...»

Фронтные письма как молитвы

Младший лейтенант С.Е. Каздан в боях под Ржевом уничтожил 25 немцев и 4 пулеметные точки. Снято 3 ноября 1942 года. Автор: А.С. Гаранин

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Десятки тысяч писем с фронта собраны в архивах России. Вероятно, не меньше писем хранится в качестве реликвий и в российских семьях.

Часть из них опубликована. Это выборка полутора-двух тысяч фронтных писем из миллионов посланий, написанных в годы Великой Отечественной войны. Особо ценны письма, написанные в июне–июле 1941 года, до создания военной цензуры (6 июля 1941 года). В письмах этого времени – злая правда войны. Так, рядовой М.И. Невструев 13 июля 1941 года, когда деятельность цензуры еще не была налажена, сообщал жене немыслимые позже для фронтных писем подробности: «Я тебе писал раньше, что мы стояли на границе в 6 километрах, а теперь отошли назад, так как немец занял

уже город Опочку и теперь движется по направлению к Ново-Ржеву, и мы от Опочки сейчас находимся в 40 километрах. Так вот, видишь, как будто дело не совсем как охти важное – у него очень хорошо работает артиллерия и авиация, а мы на фронте своих самолетов совсем не видим, людей оставляем на поле боя».

Письма Великой Отечественной – это целое явление ее истории, относящееся одновременно к пониманию человека на войне и к пониманию человека в тылу войны. Современный, не искушенный читатель, возможно, скептически покачает головой: большим разнообразием писем не отличаются, хотя индивидуальность авторских характеров просматривается. Разведчик Н. Евдокимов в письме к родителям 15 мая 1943 года эту особенность охарактеризовал так: «Если посмотреть на всю мою и моих товарищей жизнь за весь период войны, то эти жизни с внешней стороны так похожи одна на другую, а с внутренней нет. Каждый живет своим, каждый выберет хотя <бы> одну минуту, чтобы подумать о чем-то ему дорогом». Вероятно, причин этому несколько.

Во-первых, экстремальность ситуаций, в которых написаны письма (районы боевых действий, госпитали и т.д.). Вот что писал шофер-фронтник А. Измайлов в декабре 1943 года некоей Ольге: «Оля, вспоминаются все знакомые и даже незнакомые в те минуты, когда сидишь в землянке и перед тобой нечаянно найденная чернилка и заржавленное перо, рука так и тянется чиркнуть кому-нибудь. После того,

как ручку не держал в руках более полугода, буквы прыгают, как пьяные». Во-вторых, разный уровень образованности авторов, часто не позволяющий письменно изложить весь спектр чувств и переживаний. Это, в частности, проявлялось в несоответствии больших обещаний рассказать о чем-то судьбоносном в начале писем и скромным их основным содержанием. Формулы «Сообщаю о себе... Но больше писать нечего» очень распространены и свидетельствуют об отсутствии привычки у авторов пользоваться пером. В-третьих, самоцензура не позволяла авторам откровенно писать об увиденном и пережитом: «нельзя все описывать» – эта формула с небольшими вариациями рефреном проходит через большинство писем. Гвардеец-артиллерист П.Ф. Болмосов, вероятно, очень хотел бы поделиться боевым опытом со своим отцом, но в письме к нему, проявляя «военную хитрость», сообщает: «Папа, Вы пишете, что интересно знать, на какой артиллерии я бью фашистов. Папа, я тебе одно могу прописать, что я могу работать на всех видах артиллерии. Папа, но я работаю не в тяжелой и не в легкой, но часто бываю на прямой наводке и бываю <в> нескольких километрах от переднего края». Попробуй отец, а заодно и враг, по этим словам догадаться, что автор письма «работает» на «катюше». В-четвертых, часто для авторов фронтовых писем был куда важнее сам факт переписки с кем-либо. Неслучайны поэтому многочисленные случаи организованно инициированной переписки. Например, 10 января 1943 года лейтенант В.Н. Гаврилов обратился к первому секретарю Тамбовского горкома ВЛКСМ К.Е. Кирнос: «В нашем подразделении есть два комсомольца, территория которых оккупирована немецкой нечистью, и данные товарищи совсем не получают писем. А здесь, на передовой, получить письмо – очень, очень большая радость. Поэтому прошу Вас поручить девушкам школы или техникума черкнуть пару слов, а каких – Вы им скажите». Были и личные инициативы. Так, рядовой П.В. Санин через первого секретаря Тамбовского обкома ВЛКСМ писал тамбовчанкам: «Товарищи девушки-комсомолки, дайте же мне весточку, бывшему вашему тамбовскому комсомольцу. Напишите мне хоть пару строчек, ведь так трудно без ваших писем в дни наших сражений. Не все же вы заняты перепиской со своими знакомыми фронтовиками. Есть же и из вас как и я, не имеющий переписки».

Фронтовые письма отчетливо делятся на три разновидности. Первая, самая многочисленная, – персональные письма персональным адресатам: родным, близким, знакомым. Вторая – персональные и коллективные письма в партийные, советские, комсомольские организации. Третья – кол-

лективные письма с фронта родным и близким фронтовиков. Увы, практически неизвестна переписка фронтовиков друг с другом.

Каждая из разновидностей этих писем имеет свой, отличный от других формуляр.

Формуляр первой разновидности фронтовых писем включал несколько устоявшихся элементов. Во-первых, обращение

автора к адресату в очень торжественной, основательной форме. Например: «Добрый день, многоуважаемая супруга Мотя. Во-первых строках своего письма спешу уведомить Вас, что я в настоящее время нахожусь жив и здоров. Того же и Вам желаю – всего наилучшего в Вашей дальнейшей жизни – и шлю я Вам свой супружеский привет». Или даже в поэтической форме, явно стандартизированной и распространенной: «Добрый день или час! Что делаешь, Маня, сейчас? Брось думать и мечтать, начинай письмо читать!» Второй элемент очень часто представлен информацией о погоде и окружающей природе в момент написания. Третий – сообщение о состоянии автора письма (жив, здоров, находится на лечении и т.д.). Четвертый элемент – приветы односельчанам, родственникам, знакомым. Пятый состоял из бытовых просьб и предложений. Шестой элемент – пожелания получения ответа и продолжения переписки. Седьмой – сознательная и бессознательная передача фактов фронтовой повседневности. Восьмой – просьбы сообщить о судьбах близких и знакомых. Девятый элемент – подпись автора письма. Десятый – своеобразные экзотерические размышления авторов.

Формуляры второй и третьей разновидности фронтовых писем были похожи, включая – с разной последовательностью – торжественные обращения к партийным, комсомольским, советским адресатам с выражением верности идеям партии и действиям советского руководства; сообщения о подвигах и заслугах; предложения и просьбы; заверения в неизбежности Победы и жертвенном вкладе ради нее авторов писем; коллективную или индивидуальную подписи.

Эти три – а фактически два – типа формуляров документов войны на самом деле отразили два класса документов: документы неофициального (личного) происхождения и документы фактически официального происхождения (последнее подчеркивалось указанием на воинские должности и звания).

«КАК ПОКОНЧИМ ЖИЗНЬ ФАШИЗМУ...»

Жить и выживать без любви и преклонения перед кем-то или чем-то человеку, тем более находящемуся в условиях войны, невозможно. Да, конечно, такой идеал – это Родина. Фронтовик знает, что она большая, верит, что она могучая и справедливая. Но в своем подавляющем большинстве он ее не видел – разве что в пределах родного города, в округе села и деревни. Фронтовик понимает, что защищает большую Родину от реальной угрозы, но для него куда понятней защита той жизни, которой он жил до войны. А она была не то чтобы одинакова, но все же похожа в своих проявлениях социализма. И потому – более или менее понятна.

Поэтому во фронтовых письмах мы часто видим не подверженное даже тени сомнения понимание Родины как родного своего дома. Здесь практически нет риторики, связанной с защитой советского строя. Дом как связующее звено с прошлой жизнью фронтовика, как некий светлый символ его прежней жизни является главным помыслом авторов писем. Из письма рядового Ф.П. Чернобровкина матери 26 августа – 6 сентября 1941 года: «Мамаша, как покончим жизнь фашизму, тогда я приеду домой, к вам приеду повидаться. Обратно встренусь с вами, повидаемся, посидим за столом, обратно соберемся все вместе, все братья, сестра». О доме вспоминает и младший лейтенант В.П. Савиных в письме сестре от 24 августа 1942 года: «Вот прогоним фашистов с нашей земли, расплачусь. Буду жениться, обязательно тебя в сватьи устрою. Только уж жену, Тоня, подыщи такую: роста среднего, не толстую, не тонкую». 8 апреля 1943 года разведчик В.П. Баранов написал любимой девушке: «Сегодня я получил твое письмо. Оно сразу напомнило мне родной дом, друзей и десятки картин из моей прошлой жизни. Что может быть роднее воспоминаний о прошлом для человека, шаг за шагом освобождающего свою землю от проклятых врагов? Представь себе хмурое небо, мелкий дождь, злой посвист ветра, степь, траншею, в которой я нахожусь, и тебе станет ясно, почему я так любовно говорю о прошлом». Корреспондент фронтовых газет, младший командир одной из боевых частей С.И. Голованов в письме родным 17 августа 1944 года от-

мечал: «Из Тамбова моим товарищам пишут, что там идут дожди. Это, конечно, плохо в период уборки урожая. Здесь стоят туманы, с Карпатских гор дуют холодные ветры. В чужой стране всегда холодно. Как хочется увидеть родные края!»

Авторы писем знали, что жизнь до войны дома была далеко не сладка, а во время войны – и того горше. Но мечта о возвращении, о встрече с родными постоянна и неизменна. Курсант Н. Прищепа в письме близким 11 марта 1944 года пишет: «За меня вы меньше всего беспокоьтесь, больше думайте про свое здоровье и как бы лучше вам прожить. Только молитесь Богу, чтобы я остался в живых, то тогда повстречаемся и <вспомним> о многом прошлом, что встречалось в вашей и моей жизни». «Ну, ничего, папа, только бы живым остаться и с родными увидеться», – пишет гвардеец-артиллерист П.Ф. Болмосов своему отцу 29 июля 1944 года. Минометчик Г.И. Агеев в письме жене и дочерям 12 июля 1943 года: «Катя, как я соскучился без вас, без своих доченек. Наверное, они теперь стали большие. Как я с ними поговорил бы, и они теперь носили бы мне завтрак на покос. Доченьки мои милые, отпишите, наверное, вы ходите за ягодами и за грибами. Пишите письма, пока жив». Красноармеец А.П. Кондарев в письме жене 25 ноября 1941 года пишет: «Эх, Тонька, всему виной Гитлер, сволочь. Но придет тот день расплаты, дорого ему придется платить за нашу кровь и молодую жизнь, уничтожим гадину, а тогда опять цветы, опять любовь, опять молодая жизнь вернется, по-старому настанут наши времена».

Фронтовик хочет знать все о доме, поэтому жалобы о нерегулярности получения писем из тыла постоянны. В апрельском письме 1944 года сапер Б.П. Крючков пишет сестре: «Люба! Передай папе, маме и Вале большой привет. Я обижаюсь на них за то, что не пишут. Быстрее и чаще пиши. Письма – это для меня то же, что для вас хлеб». В следующем письме, уже после получения ответа на предыдущее, он признается: «Я сейчас пока жив и здоров, живу ничего, хорошо. Но только одним плохо, что мало получаю от вас писем. Я их жду каждую минуту, каждый час. А какая для меня радость, если я получаю от вас письмо! Все письма, полученные от вас, я берегу у себя в планшетке и в свободную минуту перечитываю их по несколько раз». Рядовой О.С. Грибков в письме сестре в январе 1945 года настаивает: «Дорогая Светланочка, я тебя уже несколько раз просил описать мне жизнь Моршанска, стоимость продуктов и вообще всю жизнь. Опиши мне также жизнь и дела в школе, кто остался из старых учеников, учителей и т.д.».

«...МНЕ ДЕНЬГИ АБСОЛЮТНО НЕ НУЖНЫ»

Там, где дом, — там любимая женщина, отец, мать, дети. Тревога за их благополучие — тоже своеобразная защита дома. «Клава, 18 сентября я послал тебе денег 300 или же 350 руб. — я уже что-то забыл, а также посылал тебе и в августе, но не знаю — получила ли ты их или же нет. Клава, сообщи, получаешь ли ты деньги по аттестату, и вообще как у тебя в материальной жизни», — тревожится в письме жене старший лейтенант И.И. Аверин. Ровно через год после начала войны сержант И.И. Бобров пишет своим близким: «Вчера еще вам послал 300 руб., как получите, так напишите, чтобы я не сомневался. Каждый месяц я буду переводить вам, сколько могу, может быть, хоть эти мизерные средства составят вам кой-какую материальную помощь. А мне деньги абсолютно не нужны. Покупать здесь нечего. В лесу нет ни магазинов, ни ресторанов, одни только комары...» Сначала курсант, а затем фронтовой лейтенант Н.П. Никитин, получавший во время учебы в тылу от матери денежные переводы и посылки, теперь уже сам ей помогает (27 ноября 1943 года): «Мама, я тебе послал деньги — 1200 руб. Это моя зарплата за два месяца, себе оставил 140 руб. на уплату членских взносов да так кое-куда... И в следующие месяцы буду тебе посылать или же пришлю аттестат, мне здесь их некуда девать, а ты что-нибудь купишь». А красноармеец М.Т. Экемекин в письме жене 1 мая 1942 года деловито советует: «Марина, случайно, если будет подходить близко немец, то устройте убежище в таком виде, за вишнями: длина убежища 4,5 метра, ширина сверху 1,75 метра, снизу 1,25 метра, глубиной 1,5 метра и настлать потолок, покрыть землей, с одного конца проход». Фронтовик А.В. Аляев 25 марта 1945 года сообщает жене: «Настюш, я тебе послал посылку 5 килограмм (в общем, хорошие ботинки хромовые — мне хороши и тебе будут по ноге, ноги у нас с тобой одного размера). Еще я тебе послал 4 метра белого материала и одну наволочку на перины. Хотел послать мыла и сахарку — было больше 5-ти килограмм, пришлось все это вынуть обратно». Полковник С.Г. Николаев в письме жене из-под Вены 10 ноября 1945 года беспокоился: «Получили ли вы в посылке двое часов? Не поломались ли они? Доволен, что Оле подошло пальто. В следующий раз подробно пиши, что получаешь в посылке». А командир 136-го танкового полка, сформированного на деньги тамбовских колхозников, подполковник Шапарь, почему-то в секретном письме 24 февраля 1944 года на имя первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б)

И.А. Волкова просит «разрешения преподнести от танкистов танковой колонны «Тамбовский колхозник» подарок — 2–3 немецких сельскохозяйственных трактора... марки «Папотад»...».

Там, где дом, осталась надежда на возможную, но из-за войны не успевшую состояться любовь. Старший лейтенант А. Лагуткин 3 сентября 1943 года писал любимой: «Будем твердо верить в нашу встречу. Ведь не всем же погибать на войне. Ты меня понимаешь? Поэтому не впадай в крайности и верь в нашу будущую встречу!» О том же мечтает и лейтенант Л.С. Шалаев в письме своей девушке от 23 мая 1944 года: «Я надеюсь, что ты сохранишь эту любовь, и когда настанет тот час, когда мы встретимся с тобой, чтобы от той великой радости и счастья я бы мог взять тебя на руки, как дорогое достояние, и расцеловать, как любимую, дорогую подругу жизни». 1 апреля 1945 года старшина А.И. Сазыкин пишет своей возлюбленной: «...разрешите сообщить о том, что я когда уходил, прощались с Вами, у меня сердце ныло, и слезы навертывались. Так жалко было расставаться, как будто Вы меня приворожили, хотя Вы не верили, что я Вас люблю. Надя, еще раз напоминаю о том, что я Вам никогда не изменяю и в дальнейшем верным <буду>, если Вы согласны, чтобы Вы были моей законной женой».

Там, где дом, там жизнь — тяжелая, голодная, но напоминающая довоенную. «Надюша, поздравляю тебя с окончанием десятилетки и желаю, если есть возможность, поступай в институт. Я тебе советую продолжать учебу, несмотря ни на какие трудности», — пишет сестре 15 июля 1943 года лейтенант С.П. Емельянцеv. Санитар В.Н. Кожевников в письме дочери 29 августа 1941 года столь же трогательно заботлив: «Ты должна понять, что из детских лет ты вышла и следует взяться за ум как следует. Твое незаконченное образование ничего в жизни не даст. Надо не упу-

скасть момента и, пока есть возможность, пополнить его, получив какую-либо специальность, которая бы обеспечивала тебя в будущем».

«ФРОНТОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

«Без крови сражений не бывает», — меланхолически, но жизненно точно определил автор одного из фронтовых писем

трагическую реальность войны. Тяжелейшая миссия – сообщать родным о гибели дорогого им человека. Иногда это делалось после предварительных подготовительных слов. «Любимый товарищ» погибшего фронтовика А.В. Аляева 12 июля 1945 года так сообщает его жене о смерти друга: «Вы, Настюха, дорогая Настенька, спрашиваете меня, чтобы я Вам прописал подробнее про Вашего мужа Аляева Андрея Васильевича. Я Вам врать не намерен в том, что он мой любимый товарищ. Настюха, погиб он в боях за Родину прямо на моих глазах, а почему не сообщает долго военная часть, я не знаю в чем дело. Но ты нам поверь, как своему родному мужу. Я Вам врать не буду, Настя». Письмо Героя Советского Союза В.Г. Тихонова и батальонного комиссара Шмелева вдове погибшего летчика В.И. Лахонина содержит обстоятельный рассказ о боевых подвигах Лахонина и только после этого не столько извещает, сколько констатирует: «Все мы тяжело скорбим, не веря в то, что Вениамина Ивановича больше нет с нами, но каждый из нас приходит к одному и тому же знаменателю, что «война есть война» и она без потерь не обходится... Памятуйте о том, что «лучше быть вдовой героя, чем женой труса». «Фронтовая дипломатия» просматривается и в письме командира роты Т.Я. Сергиенко в действующую армию отца погибшего красноармейца В.В. Грязнова: «Здравствуй, дорогой отец Василия Грязнова! Прими массу наилучших пожеланий в Вашей красноармейской жизни, желаем Вам побыстрее окончить эту войну и счастливо возвратиться на родину. Данным письмом я хочу Вам известить весьма неприятную новость, а именно: Ваш сын, как взрослый мужественный герой, сражался с фашистскими захватчиками, он был верный до конца воинской присяге. 13 марта 1945 года пуля немца оборвала ему жизнь... На этом заканчиваю свое печальное письмо». Командир некоего подразделения А.Т. Лисунов начинает свое письмо сестре погибшего бойца А.Г. Попова с пожелания «наилучших успехов в Вашей дальнейшей молодой жизни», а далее продолжает: «Маруся, но наша жизнь, по-видимому, Вам известна. В настоящее время находимся на территории Германии. Вот наши в основном успехи. Маруся, но в основном, что я хочу Вам в своем письме сообщить, это печальную весть о Вашем брате. Ваш брат в боях за Родину погиб 6.10.1944 года. А пока до свидания...» И это все. Без слов сочувствия,

без хотя бы какого-то намека на обстоятельства смерти. Суровое время, фронтовая жизнь и, вероятно, цензура не всегда позволяли тратить время на сантименты.

А вот похожее на удар молота по наковальне сообщение безвестного командира подразделения морской разведки матери погибшего на Ораниенбаумском плацдарме разведчика И.Н. Семенова от 5 июля 1943 года: «Дорогая мать, мне очень трудно писать эти слова, ваш сын Семенов Иван, а мой друг и боевой товарищ, с которым вместе мокли под холодным осенним дождем, вместе мерзли в суровые декабрьские ночи в окопах, с которым радость и горе делили пополам, он, Ванюшка-орденоносец, погиб». Письмо фронтовика Н.Д. Рязанова подруге своего однополчанина П. Журавлева В. Галкиной беспощадно своей суровой обыденностью: «Отвечаем на Ваш запрос. Ваш друг и знакомый Журавлев Петя погиб смертью храбрых в борьбе за советскую Родину против фашистских захватчиков 4.04.45 года. Был у нас в части п.п. 35617». В. Дубинин, однополчанин погибшего Я.И. Яковлева, после сообщения его вдове о смерти мужа и вовсе советует: «Конечно, переживать не следует. Нужно учесть, что сейчас война с презренным германским фашизмом не на жизнь, а на смерть».

Но не все «похоронки» были столь суровы. Е.П. Подшибякина в письме матери погибшего фронтовика В.П. Савиных от 27 августа 1943 года смогла найти слова соболезнования и сообщить детали: «Здравствуйте, дорогая, незнакомая мамаша Володи Савиных! Хотя и неприятная новость, но все же приходится сообщить. Сегодня, 27 августа в 10.20 ч. от вражеской пули скончался Ваш сын Володя... Весь наш коллектив искренне сожалеет Вам о потере такого хорошего сына. Не беспокойтесь, дорогая, не волнуйтесь и не расстраивайтесь. За него мы отомстим врагу!» Боевой товарищ комсорга полка А.М. Ильякова А. Серегина писала его отцу 3 января 1944 года: «Матвей Иванович, то, что я хочу Вам сообщить – это и для Вас и для меня большое горе. Ваш сын Леша был тяжело ранен в правое бедро... Наши врачи, как ни старались спасти ему жизнь, <не смогли>, все же смерть в этом случае оказалась сильнее. Дорогой Матвей Иванович, с Лешей мы были хорошими товарищами... и я знаю, что Вам это горе перенести очень трудно, но что же, дорогой, ведь ничего не поделаешь».

«ВРЯД ЛИ УВИЖУСЬ С ВАМИ»

Дух жертвенности, мщения и фатализма пронизывает многие письма фронтовиков. Рядовой Е.И. Жуков в письме родным 1 мая 1942 года обещал: «Я вспоминал, что у меня нет больше брата Феди, что я больше не увижу его. Да... Жалко и жалко.

прошлые бои мне вынесена благодарность, которую я посылаю в этом конверте. Прошу дедушку сделать <рамку> и вставить, пусть смотрят мои товарищи, которые дома, что я есть освободитель и мститель за наших родных и знакомых, которые погибли на фронте и насильно угнаны на фашистскую каторгу в Германию». Но в письмах воинов-победителей радость не столько по поводу поверженного врага, сколько остро осознаваемое скорое возвращение домой. Красноармеец Н.М.

Ястребцев, находясь под Берлином, 10 мая 1945 года писал жене: «Здесь уже давно настоящая весна. Отцветают яблони и вишни, цветет сирень, ландыши. На лугах уже большая трава. Но все же это не то. Родина хоть немного и бедней, но милей... Здесь все как-то не то... Скорее бы, скорее бы в Россию». Артиллерист В.П. Савиных (Василий Петрович Савиных, брат Владимира Петровича, погибшего в 1943 году, его письмо цитировалось выше. – **Прим. авт.**) в письме жене 11 мая 1945 года сообщает: «Радости, конечно, нет предела. Сейчас ведь Родина стала совсем близка. Скоро, конечно, будем в России. В нашей любимой Родине. И справлять Победу». Поразительный факт: в личных письмах с фронта практически отсутствует партия, разве что так, мимоходом, да и то в основном официальным адресатам. Нет в них места и Богу. Вероятно, неосознанно авторы писем отразили жизненную реальность: старый Бог был вытравлен безбожной властью, новый бог – партия, а вместе с ней и ее воплощение в лице вождя – так и остался не принятым в подсознательном, самом искреннем. И это не у единиц – у тысяч!

Из-за цензуры фронтовые письма бедны в описании повседневности войны. Но все же в них проскальзывали детали фронтовой жизни. Красноармеец В.А. Гордин, оборонявший некий остров в Балтийском море, 1 августа 1941 года сообщал отцу: «Папа, у нас был очень слабый тыл, много враждебных элементов, были случаи, они делали покушения на наших бойцов, находили у них пулеметы и очень много винтовок». Рядовой С.И. Бобров в письме родственникам 7 декабря 1941 года сообщал: «Нас еще не обмундировали, только дали мне ботинки да обмотки, так как сапоги изорвал вдрызг. Ну, а каково ходить и заниматься на улице при таком морозе в ботинках, когда нет шерстяных носков?» Политрук Н.С. Ключков приблизительно в это же время оказался в лучшем положении, сообщая 23 января 1942 года родственникам: «Одет я

Но ничего не сделаешь. Пускай и я погибну на фронте, но я отомщу немецким гадам за своих братьев». Командир минометной роты Н.Н. Аршинов 18 июля 1942 года обещал своей жене: «Основное, моя дорогая, не думай, что я струшу перед врагом и что покрою тебя позором. Мои традиции – умереть, не отступая, и я показал себя в боях неплохо». Известный приказ Сталина «Ни шагу назад» пулеметчик В.П. Назаров в письме родственникам 5 августа 1942 года прокомментировал так: «Сейчас до последней капли крови следует отстаивать каждую пядь родной земли, и, кто будет отступать, – боец ли, командир ли – будет расстреливаться своими как изменник Родины... враг забрал уже немало нашей территории, а вместе с этим и населения... Теперь одно: иди вперед, пусть погибнешь, но честно, иначе как трус же будешь убит своими же товарищами». Сержант И.И. Бобров в сентябрьском (1942 г.) письме родителям общее состояние фронтовиков передает так: «Здесь жизнь считают минутами, она измерена шагами».

Философия фатализма иногда сопровождалась предчувствием неизбежной гибели, о чем с беспощадной откровенностью фронтовики нередко сообщали своим близким. Очень характерны в этом смысле письма пропавшего без вести гвардейца П.Ф. Силантьева жене и детям. 2 марта 1943 года: «Возможно, и придется мне вернуться домой, то всю жизнь исправим. Но если меня здорово покалечит, то я оставлю себя на вечный покой, чтобы вы на меня не казнили». 25 апреля 1943 года: «Если судьба наша с Вами увидаться, то увидимся, а если где у меня на роду написано умереть, то ничего не сделаешь. Но я предчувствую, что я домой не вернусь, и останется у Вас с детками одно воспоминание обо мне, а у меня на сердце замрет навечно скорбь и любовь о Вас». 27 июля 1943 года: «Люсенька и Боря, Юра, пока прощайте. Наверно, что это мое письмо последнее – я предчувствую. Прощайте, любимые». Красноармеец И.Г. Гвоздев, находясь в осажденном Сталинграде, 30 октября 1942 года писал своим близким: «Тятя, спастись здесь очень трудно. День и ночь бомбят и бьют из миномета. Живым на этом фронте остаться трудно. Тятя, наверно, я здесь погибну за Родину, за наш Сталинград... Вряд ли увижусь с вами...»

«СКОРЕЕ БЫ В РОССИЮ»

Жизнь страны военного времени, конечно же, была подчинена условным и еще в большей степени вполне официально закрепленным нормам. Они были жестоки и оправдывались только одним – победой. Она наступила, и фронтовые письма полны ликования. «Я» – победитель и «мы» – победители в письмах переплетаются в личное и коллективное торжество. Красноармеец В.П. Грязнов 13 февраля 1945 года пишет близким: «За

его. Он был весь в масле танка, маскхалат в кое-каких местах прогорел. В руке был ремень автомата, вернее сами щепки от оружия. Изрытая артиллерийским и бомбовым ударом земля была не белая от снега, наоборот, в воронках, гарью покрыта была мертвая земля». Как бы ни сомневаться в описании героической смерти Косарева, ее детали – масло от подбитого танка, прожженный маскхалат, расщепленный приклад автомата – придумать трудно. Или вот сви-

детельство о деталях войны радиста-фронтовика Ф.Д. Хоркина: «Вчера мы наблюдали с шестиэтажного дома западный берег Вислы, и что же? Эти изверги, сволочи, насильники кровожадные, и не знаю, как их еще обозвать, нелюди, эти немцы. Вводят гражданских: молодежь, стариков, детей нарочно, чтобы видели наши части на восточном берегу Вислы, и расстреливают, трупы падают в воду».

РАЗГОВОР ФРОНТА И ТЫЛА

Личные фронтовые письма при их внимательном чтении оказываются наполненными переливами чувств и многоголосием мыслей и мечтаний их авторов. За внешней невзрачностью, сухостью и торопливостью их строк скрывались людские души беспокоящихся отцов, заботливых сыновей и дочерей, влюбленных воинов, людей, тоскующих по дому. В большинстве писем нет ничего героического, в них преимущественно отражается повседневный ратный труд. Война как обычная работа, только с постоянной угрозой для жизни, война людей, оскорбленных за большую и малую Родину и жаждущих отмщения, – такой рисуется Великая Отечественная во фронтовых письмах. И даже если не хочется впадать в пафос, сделать это чрезвычайно трудно, потому что невозможно избавиться от этого образа: не просто человека на фронте, а Российского Воина, буднично, как до войны дома за станком или с мотыгой, а теперь с оружием защищающего Отечество.

Две другие разновидности фронтовых посланий, за небольшим исключением, разительно отличаются от личных писем. Это связано с тем, что звание воина-фронтовика давало основание быть требовательным к местным властям в оказании помощи родственникам. Писем-просьб, писем-требований с фронта в партийные, советские органы, в райвоенкоматы, в редакции газет очень много. В них рисуются штрихи той жизни, которую приходилось переживать в тылу близким фронто-

тепло: хорошая шуба, шинель, ватные куртка и брюки, новые валенки и теплые рукавицы. Морозы у нас стоят крепкие – 35–38 градусов, но они нам нипочем». Гвардеец-минометчик Л.Ф. Мухачев 22 октября 1942 года сообщал родителям: «1. Питание сверхотличное. Кушаем сало свиное, бекон, мясные, рыбные консервы. Часто получаем английские и американские консервы (мясные). Консервы очень хорошие, вы такие не кушали. Овощи: капуста, свекла, морковь, картошка. Жиры – английский жир, комбизир, маргуселин, сливочное масло. Подумаете, что я обманываю..! Нет, это правда, нас, фронтовиков, так и кормят, зато вам – норма, а нам – «от пуза». Видите, как нас любит страна». С ним спорит письмо сержанта В.Е. Денисова своим близким от 15 января 1943 года: «Я имел очень большое счастье получить от вас посылку 14 января 1943 г. – фанерный ящик. В посылке оказалось пол-литра меда, одна тетрадь и сушеные лепешки, получил 14 января и покушал». Уже упоминавшийся Ключков 7 февраля 1945 года сообщал жене в письме, написанном в доме небольшого немецкого городка в Восточной Пруссии: «Конечно, дом пуст, хозяева его поспешно бежали, и теперь в нем хозяйничаем мы. Жарим кур и гусей, телят и поросят, пьем чай с медом, сахаром и вареньем, иногда заливаем за воротник вино, взятое из немецких подвалов... Обещают разрешить числа 11-го февраля послать посылку в 10 кг., но не всем».

Рядовой М.М. Енин в письме родным от 11 февраля 1945 года сообщал: «Нахожусь на территории Германии, где, наконец, немцы почувствовали, что такое война. Точно как у нас в 1941 г., но еще хлеще – все они бросают. Как везут по дорогам, так и остаются перины, пух и все барахло. Куры, гуси, коровы бродят без хозяев. Все мне напоминает то, как мы эвакуировались, но здесь некому тащить, все лежит».

В письмах порой прорываются суровые реалии войны. Красноармеец-автоматчик С.И. Власенко в письме жене 2 марта 1942 года пишет: «Нашему отряду даны широкие полномочия. Так, например, если мы устанавливаем, что красноармеец ушел с фронта, старается увильнуть от атаки – словом, если он дезертировал, наш отряд имеет право расстрелять такого бойца без суда, да и как иначе поступать? Люди дерутся, льют кровь, умирают, а есть паразиты, которые увильвают и стараются скрыться ...» Иногда в письмах проскальзывали картины реальных боев. Офицер Н. Волков, сообщая 15 марта 1943 года родителям о гибели их сына И. Косарева, писал: «Я Игоря до боев не видел, но я видел сам, видели многие сотни бойцов в тот момент, когда была критическая минута напряженного боя. Он хлестал автоматным огнем по немцам. После налета авиации противника и после отбитых атак врага мы нашли

виков. Например, санитарка А.В. Щербакова, добровольно ушедшая на фронт, в письме на имя секретаря Сосновского райкома ВЛКСМ Тамбовской области от 1 апреля 1944 года просит оказать помощь своей матери: «Сейчас наша мать одна, у нее хозяйство. И что же ее заставляют все это бросать на произвол и идти работать, так как ее осудили и дали 4 м<есяца> принуд<ительной> работы за то, что она не работает, к тому же платит все налоги». Сложно судить о том, насколько эффективны были такие фронтовые обращения к местным властям. Но на некоторых письмах имеются различные резолюции с поручениями разобраться по существу с поставленными вопросами.

В подавляющем же большинстве эти разновидности фронтовых писем отличаются своей «правильностью», согласованностью с официальной пропагандой. Пронизывающая их риторика, неизменно героическая, не обходится без упоминания партии, Сталина, описания боевых побед, призывов крепить единство фронта и тыла. В этих письмах совсем иная война – тревожная и торжественная, героическая, победоносная, не с человеческим, а с коллективным лицом. Такие письма были рассчитаны на коллективного читателя и слушателя.

Нет сомнения, что и фронту, и тылу были нужны и эти письма. Напоминания о фашистских зверствах рождали чувство мести, сообщения о победах поддерживали веру в окончание войны. Идея единства фронта и тыла была понятна и дисциплинировала людей. Это был тоже разговор фронта и тыла.

ПИСЬМА КАК МОЛИТВЫ

Фронтовые письма – это весточка с фронта, прежде всего сообщение о том, что человек жив, ранен или убит, физический знак родным и близким о его состоянии на войне. Однако для авторов и их адресатов письма означали не что иное, как молитву, обращение фронтовика к некоей сверхъестественной силе. Что за сила была в этом обращении?

Кажется, ее можно назвать Надеждой, Мечтой, которые были не чем иным, как Верой в Победу. Именно эта сила постоянно присутствует или подразумевается в письмах. С ней фронтовики связывают абсолютно все свои помыслы, которые есть не что иное, как просьбы-мечты о будущем и в будущее.

Написание письма, его прочтение в тылу были своеобразными ритуальными действиями. И понятно, почему фронтовые письма были фактически молитвами. В СССР как атеистическом

государстве, на фронте и в тылу Бога почти не было, он был допущен туда лишь чуть больше, чем до войны, и он возвращался в сферу политики, а не во фронтовое бытие. Фронтовые письма были легальным преодолением запрета на молитву Богу, они заполняли духовный вакуум и дополняли беседы с воинами политработников желанием простого человеческого общения авторов писем. Старшина В.А. Швычков писал своей жене: «Оба письма, что я получил от вас – я их берегу. И еще берегу на память – Нина собирала мне листочки от численника для курева – я их берегу в конверте. Иногда, время от времени, я их вынимаю и смотрю, и вспоминаю своих деток». Почти как воины дореволюционной России, которые хранили в ладанках молитвы, подаренные близкими.

Духовная терапия, присутствующая при вознесении молитвы, составляла суть и фронтовых писем. Она имела двойной результат и для авторов писем, и для их корреспондентов. Она воодушевляла и тех, и других Верой, Надеждой, Любовью, которые возвышались над страхом быть покаленным или убитым на фронте, над невзгодами в тылу. Надо всем тем, что нормальным человеком воспринимается как ненормальное: над ужасом, порождаемым войной. «Молись и молись, мама, обо мне, дай нищему горячий пирог и хлеб и стакан молока за меня», – просил красноармеец И.П. Стенькин свою мать в ноябре 1943 года, за несколько дней до гибели.

P. S.

Фронтовые письма Великой Отечественной как птицы, которым не всегда случалось долетать до гнездовий. Не долетали и фронтовые письма до адресатов в прямом смысле этого слова. А в символическом – не возвращались домой их авторы. Авторы большинства процитированных писем-молитв погибли. Не претендуя на истину, я попытался донести не только их молитву, молитву об их мечтах, жизни и судьбе, Родине большой и малой, но и нашу теперешнюю молитву в память о них и в назидание нашей сегодняшней жизни. 📖

В статье использованы документальные публикации фронтовых писем последних лет:

Нам выпало на долю... Великая Отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Тверь, 2005.

Письма Великой Отечественной. Тамбов, 2005.

Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.

Солдатские письма. Саранск, 2005.

ЭХ, ПО ШЛЯХУ, ЭХ, ПО РОМОДАНУ

МИХАИЛ БЫКОВ

Сибарит и интеллектуал,
фаворит царевны Софьи
князь Василий Голицын.
«Дядька» будущего
императора Петра I
окольничий Стрешнев.
Политический авантюрист
Федор Шакловитый.
Амбициозный политикан
князь Иван Хованский
и сын его Андрей. Что ни
персонаж – то известное
имя в русской истории.

Но нет среди упомянутых господ, послуживших прообразами Модесту Мусоргскому в опере «Хованщина», тех, кто продолжил славу русских воевод прежних времен.

Князь Василий «провалился» в Азовских походах 1687 и 1689 годов, князь Иван по прозвищу Таратуй (пустомеля. – **Прим. авт.**) на западной границе в 1661 году потерял в битве при Кушликах 19 тысяч воинов из 20. Шакловитый хоть и возглавил после казни Хованских Стрелецкий приказ, думал не столько о войнах и победах, сколько о заговорах и власти...

Мусоргский так замыслил, что действие «Хованщины» начинается летом 1682 года. Позади остался страшный день, когда Хованщина, собственно, и началась. 15 мая вооруженные стрельцы ворвались в Кремль и убили всю правящую верхушку – боярина Артамона Матвеева, Ивана Языкова, князей Долгоруких. Попал под их гнев и князь Григорий Григорьевич Ромодановский, последний воевода старого царского войска. После были только Алексей Шеин да Борис Шереметев – оба, как ни крути, военные деятели переходного периода, после которого воеводы исчезли в принципе. На их место Петр I поставил генералов и фельдмаршалов.

27 апреля 1682 года умер третий представитель династии Романовых на русском троне – Федор Алексеевич. Царствовал

он, надо сказать, недолго: с рождения царевич был слаб здоровьем, и кремлевские обитатели не слишком рассчитывали на долгие его лета. Так и случилось. Но за 6 лет и 3 месяца царь Федор успел кое-чего добиться. В результате Русско-турецкой войны 1676–1678 годов принудил Порту подписать в Бахчисарае мирный договор, по которому Турция отказывалась от притязаний на Левобережную Украину и Киев. А непосредственным виновником этих событий был воевода Ромодановский. Это он водил в походы на Украину русские полки. Правда, впечатление от походов подпортила история со сдачей туркам крепости и местечка Чигирин в 1678 году. «Есть мнение», будто сей факт испортил отношения опытного военачальника и молодого царя. Отсюда и оргвыводы: отставка!

Отставка на самом деле была. По собственной, князя Григория, просьбе. Но от двора он не удался. Упоминается в дворцовых разрядах постоянно, отмечен среди ближних бояр в сентя-

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Дата рождения Григория, восьмого сына князя Григория Петровича Ромодановского, есть тайна. Что совершенно нормально для России начала XVII века. Подумаешь, восьмой сын!

Зато сохранились подробности убийства воеводы во время Стрелецкого бунта в Москве. Ромодановского схватили у Посольского приказа в Кремле. Затем «ведуще его за власы

и браду, зело ругательно терзаху и по лицу бивше». Подняли на копья. Бросили на землю и изрубили саблями. Тело вытащили аж на Лобное место, где и оставили.

Откуда столько злобы и ненависти в стрельцах по отношению к доблестному военачальнику? Сработал инстинкт разъяренной толпы? Кружило головы «зелено вино»? Или заслуженный воевода оказал сопротивление, чем раздражил озверевших стрельцов?

«Князь Григорий, как говорят, отличался свирепостью характера и телесною силою, он был больше солдат, чем вождь; превосходил всех военною пылкостью, неутомимою деятельностью, быстротой и львиным мужеством...». Так писал о Ромодановском историк Соловьев. Сомнительно, что при таких данных князь покорно отдался в руки бунтарей.

В разрядных книгах его фамилия впервые упоминается осенью 1653 года. Он – стольник в посольстве боярина Бутурлина, отправленном в Переяславль принять присягу у гетмана Богдана Хмельницкого. Спустя полгода – сотенный голова в царском полку государя Алексея Михайловича, пошедшего с войском к Смоленску. Суммировав, можно сделать вывод, что в момент смерти Ромодановский не был немощным старцем. Скорее всего, он погиб лет в 50–55 от роду. По тем временам – жизнь удалась...

«Благословенное» время царствования Алексея Михайловича Тишайшего, растянутое на тридцать с лишком лет, как-то само собой заставляет думать, будто и сам царь-батюшка почил в весьма преклонном возрасте. На самом деле он чуть-чуть не дотянул до 47-летия.

А что касается «тишайшего»...

НЕ БУНТ, ТАК ВОЙНА

Получается, что царь Алексей и Ромодановский были почти ровесниками. Алексей Михайлович принял трон в шестнадцать лет, причем поначалу управлял страной, скорее, номинально. С 50-х годов он уже царствовал

бре 1679 года во время путешествия царя Феодора в сельцо Хорошево. Подпись Ромодановского стоит под документами январского Собора 1682 года, на котором было отменено местничество. Наконец, воевода получил право именовать себя и детей своих князьями Стародубскими-Ромодановскими. А эта царская награда посolidнее 6 тысяч ефимков будет, что получил он когда-то за военные успехи из рук царя Алексея Михайловича.

РЮРИКОВИЧИ МЫ

Так что ж это за честь такая и почему – Стародубские?

После похода 1678 года заговорили было на Москве, что князь Григорий сдал Чигирин нарочно, по сговору с турецким султаном, у которого в плену сидел младший сын князя, Андрей.

Ромодановский, человек прямой, смелый, по-военному хитроумный, обратился к царю с челобитной. Напомнил в ней о том, что после первого похода удостоился возвращения ему в собственность исконных удельных земель – села Ромоданова. По названию села и сам род фамилию получил. Но в те дальние времена, когда еще были на Руси княжеские уделы, владельцы Ромоданова носили фамилию князей Стародубских. О возвращении фамилии и просил в челобитной воевода. Царь Федор поступил не по летам мудро. Дабы извести всякие слухи об опале, он повелел Ромодановскому носить двойную фамилию. Казалось бы, что с того, что фамилия стала еще длиннее?

Дело в том, что за фамилия! Князья Стародубские – одна из многочисленных ветвей могучего родословного древа, у которого один-единственный корень. И имя ему – Рюрик.

Удивительное дело, но и великий предшественник князя Григория, князь Дмитрий Пожарский, происходил из древнего рода Стародубских. Основателем этой княжеской фамилии был седьмой сын великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо – Иван. В 1238 году получил он удел от брата своего Александра – Стародуб Владимирский, что на реке Клязьме. Городок, между прочим, сохранился до наших дней. Так и зовется сегодня – Стародуб-на-Клязьме.

В 16-м колене от Рюрика выделились из Стародубских князья Ромодановские. Князь Василий Федорович стал основоположником рода во второй половине XV века.

Не сказать, что род Ромодановских дал России много известных людей. Не чета, как говорится, тем же Трубецким или Волконским, если сравнивать с потомками других удельных князей. Были в роду послы и бояре, а еще – Федор Юрьевич Ромодановский, друг и сподвижник Петра I, которого царь именовал «князем-кесарем». И наш герой – князь Григорий.

в полном смысле слова. В это же время приступил к службе и Ромодановский.

Отметим те события в царствование Алексея Михайловича, которые никак не ложатся в привычную традицию восприятия того времени как мирного и спокойного.

1647 год – Соляной бунт в Москве. Далее, до 1650 года, – бунты в Томске, Вычегде, Устюге, Пскове, Новгороде. В 1654

году началась русско-польская война, растянувшаяся на тринадцать лет. 1656–1658 годы – русско-шведская война. 1662 год – Медный бунт. 1670–1671 годы – крестьянская война, разожженная Степаном Разиным. Уже после смерти царя Алексея Россия «замирилась» с турецким султаном, война с которым формально длилась лет шесть.

Да, правление царя Алексея, безусловно, принесло стране колоссальную пользу. Он успешно решил многие внутренние проблемы, вернул в границы России исконные земли, прежде всего Смоленск и Левобережную Украину. На востоке присоединил территории, на которых теперь стоят Иркутск, Нерчинск, Селенгинск. На юге встали под хоругви царя астраханские калмыки. И все это по большей части результаты военных походов. Стольник Григорий Ромодановский, уже получивший боевой опыт, летом 1655 года в составе отряда боярина Бутурлина отправился в Белую Церковь под Киев. Предстоял поход в Галицию. Русские войска, усиленные казацкими отрядами гетмана Хмельницкого, шли по галицким землям, очищая их от польских гарнизонов. К осени приблизились к Львову, где окопался польский коронный гетман Станислав Потоцкий. 18 сентября в нескольких верстах от Львова Ромодановский вступил в первое крупное сражение, в котором проявил себя весьма неординарным военачальником. Благодаря его неожиданным решениям бой, в котором поляки поначалу доминировали, окончился их полным разгромом. Львов, правда, в тот раз не взяли. Из-за некоторой медлительности, проявленной Хмельницким, чьи отряды окружили столицу Галиции.

Князь Григорий вернулся в Москву триумфатором. Орденской традиции на Руси тогда не было, и Ромодановский получил награды, обычные для допетровской армии: шубу, кубок и чин окольничего (на современный манер – не ниже генерал-майора). И первую самостоятельную должность – воеводство в Белгороде, на южных рубежах России. Там, где сходились и «украинские», и «крымско-

татарские» вопросы. И эти «украинские» вопросы требовали от Ромодановского постоянной активности.

Прошел первый год его командования в Белгородском воеводстве. И тут умер преданный России гетман Богдан Хмельницкий. У казаков началась многолетняя «замятня».

ЧТО НИ ГЕТМАН, ТО МАЗЕПА

Для начала разберемся, кто, собственно, такой гетман. В переводе с польского – начальник. Слово вошло в обиход в Восточной Европе в XV веке. В самой Польше каких только гетманов не было – коронный, читай – главнокомандующий, польный – его заместитель, надворный – командующий королевской гвардией... На Украине звание появилось в середине XVI века. Гетманом называли военного начальника реестровых украинских казаков. То есть тех, что вносились в специальный реестр польского правительства, свидетельствовавший о принятии их на службу Речи Посполитой. Реестровые казаки (в момент первого призыва, в 1572 году, их было всего три сотни, а в 1649-м уже 40 тысяч) охраняли порубежье польских земель и крымского ханства в районе днепровских порогов.

На Украине с гетманством тоже было не все просто. Во-первых, этот титул присваивали себе почти все руководители казацких восстаний против польской власти. Во-вторых, после смерти Хмельницкого, пробывшего гетманом девять лет, появились сразу две должности: гетман Левобережной (русской) и гетман Правобережной (польской) Украины. Речь Посполитая избавилась от этой должности в 1705 году. В России ее упразднила Екатерина II только в 1764-м. К слову, последний гетман – некто Кирилл Разумовский, сын реестрового казака Розума и младший брат фаворита Екатерины II, Алексея, в прошлом певчего украинской дворцовой капеллы. Екатерина была мудрой женщиной. Сейчас трудно разобраться, чего больше в этом ее кадровом решении: желания ублажить фаворита или стремления дискредитировать знаковую должность.

Но раньше, во времена Алексея Тишайшего, гетманство было выборным (кандидатуру согласовывали с русским царем. – **Прим. авт.**) и имело серьезный политический ресурс. Довольно сказать, что гетман Левобережной Украины наделялся высшей гражданской, судебной и военной властью, имел самостоятельные внешнеполитические контакты со всеми странами, исключая только Польшу и Турцию. Выборность гетмана отменил Петр I после измены Мазепы в 1708 году.

После Хмельницкого, начавшего борьбу за освобождение украинских земель от польского владычества в конце 1647 года и проводившего прорусскую политику до самой своей

кончины, гетманом без согласования с Москвой выбрали мелкого шляхтича Ивана Выговского. И начались «Руины». Так называют на Украине годы чехарды и метаний гетманов от России к Польше и обратно.

«Поляку» Выговскому противостоял «гетман на время» Иван Беспалый, затем обоих сменил сын Хмельницкого – Юрий, вскоре предавший завет отца. Далее – Иван Брюховецкий, со временем ударившийся в «туркофилию». Его сменил его же убийца Петр Дорошенко, объявивший себя гетманом обоих берегов. При нем гетманом Левого берега обрелся некий Демьян Многогрешный. Наконец, 17 июня 1672 года в 12 верстах от Конотопа, прямо в поле казацкие старшины разбили шатер, в котором в присутствии Ромодановского избрали гетманом Ивана Самойловича – человека, преданного Москве и, что тоже важно, неглупого.

Вся эта «замятня» относилась к полномочиям белгородского воеводы князя Григория. На протяжении пятнадцати лет он то и дело выходил с полками на юг, «успокаивал» буйных гетманов, ставил гарнизоны в измученных гражданской войной городах, перекрывал дороги казацким ватагам, а заодно и постоянно дежурившим на случай чего польским войскам и крымчакам. В 1667 году военные ресурсы Руси и Речи Посполитой практически истощились. Завершилась русско-польская война, по результатам которой заключили Андрусовское перемирие. Россия официально получила смоленские и чернигово-северские земли, Левый берег Украины. И – Киев, до 1669 года. Контроль над Запорожской Сечью страны поделили меж собой.

Но покой не пришел на украинские земли.

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ПОРТА БЛИСТАТЕЛЬНАЯ

В 1660 году Ромодановский на три дня прибыл в Москву. За умелые действия против гетмана Выговского князь Григорий получил от царя кубок на 6 гривен, шубу золотого атласа ценой в 150 рублей, 80 рублей прибавки к ежегодному жалованью и 6 тысяч ефимков на благоустройство вотчин. Спустя пять лет Ромодановского вновь вызвали в столицу. Торжественно пожаловали в боярский чин. На сей раз он остался в Москве на три года.

С 1668 по 1672 год Григорий Григорьевич вновь в Белгороде и на Украине. И вот пока он в мирной паузе разбирался с жадными до власти гетманами, на южных рубежах славянского мира замаячили красные фески.

Весной 1672-го возбудился правобережный гетман Петр Дорошенко. Польский надзор ему надоел, и он решил уйти под власть султана. Вот так запросто Блистательная Порта появилась на Днепре! Поляки к войне оказались не готовы. Не прошло и года, а турки, разобравшись с польскими города-

ми-крепостями Ладыжин, Каменец и Львов, откликнулись на предложение подписать мирный договор, по которому им отходила Правобережная Украина, которой руководил теперь уже подданный султана Дорошенко-бей. В Москве поняли, что Россия – следующая. И решили упредить ситуацию. Русские полки встали на Днепре, а Ромодановский начал длительные переговоры с Дорошенко с целью убедить гетмана взять российское подданство.

Дорошенко засел в гетманской столице – правобережной крепости Чигирин, что к югу от нынешнего областного центра Черкассы километрах в пятидесяти. Для острастки русские отряды перебрались на правый берег и сожгли несколько сел и городков, а заодно разбили 2-тысячный авангард гетмана. Одновременно по правому берегу, только выше по течению, шли главные силы русской армии. Города добровольно открывали ворота. Украинское население не хотело идти под власть султана. Дорошенко изолировали, гетманом обоих берегов стал Самойлович.

В 1674 году в Приднепровье появилась 40-тысячная турецкая армия. Ромодановский хотел было взять Чигирин до подхода турок, но не успел. 6-тысячный гарнизон стоял насмерть, а полевое сражение с солдатами султана не сулило успеха. К концу года русские полки ушли на левый берег. Турки не торопили события. В следующем году им пришлось несладко уже в Польше. Новый король, Ян Собеский, воевал успешно и отбил Львов.

В 1676 году поляки и турки приступили к мирным переговорам. А это означало, что вновь пришло время Ромодановского. К этому моменту осторожного и мудрого Алексея Михайловича не стало. Трон в Москве занял его сын Федор, который отдал приказ: «Идти за Днепр. К Чигирину!»

СТРЕЛЬЦЫ И СОЛДАТЫ

Кто знает, может, жестокость убийства князя Ромодановского стрельцами связана также с тем, что он был скорее солдатским воеводой, чем стрелецким...

Это еще один стереотип. Многие сегодня уверены, что в допетровской армии служили только стрельцы. На самом деле уже в царствование Алексея Тишайшего была начата масштабная, но неспешная реформа вооруженных сил. Царь Федор разделял точку зрения отца. В начале второй половины XVII века количество солдатских полков «иноземного

строя» превышало число стрелецких приказов втрое. Кроме того, штат солдатского полка составлял примерно 2 тысячи человек, стрелецкого – тысячу в среднем. Есть данные, что в 1682 году в 19 московских полках служили лишь 14 тысяч стрельцов, по другим сведениям, количество полков достигало 24, по 600–800 человек в полку. Это вовсе не означает, что качественно стрелецкое войско уступало солдатским частям. Неслучайно именно стрельцы выполняли при случае функции внутренних войск. В стрелецких слободах рождались меж собой, отчего в десятках служили порой только родственники. А кровная спайка придавала стрелецким полкам еще больше стойкости в бою.

Но так уж случилось, что в распоряжении воеводы Ромодановского в Курске, где он ждал приказа, находились по большей части солдатские и рейтарские полки «иноземного строя». Все-го же под его началом перед первым походом к Чигирину было более 32 тысяч русских воинов при 126 пушках, а также до 20 тысяч казаков.

Первый поход к Чигирину завершился малой кровью. Высланных авангардов казацкой конницы оказалось достаточно, чтобы сторонники гетмана Дорошенко разбежались, а сам он сдался и передал Ромодановскому знаки гетманского достоинства. Чигирин пал.

Ближе к зиме Ромодановский увел армию за Днепр, в гетманской столице остался гарнизон в 3 тысячи человек. Но все понимали, что это пока цветочки.

В апреле 1677 года пришла новость с Дуная – турецкая армия начала переправу. В рядах турецких пашей замечен бывший гетман Юрий Хмельницкий с сотней-другой казаков. Впрочем, его миссия была скорее политической, чем военной. По мере продвижения турок к Днепру Хмельницкий уговаривал жителей признать подданство султана в обмен на сохранение жизни.

В июне турки форсировали Днестр. В Чигирин спешно отправили подкрепления. Ко времени подхода турецкой армии гарнизон усилили до 20 тысяч.

Еще один исторический штамп – «немцев» в русскую армию завез Петр I. Обратим внимание на то, что командовали подготовкой Чигирина к турецкому штурму присланные из Москвы генерал-майор Афанасий Трауернихт и инженер-полковник Фан-Фростен. Год спустя гарнизоном Чигирина руководил небезызвестный петровский генерал Патрик Гордон.

БИТВЫ НА ДНЕПРЕ

Турецкий военачальник Ибрагим-паша по прозвищу Шайтан всего этого не знал. Он подошел к Чигирину 4 августа в полной уверенности в малочисленности гарнизона, а стало быть, в легкой победе. Ведь под его началом – до 100 тысяч воинов: турецкой пехоты и кавалерии, крымско-татарской дикой

конницы, вспомогательных отрядов из молдаван и валахов. Пушек, правда, было немного – около 30.

Турки не спешили. Поставили артиллерийские заслоны на берегу у Бужинской переправы, окопались на острове, что находился на Днепре на траверзе Чигирина. Пока обозы армии Ромодановского медленно двигались им навстречу, в город вошел его авангард: тысяча русских драгун и полк казацкой пехоты. Даже это не обеспокоило Шайтана. Что в итоге и сказалось, когда к Бужинской переправе вышли основные силы князя Григория.

Сначала турок артиллерийским огнем, в организации которого Ромодановский был мастером, выбили с острова. Потом переправились на правый берег, отбили несколько атак янычар, расстреляли из мушкетов татарскую лаву. Ибрагим-паша двинул вперед все силы, но и русские успели форсировать Днепр в полном составе. Весь следующий день, 28 августа, турки пытались взять реванш. Не вышло. Армия Шайтана потеряла до четверти состава и откатилась от Чигирина. Потери Ромодановского составили 2,5 тысячи убитыми и 5 тысяч ранеными.

В этом сражении князь Григорий выступил не только грамотным военачальником, но и новатором в вопросах тактики. Например, он использовал артиллерию ночью по заранее пристрелянным целям, что в середине XVII века – явная новинка.

А Чигирин... Чигирин превратился для турецкого султана Магомета IV в идею фикс. Конечно, сама по себе крепость занимала выгодное стратегическое положение на Днепре. Но ведь были и другие маршруты, выше по течению лежал Киев!

Весной 1678 года в Москву долетели слухи, что Порты вновь собирает армию воевать Чигирин. Ромодановский получил приказ выдвигаться и уже в марте покинул Курск. Царь Федор понимал, что война предстоит знатная. Турок на принцип пошел. И к Днепру поспешили воеводы Москвы, Белгорода, Изюма. Под команду Ромодановского шла

ли мирный договор, по которому на Правобережье за Россией закреплялся не только Киев, но и еще несколько городов. Киев вновь стал русским городом!

Различные цифры турецких потерь фигурируют в источниках, описывающих результаты третьего чигиринского похода. От 30 до 60 тысяч турецких воинов не вернулись домой. Потери русской армии известны до человека. 3574 – потеряно безвозвратно, 6447 – ранено.

Чем не суворовский результат! Тем более что вслед за блистательной победой последовала добровольная отставка...

почти вся регулярная кавалерия – более 26 тысяч драгун и рейтар, до половины стрелецкой и солдатской пехоты. Турки привели к Чигирину не менее 100 тысяч своих войск и до 50 тысяч татарской конницы.

Труднее всего пришлось гарнизону Чигирина. Из дневников генерала Гордона известно, что состояние оборонительных укреплений оставляло желать лучшего, строительные и ремонтные работы завершить не успели. Гарнизон Чигирина – от силы 12,5 тысячи человек, пушек было менее 100, да и не все исправны. Обнаружилась нехватка артиллерийских боеприпасов и хлеба.

Армия Ромодановского переправлялась через Днепр на Бужинской пристани шесть суток. В это время турки бомбардировали город из всех стволов.

Появление русской армии недалеко от Чигирина визиря Мустафу-пашу не обрадовало. Пятая часть турецкой армии отправилась сражаться с Ромодановским. Но бой на Бужинских полях завершился в пользу русских. Казалось, что мешает идти на помощь осажденному гарнизону? Но князь имел четкий приказ из Москвы: активных действий не предпринимать, пока не подойдет подкрепление Михаила Черкасского. Тот прибыл лишь две недели спустя.

В самом Чигирине уже начали терять надежду. Не могли в толк взять, почему вся армия так долго стоит на Днепре. Но когда узнали, что полки тронулись, воспрянули духом. И не зря! Ромодановский приблизился к Чигирину и дал туркам бой у Стрельниковой горы. И вновь турки бежали, оставив только на мостах через реку Тясмин 8 тысяч трупов янычар. Но дальше продвинуться князю Григорию не удалось. Турки сожгли мосты и навели на переправы тяжелые осадные орудия. В то же время воевода получил из Москвы депешу, в которой разрешения на генеральное сражение не оказалось. Оставалось одно: помогать осажденным чигиринцам на расстоянии. В город подбросили резервов, но турки прорыли подкопы и взорвали минные заклады. 11 августа город загорелся. Бои на улицах продолжались еще сутки. А потом, после месяца осадных боев, комендант Патрик Гордон отдал приказ уходить.

Едва осажденные добрались до русского лагеря, как Ромодановский снялся и пошел назад к Днепру – закрыть от турок левый берег. Те на самом деле сунулись, однако после очередного поражения в бою 19 августа ушли в сожженный Чигирин. Но долго там не задержались: уже в октябре визирь Мустафа-паша покинул украинские земли и ушел за Буг.

На следующий год турок готовилась встретить 150-тысячная русская армия. Но те не пришли. А в январе 1681-го подписа-

ЗНАМЕНИЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

В день Стрелецкого бунта вместе с Григорием Ромодановским был в Кремле и его младший сын, Андрей. По каким-то причинам бунтари пощадили едва вернувшегося из 13-летнего плена молодого князя. Он умер спустя три года и был отпет патриархом в Преображенском храме на Тверской. Старший сын, Михаил Григорьевич, с 25 лет носил боярский чин, служил воеводою в Пскове, Владимире, Киеве, сражался с литовцами и шведами, возглавлял Провиантский приказ. В 1713-м, в год своей кончины, стал первым губернатором Москвы.

Братья, вероятно, бывали в селе Захарыине, принадлежавшем их отцу, а после его гибели – вдове Анастасии Ивановне. В 1714 году село перешло к вдове Андрея Ромодановского – Анастасии Борисовне, от нее – к их единственной дочери и, соответственно, внучке Григория Григорьевича – Екатерине Андреевне. Она ушла из жизни в 1730 году, бездетной. И род угас.

Захарыино – это совсем недалеко от Москвы, около Щербинки, что на юг километрах в десяти от МКАД. Колокольню храма Новгородской иконы Знамения Божьей Матери видно с верхних этажей жилых кварталов столичного района Южное Бутово. И звон десяти колоколов слышно.

В 1672 году князь Григорий Ромодановский обратился с просьбой разрешить построить церковь в принадлежавшем ему селе Захарыине. И вскорости получил от митрополита Сарского и Подонского Павла храмостроительную грамоту. И родился в селе каменный храм.

Конечно, за 340 лет он перестраивался не раз. Но в основе своей – тот еще, ромодановский. Как и 300-верстный шлях, что вел из Путивля в Чигирин. Его так и звали в народе – Ромодан. 🏰

НА СОПКАХ ЯПОНИИ

МИХАИЛ БЫКОВ

Для дипломатов и политиков война заканчивается только после того, как под мирным договором ставятся подписи высоких сторон. К солдатам и офицерам мир приходит в тот момент, когда больше не надо стрелять и хоронить. Портсмутский договор, прекративший Русско-японскую войну, был подписан 5 сентября 1905 года. Стрелять на Сыпингайских позициях, где замерли после Мукденского сражения русские и японские передовые части, перестали в июле.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

И так, есть весомые основания утверждать, что фактически Русско-японская война закончилась в июле 1905-го. То есть ровно 105 лет назад. Японцы и к этой дате, и к памятной дню 105-летия начала единственной для них успешной войны против европейцев – 6 февраля 1904-го – отнеслись чрезвычайно ответственно. Что, впрочем, японцам свойственно всегда.

Еще в 2008 году государственная японская телекомпания NHK приступила к съемкам многосерийного телефильма «Облако над холмом». Следуя традиционной для японцев скрупулезности, в консультанты по части русской армии и флота пригласили русских специалистов: начальника отдела «Главный штаб» Государственного музея «Эрмитаж» Александра Николаевича Дыдыкина и директора Российского государственного архива Военно-морского флота Сергея Владимировича Чернявского. Монтаж последних серий продолжается до сих пор, а первые уже показаны по японскому телевидению, аккуратно к 105-летию. По ходу консультаций выяснилось много прелюбопытных деталей, связанных с оценками той неуспешной для России войны. Выясняли вместе – японский режиссер Микио Сато и наш Александр Дыдыкин.

Но прежде, чем погрузиться в боевые реалии Русско-японской войны, несколько слов об «Облаке над холмом». Откуда оно появилось?

Александр ДЫДЫКИН: Довольно давно классик японской литературы Ретаро Сибя написал роман под названием «Тучи над холмом». Не роман – эпопея. Эдакий японский вариант «Войны и мира». Есть в романе мир, а именно годы, предшествовавшие Русско-японской войне, когда и завязались отношения главных героев: японского морского офицера Такэо Хиросэ и петербургской аристократки с типично русским именем Ариадна. Любопытно, что сам классик экранизировать роман запретил категорически. Но едва он покинул этот мир, его молодая вдова разрешение на экранизацию продала немедленно. Еще одна странная для нас особенность – в романе напрочь отсутствуют диалоги. Поэтому при подготовке сценария их писали фактически «с нуля». Не мне судить, насколько разговоры персонажей японского происхождения соответствуют нормам японской речи, но диалоги русских генералов и офицеров первоначально читались, мягко говоря, с улыбкой понимания и даже сочувствия. Не знаю уж, насколько этот момент связан с печальным фактом, завершившим работу над сценарием, тем не менее, поставив точку на последней странице, сценарист поставил точку в собственной жизни. Сделал сэппуку.

Русско-японская война вообще переполнена всяческими символами. Как, наверное, и любая война. В самый первый день войны, когда Российская империя о ее начале еще и не ведала, японская эскадра адмирала Того двинулась в сторону Желтого моря, и в ее лапы попал русский гражданский пароход «Россия»...

Но это было в первый день войны. А писатель Сиба не случайно начал роман с событий, этой войне предшествовавших.

В 1895 году закончилась японо-китайская война. Большой, но очень слабый в тот период Китай войну проиграл: потерял контроль над Кореей и остался должен. Пока японцы торжествовали, европейские монстры решили воспользоваться ситуацией. Россия в следующем году подписала с Китаем договор, направленный против Японии. Для его реализации предусматривалось многое. В частности, строительство железных дорог на территории Северного Китая, ввод русских войск для обеспечения охраны и прочее.

Не сидели сложа руки и немцы, обойденные во время великого передела британцами и французами. Слабый Китай только молча смотрел, как подданные кайзера захватили стратегически важный порт Циндао (Цзяочжоу). Дабы захват легализовать, немцы предложили России, в свою очередь, прибрать к рукам Порт-Артур. Что мы и сделали с большим удовольствием. Сначала ввели в бухту боевые корабли Тихоокеанской эскадры, а потом, в 1898 году, заключили договор аренды всего Ляодунского полуострова, на котором располагались Порт-Артур и Дальний.

Японцы искали возможности для адекватного ответа и нашли их в... Англии.

Лояльный России премьер-министр Ито ушел в отставку и почти тут же отправился с особой миссией в Санкт-Петербург. Расчет был прост: Николай II и его министры уверены в добрых намерениях Ито и будут разговаривать с ним серьезно и предметно. А тем временем Япония, уже настроенная на войну за Корею, форсирует переговоры с Великобританией. Цель – получить поддержку сильнейшей на тот момент державы мира, что развяжет руки японской армии и флоту.

Всем было ясно, что союзнический договор с британцами – это гарантия от невмешательства в спор Японии и России. И японцы эту гарантию получили в 1902 году. Милитаризация Японии продолжилась с новой силой.

Надо признать, что за довольно короткий срок японцам удалось создать современную боеспособную армию и флот. Имея довольно ограниченный материальный ресурс, они нашли для этого эффективные способы и наложили их на древние традиции духовного воспитания воина.

Александр ДЫДЫКИН: Это один из типичных штампов, которые прилипли к Русско-японской войне в советское время. Мол, Россия не просто проиграла войну, она проиграла войну смешной японской армии и чуть менее смешному японскому флоту. На самом деле японская армия выглядела достойно.

Консультантом фильма по японской армии был довольно пожилой человек, фамилию которого выговорить не берусь. После определенного возраста внешность многих людей на Востоке перестает меняться. Определить, сколько лет моему коллеге, также не берусь. Возможно, и все 85. У меня, по крайней мере, сложилась уверенность, что он не просто кадровый офицер. Я строевика всегда узнаю, будучи сам кадровым офицером. Есть основание думать, что мой коллега – кадровый офицер, воевавший в Квантунской армии против нас в 1945 году. Уж больно трепетно брал он в руки старое оружие, которым японцы сражались не только в Русско-японскую, но и во Вторую мировую. Надо было видеть, как он принял в ладони старую винтовку «Арисака», а после – драгунскую саблю. Возможно, он не держал их в руках с момента окончания Второй мировой войны. Дело в том, что в Японии с тех пор и по нынешний день крайне жестоки законы, связанные с оружием. Получить право на хранение оружия может только узкий круг лиц. Остальным, в случае нарушения закона, грозит очень серьезный тюремный срок. Без всяких скидок. Так вот, смотришь на этого коллегу и понимаешь, что в Японии офицеры – настоящие. И есть, и были.

Другое дело, что в начале XX века Япония не могла выставить более 400 тысяч обученных солдат плюс, в случае острой необходимости, еще до 700 тысяч «сырых» резервистов. Флот был хорош, чем Страна восходящего солнца обязана США и Великобритании. Например, шесть современных однотипных броненосцев с 305-миллиметровым главным калибром. Но после уничтожения двух таких кораблей на наших минах в 1904 году броненосцев осталось четыре. И увеличить их количество не представлялось возможным.

Налицо такой парадокс. Армия и флот у японцев были подготовленные. Но быстрорастворимые. То есть годились на случай короткой войны и быстрого успеха. В «долгую» японцы были обречены. При одном, разумеется, условии: Россия противопоставляет регулярную армию соответствующей численности. Тут-то у нас и случилась закавыка. Когда начались боевые действия, русский контингент на Дальнем Востоке насчитывал чуть менее 100 тысяч солдат, казаков и офицеров. Притом что вся регулярная армия состояла из 1 миллиона 80 тысяч человек.

Казалось бы, что мешало резко увеличить численность войск в Маньчжурии и на Ляодуне при таких запасах? Мешала пропускная способность единственной железнодорожной одноколейки, ведущей из европейской части на Дальний Восток. Прибавьте к этому 160-километровый участок в районе Байкала, где железной дороги вообще не было, а была паромная переправа.

Конечно, можно рассуждать о том, что и на этот раз Россия оказалась к войне не готова. Тут можно возразить: страна к этой войне не стремилась, и инициатива была на стороне врага. Но можно и согласиться: да, не готова, в том смысле, что политические стремления и экономические чаяния группы влиятельных лиц, вошедших в историю под названием «клика Безобразова», сильно опережали реальные силовые возможности страны на Дальнем Востоке.

У испанца Кортеса в Южной Америке первоначально никаких масштабных политических амбиций не было. У его солдат имелось огнестрельное оружие против индейских луков и копий...

ХРОНОЛОГИЯ

1895 – японо-китайская война за контроль над Кореей.

1896, май – договор, разрешающий России и Японии держать войска в Корее.

1896, июнь – русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии.

1897, декабрь – русская эскадра занимает Порт-Артур.

1898, март – русско-китайский договор об аренде у Китая Ляодунского полуострова.

1899–1900 – крестьянское («боксерское») восстание в Китае, подавленное европейскими державами, в том числе Россией.

1902, январь – заключение англо-японского союза.

1902, апрель – русско-китайское соглашение о выводе русских войск из Маньчжурии в течение 18 месяцев.

1903 – русско-английские переговоры по азиатским вопросам (Иран, Афганистан, Индия, Китай, Корея, Япония).

Японские «луки» несколько уступали русским магазинным винтовкам по дальности стрельбы и убойной силе. Зато у них имелась чудесная вещь – шимоза, которая оказалась куда опаснее отечественных орудийных пироксилиновых снарядов. Японская кавалерия не слишком-то умело вела бой в конном строю, поэтому при сближении с противником спешила в сражалась как пехота. Впрочем, в условиях сопки Маньчжурии встречный конный бой практиковать было бы затруднительно.

«Варяг», Цусима, Порт-Артур – три главные позиции, рефлексивно транслируемые почти каждым современником, едва разговор заходит о событиях Русско-японской войны. И все три связаны с морем. Конечно, можно было написать трактат, анализирующий те или иные преимущества японских боевых кораблей над русскими, и наоборот, что, в свою очередь, потребует многих страниц на тему военно-морской тактики и подготовки флота к боевым действиям, но!.. Даже в такой войне, как Русско-японская, где действия флотов оказывали существенное влияние на ход боевых действий, общий успех определяли все-таки сухопутные силы. «Корабли штурмуют бастионы» – сказано, конечно, красиво. Но и в случае взятия крепости Корфу на штурм шли пехотинцы и матросы с кораблей эскадры Ушакова в пешем строю.

Поэтому констатируем, что гибель 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе 27–28 мая 1905 года сыграла заметную негативную роль прежде всего в психологическом настрое русской армии, но в прикладном смысле общую картину не изменила. Контроль над морскими коммуникациями, окончательно захваченный японцами после Цусимы, с каждой неделей войны летом 1905 года становился все бессмысленнее.

Александр ДЫДЫКИН: *В один прекрасный день нам на съемочную площадку в Латвии доставили очередные контейнеры с пошитой для массовки формой. Шили почему-то в Польше. О том, как шили, отдельный разговор. А пока – о проигранной японцами морской части той войны. Да, да, проигранной. Когда я сообщил об этом режиссеру, он тоже удивился. Ибо с детских лет уяснил, что русские потеряли весь свой флот в нескольких морских битвах с японцами и большую часть – в Цусимском проливе. Тогда я достал из мешка русскую бескозырку, ленточка которой недвусмысленно сообщала о том, что ее обладатель служит на эскадренном броненосце «Ослябя». Режиссер заметил, что ничего предосудительного не видит в том, что в сценах обороны Порт-Артура будет сниматься массовка в форме русских военных моряков. Так-то оно так, десантные роты с наших броненосцев и крейсеров, застряв-*

ВОЙНА

1904 год

6 февраля – объединенная японская эскадра вице-адмирала Того вышла из порта Сасебо и вошла в территориальные воды Кореи. Пленен русский гражданский пароход «Россия».

8 февраля – нападение японской эскадры на русский Тихоокеанский флот в Порт-Артуре.

9 февраля – бой японской эскадры контр-адмирала Уриу и русских кораблей «Варяг» и «Кореец» вблизи порта Чемульпо (Корея).

13–14 февраля – вторая морская атака на Порт-Артур.

6 марта – бомбардировка японскими крейсерами Владивостока.

27 апреля – 7 мая – сражение на реке Ялу у города Тюрэнчэн (граница Кореи и Китая).

5–19 мая – высадка японских сухопутных сил на полуостров Ляодун.

26 мая – сражение у Цзиньчжоу.

4–15 июня – сражение у Вафангоу.

7–8 августа – первый штурм укрепрайона Порт-Артура.

10 августа – морское сражение в Желтом море порт-артуровской эскадры адмирала Витгефта и японской эскадры адмирала Того.

14 августа – морское сражение Владивостокского отряда крейсеров с эскадрой адмирала Камимур.

19–24 августа – второй штурм Порт-Артура.

25 августа – 3 сентября – сражение у Лаояна.

5–30 сентября – третий штурм Порт-Артура.

5–17 октября – сражение на реке Шахэ.

30 октября – 1 ноября – четвертый штурм Порт-Артура.

26 ноября – 5 декабря – пятый штурм Порт-Артура.

1905 год

2 января – сдача Порт-Артура.

26–27 января – сражение у Сандепу.

21 февраля – 10 марта – сражение у Мукдена.

27–28 мая – морское сражение в Цусимском проливе.

8 июля – захват японским десантом острова Сахалин.

27 июля – начало мирных переговоров.

5 сентября – подписание мирного договора в Портсмуте, штат Нью-Хэмпшир, США.

ших в Артуровской гавани, на самом деле сражались в пешем строю на фортах и батареях крепости. Но только не с «Осляби». Этот броненосец входил в эскадру адмирала Рождественского и погиб в Цусимском сражении первым, вместе со всей командой. А значит, до Порт-Артура не дошел. Это все, конечно, горькая шутка. И ляпы в кино – дело обычное. Но повод к серьезному разговору они дают. В другой раз режиссер советует: можно ли нашить желтые лампасы Забайкальского казачьего войска только десятку каскадеров на синие штаны, а остальных пустить в кадр без лампасов? А то лишние расходы. Можно, отвечаю. Вот только в этом случае получится режиссер. А то, отвечаю, что если б против вас воевала регулярная русская кавалерия, сильно сомневаюсь, что война кончилась бы так, как она кончилась. И съемочная группа погрузилась в глубокие размышления: а что же это такое – русская регулярная кавалерия? Размышления были окончательно уничтожены кавалерийским взводом каскадеров. Он пришел на съемки походным порядком из Литвы. Так вот, когда тебя в лоб атакует шеренга из пятидесяти строевых лошадей, многое становится понятнее.

Тут есть о чем поразмышлять. Одна из ключевых причин наших неудач на сухопутном театре Русско-японской войны – качество дальневосточных войск. Сразу оговорюсь, речь не идет о морально-волевом состоянии солдат и офицеров. Героев среди участников обороны Порт-Артура, сражений у Вафангоу, Сандепу, Лаояна, Мукдена множество. Речь – о выучке, тактической грамотности тех частей, что входили в состав русской группировки.

В подавляющем большинстве это были солдаты, призванные из поселений Восточной Сибири и Дальнего Востока. Офицерский кадр, за исключением добровольцев из

элитных полков империи, также представлял собой что попросе. При слове «казаки» мы воображаем себе буйных и умелых в военном отношении сынов Дона, Кубани и Терека, но в нашем случае воевали спокойные бородатые казаки из Читы, Верхнеудинска и Благовещенска.

Боевой опыт, полученный в ходе подавления восстания «боксеров» в Китае в 1900 году, имелся у единиц.

Александр ДЫДЫКИН: Когда война закончилась и главнокомандующий Куропаткин прибыл в Петербург, многие современники отмечали его постоянные сетования в разных гостиницах и кабинетах на то, что у него украли победу. Как же так, возмущался генерал-адъютант, в тот самый момент, когда я сконцентрировал силы для ответного удара и готов был гнать японцев в Японское море, мне приказали встать на

месте и стоять. Причины столь энергичного поведения Куропаткина в Петербурге я и пытался донести до режиссера Сато. А причины заключались в следующем. Советская военная история толковала ход и итоги Русско-японской войны сугубо с политической позиции. Загнивший царизм был неспособен справиться даже с забытой Господом на Востоке Японией. Народ не понимал целей империалистической, захватнической войны. Все генералы – дураки. И так далее. Но что давало Куропаткину право говорить об отнятой победе? Может быть, таким прямолинейным образом генерал хотел смыть с себя ответственность за поражение? Ведь генералы – дураки!

Сдается, Куропаткин не кривил душой. И в дешевый популизм не играл. Не по чину, как говорится. Вот цифры, которые говорят сами за себя. Летом 1905 года от японской регулярной армии осталось чуть более 200 тысяч солдат и офицеров. Измученных, усталых, частично вернувшихся в строй после ранений. Они выполнили ряд поставленных задач, но способны ли они были выполнять их дальше? Общие потери превышали 700 тысяч человек. (У русских – примерно 400 тысяч.) С островов везли возрастных офицеров глубокого запаса. Перед ними стояла армия в 500 тысяч штыков и сабель. Уже прибыли первые казацкие сотни с Дона и Кубани, разворачивались кадровые части из европейской России, в разы возросло количество железнодорожных составов, пересекающих просторы Сибири.

Предложение американского президента начать мирные переговоры больше устраивало японскую сторону. Весь японский план войны стоял на двух ногах. Одна – неготовность России к серьезной военной работе на Дальнем Востоке. Тут и уже упоминавшееся скромное количество и качество войск, и весьма прохладное отношение императора к региону и тамошним нашим интересам. То есть интересы вроде

Особый разговор – о начальниках. Лев Николаевич Толстой, убежденный в том, что роль личности в истории ничтожна, а в войне – тем более, все-таки ошибался. Едва в Порт-Артур прибыл вице-адмирал Макаров, авторитетный во всем русском флоте, как эскадра преобразилась. Удачная минная постановка спасла японцев от крупных неприятностей на морском театре. Флагман эскадры броненосец «Петропавловск» подорвался и затонул за считанные минуты. Из 750 человек экипажа уцелело несколько десятков. Погиб и командующий – адмирал Степан Макаров.

Генерал Кондратенко блистательно организовал оборону Порт-Артура, несмотря на неготовность многих редутов и фортов, отсутствие квалифицированных военных строителей, откровенное, основанное на зависти вредительство некоторых начальствующих лиц. И пока он жил, решение о сдаче Артура вряд ли оказалось бы принято. Но Роман Кондратенко погиб на форте №2 от прямого попадания японского снаряда – и спустя считанные дни перетрусивший генерал Стессель сдал крепость. А вместе с ней – 20-тысячный гарнизон и запасы снарядов, патронов и продуктов питания, коих хватило бы на два-три месяца осады.

Командующий русскими войсками на Дальнем Востоке генерал-адъютант Куропаткин, на которого общественное мнение в итоге повесило «всех собак», был, между прочим, одним из любимейших офицеров великого Михаила Скобелева. Сомнительно, что после смерти «белого генерала» Куропаткин растерял все положительное, что вынес из многолетней службы под началом Михаила Дмитриевича.

Кстати, его военная программа войны с японцами выглядела весьма убедительно. Если коротко, вести аккуратные бои, медленно отходя на север, к Мукдену. Сковать у Порт-Артура значительные силы врага, благо возможности тамошнего укрепленного района и силы 30-тысячного гарнизона позволяли на это рассчитывать. Что в целом и случилось – Артур обороняли более 8 месяцев. И – ждать! Ждать, когда из Европы придут регулярные части, которые и наведут порядок не только на сопках Маньчжурии, но и на сопках Японии.

Но с подкреплениями не торопились. Наместник Дальнего Востока Алексеев, внебрачный сын императора Александра II, слал в Петербург дезинформирующие депешки. А в Петербурге были озабочены сначала разрешением от бремени императрицы Александры Федоровны и последующими праздниками, связанными с появлением на свет наследника-цесаревича. Потом – смертью московского губернатора великого князя Сергея Александровича от бомбы террориста Каляева. Потом – признаками некой революционной ситуации...

как есть, но как-то все время не до того. Тут и недострой на петербургских верфях: новые броненосцы к 1905 году только спу-скали на воду без внутренней многотонной начинки и без экипажей. Уже придумалось новое страшное оружие – пулеметы. Но в русской армии они только появились, и то – в незначительном количестве и для апробирования.

Вторая нога – стратегические расчеты военной кампании. Победить надо было не просто быстро, а очень быстро. Пока в России не разобрались с первой ногой.

За год Японии удалось победно завершить морскую войну. Но на суше все оказалось куда хуже. Армии уже не было, а русские, отойдя всего на 250 верст на север, представляли теперь собой грозную военную силу с уже налаженными коммуникациями и боевым опытом. До ближайшей русской границы было километров 600.

Можно ли в таком случае говорить о том, что плохой мир для России в той ситуации оказался хуже доброй войны? Вернее, ее продолжения.

Да, людские и экономические ресурсы Японии были истощены. Можно привести два подтверждения тому: военного и дипломатического свойства. Когда Мукденское сражение, собравшее до 600 тысяч человек на поле боя, уже близилось к концу, а весы победы еще не качнулись, слишком осторожный командующий Куропаткин подписал приказ об отступлении с позиций. Примечательно, что точно такой же приказ был подписан и в японской армии, только чуть позднее. Именно это обстоятельство и сослужило нашим войскам плохую службу. Отступи обессиленные японцы первыми, кто знает, как все повернулось бы.

Теперь о дипломатах. Переговоры длились долго, полтора месяца. Это вам не безоговорочная капитуляция в 1945-м. На каком-то этапе глава русской делегации граф Витте потерял терпение. Японцы настолько испугались, что бросились к генеральному посреднику в лице американцев: уговорите русских продолжать переговоры, а не войну. Снялся вопрос о контрибуции в пользу Японии. Уже практически закрылась тема передачи Сахалина... Но тут на рауте в Петербурге кто-то возьми да и спроси Николая II о его взгляде на территориальные притязания Японии по итогам войны. Русский император обронил: «Передайте Витте, что можно отдать половину Сахалина». Тут же донесли импера-

тору японскому, японские дипломаты вернули претензию, ее удовлетворили, и вскорости граф Витте получил в России прозвище – «Полу-Сахалинский».

Если б война продолжилась, сухопутная победа России сомнению не подлежит. Другое дело, что узкий полуостров Ляодун и Порт-Артур на его южной оконечности простреливались корабельной артиллерией. А флот японцы все-таки на две трети сохранили. Хватило бы измученной экономике островов средств на заполнение бездонных угольных ям прожорливых броненосцев и крейсеров – другой вопрос. Однако ясно, что военный максимум для лишенной флота России – это сохранение довоенного статус-кво.

Так что говорить о русском военном поражении в Русско-японской войне довольно затруднительно. А вот политическое и дипломатическое поражение – налицо. В частности, мы отдали то, что у нас даже не просили. По большому же счету, Российская империя поставила под вопрос свое влияние в Восточной Азии, если не полностью его лишилась. Пришлось пересматривать отношения с ведущими европейскими державами, следствием чего явилось напряжение между российским и германским двором. А дальше – Антанта и обязательства, воплощенные в Первой мировой войне. Но куда более тяжелые последствия случились во внутренней жизни страны. 1905 год наглядно продемонстрировал, что Высшей власти в России можно угрожать. Сериал «Облако над холмом» японцы снимали в разных странах. «Мирные» серии – в России, в Петербурге. Полевую войну на сопках Маньчжурии – в прибалтийских дюнах. Оборону Порт-Артура – на французских фортах Первой мировой войны под Дижоном. В шведском Свеаборге нашли даже тяжелую корабельную пушку. Стрелять – не стреляет, но затворный механизм открывается.

Интересно бы посмотреть. Кто знает, может быть, у японских кинематографистов получилось правдивее, чем у советских историков?

Хотя...

Александр ДЫДЫКИН: *Один раз я даже заявил о своем уходе из съемочной группы. По сценарию должны были снимать бегущего русского генерала. То есть практически убегающего. Я возразил: русские генералы не бегали. Тем более такие, как командир 1-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Штакельберг, в свое время вышедший офицером из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Конный полк.*

Японцы подумали – и согласились: русские от них не бегали. ■

ДЕЛО МАРКСА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Годовая подшивка «Нивы» была до революции почти в каждом читающем доме. Серьезные литераторы и общественные деятели посмеивались над благонамеренностью журнала и ядовито вышучивали «картинки из «Нивы»», висевшие на стенах мещанских домов по всей России. И все-таки «Нива» так и осталась в культурной памяти страны одним из лучших ее журналов и одним из самых успешных издательских проектов. В чем секрет ее успеха?

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Адольф Федорович Маркс.
Портрет 1854 года

В 1859 году в Россию приехал молодой немец Адольф Маркс, сотрудник лучшего в Берлине, а может быть, и в Европе, книжного магазина. Книготорговец Битепаж пригласил перспективного юношу помочь с организацией дела в России. И Маркс, которому тогда был 21 год, отправился в чужую страну, не зная даже ее языка. Пять лет проработал у Битепажа, потом перешел к Маврикию Вольфу, успешному издателю, однако вскоре ушел и от него. В 1869 году Маркс взялся за самостоятельное издание книг, а через год основал журнал «Нива». Тонкий еженедельник был иллюстрирован гравюрами (к каждой из которых давалось основательное пояснение) и рассказывал читателю о новостях науки, о международной жизни, о медицине. В нем печатались рассказы и стихи русских и зарубежных литераторов, часто — повести и романы с продолжением. Уже в первый год существования журнала с ним стали сотрудничать поэт Аполлон Майков, писатель Всеволод Крестовский, художник Константин Маковский. Постепенно

но вокруг издания сложился круг авторов, которые отличались известным консерватизмом. Общественную позицию журнала проще всего было бы определить словами «за веру, царя и отечество»; российская жизнь в нем представляла очень спокойной, основанной на незыблемых устоях, картина мира была ясной и простой. Самые громкие имена среди авторов ранней «Нивы» — Фет, Полонский и Лесков.

Возьмем подшивку за первый год издания журнала — 1870-й. В ней мы найдем историческую повесть, отчет о Всероссийской мануфактурной выставке с гравюрами (вот главный сад и вход в аквариум, вот пушка-великан Обуховского сталелитейного завода, вот панцирная броня в разрезе). Читателю рассказывают об уходе за больным, о потогонных средствах, обсуждают

женский вопрос, повествуют о диком итальянском обычае «чиччата» (это нечто вроде дуэли на ножах до смертельного исхода). Есть военные мемуары, охотничьи рассказы, очерки Кавказа, история жизни Наполеона III с картинками. Политическое обозрение. Воззвание Гюго. Письмо Карлайля. Статья о водороде в природе и хозяйстве, статья об озоне. Иллю-

стрированный очерк «Помещение для скоропостижно умерших в Нью-Йорке»: «Моргой в Нью-Йорке называется здание, в которое сносятся все умершие на улице, раздавленные, утопленники...» Автор подробно описывал, как все организовано у американцев («с потолка идет над каждым из столов трубка, из которой безостановочно струится критановая жидкость и поливает охладелые трупы»), и резюмировал: «К несчастью, у нас в Петербурге до сих пор еще нет ничего подобного, а между тем, в виду часто-повторяющихся несчастных случаев, не мешало бы подумать об этом».

БОЛЬШАЯ ПУБЛИКА МАЛЕНЬКИХ КОШЕЛЬКОВ

Журнал был относительно недорог – годовая подписка стоила от 4 до 5 рублей, в зависимости от места проживания читателя и необходимости доставки и пересылки журнала. Уже в первый год выпуска подписаться на «Ниву» можно было не только в Москве, но и в Берлине; в 1870 году подписчиков было 9 тысяч – гораздо больше, чем у любого другого русского журнала.

Издатель постоянно придумывал способы увеличить подписку. Сначала они были довольно стандартными. В 1871 году подписчики журнала стали получать бесплатное приложение «Парижские моды» – с обзором тенденций, изящными картинками, узорами для рукоделия и практичными выкройками. В 1879 году Министерство внутренних дел позволило Марксу посылать подписчикам «бесплатные премии, заключающиеся в книгах, картинах, фотографиях, портретах, географических и прочих картах, планах, общественных играх, календарях и т.п. изданиях». До тех пор рассылка приложений была не особенно популярна; Маркс положил начало целой отрасли издательского дела, существующей и по сей день.

Адольф Федорович внимательно следил за новинками в издательском деле, внедрял новые технологии и постоянно работал над тем, чтобы максимально удешевить свою продукцию, не теряя при этом в качестве. Недорогая продукция Маркса не была дешевой: он с уважением относился к небогатой публике и старался дать ей за ее небольшие деньги интересный журнал и по-настоящему хорошие книги.

К середине 1880-х тираж «Нивы» перешагнул 100-тысячный рубеж. Это означало, что в малограмотной прежде России появился большой читательский слой – «большая публика маленьких кошельков», по чьему-то удачному выражению.

Менялись читатели – менялось и изображение семьи подписчиков на первой странице журнала. В первые годы издания типичные читатели выглядели настоящими аристократами – гладко выбритый, хорошо одетый мужчина в сюртуке и дама в пышном платье с завитыми локонами. В последующие годы мужчина отрастил бороду (в 1900-е это уже стала типичная интеллигентская бородка клинышком), а дама стала одеваться и причесываться поскромнее. Третий член семьи, дитя, почти не видоизменился – да его толком и не видно, картинка маленькая.

ИСКУССТВО УДИВЛЯТЬ

Круг читающей публики вбирал в себя все новые и новые социальные слои, вплоть до грамотных рабочих и крестьян. За внимание и деньги нового, массового читателя стали бороться старые и новые издания. Конечно, полезный опыт «Нивы» многие тут же переняли и тоже стали рассылать подписчикам бесплатные приложения – моды или олеографии. Чтобы сохранить за собой преимущество, Марксу приходилось постоянно изобретать что-нибудь новое.

Поэтому в 1889 году к журналу стал прилагаться ежегодный литературный сборник. Со следующего года он стал ежемесячным, затем в год стало выходить 24 таких сборника. Впоследствии приложение к «Ниве» превратилось в самостоятельное периодическое издание.

Маркс резко повысил гонорары за публикации в «Ниве» и постарался привлечь на страницы журнала лучших отечественных писателей: Гончарова, Григоровича, Толстого, Тургенева; целые драмы можно писать об истории его переговоров с умирающим Тургеневым о его последнем произведении или с Толстым по поводу издания «Воскресения» в пользу канадских духовоборов. Впрочем, публикация «Воскресения» в 1899 году стала крупной удачей «Нивы».

Старый круг малоизвестных писателей постепенно уступил место созвездиям замечательных имен. «Нива» печатала стихи Алексея Толстого, Тютчева, Случевского, прозу Николая Успенского, Станюковича, Чехова, Мамина-Сибиряка, Григоровича... Фирма Маркса не ограничивалась изданием «Нивы», основной целью было книгоиздание. Маркс был уверен, что для русского читателя интересней всего русские авторы – и ставку сделал именно на русскую литературу, хотя издавал и иностранных авторов.

Сначала, пока финансовое положение фирмы было неустойчивым, Маркс выбирал авторов, которым не надо платить гонорар, – умерших более 50 лет назад; за полвека истекло авторское право. Так он издал Фонвизина, Кольцова, Екатерину

II. Когда его положение на рынке упрочилось, а «Нива» стала давать стабильный доход, он смог покупать права у наследников писателей, на чьи произведения авторское право еще не истекло. Затем смог заняться и неприбыльными издательскими проектами, к которым лежала его душа: к роскошному, на века, изданию хороших книг – таких, которые держат на полке десятилетиями и передают потомкам. Выбор книг для издания говорит сам за себя: «Потерянный рай» Мильтона с иллюстрациями Доре, «Фауст» Гёте. Позднее вышли в свет сказки братьев Гримм, «Рейнеке-лис» («Лис Патрикеевич») Гёте и «Мертвые души» Гоголя – издание, в которое Маркс вложил множество средств и душевных сил.

Еще в начале работы над «изящными» изданиями Маркс писал переводчице «Потерянного рая»: «Я больше двух лет употребил на составление и приготовление этого издания; хорошо было бы, если бы русская публика приняла эту книгу, хотя с малой долей той любви, которую я положил на нее. Предпринимая это издание, я не рассчитываю на то, что оно может скоро разойтись, и знаю, что мне в несколько лет не покрыть расходов на него, но это только доказывает, что есть идеалисты, которые хотят работать без надежды на скорую пользу».

Впрочем, с такой же любовью Маркс относился и к более скромным изданиям – полным собраниям сочинений и однотомникам русских классиков. Они не были вполне научными, как в других издательствах, с ними не проводилась такая дотошная текстологическая работа, однако они были иногда в десятки раз дешевле – при большом тираже и приемлемом качестве. Именно с Адольфа Федоровича Маркса началась традиция дешевого издания русской классики большими тиражами.

БИБЛИОТЕКА «НИВЫ»

Другие издания не отставали: рассылка литературных сборников подписчикам стала обычной практикой. Поэтому в 1894 году Маркс сделал следующий шаг. Теперь подписчики «Нивы» стали получать в качестве приложения к журналу бесплатные собрания сочинений русских и иностранных писателей. Так началась совершенно новая страница в истории журнала и его приложений.

Русскую классику Маркс выпускал обычно двумя изданиями: первое было коммерческое – большой тираж, невысокая цена. Второе издание – бесплатное приложение к «Ниве», тираж зависел от подписки. Постоянные подписчики «Нивы»

собирали целые библиотеки русской классики. В течение года они получали в качестве приложения одно-два собрания сочинений. Бесплатные собрания приводили в журнал массы подписчиков – в 1904 году у «Нивы» их было 275 тысяч – второй результат в Европе.

Коммерческий успех «Нивы» позволял финансировать издательские проекты. Сам Маркс определял свою задачу так: «Главная цель «Нивы» – служить в области печатного слова культурным задачам дорогого нашего отечества. В этом она полагает и все свое значение, и все свое честолюбие; этим определяется и содержание ее приложений. Сделать выдающихся наших писателей общедоступными – одно из верных средств достижения этой плодотворной цели».

Ломоносов, Жуковский, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, Фет – это далеко не полный список авторов, чьи произведения фирма Маркса издавала отдельно и в составе собраний сочинений, в том числе приложениями к «Ниве».

ОЛЕОГРАФИИ

Картинки в «Ниве» и приложения-репродукции к ней – совершенно особая история. «Нива» знакомила читателей с творчеством русских и иностранных художников: рассказывала о недавно состоявшихся художественных выставках, воспроизводила самые интересные из выставлявшихся картин. Картины известных художников сначала публиковались в виде гравюр. Позднее в журнале стали появляться фотографии. Иллюстраций из года в год становилось все больше.

В качестве приложений подписчикам бесплатно высылали олеографии и хромофотографии – цветные, многокрасочные репродукции, которые позволяли читателям – особенно провинциальным – получить личное представление о картине. Олеографии и хромофотографии были несовершенны и трудоемки, они неточно передавали и иногда даже искажали цвета. Их часто бранили за безвкусицу и аляповатость, которые в первую очередь объяснялись уровнем развития типографской техники. Во вторую очередь – дело в социальных слоях, которым пришлось по душе олеографии из журнала. Эти картины вытеснили из употребления совсем уже низовые культурные явления: лубок, народные картинки про битву русских с кабардинцами... Репродукциями из «Нивы» в глухой русской провинции стали украшать стены в избах и трактирах – это прибавило журналу дурной славы, но очень способствовало просвещению: Маковский, Шишкин, Верещагин стали известны даже в отдаленных уголках Российской империи. А позднее Маркс стал издавать и целые художественные альбомы – Айвазовского, Репина, других художников.

ПОСЛЕ МАРКСА

Маркс умер в 1904 году, однако «Нива» не погибла – напротив, обрела второе дыхание, в чем большая заслуга ее последнего редактора, Валериана Ивченко (Светлова). Его усилиями в журнале появилось новое поколение замечательных литераторов: Мирра Лохвицкая и ее сестра Тэффи, Блок, Есенин, Куприн, Мандельштам, Брюсов, Мережковский, Георгий Иванов, Чулков, Бальмонт, Кузмин, Сологуб, Грин, Ремизов... С «Нивой» сотрудничал (как журналист и публицист) Корней Чуковский, печатался адвокат Анатолий Кони, искусствовед и художник Игорь Грабарь, шахматный раздел вел Зноско-Боровский, известный не только как шахматист, но и как драматург и критик. Аудитория «Нивы» тоже подросла и изменилась: теперь это был журнал уже не для среднего мещанина, а, скорее, для среднего интеллигента.

Впрочем, ни своей консервативности, ни своей благонамеренности он не потерял.

«Ниву» периода ее расцвета выделяет обилие отличных иллюстраций (для журнала работали замечательные фотографы, в числе которых Булла) и колоссальное обилие рекламы – «угрина», «бородорастителя», шоколада и какао, «лучшей крыши Руберойд», слабительного Purgen («Вкусно. Нежно. Надежно»), коньяка Шустова, вин Хина-Ларош, которые рекламируют театральные артисты, в том числе Шаляпин.

Политаем подшивку за 1907 год. Выставка картин в Академии художеств. Фоторепортажи: «продовольственные работы для голодающих в городе Кинешме», «безработные ожидают очереди для получения провизии», «парад в Высочайшем присутствии», «наводнение в Кременчуге», «лаборатория бомб в Финляндии», «закладка памятника Гоголю». Серьезные статьи с серьезными названиями: «Из практики современного судостроения военных флотов». Подробный, с фотографиями и схемами, рассказ «спасение заживо погребенного» – о человеке, попавшем в завал; на фотографиях ему проигрывают через просунутую в землю трубу песни через фонограф и подают пищу; на схемах – как просунули эту трубу и какие копали траншеи и тоннели, чтобы его спасти. Искусствоведческая статья о Нестерове и множество его картин. Картины Семирадского. Очерки по истории конституции. Жизнеописание Гарибальди. Подарки Франции русской армии. Общий портрет царской семьи «по поводу счастливого избавления от готовившегося покушения на Особу Его Императорского Величества». Много групповых фотографий – скажем, «женщины-депутатки Финского сейма», «ходыки к крестьянским депутатам», «старобрядцы». Разное: винодельческая революция во Франции, слоны-дровосеки в Азии. В качестве приложения – заканчи-

вается собрание сочинений Станюковича, начинается десяти томный Алексей Толстой. Тексты большие, гораздо больше мелкого шрифта, чем в прежние годы: объем издания не увеличился, но он стал плотнее и насыщеннее.

Революция сильно изменила «Ниву»: из нее пропали фоторепортажи и проблемные статьи, исчезла политика. Однако «Нива» продолжала выходить. Реклама из нее тоже пропала:

все частные объявления стали монополией советской власти. Собрания сочинений, однако, продолжались и в 1918 году – последнем в жизни «Нивы». Подписчикам высылали Герцена, Горького, Короленко, Беранже и труды историка Кареева.

О чем теперь пишет «Нива»? «Картины русской жизни» с крестным ходом на Троицу и рассказом из жизни сельского батюшки, этнография и страноведение («улица в Эрзеруме», «калмыцкая легенда», виды Константинополя)... В журнале почти никак не отражается современная жизнь с ее трагедиями (разве что намеками: в серии крымских работ Маковского одна называется «Товарищ»: сидит полупьяный босая с двумя бутылками вина) – а поди-ка попробуй в 1918 году говорить прямым текстом. Зато очень подробно, из номера в номер, обсуждается Великая французская революция: очерки Кареева, статьи Власа Дорошевича, картины и гравюры – все о Марате, Дантоне, Робеспьере; это был единственный известный русскому интеллигенту опыт состоявшейся революции; в истории Французской революции люди пытались искать ответы на свои сегодняшние вопросы.

И еще вопросы: «сколько нужно земли, чтобы разбогатеть?» – пропагандируется опыт немца-садовода, разбившего фруктовый и розовый сад с пасекой на клочке 20 на 20 сажений. Инженер Рюмин очень научно обсуждает животрепещущий для замерзающих Москвы и Петрограда вопрос «топливо и тепло» – как правильно топить печь. Роли Шаляпина. История помпейских раскопок. Неизбежные для 1918 года Пьеро и Коломбины. «Галантный разговор» Сомова.

В сентябре 1918 года советская власть закрыла все буржуазные издания, в том числе «Ниву». Многолетняя блестящая история журнала закончилась.

Остался простой секрет успеха: любить то, что делаешь, уважать своего читателя, издавать хорошо, продавать недорого – и понимать, что есть ценности выше прибыли. Но почему-то так, как у Маркса, ни у кого не получается. ■

СКОЛЬКО ИСТИН В КУПРИНЕ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Рассказывают, что, когда в 1937 году Куприн вернулся в Россию, ему решили торжественно вернуть домик в Гатчине, где он квартировал с 1911 года. Это был зеленый домик №19 на улице Елизаветинской (ныне Достоевского). Дачка крошечная, деревянная, с нынешними подмосковными коттеджами несравнимая.

Прожил он там до самого бегства из России, до 1919 года. И вот, значит, решили ему этот сохранившийся домик вернуть. Митинг, оркестр, гости. Надо говорить речь. Хватились – нет Куприна! Куда сбежал? Оказывается, сбежал на станцию, где в местном буфете со сторожем, хорошо его помнившим по старым временам, пил запрещенный ему мерзавчик и обсуждал былое. А помнишь Заикина? А помнишь, как я на шаре поднимался? Теперь, конечно, не то... То, то, Александр Иванович! Еще слетаешь, еще напишешь! Там, в углу буфета, он и отметил возвращение, и никто не посмел извлечь его оттуда.

Апокриф верен лишь отчасти, ибо Куприн в Гатчину действительно вернулся и лето 1938-го провел по соседству с родным домом, на даче инженера Белогруда. Торжественного возвращения не было, митинга тоже. Гатчинцы отлично помнили Куприна: он считал приятным долгом писать в местную газету и вообще заботиться о развитии городка, и люди к нему приезжали интересные. Сторож, помнивший его, на станции был. Что Куприн с ним пил – сомнительно, он уже был болен. Но кухарка Катерина, которую Куприн едва узнал («поперек себя толще!») – радостно писала о ней Елизавета Морицовна дочке Кисе), бежала им навстречу с радостным криком: «Наши приехали!» Ни Куприн, ни жена его не нашли в себе сил зайти в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.Е. Щербов. А.И. Куприн
и художник Троянский в Гатчине.
Шарж, 1910-е годы

«зеленый домик», как называли они свою дачку, так и смотрели издали. Новые жильцы принесли им клубники «Виктория» – кусты сажал Куприн; садоводом он был капризным, выращивал только то, что любил, – клубнику и нарциссы, – прочим же не интересовался. Он этой клубники успел поесть. А через два месяца, 25 августа 1938 года, умер от рака пищевода.

предлагал вождю пролетариата издавать газету для деревни «Земля». — **Прим. ред.**). Врут, что Ленин на всех интеллигентов производил чарующее впечатление: Куприн в нем разглядел все — даже близорукость (о которой Ленин понятия не имел, она выявилась при медосмотре в 1921 году). «Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок — давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности». «В сущности, — подумал я, — этот человек, такой простой, вежливый и

здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного края и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая — уничтожаю».

Эдакое написать и вернуться — надо быть малым довольно храбрым; немудрено, что он в писательском доме в Голицыне осторожно вступал в разговоры и вздрагивал от стука в дверь. Потом приехали красноармейцы, им наготовили всякой всячины, ватрушек, ягод, вынесли кресло Куприну, чтоб он послушал их хоровое пение. Когда пели советское, он мрачно молчал. Когда подходили командиры и признавались, что любят его читать, — кивал и благодарил. Но когда запели «Вниз по Волге-реке», он вскочил, дрожа, рыдая: «Неужели Родина простит меня, великого грешника перед нею!» Кажется, только в этот миг поверил, что «ничего не будет». Наутро проснулся в нем прежний Куприн: потребовал, чтобы жена его везла в цирк. В цирк, и никаких разговоров! Тысячу лет не был в цирке! На другой день — в цыганский театр. Хочу видеть цыган! Господи, только бы сил, сколько еще надо написать! А потом в Гатчину. Ведь живы Щербовы, любимые соседи. «Нам надо

Разговоры о том, что он в России ничего не соображал, тоже апокрифичны и как-то особенно подлы, ибо в них отчетлива попытка принизить его последний выбор, превратить триумфальное возвращение в советскую пропаганду. Правда и то, что въехал он в Россию в отвратительное и страшное время, о котором ничего не знал, которого не понимал — как, впрочем, и добрая половина местного населения. Но сказать, что Куприна затащили в Россию обманом, исключительно ради пропаганды, — явная клевета; в эмиграции этот слух особенно распускали люди из круга Зинаиды Гиппиус, женщины умной, но непримиримой и притом безнадежно зашоренной. Куприн знал, куда едет, а растерянность и подавленность его в первые дни на Родине объяснялись просто: он много резкого понаписал о большевизме и в 1919-м, и в первые годы после эмиграции. Сейчас эти его статьи собраны, изданы в России — полней всего, кажется, в книжке 2001 года «Мы, русские беженцы в Финляндии». Статьи резкие, да, но нет в них холодной бунинской злобы, нет бесповоротности, а главное — нет ощущения отдельности. Он бежал из России в Гельсингфорс, но, Боже мой, это же еще недавно — Россия, и всегда можно вернуться, ничто не бесповоротно! Злится он как-то растерянно, не понимая: что случилось? Февраль же был сплошным счастьем, казалось, что теперь-то наконец...

Русская литература традиционно побаивалась народа, хоть и любила его несколько напоказ; но Куприн — иной случай, он себя от народа не отделял, литература не дала ему ни богатства, ни статуса, он и в 1914 году мечтал о возвращении в газету (и никогда не брезговал поденщиной — она помогала держаться в тонусе). И потому, когда Куприн боится — он бранится необидно, как свой, видно, что самому ему больно и стыдно. Он, однако, боялся, что эти статьи ему припомнят. Особенно злые выпады против Ленина, у которого он в 1918 году побывал с проектом газеты и очень его не полюбил (Куприн

с Павлом хорошенько выпить». Павел умер той зимой от воспаления легких, Куприна не дождался, но вступить в переписку они успели.

Врут также, что «Москва родная» – последний текст, подписанный его именем, – сочинен целиком за него сотрудником «Комсомольской правды»: написан он и впрямь не Куприным, но мысли его и самый тон тут узнаются. И его ощущение мира – «Даже цветы на Родине пахнут по-иному»: все через запах, через звериное его обоняние, не изменившее и теперь. Как бы ни

Александр Иванович КУПРИН

родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в селе Наровчат Пензенской губернии. Отец – мелкий чиновник, умер спустя год после рождения сына. Мать, овдовев, переехала в Москву. В шесть лет будущий писатель был отдан в сиротский Московский Разумовский пансион, в 1880 году поступил в Московскую военную гимназию, позже переформированную в Кадетский корпус. С 1888 по 1890 год учился в Александровском военном училище. Первым опубликованным рассказом стал «Последний дебют» (1889). Служил в звании подпоручика в пехотном полку. В 1894 году вышел в отставку, много странствовал по России. В 1901 году переехал в Петербург, работал в «Журнале для всех». Женат Куприн был дважды: сначала на М. Давыдовой, родившей ему дочь Лидию, затем на Е. Гейнрих, которая родила писателю двух дочерей – Ксению и Зиночку (ум. в 1912 году). Куприн не принял Октябрьскую революцию, в 1919 году эмигрировал из Гатчины за границу. Провел в Париже 17 лет. Весной 1937 года, уже тяжело больной, вернулся в Россию. Умер 25 августа 1938 года в Ленинграде.

хотелось эмигрантам всех видов, взглядов и поколений, Куприн вернулся сознательно и возвращению этому радовался, и перед смертью говорил жене: «Ум мой стал странным, не все понимаю. Что со мной случилось? Но хорошо, даже умирать хорошо, если кругом родная речь...» И склонность к едким шуткам оставалась у него до последнего: Юрий Дружников в крайне субъективном очерке о возвращении Куприна ссылается на свидетельство голицынской сестры-хозяйки. На веранде накрыт чай, кипит самовар, допущен корреспондент «Комсомолки».

– Александр Иванович! Как вам на родине?

– Вот, пышечки дают...

Очень я это хорошо представляю. И голос его – пусть старческий, но еще сильный, – и быстрый говорок, и такой же быстрый ядовитый взгляд.

И апокриф насчет выпивки в Гатчине – он, в общем, понятен. Истинному читателю не хочется видеть старого Куприна, больного, шатаемого ветром. Читатель хочет, чтобы Куприн пил. Чтобы он вспоминал Заикина, и шутил по-стариковски, и по-прежнему сбегал из-под всякой опеки, от любой попытки его присвоить. Мы хотим видеть нашего Куприна сильным. Пьяным? – да, и пьяным: ведь это нормальное его состояние.

О, это отдельная тема: «если истина в вине, сколько истин в Куприне?!» «Водочка откупорена, плещется в графине – не позвать ли Куприна по этой причине?» «А. Куприн, будь дружен с лирой и к тому – «не циркулируй». Это написал ему Скиталец (писатель С.Г. Петров. – **Прим. ред.**). Циркулированием называлось беспорядочное кружение Куприна по кабакам, которые успевал он за одну ночь обойти по нескольку раз: в Питере – главным образом вокруг «Вены» на Малой Морской. В Балаклаве была у него любимая кофейня Юры Капитанаки, откуда он не выходил, не нагрузившись. Но пусть все эти эскапады не заслоняют от нас главного: пил Куприн не для того, чтобы расслабиться, как любят говорить пьяницы, и не с горя, и не от счастья, а чтобы хоть как-то заглушить и притупить невыносимую остроту восприятия. У Куприна все пять чувств – и шестое, дар предвидения и угадывания, – в постоянном напряжении: ни секунды покоя. В этом смысле он единственный в русской литературе наследник Толстого: Бунин далеко уступает ему – ум мешает. Да, ум в таком деле совершенно излишен – Куп-

рин ведь и не умен в обычном смысле, не расчетлив, не умеет выстроить имиджа, сходится с самыми простыми людьми, но не потому, что позиционирует себя в качестве демократа, а потому, что терпеть не может хитрить и умеет вести себя лишь абсолютно естественно. Он и на воздушном шаре летал не для того, чтобы все ахали – ах, Куприн! ах, шар! – а просто из любопытства, острейшего, не писательского даже, а детского. Часто вслух жалел, что не сможет родить, не испытает ощущений роженицы. Иногда эта купринская жажда все почувствовать, пережить и высказать, это счастье точного описания и сильного чувства – едва ли не единственное счастье, доступное писателю, – вводят в заблуждение даже такого мастера, как Лев Толстой. Вот Толстой, который вообще-то Куприна любил совершенно отечески, выделял из всех, ставил по таланту выше Андреева и уж точно выше Горького, – брюзжит, читая «Яму»: гадость, гадость! И гаже всего, что вроде бы разоблачает проституцию и публичные дома, а сам, описывая, наслаждается, и от человека со вкусом этого скрыть нельзя. Ну да, наслаждается. Но не публичным же домом, не грязью? Куприн вообще изумительно целомудрен, у него нет ни одного натуралистического описания любовного акта. Наслаждается он тем, как остро и сильно чувствует и как густо, ярко передает все это на бумаге. У него вообще нет буниной тонкописи, «сухой кисти» – сплошь яркая олеографическая живопись: все цветет, пахнет, орет, хохочет. Слепительное солнце, резкие тени, бурные страсти, и даже едят у него всегда вкусно, и вкус у еды всегда резкий – даже обед дедушки Лодыжкина и Сергея в «Белом пуделе» состоит из острых и сладких помидоров, соленой брынзы! И нет у него горьковских сверхчеловеков, больше всего озабоченных тем, чтобы разговаривать вычурно и выглядеть монументально: все – люди, даже сволочи. Да, собственно, и отрицательных героев у Куприна – раз, и обчелся: навскидку не припомнишь никого, кроме богача Квашина из «Молоха» да поручика Николаева из «Поединка», и тот еще ничего себе (Шурочка больше виновата, но как можно ненавидеть Шурочку?). Даже брат Веры из «Гранатового браслета», циничный и жестокий Николай, как-то нам по-человечески понятен: он же не знал, что Желтков покончит с собой? Как защитить честь сестры, ежели к ней, замужней женщине, пристал какой-то ГСЖ? И брат Николай нам понятен, а Желтков

непонятен. Трудно, трудно вспомнить у Куприна законченную гадину: разве что Митька Гундосый из «Гамбринуса», – но это разве серьезно? Мир Куприна так жарко, ярко и щедро освещен, в нем ликует такая полнота и щедрость, что зло возможно лишь как ошибка и почти всегда поправимо.

Толстой у него сказывается именно в этом сознании изначальной справедливости, правильности мира. Никакого Достоевского излома: все рождены быть здоровыми и счастливыми. Это счастливое мироощущение сочетается у него с невероятной, пронзительной, совершенно детской сентиментальностью – вряд ли есть в русской литературе более надрывная повесть, нежели «Кадеты». Помните, как там герой плачет, когда у него в первый же день в корпусе отрывают от курточки пуговицу – а курточка сшита мамой, и пуговица заботливо пришита любимыми руками? К такой сентиментальности Куприна многое располагало – он вырос без отца, в нищете, мать любил больше всех на свете и страстно жалел, и детство его прошло вдобавок в доме престарелых, куда мать устроилась присматривать за старухами. Старухи его ласкали, жаловались ему на жизнь и рассказывали сказки. Самые тоскливые, слезные вещи Куприна – об этих домах престарелых, где обитают беспомощные старухи («Святая ложь») либо старые актеры («На покое»). Чеховской жестокости, трезвой правды нет у него в помине: он отбирает детали, которые разжалолят и каменного читателя, а все, что может его напугать или отвратить,

тщательно отфильтровывает. Страх перед богадельней сидел в нем всю жизнь. Есть у него рассказ, который из любого слезу вышибет, и тоже про дом престарелых, – «Королевский парк». Это счастливый новый мир, ни войн, ни монархий, сплошная демократия, и в этом мире выстроен дом для старых, глупых,

вечно ссорящихся королей, и при доме парк, где гуляют по воскресеньям дети. И одна девочка, увидев сидящего на лавочке старого короля, предлагает ему сахарное яичко, но съесть его он не может по причине отсутствия зубов. И тогда она упрашивает отца взять дедушку домой, и они его берут, и старик безумно счастлив (жестокий, страшный старик, тиран в прошлом), и, когда они ведут его к выходу, он вдруг дрожащим голосом произносит:

– Не думайте, что я совершенно бесполезен! Я умею... клеить прекрасные коробочки... из цветного картона!

Куприн, вероятно, имел в виду, что читатель тут расхохочется: король, владыка державы, на старости только вот на что сгодился! Но сам он, не сомневаюсь, рыдал, и правильный читатель тоже рыдает – от сострадания, но главное, от умиления. Все хорошо, все по-человечески.

Этой человечностью Куприн и выделяется столь резко из ряда русских литературных гигантов: он враг патологии, он поэт естественности – как и любимый его Толстой. Вероятно, самая выразительная его фотография – это сразу после погружения на черноморское дно: он недавно женился во второй раз, рядом с ним его Елизавета Морицовна, прекрасная венгерка, моложе его на десять лет. Куприн, толстый, еще и раздувшийся от костюма, с выражением полного довольства, – вот, еще и это попробовал, – глядит на нее, однако не без робости: сам понимаю, дорогая, что глупо выгляжу, но очень хотелось. И ведь благополучно же все, а? Она же смотрит в камеру с детской обидчивой решительностью: да, я знаю, что он у меня вот такой, но любому, кто про него скажет плохое слово, я вот этими руками оторву голову. «А когда мне будет нужно, я сама его побую».

По складу характера, по силе и яркости описаний, по прихотливости и поэтической алогичности воображения, по готовности к любой литературной работе, включая святочные рассказы и стихи на случай, – ближе всего он, конечно, к Грину. Не зря они друг друга обожали и не раз вместе надирались – одна такая пьянка описана у Леонида Борисова в «Волшебнике из Гельгю», но была она, конечно, не одна. И круг знакомств был у них примерно одинаковый: петербургские репортеры, циркачи, игроки, крымские рыбаки, иностранные моряки. И сюжеты

сходные; и даже жены похожи – в первых браках оба стонали под пятой женщин честолюбивых и волевых, а во вторых – нашли терпеливых и понимающих. Оба писали смешные, трогательные стихи, оба стыдились этого. Оба терпеть не могли людей самовлюбленных и претенциозных, не ладили с символистами и религиозными философами, профессиональных литераторов недолюбливали. Разумеется, Грин больше похож на По и Лавкрафта, он мечтательней, в чем-то абсурдней... А почитайте несказочного, незурбаганского Грина, что-нибудь про эсеров да про ссылку, и увидите купринский стиль, купринскую зоркость и купринское жизнеприятие. Конечно, лучший Грин и лучший Куприн отличаются – и сразу узнаются, но яркость, праздничность, сила, пружина сюжета, героические страсти роднят их, как братьев. Отличались у них только пьянки: Куприн пил шумно, радостно, а Грин – поэтически, мрачно и одиноко. И еще одна вещь роднит их – репутация. С ней повезло не особенно – если брать не читательскую (неизменно высокую), а профессиональную и литературоведческую.

С Куприным и Грином случилась печальная вещь: они попали в классики второго ряда, потому что у них якобы проблемы со вкусом. И это бы даже нормально, – «любя поврозь талант и вкус, я мало верю в их союз», но ведь в России почему-то число читателей не влияет на писательскую репутацию. А если и

влияет, то, скорее, в отрицательную сторону.

Куприн – один из самых читаемых отечественных классиков. В активе его – несколько текстов, которые сделали бы честь любому европейскому литератору; рискну сказать, что в отечественной прозе, столь богатой, мало что сравнится по мощи с «Поединком» и «Штабс-капитаном Рыбниковым», со «Святой

ложью» и «Листригонами», с «Гамбринусом» — этой дивной поэмой в прозе, которая много увлекательней и ярче сделанного в том же жанре «Господина из Сан-Франциско»... А сколько еще вспоминается потом — «Суламифь», «Олеся», «Морская болезнь»! Но «Морскую болезнь» заклеили за реакционность: там социал-демократ представлен филистером, не могущим простить жене, что ее изнасиловали. «Суламифь» обругал Горький, и не без остроумия: «Соломон у него сильно смахивает на ломового извозчика!» (А у тебя все ломовые извозчики глядят в соломоны; что лучше?). А в прочих повестях и рассказах много газетчины, мелодраматизма, ходульности... мало он наслушался этого при жизни, давайте теперь еще добавим!

Есть ли у Куприна проблемы со вкусом? Безусловно, в каждом втором рассказе. Есть ли избыточность в средствах? Еще бы. Наивное морализаторство, газетные поводы, искусственные развязки? Сколько угодно. Портит его все это? В очень малой степени. Напротив, это делает его человечней. А бесчеловечность всегда высокомерна и презирает все нормальные проявления людской морали — вот почему эстеты всех мастей, adeпты элитарности, так называемые стилисты откровенно гнобят Куприна. Им человечности не надо — сверхчеловечность подавай!

Что интересно — Куприн отлично все это понимал. И лучшая, по-моему, его повесть — «Звезда Соломона» — про это. В ней добрый и тихий чиновник Цвет внезапно узнает, что унаследовал усадьбу в обожаемой Куприным Белоруссии. Поездку в усадьбу устраивает ему что-то уж очень приторно любезный агент Мефодий Исаевич Тоффель. Всем понятно, кто он? Куприн любит сильные и лобовые ходы, а чего церемониться?! В усадьбе Цвет просматривает дядюшкины книги и случайно получает ускользавшую от нескольких поколений формулу всемогущества. Начинает помаленечку управлять миром. А Тоффель неустанно следует за ним, предупреждая малейшие его желания, знакомит его с красавицей, осыпает деньгами — и все умоляет выдать имя, сообщить ему формулу. Наконец,

когда Цвета начинает тяготить всемогущество, стремительное исполнение малейших капризов и неразрывно связанная с этим аморальность, он выдает Тоффелю свою формулу и тут же лишается всемогущества. На прощание просит чин коллежского регистратора. А когда они потом встречаются с той красавицей, которую Тоффель привел, то друг друга не узнают.

В этой весьма увлекательной, несколько мопассановской вещи есть мощный финальный монолог Меф-ис-тоффеля, такой слегка разочарованный. Милый мой, говорит он Цвету со снисходительной нежностью, вы, конечно, чудесный малый и мухи не обидели. Но какие были возможности! Вы могли залить мир кровью. Вы могли сделать его счастливее. Вам доступна была вся власть, весь арсенал человеческих вековых мечтаний, а вы? Вы захотели фуражку коллежского регистратора?

Это он, конечно, о себе. Ведь Куприн и сам остановился в шаге от гениальности; он остался слишком человеком — потому что писатель ведь совсем другое дело.

Страсти в его книгах много, а интеллекта мало. Крайностей полно, а патологии нет. Силой веет от любой страницы, а расчет отсутствует либо скрыт. С таким багажом не попадают в гении, хотя — как сказать... Но для читательского любимца у Куприна есть все. Как в личном плане, так и в умозрительном: не порывайся за свои границы. Это и увлекательней, и трудней, и почетней всякой особы.

Много ли мы знаем в русской литературе имен, заставляющих радостно улыбнуться? Многих ли русских классиков можно перечитывать? А вот Куприн с его сантиментами, силой и яркостью — всегда с нами, и главная его истина — вера в неколебимую нормальность мира — много раз еще выручит нас. Пускай себе гордые и самовлюбленные сверхлюди, а по сути нелюди, пишут монотонно и мрачно и брезгают газетой. А мы не брезгуем. У нас талант хватит и на взрослое, и на детское, и на фантастическое, и на нравоописательное. Наши олеографии ярки и подчас аляповаты, но герои наши живы, и читатель нас поблагодарит.

Это и есть истина, завещанная нам Куприным — одним из очень и очень немногих русских классиков, с кем так хочется выпить. 🍷

ТАЙНЫ «ГРАНАТОВОГО БРАСЛЕТА»

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

Академик Альберт Цветков не реже двух-трех раз в год приезжает в село Наровчат, где расположен музей Александра Ивановича Куприна. И всегда придирчиво осматривает экспозицию музея. Она ему давно не нравится.

Большинство экспонатов – фотопортреты и старые виды Наровчата. Из предметов – «свидетелей» жизни семейства Куприных – лишь фортепиано и зеркало. Хранилось раньше в экспозиции обручальное кольцо второй супруги писателя, Елизаветы Морицовой, но его увезли в центральный музей, в Пензу. Не нравится Цветкову и отсутствие в музее спальни, в которой родился и провел первые годы будущий писатель. Досадует Альберт Александрович, и глядя на портрет Людмилы Любимовой. Эта нарядная симпатичная блондинка с кокетливыми ямочками на щеках

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Академик Альберт Цветков считает творчество Куприна полным тайн и загадок

и веселыми глазами считается прототипом Веры Шеиной – главной героини знаменитого «Гранатового браслета» Куприна.

Но 77-летний академик, действительный член Академии проблем качества РФ Альберт Цветков уверен, что это – ошибка. У него – своя версия.

«Гранатовый браслет» преследует академика с детства. Эта книга всегда лежала на прикроватной тумбочке в спальне его матери – Софьи Хайновской. Каждый вечер перед сном она вновь и вновь перечитывала этот рассказ. Однажды он набрался смелости и спросил у мамы, в чем причина ее пристрастия к этой книге. «Это связано с историей нашей семьи», – коротко ответила она и отравила его заниматься уроками.

Сегодня Альберт Цветков вспоминает этот короткий разговор как одно из главных событий в своей жизни.

Софья Хайновская вернулась к теме «Гранатового браслета», когда сын был уже студентом МВТУ им. Баумана. Вообще-то он планировал стать филологом, но мама настояла на получении технической специальности. Когда-то она сама приехала в Москву из Пензы, училась в театральном училище, но на репетициях получила тяжелую травму и больше не работала. Травма часто давала о себе знать, и Софья Хайновская нередко не вставала с постели днями. Иногда она просила Альберта почитать ей вслух «Гранатовый браслет». Как-то раз он предложил почитать что-нибудь другое. Софья взяла сына за руку: «Читай это. Ты ведь не знаешь, что твой прадед был влюблен во внуку Пушкина и пользовался взаимностью. И это с них Куприн списал сюжет».

Тогда Альберт Цветков не решался ни с кем говорить об этом. Он сам понимал то, о чем предупредила его мама: «не поверят». Рассказывать о семейной тайне он начал лишь после того, как оставил научную деятельность и всерьез увлекся изучением творчества Куприна. Правда, из всех директоров купринского музея в Наровчате прислушивается к Цветкову лишь последний – Любовь Китаева.

ЧЕТЫРЕ ПРОТОТИПА

Итак, как утверждает Цветков, Сильвестр Зенькевич и Наташа Дубельт послужили основными прототипами героев при создании «Гранатового браслета». Зачем же Куприну понадобилось это скрывать? Исследования Цветкова показали, что в необходимости «маскировки» виноват был Михаил Михайлович

Романов. Как известно, внук Николая I вступил в брак без согласия своей монаршей семьи, женившись (морганатически) на дочери принца Нассауского и графини Меренберг – Софье. В 1908 году он написал роман «Не унывай» о неравных сословных браках, который был запрещен в России. В итоге все произведения, описывающие схожие сюжеты, вынуждены были проходить проверку не гражданской цензуры, а направлялись в цензуру Министерства императорского двора. Цветков считает, что именно поэтому Куприн, написавший «Гранатовый браслет» в 1910 году, приблизительно в то же время встретился со своей первой женой, М. Давыдовой. Ее родственниками были Любимовы, в семье которых произошла очень похожая история. Цветков считает, что Куприн попросил бывшую жену обратиться к Любимовым с просьбой дать разрешение считать прототипами героев его рассказа Людмила Ивановну Любимову и влюбленного в нее телеграфиста (см. «Историю любви»). Сын Любимовых Лев в книге «На чужбине», написанной им в эмиграции, подтвердил: канву «Гранатового браслета» Куприн взял из их семейной хроники.

Для документального подтверждения этой версии Цветкову понадобились годы работы в архивах. В Институте русской литературы РАН к его выводам отнеслись с интересом и предложили писать научную работу. Альберт Александрович попросил прикрепить к нему аспиранта. Но молодых людей, готовых ехать для исследований в пензенскую глушь, не нашлось. Возможно, их отпугивали слова самого Куприна о своей родине: «Наровчат есть крошечный уездный городишко в Пензенской губернии, по русской охальной привычке дразнят его: Наровчат одни колышки торчат. Все дома из дерева без малейшего намека на камень. Река от города за версту: лето бывает жаркое и сухое».

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД

В Москву из Пензы Софья Хайновская переехала после того, как ее мать, узнав об изменах мужа – руководящего советского работника, облила себя бензином и подожгла. Все дети после такого бросили отца и разъехались в разные стороны... «Польская кровь! – объясняет этот поступок Цветков. – Гордость!» С Польши все и началось. За попытку участия в польских волнениях 1860-х годов предка Цветкова по линии матери, Сильвестра Зенькевича, выслали в Пензенскую губернию. Тут он встретился с Иваном Андреевичем Араповым, с которым познакомился во Франции, когда обучался там ведению сельского хозяйства.

Самым богатым помещикам губернии Араповым требовались люди с европейским образованием. Пользуясь связями при царском дворе, они добились освобождения Зенькевича от полицейского надзора и назначили главным управляющим своих земель в Пензенской губернии. В доме Араповых Зенькевич и познакомился с приезжавшей в гости внучкой Пушкина – Наташей Дубельт (Наталья Михайловна Дубельт. – **Прим. ред.**). Брак у воспротивилась дочь поэта, ее мать Наталья Александровна Меренберг (после развода с Дубельтом Наталья Александровна вышла замуж за принца Николая-Вильгельма Нассауского, получив титул графини Меренберг. – **Прим. ред.**). После семи лет борьбы Наташа Дубельт вышла замуж за полковника фон Бесселя, а Зенькевич женился на прибалтийской баронессе. Как говорит Цветков, эта любовная история в свое время наделала много шума в губернии и, конечно, в Наровчате, где располагался дом Араповых – место действия драмы. Семья Куприных в это время как раз жила в Наровчате. Отец Куприна общался с Араповыми, был знаком с Сильвестром Зенькевичем. По мнению Цветкова, отец Куприна выполнял деликатные поручения Араповых в связи с земельными махинациями, имевшими место в губернии. Этим объясняется то, что после его смерти жена скромного чиновника из захолустного городка получила место в императорском вдовьем доме в Москве. Учитывая услуги ее отца, за нее, возможно, хлопотали Араповы. Отданный в сиротское училище, а потом поступивший в кадеты Саша Куприн часто навещал мать. О чем могли говорить мать и сын как не о родном Наровчате? Мать Куприна, Любовь Алексеевна, по свидетельству самого писателя, была кладовой, откуда он черпал сюжеты и портретные характеристики своих героев.

ГОСПОДИН В БЕЛОЙ ТРОЙКЕ

Мать Куприна происходила из богатого когда-то рода татарских князей Куланчаковых. Одному из Куланчаковых в XVII веке пожаловали поместье в Наровчатском уезде. «Любовь Алексеевна продала жалкие остатки наследственных земель и навсегда лишила княжеского титула себя и своих детей», — говорит Альберт Александрович. Сам Куприн о наследственных землях написал: «...от бабушкиных великолепных имений остались три десятины». Это рассказ «Храбрые беглецы», в главном герое которого — воспитаннике сиротского

пансиона, подговаривающем товарищей бежать в Наровчат, — нетрудно узнать самого Куприна. Фантазия мальчика рисует родину так: «Наровчат был богатым, людным городом, вроде Москвы, но несколько красивее, а вокруг шумели дремучие леса, расстилались непроходимые болота, текли широкие и быстрые реки...»

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

В литературоведении господствует мнение, что прототипами главных героев рассказа «Гранатовый браслет» были представители семьи Любимовых, а в основу сюжета была положена реальная история.

Вот что писал в своей книге «На чужбине» сын Людмилы Ивановны Любимовой, Лев Любимов: «Александр Иванович Куприн был с нами в свойстве. Канва «Гранатового браслета» почерпнута им из нашей семейной хроники. Прототипами для некоторых действующих лиц послужили члены моей семьи, в частности для князя Василия Львовича Шеина — мой отец, с которым Куприн был в приятельских отношениях... Героиня «Гранатового браслета» княгиня Вера Шеина — дочь боевого офицера, татарского князя Мирза-Булат-Тугановского, «древний род которого восходил до самого Тамерлана». Героиня действительных событий, вдохновивших А.И. Куприна, — моя мать, Людмила Ивановна Любимова (1877–1960), дочь Ивана Яковлевича Туган-Барановского...

В период между первым и вторым своим замужеством моя мать стала получать письма, автор которых, не называя себя и подчеркивая, что разница в социальном положении не позволяет ему рассчитывать на взаимность, изъяснялся в любви к ней. Письма эти долго сохранялись в моей семье, и я в юности читал их. Анонимный влюбленный — как потом выяснилось, Желтый (в рассказе — Желтков) — писал, что он служит на телеграфе

(у Куприна князь Шеин в шутку решает, что так писать может только какой-нибудь телеграфист), в одном письме он сообщал, что под видом полонтера проник в квартиру моей матери, и описывал обстановку (у Куприна Шеин опять-таки в шутку рассказывает, как Желтков, «переодевшись трубочистом и вымазавшись сажей, проникает в будуар княгини Веры»). Тон посланий был то выспренный, то ворчливый. Он то сердился на мою мать, то благодарил ее, хотя она никак не реагировала на его изъяснения. Вначале эти письма всех забавляли, но потом (они приходили чуть ли не каждый день в течение двух-трех лет) моя мать даже перестала их читать, и лишь моя бабка долго смеялась, открывая по утрам очередное послание влюбленного телеграфиста. И вот произошла развязка: анонимный корреспондент прислал моей матери гранатовый браслет. Мой дядя... (у Куприна — Николай Николаевич) и отец, тогда бывший женихом моей матери, отправились к Желтому. Все это происходило не в черноморском городе, как у Куприна, а в Петербурге. Но Желтый, как и Желтков, жил действительно на шестом этаже... Желтый ютился в убогой мансарде. Его застали за составлением очередного послания... Отец рассказывал мне, что почувствовал в Желтом какую-то тайну, пламя длинной беззаветной страсти. Дядя же... горячился, был без нужды резким. Желтый принял браслет и угрюмо обещал не писать больше моей матери. Этим все и кончилось. Во всяком случае, о дальнейшей судьбе его нам ничего не известно».

В действительности Куприн никаких побегов не совершал. Принято считать, что Куприн на родине никогда не бывал после того, как его увезли из Наровчата в раннем детстве. Цветков думает иначе и утверждает, что бывал – во время свадебного путешествия – и даже упомянул об этом в рассказе «Мой паспорт». Наровчатские же старожилы, ссылаясь на рассказы отцов, утверждают, что в начале прошлого века господин в белой тройке с тростью в руках стоял на окраине городка. В нем признали Александра Ивановича Куприна. Подробнее Наровчат описан в рассказе писателя «Царев гость из Наровчата». Названные в рассказе наровчатский предводитель дворянства Веденяпин и мировой посредник Фалин – невымышленные лица. Узнать о них Куприн мог тоже только от своей матери. Кстати, о ней в доме-музее писателя рассказывают такую легенду. Три сына умерли у Куприных до рождения Александра. Перед очередными родами святой старец посоветовал будущей матери приготовить дубовую досочку и после рождения сына нарисовать на ней в рост младенца образ Александра Невского. Тогда сын будет жить долго. Любовь Алексеевна прислушалась. А крестили будущего писателя в большом Покровском соборе, который до сих пор возвышается в центре Наровчата. Собор и сегодня самое большое и красивое здание здесь. Времена Куприна помнят и Тюремный замок, и большой красивый дом с резными наличниками на перекрестке главных улиц Наровчата. В Тюремном замке когда-то содержались следовавшие по этапу декабристы, а в доме останавливалась Наталья Николаевна Пушкина-Ланская, когда приезжала в гости к помещикам Араповым. Вообще-то во времена, когда здесь жило семейство Куприных, главной улицей в Наровчате считалась Ломовская. По ней проходила дорога в городок Нижний Ломов. На ней-то и видели сто лет назад господина в белой тройке. На этой улице и стоял дом Куприных. Возведенное заново на фундаменте сгоревшего дома в 1890 году строение сохранилось до нашего времени. «Реликвий в музее немного», – с сожалением говорит его директор Любовь Китаева, но ведь дорог дом-музей Куприна тем, что другого мемориального уголка, который бы напоминал о писателе, в мире нет. Даже во Франции, где он провел долгие годы эмиграции.

ЦВЕТЫ МЕЖДУ СТРАНИЦАМИ

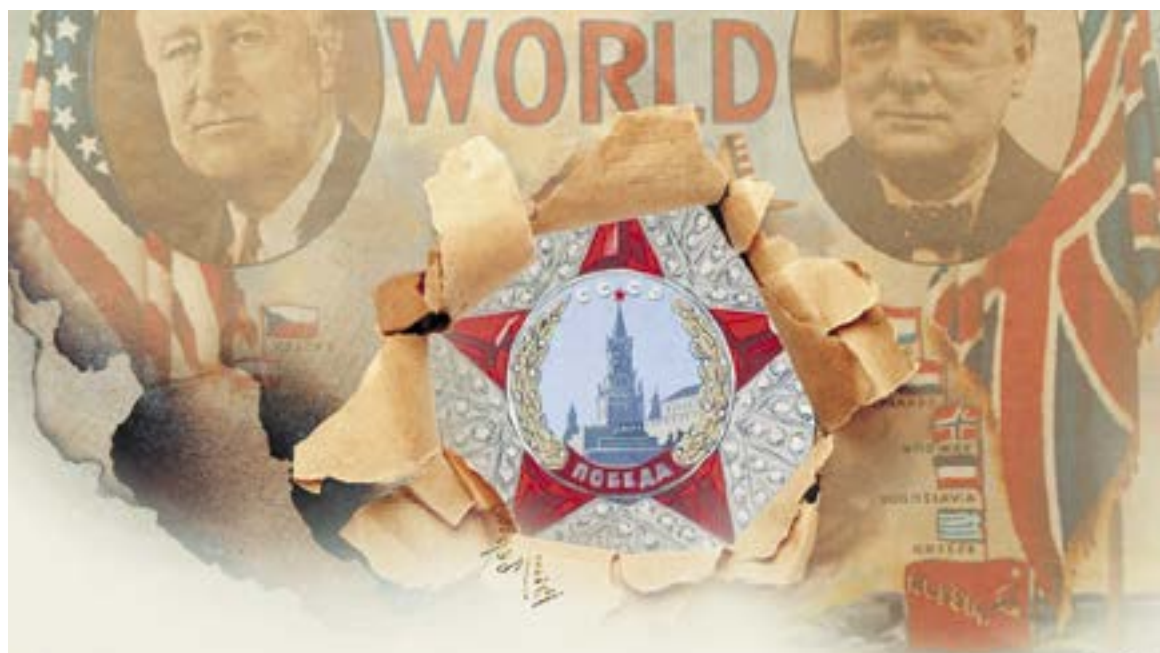
О жизни Куприна в Париже в Наровчате знают из первых уст. Дочь писателя от второго брака, Ксения, побывала на родине отца при открытии дома-музея в 1981 году. Перед этим она передала в экспозицию личные вещи писателя: золотое кольцо, которое Куприн подарил своей второй жене, Елизавете Морицовне, две лайковые перчатки (одна – Куприна, другая – его жены), нож для разрезания книг, кофеварку, которой он постоянно пользовался, заграничный паспорт писателя, прижизненный его портрет с женой кисти художника Малявина. От Ксении Александровны в музей перешла вся переписка родителей с ней после возвращения их на родину. Сама же Ксения Александровна осталась в Париже, была манекенщицей и актрисой, снималась во французских и итальянских фильмах.

Всем в Наровчате Ксения Куприна показалась красивой и обаятельной дамой. Она благодарила земляков за память об отце. Слушатели до сих пор вспоминают ее чистую русскую речь, лишенную вычурности и акцента. Запомнились слова дочери Куприна о трудной жизни эмигрантов за границей, о тоске по родине. В заключение она сказала: «Куприн любил родину, и это чувство зародилось здесь, в Наровчате».

После той встречи у многих жителей Наровчата дома хранятся книги Куприна с автографом его дочери. А в доме-музее на видном месте находится книга Ксении «Мой отец Куприн» и большая подборка фотографий той памятной встречи.

Да, реликвий в музее действительно немного. Но истинных поклонников творчества Александра Ивановича Куприна, кото-

рые едут сюда со всей страны, это не огорчает. Они украдкой срывают цветы в саду дома-музея и прячут их в страницы томика рассказов и повестей Куприна. К таким чудачествам в музее давно привыкли и никогда не делают замечаний посетителям...

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

КАК НАЗЫВАЛАСЬ ТА ВОЙНА?

МИХАИЛ БЫКОВ

2 сентября 1945 года закончилась Вторая мировая война. Прошло 65 лет.

Профессор Корнуэльского университета (штат Нью-Йорк) Антония Глассэ сделала мне как-то удивительный подарок. В Москву прилетела огромная бандероль, а в ней – коллекция изданных в 90-е годы XX века в США настенных 12-страничных календарей. И все они – из многолетней серии «Великие сражения». Календари сделаны со вкусом: каждая страница – либо репродукция с батальных полотен старых мастеров, либо современная картина. Но есть одна странность. Перелистываешь плотные листы – и через раз иллюстрация великого сражения на... американской земле. Вот уж где безо всяких сомнений безжалостный бог войны прошелся огнем и мечом! В достатке и тех картин, на которых доблестные «джи-ай» покоряют чужие пространства, а не менее доблестные американские моряки

рассекают киями красавцев-кораблей просторы Мирового океана. С боями, разумеется.

Естественное удивление, вызванное очевидным переизбытком живописной доблести американских солдат, слабо корреспондирующим с реальной военной историей планеты и самих США, довольно быстро сменилось чувством одобрения. Ну молодцы же!

И высадку на пляжах Нормандии не забыли. Чего там, до сих пор она на самом деле является крупнейшей десантной операцией всех времен и народов. И великую битву под Саратогой 17 октября 1777 года вспомнили, в которой сошлись 23 тысячи американцев и англичан. Общее число убитых поражает воображение – 530 человек. И танковое сражение с иракской механизированной дивизией 26 февраля 1991 года восславили. Именно в этот день войска Саддама, согласившись на перемирие, отступали по Дороге смерти, расстреливаемые и выжигаемые американскими самолетами.

Еще раз – молодцы! Реклама – двигатель торговли. В том числе и торговли величием собственной страны. Тут за американцами ни на танке, ни на самолете не угонишься. Штаты ведь не только настенными календарями быют. Все идет в бой – и книги, и фильмы, и песни, и речи политиков. А их газеты? А их ТВ?

У нас – иначе.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Если пораскинуть мозгами, то окажется, что Восточный фронт – это не всегда кто-то против России. Бывало, что Восточный фронт – это Россия против кого-то. По большей части против Японии.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов прошло 12 лет, и мы вдруг стали союзниками со Страной восходящего солнца. В 1914-м Япония объявила войну кайзеровской Германии. Равно как и Китай в 1917-м. Первая хотя бы захватила германскую базу в китайском Циндао, патрулировала в океане и перевозила французских солдат в Средиземном море. А вот второй никуда в это время не годился. После объявления республики в 1911 году Китай стал еще слабее, чем при последнем императоре.

Как раз с Китаем мы и повоевали немного в 1929 году по поводу Китайско-Восточной железной дороги. Сменивший отца Поднебесной республики Сунь Ятсена генерал Чан Кайши то ли по чьей-то настойчивой просьбе из далекой Европы, то ли по собственному разумению спровоцировал конфликт, в котором приняли участие примерно 320 тысяч солдат и офицеров. Причем только 18 тысяч из них – советских. Однако, вопреки логике цифр, китайцы были в течение неполных двух месяцев приведены в прежнее спокойное состояние. Советская Дальневосточная армия потеряла до 1000 человек убитыми и ранеными, китайская – более 3 тысяч плюс почти 9 тысяч пленными. Железная дорога, как и прежде, осталась в совместном управлении.

Правда, коллективное хозяйствование длилось всего шесть лет. В 1935 году Советский Союз продал КВЖД полугосударственному образованию Маньчжоу-Го, сконструированному японцами на захваченных ими у китайцев маньчжурских территориях. Продал, кстати, по дешевке.

Известно, что Восток – дело тонкое. А Дальний Восток – тонкое, как китайский шелк.

В 1929-м мы с остатками Поднебесной воевали. Но это, оказывается, был короткий перерыв в дружеских отношениях. С 1923 по 1941 год мы только и делали на Дальнем Востоке, что Китаю помогали. В 1924–1927 годах там работало 135 советских военспецов. Это когда и самим-то не хватало. А, например, в 1939-м этих военспецов стало уже 3665.

С ноября 1937 по январь 1942 года СССР поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий и минометов, 82 танка... Помогали, ясное дело, тем районам, в которых фактическая власть принадлежала китайской компартии. Другим районам, уцелевшим от японского вторжения, помогали американцы и британцы.

Но политика политикой, а 227 советских военных погибли в этот период на территории Китая. 97 из них пали в бою.

НА ОЗЕРЕ И НА РЕКЕ

Прямое столкновение с Японией не заставило себя ждать. Сначала – на озере Хасан в 1938 году, затем, в 1939-м, – на реке Халхин-Гол. Но обо всем по порядку.

Тому, кто захочет найти озеро Хасан на мелкомасштабной карте, придется трудненько. От Владивостока – на юго-запад, в Посыетский район. К запутанному до невозможности клубку

границ российской, северокорейской и китайской. Озеро так себе, одно название. Длиной километра три. По приморским понятиям и не озеро вовсе – лужа. Амур – река, а шире.

Здесь-то и решили японцы проверить, чего стоит Красная армия. Та самая, которая всех сильнее «от тайги до британских морей». Проверили двумя-тремя дивизиями общей численностью до 20 тысяч человек. Советских оказалось столько же. Бои шли две недели, убитых с обеих сторон исчислили сотнями, граница осталась на месте.

На следующий год японцы разведкой боем не ограничились. Развязали полноценную малую войну. Даром что на дипломатическом уровне ее никто не объявлял. Даже претензиями советский МИД поделился с японским только спустя два месяца. После того как в районе монгольской реки Халхин (местное произношение названия. – **Прим. авт.**) в предгорьях пограничного с Китаем хребта Большой Хинган стали гибнуть солдаты.

Война продолжалась четыре месяца с лишком. Погибло с советской стороны 9700 человек, а еще 15 тысяч было ранено и контужено, с японской – около 8500 потерян безвозвратно, еще примерно столько же выбыло из строя по ранению. А всего в операциях на Халхин-Голе столкнулось около 135 тысяч солдат. 57 тысяч – советских, 75 тысяч – японских.

Какой смысл советско-японской войны в Восточной Монголии? Для СССР он был очевиден: напали – надо защищаться. Правда, почему же в Монголии? А потому, что в результате погони красных полков за белым отрядом барона Унгерна все вместе они вывалились из пределов России на территорию монгольских улусов. Отряд барона растворился в истории, а Монголия превратилась в народную республику. Под неофициальным, но неоспоримым протекторатом Советского Союза. Так что набросился на МНР – читай, напал на СССР!

Японцы знали это не хуже монголов. Но... Разведки боем на Хасане для полного по-

нимания ситуации было мало. Требовалась проверка посерьезнее. Кто из двух противников извлек больше пользы из халхин-гольской войны, большой вопрос. Но если сравнивать последнюю армейскую операцию, подготовленную генералом Богдановым и осуществленную будущим маршалом Жуковым в Монголии, и немецкий «блицкриг» образца лета 1941-го, напрашивается ответ: наибольшую пользу извлек гитлеровский генштаб. Впрочем, в стратегическом смысле СССР получил неизмеримо больше. Решение открыть Второй фронт против Советской России в 1941 году японское правительство не приняло во многом благодаря опыту Хасана и особенно Халхин-Гола.

ПОБЕДА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Все это была присказка. Но без присказки дальнейшие наши и так не слишком понятные отношения с государствами на дальневосточных границах понятнее точно не стали бы.

А вот и сказка.

На Ялтинской конференции «Большой тройки» в феврале 1945 года Сталин пообещал Рузвельту и Черчиллю помощь в войне против Японии. Оговорив, правда, условие: СССР вступит в нее через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии.

И слово советский лидер сдержал. День в день.

9 августа 1945 года советская 1,7-миллионная группировка начала боевые действия против миллионной японской Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии и Корее. По масштабу задействованных сил эти недели боевой работы сопоставимы с главными сражениями 1941–1943 годов. Для примера скажу, что Советская армия располагала 5250 танками и более чем 5000 боевых самолетов, японская – 1215 танками и 1907 самолетами.

Насколько в современной России много и подробно вспоминают сейчас события Великой Отечественной войны, начиная с 22

июня 1941 года и до 9 мая 1945-го, настолько невразумительно и общо говорится (если говорится. – **Прим. авт.**) о том, что происходило на дальневосточном театре военных действий.

Аномалия начинается в зародыше: что это за война, в которой СССР использовал такие могучие ресурсы и быстро и четко решил весьма важные для всей планеты проблемы? Если попробовать поискать ответ на официальных сайтах военного ведомства, то в приложении к интернет-порталу Министерства обороны РФ четко сказано: Великая Отечественная война завершилась 9 мая 1945-го. Аналогично – и на сайте «Великая Отечественная война». Командующий советскими войсками на Дальнем Востоке летом 1945 года маршал Советского Союза Василевский в мемуарах говорит о «войне на Дальнем Востоке», о «военной кампании Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке», о «войне с Японией» и «войне с японским милитаризмом». Даже на медали, учрежденной в память об этой операции, написано: «За победу над Японией». Куда ни кинь – а четкого названия, единственно верного определения нет!

В одном месте Василевский дает формулировку: «Кончилась вторая мировая война. Более четырех огненных лет шли советские люди к этому моменту...» Ага, вот оно! Значит, маршал косвенно признает, что наша группировка воевала на Дальнем Востоке в рамках Второй мировой. Почему? Да потому, что Великая Отечественная продолжалась чуть менее четырех лет.

Интересно, а что если спросить самих солдат, воевавших в составе двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов летом 1945 года, в какой войне они воевали-то? Неужели усомнятся, что в Великой Отечественной?

Для большинства солдат и офицеров это было естественное продолжение ратной работы после берлинского мая. Их части эшелонами перебрасывались из Центральной Европы в Маньчжурию. А каково тем солдатам, что всю Отечественную провели в глубоком резерве на восточных границах Союза, карауля тех самых японских милитаристов на случай чего? А пограничникам на Сунгари и Амуре? А морякам Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, чистившим главный калибр без надежды его использовать?

Первые, те, что из Европы, в обязательном порядке к прочим боевым наградам получали и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». Тоже есть вопрос – разве мы только Германию тогда победили? Но в главном – все верно.

Дальневосточники тоже получили медаль – «За победу над Японией». И все! Получается, что точно не в Великой Отечественной войне.

Странная какая-то логика...

Но давайте посмотрим, может быть, события, развернувшиеся на Тихоокеанском театре военных действий, не стоят того, чтобы так переживать по формальным поводам? Это пусть ученые считают, что прежде, чем что-то обсуждать и делать выводы, надо договориться о терминологии. А простым смертным какая разница, что это была за война. Ведь победили ж таки! К 1945 году стало понятно, что Япония обречена. Так же, как обречена Германия. И там, и там начиналась агония. Вот только у немцев на этот процесс оставались считанные месяцы, а японцы не торопились. И могли себе это позволить.

Под ружьем у микадо оставалось еще более 7 миллионов человек. Лишенная природных запасов Япония продолжала «питаться» полезными ископаемыми, доставляемыми с колонизированных земель Кореи и Северного Китая. Дух нации не упал, несмотря на американские бомбардировки и перебои с провизией для мирного населения. Дети Страны восходящего солнца в этом отношении разительно отличаются от принципиально не готовых к харакири детей из стран заходящего.

В любом случае, по оценкам генштаба США, война на Тихом океане должна была бы продлиться до 1946 года включительно и отнять по меньшей мере еще миллион жизней американских и британских солдат. Напомню, в составе союзных сил против Японии воевали подданные Его величества из Австралии, Канады и Новой Зеландии.

Очень нужны были русские!

Это – с одной стороны.

А с другой... Красный Китай, возвращение Советами утерянного контроля над Северной Кореей и Маньчжурией, КВЖД и Порт-Артуром, моральные дивиденды по всей планете, оче-

видные в результате активного участия в победе над Японией. А еще – материальная сторона дела: в странах Дальнего Востока было что поделить для выплат контрибуций и репараций.

Требовалось если не убить, то поймать двух зайцев. Использовать силу СССР для скорейшего разрешения японского кризиса и одновременно не дать этой силе полную волю. Как это вышло в Германии при взятии Берлина. От пляжа «Омаха» (кодовое название одного из участков побережья Нормандии, где проходила высадка американского морского десанта в июне 1944 года. – **Прим. ред.**) до немецкой столицы было куда как ближе, чем от белорусской границы, а русские пришли первыми.

Короче говоря, бомбы упали. 6 августа – на Хиросиму, 8 августа (9 августа в 11.00 по местному времени. – **Прим. авт.**) – на Нагасаки. Восьмого августа – когда маршал Василевский получил из Москвы приказ начинать!

Это уже потом пиарщики от политики раздули эффект первых атомных взрывов. Раскручивался потенциал США как единственных обладателей атомного оружия. И одновременно умалялось значение союзников по антияпонской коалиции, в частности и особенно – СССР. И все поверили.

Как-то сэр Черчилль заметил, что «было бы ошибкой заявлять, что атомная бомба решила судьбу Японии». И его не услышали.

Для войск маршала Василевского бомбардировка японских городов а-бомбами не имела никакого значения. Равно как и для солдат противостоящей им Квантунской группировки. На материке сражались!

Это подтверждается и тем, что заявление микадо о перемирии последовало 14 авгу-

ста, спустя всего пять дней после того, как загрохотали советские орудия. Но маршал Василевский пишет, что повсеместная капитуляция японских войск началась только 19 августа. Сдалось 594 тысячи солдат и офицеров и 148 генералов.

Лишь 18 августа удалось полностью взять под контроль Южный Сахалин и Курильские острова. Да и то – бои там вспыхи-

ОНО ТОГО СТОИТ

Итак, сомнений нет: поднимать разговор о статусе и названии той войны стоит. Есть несколько дискуссионных вариантов, и пусть в споре родится наконец истина.

Если строго следовать исторической канве, то военные действия на Дальнем Востоке – это часть Великой Отечественной войны. Потому что мы воевали с союзником Германии.

вали вплоть до 5 сентября, на материке – аж до 10-го. Более недели после того, как Япония капитулировала и ее представители подписали соответствующий акт на борту американского линкора «Миссури».

В военном отношении преимущество советских сил над японскими оказалось подавляющим. И танков с самолетами было больше, и ратного мастерства. Наши потеряли в эти дни 12 тысяч убитыми, японцы – более 80 тысяч. Но все это не означает, будто «война на Дальнем Востоке» оказалась приятным приключением для советских солдат. Пусть меньше, чем на германском фронте, но гибли. И так же отрывало ноги и руки взрывами японской шимозы (взрывчатое вещество, применявшееся в японской армии, названо по имени изобретателя Симосэ Масатика. – **Прим. ред.**), и так же выжигало глаза огнеметами, и так же дико хотелось пить, когда пуля попадала в живот...

Миру повезло, что советские части чрезвычайно быстро продвинулись на территорию уезда Пинфань, где находились японские лаборатории по разработке бактериологического оружия и – что особенно жутко – склады с уже «готовыми к употреблению» тоннами микробов чумы, тифа, сифилиса, сибирской язвы, проказы, сапа. И хочется присоединиться к тем знатокам войны, что склонны считать преувеличенной опасность японского бактериологического оружия, да китайцы не дают. Они-то до сих пор помнят, как во время их войны с Японией 1937–1945 годов новое «средство массового поражения» апробировали на китайских солдатах. Что-то и сами японцы тогда на малую эффективность ноу-хау не жаловались. Не случись столь быстрого продвижения советских войск, вполне возможно, что и американцы познакомились бы с б-бомбами. В благодарность за знакомство с а-бомбами!

По крайней мере, после войны бывший командующий Квантунской армией, генерал Ямада, сообщил, что «только стремительное продвижение Красной армии вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран». Под другими странами генерал имел в виду США и Англию в первую голову. Он сам так сказал.

Может быть, самым главным и опасным ее союзником. Потому что еще на конференции в Тегеране в 1943 году Сталин заявил о готовности СССР принять участие в боях против Японии, следовательно, мы обозначили свои намерения еще в ходе Великой Отечественной войны. Наконец, нельзя игнорировать эмоциональный фон. Получается, что кто-то из советских воинов сражался в Великой Отечественной войне, а кто-то – на Дальнем Востоке. Между прочим, 2 сентября 2009 года в Петропавловске-Камчатском был большой праздник. Посвященный, само собой, 64-летию победы... в Великой Отечественной войне! Да-с! И венки на воду Авачинской бухты опускали в честь погибших именно в Отечественную. И пусть рассказывают, да что там – сам слышал, как говорят в современной Сибири и на Дальнем Востоке о европейской части страны: «у вас в России». Да, говорят – если про работу там или родственников. А про войну – нет.

Давайте посмотрим на ситуацию с юридической точки зрения. 26 июля 1945 года США, Великобритания и Китай подписали и опубликовали Потсдамскую декларацию, требующую от Японии безоговорочно капитулировать. СССР официально присоединился к этой декларации 8 августа 1945 года. И тут же объявил Японии войну. Следовательно, состояние войны между нашими странами наступило спустя три месяца после завершения Великой Отечественной. И группировка Василевского сражалась в какой-то другой войне, официального названия которой в свое время по каким-то соображениям дать не удосужились. В то, что забыли, верится с трудом.

Можно припомнить, что 5 апреля 1945 года СССР денонсировал пакт о нейтралитете, подписанный с Японией еще в апреле 1941-го. Но ведь отказ от нейтралитета еще не означает вступления в войну.

Таким образом, может в нашей истории оказаться советско-японская война? Ничто не мешает. Ведь в те годы, когда шла Вторая мировая и Китай официально заявил о вступлении в нее против стран германской коалиции, сама Поднебесная вела двустороннюю войну с Японией, начиная с 1937 и заканчивая 1945 годом.

Однако эта война не была автономной. Потому как в это же время Япония участвовала во Второй мировой войне. Той самой, в которой оказались и ее основные противники – США, Британия и Китай. Совершенно очевидно, что и Советский Союз сражался против Гитлера в рамках мировой войны. Тогда на первый план выходит вопрос нашего собственного позиционирования по теме этой самой Второй мировой. Сегодня мы чувствуем себя на этом празднике жизни если не чужими, то уж не самыми желанными точно. И при этом ведем себя как-то излишне скромно.

Все возрастает актуальность шутки о том, что, к сожалению, американцы не сразу узнали о какой-то заварушке в старушке-Европе, и лишь поэтому процесс оказался слишком запущен. Вмешались, конечно, и всё решили, но лучше бы раньше.

Мы улыбаемся, но в душе, разумеется, недовольны тем, что други-союзники вежливо игнорируют наше 9 Мая, ссылаясь на собственное 8-е. Вишь ты, какой чудный аргумент припасли: германская капитуляция фельдмаршалом Кейтелем подписана днем ранее, потому как в Европе было еще вчера, а в Москве уже наступило сегодня. Воля ваша, как говорится.

Но мы-то почему должны игнорировать наше общее 2 сентября? Я что-то пока не слышал о каких-то связанных с грядущим юбилеем мероприятиях, ни наших собственных, российских, ни в рамках общемирового праздника. А кроме

того, что-то не знаю о существовании какого-нибудь специального документа, удостоверяющего некую особенную дату окончания Второй мировой войны. Следовательно, день подписания акта капитуляции последнего противника – Японии – и является днем памяти окончания самой большой войны в истории человечества. И Россия в этой войне сказала главное слово. Вот так!

И уж если почти 2 миллиона соотечественников сражались во Второй мировой, но не в Великой Отечественной, их нужно чествовать наравне с теми, кто воевал в Великой Отечественной и Второй мировой одновременно. Может быть, и ошибаюсь, но памятников солдатам Второй мировой в нынешней России что-то не припомню. И фильмов об этом что-то не снимают. И книг – не пишут.

А уж про календари с батальными картинками и говорить нечего!

Привет, профессор Глассэ! И спасибо!

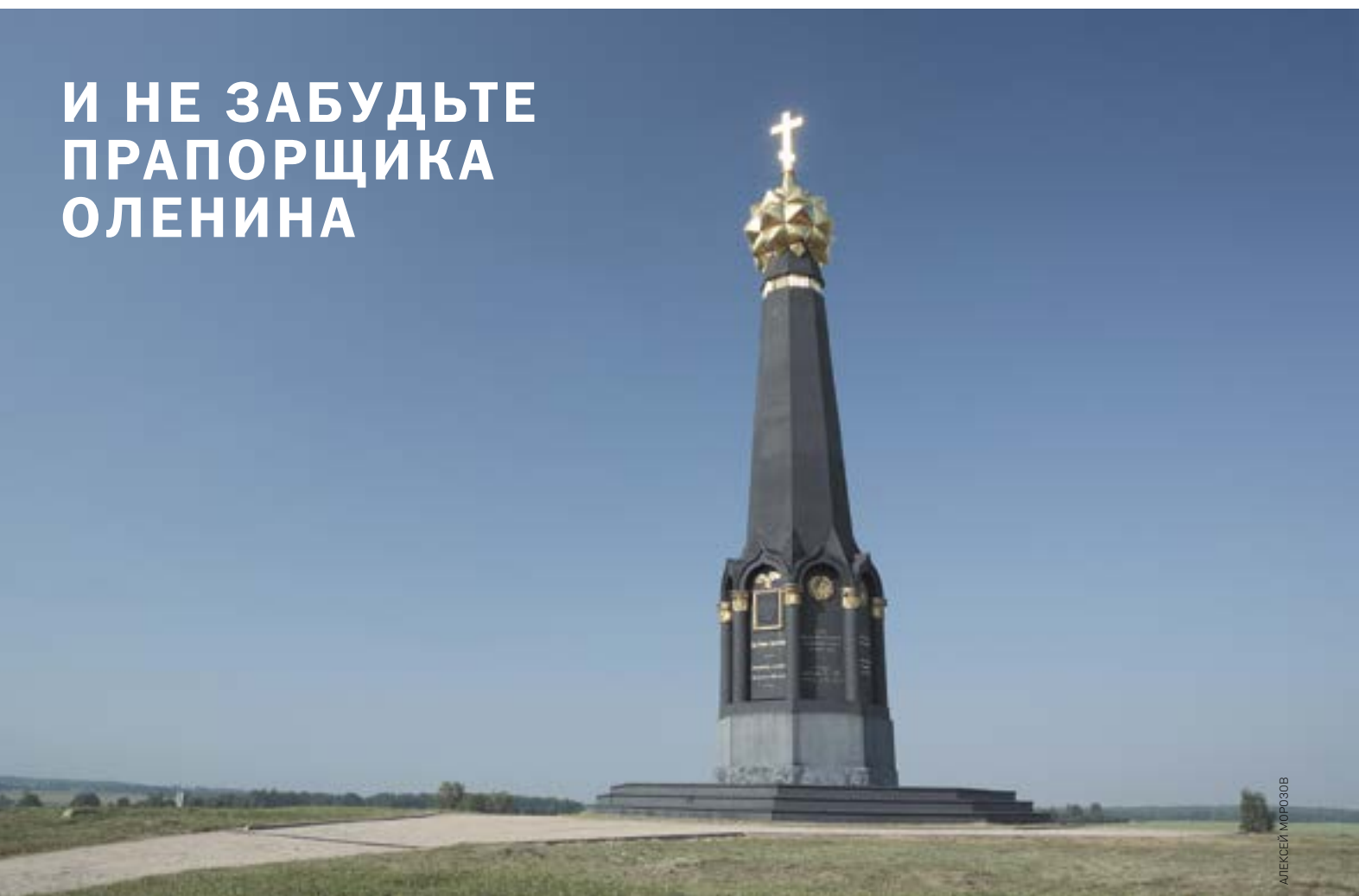
P.S.

Нечто похожее происходит и с Отечественной войной 1812 года. Она сама по себе, а военные походы 1813 и 1814 годов – сами по себе. Будто не одни и те же генералы под одними и теми же знаменами вели своих солдат по дорогам Европы и сражались под Лейпцигом и Дрезденом, Бауценом и Люценом, Фер-Шампенуазом и Парижем? Будто не с Наполеоном они воевали после того, как выгнали остатки его армии за пределы Отечества? Будто русские войска вошли в марте 1814 года в столицу Франции не в прямой связи с тем, что французские солдаты в Первопрестольной расстреливали мирных жителей, кололи штыками иконы и держали лошадей в храмах в сентябре 1812-го?

Первая Отечественная война шла почти два года: с июня 1812 по март 1814-го! Ее результат – освобождение Европы. Помнить об этом и отмечать это надо соответственно грандиозности самого события. 🇷🇺

В июле 2010 года президент России Дмитрий Медведев подписал федеральный закон, согласно которому в стране устанавливается новая памятная дата. Теперь в России будет отмечаться 2 сентября – День окончания Второй мировой войны.

И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРАПОРЩИКА ОЛЕНИНА

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

МИХАИЛ БЫКОВ

На Бородинском поле стоит 40 памятников героям Отечественной войны 1812 года. И еще – Спасо-Бородинский женский монастырь, быть может, самый главный мемориал, основанный инокиней Меланьей, вдовой погибшего на Семеновских флешах генерала Александра Тучкова. Подавляющему большинству памятников почти сто лет. Они устанавливались на средства полков и дивизий, частные пожертвования к 100-летию Бородинского сражения. Миллионы людей видели эти плиты и колонны, читали выбитые в металле фамилии и названия воинских частей и соединений. А все ли из нас знают, кто были эти люди, какой подвиг совершили эти полки и батареи? Сегодня, в преддверии 198-го Дня Бородина, вернемся на поле, раскинувшееся между селами Бородино и Семеновское, и пройдем от памятника к памятнику. И вспомним.

Более часа гвардейские егеря сдерживали атаки французской пехоты. А в это время, согласно ранее отданному приказу, отряд гвардейских моряков из 30 человек под командой мичмана Лермонтова готовил к поджогу мост через речку Колоч. Морской Гвардейский экипаж был создан только в 1810 году, и война с Наполеоном стала первым боевым испытанием части. Уже при отступлении от государственной границы Российской

империи гвардейские моряки зарекомендовали себя как отменно подготовленная саперно-инженерная часть.

Когда егеря отошли через единственную переправу, моряки Гвардейского экипажа подожгли мост.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКИМИ АРМИЯМИ М.И. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ ПОЛКОВОДЦА

Архитектор П. Воронцов, 1912 год

Очевидно, что фамилия светлейшего князя Михаила Кутузова – из тех, что в России знает каждый. Не стоит, наверное, повторять сейчас богатую и длинную биографию народного героя. Остановимся на том, когда и почему Кутузов выбрал для генерального сражения поле у села Бородин. Ведь это с его легкой руки Бородинское поле получило всемирную известность.

Двадцать третьего августа (4 сентября по н.с.) Кутузов отправил донесение императору Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно... желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе...» Следующей ночью говорил о победе и адъютант Наполеона, кавалерийский генерал Рапп: «Мы истощили все свои средства, мы принуждены победить». Так отвечал он на вопрос своего императора об исходе предстоящей битвы.

Однако богиня Ника отвернулась от обоих полководцев. Но в стратегическом смысле Бородинская битва лишила армию Наполеона всех шансов на победу в войне. И тут Кутузов оказался абсолютно прав.

А что до морально-нравственного взрыва в рядах русской армии и во всем народе, то тут лучше, чем граф Лев Толстой, не скажешь. «Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОМУ ПОЛКУ И МАТРОСАМ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА

Архитектор С. Прохоров, 1912 год

Гвардейские егеря полковника Бистрома держали оборону непосредственно в селе Бородине. Стоит сказать, что первым шефом лейб-гвардии Егерского полка, возникшего в 1806 году из лейб-гвардии Егерского батальона, был не кто иной, как князь Петр Багратион.

Для двух с лишним тысяч егерей перед днем сражения решено было устроить баню. Но деревенская банька оказалась столь мала, что к утру последние роты только готовились к помывке. В густом тумане на позиции егерей двинулись колонны 8-тысячной дивизии генерала Дельзона.

1-МУ И 19-МУ ЕГЕРСКИМ ПОЛКАМ

Архитектор Б. Альберти, 1912 год

На плечах отходящих через мост гвардейских егерей на другой берег Колочи смогли прорваться пехотинцы 106-го линейного полка дивизии Дельзона. И тут их встретили! По приказу командующего Первой русской армией генерала Барклая-де-Толли к мосту подошли колонны 1-го и 19-го егерских полков.

В принципе, егерские полки предназначались для боя в рассыпном строю, так как в них набирали преимущественно метких стрелков. Егерям вменялось в обязанность «в засадах тихо лежать и молчание хранить», желательно в «местах наиудобнейших и авантажнейших, в лесах, деревнях, на пассах».

Но тут, у горящего моста, было не до авантажей и пассивов. Егеря после дружного залпа ударили в тылки. 106-й полк французской пехоты был уничтожен полностью.

Затем егеря 1-го (командир – полковник Моисей Карпенко) и 19-го (командир – полковник Николай Вуич), объединившись с гвардейцами, потерявшими 27 офицеров и 693 нижних чина, заняли позиции по берегу Колочи и больше атаковать французов не позволили.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕМУ ПОЛКУ

Архитектор С. Родионов, 1912 год

НЕЖИНСКОМУ ДРАГУНСКОМУ ПОЛКУ

Архитектор Л. Кишкин, 1912 год

К полудню раздраженный неудачными действиями маршалов Нея, Понятовского и Мюрата на левом фланге русских у Семеновских флешей Наполеон решил перенести удар на

центр позиции Кутузова – батарею Раевского. Ударная группировка составила из корпуса маршала Богарнэ и кавалерийских дивизий Мюрата. Впервые сдвинулась с места Молодая гвардия... Тогда-то командир корпуса легкой кавалерии генерал Уваров и казачий атаман Платов и получили приказ главкома – глубоким обходным маневром обогнуть левый фланг французов и взломать их тыловые коммуникации. Сказано – сделано!

Две линии уваровского корпуса (первая – лейб-гвардии Казачий и Елисаветградский гусарский, вторая – лейб-гвардии Гусарский, лейб-гвардии Драгунский, лейб-гвардии Уланский и Нежинский драгунский) вброд перешли Колоочь и ринулись на кавалерийскую дивизию генерала Орнано, прикрывающую фланг. Французская кавалерия была опрокинута, но дальше рейд наткнулся на пехотные части, уже выстроившиеся в каре. Однако эффект от неожиданного рейда был столь велик, что Наполеон поспешно отдал приказ о переводе на свой левый фланг частей Молодой гвардии, Итальянской гвардии и корпуса маршала Груши. Да и сам не поленился поехать посмотреть, что случилось. Было выиграно часа два.

Одна загадка: почему из 28 эскадронов корпуса Уварова только нежинские драгуны и лейб-казаки решили увековечить память о своей боевой работе памятниками? Впрочем, еще не поздно...

К слову, автор памятника нежинским драгунам Кишкин сам служил в этом полку.

7-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.М. КАПЦЕВИЧА

Архитектор А. Дроздовский, 1912 год

23-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА А.Н. БАХМЕТЬЕВА 2-ГО

Архитектор неизвестен, 1912 год

12-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА И.В. ВАСИЛЬЧИКОВА 1-ГО

Архитектор неизвестен, 1912 год

Генерал-лейтенант Капцевич имел под началом Псковский, Московский, Либавский и Софийский пехотные полки, 11-й и 36-й егерские, а также 7-ю артиллерийскую бригаду. Дивизия входила в 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова.

Генерал-майор Бахметьев 2-й командовал Рыльским, Екатеринбургским, Селенгинским пехотным и 18-м егерским полками,

23-й артиллерийской бригадой, состоявшей всего из одной легкой роты №44. Дивизия входила в состав 4-го пехотного корпуса генерала графа Остермана-Толстого.

Генерал-майор князь Васильчиков распоряжался Смоленским, Нарвским, Алексопольским и Новоингерманландским пехотными полками, 6-м и 41-м егерскими. Его дивизия входила в 7-й пехотный корпус генерала Раевского.

Как писал Лермонтов, «плохая досталась доля» людям Капцевича, Бахметьева и Васильчикова. Оборона центрального редута, получившего впоследствии название «Батарея Раевского».

В третьем часу пополудни 150 французских орудий обрушили на редут страшный огонь. Это была, если хотите, агония французской армии, последний штурм, после которого сил на атаки уже не оставалось. Поручик Граббе, адъютант генерала Ермолова, вспоминал: «Массы пехоты и конницы двинулись на нас. Тогда закипела сеча, общая, ожесточенная, беспорядочная, где все смешалось: пехота, конница, артиллерия».

Оценку дивизиям корпуса Остермана-Толстого дал Барклай-де-Толли: «Бесподобные!»

Именно фельдфебель бахметьевской 23-й дивизии из 18-го егерского полка Василий Золотов притащил прямо на командный пункт Кутузова пленного французского бригадного генерала Бонами. Золотов был уверен, что пленил самого Мюрата. В тот момент, когда он хотел ткнуть в шитый золотом мундир француза штыком, генерал закричал: «Я король!» Легенда умалчивает, как русский егерь понял французского генерала, но факт пленения остается фактом.

Дивизия Капцевича... Она сражалась на рубеже ручья Огник с кирасирскими дивизиями Ватье, Дефранса и легкой кавалерией Шастеля, с пехотой Богарнэ. Стояла насмерть!

Дивизия Васильчикова встречала первые атаки французов на редут. Она завершила разгром и уничтожение бригады генерала Бонами. Она билась с кавалерией врага левее батареи Раевского, прикрывая фланг.

24-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.Г. ЛИХАЧЕВА

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Уж на что тяжело пришлось полкам Бахметьева и Капцевича, но с судьбой дивизии генерала Лихачева не сравнить. Тут опять уместно вспомнить Лермонтова: «Немногие вернулись с поля»...

Лихачевцам (Уфимский, Ширванский, Бутырский и Томский пехотные полки, 19-й и 40-й егерские, 24-я артиллерийская бригада) достались не подступы к редуту Раевского и не фланги. Им достался сам редут!

Но не сразу. Вторая атака на люнет Раевского принесла французам короткий успех. Проезжавшие мимо генералы Кутайсов и Ермолов, командующий всей русской артиллерией и командующий конной артиллерией соответственно, встали во главе батальона Уфимского пехотного полка дивизии Лихачева и повели ее в контратаку. Батарея была отбита, но конь Кутайсова вернулся из боя без всадника, с залитым кровью седлом. Более тяжелой в тот день можно назвать лишь одну потерю – смертельно раненного Багратиона.

Кутайсов погиб, Ермолов получил контузию. А генерал Лихачев – приказ: занять центральный редут и держаться. Он и держался. До тех пор, пока, израненный и оглушенный ударом приклада в рукопашном бою, не был взят в плен. Известно, что генерал отказался принять назад шпагу из рук Наполеона и умер в плену в 1813 году.

Один французский офицер писал позже: «Погибшая почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут». Только убитыми и пропавшими без вести дивизия потеряла тогда около 2 тысяч человек.

Под вечер французы выдавили с редута остатки артиллерийской прислуги и солдат прикрытия. Но вскоре сами ушли из укрепления и до темноты прятались от огня русских пушек в оборонительных рвах, заваленных трупами их же товарищей. Прятались, стоя на коленях.

1-Й КОННОЙ БАТАРЕЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ Артиллерийской бригады капитана Р.И. ЗАХАРОВА

Архитектор неизвестен, 1912 год

2-Й КОННОЙ БАТАРЕЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ Артиллерийской бригады капитана А.Ф. РАЛЛЯ

Архитектор неизвестен, 1912 год

В старой песне, ставшей гимном гвардейской конной артиллерии, поется: «Есть много войска у царя – стрелки, гусары, егеря. Но лучше конных батарей не сыщешь войска у царей». После войны 1812 года офицеры пешей гвардейской артиллерии долго бились за то, чтобы у них, по примеру конноартиллеристов, форму украсили синие шаровары. Не вышло.

На Бородинском поле гвардейские батареи конной артиллерии капитанов Захарова и Ралля выглядели особенно даже на фоне блистательно сражавшихся коллег. Их подвиги похожи. В обоих случаях батареи вылетали на прямую наводку и били врага в упор. Капитан Александр Ралль спас драгун Псковского полка от гибели. Но сам... погиб от смертельной

раны. Капитан Ростислав Захаров в десять утра оказался у Багратионовых флешей, где с ходу расстрелял французскую колонну, заходившую в тыл. Он вел бой в течение двух часов, пока не опустошил все зарядные ящики. Вскоре был ранен ядром и все оставшееся ему на свете пятнадцать минут повторял одно: «Наша ли победа? Отступает ли неприятель?»

Только в 1811 году по приказу главного фельдцейхмейстера великого князя Константина Павловича входившая в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду конно-артиллерийская рота была укрупнена и разделена на две батареи. Война 1812 года – дебют лейб-гвардии Конной артиллерии в качестве самостоятельной части. И какой дебют!

Правда, достался он дорогого. Помимо Захарова и Ралля батареи потеряли еще шесть офицеров и 110 нижних чинов, а также 113 лошадей.

КАВАЛЕРГАРДАМ И КОННОЙ ГВАРДИИ

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Два самых блестящих полка русской гвардейской кавалерии – Кавалергардский, основанный в 1800 году, и лейб-гвардии Конный, рожденный аж в 1730-м, – на Бородинском поле щадить никто не собирался. Оба полка после полудня выдвинулись к батарее Раевского и заняли место во второй линии, позади дивизий Остермана и Дохтурова. Их время пришло, когда поредевшие ряды 7-й пехотной дивизии пропустили-таки атакующих французов. Наполеоновские кавалеристы, уже праздновавшие победу, увидели перед собой эскадроны конногвардейцев и кавалергардов бригады генерала Шевича. Вот и сошлась тяжелая кавалерия на бранном поле!

Всего 8 эскадронов насчитывали два полка, примерно 1500 всадников. Но они последовательно разобрались с саксонскими кирасирами, польскими уланами, карабинерами Дефранса. Остатки французской конницы, проскакавшие сквозь рубку, встретили пре-

ображенцы и семеновцы, стоявшие в резерве.

Девиз кавалергардов – «Мы не стремимся быть первыми, но не допустим никого быть лучше нас». Следуя кавалергардским канонам, командир 1-й кавалерийской (кирасирской) дивизии генерал-майор Бороздин так оценил действия своих всадников: «Сим было остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей спасена».

корпус генерал-лейтенанта Багговута. Так случилось, что части этого корпуса вступили в Бородинское сражение последними. Но последние не означает – худшие.

Кременчугцы и минцы держали оборону на левом фланге в районе старой Смоленской дороги, где атаковали польские части Великой армии под командованием маршала Понятовского.

Тобольцы и волынцы как встали на позициях между батареей Раевского и деревней Семеновское, так и не сдвинулись с места. Несмотря на все попытки французов раздробить их каре.

Немного о принце Вюртембергском. Он был самым молодым генералом в армии Кутузова. Ему едва минуло 24 года. Евгений приходился кузеном императору Александру I. Один из великих князей писал о нем: «Отличительной чертой принца была любовь к военному делу и умение применяться к русскому солдату и офицеру, чего не доставало другим иностранцам, наполнявшим ряды нашей армии».

Уместно сказать и о том, что в Русской императорской армии спустя некоторое время появился еще один Волынский полк – лейб-гвардии. В результате имеется некоторая путаница, усугубляемая тем, что пехотные волынцы за Бородино полковых наград не получили, а среди наград волынцев-гвардейцев имеется Георгиевское знамя за изгнание Наполеона из пределов России. Дело в том, что основу лейб-гвардии Волынского полка при его создании в 1817 году составили солдаты лейб-гвардии Финляндского полка, заслужившие награды в кампанию 1812 года. Эти награды и достались лейб-волынцам по наследству.

А порохов Бородине обожжены знамена 53-го Волынского пехотного полка, возрожденного, к слову, в 1918 году в Белой армии генерала Деникина.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ Артиллерийской бригаде

Архитектор неизвестен, 1912 год

БАТАРЕЙНОЙ №2 И ЛЕГКОЙ №2 РОТАМ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ Артиллерийской бригады

Архитектор неизвестен, 1912 год

В канун Бородинского сражения адъютант командующего всей артиллерией графа Кутайсова гвардейский прапорщик Норов объехал все батареи и роздал приказ. Из бумаги следовало, что орудиям велено с позиций не сниматься и вести огонь до тех

Астраханскому кирасирскому полку

Архитектор неизвестен, 1912 год

Свой подвиг астраханские кирасиры совершили у Багратионовых флешей. Перед Бородинским сражением эскадроны насчитывали 597 человек личного состава. После – 95!

Командир полка полковник Каратаев был дважды ранен, но поле битвы не покинул. Трубач Кирилл Семякин вынес из боя раненого эскадронного командира майора Белавина, а кирасир Осип Ярославский спас эскадронного командира майора Нанцева. В штыковом бою, как пехотинцы, бились тяжелораненые кирасиры Никита Горбенко и Григорий Изымбал. Притащил в тыл пленного французского полковника унтер Афанасий Авраменко.

Вот так!

Полевой конной артиллерии

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

О значении артиллерии в Бородинском сражении сказано достаточно. Осматривая поле боя, маршал Мюрат делился с маршалом Неем: «Вчера был жаркий день, я никогда не видал сражения с таким артиллерийским огнем. При Эйлау не меньше стреляли из пушек, но там были ядра, а вчера обе армии так близко стояли друг от друга, что почти все время стреляли картечью».

Говорят, Наполеон приказывал переворачивать трупы своих офицеров, чтобы видеть рану, приведшую к смерти. В большинстве случаев это были раны от картечи. Французский император по образованию был артиллерист, и он знал, о чем говорил, когда в превосходных тонах оценивал работу русских пушкарей на Бородине.

В создании памятника принимал участие командир 20-й конно-артиллерийской батареи Буйницкий. По его проекту сделана бронзовая памятная доска с барельефом. В 1977 году доску украли. Но год спустя она была восстановлена.

В бородинском бою приняли участие 9 конных артиллерийских рот армейской полевой артиллерии. Деньги на сооружение памятника сдали все конно-артиллерийские батареи Русской императорской армии.

Волынскому пехотному полку

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

4-й пехотной дивизии генерала Е. Вюртембергского

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Четвертая пехотная дивизия в составе Кременчугского, Минского, Тобольского и Волынского пехотных полков, 4-го и 34-го егерских полков и 4-й артиллерийской бригады входила во 2-й

пор, пока «неприятель не сядет верхом на пушки». Сейчас трудно понять, в чем смелость и новаторство молодого генерала Александра Кутайсова, но тогда...

Дело в том, что в артиллерии не было ни знамен, ни штандартов. Эту роль выполняла сама пушка. И в случае ее захвата врагом позор падал на всю часть. Поэтому артиллеристы были приучены вести огонь аккуратно и до тех пор, пока неприятель находился в относительной дали. Но едва возникала опасность захвата пушек, расчеты цепляли орудия к передкам и уходили с позиций. Кутайсов сломал эту традицию, не оглядываясь на мнение самого императора. Неслучайно участник Бородинской битвы Глинка назвал этот день днем рождения русской артиллерии.

Согласно приказу Кутайсова и сражались в числе прочих гвардейские артиллеристы. Довольно привести один пример – батарейную роту №2. Поначалу 12 орудиями роты командовал полковник Таубе. После полученного им смертельного ранения командование принял штабс-капитан Демидов. Контузия – и он уступает место поручику Коробьину. И тоже контузия! Но смены уже не было. И Коробьин остался в строю.

2-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА К. МЕКЛЕНБУРГСКОГО И СВОДНО-ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА М.С. ВОРОНЦОВА

Архитектор неизвестен, 1912 год

Бой за Багратионовы флеши у села Семеновского грянул с самого утра. Наполеон предполагал, что с ограниченными ресурсами Багратиона на флешах он справится двумя дивизиями из корпуса маршала Даву. План рухнул в самом начале. В самих флешах гренадеры Воронцова, расположившиеся на подходах гренадеры Карла Мекленбургского и пехотинцы 27-й дивизии генерала Неверовского отступать не собирались.

В мясорубку боя с обеих сторон падали все новые и новые батальоны. Во время одной из контратак погиб со знаменем родного Ревельского пехотного генерал Александр Тучков 4-й, чье тело так и не удалось обнаружить.

Флеши не раз переходили из рук в руки. К десяти часам утра Багратион собрал мощный ударный кулак, чтобы выбить французов из укрепления окончательно. Пальцами в кулаке были в

том числе и остатки гренадер Воронцова, мекленбуржцы, полки Коновницына, батальоны Васильчикова...

Судьба вмешалась в неподходящий для нас момент. Багратион получил смертельное ранение в ногу, и его войска на время потеряли опору.

3-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.П. КОНОВНИЦЫНА

Архитектор А. Годунов, 1912 год

МУРОМСКОМУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Кутузов называл генерала Петра Коновницына «Лев». Так же, как Наполеон – маршала Нея. Выполнил ли на Бородинском поле Ней все указания своего императора, пусть судят французы. Я же могу утверждать, что Коновницын выполнил все приказы, полученные им по ходу боя.

Его 3-я дивизия, включавшая Ревельский, Муромский, Копорский, Черниговский, 20-й и 21-й егерские, сражалась на Семеновских высотах, обороняя Багратионовы флеши.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОМУ ПОЛКУ

Архитектор неизвестен, 1912 год

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОМУ ПОЛКУ ОТ МОСКОВСКОГО ПОЛКА

Архитектор неизвестен, 1912 год

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОМУ ПОЛКУ ОТ ЛИТОВСКОГО ПОЛКА

Архитектор Ф. Былевский, 1912 год

Вторая гвардейская пехотная бригада под командой полковника Храповицкого, состоявшая из полков лейб-гвардии Измайловского и лейб-гвардии Литовского, получила приказ о выдвижении уже в седьмом часу утра. Кто ж знал тогда, что Храповицкий двинулся в путь за генеральским званием, а полки – к Георгиевским знаменам.

Гвардия заткнула собой брешь, образовавшуюся у Семеновских флешей. Назревала мощная кавалерийская атака противника. Кирасиры генералов Нансути и Латур-Мобура двинулись на измайловцев и литовцев. Два корпуса – против двух полков! На пути латников встали батальонные каре русской гвардейской пехоты.

Волны французской кавалерии, разбившиеся о волнорезы русской гвардии, стали наградой полкам за огромные потери, понесенные ими до и после. Шесть часов стояли пехо-

тинцы под прямым картечным огнем французских батарей. И спрятаться невозможно, и уйти нельзя. Очевидец А.П. Кутузов вспоминал: «Желая сбить колонны наши, усиливал неприятель огонь своей артиллерии; действие оной, истребляя ряды наши, не производило в них никакого беспорядка...» В Бородинском сражении самые крупные потери в абсолютном исчислении понес лейб-гвардии Литовский полк: 436 убитыми, 113 пропавшими без вести и 532 ранеными. Но два памятника стоят ему не по этой причине. В 1817 году два батальона полка стали лейб-гвардии Московским полком, а третий батальон стал базой для разворачивания нового лейб-гвардии Литовского полка.

2-Й КИРАСИРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА И.М. ДУКИ

Архитектор неизвестен, 1912 год

4-МУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ ГЕНЕРАЛА К.К. СИВЕРСА

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Пять кирасирских полков – Екатеринославский, Орденский, Глуховский, Малороссийский и Новгородский – это силища! По меньшей мере около 3 тысяч кирасир, считавшихся тогда тяжелой кавалерией. Каждый кирасир был вооружен палашом, двумя пистолетами и ружьем. В корпусе графа Сиверса сражались драгуны Харьковского, Черниговского, Киевского и Новороссийского полков, а также ахтырские гусары и литовские уланы. Эта конная масса сильно испортила жизнь французам двумя днями ранее в бою за Шевардинский редут. «Наш полковник командовал «Стройся в каре!», но уже было поздно, и когда полковник командовал отступление, то кирасиры обрушились на передовых из первого батальона, пробились сквозь каре, построенное второпях, и изрубили саблями всех, кого смогли только достать. Прочие батальоны начали отступать в большом беспорядке», – вспоминал офицер 111-го полка Фоссен. Такой же хорошей боевой работой отметились кирасиры Дуки и кавалеристы Сиверса на Бородине, помогая отбивать атаки лейб-гвардии Измайловскому и лейб-гвардии Литовскому полкам.

К примеру, командир эскадрона новоросийцев граф Сиверс (сын командира 4-го корпуса) пленил 12 французских пушек,

перебив прислугу, но вывезти их с батареи не смог – потерял коня и был ранен. А в рядах литовских улан сражалась кавалерист-девица Надежда Дурова, послужившая прототипом для образа Шурочки Азаровой в «Гусарской балладе».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОМУ ПОЛКУ

Архитектор Ф. Былевский, 1912 год

17-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА З.Д. ОЛСУФЬЕВА

Архитектор неизвестен, 1912 год

ПАВЛОВСКОМУ ГРЕНАДЕРСКОМУ ПОЛКУ

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

1-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.А. СТРОГАНОВА

Архитектор Матвеев, 1912 год

В районе Утицкого кургана сражение также не утихало. Посланный сюда Наполеоном корпус Понятовского, поддерживаемый корпусом Жюно, должен был прорвать русскую оборону и выйти в тыл всей русской армии. Не удалось. Одними из тех, кто помешал этому плану, были солдаты лейб-гвардии Финляндского полка. Большую часть времени полк сражался в стрелковых цепях среди деревьев Утицкого леса.

А первыми встретили удар врага гренадеры Строганова. Шесть полков – лейб-гренадерский, графа Аракчеева, Павловский, Екатеринославский, Санкт-Петербургский и Таврический. Гренадеры – это особые части, и не случайно впоследствии три из шести строгановских полков были переведены в лейб-гвардию.

Но силы были слишком неравны, и русская пехота стала отходить, очищая курган. Не давая врагу опомниться, командующий корпусом генерал Николай Тучков 1-й бросил гренадер в контратаку, а чтоб им было веселее – пустил в дело полки 17-й пехотной дивизии. Довольно сказать, что ее командир генерал Захар Олсуфьев генеральский чин и полк под команду получил за 14 лет до Бородинского сражения. Опытнейший был командир. Именно он спустя считанные месяцы в сражении при Тарутине заменил убитого командующего пехотным корпусом Багговута.

А здесь, на Утицком кургане, нашел свою смерть другой корпусной командир русской армии – генерал-лейтенант Николай Тучков.

ПИОНЕРНЫМ (ИНЖЕНЕРНЫМ) ВОЙСКАМ

Архитектор неизвестен, 1912 год

На южной флехи, которую первой удалось захватить французам, памятник инженерным ротам русской армии более чем уместен. Полевые укрепления – Багратионовы (Семеновские) флехи на левом фланге и редут Раевского в середине позиции – были построены быстро и надежно. Трудно сказать, каковы были бы результаты и размер потерь в битве, случись войскам встретиться в чистом поле.

3-МУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ, БРИГАДЕ ГЕНЕРАЛА И.С. ДОРОХОВА

Архитектор А. Рахманинов, 1912 год

Курляндский, Оренбургский, Сибирский, Иркутский драгунские, Сумской и Мариупольский гусарские полки – вот ударная сила 3-го резервного кавалерийского корпуса.

Самый яркий момент среди десятков эпизодов у батареи Раевского и Багратионовых флехей, в которых бились драгуны и гусары Дорохова, это атака бригады на конницу маршала Мюрата. Ее смяли, точно бумажную, чудом не пленив при этом самого неаполитанского короля, считавшего себя лучшим кавалеристом Европы.

Ударом дороховской бригады закончилась четвертая попытка Наполеона захватить Семеновские флехи.

27-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА Д.П. НЕВЕРОВСКОГО

Архитектор неизвестен, 1912 год

МОГИЛА ГЕНЕРАЛА Д.П. НЕВЕРОВСКОГО

Архитектор неизвестен, 1912 год

Генерал Неверовский и его 27-я – особая страница русской военной истории. Дивизия и ее командир прославились под Смоленском. В течение дня 10 тысяч новобранцев Одесского, Тарнопольского, Виленского, Симбирского, 49-го и 50-го егерских полков сдерживали всю армию Наполеона на дороге, ведущей к древнему русскому городу. Узнав о том, кто противостоял ему, император Франции отказывался верить рапортам. Генералу Раевскому доложили, что вся дивизия погибла на подступах к Смоленску. Засев в предместьях, Раевский приготовился к встрече с противником. Но противника все не было. Наконец появились колонны солдат. На фоне садящегося солнца к Смоленску шли батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к

нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык ее горел лучом бессмертия», – писал Денис Давыдов. Тогда дивизия потеряла 1200 нижних чинов и 20 офицеров.

Проведя весь день Бородинского сражения в гуще событий на Семеновских флехах, дивизия лишилась более половины численного состава. Но хотела драться.

Неверовский получил смертельную рану в 1813 году, в Битве народов при Лейпциге. Но могила его здесь, в России, на Бородинском поле.

МОГИЛЫ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ: КАПИТАНА А.П. ЛЕВШИНА И КАПИТАНА П.Ф. ШАПОШНИКОВА, ПОРУЧИКА С.Н. ТАТИЩЕВА И ПРАПОРЩИКА Н.А. ОЛЕНИНА

Надгробия XIX века

Памятники Бородинского поля в большинстве коллективные. Кутузову, Неверовскому и Багратиону, в ограде главного монумента на батарее Раевского, – исключения. Но есть еще два памятника, выходящие из общего ряда.

Первый – капитану лейб-гвардии Егерского полка Левшину и капитану лейб-гвардии Преображенского полка Шапошникову. Второй – двум офицерам лейб-гвардии Семеновского полка поручику Татищеву и прапорщику Оленину. По большому счету семеновцы и преображенцы в Бородинском сражении участвовали едва-едва. Стояли в резерве и гибли от залетающих французских ядер. Потери – 273 человека. И среди них... Офицер-семеновец Матвей Муравьев-Апостол вспоминал: «Правее 1-го батальона Семеновского полка находился 2-й батальон. Петр Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 утра ядро пролетело близ его головы: он упал с лошади, и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович

Трубецкой, ходивший к раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его только контужен и останется жив. Николай Оленин стал у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. В эту самую минуту ядро пробilo спину графа Татищева и грудь Оленина и унтер-офицеру оторвало ногу».

Двадцатилетний прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Николай Оленин свой подвиг на Бородине так свершить и не успел. Или – успел? 🍷

ИСТОКИ

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

Гимназистка елецкой гимназии Маша Дьяконова засмотрелась на двух дам в изысканных столичных туалетах. Изящные шляпки, проткнутые насквозь красивыми булавками, так поразили ее, что девочка споткнулась и чуть не упала. Подхватил ее сопровождавший дам солидный господин.

Начались расспросы: кто такая, где учится, что читает? Маша призналась, что любит поэзию, а из последних прочитанных стихов ей понравился «Листопад» Бунина. Дамы переглянулись, а строгий господин улыбнулся и протянул гимназистке яблоко. Маша не удержалась и состроила гримаску: сентябрь на дворе, яблоки продаются на всех базарах, да и... «Ты не любишь этот сорт? А какие яблоки тебе нравятся?» – спросил господин. «Антоновские!» – выпалила девочка. Дамы громко рассмеялись. «Ну вот что, – смутившись, сказал господин, – у твоего Бунина есть рассказ «Антоновские яблоки». Хороший рассказ. Почитай». И дал девочке 5 копеек, чтобы она записалась в библиотеку.

Дом, из которого вышли дамы и господин, был угловой. Жила в нем представительница елецкой богемы Вера Аркадьевна Петина-Орлова, у которой собирались артисты, музыканты и офицеры Нежинского драгунского полка. Маша Дьяконова подошла к крыльцу, с которого на нее с усмешкой смотрел слуга, и спросила: «Кто был этот господин?» – «Писатель Иван Алексеевич Бунин!» В Елецкую библиотеку имени Льва Толстого она записалась в тот же день.

Историю эту, случившуюся в 1915 году, рассказала мне Тамара Георгиевна Кирющенко – заведующая елецким Музеем Ивана Алексеевича Бунина. А героиня рассказа – Мария Дьяконова, которой не понравилось яблоко, предложенное Буниным, – ее мать. Тамара Георгиевна хорошо помнит рассказы мамы не только о Буnine, но и о Пришвине и Розанове, которые жили в тихом Ельце. Первой книгой, прочитанной ею в детстве самостоятельно, была, конечно, книга Бунина с дореволюционными ятиями и ерами. В 30-е годы, когда Тамара Георгиевна училась в школе, книги Бунина можно было найти только у букинистов. И то с большим трудом. До войны писателя, уехавшего в Париж, не издавали.

...Бывшая преподавательница русского языка и литературы Тамара Георгиевна 22 года назад согласилась возглавить Музей Бунина в Ельце. Когда сотрудники музея обратились с просьбой к жителям города поделиться предметами быта конца XIX – начала XX

века, земляки немедленно отозвались и принесли очень много вещей. А один из экспонатов музея – старинный красивый сервант – сдан в музей Тамарой Георгиевной. Этот сервант был подарен ее маме в день свадьбы в 1917 году и хранился в семье как реликвия. «Я знаю, мама бы одобрила, – говорит Тамара Георгиевна. – Бунина она читала до самой смерти!»

ЕЛЕЦКИЕ СТРАДАНИЯ

На старинных улочках Ельца, кажется, каждый древний дом уносит в рассказы Бунина. Деревянные ставни на подслеповатых окнах, занавески, украшенные знаменитым елецким кружевом... В Ельце сохранилась милая патриархальная атмосфера старого русского города.

Сюда 11-летний Ваня Бунин приехал из родительского имения Озерки Елецкого уезда, чтобы учиться в гимназии. Сначала отец поселил его у мещанина Бякина на Торговой улице. Хозяин был богобоязненный человек, и Ване было нелегко привыкнуть к его строгостям после беспечного и привольного житья в Озерках. Особо запомнился ему первый ужин, состоявший из похлебки, крупеня и рубца с соленым арбузом. Бякин, заметив брезгливость барчука, заявил: «Надо ко всему привыкать. Мы люди простые, русские, у нас разносолов нет».

Зато хозяин оказался любителем стихов. Никитина и Кольцова маленький жилец читал Бякину вслух.

Учеба давалась Ване легко. Он был смысленнее одноклассников, много читал, имел превосходную память. Из преподавателей гимназии выделял учителя русского языка. Все свободное время посвящал прогулкам по Ельцу: ему нравилось наблюдать за людьми.

На третий год учебы в гимназии отец Вани, Алексей Иванович Бунин, поселил сына в квартире у некоего Студенникова, делавшего скульптуры для городского кладбища. У него Ваня приистрастился лепить из глины кресты, ангелов и черепа. После работы похожий на Дон Кихота хозяин усаживал его с собою за стол, угощал селедкой и уговаривал выпить рюмку водки... «Скульптурные» работы юного Бунина, наверное, и сейчас можно отыскать на старом елецком кладбище.

Именно в это время Бунин влюбляется в гимназистку Юшенкову, да так, что запускает занятия в гимназии, и в итоге его оставляют на второй год. Первая любовь, кладбище, кресты, ангелы, черепа – позже все это отразится в прекрасном и

АНДРЕЙ СЕМАШКО

В 1995 году
в Орле был открыт
памятник И.А. Бунину
работы скульптора
В.М. Клыкова

невероятно изящном рассказе Ивана Алексеевича «Легкое дыхание».

На четвертый год учебы в гимназии Ваня Бунин переселился к кузине – Вере Аркадьевне Петиной-Орловой. У нее в доме постоянно бывали офицеры и актеры, которые снабжали Ваню контрамарками. Так что вскоре гимназист стал завсегдатаем местного театра. Все это не очень нравилось родителям Бунина. Поэтому когда в 1896 году после Святок Иван Бунин решил не возвращаться в елецкую гимназию, никто его особо не корил. Отец сам в свое время бросил орловскую гимназию, где учился вместе с Николаем Лесковым. А мать была даже рада, что Ваня не будет больше общаться с провинциальной богемой. Подготовить Ваню к выпускным экзаменам взялся его старший брат, Юлий, отбывавший в Озерках ссылку за участие в народовольческом движении. Об этих годах Бунина в Ельце подробно пишет в книге «Жизнь с Буниным» вторая супруга писателя, Вера Муромцева. Книга с ее автографом хранится в местном музее...

МУЗЕЙНЫЕ ЯБЛОКИ

Крохотные размеры Музея Бунина в Ельце особенно заметны тогда, когда у дома останавливаются огромные автобусы с туристами. Экскурсанты часто удивляются тому, что будущий известный писатель и лауреат Нобелевской премии жил в такой маленькой комнатке, да еще делил ее с товарищем по гимназии. «Иногда, – добавляет Тамара Георгиевна, – иностранцы просят прочесть Бунина. Хотят насладиться его речью на его родине».

Бывший дом мещан Ростовцевых, в котором расположен музей, тоже приютил Ваню Бунина на время учебы его в гимназии. Здесь все как раньше, при Бунине: полы, стены, потолки, каменные плиты, которыми вымощен двор... Только вход в дом располагался тогда с другой стороны.

В те времена, когда здесь жил Бунин, по соседству располагался двор шляпного мастера. В тусклых витринках пылились круглые деревянные болваны, на которые надевались

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

10 октября (22 октября по новому стилю) 1870 года в Воронеже в семье обедневшего дворянина родился Иван Алексеевич Бунин – первый из русских писателей, получивших Нобелевскую премию по литературе. К старинному роду Буниных, происходивших от польского дворянина Бунковского, принадлежали первая русская поэтесса Анна Бунина и известный поэт Василий Жуковский. У Ивана Алексеевича было два брата – Юлий и Евгений, а также младшая сестра – Мария. Когда будущему писателю исполнилось три года, семья переехала в поместье Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии.

Первое стихотворение Бунин написал в восемь лет. Сам он в «Автобиографической заметке» писал, что в юности его творчество носило печать подражательства: «Больше всего подра-

жал М. Лермонтову, отчасти А. Пушкину, которому старался подражать даже в почерке».

Впервые одно из стихотворений Бунина было опубликовано в 1887 году в петербургском журнале «Родина». В 1891-м в приложении к газете «Орловский вестник», где Бунин работал, вышла его небольшая книжечка «Стихотворения. 1887–1891». Во время жизни в Орле Бунин знакомится с Варварой Пашенко, с которой живет в гражданском браке. В 1892 году Бунин переезжает в Полтаву, где знакомится с Львом Николаевичем Толстым.

Свой первый рассказ Бунин опубликовал в 1894 году в журнале «Русское богатство». В 1895-м писатель переехал в Петербург, а затем перебрался в Москву. В 1896 году он женится на гречанке Анне Николаевне Цакни, но уже в 1900 году разводится с женой. Бунин поддерживал знакомство с А.П. Чеховым,

шляпы, из-за чего переулочек звался Шаровым. Этим переулочком гимназист Бунин выходил на мясной базар, от которого было рукой подать до женской гимназии, где училась его зазноба Юшенкова. «Это не совсем правда, что он остался на второй год потому, что запустил учебу из-за влюбленности. Бунин заболел, когда катался с ледяной горки – это любимое развлечение детей в Ельце!» – не согласна с супругой писателя Тамара Георгиевна. Да и гимназию он оставил не по причине недовольства родителей, не желавших, чтобы сын тесно общался с местной богемой. Просто финансовые дела семьи находились в полном упадке – разорившемуся отцу нечем было платить за обучение сына.

Тамара Георгиевна рассказывает об этом, стоя под фамильным гербом Буниных: в центре герба перстень, окруженный тремя серебряными крестами. Рядом – портреты предков:

поэта Василия Жуковского и поэтессы Анны Петровны Буниной. В этой же комнате скромная кровать бедного квартиранта. Если отстать от экскурсии и задержаться здесь, то покажется, что вот-вот войдет маленький гимназист, снимет фуражку, испачканными чернилами пальцами откроет сундучок, где спрятано все нехитрое его имущество... Среди прочего – книжечки «Нивы».

Под стеклом лежат старинные стальные перья – такими пользовались ученики гимназии. А вот тетради гимназиста Сапегина, учившегося вместе с Буниным. Рядом брошюра, в которой напечатаны сочинения гимназистов. Так поощрялись литературные труды учеников. Вот старый кожаный чемодан – с ним писатель Бунин ездил за Нобелевской премией по литературе в Стокгольм. Желающих сфотографироваться с этим чемоданом не счесть, но директор музея всем отказывает. Последний экспонат – ружье Бунина, с которым он ходил на охоту в Озерках. Оно пять поколений хранилось в семье Демкиных, которым Бунин подарил его перед отъездом в Орел.

В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, М. Горьким, входит в литературный кружок «Среда». В том же, 1900 году опубликованы «Антоновские яблоки», которые приносят Бунину литературную известность. Через год выходит сборник его стихов «Листопад». Именно за него, а также за перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» Бунин получает Пушкинскую премию от Российской академии наук.

В 1905 году умирает сын Бунина Николай, рожденный в браке с Цакни. Через два года Иван Алексеевич женится гражданским браком на Вере Николаевне Муромцевой, ставшей верной его спутницей на всю жизнь (официально их отношения были оформлены лишь в 1922 году). Супруги много путешествуют: они побывали в Сирии, Египте, Палестине, изъездили Европу, были в Алжире, Тунисе, Индии, отправились на Цейлон. В 1909 году Российская академия наук

избрала Ивана Бунина почетным академиком по разряду изящной словесности.

Бунин не принял ни Февральскую, ни Октябрьскую революции, считал их катастрофами для России. В 1920-м Бунины эмигрировали во Францию. В конце 20-х годов Бунин знакомится с Галиной Николаевной Кузнецовой, с которой у него начался бурный роман. Кузнецова бросила мужа и переехала жить к Буниным, с которыми оставалась (с небольшими перерывами) до 1942 года.

В 1933 году Ивану Алексеевичу была присуждена Нобелевская премия по литературе. Последние годы жизни писатель провел в жестокой нужде. Умер Иван Алексеевич Бунин 8 ноября 1953 года в Париже. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В Советском Союзе первое собрание сочинений И.А. Бунина вышло лишь в 1956 году.

В каждом зале музея на столах – вазы, полные яблок. Запах чистых гладких плодов вносит в музейную атмосферу свежесть и элемент неожиданности. «Для антоновки еще рано!» – улыбается Тамара Георгиевна и предлагает отведать яблоки. Такое предложение она делает каждому гостю музея. Яблоки на столах в любое время года – это не только напоминание о Елецком уезде, благодаря которому написан знаменитый рассказ, но и память о встрече ее мамы с Буниным.

РОМАН С ОРЛОМ

В своем знаменитом романе «Жизнь Арсеньева» Бунин подробно описывает первый губернский город, который он увидел в своей жизни. Железнодорожный вокзал, соборы, большие улицы, витрины магазинов, трактиры, гостиницы Орла воссоздаются Буниным до мельчайших подробностей. Орел заинтересовал его и географическим положением: «наверху Москва, Петербург, а внизу – Харьков, Севастополь».

...Сегодня за право считаться «настоящими бунинскими местами» идет спор между несколькими городами. Больше всего достается Орлу. С ним уже и так связаны имена Тургенева, Лескова, Апухтина. Какое отношение Бунин имеет к Орлу, где скитался три года по чужим углам в бедности и холоде? Воронеж, где Бунин родился, но прожил четыре года, называет орловцев самозванцами. Ельчане тоже неодобрительно косятся на Орел. Бунин вырос под Ельцом, учился в нем. «Орел – это жизнь его сердца, – защищает свой город заведующая орловским Музеем И.А. Бунина Инна Анатольевна Костомарова. – Из Орла он уезжает зрелой личностью и пишет в «Жизни Арсеньева», что с «Орла начинаются его годы испытаний и невзгод».

Инна Анатольевна не только директор музея, но и автор книг и исследований о Бунине. Когда-то Костомарова и сама долго не верила, что в Орле будет создан отдельный музей ее любимого писателя. В советское время это было действительно невозможно. Но времена изменились и... Она сама нашла здание, добилась его передачи музею – раньше в нем располагалась городская детская молочная кухня, – добилась проведения ремонта. Между прочим, в Орле нашлись откровенные противники создания музея Бунина. Звонил один товарищ, назвался депутатом и спросил: «В каком произведении Бунин предлагал загонять коммунистам иголки под ногти?» «Простите, насколько я знаю Бунина, он никогда не говорил о расправе, а говорил о том, что на пользу России, а что – нет», – с гордостью повторяет свой ответ ему Инна Анатольевна.

Открытый в 1991 году в Орле Литературно-мемориальный музей И.А. Бунина за 19 лет своего существования получил широкую известность в России и стал мировым центром по комплектованию коллекции, изучению и пропаганде творчества писателя. Здесь хранятся уникальные документы из семейного архива Бунина: патент на чин прапорщика, пожалованный прапрадеду писателя Семену Федоровичу Бунину императрицей Елизаветой I, патент на чин капитана, пожалованный прадеду Ивана Алексеевича, Дмитрию Семеновичу Бунину, императрицей Екатериной II. Первые литературные опыты Бунина представлены автографами его стихотворений, написанных в 1883–1887 годах. Хранятся в орловском музее и письма Бунина к Варваре Пашенко.

Орловский и елецкий музеи помимо имени писателя, которому они посвящены, роднит еще одно. Заведующая орловским музеем, так же как и ее коллега в Ельце, не выпускает из рук толстую книгу в синем бархатном переплете. И так же часто ссылается на нее. Из книги Веры Муромцевой «Жизнь с Буниным» можно узнать о сетованиях юного Бунина на свою судьбу, которая, по сравнению с жизнями Толстого и Лермонтова, казалась ему ничтожной. О том, что в 16 лет Ваня Бунин вырос из гимназической формы и что первое его стихотворение было напечатано в журнале «Родина». Ради гонорара он как-то по-

слал в «Орловский вестник» корреспонденцию о несчастном случае с мужиком из села Глотова. Ее напечатали. А потом в газете появились первые стихи и рассказы Бунина. Затем он получил приглашение от издательницы «Орловского вестника» Надежды Алексеевны Семеновой. В конце февраля 1889 года молодой поэт с «малыми деньгами» отправился в Орел. С этого города началась его профессиональная литературная деятельность. В «Орловском вестнике» Бунин правил чужие рукописи, писал рассказы и стихи. Готовил статьи о мукомольном деле, крестьянских кредитах, писал отчеты с заседаний Городской думы, выпустил первую книгу стихов. Великого русского писателя в нем никто еще не видел. Денег не хватало, так что будущий нобелевский лауреат нередко голодал.

Молодой поэт пользовался симпатией со стороны издательницы Семеновой. Она-то и познакомила его с племянницей своего гражданского мужа Шелихова – Варварой Пашенко. В Орел дочь врача из Ельца приехала для того, чтобы попробовать себя на театральных подмостках, однако для начала ей пришлось устроиться на работу в контору Орловско-Витебской железной дороги. Варя Пашенко стала первой настоящей любовью Бунина и послужила прототипом Лики из «Жизни Арсеньева».

Родители Пашенко не давали согласия на брак, так что Иван Алексеевич и Варвара жили невенчанными. Варя примкнула к кружку любителей сценического искусства. Бунин плохо относился к любительским спектаклям, но примирился с тем, что Варя участвовала в них. По крайней мере, это удерживало ее в Орле. После восьми месяцев сов-

местной жизни Пашенко бросила Бунина. Ему было очень тяжело, от самоубийства писателя спас старший брат.

В Орле не сохранились дома, где Бунин снимал углы. Хотя адреса их известны: улицы Введенская, Садовая, Борисоглебская, Узкий переулок. На улице Пушкина сохранился дом, в котором жила родная сестра Бунина, Мария Алексеевна. Осталась Болховская улица, по которой в романе бродит вечерами герой Бунина после очередной ссоры с Ликой. А старинный особняк, построенный по проекту архитектора И.Ф. Тибо-Бриньоля, переданный под музей Бунина в 1989 году, находится рядом с местом, где когда-то стоял дом, в котором Бунин снимал комнату. Он часто проходил мимо высокого крыльца этого особняка, спеша в редакцию «Орловского вестника». Каким он тогда был? На портрете – красивый овал лица с тонкими чертами, большие грустные глаза под прямыми бровями. Волосы расчесаны на пробор. «В Бунине, когда он приехал в Орел, было много мягких черт, – делится своими предположениями Инна Анатольевна. – Недаром он говорил потом, что в Орле он стремительно повзрослел. А вообще, Орлу повезло, что Бунин у нас такое пережил». Город уже не тот, что был при молодом поэте, которого безнадёжная любовь доводила до мысли о самоубийстве. Описанный Буниным в «Жизни Арсеньева» орловский железнодорожный вокзал с книжными киосками, к которым он бросался, по собственному выражению, как голодный волк, давно перестроен. В отличие от Ельца здесь при всем желании невозможно представить в современной толчее юношу с пробором на голове, который безнадежно ждет прибытия на поезде уездной барышни. Нет ни барышень, ни поэтов. Есть толпа пассажиров. В руках у многих яблоки, купленные у продавщиц в цветастых платках.

Городу с Буниным повезло, да. Никто не воспел Орел с такой страстью юности, как он.

Но захотят ли пережить те же самые чувства молодые пары, которые назначают свидания у памятника Бунину? Отлитая из бронзы фигура писателя стоит на холме, с которого открывается вид на Орел. Множество клумб и скамеек перед памятником – прекрасное место для встреч и уединенных бесед. Знают ли приходящие сюда молодые люди, что Бунин уезжал из Орла с убеждением, что любовь всегда оборачивается страданием? Не только к женщине, но и к родине. 📍

РОДОМ ИЗ «КУЗНЕЦОВКИ»

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В 1810 году кузнец Яков Васильев основал небольшую фарфоровую фабрику в деревне Ново-Харитоново в Гжели, но официальное признание его предприятие получило в 1812 году. Через 20 лет его сын Терентий, взявший фамилию Кузнецов, открыл второй завод – в селе Дулево Владимирской губернии. Рижская фабрика, построенная в Дрейлини в 1843 году сыном Терентия, Сидором, стала третьей фарфорово-фаянсовой «дочкой» Кузнецовых.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Н аивысшего расцвета кузнецовское производство достигло во второй половине XIX века, при Матвее Сидоровиче Кузнецове (1846–1911). Именно он в 19 лет после смерти отца возглавил

фарфоровую империю, намного увеличив ее размеры и мощь.

После революции 1917 года из всей огромной фарфоровой империи Кузнецовых уцелела только фабрика в Риге. Вскоре, лишившись всех своих заводов и особняков, из Москвы в Ригу перебрались старшая дочь, Клавдия, и пять сыновей Матвея Сидоровича со всеми уцелевшими от «красного террора» членами большого семейства. В Латвии дела у них пошли неплохо, хотя жили Кузнецовы скромно и все, включая жен и старших детей, были заняты на производстве.

Кузнецовы не жалели средств на социальные нужды и благотворительность. Они поддерживали латвийскую старообрядческую общину и церковь, Русский рижский театр,

Девочка в белом платье –
Туся (Татьяна Матвеевна
Кузнецова) в окружении
своих бабушек и дедушек.
Рига, 1938 год

строили школы для рабочих завода, больницы. С их помощью при фабрике для рабочих и служащих создавались спортивные, театральные, литературные общества и кружки, была своя библиотека и даже общество борьбы за трезвость...

В рижской газете рассказывалось, как хозяин фабрики Матвей Кузнецов, желая проверить религиозное рвение своих работников, зашел в дом к одному из них и спросил: «А читаешь ли ты Писание?» Дело в том, что всем, кто поступал на завод, вручали Библию, завещая уважать веру предков. «Конечно, читаю, как можно! Каждый день!» – заверил работник. Перед уходом Кузнецов незаметно вложил между страницами 25-рублевую ассигнацию. Через месяц он пришел снова и задал тот же вопрос. Услышав опять утвердительный ответ, он взял в руки Библию и вытащил оттуда ассигнацию. «Э, соврал ты мне, сынок, если б читал – тогда бы и деньги нашел!» – С этими словами хозяин забрал купюру к огромному конфузу обманщика.

ФАБРИЧНЫЕ СУДЬБЫ

...Самое интересное, что и сегодня в Риге живут и здравствуют люди, которые с гордостью говорят: «мы родом из «кузнецовки». Это – потомки тех, кто в довоенные годы работал на фарфоровой фабрике, и те, чье детство неразрывно было связано с заводской жизнью.

Первой хочется назвать Татьяну Матвеевну Кузнецову – единственную живущую в Риге правнучку Матвея Сидоровича Кузнецова. Татьяна Матвеевна, которая и сама успела поработать на фабрике, сейчас 82 года. Ее родители – Матвей Николаевич и Елена Александровна – были кузенами. Матвей, сын главы компании, Николая Матвеевича Кузнецова, на фабрике работал главным химиком-технологом. Елена, дочь Александра Матвеевича Кузнецова, возглавляла живописный цех. Когда Татьяне Матвеевне было пять лет, родители развелись. Елена вышла замуж за служащего фабрики Петра Долгова, отчим и воспитал Татьяну.

Из воспоминаний Татьяны Матвеевны Кузнецовой:

«Я многое помню из той далекой жизни. Мы, дети «кузнецовки», считали себя одной большой семьей. Наша жизнь была связана с фабрикой самым тесным образом. А как мы болели за нашу

заводскую футбольную команду – это надо было видеть и слышать! Кстати, она считалась одной из сильнейших в Риге. На большом заводском стадионе – он располагался у реки неподалеку от нынешнего Южного моста – проходили соревнования и спортивные праздники, на которые собирались тысячи людей. Организатором чаще всего был мой родной дядя, мамин брат – Георгий Александрович Кузнецов, он отлично играл в теннис. Да и моя мама увлекалась этим видом спорта. На территории завода был клуб, где проходили турниры по настольному теннису и новусу (настольная игра, напоминающая бильярд. – **Прим. ред.**). Гордились мы и нашей женской волейбольной командой.

Еще Кузнецовы были заядлыми театрами. Каждый год у нас дома разыгрывали новую постановку – водевиль или драму. Заводилой обычно выступал мой второй дядя – весельчак и красавец Николай Александрович. Он погиб в 1943 году от дистрофии в ссылке.

Помню и наши коллективные поездки за грибами. Завод для своих работников выделял лошадей и большие подводы, и нас всех везли в лес, возвращались всегда с полными корзинками!.. Мы с мамой и отчимом жили в 14-квартирном доме на ул. Маскавас, его в народе прозвали «шишкин» дом,

потому что там в основном вся администрация завода жила. Моей подружкой детства и соседкой была Римма Панцеховская, ее папа работал на фабрике главным художником-керамистом. Римма потом стала скульптором. Часто мы с ней бегали играть на территорию завода. В общем, хорошее у нас было детство. Но оно рано закончилось, причем трагически – не дай бог кому...

23 июня 1941 года в один день чекисты арестовали моего отца Петра Долгова и моего отца Матвея Кузнецова. Мама была перепугана, не знала, что делать... Как рассказывают, папа в тот день задержался на работе со своим другом Георгием Кругловым, директором фабрики. В его кабинет пришли какие-то военные. Они искали диверсантов. По их словам, с территории фабрики подавали сигналы из ракет для вражеской авиации. Конечно, попавшийся им под руку папа с его фамилией

оказался самым подходящим кандидатом на эту роль. Его сразу же увели в центральную тюрьму. На все наши запросы только обещали во всем разобраться. Разобрались... 27 июня, перед уходом из Риги Красной армии, они оба были расстреляны вместе с остальными заключенными. Я сама слышала по радио сообщение – враги народа приговорены к расстрелу, весь список зачитали. Мама и жена моего отца ринулись в тюрьму, чтобы найти хотя бы тела своих мужей и похоронить по-христиански. Обнаружили их во дворе со следами страшных пыток...

Моя мама еще долго была в ужасе от случившегося, саму ее от расправы Бог уберег, наверное, потому, что она сменила фамилию и стала Долговой. Всех остальных Кузнецовых, кто не успел перед войной уехать за границу, сослали на каторгу.

С тех пор мама никогда ничего не рассказывала, когда я ее спрашивала про семью Кузнецовых, говорила – ничего не помню! Она всю жизнь боялась, что и с нами так же расправятся. Осенью 44-го мы последним поездом уехали в Германию, но потом попали в советскую зону и вернулись в Латвию. Нам долго не давали паспортов, было очень тревожно, но все обошлось. В Риге я опять пошла в школу, мама устроилась рисовальщицей на фар-

форовую фабрику в Мангали, бывшую Ессенскую. По окончании учебы я тоже здесь работала – с 1946 года пять лет разрисовывала посуду в живописном цехе. Это был чистый конвейер, весь год я наносила один-единственный рисунок на кружках, чайниках, блюдах. Прimitив полный. Он меня потом во сне еще долго доставал – голуби, два цветочка и два оранжевых листочка...

На заводе, конечно, многие знали, из какой я семьи, но я сама об этом не говорила никому. Уволилась оттуда с большим трудом – не хотели отпускать. А мама проработала на фабрике до 1955 года. Мы с ней обе очень любили вышивать, после завода она расшивала в ателье на ул. Ленина дамские блузки, белье, платья. Я преподавала кройку и шитье на курсах, потом вязание и макраме. Сейчас вот нянчу внучку, ее называли в мою честь – Татьяной. Ей исполнилось 12 лет...

...Сегодня потомки Кузнецовых живут в России, Америке, Австралии, Германии. Кузнецовский фарфоровый завод, который до войны был преобразован в акционерное общество, в 1997-м был признан банкротом. В 2001 году в Ригу приезжали американские и австралийские наследники фарфоровой империи. Из всего наследства им вместе с рижанами удалось отвоевать 5-этажный дом на улице Маскавас и прилегающий к нему участок земли. Сейчас помещение пустует, но Татьяна Матвеевна и группа поддержки, в которую входят многие известные художники и бывшие работники «кузнецовки», хлопот о переводе сюда рижского Музея фарфора. В 2005 году ему были переданы уникальные экспонаты из музея Рижской фарфоровой фабрики.

ФАРФОРОВЫЙ РАЙ НА УЛИЦЕ ГРЕШНИКОВ

Когда-то в Старой Риге, на улице Грешников, был большой 2-этажный магазин кузнецовского фарфора, его взорвали немцы, уходя из города в октябре 1944-го...

Рижская учительница литературы, а сейчас – пенсионерка Надежда Федоровна Ильянок в детстве часто приходила сюда к своему папе Федору Будылину. Он работал бухгалтером в Кузнецовском акционерном обществе, а на общественных

началах заведовал еще и фабричной библиотекой, им же основанной и собранной. Маленькой Наденьке магазин тогда казался сказочным дворцом, наполненным невиданными сокровищами. Видя ее восхищение, папа частенько покупал специально для нее фарфоровых зайчиков, слоников, собачек, разноцветных бабочек... И не было для девочки лучшего подарка! На дни рождения, Рождество, Пасху и другие праздники сослуживцы также дарили Федору Будылину кузнецовские изделия – вазы, сервизы, пепельницы, конфетницы. Увы, почти все эти сокровища Надина мама в войну была вынуждена обменивать на продукты и мыло.

Жили они в Московском форштадте, неподалеку от Кузнецовской фабрики. Здесь работал ее дедушка Николай Алексеевич Будылин. Должность у него была скромная, дед стоял на воротах – открывал и закрывал их по мере надобности. Тем не менее хозяева вскоре выделили ему квартиру в небольшом домике на территории завода, чтобы пожилому человеку не надо было спозаранку на работу добираться издалека...

«Хотя мне тогда было мало лет, – говорит Надежда Федоровна, – но я хорошо помню, что Кузнецовы умели отличать дельных и ответственных работников. И заботились о них».

В ее старинном семейном альбоме хранится много фотографий «кузнецовского» периода. Вот ее дед, стоящий у ворот фабрики, вот отец за бухгалтерским столом в кузнецовском магазине, он же – на юбилее главного бухгалтера. За праздничным столом собралось все высшее руководство «акционерки» – рядом с виновником торжества сидит председатель правления Николай Матвеевич Кузнецов, тут же его братья – Сергей и Александр. Федя Будылин, совсем еще юный и кучерявый, пристроился у окна. 1935 год. Расцвет кузнецовской империи в Риге. Еще ничего не предвещало беды...

Будылин с юности был страстным книголюбом, ему удалось уговорить хозяев фарфоровой фабрики основать здесь библиотечный кружок, который очень скоро перерос в огромную библиотеку. О ней знала вся читающая Рига, сюда приезжали знаменитые художники, артисты, издатели, купцы, фабриканты... И хотя молодой бухгалтер был библиотекарем на общественных началах, он самым тщательным образом вел учет всех изданий, заноса в журнал записи книжных поступлений. Эти записи до сих пор хранит его дочь. Большинство книг и журна-

лов библиотеке жертвовали сами Кузнецовы, их жены и взрослые дети. Кроме того, Будылин выписывал журналы, газеты, собирал редчайшие рукописи и старинные издания. Сам бережно сшивал и переплетал их. Библиотеке он отдавал душу и сердце. В 1937 году Федор занял второе место в литературном конкурсе, посвященном 100-летию со дня гибели Пушкина...

Наде еще не было 16 лет, когда началась война. Когда немцы нагрянули в фабричную библиотеку, по иронии судьбы им первым делом на глаза попался роман Островского «Как закалялась сталь», на обложке которого красовались красноармейские штыки. Они тут же назвали библиотеку коммунистическим гнездом и велели немедленно уничтожить все книги!

«Представляете, мы с мамой под страхом смерти в течение нескольких дней вынуждены были жечь в печи эти бесценные издания, – сокрушается Надежда Федоровна. – Кое-что, конечно, мы все же рискнули и припрятали, но большую часть книг, с такой любовью собранных моим папой, пришлось уничтожить...».

Самого Федора Будылина во время разгрома его детища в Риге, к счастью, не было. За долготлетнюю работу на фабрике Кузнецовы наградили его путевкой в санаторий в Феодосии, куда он уехал 30 мая 1941 года. Вернуться должен был на поезде 23 июня. Но до

Латвии не доехал, начались бомбежки, и их состав отправили назад, в Россию. Вскоре отец Нади попал на фронт, после ранения был комиссован и отправлен в Саратов, где и умер от тифа за три месяца до окончания войны. А было ему лишь 44 года... ❀

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ ЛЬВА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Сто лет назад Лев Толстой глубокой ночью собрался и ушел из дома, тайком от жены. Четверть века собирался – и наконец ушел. Оказалось – ушел к смерти. А всем кажется – к свободе. Последний шанс показать всем кукиш, последний рывок, освобождающий от связей, условностей, обязательств. Открытая дверь – не то в вечность, не то в никуда.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А обстоятельства сделали из старого Льва первую звезду всероссийского масштаба – в нынешнем, самом скверном понимании этого слова. За каждым чихом следят репортеры, к дому косяком тянутся просители, едут непрошенные гости, осаждают поклонники (толстовцы как фанаты – забавная тема для исследования), стаями летят письма, и, что хуже всего, на части рвет ближний круг – родные и друзья, единомышленники и помощники.

Толстой – первый мученик и заложник статуса, вынужденный жить под бдительным присмотром миллионов глаз. Духовная ли драма, телесная ли немочь, конфликт ли с женой – все становится достоянием корреспондентов; друзья и родственники строчат дневники, зачитывают их друг другу, передают дальше, обсуждают и разносят по миру.

Сначала кажется, дневники их и погубили. Толстовская привычка с юности отслеживать каждое движение души, работать над собой, совершенствовать себя, фиксировать свой день, сохранять свои мысли – к старости стала его проклятием: все вокруг него, кажется, только то и делали, что писали свои дневники, читали чужие и передавали их содержание кому-то еще. Началось с доверия – Толстой дал юной жене свои холостяцкие дневники; доверие, однако, скоро переросло в нарушение личных границ – настолько, что на старости лет он уже прятал от нее в голенище свою последнюю книжечку, дневник «для одного себя», тайком писал завещание в лесу на пеньке и страдал от ее ночных обысков в кабинете.

Дневники вели чуть не все друзья семьи: драма распада ясно-полянкой семьи отражена не только в дневниках самого Льва Николаевича и Софьи Андреевны, но и дочери их, Александры Львовны, и ее подруги Варвары Феокритовой, и толстовского се-

Уход назревал давно. Старик Толстой жил так, как жить не хотел никогда. Жить он хотел просто и спокойно, где-нибудь в тишине, на отшибе, среди простых людей; зарабатывать себе на хлеб ремеслом, вести тихие беседы и не быть никому в тягость. Но – аристократ по рождению, писатель по призванию, глава огромной семьи, хозяин усадьбы, повисшей на нем тяжелым бременем, – он жил не по выбору, а по инерции обстоятельств.

ШКУРА НЕУБИТОГО ЛЬВА

Толстой, тяжело страдающий при виде всякой социальной несправедливости, еще в 1894 году отказался от имения, которое отписал жене и детям, от доходов на книги, изданные после 1881 года – года, когда он пересмотрел мировоззрение. Он и в имении своем уже не был хозяином (горько говорил крестьянину Новикову,

что его считают дома «приживальщиком»). Личных денег имел мало – даже в газете опубликовал объявление, что не имеет возможности удовлетворять просьбы о денежной помощи. И просителям в ней отказывал (просители неизменно обижались). И когда ушел из дома, ему и железнодорожных билетов оказалось не на что купить – доктор Маковицкий брал «для Льва Толстого», и ему дали. Он сам объяснял свой уход вот этой – социальной – невыносимостью своего существования в Ясной Поляне, нестерпимостью барского своего положения: кругом бедность, а я тут в усадьбе, и лакей прислуживает за обедом.

кретаря Булгакова, и доктора Маковицкого, и друга семьи музыканта Гольденвейзера – и каждый был уверен, что он лучше всех понимает писателя, знает, что ему нужно, кто ему друзья и враги. И каждый спасал от врагов – так, как считал нужным. Жена – от друга и единомышленника Владимира Черткова, Чертков – от жены, Александра Львовна – от Софьи Андреевны, подруга ее Варвара была рядом, фиксировала всякий промах Софьи Андреевны и злобно передавала дальше... Каждый вербовал себе сторонников из вновь прибывших – недаром, по сообщению Валентина Булгакова, приехавший в Ясную Поляну по делам преподаватель консерватории Клечковский, послушав Софью Андреевну о Черткове, а затем Черткова – о Софье Андреевне, в тот же день бежал из Ясной, в ужасе, с головной болью, и потрясенно повторял: – Боже мой, как не берегут Льва Николаевича! Как не берегут Льва Николаевича! Как с ним неосторожны!

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ | ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Выдержки из интервью с Л.Н. Толстым, опубликованных в российских газетах и журналах

1886 год

«Исторический вестник». Г. Данилевский

«Более 30 лет назад, когда некоторые нынешние писатели, в том числе и я, начинали только работать в стомиллионном русском государстве, грамотные считались десятками тысяч; теперь, после размножения сельских и городских школ, они, по всей вероятности, считаются миллионами. И эти миллионы русских грамотных стоят перед нами, как голодные галчата, с раскрытыми ртами, и говорят нам: господа, родные писатели, бросьте нам в эти рты достойной вас и нас умственной пищи; пишите для нас, жаждущих живого, литературного слова; избавьте нас от все тех же лубочных Ерусланов Лазаревичей, Милордов Георгов и прочей рыночной пищи».

«Неделя». В. Грибовский

«Мир не может держаться на зле. Если бы мир держался на зле, он давно бы погиб. Вы не хотите видеть в мире хорошего и видите только дурное. Перемените взгляд на жизнь, и вы сами избавите себя от нравственных страданий».

«Хотите, на основании вашей науки я логично буду защищать все, всякую мерзость, начиная с отнимания куска хлеба у голодного человека и кончая убийством его из-за личного блага. Верьте мне, люди нынешнего века признают научные теории оттого, что они потворствуют и оправдывают людей в их дурной и порочной жизни».

Но, может быть, и это он мог бы перенести, уже до предела упростив свой быт, если бы не другая причина, о которой он вслух не говорил по глубокому душевному целомудрию. Жизнь дома причиняла ему еже-секундные страдания, и отнюдь не только социального свойства. Куда больше угнетала его жестокая и бессмысленная борьба между женой и единомышленниками за дальнейшую судьбу его творческого наследия. Родные и близкие, за редким исключением, вели себя так, будто он уже мертв: боролись за место в мемуарах, дрались за оригиналы дневников и черновики, подчищали и редактировали его дневники, делили наследство и наследие. Двумя полюсами этой драмы были Софья Андреевна

и Владимир Чертков, друг Толстого и впоследствии душеприказчик. И мягкий, обходительный, рефлексирующий Толстой, пытающийся всех понять и никого не обидеть, склонялся то к одной стороне – и по настоянию жены не виделся с другом, то к другой – и по настоянию друга писал завещание тайком от жены. И страдал потом, и обвинял себя в неправоте, и страдала жена, и страдал друг, и все страдали и строчили дневники и многостраничные письма – Чертков однажды разразился письмом аж на одиннадцати страницах! – и ни один, кажется, не сказал, как мать на Соломоновом суде, – пусть не мне достанется, но будет жив...

Нет, коллективный Карандышев решил: так не достанься же ты никому.

БЕЗУМИЕ

Престарелый Толстой оказался в этой буче еще самым душевно здоровым человеком – хотя один доктор предполагал, что и сам уход его из дома был вызван помрачением ума, обусловленным интоксикацией организма при уже начавшейся пневмонии.

Тогда ведь не только пневмонию не лечили. Тогда и психиатрия была в зачаточном состоянии, и доктора могли разве что констатировать у Софьи Андреевны паранойю и истерию, но толком помочь ничем не могли – домашним оставалось терпеть, мучиться и сердиться.

1890 год

«Новое время». А. Молчанов

«– Впрочем, – заметил он (Л.Н. Толстой. – **Прим. ред.**), как бы конфузясь, – я глубоко убежден, что вредно и нехорошо, когда произведения печатаются при жизни их авторов.

– Отчего же, граф? – удивился я.

– Во-первых, когда произведения публикуются еще при жизни автора, он, когда пишет, не свободен, он непременно будет думать, что скажут о его труде, как его встретят и прочее и прочее. Все это нехорошо, очень нехорошо... А потом пережить, знаете, свою славу, дело такое трудное, которое не всякому удается».

1895 год

«Самарская газета». И.С.

«Учительская деятельность может стать великим делом, но только тогда, когда в ней выражается свободное стремление вашей души, когда вы не опутываете себя цепью программ... Всякий род деятельности должен быть служением истине; и если вы сознали, что ваше призвание в учительстве, то и работайте на этом поприще, но работайте так, чтобы ваш труд являлся действительным служением людям».

«Курьер торговли и промышленности». Conto

«Хотя я очень близко и не знаком с газетным миром, но к работникам его чувствую всегда некоторую зависть.

– Почему так?

– Журналистам не приходится так уходить в работу с головой, отдаваться всем телом и душой своей идее и, наконец, испытывать те родовые муки, которые неизбежно сопровождают всегда появление на свет божий какого-нибудь произведения. Независимо от этого, у журналистов вырабатывается техника, которой, признаюсь, даже у меня совсем нет. Не говоря уж о том, что я самым старательным образом отделяю каждую строку моих произведений, мне даже написать простое письмо чрезвычайно трудно и иногда приходится переписать его до пяти, шести раз. Пишу я только тогда легко, когда совершенно забываю о самом процессе и отдаюсь моим мыслям».

1896 год**«Петербургская газета». Нард**

«Но кто же вам сказал, что цивилизация ведет к счастью! Вот, говорят, разовьется цивилизация, завертятся машины, все будут счастливы. С чего это? Нет, цивилизация и наша, как бывшие до нее, придет к концу и погибнет, потому что она не что иное, как накопление уродливых инстинктов человечества... По учению мира, люди служат, ходят в канцелярии, получают за это деньги. Но разве они любят свой труд, разве он удовлетворяет их! Нет! Их одолевает скука, работают они ненавистную работу, и, пари готов держать, что вы не услышите ни от одного из них, чтобы он был доволен своей работой».

1897 год**«Орловский вестник». Н. Чудов**

«Художник должен знать законы перспективы и тому подобное, излишней роскоши не нужно. Я допускаю хоть одни картоны. Но пусть они будут оживлены идеей и проникают всюду: народ увидит и поймет... И в музыке я, разумеется, стою за песню, на которую откликнутся сотни сердец, — а не за Вагнера, который чужд толпе... Ведь это — то же декадентство. «Музыка будущего» — жалкий софизм. Все, что имеет силу, не валяется в пыли: припомните Христа, Будду и их влияние на самый низший класс».

Можно ли винить Софью Андреевну в том, что к старости произошло с ее рассудком? Девятнадцать беременностей, из тринадцати детей — Варя не прожила и месяца, Петя и Николенька умерли годовалыми, Алексей — четырехлетним, Ванечка умер от скарлатины в семь лет, Маша от воспаления легких — уже взрослой, в тридцать пять. Шесть раз по одному и тому же месту, по детям, ни опомниться, ни встать — а надо еще жить рядом с гением, соответствовать его невероятно высоким требованиям, прощать обиды — а среди них были горькие, как «Крейцерова соната»; терпеть несправедливости: хочет послушать, о чем говорят гости, а муж ей молча указывает глазами на дверь; сносить горе — один из ее выкидышей был спровоцирован гневными криками мужа... Вести хозяйство, заниматься делами, которыми не хочется, но надо, завидовать мужу, который может — что хочется... и всегда быть заведомо неправой, потому что он — гений, а она нет.

Можно ли винить ее в том, что на склоне лет она помешалась на пунктике «я хорошая, я не враг ему», что главным содержанием ее жизни стала его неблагодарность и ее горькая обида? Толстой трактовал всякое безумие как крайний эгоизм, но один ли крайний эгоизм был в этом безумии? Впрочем, с безумием жены Толстой, уже успокоившийся, мудрый, понимающий, пытался бороться не гневом, как раньше; теперь его оружие — любовь и терпение.

С другой стороны, однако, его под руку толкал Чертков — с его собственным безумием, с тиранством, с жадной власти, с бурной деятельностью: современники вспоминали его «приступы» или «припадки» возбуждения и бешеной активности, которые

длились по несколько дней... Жена впадала в неистовство — то угрозы самоубийства, то обыски с изъятием рукописей и дневников, перевеска портретов в кабинете... Прибегала дочь, обижалась на мать, перевешивала портреты обратно. Чертков писал письма, увещевал, требовал и настаивал. И в центре этой войны самолюбий, амбиций, в кипении душевного нездоровья стоял усталый, больной старик, мечтающий о покое.

* * *

А к нему шла вся Россия — шли попрошайки и сумасшедшие, шли мятущиеся эгоисты, свято уверенные, что на свои глупые вопросы они непременно должны получить ответ у самого Льва, шли графоманы со своими стихами и прозой, и убитые горем и нуждой люди в поисках утешения, и прекраснотолстовская молодежь, взывающая к Толстому, перетолстовствовавшие Толстого, и православные, желавшие его переубедить и призвать к покаянию.

Посетители разносили по России свои впечатления — не только от разговора: достоинством публики становилось даже яснополянское меню; поистине, первый в России пример жизни при полном паблисити — и пример неудачный до жестокости. Куда бы

он ни ступил — вокруг оказывались зеваки, с детской радостью лезущие в кадр фотографа (а вот я на фоне писателя!), и репортеры, даже в вокзальном буфете сующие нос в графскую тарелку и извещающие страну: Толстой съел яичницу!

старцем Иосифом, но не желал навязываться, тот был болен; Иосиф был готов принять, но тоже что-то не срослось, не вышло, не получилось беседы. Не вышло остаться жить при монастыре, как он хотел: по обыкновению сам навязываться не желал, кто-то из деликатности отошел подальше, кто-то побоялся взять на себя ответственность – как же, отлученный от церкви пришел в монастырь! – пока брали благословения у начальства, пока решали, пока посылали вдогонку, он уже решил, что и тут ему не жить.

И тихая семейная трагедия загнанного в угол старика и душевнобольной старухи (ему 82, ей 66) стала стремительно превращаться в крупнейшее событие общественной жизни, в колоссальный новостной повод для прессы.

Иногда хочется просто никого не видеть, и чтобы никто не видел тебя. Когда человек в 82 года, нуждающийся в помощи и уходе, сбегает из дома в темную осеннюю ночь, почти без денег, тайком, уговорившись с верными людьми, что даже письма свои будет подписывать «Т. Николаев», – ему должно быть очень плохо. Спрятаться в тихом месте – хоть где-нибудь (он навел справки, можно ли снять теплую крестьянскую избу), – и в уединении выяснить свои сложные отношения с жизнью и с Богом, подготовиться к смерти – главному событию жизни. Но уединения найти он не мог нигде: с такой всемирно известной бородой надо было разве что побриться наголо и загримироваться – но шпионские страсти не для этого состояния души.

Едва он покинул Ясную, его стали узнавать – прохожие, буфетчики, железнодорожные служащие; его маршрут вскоре стал ясен; по его следу полетели репортеры; Ясную обложили газетчики – «графиня изменившимся лицом бежит пруду», – достоянием публики стала и невозможная душевная боль брошенной жены, и неудавшаяся попытка самоубийства – тут же интерпретированная как истерическая демонстрация и шантаж.

Он недолго пробыл в Шамордине, у сестры, жившей там монахиней, чуть отдохнул душой, – надеялся на встречу с оптинским

И неприкаянный граф, гонимый тоской, снова тронулся в путь – а за ним репортеры, и игумен Варсонофий, по благословению Синода, в надежде, что Толстой все же захочет поговорить. Толстой простужен, болен, не знает толком, куда ему ехать. Доктор Маковицкий говорил потом, что думали даже ехать в Одессу, а там в Константинополь, – но сходит в Астапове, уже больной, в жару, бессильный, и спасибо начальнику станции Озолину, который уступил ему свой дом, – а то бы и умирать Толстому непонятно где.

И газеты трубят о великом уходе великого человека, о символическом смысле поступка, и Россия в ужасе и восхищении внимает, а дома мечется убитая горем жена и не знающие, что думать, дети. Павел Басинский в своей прекрасной книге «Лев Толстой. Бегство из рая» цитирует «Одесские новости», напыщенно указавшие семье: «Не ищите его, он не ваш, он всех!» И хорошо еще, нашелся в другой газете, в «Русском слове», добрый человек Константин Орлов, который сжалился и написал семье – Толстой в Астапове у

1900 год

«Русский листок». С. Орлицкий

«Все у меня интервьюеры выпытывают, исповедуют меня. Не остережешься, что-нибудь скажешь – сейчас напечатают. Не то чтобы это мне вредило, но... знаете... интервьюеры частенько мне приписывают то, о чем речи вовсе не было».

«Техника в наше время во всех родах искусства доведена до замечательного совершенства. Но это еще не все, что нужно искусству. Я не был в Общедоступно-Художественном театре. Говорят, там постановка совершенна. Талантливых исполнителей, однако, не видно; пьес хороших тоже нет. И так везде! На внешности, на технике все и остановилось. Возьмите Достоевского. По своей технике он ниже всякой критики, но он не только нам, русским, но всей Европе открыл целый новый мир. Техника вовсе не главное дело, как теперь думают».

«Литературу поглотили газеты. Но и газеты и журналы ныне перестали уже быть литературным делом, а сделались азартной игрою. Вопрос уже не в том: как издавать? Чему служить? Что проповедовать? А в том, как выиграть приз, обогатиться... Между азартными игроками в карты или на скачках трудно и нелегко даже искать серьезных стремлений и нравственных целей. Литература, превратившаяся в азартную игру, тоже не может быть богата идеалами и нравственными целями...».

1903 год

«Одесские новости». Е.А. Соловьев

«У интеллигенции кроме других скверных привычек есть еще привычка носиться с своим отчаянием... В конце концов, это только скучно и нисколько не умно. Каких-то пятнадцать человек, заседающих в петербургских редакциях, выдумывают то свою веру, то свое отчаяние и серьезно думают, что это для кого-нибудь и для чего-нибудь важно и поучительно... Надеюсь, вы не думаете, что вся мудрость жизни сосредоточена в петербургских редакциях».

«Ну вот читаю я ваши журналы... Издаются, пишутся и печатаются они в Петербурге или в Москве. С обложкой спорить не стану. Но всегда кажется мне, что издаются и пишутся они не в Петербурге и Москве, горделиво ставящих себя во главе России, а где-нибудь в самой глухой провинции, откуда в три года ни до какого государства не доскачешь. Право, так... Какая-то печать глубокого, наивного провинциализма лежит на всех этих столичных писаниях, и, скажу, провинциализма дурного тона. Ни выбрать чего-нибудь важного и интересного для всех они не умеют и не умеют остановиться на этом важном и интересном... Самое для них главное и большое – это, очевидно, то, что происходит в их собственных литературных приходах и кварталах. Об этом они готовы звонить без конца с тем же усердием, с каким провинциалы обсасывают каждое свое происшествие и каждую сплетню... Скучно это, и надо вам всем на свежий воздух...».

начальника станции, температура 40... И семья тоже срывается с места и едет и селится в вагончике рядом; но жену тоже не пускают к Толстому, как не пускают игумена Варсонофия – Толстой ясно не сказал, что он этого хочет... Ему и трудно, и стыдно, и нет сил для последних объяснений. Трое детей с ним, трое – с матерью в вагончике; жена украдкой пытается заглянуть в окно дома, куда ее не пускают; раскол и раздраз продолжаетеся и у смертного одра.

И шесть докторов, и сиделка, и девушка-горничная, и еще какие-то люди – но ни жены, ни священника, и он уходит от двух самых нужных и самых тяжелых разговоров. И просит только – оставить его в покое, не пихать в него лекарство, не колоть ему морфий – пустить, отпустить – чтобы идти дальше – не идти даже, бежать, «удирать». В мире полно других людей, что вы все смотрите на одного Льва? – спросил он перед смертью.

В чужом доме, в чужой постели, не найдя ни уединения, ни тихого угла, без прощания, без приготовления, как хотел и собирался, никуда не удрав ни от себя, ни от жены, ни от нерешенных вопросов. Все не так, все неправильно, все больно.

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

А страна гудела как улей и плакала, и завидовала – видя в последнем уходе не тоску и бесприютность человека, лишенного на старости лет малейшего частного пространства и возможности личного выбора, а мощный

прорыв к свободе – от условностей, от связывающих обстоятельств, от лжи – к последней, предельной честности перед собой и другими.

Но предельная честность оказалась смертью.

Собственно, о религиозном, литературном, духовно-нравственном, общественно-политическом и всемирно-человеческом значении ухода Толстого написаны километры книг и статей. Я о другом. О частном. О человеческом.

О том, что нехорошо издеваться над чужим сумасшествием. Что не надо рассказывать мужу, как ужасна его жена, и целой группой товарищей спасать его от нее. Что не надо тягать человека туда-сюда: если любишь, не рви, а отпусти.

О том, что старым людям нужен покой и душевное тепло, а не конфликты и борения, даже по самым принципиальным вопросам. О том, что людей надо беречь, даже если это не всемирный гений, а параноидальная старушка.

О том, что нельзя читать чужие дневники и пересказывать чужие письма. О том, что у человека должно быть личное пространство – свой пузырь воздуха, чтобы дышать, – и лезть в этот пузырь нельзя никому – ни друзьям, ни жене, ни детям, ни секретарям, никогда, ни под каким видом. Что у самого открытого, самого гостеприимного дома должны быть закрывающиеся двери, крепкие замки и тайм-ауты без гостей.

О том, что людей надо уметь оставлять в покое, даже если очень хочется вблизи посмотреть на лицо, которое каждый день видишь в газете, и высказать давнее несогласие с его общественной позицией.

О том, что гении – просто люди, достойные не только восхищения, но и пощады. 🍷

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ШЛЯПА – В ПОЛЕ

МИХАИЛ БЫКОВ

Сначала надо заузить носки. Да так, чтобы острие приобрело квадратную форму. После – набить на колодку и расклинить. Потом – намочить в сдобренной сахаром и одеколоном воде, еще расклинить и подсушить при комнатной температуре. Протереть стеарином, кремом и прогладить утюжком. Не гладить только на сгибах. Слегка остудить, надеть горячими, сделать заломы, остудить окончательно, подпороть подклад, вставить вкладыши-«кости», чуть ушить в верхней части, пропитать кремом еще раз и оставить на ночь. Утром – отполировать щеткой из натурального волоса, потом бархоткой с сахарной пудрой. Все!

Те, кто знает, о чем речь, были когда-то курсантами военных училищ. Им не надо объяснять, что эта инструкция учит, как превратить скучную пару казенных сапог с интендантского склада в произведение искусства.

Куда труднее объяснить, по каким причудливым законам формируется военная мода. Казалось бы, именно военный костюм, в отличие от «шпаковских лапсердаков», должен быть прост в хранении и носке, удобен, практичен, долговечен и, соответственно... скучен.

Как бы не так! Даже в наше скупое на романтику время военные исхитряются внести индивидуальное в зеленовато-серо-коричнево-пятнистую массу положенной им одежды, именуемой в просторечии «комок». А уж «дембельская парадка» по-прежнему поражает длиной аксельбантов и глубоким декольте, обнажающим многоцветье всевозможных тельняшек.

А каково оно все было когда-то? В эпоху, когда военный мир еще не знал цвета хаки?

ПОЧЕМУ СРЕЛЬЦЫ НОСИЛИ РАЗНОЦВЕТНЫЕ КАФТАНЫ

С чьей-то легкой руки пошло, что армия в России появилась при Петре I. Вернее говорить, что Петр реформировал армию. Но раз была реформа, значит, имелось то, к чему ее можно было применить.

В 1550 году у царя Ивана IV Грозного появились стрельцы. Первые шесть полков регулярной пехоты по 500 человек в каждом, называвшихся сначала «статьи», потом «приказы», были сформированы из существовавших на Москве пищальников. В день коронации Феодора Ивановича, сына Грозного, стрелецкие приказы насчитывали уже более 20 тысяч.

Грозный изначально распорядился одевать стрелецкую регулярную пехоту в одинаковую одежду. То есть тезис о том, что Петр первым переделал армию в одинаковую форму, критики не выдерживает. Более того, при Петре армия довольно долго выглядела весьма «нерегулярно». По банальной причине: краску в стране произ-

водили в малых количествах, а на импортные закупки экономный государь денег жалел. Но об этом после.

Стрелецкая мода была очень консервативна. По большому счету 250 лет стрельцы носили вещи, скроенные по представлениям средневековой Руси. Хотя никакого жестко регламентированного кроя не требовали. Основой парадной формы был восточноевропейский кафтан длиной чуть выше щиколотки с двумя небольшими разрезами по бокам. Застегивался он слева направо на произвольное количество пуговиц. Кафтан подпоясывали мягким кушаком поверх поясного ремня, на котором держалась сабля. Воротник был отложной, шалью, только в конце XVII века появился высокий и стоячий. К кафтану полагалась бархатная высокая шапка. Начальники обшивали воротники и шапку дорогими мехами, например соболем. Рядовые стрельцы пользовались бараний и козий мех.

Была в обиходе и полевая форма. Походные, или «носильные», кафтаны – только черного, серого или коричневого цвета. Шапки при этом не менялись, по их цвету да по знаменам и определяли полковую принадлежность стрельца. Штаны, или порты, шили в обтяжку, длиной до голени.

Вот что у стрелецкой братии было одинаковое, так это рукавицы и в подавляющем большинстве – сапоги. При этом обувь, как правило, желтого цвета, а вот краги – коричневого.

Четкого регламента на ношение оружия не было. Понятно, что саблю крепили слева, по удобству. А вот знаменитые бердыши таскали кто на правом плече, кто на левом. Не было «обязаловки» и по части усов-бород. Кто хотел – носил, кто не хотел – брил. Длинные волосы были не в чести, хотя некоторые и щеголяли.

Чем украшали форму? Помимо меха использовали золотую или серебряную нить. Ею обшивали петлицы на кафтанах. Так что традицию металлического полкового прибора – либо золото, либо серебро – закладывали задолго до появления императорской гвардии. Парадные кафтаны имели яркие полковые (приказные) цвета. Каких только не было! От традиционного для военной Руси красного до причудливых брусничного, оранжевого, клюквенного, мясного. В 1655 году в Москве в свите архиепископа Антиохийского оказался архидиако́н Павел Алеппский. Он так описал возвращение стрелецких приказов в Первопрестольную: «Если знамя было белое, то все ратники, следовавшие за ним, были в белом. Если синее – то и ратники

за ним в синем. И точно так же, если оно было красное, зеленое, розовое или каких других цветов».

Возникает вопрос: если у петровских гренадер краски не было, откуда она бралась у стрельцов?

Сукно, равно как и все прочее, стрельцам отпускали с царева двора. Московским приказам – раз в год, городовым – раз в три-четыре года. А вот крашеное или нет – неизвестно. Можно предположить, что стрельцы, дорожившие полковой принадлежностью, сами тратились на покраску в любой колор. Возможности у них для этого были существенные. Еще во времена Грозного рядовой стрелец получал от 4 до 7 рублей жалованья, а кормился с казны да с собственного двора на Москве.

ПОЧЕМУ У ПРЕОБРАЖЕНЦЕВ И СЕМЕНОВЦЕВ ЧУЛКИ БЫЛИ КРАСНЫЕ

Полки инородного строя (укомплектованные из солдат иностранного происхождения) появились в России при царе Алексее Михайловиче Тишайшем. Он был следующим государем за Иваном Грозным, что решился на реформу армии. Но довести дело до конца не сумел. И хотя Московия при нем воевала по большей части успешно, стрелецкие полки пребывали в неудовольствии по причине дурных предчувствий. А солдаты-иноземцы полноценной частью армии так и не стали.

Это прекрасно понял сын царя Алексея, Петр, когда его довольно многочисленное, но бестолковое войско получило оплеуху от мобильной и организованной армии шведского короля Карла XII под Нарвой в ноябре 1700 года. До болезненного поражения на Балтике Петр пытался заниматься армией по существу, но не по «оформлению». Начали обретать традиции первые гвардейские полки – Преображенский и Семеновский, однако остальная армия только переодевалась в европейское платье. Именно Нарва подтолкнула царя к проведению всего комплекса реформ, в котором обмундирование, знаки различия и отличия играют не последнюю роль. Нарва породила первую награду регулярной русской армии – офицерский горжет

(горжет), который на парадной форме 217 лет носили преображенские и семеновские офицеры. Горжет – это металлический щиток овальной формы, надеваемый на грудь. Во времена рыцарства он имел прикладное значение. Защищал ключицы и горло от ударов. Со временем превратился в декоративный элемент формы. Петр повелел выбить на горжетах офицеров-гвардейцев памятную надпись.

Гвардейская пехота того времени была одета в зеленые (преображенцы) и светло-синие (семеновцы) кафтаны, короткие штаны и белые чулки с башмаками. В нарвском сражении бежала почти вся малообученная армия Петра. На месте остались только четыре воинские части: две – иноземного строя под командой Гордона и Вейде и петровские «потешные». Царь приказал солдатам Преображенского и Семеновского полков носить красные чулки. За то, что стояли по колено в крови и не сдвинулись. Письменный приказ на сей счет не сохранился, и, возможно, история про красные чулки – лишь красивая легенда. Хотя бы потому, что в походе пехота носила не башмаки с чулками, а сапоги с голенищами. Но история моды дышит легендами. А Петр... Петру, по мнению академика Дмитрия Лихачева, «бесспорно принадлежит смена всей знаковой системы Древней Руси».

Понадобилось время, чтобы русская армия приобрела единоеобразие. Пехоту переодевали в зеленое сукно, но денег не хватало. И попадались полки в синем или красном. Драгунской кавалерии – а другой и не имелось – полагались синие кафтаны с белыми воротниками, лосиные (замшевые) штаны и камзолы, тяжелые ботфорты. Эти монстры черной кожи – не прихоть. Драгуны атаковали в сомкнутом конном строю. Если не защитить ногу плотной кожей грубого сапога, травма от скачущей впритирку соседней лошади неизбежна.

Артиллеристы и инженеры получили красный цвет на кафтаны, камзолы, штаны, а вот на воротники – синий.

Главным убором служила не только и не столько знаменитая треуголка, благодаря кинематографу успешно перекочевавшая с головы Петра на все остальные русские военные головы. Чаще носили картузы, они же – карпузы. Круглые суконные шапки с двумя большими козырьками-отворотами. Летом отвороты располагались спереди – от солнца и сзади – от

дождя. Зимой карпуз можно было развернуть и прикрыть козырьками уши.

Офицеры отличались от унтер-офицерского и рядового состава не только горжетами. Им полагался офицерский шарф, который носили через правое плечо и завязывали двумя кистями на левом боку. Младшие (обер-офицеры) пользовались кистями серебряными, старшие (штаб-офицеры) – золотыми. Петр Алексеевич к внешнему виду был требовательнее, чем его отец Алексей Михайлович. Все без исключения военнослужащие обязывались носить усы и не стричь волосы выше плеч. Париков и пудры не требовалось. О том, что приказ царя на сей счет выполнялся неукоснительно, свидетельствует портрет первого петровского гвардейского солдата, Сергея Леонтьевича Бухвостова, писанный петербургским художником Махаевым с прижизненного бюста, сделанного Растрелли, но не сохранившегося. Немолодой уже офицер на портрете – в усах и с редкими, но длинными, лежащими на плечах волосами.

Цветовая гамма русской армии, придуманная Петром, сохранялась почти век. А частью – осталась на века. Уже в 1720 году лейб-гвардии Семеновский полк переодели в зеленое сукно с голубым воротником. В 1775 году синие драгуны стали зелеными. А артиллеристы 30 годами ранее получили на воротники ставший их фирменным черный цвет.

Куда сильнее менялись крой и размеры одежды. Мирная мода стала влиять на военную. А кроме того – и личные предпочтения русских императоров второй половины XVIII века, влюбленных в прусский стандарт.

ПОЧЕМУ ЕКАТЕРИНА ПОНИМАЛА В ВОЕННОЙ МОДЕ БОЛЬШЕ МУЖА И СЫНА

Едва на русском престоле оказался государь голштинского происхождения Петр III, как русская военная форма мгновенно усохла, заузилась и скукожилась.

Считается, что величайшим полководцем Европы середины XVIII века был прусский король Фридрих. Он-де изобрел новую тактику и не знал поражений. Что до тактики – никто не спорит. Насчет поражений – извините. Это при Фридрихе Великом в ходе Семилетней войны русская армия в первый раз взяла Берлин.

Каким образом солдаты Фридриха могли вообще воевать – вот вопрос! Объяснение только одно: они воевали против солдат

европейских армий, одетых точно так же. Из Пруссии к нам пришли гамаши вместо чулок и сапог. А что такое военные гамаши? Это гетры, застегиваемые с внешней стороны на десяток-полтора пуговиц и перетягиваемые под коленом специальным жгутом – штибель-манжетой. Ноги так и затекали на марше. Абсолютно бессмысленные лацканы, расшитые тесьмой, прикрепляемые крючочками и пуговицами, требовали от солдата постоянного внимания. Парики, обсыпанные пудрой, с буклями и косой, тоже не способствовали военному результату. Более того, голова, спрятанная под пудрой и салом, которым обрабатывали парики вместо помады, быстро превращалась в среду обитания всяческих маленьких друзей человека. К счастью для армии, Петр III царствовал недолго, успев измучить прусской военной модой только гвардию.

Совершенно иначе относилась к процессу вдова императора – императрица Екатерина Великая. Звучит странно, но эта женщина любила армию. И не только потому, что благодаря гвардейским полкам оказалась на русском троне. Она любила армию, как любит ее всякий сильный и цельный человек. А уж какими сильными и цельными натурами она себя окружала! Кстати, в основном выходцами из офицерской среды.

Одна из таких натур – светлейший князь Григорий Потемкин. В середине 80-х годов XVIII века он лично взялся разработать новую форму для русской армии. Впервые появились куртки, короткие сапоги, широкие штаны с нашитыми кожаными крагами. В холод надевали белые суконные плащи – епанчи. Как при Петре Великом. Хранил Потемкин верность и русской военной цветовой гамме. Пехота – зеленое с красным, егеря – зеленое с черным. Артиллерия и саперы – красное с черным. Драгуны – синее с красным. А появившиеся еще при Анне

Иоанновне, в 30-е годы, кирасиры – палевое с зеленым. Плюс кираса, разумеется. Изменения не коснулись только гвардии и гусар.

Да, гусары уже появились. Эти полки легкой кавалерии формировали в Малороссии, Новороссии, Белой Руси. Гусары были одеты по мадьярской

народной моде. Мундир – ментею космических расцветок – застегивали с помощью петелек, сапожки ярких цветов украшали розетками на голенищах, волосы заплетали в косички, в которые вплетали что угодно, точно цыганки. Трогать эту публику на предмет новой формы было пока опасно.

Середина XVIII века – это первые эполеты и аксельбанты в русской армии. Эполет, пока один, носили на левом плече, он придерживал ремень патронной сумки. Аксельбант – напротив, носили на правом плече. Он означал принадлежность офицера к адъютантской профессии. Чуть позже – и к Генеральному штабу, созданному в 1770 году. Совершенно особая мода царила у царицы на глазах – в Петербурге и Царском Селе. Любовь и благодарность Екатерины в адрес верной гвардии превратили гвардейских офицеров в истинных сибаритов. В моду среди офицеров вошли роскошные шубы, кружева, дорогие экипажи. Кавалеристы забыли, как это – ездить на службу в полк верхом. Пехотинцы запомнили, как это – ходить строем вместе с вверенной ротой. И пока армия, возглавляемая Румянцевым и Суворовым, воевала на юге, гвардия, балуемая императрицей, гуляла на севере.

Одной из причин долгой опалы Александра Суворова при дворе стали новомодные новшества, внедряемые в армию сыном Екатерины – императором Павлом I. Он тоже, безусловно, любил армию. Но – странною любовью. Все те гадости в отношении формы, что пытался приложить к русскому солдату папенька Павла, сын решил только усугубить. Именно в этой связи Суворов бросил известное «Букли не пушки, коса не тесак...». После чего вынужденно отъехал от армии в село Кончанское.

Теперь в моду вошли не просто парики, измазанные пудрой и салом. Букли и коса крепились на проволочную основу, что придавало конструкции жесткость, а солдату – страху. Дабы перед утренним дежурством или парадированием конструкция сохранила изначальную форму, солдат спал сидя или вовсе не ложился. Мундиры ввели тесные и с нелепо

длинными фалдами. Вернулись милые гамашы с пуговицами и штибель-манжетами.

Сущим бичом для элитных частей гвардии стала частая смена формы. Стоило императору увидеть на приеме или параде что-то на его взгляд любопытное на иностранцах, как оно тут же переносилось в Россию. Служивший в лейб-гвардии Конном полку офицером Николай Саблуков вспоминал, как получил приказ через три дня явиться на глаза императору в новенькой форме, точь-в-точь повторяющей форму британской Конной гвардии Его Величества. Спасло то, что через знакомых он нашел в Петербурге бывшего придворного английского портного, который и построил ему мундир в два дня. Саблуков прибыл ко двору и произвел фурор. Но через несколько дней Павел разочаровался в британских конногвардейцах. Саблуков писал, что за несколько лет форма в полку кардинально менялась шесть раз. Между прочим, это тот самый Саблуков, что стоял с караулом в Михайловском замке в канун убийства Павла. Незадолго до появления заговорщиков его караул приказом великого князя Константина Павловича был отозван из дворца.

Справедливости ради стоит заметить, что при Павле I в русской армии появилась шинель.

ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР РАССТЕГИВАЛ МАНЖЕТЫ, А НИКОЛАЙ МЕНЯЛ БРЮКИ

Императоры-братья Александр I и Николай I были очень разными людьми. Насколько старший брат был мнителен, настолько младший – самоуверен. Однако военную моду оба меняли с одинаковым рвением.

Александр начал реформы, едва вступил на трон. Он изгнал из армии не только дух отца, но и его форму. Французское влияние стало ощущаться во всем. Тесные мундиры заменил мундир фракного типа, белые панталоны, высокие воротники с прямыми твердыми углами, в кавалерии появились походные серые рейтузы и – о Боже! – сапоги. Само собой, канули в небытие парики и букли, косу укоротили, а в 1806 году солдатам и вовсе приказали стричься.

В 1803 году в армии вводится новый головной убор – кивер. Первоначально это был цилиндр высотой 24 сантиметра. Говорят, французские карабинеры позаимствовали его у парижских трубочистов. Только в 1812 году в России стали носить кивер

Но его страстью было не масштабное реформирование, а мелкие и постоянные изменения военной формы. Куда там было до него венценосному брату, которого в бытность императором злые языки обвиняли в мелочности. Так, в 1820 году Александр I разрешил носить усы драгун-

ского, конно-артиллерийским офицерам и генералам легкой кавалерии. Ранее это могли позволить себе только уланские, гусарские и казачьи офицеры. А вот нижним чинам всех видов и родов войск вменялось не только носить, но еще и чернить усы фабрикой. Вот так!

А теперь посмотрим на график Николая Павловича. 1826 год – в некоторых видах войск темно-зеленые панталоны заменены темно-зелеными прямыми брюками. 1828 год – в большинстве частей введены новые кивера высотой 24,5 сантиметра. 1829 год – на офицерских сюртуках вместо цветных обшлагов введены темно-зеленые. Исключение составили уланы – у них синие. 1832 год – усы можно носить всем офицерам. 1833 год – летние белые панталоны с пузырями заменены прямыми белыми панталонами. Наконец, главное – в 1836 году уменьшено количество пуговиц на шинели. Осталось шесть.

Так или примерно так продолжалось вплоть до кончины Николая I в 1855 году. А было что-то полезное в нескончаемой череде мелких изменений, поправок, уточнений? Конечно. Во-первых, у Николая Павловича были красивые, стройные ноги. Поэтому стремление к ношению узких и прямых панталон, а также парадных обтягивающих лосин заставляло всех офицеров следить за весом и заниматься физкультурой. При помощи слуг и денщика еще можно было как-то проникнуть в узкие до предела белые парадные кавалергардские лосины. Но после бала вылезти из них без серьезной физической подготовки – никак!

Во-вторых, именно Николай I ввел в русской армии звездочки на эполетах, позволяющие без труда различать офицерские чины, что ранее было довольно затруднительно. Особенно на некотором расстоянии. И это уже серьезно.

Но в 1826 году все успокоилось, и государь стал наводить

ными реформами министра Милютина. Военный историк Керсновский дал оригинальную характеристику Дмитрию Алексеевичу. Смысл ее в том, что, будучи блестящим эрудитом и администратором, человеком с военным образованием,

А если совсем серьезно, то самой красивой русская военная форма была в первой трети XIX века. И с этим вряд ли кто будет спорить. Выходит, тактика мелкого фола эффективнее стратегии больших реформ?

ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЮБИЛ ИСТОКИ

Говорят, Николай Павлович был франкофоном. А кем тогда был его сын император Александр II? Франкофилом? Иначе как объяснить ту реформу военной формы, что провел он? Если рассматривать снимки 60–70-х годов XIX века, изображенных на них солдат и офицеров русской армии легко спутать с французами. А воинов туркестанских частей, одетых в белые рубахи-гимнастерки, красные штаны-чембары и белые кепи с назатыльниками – с колониальными войсками все той же Французской Республики.

Начал Александр Николаевич, правда, не с кепи, которое ввел в 1862 году, а с мундира. Его отменили. А вместо мундира предложили военным носить так называемый полукафтан.

Особо сильные изменения достались на долю казаков. Казачьи войска были поделены на два типа: степовые и кавказские. К последним отнесли черноморское и кавказское, в свою очередь разделенное на Кубанское и Терское казачьи войска. За казаками закрепили войсковые цвета. Донцам, астраханцам, уральцам и дунайцам – синие чекмени, оренбуржцам, сибирцам, забайкальцам – темно-зеленые. Интересно распределили и цвета прикладного сукна. Донское, Сибирское и Забайкальское войска получили красный цвет, Астраханское – желтый, Дунайское и Оренбургское – голубой, Уральское – малиновый. Но в 1875 году Забайкальскому, а также новообразованным Амурскому и Уссурийскому войскам дан желтый прикладной колор. Появившееся чуть ранее Семиреченское казачье войско обрело малиновый приклад. И всем выдали кепи.

На Кавказе все тоже заиграло яркими красками. Правда, от кепи пришлось отказаться, сохранили папахи. Были тут и синие, и коричневые, и зеленые, и черные бешметы...

Наряду с французским влиянием в «модных реформах» Александра II просматривается и не менее традиционное для нас прусское влияние.

Очевидно, что реформа военного мундира в царствование Александр II напрямую была связана с глобальными воен-

Милютин не был военным по духу. Отсюда – главные акценты в концепции проведенной им реформы. И Милютин, и во многом разделявший его воззрения Александр создавали армию мирного времени, способную в случае войны к мгновенной мобилизации. Что ж, и внешне русская армия в этот период стала выглядеть несколько... по-домашнему. Совершенно оригинальный подход к военной одежде продемонстрировал сын Александра II – Александр III. Новый государь был человеком внушительных размеров и исполинской силы. Тот случай, когда гнулись подковы в руках и пальцами рвались колоды карт. Кроме того, Александр Александрович не слыл за любителя светской жизни. Наоборот, предпочитал семейный уют и спокойный ритм бытия. Харизма, воля и склонности императора, вероятно, сыграли определенную роль в том, что 12 лет его царствования не омрачились для России ни одной войной.

Упрощение – это был один из основных принципов Александра III, взявшегося за реформу русского военного мундира. Зачем, спрашивается, армии гусарские, уланские, кирасирские и драгунские полки, если функции кавалерии в конце XIX века изменились? Тем более что в свое время кирасир в драгун переделал его отец. И ничего страшного не произошло. Зато вышла приличная экономия.

В 1882 году русская кавалерия превратилась в драгунско-казачью. Специализацию оставили только в гвардии – для парадов. Но прежде, в 1881-м, появился приказ, нивелировавший все, что только можно. Отменялись каски, кивера и кепи – вместо них вводилась простая мерлушковая шапка высотой 10 сантиметров. На лбу – медный герб. У артиллеристов – с пушками, у саперов – с топорами. К шапке – куртка, запашная, на крючках, с гладкой спиной без фалд.

Никаких лишних пуговиц, галунов, шитья. Офицерам – темно-зеленый цвет, нижним чинам – черный. Все различия в чинах – на погонах. И апофеоз – черные солдатские и темно-зеленые офицерские шаровары! При парадной форме вместо погон офицерам и генералам положены эполеты, но что может быть ужаснее вида элегантных эполет на бесформенной куртке?

Офицерам оставили одну отдушину – длинные двубортные темно-зеленые сюртуки образца 1809 года. Почти всегда герои Чехова и Куприна, имеющие воинский чин, бродят в таких сюртуках. Имели право в обычной жизни.

Злые языки утверждали, что выбор именно такой формы был сделан императором не только потому, что подкупала дешевизна. И не только потому, что он тянулся ко всему русскому. Злословили, что была еще одна причина: физическая мощь императора, спрятать которую в тесные мундиры и тонкие лосины прошлого никакой возможности не было.

ПОЧЕМУ НИКОЛАЙ II ВСЕ ВЕРНУЛ

Сделав все на его взгляд необходимое быстро и точно, Александр III успокоился. И больше ничего не менял. Равнодушным к проблеме оставался и его сын Николай II. В течение 13 лет. Но в 1907 году, когда армия переживала итоги русско-японской войны, а страна – результаты и страхи первой революции, умные головы в военном министерстве подсказали государю: верните армии ее боевую форму времен 1812 года. И воинский дух воспрянет. Удивительно, но эта мера помогла. Конечно, помогло и повышение денежного довольствия офицерам. И строительство новых казарм и броненосцев. Однако не будем недооценивать эффект военной формы. Это не просто одежда. Это – внешняя оболочка корпорации, скорлупа особого военного братства.

В 1907 году в армию вернулись гусары и уланы. В 1908 году возвратились кивера, каски с «голубыми», кирасы, ментики,

чакчиры, этишкеты, гомбочки, галуны, кутасы... Возвратились они только на парадную форму. С этого момента парады с участием гвардии вновь приобрели характер красочного шоу, собиравшего тысячи зрителей. Юнкера и пажи с нетерпением ожидали производства, чтобы поскорее нарядиться в форму выбранного полка. «Мне казалось, что нужно выбрать такой полк, который квартирует в большом городе и у которого красивее форма. Я тут же купил в магазине Главного штаба на Пречистенке таблицы с изображением в красках всех форм русских кавалерийских полков. Все были красивые, но гусары нравились больше всех. Недаром в афоризмах Козьмы Прутова говорится: «Если хочешь быть красивым – поступай в гусары», – вспоминал Владимир Трубецкой, вышедший все-таки в лейб-гвардии кирасиры Ее Величества.

А как собирались воевать? Ответ на этот вопрос дала русско-японская война. Помогли и англо-немецкие исследования. В этих странах провели эксперимент: стреляли по мишеням разного цвета, чтобы определить наиболее и наименее заметные цвета. Выяснили, что самые заметные мишени – белого, ярко-желтого, черного цвета. Самые безликие цвета – желтовато-зеленовато-серый и голубовато-серый. В результате англичане остановились на хаки, немцы – на серо-голубоватом оттенке. В Японию русские солдаты прибывали в белых рубахах. Эксперимент обошелся России дороже, чем англичанам и немцам, вместе взятым. Первая перекраска формы случилась в Порт-Артуре еще в 1904 году. Тогда же, когда и в передовой и рациональной Британии.

Кончалось время плац-парадов и великосветских балов, время встречных конных боев и пехотных атак в шеренгах под барабанный бой.

Начинался XX век.

Если его перевернуть, распустить шнурок и пошарить под чехлом, можно нащупать и извлечь на свет божий много полезного. Трубочку, табачок, кремь и кресало. Щеточку для усов, фибру, иголку и моток суровой нитки. Мешочек с порохом. Другой – с пулями, запальный фитиль. Скорее всего – ладанку с Николаем Угодником и несколько монет.

Полезная штука – солдатский кивер! 🍷

НЕ ВИЖУ ЗЛА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Алексей Толстой умер перед самой победой, в феврале 1945 года. Некруглую годовщину – 65 лет со дня смерти – совершенно заслонила подготовка к празднованию Победы в Великой Отечественной. Можно найти дату и покрутнее: в грядущем, 2011 году 75 лет исполняется сказке про Буратино, едва ли не главному его произведению – уж во всяком случае, самому читаемому. Но можно и не цепляться к датам, а просто достать с полки книгу: скучным, стандартным зимним вечером толстовская цветная, сочная, бурлящая жизнерадостностью проза очень кстати.

«Самая выдающаяся черта личности А.Н. Толстого – удивительное сочетание огромных дарований с полным отсутствием мозгов», – сказал о нем критик Дмитрий Святополк-Мирский. И чуть ли не все, кто когда-нибудь что-нибудь писал о Толстом, с этим обидным высказыванием не спорят. Да и сам Толстой с удовольствием прикидывался дурачком и до старости лет был для знакомых и друзей «Алешкой» и «Алеханом», такой подросший и растолстевший Буратино, ни тебе солидности, ни метафизических глубин. Зато живопись, зато веселье, зато поразительная аутентичность: это тоже такое общее место, что Алексей Николаевич писатель нутряной, животный, истинно русский и вообще «пишет брюхом».

БЕЗ НАДЛОМА

Чтобы считаться Великим Русским Писателем, всего этого мало: нужна трагедия, надлом, беспокойная совесть и биография с большой бедой. А Толстой как-то даже и беды переживал играючи: где у Чуковского травма на всю жизнь с его незаконнорожденностью, там у Толстого отвоеванный все-таки графский титул. Хотя семейной дра-

мы его родителей хватило бы на целый роман, да и сам он задуман как трагический персонаж: зачат в результате насилия мужа над ушедшей от него женой, вырос в незаконной семье, воспитан матерью, которую проклинали не только законный муж и родители, но и старшие дети, оставшиеся с отцом. А он ухитрился вырасти счастливым. Его «Детство Никиты», его переписка с отчимом, Алексеем Бостромом, – все дышит спокойным счастьем и несокрушимым психическим здоровьем.

Где у Бунина трагедия изгнания – там у Толстого смена декораций и попытка обустроиться на новом месте: в Париже не вышло – так в Берлин, в Берлине не живет, так в Россию. Он пристраивается, находит способы, вьет гнездо, кормит жену, детей, няньку, зарабатывает на всех; даже на пароходе, переполненном беженцами, сидит на ящике, пристроив пишущую машинку на другой ящик, и работает.

Где у Куприна горькое примирение с родиной – через чувство вины, через слезы, там у Толстого вполне триумфальное возвращение и годы плодотворной работы: и здесь свил гнездо, приспособился, уяснил правила игры, нашел свою нишу – и работает.

Он как резиновый: все от него отскакивало. Даже в жуткое время, в конце 20-х, когда русской литературе так закрутили гайки, что уже и не пикнешь, когда рапповцы и напостовцы затравили все живое – он и это перенес с минимальными потерями: не застрелился, не повесился, не выступил с выданным покаянием, не замолчал навеки. С вечера напился, утром встал, голову полотенцем обмотал, сел за письменный стол – и работает себе дальше.

Он как-то здорово умел не подпускать к себе трагедию, не впускать ее в душу – у него, кажется, и места такого в душе

ИТАР-ТАСС

не было выделено, для трагедии. Когда к нему, депутату и знаменитому писателю, пошли косяком просители о высланных и арестованных – еще в первую волну, после убийства Кирова, – он уехал подальше, чтобы не досаждали. О некоторых похлопотал, да. А потом взмолился к жене, исправно передававшей ему чужие просьбы о заступничестве: Туся, не пиши мне больше таких писем!

Даже читая сборник полученных под пыткой и записанных судебными дьяками показаний подследственных в XVII–XVIII веках – он восхищался прекрасным русским языком этих воплей, точностью и сжатостью их записи – и оставался до изумления глух к самой сути этих документов. И это не солженицынская «злоупорность», умение не впускать зло к себе в душу, – а, скорее, детское, бессознательное «я не вижу – значит, нет», закрыл глаза руками и спрятался.

ТОЛСТОЙ И РОДИНА

О нем так и говорят мемуаристы: большой ребенок, *enfant terrible*. Пришвин вспоминал, как на каком-то писательском митинге орденосцев его обидели, слова не дали, в президиум не выбрали, а Толстой опоздал, прошел прямо в президиум и плотно, уютненько там уселся – и так это оказалось интуитивно верно, что его тут же туда доизбрали под общий смех. Кому другому – и в голову бы не пришло, и с рук бы не сошло. У него была замечательная интуиция; веяния времени он ловил раньше других, тенденцию оседлывал быстрее прочих, понимал главное в эпохе сразу, чутьем: так схвачена, к примеру, его «Гадюка», безусловно, уловившая самое важное в переходе от военного коммунизма к нэпу.

справиться с «Петром». С белыми или с большевиками, с царем или со Сталиным во главе – ему не важно было, ему важно было, чтобы Россия была великая, а знак и вектор величия – это уже не важно.

Он, кажется, впервые осознал, как крепко привязан к своей стране, когда работал фронтовым журналистом в Первую мировую – на фронт пойти не мог из-за последствий

старой травмы, – именно тогда и страна, и русский характер открылись ему в своей шире, страхоте и красоте. Он с забавной серьезностью, почти глупостью, писал в 1914 году, ставшем для него переломным (война и третий брак: он женился на Наталье Крандиевской), что познал в этом году и русскую женщину, и русский народ.

ДЕФОРМАЦИЯ

В один из своих парижских визитов Толстой, уже «красный граф» и прославленный писатель, говорил старому знакомцу, художнику Юрию Анненкову, что на родине испытал психологическую – или, скорее, патологическую – деформацию. Раньше он говорил на том же языке, что и эмигранты; теперь, после многолетней бомбардировки советской риторикой, что-то в его душе непоправимо изменилось. Теперь за столом с Анненковым сидел не только тот Толстой, который в Одессе читал «Смерть Дантона» и возглавлял игорный клуб, который уезжал в эмиграцию на одном из последних пароходов и два месяца сидел с детьми на острове Халки – без денег, еды и будущего. У этого нового Толстого уже изменился состав души: в нее вошли лозунги, и умение приспосабливать талант под требования момента, и «величайший гений всех времен и народов», и подпись под требованием «беспощадного наказания» троцкистского центра.

Он уже жил в двух реальностях, совмещая их в себе обе, подгоняя одну под другую, – и не терзался раздвоенностью, а сделал себе из нее творческую задачу: пока писал, требования момента изменились – ну и что, переделаем и все равно продадим.

И поведение его, и жизнечувствие – детское, стихийное, народное: в нем больше от природы, чем от головы, биология торжествует над метафизикой, его проза очень живая, но совершенно бессовестная. Нравственные проблемы – стержень, на который нанизана вся русская классика, – его, кажется, занимают в очень малой степени.

Вроде бы немыслима русская проза вне морали – а вот поди ж ты, мыслима: Толстой абсолютно русский писатель, и писатель очень большой. И не аморальный, как его стало принято изображать в перестройку, а внеморальный, мимо морали живущий, как будто ее еще не придумали.

В царской России были популярны фотооткрытки с изображениями русских «типов»: вот тип купца, вот крестьянка, вот книгоноша... Алексей Толстой был тоже «тип»: даже не «русский писатель» или «русский барин», а такой «русский сангвиник», как Обломов – русский флегматик, а Левитан, Чехов и Чайковский – русские меланхолики.

Толстой – полнокровный, прожорливый бабник с огромным талантом быть счастливым и жить без страданий – таким же огромным, как талант Достоевского или Толстого-главного страдать и мучиться совестью. Толстой – прозаик красочный, пестрый, динамичный, изобретательный; по меткому наблюдению биографа Алексея Варламова – очень кинематографичный. Нравственные муки – не его тема, но сюжет, движение, авантюра, масштабные фигуры, массовые сцены удаются ему замечательно.

Он хаотичен, сочен и живописен, как русская зима или русское лето. Это – стихия, а не дух. В его арсенале – нежность, радость, наслаждение, гнев, буря – все, что угодно, но не совесть, не горение альтруизма, не аскеза, не самоограничение. Такова, собственно, и Россия: мощи много, величия тоже, таланту немерено, а ум и совесть – дело десятое.

Может, потому этот Толстой и не мог жить без России. Нет, ему в Париже было хорошо, но в гостях, а не навеки; в гости-то он туда ездил с удовольствием. А жить должен был здесь – за границей масштаб не тот, размерчик не тот, раз-вернуться негде: в эмиграции бы Толстому никогда не вырасти до своего настоящего, гомерического масштаба, не

«Мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет!» – сказал он Анненкову. Он никогда не воспринимал себя как мессию, пророка, носителя ценностей выше жизни. Это просто ремесло, как у сапожника или портного: носят в этом году косой крой – научимся кроить по косой.

Беда, однако, в том, что кроить приходилось не только косо, но и криво. Приходилось кроить плохо. А это мастеру дается нелегко, и платить за это приходится дорого: выходит ерунда, которую читать невозможно, и мастерство начинает изменять. Так не удался его Иван Грозный: идеологическую задачу выполнил, а художественную провалил. Удалась ему не «акробатика», а произвольная программа: то, что он любил, чем восхищался, любовался, за что брался с восторгом и счастьем – таков его Петр Великий в расцвете силы, таланта и славы; умирающий – уже неинтересен. Его легенда о Петре оказалась сильнее, мощней и привлекательней всякой исторической правды – до сих пор о Петровской эпохе сограждане судят по Толстому, как если бы он был свидетель и очевидец.

И в самом деле, писал он, как свидетель и очевидец, – сочным, роскошным, смешным русским языком, естественно, как дыша; Петровская эпоха будто сама заговорила через него во всем своем лингвистическом безобразии, во всем своем ужасе и величии. Здесь, какие бы сиюминутные задачи он себе ни ставил, – Толстой совершенно равен себе и стране.

О ГЕНИИ И ЗЛОДЕЙСТВЕ

Борис Чичибабин заклеил его в своей знаменитой эпиграмме: «Мне жалко негодяев, как Алексей Толстой и Валентин Катаев». Негодяем, однако, Толстой не был – сознательным злодеем, завистником, губителем. Бонвиваном был, человеком компромиссов был, острые углы обходил, трусил, соглашался, когда соглашаться было нельзя, – чтобы оставили в покое, дали жить, как живет – комфортно, сыто и удобно, чтобы не загружали неразрешимыми проблемами и дали заниматься любимым делом.

Он не задавал эту искривленную реальность, но искривился вместе с ней: тут подтянуть, там выпятить – и внимательно следить за градусом кривизны, чтобы не выпирать. Но и в этой искривленной реальности сохранил то, что и в самые скверные времена стоит сохранять: любовь к жизни, ощущение родины, живую связь с ней. Все это оказалось очень нужно, когда началась Великая Отечественная. Когда никаких сил не хватало – ни войск, ни винтовок, ни патронов, ни танков, ни самолетов, – среди смерти и ужаса держаться можно было только одной силой духа, любви и гнева. И вот здесь толстовский талант любить жизнь, любить мир, семью и детей, любить свою работу и свою страну оказался сильнее заградотрядов и расстрелов за дезертирство. Потому что любовь и гнев помогают держаться там, где бессилён страх смерти.

Сам Толстой, однако, войну не пережил. Это было зло, от которого ни спрятаться, ни закрыться, ни абстрагироваться было нельзя. Неизвестно, кто ему предложил и зачем он согласился – Федин предполагал, что «из тщеславия», – но он вошел в комиссию по расследованию фашистских злодеяний, это его и добило. Не старинные записи подпытных показаний, а виселицы и расстрельные рвы во всей своей неприглядной реальности – настоящее, масштабное, неприкрытое зло, от которого он всю жизнь заслонялся, а тут уже и неприлично, и невозможно было отгородиться от мирового горя, – настоящее зло обрушилось на него. И в нем, кажется, не хватило уже ресурсов счастья и света, чтобы удержаться по эту сторону жизни. Он простудился в Харькове на публичной казни фашистов, тяжело болел и умер, не дожив до победы нескольких месяцев. Оставил много томов сочинений, большое, разнообразно одаренное потомство и вечные споры о гении и злодействе.

А он не был ни гением, ни злодеем. Был счастливецом и трудолюбцем – и тому, и другому у него можно поучиться. Умел любить и радоваться на полную катушку – и того, и другого умения все время не хватает.

Так что, когда хмуро, темно и тошно, можно просто достать и перечитать «Детство Никиты» – огромный, цельный кусок беспримесного счастья высшей пробы.

КРЕСТ ГУСАРА

МИХАИЛ БЫКОВ

Есть в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» глава под названием «Рассказ о гусаре-схимнике». Герой ее – граф Алексей Буланов. Блестящий лейб-гусар из аристократического рода, бретер, гуляка, запугавший весь светский Петербург. Затем – путешественник, вернувшийся из Абиссинии с мальчиком-эфиопом Васькой. После – монах-схимник, случайно обнаруженный в скиту мрачными людьми в кожаных куртках с деревянными маузерными коробками на боку.

Казалось бы, фантазия, собирательный образ, в определенном смысле – пародия на новый, большевистский порядок и тех, кто решил спрятаться от него в катакомбах веры. Ан нет! История вполне реальная. Испорченная, правда, присущим тандему литераторов цинизмом, одобренная свойственной постреволюционному

времени пошлостью, но – в основе своей реальная.

Так кто же он – граф Алексей Буланов? Жил ли на свете гусар-сумасброд? Было ли путешествие в Эфиопию? Откуда взялся черный курчавый мальчишка Васька? В каком скиту обрел покой граф-гуляка?

26 сентября 1870 года появился в России на свет мальчик, которого нарекли Александром. В нем смешалась русская, французская, грузинская и татарская кровь. Как это было принято в большинстве русских дворянских семей, мальчику предстояла военная карьера. И пусть первое образование Александр получил в Александровском лицее, том самом, что окончил в свое время другой знаменитый Александр – Пушкин, выпускник предпочел не гражданскую службу титулярного советника в канцелярии, а знаменитый лейб-гвардии Его Величества Гусарский полк. Записался туда вольноопределяющимся. Спустя 15 месяцев, в 1892 году, получил производство в корнеты.

Лейб-гусар служил не тужил. В гусарских развлечениях, правда, замечен не был, службу любил и ценил, из Царского Села, где стояли гусары, отлучался только по крайней необходимости. Вскоре за отменное умение сидеть в седле и владение холодным оружием командировали его в фехтовальную школу, из которой вернулся корнет в полк начальником учебной команды.

В 1896 году российский Красный Крест приступил к формированию двух санитарных отрядов для отправки в Эфиопию. Там уже 20 лет шла колониальная война между итальянцами и местными племенами, объединенными негусом (императором) Менеликом II. Казалось бы, русским что за дело? Но значительная часть эфиопов исповедовали православную веру. А более серьезных поводов для русских добровольцев и не существовало.

Наш корнет еще в полку за исключительную дисциплинированность и строгость получил от гусар прозвище Мазепа. Другой вопрос – почему именно шальной малороссийский гетман казался кавалеристам эталоном армейского порядка? Не исключено, впрочем,

что само грозное звучание этой фамилии сыграло свою роль, а также происхождение командира. Родом он был из Сумской области, из Малороссии.

Так вот, с присущей Мазепе тщательностью он готовился к новому поприщу. Даже выучил с помощью профессора Духовной академии Болотова амхарский язык, распространенный в Абиссинии, то бишь в Эфиопии.

В первую экспедицию гусарский корнет должен был погибнуть как минимум трижды. На переходе из порта Джибути в город Харар в дикой местности. В Данакильской пустыне, где был ограблен кочевниками и брошен умирать от жажды. Во время охоты на слонов, организованной Менеликом.

Но все обошлось. Герой вернулся в Петербург, получил чин поручика и орден Св. Анны 3-й степени. Минувло полгода, а гусар вновь засобирался в Африку. На сей раз – в составе дипломатической миссии для заключения договоров между Российской империей и Эфиопией. Но вместо дипломатических приемов поручик угодил в армию. Менелик отправил его в качестве военного советника в боевой поход в Каффу – в земли, европейцу ранее неведомые. Там-то и случилась в жизни русского офицера одна из самых сентиментальных историй. Лагерь стоял на берегу озера Рудольф. В палатку к поручику принесли окровавленного и умирающего от голода мальчишку. Гусар сам обмыл раны, перевязал, а потом ухаживал за пациентом. А когда тот выздоровел вопреки мнению всех имевшихся в войске Менелика колдунов, назвал мальчишку Васькой. В честь этого события одну из гор на берегу озера Рудольф русский офицер назвал «Васькин мыс». Так она до сих пор и зовется. Позже в России гусара не раз спрашивали – почему же именно Васька? На что тот разводил руками: «Бог его знает!» Во второй экспедиции он дважды ушел от неминуемой смерти. На берегу озера Рудольф его скрутила жестокая лихорадка. А во время одной разведывательной операции его, оказавшегося без оружия, окружили дикари, но спас метко стрелявший эфиопский офицер. Во время долгой командировки гусар Его Величества не только умело воевал, но и занимался изучением Восточной Африки. Вернувшись в Петербург, получил чин штабс-ротмистра, очередной орден – Станислава 2-й степени, а также серебряную медаль им. Семенова-Тян-Шанского, присуждаемую Императорским русским географическим обществом за вклад в науку. Третья командировка в Эфиопию не заставила себя ждать. Офицер предстал перед императором Николаем II и имел с ним беседу «вне протокола». А министр иностранных дел граф Муравьев инструктировал его так: надобно изучить не только географию страны, но и политическую обстановку. Миссия резидента продолжалась почти год. На обратном пути лейб-гвардеец задержал-

ся в Иерусалиме, где принял обет – сменить военную службу на служение Богу. Так, по крайней мере, писали тогда газеты. Сразу выполнить обет не получилось. После Эфиопии гусар добровольцем отправился в Китай, усмирять так называемое боксерское восстание. Усмирил. За что и получил чин ротмистра гвардии и два ордена: Анны 2-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами тож. К тому времени подошла и награда из Парижа – орден Почетного легиона. Казалось бы, теперь уж служи и радуйся. Гвардейский ротмистр – это целый полковник. Орден – полная грудь. Но уже не просто Александр, а Александр Ксаверьевич в самом начале 1903 года уходит в отставку. Формальным поводом послужило состояние здоровья, подорванного во время экспедиций и войн.

Еще в 1894 году, тогда еще корнетом, наш герой познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским. Так что обет, данный в Святой земле, случайностью, похоже, не назовешь. Известно, что в течение всей военной карьеры в гусарской ташке Александра хранился портрет святого отца.

В 1903 году в Важеозерской Никифоро-Геннадиевской пустыни за Невской заставой появился новый послушник. А несколько позже на святую гору Афон отправились семь человек. Бывший ротмистр, а с ним – шесть гусар его полка. В 1907 году офицер принял схиму под именем Антоний, в 1910-м был рукоположен в сан.

Прошел год – и отец Антоний вновь оказался в Эфиопии. Навестил Ваську, а заодно и постаревшего друга императора Менелика. Однако главная миссия не удалась: поселиться вместе с монахами-гусарами в скиту Антонию не разрешили.

Монахи вернулись на Афон, где отец Антоний возглавил движение «имяславцев». Так официальная церковь окрестила тех, кто вместе с Антонием готов был принять тезис о том, что «имя Божие есть сам Бог». Православие встретило отщепенцев сурово, заговорили о новой секте. «Имяславцев» под конвоем вернули в Россию. Хотели судить, но за отца Антония вступился Николай II. Несмотря на риск церковных гонений, отец Антоний пытался организовать полемику вокруг «имяславия», но грянул 1914 год. В рядах действующей армии появился еще один полковой священник – отец Антоний. Сохранились свидетельства, что батюшка не только молебны служил, но и энергично поднимал солдат в атаку.

Когда именно отец Антоний покинул фронт и вернулся в родовое имение Луциковку под Сумами – неизвестно. Зато известно, что в 1919 году на дом напали бандиты. И отец Антоний погиб. В миру этого удивительного человека звали Александр Ксаверьевич Булатович. А никакой не граф Алексей Буланов. Хотя, конечно, похоже...

УШЕДШИЙ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Достоевский – первый, наверное, настоящий трагик в русской литературе. Первый писатель, так глубоко, пронзительно и всесторонне несчастный, первый, кто открыл дверь в потемки человеческой души. Даже слова в названиях его сочинений выстраиваются в жуткий ряд: униженные и оскорбленные, мертвый дом, подполье, бесы, преступление и наказание, идиот... Будто он, в самом деле, открыл люк в подземелье, полное нечисти, – и обнаружил вдруг, что это – часть его самого.

Детство будущего писателя было невеселым. Отец Достоевского работал врачом в Мариинской больнице для бедных; биографы любят повторять, что он просиживал долгие вечера над «скорбными списками» умерших бедняков. В левом крыле Мариинской больницы можно увидеть квартиру, где жила семья, – небольшую, хмурую, глядящую на серую московскую улицу под серым снегом. И детскую, где жили старшие мальчики, Федя и Михаил, – отгороженный от передней закуток, самый, наверное, мрачный во всей квартире: серые стены, стол, два огромных сундука. Самая простая обстановка, минимум мебели.

Семья была образованной и культурной. У многочисленных детей (всего восемь, но восьмой ребенок рано умер) были няньки и кормилицы, которые радовали их народными сказками. Мать учила детей читать по Библии, и первой книгой, которая произвела на маленького Федю впечатление, была Книга Иова – показательная деталь. Евангельские истории дети знали сызмальства. Отец по вечерам читал вслух Карамзина. Из впечатлений, рано запавших Достоевскому в душу, он вспоминал посещение Кремля и кремлевских собо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ров, семейные выходы в театр, домашние чтения – читали в семье много и охотно. Федор Михайлович написал однажды: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек... Воспоминания эти могут быть даже тяжелые, горькие, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святыню для души». Радость и страдание в его детских воспоминаниях тесно переплетены – не отделить одно от другого.

Мать будущего писателя страдала чахоткой, отец много работал и много пил. Орал на детей и на жену, которую мучил беспричинной ревностью даже через полтора десятка лет совместной жизни. Получив дворянство и право владеть землей, отец купил поместье в Тульской губернии, но тульских помещиков вроде Толстых из Достоевских не получилось: земля в поместье родила худо, нищета была повальная, а господский усадебный дом представлял собой глиняную мазанку. Помещиком лекарь Достоевский был грозным, крестьян сек за малейшую провинность. Через год после покупки все поместье выгорело при большом пожаре, остался один господский дом.

Старшие дети сначала учились дома, затем – в полупансионе француза Сушара, после – в престижном пансионе Чермака, где преподавали лучшие московские профессора. Федя Достоевский был мальчиком серьезным, углубленным в себя. Он много читал и писал фантастические повести, которые называл «арабесками».

В 1837 году умерла от чахотки мать. Семья развалилась: двоих детей забрала сестра матери, младших отец оставил жить с собой в поместье, старших мальчиков отправил в Петербург – в Главное инженерное училище. В дороге старший, Михаил, сочинял стихи, а Федор – «роман из венецианской жизни». Достоевский считал отцовский выбор учебного заведения ужасной ошибкой: его не влекла ни военная, ни инженерная деятельность, муштра тяготила, а из предметов он любил разве что литературу, рисование и зод-

чество, хотя учился старательно. «Человек есть тайна, – записал он для себя в это время. – Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Писать он, разумеется, продолжал – по преимуществу исторические драмы, до потомков не дошедшие: интересовался исключительными характерами, властью, могуществом; само собой, вынашивал тщеславные мысли сделаться первым из русских писателей.

Летом 1839 года отца Достоевского убили мужики в поместье: не то он их в пьяном виде оскорбил в очередной раз, не то они мстили за поруганных им дочек – так и не выяснили до конца. Когда Федор узнал о смерти отца, с ним случился первый эпилептический припадок. С этих пор болезнь не оставляла его до самой смерти.

ПРАПОРЩИК

Получив в 1841 году чин инженер-прапорщика, Достоевский поселился один на съемной квартире и окончил курс экстерном – два года спустя. Вольный, одинокий, мечтающий о славе, вечно безденежный из-за своей непрактичности и пристрастия к азартным играм, ресторанам и дружеским попойкам, он работает скромным чертежником, но считает себя прежде всего поэтом. Жалованья на жизнь не хватает, присылаемые опекунами семьи деньги проедаются или проигрываются – так что очень скоро Достоевский знакомится с ростовщиками. Выплата долгов и закладывание личных вещей надолго становится его привычным образом жизни.

Инженерную службу он бросил через год после выпуска, в 1844-м. Вышел в отставку и занялся сочинительством. Вскоре из печати вышла «Евгения Гранде» в его переводе. «Перевод бесподобный», – «скромно» написал он брату. Он был убежден в своей гениальности, и убежденности этой ему не могли простить друзья и коллеги-литераторы из кружка Белинского: их смешило и раздражало честолюбие

и самомнение Достоевского. После успеха его первого романа, «Бедные люди», они превозносили его, а затем вдруг, неожиданно для него, – переменились, стали высмеивать, общим местом стало утверждение, что Достоевский исписался, что талант его измельчал. Тургенев и вовсе обозвал его «прыщом на носу русской литературы». Даже после его смерти вдове пришлось опровергать слухи о том, что он требовал напечатать свой роман с черной или золотой рамкой на страницах, чтобы его ни с кем не спутали.

С кружком Белинского Достоевский окончательно разошелся. Его следующее произведение, «Хозяйка», не приняла публика, не приняли литераторы, да и самому автору оно разонравилось. Трудно предположить, как дальше развивалась бы литературная судьба Достоевского, если бы не случилась большая беда.

ЗАГОВОРЩИК

Весной 1846 года к Достоевскому подошел незнакомый человек в широкополой шляпе и спросил, о чем будет его следующее произведение. Так началось знакомство писателя с Петрашевским, основателем первого социалистического кружка в России, и участие в этом кружке. Петрашевцы читали друг другу доклады о социализме, модных экономических и политических теориях, атеизме, обсуждали вопросы реформирования России и освобождения крестьян. Достоевский от мыслей о свержении правящего строя был далек, скорее, сочувствовал идеям о всеобщем счастье и сострадал жертвам произвола – многим запомнилось, как страстно он говорил о фельдфебеле, прогнанном сквозь строй. Активней всего Достоевский участвовал в литературных обсуждениях; среди прочего прочитал на одном из собраний кружка знаменитое письмо недавно умершего Белинского Гоголю. Прочитал как важный литературный документ: разойдясь с Белинским, он не разделял многих идей, изложенных в письме, в особенности нападок на религию и духовенство.

Однако именно чтение этого письма сыграло роковую роль в жизни Достоевского. В 1848 году мир всколыхнули события во Франции. Опасаясь за судьбу монархии в России, царь потребовал искоренить крамолу в стране. Одной из первых жертв этой борьбы пал кружок Петрашевского. Публичное чтение письма Белинского стало достаточным основанием для вынесения Достоевскому смертного приговора. Затем было одиночное заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и инсценировка казни на Семеновском плацу: о замене казни каторгой приговоренным объявили уже после того, как надели на них балахоны смертников, привязали первую тройку к столбам, а солдаты прицелились.

Один из этой тройки, Григорьев, начавший сходить с ума еще в заключении, окончательно помешался. Достоевский был почти спокоен: в ожидании казни глядел на игру солнечных лучей на золотом куполе церкви и думал, что сольется с ними, растворится в золотом сиянии. Опыт переживания своей смерти мало кому из русских литераторов достался в такой мере. А Достоевский еще переживал падение в небытие всякий раз, как с ним случался приступ эпилепсии. После приступов он долго не мог прийти в себя: его мучили страшные мысли, он терял память, долго находился в мрачном и подавленном состоянии духа.

Но внезапное счастье избавления от казни так окрылило его, что и каторгу он вынес относительно легко. И даже его «Записки из Мертвого дома» – спокойные, уравновешенные, очень человеческие, хотя и события ужасны, и некоторые персонажи – как из фильма ужасов.

Достоевский внимательно всматривается в окружающих: что они за люди? Что таится в их душах? Почему один раскаивается, а другой уверен в своей правоте? Почему для одного каторга – наказание, а для другого – нормальная жизнь среди себе подобных? Что в человеке делает его убийцей? Можно ли наказанием исправить человека? Все эти вопросы он ставит для себя, как метки на стволах деревьев – вернуться сюда еще раз; еще об этом подумать. Потом он будет возвращаться в этот человеческий ад раз за разом, погружаться не только на социальное дно, но и

на дно собственной души, истерзанной болью, ревностью, тщеславием, тоской, страхами, физическим и психическим нездоровьем. И каждый раз – выныривать из пучины, выходить, как Орфей из Аида, и даже пытаться выводить за собой заплутавшие души.

Когда читаешь «Записки из Мертвого дома», понятно, почему сам он не опустил, не заплутал, не сошел с ума, хотя к этому прекрасно предрасполагал его душевный склад. Хотя и писал сам: «Эта долгая, тяжелая физически и нравственно, бесцветная жизнь сломила меня...» – но не сломила. Понятно, наконец, и почему совершенно ложен возведенный на него поклеп о его педофилии, любви к маленьким девочкам – слух этот, запущенный Страховым, гневно опровергнутый вдовой, оказался на удивление живучим: он мал, как мы, он мерзок, как мы, даже хуже. Нет, совершенно очевидно из этой книги, что только ясным душевным светом и можно победить этот мрак – и свой, и чужой человеческий, и страшный социальный.

ЛЮБОВЬ

Кто что выносит из каторги и последующей ссылки – а Достоевский вынес любовь. С Марией Исаевой он познакомился в Семипалатинске; она была замужем за совершенно спившимся человеком и имела шестилетнего сына. Достоевский полюбил ее, и чувство, кажется, было взаимным. Муж ее через год был переведен в Кузнецк, где вскоре умер, однако пылкая женщина, тогда уже страдавшая чахоткой, влюбилась в местного учителя. Драма чувств длилась долго, несчастная не могла выбрать между двумя – тем более что Достоевский был беден, болен и поражен в правах. Через друзей он добился, чтобы ему вернули дворянство, дали унтер-офицерский чин; это ли склонило чашу весов в его пользу – бог знает; несчастливый соперник был на их свадьбе шафером. Семь лет брака были мучительны для обоих, хотя Достоевский дорожил домом, семьей, пасынка принял как родного сына и смерть жены от туберкулеза переживал горько и тяжело. Как в родительском доме не было простоты и покоя – так не было их и здесь, в его семье; была ревность (недаром и в «Записках из Мертвого дома» он делает

рассказчика убийцей из ревности), было взаимное мучительство – и чувство полного опустошения после смерти жены.

Любви в нем было много, но много было и темноты, кажется, не мог, не умел он так любить, чтобы не мучить ее и не мучиться самому; еще мучительнее оказалась любовь к Аполлинарии Сусловой, с которой он уехал в Европу, оставив тяжело больную жену. Сулова, натура незаурядная, влюбилась в него искренне и поклонялась ему горячо – затем возненавидела, вспоминала об обидах, которые он ей нанес, и своих страданиях.

Даже третью и последнюю свою большую любовь, вторую жену, преданную ему всецело, до растворения и обожания, Анну Григорьевну, Достоевский умудрялся мучить жесточайшими упреками, бешено ревновать ко всякому встречному – кажется, этот брак много раз спасала только ее поразительная способность терпеть и прощать.

ВТОРОПАХ

К нему возвращалась литературная слава, а жизнь катилась под откос. В Европе он взялся играть в рулетку, проиграл все деньги, был вынужден просить в долг у Сусловой. Когда вернулся – умерла жена. Вслед за ней умер любимый брат Федора Михайловича, Михаил Михайлович. Погиб журнал, который они пытались издавать вместе, – «Время», потом «Эпоха», – оставив Достоевскому страшные долги, из которых, по словам Анны Григорьевны, чуть не половину он вовсе не обязан был выплачивать, а взял на себя по излишнему доверию к людям. Осталась огромная семья, которой он старался помогать, – братья, сестры, вдова брата с детьми; остался пасынок,

сын умершей жены. Все это требовало постоянной работы, чтобы добыть денег, денег, еще денег. Деньги словно просачивались у него сквозь пальцы – он едва успевал писать, сдавал в печать главы, на которых едва просохли чернила. И много раз вслух завидовал Толстому и Тургеневу, которые имели материальную возможность писать неторопливо и «от-

ние, даже и досада. Константин Райкин рассказывал в интервью, как пришел к идее сыграть моноспектакль по «Запискам из подполья». Он относился к Достоевскому вполне уважительно, но – издали, без намерения приблизиться. Однажды он сломал ногу на репетиции и от нечего делать перечитывал серый десятитомник 1956 года. Наткнулся на «Записки» и стал читать – с возрастающим изумлением, с ужасом: автор знал о нем все, включая самое постыдное. Дойдя до слов «Мне было только 24 года», Райкин, которому было 24 года, вздрогнул уже

делывать» свои произведения. Он и с Анной Григорьевной познакомился лишь потому, что должен был очень срочно сдать рукопись, чтобы не потерять авторские права на свои произведения, – и потому нуждался в стенографистке.

Писал лихорадочно, второпях, все время занимался чужими делами и долгами, терял друзей – не все поняли и приняли его поворот к консерватизму и разочарование в социалистических идеях, – не успевал писать, жил в долг, проигрывал деньги и закладывал вещи... Все катилось под уклон, а он продолжал печатать произведения, полные удивительных мыслей и поразительных прозрений. Какую-то стабильность его жизнь обрела только после второй женитьбы, хотя и в этом браке он терзал жену и проигрывался до нитки. Он, может быть, стал спокойнее – даже приступы мучили его реже – и, может быть, даже несколько счастливее, хотя жизнь продолжала обрушивать на него новые несчастья: умерла дочь Соня, умер сын Алеша – страшно и внезапно, от унаследованной им эпилепсии; несчастья преследовали семью жены...

Только в старости получил и какую-то финансовую стабильность, и хороший, надежный, теплый семейный тыл, и всенародное признание, и массовые изъявления любви, когда он произнес свою знаменитую Пушкинскую речь. Всего он дождался, но был уже неизлечимо болен эмфиземой, которая и свела его в могилу в зените славы и общей любви.

ОТКУДА ОН ВСЕ ЗНАЕТ

Несмотря на позднюю славу Достоевского, его современники немало удивились бы, узнав, что в сознании потомков он совершенно заслонит Тургенева (писателя, заметим кстати, ничуть не слабейшего), почти отменит Гончарова и существенно потеснит Толстого. Признаться в любви к Достоевскому было не совсем прилично, даже рискованно для репутации: никто не сомневается, что великий талант и бездны, а все-таки странно это «любить». Уважать – да, читать и перечитывать – сколько угодно, но к преклонению всегда примешивается раздраже-

по-настоящему. «Ладно, – подумал он, – но уж ЭТОГО-ТО он обо мне не знает», – и тут же обнаружил на следующей странице это самое отвратительное свое воспоминание; книга полетела в стенку, и он долго потом пытался костылем подгрести ее обратно. Вот такое отношение к Достоевскому – книга в стенку – понятно и естественно, это как раз любовь по-достоевски, с мучительствами, драками и даже убийствами. Ничего похожего на преклонение перед Толстым или горячую, братскую благодарность Чехову, вечному нашему товарищу по всем русским несчастьям.

Следует объяснить наконец хоть самим себе, хоть не вслух, в чем секрет этой двойственности отношения к Достоевскому: об ужасах много кто писал, и вполне убедительно, и такую ли еще душевную патологию находили мы в бульварной или второстепенной литературе XIX и XX веков! И не в стилистике дело, хотя именно стилистические упреки – одинаковость диалогов, избыточность, многословие, истерика, неправдоподобие – предъявляются Достоевскому с особенной охотой. Все это так, но галлицизмы Толстого тоже торчат из текста, и корявость его – пускай нарочитая – служила мишенью множества пародий; но ясно же, что стилистика в случае Достоевского – именно повод, придирка. Упрекать его в избыточности или истерике – все равно что ругать Босха за фантасмагоричность, а Гойю за жестокость: это черта стиля, намерение, а не случайность. Претензия к Достоевскому глубже, но вслух мы ее стараемся не высказывать, да и себе вряд

ли признаемся: мы не любим Достоевского – или боимся его – за то же самое, за что его любил, допустим, Ницше. Или Камю. За исчерпанность человеческой природы, за догадку о том, что человек в прежнем его виде закончился, что старые тормоза в его случае не работают, а новые надо выдумать, и нет никаких гарантий, что это удастся. Многие жалуются, что в «Преступлении и наказании» теория Раскольникова убедительнее всех попыток ее разоблачить, – это хлесткое замечание, но неверное, поскольку теория Раскольникова умозрительна (и в этом качестве стройно-убедительна, как всякое умозрение), а разоблачение ее художественно, и действует избирательно, как всякое подлинное искусство. Но художественное сильнее умозрительного – если читатель умеет читать. И зрелище Раскольникова, раздавленного собственным преступлением, для них сильнее его теоретических умствований, сколь угодно доказательных и рациональных. В этом и заключается феномен Достоевского: он проводит героев на практике через буквальную, дословную реализацию теоретических умозрений. И у него получается, что человеком нового времени – времени последних вызовов и великих кризисов – может быть только тот, кто поставит на себе грандиозный эксперимент; тот, кто, по выражению самого Раскольникова, «преступит». Так преступила и Соня – ибо преступление против себя, хотя бы и с самыми благими целями, остается великим грехом. Так должен был, по реконструкции Игоря Волгина, преступить и Алеша Карамазов – поставив на себе страшный эксперимент и вызвавшись в царевубийцы (в желании убить царя призналась Достоевскому однажды Сулова, и он долго, с любопытством расспрашивал ее, что ее заставило передумать): ничем, кроме личного опыта и личной жертвы, гибельные идеи не побеждаются и не разоблачаются. Вот почему Порфирий Петрович, пришедший к мысли о губительной сути сверхчеловечности, называет себя «поконченным человеком». Это тот самый евангельский случай: если, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет

много плода. Весь Достоевский – о том, что надо умереть или, по крайней мере, выжечь в себе нынешнего, ограниченного, прежнего человека. Он инстинктивно это чувствовал с юности – и потому сам пошел на подобный опыт; вся взрослая жизнь Достоевского есть, в сущности, жизнь посмертная. После несостоявшегося расстрела и четырех лет каторги – плюс два года солдатчины – он в самом деле совершенно переродился: дело не в том, что он приобрел пограничный опыт, а в том, что до конца прошел гибельный путь. И на этом пути, несколькими годами жизни заплатив за новый опыт, он постиг тщету внешних преобразований, и сверхчеловеческих идей, и гордыни, от которой столько мучился; его новый человек есть прежде всего тот, кто побывал в соседстве смерти (или смертельной болезни, как Мышкин) и перед лицом этих последних испытаний обрел окончательные, неотменимые ценности. Собственно, Христос после воскресения и есть идеал такого человека – человека ли уже? – для которого не существуют ни внешние унижения, ни тщеславие, ни похоть, ни надежда на преобразования, ни прогресс. Этот человек знает цену всему – и потому не поддается наиболее губительным соблазнам: сектантству, абсолютизации своей правоты, умозрительному преступлению... Он знает, что нет правды, кроме милосердия, и нет спасения, кроме жертвы; он лишен страха; он не знает тщеславия. Страхов вспоминал, что Достоевский после припадков был «как после бани»: он и всю жизнь прожил, словно проварившись в адском котле. Достоевский несет нам страшную весть о недостаточности человека, о том, что ему предстоит сделать с собой нечто большее, чем он представлял в самых страшных или тщеславных грезах; Достоевский – как Ницше впоследствии – призывает человека встать на следующую ступень. И ужас перед этой ступенью таков, что читателю, конечно, проще спрятаться за стилистические претензии. Впрочем, как сказал однажды Чингиз Айтматов, литература затем и дана человеку, что ставить самоубийственные эксперименты на себе ему уже необязательно: достаточно кое-что прочесть, и в этот набор входит весь Достоевский. ¹¹

СДЕЛАТЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ

МИХАИЛ БЫКОВ

Девиз *Either to do or to die* переводится с английского как «Сделать либо умереть». Наверное, в древнем роду Барклаев имелись и такие представители, которые предпочитали сторониться столь категоричного подхода к жизни. Но к генерал-фельдмаршалу Михаилу Барклаю-де-Толли это не относится. Все неполные 57 лет, отмеренные ему на земле, князь Михаил Богданович прожил в согласии с родовым девизом.

Первоначально девиз на рыцарских щитах представителей рода писали на латыни: *Aut agere, aut mori*. Английский появился позже, когда Роже де Бершелз осенью 1066 года высадился на берегах Британии вместе с войском норманнского герцога Вильгельма Завоевателя, который спустя три месяца стал королем Англии.

В англосаксонской транскрипции фамилия Роже и его потомков изменилась и стала звучать сначала «Берклей», а позже «Барклай». Сам Роже превратился в Роджера. За участие в битве при Гастингсе он получил от короля Вильгельма I замок в Глостершире.

Норманны пришли и подчинили Англию благодаря военной силе. Но легитимность власти на остриях копий держится едва-едва. Достаточно сильного порыва ветра и...

Вильгельм Завоеватель это понимал. Дворянские роды норманнов и саксов следовало переплести меж собой. В 1069 году внучка последнего англосаксонского короля, Эдуарда Исповедника, Маргарита отправилась в Шотландию, чтобы выйти замуж за тамошнего короля Малкольма III Кенмора. Того самого, что победил в битве за трон столь известного благодаря гению Шекспира короля-узурпатора Макбета. А сопровождал Маргариту в поездке в Шотландию сын Роджера Берклея – Джон.

К слову, королева Маргарита впоследствии была канонизирована Ватиканом. И стала первой святой на шотландской земле. Видимо, Джон Берклей, завершив эскортную миссию, в Англию к Вильгельму уже не вернулся. И остался служить королю Шотландии. Иначе как объяснить, что Малкольм III щедро награждал его землями в Абердиншире, носившими название «Тоуи»? Это самое Тоуи и превратилось в столь знакомое нам «де Толли».

У Джона выросло трое сыновей. Они и стали основателями разных ветвей могучего родового древа Барклаев: из Тоуи, Килбирни, Коллэрна, Гартли и Мэтерса.

Те Барклаи, что де Толли, хранили преданность католичеству и монархии. После революционных событий середины XVI века, перевернувших политическое устройство английского королевства, некоторым представителям древних аристократических родов жить там стало рискованно. В 1621 году братья Питер и Джон Барклай-де-Толли покинули остров и поселились в мекленбургском портовом вольном городе Росток. Оттуда Барклаи двинулись в сторону российской границы.

Сын Питера осел в Риге и занялся там адвокатской практикой. Его дети и внуки служили по чиновничьей линии в городском магистрате. Кто из них, закоренелых горожан, теперь помнил, что изначально в их фамилии сошлись два слова – «красивый» и «луг»?

ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ

В 1726 году в Риге родился Вейнгольд Готхард (Готтард) Барклай-де-Толли. Он стал первым из рода, поступившим в русскую военную службу. В России Готхарда быстренько переименовали в Богдана, чем и объясняется столь странное для потомка норманнов отчество, которое носил русский фельдмаршал Барклай-де-Толли, – Богданович. Кроме того, офицер получил и русское дворянство,

выдаваемое в обязательном порядке всем иностранцам, обретавшим в России офицерский патент.

По довольно распространенной в роду практике поручик Богдан завел трех сыновей, среднего из которых называли Михаэлем Андреасом. Он появился на свет 27 декабря 1761 года в местечке Памушис. Сейчас это Литва, Шауляйский район. А в то время эти земли, именуемые Земгалией, входили в состав

Курляндского герцогства. Оно формально сохраняло вассальную зависимость от Польши, но фактически было полностью ориентировано на Российскую империю. В 1795 году после третьего раздела Польши малая родина Михаила Барклая-де-Толли официально вошла в состав русского государства, где и находилась вплоть до 1918 года.

Существуют и другие версии по поводу времени и места рождения полководца. Кто-то ссылается на то, что сам Барклай местом рождения называл Ригу. Кто-то пишет о том, что родился он в 1757 году в другом поместье – Луде-Гроссхоф, на границе Латвии и Эстонии. Что семья переехала в Памушис только в 1760 году и, стало быть, маленькому Михаэлю уже было три года. Однако всерьез поколебать общепризнанное пока не удалось. И, судя по всему, в 2011 году мы отметим 250-летие рождения великого русского полководца Михаила Барклая-де-Толли.

ИЗ ПОРУЧИКА В ПОЛКОВНИКИ

Это шотландская ветвь Барклаев–Беркли могла кичиться древностью рода и знатностью. Еще в конце XI века один из английских епископов носил фамилию Беркли. Правда, есть сведения, что те самые Джон и Питер, что перебрались в Ростов, числились купцами из Банфа. Но, может быть, тут дело

в конспирации? Они же бежали из Англии по религиозно-политическим мотивам. Как бы то ни было, осевшему в России отставному поручику Богдану Барклаю-де-Толли хвастаться оказалось нечем. Что отразилось на военной карьере всех троих его сыновей. Кстати, и Богдан Богданович (Эмиль Йоганн), и Андрей Богданович (Генрих Йоганн) погибли за новое отечество в войнах конца XVIII века. Михаил же Богданович пробирался по служебной лестнице в потемках безвестности. В 4-летнем возрасте его привезли в Петербург, отдали на воспитание в семью родственников Вермелейнов и записали по практике того времени капралом в кирасирский Новотроицкий полк.

В 17 лет будущий фельдмаршал получил первый офицерский чин – корнета. И тут же из кавалерии оказался в пехоте, в Псковских карабинерах. Только через пять лет беспорочной службы незнатный «остзейский немец», как характеризовал его граф Лев Николаевич Толстой в романе «Война и мир», получил производство в следующий чин, секунд-поручика (лейтенанта). — **Прим. авт.**

С одной стороны, офицера уважали и ценили: за знание службы, за дисциплинированность и четкость, за порядочность и скромность в быту. С другой — эти же качества вкупе с незнатностью мешали быстрому продвижению по службе. Барклая обходили более родовитые, богатые, нахальные, рискованные. При дворе Екатерины Великой пуритане ценились мало.

Двадцатилетнему армейскому капитану, последние годы служившему в адъютантах братьев графа Фридриха и принца Виктора Ангальтов, нужна была война. И она не заставила себя ждать. В 1787 году вспыхнул порох на русско-турецкой границе. Барклая назначили командиром линейного батальона, и за несколько дней до собственного 27-го дня рождения капитан получил первую боевую награду – орден Св. Владимира 4-й степени. Отметили за штурм Очакова. Тот самый, при котором Михаил Илларионович Кутузов был вторично ранен в голову. И что удивительно, пуля прошла практически точно так, как и в первом случае, когда она вошла рядом с виском, а вышла рядом с глазом.

В следующем году Кутузов и Барклай сражались вместе. Корпус Кутузова и, в частности, батальон Барклая-де-Толли побеждали при Каушанах, Аккермане и Бендерах. А в 1790 году уже майора перевели в Финляндию, где он воевал в русско-шведской войне.

Уместно напомнить, что генерал-фельдмаршал князь Барклай-де-Толли — один из четырех человек в истории, кто был награжден всеми четырьмя степенями ордена Св. Георгия Победоносца. Так вот, своего младшего Георгия, 4-й степени, Михаил

Д. Доу.
Портрет
Михаила
Богдановича
Барклая-де-Толли.
1829 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Богданович удостоился в 1794 году за успешный штурм укрепленный Вильно и разгром отряда Грабовского под Гродно во время подавления очередного восстания в Польше.

К 1798 году, когда пришел-таки приказ о производстве в полковники, Барклай успел послужить в Финляндском егерском корпусе, Тобольском пехотном, Санкт-Петербургском гренадерском, Эстляндском егерском полках. Шефом последнего, переименованного при Павле I в 4-й егерский, он и стал.

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ

Барклай-де-Толли встретил XIX век в чине генерал-майора. Смена офицерского статуса на генеральский произошла в мае 1799-го. Пять лет служба тянулась рутинной. В том году, когда Михаил Богданович стал генерал-майором, генерал-фельдмаршал Суворов первым из русских военачальников столкнулся с французской армией Бонапарта. Правда, пока без самого Бонапарта. Александр Васильевич громил его генералов Массена и Жубера. В период Третьей коалиции, в 1805 году, русские войска вновь сражались с французскими. На сей раз – под началом самого Наполеона.

Первый блин вышел комом, но де Толли со своим полком, входившим в состав армии Беннигсена, к раскаленной сковородке Аустерлица не поспел. Застрял в Пруссии на полдороги.

Отличиться, но не умереть удалось в кампании следующего года. Под Пултуском, где Барклай самолично водил егерей в атаку. Эту яркую манеру поведения в бою на первый взгляд сухой и хладнокровный генерал продемонстрирует еще не раз и в куда более высоких чинах.

За Пултуск Барклай получил орден Св. Георгия 3-й степени.

В 1807 году пришло время встретиться с армией Наполеона в заснеженном Прейсиш-Эйлау (ныне Багратионовск Калининградской области. – **Прим. авт.**). Само сражение в актив русской армии занести сложно. Но и считать его проигранным, как берутся некоторые историки, неверно. По большому счету и император Александр I, и Наполеон остались при своих. А Барклай остался при раздробленной руке, орденах Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 2-й. Полк же, 4-й егерский, был награжден серебряными трубами, что по тем временам считалось огромной честью.

Дальше пришло время Тильзитского мира. Передышка наступила для многих, но не

для генерала Барклая-де-Толли. Его корпус – да, теперь уже корпус! – перебросили в Финляндию, на территории которой разгоралась последняя война со шведским королевством. К слову, последняя война самой Швеции с кем бы то ни было. В 1808 году Барклай со своими солдатами успешно вытеснял шведов из пределов Суоми, а в 1809-м по мартовскому льду в жестокую северную вьюгу перешел Ботнический залив и взял шведский город Умео.

Стокгольм был совсем близко, но там возьми да и случись переворот. Новый монарх запросил мира. Удивительно, но корпус Барклая вернулся той же опасной дорогой, что и пришел в Швецию, – через торосы залива.

Барклай за десять лет преодолел путь от полковника до полного генерала. Куда быстрее, чем двигался по лесенке офицерских чинов. Помимо чина полного генерала облагодетельствовали Михаила Богдановича за шведскую войну еще и орденом Св. Александра Невского.

Так случилось, что первым губернатором новой русской территории под названием «Финляндия» стал Барклай-де-Толли. После заключения мира со шведами он остался командовать всеми русскими войсками в Суоми – Финляндской армией. Таким образом, сначала фактически, а начиная с сентября 1809 года, после подписания мирного договора, уже формально генерал приступил к губернаторским функциям.

Правда, продолжалось сие недолго. В январе 1810 года Барклая отозвали ко двору и назначили военным министром. Венец карьеры мирного времени!

ФРАНЦИЯ? ЭТО ЖЕ РЯДОМ!

До Отечественной войны 1812 года де Толли многое успел на этом посту. Разработал два основополагающих документа: «Уложение для управления Большой действующей армии» и «Учреждение военного министерства». Продумал план грядущей войны с наполеоновской Францией, в неизбежности которой в России сомневались только в петербургском салоне мадам Шерер. Том самом, что вывел на страницах романа «Война и мир» Лев Толстой.

Это Барклай, понимавший, что предугадать направление главного удара невозможно, придумал разделить армию на четыре самостоятельных центра силы. Первый будет прикрывать Петербург, второй и третий – Москву и сердцевину России, четвертый – Киев и Малороссию.

План не был идеальным, но в главном сработал. Бонапарта вынудили дробить силы, держать целые корпуса на северном и южном направлениях. Отчасти поэтому ему удалось привести на Бородинское поле лишь четверть наличных сил.

Это несколько не означает, что Наполеон растерял преимущество еще летом 1812 года. Русская армия отступала на восток под давлением заметно превосходившей ее по численности Великой армии. И вел солдат от границы генерал Барклай-де-Толли. А значит, именно Барклай-де-Толли подвергался яростной критике и подозрениям. Вплоть до обвинений в измене.

Барклай отступал и терпел. Терпел и отступал.

Впоследствии много скупых слез вытечет из глаз некоторых военных историков и беллетристов по поводу великого мужества, проявленного Кутузовым в Филях, когда решался вопрос о сдаче Москвы. Как тяжело дался главнокомандующему этот приказ, писали все кому не лень.

Да, тяжело! Что тут спорить и слезы размазывать? Но каково было боевому генералу Барклаю-де-Толли неделями вести войска вглубь России? Это – мужество чистой воды.

Кстати, там, в Филях, в деревенской избе, не кто иной, как Барклай-де-Толли, поддержал Кутузова в необходимости сдать Москву. Правда, к этому моменту Михаил Богданович в глазах армии обрел прежний авторитет. «Виной» тому – Бородинское сражение.

В зоне ответственности де-Толли оказалась главная позиция русской армии – Курганная высота, впоследствии ставшая всемирно известной как батарея Раевского. Барклай вновь не чурался лично срываться в атаку, он вышел из боя в мундире, залитом чужой кровью. За время сражения он потерял убитыми и ранеными семь адъютантов и пять лошадей. И он – рассудительный и опытный – был в полном бешенстве, когда получил приказ Кутузова оставить позиции на Бородинском поле.

После Бородина войска, видя Барклая, вновь стали приветствовать его искренне, а не по уставу. Михаил Богданович оказался единственным, кого император наградил орденом Св. Георгия 2-й степени за это сражение.

В сентябре 1812 года русская армия стала биваком в местечке Тарутино под Калугой. У Барклая-де-Толли появилась возможность привести в порядок свои сложные отношения с главноком светлейшим князем Кутузовым. Результатом стало прошение об отставке по состоянию здоровья.

Барклай отбыл из армии во Владимир. Ясно, что он не мог не уведомить обо всем императора. И терпеливо ждал от него ответа вплоть до декабря.

Оный пришел только 12-го числа и принес утешение. Александр в мягкой форме потребовал возвращения Барклая в армию и поручил ему 3-ю армию. Южную, как называли ее в войсках. Но к тому моменту, когда де-Толли прибыл на новое место службы, Южная армия безуспешно штурмовала крепость Торн на северной Висле.

Война продолжалась.

ПАРАДЫ ПАРИЖА И ВОДЫ КАРЛСБАДА

У Александра I были сомнения: остановить армию на границе Российской империи или продолжить поход и довести дело до конца? То есть – до Парижа. Решил – идти!

А повел армию генерал Барклай-де-Толли. Кутузов, освободивший Россию от нашествия Великой армии, ушел из жизни, князь Витгенштейн на посту главнокомандующего не задержался. И в мае 1813 года Барклай вернул себе бразды правления армией.

В отношении событий тех лет, что длился последний этап Наполеоновских войн, присутствует очевидный и несправедливый перекос. Кампании 1812 года придан статус войны отечественной, героической, освободительной, а кампаниям 1813 и 1814 годов внимания уделяется ровно столько, чтобы о них вообще не забыли. Тем не менее все три кампании связаны в одно целое. И недооценивать Заграничные походы русской армии столь же неверно, как разделить, например, Великую Отечественную войну на период освобождения собственных территорий и освобождение Европы.

Если присмотреться, две эти войны очень похожи. Пожалуй, одна существенная разница: Наполеон до изуверской философии Гитлера не додумался. Хотя его солдаты порой действовали ничуть не лучше.

Нам еще предстоит глубоко погрузиться в историю Заграничных походов, включивших в себя не только освобождение европейских стран от французской оккупации, не только создание новых государств, но и сугубо военные события огромного значения. Прежде всего сражения под Дрезденом и Кульмом, Битву народов под Лейпцигом, штурм и взятие Парижа.

Напомню лишь, что ранее Париж открывал ворота врагу аж в ходе Столетней войны с Англией. То есть в достославные времена Жанны Д'Арк.

Теперь, весной 1814 года, Париж покорился русской армии. Барклай-де-Толли въехал в «столицу мира» рядом с императором Александром I. Поверх мундира уже была наброшена

оранжево-черная лента, скрепленная на левом бедре звездой ордена Св. Георгия 1-й степени. Высшую военную награду России генерал получил за победу под Кульмом. В Париже Михаил Богданович превратился в генерал-фельдмаршала.

В отличие от самой армии Барклай вскоре Париж покинул. И вернулся в Россию, чтобы занять место командующего войсками, расположенными в

Царь Александр I писал вдове: «Государство потеряло в его лице одного из самых ревностных слуг... чья верность и преданность всегда были мне дороги...»

В 1823 году в километре от городка Йыгевесте (ныне Эстония. — **Прим. авт.**) построили мавзолей, куда и перенесли прах полководца. Здесь же похоронили и сына Барклая — Эрнста Магнуса. Но не в мавзолее, а рядом. Несмотря на семейное предназначение склепа, сын в своем завещании специально оговорил, что не имеет морального права лежать рядом с таким великим человеком, как его отец. Не заслужил.

Польше. Когда Наполеон сбежал с острова Эльба и вновь затеял большую драку, поспешил ему навстречу. Не успел, французского императора разбили на сей раз без нашей помощи. Скопившиеся во Франции союзнические армии провели в конце августа 1815 года смотр под Парижем. Командовавший русскими частями на параде Барклай удостоился княжеского титула и всех мыслимых европейских орденов. И отбыл. В Могилев. Служить.

В следующий раз он попал в поле зрения европейских дворов и правительств уже по трагическому поводу. Весной 1818 года Барклай-де-Толли отправился в Карлсбад (ныне Карловы Вары в Чехии. — **Прим. авт.**) на воды. Раны и переживания дали о себе знать. Доехать до места назначения не удалось. 26 мая князь Михаил Барклай-де-Толли скончался на мызе Штилитцен под городком Инстербургом в Восточной Пруссии.

Любопытную версию последнего путешествия фельдмаршала предлагает чешский исследователь Долейши. Он уверен, что Карловы Вары были выбраны вовсе не по медицинской причине. Михаила Богдановича манили не столько целебные источники Карлсбада, сколько чешское местечко Сланы. Там на старом кладбище сохранилась мраморная стела. На стеле — надпись: здесь покоится Эдуард граф Беркелей-де-Толли, премьер-лейтенант Русской императорской гвардии, рыцарь ордена Св. Владимира 4-й степени и ордена Св. Анны 2-й степени. Родился в Риге... Смертельно ранен в битве у Хлумом. Умер в Сланах 31 августа 1813 года.

Автор утверждает, что 19-летний подпоручик был племянником Михаила Барклая-де-Толли. Сам генерал был в Сланах за считанные дни до сражения, в котором пал его юный племянник. И вместе с императорами-союзниками принимал там парад полков Русской императорской гвардии. Через полторы недели эти полки были брошены в бой под Хлумом, в котором две пули нашли молодого Беркелея.

Русских, погибших в том сражении, хоронили в братских могилах. И только Эдуард удостоился чести лечь в землю в одиночестве. Михаил Богданович лично присутствовал на похоронах и оставил средства на установку памятника.

Кто знает, может быть, в Сланы спешил фельдмаршал в предчувствии скорого ухода?

ПОСЛЕДНИЙ БАРКЛАЙ?

Хоронили Михаила Барклая-де-Толли с почестями. Прусский король Фридрих Вильгельм III прислал скульптора с повелением поставить памятник в имении Бекгоф, куда доставили тело. На памятнике полагалась надпись... на двух языках: русском и немецком. Сердце Барклая похоронили отдельно. На той самой мызе в Штилитцене, где оно перестало биться.

Мавзолей цел и сейчас. Несмотря на то, что в этих местах шли интенсивные бои и в Первую мировую, и уж тем более — в Великую Отечественную войну. И наши солдаты, и немецкие старались стрелять аккуратно.

Принято считать, что два сына Михаила Барклая-де-Толли — последние из рода. Поэтому в 1859 году полковнику Александру Веймарну, двоюродному племяннику Эрнста Магнуса (Максима Михайловича), разрешили унаследовать княжеский титул Барклаев. Это право распространилось и на его потомков.

Но как тогда быть с весьма убедительным утверждением Григория Салтупа, в чьем семейном архиве хранится столетний фотоснимок. На фото — его бабушка, рядом ее сестра, следом — муж сестры Сергей Михайлович Барклай-де-Толли, праправнук Михаила Богдановича. Он родился в 1881 году, стал профессиональным военным, сражался на фронте русско-японской, Первой мировой. В Гражданскую служил в Красной армии военспецом, потом преподавал на военных курсах. Расстрелян в 1937-м...

После Сергея остался сын — Анатолий. При рождении от греха подальше ему дали фамилию матери — Григорьев. А вот Григорьевых в России... Почти как Барклаев на Британских островах. Там одних отделений одноименного банка сколько!

Михаил Барклай-де-Толли, пожалуй, единственный полководец в мире, которого в одинаковой степени чтут и считают национальным героем в двух странах, неоднократно и жестоко воевавших друг с другом. В России и Германии. Памятники ему высются в Москве и Петербурге. И в Баварии, в Музее военной славы Регенсбурга.

...Никогда нам не узнать, о чем думал норманнский рыцарь Роже де Бершелз, высаживаясь с корабля на избитый ветрами Ла-Манша британский берег. Может быть, беззвучно повторял, стремясь укрепиться в надежде и ярости:

— Сделать или умереть! 🇷🇺

КАПИТАН БЕЗ КОРАБЛЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

Летом 1878 года в доходном доме на Троицкой улице в Петербурге поселился новый жилец. Высокий, плечистый, с огромной черной бородой и черной же повязкой на глазу. На плохом русском он представлялся капитаном русского флота. А по виду был суший пират! Звали его Огнеслав Костович, по-русски – Игнатий.

Сейчас трудно сказать, обладал ли этот господин с весьма экзотической внешностью какой-либо харизмой. Никаких свидетельств тому не осталось. Но вот что любопытно: на протяжении десятков лет, что прожил Игнатий Костович в России, он с успехом проникал в такие высокие кабинеты, что простому русскому смертному и во снах не достучаться.

Первым таким местом оказался кабинет великого князя Александра Александровича, наследника российского престола. На стол цесаревича легло прошение, из которого следовало, что посетитель – автор четырех изобретений, реализация коих не терпит отлагательства. Насколько необычно выглядел сам изобретатель, настолько оригинальными оказались и его предложения. Скажем, подвесной бруствер... Или – походный чемодан... Или – регулятор скорости паровых судов... Особое внимание будущего императора Александра III привлек проект постройки подводной лодки. Вскоре одноглазый великан рассказывал адъютанту великого князя капитану I ранга Баранову: «Лодка рассчитана на 8 человек, на 20 часов подводного плавания, берет на борт 12 торпед...» От великого князя, его адъютанта, а также Морского министерства Костович просил самую малость: рабочих, материалы и верфь для постройки «рыбы-лодки».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Нельзя сказать, что идея строительства подводного корабля была нова. Первым мысль о таком транспортном средстве высказал еще Леонардо да Винчи. Ровно за триста лет до явления Костовича в Петербурге британец Боурн описал гренландскую лодку, шитую из тюленьих шкур. В 1620 году в водах Темзы успешно испытали весельную подлодку, созданную голландцем Дреббелем. Российский крестьянин Ефим Никонов в начале XVIII века продемонстрировал Петру I опытный экземпляр «потаенного огненного судна». Засим и застопорилось, ибо император умер, а остальным до подводного флота дела не было. В XIX веке попыток, в том числе и удачных, было в достатке. В 1846 году француз Пейерн испытал лодку с паровым двигателем. В 1864-м американцы доказали возможность использования подобных конструкций в бою: лодка конструктора Ханли потопила винтовой корвет и ушла с места боя невредимой. А спустя два года на Балтийском заводе спустили на воду первую русскую субмарину инженера Александровского. В том же году, когда в России появился господин Костович, в Одессе опробовали подлодку конструкции инженера Джевецкого. Казалось бы, что тогда привлекло внимание великого князя и специалистов Морского министерства?

Первая попытка «продать» идею Игнатию не удалась. Не помог даже великий князь. В 1878 году адмиралы посчитали идею «сырой». Костович около двух лет корпел над чертежами и весной 1880-го представил в Морской технический комитет уже целый пакет документов. Изобретатель гарантировал, что судно длиной 22,5 метра, шириной 3,6 метра и высотой 4,2 метра с водоизмещением 180 тонн будет погружаться на глубину 45 метров, двигаться в надводном положении со скоростью 20 узлов (38 км/ч), в подводном – 12 узлов (20 км/ч) и нести при этом боекомплект в 12 торпед. Костович заявил мощность двигателя в 1000 л.с., но на главный вопрос членов комитета так и не ответил. О каком, собственно, двигателе шла речь?

К тому времени на подлодках использовались паровые и пневматические двигатели. Но для них такая мощность немыслима. Скрыл капитан Игнатий и другое: лодка не имела балластных цистерн, и, каким образом обеспечивался процесс погружения-всплытия, для морских волков из министерства оставалось тайной. Открыть эти тайны Костович был готов только при условии, что Морское министерство даст средства на постройку и закупит опытный образец. После – и карты на стол.

Несмотря на положительное заключение по проекту, адмиралы рисковали казенными деньгами и собственными

креслами не захотели. Но Костович не сдался. В том смысле, что забрал чертежи и прочие бумаги, и где они – до сих пор неведомо.

Если проанализировать изобретения одного из инженеров позднего периода, связанные более с небом, чем с водой, то можно высказать предположение о типе придуманного им секретного двигателя. Видимо, речь шла о двигателе внутреннего сгорания. Да-да... Хотя в первом варианте Костович планировал разгонять свою лодку до 38 километров в час с помощью... матросов – в две человеческие силы.

Не исключаю, что появились желающие бросить в Игнатия Костовича камень с выбитой на нем надписью «авантюрист». Напрасно!

Параллельно с проектом «рыбы-лодки» он предлагал и другие. Куда более успешные. Не стоит, наверное, вдаваться в технические подробности по поводу морского регулятора скорости, но вердикт таков – патент купили за 10 тысяч рублей. Имелись и другие успехи.

Костович – пионер в изобретении «арборита». На самом деле это – знакомая нам фанера. Вот только пропитывали многослойный материал на фабрике изобретателя специальным клеем, состав которого он так никому и не открыл. К фанере нынче отношение, мягко скажем, легкомысленное. Но вспомним, что спустя лет тридцать после изобретения Костовича этот материал использовал великий русский конструктор Сикорский при создании самого большого для своего времени самолета, «Илья Муромец». Фанера, то бишь «арборит», понадобилась Игнатию для важного дела. Это потом, когда целый ряд его изобретений и конструкций не оправдали ожиданий или погибли по воле рока, выяснилось, что листы из склеенного шпона хорошо кормят. Фабрика в селе Малое Рыбацкое под Петербургом, принадлежащая Костовичу, исправно кле-

ила трубы, чемаданы, бочки, ящики. Новый продукт пользовался колоссальным спросом и был не только прочен, но и дешев. Ведь Костович использовал для изготовления «арборита» самое никчемное на Руси дерево – осину.

Деньги Игнатия Стефановича интересовали мало. В обывательском смысле слова. Но он готов был искать их всюду с единственной целью – финансировать собственные проекты. В 1879 году в журнале «Воздухоплаватель» появилось сообщение о том, что в редакции собралась группа энтузиастов во

главе с Костовичем, дабы приступить к строительству нового воздушного судна, которого еще не знали в мире. И заодно для определения этому судну достойного ему имени. Определили – «Россия»!

В 1881 году Костович объяснил стране, что же за птицу он собирается выпустить в небо. По проекту управляемый дирижабль выглядел так: 65 метров в длину, 12 метров в диаметре. Двигательной силой должен был стать мотор, уменьшенный вариант которого изобретатель уже испытал на катере собственной конструкции. На дирижабле планировалось установить такой же, только больше – мощностью 80 л.с. Интересно, что опыты с двигателями внутреннего сгорания к тому моменту велись уже повсюду. В том числе в Германии, инженерами, фамилии которых сегодня, в отличие от фамилии Костовича, известны всей планете – Даймлер и Бенц. Однако никто не использовал в качестве топлива бензин, а на предмет зажигания – электрический ток. Посему получавшиеся движки для транспорта оказывались непригодными.

Первоначально средства на строительство дирижабля «Россия» собрали среди акционеров соответствующего ОАО. Когда эти деньги кончились, Костович обратился в Военное министерство. Там в проект поверили и оказали поддержку. Не смущало даже то, что во Франции в 1884 году инженеры Кребс и Ренар подняли в воздух управляемый дирижабль и посадили его в заведомо определенное место. Французский монстр двигался с помощью электромотора. А Костович упорно стоял на том, что будущее за бензиновым машинным сердцем.

Кто ж теперь будет спорить с Игнатием Стефановичем!

В 1888 году Костович получил патент на изобретение ДВС в Британии и США, в 1892-м – в России. До XXI века дожил один экземпляр двигателя. Его сохранили в Музее ВВС в подмосковном Монино. Кстати, вес двигателя – 240 килограммов. Это без газового аппарата, через который поступало топливо, и холодильника, защищающего от перегрева.

Дело двигалось медленно. В 1889 году, когда двигатель и детали корпуса были готовы, потребовалось последнее финансовое вливание – 40 тысяч рублей на сборку. На этот раз в военном ведомстве Костовичу

отказали. И на тебе – разразилась буря, и часть деталей, сложенных в ангаре, погибла в огне.

В складированном виде дирижабль «Россия» пролежал на Охте без малого двадцать лет. А когда о нем вспомнили, было уже поздно: в небе царили дирижабли немца Цепелина, но главное – начиналась эра самолетов.

Костович эти двадцать лет без дела не сидел. Он изобретал стратостаты, станки, воздушные телеграфы, гидроаэропланы...

В 1912 году в Петербурге появилась женщина по имени Мария, дочь Костовича от первого брака. Приехала из Белграда. С одной целью – уговорить отца уехать из России на родину, в Сербию.

В 1848 году в семье сербского дворянина Костовича, осевшей в венгерском Пеште, родился мальчик. Назвали его Огнеславом. Отец мальчика Стефан был судовладельцем на Дунае. После школы судьба мальчишки определилась сама собой – он стал водить отцовы корабли по знаменитой европейской реке. Так бы оно и шло дальше, не начнись на Балканах русско-турецкая война. Компания отца продала два судна для российской флотилии, без которой противостоять туркам на Дунае было весьма затруднительно. Австро-венгерские власти не слишком поощряли контакты подданных с русскими эмиссарами. Но этнические сербы Костовичи выразили полную готовность помочь. За штурвал второго корабля встал Огнеслав. Долгим оказался на сей раз его путь по Дунаю. И плен в турецкой крепости Видин познал, и тяжелое ранение в голову получил, из-за которого потерял глаз. Добравшись до русских, решил остаться! И ехать в Санкт-Петербург, благо громадный портфель с чертежами и проектами умудрился сохранить. Там, в Северной Пальмире, думал тридцатилетний серб, им самое место.

Несмотря на известность и множество патентов, полученных от русской власти, Костович до конца дней оставался австро-венгерским подданным. «Недосуг заниматься, – объяснял он всякий раз, когда заходил разговор на эту тему, – я славянин и телом, и душой. Русский капитан я, неужели не видно?» В Сербию Игнатий Стефанович с дочерью не поехал. Лег в русскую землю в самом начале 1917 года. За Невской заставой, в селении Фарфорового завода, на кладбище Спасо-Преображенской церкви. ■

При подготовке текста использованы: Черненко Г.Т. Жизнь и необыкновенные приключения капитана Костовича. СПб., «Остров», 2001; материалы Российского государственного архива Военно-морского флота и Государственного Исторического музея.

ПОЧТИ БОЛГАРСКИЙ ЦАРЬ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Современный человек обычно если чего и вспомнит, услышав фамилию «Аксаков», то в лучшем случае «Аленький цветочек». Как-то незаслуженно они забыты – и если отца-писателя еще кто-то помнит по бессмертной сказке, то сыновей и вовсе никто не читает, кроме специалистов. Юбилей, пусть хоть и юбилей смерти – 125-летие со дня кончины Ивана Аксакова, – повод вспомнить незаурядного публициста и заглянуть в его статьи.

Каждая эпоха вглядывается в предыдущую; так уж вышло, что опыт послепушкинской поры осмыслять приходилось советским литературоведам и историкам. Они всех расставили по прогрессивности и закрыли вопрос навсегда. И тем самым канули в Лету многие интересные споры, которые, вследствие отсутствия парламента и политической жизни, велись литераторами и журналистами. Между тем обратиться к ним не менее интересно, чем к советскому опыту, и, может быть, даже не менее полезно, потому что недавнее, советское прошлое не дает ответов на многие вопросы, которые только кажутся нам новыми, а на самом деле живо обсуждались еще полтора века назад. Посмотреть, о чем тогда спорили и к чему в конечном счете пришли, не просто интересно, но еще и полезно: а то бегать и бегать по граблям век за веком. Трудно поверить, что это тогда, а не сейчас писано:

«Не может же остаться без внимания на общественное материальное благосостояние это переселение русских капиталов за границу в лице сотни другой тысяч русских, наибообразованнейших и состоятельнейших людей?..»

Или вот, о государственном православии: «...всякое вмешательство казны в это дело, всякое низведение интересов веры на степень интересов государственных, всякое обращение святыни в орудие казенных видов и соображений не только мертво и бесплодно, но даже положительно вредно».

Все это – из текста Ивана Аксакова под превосходным и во все времена актуальным названием «Отчего так нелегко живется в России?», опубликованного 18 декабря 1865 года – 145 лет назад.

Нет, положительно надо этого автора перечитывать.

БЕЗУМЕН ВСЯКИЙ ЧЕСТНЫЙ БОЙ

Иван Аксаков родился в 1823 году в литературной семье и с детства вращался в литературной среде. Отец, Сергей Тимофеевич Аксаков, автор прекрасной, неторопливой, очень русской, очень подходящей для вдумчивого чтения на ночь прозы, вырастил сыновей в любви к родине и готовности ей служить. Окончив училище правоведения, молодой юрист поступил на службу в московский департамент Сената. Преисполненный желания приносить пользу, он быстро получил холодный душ: департаментская служба в 1842 году убивала скукой и бессмысленностью. Юный Аксаков написал целую сатирическую мистерию «Жизнь чиновника», где всерьез задавался вопросом: «Служить или не служить?.. не я ль мечтал для общей пользы жить?.. но службою достигну ль цели я?..» В столице никакой цели достигнуть он не мог, поэтому вскоре перевелся в провинцию, где надеялся на какую-то осмысленную деятельность. Для осмысленной деятельности он был более чем приспособлен: судьба наделила его редкой энергией. Один из его сослуживцев вспоминал, что «он занимался по 16 часов в сутки, постоянно писал, читал, делал справки в Своде Законов, и только по окончании служебных дел, как бы для отдохновения и забавы, принимался за стихи».

Служить Аксакову пришлось сначала в ревизионной комиссии в Астрахани, затем в уголовной палате в Калуге. Эта служба его убивала ничуть не хуже прежней, а то и получше: ужасающий размах злоупотреблений, несправедливости, неправедного суда заставил его уйти из судебной системы вообще. Он перешел в Министерство внутренних дел, где стал чиновником особых поручений. Особые поручения, которые ему пришлось выполнять, были связаны с изучением раскольничества в Бессарабии и секты бегунов – тоже раскольников-старообрядцев, давших обет странничества, – в Ярославской губернии. Быстро выполнив первое поручение, он вернулся в Петербург ждать следующего. Иллюзий он уже

И.С. Аксаков.
Фотография
М.Б. Тулинова.
1861–1864
годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

никаких не испытывал: «Бесплодны все труды и бденья, // Бесплоден слова дар живой, // Бессилен подвиг обличенья, // Безумен всякий честный бой», – писал он тогда.

Тут-то его и арестовали. Но не за стихи. Времена были мрачные: шла весна 1849 года – начало николаевской реакции на Французскую революцию, максимальное закручивание гаек. Аксакова прихватили за письма отцу: цензура нашла в них признаки опасного либерализма, жандармы предположили, что среди славянофилов действует тайное общество. Ответы Аксакова на вопросы жандармов царь читал лично; прочитав, велел шефу жандармов графу Орлову «вразумить и отпустить» Аксакова.

Вразумленному и отпущенному дали следующее поручение, как можно более занудное, чтобы не в меру энергичный Аксаков увяз, потонул и поостыл. Его отправили в Ярославль, где заниматься ему пришлось всем подряд – не только раскольниками, но и вообще беглыми, бродягами и «пристанодержателями» – теми, кто дает им приют (у бегунов такую обязанность несли члены секты, которые вели оседлый образ жизни). Аксаков, как и было задумано, увязал и изнемогал – хотя и написал в своей ярославской командировке интереснейшее исследование о бегунах: именно там был центр, откуда вера бегунского толка распространялась по стране.

НЕГОДОВАТЬ И НЕНАВИДЕТЬ

Он тогда много писал стихов. Стихи его, пожалуй, предвосхищали Некрасова – хотя в них не было неслыханной некрасовской свободы и песенности, но была несомненная боль и ярко выраженная гражданственность. Это тогда, в 1849 году, в Ярославле он написал некогда знаменитые, но совершенно уже забытые строки: «Клеймо домашнего позора // Мы носим,

славные извне: // В могучем крае нет отпора, // В просторном царстве нет простора, // В родимой душно стороне!»

Может, образ раскольников, убегающих от государства и вечно пребывающих в дороге, так повлиял на Ивана Аксакова, что он написал поэму «Бродяга», героем которой стал беглый крепостной крестьянин. Он читал эту поэму своим знакомым, и ярославский губернатор, возмущенный тем, что чиновник Министерства внутренних дел читает поэму о беглом крепостном, тут же послал донос его начальству. Министр Перовский прислал из Петербурга запрос Аксакову: мол, что это за поэма? Мало того что занятия стихотворством несовместимы с государственной службой, так еще и герой поэмы – беглый, нелегал! Аксаков на вопрос о странном выборе героя отвечал: «Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным, оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по всей осени как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах...»

Перовский поэму прочитал, ничего вредного в ней не нашел, но все же посоветовал подчиненному оставить сочинительство, чтобы оно не шло во вред службе и во избежание кривотолков. Аксаков, наделенный кипучей энергией и неукротимым нравом, ответил начальнику резко: «Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе». Перовский нашел его послание крайне неприличным, после чего Аксакову оставалось или извиниться, или уйти в отставку. Строптивый чиновник особых поручений предпочел отставку и в 1851 году покинул службу.

А поэму потом напечатал – частями. Она и в самом деле похожа на Некрасова – в особенности на «Кому на Руси жить хорошо». «Приди ты, немощный, // Приди ты, радостный! // Звонят ко всенощной, // К молитве

Несостоявшийся редактор отправился в Малороссию, где несколько лет собирал материал для исследования и еще несколько лет его обрабатывал. Его труд увидел свет в 1858 году и получил большую Константиновскую медаль Географического общества и половинную Демидовскую премию Академии наук.

Правда, работу над исследованием прервала русско-турецкая война. Искренний патриот, Аксаков вернулся в Москву и записался в ополчение.

С ополчением дошел до Бессарабии, но участия в боевых действиях принять не успел. Аксаков был казначеем дружины; его честный отчет об ее финансах оказался таким свидетельством против начальственного казнокрадства, что командующий дружины отказался подписать этот документ.

После заключения мира и короткой поездки в Крым, где Аксаков принял участие в исследовании хозяйственных злоупотреблений во время войны, он уехал за границу, где познакомился с Герценом. В следующие годы он много писал для герценовской «Полярной звезды» под псевдонимом «Касьянов».

ВРЕДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В 1858 году в Москве начал выходить журнал «Русская беседа», собравший лучшие силы славянофильства. Аксаков его редактировал, но, поскольку редакторская работа ему еще была запрещена, редактором числился другой человек. К моменту, когда запрет на профессию был снят, вышло уже несколько книжек журнала. Получив право быть редактором, Аксаков стал хлопотать о разрешении выпускать газету. Газета называлась «Парус» и была закрыта после выхода второго номера, в котором Аксаков пообещал обсудить вопрос отмены крепостного права.

Возобновить издание он не успел: в 1859 году умер отец и заболел брат; в 1860 году Иван Сергеевич повез больного брата за границу – путешествовали они в основном по славянским странам Европы. Константин Сергеевич за границей умер, и брат привез на родину его тело.

Он вернулся в Москву в 1861 году – здесь как раз кипела предреформенная буча. Аксаков сразу окупился в работу. Ему вновь разрешили издавать газету, которая теперь называлась «День». Правда, газете не разрешили иметь отдел внешней политики и поставили ее под особое цензурное наблюдение. С цензурой Аксаков, с юности убежденный в необходимости свободы слова, сражался беспрестанно. «День» был серьезным и авторитетным изданием, обсуждавшим большие вопросы рефор-

благостной...». Аксаков перестал работать над поэмой в 1850 году, а Некрасов взялся за свою 13 годами позже.

Иван Аксаков даже в личных посланиях был энергичен и горяч. В Калуге он познакомился с замечательной женщиной, женой калужского губернатора Александрой Смирновой-Россет. Той самой, к которой хотел свататься Жуковский. Той самой, чьи черные очи воспевали Вяземский и Хомяков, чей умный разговор ценил Пушкин. Той самой, к кому обращены знаменитые лермонтовские слова «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» и наставления в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. В 1846 году Смирновой-Россет было 37, Аксакову – 23. И вот какие строки посвятил признанной умнице и красавице пылкий молодой чиновник:

*И вы к покою и прощенью
Пришли в развитии своем
Не сокрушения путем,
Но... равнодушием и ленью!
А много-много дивных сил
Господь вам в душу положил!
И тяжело, и грустно видеть,
Что вами все соглашено,
Что не способны вы давно
Негодовать и ненавидеть!*

НА ДЕЛО ДОБРА И ПРАВДЫ

Выйдя в отставку, Аксаков всецело предался литературным занятиям в своей, с детства знакомой среде. Он стал редактором «Московского сборника», в котором участвовали другие славянофилы – его брат Константин, Хомяков, Киреевский. В первом томе он опубликовал свою статью о Гоголе и отрывки из «Бродяги», причем обе публикации не понравились цензуре. Второй том попросту запретили, рукопись изъяли, а авторов отдали под надзор полиции. Особенный гнев вызвал Аксаков, который предполагал опубликовать свою статью «Несколько слов об общественной жизни в губернских городах», где предлагал молодежи объединяться «крепким союзом на дело добра и правды». Разумеется, в духоте последнего семилетия николаевского правления это можно было истолковать как призыв к созданию тайных обществ. Аксакову велели впредь проходить цензуру не в Московском комитете, а в Главном управлении цензуры в Петербурге, и запретили быть редактором, причем запрет оставался в силе шесть лет. А такие цензурные сложности означали, что печататься Аксакову тоже не придется. Выручило его из сложного положения Географическое общество, знакомое с его прежними работами: в 1853 году оно предложило Аксакову описать украинскую ярмарочную торговлю.

мы и славянства, в том числе католического: польский вопрос болел едва ли не сильнее всех. Именно в годы редакторства в «Дне» Аксаков приобрел колоссальный авторитет в России и за границей, а «День» имел 4 тысячи подписчиков – по тем временам тираж огромный. Газета закрылась в 1865 году – издавать ее прекратил сам Аксаков. А через год стал выпускать другую газету – «Москву». Это издание критиковало правительство более резко, 9 раз получало предупреждения, а ее выход приостанавливали три раза – на 3, 4 и 6 месяцев, так что более половины своей двухлетней жизни она просто не выходила. А в остальное время шла борьба с цензурой. Аксаков не сдавался и вместо вымаранных цензурой статей размещал объявления в черной рамке: мол, передовица не может быть опубликована по не зависящим от редакции обстоятельствам. В конце концов «Москву» закрыли «за вредное направление». Примерно с той же формулировкой («за предосудительное направление») в 1874 году был конфискован и уничтожен тираж написанной им биографии Федора Тютчева, на дочери которого Аксаков женился в конце 60-х.

РУСЬ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Лишенный возможности печататься, Аксаков энергично занялся славянскими делами. Он еще с 1858 года состоял в Московском славянском комитете и теперь активно включился в его работу, а вскоре и возглавил его. Работы было много: в середине 70-х годов Сербия и Черногория воевали с Турцией за свою независимость. Аксаков собирал средства в помощь сербской армии, организовал заем правительству Сербии, участвовал в отправке за границу добровольцев. Всецело эта деятельность поглотила его с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда он занялся помощью болгарам, вплоть до отправки им оружия. Он выступал с замечательными по своей энергии речами – дар оратора у него был незаурядный, эти речи прославили его на всю Европу; в Болгарии даже выдвигали его кандидатуру на царский престол.

Особенно прогремела его речь в Славянском комитете, посвященная русским дипломатам на Берлинском конгрессе: славянофилы сочли сделанные Россией дипломатические уступки неприемлемыми. «Ты ли это, – вопрошал Аксаков, – Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, поднятых тобою трудах, молишь про-

стить твои победы?.. Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похваливая твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь под нее свою многотрадальную голову!»

Аксаков надеялся, что царь вмешается. И он вмешался. Славянский комитет закрыли, а его председателя выслали из Москвы.

ENFANT TERRIBLE

Два года он прожил в имении родственницы жены во Владимирской губернии. Затем московский генерал-губернатор сообщил царю: «Наш enfant terrible сидит тихо» – и Аксакову, которому уже стукнуло 55 лет, разрешено было вернуться в Москву. С 1880 года он стал издавать газету «Русь»: снова воевать с правительством и сражаться с цензурой. Он был немолод, впал в крайний консерватизм, отчаянно бранил либералов – и с ним уже куда меньше считались, чем в годы, когда решался славянский вопрос на Балканах.

У него было большое сердце – даже издание газеты один раз пришлось приостановить из-за болезни редактора. От сердечной болезни он и умер в 1886 году. Хоронили его в Троице-Сергиевой лавре, и на похороны пришло множество народу.

Пожалуй, общее мнение об Аксакове состояло в том, что как человек он был лучше, сильнее, глубже и интереснее, чем как политик. Верный семейному воспитанию, он исповедовал принципы, которые опрокидывала сама жизнь: даже те самые славяне, о которых он так радел, не могли принять его идеи объединения под началом русских, не принимали отождествления славянства с православием, отстаивали свою национальную, культурную, а некоторые и религиозную идентичность. А он, в свою очередь, отстаивал самодержавие так, что самому царю было неловко принимать такую защиту. Он идеализировал допетровскую Русь. Он предлагал нереалистичные решения тяжелых проблем русской жизни.

Но человек он был замечательный – честный, дельный, энергичный, толковый; хороший организатор, интересный мыслитель, он много умел, много понимал и очень многое верно подмечал. Ну вот, например: «Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма. К какой стороне жизни ни прикоснешься, все формулирует она и, следовательно, все мертвит, ибо все живое боится формы и убегает. Оттого-то столько неискренности, столько холода в хлопотливом величии всей государственной машины»...

Говорю же – перечитывать надо. 📖

БЕЛЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

После полуночи, разделившей 22 и 23 февраля 1918 года, колонна военных числом три с половиной тысячи штыков и сабель, с 8 пушками-трехдюймовками, обозом и сотнями гражданских перевалила через еще сжатый льдами Дон и двинулась на юг.

Выходили из Ростова с опаской. Город со всех сторон уже блокировали отряды красной гвардии. Остался узкий коридор, по которому можно было проскочить через реку в сторону станицы Аксайской. Там подождать отставших, переформироваться и идти дальше – через земли Всевеликого войска Донского на территорию Кубанского казачьего войска. В кубанскую столицу Екатеринодар, где шумели тамошние казаки, недовольные большевистской властью.

Отряды, носившие привычные названия полков, батальонов и батарей, но больше похожие на вооруженные группы волонтеров и ополченцев, собирались на окраинах Ростова ночью, чтобы хоть на время оторваться от неизбежного преследования, чтобы хоть как-то выполнить задачу скрытного передвижения.

В Аксае задержаться не удалось. Местное казачество было не радо пришельцам. Остановились дальше, в станице Ольгинской. Подсчитались. Осмотрелись на предмет оружия, патронов и снарядов. Последних оказалось не более 700. За два дня кое-кто из офицеров и юнкеров уже лишился просивших каши сапог и прибыл босым, с ногами, обмотанными тряпками. Даже помощник главнокомандующего Корнилова, генерал-лейтенант Деникин, добрался в штатском костюме и рваных сапогах. В суматохе отхода из Ростова потерялись все его вещи. И бронхит уже валил генерала с ног.

Жалко было смотреть на барышень в коротких мантиях и ботинках с острыми каблучками. На крестьянской телеге проехал

куда-то седой дяденька с густыми, по-стариковски свисающими к подбородку усами – генерал от инфантерии, в недавнем прошлом фактический руководитель Русской императорской армии Алексеев обнимал скромных размеров портфель. В нем была вся имевшаяся отрядная наличность.

В станице Ольгинской армия, окрещенная Добровольческой еще в начале формирования осенью 1917-го, обрела четкие очертания. Три пехотных полка: 1-й офицерский генерала Маркова, Корниловский ударный полковника Неженцова, Партизанский из пеших донцов генерала Богаевского; юнкерский батальон генерала Боровского, наполовину состоящий из ростовских студентов; артиллерийский дивизион полковника Икишева; три конных отряда полковников Глазенапа, Гершельмана и подполковника Корнилова; чехословацкий инженерный батальон капитана Неметчика. Все! Запоминайте фамилии, запоминайте...

В Ольгинской же прошел совет командиров. А куда все-таки идти? Главный и единственный вопрос повестки дня. Екатеринодар окружен красными. Позади – чужой Ростов. Донские генералы предложили уйти в Сальские степи. Туда, где казаки испокон веку держали зимовники для табунов. Главком Корнилов поначалу склонился в эту сторону. А что? Отдохнуть, набраться сил, подождать пополнений: каждый день красной власти злобил казаков и крестьян. А в конце весны, когда подсохнут дороги, – выступить!

Строевые генералы были против. Прокормить на зимовниках тысячи человек, да еще сохранить дисциплину? С севера – Дон, с юга – железная дорога из Батайска на Царицын. По ней красные живо подтащат резервы, артиллерию, бронепоезда...

Решили – идем на Кубань! Жить генералу Корнилову оставалось чуть более месяца. До Екатеринодара.

Московское восстание привело к более значительным жертвам с обеих сторон, а Кремль подвергся ожесточенному и прицельному артобстрелу. Тогда же возмущение охватило военные училища Киева, взяли в руки оружие юнкера Чугуева. Три дня шли бои в Омске, более недели – в Иркутске, где 20 тысячам революционных солдат запасных полков и крас-

ной гвардии противостояло около тысячи юнкеров и офицеров. В общей сложности погибло свыше трех сотен человек.

Бились в Томске, Красноярске, Смоленске, Калуге, Ташкенте, Воронеже, Саратове...

С января 1918-го регулярные боевые действия начались в Оренбурге, где движение возглавил местный войсковой атаман Дутов. В конце 1917 года процесс создания вооруженных сил против советской власти оживился и на Кубани. Первый бой с большевиками «Отряд спасения Кубани» под командой полковника Покровского выдержал 4 февраля 1918-го у железнодорожной станции Энем. Довольно долго кубанцы держали круговую оборону своей столицы, но спустя месяц после стычки у Энема приняли решение оставить Краснодар и уйти в предгорья

КОГДА НАЧАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ?

А в самом деле – когда?

Война – это столкновение двух организованных сил. Из советских учебников известно, как «Отче наш», что день рождения Красной (Советской) армии – 23 февраля 1918 года. К этой мистификации вернемся позже. Сейчас уместнее разобраться, кто ж тогда и с кем воевал во второй половине 1917 и в самом начале 1918 года.

Речь сейчас не о репрессиях против офицеров, спровоцированных на фронте и в тыловых частях печально знаменитым приказом №1, опубликованным вскоре после отречения императора Николая II и его брата великого князя Михаила Александровича. Хотя умолчать о том, что сразу после Октябрьского переворота эти гонения приняли еще более кровавый и, что особенно важно, массовый характер, нельзя. Если вести отсчет с марта 1917-го, то за время гражданской смуты большевики умертвили 54 тысячи офицеров и 260 тысяч солдат. Свыше 300 тысяч тех, кто так и не успел определиться, не захотел взять в руки оружие, не смог спрятаться или ответить как следует. Безоружных!

Есаул Чернецов, создавший первый антибольшевистский отряд на Дону из 300 сабель, так говорил по этому поводу: «Если меня когда-нибудь красные и повесят, я буду знать, за что отдал жизнь». Тысячи людей в погонах про себя этого так и не узнали. Первые признаки Гражданской войны именно как борьбы одной организованной военной силы против другой проявились во время так называемого Корниловского мятежа в августе 1917-го. Пусть до боестолкновений не дошло, но очевидно, что их удалось избежать вовсе не потому, что их не хотели. Помешали факторы «революционной ситуации»: неразбериха, саботаж, агитация и прочее. Однако казаки Краснова с заряженными карабинами появились на улицах Царского Села. Через три дня после Октябрьского переворота рвануло дело в Питере. Восстало около тысячи юнкеров. На сей раз дело кончилось стрельбой из пушек. Владимирское военное училище разгромили, погиб 71 человек. Досталось и павловцам.

Художник В. Куликов. Офицеры
1-го офицерского пехотного
генерала Маркова полка

кой речью. «Да, не думал я, что из 300-тысячного русского офицерского корпуса здесь окажется лишь горстка...». Сергей Леонидович слегка грешил против истины. Вернее – статистики. К концу февраля 1918 года офицеров в русской армии оставалось уже меньше. А кадровых, довоенной поры – куда как меньше. Например, пехотные полки Русской императорской гвардии к этому времени сохранили

Кавказа. В этот день Добровольческая армия Корнилова уже была на марше!

Пусть очаги сопротивления возникали на первый взгляд спонтанно в отсутствие, так сказать, директивы из Генерального штаба или Ставки, но участниками их были в массе своей люди, представлявшие собой государственную силу – русскую армию. Среди прочих офицерских организаций особо выделялась Алексеевская, возникшая в середине октября 1917 года. Во-первых, ее основателем стал генерал Алексеев, которого знала вся армия. Во-вторых, возникла она в Петрограде, что облегчало и поиск средств, и конспирацию. В-третьих, бывший начальник Главного штаба Ставки не торопился «брататься за топоры», что позволило организации сохраниться и расти.

В ноябре 1917 года Алексеев отдал приказ о передислокации всех разделявших его позицию офицеров на Дон. Вместе с генералом в Новочеркасск прибыло не более десятка человек. Это отделение и есть то зерно, из которого впоследствии выросла самая боеспособная и самая эффективная военная сила из всех, что противостояли большевикам во время Гражданской войны. А строго говоря – и после, вплоть до 1991 года. Может быть, поэтому отсчет событиям Гражданской войны в России логичнее вести с даты, когда Алексеевская офицерская организация, преобразованная в Добровольческую армию, начала свой крестный ход в историю.

ИХ БЫЛО МАЛО, СЛИШКОМ МАЛО

«Нас было мало, слишком мало», – поется в одной песне, посвященной Первому Кубанскому походу Добровольческой армии. А почему, собственно?

Этим вопросом задаются многие. И этот же вопрос, превращенный в констатацию, служит опорой тем, кто глубоко уверен, что белое дело было обречено с первого дня. И, следовательно, противостояние большевикам явилось бессмысленным, если не преступным, пролитием крови.

Ну, о том, кто начал лить кровь, разговор уже состоялся. Теперь – по сути вопроса.

Построив своих солдат в офицерских погонах в походную колонну, отменный русский генерал и замечательно веселый человек генерал-лейтенант Марков обратился к ним с корот-

кой речью. «Да, не думал я, что из 300-тысячного русского офицерского корпуса здесь окажется лишь горстка...». Сергей Леонидович слегка грешил против истины. Вернее – статистики. К концу февраля 1918 года офицеров в русской армии оставалось уже меньше. А кадровых, довоенной поры – куда как меньше. Например, пехотные полки Русской императорской гвардии к этому времени сохранили от силы 4 процента (!) кадровых офицеров. Значительную часть офицерства составляли так называемые прапорщики военного времени, прошедшие 4-месячную подготовку и брошенные на фронт. Среди них хватало и либерально настроенных студентов, и эсеров, и напуганных мещан.

Но не это главное. В первые месяцы против Добровольческой армии работало все: отсутствие информации в большой России про ее существование; вызванное усталостью от войны нежелание казаков вновь браться за винтовки и шашки; нехватка средств и снаряжения; блокада чекистскими заставами железнодорожных станций, делающая попытки добраться из центральных губерний на Дон и Кубань крайне рискованными; ужас существования при красном терроре, проникший в сердца тех, кто послабее духом; отсутствие приказа. Как ни странно, это последнее соображение высказывалось многими соратниками Корнилова и позже – Деникина. Офицер и унтер – люди, живущие по приказу. Приказали бы – и пошли бы! А тут – добровольчество, воззвания, листовки, митинги...

Ростов в начале 1918 года, как, впрочем, и многие крупные города России, производил странное впечатление. Где-то на окраинах слышна канонада, такают пулеметы, а на центральных улицах сияют огнями кафе, дефилируют дамы, офицеры в золотых еще погонах, снуют торговцы. И вот на фоне всего этого счастья по улице идет взвод солдат. «Это третья рота офицерского полка... Куда они идут? Полковник Кутепов с 500 офицерами защищает подступы к Ростову. Под Батайском генерал Марков с юнкерами и кадетами отбивается от натиска большевиков. Потребовано подкрепление, и из Проскуровских казарм вышло

50 человек. По шумной улице большого города в толкотне праздничной толпы проходит взвод солдат. 50 человек из 500-тысячного города. И вот когда перед вашими глазами встанут эти 50, вы поймете, что такое Добровольческая армия», – вспоминали очевидцы.

С ДОНА НА КУБАНЬ

Кончились донские земли. В последней донской станице – Егорлыкской – провожали блинами и добрыми напутствиями.

Началось Ставрополье. Красные времени даром не теряли. Вычислили маршрут корниловцев, догнали. Первое крупное селение – и первый крупный бой. У станции Лежанка добровольцев встретил большой отряд красных, усиленный артиллерией. Антон Иванович Деникин позже писал: «Старые и молодые полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии».

И вот эта армия пошла на пушки. По фронту – полузамерзшая речка, Корниловский полк двинулся в обход, искать броды. А офицерские роты марковцев рванули в лоб. По грудь – стылая вода, высоко в руках – винтовки и патроны!

Лежанку взяли. Стали считать потери. У белых – трое убитых. У красных – более 500. Вопреки всем правилам боя, из которых следует, что атакующие во фронт всегда теряют больше. Правда, из этой полутысячи непосредственно в бою погибла половина. Остальные – пойманные и расстрелянные. Гражданская война... Мстили? Да, мстили. Было за что.

На Кубани, границу которой пересекли в начале марта, бои стали вместо будней. Дрались почти каждый день. В одной из первых стычек столкнулись с красными кубанскими казаками. Удивились, конечно, но ударили дружно. Красные кубанцы сразу и побежали. Добровольцы сами наказывать пленных не стали. Поручили дело старым казакам станицы Березанской. Те привычно высекали нагайками молодых казачков за глупость.

Большое сражение выдалось под станицей Кореневской. Станицу взяли, но потеряли к этому дню уже каждого десятого из

тех, что вышли из Ростова. А тут еще пришла новость хуже некуда: кубанские белые отряды ушли из Екатеринодара. Умерла надежда осесть в кубанской столице, пополниться, отдохнуть. Но и возвращаться было некуда. По пятам шли отряды красной гвардии. С флангов постреливали мелкие разъезды. В Майкопе уже формировали крупную группировку, чтобы покончить с добровольцами.

Десятого марта при форсировании реки Белая в узком дефиле напоролись на засаду. Поливали огнем так, что тяжелораненые в обозе начали спрашивать сестер милосердия: «Не пора ли уже стреляться, матушка?» Легкораненым выдали винтовки. Но – прорвались, вышли к горным аулам черкесов. И там, с их помощью, спустились горными тропами к аулу Шенджий. Здесь к добровольцам присоединились кубанцы генерала Покровского. 3300 сабель!

Но могли и не присоединиться. По выходе из Екатеринодара покровцы попали в окружение. Дрались все, даже обозные и гражданские, включая депутатов Кубанской рады. Но, скорее всего, там, у станицы Калужской, и полегли бы, не появившись вовремя в тылах у красных конные разъезды ударников Корниловского полка.

Армия повернула на Екатеринодар. Предстояло штурмовать станицу Ново-Дмитриевскую, укрепленную базу красногвардейцев. Но прежде – форсировать горную реку, налившуюся мощью весенних дождей. Первым в воду сорвался генерал Марков. Оглянулся и крикнул: «Сыровато!» Офицерские роты ушли в воду за своим командиром. И все это – под шквальным артиллерийским и пулеметным огнем большевиков.

Еще хуже пришлось кавалерии. Всадники, оказавшись на вражеском берегу, не могли самостоятельно забраться в седло – мешали мокрые шинели, на ветру превратившиеся в ледяные кольчуги. Конников подсаживали товарищи и толкали замерзших лошадей вперед.

Там-то, под Ново-Дмитриевской, и родилось название, ставшее историческим, – Ледяной поход!

Позже, зимой 1919/20 года, был и второй Ледяной поход. Когда части армии Колчака под водительством генерала Каппеля шли тысячеверстным бездорожьем, откатываясь Сибирью от Красноярска к Чите. Но это уже другая история.

А пока первопоходники шли нетореными путями.

Двадцать седьмого марта Добровольческая армия подошла к Екатеринодару. Кто ж знал, что в городе противник сосредоточил 40-тысячную группировку? Это в каком учебнике тактики написано, как 5 тысячами штыков штурмовать укрепленный город с гарнизоном в восемь раз больше? Все, что удалось добровольцам, так это зацепиться за предместья. Далее Партизанский полк полковника Казановича продвинуться не сумел. За этот локальный успех заплатили слишком дорого. Погиб полковник Неженцов, бессменный командир корниловцев и давний сослуживец самого Корнилова. Главком не успел похоронить старого друга, а вместе с ним и половину Корниловского полка, как ранним утром 31 марта сам был убит шальным снарядом, залетевшим в штабную хату. Генерала Корнилова похоронили тайно в станице Елизаветинской. Даже могильных холмиков не оставили, заровняли место, чтобы лихие люди не нашли.

Но не убереглись. Теперь неизвестно, то ли плененная сестра милосердия не выдержала пыток и указала место, то ли еще как узнали, но могилы Корнилова и Неженцова раскопали, трупы из гробов достали, а дальнейшее объяснить может только психиатр. По приказу красных командиров Сорокина и Золотарева с мертвого тела генерала, георгиевского кавалера, сорвали все одежды, затем повесили тело на дереве, искромсали шашками. Бесформенную грудку мяса отвезли на городские бойни, где попытались сжечь. После паузы на пьянку стали жечь дальше, топтать ногами, плясать на останках.

Второй раз могилу Корнилова, восстановленную летом 1918-го, большевики разорили в 1920 году, когда отбили у белых Кубань окончательно.

Генерал Деникин справедливо посчитал, что продолжить штурм – значит похоронить под Екатеринодаром остатки армии. И полки двинулись на север, в сторону Дона.

С КУБАНИ НА ДОН

К этому времени ситуация на Дону заметно изменилась. Донцы уже «наелись» Советов до отвала. Пока рабоче-крестьянская власть, захватив Новочеркасск, разбиралась и расстреливала Назарова, сменившего на посту войскового атамана застрелившегося генерала Каледина, казаки стали сходить в партизанские отряды. Вспыхнули восстания, в апреле поднялся Ростов.

И те, и другие бились здорово, но в канун Пресветлого праздника Пасхи в Ростов вошел отряд полковника Дроздовского, походным порядком прибывший с умершего Румынского фронта. Вошел – и большевики дали деру! Биться с отменно дисциплинированной, имеющей боевой опыт частью им не глянулось. Более тысячи человек, из которых две трети – молодые офицеры, прошедшие с боями от молдавских Ясс до Ростова 1200 верст!

Дроздовцы отстояли пасхальную службу в кафедральном соборе и двинули на Новочеркасск. Там соединились с восставшими казаками, выгнали Советы и занялись формированием подразделений из прибывающего со всех краев Дона пополнения.

А добровольцы с боями возвращались. У станицы Медведовской вновь отличился генерал Марков. Он ворвался в кабину паровоза, таскавшего красный бронепоезд, и бросил в горящую топку гранату! Лихой был командир!

По дороге к Ростову пришлось отбивать те станицы, что уже брали ранней весной. Отбили. Но в сам Ростов войти не пришлось.

Еще в марте на мирных переговорах в Брест-Литовске советская делегация во главе с Григорием Сокольниковым подписала мирный договор, а фактически – капитуляцию России. Германские армии начали оккупацию. Утром 25 апреля передовые части 1-го германского корпуса появились на улицах Ростова.

Добровольцы вели бои и 25-го, и 26-го...

Только 30 апреля они разбили лагерь в станицах Мечетинская и Егорлыкская. И выставили заслоны на все четыре стороны: от большевиков и от немцев.

В этот же день в ряды Добровольческой армии влился трехтысячный отряд полковника Дроздовского. Антон Деникин в «Очерках Русской смуты» подвел такой итог Ледяному Кубанскому походу: «Армия прошла по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней похода 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами. Начала поход с 600–700 снарядами, имея по 150–200 патронов на человека; вернулась почти с тем же. Все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов, вывезла более полутора тысяч раненых».

И никакого вам пафоса!

Современный военный историк и статистик Сергей Волков предлагает расшифровку скупых деникинских цифр. Он пишет, что среди 3683 первопоходников было 36 генералов, 437 вольноопределяющихся, кадет и юнкеров, 600 нижних чинов. Остальные, стало быть, офицеры. За исключением 46 медиков, 3 священников, 80 военных чиновников и гражданских. А также – 165 женщин, только шесть из которых воинскую нагрузку в Добровольческой армии не несли. Более 600 человек были старше 40 лет.

ЗА ЧТО ПЬЕМ?

Ой, как трудно отказываться от дурных привычек. Но правда и время – лучшие лекари. И обязательно вместе. А не порознь. И, вероятно, именно в таком порядке. Проверено: раз скажешь правду, другой – а люди сердцем принять ее не готовы. Требуются годы, чтобы привыкли к потере очередной ложной радости.

Сколько лет страна уже не празднует день Октябрьской революции? А празднует 4 ноября День народного единства? Кто знает, может быть, и с 23 февраля произойдет когда-нибудь похожая история.

Хотя...

Уже не раз и не два сказано и написано, что никакая Красная армия не возникла 23 февраля 1918 года. Создать ее Ленин распорядился раньше, а создали ее позже. Никаких героических боев с немцами на подступах к Петрограду не существовавшая еще Красная армия в этот день не вела. А отряд револю-

ционных матросов под водительством командующего Флотом Балтийского моря комендора Дыбенки повел себя ровно наоборот и позорно сбежал, даже не добравшись до ближайшего германца.

Эта чисто пропагандистская идея – назначить праздник на 23-е – пришла в голову недоброй памяти товарища Троцкого несколько после 1918 года. И всему

этому есть множество документальных подтверждений, в том числе и советского происхождения. Однако ж вместо утраты недоброкачественной праздничной даты нам настойчиво предлагают очередной суррогат. День Красной армии переплавили в День защитника Отечества. Но тогда неизбежен вопрос: какая такая воинская слава обрушилась на страну в день 23 февраля? День Куликовской битвы – помним, день Полтавской баталии – знаем, день Бородинского сражения – чтим...

Как ни крути, белый ты или красный, 23 февраля началась полноценная Гражданская война в России. Она унесла более 10 миллионов жизней, большинство из которых принадлежало мирным людям. Она унесла с собой Русский мир, который мы теперь, спустя почти столетие, с таким трудом пытаемся возродить. Какой уж тут праздник!

Память – это другое дело. Святое! В этот день на Руси есть кого вспомнить, истинный факт.

После полуночи, разделившей 22 и 23 февраля 1918 года, колонна военных числом три с половиной тысячи штыков и сабель, перевалила через еще сжатый льдами Дон и двинулась на юг.

Впереди были 80 дней почти непрерывного похода по замерзшей степи мимо испуганных и настороженных казачьих станиц. Впереди были 44 дня боев, каждый из которых грозил стать последним. Впереди было столько подвигов и горя, что хватило бы на всю Россию.

Впрочем, на всю Россию как раз и хватило... ☹

ГЕНЕРАЛ ОТ ФИЗКУЛЬТУРЫ

МИХАИЛ БЫКОВ

В 1994 году в Петербург приехал президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч. Старому маркизу предстояло открыть Игры доброй воли. Жила-была некоторое время на свете эта вялая альтернатива Олимпийским играм.

Но прежде Самаранч совместно с мэром Петербурга Анатолием Собчаком и президентом Национального олимпийского комитета России Виталием Смирновым открыл кое-что другое: мемориальные бюсты барона Пьера де Кубертена и генерала Алексея Бутовского, установленные в канун Игр рядом со 100-тысячной ареной Стадиона имени Кирова.

Нынче нет уже стадиона на Крестовском острове. Снесли и строят другой. Не мудрено, что нет на Крестовском и бюстов, созданных скульптором-академиком Михаилом Аникушиным. Казалось бы, чему тут удивляться? Начали крушить гигантский стадион, вот и бюсты великих людей попрятали, чтобы не сгинули ненароком. Верно? Секрет в том, что бюсты убрали куда раньше, чем стенобитные машины доехали до Стадиона имени Кирова...

Будущий генерал русской армии Алексей Бутовский родился под Полтавой. 9 июня 1838 года в родовом поместье Пятигорцы Кременчугского уезда в семье отставного штабс-капитана Бутовского появился сын, чье будущее, казалось, было предопределено. В роду Бутовских мужчины, как правило, становились офицерами.

Бутовский получил классическое семейное дворянское воспитание. Знал и любил книги Пушкина, Гоголя, увлекался историей Соловьева, отменно музицировал и танцевал. Затем был кадетский корпус, Дворянский полк, позже переименованный в Константиновское военное училище. В 1856 году Алексей производится в офицеры и выходит прапорщиком в лейб-гвардии Павловский пехотный полк.

В отличие от многих сверстников, стремившихся осесть в Петербурге, Бутовский в столице не задержался. Уже через два года он – преподаватель в родном Петровско-Полтавском

кадетском корпусе. Потом было цензовое, то есть обязательное для повышения в чине, командование ротой в Павловском полку, война в Польше в 1863–1864 годах, боевые ордена, работа в военно-окружном суде Петербургского гарнизона. В 1871 году капитан Бутовский снова преподает кадетам. Историю искусств, между прочим. А также практику стрельбы, фехтование и гимнастику.

До знакомства с бароном Кубертенем оставался 21 год.

Семнадцать лет Бутовский, превратившийся уже в полковника, «сеял разумное, доброе, вечное» в кадетской среде. Казалось, так и выйдет в отставку прямо из учебного класса. Но в 1888 году император Александр III озабочен был вопросами физического воспитания подданных. Особливо тех, кому предстояло носить офицерские и чиновничьи мундиры. При Министерстве просвещения была создана специальная комиссия по части преподавания гимнастики в военных и гражданских учебных заведениях и подготовки преподавателей физкультуры из числа офицеров.

Спустя два года Бутовский издал первый серьезный труд по теме физического воспитания – «Наставление для производства гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях». Несколько позже в очередном письме к Кубертену Алексей Дмитриевич писал, что как раз в гражданских заведениях России к его физкультурным новациям относятся с плохо скрываемой усмешкой. В отличие от военных, где довольно быстро оценили необходимость нового подхода к воспитанию офицеров.

Само знакомство с идеологом нового олимпийского движения пришлось на 1892 год. Французский барон, загоревшийся идеей восстановления эллинского олимпизма в Европе, начал активные поиски единомышленников по всему свету. Он писал сотни писем, среди адресатов оказался и русский полковник Бутовский.

Выбор был неслучаен. К этому времени в России имелось два человека, занимавшихся проблемами физического воспитания, можно сказать, профессионально. Бу-

товский и Лесгафт. Их отношения, к слову, не были добрыми. Профессор Лесгафт получил заказ на разработку методик по физвоспитанию от военного ведомства еще в конце 70-х годов. Но работал крайне медленно: десять лет от него ждали результатов, и наконец терпение военного министра Ваннов-

ского истощилось. Заказ Главного управления военно-учебных заведений передали Бутовскому. Тот справился с задачей куда быстрее.

Как следствие, в 1890 году Алексей Дмитриевич возглавил временные летние курсы по подготовке инструкторов физвоспитания при 2-м кадетском корпусе Петербурга. Курсы проработали 27 лет и подготовили более 600 специалистов.

Но еще в самом начале их работы Бутовский ратовал за создание полноценного учебного заведения. Его идея обрела конкретику только в 1908 году. В России появилась Фехтовально-гимнастическая офицерская школа. Надо думать, Бутовский работал отменно. Раз уже в 1891 году был произведен в генерал-майоры. В следующем году генерала отправили в длительную командировку в Европу. Задача – изучить постановку физического образования в Швеции, Дании, Германии, Бельгии и Франции. Тогда-то и состоялось историческое знакомство барона с генералом.

Если внимательно читать статьи и письма барона Кубертена, то бросится в глаза разница между авторской и современной трактовкой его позиции. Что, по большому счету, осталось от Кубертена в XXI веке? «Главное – не победа, а участие»? «О, спорт – ты мир!»? Барон смотрел на олимпийское движение шире. Он считал, что физическое развитие человека даст результат только в том случае, если соединится с развитием духовным, нравственным и интеллектуальным. С первых минут знакомства с Бутовским Кубертен оценил его как единомышленника. Алексей Дмитриевич и сам был человеком, ищущим гармонию, и к другим обращался с тем же: «Спортсмены – это в огромном большинстве люди хорошего общества, хорошего воспитания и хорошего образования».

В 1894 году в Париже состоялся конгресс, на котором Кубертен озвучил предложение провести Олимпийские игры, а присутствующие члены новообразованного МОК с ним согласились. Согласился и генерал Бутовский. Правда, заочно. Нет четких доказательств тому, что генерал присутствовал на историческом конгрессе лично. Нет, однако, и твердых аргументов, подтверждающих его отсутствие в Париже в эти дни. В любом случае авторитет Бутовского не только в России, но и в Европе был таков, что его избрали в члены первого состава МОК.

Весной 1896-го генерал прибыл в Грецию, на первые Олимпийские игры. Результатом

стал замечательный очерк о событии, целый комплекс наблюдений и идей, а также – глубокое разочарование. Алексей Дмитриевич не скрывал сожалений по поводу того, что в Играх не приняли участие российские спортсмены. Единственный заявившийся – борец из Киева Риттер, – и тот снялся с соревнований после отборочных схваток.

Бутовский вернулся в Россию с намерением организовать национальный олимпийский комитет. Что и было сделано в 1898 году в Петербурге. В Главный комитет по подготовке спортсменов к Олимпиаде вошло 9 секций по наиболее популярным тогда видам спорта. Однако ни Бутовскому, ни полусотне представителей различных спортобществ России не хватило сил, чтобы убедить в актуальности предложения как общество, так и власть. На Олимпийские игры 1900 года в Париже русские не поехали. А генерал Бутовский посчитал невозможным для себя оставаться членом МОК в ситуации, когда его страна саму Олимпиаду проигнорировала. Ушел генерал, и вместе с ним ушла идея. Официальная Россия пропустила не только Игры 1900 года, но и 1904-го, и 1908-го... «Главный комитет» самораспустился. И только в 1911 году уже по инициативе верховной власти возник полноценный Национальный олимпийский комитет.

К тому времени Бутовский окончательно переключился на вопросы массового физвоспитания. «Физического образования», как говорил он сам. С ним по-прежнему советовались. В одном из последних писем к барону Кубертену он рекомендовал на пост члена МОК от России основоположника русского футбола, журналиста Георгия Дюпперона. Этот «человек без титулов» работал в МОК начиная с 1913 года. Всего же до Первой мировой войны членами МОК побывали шесть русских подданных, включая Бутовского. Трех приняли по рекомендации генерала.

Алексей Дмитриевич Бутовский написал несколько научных работ, которые легли в основу теории отечественного спорта и физкультуры. В наградном списке генерала от инфантерии – орден Александра Невского, Анны 1-й степени, Владимира и Станислава 2-й степени, Белого орла.

Он умер 25 февраля 1917 года. Почти одновременно со страной, которой прослужил более шестидесяти лет. Некрологов в газетах не напечатали. Не до того было...

На родине генерала, в Полтаве, бюст имеется. У стадиона «Ворскла», который с недавних пор носит имя Алексея Бутовского. Не знаю, верно ли, но в петербургских газетах пишут, что после того, как в 2000 году бюст генерала у Стадиона имени Кирова демонтировали, он хранится в Академии имени Лесгафта. Интересно, где он окажется, когда реконструкция главного стадиона Санкт-Петербурга завершится? 🏆

Военный
лагерь
в Чугуеве.
Драгуны
на учениях

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НЕ ВСЯКИЙ ЮНКЕР – ШТЫК

МИХАИЛ БЫКОВ

«Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами»...

Так ведь у Лермонтова? А кто они, собственно, такие, эти драгуны, уланы, а также кирасиры, каптенармусы, флигель-адъютанты, субалтерн-офицеры и прочие штык-юнкера?

Русская классическая литература пестрит военными чинами и названиями. Сегодня многие термины, вышедшие из употребления более ста лет назад, ровным счетом ничего не говорят читателю. В наше время далеко не каждый приучен по всякому случаю лезть в толковый словарь. Да и редко когда сегодня читают в залах библиотек или в кабинетах родной усадьбы, уставленных до потолка книгами.

Попробуем разобраться в малознакомых понятиях русского военного словаря. Тем более что за каждым термином – судьбы наших предков, известных не только и не столько чинами. Реформа армии, затеянная Петром I в самом конце XVII века, принесла в русский язык довольно иноземных слов с военным значением. Среди них те, что на слуху и ныне. Но есть иные, чей смысл постичь трудно.

Начнем с более или менее знакомых.

ДРАГУНЫ

Французский маршал де Бриссак в середине XVI века сформировал из пехотинцев, посаженных на коней, несколько отрядов. На их знаменах помещалось изображение дракона (dragon – фр.). В России первый драгунский полк появился в 1631 году и был сформирован из иностранных подданных. Во время Отечественной войны 1812 года насчитывалось 37 полков: гвардейский и 36 армейских. В канун Первой мировой войны – 22.

Особенность драгун – умение вести бой как в конном, так и в пешем строю. Отличительная черта драгунской формы начиная с XIX века – гребень из конского волоса на каске.

Драгуны были самым распространенным видом регулярной кавалерии в русской армии.

Дело было в 1915 году. Трое драгун прославленного Нижегородского полка наткнулись на немецкий разъезд из двух десятков всадников. Принимать бой не стали, но и в плен не собирались. Взяли в галоп, немцы за ними, обходя с флангов. Выход один: с крутого берега – в реку! Драгуны прыгнули. Германцы что-то засбоили.

Решительность характера, воспитанная в рядах Нижегородского драгунского полка, в котором служил еще Михаил Лермонтов во время первой кавказской ссылки, проявлялась у одного из участников эпизода всю жизнь. Как-то много лет спустя на торжественном приеме к бывшему драгуну подошел нетрезвый человек и протянул руку: «Я – Ермаков, тот самый, что участвовал в расстреле царской семьи». А в ответ: «Я палачам руки не подаю». Это был Георгий Жуков, впоследствии великий маршал Победы.

ГРЕНАДЕРЫ

В России эти солдаты, специально отобранные за физическую силу и обученные метанию ручных гранат, появились в 1694 году в полках иноземного строя генералов Гордона и Лефорта. К Первой мировой в русской армии имелось 18 гренадерских полков. 16 армейских, а также лейб-гвардии Гренадерский и лейб-гвардии Конно-гренадерский. Кроме того – Рота Дворцовых гренадер, в которой служили ветераны различных гвардейских полков. Она была сформирована при Николае I из отличившихся в боях против Наполеона солдат Старой гвардии. Прежде всего – Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. Всего – 120 человек, ростом не ниже 184 сантиметров, все с наградами.

Отличительный знак на форме – «гренада о трех огней» – высоко ценился в войсках. *Александровский столп на Дворцовой площади в 1834 году поднимали полторы тысячи солдат, отряженных от всех полков гвардии. В караул у царского шатра, раскинутого на площади, где вместе с государем расположилось духовенство, заступили Дворцовые гренадеры. Их первый командир, капитан лейб-гвардии Егор Григорьевич Качмарев, начинавший службу простым канониром Артиллерийского батальона в 1806 году, вместе с супругой наблюдал за подъемом 500-тонной колонны. Командирша все охала да ахала, сомневаясь, как-то сие чудо устоит без подпорок. А Качмарев только усмехался в густые усты: «Ай да молодец Монферран!»*

УЛАНЫ

Вид легкой кавалерии, появившийся еще в XIII веке в монголо-татарском войске. Уже тогда главным оружием улан были пики. Позже уланские полки возникли в Польше, формировались из эмигрировавших туда ордынцев. Само название – от тюркского «оглан», что означает «молодой», «юноша».

В России первый уланский полк возник в 1803 году, но у него были предшественники во второй половине XVIII века – пикинерские конные полки. Перед Первой мировой войной русская армия насчитывала 17 уланских полков, из них два – лейб-гвардии. Отличительная черта формы – шапки с квадратным верхом и разноцветные флюгера на пиках.

В 1807 году в Конно-Польском уланском полку появился новый солдат, по фамилии Соколов. В бою под Гутштадтом 22 мая Соколов спас от смерти раненого офицера Панина. 2 июня под Фридландом Соколов повторил свой подвиг, вновь вынес из боя раненого улана. Шеф полка генерал Каховский согласился, что улан смел беспримерно, но упрекнул его в сумасбродстве и отсутствии дисциплины. Собрался было перевести солдата в обоз, да не успел – война кончилась.

В Отечественную войну 1812 года в рядах армии вновь появился известный уже улан. Теперь – в чине корнета и с фамилией Александров. Дрался под Миром, Романовом, Дашковкой, Смоленском. На Бородине. Получил контузию в ногу и был переведен в ординарцы самого Кутузова. Некоторые в армии знали, что Соколов, он же Александров, – женщина, Надежда Дурова. Знали, но сомневались.

КИРАСИРЫ

Тяжелая кавалерия, вооруженная палашами и защищенная металлическими нагрудниками – кирасами. В сущности, память о рыцарской коннице.

Возникли в России в 1731 году по представлению фельдмаршала Миниха. Количество полков варьировалось от 6 до 16. После 1860 года кирасир в армии не осталось. Сохранились только 4 полка лейб-гвардии.

В кирасирские полки отбирали рослых всадников и мощных коней, на военном жаргоне последних называли «медведями». В 1744 году границу Российской империи пересекли две дамы, мать и дочь. Одну звали княгиня Елизавета Анхальт-Цербстская, другую – принцесса Софья-Фредерика-Августа. Они направлялись в Петербург на свадьбу с наследником русского престола великим князем Петром. На заставе женщин встретил караул кирасирского Его Императорского Высочества Петра Федоровича полка, расквартированного в Риге.

Впоследствии княгиня отметила в дневнике, что кирасирский полк был «чрезвычайно красив». Еще бы! Последнее название того полка – лейб-гвардии Кирасирский Его Величества. Знаменитые царскосельские, или «желтые», кирасиры!

Пока мать молча любовалась статью кирасир, дочь выглянула в окошко и помахала ручкой их командиру – поручику Иерониму Карлу Фридриху барону фон Мюнхгаузену. Знал бы барон, что мимо проехала будущая императрица российская Екатерина Великая, глядишь, и не поторопился бы в отставку спустя шесть лет.

ЕГЕРЯ

Егерь по-немецки – охотник. Легкая пехота, применявшаяся для ведения боя в рассыпном строю, появилась в XVII веке в Гессене и Баварии. В 1761 году первый русский егерский отряд использовал в бою Петр Румянцев. Довольно быстро егерские команды были введены во всех пехотных полках. К началу войны 1812 года русская армия насчитывала 50 армейских полков и один гвардейский. В царствование Александра II понятие «егерский» было вытеснено словом «стрелковый». К 1917 году в строю остался только лейб-гвардии Егерский полк. В начале XIX века имелись и конно-егерские полки.

В 1819 году в Пажеском корпусе вспыхнул скандал. Двоих воспитанников обвинили в краже крупной суммы денег в одном частном доме. Сначала император Александр I распорядился отослать несостоявшихся пажей домой без права занимать впоследствии должности ни по гражданскому, ни по военному ведомству. Позже одному вышла поблажка. Разрешили начать службу нижним чином в лейб-гвардии Егерском полку. Командовал полком генерал-майор Бистром, добрый друг дома. Потому в караулы экс-паж назначался редко, по собственному признанию – один раз. «Меня поставили на часы во дворец во время пребывания в нем покойного государя Александра Павловича. Видно, ему доложили, кто стоит на часах, он подошел ко мне, спросил фамилию, потрепал по плечу и изволил ласково сказать: «Послужи!»

А на плацу лейб-егерей замечательный русский поэт Евгений Баратынский, похоже, вообще не появлялся.

КАВАЛЕРГАРДЫ

Уникальная воинская часть, существовавшая только в русской армии. В 1724 году для участия в коронации императрицы Екатерины I создали роту почетного караула – кавалергардов, или драбантов, из 71 человека. После церемонии роту распустили. Вплоть до 1800 года кавалергарды пережили несколько реформирований и только в январе были преобразованы в полноценный кавалерийский полк по кирасирскому образцу. Несмотря на очевидно парадное происхождение, полк покрыв

себя славой в период Наполеоновских войн и в Первую мировую. Офицерами в полку служили представители высшей аристократии. Высший шик – это отсутствие всякого шика, говорили о себе кавалергарды.

Этот человек имел больше орденов, чем Леонид Ильич Брежнев. 123 против 115! Он должен был стать кавалергардом в 22 года, сразу после выпуска из Николаевской кавалерийской школы. Но из-за нелепой ссоры с дежурным офицером пришлось некоторое время служить в Польше, в армейской саперной бригаде. Однако он добился перевода в полк-мечту!

В 1896 году его отобрали из 50 офицеров-кавалергардов в четверку ассистентов императора на церемонию коронации. А после официоза Николай II и этот офицер полчаса проговорили тет-а-тет. Кто знает, не по этой ли причине он всю жизнь носил при себе маленький портрет русского императора? Согласитесь, нетипично для руководителя другого государства.

Еще говорят, что русский кавалергард и финский президент Карл Густав Маннергейм был исключительным везунчиком. Шесть раз в землянку, из которой он только что вышел, попадал снаряд, в двух войнах погибли четыре его адъютанта, его лошадь сорвалась в пропасть...

ВАХМИСТРЫ

Кавалерийское унтер-офицерское звание, соответствовавшее бывшему пехотному фельдфебелю, а ныне – старшине или старшему сержанту. Короче говоря, на вахмистре весь эскадрон держался. В русской армии чин появился в 1711 году.

28 июня 1762 года. Посреди ночи Алексей Орлов выехал из Петербурга в Петергоф. К шести утра карета, набитая и увешанная снаружи офицерами, прибыла к летнему дворцу Монплеизир. Екатерина села в экипаж, и тот отправился обратно с офицером и вахмистром на запятках.

Первыми признали Екатерину измайловцы, затем – семеновцы. Вахмистр с запяток давно уже куда-то делся. Но когда Екатерина ехала по Невскому проспекту в сторону Дворцовой площади, перед каретой возник знакомый конногвардеец с ватагой своих солдат. Позже императрица отметила «за сметливость, мужество и расторопность унтер-офицера 17 лет по имени Потемкин». Правда, будущему светлейшему князю и фельдмаршалу, а тогда – вахмистру лейб-гвардии Конного полка Григорию Потемкину было уже 23 года.

ГАРДЕМАРИНЫ

В 1716 году Петр I установил новый чин для курсантов Академии морской гвардии. В 1752 году роту «защитников моря» упразднили, и чин перешел к кадетам Морского корпуса. В 1860 году чин гардемарина – не учебный, а строевой – появился непосредственно в экипажах флота. В это время чин соответствовал сухопутному званию прапорщика – самого младшего офицера. В 1882 году гардемарины – вновь кадеты Морского корпуса. После обучения выходили в службу в чине корабельного гардемарина и после года практики получали производство в чин мичмана.

Об этом человеке современники отзывались как об исключительно дисциплинированном, целеустремленном, лишенном каких-либо пристрастий. Кроме интереса к военно-морскому делу. Практику на бригае «Феникс» в Балтийском море назначили 12 гардемаринам. Приглядывал за ними воспитатель корпуса князь Ширинский-Шихматов. Гардемарин Завалишин писал в дневнике о том, как один практикант решил пробежаться по планширу (перила поверх борта корабля), а потом спрыгнуть в «чистом месте». Во время забега на палубе показался воспитатель. Гардемарин успел незамеченным соскочить с планшира, но запутался ногой в коечной сетке, лежавшей на палубе, упал и сильно разбил себе голову. «Братцы, не рассказывайте князю, как это случилось!» – умолял гардемарин товарищей, оказывавших ему помощь.

Кто знает, может быть, именно этот случай сделал вице-адмирала русского флота Павла Нахимова дисциплинированным и лишенным пристрастий?

КАПТЕНАРМУСЫ

Это сейчас каптенармусы заведуют ротными каптерками, где хранится хозяйственный запас. В 1716 году эта только появившаяся должность звучала гордо: как-никак, а в переводе с французского – ведающий оружием. В каптенармусы назначали бывалых унтер-офицеров, хорошо знающих грамоту и счет. Встречались каптенармусы артиллерийские и вещевые, казначейские и квартирмейстерские.

Согласно формулярному списку лейб-гвардии Преображенского полка от 5 января 1787 года, в роты зачислен новый каптенармус. 28 сентября 1788 года этот каптенармус производится в сержанты. В 1790 году – в поручики.

Историки до сих пор спорят, в каком году родился этот человек. Одни утверждают,

что в 1772-м, другие – что в 1777-м... В любом случае каптенармус в столь юном возрасте – безусловная кадровая находка для старейшего полка русской гвардии. А если прибавить, что впервые в полку данный господин оказался будучи уже сержантом? Немудрено, что так звлился на раздобывшую при поздней Екатерине Великой гвардию император Павел I.

Одно извиняет: каптенармус со годами вырос в отличного генерала, всем известного командующего Отдельным Кавказским корпусом Алексея Ермолова.

КОРНЕТЫ

Офицерский кавалерийский чин, введенный в России в 1801 году Александром I для всех видов конницы, кроме драгунской. Только в 1882 году чин превратился в общекавалерийский, после перевода всей кавалерии, кроме гвардейской и казачьей, в драгуны.

Наиболее достоверная этимология: начиная с XV века младшие офицеры европейских армий возили штандарты и располагались с ними по краям строя. Отсюда и *corne* – угол.

Корнет Оболенский – персонаж собирательный. Но довольно современный. Спор об авторстве ведется давно, но есть аргументы, опровергающие любую версию, в которой строки приписываются поэту-белоземитану.

Дело в том, что белоземитан, даже будучи штатским, вряд ли не знал наградную систему покинутой им Родины. А она была довольно строга. Награждение различными степенями того или иного ордена жестко привязывалось к чину и должности награждаемого. Младшего офицера могли наградить только тремя орденами: Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени. Казалось бы, в чем противоречие знаменитым словам «Корнет Оболенский, надеть ордена»? «Анна» 4-й степени – это знак ордена, крепившийся на холодное оружие вместе с темляком соответствующих «аннинских» цветов. На армейском жаргоне такое награждение называлось «повесить клюкву». 4-й «Георгий» по орденскому статуту автоматически давал повышение в чине. Вот и получается, что корнет Оболенский мог надеть только один орден. Если, разумеется, он не был раньше разжалован, скажем, из капитанов.

КВАРТИРМЕЙСТЕРЫ

Первоначально эта армейская должность в точности соответствовала дословному переводу с немецкого. Эдакий военный

риэлтор. Но к XIX веку в русской армии квартирмейстер – это представитель Генерального штаба. А генерал-квартирмейстер – это целый начальник Генерального штаба. То есть – второй человек после главнокомандующего.

Особый статус офицеров Генерального штаба подчеркивал положенный им аксельбант.

В январе 1798 года в «Чертяжную залу» Зимнего дворца спустился генерал-квартирмейстер и по обыкновению стал ругать штабных офицеров за якобы неряшливо нарисованные карты и неаккуратно составленные планы. Кончилось тем, что начальник нехорошими словами обозвал подполковника Лена, успешно воевавшего ранее под началом Румянцева и Суворова. После скандала Лен взял дома два пистолета и пришел на квартиру начальника – бросить вызов и немедленно стреляться. Но генерала дома не оказалось, и Лен, вернувшись к себе, написал предсмертную записку и застрелился.

Павел I знал Лена лично и потребовал показать письмо. Вина генерала была очевидной. И последовал приказ: генерал-квартирмейстера барона Аракчеева «уволить в отпуск до излечения».

Суров Павел был всегда. Иногда – справедлив. 22 декабря того же года должность к Аракчееву вернулась. Видать, излечился.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЫ

Сугубо российское изобретение. Почетное звание, означавшее принадлежность к императорской Свите. Впервые отмечено в 1711 году как должность офицера для поручений при генерал-фельдмаршале. В 1797 году появилось решение: флигель-адъютантом не может быть офицер в чине старше полковника. При производстве в генералы особый придворный терется. Однако в силах императора превратить генерала в генерал-адъютанта, что опять-таки означало включение в Свиту Его Величества.

К началу Первой мировой имелось 56 флигель-адъютантов и 51 генерал-адъютант.

Отличительной чертой формы свитских офицеров были императорские вензеля на эполетах и погонах, не говоря уже об аксельбантах.

Так вышло, что цесаревич, будущий император Александр II, души в этом человеке не чаял. Они дружили с восьми лет. Поэтому, вероятно, молодому графу многое схо-

дило с рук. Даже такое: как-то на балу он познакомился с супругой полковника лейб-гвардии Конного полка Софьей Андреевной Миллер. Роман возник немедленно, полковница от полковника ушла. Но единственное, на что решился оскорбленный супруг, – долго не давал развода.

С армией у графа отношений не было. Однако едва началась Крымская война, он отправился служить добровольцем. Воевать по причине заболевания тифом не пришлось. По возвращении в день коронации старого друга был назначен им флигель-адъютантом.

Далее, правда, в военной службе граф Алексей Константинович Толстой оставаться не пожелал. Ушел в литературу.

СУБАЛТЕРН-ОФИЦЕРЫ

Редкий случай, когда заимствование произошло из английского языка. Именно в английской, а также во французской армиях субалтернами называли младших офицеров в чине ниже капитана. В России более распространенным был термин «обер-офицер», что включало в себя прапорщика, подпоручика, штабс-капитана, корнета, штабс-ротмистра. Однако ж в середине XIX века в ходу были и «субалтерн-офицеры».

Один такой субалтерн-офицер вспоминал о службе в глухой провинции в рядах Кирасирского Военного ордена полка. Ему казалось, что шансов вырваться из провинциальной рутины никаких. А 300 рублей годового жалованья – это пожизненный максимум. В разговоре с командиром бригады генералом Бюлером он жаловался на судьбу, а тот отвечал, что именно в такой глуши с кем угодно может случиться что угодно.

«Здесь все можно, могут вас сделать губернатором... Надо только взяться с надлежащей стороны.

Но, видно, ни мой сослуживец, ни товарищ министра не умели взяться с надлежащей стороны», – писал об этом времени поэт Афанасий Фет.

Кончилось тем, что Фета перевели из армейских кирасир в лейб-улан. Но тем же чином. Стало быть, субалтерн-офицером.

ПОРУЧИКИ

Самый распространенный офицерский чин русской армии. Возможно, потому, что поручиков требовалось больше, чем остальных. Ведь это – нынешние лейтенанты.

Поручики – это помощники и командиры рот и эскадронов. Мичманы – на флоте. Сотники – в казачьих полках. Это ставной хребет офицерского корпуса. В русской армии появи-

лись в XVII веке в иноземных полках нового строя.

Если поручики – самый популярный чин, то самый популярный поручик – это Дмитрий Ржевский. Офицер Мариупольского гусарского полка, если верить пьесе «Давным-давно» и фильму «Гусарская баллада». Или Лубенского? Или Ахтырского? Или Павлоградского? Если судить по форме, в которую одет блистательный актер Юрий Яковлев, то все-таки Мариупольского гусарского. Но все это не имеет никакого значения, так как в войне 1812 года реальные поручики Ржевские не участвовали. То есть Ржевские в войне участвовали. Но не были поручиками.

Настоящий поручик Ржевский жил несколько ранее. При Петре I. Как раз по приказу Петра поручик лейб-гвардии Преображенского полка Ржевский отправился в Италию обучаться морскому делу. Губернаторствовал в Нижнем Новгороде. Прожил достойную предков жизнь. Род как-никак с 1315 года тянется. Род в прошлом княжеский, от Рюриковичей.

И никаких анекдотов.

ВОЛЬНОПЕРЫ

Обладатель высшего или среднего образования в России также призывался на действительную военную службу. Но служил только год. Причем имел право выбирать род войск и даже воинскую часть. Отсюда и название – вольноопределяющиеся, в разговорной речи – вольноперы. После года службы вольнопер имел право сдать экзамен на офицерский чин. Обувь и обмундирование вольнопер мог шить на заказ в отличие от остальных рядовых. Его особый статус в армии подчеркивался витым бело-черно-оранжевым шнуром, обвивавшим погон по внешнему контуру.

Нежинский пехотный полк стоял в Ярославле. Город не самый маленький, но и не столица. Развлечений у солдат немного, любимое – кулачные бои на реке Которосль. Бились по большей части с фабричными. За солдатскую стенку, защищавшую честь города, болел владелец богатого трактира Ландрон. Помогал солдатикам как мог – рукавицами, дубленками, красными кушаками командного цвета. Но фабричные, ведомые бойцом Иваном Гарным, побеждали чаще. До поры, пока не вступил вольнопером в Нежинский полк Владимир Гиляровский. В первом же бою

будущий дядя Гиляй, отличавшийся изрядной силушкой, нокаутировал Ваньку и получил от Ландрона приз – дорогие часы.

ШТЫК-ЮНКЕРА

Чин существовал в русской армии почти весь XVIII век – с 1712 по 1796 год. Означал самого младшего командира в артиллерийских частях. Уже не унтер-офицер, но еще и не прапорщик. В Табели о рангах относился к XIII, предпоследнему классу. Аналогичные чины – эскадрон-юнкер в тяжелой кавалерии, фанен-юнкер в легкой. Были еще и портупей-юнкера. Но они процветали в военных училищах. По той причине, что, будучи лучшими воспитанниками, исполняли в юнкерских учебных ротах офицерские обязанности.

В Галерее героев войны 1812 года в Эрмитаже находится среди прочих портрет могучего мужчины в форме артиллерийского генерала. Солидный, при многих орденах... И не подумаешь, что такой человек мог жонглировать пушечными ядрами, держать двумя пальцами армейскую винтовку в горизонтальном положении. А по настроению – так и две винтовки. Мог подшутить над дамами в ответ на попытку подшутить над ним самим. Шутка проста: взял в ладони каменную грушу, принесенную во время обеда взамен обыкновенной, и сжал, приговаривая: «Больно мягкая». Да так сжал, что груша сплюснулась. Зимой этот человек купался в снегу, летом по утрам валялся в росе. Ел с солдатами, вина и водки не пил вовсе. Его кумиром был Суворов. А среди друзей – поэт и историк Карамзин. Гигант-артиллерист отлично разбирался в истории и литературе, знал языки, сам сочинял.

В бою был страшен. В Бородинском сражении генерал-майор Василий Костенецкий крушил ворвавшихся на батарею наполеоновских улан не саблей, а артиллерийским банником. После сетовал императору, что банники деревянные, а не железные. Сподручнее было бы. Царь отвечал, что сделать железные банники не трудно. Где столько Костенецких взять? А начинал будущий герой Бородина штык-юнкером 2-го канонирского полка.

«Да, были люди в наше время...». Так ведь у Лермонтова? Да, были. Фейерверкеры и фельдцейхмейстеры, бомбардиры и бригадиры, комендоры и канониры, зауряд-прапорщики и капитан-командоры, ротмистры и аншефы, хорунжи и есаулы, кантонисты и кадеты...

Эх, если бы не Божья воля! 🍀

СТАРУШКА СО ЗВЕЗДОЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В России, где женщины еще жили почти по Домострою, их таких, кажется, и было всего две на огромную страну – Екатерина большая и Екатерина маленькая. Взрослая и несчастная жена наследника престола и совсем молоденькая княгиня Дашкова. Первая дала имя целой эпохе, вторая стала одной из ее главных героинь.

Екатерина
Романовна
Дашкова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗА КНИГОЙ

Мать Кати умерла рано; старшие ее сестры стали фрейлинами при дворе, а Катю взял на воспитание дядя-канцлер: она была ровесницей его дочери. Девочки воспитывались вместе и получили блестящее по меркам середины XVIII века образование: обе говорили на четырех языках и прекрасно танцевали – больше от богатой дворянки ничего и не требовалось. Дашкова писала потом с горечью, что воспитание это ничего не дало развитию ума и души. С кузиной она была не очень дружна, светской жизнью интересовалась мало, отказывалась румяниться и белиться, как полагалось светской даме. Заболев корью, она была вынуждена покинуть Петербург, чтобы не заразить царскую семью; в имении под Петербургом, едва оправившись от болезни, она со страстью отдалась чтению на всех языках, которым была обучена, – и именно в книгах нашла пищу для ума и души. Читала до бессонницы, до изнеможения. Окружающие даже подозревали тайную влюбленность, а она если и была влюблена, то в Буало и Вольтера. Наделенная живым умом, любознательностью и любопытством, она до конца жизни интересовалась всем – садоводством, экономикой, строительством; во все совала любопытный нос, всему искала практическое применение. Взрослой уже, приехав в Италию – страну, будто специально созданную для сладкого ничегонеделания, – она внимательно изучила, как там поставлено карантинное дело, и немедленно послала на родину отчет о его устройстве: ведь при Екатерине к России присоединились новые земли, а стало быть, придут и новые опасности, надо устраивать свою карантинную службу...

К 15 годам она уже собрала личную библиотеку в 900 томов, тратя на книги все свои карманные деньги. Любила слушать рассказы канцлера, с удовольствием копалась в старых дипломатических бумагах и мучила расспросами гостей дома, побывавших в чужих странах. По воспитанию и образу жизни

Катя, одна из пятерых детей елизаветинского вельможи графа Романа Воронцова, самой судьбой была предназначена для блестящей придворной жизни. Дядя ее, Михаил Воронцов, был государственным канцлером при императрице Елизавете. Сама императрица стала крестной матерью девочки, а крестным отцом был будущий государь Петр III.

она скорее принадлежала Европе, чем России, – до замужества она и по-русски-то еле говорила, пришлось учить родной язык, чтобы изъясняться со свекровью, не разумеющей по-французски. Аристократка, петербурженка, ни по платью, ни по языку, ни по мышлению не русская, молодая графиня Воронцова, однако, искренне любила свою страну и верила в ее великое будущее. Кстати, русский язык она тоже освоила, к изумлению новых родных, очень быстро. Больше того – именно она впоследствии инициировала создание первого словаря русского языка и Российской академии «для усовершенствования русского языка».

Девушка росла гордой, честолюбивой и решительной. Клод Рюльер, автор книги о дворе Екатерины II, пустил слух, что она сама на себе женила князя Дашкова: якобы в тот момент, когда он расточал ей комплименты, девушка позвала дядю и сказала: «Князь делает мне предложение», а князь растерялся, испугался канцлера и не стал возражать. Сама Дашкова и книгу Рюльера отказалась читать, и от знакомства с ним долго уклонялась. А в мемуарах ее знакомство описано совсем иначе: скромно и лирично. Своего мужа Михаила Дашкова молодая княгиня любила всей душой и даже на склоне лет с тоской писала: «Сорок грустных лет, которые я имела несчастье пережить после своего обожаемого супруга, прошло со времени его потери»... Знаменитая сцена из ее «Записок» ясно рассказывает и о любви, и о силе характера этой барышни, выскочившей замуж в 16 лет и ставшей матерью в 17. Она была на сносях и ожидала родов в присутствии повивальной бабки. Девчонка-служанка шепнула ей по глупости, что муж ее вернулся из отлучки, сильно болен и потому лежит в доме тетки. Екатерина, у которой уже начались схватки, решила повидать мужа и известила повивальную бабку, что намерена идти в любом случае, с ней или без нее; доковыляв до дома мужниной тетки, она явилась у постели мужа, как привидение, и тут же лишилась чувств, а через час родила сына Михаила, который умер годовалым.

ЗАГОВОРЩИЦА

Надо сказать, что к 20 годам жизненный опыт Дашковой обогатился не только счастливым браком и материнством, но и участием в государственном перевороте. С Екатериной Алексеевной, женой наследника престола, 15-летняя Катя познакомилась еще в доме дяди, у которого великий князь с женой ужинали. Екатерина-старшая и Екатерина-младшая сразу понравились друг другу: читающие, мыслящие, интересующиеся науками женщины в те времена встречались не так уж часто. Родство душ стало очевидно для них еще при первой встрече; эта женская дружба пережила дни охлаждения и дни горячей взаимной привязанности, но держалась всю жизнь. Пожалуй, именно этим родством душ и определялся выбор, который Екатерине Дашковой пришлось делать в 1762 году. Императрица Елизавета умерла, трон унаследовал Петр III, чья политика – в первую очередь мир с Пруссией, который свел на нет завоевания Семилетней войны, – не устраивала многие аристократические семьи. Дашковой Петр Федорович не нравился и как государь, и как человек, в ее «Записках» о нем сказано много неприятных слов. Однажды она резко одернула будущего царя за обедом, когда он, уже пьяный, стал говорить, что следовало бы казнить некоего гвардейца; Дашкова напомнила великому князю, что смертная казнь в России отменена, а он еще не царствует. Слух о ее смелом ответе пронесся по всей столице и снискал ей симпатии в гвардии. В другой раз уже получивший трон Петр III опять же за обедом прилюдно назвал свою жену дурой. К этому времени разлад в монаршей семье зашел так далеко, что Петр III готов был развестись с женой (которая за несколько дней до этой сцены родила сына Алексея от Григория Орлова), арестовать ее и жениться на фаворитке Елизавете Воронцовой, старшей сестре Екатерины Дашковой. Казалось бы, Дашкова должна была держаться за сестру и крестного. Но она была предана Екатерине, которой даже посвящала стихи. Узнав в декабре 1761 года о тяжелой болезни императрицы Елизаветы, Дашкова решила, что та может скоро умереть, и тогда обожаемой великой княгине грозит опасность. Сильно простуженная, по морозу, она пешком пришла среди ночи к Екатерине и взволнованно изложила ей свою идею привлечь на ее сторону влиятельных людей. Клялась в верности – до эшафота.

Императрица умерла в Рождество. Дашкова взяла на себя переговоры со знакомыми из высшего света и армии и втянула в заговор многих – в том числе воспитателя великого князя графа Панина и маршала Разумовского, начальника Измайловской гвардии. Чтобы обезопасить мужа, который успел чем-то навлечь на себя недовольство императора, она выхлопотала ему поручение в Константинополе – князь уехал туда в феврале 1762 года. Екатерине Романовне казалось, что заговор двигался вперед исключительно ее усилиями, она ничего не знала тогда о роли, которую сыграл в перевороте Григорий Орлов. Да и характер его отношений со своей старшей подругой тоже уяснила уже после переворота.

Всю роковую ночь, когда войска присягали новой императрице, Дашкова прострадала дома в постели, томясь неизвестностью. Она собиралась выехать к Екатерине в мужском костюме, но портной опоздал и страшно заузил его. А утро принесло вести о том, что все свершилось: измайловцы провозгласили Екатерину новой императрицей. В «Записках» подробно рассказано об этом дне, счастливом для обеих Екатерин, об их объятиях, триумфе, походе в Петергоф во главе войска – обе в гвардейских мундирах, о ночевке в Красном Кабачке под Петербургом в одной постели, об общих мечтах... Может быть, этот день, 28 июня, когда она – толенькая, молоденькая, похожая в офицерском платье на юношу, – упивалась победой вместе со своей государыней, ей и в старости вспоминался как самый счастливый.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Дворцовая интрига расколола семью Воронцовых. Мало того что она свергала своего крестного, собиравшегося жениться на ее сестре. Еще и один из братьев Дашковой, Семен Воронцов, служил в Преображенском полку, который отказался присягать новой императрице. После переворота, который привел Семена Романовича в «невыразимую ярость», этот брат заговорщицы был арестован; ареста опасалась и

Елизавета Воронцова; возле дома их отца, куда Елизавета примчалась после падения возлюбленного, был выставлен караул. Дашкова в «Записках» много пишет о своей любви к брату Александру, но Семен и Елизавета появляются в повествовании лишь в тех случаях, когда без них вовсе нельзя обойтись, и говорится о них чрезвычайно кратко.

Плодов победы княгине Дашковой не досталось: никакого места при дворе она не заняла, а от денежной награды отказалась (впрочем, впоследствии была вынуждена пойти на «бесчестие», как сама выразилась, и договориться о том, что долги мужа выплатит казна). Дашкова откровенно высказывала императрице все, что думала о ее фаворитах, об их манере вмешиваться в государственные дела, об убийстве свергнутого императора... Словом, отношения вчерашних подруг заметно охладели. Императрица стала делать Екатерине резкие замечания и прислушиваться к кривотолкам, коих при любом дворе предостаточно. Однако княгиня и ее красавец-муж, которого Екатерина вернула в Петербург из Константинополя, были обязаны присутствовать при дворе, флиртующие нравы и интриги которого были не по душе Дашковой. Анастасия Щербинина, ее дочь, рассказывала потом Пушкину, что князь Дашков был влюблен в императрицу; сама княгиня об этом не обмолвилась ни словом. Как она перенесла двойной удар – и мужа, и императрицу она только что не боготворила, – остается лишь догадываться. Она писала потом своей английской подруге миссис Гамильтон: «Я знаю только два предмета, которые были способны воспламенить мои бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна светлой короны Екатерины II».

«Оттого-то, между прочим, что она верила и хотела верить в идеальную Екатерину, она и не могла удержаться в милости. А она была бы славным министром», – писал Герцен.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Придворная жизнь длилась недолго. В 1764 году князь, находясь в дальней командировке, заболел и умер от тяжелой ангины, оставив жене и детям огромные долги. Безутешная вдова подсчитала, сколько должна разным кредиторам, продала все свои драгоценности, взяла детей – Анастасию и Павла – и уехала в деревню. Среди многочисленных талантов Дашковой одним из самых ярко выраженных был талант орга-

низационный, и здесь он проявился в полной мере: несколько лет она тихо сидела в деревне, воспитывая детей, экономя на всем, налаживая хозяйство и расплачиваясь с долгами, затем стала проситься за границу, чтобы подлечить детей и дать им хорошее образование.

В 1769 году она получила разрешение уехать из России и отправилась в путь. Она воспрянула духом – к ней вернулся и оптимизм, и неиссякаемое любопытство. Три года она с детьми ездила по Европе (Англия, Франция, Швейцария, Германия), ее благожелательно принимали при европейских королевских дворах, она подружилась с Вольтером и Дидро, встречалась с Адамом Смитом и другими учеными – и везде чему-то училась, запоминала, расспрашивала. «Несмотря на погоду ноябрьскую, Дашкова каждое утро выезжала около девяти часов и никогда не возвращалась домой раньше вечера, к обеду, – записывал Дидро. – Все это время она отдавала осмотру замечательных вещей, картин, статуй, зданий и мануфактур. Вечером я приходил к ней толковать о предметах, которых глаз ее не мог понять и с которыми она могла вполне ознакомиться только с помощью долгого опыта, – с законами, обычаями, правлением, финансами, политикой, образом жизни, искусствами, науками, литературой; все это я объяснял ей, насколько сам знал». Они много спорили о политическом устройстве стран, о свободе и законе – и позднее еще много писали друг другу. Дидро, кстати, замечал, что Дашкова не особенно красива и в 27 лет выглядит сорокалетней.

В Европе о ней пошла слава как об исключительно образованной женщине – и слава эта вернулась в Россию впереди самой княгини.

Императрица прислала вернувшейся из путешествия Дашковой денег на покупку имения; имением и детьми Екатерина Романовна занималась еще несколько лет. 15-летнюю дочь (говорят, она была горбата и дурного нрава) выдала замуж за некоего Щербинина, затем повезла молодых и сына за границу: Павлу Дашкову предстояло учиться в Эдинбургском университете.

МАТЬ И ДЕТИ

Она сама составила план обучения для 14-летнего сына в Эдинбурге, включавший алгебру, военную и гражданскую архитектуру, «логику и философию мышления», «опытную физику»,

«несколько химии», «философию и натуральную историю», «естественное право, народное право, публичное и частное право в приложении к законодательству европейских народов, этику, политику». Все это юный князь должен был изучить за

2,5 года; он преуспел и получил магистерскую степень в том возрасте, в котором нынешние подростки только поступают в вузы. Дальше княгиня собиралась везти сына на родину, чтобы он послужил отечеству. Встреченный ею в Голландии Орлов, уже потерявший милость царицы, прямым текстом сказал ей, что молодой Дашков очень красив и сделает хорошую карьеру при дворе: из него выйдет новый фаворит. Дашкова, разумеется, вовсе не такой карьеры желала своему сыну. Карьеры он, впрочем, не сделал и в истории страны остался только сыном Дашковой, хотя был адъютантом Потемкина, дослужился до генерал-лейтенанта и стал предводителем московского дворянства. Герцен пишет: «Говорят, она его замучила, из него действительно ничего не вышло; к тому же он и умер очень молод, но виновато ли в этом ученье – мудрено сказать».

Говорили, что молодой князь был еще и пьяница; общеизвестно, что он женился тайком от матери на неродовитой дочери купца. Дашкова не то чтобы разделяла сословные предрассудки, но была глубоко обижена недоверием сына и недовольна его выбором. Она долго не прощала сына и не виделась с ним до самой его смерти – только переписывалась. С дочерью тоже получилось скверно: на склоне лет мать настолько устала улаживать ее проблемы, заминать скандалы (Анастасия однажды даже угодила под надзор полиции) и расплачиваться с ее кредиторами, что в конце жизни отказала непутевой дочери в наследстве, назначив только ежегодные выплаты, и запретила пускать ее для последнего прощания. Отказ в наследстве она, кстати, объясняла в завещании тем, что не может «обременять совесть свою оставить кого-либо в ее (Анастасии. – Прим. авт.) зависимости и принадлежности»: Дашкова, гордившаяся

Геттинген, словом, создала нормальные условия для развития науки и выращивания молодых ученых.

Она предложила императрице создать Российскую академию и стала ее первым президентом. Она предложила идею пер-

тем, что смогла организовать образцовое хозяйство и обеспечить своим крепостным сносную жизнь и малый оброк, не могла доверить управление живыми людьми и имуществом своей безрассудной дочери.

Есть какая-то печальная ирония судьбы в том, что воспитательные усилия Дашковой, больше всех своих современниц задумывавшейся о воспитании и образовании детей, оказались несостоятельными. Поговаривали, что властная, сильная, все умеющая мать просто задавила их авторитетом и требованиями. Вложив в детей всю свою душу, всю свою требовательную и мощную любовь, она была раздавлена семейными раздорами. «Все было черно в будущем и в настоящем, – писала Дашкова. – Я так исстрадалась, что иной раз приходила мне в голову мысль о самоуничтожении».

ВО ГЛАВЕ АКАДЕМИИ

Странно, что она всю жизнь кого-то спасала, вытягивала, оплачивала долги. Ровно тем же – кризисным менеджментом, как сейчас говорят, – она занялась и на посту директора Академии наук. Сначала это назначение ее смутило, она отказалась: даже Европа еще практически не знала таких случаев, чтобы женщина возглавляла важное госучреждение. Екатерина, зная ум, эрудицию и хватку княгини Дашковой, тем не менее настояла на своем. Джакомо Казанова, посетивший Россию уже во время директорства Дашковой, писал в мемуарах: «Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно на выворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в ученых учреждениях, заведывают государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране недостает одной только вещи, а этим татарским красоткам – одного лишь преимущества, именно: чтобы они командовали войсками!»

Вступая в свою должность, Дашкова заручилась поддержкой пожилого и уважаемого математика Эйлера, который и представил ее российским академиком. Свою директорскую деятельность в Академии она начала с закупки дров: в помещениях стоял ужасный холод, и ученые мужи заседали в шубах. Она не вмешивалась в науку, занималась «административно-хозяйственной деятельностью». Наладила издательские дела, организовала публичные лекции, увеличила число стипендиатов Академии, нескольких студентов отправила учиться в

вого русского толкового словаря, который был издан в кратчайшие сроки, сама собрала для него слова на несколько букв. Среди многих ее начинаний – предложение ввести в русский алфавит букву «ё» – две буквы для одного звука многим были неудобны; герой одного из ее произведений носит фамилию «Тоисиоков» – «Тоисёков» с новой буквой.

Дашкова издавала сатирический журнал «Собеседник любителей русского слова», где печатались Фонвизин, Капнист, Державин и сама императрица, и второй, серьезный – «Новые ежемесячные сочинения». Писала и сама – мудреным, медленным, заковыристым слогом с массой прилагательных; «Записки» ее куда современной, динамичней и легче, чем публицистика, но они и написаны по-французски, так что современному звучанию мы обязаны переводчикам. Дашкова и сама переводила с английского слова и французского, учредила при Академии переводческий департамент, основала театральные ежегодники – словом, чем только не занималась! Все больше уставала, мучилась необходимостью бывать при дворе. Императрица состарилась, боялась революции и бунтов, гневалась на Дашкову, находя, что она поддерживает вольнодумство. При дворе тоже не переводились желающие поссорить двух Екатерин – особо усердствовал очередной фаворит императрицы, Зубов, которому все же удалось оклеветать Дашкову; когда она поехала в деревню хозяйничать, царственная подруга ограничилась злым «желаю вам счастливого пути».

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СЛАВЫ

Больше они не виделись, но злая Екатерина Романовна на свою тезку не держала и смерть ее, вскоре последовавшую, восприняла как большое горе – и свое, и всероссийское. «Умереть в эту минуту было бы сча-

стие, – сказала она дочери. – Судьба моя хуже, мне назначено еще увидеть все благия начинания уничтоженными и мое отечество падшим и несчастным».

Павел I, унаследовав престол, почти немедленно отправил Дашкову в отставку. Но ей не суждено было остаться в любимом Троицком, которое она с присущей ей энергией превращала в райский уголок – сад, парк, богатое хозяйство, довольные крестьяне... Она ожидала от нового императора гонений – и дождалась. Вскоре ей было предписано удалиться в имение ее сына в Новгородской губернии и там «подумать о 1762 годе». Пожилая Дашкова зимой по бездорожью отправилась на север, где прожила несколько лет в тяжелых для нее условиях. Она в письме – по обыкновению резком и дерзком – просила Павла разрешить ей вернуться в Калужскую губернию; Павел разозлился и хотел было запретить ей пользоваться бумагой и чернилами, но затем сменял гнев на милость и вернуться разрешил. Звезда Павла вскоре закатилась – при императоре Александре Дашковой были рады при дворе, но ей там не нравилось, а потому, когда ее стали звать обратно в Академию, отклонила предложение и удалилась в Троицкое. Она энергично занималась хозяйством, часто наезжала в Москву, писала, печаталась, но была очень одинока. На старости лет она привязалась к двум молодым англичанкам, племянницам ее старинной подруги миссис Гамильтон. Тихоня Мэри и бойкая Кэтрин Уилмот скрасили ее последние годы. Мэри звала ее своей русской матерью, для Мэри и были написаны «Записки». Сестры оставили подробные воспоминания о Дашковой и своей жизни в России – особенно примечательно описана первая встреча Мэри с княгиней: навстречу гостье вышла старушка в темном суконном платье, со звездой на боку и в ночном колпаке – в самом деле, волшебница из сказки, какой ее и представляла англичаночка. Но волшебница добрая, нежная, заботливая, уже не гордая и суровая как когда-то. А Кэтрин Уилмот писала о ней родным: «Я не только не видывала никогда та-

кого существа, но и не слыхивала о таком. Она учит каменщиков класть стены, помогает делать дорожки, ходит кормить коров, сочиняет музыку, пишет статьи для печати, знает до конца церковный чин и поправляет священника, если он не так молится, знает до конца театр и поправляет своих домашних актеров, когда они сбиваются с роли; она доктор, аптекарь, фельдшер, кузнец, плотник, судья, законник... Она, нисколько не думая, говорит разом по-французски, по-итальянски, по-русски, по-английски, путая все языки вместе».

В 1807 году Дашкову постиг тяжелый удар: внезапно скончался ее 43-летний сын, с которым она так и не успела помириться. Умер, не оставив детей; род пресекся. Дашкову мучило раскаяние за такую долгую обиду, она долго плакала, потом пригласила к себе вдову сына – они обнялись, поплакали и помирились. Плакать ей на старости лет пришлось много. Когда Мэри, ее последняя отрада, собралась на родину, Дашкова проплакала целый день и заснула в слезах. И потом писала горестные письма: «Я печальна, очень печальна, слезы текут из глаз моих, и я никак не могу привыкнуть к нашей разлуке. Я построила несколько мостов, насажала несколько сот деревьев, говорят, что удачно; меня все это рассеивает на минуту, но горечь моя снова возвращается». Через два месяца она умерла.

Взлелеянное ею Троицкое досталось родственнику, Михаилу Илларионовичу Воронцову-Дашкову (она позаботилась о том, чтобы он носил обе фамилии); он там не жил, его наследники устроили в имении завод, сад обветшал, усадебный дом не сохранился. «Записки» вышли через тридцать лет после ее смерти – и то только в Англии, а до тех пор ходили в копиях, и в одной из них рукопись читал Пушкин.

По «Запискам» мы и знаем ее – честную, гордую, страстную и неугомонную. Ее воспоминания исполнены внутреннего величия и спокойного достоинства, какие редко встречаются в людях, окружающих нас. К таким людям ни слухи, ни клевета не липнут, так не вяжутся они с их душевным обликом, простым в своей сложности и прямым до наивности при удивительном уме. «С честным сердцем и чистыми намерениями мне пришлось вынести много бедствий; я сломилась бы под ними, если б моя совесть не была чиста, – заканчивает свои мемуары Дашкова. – Теперь я гляжу без страха и беспокойства на приближающееся разрушение мое».

Если б и мы могли в конце жизни так сказать о себе. 🍷

НЕПРОЧИТАННЫЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Салтыков-Щедрин со школьных лет так и остался для нас ядовитым сказочником. В число «великих писателей земли русской» не попал, едва не канул в Лету вместе с прочими радетелями горя народного. Он, как и Некрасов, один из тех писателей, чью литературную судьбу опошлило советское литературоведение. Благо выдать за социальный протест гнев, тоску и возмущение тем, как глупо все устроено, – раз плюнуть.

Салтыкова-Щедрина мы не знаем: не прочитали. Остались в памяти только мужик, который двух генералов прокормил, дикий помещик да премудрый пещарь с карасем-идеалистом. Некоторые еще помнят «органчик» из «Истории одного города». И все. Остальное прошло мимо. В истории литературы он считается представителем маргинального жанра – сатиры, и великие ровесники (Достоевский на пять лет старше, Толстой на два года моложе) заслонили его своими могучими спинами. К Салтыкову-Щедрину и ученый читатель обращается затем только, пожалуй, чтобы покопаться в истории города Глупова и извлечь актуальную цитату, каковых там не счесть. Глупов-то стоит, что ему сделается: пережил новые исторические времена, от которых сохранил памятник Ленину и пятиэтажки, а ныне весь обвешался рекламой и градоначальника обозвал мэром.

МРАЧНЫЙ ЛИЦЕИСТ

Миша Салтыков был шестым ребенком в дворянской семье; после него родились еще двое. О своем детстве и семье он подробно рассказал в «Пошехонской старине», хотя и известил в самом начале, что не следует его смешивать с рассказчиком, Никанором Затрапезным. Смешивать не стоит, но и отделить трудно: известные документальные свидетельства о семье Салтыковых в мелочах совпадают с историей семейства Затрапезных. Отец, Евграф Васильевич, был серьезным сорокалетним мужчиной, когда женился на пятнадцатилетней купеческой дочери Оле Забелиной. Молоденькая помещица сначала весело пела с дворовыми девками, потом посерьезнела: стала одного за другим рожать детей и заниматься хозяйством, и уж как занялась – никому, как говорится, мало не показалось. Прижала к ногтю золовок, прибрала мужа под каблук, учредила жесткую экономию, чтобы сделать хозяйство прибыльным и разбогатеть. Разбогатеть ей удалось довольно скоро, однако сэкономила мать на всем, даже на еде: детей в доме кормили мало и невкусно, обычно вчерашними и позавчерашними остатками; вечно голодного Мишеньку иногда подкармливала его кормилица-крестьянка. В одном из писем отец просил мать не наказывать детей слишком часто. Салтыков-Щедрин вспоминал, что когда старшие дети учились, в доме постоянно был слышен плач. Отец отстранился от домашних дел, по большей части сидел в кабинете и читал духовную литературу, мать занималась хозяйством, которое составляло ее единственную страсть. Это была женщина с незаурядными организаторскими способностями, сильная, властная, энергичная, но вся ее энергия уходила в скопидомство. Среди восьмерых детей у нее были любимчики (к их числу принадлежал и Миша) – им всегда перепадал лучший кусок, их меньше наказывали. Дети ябедничали друг на друга (тогда говорили – наушничали), жили не мирно между собой, и материнское деление детей на «постылых» и «любимчиков» аук-

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин (1826–1889)
в своем кабинете.
Фотография
Л.Ф. Пантелеева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нулось уже взрослыми ссорами и тяжбами. Эту семью не держала никакая любовь, не освещала никакая поэзия.

Дети привыкали быть барчуками и помыкать крепостными, Миша тоже прошел через все соблазны дворянского детства. Перелом случился, когда он начал учиться и прочел Евангелие. Тогда не только наполнились смыслом привычно-непонятные церковные службы, но и вся жизнь будто осветилась пониманием: все не так, все должно быть иначе. Евангельское чтение дало подрастающему мальчику остро необходимый душевный компас.

Учение Миши Салтыкова носило характер бессистемный – его некоторое время учил крепостной художник Павел, затем священник

из соседнего прихода, затем старшая сестра, не скупившаяся на физические наказания, а более всего он учился сам по учебникам, оставшимся от старших: мать, которой надо было выучить многочисленное потомство, экономила на учителях. В 10 лет Миша поступил в Московский дворянский институт и остался жить в Москве на пансионе. Мальчиком он был мрачным и угрюмым, друзей имел мало, а казенное заведение с порками по субботам навевало на него тоску. Учился он старательно (боль-

ше всего полюбил внезапно открывшуюся для него литературу – до сих пор он почти ничего не читал) и через два года удостоился права перевода в Царскосельский лицей на казенный кошт. Миша сначала отказался от такой чести: он мечтал поступить в Московский университет, выпускники института могли продолжать в нем обучение. Мать, однако, вынудила его согласиться.

Лицей, куда Салтыков поступил в 1838 году, был уже не таков, как при Пушкине: его перевели в военное ведомство, учредили в нем новые порядки, даже маленькие комнатухи, где ранее жили воспитанники, ликвидировали, устроив общие спальни. Однако само Царское Село, еще живо помнившее юного Пушкина, сами лицейские стены дышали поэзией – и Салтыков, естественно, поддался соблазну писать стихи. Восемь лицейских стихотворений потом, в 1844 году, даже были опубликованы в журнале «Современник» – пушкинском журнале! Стихи были средненькие и говорили обычно о тоске и смятении духа – привычном душевном состоянии юноши. В лицее Салтыков держался особняком и не отличался хорошим поведением (в вину ему ставили курение, грубость, неопрятность в одежде и писание стихов; стихи он прятал в сапоге). Там же он познакомился со старшеклассником Петрашевским, будущим заговорщиком, и, когда тот окончил лицей, стал бывать у него в гостях. Лицейстам по выходным разрешалось выезжать в Петербург; Салтыков ездил к брату, к Петрашевскому, к Языкову, с которым познакомился через журнал «Библиотека для чтения», опубликовавший его стихи. Так он вошел в литературные круги; Авдотья Панаева запомнила его мрачным, вечно молчащим юношей.

Шло начало 40-х годов – время не столько литературы, сколько литературной критики. Литература в эти времена (поэт в России больше, чем поэт, да) заменяла и отсутствующую философскую школу, и социологию, и публицистику, и парламент. Именно здесь шли главные идейные битвы, здесь царил Белинский, и молодой Салтыков живо участвовал в обсуждении главных вопросов – и в литературных кругах, и в кружке Петрашевского, где он заинтересовался теорией Фурье.

ССЫЛЬНЫЙ

В 1844 году Салтыков вышел из лицея в чине коллежского секретаря (более успешные ученики выпускались титулярными советниками) и поступил на службу в Военное министерство. Служил мелким чиновником, занимался скучнейшей перепиской, на досуге развлекался театрами, цирком, кутежами, на которые, впрочем, не хватало средств, пристрастился к итальянской опере. Стихи писать перестал, начал пробовать себя в прозе: в 1847–1848 годах журнал «Отечественные записки» опубликовал две его повести: «Противоречия» и «Запутанное дело» (как характерны названия, как старается молодой чиновник понять, почему же так странно, непутево устроена жизнь вообще и жизнь в России в частности). Вторая повесть вышла уже после революции во Франции – и потому стала судьбоносной для Михаила Салтыкова. В России начали спешно закручивать гайки, опасаясь повторения французских событий, и повесть, где непонятно почему в богатом российском государстве умирает с голоду никому не нужный маленький человек, вызвала бурный гнев начальства. Молодой чиновник Салтыков за вольномыслие был сослан в далекую северную Вятку. Сам он воспринял эту ссылку как катастрофу: едва только встал на ноги, начал печататься, едва утвердился в литературе – и ссылка непонятно куда, непонятно зачем. Семья много раз принималась хлопотать о ссыльном и неизменно получала отказы; на прошениях царь самолично дважды начертил: «Рано».

Раз уж оказался здесь, постарайся принести своей службой пользу отечеству, сказал себе ссыльный и засел за бесконечную бумажную работу: разбираться в мелких следственных делах о пропажах, недостачах, утратах и злоупотреблениях. Днем работал, вечером пил от тоски. «Скучно! крупные капли дождя стучат в окна моей квартиры; на улице холодно, темно и грязно; осень давно уже вступила в права свои, и какая осень! Безобразная, гнилая, с пронизающею насквозь сыростью и вечным туманом, густою пеленою встающим над городом...».

литературой матушка тоже считала вредным – даже тогда, когда имя Щедрина (под этим псевдонимом были изданы «Губернские очерки») узнала вся читающая Россия.

Салтыков поступил на службу – стал чиновником для особых поручений. Особые поручения были неприятными: расследования

злоупотреблений при сборе ополчения на Крымскую войну. Злоупотребления вскрылись масштабные, работа была проделана огромная, людей встречено множество... И все эти искривленные, страшные и жалкие в своем безобразии и несчастье люди хлынули толпами на страницы «Губернских очерков» – страшный салтыковский коктейль, гремучая смесь жалости, презрения, негодования, любви, тоски и желчи. Видеть это все и не стонать от ужаса и тоски – невозможно для человека думающего и чувствующего.

О Салтыкове вспоминали, что мог стонать от тоски и рычать от гнева; тоска всю жизнь так трепала его, что были периоды, когда он плакал по любому поводу. С молодости у него было больное сердце, настолько больное, что и врачи не понимали, как он жив еще; с годами добавлялось все больше болезней, врачи отсылали его за границу поправлять здоровье, там ему все не нравилось, все раздражало, особенно колола глаз праздная курортная русская публика. Не все ладно складывалось и с женой, выросшей в светскую даму, – разве что дети, поздние и горячо любимые, были отрадой, но и над ними он дрожал, за них боялся.

Он дослужился уже до вице-губернатора – сначала в Рязани, затем в Твери. И там, и там пытался по-новому, правильно и умно организовать работу, работал чуть не круглосуточно, искоренял взяточничество, вводил среди подчиненных такую дисциплину, что один из них печатно, хотя и не называя имен, упрекнул его в пренебрежении к человеческой личности, в самодурстве – в тех самых пороках, которые пишущий вице-губернатор так ненавидел в других. Что сделал Салтыков? Отыскал через редакцию журнала автора, явился к нему сам домой и искренне благодарил за справедливый упрек.

Способного молодого человека начальство заметило и стало ему поручать все более сложные и серьезные дела, требующие постоянных разъездов по губернии. Некоторые из них были не просто сложны, но и опасны: вспомнить хотя бы попытку Салтыкова усмирить крестьянский бунт – разгневавшись, он едва не вызвал карательную команду, а обдумав дело, заступился за крестьян. Были дела, связанные с изучением раскольников и расследованием связей старообрядцев с фальшивомонетчиками, беглыми солдатами и каторжанами; пришибут где-нибудь в глухом волчьем углу, заруют в сугробе и – поминай как звали. За восемь лет вятской службы Салтыков переделал множество дел: он занимался губернскими годовыми отчетами и сбором статистики. Утомительная работа и разъезды дали ему, однако, огромный материал для обдумывания и анализа – не только статистического и экономического. В разъездах складывались его «Губернские очерки» – удручающая картина неустройства русской жизни, сверху донизу и вширь, как она видится разумному, деятельному и совестливому госслужащему.

ОСОБЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Со смертью Николая I и воцарением Александра II закончилось «мрачное семилетие» удушения всяческих свобод. Воскресли надежды: очередное прошение о возвращении Салтыкова из ссылки было удовлетворено, и в 1855 году он вернулся – уже не молодой и смятенный, а взрослый, усталый, много переудавший и переживший, почти тридцатилетний. Вскоре он женился на юной Лизе Болтиной – барышне, которую он узнал в Вятке еще девочкой и чьего взросления терпеливо ждал. Матушка Ольга Михайловна была крайне недовольна женитьбой сына на бесприданнице: воспринимала ее как катастрофу, как личное оскорбление, призывала на голову сына «казнь и гнев Божий». Семейные связи, и до того некрепкие, рухнули – мать вместо поездки в Москву, где венчались молодые, демонстративно уехала в Петербург к старшему брату, Дмитрию. Все неладно, неустроено было в этой семье: ядовитые шепоты за глаза, забота о карьере и богатстве, ожидание смерти старшего поколения и возня вокруг завещаний; все это нашло потом отражение в «Пошехонской старине» и «Господах Головлевых» – мучительная, бессмысленная, разрушающая душу жизнь, ни капли любви, ни на грош поэзии. Мишино увлечение

ГЛУПОВСКИЙ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР

Пишущий вице-губернатор – это был нонсенс, возможный только в александровские времена; в иное время запретили бы писать или отправили в отставку. Впрочем, совмещать службу с писательством, которое влекло сильнее, становилось все труднее. Служба требовала его целиком, а выносить ее было тяжело. Вокруг себя Салтыков все ярче видел не Тверь, Рязань, Вятку, Владимир, а сплошной, бескрайний, бестолковый Глупов, где все делается не так, как надо, а любые перемены начинаются и кончаются взаимным истреблением. Он пытался делать что мог: обдумывал реформу полиции, пытался внести разумное начало в бездарно проводимую губернскими властями Твери реформу при отмене крепостного права – и все больше понимал, что любые его усилия – капля в море жестокости, глупости и беззакония. Отчаяние от бессилия что-то изменить заставило его задуматься о том, чтобы уйти с поста и не участвовать в происходящем. В 1862 году Салтыков, уже Салтыков-Щедрин, вышел в отставку. Удерживать его начальство не стало: его публично заявленная либеральная позиция не могла быть терпима, так что желание отставки оказалось обоюдным.

Он хотел издавать журнал в Москве, но не вышло. Переехал в Петербург, где стал редактировать некрасовский «Современник»: там уже выходили его первые «глуповские» рассказы. С его способностью руководить и организовывать он оказался прирожденным редактором, и работу эту очень любил. Купил имение Витенево, где надеялся тихо жить и работать – ближе к земле, к природе; при покупке имения его надули, имение требовало больших трудов и вложений, чем он надеялся. Осложнились и отношения с редакцией «Современника»: часть редакции считала его чужим, мыслящим несвоевременно, каждую его статью подвергали жесткой внутриредакционной цензуре, так что «Современник» пришлось покинуть. Жизнь, которая, кажется, только наладилась, опять расшаталась, и Салтыкову пришлось вновь пойти на государственную службу – он по-

дал прошение о назначении его председателем Казенной палаты в Полтаве, но получил аналогичное назначение в Пензу. Ехать он не хотел, мысль о предстоящей службе вызвала у него горькое отчаяние и злобу. Он так и служил – с отчаянием и злобой, доходившей до припадков ярости, воевал с местным дворянством, не желающим платить недоимок, разбирал крестьянские выкупные дела и пытался привести в относительный порядок чудовищный хаос, который неизменно находил на каждом своем новом рабочем месте. На подчиненных он наводил страх – резкостью движений, строгостью, начальственным басом и страшным взглядом требовательных глаз. Из Пензы его перевели в Тулу, из Тулы – в Рязань – и везде был Глупов. Безнадежная расчистка авгиевых конюшен жестоко утомляла, хотя подбрасывала все новый материал для его публицистики и прозы. Но за эти три года ему даже писать было некогда, одна статья – и все, больше не смог. А он уже попробовал жить литературой – и мысль об этой оставленной жизни его терзала тоской.

В 1868 году, когда Некрасов стал редактировать «Отечественные записки», Салтыков-Щедрин охотно включился в работу над журналом, а в июне окончательно вышел в отставку, чтобы заняться им полностью. Через десять лет, когда Некрасов умер, стал руководителем журнала – до самого его закрытия в 1884 году. Здесь выходили все его новые произведения: «История одного города», «Помпадур и помпадурши», «Господа ташкентцы», страшные «Господа Головлевы», «Убежище Монрепо»... Россия в них – уже пореформенная, но не поумневшая, а нашедшая новые способы самоистребления, породившая новых людей, которые и старое разрушат, и нового не построят, а только насорят и уйдут... В «Господах ташкентцах» явились новые люди и принесли новые проекты, наглые, даже прекрасные своей наглостью: «О предоставлении коллежскому советнику Порфирию Менандрову Велентьеву в товариществе с вильманстрандским первостатейным купцом Василием Вонифатьевым Поротоуховым в беспопышную двадцатилетнюю эксплуатацию всех принадлежащих казне лесов для неперемного оных, в течение двадцати лет, истребления». И «Господа ташкентцы», для советского читателя неактуальные, для

постсоветского оказались напрочь забыты, не прочитаны, невзирая на вопиющую, жгучую схожесть с реалиями времен, когда сколачиваются миллиардные состояния и проворачиваются фантастические по своему бесстыдству сделки. Этот Салтыков, исследователь нарождающегося русского капитализма и серого, обывательского человеческого стада, так и не нашел своего понимающего читателя, так и остался достоинством литературоведов.

САВАНЫ, САВАНЫ, САВАНЫ...

Дети у Салтыкова-Щедрина родились, когда ему шел уже пятый десяток. Он любил их, дрожал над ними, радовался им; в доме стало хорошо. Однако совершенно расстроились отношения с родными – спился и умер брат Сергей, совместно с которым Михаил Евграфович владел имением Заозерье, и старший брат, Дмитрий Евграфович, вознамерился лишить Михаила значительной доли причитающегося ему наследства. Тяжба с братом о наследстве отнимала силы – не столько физические, сколько душевные. Правда, Салтыков-Щедрин несколько сблизился с матерью, которая в этом конфликте поддерживала его. Мать тоже вскоре умерла, распалась семейная связь, разрушилось «дворянское гнездо» – нелюбимое, но родное. Михаил Евграфович, больной и подавленный, зимой отправился хоронить мать, но не успел к погребению. «Саваны, саваны, саваны! Саван лежит на полях и лугах; саван сковал реку; саваном окутан дремлющий лес; в саван спряталась русская деревня...» – так он начинает написанный в это время рассказ «Кузина Машенька».

Еще не очень старый, он болен насквозь: болят сердце, мучает хронический бронхит, терзает ревматизм. Его доктор Николай Курочкин замечал, что он болен весь, ни одного здорового органа. И характер у больного был тяжелый, язвительный; он изводил домашних жалобами и стонами. Кажется, это и не о Коняге он сказал, и не о русском мужике, а о себе самом: «Из всех ощущений, доступных живому организму, знает только ноющую боль, которую дает работа».

Литературоведы отмечали разве что удивительные лирические взлеты Салтыкова-Щедрина – вроде как случайно угодившие в его сатиры; ну, как у Гоголя в «Мертвых душах» отступление о «птице-тройке». Но Русь Салтыкова-Щедрина – не лирическая Русь; его поэзия смыкается с триллером – бескрайние поля саванов в «Кузине Машеньке», пожары в «Истории одного города» и «Губернских очерках», бескрайнее всепожирающее поле в «Коняге». Это и не лирика, и не социальная сатира, это прежде всего замечательная экзистенциальная проза, горькие размышления о непонятной и нескладной человеческой жизни.

Он очень болел в последние годы и очень мучился – и болезнями, и душевно: чему он отдал свою жизнь? Для чего жил? Что изменилось? Времена изменились, но не к лучшему. «Нас одолела глупость, и она теперь до того сгустилась в воздухе, что хоть топор повесь», – писал он в 1883 году. Снова заморозок, снова гонения на журналы, «Отечественным запискам» выносят предупреждения за «вредное направление»... Закрывание «Отечественных записок» совершенно надорвало Салтыкова-Щедрина. Ошеломленный, он писал в сказке «Приключение с Крамольниковым»: «Однажды утром, проснувшись, Крамольников совершенно явственно ощутил, что его нет». Ему так и казалось – что нет его больше, нет его читателя, все напрасно, все впустую. Последнее задуманное им произведение – «Забытые слова»: «Были, знаете, слова: ну, совесть, отечество, человечество... другие там еще... – говорил он Михайловскому. – Надо же их напомнить»... Напомнить не успел. Но оставил литературное завещание, которое тоже мало кто помнит: «Не погрязайте в подробностях настоящего, – говорил и писал я, – но воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень».

Выспренно, как и положено в XIX веке. А по сути – очень верно. Все, что было построено хорошего, строилось для хорошего будущего. Не циклиться на сегодняшнем, видеть перед собой образ будущего, которое строишь сейчас, – необходимо: без этого ничего не выйдет.

И не выходит, вот в чем беда. 📖

К ЯЗЫКОВУ...

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

Директор музея заранее предупредил: «Спрашивайте, как проехать не в музей, а в парк».

«Парк – единственное, что осталось от родового имения русского поэта Николая Языкова», – как бы извиняясь, говорит встретившая нас Татьяна Николаевна Уренцова, научный сотрудник музейного комплекса «Усадьба Языковых».

Комплекс был открыт в 2003 году – к 200-летию Николая Михайловича Языкова. Вырос он из скромной экспозиции, посвященной забытому русскому поэту, ютившейся в музее рабочего поселка Языково, приписанного к местной текстильной фабрике. И чудом сохранившегося парка.

...Высокие ели и вязы, дубы и кедры похожи на зеленый остров, раскинувшийся на окраине поселка. Кроны шумят, словно деревья шепчутся друг с другом. Парк был посажен отцом поэта, Михаилом Петровичем Языковым, который словно догадывался, что его младшему сыну нужно будет место для неспешного течения поэтических дум. Ради устройства усадьбы Михаил Петрович оставил военную службу в звании гвардии прапорщика.

«ОН ВСЕХ НАС, СТАРИКОВ, ЗА ПОЯС ЗАТКНЕТ»

В семье Языковых было шестеро детей: три брата и три сестры. Старший из братьев, Петр Михайлович, был известным геологом, а в историю русской культуры он вошел как собиратель древних рукописей и фольклора. Средний брат, Александр Михайлович, был предводителем дворянства Карсунского уезда.

Будущий поэт Николай Языков родился в Симбирске на Московской улице, в доме своего деда по материнской линии. Дом этот сохранился до наших дней. Больше всех в семье Николай любил младшую сестру, Екатерину, ставшую позднее женой его друга – поэта Алексея Степановича Хомякова.

Усадьбу Языково, где прошло его детство, Николай получил по завещанию в 15 лет. В это время он учился в Петербурге, в Институте горных инженеров, окончив который в 1820 году поступил в Инженерный корпус. Однако учеба была в тягость, его манила литература. В 1821 году Языков был исключен из Инженерного корпуса за постоянные прогулы. Вместо занятий Николай предпочитал, облачившись в халат с пышными кистями, курить трубку и грезить. Еще он с удовольствием посещал литературные кружки и редакции журналов, свел знакомство со многими поэтами и писателями той поры – Дельвигом, Баратынским, Грибоедовым, Одоевским... Особо сдружился с поэтом, переводчиком и издателем Александром Воейковым. Правда, ему к тому времени удалось опубликовать лишь одно свое стихотворение: в 1819 году свет увидели строчки, посвященные товарищу Языкова по учебе Александру Ивановичу Кулибину – сыну известного механика-самоучки.

Старшие братья уговорили Николая продолжить обучение. В 1822 году Языков поступает на философский факультет Дерптского университета, имея при себе рекомендательные письма от Воейкова – бывшего профессора русской словесности этого учебного заведения. Но и здесь учеба не задалась. На сей раз из-за пирушек и кутежей. Николай ежегодно получал 6 тысяч рублей ассигнациями в качестве дохода от имения, но даже такую огромную по тем временам сумму быстро просаживал, часто оказываясь на мели. Расточителен он был до безобразия: студенческие товарищи пили и ели за его счет, он даже оплачивал трактирные долги своего слуги. В университете он был личностью очень популярной – не только из-за своей щедрости. Студенты распевали его стихи, положенные на незатейливые мелодии. Как вспоминал друг Языкова той поры, поэт Н.А.Татионов, «только на пирушках в полном вакхическом разгуле он соглашался декламировать стихи свои. В одной рубашке, со стаканом в руке, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, он был поэтически прекрасен. Все его стихи выучивались наизусть, клались на музыку и распевались студенческим хором». Его же стихи звучали и на собраниях студенческой корпорации «Рутения», которую организовал Языков. Некоторые песни на стихи Языкова были переведены на немецкий и пелись в Дерпте еще с полвека. Да и в других университетах они были известны, удержавшись в памяти русского студенчества до начала XX века.

Языков пишет не только стихи о студенческих пирушках, он слагает и любовные элегии. Муза поэта была известна: Николай влюбился в Александру Андреевну Воейкову – жену своего друга. Александра Андреевна, урожденная Протасова, племянница и крестница В.А. Жуковского, славилась исключительным обаянием, это именно ей Василий Андреевич посвятил свою «Светлану». Александру Андреевну в то время перебралась из Петербурга в Дерпт к матери и сестре – Марии Андреевне Мой-

ер, в салоне которой Языков бывал постоянно. Он писал нежные стихи в альбом Воейковой, но, как и другой ухажер – брат Пушкина Лев, – успеха не имел. Стихи же Николая перекочевывали из альбома Александры Андреевны на страницы журнала, который выпускал Воейков. Но увлечение закончилось трагично: в 1829 году Воейкова умирает в Италии, ее смерть стала сильным потрясением для Языкова.

Меж тем стихи Николая уже были замечены. Ему благоволил Жуковский, Языковым весьма интересовался Пушкин, искавший знакомства с ним. В 1824 году Воейков писал Языкову: «Наш Байрон восхищается Вашими стихами и пророчествует Вам мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры». Встретились поэты в 1826 году. Произошло это в Тригорском – имении Алексея Вульфа (с ним Языков подружился в Дерптском университете), расположенном неподалеку от Михайловского, где отбывал ссылку великий поэт. После Языков написал известное стихотворение «Тригорское», в котором Пушкин называется «свободным поэтом, не побежденным судьбой». А Александр Сергеевич увековечил имя Николая Михайловича в бессмертном «Евгении Онегине». Помните, в четвертой главе? «Так ты, Языков вдохновенный, // В порывах сердца своего, // Поешь бог ведает кого, // И свод элегий драгоценный // Представит некогда тебе // Всю повесть о твоей судьбе».

Своему другу князю Петру Андреевичу Вяземскому Пушкин пишет о Языкове: «Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояса заткнет».

БУЙСТВО СИЛ

В Дерпте Языков проучился восемь лет. К 30-м годам он утомился от пирушек и студенческих забав, обучение его интересовало мало – начатые работы по истории Ливонии так и не были завершены, жизнь в немецкой среде раздражала, ему хотелось домой. Первые восторги читателей остались позади, теперь его хвалили меньше. Николай впадает в депрессию. «Мне бы только добраться до Языкова, – пишет он брату. – Уж там-то я застихотворствую, и восстановится моя блистательная слава поэтическая! Эта надежда меня теперь утешает, как ребенка». Он получает известие, что в имении достроен большой дом, закупает в огромном количестве книги и шлет их в Языково для формирования библиотеки.

Выпускные экзамены в университете Языков сдавать не стал, он вовсе не собирался идти на госслужбу, ведь имение давало приличный доход. Казалось, интуиция его не подвела: уже осенью 1829-го на симбирской земле из-под его пера появляется знаменитый «Пловец». Но... Быстро пресытившись помещичьей жизнью, Николай Михайлович решает ехать в Москву. Здесь он устраивается в Межевую канцелярию, которая была традиционным прибежищем поэтов: до Языкова в ней служили Вяземский и Баратынский. Но чиновничьи обязанности оказались в тягость Языкову, с большим удовольствием он участвует в организации журналов. Вместе с семьей Елагиных-Киреевских поэт устраивает литературные чтения и вечера в салоне Авдотьи Петровны Елагиной. На них бывает и Пушкин. Поэты сближаются еще больше. Накануне свадьбы Пушкин устроил в своей арбатской квартире холостяцкий обед для ближайших друзей (тогда он назывался «девишник»). На этой пирушке Языков знакомится еще с одним поэтом, героем Отечественной войны 1812 года Денисом Васильевичем Давыдовым. «Я пьяный на девичнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните...» – писал потом Давыдов в 1833 году новому приятелю в Языково.

Кстати, с пушкинской свадьбой связана знаменитая поездка Языкова и друга Александра Сергеевича, Павла Воиновича Нащокина, к цыганам. Певице московского цыганского хора Татьяне Демьяновой он позже посвятил цикл стихотворений. «А познакомилась я с ним в самый день свадьбы Пушкина, – рассказывала незадолго до своей смерти Демьянова писателю Б. Марковичу. – Вечером вернулся Павел Войнович, и с ним этот самый Языков. Белокурый был, толстенький и недурной. Они там на свадьбе много выпили, и он совсем как не в своем уме был. Как увидел меня, стал мне в любви объясняться. Я смеюсь, а он еще хуже пристаёт; в ноги мне повалился, голову на колени мне уронил, плачет: «Я, говорит, на тебе женюсь. Пушкин на красавице женился, и я ему не уступлю, Фараонка», – такой смешной он был».

Позже товарищ Языкова, Петр Васильевич Киреевский, писал в январе 1832 года Николаю Михайловичу в Языково о том, что Татьяна по-прежнему прекрасно поет в хоре. К тому времени поэт вернулся в родное имение из-за болезни спинного мозга. Несмотря на нездоровье, здесь он начинает собирать народные песни и предания, воссоздает поволжские былины. А в Москве между тем зло судачили, что Языков исписался, что числить его в рядах первых поэтов уже нельзя, а в рядах первых бражников – еще можно. Но вышедший в 1833 году первый сборник стихов Николая Михайловича посрамил злопыхателей. Николай Васильевич Гоголь утверждал, что Пушкин

об этой книге сказал с «досадою»: «Зачем он назвал их «Стихотворения Языкова»! Их бы следовало назвать просто «хмель»! Человек с обыкновенными силами никак ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил».

Последний раз Пушкин и Языков встретились 29 сентября 1833 года. Александр Сергеевич возвращался из Оренбурга, куда ездил собирать материалы для своей «Истории Пугачева». В Языково поэт застал всех трех братьев. Пушкин шутливо пожурил их за «азиатские привычки», так как все трое встретили его в халатах с длинными кистями, поделился впечатлениями от поездки по Поволжью, прочел балладу «Гусар», пересказал некоторые сцены новой комедии Гоголя.

Парк, где Пушкин и Языков бродили все два дня, что провел здесь «солнце русской поэзии», владельцы имения бережно хранили. На память о своем пребывании в Языково Пушкин посадил ель, а на оконном стекле в комнате, где ночевал, вырезал алмазным перстнем свой автограф. Ель эта до сих пор одна из главных ценностей парка. А комнату Пушкина хозяева долго держали в неприкосновенности, показывая гостям. Гости, правда, тоже были люди известные: Денис Давыдов, Алексей Хомяков, Петр и Иван Киреевские, Дмитрий Ознобишин... Слава Языково как литературного гнезда сохранялась и после того, как Николай Михайлович покинул имение. Уехал он отсюда после гибели Пушкина – разбитый и потрясенный, измученный болезнью. Два года Языков не мог взяться за перо. Из этого «забытья» вывело его общение с Гоголем, с которым уже тяжело больной Языков познакомился в Италии, где поэт безуспешно лечился. В 1844 году Языков пишет свое знаменитое послание «К ненашим», которое Гоголь назвал «прекрасными и чудными стихами». Но именно эти стихи, написанные в поддержку славянофильства, сыграли роковую роль в судьбе творческого наследия поэта. Литературные критики, державшие сторону западников, начали писать о Языкове в уничижительных тонах. Белинский подверг критическому разбору стихотворение Пушкина «К Языкову». Критик писал, что в то «золотое время быть поэтом – значило быть древним полубогом. И потому все бросились в поэты». Белинский призвал смотреть на послание Пушкина к Языкову как на досадное исключение. Позднее Николай Добролюбов, намекая на образ жизни поэта, заявил, что Языков погубил свой талант, а Герцен в «Былом и думах» сравнил послание «К ненашим» с полицейским доносом... Николай Михайлович Языков умер в Москве в декабре 1846 года. На смертном одре поэт читал стихи. Похоронили его на кладбище Данилова монастыря.

В 1847 году братья поэта передали его книги в симбирскую Карамзинскую библиотеку. Усадьба Языково была продана симбирскому купцу Федору Степанову, который создал при ней суконную фабрику. Комнату, где ночевал Александр Сергеевич Пушкин, и в бывшем барском доме, и в селе по-прежнему называли «пушкинской»...

Прислониха, зарисовать комнату Пушкина, но все уже было разрушено. К началу 60-х годов от дома остались только фундамент, балюстрада и сильно поредевший парк. Такой увидела усадьбу приехавшая сюда Надежда Михайловна Демидова, кандидат медицинских наук, сотруд-

К НЕНАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот

ПАМЯТЬ ПОТОМКОВ

В 1903 году, к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Языкова, Симбирская губернская ученая комиссия издала очерк о селе Языково «гофмейстера Высочайшего двора» В.Н. Поливанова, женатого на дальней родственнице поэта. Поливанов так обрисовал бывший дом Языкова: «В два этажа, он построен отцом поэта, в форме «покоя» – с коридорами и двумя просторными флигелями. Со стороны сада дом украшен семью колоннами дорического стиля с каменной лестницей. Двор обнесен решеткою с каменными столбами и параллельно постройкам обсажен вязами, образующими внутри тенистую площадку».

После революции в языковском имении разместили детский дом. В 1919–1920 годах Пушкинский Дом просил художника А.А. Пластова, жившего в соседнем селе

Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине, не к благу!
Народный глас – он божий глас, –
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша –
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестью своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

Н. Языков, 1844 год

ник Московского научно-исследовательского института гигиены им. Ф. Эрисмана, до революции работавшая ткачихой на местной фабрике. Это по ее инициативе в 1972 году в стенах фабрики был создан музей истории рабочего поселка Языково. И хотя с 1969 года в языковском парке Ульяновское областное и Карсунское районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и хоровое общество Ульяновской области проводили ежегодные музыкально-поэтические праздники памяти А.С. Пушкина, в экспозиции музея место, выделенное под поэта Языкова, было крохотным. Поселок славился одеялами и шинелями, выпускавшимися на фабрике, а не как родовое гнездо Языкова. Акацию и сирень из парка жители безжалостно выкапывали и пересаживали в свои палисадники, а в тех, кто приезжал на ежегодный День А.С. Пушкина в языковском парке видели не почитателей русской поэзии, а потенциальных покупателей ягод и фруктов.

Не уцелел бы знаменитый парк, если б его не взяла под свою опеку фабрика. В парке проводились гулянья, местная библиотека откры-

вала павильоны для чтения. Приезжим литераторам языковские школьники дарили на память сделанные своими руками гнезда с аистами внутри – символ литературного гнезда. Все кануло в Лету вместе с советскими временами. В 90-е жители поселка продолжали рубить деревья в парке, жечь костры, устраивать пикники... Нанятый фабрикой сторож по вечерам предпочитал держаться от этого места подальше. В 2002 году Ульяновский областной музей предложил стать директором парка Татьяне Николаевне Уренцовой. До нее от этой должности отказались двое мужчин. А она – заведующая сельской библиотекой – согласилась поменять стеллажи с книгами на темные аллеи. «Кто-то ведь должен был взять это на себя, – объясняет Татьяна Николаевна. Помолчав, добавляет: – сюда к Языкову Пушкин приезжал!» Дружбе двух поэтов она в библиотеке посвящала большие выставки, вступала в переписку с архивами и музеями. Все письма Пушкина к другу в Языково она может цитировать по памяти. Но когда Татьяна Николаевна по вечерам в парке рассказывала обо всем этом тем, кто жег костры и жарил шашлыки, понимали ее далеко не все. Правда, не обижали бывшего библиотекаря, все ж таки в поселке все друг друга знают.

Помог отстоять языковский парк профессор из Казани Николай Васильевич Нарышкин – поклонник творчества Языкова, уроженец здешних мест. Это он убедил губернатора Ульяновской области создать в Языково мемориальную зону. Привели в порядок парк, вычистили пруды, укрепили фундамент барского дома, под экспозицию музея выделили старый больничный корпус, назначили штат работников. Сейчас в музее работает и Тамара Васильевна Алексеева. Это она стояла у истоков первого поэтического праздника «День А.С. Пушкина в языковском парке» (сейчас он называется «Пушкинско-Языковский праздник поэзии»). Татьяна Николаевна Уренцова стала научным сотрудником музея. А ее муж, Петр Николаевич, директором. Это он всем гостям, которые приезжают к Языкову впервые, советует спрашивать дорогу к парку, а не к музею. Ведь о том, что в селе открыт музей Николая Михайловича Языкова, по-прежнему знают далеко не все.

P. S.

...Кроме нас, гостей в музее не было. Тишину парка нарушали лишь щебет птиц да скрежет лопаты. Директор старательно расчищал ото льда аллею, ведущую к скромному музейному комплексу. И хотя экскурсий в этот день не планировалось, лопатой Петр Николаевич работал очень усердно, словно ждал какого-то важного гостя. А и правда: вдруг с трассы свернет какой-нибудь путник и заглянет к Языкову? И, может, он тоже окажется национальным гением? Такое тут однажды уже было... 🍷

PHOTOXPRESS

МИХАИЛ БЫКОВ

Не так давно на 7-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге открыли памятник. На бронзовый лафет корабельного артиллерийского орудия времен Северной войны присел бронзовый же весельчак в узнаваемой треуголке и с трубкой в правой руке на отлете.

Ни на самой бронзовой фигуре, ни на лафете, ни на красном граните невысокого пьедестала с широкой лестницей в три ступени с первого взгляда опознавательных надписей не заметишь. Можно подумать, что перед нами собирательный образ тех, кого царь Петр называл бомбардирами Преображенского полка.

Памятник Сергею Леонтьевичу Бухвостову, «крещенному» Петром как первый солдат новой русской армии, стоит в Москве на Преображенской площади. И подпись соответствующая имеется. А на Васильевском кто?

Александр Кикин? Алексей Петелин? Степан Буженинов? Может, Гришка Скорняков-Писарев? Новицкий? Или сам Александр Данилович Меншиков в годы молодые-шебутные? Это все были ребята веселые, здоровые, толковые. Из преобра-

женцев первой волны. Из знакового петровского призыва.

Один из первых русских ученых-историков, Андрей Богданов, был современником Петра I и строящегося им города на Неве. Можно сказать, историю Санкт-Петербурга Андрей Иванович писал с натуры. Другой сподвижник Петра Алексеича, любимый его мастер токарного дела, знаменитый механик Андрей Нартов, также оставил кое-какие воспоминания.

Из исторических заметок Богданова и мемуаров Нартова следует, что Васильевский остров получил свое название с легкой руки

Петра Великого и по конкретному поводу. Едва началось строительство города, царь повелел на острове Лосином, что напротив Заячьего, поставить артиллерийскую батарею. Чтобы прикрывала подход к будущей Петропавловской крепости с воды. Дело поручили сержанту бомбардирской роты Преображенского полка Василию Корчмину.

Мало кто сомневался, что Василий Дмитриевич справится. Он и ранее на особые поручения был мастак. Одолевал задачу Корчмин и на этот раз. Его батарея наглухо закрыла пути к возводимой столице. Государь частенько отправлял записки на батарею. И всякий раз помечал: «К Василью — на остров».

И Нартов, и Богданов зафиксировали сей факт. Из их рассказов родилась легенда. Будто знаменитый Васильевский остров получил название благодаря одному из любимцев Петра — Василию Корчмину. Потому и сидит на бронзовом лафете не кто иной, как Василий Корчмин. О чем свидетельствует скромная надпись на гранитном медальоне, расположенном в правой части постамента.

На самом деле сохранились сведения о том, что остров называли Василевым и раньше, начиная с XVI века. Есть записи в переписной окладной книге Вологодской пятины за 1500 год, из которых следует, что среди прочих мест по берегам Невы имелся и Василев остров. Название пытаются связать с неким рыбаком Василием, жившим тут в давности, с людьми из Ново-Города — Василием Казмиром, Василием Селезнем по прозвищу Губа и Василием Ананьиным. В любом случае, Василий Корчмин не был первым Василием на острове Васильевском.

А вот то, что он был одним из первых профессиональных артиллеристов на Руси и первым мастером ракетного дела, — факт неоспоримый.

Корчмин — из дворян, родился, скорее всего, в имении отца, селе Захарьине близости от Сергиева Посада, в 1672 году. Василий рано потерял отца и в 1694-м поступил в петровские «потешные». В 1697 году Петр лично вписал фамилию Корчмин-

на в списки отправлявшихся вместе с ним в Великое посольство волонтеров.

Пока бесконечная колонна посольских телег и возков гремела колесами по булыжным мостовым немецких городов, Корчмин с несколькими товарищами и в качестве старшего группы осел в Кенигсберге — учиться артиллерийскому делу и огневой забаве — устройству фейерверков. Потом перебрался в Берлин, где продолжил обучение.

Продemonстрировать полученные знания пришлось при встрече Нового, 1700 года. Петр потребовал устроить на Москве фейерверки не хуже, чем в Европе. Насчет Европы судить трудно, но забава Корчмину удалась на славу. Такого в Первопрестольной народ еще не видал. Сам Василий получил легкие ожоги рук и лица, но помощников своих сберег и людей на берегах Москвы-реки не спалил.

Позже он всегда будет отвечать за салютацию и фейерверки. И достигнет в этом вопросе фантастических результатов. Шутейные и боевые ракеты Корчмина поднимались в воздух на тысячу метров. А позже появилось и другое его изобретение — огнеметы. Они также пригодились не только на забаву, но и в корабельном бою. Наставление по пользованию огнеметами Корчмин разработал совместно с царем. Оно сохранилось до наших дней.

О сражениях Василий Корчмин ведал не понаслышке. Сам прошел всю Северную войну, вступив в нее сержантом, а закончив старшим офицером. С другими преображенцами Василий попал в беду при первой осаде Нарвы, в 1700 году. Участвовал во взятии Нотебурга в устье Невы в 1702-м. Брал Нарву в 1704-м. Бился в Полтавском сражении в 1709-м. После взятия крепости Нейшлот в 1714 году по приказу царя выбили огромную памятную медаль. Возможно, офицер, изображенный на этой медали стоящим у батареи пушек, Корчмин и есть. Это вполне логично, так как переоценить роль лучшего петровского артиллериста в осаде Нейшлота трудно.

После победного окончания Северной войны Корчмин 3 ноября 1721 года устроил в Петербурге двухчасовой фейерверк. В его подготовке участвовала команда из полутора сотен человек.

Главный фейерверкер и артиллерист, подобно самому Петру, не отдыхал никогда. В 1722 году отправился в Персидский поход. На сей раз чин и должность Корчмина были генеральские.

Петр назначил его генерал-квартирмейстером русской армии.

За время участия в войнах Василий Дмитриевич был трижды ранен. В 1726 году, уже после смерти царя Петра, удостоился чина генерал-майора.

Петр Великий сам был универсалом. Но разнообразию способностей Корчмина мог позавидовать и он.

Уже выяснилось, что Василий был искусным фейерверкером и талантливым ученым по части ракетного дела. А что еще?

Начиная с 1703 года Корчмин занимается изобретениями в области артиллерии. Первое новшество – корабельный плутонг для нескольких пушек, позволивший значительно увеличить мощь огня с одной точки. Далее рождались идеи одна ярче другой. Самая, на мой взгляд, эффектная – это пушка-пулемет, разработанная Корчминым в 1706 году. Смысл в том, что на один лафет ставились обыкновенная пушка прямого боя и две небольшие мортиры (орудия для навесного огня). Триста лет назад орудия заряжались долго. Идея Василия Дмитриевича позволяла вести почти непрерывный огонь по различным целям.

Еще в 1700 году Корчмин попробовал себя в качестве разведчика. Сам-то он вряд ли бы решился экспериментировать. Но приказ царя не обсуждался. И Василий отправился с разведмиссией в Нарву и Нотебург. Двумя годами ранее Петр проверил способности сержанта на сей счет довольно безобидным заданием в Кенигсберге. Впервые тогда царь получил представление о том, каково жалование нижних чинов и офицеров в европейских армиях.

Силен Корчмин был и в деле военного строительства. Первый опыт получил в разгар Северной войны на оборонительной линии Смоленск – Брянск. Под руководством Василия линию усовершенствовали и осовременили. Аналогичными вопросами он занимался в Москве в 1707 году, когда возникла реальная угроза нападения армии Карла XII на Первопрестольную.

В 1720 году Петр поручил Корчмину превратить остров Котлин и бывшую шведскую крепость Кроншлот в военно-морскую базу Кронштадт. При

Василии Дмитриевиче возвели первые два форта около Кронштадта непосредственно на мелях Финского залива.

Не только на море старался для отечества любимый инженер Петра, но и на реках. Идея канала, который спустя много лет был-таки построен и назван Каналом имени Москвы, принадлежит Корчмину. А вот Волго-Балтийский канал он сам и начал строить. Василию Дмитриевичу мы обязаны и появлением такого немногочисленного вида войск, как понтонные команды. Первая понтонерная рота подчинялась Корчмину.

Казалось бы, по меркам XVIII века, когда путь из Москвы в Петербург занимал несколько дней, времени у Корчмина на что-то еще оставаться не должно. Однако ж помимо государевых дел успевал Василий Дмитриевич и о себе подумать. С 1707 по 1719 год он организовал всяческие промышленные производства в западных губерниях страны. Видимо, они приносили приличный доход, раз собственный каменный дом в Петербурге майор лейб-гвардии Преображенского полка Корчмин смог поставить не где-нибудь, а между набережной Невы и Миллионной улицей. Центральнее некуда. Судя по всему, палаты простояли до 1732 года, когда на их месте начал строиться князь Черкасский.

Этот факт говорит о том, что единственное, на что у Корчмина времени в этом мире не хватило, так это на семью. Достоверных сведений о наследовании его домов в Петербурге и Москве, заводов под Брянском, Стародубом, Курском, вотчинных земель в Ивановской губернии не сохранилось. Есть свидетельство, что село Покровское на Вичужской земле, позже получившее название «Хреново», вплоть до 1753 года принадлежало некоему А. Корчмину. Но был ли это сын владевшего родовой вотчиной в Вичуге Василия Корчмина или всего лишь родственник – не ясно.

Корчмин ненадолго пережил своего государя. Сделавшись кавалером ордена Александра Невского в 1728 году, отдал Богу душу в следующем, 1729-м. Современники свидетельствовали – много курил.

Вернулся Василий Дмитриевич Корчмин к нам совсем недавно. И сразу – на Васильевский остров. Присел, забронзовевший, на родной орудийный лафет 24 мая 2003 года. С тех пор и курит там свою трубку. И улыбается чему-то хитро. 🍷

САМОЛЕТ ПО-МОЖАЙСКИ

МИХАИЛ БЫКОВ

Раньше спорили: взлетел или не взлетел. Теперь – время нюансов, деталей и сплошных дизелов-бемолей. Дискутируют на ином уровне: поднялся в воздух или подпрыгнул, завалился на крыло или наклонился на него же... Это я о неутихающих разговорах в узких кругах теоретиков-самолетолюбителей, посвященных теме первого аэроплана на земле. Кто ж его все-таки изобрел?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

21

марта 1825 года в городке Роченсальме Выборгской губернии (ныне город Котка в Финляндии) в семье помощника лоцман-капитана 24-го флотского экипажа лейтенанта Федора Можайского родился первенец – Александр.

Росла семья, у Александра появились два брата и две сестры. Рос в чинах отец – в 1831 году капитан-лейтенанта Можайского перевели в Архангельск, на Северный флот по-нынешнему. В 1835 году Александра первым отправили по стопам отца – учиться военно-морскому делу в Петербурге, в Морском кадетском корпусе. Надо заметить, что к тому времени корпусом уже восемь лет командовал адмирал Иван Крузенштерн. Понятно, что учебное дело в корпусе он поставил безупречно.

Из корпуса гардемарин Александр Можайский вышел, имея две специальности: собственно военного судоводителя и еще – проектировщика-корабеля. Попал на хорошо сохранившуюся в памяти Балтику. Ходил на фрегатах, потом, уже на Белом море, – на линейном корабле «Ингерманланд».

Белое – Балтийское... Сколько раз в первые семь лет службы судьба морского офицера переносила Можайского туда-обратно! Сколько парусников пришлось сменить по воле начальства!

В 1852 году лейтенант Можайский, отмеченный начальством как офицер, неординарно подготовленный в инженерном отношении, начинает службу на пароходе «Усердный». Для другого – эпизод, запись в формуляре, для Александра Фе-

доровича – поворотный момент. В течение года службы на «Усердном» он имеет возможность изучать паровой двигатель, что называется, в деле.

Большое приключение случилось спустя пару лет. Можайский оказался одним из первых русских офицеров, посетивших Японию. В 1853 году в Страну восходящего солнца отправился фрегат «Паллада» с официальной делегацией на борту, которую возглавлял Путятин. В состав делегации входил и прекрасный русский писатель Александр Гончаров.

Несчастья преследовали экспедицию постоянно. Выяснилось, что «Паллада» в плохом состоянии и требует замены. Из Кронштадта вышел фрегат «Диана», в составе экипажа которого и находился лейтенант Можайский.

Переговоры с японцами шли в восточном стиле: медленно и ни о чем. В итоге Путятин успел побывать даже на Филиппинах. Началась Восточная (Крымская) война. «Палладу» поставили на мертвый якорь, и она благополучно затонула в 1856 году. Но «Диана» пошла ко дну еще раньше. В самом конце 1854 года на Японию обрушилось... да-да, мощное землетрясение и следом – цунами. В городе Симода, где базировалась русская делегация, из 1000 домов уцелело 60. «Диану» повредило большой волной. При переходе в другую бухту на ремонт фрегат сгинул.

В итоге первый в истории договор с Японией Путятин подписал. Но как вернуться в Россию? Стали строить шхуну. Видимо, домой очень хотелось всему экипажу, так как «Хэду» построили в рекордные сроки. По чертежам Можайского, между прочим. Потом по оставленным чертежам японцы построили еще шесть таких шхун. Это были первые корабли на архипелаге, сделанные на европейский манер. И первый обмен инженерно-техническими знаниями с участием японцев. В самом конце 1855 года лейтенант Можайский успел зацепить Восточную войну. Крейсировал на бриге «Антенор» по Балтике. Не все опасности той войны концентрировались вокруг Севастополя.

В 1858 году морской офицер Можайский превращается в речного. И это еще повезло! Не все участники Хивинской во-

енной экспедиции видели воду тогда, когда того хотелось. Но Александр Федорович шел к Бухаре именно по воде – организовывал движение войск водным путем по Аму-Дарье.

А далее – вновь служба. На Балтике. Последние годы – командиром клипера «Всадник».

В 1863 году опытный морской офицер угодил под сокращение штатов. Так что нынешние беды офицеров Российской армии – отнюдь не ноу-хау министра Сердюкова. Кто теперь

разберет, может быть, «медвежью услугу» оказала командировка в 1860-м в Вологодскую губернию на предмет внедрения в Грязовецком уезде крестьянской реформы? Уж больно успешно справился с миссией кандидат мирового посредника военноморской офицер.

Статская жизнь складывалась нормально. Жалованье платили по гражданским ведомствам, а флотские чины тяжелели. В 1869 году Можайский, пусть и отставник, производится в капитаны I ранга. К этому времени мысль о летательном аппарате сидела в голове Александра Федоровича уже лет пятнадцать, не меньше.

А началось все с интереса к воздушным змеям. К слову, первый полет на этом экзотическом виде воздушного транспорта Можайский совершил в 1876 году, о чем свидетельствовал инженер Богословский. Значит, на десять лет раньше француза Майо! В том же году Можайский начал работы по созданию летательного аппарата тяжелее воздуха и построил первую летающую модель.

Говоря о Сергее Королеве, все повторяют: он начинал с нуля. Все приходилось придумывать из ничего. Так как прежде никакого «чего» не было. В аналогичном положении находился и Можайский. Все его открытия, связанные с изобретением самолета, кажущиеся нам сегодня само собой разумеющимися вещами, являлись плодом лобовых наблюдений за птицами, теоретических расчетов и свободной фантазии. Например, именно благодаря птицам Александр Федорович пришел к выводу, что аэроплан должен иметь неподвижное крыло. Казалось

бы, это же элементарно! Сейчас – да. А сто сорок лет назад?

Можайский первым сформулировал то, что и сегодня неизменно и – является самолетом: двигатель, крыло, фюзеляж, рули высоты, шасси. Все! Посмотрите на современные самолеты, что изменилось?

Наверное, нет смысла погружаться в специальный разговор. Тот факт, что сам Можайский был абсолютно уверен в верности своих расчетов и наблюдений, подтверждается следующим образом. Когда он подготовил полный пакет документов и смету на 19 тысяч рублей для постройки воздушного корабля, в Главном инженерном управлении Военного министерства ему отказали. И тогда Александр Федорович продал одно из имений, чтобы строить самолет на собственные деньги.

В 1881 году Можайский получил патент на изобретение. Удивительно, но еще тогда, за три десятилетия до начала использования авиации в военных целях и за двадцать лет до первого полета самолета братьев Райт, этот военно-морской офицер умудрился продумать такие дополнительные опции, как возможность посадки самолета на воду, бомбометание, спецприборы, необходимые только в авиации. Одного не хватило Можайскому – двигателя, способного обеспечить его конструкции необходимую для полноценного полета тягу. Это стало очевидно в июле 1882 года под Петербургом, в Красном Селе, когда собранный Александром Федоровичем первый на земле самолет с несколько двусмысленным названием «Жар-птица» впервые в истории человечества оторвался от земли.

Летчик-испытатель, он же механик и помощник Можайского, Голубев поднял однопонную машину в воздух, но через несколько метров коснулась земли и завалилась на крыло. Паровых двигателей общей мощностью 30 л.с. оказалось явно недостаточно.

Можайский оказался в замкнутом круге. Более мощные паровые движки – значит, больший вес. А двигателей внутреннего сгорания еще не было...

Парадокс, но относительный успех первого старта не открыл перед Александром Федоровичем дверей в инстанции. Скорее – наоборот. В том же июле 1882 года 57-летнего моряка произвели в генерал-майоры и уволили от службы по «домашним обстоятельствам».

Практически все деньги, вырученные от продажи имений, личных вещей, а также собранные среди заинтересованных лиц, среди которых был и генерал Скобелев, были потрачены на первый экземпляр самолета. Государство в помощи отказало окончательно, сделав, по примеру Германии, ставку на дирижабли и воздушные шары.

Но Можайский, не будучи в службе, произведенный в 1886 году почему-то в контр-адмиралы, продолжал работу. Однако ж второй самолет построить не успел. Умер 1 апреля 1890 года. В бедности и забвении.

Забыли и про его «Жар-птицу», брошенную в Красном Селе, позже перевезенную в одно из сел Вологодской губернии, где она, точно оправдывая свое название, и сгорела. Пропали чертежи и прочие архивы Можайского. Чуть не потерялась на Смоленском кладбище Питера его могила.

Вспомнили об изобретателе первого в мире самолета уже после Великой Отечественной. В 1955 году имя Можайского дали Ленинградской военно-воздушной инженерной академии. Ныне это – Военно-космическая академия. Вспомнили, как рассказывают выпускники старших поколений, скорее всего, потому, что власти вдруг всполошились по поводу имиджа вечно неграмотной и лапотной России. На ум пришел не только Можайский, но и паровоз братьев Черепановых, радио Попова, лампочки Лодыгина и Яблочкова. По-новому взглянули на Ломоносова, Лобачевского, Менделеева, Пирогова, Циолковского. Наступала эра физиков. К тому же лириков к тому времени почти не осталось.

Судя по тому, что сегодня даже в учебниках на русском языке первыми изобретателями самолетов безапелляционно объявляют американских братьев Райт, на самом деле осуществивших первый управляемый полет на самолете, эра физиков у нас снова закончилась.

Могила Можайского, правда, отыскивали. Она теперь в порядке. И бюст имеется. Генерация лириков восстанавливается? 🎭

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРОШЛОГО

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Время было такое, что задумываться приходилось над самыми основами бытия, а поделиться мыслью было нельзя: и невозможно, и небезопасно. Оставалось надеяться, что рукописи не горят, не пропадают и доходят до читателя.

Удивительно, что они в самом деле доходят. И ставят фундаментальные вопросы перед читателями иных времен, когда и в голову бы не пришло о них размышлять иначе как в рамках школьного сочинения: какое-нибудь

«Добро и зло в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» — сущий кошмар для старшеклассника, поди распусти эту цветную ткань, раздели на черное и белое.

Булгаков был родом из многодетной интеллигентной семьи; отец — профессор Киевской духовной академии, оба деда — священники. Можно было ожидать, что Михаил — старший ребенок в семье — пойдет по духовной части, но на рубеже XIX и XX веков многие священнические династии пресеклись. Так вышло и у Булгаковых. После гимназии Михаил выбрал медицинский факультет. У священников, врачей и писателей предмет профессионального интереса общий — человек. Но религиозностью юноша, в чьем доме по воскресеньям читали Евангелие, не отличался. Есть свидетельства, что он отговаривал друзей-семинаристов от поступления в духовную академию. О детстве Булгакова известно мало. Одноклассник и соученик по мединституту рассказывал Мариэтте Чудаковой, автору двухтомного «Жизнеописания Булгакова», что в гимназии Миша «был невероятный дразнилка, всем придумывал прозвища», участвовал во всех драках, хулиганил, держался несколько особняком и, когда гимназисты бузили в 1905 году,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не участвовал «ни в каких советах, митингах, собраниях». Он вообще не был революционером, напротив, консервативная семья воспитала его совершеннейшим монархистом. Ни двоечником, ни отличником не был, вообще, кажется, ничем не выделялся. Дома был обычным мальчишкой, выдумывал смешные глупости, устраивал спиритические сеансы; дом был открытый, в нем охотно встречали гостей, музицировали — вообще, ощущение гнезда, уютного дома было для Булгакова важно. Неустроенность быта его мучила, он всю жизнь тянулся к нормальной, домашней жизни. Потом уже, после долгих скитаний и безденежья, едва жизнь стала входить в колею, он сразу завел прюнелевые ботинки, носил дома клетчатую пижаму, купил мебель. Все это казалось его друзьям смешным и мелкобуржуазным — а он просто хотел быть дома.

ЮНЫЙ ВРАЧ

Детство кончилось в 1907 году: умер отец, страдавший склерозом почек (эта болезнь часто наследуется, и Булгаков не избежал ее). 16-летний Михаил остался старшим мужчиной в доме. Годом позже он встретил свою будущую жену, Татьяну Лаппа, приехавшую в Киев на каникулы из Саратова. Юная пара гуляла по Киеву – благо город, привольный, зеленый и живописный, к этому предрасполагал.

Студенчество его пришлось на времена университетских бунтов, от которых он оставался в стороне. Он начал писать, и первый рассказ был медицинским: об алкоголике, которого задушил явившийся ему в галлюцинации змей. Станным образом тут есть уже все темы позднего Булгакова: медицинская хроника безумия, алкогольная (наркотическая) зависимость, оживший кошмар, гигантская змея.

Любимая девушка была в Саратове, Михаил в Киеве; он стремился к Татьяне, не мог учиться, даже экзамены не стал сдавать, отложил на год. Поехал в Саратов, привез Татьяну, и опять они гуляли по Киеву и говорили, говорили... Мать Михаила просила повременить с браком, но они не послушались и обвенчались в 1913 году, торопливо – у невесты даже свадебного платья не было: деньги, которые отец прислал к свадьбе, ушли на оплату аборта. Жили беспечно: он давал уроки, ей присылал деньги отец; ходили в оперу, в кино, в кафе, а нет денег – и ладно, покупали дешевую колбасу... Летом ездили к родным жены в Саратов; там-то их и застала Первая мировая. В госпитале для прибывающих с фронта раненых (его устроила теща Булгакова) он работал до сентября, когда надо было возвращаться в университет.

В расписание студенческих занятий война внесла коррективы: врачей стали готовить ускоренно. Булгаков сдал экзамены по сокращенной программе и окончил университет в 1916 году. По этому случаю первый и единственный раз в жизни написал. Распределения не ожидал – сразу пошел в госпиталь Красного Креста. Госпиталь вскоре переехал в Черновицы, затем Булгакова вызвали в Москву, а оттуда отправили в Смоленскую губернию, в управление земских больниц. Новоиспеченный врач оказался единственным специа-

листом в крестьянской больнице. Принимал роды, оперировал, ампутировал, лечил детей; некоторые случаи описал в «Записках юного врача». Отсасывая дифтерийные пленки из горла больного, заразился дифтерией, ввел сыворотку – на нее, по-видимому, пошла аллергическая реакция: у него опухло лицо, появилась сыпь, все страшно чесалось, он не мог уснуть и попросил медсестру впрыснуть морфий. После пяти инъекций впал в зависимость.

Его перевели в Вязьму: теперь он заведовал двумя отделениями больницы. Появилось свободное время, Булгаков начал писать. За врачебной и писательской работой даже революция, прошумевшая в Петербурге, осталась незамеченной: до конца 1918 года, невзирая на смену власти, революционный хаос не коснулся Украины. Может быть, дело не в апатии и не в презрении к политике, а в усилившейся наркомании: Булгаков продолжал колоть себе морфий, мучился страхами и тоской, мучил жену. Она-то его и вытянула. Уехали в Москву, потом в Киев, на Украину, которая отламывалась от Российской империи, обретая самостоятельность.

НА ВОЙНЕ

Только здесь, в Киеве, Татьяне Николаевне удалось вытащить мужа из болезни: ему нужен был морфий, опий, что угодно. Внешне молодая пара была благополучна: он завел венерологический кабинет (разгул венерических болезней был чудовищный), купил медицинское оборудование... Днем прием, вечером гости, наедине – ужас: он впадал в ярость, требовал морфию, она подменяла раствор для инъекций водой, выдерживала его ломки. Им удалось почти невероятное: он освободился от зависимости. Ни один из его героев этого подвига не повторил: героя «Морфия» ждет безумие и гибель.

Война подходила все ближе, а врач оставаться в стороне от войны не мог. Гетман объявил мобилизацию в украинскую армию, к городу подошли петлюровцы, братья Булгаковы пошли защищать Киев – попытка героическая и совершенно безнадежная. О ней он потом написал в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных».

В январе Булгакова мобилизовали в армию Директории, пришедшей на смену гетману, – увели насильно, но он сбежал домой. За синежупанниками явились Советы и в апреле снова мобилизовали молодого доктора – отправляли в Москву бороться с сыпным тифом. Он, скорее всего, и тут улизнул; затем пришел атаман Григорьев, за ним вновь Красная армия, за Красной – Добровольческая, и вот тут Булгаков уже мобилизации не избежал. Его отправили во Владикавказ, в военный госпиталь, оттуда в Грозный, жена поехала с ним. В Грозном он начал печататься – это были публицистические газетные статьи, о которых он старался впоследствии не распространяться. Из Грозного его перебросили во Владикавказ, где он все так же работал врачом и печатался в газете.

В начале 1920 года он заболел тифом, который в ту зиму пожирал и фронт, и тыл. Пока лежал еле живой – белые ушли. Он пенял потом жене: почему не увезла? А ей врачи запретили везти, сказали: умрет по дороге.

ЖУРНАЛИСТ И ДОКТОР. БЫВШИЙ

Когда он пришел в себя, вокруг была советская власть. Пришлось искать работу при ней. Погоны он снял, профессию скрыл: факт службы в Белой армии, пусть и врачом, афишировать не стоило. Военного врача Булгакова больше не было. Появился человек без прошлого, журналист с естественно-научным образованием. Узнать в нем бывшего белого журналиста или доктора мог кто угодно – внезапные встречи были мощным двигателем трагических сюжетов не только в литературе тех лет, но и в жизни. Булгаков сначала заведовал литературной секцией в подотделе искусств Наробраза, потом стал выступать в русском театре с предваряющим спектакль рассказом, затем взялся заведовать театральной секцией и даже писать пьесы. Кончилось это безрадостно: из подотдела искусств его вычистили как белогвардейца – хорошо еще, не расстреляли. Отдел закрыли.

Во Владикавказе он написал несколько пьес, в том числе «Братьев Турбиных» – первое приближение к многолетней мучительной теме. Героям дал фамилию своей бабушки по матери. Пьесами можно было зарабатывать: театры очень хотели «современного материала», а автор хотел есть. Пьесы, написанные ради куска хлеба, литературными достоинствами не блистали, и Булгаков потом их сам уничтожил. Однако денег, выплаченных за последнюю, как раз хватило на отъезд из Владикавказа. Теперь он мечтал о Париже. Путь оказался длинным и извилистым: в Баку, потом в Тифлис, затем в Батум, где они с женой продали обручальные кольца – настолько нечего было есть. Жену отослал в Киев к родным, велел ехать в Москву и ждать от него известий, сам хотел уехать в Константинополь, да так и не смог. Мандельштам, с которым Булгаков познакомился в Батуме, посоветовал отправиться в Москву.

В МОСКВЕ

Первый год в Москве – он приехал туда в разгар голода, в 1921-м, – был бездомным и бесхлебным. У жены по дороге в Киев украли все вещи, да и сам он ничего не нашёл. Семья разбросало: у Татьяны два брата погибли, один пропал, о младших братьях Булгаковых ничего не было известно с 1919 года – первые вести о них пришли только в 1922-м, тревога о мамах, о бра-

тьях и сестрах, на которых теперь держится семья, мучила безвыходно.

Служить он пошел в Наркомпрос, к которому относился владикавказский подотдел искусств. Сообщил о себе скудные сведения: литератор, жил в Киеве и Москве, не воевал. Что делал до 1917 года? – был студентом. Литераторы под крылом Наркомпроса чем только не занимались! Главным образом политическим просвещением масс. Мариэтта Чудакова цитирует лозунг для борьбы с голодом, изготовленный Булгаковым в то время: «Ты знаешь, товарищ, про ужас голодный, // Горит ли огонь в твоей честной груди, // И если ты честен, то чем только можешь, // На помощь голодным приди». Такие стишки километрами кропали измученные «ужасом голодным» литераторы.

Булгаков перебрался в Москву осенью 1921 года, метался по редакциям, перехватывая пайки и гонорары (ЛИТО Наркомпроса, где служил Булгаков в начале московской жизни, вскоре закрылось, прогорел журнал, где он пытался работать). И он оказался в «Гудке», газете транспортников.

«Гудок» навеки обессмертил себя тем, что позволил не умереть с голоду Ильфу, Петрову, Олеше, Катаеву, Булгакову. Они, как говорило советское литературоведение, в «Гудке» сблизились с рабочей массой и прошли пролетарскую школу... старательно насилюя свой талант, придавая стихотворную и прозаическую форму жалобам рабкоров.

Все они не любили свою газетную поденщину, Булгаков – так откровенно ненавидел. Одесская компания состояла из людей молодых, холостых, связанных узами дружбы и родства; Булгаков был старше их и женат. Но с этой компанией сдружился; они бесконечно острили и подначивали друг друга, ему было нетрудно поддерживать этот тон: к тому предрасполагала и юношеская склонность к розыгрышам, и нерастратенный запас желчи, накопленной за годы становления советского государства с его благородными лозунгами, бессмысленным истреблением людей и бюрократией (именно о ней – фантазмагорическая «Дьяволиада»). Может быть, поэтому ведущим жанром для всех стала сатира, хотя пробовали они себя во всем: Олеша писал не только знаменитые стихотворные фельетоны под псевдонимом «Зубило», но и героические стихи к важным датам, Катаев строчил описи о международной политике (Булгаков от подобного предложения отказался – политика его совершенно не трогала).

Жить было негде, Булгаковых приютил у себя на Большой Садовой муж сестры Михаила, Надежды Афанасьевны. Это и радость была – все же крыша над головой, и проклятие: дом заселили типографскими рабочими, в соседях у Булгаковых

оказались пропойцы, лупившие своих жен и детей. В «нехо-рошей квартире» с потолка лило, жильцы пили самогон, и образы незабвенных соседей не раз запечатлелись в произ-ведениях писателя.

Он уже понял: уехать вряд ли удастся, власть эта надолго; надо жить при ней и не ждать, что обстоятельства перемене-ются к лучшему. Они понемногу менялись – уже можно стало жить не только пайками, но и зарабатывать деньги и поку-пать на них что-то. Появилась газета «Накануне» – издава-лась в Берлине, но охотно печатала писателей из Советской России; интеллигентские круги газету презирали, но она со-единяла писателя с читателем, потерянным за годы разрухи. Наладилась связь с зарубежьем, пришли вести от потеряв-шихся братьев, стала понемногу собираться разрушенная, разметенная культурная среда.

Он жалел, что не смог уехать. Но и сейчас, когда граница на недолгое время стала проницаемой, – не уехал.

Забрезжила надежда отстроить нормальную жизнь: жить в своем доме, держать книги, одеваться не в тряпье из рас-пределителя, нормально питаться, носить обувь по ноге. Все это было непросто: люди, знавшие Булгакова в те времена, вспоминали непостижимо безвкусные желтые ботинки (и те ему чудом достались) и легкое драповое пальто, в котором он ходил в самые жестокие морозы. «К 1923 году я возможность жить уже добыл», – писал Булгаков. Появилась и возмож-ность писать: он уже работал над «Белой гвардией» и «Запи-сками на манжетах». Родилась «Дьяволиада» – и на гонорар он купил мебель. Над мебелью, больше подходящей для дам-ского будуара, друзья посмеивались. А ему было не важно: мебель означала дом, уют. В жизнь стали возвращаться дру-зья, вечеринки, танцы, домашнее музицирование.

И в эту новую жизнь ворвалась и новая любовь: молодая, красивая Любовь Белосельская-Белозерская вытеснила преданную, любящую Татьяну Лаппа. Нерешенный квартир-ный вопрос терзал Булгакова: жить в одной квартире с быв-шей и новой женой невозможно. Ровно та же коллизия, что удивительно, возникла и тогда, когда он собрался уходить от Белосельской-Белозерской к третьей жене, Елене Сер-геевне Шиловской. Квартирный вопрос, который испортил москвичей, испортил и Булгакова, заставляя его страстно завидовать любому обладателю отдельной квартиры. Пожа-луй, профессор Преображенский, который живет и работает в большой квартире, – несбывшийся вариант булгаковской судьбы: собственный врачебный кабинет в ней промелькнул и быстро пропал в революционной неразберихе. И столкно-вение интеллигента с человеком из народа, малограмотным

и некультурным, доведенное до фантасти-ческих пределов в его прозе, происходило каждый день – и доводило до фантастиче-ских примеров его отчаяние и злость – луч-шие двигатели социального гротеска.

Но есть и другая сторона в его прозе: про-фессор в ней тоже оказывается небезупре-чен. Он вроде бы добро замышляет – ис-следует, двигает вперед науку, – а выходит безобразное зло: гады затевают поход на Москву, а добродушный пес, очеловечив-шись, орет мерзкие песни под балалайку.

ЗНАМЕНИТОСТЬ

1925 год – переломный в его биографии: Станиславский, прочитавший в журнале «Россия» начало «Белой гвардии», пригласил его к сотрудничеству. Так начался его «теа-тральный роман». Инсценировка «Белой гвардии» была готова очень скоро, вслед за ней появилась «Зойкина квартира», мос-ковские и ленинградские театры завалива-ли Булгакова предложениями – он чуть не в одночасье стал знаменитым драматургом. Рецензенты неистовствовали, обвинения в белогвардейщине и требования снять пье-су с репертуара сыпались одно за другим. Но пьесы шли, деньги капали, а вскоре и проклятый квартирный вопрос разрешил-ся: Булгаков с новой женой переселился в трехкомнатную квартиру на Большой Пиро-говской.

В жизни его в 20-х годах наметился один лейтмотив: дьявольская сделка – выжива-ние и даже ограниченная свобода в обмен на душу. Предлагали ему сравнительно не-винные вещи – за реальные и жизненно необходимые блага: поучаствуй в травле – и напечатают, напиши требуемое – и примут за своего... Похоже, несколько раз он вос-пользовался заключенным тогда контрак-том, после чего безжалостно отверг его. Но окончательно расторгнуть сделку можно было только собственной смертью – и Бул-гаков прибегнул к этому крайнему способу. Не стоит видеть здесь мистическую спеку-ляцию на биографии художника: Булгаков

не зря повторял, что он писатель по преимуществу мистиче-ский, и свою жизнь он воспринимал в том же ключе. В ка-ждой судьбе есть повторяющиеся мотивы: дело-то происхо-дит с одним человеком, мир всего лишь возвращает нам мяч, который мы ему бросаем. И к домыслу о контракте Булгакова с «некими силами» стоит отнестись серьезнее, чем к обычной метафоре.

В ТИСКАХ

Кажущееся благополучие длилось недолго: гайки начали закручиваться, цензура становилась злее, а пролетарская риторика – трескучее.

К 1929 году положение театра и литературы было почти катастрофическим: все живое и талантливое искоренялось, пока не осталось одно сплошное РАППство – пролетарская литература, вожди которой искренне убеждены, что писать надо как можно хуже, тогда новый класс поймет и оценит. Три пьесы Булгакова снимаются с репертуара: «Зойкина квартира» у Вахтанговцев, «Багровый остров» в Камерном у Таирова и мхатовская «Белая гвардия» («Дни Турбиных»), любимое отдохновение театральной Москвы от бесчисленных «Хлебов» и «Бронепоездов». Время отвердело, жалось – даже «Бег» с его очевидной антиэмигрантщиной запрещен. Булгаков чувствует себя уткой в смерзающей полынье. Он все чаще видит перед собой «улицу, кошмар и гибель» – и то, что он успел пережить все это в 20-е, дало ему в 30-х шанс вести себя достойно, без надежд и сожалений.

Он прогуливается в окрестностях Новодевичьего монастыря и носит с собой пистолет – на случай, если внезапная решимость пересилит. Он явно готовится к самоубийству. А потом, на одной из скамеек у пруда, неподалеку от нынешней Савиновской набережной, он замечает странного гражданина, разноглазого, корректного, холодного. Мы знаем об этой встрече лишь из разговоров Булгакова с Еленой Сергеевной годы спустя: кто-то явился и нечто предложил. Пистолет выбрасывается в пруд. А когда Булгаков возвращается домой, глупая, не читавшая ни одного его сочинения прислуга соседей вдруг говорит: «Трубная пьеса ваша пойдеть. Заработаете тыщу».

И через час Булгаков узнает из телефонного звонка, что «Турбины» вновь разрешены, что «автору возвращена огромная часть его жизни», что вся столица гудит о небывалом либерализме. В принципе и эту историю легко объяснить: звонили без него, прислуга взяла трубку, ничего не поняла и передала, как расслышала. Непостижимо другое: почему в разгар социалистического строительства Сталин разрешает «Турбины», почему говорит Хмелеву, играющему Алексея: «Мне даже усики ваши снятся»?! Сталин хочет монархии и видит в Булгакове образцового монархиста? Скорее всего, дело в ином: Булгаков, любивший силу и порядок, и сама эта сила, искавшая эстетического оформления, нашли друг дру-

га. Сталину нравился булгаковский черный юмор, Булгакову – сталинская неприязнь к модернизму и избыточной лести.

Что же было ему предложено и какой ценой? Вероятнее всего, в сделку входила и любовь, поскольку с Белосельской к этому времени все разладилось – и Булгаков находился в поиске. А уже в последние дни февраля 1929 года, на Масленицу, при обстоятельствах, точно изложенных в «Мастере», Булгаков встречает Елену Сергеевну Шиловскую, в девичестве Нюрнберг. Она пребывала во втором и не слишком удачном браке с высокопоставленным военным. Они встретились в гостях, и точен Булгаков в знаменитой фразе: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих одновременно». Несмотря на негодование Шиловского, на его требование прекратить встречи (и 15 месяцев – с 1931 по 1932-й – они действительно не делились), брак состоялся 4 октября 1932 года. Шиловский писал Булгакову: «То, что я делаю, я делаю не для вас, а для Елены Сергеевны». И если у Булгаковой сложились вполне дружеские отношения с бывшими женами нового мужа, то Шиловский категорически отказывался от любого общения с Булгаковым и неохотно встречался с бывшей женой, даром что старший сын от этого брака остался с ним.

Много спорят о знаменитом телефонном разговоре Булгакова со Сталиным, состоявшемся в мае 1930 года, вскоре после самоубийства Маяковского. Разговор, по словам Булгакова в письме к Вересаеву, был проведен «ясно, сильно, государственно и элегантно»; определения – одно другого комплиментарнее, и Сталину такое отношение не могло не понравиться. В силе его мало кто сомневался, но эlegantность – что-то новое. Здесь Булгакову в очередной раз предложен контракт (предложен, кстати, тонко) – и он опять принимает его и покупает десять лет свободной жизни и творчества. «Что, мы вам очень надоели? Может быть, отпустить вас за границу?» – «В последнее время я много думаю, Иосиф Виссарионович, может ли русский писатель жить вне России. И мне кажется – нет, не может». – «Я тоже так думаю». Этот разговор дает Булгакову должность второго режиссера во МХАТе, временно прекращает его травлю в прессе, а главное – дарит ему этически сомнительное, но иногда чрезвычайно плодотворное чувство государственной поддержки. Булгаков обращался к Сталину редко, в крайних случаях, но во всяком отчаянном положении он мог уповать на Сталина, и его просьбы время от времени удовлетворялись (скажем, он добился смягчения участи Николая Эрדмана). Существование Булгакова было полулегально, но этот твердый в убеждениях, благородный фрондер нравился Сталину больше «тонкошеих вождей», бездарных сторонников, преданных певцов. Булгако-

ва не выпускали за границу, снимали только что поставленные пьесы, не печатали книг, но когда Сталин громил литературу, Булгаков вместе с другими «попутчиками» оставался на свободе. Более того – низвергали булгаковских литературных врагов, тех, кто его травил с особенной яростью; и хотя сам Булгаков удерживался от злорадства, Елена Сергеевна в дневниках не могла отказать себе в этом удовольствии.

ПОПЫТКА ДИАЛОГА

В конце 30-х среди ужаса, в который ввержена страна, Булгакову предложен новый контракт – на этот раз МХАТом. Ему заказывают пьесу о юности вождя. И Булгаков пишет «Батум» – пьесу талантливую, суть которой сводится к пушкинским стансам 1826 года: это новая попытка диалога со Сталиным, отчетливый призыв актуализовать лучшие юношеские черты, которыми он наделен в булгаковском воображении. Булгаков рисует его гордым, остроумным, загадочным, смелым и гуманным не потому, что хочет подольститься, а потому, что хочет его таким видеть, призывает его стать тем Сосо, который выведен в «Батуме». Этот человек не станет упиваться вакханалией террора, сводить счеты – нет, ведь он столько натерпелся от царской власти, которая в «Батуме» наделена явными чертами советской. Ведь он сам сидел, сам бежал из ссылки – неужели он хочет теперь сослать и посадить всю лучшую часть страны, ее интеллектуальную элиту? Не то чтобы Сталин это почувствовал: он запретил спектакль по совершенно другим причинам, куда более прозаическим. Ему не нужно было напоминание о сомнительных моментах революционной юности – о кражах и сотрудничестве с охранкой, которого не отрицали и его соратники. Но не мог он не ощутить другого: Булгаков слишком явно намекал, что Сталин мог бы поменьше прибегать к террору. «Батум» – не то что разговор на равных, но попытка воспитывать и наставлять, чем в отношениях с властью всегда обязано заниматься искусство. Проблема в том, что с этой властью вообще не следовало бы вступать в диалог, но попробуйте объяснить это тем, кто при ней живет и надеется повлиять на ситуацию!

Отношения Булгакова и Сталина – серьезная тема (правильнее было бы говорить об «отношении Булгакова к Сталину», поскольку никакого равного интереса, конечно, не было). Александр Мирер в блестящей и глубокой книге «Этика Михаила Булгакова» наглядно показал, что образ Христа у Булгакова как бы раскладывается на две ипостаси – Иешуа и Пилат, добро и сила; Пилат в конце концов получает свет – в отличие от Мастера, заслужившего только покой, – и уходит по лунной дороге, беседуя с Иешуа. Прокуратор производит на Иешуа впечатление «человека весьма умного», но разговор их отказывается пред-

ставить и самое раскрепощенное воображение. Тем не менее для Булгакова особенно важна силовая, государственническая, даже имперская составляющая пилатовского образа: Пилат – представитель той самой империи, которая определила судьбу и нравы всей цивилизации. Для Булгакова Пилат – не копия, не вариация на тему Воланда. Воланд – «полезное зло». Пилат – «сильное добро». У него бывают минуты слабости, и не зря Иешуа говорит перед казнью,

что страшнейшим из человеческих пороков является трусость... Но когда Пилат намекает Аفرанию на необходимость расправы с Иудой, Булгаков откровенно любителю и Пилатом, и начальником тайной полиции Афранием. Булгаков отлично понимает, что добро делается из зла, и не зря его самые прилежные ученики Стругацкие часто повторяют эту мораль (сформулированную наиболее внятно Робертом Пенном Уорреном). Без силы не построишь ни порядка, ни счастья, и культ силы у Булгакова заметен. Но любить государство он хочет как равноправный, а не как подобо-страстный; он настаивает на праве сотрудничать, а не подчиняться. Именно Мастер прекращает муки Пилата криком: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!» Иное дело, что этот крик разрушает горы, которые отразили его, горы, отделяющие художника от героя; чтобы тебя услышали, надо прорваться через окружение. И не случайно в предсмертном бреду Сталин представал Булгакову «среди камней».

История запрещения «Батума» хорошо известна. Именно она убила Булгакова – после этого стресса он уже не оправился, и тот же склероз почек, от которого умер его отец, сгубил его за полгода. Похоже, за год до гибели Булгаков пересмотрел перспективы «контракта» – не предпринимал никаких попыток «навести мосты» и спасти пьесу, отгородился от МХАТа, бросил поденные заработки. Кажется, ему стали представляться сомнительными любые попытки научить, воспитать, договориться... Видимо, и гибель его, столь стремительная, была следствием внутреннего отказа соблюдать дальше условия сделки. Знаменитые слова «Никогда и ничего не просите, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут» следовало бы продолжить: «Но и тогда не берите». Позднейшие попытки редакции романа – а Булгаков диктовал правки до самой смерти – были, видимо, связаны с тайным стремлением подчеркнуть именно это: пользоваться помощью Воланда можно, но верить ему не следует. ❧

УБИТЫЕ ЗАЖИВО

МИХАИЛ БЫКОВ

Военная статистика – тема щекотливая и широко эксплуатируемая. Щекотливая – потому что раскопки на месте трагедии всегда кого-то смущают, а кого-то и возмущают. Актуальность же этой темы обусловлена интересами военных, политиков и досужих любопытствующих. Так что и слез, и гнева, и спекуляций хватает.

В канун 70-летия начала самой кровавой для нашей страны войны попробуем поговорить о военной статистике серьезно.

Есть на государственном телеканале один режиссер-документалист. Специализируется на истории войн. И вот однажды, в соответствующий день, канал «Россия» показал его фильм о последней русско-турецкой войне. Гранитным голосом, в котором отчетливо слышался плеск суровой волей сдерживаемых слез, наш документалист за кадром сообщил, что в той войне мы оставили на земле Болгарии тела полумиллиона наших солдат и офицеров. Миллионы соотечественников в этот момент, надо думать, вздрогнули от этой чудовищной правды войны. А вздрогнув, некоторые подумали: и кому это было надо? Другие начали размышлять о неблагодарных болгаро-натовцах. Третьи вспомнили, как ведут себя турки в Анталии...

Наивно полагать, что подобные фильмы кто-то смотрит, держа в руках том одного из самых сильных военных статистиков XX века, Бориса Урланиса, или сборник свежих исследований, скажем, генерала Кривошеева. И, едва заслышав цифры, бросается искать им подтверждение у специалистов. Принимают, скорее всего, на веру. Полмиллиона – значит, полмиллиона. В 1812 году 300 тысяч? Понятно все про Кутузова! В Первой мировой – 5–6 миллионов? Так тому и быть! И правильно Николашку скинули...

Так формируется странное представление, в котором две его части меж собой никак не стыкуются. С одной стороны, русский солдат – лучший на земле, русская армия овеяна

славой побед. С другой – наши ряды всегда были многочисленнее, чем вражеские, а потери на полях сражений – еще многочисленнее. Получается парадокс: победная армия, состоящая из лучших в мире солдат, использует один-единственный тактический прием – «забрасывает противника шапками», как неумно выразился в начале Восточной войны 1853–1856 годов командующий русской армией в Крыму князь Меншиков.

ОТКУДА СТОЛЬКО ШАПОК?

Мы, русские, привыкли ощущать себя большими. И физически, и географически, и демографически. Вполне объяснимое состояние. И думать о том, какими мы как страна были когда-то, совсем необязательно.

Первую полноценную перепись населения провел император Николай II в 1897 году. Поэтому с точностью до человека число подданных, скажем, великого князя Василия I, правившего Московией на стыке XIV и XV веков, установить невозможно. Но примерное число людей вычислить можно. По оценкам Вернадского, в конце XV столетия Русь населяло от 4 до 5 миллионов человек. Меньше, чем сегодня живет в Петербурге. Вряд ли в начале века их число было больше. В тот же период Литва и Польша, вместе взятые, располагали 3–4 миллионами подданных. Догадываетесь, зачем мне начало XV века понадобилось? 1410 год, Грюнвальдская битва!

Любекская хроника Дитмара сообщает, что в сражении тевтонским рыцарям Великого магистра Ульриха фон Юнгингена противостояла армия литовцев, поляков и русских числом 5 миллионов 100 тысяч человек! Магдебургская шеффенская хроника вторит: в битве погибло 630 тысяч воинов! Остается задаться вопросом: как мы, восточные славяне, сохранились-то?

Ну ладно, немцы, они никогда не стеснялись пропаганды в военных вопросах. Но почему и французские хроники врут напропалую? В хронике Монстрелэ в битве при Танненберге (так называют Грюнвальдское

сражение в Западной Европе. – **Прим. авт.**) вновь сошлось до миллиона воинов, потери обеих сторон исчисляются сотнями тысяч, в схватках 1410 года пачками гибнут коннетабли, короли, гроссмейстеры и адмиралы.

Вплоть до XX века войны в Европе велись профессиональными армиями. Но если в XIX веке население ведущих, а стало

быть, самых воинственных государств исчислялось десятками миллионов, что позволяло содержать крупные кадровые армии, то в Средние века у европейцев не было физической возможности для этого. У России – в том числе. Куликовская битва против туменов темника Мамай – это исключение из правил. Великому князю Московскому Дмитрию удалось собрать на Непрядве, по некоторым оценкам, более 100 тысяч человек только потому, что вместе с профессиональными дружинами навстречу ордынцам отправились ополченцы.

Куда типичнее выглядят сражения, данные великим князем Александром Невским шведам и ливонским рыцарям в северо-западном порубежье Руси. Многие любители военной истории скучнеют, когда узнают, что у Чудского озера в 1242 году встретились от силы два десятка тысяч русских, немцев и союзных им ливов. Но если добавить к этому, что все население Новгорода Великого в XIII веке составляло не более 30 тысяч человек, то все становится на свои места.

Интересно, что говорится о потерях ордена в Ледовом побоище. Они составили 400–600 рыцарей убитыми и 50–60 взятыми в плен. Убитых ливов никто, естественно, не считал. Тут, похоже, вдруг уже не западноевропейские, а наши источники. У Ливонского ордена отрядов столько рыцарей не было. Рыцарь в раннем Средневековье – это очень дорогостоящая и штучная боевая единица. Сопоставимая с танком времен Первой мировой войны. Вероятно, в победной горячке за погибших и плененных рыцарей посчитали всех ливонцев – оруженосцев, послушников, называемых в ордене «серыми», и других кнехтов.

В научной дисциплине «военная статистика», введенной, к слову, в число обязательных предметов Императорской военной академии по инициативе будущего военного министра России Дмитрия Милютин еще в середине XIX века, есть методики, по которым, зная количество потерь, можно вычислить и состав армий, вступивших в битву. Если принять за основу сообщение Псковской хроники о потерях ливонцев в 400 человек убитыми, то получается незадача. Чего ж это рыцарям бежать с поля боя на предательский лед озера, если в их составе 10–12 тысяч человек? В сражениях с использованием только холодного оружия проигравшая сторона традиционно несла куда большие потери. Ну никак не 4 процента!

Следуя логике, можно предположить, что число воинов с обеих сторон было меньше тех

чисел, что гуляют в историографии. Однако это нисколько не умаляет самой победы князя Александра. Ведь результат войны – это прежде всего достижение тех целей, ради которых воевали. Цели были достигнуты – ливонцы в русские земли больше не совались.

А жертвы? Что ж, чем их меньше, тем, конечно, лучше...

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Хорошо, древние хроники объективно не могли стать точными источниками военной статистики. Даже если представить, что хронист принципиально отвергал пропагандистские приемы и молился на свободу печати (то есть рукописи), трудно представить, откуда ему было взять чистые цифры, если в армиях никто этим не занимался.

Военная статистика как прикладное понятие возникла в XVIII веке. Впрочем, даже в этот период случались конфузы. Как-то французский маршал Вийяр диктовал реляцию, в которой сообщал о встрече с отрядом противника числом до 3 тысяч человек и победе над отрядом, в результате чего на поле боя осталось 4 тысячи трупов врага. Увлёкся маршал, случается!

В XVIII веке считали, правда, по большей части убитых и взятых в плен генералов и офицеров. По поводу нижних чинов задумались только в середине века XIX. Отчасти поэтому столько ереси написано вокруг потерь в Отечественную войну 1812 года. Хотя при тщательном анализе полковых формуляров, интендантских описей, рекрутских списков, хозяйственных балансов можно добраться до истины. Другое дело, что реки солдатской крови кому-то представляются наиболее убедительным доказательством проявления патриотизма.

Для того чтобы разобраться в предлагаемом ворохе цифр, стоит немного времени посвятить терминам военной статистики. Самое распространенное словосочетание – численность армии, а слово – потери. Оно и понятно.

Что касается численности войск, то тут проще. Есть действующая армия, в которой имеются строевые части и вспомогательные. Есть тыл, где формируются и доводятся до кондиции резервы, готовятся офицеры, работают главные штабы, интендантские и гарнизонные службы, медучреждения. Наконец, есть военные формирования, не включаемые в армию: внутренние войска (полиция и жандармерия), пограничники, партизаны. Поэтому когда говорят о том, что русскую границу летом 1812 года перешло более 640 тысяч солдат Великой армии Наполеона, это не надо воспринимать буквально. Не каждый из этих тысяч собирался и должен был воевать ружьем и саблей. В июне Неман форсиро-

вали 368 тысяч пехотинцев и 80,6 тысячи кавалеристов. Прислуга 1146 орудий входила в состав пехотных дивизий. В общей сложности – 449 тысяч человек.

В продолжение похода Наполеон затребовал дополнительные силы. В походе к нему присоединились 123,5 тысячи пехотинцев, 17,7 тысячи кавалеристов, отдельный корпус в 21,5 тысячи человек выдвинулся на осаду Риги. Как ни крути, получается 600 тысяч с мелочью. Где остальные? Остальные были тут, в рядах армии. Но были это – чиновники, повара, парикмахеры, конюхи, каретники... Итого – 25 тысяч душ!

Население империи, созданной Бонапартом, составляло к тому времени примерно 80 миллионов человек (без колоний). Россия могла похвастаться только 41 миллионом. Посему и состав армий, вышедших встречать французов, достигал максимум 220 тысяч человек. Это опять-таки не означает, что на западной границе оказалась вся русская армия. Формально в армии числилось около 600 тысяч, но в строевых сухопутных частях имелось не более 480 тысяч. Остальные входили в иррегулярные, гарнизонные и прочие вспомогательные части. Помимо армий Барклая и Багратиона готовились воевать армия генерала Тормасова на киевском направлении и армия адмирала Чичагова на Дунае, армия Витгенштейна, прикрывавшая Петербург, и Финляндский корпус. По поводу иррегулярных войск тоже надо быть осторожными. К ним относили помимо прочего и казачьи полки. А эти части воевать умели. Теперь попробуем разобраться с мрачными терминами. Ведь именно тут и происходит наибольшая путаница. Казалось бы, чего проще: военная потеря – значит, убит военный. Гражданская – выходит, мирный человек. А как быть с ранеными, пленными, пропавшими без вести, обмороженными, умершими от болезней и эпидемий, расстрелянными военно-полевыми судами, самоубийцами, отравленными, контужеными, инвалидами, вернувшимися в строй, как Кутузов или Маресьев? Как быть с партизанами, добровольцами, резидентами?

Профессионалы от военной статистики в большинстве придерживаются такой классификации. Военные потери – это потери среди солдат и офицеров всех родов войск, включая партизанские отряды, понесенные на фронте, в тылу, в резерве, в госпиталях, в отпуске. К военным потерям можно подходить с двух позиций: демографической и военно-опе-

ративной. Ведь в первом случае смерть солдата, например, от болезни – безусловная потеря. Но длительная болезнь и излечение с получением инвалидности в демографическом смысле означает продолжение жизни. А для армии – потеря в обоих случаях. Поэтому в армии в ходу термины «безвозвратные потери» и «временные». При этом обе категории могут относиться к боевым и небоевым потерям. То есть к потерям, понесенным непосредственно от военных событий, и к потерям, имеющим к боям косвенное, а то и весьма отстраненное отношение.

Подведем итог этой войне терминам.

Боевые безвозвратные потери – это убитые и умершие от ран на поле боя, пропавшие без вести, умершие на пути в госпиталь, в плену, от ран в лечебных учреждениях, от прочих боевых поражений и уволенные из армии по инвалидности от ран. Небоевые безвозвратные потери – это умершие от болезней (санитарные потери), от небоевых травм, вследствие суицида, уволенные из армии по болезни.

Временные боевые потери – это раненые, контуженные, обмороженные, обмороженные, уволенные в отпуск (запас) по ранению или контузии.

Временные небоевые потери – больные, уволенные в запас по болезни.

Вот тут и наступает тот щекотливый момент, с которого разговор и начался. А какая, собственно, разница, вернулся человек с войны инвалидом по ранению или по болезни? Что за дело до терминов матери, получившей известие, что сын ее погиб в бою или умер на марше?

Если говорить о человеческом личном горе – никакой. Но помимо личностного восприятия есть и другой уровень реакции. Правда о потерях во время войны позволяет точно оценить способность государства к защите, его умение правильно воспитывать солдат и учить офицеров. Его систему здравоохранения и медицинской реабилитации. Его экономическую мощь, позволяющую хорошо кормить, одевать и вооружать армию. Его международный авторитет и договороспособность, ориентируясь на которые противник определяет отношение к пленным солдатам.

ОТ БОРОДИНА К МУКДЕНУ

Яркий пример, подтверждающий необходимость верного использования терминов военной статистики при озвучивании всяческих цифр, – Бородинское сражение. Поклонники «кровавой истории» не преминут сослаться на цифры, выбитые на монументе, высящемся на батарее Раевского. Там написано, что русские потеряли в сражении 44 тысячи человек. Третью армии!

армейские и Гвардейский корпус находились в резерве, недостаток современных ружей-штурцеров ощущался только в полках крымской армии, но в нужном количестве они находились на интендантских складах у западной границы.

Принято также думать, что отсталая в связи с экономикой крепостного права Россия в принципе не могла противостоять передовой западной цивилизации. Однако почему-то

забывается, что Франция отменила рабство в колониях в... 1848 году, Англия в Индии – в 1861-м, Турция избавилась от этого государственного греха только в XX веке.

Вернемся к военной статистике, которая кое-что прояснит в этом вопросе. Если дипломаты проиграли войну, то армия свела ее к ничьей в Крыму, а на Кавказе попросту выиграла. Об этом говорят сводки потерь и особенно их структура. Общее число погибших – более 300 тысяч. Из них Россия потеряла убитыми, умершими от ран и болезней 153 тысячи. Коалиция – 156 тысяч. Боевые потери выглядят так: 51 тысяча русских против 44 тысяч противника. От болезней и эпидемий врагов умерло 112 тысяч против 102 тысяч наших солдат.

Ссылки на погоду тут не уместны. Крымский и кавказский климат больше подходит для англичан, французов и турок, чем для русских. Может быть, лучше сослаться на умение наших адмиралов и генералов Корнилова, Нахимова, Истомина, Тотлебена, Паскевича, Муравьева-Карского да вспомнить первый отряд сестер милосердия, сформированный в Петербурге по инициативе великой княгини Елены Павловны, и создателя военной хирургии Николая Пирогова?

Итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 годов сегодня также трактуются своеобразно. Цели войны состояли в том, чтобы помочь славянским народам Балкан избавиться от турецкого владычества. А вовсе не в том, чтобы отнять у Османской империи Босфор и Дарданеллы и занять Константинополь–Стамбул. По сердцу, так жаль, конечно. Но если подумать... Византия никогда не принадлежала России – раз. Выход России к Средиземному морю не поправился бы в Европе никому. Даже нашему тогдашнему союзнику, Германии. Это – два. Полноценного флота на Черном море у нас тогда не было. Это – три. Активно развивались события в Средней Азии, появились планы на Дальнем Востоке. Удержать все

А теперь обратимся к профессиональным исследованиям. Скажем, в Центральном военно-историческом архиве в ходу такие данные: пехота потеряла более 37 тысяч, кавалерия – 3,5 тысячи, артиллерия – около 2 тысяч. Если суммировать, все сходится. И обыкновенный человек думает, что именно столько человек «не вернулось с поля боя». Однако не вернулось куда меньше. Убитыми русская армия потеряла 9252 солдата, офицера и генерала, пропавшими без вести – 10 028. Из них – только 3 тысячи можно смело отнести к погибшим наверняка. Примерно так же обстоят дела и у французов. Общие потери – до 58 тысяч человек, но мертвых среди них едва ли более 15 тысяч.

Не менее иллюстративна и статистика, связанная с потерями Великой армии в ходе всей русской кампании. В виде вооруженных формирований пределы России умудрились покинуть до 40 тысяч солдат и офицеров. Но боевые потери составили примерно 371 тысячу. Остальные – плен, обморожения, голодная смерть.

Если учесть, что во время наполеоновских войн, мучивших Францию два десятка лет, только убитыми империя Наполеона потеряла 370 тысяч человек, а собственно Франция – 226 тысяч, то роль России в отношении амбиций Бонапарта сродни смиренной рубашке.

После Отечественной войны 1812 года Россия провела три крупных войны. Восточная (Крымская), Русско-турецкая 1877–1878 годов, Русско-японская. Во всех трех случаях, даже в победном – против Турции, – находится немало охотников доказать, что страна в который раз истекала кровью. Невольно мысль закрадывается: для них даже обидно как-то, что не истекла.

Итак, война – это результаты и жертвы. В Восточной войне Россия вновь оказалась в роли маленькой. Ее население составляло чуть более 70 миллионов, в то время как коалиция в составе Франции, Англии, Турции, Королевства Сардиния–Пьемонт могла рассчитывать на 100-миллионный контингент без учета колоний. Нелишне вспомнить, что шаталась в дипломатической потасовке Пруссия, а Австрия мобилизовалась для вступления в войну на стороне европейской бригады.

Есть дипломатический итог этой войны. Он не в пользу России. Хотя бы потому, что к началу переговоров коалиционная армия, затратив колоссальные усилия, добила только того, что взяла Севастополь и часть Крыма. Понесла при этом ощутимые потери в живой силе и денежных средствах. Россия, понятное дело, тоже напряглась прилично, но до исчерпания потенциала было ой как далеко. Лучшие

Но сейчас эта война неизвестна только нелюбопытным. Материалов по ней опубликовано достаточно, военная статистика начала XX века уже превратилась в науку.

Но мифы живучи, как тараканы. И первый из них – что Россия умылась кровью своих солдат, в отличие от союзников и даже противников.

Мы дважды своими ударами на нашем фронте помешали немцам взломать англо-французскую оборону на Марне и под Верденом. Мы полностью разрушили военную организацию Австро-Венгрии. А гибели при этом только русские? Опять миллионами?

При всей специфике подсчетов, связанной с тем, что Первая мировая на территории России, несмотря на «похабный» Брестский мир, перешла в войну Гражданскую, можно-таки добиться вразумительных и доказательных результатов.

Большинство современных ученых сходятся на том, что безвозвратные потери России в ПМВ составили 1 миллион 700 тысяч. А советский исследователь Борис Урланис и, что особенно важно, один из создателей русской военной истории, генерал-белоземigrant Николай Головин, склонны к числу 1 миллион 200 тысяч, а с учетом умерших от ран и отравления газами – 1 миллион 451 тысяча. Еще 360 тысяч солдат и офицеров составили небоевые безвозвратные потери. Это те, кто умер от болезней, в плену, от несчастных и нелепых случаев.

Политический и военный результат вновь расходятся. Уж очень сильно хотелось доказать, что именно военное поражение и горы трупов привели к недовольству основной массы населения страны и, как следствие, к свержению императора и октябрьскому перевороту. Но как можно назвать поражением то, что происходило на фронте до марта 1917 года?

Армия перевооружилась и переукомплектовалась. Готовилась к наступлению. Судьба Австро-Венгрии была предрешена, чего не скрывали и в самой Габсбургской империи. Да, воевать устали. А немцы не устали? Да, цели войны были не совсем ясны в окопах пехотных рот. Что, только в наших окопах? Бузили и германцы, и австрияки, и французы, и турки.

Армию заставили проиграть войну. И нет более страшной и неуправляемой силы, чем такая армия.

На чем зиждется моя уверенность? Опять-таки на цифрах. Не буду утомлять колонками

это под контролем было бы трудновато. Четыре. Наконец, в стране продолжались – и не всегда успешно – реформы, начатые Александром II в 60-е годы.

Итак, цели достигли. Какой ценой? Не было никаких «полумиллионов», оставленных на полях Болгарии. Было 15 567 убитых. Еще 7 тысяч умерших от ран. Да и откуда им было взяться, даже в случае если каждый турок имел по пулемету и стрелял как Рэмбо? Вся русская армия на балканском театре военных действий насчитывала народу меньше, чем документалист – трупов. Безвозвратные боевые потери турок несколько выше – около 30 тысяч. Но если общие русско-турецкие потери в той войне составили 190 тысяч человек, что стало с остальными? В основном они – жертвы эпидемий. Тиф косил солдат десятками тысяч. В русской армии от болезней умерли 82 тысячи человек. В турецкой – примерно 60 тысяч. По другим данным – до 90 тысяч.

Русско-японскую войну мы проиграли. Это факт. Потеряли флот. Лишились контроля над территориями в Китае, Маньчжурии и Корее. За год с лишним не провели ни одного крупного наступательного сражения, а все оборонительные проиграли. Сдали Порт-Артур, в чем не было особой нужды. И на старуху бывает проруха, как говорится.

Но есть несколько моментов, говорящих не в пользу военных управленцев и петербургских министров, а в пользу русских солдат и офицеров. За месяцы боев японская армия была фактически уничтожена. Чего не скажешь о русской. В войне принимали участие только сибирские части да сибирское же дальневосточное казачество. Кадровая армия, дислоцированная в европейской части России, даже не двинулась с места. А теперь и цифры. Русская армия потеряла убитыми 25 331 человека, умершими от ран – 6127, включая солдат и офицеров, умерших от ран в плену. Всего было ранено 146 тысяч. Японцы похоронили более 47 тысяч военнослужащих, убитых сразу, более 11 тысяч – не спасенных медиками, от ран. В целом ранеными Страна восходящего солнца потеряла 173 425 человек.

На флоте цифры сложились не в пользу России, но армейские и флотские величины – вещи несопоставимые по размерам. Наших погибло свыше 6 тысяч, японцев – около 2 тысяч.

ВЕЛИКАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Чем ближе к нашему времени, тем тема актуальнее. Великую, или Первую мировую, войну частенько называют неизвестной. Да, подробности военной катастрофы 1914–1918 годов в советское время не афишировали. Она была удобной ширмой для объяснения многих последовавших процессов, а детали могли заставить многих задаться ненужными вопросами.

чисел. Обращу внимание только на одну позицию. Россия мобилизовала более 15 миллионов человек, потеряла убитыми, умершими от ран и других причин 1 миллион 811 тысяч солдат и офицеров, пропустив вперед только Германию с 2 с лишним миллионами жертв. Но намного лучше выглядела по итогам войны с точки зрения перспективы. Безвозвратные военные потери на 1000 жителей составили 11 человек. Тогда как в Германии – 30, во Франции – 34, в Великобритании – 16, в Австро-Венгрии – 18, в Турции – 37.

Да, в плену оказалось внушительное число солдат. По оценкам Головина, ориентированного на данные Германии и Австрии, – примерно 2 миллиона 500 тысяч. Но и мы таким же образом лишили врага 2 миллионов бойцов.

Опять, скажете, шапки? Набравшая обороты военная промышленность, помноженная на боевой опыт и человеческий ресурс, – это не шапки. Это потенциал победы.

Домыслов и ошибок по поводу Великой Отечественной войны тоже хватает. Уж тут, казалось бы, какие проблемы? И при сталинском, и при гитлеровском режиме с арифметикой все было в порядке. Считать не только умели, но и любили. Да, на публику выносили искаженный материал, но в недрах архивов хранились истинные цифры. Самого себя чего обманывать?

А вот как на деле. Институт военной истории Минобороны РФ несет в массы официальную и вполне, кстати, доказательную информацию. Безвозвратные демографические потери Советской армии составили 9 миллионов 168 тысяч человек. Из них военнослужащих списочного состава – 8 миллионов 668 тысяч.

Но не Министерством обороны единым... Вот очередная доза новеньких данных из Всемирной паутины. Оказывается, есть при Всероссийском НИИ документоведения и архивного дела центральный автоматизированный банк данных (ЦБД) по безвозвратным потерям Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне. Автор сообщает, что «на 15 марта 1995 года в ЦБД внесено около 19 миллионов персональных записей о погибших, пропавших без вести, умерших в плену и от ран военнослужащих». Также оказывается, что для полного формирования банка нужно внести еще полмиллиона карточек. И тогда – все! 19 миллионов 500 тысяч солдат и офицеров – такой окажется плата за победу. Дальше автор

поет дифирамбы работникам ЦБД, утверждая с их слов, что более точной методики сегодня быть не может, и апеллируя к МО в том смысле, что негоже, господа-товарищи, скрывать правду. Однако ж никаких доказательств, ссылок, выкладок и описаний методик, которыми пользуется ЦБД, не приводится. А смотришь на цифру – и вновь задумываешься: как же мы до Берлина дошли? Тем более что скрупулезные немцы высчитали наконец свои истинные (на сегодня) потери – 4 миллиона 300 тысяч солдат и офицеров вермахта, Люфтваффе, рейхсфлота и СС. Правда, и тут хочется поспорить. Теперь уже с немцами. Если только на территории бывшего СССР уже зафиксировано свыше 3 миллионов захоронений немецких солдат, если присовокупить к ним убитых, умерших от ран и прочее на земле других государств и самой Германии, если прибавить погибших в плену, а также сотни тысяч убитых бойцов из стран-сателлитов, сколько получится? Убедительны в этом случае некоторые исследователи, говорящие о 5,5–6,3 миллиона человек.

Но если так, то умирает очередной «таракан»: миф о том, что мы телами русских солдат асфальтировали дорогу к немецкой столице. Наших погибло больше, бесспорно. Но не в разы. В худшем случае мы платили двумя солдатскими жизнями за одну вражескую. Не стоит в таком случае забывать, что в списки безвозвратных боевых потерь входят военнопленные. Сравните 400 тысяч немцев, погибших в советском плену, почти с 2 миллионами наших солдат, сгинувших в плену германском. По немецким оценкам, эта цифра даже выше в полтора раза. В этом случае боевые качества русского и немецкого солдата окажутся на одной доске. А в плену убивали безоружных.

События все дальше, а исследований все больше. Остается изучать предлагаемые расчеты и гипотезы и думать. И еще – стараться не обращать внимания на порталы, вроде «Центр содействия бизнесу «Петроград», которые предлагают таблицы такого рода. На одной общее количество потерь советского народа в Великой Отечественной войне – 29 миллионов человек. А на другой – общее количество погибших во Второй мировой войне во всех странах-участниках – 32 миллиона. Не завидую я организации, если ее специалисты и в бизнесе так считают. Впрочем, в бизнесе арифметические ошибки оцениваются потерянными деньгами. На войне все как-то иначе...

При подготовке текста использованы материалы из публикаций Н. Головина, М. Кожемякина, Г. Кривошеева, Б. Урланиса, М. Филимошина, а также материалы различных архивных организаций.

ГИМН КАВАЛЕРГАРДА

МИХАИЛ БЫКОВ

Про автора слов к нынешнему гимну России и гимну советских времен что-то слышал, думаю, каждый житель страны. Правда, сами слова в памяти как-то не задерживаются.

Музыкальный вечер
у Львова (квартет
М.Ю. Вильегорского).
Литография
П. Рорбаха.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сколько лет прошло, как на восстановленную советскую музыку Герой Соцтруда Сергей Владимирович Михалков положил новые стихотворные строчки, однако ж... Смотришь, например, на наших славных спортсменов-победителей при исполнении гимна и понимаешь: не всем дано стихи наизусть учить. Или в Государственной думе той же — далеко не все губами шевелят при исполнении. Я бы вообще лишил депутатского статуса тех избранников, которые не способны воспроизвести слова родного гимна от и до. Аналогичное предложение уместно и

в адрес членов Совета Федерации, а также членов всех других региональных, городских и муниципальных образований. И уж совсем страшно спрашивать, знают ли гимн наизусть в... Белом доме на Краснопресненской и на... Старой площади.

Судьба предыдущего, имперского гимна сложилась ровно наоборот. Слова знает большинство нынешнего населения державы, несмотря на то, что самой империи нет уже целый век без шести лет. Даже те, кто думает, что не знает, на самом деле — знают! Довольно подсказки: «Боже, царя храни!..» И тут же подхватят: «Славный, державный! Царствуй на славу, на славу нам!»

Вот, собственно, и вся премудрость.

С авторами музыки и слов к национальному гимну Российской империи, не в пример Михалкову, история обошлась куда более жестоко. Василия Андреевича Жу-

ковского еще помнят, но уже не читают. Да и помнят, скорее, как старшего друга великого Пушкина, который возвестил о смерти Александра Сергеевича в морозную зиму 1837 года. Композитору Алексею Федоровичу Львову и вовсе не повезло. Забыли... К слову, специально обратил внимание на один факт, ради чего пришлось еще раз приглядеться к кино-

фильму Эдмонда Кеосаяна про новые приключения неуловимых мстителей. Для 70-х годов боевик получился на славу. И гимн «Боже, царя храни!» там исполняют. А в титрах о Львове, равно как и о Жуковском, — ни слова.

Итак, Алексей Львов. Кем же он был, автор без всяких натяжек великой музыки, по которой в самых дальних уголках мира узнавали могучую Российскую империю?

Львов родился в 1798 году. Во многих источниках указывают, что в семье директора Императорской Придворной певческой капеллы, чем ненавязчиво намекают на некую predeterminedность судьбы. Но отец Алексея, Федор Петрович Львов, стал директором капеллы лишь весной 1826 года. К тому времени потомственный дворянин Московской губернии 27-летний Алексей Львов уже был уволен от службы по домашним обстоятельствам в чине майора. На груди сохраненного мундира сверкал орден Св. Владимира 4-й степени, а на пальцах — два бриллиантовых перстня. Не от любви к ювелирным излишествам — от щедрот государевых. И таким образом жаловал император Александр I особо отличившихся офицеров.

Значит ли вышесказанное, что отставной майор музыкой не интересовался вовсе? Отнюдь.

И Федор Петрович в свое время возглавил Императорскую капеллу не просто так, и Алексей Федорович музыку к гимну сочинил не с бухты-барахты.

Склонность к музицированию Львов-отец, и сам к этому процессу весьма склонный, заметил у Львова-сына лет эдак в семь. И наряду с домашними занятиями по обычным предметам, входившим для русского дворянина начала XIX века в обязательный список, Алексис осваивал музыкальное искусство под чутким руководством профессионалов: капельмейстера из Риги Кейзера, скрипача Лафона и других. Однако в 1814 году, достигнув 16 лет, Алексей Львов угодил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Это высшее учебное заведение и сейчас работает. В Петербурге, на углу Фонтанки и Московского проспекта.

Музыка музыкой, а служба службой. И Львов начал исправно к грядущей службе готовиться. Да так, что кончил институт первым учеником, и его фамилия была занесена на почетную доску. Осенью 1816 года Львов вышел в чине подпоручика в Корпус. Пути сообщения, которые в те годы не имели ничего общего с железной дорогой, Львов и занимался вплоть до 1826 года. По большей части на службе в военных поселениях, систему которых разработал и внедрил генерал граф Аракчеев. О самих военных поселениях сейчас, вероятно, не стоит, хотя скотство военный министр Александра I выдумал изрядное. Офицер-инженер Львов и сам вспоминал об этих годах жизни с очевидной тоской: «Во время работ молчание общее, на лицах страдание, горе... Я помню, что, проехав однажды в воскресенье верхом верст 15, не проехал ни одной деревни, где бы не слышал побоев и криков. Мы сами лишены были самого необходимого для жизни...» Но Львов служил толково, демонстрируя инженерные таланты, что заметил император. Посему и награды! И еще — скрипка. Скрипка, которую Алексей не оставлял и на день даже в самое тяжелое время.

Отставка не затянулась. Львов вернулся на службу в том же 1826 году, поздней осенью. Император Николай I определил инженера-путейца адъютантом в штаб корпуса... жандармов. К Бенкендорфу. Вопреки растиражированному в советское время штампу, Александр Христофорович был человек веселый, жизнелюбивый и благородный. И к радивым подчиненным относился со всей душой. Почти два года Львов прослужил у него верой и правдой фактически в секретарях. Правда, по собственной просьбе, к делам тайным, которыми ведал шеф жандармов и начальник III Отделения, допущен не был. В 1828 году грянула очередная русско-турецкая война. Вновь султан чего-то взволновался. И Львов, сопровождая Бенкендорфа, оказался самым что ни на есть боевым офицером. Принял участие в сражении под Шумлоу в Болгарии, осаждал и брал Варну. В столицу вернулся уже кавалером ордена Св. Анны 2-й степени.

Там, под Варной, Львов окончательно приглянулся государю и оказался по окончании войны снова в секретарях, но теперь уже – при Его Величестве.

Во время многочисленных поездок Львову довелось хорошо узнать Николая Павловича. А самого императора три года смущал один вопрос: в его свите в подавляющем большинстве офицеры элитных гвардейских полков.

И – инженер! В 1833 году Львова переводят в Кавалергардский полк в чине ротмистра лейб-гвардии.

Этот год оказался для Алексея Федоровича знаменательным и по другой причине. Очередной визит за рубеж привел русско-го царя к грустному наблюдению. Во Франции, Австрии и Англии национальные гимны есть. А в России – нет! Царь знал, что Львов изрядный музыкант и композитор. Как следствие, именно ротмистру сообщили о том, что государь сожалеет об отсутствии гимна. Любой другой пусть себе сожалеет, а после приглашает какого-нибудь профессионального композитора. Но тут – особый случай: сожаление императора о чем-то – это приказ кому-то.

С музыкальным заданием Львов справился за два с лишним месяца. И тут же доложили царю – можно слушать! Первое исполнение состоялось 5 декабря 1833 года. Играли военный оркестр и оркестр деревянных инструментов, пел большой хор. Царь надолго задержался в певческой капелле, слушал будущий гимн и так, и этак, а закончил прослушивание фразой: «Это великолепно!» В течение месяца с гимном познакомили жителей Москвы и Петербурга, а также личный состав гвардии, армии и флота. В Первопрестольной гимн исполнили в Большом театре при аншлаге, в столице – в залах Зимнего дворца при всем дворе.

С этого момента Львов вошел в домашний круг царской семьи. Тому способствовало и назначение флигель-адъютантом, и любовь императрицы Александры Федоровны к фортепиано, и плац-парадная страсть самого Николая Павловича к трубе. Играли обычно квинтетом, присоединялся

Вильегорский (виолончель) и граф Апраксин (контрабас). Львов оставался верен скрипке.

После смерти отца, к этому времени уже десять лет как управлявшегося с хлопотным хозяйством Императорской капеллы, гвардейский полковник Алексей Федорович Львов принимает его дело и должность директора. Стоит сказать, что капельмейстером Придворной капеллы был в то время не кто иной, как Михаил Иванович Глинка. Судя по всему, Львов и Глинка спелись. В смысле – сработались.

Позже за границей Алексей Федорович познакомился с Мендельсоном и Листом, и, судя по воспоминаниям, великие европейские музыканты приняли русского директора капеллы за своего.

В 1843 году с Львовым произошло несчастье. 45-летний генерал-майор упал с лошади и сильно ударился. Одним из последствий травмы стала прогрессирующая глухота. Заниматься светской музыкой стало трудно, и Алексей Федорович сконцентрировался на военной. Благо в его полку, Кавалергардском, был один из лучших военных оркестров Европы. Тем не менее ни Николай, ни вступивший на трон его сын Александр с удалением Львова с поста директора Придворной капеллы не торопились. Указ на сей счет подписан был только в 1861 году, когда Львову уже шел седьмой десяток. Слух покинул композитора и по совместительству обер-гофмейстера и сенатора в 1863 году. И тогда Львов отошел от всех дел и уехал в деревню. Благо заработал он их на царской службе предостаточно. Автор русского национального гимна ушел из жизни в самом конце 1870 года. Начиная с 1848-го на родовом гербе Львовых девиз – «Боже, царя храни!». Так Николай I распорядился.

Будете в Петербурге – значит, почти наверняка окажетесь на Дворцовой площади. Рядом – река Мойка. Через нее широкий мост. Настолько широкий, что на мост вовсе не похож. На том берегу – архитектурно-ажурное, тонкое, как пальцы пианиста, здание. Это и есть Петербургская капелла. Та самая – Императорская певческая. Потому и мост называется Певческим. Несколько левее – Мойка, 12. С балкона этого дома мир узнал о смерти Пушкина. Устами Жуковского. Да-да, того самого. Остановитесь на Певческом, поклонитесь им всем. 🎻

ТИХИЙ ОМУТ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

О нем много лет только и помнили, что он «Смертяшкин», как его припечатал Горький, известный жизнелюбец. А Сологуб жизнь не любил, звал ее «бабищей дебелой». Он всю жизнь любил Смерть – тихую, печальную, дающую отдохновение. И когда о нем вспомнили, оказалось, что загадочный, наглухо застегнутый старик Смертяшкин – и мудр, и нежен, и язвителен, и точен...

Ф.К. Сологуб
(1863–1927)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И что-то такое важное понимает – и про жизнь, и про смерть, и про мыкающегося через одну к другой человека. Такое, правда, понимает, чего и знать-то про нее совсем не хочется.

В поле не видно ни зги.

Кто-то зовет: «Помоги!»

Что я могу?

Сам я и беден и мал,

Сам я смертельно устал,

Как помогу?

Эти строки – одни из первых – залетели в перестройку в какой-то из многочисленных, торопливо собранных первых сборников Серебряного века и проткнули насквозь своей голой простотой – среди олуненных аллей, вакханок с тирсами и прочих украшательств этой пышной эпохи. Тем и запомнился Сологуб – горькой безнадежностью и нежным шепотом о мечте: «Звезда Маир сияет надо мною, // Звезда Маир, // И озарен прекрасною звездю // Далекий мир»...

Он никогда не хотел ничего о себе рассказывать, боялся писать дневники: вдруг прочитают (прочитали – ужаснулись). Сжег интимные стихи (оставшиеся – коробят), ничего о себе не рассказывал, не давал интервью, не публиковал своей биографии: кому, мол, она интересна? Вообще вел себя по тючевскому завету – молчал, скрывался и таил. Но при этом рассказывал о себе в прозе и стихах самое главное и сокровенное. Собеседнику – ни за что, а читателю – самый свой болезненный опыт выкладывал как на духу, только преломленный и опосредованный.

ТОЛЬКО ПОЛЬЗА

На психологическом жаргоне таких людей называют «травматиками». И жизнь, и творчество Сологуба сформированы хронической психической травмой.

Отец его, Кузьма Афанасьевич Тетерников, был незаконным сыном барина и крестьянки, человеком добрым и хорошим, однако доброты его сын Федя видел мало: отец умер от чахотки, когда ребенку было всего четыре года. Смерть его Федя переживал мучитель-

но. Мама, Татьяна Семеновна, работала прислугой в семье вдовы коллежского асессора Агаповой. Она боялась, что сын пойдет по кривой дорожке, как многие вокруг, в том числе и ближайшие ее родственники, которые, кажется, только и делали, что пьянствовали и дрались. Она очень хотела воспитать Федю и его сестру Олю правильно. Но как это сделать – она не зна-

ла, а потому, как многие благонамеренные родители той поры, уповала на волшебную воспитующую силу розги. Федю били, секли и ставили на колени за всякую провинность. А мальчик был вдумчивый, склонный к рефлексии, самокопанию, так что вскоре он вполне проникся осознанием своей глубокой греховности и испорченности. Раз наказывают – значит, заслужил, значит, это ему нужно. Он еще и в пояс кланялся матери, благодаря за науку, и на всю жизнь остался исполосован душевно и телесно этой наукой перепуганной, злобной любви.

Старуха Агапова, в доме которой он рос, была его крестной, он звал ее бабушкой. Вроде бы это был его шанс прорваться к культуре, книгам, театру – в семье была библиотека, его брали в театр, там он впервые услышал пение Аделины Патти и, кажется, до конца своих дней вспоминал его как редкое чудо. Но семья была дикая, обывательская, утопающая в семейных скандалах – от бабушкиного темперамента мальчик натерпелся не меньше, чем от материнского, и ее мучительное умирание отметил стихами: «Как дух отчаянья и зла, ты над душой моей стояла»...

Он старательно выгораживал себе пространство, в котором можно было жить и дышать, – пространство книжное, поэтичное, музыкальное. Запретное, тайное, его собственное, куда не допускался никто. Стихи он писал с 12 лет. Читал много, и, конечно, в этой изувеченной с детства душе не могли не оставить глубокого следа тяжело созвучный ей Достоевский и изнывающая, изматывающая некрасовская поэзия – прорыв из ежедневной мерзости в гармонию острой, очищенной тоски.

Бабушка уговорила мать отдать Федю в учение. Он учился сначала в Рождественском городском училище, затем в Учительском институте. На медицинском осмотре при поступлении в институт 16-летнему Феде было стыдно обнажаться: на теле сохранились следы порки. Мать и бабушка дружно просили директора сечь их мальчика и вытребовали, чтобы он ходил босиком – ради смирения. Когда не ходил босой – били.

В институте он вел себя тихо, получал высокие баллы по языку и литературе, сторо-

нился товарищей, не принимал участия в их веселье. Обычно бывал замкнут, одинок и погружен в свои мысли. Четыре институтских года стали для него хорошей литературной школой: он много переводил (Шекспира, Гейне, Гёте; пытался делать стихотворные переложения исландской «Эдды», польской и венгерской поэзии). Задумал и начал писать масштабный роман «Ночные росы» – семейную сагу, охватывающую три поколения; романа не закончил, но, по крайней мере, многому научился.

Институт не давал высшего образования: изучаемые дисциплины, за исключением педагогики, были в нем школьными и включали даже чистописание. Выпускники имели право преподавать только в народных училищах. После выпуска Федор Тетерников направился учительствовать в провинцию и несколько лет работал в небольших городках северных губерний. Начал с Крестцов. Мать и сестра поехали с ним. В Крестцах ему было тошно и скучно: и жить в городе, где и поговорить-то не с кем, и учить детей – голодных, битых дома смертным боем и совершенно равнодушных к школьной науке. С молодым пылом он предлагал проекты преобразований, которые только ссорили его с начальством, отказывался подчиняться приказам, которые расценивал как неправомочные, не желал учиться науке отношений, которые устанавливаются шепотом, намеками, понимающими улыбками и подношениями, и в полной мере проявил юношескую категоричность и неуживчивый нрав. Он просил институтское начальство о переводе в другое место, хлопотами наставников, которые сохраняли дружеское отношение к своему выпускнику, его дважды переводили в другой город.

А дома ждала мать с розгой. Он учительствовал и кормил семью, а она продолжала его лупить за всякую ерунду: «Иль слово молвил слишком смело, иль слишком долго прогулял, иль вымыл пол не слишком бело, или копейку потерял, или замешкал с самоваром, иль сахар позабыл подать, иль подал самовар с угаром, иль шарик хлебный начал мять...» В это поверить невозможно: в стихах о «жутких лупках» упоминается Вытегра, где он работал в 1889–1892 годах; родился в 1863-м, то есть мать продолжала лупцевать 26–29-летнего сына! Кажется,

никого из русских литераторов не били так долго, так последовательно, так ежедневно – какая психика могла это выдерживать? Битье въелось в его душу, его мозг, его плоть. Маргарита Павлова пишет в своей монографии «Писатель-инспектор. Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников»: «О сечении розгами он продолжал писать всю жизнь. За рамками цикла («Из дневника», где описаны эти ежедневные пытки. – **Прим. авт.**)... обнаруживаются сотни текстов садомазохистского содержания».

Сестра, Ольга Кузьминична, уехав из дома учиться, писала брату, что ему от розог «только польза».

Битый учитель, в свою очередь, охотно лупил своих учеников. Нормальная русская жизнь, канун XX века.

СИСТЕМА КООРДИНАТ

Не свихнуться от этого всего можно было только одним способом: читать, учиться, думать. И он учился: годы провинциального учительства и одинокого чтения заменили ему высшее образование – философия, религия, языки... Он продолжал переводить, писать стихи, начал печататься. Он задумывался о смерти, влекущей и пугающей, и посмертном существовании – большинство его набросков, стихов, произведений так или иначе устремлено к теме смерти. И многие – стыдные, болезненные, сладострастные – полные прозрачных или полупрозрачных намеков на инцесты, гомосексуализм, педофилию... Остро переживаемое, позорное наслаждение, страдание и боль, подменяющие собой любовь и радость – и становящиеся любовью и радостью, – и смерть, последнее наказание – смерть, которая все покрывает, все искупает, все очищает. Кто-то убивает другого, кто-то убивает себя, кто-то умирает, замученный жизнью... Безумие, порок, тоска и въедливое самокопание – таков художественный мир молодого Сологуба, в этой системе координат мечется его мысль. И всякая его попытка написать реалистический рассказ или роман упирается в извращения и вывихи, в подавленные влечения, в стыд, тоску и смерть. Многие писали, что из него мог бы выйти Чехов, но Чехова меньше били.

Зато из него вышел декадент. Мир классической русской литературы – при всех его свинцовых мерзостях – был все-таки нормативен, и кошмарный опыт Федора Тетерникова, который рвался на бумагу, в этом нормативном мире был невообра-

зим, непредставим, непечатен – вовсе невозможен. Но он был возможен и востребован в рамках новой эстетики, которой ни за что не стыдно, кроме собственной бездарности, и ничто не страшно, кроме повседневной бытовой тоски – эстетики старого мира, который все равно обречен.

СМЕРТЕНЫШИ

В 1892 году Федор Тетерников с матерью и сестрой переехал в Петербург. Он продолжил службу в народных училищах и вскоре стал в одном из них инспектором. Преподавал математику и физику. Ученики его любили. Некоторые вспоминали потом, что собирались у него дома – и если в школе он был сух и обращался на «вы», то дома переходил на дружеское «ты» и был не так формален; Федор Кузьмич учил их играть в шахматы, беседовал о чем-то интересном...

В Петербурге Тетерников уже мог лично общаться с литераторами и сотрудниками журналов, в течение нескольких лет сложился его литературный круг. Появились друзья и единомышленники, обнаружились дружественные редакции, в первую очередь, конечно, «Северный вестник», где ему и придумали вместо непоэтичного Тетерникова аристократичного Сологуба, без второй «л», чтобы не путать с известным графом. В «Северном вестнике» вышел роман «Тяжелые сны», изданный цензурой и варварским редактированием, встреченный дружным, ехидным недоумением критики: что за декадентский бред? И в самом деле: вместо привычного обличительного романа о нравах захолустья читателю подсунули философский трактат о том, что жизнь есть сон, человек зол и полон скверны, а смысла жизни нет.

Не меньше удивили читателя и рассказы Сологуба о детях («Тени» и «Жало смерти»), из-

данные вслед за романом. Довольно сказать, что все дети в них умирают тем или иным, более или менее мучительным способом. И сквозь авторскую жалость и любование детьми – иными, чем люди вокруг, ангельски устроенными – проступает не только вопрос «в чем смысл жизни?» и ответ «в том,

чтобы умереть», но еще и больной подтекст. У Маяковского потом хватило храбрости брякнуть для красного словца: «я люблю смотреть, как умирают дети», хотя и не любил, только брякнул. А Сологуб ничего не провозглашал, но смотрел не отрываясь.

Ребенок, как говорят юнгианцы, это наша собственная анима, душа. Сологубовская душа – тихая, надломленная, бледная и глазастая, замученная до немоты, напряженно вглядывающаяся в тени на стене и вслушивающаяся в звуки звезд, не находящая на земле ни места, ни смысла. Смысл, может, и есть где-то там, среди звезд... а скорей всего – и там нет. А если что и есть, то только покой. Эти призрачные, жуткие проекции его души появлялись у него там и тут – то «тихими мальчиками», то совсем уж невыносимыми «смертенышами», детками смерти: «Исхудалые от недоедания, беленькие, боязливые. И некрасивые, и с такими же внимательными глазами, такие же милые, как она, моя милая, моя белая смерть»... А сам он был холодный, надменный, наглухо застегнутый, рано состарившийся человек с большой неприятной бородавкой на щеке, замкнутый и молчаливый до незаметности; строгий, отчужденный, часто язвительный. Он говорил в старости, что, если бы начинал все сначала, стал бы математиком – математика тоже немножко смерть: логичная, прямая и прекрасная, она не делает больно, не мучит, не предает, как люди, не требует подлостей. Будни его состояли из преподавания и педсоветов с вечными школьными вопросами детской дисциплины и ремонта.

Мать Федора Кузьмича умерла вскоре после переезда в Петербург, и если верить его стихам, то он, не умевший уже обходиться без наказания, без того облегчения, просветления, которое приносили боль, слезы, примирение и искупление вины, сам отдал роль карающей наставницы своей младшей сестре. Еще и не скажешь, что хуже: жуткий образ сестры с розгой в его многочисленных стихах о порке или усталая смерть с голодными смертенышами и отравленным стилетом в руке... как-то они сливаются, пожалуй.

Он жил с сестрой в такой же смертельно-белой и чистой, холодной казенной квартире при училище на Васильевском, принимал гостей – поговорить о литературе, многие с удовольствием вспоминали эти посиделки... А один из них, символист Чулков, ужаснулся, глядя на пожилую девицу, акушерку Ольгу Кузьмичну – да это же недотыкомка, вот она, страшная, никакая...

ВЫСОКА ЛУНА ГОСПОДНЯ

«Мелкий бес», откуда и взялась юркая, безликая недотыкомка, бесконечно смущавшая героя, принес Сологубу настоящую славу. Образ бездарного и жестокого педагога Передонова, сходящего с ума от злобы и нелюбви, оказался неожиданно верным портретом: читатели с ужасом узнавали в маленьком провинциальном городке всю Россию – затхлую, жестокую, бессмысленную, а в Передонове – целое поколение, тонущее в отвращении и бессильной злобе. «Мы все теперь такие – утратившие не смысл, а красоту жизни», – писал Корней Чуковский о Передонове. Роман, задуманный еще в годы провинциального учительства, написанный на жизненном материале (известны реальные прототипы почти всех главных героев), стал не столько социальным обличением, сколько метафизическим обобщением: это не «мертвые души», как у Гоголя, а оскотинившиеся, обесмыслившиеся, обезобразившиеся – будто всю Россию накрыло дождем осколков дьявольского зеркала из «Снежной королевы».

«Мелкий бес» тяжело шел в печать: журналы не хотели публиковать этот странный роман, где все друг друга мучают. Взятая за дело журнал «Вопросы жизни», но закрылся, незаконченную публикацию не заметили. Наконец он вышел в 1907 году – вышел и грянул. И появился какой-то новый Сологуб.

Его сестра Ольга умерла – и он очень горевал по ней. Он ушел из училища по выслуге лет: отработал четверть века. В 1908-м женился на переводчице Анастасии Чеботаревской, которую встретил тремя годами ранее. Союз этот многим казался странным, а салон в их новом жилище на Разъезжей – уютным, бестолковым, непохожим на прежние неторопливые, умные сборища. Жена любила Сологуба, жила его интереса-

ми, ценила и понимала его книги – и при этом, как часто бывает у преданных жен, разделяла и его предрассудки, и опасения, что кругом враги и всяк норовит подгадить. А врагами колючий и неприятный Сологуб обзаводился с необыкновенной легкостью.

То, что он писал после «Мелкого беса» – пьесы, роман «Творимая легенда», стихи, – все вызывало споры, но не такой горячий отклик, как «Мелкий бес». «Творимой легенды» читатели, кажется, толком и не поняли, а наступившие новые времена смахнули с читательского стола и книги, и проблемы, которые поднимал Сологуб: теперь многим предстояло знакомиться с садистской ухмылкой бабищи-жизни не по книгам его, а на собственной шкуре, и чужой опыт тут мало помогал. И трудно сказать, стали ли кому-то утешением или наркозом его тихие смертные видения, его прозрачные, нежные мечты о земле Ойле, плывущей в эфире, легче ли кому-то стало выливать свою собачью, нечеловеческую тоску в холодных и страшных стихах:

Под холодной луною

Я одна.

Нет, невмочь мне, – я завою

У окна.

Высока луна Господня,

Высока.

Грусть томит меня сегодня

И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте

Тишину.

Сестры, сестры! войте, лайте

На луну!

Великая война сначала воодушевила его, затем разочаровала. Февральской революции он обрадовался, Октябрьскую не принял – возненавидел сразу и навсегда. Хотел уехать с женой за границу, но им долго не давали паспортов, народившаяся советская бюрократия мордовала не хуже недотыкомки. Чеботаревская, и так душевно нестабильная, в марте 1921 года утопилась возле Тучкова моста. Сологуб ее искал, сходя с ума от беспокойства и тоски, а затем нашли ее труп. Без нее ему ничего уже не надо было,

он и за границу раздумал ехать. Написал цикл стихов «Анастасия» – плач о жене, о стране, о рухнувшем мире:

По цветам, в раю цветущим,

Влагу росную несущим,

Ты идешь, светла, легка,

Стебельков не пригибая,

Ясных рос не отряхая,

Мне близка и далека.

...

И что же ты, моя Россия?

И что же о тебе мечты?

Куда ушла Анастасия,

Туда обрушилась и ты.

...

Он еще написал роман «Заклинательница змей», переводил Верлена, отпраздновал 40-летие творческой деятельности. Привел в невообразимо идеальный порядок свои бумаги, даже стихи свои «регистировал», раскладывал по ящичкам – мечта архивиста! Еще что-то писал, но уже никому не был интересен как пережиток прошлого. Эпоха кончалась, русская литература доживала последние дни, уступая место организованной, суррогатной, советской, – они и кончились где-то вместе, в 1927 году.

Страшный Передонов, стихи, полные пронзительной, лунной тоски, исковерканная жизнь... Как-то даже не думается о поэтическом совершенстве и разнообразии его стихов, и не хочется даже предаваться умозрительным спекуляциям о том, стал ли бы он хорошим поэтом, нашел бы отклик у читателя, вписался ли бы так органично в свое время, будь менее искалечен и более счастлив.

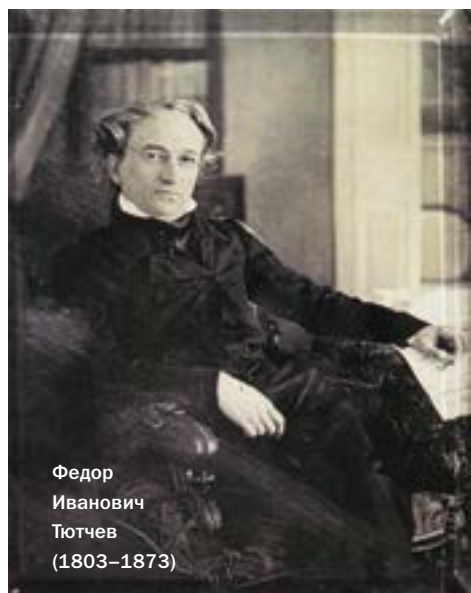
Да пропади бы оно все пропадом – вместе с хорошими стихами и гениальным романом: нельзя так с людьми, невозможно, невообразимо, никакая литература не стоит такой душевной изувеченности, – так не вернуть же ничего, не отыграть, не уgomонить маменьку, методично секущую сына в полной уверенности, что растит его человеком.

И некоторые из праправнуков того поколения поучают прапраправнуков ремнем, и все катится, катится по России недотыкомка, – маленькая, юркая, неуловимая. 🍷

ПОЧТИ ИНОСТРАНЕЦ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

На первый взгляд Тютчев – один из самых милых людей в русской литературе. Спокойный, образованный и остроумный. Стихи его – воплощение душевной ясности, которой лучатся хорошие любимые дети и мудрые старики. Лишь зрелый читатель видит, что его поэзия насквозь трагична – с библейским, вселенским размахом, как Книга Бытия или псалмы Давида. А под личиной мудрого дипломата и карьериста таится мятежник, разрушитель чужих жизней, отчаявшийся богоискатель, едва ли не Иов.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Он родился в Овстуге под Брянском, русском-прерусском, русее, кажется, уж и не бывает: барский дом на горке, пруд, парк – все как положено в хорошей дворянской усадьбе с ее неременной меланхолической красотой. Место нежное, поэтичное – то-то оно и стонет сейчас от нашествия брянских свадеб, иногда по два десятка в день; молодые позируют фотографам в восстановленных интерьерах, гости забрасывают парк пластиковыми стаканчиками...

Родители Тютчева тоже были милой парой – радушный и спокойный отец, умная и тонкая мать, хотя и «нервная», по замечанию Ивана Аксакова (он был женат на дочери Тютчева и стал его первым биографом. – **Прим. авт.**). Словом, прекрасные люди, нормальная жизнь – без смертоубийств, алкоголизма, родовых проклятий, сумасшествий, нужды, насилия над крепостными и прочих драматических обстоятельств. Были другие обстоятельства, привычные тогда в каждой большой семье: из шестерых детей трое умерли кто в год, кто в шесть лет.

Федя, второй сын, в семье был баловнем. Учился он легко, схватывал на лету; впрочем, Аксаков пишет о его привычке к лени и неспособности к систематическому труду. Но, скорее всего, Тютчев с детства привык усердно трудиться только над тем, что ему самому казалось важным, – по природной любознательности. К счастью, важным и нужным ему казалось многое.

С воспитателями мальчику тоже повезло: чудесный дядька Николай Хлопов ухаживал за барчуком, как за своим ребенком, потом и в Германию за ним поехал; в учителя Феде взяли молодого, блестяще образованного поэта Семена Раича – лучший выбор, наверное, трудно представить. Под руководством Раича Тютчев сделал первые шаги в поэзии и переводах. Одно из стихотворений своего 14-летнего питомца Раич принес на заседание Общества любителей российской словесности, а председатель Общества Мерзляков зачитал его вслух. Вскоре Общество избрало подростка своим сотрудником, а в следующем году в «Трудах» Общества состоялась первая публикация Тютчева – «Послание Горация к Мекенату».

В 16 лет Федор Тютчев поступил в Московский университет, в 18 – окончил его кандидатом словесных наук.

Железная самодисциплина, не оставившая Тютчева и на смертном одре, совершенно скрыла от нас его душевные бури, его ядовитый скепсис и поразительную способность даже среди самого полного счастья вдруг впасть в безутешную тоску. Кажется, его биография и карьера сложились так внешне безоблачно лишь для того, чтобы дать ему возможность описать весь ужас жизни как таковой, не отвлекаясь на суетные вещи вроде бедности или политических преследований. Он был уважаемый в свете государственный человек, успешный чиновник, счастливый муж. И... трагичнейший персонаж русской литературы, весь испепеленный внутренним пламенем.

ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ

После окончания университета с ним случилось событие из разряда тех, что принято называть судьбоносными. Юноша отправился в Петербург и поступил в Государственную коллегию иностранных дел. Вскоре родственник по материнской линии Александр Остерман-Толстой выхлопотал ему место сверхштатного чиновника русской дипмиссии в Баварии. В июне 1822 года 18-летний Тютчев отправился в Мюнхен, еще не предполагая, как затянется его заграничное пребывание.

В последующие двадцать два года он лишь несколько раз приезжал на родину в отпуск.

Вся сознательная молодость – время окончательного формирования характера, убеждений, круга общения – прошла в Германии. На родине менялась власть, страну сотрясали страсти (правда, восстание декабристов он застал – был в отпуске, написал об этом мрачные стихи), но Тютчев жил в отдалении, мимо всего, мимо России. Мир расцвел всеми красками: молодость, любовь, самостоятельность, другая страна, новая жизнь. Он потом дважды написал об этих годах – «время золотое». Оба стихотворения посвящались красавице Амалии фон Лерхенфельд. Вечер, внизу Дунай, кругом цветут яблони, и возле руин замка стоят двое влюбленных... Может быть, в этом и счастье его было, что лучшее время его жизни прошло в комфортной, уравновешенной Европе, среди романтических пейзажей, поэтов и красавиц; что он не отравлен был на всю жизнь тяжелой российской тоской и оцепенением безнадежного безделья. С его чуткостью, философским самоуглублением, с российской новой модой на байронизм легко было впасть в хандру и оказаться сорок пятой версией лишнего человека. А в Европе он был на месте. «Хорошего среднего роста», спокойный, образованный, владеющий французским и немецким, пожалуй, и посвободней русского, умеющий к месту пошутить, он легко был принят в дипломатических кругах и салонах аристократии. Он познакомился с Гейне и Шеллингом, известно, что последний отзывался о нем так: «Это превосходнейший, очень образованный человек, с которым всегда охотно беседуешь». Тесное общение с поэтами и философами, переводы с немецкого повлияли и на мысль его – немецкая обстоятельность и философская углубленность придали ей глубину и строгость, – и на слог, освободившийся от державинских архаизмов и приобретший лаконичность и чеканность. Правда, в русском он нет-нет и срывался на галлицизмы, особенно пленительные в некоторых стихах и пе-

реписке. Русский всегда оставался для него не вполне родным, он думал и писал по-русски «со сдвигом» – может быть, без этого не было бы и волшебных ритмических сдвигов «Silentium!». И кто бы до него сказал «пустеет воздух», назвал опавшую листву «листьем», о старческой жизни сказал «тлится»? Тютчевские ошибки и неологизмы вошли в речь и воспринимаются теперь вполне органично, а ведь современникам он казался сложным, временами косноязычным.

Мысль, едва родившись, облекалась в точные слова легко и непринужденно – он не мучился над черновиками, оттачивая стихотворения, – скорее, думал ими на ходу, а потом записывал то, что надумалось и запомнилось само. Может быть, отсюда их лапидарная афористичность и легкость чтения вслух.

ТВОЙ МИЛЫЙ ОБРАЗ

С Амалией фон Лерхенфельд вышла непонятная какая-то романтическая история, какая-то дуэль намечалась, но не состоялась, так что Тютчев взял отпуск и уехал на родину. А она тем временем выскочила замуж за другого русского дипломата – барона Крюднера, хотя и говорили, что выплакала все глаза. Он вернулся, она уже замужем; он был потрясен настолько, что уже через два месяца впопыхах женился на другой.

Элеонора Петерсон была молодой вдовой русского дипломата с четырьмя сыновьями. Обвенчался Федор Иванович с Элеонорой тайно, а юридически они оформили брак лишь через три года. У него сразу оказалось множество родственников среди старой немецкой аристократии; жену он в 1830 году свозил на родину, и она, в свою очередь, очень понравилась его семье. Тютчеву удивительно везло с женщинами: они любили его всеми силами души – ему всегда казалось, что его любили больше, чем он сам любил, и больше, чем он заслуживал. Эту любовь он ценил, считал ее своим счастьем, благословением, мучился виной перед своими возлюбленными и, кажется, ни одну из них не сделал счастливой. Кроме разве что прекрасной Амалии, которая благоразумно вышла за другого. Уже потом, на склоне лет, он написал горестно: «О, как убийственно мы любим». Странно и непонятно, как человек столь ясный, тихий, смиренный, как писал о нем зять его Аксаков, вносил в жизнь своих горячо любимых женщин столько горя и муки. Между тем и здесь нет тайны: для женщины привлекательнее всего то, что ей не дается, а Тютчев никогда никому не принадлежал до конца. Его любили не за спокойствие и ясность, а за тайный жар, ощущавшийся в каждом его жесте и слове. Он был влюбчив, умел ценить любовь к себе и не умел делать резких движений. Не умел рвать отношения, не мог и не хотел выбирать, а потому все время пытался совме-

стить явную жизнь с тайной, ничем и никем не жертвовать.

Элеонора, Нелли, была тихим домашним ангелом. Она и на портретах такова: маленькая, трогательная, с печальными голубыми глазами. Она ухитрялась на небольшое жалование мужа вести дом и управляться с детьми – у Тютчевых родились три дочери. Она обожала мужа, полностью освободила его от бытовых хлопот. А когда он влюбился в другую, так страдала, что пыталась покончить с собой. Несколько раз воткнула в грудь кинжал, правда, он оказался фальшивым, от маскарадного костюма, но ранил ее довольно сильно. Окровавленная, она выскочила на улицу и потеряла сознание; Тютчев примчался к ней и, спасая брак и жену, решил выехать в Петербург и навсегда отказаться от знакомства с разлучницей. Страсти отнюдь не баварские, кажется, прямо мексиканские. И в эпицентре этого урагана страстей – некрасивый, немолодой, худой человек в очках.

А разлучница была красавица. В отличие от очаровательной, уютной и домашней Элеоноры, Эрнестина фон Дёрнберг была женщиной сильной, образованной и эффектной. В 1833 году, когда они познакомились, ей было 23 года. Несмотря на данное жене обещание, Федор Иванович еще несколько раз тайно виделся со своей возлюбленной. Он уже был статский советник и камергер, но денег не хватало, да и оставаясь в Мюнхене после громкой скандальной истории едва ли было возможно. И эта страница жизни закрылась: Мюнхен с его золотым временем, первой любовью, первым семейным домом, Мюнхен, где родились его дети, где он познакомился с Гейне и спорил с Шеллингом, пришлось оставить. Он увез семью в Россию. Просился в Вену, однако назначили его старшим секретарем дипмиссии в Турин, тогдашнюю столицу Сардинского королевства.

Тютчев выехал в Турин, по дороге еще раз встретился с Эрнестиной в Генуе. Жена и дочери должны были приехать к нему из Петербурга. На пароходе «Николай I», которым они плыли к нему, возле Любека начался пожар, и Элеонора Федоровна ночью вытащила с горящего судна среди всеобщей паники трех своих девочек – им было 3, 4 и 9 лет. В огне, однако, погибло все имущество и все документы Тютчевых. В Германии она задерживаться не стала, поспешила к мужу, стала вить гнездо на новом месте – из последних сил и почти без денег, но простуда, обрушившаяся на ослабленный чередой потрясений и переездов организм, свела ее в могилу. Рассказывают, что Тютчев посидел у ее гроба за одну ночь.

СОБЕСЕДНИК НА ПИРУ

Жуковский, навестив Тютчева за границей, удивлялся тому, что тот тоскует об умершей жене и при этом влюблен в Эрнестину. Тютчев просил у начальства отпуск, чтобы жениться на Эрнестине, но ему отказали. Тогда он, исполнявший обязанности посланника, бросил службу и уехал в Швейцарию. В 1839 году в Берне обвенчался с возлюбленной. Его лишили места, а несколько позже и звания камергера. К этому времени он уже перебрался в любимый Мюнхен, где жил с новой женой, к тому же на ее деньги. Эрнестина Федоровна удочерила и вырастила его девочек – они называли ее мамой; у них, кроме того, родилась дочь Мария и два сына – Дмитрий и Иван.

Все это – внешние события, личная жизнь; а что же стихи? О стихах он молчал, разговоров о них избегал и сам бы не собрал и не публиковал. Первой его публикацией русская литература обязана князю Ивану Гагарину, сослуживцу Тютчева, – именно он привез из Германии и отдал в пушкинский «Современник» тетрадь стихов, которые выходили там под общим заглавием «Стихи, привезенные из Германии» и за подписью «Ф.Т.». Славы автору они не принесли, хотя знатоки их заметили. Современникам Тютчев запомнился, скорее, как салонный остроумец, очаровательный собеседник, автор множества смешных словечек, тонких афоризмов и изящных экспромтов. Петр Вяземский, наблюдая за его вхождением в петербургские салоны, назвал его «львом сезона». Намечались удивительные сближения: европеец Тютчев, складывавший свое мнение о России и ее месте в мире в отрыве от веяний русской общественной мысли, оказался ближе не к западникам, как многие ожидали, а к славянофилам – с идеями об особом русском пути и всеславянском братстве. Запад, который он хорошо знал и понимал, смущал его своей комфортностью, своим вниманием к материальному. Россия, носитель духовного начала, должна была, по его идее, противостоять этим соблазнам. Все это не значит, что он, как пытаются иные доказать сегодня, был славянофилом. Нет, он думал, жил, одевался и даже писал по-европейски, сделав русской многословной мысли тевтонскую прививку. Он просто понимал, что есть границы выше и прочней государственных, что попытка России подладиться под Европу обречена: мы, может, и хуже, а может, и лучше, не в том дело: не заслужить уважение рабским подражанием нельзя. «Как перед ней ни гнитесь, господа, // Вам не снискать признанья от Европы: // В ее глазах вы будете всегда // Не слуги просвещения, а холопы».

Он опубликовал несколько статей на французском о политике, которые заметил император, так что Тютчев снова стал чинов-

Все это время он не печатался — четырнадцать лет! Писал или нет — не знаем: ходил, бормотал про себя, сочинял, записывал, бросал рассеянно свои листочки...

Вернулся он к читателю только в начале 1850-х годов усилиями Некрасова и Тургенева. Некрасов в «Современнике» опубликовал свою статью «Русские второстепенные поэты», где, однако, особо выделял давнюю публикацию «Ф.Т.» как стихи

поэта отнюдь не второстепенного. Тютчев стал публиковаться в «Москвитяине», а в 1854 году «Современник» воспроизвел его старую, пушкинскую еще, подборку и приложил новые стихи. И вот здесь-то началась настоящая, серьезная его слава.

ником Министерства иностранных дел, а затем получил звание камергера. Он наконец совсем вернулся — после двух десятков лет отсутствия — в страну, которая стала совсем другой. Жена, любимая умница Нести, Нестерле, даже выучила русский язык, чтобы жить на родине мужа и понимать его стихи. Именно в это время он приехал в родные места, в свой Овстуг, которого не узнал.

Почти иностранец, он не умел жить русской тоской: мог изумленно смотреть на «безлюдные», «скудные» пейзажи, умел восхищаться и жалеть, но сила русского пейзажа, конечно, для него была не в унынии, не в мокрых воронах на заборе. Вся его пейзажная лирика, собственно, о чуде, о дыхании Божества, о теплом и сыром ветре, внезапно дующем осенью, о веянии весны, о счастье слияния с миром. Он, конечно, тянулся душой от родной скудости и негромкости к итальянскому изобилию красок, к морю, к сияющему небу, но изумленным глазам его и душе хватало радости и здесь: ливень, ветер, изнемогающая в небе радуга — все он вбирал в себя, всем дышал, и стихи получались легкими, естественными, как выдох.

Впрочем, за всяким его пейзажем — ломоносовская «бездна, звезд полна»: недаром и бездна, и звезды так повторяются в его лирике. Его герой стоит перед миром один, изумленный, как Иов в последней главе, слушает Господа, повествующего о Левиафане и Бегемоте, созерцает Божие величие, создает свою малость и ограниченность своих знаний. И в то же время стоит прямо и достойно и говорит, как равный собеседник: «Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Ключевое это стихотворение — едва ли не самое знаменитое у него, — конечно, не просто так отсылает к позднему Риму: он и был поздний римлянин, стоик, с вечным предчувствием катастрофы, с осознанием гибельности русского государственного устройства, с неверием в его реформу — и с обреченным, рыцарственным служением этому государству, потому что другого нет.

Он — при всем его равнодушии к православному обряду, при подчеркнутом светском образе жизни, при нехристианнейшей и мучительной жизни на две семьи, о чем речь пойдет ниже, — в поэзии своей таков и есть: собеседник Божий, внимательно слушающий и бестрепетно говорящий.

В 1848 году он стал старшим цензором Министерства иностранных дел. Из Европы двигалась революционная буря, сам он революции боялся, надеялся, что Россия сможет выдержать этот натиск, у него даже стихотворный памфлет об этом есть, насквозь торжественный, аллегоричный и неинтересный. Кстати, и Коммунистический манифест — как цензор — в Россию не пустил, сказал: кому надо, тот и по-немецки прочтет.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СВЕТ

Самому ему, кажется, слава была безразлична. Он, политик и дипломат, больше переживал за поражение России в Крымской войне. Проклинал императора Николая I и обе воюющие стороны и бездарную дипломатию, допускавшую провал за провалом: дочери его вспоминали, что он был зол до умоисступления. Тютчев — редкий пример критики самодержавия справа: беда виделась ему в том, что никто из защитников самодержавия сам не верил в то, что проповедовал. Для него и Николай I был «не царь, а лицедей». Сам Тютчев подавал редчайший пример стоической верности мертвому делу и ненавидел русскую элиту за воровство, эгоизм и ложь.

Дочери выросли, учились в Смольном институте, стали фрейлинами императрицы. В Смольном, куда Тютчев заходил к дочерям, он встретил вольнослушательницу Елену Денисьеву, племянницу инспектрисы института, Анны Дмитриевны Денисьевой. Она была лишь несколькими годами старше его дочерей. Влюбчивый Тютчев увлекся, и пылкая девушка внезапно ответила ему взрывом страсти, такой пламенной и всепоглощающей любовью, перед которой он оказался бессилён.

Сам он знал за собой этот тайный порок: он сам себя мог выносить, чувствовать всю полноту жизни только в отражении чьей-то любви. Любви, которая не столько брала у него, сколько возвращала ему самого себя — более значительным, прекрасным, достойным такого искреннего чувства. Он и удивлялся тому, что его так любят, и был совершенно безоружен перед такой любовью — и любил сам всеми силами души, которая никак не могла разорваться пополам.

ставке и запустила в него, промахнулась, статуэтка угодила в печь и отколола кусок изразца. Леля рыдала и раскаивалась, но сцены, правда, уже без летающих статуэток, повторялись снова и снова, сцены, которые, по мрачному выражению Тютчева, в конце концов довели ее до кладбища, а его – «до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке».

С 1850 года он так и рвался: между верной, мудрой Эрнестиной, которую продолжал заверять, что всецело принадлежит ей, хотя давно уже снял квартиру и уже несколько раз ночевал в ней, а не дома, – и новой страстью, Еленой Денисьевой. Хрупкая, темноглазая, со странной диковатой красотой, она отличалась недюжинным темпераментом и, пожалуй, некоторой экзальтацией. В свою любовь к поэту она ринулась как в омут, очертя голову, – мой, мой собственный, мой боженька, даже так. А Тютчев жаловался потом, что стихов она никаких не любила и не ценила, и его стихи ей были безразличны, кроме тех только, где говорилось о любви к ней.

А Эрнестина ради его стихов выучила чужой язык...

Страсть эта была мучительна для обоих. Наружу она выплыла с безобразным скандалом: в Смольном! племянница инспектрисы! беременна! встречалась с мужчиной на тайной квартире! Отец ее проклял, инспектрису отправили на пенсию, на будущем фрейлины пришлось поставить крест. А впереди были четырнадцать лет все более горькой любви и все более страшного отчаяния. Всю тяжесть отверженности пришлось вынести Денисьевой. Он приходил к ней несколько раз в неделю, остальное время проводил с семьей или в свете. Она верила в какие-то безумные, придуманные ею утешения: что он ее настоящий муж, плоть едина, а прежний его брак аннулирован самим фактом нынешнего. Что он на ней не женится только потому, что церковь не разрешает четвертый брак, хотя он был женат не трижды, а дважды, и никаких канонических препятствий не было. Было другое препятствие – жена, которую нельзя бросать, дочери, которым не стоит портить жизнь при дворе, невозможность выбора между любовью и любовью. Он жил на два дома, жена не устраивала никаких публичных сцен, разве что мужественно предлагала разойтись, он не хотел и уверял ее в своей преданности. Эрнестина Федоровна в этой истории вела себя очень достойно и спокойно: никакого иступления, никаких сцен, никаких проклятий сопернице – и всегдaшняя любовь к мужу.

Елена Денисьева, Леля, напротив, часто устраивала сцены, которые заканчивались тютчевским холодным «ты просишь невозможного». Детей она записала на его фамилию, впрочем, они все равно числились незаконными, и прав у них в насквозь сословной России было не больше, чем у крестьян. Она была постоянно нездорова, разрывалась между вечно болеющими детьми, которых тянула в одиночку. Детям задавали неудобные вопросы: почему папа с нами обедает только раз-два в неделю? Такая у него работа, деточки...

Он пытался уговорить ее не рожать третьего ребенка – она схватила со стола бронзовую собачку на малахитовой под-

ставке и запустила в него, промахнулась, статуэтка угодила в печь и отколола кусок изразца. Леля рыдала и раскаивалась, но сцены, правда, уже без летающих статуэток, повторялись снова и снова, сцены, которые, по мрачному выражению Тютчева, в конце концов довели ее до кладбища, а его – «до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке».

Она умерла от туберкулеза на пятнадцатом году их запутанных отношений, оставив ему дочку-подростка, тоже Лелю, и двух маленьких мальчиков.

О Господи!.. – и это пережить...

И сердце на клочки не разорвалось...

Стихи «денисьевского цикла» – простые, обыденные и очень страшные. Как будто ему, вечному баловню жизни и собеседнику всеблагих, вдруг открылись бездны, уже не звезд полные, а нечеловеческой тоски – не райские, а адские. Горе, раскаяние и осознание непоправимого убивали его совершенно; семья и жалела его, и смутно чувствовала, что при живой жене так убиваться по незаконной как-то неправильно, что ли. Ему пришлось усыновить детей Денисьевой (при согласии жены), долго и трудно устраивать старшую в дворянский пансион... – и в письмах жене, верному другу и внимательному слушателю, он жаловался на ужасную душевную пустоту... Жена была рядом: «...его скорбь для меня священна, какова бы ни была ее причина». Измученный раскаянием Федор Иванович писал ей: «Сколько достоинства и серьезности в твоей любви – и каким мелким, и каким жалким я чувствую себя сравнительно с тобою!.. Чем дальше, тем больше я падаю в собственном мнении, и когда все увидят меня таким, каким я вижу себя, дело мое будет кончено».

Он уезжал за границу в надежде забыться, но тяжкие воспоминания язвили и мучили. «Боже мой, Боже мой. Да что общего между стихами, прозой, литературой, целым внешним миром и тем... страшным, невыразимо невыносимым, что у меня в эту самую минуту в душе происходит, – этою жизнью, которою вот уже пятый месяц я живу и о которой столько же мало имею понятия, как о нашем загробном существовании»... – писал он мужу сестры Денисьевой – Александру Георгиевскому. Рассказывали, что на одном из заседаний совета Главного управления по делам печати Тютчев что-то писал на листке бумаги, а уходя, забыл его на столе. Граф Капнист взял листок и нашел на нем стихи:

*Как ни тяжел последний час –
Та непонятная для нас
Истома смертного страдания, –
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...*

На этом горе его не окончилось. Через год после смерти Лели умерла от той же чахотки 14-летняя Леля-младшая. Незадолго до своей смерти она случайно уяснила для себя семейную тайну, о которой до тех пор не имела представления, и, может быть, это ускорило ее уход. В один день с ней умер младший из двух братьев, годовалый Коля, так что выжил только средний – Федор; прожил он долго и умер от ран в Первую мировую.

Еще через год, в 1866 году, умерла мать Федора Ивановича. В 1870-м – его брат Николай и старший сын, Дмитрий. В 1872-м, опять же от чахотки, – младшая дочь, Мария.

Незадолго до смерти Тютчев написал жене:
Все отнял у меня казнящий бог:

*Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.*

Но и в эти годы он являл пример все того же стоицизма. Вошел в легенду его вопрос, заданный утром последнего дня, когда, разбитый ударом, лежал он у себя в кабинете: «Какие последние политические известия?» Александр Кушнер, посвятивший его памяти едва ли не лучший поэтический некролог в русской литературе, назвал этот вопрос образцом поведения для лирика: безразличие к внешнему миру и судьбе Отечества – удел посредственностей, гению нужен весь мир и важно все в нем. Тютчев, по мысли Кушнера, заповедал потомкам интерес и жадность к жизни, понимание политики как концентрированного выражения национальной души. Быть человеком политическим для него значило быть человеком нравственным, только и всего.

Лучше Кушнера о нем все равно не скажешь, так что вспомним эти стихи 1975 года – нерукотворный памятник Тютчеву от его поздней поэтической инкарнации:

*На скользком кладбище, один,
Средь плит расколотых, руин,
Порвавших мраморные жилы,
Гнилых осин, –
Стою у тютчевской могилы.*

*Не отойти.
Вблизи Обводного, среди
Фабричных стен, прижатых тесно,
Смотри: забытая почти
«Всепоглощающая бездна».*

*Так вот она! Нездешний свет,
Сквозь зелень выбившийся жалко?
Изнанка жизни? Хаос? – Нет.
Сметенных лет
Изжитый мусор, просто свалка.*

*Какие кладбища у нас!
Их запустенье –
Отказ от жизни и отказ
От смерти, птичьих двух-трех фраз
В кустах оборванное пенье.*

*В полях загробных мы бредем,
Не в пурпур – в рубище одеты,
Глухим путем.
Резинку дай – мы так сотрем:
Ни строчки нашей, ни приметы.*

*Сто наших лет
Тысячелетним разрушеньям
Дать могут фору: столько бед
Свалилось, бомб, гасивших свет,
Звонков с ночным опустошеньем.*

*Уснуть, остыть.
Что ж, не цветочки ж разводить
На этом прахе и развале!
Когда б не Тютчев, может быть,
Его б совсем перепахали.*

*И в этом весь
Характер наш и упоенье.
И разве Царство Божье здесь?
И разве мертвых красит спесь?
В стихах неискренно смиренье?*

*Спросите Тютчева – и он
Сквозь вечный сон
Махнет рукой, пожмет плечами.
И мнится: смертный свой урон
Благословляет, между нами. ❶*

КТО УБИЛ ЛЕРМОНТОВА?

МИХАИЛ БЫКОВ

Ответ, казалось бы, очевиден. 27 июля 1841 года в нескольких верстах от Пятигорска у подножия горы Машук состоялась дуэль. Отставной майор Николай Мартынов, выстрелив из пистолета, нанес поручику Тенгинского пехотного полка Михаилу Лермонтову смертельное ранение. Почему ж тогда и сегодня, спустя сто семьдесят лет, равнодушные к гению поэта люди продолжают искать ответ на вопрос: кто убил Лермонтова, как его убили, что его убило?

Обстоятельства последней дуэли Михаила Юрьевича Лермонтова на первый взгляд хорошо известны.

Поздней весной 1841 года он вместе с капитаном Нижегородского драгунского полка Алексеем Столыпиным-Монго прибыл в Пятигорск лечиться на водах. Подорожная в Дагестанский отряд под Темир-Хан-Шурую потеряла смысл. Боевые действия там уже закончились. Новое прикомандирование к Лабинскому отряду, находящемуся на отдыхе на левом фланге Черноморской линии, позволяло соорудить себе короткий отпуск по медицинской причине.

Пятигорск того времени слыл в столицах местом не только курортным, но и крайне модным. Даром что рядом продолжала куриться затянувшаяся Кавказская война.

Общество в то лето в городе собралось значительное, около 1500 семей. В двух признанных салонах, генеральш Верзилиной и Мерлини, говорило, пело, танцевало, играло и флиртowało немало представителей столичной аристократии. В лермонтовском круге оказались князь Трубецкой и Васильчиков, корнет лейб-гвардии Конного полка Глебов, само собой, блистательный красавец Столыпин. Наконец, «однокорытник» Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров экс-кавалергард

Мартынов. Были и другие. Но список этих друзей-товарищей имеет особенное значение. Все перечисленные были в тот роковой вечер у Перкальской скалы, когда Лермонтова не стало. Все они на следствии давали путанные показания. Все, кроме князя «Ксандра» Васильчикова, до конца дней отмалчивались, когда речь заходила о трагедии. Да и князь позволил себе откровенность только под занавес жизни, спустя почти столетия после гибели Лермонтова.

А тогда, в июле 1841-го, они наблюдали, как разгоралась ссора между поэтом и Мартыновым, как грянул вызов и как грохнул выстрел.

Теперь, когда свидетелей давно нет на свете, когда сохранившихся документов недостаточно, истинную причину и обстоятельства дуэли мы не узнаем никогда. Как обычно в таких случаях, остаются версии, логические построения, спекуляции на тему...

ВЕРСИЯ: ИМПЕРАТОР

Нетрудно догадаться, что император Николай I этого невысокого офицера с горящими огромными глазами не любил. Было за что после январских стихов 1837 года. При советской власти эту нелюбовь трактовали, начиная с учебников и заканчивая диссертациями, банально: «сатрап» увидел в строчках, написанных на смерть Пушкина, посягательство на устои влас-

ти, излишнее свободолобие и независимость суждений. Как следствие – ссылка.

Думается, под этим поверхностным пластом лежит многое. Комплексы царя, вскормленные декабрьскими событиями 1825 года, и вечный страх повторения дворянского восстания. Сложные и тонкие отношения Николая с Пушкиным, бесспорные переживания первого в связи с трагической кончиной второго. Критический взгляд взрослого царя на ту конструкцию власти, что он построил. В результате – понимание того, что есть вещи, против которых даже всемогущий монарх бессилён. Например, сделать «героем нашего времени» Максима Максимовича вместо Печорина. Даже Лермонтов, узнав о такой царской трактовке, попробовал: написал в 1841 году очерк «Кавказец». Но выполнить «заказ» не получилось, Максим Максимович героем не вышел, очерк запретила цензура. Раздражало царя и то, что в собственной семье он имел горячую поклонницу лермонтовского таланта: жену Александру Федоровну.

Если посмотреть на отношение царя к Лермонтову сквозь призму всех этих чувств и мыслей, то тем более понятно, что лейб-гусарский корнет злил государя самим фактом существования. Первый биограф Лермонтова, Дружинин, собственно книгу написать не смог, но собрал большое количество воспоминаний родственников, знакомых, сослуживцев поэта. Он встречался и с другом последних месяцев жизни Михаила Юрьевича – знаменитым бретером и храбрейшим офицером Руфином Дороховым, находившимся летом 1841 года в Пятигорске. Это он послужил прообразом Долохова в романе «Война и мир» для Льва Толстого. Дорохов подвел итог одной фразой: «Дуэли не было – было убийство».

В логическую цепочку укладывается и тот факт, что не только Николай I, но и его сын Александр II не разрешали к печати подготовленные биографии Лермонтова, а сочинения поэта хоть и издавались, однако ж без сведений об авторе. Первая биографическая книга, подготовленная Висковатовым, вышла только в 1891 году.

Лермонтов оказался смелым и умелым офицером. Но ни одно из представлений к награждению орденом и Золотым оружием «За храбрость!» царскую визу не обрело.

Наконец, многие охотно повторяют тезис князя Вяземского, узнавшего якобы со слов князя Васильчикова о том, что государь, получив вест о гибели Лермонтова, сказал: «Собаке – собачья смерть!» Ссылаются на некоего флигель-адъютанта Лужина, присутствовавшего при эпизоде. Николай I не терпел дуэли и считал их варварством. Любил крепкие выражения и эффектные фразы. То есть сказать мог, но сказал ли – недоказуемо.

Аргументов против этой версии тоже хватает. Но один – особенный, и касается именно тех событий, что происходили летом 1841-го в Пятигорске.

Прочитав распоряжение Николая I относительно поэта: «дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку». Подписано 30 июня (12 июля) 1841 года.

Лермонтов уже более месяца находился в Пятигорске. Если б по распоряжению императора или на крайний случай шефа жандармов Бенкендорфа усилиями III Отделения и была организована спецоперация против, извините, всего лишь пехотного поручика, зачем тогда, спрашивается, требовать удаления Лермонтова из Пятигорска, где сия операция и намечалась?

В этой же связи нельзя не сказать о том, что после гибели поэта в официальной переписке соответствующих чинов, в частности жандармского подполковника Кувшинникова, приглядывавшего за Михаилом Юрьевичем, не было и легкого намека на доклад об исполнении некоего поручения...

ВЕРСИЯ: ЗАГОВОР

Конечно, в свете знали о том, что Лермонтов в немилоисти. И консервативная часть петербургской элиты, сообразуясь с собственными правилами, вела себя «святее папы римского». По принципу: император не любит, а мы возненавидим! К тому были и некоторые объективные основания. Многие современники, вспоминая Лермонтова, говорили, что в нем уживались два человека.

то с конспирацией у заговорщиков дело обстояло из рук вон плохо. Напрашивается вывод – что проучить-то хотели, но о человекоубийстве не помышляли.

Вывод: про некий заговор вспоминали. Однако – ни одной фамилии!

Один – мягкий, доброжелательный для ближнего круга, другой – полный сарказма, насмешливый, даже жестокий в своих шутках для остального света.

Если неподготовленному человеку дать прочесть откровения лермонтовского сослуживца по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку Арнольди и мемуары Шан-Гирея, он окажется убежденным, что речь идет о двух разных людях.

Лермонтовские стихи, эпиграммы, публичные шутки-насмешки и другие выходки имели конкретных адресатов. Кое-кто из них в лето 1841 года оказался на водах в Пятигорске. Так случилось, что эти люди посещали салон генеральши Мерлини. Разумеется, никакого вульгарного антагонизма не было. У Мерлини запросто бывали близкие поэту люди, в том числе Столыпин-Монго, не только многолетний товарищ, но и родственник. Алексей, будучи на два года моложе Лермонтова, приходился ему дядей. Заходил к героической Катерине Ивановне и сам Лермонтов.

Дамой боевой генеральша Мерлини слыла не напрасно. В 1836 году, будучи уже вдовой коменданта Кисловодской крепости, она возглавила оборону городка во время набега горцев. Екатерина Ивановна прекрасно ездила верхом и держала отменную конюшню, что лошади-Лермонтова не могло не привлечь.

Вхожесть поэта в дом не мешала участникам салона Мерлини отзываться о нем без аристократического лоска – «ядовитая гадина». Неудивительно, что там были озабочены желанием проучить, наказать, поставить на место «этого выскочки». Дело приняло конкретный оборот, когда заметили, что одним из объектов для шуток стал молодой офицер Лисаневич. Сын генерала Павла Граббе, командовавшего в 1841 году войсками Кавказской линии, пересказывал воспоминания отца по этому поводу.

К Лисаневичу приставали с угрозами вызвать Лермонтова на дуэль и проучить. Отстали только тогда, когда офицер сказал, что «у него рука не поднимется на такого человека». Генерал Граббе – не единственный, кто вспоминал эту провокацию. Подтверждала сие Эмилия Шан-Гирей, дочь генерала Верзилина и первая красавица салона своей матери в 1841 году. О наличии каких-то «подстрекателей» говорил и князь Васильчиков исследователю жизни поэта Висковатову. Раз так,

Дальше других по этой дороге пошел, как ни странно, убийца Лермонтова. Николай Мартынов в конце жизни признался как-то: «Друзья таки раздули ссору...»

Тут самое время сказать, что постоянным участником салона генеральши Мерлини был... князь Васильчиков.

ВЕРСИЯ: ТОВАРИЩИ

Компания у Лермонтова на водах подобралась разношерстная. Стоит представить всех главных участников трагедии поподробнее. Начнем со Столыпина-Монго. Лермонтоведы в отношении этого человека стоят на полярных позициях. Одни считают Алексея добрым другом и помощником поэта, другие – его злым гением.

Наверное, многолетняя дружба не являлась эталоном человеческих отношений. А иначе и быть не могло. Некоторые исследователи отмечают, что в 1840 году, после дуэли Лермонтова с сыном французского посла де Барантом, которую со стороны поэта секундировал Монго, в их отношениях наметилось некое охлаждение. Несмотря на это, Столыпин стал секундантом племянника и в последнем случае. Его не остановили соображения личной безопасности. А угроза имелась весьма серьезная. Император не слишком благоволил бывшему лейб-гусару, и, оказавшись в материалах расследования фамилия Монго, все могло бы закончиться для него разжалованием в солдаты, а то и чем похуже.

Знавшие Столыпина отмечали его благородный характер и щепетильное отношение к вопросам чести. Одновременно Монго отличался сибаритством, дендизмом, беспредельной ленью и равнодушием к делам карьерным. Представитель знатного рода, красавец, отлично подготовленный офицер, Столыпин несколько раз вступал в военную

службу и выходил в отставку. Получив чин корнета в 1836 году, только в 1855-м за отличия в Крымскую войну произведен в майоры и награжден Золотым оружием.

Поклонники Лермонтова обвиняют Монго в том, что он не уберег поэта от роковой дуэли. Более того, следуя представлениям о дворянской чести, дал несколько советов Мартынову во время следствия, дабы тот представил события в нужном свете. Конечно, в таком поведении можно усмотреть признаки измены другу, но, видимо, Столыпин отталкивался от собственной трактовки случившегося и считал виновником ссоры Лермонтова.

В то же время как раз Монго старался сделать хоть что-то, чтобы смягчить условия дуэли и уже в ходе поединка не допустить убийства. Это он крикнул Мартынову после счета «Три!», что разведет стрелков, так как время для выстрела вышло.

Видимо, те же представления о чести не позволили Столыпину хоть что-то рассказать о мотивах и обстоятельствах поединка впоследствии. Он молчал вплоть до своей смерти от чахотки в 1858 году во Флоренции.

Секундантом Лермонтова был Михаил Глебов. Этот 23-летний корнет Конной гвардии уже понюхал пороха на Кавказе в 1840 году. Был серьезно ранен в плечо в битве на реке Валерик. Той самой, которую так ярко и пронзительно отразил в одноименном стихотворении Лермонтов. Выходит, не просто петербургский знакомец по службе в гвардейской кавалерии. Боевой товарищ! Он и вел себя как таковой. Это Глебов по окончании следствия рассказал частным образом о том, как вел себя Лермонтов на дуэли. Прочитировал последние слова поэта о том, что он стрелять в Мартынова не станет. Это Глебов остался с телом Лермонтова под проливным дождем, когда Мартынов сразу после поединка уехал, а князь Васильчиков отправился в город за доктором и транспортом.

Сам Глебов ненадолго пережил убитого друга. В 1847 году пал на Кавказской войне в перестрелке около аула Сарты. В мо-

мент гибели адъютант командующего князя Воронцова Глебов сидел на коне перед готовящимся к атаке батальоном Ширванского полка. Зная Глебова после 1841 года поговаривали, что он сам искал смерти.

Так же как Монго, латентным секундантом на дуэли был и князь Сергей Трубецкой. И так же как Монго, князь числился в черном списке государя. Еще будучи в кавалергардах, сын героя войны 1812 года многократно отличался. И вовсе не по службе. В 1837 году соблазнил дочь генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина, вследствие чего был принудительно обвенчан с нею в Царском Селе в присутствии императора. «Шалости» красавца Трубецкого в Петербурге кончились тем, что царь распорядился перевести его в Гребенской казачий полк. Вместе с Лермонтовым и Глебовым Трубецкой участвовал в походе 1840 года и сражался на реке Валерик. Его фамилию, как и фамилию поэта, вычеркнули из наградных списков.

Бретер Трубецкой до конца жизни себе не изменил. В 1851 году, 36 лет от роду, тайно увез от мужа некую Лавинию Жадимировскую. После поимки отсидел в Алексеевском равелине сколько положено. Был лишен титула, чинов и знаков отличия, разжалован в солдаты. Умер в 1859 году.

Сергей Васильевич Трубецкой никогда не отвечал на вопросы, связанные с последней лермонтовской дуэлью.

Князь Васильчиков офицером не был. Сын председателя Государственного совета и близкого соратника императора князя Иллариона Васильчикова служил по юридической части. На Кавказе оказался ведомый карьерными соображениями. Группа молодых амбициозных аристократов прибыла туда, дабы осуществить масштабные административные реформы. Однако уже через год стало ясно, что прежде надобно выиграть у горцев войну. Князь «Ксандр» осел в Пятигорске на некоторое время.

Его характеризовали как блестящего оратора, эрудита, фата и позера.

В отношениях с Лермонтовым в короткий пятигорский период князь Васильчиков успел перемениться до крайности. По словам Чилаева, владельца домика, в котором квартировал поэт, Васильчиков сначала ухаживал за Лермонтовым, но через месяц стал сдержан и холоден.

Это, конечно, не повод подозревать князя «Ксандра» в какой-то серьезной интриге против недавнего приятеля. Но именно Васильчиков позволил дуэли состояться.

Каждый из компании в меру своих сил и понимания того, что происходит, старался поединок предотвратить. Например, Дорохов, говорят, сознательно ужесточил условия для стрелков, надеясь, что Мартынов, не слышавший за смельчака, отступится. Остальные почти уговорили Лермонтова и Столыпина скорее уехать в Железноводск, дабы выиграть время. Все решилось, когда Мартынов заявил об окончательном решении драться. Была надежда, что никто не согласится стать его секундантом. И тогда все рассосется само собой. Неожиданное согласие дал именно князь «Ксандр».

На допросах Мартынов, Глебов и Васильчиков вели себя так, как успели договориться заранее. Первое: причина дуэли – злые шутки и провокации Лермонтова, оскорбленное самолюбие Мартынова. Второе: Трубецкого и Столыпина не выдавать.

Так и сделали. Лермонтов мертв, ему все равно. А остальным – жить...

Дольше других, кстати, жил князь Александр Васильчиков. До 1881 года.

ВЕРСИЯ: ДЕКАБРИСТЫ

Современный исследователь жизни поэта Чернов высказал весьма интересную мысль по поводу причины поединка. 13 (25) июля 1841 года – дата непростая. Минувло ровно пятнадцать лет с того дня, как на кронверке Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге были казнены пятеро приговоренных к повешению участников восстания 14 декабря. Лермонтов был не чужд идеям декабристов, а некоторых из них хорошо знал лично. На Кавказе он подружился с сосланным в солдаты Александром Одоевским, в Пятигорске – с Николаем Лорером. Знал Лихарева, Назимова, Нарышкина...

Лорер вспоминал в мемуарах, что пятигорская гвардейская молодежь очень тепло относилась к декабристам. Имелась в виду лермонтовская компания.

Отмечалось, что в тот день у Верзилиных Лермонтов был мрачнее обычного и если шутил, то зло. Автор гипотезы считает, что не мог ни сам Лермонтов, ни его товарищи не помнить о казни.

Вполне вероятно, что поэт мог сказать тост за «цареубийственный кинжал». Но Мартынов, к слову, убежденный монархист, мог вступить за государя императора, и скандал произошел на почве политических убеждений.

Как тут быть с воспоминаниями Эмили Шан-Гирей, рассказывавшей историю с кинжалом иначе. Именно она танцевала с Лермонтовым, когда тот, бросив взгляд на стоявшего поодаль Мартынова в черкеске с длинным кинжалом на поясе, сказал по-французски: ужасный горец с огромным кинжалом. Эмилия отмечала: будто назло музыка оборвалась неожиданно, и слово «кинжал» прозвучало отчетливо и громко. Мартынов закусил губу.

ВЕРСИЯ: МАРТЫНОВ

Николай Соломонович Мартынов родился в 1816 году в Нижнем Новгороде, получил отличное образование. Много читал, музицировал, писал стихи и прозу. В «Славную школу» поступил годом позже Лермонтова. Часто путают: однокурсником Михаила Юрьевича был брат Николая Мартынова, Михаил.

Нельзя сказать, что в юнкерской школе Лермонтов и Мартынов дружили. Но приятельствовали – точно. Особенно их сближала любовь к рукопашному бою на саблях.

Мартынов вышел в Кавалергардский полк. Интересная деталь: служил вместе с Жоржем Дантесом, убийцей Пушкина. Вскоре попросился «охотником» на Кавказскую войну. Вернулся в Кавалергардский полк с орденом Анны 3-й степени с бантом. Через год был зачислен ротмистром по кавалерии с прикомандированием к Гребенскому казачьему полку.

Весной 1841 года жизнь резко изменилась. В полку посчитали, что Мартынов нечист в картах, а по тем временам это означало одно – отставка. Так отставной майор оказался в Пятигорске без очевидных карьерных перспектив, 26 лет от роду, постоянно пребывая в дурном настроении.

По словам очевидцев, недавно авантажный гвардейский офицер радикально сменил имидж. Перед пятигорским обществом предстал человек в черкеске и папахе, с громадными бакенбардами и столь же громадным кинжалом.

Формально вызов был брошен из-за пустяка. 25 июля 1841 года на вечере в доме Верзилиных любезничавшему с младшей дочерью генерала, Надеждой, Мартынову показалось, что очередная лермонтовская шутка слишком уж необязательна.

Говорить можно что угодно. Отношение к Мартынову в обществе после дуэли резко переменилось, он всю оставшуюся жизнь пытался найти оправдания себе и лишить Лермонтова ореола мученика. Но вот закавыка: если в семье Мартыновых заподозрили Лермонтова в некоей нечистоплотности еще в 1837

году, тогда как же его могли принимать в доме в 1840-м?

Попытки найти в мартыновском выстреле скрытые, подсознательные мотивы, заложенные в мозг и душу как бомбы замедленного действия более ранними событиями, весьма сомнительны. Но это не означает, что подсознательных мотивов не было во все. Мартынов писал стихи. И Лермонтов писал стихи. Помните у Пушкина – Моцарт и Сальери?..

Не это ли главное?

Отсюда и неуверенность у барьера. Не мог Мартынов не понимать, «на что он руку поднимал». Отсюда и патологическое стремление выстрелить и попасть. Да, можно поставить обидчика под огонь, но почему непременно нарезного «кухенрейтера», смертельно опасного на близком расстоянии? Да, Мартынов мог не слышать слов о нежелании стрелять в него, сказанных Лермонтовым секунданту Глебову. Но он не мог с десяти шагов не видеть, что Лермонтов поднял руку с пистолетом стволом вверх.

В повести «Княжна Мери» Михаил Лермонтов с мистической точностью воспроизвел собственную смерть. Там было все: покинутый поневоле Петербург; «водяное общество», не терпящее особенных людей; стремление опустошенных войной и рутинной офицеров развлечься и отвлечься; драгунский капитан-подстрекатель; флиртующие дамы; терзаемый амбициями Грушницкий, ищущий возможности заявить о себе хоть как-то; отчаянный выстрел то ли со страху, то ли со стыда...

Одна разница: в романе плохой человек выстрелил неудачно. В жизни такие люди попадают в цель куда чаще. ❧

Уже на улице состоялся роковой разговор. Мартынов произнес слово, которое в офицерской среде XIX века всегда воспринимали серьезно: «удовлетворение». Но Лермонтов продолжал шутить...

Были ли у отставного майора иные причины искать удовлетворения в поединке с поэтом? Или все можно объяснить обидой, слишком остро воспринятой при плохом расположении духа? Тем более что впоследствии Мартынов неоднократно заявлял о том, что к Лермонтову всегда относился хорошо, помнил их товарищество со времен «Славной школы» и прочая...

В 1837 году семья Мартыновых лето проводила на Кавказе. Там же в период первой ссылки оказался и Лермонтов. 18-летняя сестра Мартынова Наталья Соломоновна была очарована ссыльным корнетом. Однако в серьезные отношения знакомство не переросло.

Лермонтов продолжил бывать у Мартыновых и после, уже в Москве. Можно предположить, что брат, озабоченный необходимостью пристроить сестер, рассчитывал на иное развитие событий. И, как говорится в таких случаях, затаил обиду. Но как тогда быть с письмом матери Мартынова, написавшей сыну в 1840 году из Москвы на Кавказ: «Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю... Слава Богу, он скоро уезжает, для меня его посещения неприятны»?

Также весьма сомнительны и претензии Мартынова к Лермонтову в связи с тем, что, по мнению некоторых современников, прототипом княжны Мери в «Герое нашего времени» послужила Наталья Соломоновна. А это должно быть обидно. Но ведь сама Наталья с восторгом оценивала роман и персонаж, с которым ее пытались сравнить.

В 1837 году меж Мартыновым и Лермонтовым случилась неприятная бытовая история. Наталья Соломоновна попросила поэта передать на Кавказе брату письмо. В последний момент Мартынов-отец вложил в конверт 300 рублей. При встрече Лермонтов вернул Мартынову деньги, но письмо отдать не смог. Объяснил это тем, что в дороге у него украли бумаги. Инцидент был исчерпан. Но спустя много лет в семье Мартыновых вспомнили об этой истории. Намеки на позволившего себе недостойное дворянина любопытство Лермонтова обуславливались тем, что на конверте не имелось никаких пометок о вложенных деньгах. И тогда, следовательно, откуда Лермонтов мог знать о них?

ПЕРВЫЙ ДВОЙНИК

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В отличие от других русских писателей Антоний Погорельский был вполне благополучен в жизни и успешен в карьере. По нынешним меркам – умер рано, по тогдашним – прожил достаточно. Биография его практически безупречна: учился, служил, воевал, путешествовал, хозяйствовал, воспитывал племянника... А что в литературе остался только автором детской сказки – так и то уже хорошо, иным и в этом не повезло.

Про отца Алеши Перовского принято говорить «вельможа». Граф Алексей Кириллович Разумовский служил при Екатерине II, вышел в отставку в предпоследний год ее правления и вернулся на службу уже только при Александре I – сначала попечителем Московского университета, затем министром просвещения. Помимо четверых детей в законном браке у него был еще десяток внебрачных детей от 35-летнего союза с мещанкой Марией Соболевской. Дети воспитывались как аристократы, однако отцу пришлось помучиться, оформляя им дворянство. Унаследовать фамилию и титул незаконные дети не могли, так что фамилию получили по названию принадлежащей отцу усадьбы Перово. Из братьев Перовских и их прямых потомков вышли несколько министров и губернаторов; сестра Софья была женой литератора – князя Львова, сестры Анна и Ольга стали мамами будущих литераторов – Алексея Константиновича Толстого и братьев Жемчужниковых. Еще среди потомков этой замечательной семьи была цареубийца Софья Перовская, внучка старшего из братьев, Николая, и детская писательница Ольга Перовская, его же правнучка, известная советским детям своей книжкой «Ребята и зверята».

Дети Перовские жили в отцовском имении в Почепе, но считались не детьми его, а воспитанниками. К отцу их допускали редко. Учились они дома; домашние учителя заложили основательный фундамент образования, которое продолжалось в частном пансионе. Рассказывают, что в нем Алеша так сильно тосковал и рвался домой, что попытался сбежать, упал с забора, повредил ногу и всю жизнь потом прихрамывал. Литературные способности проявились у него рано: однажды он преподнес отцу в день именин собственное сочинение.

В 1805 году 18-летний Алексей Перовский поступил в Московский университет и в 1807 году его окончил со степенью до-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Брюллов. Портрет графа А.А. Перовского (писателя Антония Погорельского). 1836 год

ктора философских и словесных наук. Чтобы получить степень, ему надо было прочесть три пробные лекции; две из них он прочел на французском и немецком языках, чего даже не требовалось. Лекции были естественнонаучные: об отличии животных от растений,

о системе Линнея и о растениях, которые хорошо бы размножить в России. Естественные науки увлекали братьев Перовских: Алексей впоследствии успешно занимался садоводством в отцовском имении, а его брат Василий, ставший военным губернатором Оренбурга, стоял во главе множества начинаний, связанных с изучением природы края и его

населения. Заметно в лекциях влияние Карамзина – любимого писателя Алексея. Первой публикацией молодого Перовского стал вышедший в 1807 году и посвященный отцу перевод на немецкий язык повести Карамзина «Бедная Лиза». «Если бы мой опыт и удался наилучшим образом, – писал автор в посвящении, – то и тогда, не будь Вашего одобрения, я счел бы его весьма несовершенным. Мое единственное желание, чтобы Вы восприняли эти листки как знак совершенного уважения и как единственно доступное мне доказательство безграничной благодарности, которой я Вам обязан. Вашей светлости преданнейший слуга...». Лекции вышли отдельной книжечкой в 1808-м. Примерно к этому времени относится его первое литературное знакомство: он подружился с князем Вяземским, и эта дружба длилась много лет. Окончив университет, Алексей Перовский пошел служить. Отец его только что вернулся на государственную службу и быстро наращивал влияние; благодаря отцовским связям братья Перовские смогли быстро сделать карьеру, однако вряд ли она была бы возможна без их собственного стремления приносить пользу стране. Алексей уехал в Петербург, где поступил в 6-й департамент Сената. Почти сразу ему пришлось выехать в долгую командировку – объехать несколько губерний, изучить там жизнь. В Москву он вернулся в 1810 году, продолжал служить в том же департаменте. Литература была для него отдыхом и отрадой, но не серьезным профессиональным занятием. В Москве он познакомился с видными литераторами – Жуковским, Крыловым, Василием Пушкиным, Воейковым, с некоторыми сдружился. В кругу Жуковского всегда было много дружеского смехотворства, а именно это, пожалуй, Перовский очень ценил; друзья о нем отзывались как о талантливом шутнике, импровизаторе, мистификаторе. В 1811 году Алексей Перовский стал одним из организаторов Общества любителей российской словесности при Московском университете (а еще был членом Общества любителей природы и Общества истории и древностей российских). Общество любителей российской словесности издавало сборники, посвященные литературе и фольклору, проводило чтения, иногда протекавшие довольно скучно, и литературно-музыкальные вечера. Алексей, охотно предававшийся дурачествам, однажды озадачил председателя общества Прокоповича-Антонского своим намерением прочитать на заседании общества стихи, представлявшие собой полную чушь:

Абдул Визирь

На лбу пузырь

Свой холит и лелеет.

Вауле геометр,

Взяв термометр,

Пшеницу в поле сеет.

Разумеется, он писал и серьезные стихи – баллады и элегии; ничего выдающегося в этом жанре не создал. Он вообще был из тех незаменимых в литературе людей, которые, не создавая собственных гениальных произведений, создают среду, в которой только гений и может появиться. И гений, кстати, появился довольно скоро.

В 1812 году Алексей опять служил в Петербурге – секретарем министра финансов. Когда началась Отечественная война, он, несмотря на хромоту и недовольство отца, поступил в армию. Отец пообещал лишить его имения и материальной поддержки. Сын ответил: «Можете ли вы думать, граф, что сердце мое столь низко, чувства столь подлы, что я решусь оставить свое намерение не от опасения потерять вашу любовь, а от боязни лишиться имения? Никогда слова сии не изгладятся из моей мысли...» Начал войну он штаб-ротмистром 3-го Украинского казачьего полка. Партизанил. Отступал, наступал, в 1813 году участвовал в крупных сражениях – под Лейпцигом, Дрезденом, при Кульме. Под Лейпцигом только что назначенный на свой пост генерал-губернатор Королевства Саксонии Николай Репнин-Волконский (муж законной дочери Алексея Кирилловича Разумовского – Варвары) взял Перовского к себе старшим адъютантом. При нем Алексей состоял до 1816 года, пока Репнин наводил порядок в разоренной войной Саксонии, и вернулся вместе с ним в Россию. За два года в Германии свободно владевший немецким молодой русский много читал немецких авторов и открыл для себя Гофмана, который повлиял на его творчество больше, чем любой другой писатель. Вернувшись в Россию, Репнин уехал губернатором в Малороссию, а Перовский вышел в отставку и поступил на гражданскую службу в чине надворного советника. Он стал чиновником особых поручений по департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий. В 1817 году у его сестры Анны родился сын, тоже Алексей. С мужем своим, графом Константином Толстым, Анна разошлась в самом начале семейной жизни, осталась матерью-одиночкой. Брат взял ее с полуторамесячным сыном к себе, поселил в доставшемся ему от отца имении Погорельцы в Черниговской губернии и часто их там навещал; по названию имения он впоследствии взял себе литературный псевдоним. В Петербурге Перовский свел знакомство с издателем Николаем Гречем и в 1820 году в греческом журнале «Сын

не указал, что все это не примерещилось его героям; авторская позиция двусмысленна и нигде внятно не прописана: хочешь – так толкуй, хочешь – эдак. Подобной двусмысленности не снес Воейков, публикатор повести – он снабдил ее послесловием, в котором предложил свою развязку с полным материалистическим объяснением всех чудес. Погорельского такое своеволие возмутило. Он включил «Маковницу» в свой

Отечества» опубликовал свой перевод оды Горация. Познакомился он и с молодым Пушкиным, начинавшим свою самостоятельную жизнь после окончания лицея. С Пушкиным связан его дебют в качестве литературного критика: Воейков разнес в пух и прах «Руслана и Людмилу», предъявляя поэме множество обвинений в нелогичности, необоснованности поступков персонажей и т.п. Перовский ответил на каждый из вопросов Воейкова так, что все они стали выглядеть глупо: «Зачем Финн рассказывает Руслану свою историю? – Затем, чтобы Руслан знал, кто он таков; впрочем, старики обыкновенно бывают словоохотливы, и гораздо удивительней бы было, если б Финн не рассказал своей истории». Пушкин назвал ответ Перовского остроумным и забавным; Перовский защищал даже не столько самого Пушкина, сколько вольный дух поэзии. С Воейковым отношения стали довольно натянутыми; начальник их обоих Александр Тургенев писал Вяземскому: «Мои чиновники: Воейков и Алексей Перовский батально ругаются за Пушкина»; Тургенев даже их мирил.

В 1822 году умер Алексей Кириллович Разумовский. Сразу же после смерти отца Алексей Перовский подал в отставку и уехал из Петербурга в Погорельцы, где подрастал его племянник Алеша, будущий писатель Алексей Толстой. Перовский растил его вместо отца.

Чем он занимался в Погорельцах помимо воспитания племянника? Садам и хозяйством. Его имение поставляло на Николаевские верфи корабельный лес. Снова начал служить: стал попечителем Харьковского учебного округа. Служба не требовала постоянного присутствия, так что у него оставалась возможность подолгу жить в имении и писать. И в русской литературе появилось новое имя: Антоний Погорельский.

Первой увидела свет его маленькая повесть «Лафертовская маковница» – в журнале «Новости литературы» в 1825 году. Современному читателю это название надо уже расшифровать: лафертовская – это живущая в Лефортове, а маковница – старуха, которая печет пирожки с маком. Старуха эта, согласно повести, была ведьма и пыталась околдовать внучатую племянницу: оставить ей после своей смерти свои неправедно нажитые сокровища и выдать замуж за некоего чиновника Мурлыкина, в котором девушка с ужасом узнала бабушкиного кота. Мурлыкин этот восхитил Пушкина, который писал брату, что теперь прямо-таки бредит им: «Выступаю плавно, зажму глаза, повертывая голову и выгибая спину». Кстати, на «Маковницу» Пушкин ссылался в своем «Гробовщике» – и впрямь, есть что-то жутко роднящее обе повести. «Маковница» вполне укладывается в романтическую традицию, однако автор – в отличие от однозначно романтического Гофмана – нигде

сборник «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», где отослал читателя, жаждущего развязки, к первой публикации повести, заметив, что не пересказывает ее, ибо не хочет «присваивать чужого добра».

И «Лафертовская маковница», и «Двойник» были весьма благожелательно встречены критикой: это была первая русская фантастика, занимательное и умное чтение. Как и другие русские романтики, Погорельский щедро заимствовал сюжеты и решения у немцев – в первую очередь у Гофмана. Вся структура «Двойника» напоминает структуру его «Серапионовых братьев», а одна из повестей сборника так точно следует гофмановскому «Песочному человеку» (про любовь к девушке, которая оказывается механической куклой), что сейчас Погорельского обвинили бы в плагиате (впрочем, другая повесть навеяна Карамзиным, а третья – перелицовка повести француза Пужана «Жоко»). С Погорельского начинается русская гофманиана, вальс с чертовщиной, традиция, которая тянется через Пушкина и Гоголя к Достоевскому, а дальше – к Блоку и Булгакову (и даже кот Бегемот напоминает Мурлыкина); отсюда разбегаются по русской литературе загадочные и мучительные двойники; все зыбко, все непонятно: то ли мерещится, то ли в самом деле так... Но Погорельский, пожалуй, отличается от них всех тем же, чем «золотой век» от последующих: ясностью духа. Герой «Двойника» мило беседует со своим загадочным гостем об отвлеченных материях; это загадка, но не смертельная, тайна, но не чудовищная, это раздвоение, но еще на рациональное и иррациональное, не более; глубоко в дебри иррационального он не забирается. Его двойник – только тень, только предвестник ужаса, он безвреден и исчезает, не нанося герою никакого вреда. И уж в любом случае чтение это уютное, для лежания под пледом – в отличие от европейских романтиков, того же Гофмана или Мэри Шелли, Погорельский на своих читателей не нагоняет ледяного ужаса, только слегка попугивает. Это, скорее, продолженная в литературе традиция салон-

ных историй, вечерних рассказов – традиция, живая во времена Погорельского. Он и сам был хороший рассказчик и охотно страдал слушателей легкой чертовщинкой. В нем самом, человеке приятном и доброжелательном, двойничество если и было, то не мрачное, а, скорее, печальное: приступы печали одолевали его с детства. Отчасти об этой детской печали его следующая литературная удача, хрестоматийная «Черная курица», написанная для племянника Алеши Толстого. «Черную курицу» до сих пор читают детям, и на первый взгляд она кажется вполне дидактичной историей о том, как плохо быть неблагодарным мальчиком, врать и нарушать свое слово. Но слишком сильно уж врезаются в память образы несчастных подземных жителей, закованных в крохотные кандалы и понуро покидающих свой край – оттого, что Алеша их выдал, запутавшись во лжи и пытаясь оправдаться. Это один из первых литературных уроков, доносящих до ребенка самую горькую правду жизни: в ней бывает непоправимое. Иных ошибок исправить нельзя ничем: ни раскаянием, ни слезами, ни хорошим поведением. Есть раны, которые никогда не заживают, и разлуки навсегда. Откуда эта тоскливая нота в светлом, благополучном, веселом Погорельском? Никакими жизненными обстоятельствами ее не объяснить, никак не обосновать. Просто жизнь – это жизнь, а тоска – это ее часть; наверное, так. Он написал еще несколько произведений, преимущественно фантастических. Самое крупное из них, роман «Магнетизер», осталось незаконченным. А вот следующий его большой труд, роман «Монастырка», оказался совсем другим. В романе рассказывается о девушке, воспитаннице Смольного монастыря, которая после выпуска возвращается в Малороссию – это первый, наверное, литературно значимый опыт реалистического, бытового, семейного романа. Пожалуй, читателя привлекала не только точность в описаниях нравов, отношений, подробностей жизненного уклада, но и присущая Погорельскому ясность, поэтичность, то, что Булгарин, литературный противник Погорельского, ядовито обозначил словом «милый» – дескать, ну мило, но на этом и всё...

В 1826 году он снова вернулся на службу в Петербург – в Комиссию по устройству учебных заведений; на лето возвращается в Погорельцы. В 1827 году съездил с сестрой и Алешей в Германию – мальчик на всю жизнь запомнил, как сидел на коленях у Гёте. В 1830 году Погорельский вышел в от-

ставку: начинался николаевский зажим, закручивание гаек, служить становилось трудно. В 1831-м повез племянника в Италию – приобщать к мировой культуре. В Италии они познакомились с Брюлловым, который пообещал написать портреты и Перовского, и его сестры, и племянника. Брюллов только через четыре года приехал в Россию; зная его необязательность, Перовский, по выражению Пушкина, «заполонил» его: поселил у себя и не отпускал, пока тот не выполнит обещания. Брюллов, однако, сбежал, окончив только один портрет – знаменитый портрет молодого Алексея Толстого с собакой. Пушкин весело рассказывал жене в письме, как Перовский показывал ему неоконченные брюлловские картины: «заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой». В последние годы он жил в Погорельцах, сосредоточившись на воспитании Алеши Толстого, которому стал не только родителем, но и первым литературным учителем: опубликовал его стихи (с грозной критикой рядом, чтобы юноша не зазнавался), ввел в свой литературный круг – собственно, передал ему дело из рук в руки. Сам уже ничего не писал – не собирал архивов, над рукописями не трясся, так архив его весь и пропал; говорят, управляющий его имением, извел все бумаги на папиюльки для котлет. Он и не считал себя серьезным писателем, и места в литературе особого не занял – Чернышевский даже назвал его «лучшим из худших». Но без него русская литература не была бы сама собой: его произведения стали не самыми заметными, но необходимыми ступеньками, которые связывают литературные эпохи; он, может быть, не велик – но без него, пожалуй, и эпоха сложилась бы иначе, и русский классический роман развивался бы не так, и уж точно не было бы в русской литературе ни поэзии Алексея Толстого, ни сатиры Козьмы Пруткова, которая вся выросла из домашних парадоксов, экспромтов, розыгрышей дяди и его трех племянников, Толстого и Жемчужниковых.

В 1836 году он почувствовал себя плохо и отправился в Ниццу (как всегда, с сестрой и племянником) лечить «грудную болезнь» – одни считают, что туберкулез, другие – что ишемическую болезнь сердца. До Ниццы он не доехал, умер в Варшаве. Перед смертью просил: «Света, света!»

Что-то недоговоренное, непонятное осталось, чем-то мучает эта судьба, как мучают маленькие подземные жители, уходящие прочь в крохотных кандалах. Чего он не написал? О чем думал?

Почему ему было так темно? 🍷

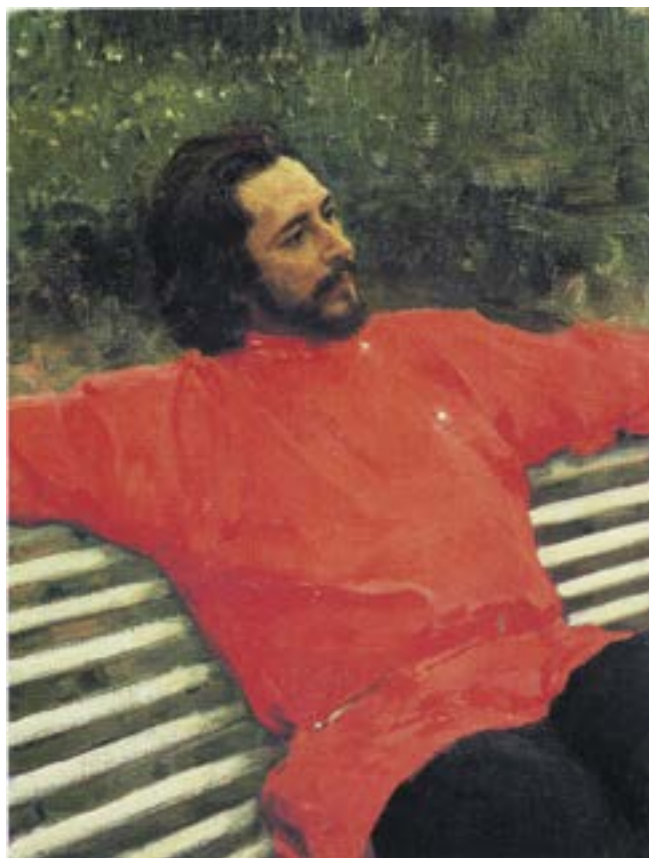
ПОРОК СЕРДЦА

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Если где-нибудь –
хоть в родном Орле –
поставят когда-нибудь
памятник Леониду
Андрееву, на постаменте
должно быть выбито:
«От неблагодарной России».

И прижизненная, и посмертная судьба этого писателя – идеальная иллюстрация к тезису о том, что Россия сказочно, невообразимо богата и совершенно этого богатства не ценит, пользуясь им с оскорбительной неграмотностью. В тени Максима Горького, провозглашенного главным отечественным прозаиком начала XX века (и не без оснований: по тиражам, славе и нарицательности он опережал даже поставщиков бульварного чтива), терялись писатели куда более одаренные, нежели он: Куприна вечно ругали за беллетризм и сентиментальность; Андрееву доставалось за дурновкусие и мрачность; Грину – за оторванность от жизни; Тэффи – за легковесность и насмешливость; Аверченко – за мелкотемье и барство; Шишкову – за сибирскую этнографическую цветистость. И все эти ярлыки приросли. Хорошо еще, Бунина спасла Нобелевская премия, не то и он ходил бы в асоциальных пессимистах и сенильных эротоманах.

А взглянуть объективно: господа помилуй, каждого из этих авторов любя из европейских литератур носила бы на руках, гордясь его отважным новаторством и стилистическим совершенством. Андреев, на мой вкус, самый сценичный из русских драматургов. Один Островский может в этом смысле с ним соперничать, но где у Островского такая напряженность действия, как в «Катерине Ивановне», такие финальные катарсисы, как в «Жизни человека»? Бытовик – он и есть бытовик, хоть и не без поэтического чувства. Никто лучше Андреева не понимал законов готической прозы – его немногочисленные

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

триллеры дадут фору Стивену Кингу. Блеск и язвительность андреевской сатиры, его сардонический юмор, политические гротески, не утратившие актуальности по сей день, поскольку в России, слава богу, все актуально, опровергают мысль о его однообразной мрачности: он умел смеяться так заразительно, что куда уж до него «Сатирикону». И – словно проклятье тяготело над ним: при жизни Андреев, хоть и знаменитый сверх меры, издававшийся и ставившийся триумфально и зарабатывавший вполне прилично, подвергался регулярным критическим разносам, причем в хулиганском, демонстративно неприличном тоне. Чуковский, его друг, защитник и временами тоже суровый критик, выписал как-то эпитеты, которыми награждали Андреева газетные рецензенты: такого тона постыдились бы Жданов с Авербахом. Умер Андреев в совершенном одиночестве и безвестности, в тягостной неопределенности, в только что отделившейся Финляндии, на даче, выстроенной

не претендует. Его душа мятется и мечется. Где Толстому хватает двух слов – у Андреева десять. Но странное дело – нам, сегодняшним, тоже далеко не титанам, эта андреевская паника ближе. Пусть она мешает ему изобразить мир – к объективности такого изображения он и не стремился, но собственный душевный хаос он живописует точно, ярко, незабываемо; это и бесило читателя, привыкшего все-таки получать портрет

реальности, а не хронику метаний авторского эго. Читатели еще не знали, что со временем это назовут экспрессионизмом. В драматургии сам Андреев изобрел термин «панпсихизм» – художественный метод, при котором на сцене действуют не люди, а идеи и страсти; действие большинства его пьес происходит в отдельно взятой голове, и до абсолюта этот метод доведен в «Черных масках». Вот лучшая, страшнейшая и выразительнейшая пьеса Андреева – страшно подумать, что у этого шедевра почти нет сценической истории: всех отпугивает условность. Ведь черные маски – не что иное, как черные мысли герцога Лоренцо, яркий свет на балу – его разум, которому все трудней отгонять призраков, а отдаленная комната в башне – его тайные, стыдные, спрятанные воспоминания. До этого метода на Западе доискали лишь недавно – запрятав, скажем, действие фильма «Вечное сияние страсти» в голову главного героя, спрятав героиню в лабиринты его детской памяти; но Андреев все придумал уже в 1908 году.

Да, арена действия двух андреевских романов, сотни рассказов, двух десятков пьес – его собственная душа, его измученное сознание. Но признаемся – на этой сцене есть на что посмотреть. Как-никак перед нами одна из самых впечатлительных, умных, догадливых и богатых натур русского Серебряного века.

Биография Андреева почти бессобытийна: вот уж подлинно – все ушло в литературу, в мучительно-напряженную внутреннюю жизнь. Родился в 1871 году в Орле, прожил всего 48 лет, умер от последствий неудавшегося самоубийства – в 23 года стрелялся, пуля прошла близко от сердца. Кстати, на этом общем опыте они с Горьким сошлись: оба в юности проверяли себя, лежа между рельсами под колесами поезда, оба стрелялись, оба еле выжили. По образованию и первой специальности, да, пожалуй, и по призванию, Андреев – адвокат, притом небезуспешный; интерес к преступлению, к пограничному состоянию, жажда защищать,

по его собственным чертежам (через несколько месяцев закончила с собой его мать). Посмертная репутация у него была при советской власти не ахти: перепечатывали – как-никак Горький называл его единственным другом, но не забывали и припечатывать. Певец упадничества, пессимист, отошел от революции, мистик, мракобес, недопонимал революционное движение, заставил революционеров перед казнью думать не о бессмертии великого дела, а, страшно сказать, о жизни и смерти! Пьесы не ставились вовсе: модернистский театр, компания в душевном подполье, непереваренная Достоевщина... И над всем этим сияли две цитаты.

Первая – употребляемая главным образом знатоками, для умных, так сказать: «Нельзя же ежедневно питаться только мозгами, да к тому еще они – всегда недожарены!» Это – Горький, о его драматургии; приписал в статье другому, анонимному остряку, но тире не спрячешь.

И главная, известная даже тем, кто строчки Андреева в жизни не прочитал: «Он пугает, а мне не страшно!» Это – Толстой, который вообще-то к Андрееву благоволил. Он о «младших» отзывался снисходительно, выделяя Куприна – главным образом благодаря купринской выразительности, жизнерадостности, душевному здоровью, а Андреев числился у него, скорей, по ведомству Достоевского: «Думает, если он болен, то и весь мир болен». Андреев его раздражал тем, что при встречах «милашничал», как записала Софья Андреевна; тем, что казался недостаточно глубоким и серьезным (смущал Толстых, вероятно, зазор между крошечной мрачностью андреевских текстов и вполне галантным, обаятельным поведением на публике; но что ж поделать – Андреев был воспитанный человек). «Рассказ о семи повешенных» тоже, вероятно, Толстого злил – по причинам, которых сам он для себя не формулировал. Известно его устное высказывание: последнее свидание родителей с приговоренным, негодовал он, – тема, за которую я, я бы не решился взяться! А он пишет, как ни в чем не бывало. В самом деле, Толстой был человек старой школы, ему присуще было высокое литературное целомудрие, и некоторых вещей – скажем, физической стороны любви – он предпочитал не касаться в принципе. «Смерть Ивана Ильича» поражает прикосновением к самым болезненным и темным сторонам человеческой души, но, вот странность, здесь нет ни натурализма, ни патологии. Смерть Ивана Ильича есть смерть любого человека вообще, с универсальными приметами животного ужаса перед небытием; можно себе представить, что сделал бы из этого Андреев – и как это было бы плохо. Толстому присуще спокойное бесстрашие, аналитический интерес, характерный для титанов духа; у Андреева этого нет, он не титан и

оправдывать, доискиваться тайных мотивов — это и в литературе у него на первом месте. Первые его сочинения высмеивались редакторами и возвращались, систематически печатать стали с конца 90-х, знать — с начала XX века. Горький привлек его к «Знанию», альманаху и кружку молодых социальных реалистов, но Андреев рассматривал политику примерно как Блок — ровно в той степени, в какой из нее можно извлечь эффектный сюжет. Собственно, в лучшем очерке об Андрееве — лучше даже горьковско-го, даром что Горький с Андреевым дружил, а Блок трех слов не сказал, — Блок и замечает: мы отлично друг друга понимали, а при личной встрече опять не нашли бы темы для разговоров, кроме коммунизма или развороченной мостовой на Моховой улице. Вот в каком ряду у него был коммунизм, а саму политику Блок называл заводью в океане человеческой жизни, вроде Маркизовой лужи. Немудрено, что Андреев очень скоро отошел от социального реализма, он был реалистом постольку поскольку: ему жаль человека вообще, его ужасает участь двуногих как таковых — ну и, в частности, участь пролетария или террориста; но жизнь вообще мало интересовала Андреева, он ее числил по ряду быта, он — конструктор сложных фабул, парадоксальных и провокационных столкновений, — какое тут правдоподобие? Террорист скрывается у проститутки, беседует с ней о смысле жизни — достоверно? Пошлость ужасная. А когда убийца и блудница вместе Евангелие читают, о воскресении Лазаря, — не пошлость? Между тем это «Преступление и наказание», весь мир сто пятьдесят лет рыдает. Главную особенность андреевских сочинений объяснил его приятель и, кстати, врач Вересаев: вот у него «Красный смех» — история о том, как молодой военный врач сходит с ума от ужасов войны. На войне, замечает Вересаев, от ужасов с ума не сходят, потому что у человеческой психики есть адаптивные механизмы; но именно этих механизмов у Андреева — по крайней мере, в литературе — нет. Он ужасается тому, к чему все давно привыкли. Что есть проза и драматургия Андреева, как не наведение на самую обыденную обыденность той чисто промытой, страшно укрупняющей оптики, которую мы все попросту не можем себе позволить — ведь при ближайшем рассмотрении мир предстанет бедламом, чумным бараком, действующим музеем изощренных пыток?! Андреев всматривается в то, во что мы давно не вдумываемся;

мы мимо бежим — и, наверное, правильно делаем. А для него каждая смерть, каждая измена, сама обыденность старения, труда, ежедневной скуки — как в первый раз! Когда я пересказываю студентам «Жизнь человека», они непременно спрашивают: где идет? как посмотреть? Нигде и никак: больше полувека толком не ставилась, да и в советское время мелькала разово. Мы же не можем примириться с бессмыслицей и ужасом жизни, мы социализм строим! Между тем пьеса эта исключительно сценична, финал ее — один из мощнейших в мировой драматургии; но человеку присущ подсознательный страх перед собственной догадкой о фатальной и трагической бессмыслице всего. Вот мы и стараемся забыть о лучших пьесах Андреева — кому же охота расковыривать язву?

Но сам Андреев как раз болезненно сосредоточен на том, чего лучше попросту не знать, не помнить: вот он рассказывает Горькому о смерти своей жены, Шуры Велигорской, после которой он никого уже не любил по-настоящему и не оправился от этого удара до конца. Она была еще жива, говорит Андреев Горькому в бесконечных ночных прогулках по острову Капри, среди скал и волн (Горький наутро удивлялся, как они себе ноги не переломали на этих козьих тропах, — но Андреев не мог оставаться дома, ходил, выхаживал горе, а Горький боялся оставить его одного). Была еще жива — но дыхание ее уже пахло тлением: «знаешь, это очень иронический запах», замечает Андреев, и мы уже не знаем, поражаться глубине его формулировок или ужасаться тому, как он из всего, включая смерть любимой женщины, делает прежде всего литературу. Нормальный человек постарался бы забыть, и это было бы, как знать, даже порядочнее; но Андрееву не до порядочности и тем более не до гуманности, когда дело о литературе. Он ее не пишет — это его единственный способ жить и думать: напряженный, мучительный поиск смысла в бессмыслице, мелодии в хаосе, высшей гармонии — в абсурде. А гармонии нет. Одна ирония всеобщего тления. Все мы стремимся познать тайну мира, а тайна в том, что смысл отсутствует. Эту тайну понял у Андреева Елеазар в рассказе о воскресшем Лазаре. Мы же мало знаем о том, что случилось с Лазарем, когда он воскрес. А Андреев — знал, или ему так казалось. Он предположил, что Лазарь, узнавший тайны жизни и смерти, побывавший за гробом и узнавший цену всему (точнее, понявший, что цена эта ничтожна), будет всеми гоним и ненавидим, а взгляда его не сможет выдержать никто из живущих. Вам ничего не напоминает эта история? Правильно, «Кладбище домашних животных», но до романа Кинга оставалось ровно семьдесят лет, а до его рождения — около сорока.

Андреев сосредоточен не на ужасном, как писали его советские критики, а на обыденном, в котором он один способен прозреть это ужасное. «Жизнь Василия Фивейского» – житие священника, на которого судьба обрушивает удар за ударом, под другим пером и другим углом зрения не обязательно чистый, беспримесный и беспросветный ужас. Это вполне могла быть трогательная и в высшей степени православная повесть, без всякого богоборчества: один сын родился идиотом, другой погиб, да, кошмар, врагу не пожелаешь, но есть же в жизни Василия Фивейского вера, есть любовь, есть луч надежды, не все же дни своей жизни провел он в отчаянном вопрошании «За что?!». Есть ведь жизнь какая-никакая... Но для Андреева все эти утешения – непозволительный компромисс: у него, если герой порадуется чему-нибудь – хоть клейким зеленым листочкам, – того и жди, что через пару строк автор его догонит и в очередной раз оглушит. Нет у Андреева ни умиления, ни надежды. Есть сострадание – это да, куда же без него; и мало кто из детей не плакал над гениальной «Кусакой», историй собачки, которую бросили дачники. Вот и сам Андреев чувствовал себя этой Кусакой, брошенной хозяином, думаю, такое сравнение его бы не унизило. Ищет хозяина – и не находит. А если бы нашел – разве писал бы такую прозу? Впрочем, в последние годы он пытался утешиться патриотизмом, приветствовал начало войны, патриотический подъем 1914 года – и, естественно, ничего хорошего у него не вышло. «Дневник Сатаны» – последний, неоконченный роман – доказывает, что ни с чем на земле он так и не примирился, не успокоившись в лоне спасительной клановой или кастовой лжи: видеть мир как есть – вот андреевское кредо с начала до конца.

Как есть? Или это все-таки порок, дефект зрения, тот самый «порок сердца», который сгубил его? Ведь мир осмыслен, полон любви и милосердия, дышит обещанием праздника и справедливости – если взглянуть на него без андреевской испепеляющей страсти, без его придирчивости и сосредоточенности на зле. Ведь младший сын Андреева, Даниил, гениальный русский духовидец, автор «Розы мира», – тот самый Даниил, чье рождение стоило жизни его матери, – сумел в кошмаре собственной жизни увидеть смысл и предназначение. Через все ужасы сталинских застенков пронес он веру и написал один из самых одухотворенных гимнов глубине и сложности мира – цикл «Русские боги», вершину русской метафизической лирики. Но Андрееву-старшему эта проза и этот поэтический ансамбль наверняка показались бы пусть благородным и творческим, но безумием, в лучшем случае самообманом. Над ним тяготеет мрачность Серебряного века, нордическая, скандинавская, ибсеновская и стриндберговская. В этом есть

дурной вкус, но есть и выдающийся художественный результат, и мужество, и последовательность. А все, кто пытаются утешаться и утешать, вызывают у Андреева примерно такое же чувство недоумения и гадливости, как бледные, невеселые дети, резвящиеся под полечку и истерический крик «Танцирен, танцирен!» – из страшного, загадочного рассказа «Он».

Надо ли сегодня читать Андреева? Вопрос смешной. У него есть прекрасные наследники – в частности, Людмила Петрушевская, научившаяся у него очень многому и тоже, увы, пренебрегающая утешениями. Правда, у Петрушевской больше мстительности, ее категорически не устраивают благополучные, и своей прозой она мстит им за всех, кто страдает; у Андреева меньше этой злости, он не считает долгом все время бить читателя ниже пояса, но связь Петрушевской с его прозой и драмами несомненна. Кстати, Андреев ведь не придумал все это, он лишь развивает одну из чеховских линий, линию «Палаты №6» и «Черного монаха», так что читать Андреева стоит хотя бы для того, чтобы увидеть и внятно представить одну из важнейших преемственности в русской литературе. Однако ценность и величие андреевского наследия не только в этом. Прежде всего – в лучших образах, где Андрееву не изменяет вкус, это отличная литература. Кроме того, настроения, которые чаще всего переживает его герой-рассказчик, его любимый протагонист, в той или иной степени знакомы каждому. И возвращение к ним, к этому чувству бесконечной заброшенности, оставленности, тоски, – весьма плодотворно уже потому, что без этого чувства нельзя вполне оценить ни любовь, ни благодарность.

Андреев не может не раздражать, как раздражал он современников и даже ближайших друзей, коих было, впрочем, немного: он оглушительно избыточен, страшен, травматичен, ошеломляюще талантлив и так же чрезмерен. Однако пора бы напомнить другу другу и себе самим, что литература – не

увеселительная прогулка. Литература – пространство великих вопросов и больших страстей. И Андреев, какой он ни есть, – заслужил благодарную память уже тем одним, что как никто соответствовал масштабу собственной страны, будучи одинаково великим и в своих взлетах, и в провалах. Впрочем, может быть, за напоминание об этом масштабе мы сегодня и недолюбиваем его? 📖

КЛЮЧИ ОТ ИЗБОРСКА

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

Через год вся страна отпразднует 1150-летие Изборска. Указ о присвоении празднику статуса государственного подписал президент, создан оргкомитет по его подготовке, бюджет мероприятия оценивается в 6 миллиардов рублей. Еще десять лет назад Изборск ни о чем подобном и мечтать не мог. Государственный заповедник представлял собой руины старой крепости в 20 километрах от Пскова, на которую из областного бюджета тратили около миллиона рублей в год – просто чтобы не развалилась. Но руководство музея ждало свой шанс.

Оценить перспективы Изборска как туристического места не так-то и просто. Вроде бы «медвежий угол» в 30 километрах от эстонской границы. Но расположен Изборск у федеральной трассы, ведущей из Пскова в знаменитый Псково-Печерский монастырь. Основа заповедника – крепость XIV века, по меркам реставраторов находящаяся в хорошем состоянии: 85 процентов сохранности. Но на стены не подняться, над башнями нет крыш, нет интересного военного музея и приличной смотровой площадки. Вокруг крепости раскинулась Мальская долина со Словенскими ключами и крупнейшей в стране площадью охранной зоны – 7,7 тысячи гектаров. Это красивейший ландшафт, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В отличие, например, от Пушкинских Гор здесь не появилось новорусских особняков: строить можно только на старых фундаментах и не выше 8 метров. Зато до остатков древнего Труворова городища приходится идти пешком больше километра по пересеченной местности – ни транспорта, ни указателей нет. Отсутствуют также кафе (трактир есть только у крепости), парковки и удобные дорожки. Последние обустроили в 2002 году на средства датско-эстонского гранта в 250 тысяч евро. А 2 августа 2002 года сюда неожиданно завернул Владимир Путин, ехавший из Пскова в Печоры. Президент пообщался с публикой, купил ма-

лосольный огурец и аппетитно похрустел им перед объективами телекамер. Сопровождающие лица последовали его примеру.

Путин пробыл в Изборске меньше часа: осмотрел крепость, спустился к целительным ключам, зачерпнул рукой воды в озере...

И вскоре в Изборске появился экскурсионный маршрут «Тропой Путина», а в обычно скупой областной администрации выделили деньги на создание первого в стране музея президента и документального фильма «Здесь был Путин». Ныне покойный директор музея Леонид Панов стал частым гостем на центральных телеканалах: он хотел установить в Изборске несколько мемориальных досок о визите Путина. Но вместо досок вдвое увеличилось количество торговых палаток.

«Заповедник – это наша гордость и наш крест, – рассказывает изборянка Вера. – У нас невозможно открыть промышленное предприятие. Поэтому кормить нас может только крепость. В последний год два десятка мужиков получили работу на раскопках. То ли еще будет!»

Едва директор Панов начал рассказывать о визите Путина, тут же нашлись деньги на реставрацию башни 1330 года, а Изборск стал местом паломничества высших сановников государства. Многие изборяне вполне серьезно думают, что они привозят с собой мешки денег.

БОЕВОЙ ХОД

Баба Саша – единственная, кто торгует огурцами на площади перед крепостью. Она уже привыкла видеть себя на экране телевизора за спинами министров и вице-премьеров. Но для нее это не повод повышать цены: огурец, как и десять лет назад, стоит 5 рублей. «Путину, по-моему, огурец понравился, – рассказывает старушка. – А многие министры кривятся, но все равно едят. А для нас главное, что туристов стало больше – вон, видите, автобусам не разъехаться. Нормальной стоянки у нас нет. Многие из Питера палатки ставят в Мальской долине у озер. Вы что, к себе в Петергоф тоже с ночевкой ездите?» Число посетителей Изборского музея возросло за девять лет в пять раз – с 20 до 100 тысяч человек в год. В юбилейный год ожидают 300 тысяч туристов. Объявлено, что из федерального бюджета в 2011 году Изборск по-

лучит 150 миллионов рублей, а к сентябрю 2012 года бюджеты всех уровней планируют вложить в городок 6 миллиардов. Реставраторы говорят, что нужно 8 миллиардов, но тут же осекаются: не погубили бы заповедник такие деньжищи.

«К юбилею планируем отреставрировать крепостные стены и башни, закрыть их от непогоды кровлями, – рассказывает директор музея-заповедника «Изборск» Наталья Дубровская. – Хотим также воссоздать «боевой ход». Это ловушка для врагов, которые, прорвавшись через крепостные ворота, попадали в каменный коридор. Нужно сделать трассировку исторических улиц и восстановить легендарный тайный лаз к Никольскому колодцу. Надеюсь, наконец появится оборудованная смотровая площадка с видом на Мальскую долину». Группа реставраторов уже восстанавливает «тайный колодец» XIV века, со дна которого уходит подземный ход. Тайник обнаружили сто лет назад, но до его реставрации руки так и не дошли. Совсем недавно открыли для посетителей булыжную мостовую возле Никольских ворот, о существовании которой специалисты знали давно. Ожидается, что впервые начавшиеся в крепости археологические раскопки дадут множество деталей быта изборян.

Однако некоторые ученые считают, что Изборск стал местом рискованных экспериментов. Например, руководство музея планирует соорудить деревянную конусообразную крышу на стенах и башнях, а известный реставратор из Петербурга Михаил Мильчик с этим не согласен. «Чаще всего крыша была пологая, ее высота чуть превосходила человеческий рост, – рассказывает Мильчик. – Нынешний вариант значительно выше. Опасаюсь также, что при реставрации стен будет нарушена граница между историческим слоем стен и новоделом. Древние изборяне строили укрепления из грубо отесанного известняка, а сегодня восстановленные части стен чуть ли не отполированы».

Однако полемика искусствоведов – в стороне от вопросов выживания заповедника как историко-культурного объекта. Очевидно, что Изборск не повторит судьбу тысяч российских крепостей, монастырей и усадеб, умирающих от отсутствия какого-либо внимания.

У Михаила Мильчика и главы Псковского ВО-ОПИИК Ирины Голубевой есть претензии и к вторгающимся в пейзажи Мальской долины вышкам сотовых операторов, и к разрастающемуся у стен крепости базару. Но Наталья Дубровская проблемы в этом не видит. Как часть туристического потенциала рассматриваются фирменные изборские вареники, пироги с капустой, грибами и вареньем, блины и, конечно, огурцы. А в сувенирной лавке на площади перед Изборской крепостью фигурки президента Путина и князя Трувора стоят рядом. «Без них крепость так без крыши бы и стояла, как в Себеже или Опочке», – с любовью поглядывая на фигурки, говорит продавщица.

ТРУВОРОВО ГОРОДИЩЕ

Другой туристический магнит Изборска – старинный двухметровый крест на кладбище. На нем нет никаких надписей, но местные уверены, что это – могила легендарного Трувора, брата Рюрика, который княжил в Изборске в середине IX века. Вообще-то многие ученые считают Трувора легендарным, а не реальным персонажем. А сам крест датируется XV веком. И ни в одном путеводителе не написано, что похожий крест стоит в километре отсюда, на стороне от туристических маршрутов. «Руководство музея немного лукавит, но цели преследует благие, – считает петербургский реставратор Андрей Званцев. – Оно хочет, чтобы реставрационные работы не ограничились одной только крепостью. Чтобы и Труворово городище было превращено в полноценный памятник археологии. Труворов крест – это удачный бренд Изборска. Его удобно тиражировать, он западает в память. В конце концов, под него удобно собирать деньги».

Много говорится и о перспективах археологических раскопок в Труворовом городище. Некоторые археологи недоумевают: первые изыскания здесь проводились в 1870-е годы, регулярно возобновлялись, правда, каких-либо впечатляющих находок не принесли. Но в преддверии юбилея Изборска на них проще получить деньги. И даже если не будет сделано серьезных находок, здесь можно устроить археологический музей.

В России около 90 тысяч памятников культуры, более половины из них – почти руины. Бюджет обречен реставрировать их точно. Самый верный, и проверенный, способ получить финансирование – памятная дата. Или привязка к заметной исторической фигуре. Например, хорошо использовать Пушкина, но можно и Трувора.

«В любом случае Изборск – это колыбель славянской цивилизации, – говорит историк и писатель Сергей Ачильдиев. – Там находятся объекты исключительной ценности, а их запущенный вид – позор. По сравнению с этим не так уж важно, существовал Трувор или нет. Важно, что его образ успешно помогает музею-заповеднику реставрировать объект».

Процесс преображения Изборского заповедника получил и другое, вероятно, самое важное последствие. В городке проживает чуть более 600 человек. Это критическое число для российской провинции: на этом этапе часто закрывают школу, библиотеку, клуб, а молодежь уезжает в города. В Изборске наблюдается обратный процесс: сюда приезжают люди, покупают старые заброшенные дома, разворачивают хозяйство. Из школьного выпуска этого года почти никто не уехал. А значит, есть уверенность, что грядущий юбилей не станет последним. 🍷

«ВРЕМЯ! Я ТЕБЯ МИНУЮ»

ЛАДА КЛОКОВА

Русая девочка 13 лет спросила опытного революционера: «Можно ли быть поэтом и состоять в партии?» «Нет», – сказал тот. Честь и хвала этому человеку: ответ он иначе, русская литература, возможно, лишилась бы одного из своих великих поэтов... Через пять лет девочка выпустила сборник стихов: зеленую обложку украшали слова «Вечерний альбом» и имя автора – Марина Цветаева.

Книга имела большой успех. Гумилев писал, что автором «инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии». Волошин и Брюсов отмечали необычную интимность стихов и отсутствие каких-либо влияний. В последнем, впрочем, Цветаеву никто не мог упрекнуть.

«Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не принадлежу», – заявила Марина Ивановна в 1926 году в «Ответе на анкету». Волошин как-то даже поспорил с поэтессой Аделаидой Герцык, что отыщет в стихах Цветаевой чье-нибудь литературное влияние. Спор он бесславно проиграл. Зато стал утверждать, что в Цветаевой живет не менее десяти поэтов, и уговаривал ее печататься под псевдонимами, будто одной истории с Черубиной де Габриак ему было мало. «Но Максимо мифотворчество роковым образом преткнулось о скалу моей немецкой протестантской честности, губительной гордыни все, что пишу, – подписывать», – отметила Марина Ивановна в «Живое о живом».

«Я ГОД ПРИМЕРЯЮ СМЕРТЬ»

...Она просыпается затемно, когда все спят. Пробирается к кухонному столу (иного – нет), нащупывает тетрадь. Главное – не уронить что-нибудь с грохотом: несмотря на сильную близорукость, она не носит очки.

За окном сонно ворочается парижский пригород Медон. Карандаш шуршит по бумаге, слова сокращаются – рука не успевает фиксировать мысли. Руки у нее большие и натруженные.

отсутствие карьеризма, простота, отрешенность.) Слитое влияние отца и матери – спартанство. Два лейтмотива в одном доме – музыка и музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский – рыцарский», – писала Цветаева. Кажется, трудно представить более неподходящих друг другу людей, чем ее родители. Иван Владимирович Цветаев, профессор

Как у крестьянки, никакой изысканности, отличающей поэтесс, говорят недоброжелатели. Ей нет дела до этого шипения за спиной, она живет в согласии с выбранным еще в юности девизом – *Ne daigne* (фр. «Не снисхожу»). А слово «поэтесса» она не признает. Она – Поэт.

Она пишет, выгадывая у времени лишнюю минуту: скоро начнется новый безрадостный день. Нужно думать о том, где взять денег, чем кормить семью, напечатают ли эмигрантские журналы ее рукописи: она считает каждую копейку скудных гонораров. Ее ждут стирка, готовка, размышления о том, что продать из вещей. Да и кто их купит? «Все мои вещи, когда я их покупала, мне слишком нравились, – поэтому их никто не покупает», – написала она еще в 1919 году в голодной Москве. Тогда она стала продавать книги из семейной библиотеки. Но сейчас... Кочевой быт и нужда поглотили почти все ценное. Остались, правда, серебряные кольца и браслеты, которыми унижены ее руки. Но с ними она не расстанется до смерти...

Есть одна странность: предполагая, домысливая, как она умрет, Марина Ивановна часто вела разговор о петле. Вот и в сентябре 1940 года написала: «Никто не видит – не знает, – что я год уже ищу глазами крюк... Я год примеряю смерть». До черного дня – 31 августа 1941-го, до петли в захолустной Елабуге оставался один год...

НАЧАЛО

Сверните с шумной Тверской в Мамоновский переулок, пройдите его до конца и остановитесь. Вот он – застенчивый Трехпрудный. Видите затейливое здание с башенками? Это – бывшая скоропечатня товарищества «Левенсон А.А.». Та самая, куда Марина отнесла свой первый сборник. Напротив по диагонали стоял деревянный особняк (в революцию его растащили на дрова). Именно здесь в 1892 году, 26 сентября по старому стилю, родилась Марина Цветаева.

«Главенствующее влияние – матери (музыка, природа, стихи, Германия). Страсть к героиству. Один против всех. Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду,

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Московского университета, директор Румянцевского музея, четырнадцать последних лет своей жизни посвятил созданию Музея изящных искусств (ныне – Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Сын бедного сельского священника всего в жизни добился сам. В 33 года он без памяти влюбился в красавицу Вареньку – дочь известного историка Дмитрия Иловайского. Они прожили десять лет в браке, Варвара Дмитриевна умерла после родов, оставив мужу семилетнюю Валерию и сына Андрея. Спустя год Цветаев женился на Марии Мейн. Мария Александровна красотой не блистала, зато была одаренной личностью: прекрасно играла на рояле, пела, рисовала, знала несколько языков. Но она не смогла заменить мужу Вареньку, большой портрет которой Цветаев повесил в спальне. В дневнике своем вторая жена записала: «Мы венчались у гроба».

Мария Александровна родила Марину и Анастасию, а мечтала о сыне, хотела назвать его в честь своего отца. Александр Данилович Мейн – остзейский немец, отслужив в Кексгольмском гренадерском полку, стал чиновником при московском генерал-губернаторе. Мать

Марии Александровны, происходившая из польского рода Бернацких, умерла после родов. Для воспитания Маши отец выписал из швейцарского Невшателя бонну – Сусанну Эмлер, с которой обвенчался, когда дочери было 20 лет. Цветаевы ее называли «Тю» – тетя и очень любили.

А будущего поэта в семье звали Мусей, Марусей. В четыре года мать усадила ее за фортепиано. Тогда же Муся научилась читать и начала сочинять стихи.

Мусе и Асе внушали, что просить – недостойно, что деньги – грязь, одевали подчеркнуто строго, за шалости наказывали. Зато мать много читала им вслух, играла на рояле, рассказывала о несчастном Лире, о мудром Сократе и «лунном короле» Людовиге Баварском. Твердила, что талант – не заслуга человека, а дар Божий. «Это меня охраняло и от самомнения, и от само-сомнения, от всякого, в искусстве, самолюбия...» – вспоминала Марина Ивановна.

Ежедневные прогулки на Патриаршие пруды и к памятнику Пушкину на Тверской, гувернантка-немка Августа Ивановна,

она чувствует себя одинокой, ее мучает тоска. Позже Цветаева сформулирует причины тоски и одиночества, терзавших ее всю жизнь: поэт всегда противостоит миру. Поэт – невольник своего дара и пленник своего времени. Его задача – увидеть самому и дать увидеть всем остальным. И как эта способность «увидеть» и этот талант «дать увидеть» – мучительны!

Вернувшись в Москву, она втайне готовит первую книгу: «Вечерний альбом» выходит осенью 1910 года.

напевавшая «Ach, du liber Augustin...», золоченые иконостасы домово́й университетской церкви Св. Татианы, церковный хор... Муся обожает Рождество и Пасху, но самый дорогой ей праздник – Благовещение, когда на волю выпускают птиц. Марина, судя по мемуарам Анастасии и Валерии, была непростым ребенком: упряма, застенчива, горда, обладает большой силой воли, резка и замкнута. Любимое ее занятие – чтение. Кумир – Пушкин. Она десятки раз переписывает его «К морю» – это стихотворение и лермонтовское «Свиданье» останутся любимыми на всю жизнь. Позже она влюбится в Ростана, Гейне, Гёте, Гёльдерлина, Гофмана, Шамиссо.

Первую тетрадь своих стихов Марина Цветаева завершила в 7 лет! В «Истории одного посвящения» она вспоминает, что стихи были подражательные, а тетрадь заканчивалась словами: «Плохие стихи – ведь это корь. Лучше отболеть ею в младенчестве». Мать не воспринимает ее стихи всерьез, мечтая о том, что дочь будет известной пианисткой.

На лето семья переезжает в Тарусу. Здесь – дача, запущенный сад, огород, в котором возится отец, ветви жасмина в раскрытом окне, варенье из крыжовника, букетики иммортеля, сиделки на берегу Оки до ночи, когда над рекой медленно плывет белый шар Луны... Здесь же живут любимая Тьо, закармливающая сестер конфетами, и родственники отца Добротворские. ...В 1902 году пришла беда: у Марии Александровны открылась чахотка. И хотя она продолжает вести деловую переписку мужа и бодрится, на щеках ее предательски цветет нездоровый румянец. Доктора советуют сменить климат. Три года мать и дочери не были в России: Мария Александровна лечилась в Италии, Швейцарии, Германии. В Нерви под Генуей в «Русском пансионе» 10-летняя Муся жадно прислушивается к разговорам соседей – революционеров-эмигрантов: эти странные люди говорят, что Бога нет, ругают царя! В 1905 году Цветаевы едут в Ялту, здесь в пансионе их соседи – эсеры, и Маруся снова тянется к разговорам о «политической ситуации». Мария Александровна переживает, боится, что дочь выберет «не ту дорогу». Состояние ее между тем ухудшается, она возвращается в Тарусу, где умирает в июле 1906 года. Ее опасения по поводу дороги, которую выберет дочь, были напрасны: к 16 годам Марина потеряла интерес к политике.

После смерти матери Марина еще больше замкнулась в себе. Занятия музыкой забросила, за четыре года сменила три гимназии. Она прячется на чердаке, а когда отец уходит на службу, запирается в своей комнате и читает запоем. Ее страсть – эпоха Наполеона, ее жизнь – французские и германские поэты. Летом 1909 года одна едет в Париж, где слушает курс французской литературы в Сорбонне. Но в Париже, как и в Москве,

Да, сборник был оценен маститыми поэтами, у Цветаевой завязывается дружеская переписка с Волошиным, возникает взаимная неприязнь с Брюсовым, но не они ввели ее в литературные круги. Ее «Вергилием» стал один из создателей знаменитого издательства «Мусагет» – Лев Эллис. Он просил руки 17-летней Марины и получил отказ. Она была влюблена в другого – 26-летнего Владимира Нилендера, бредившего орфическими гимнами переводчика античной литературы. Но отношения не сложились. Теперь она начала курить, пьет рябиновую настойку, дурачится: дала в брачную газету объявление со своим адресом о том, что требуется жених. «Ее нельзя назвать злой, нельзя назвать доброй, – вспоминала Валерия Цветаева. – В ней стихийные порывы. Уменьше ни с чем не считаться. Упорство. Она очень способна, умна».

Одиночество закончилось в мае 1911 года, когда Марина в Коктебеле, куда она приехала по приглашению Волошина и Пра (так «волошинцы» звали мать поэта – Елену Оттобальдовну. – Прим. авт.), встретила Сергея Эфрона. Все коктебельцы с упоением откапывали на пляже затейливые камешки. Цветаева заявила, что выйдет замуж за того, кто угадает ее любимый камень. «...С.Я. Эфрон... чуть ли не в первый день знакомства отрыл и вручил мне – величайшая редкость! – генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной», – писала в 1931 году Цветаева. Они повенчались в Москве в январе 1912 года. Марина и Сергей молоды, счастливы, обеспечены. Они создали издательство «Оле-Лукойе», которое выпустило сборники стихов Цветаевой «Волшебный фонарь» и «Из двух книг», книги Эфрона «Детство» и Волошина – «О Репине». На этом издательство заглохло. А Марина, вернувшись из свадебного путешествия по Европе, объездила пол-Москвы в поисках «своего» дома и нашла то, что искала, в Борисоглебском переулке. В сентябре 1912 года она родила дочь – Ариадну.

ЛУЧШЕ БЫТЬ, ЧЕМ ИМЕТЬ

В «Герое труда» Цветаева пишет, что с 1912 по 1920 год она жила «вне литературной жизни». Это выглядит странно. Да, после «Из двух книг» в эти годы не вышло ни одного ее сборника. Но именно в это время созданы стихи о Москве, прекрасный цикл к Ахматовой, невыносимо светлые стихи к Блоку, стихи о войне, революции... Именно тогда она пишет пьесы «Червонный валет», «Метель», «Фортуна», «Каменный ангел»... Может, она подразумевала, что не встречается с поэтами, не печатается? Вряд ли: она популярна, на поэтических вечерах ей аплодируют, в 1916 году она публикуется в каждом номере «Северных записок». А может, то, что происходило в это время в ее жизни и в жизни вокруг, заслоняло для нее понятие «литературная жизнь»? Ведь именно тогда грянули Первая мировая война и революции в России. Цветаева отказывалась мириться с ними. Германия – ее любовь с детства, а война для нее – понятие апокалипсическое. Февральская революция ее потрясла: «Пал без славы Орел двуглавый. // Царь! – Вы были неправы». Октябрьскую она восприняла как непоправимую беду.

В ее жизни катастроф тоже хватало. После рождения дочери она расцвела, стала носить старомодные платья в пол, украшения из аметистов и янтаря. У нее начинается роман... Даже не роман, а какое-то самостязание. Причина его – поэтесса Софья Парнок, та самая «Русская Сафо». Эфрон самоустранился: поездки на фронт с санитарным поездом пришлись как нельзя кстати. Цветаевой же, как выразилась Пра, пришлось «перегореть». К концу 1915-го Цветаева будто очнулась от наваждения. Позже в своем «Письме к Амазонке» она расставит точки над «и», отказав подобным отношениям в праве на существование...

В 1916-м начинается новый роман, завершившийся летом того же года. На сей раз – с Осипом Мандельштамом, который, судя по стихам, посвященным Цветаевой, влюбился не на шутку. Он даже пытался найти себе работу в Москве. Эфрона в этот момент призвали в армию, он снова ничего не замечал. Или делал вид? В то время он еще едва ли не молился на Марину...

В апреле 1917-го у Эфрона и Цветаевой родилась вторая дочь – Ирина. Сергей Яковлевич перевелся в Москву, в 56-й запасной полк. Он не отличался крепким здоровьем, Цветаева, опасаясь туберкулеза, хлопотала о переезде на юг. В октябре 17-го она приезжает к Волошину

в Крым, а на обратном пути узнает о боях в Москве. Цветаева – в ужасе, под стук колес и площадную брань попутчиков записывает в тетради клятву мужу: «...Если Бог сделает это чудо – оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака...» 21 год спустя, когда Цветаева, вопреки своей воле, отправилась за мужем и дочерью в СССР, она приписала к этим словам: «Вот и поеду – как собака...»

...Эфрон собирался в Ростов – там формировалась Добровольческая армия. В последний раз они виделись в январе 1918-го. В следующие четыре года Марина Ивановна не будет иметь о муже никаких известий, ее ждут тяжелые испытания. Голод, холод, нищета, болезни дочерей (в 1920 году в Кунцевском приюте, куда Цветаева на время отдала детей, поскольку кормить их было нечем, умерла Ирина). Дом в Борисоглебском стал общежитием. Цветаева рубит на дрова шкафы и стулья («утюгом колочу по топору»), рояль обменивает на пуд черной муки, варит кашу на воде и пустые похлебки в самоваре... Она экономит бумагу, записывает строфы на обоях. Как-то дома она застала незнакомого человека. Приняв грабителя за начинающего поэта, пришедшего познакомиться, она предложила ему морковного чаю, а он, ужаснувшись ее нищете, выгреб из своих карманов все деньги... Она пробовала работать, но бессмысленная служба в Наркомнаце оказалась выше ее сил. Учреждение располагалось на Поварской, в бывшей усадьбе графа Соллогуба – «прототипе» дома Ростовых в «Войне и мире». Через пять месяцев уволилась. А затем... Ее пригласили выступить в Наркомнаце на вечере, на котором присутствовал Луначарский. «Так четко я никогда не читала... Монолог дворянина – в лицо комиссару – вот это жизнь!» – вспоминала Цветаева в «Моих службах». Глядя на Луначарского, она отчеканила монолог графа Лозэна из «Фортуны»: «...Так нам и надо за тройную ложь // Свободы, равенства и братства!» В те годы она придумала себе еще один девиз: *Mieux vaut être qu'avoir* (фр. «Лучше быть, чем иметь»).

...Когда читаешь воспоминания об этом времени, поражаешься не тому, как Цветаева смогла выжить и не сойти с ума, а тому, как она могла писать! «Осенью 1921 года мы шли с Цветаевой вниз по Тверскому бульвару, – вспоминает в «Бывшем и несбывшемся» Федор Степун. – ...Мужественно шагая по песку босыми ногами, она просто и точно рассказывала об ужасе своей нищеты, неустроенной жизни... Мне было страшно слушать ее, но ей не было страшно рассказывать: она верила, что в Москве царствует не только Ленин в Кремле, но и Пушкин у Страстного монастыря». С Пушкиным – ей ничего не было страшно. Еще – рядом были те, кто делился последним. Константин Бальмонт, которого она звала «братик», Павел

Антокольский, актриса Софья Голлидэй – ей Цветаева посвятит «Повесть о Сонечке», князь Сергей Волконский – ему она напишет цикл «Ученик», друзья из любимого «Обормотника»...

О, не раз, наверное, в тяжелые минуты Марина Ивановна вспоминала «Обормотника»! На 7-м этаже дома на Малой Молчановке, подъезд которого до сих пор украшают свирепые львы, поселились сестры Эфрона – Вера и Лиля, а также Пра. Здесь, где смеялись, пели, танцевали, Марина и Сергей были завсегдатаями. Двумя этажами ниже жил Алексей Толстой, которого «волошинцы» звали важно – «Алехан», а он их нежно – «обормотами». Так и получился – «Обормотник»...

В июле 1921 года Цветаева узнает, что муж жив: Эфрон эвакуировался в Галлиполи, оказался в Константинополе, намерен перебраться в Чехию. Марина Ивановна не ходит – летает как на крыльях, хлопчет о разрешении на выезд. И вдруг... 7 августа приходит весть о смерти Александра Блока: нет больше «рыцаря без укоризны», которого она боготворила. Проходит чуть более двух недель и – новый удар! Расстрелян Николай Гумилев, ползут слухи о самоубийстве Ахматовой. В надежде узнать что-нибудь Цветаева не выходит из «Кафе Поэтов», умоляет его хозяев оплатить ей командировку в Питер: «Господа! Я вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно – у меня всегда полный зал!» (в те времена в «Кафе Поэтов», располагавшемся в Настасьинском переулке – напротив дома Сытина на Тверской, – собиралась вся литературная Москва. – Прим. авт.). Узнав, что Ахматова жива, Цветаева пишет ей восторженное письмо...

Самой большой радостью того года стали «Версты» – сборник из 35 стихов, изданный перед ее отъездом. «Передайте Марине, что ее книга «Версты», которую она оставила нам, уезжая, – лучшее, что осталось от России», – писала Аделаида Герцык своему знакомому в эмиграции.

ЧУЖБИНА

В мае 1922 года Цветаева с дочерью уже в Берлине. В июне они перебираются в Прагу, встречаются с Эфроном. До 1925 года семья живет в деревнях на пособие от чешского правительства и гонорары Цветаевой. Сотрудничество с эмигрантскими изданиями идет трудно: Цветаева резко реагирует на редактуру своих текстов, многие ее стихи не нравятся издателям, то обвиняющим ее в симпатиях к большевикам, то упрекающим в излишней романтизации «белой идеи». Но у нее есть верный почитатель – Марк Слоним, литературный редактор правозсеровской «Воли России», где ее печатают постоянно. Еще у нее есть «добрый ангел» – Анна Тескова, чешская учительница и переводчица, с которой Цветаева переписывалась с 1922 по 1939 год. Она помогала, чем могла, – деньгами, одеждой. Письма Цветаевой к ней опубликованы в 2009 году отдельной книгой, читать

эту жуткую летопись жизни задыхающегося от нищеты человека – сплошная мука...

Что ее поддерживало? Скорее всего, общение и переписка с такими же, как она, – «не от мира сего»: Андреем Белым, Борисом Пастернаком, Райнером Рильке...

В 1925 году у Цветаевой родился долгожданный сын – Георгий, которого она зовет Мур. Тогда же семья перебирается во Францию, скитается по беднейшим пригородам Парижа, борется за выживание. Ариадна помогает матери по дому, Эфрон чаще сидит без работы. Гонораров становится все меньше. У Марины Ивановны развивается малокровие. Бывает, семья живет на 5 франков в день, которые зарабатывала Аля вязанием шапочек. Спасали все те же «добрые ангелы»: Тескова, Анна Андреева (вдова Леонида Андреева), литературовед Святополк-Мирский, писательница Колбасина-Чернова, семья журналиста Лебедева...

К концу 20-х годов Сергей Эфрон примыкает к левой части евразийского движения, лидеры которого пытались наладить контакты с «опозицией» в СССР (мистификация, блестяще разыгранная ГПУ, вошла в историю под названием «Операция «Трест». – Прим. авт.). Эфрон стал лояльнее к СССР, увлек своими идеями Алю и Мура. Марина Ивановна больше не находит общего языка с мужем и дочерью. Эфрон устраивается в «Союз возвращения на родину», с 1931 года он – агент ОГПУ. Цветаева ничего не знает. Скандал с убийством разведчика-невозвращенца Игнатия Рейсса в Швейцарии осенью 1937 года, в котором был замешан Эфрон, оказался для нее катастрофой. В октябре Эфрон бежал, а вскоре обнаружился в Ленинграде (Аля уехала в СССР еще в марте 1937-го. – Прим. авт.). Цветаеву вызвали на допрос в полицию. Она была раздвлена: невпопад отвечала на вопросы, читала свои французские переводы стихов Пушкина... Следователи отпустили «эту полоумную русскую». Вскоре после этого Марк Слоним встретился с Цветаевой и был поражен тем, как она постарела. «Я обнял ее, и она вдруг заплакала, тихо и молча, я в первый раз видел ее плачущей, – вспоминал Слоним. – ...Меня

потрясли и ее слезы, и отсутствие жалоб на судьбу... Я помню, как просто и обыденно прозвучали ее слова. «Я хотела бы умереть, но приходится жить ради Мура, Але и Сергею Яковлевичу я больше не нужна».

После бегства Эфрона от Цветаевой отвернулись все, кроме ее верных «добрых ангелов». Ее не печатали, с ней не общались, жить было решительно не на что. Она понимала, что выбора – нет: придется ехать

к мужу. Она понимала, что писать она там не сможет, а ведь всегда говорила: «если я не смогу писать – умру». Перед самым отъездом из Парижа, узнав об оккупации Германией Чешского государства, она написала «Стихи к Чехии». Там есть строки, от которых – мороз по коже:

*О, черная гора,
затмившая весь свет!..
Пора-пора-пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть
В Бедламе нелюдей.
Отказываюсь – жить
С волками площадей.
...Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.*

Так она чувствовала себя, возвращаясь на родину. Впрочем, ее родины больше не было. Как не было и ее любимой Москвы, которую она воспела, как никто другой. Красной России, куда вернулась Цветаева, она была не нужна. Белой России, жившей в парижских пригородах, она не нужна была тоже. Она все понимала: «Тоска по родине! Давно // Разоблаченная морока! // Мне совершенно все равно – // Где – совершенно одинокой // Быть...» Что Россия, что Франция – все чужбина...

В Москве большинство прежних знакомых не рвались с ней общаться. Кто-то боялся, а кто-то, возможно, стыдился: немало коллег по цеху поливали ее грязью в передовицах, пока она была в эмиграции. Последние сочувствующие отшатнулись в 1939 году, после того как НКВД арестовало ее дочь и мужа. Она практически не пишет стихов: в 1940 году их появилось лишь девять, в 1941-м – два. «Если я не смогу писать – умру»... Ее жизнь превращается из кошмара – в ад крошечный.

«...ЭТО УЖЕ НЕ Я»

...18 августа 1941 года Марина Ивановна с Муром в группе эвакуированных приехали в Елабугу. 21 августа остановились в доме Бродельщиковых. 24 августа Цветаева едет в Чистополь, надеясь получить работу. 26 августа пишет заявление в Совет Литфонда: «Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Работы нет. 28 августа возвращается в Елабугу. 31 августа...

Биограф Цветаевой, Виктория Швейцер, расспрашивала Бродельщиковых об их

квартирантке. «Она показалась им старой и некрасивой, – пишет Швейцер в книге «Быт и бытие Марины Цветаевой». – ...Одета была неважно... Дома все время носила большой фартук с карманом – «так в нем и померла», – говорит Анастасия Ивановна (Бродельщикова. – **Прим. авт.**)... Всех в тот день погнали аэродром чистить. Вместо Цветаевой сын пошел. Первой домой вернулась хозяйка. В сених наткнулась на стул и удивилась: зачем тут стул? А подняв глаза, увидела повесившуюся квартирантку».

Цветаева оставила три предсмертных письма. Первое – сыну: «...Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. ...Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик». Второе – милиции, в котором просит отвезти сына к поэту Асееву. Последние слова в нем: «Не похороните живой! Хорошенько проверьте». Третье – Асееву с просьбой позаботиться о Муре...

Ее похоронили 2 сентября 1941 года на Елабужском кладбище. На похоронах, по словам Бродельщиковых, никого не было. Точное место захоронения – неизвестно...

ВНЕ ВРЕМЕНИ

«Человек! Душа! Вдохновение!» Так Цветаева описала себя в 1919 году. Она только так и могла жить. Не интересовалась политикой, не участвовала в общественной жизни, была беспомощной в быту. Свое творчество называла «заговором против века, веса, счета, времени, дробей». Стояла на том, что вся жизнь человеческая движется воображением: «...тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации...» Она считала себя «защитником потерянных дел», настаивала, что поэт всегда должен быть с побежденными: «преследуемый всегда прав, как и убиваемый!» Утверждала, что слово есть высший подарок Бога человеку. «Но если есть Страшный Суд слова – на нем я чиста», – писала Марина Ивановна.

Как и все великие поэты, она не вписывалась ни в свое время, ни в жизнь окружающих ее людей. Как и всех великих поэтов, потомки ценят ее гораздо больше, чем ценили ее современники. «Время! Я тебя миную...» – это строка из ее стихотворения. Обещание свое она выполнила.

...Дом в Борисоглебском, где она прожила восемь лет, к счастью, уцелел. Здесь почти столетие назад шестилетняя девочка Ариадна, сидя за столом, выводила в тетради слова о своей маме: «...У нее светло-русые волосы, они по бокам завиваются. У нее зеленые глаза, нос горбинкой и розовые губы. У нее стройный рост и руки, которые мне нравятся».

Запомним Марину Ивановну Цветаеву такой. 🍷

ПОСЛЕДНИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

МИХАИЛ БЫКОВ

Морской министр Российской империи при Александре II адмирал Краббе охарактеризовал этого человека так: «Сегодня Дмитрий Алексеевич... сам бросался на противника, да так, что было жутко. Зубами в глотку и через хребет. Совсем лев». А военный историк Керсновский писал: «Воспитанник частного гражданского пансиона и Московского университета, он, имея военный ум, не имел военной души, военного сердца, строевой жилки... Сообщенный им русской армии «нестроевой» уклад не принес ей счастья». Вот и поди пойми, каким был реформатор русской армии фельдмаршал Милютин.

10 июля 2011 года исполнилось 195 лет со дня рождения Дмитрия Алексеевича Милютина. В ноябре стукнет 150 лет с того дня, как находившийся в поиске «младореформаторов» Отечества император Александр II назначил Милютина военным министром. Это ли не поводы вспомнить о человеке, сыгравшем в судьбе страны весьма заметную роль.

Но куда важнее другое. Принято думать, что реформа военного ведомства, затеянная Милютиным в 1861 году, была не первой в нашей армии. И – не последней. У нас и сейчас реформа – многолетняя, дорогая, противоречивая и малопонятная. Лишний раз вспомним труды Дмитрия Алексеевича, и, глядишь, сегодняшний процесс легче пойдет.

Строго говоря, армейских реформ в России за триста с лишним лет существования регулярной армии было всего... И тут первый сюрприз: одна-единешенька! Не считая нынешней, вялотекущей.

Назвать реформой то, что сделал с армией Петр Великий, не совсем верно. Он не реформировал, он создавал заново. И хотя не стоит, наверное, считать войска Ивана Грозного или царя Алексея Михайловича «любительскими» формированиями,

все ж таки армией в полном смысле слова они не были. Присутствовал сильный милицейский элемент в виде дворянской конницы, отсутствовало кадровое офицерство, но, прежде всего, – не имелось никакой военной науки.

Во второй половине XVIII века модернизацией отдельных видов войск занимались граф Шувалов, граф Румянцев-Задунайский. Конечно, внес много нового в подготовку армии в целом и солдата в частности князь Суворов-Италийский. «Встряхнул» гвардию на гатчинский манер император Павел I. Но даже активную модернизацию реформой назвать нельзя. Превращение русской армии империи в Красную армию Советов тоже не реформа. По той причине, что с осени 1917 по лето 1918 года у нас армии вообще не было. Старая самоуничтожилась без помощи Временного правительства и всяческих петросоветов. РККА возникла на ее обломках. И поначалу регулярную армию напоминала едва-едва.

Вот и получается, что армию реформировали единственный раз – при военном министре Милютине в 1861–1881 годах. А мы сегодня даже плохо представляем себе, кто он такой – этот Дмитрий Алексеевич.

Милютин родился в Москве, в семье дворянской, но скромной. К началу XIX века древний сербский род обеднел, если не сказать – разорился. Отец Дмитрия, еще трех братьев и сестры пускался в различные предприятия, но безуспешно. О былом величии рода напоминал Милютинский переулок в Москве, названный так в честь деда будущего фельдмаршала. Переулок сохранил название по сей день.

Милютин-отец удивил Первопрестольную не успехами в делах, а женитьбой. Весь свет не мог понять, что нашла в этом «Несчастливцеве» дочь генерала Киселева, чьи предки служили великим князьям да царям, начиная с Владимира Мономаха. Но – нашла! Впоследствии происхождение, родство и связи матери сослужили юному Дмитрию Милютину добрую службу.

Идти на военную стезю юноша не мечтал. Получил хорошее домашнее воспитание, поступил в Благородный пансион при Московском университете. Учился там, к слову, в те же годы, что и Михаил Лермонтов. И, как Лермонтов, резко изменил интересы, в 1833 году выехал в Петербург, где подался в армию.

В ОФИЦЕРАХ

Правда, в отличие от Лермонтова, которому за умонастроения было «рекомендовано уйти», Милютин пансион окончил, военное образование решил получать непосредственно в строевой части. А именно – фейерверкером (унтер-офицером) 2-й роты 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. Спустя полгода сдал экзамен и получил офицерский чин прапорщика.

Недоброжелатели и особенно поздние критики Милютинина часто упирали на то, что Дмитрий Алексеевич – штабной, с точки зрения строевых офицеров, почти «шпак» (гражданский. – **Прим. авт.**). Откуда, мол, ему было знать армию? Потому и реформы его – сплошные указы да циркуляры. Бюрократия, в общем. Отчасти оно, конечно, верно. Первые два года службы Милютин провел в бригаде, а потом поступил в Императорскую военную академию. Через год окончил ее с малой серебряной медалью. Состоял при штабе Гвардейского корпуса, служил в Генеральном штабе. С 1836 года начал сотрудничать с «Военным журналом», «Отечественными записками», редакциями Академии наук, готовившими к печати энциклопедические издания. Уже тогда в Петербурге отметили широкую эрудицию и научный подход молодого офицера к любой проблеме. Прошло слишком мало времени, чтобы кто-нибудь успел догадаться о появлении в стране новой науки. Отцом ее стал поручик Генерального штаба Милютин, опубликовавший работу «Первые опыты военной статистики». Известность ему принесла статья «Суворов как полководец», напечатанная в «Отечественных записках» в 1839 году. Это была первая в России попытка осмыслить суворовский гений в рамках, так сказать, научно-популярного исследования. «Суворов стоял выше своего века», – резюмировал автор. Кстати, эта статья послужила формой для отливки в 1852–1853 годах монументального милютинского труда «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». За эту работу Дмитрий Алексеевич получил звание доктора истории Петербургского университета, почетного члена Академии наук и Демидовскую премию. Но это – позже. А пока в Петербурге читали «Суворова», сам Милютин отправился на Кавказ. Да не в ссылку, а по доброй воле.

Кавказская война длилась уже два десятка лет. Сотни русских офицеров приняли в ней участие. Кто ехал в горы в наказание, кто – по авантюристичности характера, а кто – из карьерных соображений и за орденами. Последних армейцы, тянувшие лямку на Кавказской и Черноморской линиях в обыкновенных полках, называли «фазанами».

В рапорте Милютинина с просьбой об откомандировании в Кавказскую армию значилась такая причина: для приобретения военных познаний и опытности...

НА КАВКАЗЕ

В 1839 году имам Шамиль был в силе. Его мюриды вкупе с большинством местного населения бились с русскими солдатами отчаянно и дерзко. Стало ясно, что мелкими стычками, охраной коммуникаций, «зачистками» и уничтожением аулов с отрядами Шамиля не справиться. Решили провести крупномасштабную агрессивную операцию.

Милютина определили на штабную должность обер-квартирмейстера Чеченского отряда. Но штабы на Кавказской войне были понятием условным. Отряд находился в походе и штаб — при нем.

В первом же крупном бою в урочище Ахмат-Тала столичный офицер получил пулевое ранение в плечо. Свинец задел кость. Но Милютин после перевязки остался в строю. Во время многомесячной экспедиции он принял участие в нескольких серьезных сражениях, в том числе во взятии сильно укрепленного горного аула Ахульго, где оборонялся сам Шамиль с тысячами сторонников. Аул взяли, но Шамиль с телохранителями ушли.

В конце августа 1839 года отряд вернулся в крепость Внезапную. В Петербург понесли курьеры с почтой. А в почте — рапорты. А в рапортах — представления к наградам.

В столицу Милютин вернулся уже капитаном и кавалером орденов Святого Владимира 4-й степени и Святого Станислава 3-й. Место службы ему определили в штабе 3-й гвардейской пехотной дивизии. Но Милютин выхлопотал себе отпуск по ранению и отправился в Европу. Отдыхал, путешествовал и изучал постановку военного дела во Франции, Англии, Пруссии, Австрии... В тех странах, что потенциально были нашими главными соперниками.

Следующая командировка на Кавказ случилась в 1843 году. На сей раз — в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья и под командой генерала Гурко.

Сегодня многие люди путают слова «квартирмейстер» и «квартирьер». Ни то, ни другое к работе риелторов отношения не имеет. Но меж собой различаются весьма серьезно.

Если квартирьер в армии занимался поиском жилья для постоя, то квартирмейстер отвечал за оперативную работу штабов.

Третья, и последняя, поездка в действующую армию на Кавказ пришлось на осень 1856 года. Милютина, уже генерала, назначили начальником Главного штаба кавказских войск. Его непосредственным начальником оказался князь Барятинский. Впоследствии фельдмаршал Барятинский стал для Милютина и добрым, и злым гением. По рекомендации князя император Александр II сделал Дмитрия Алексеевича военным министром. Из-за сверхконсервативной позиции князя по военным вопросам естественное сопротивление милютинским реформам приобрело силовой характер.

Но на Кавказе командующий и начштаба жили дружно и работали рука об руку. А когда между планированием и исполнением нет системного конфликта, желаемый результат не заставляет себя ждать.

В конце 1859 года пал аул-крепость Гуниб. Шамиля взяли в плен. Остатки мюридов рассосались по ущельям. Кавказская война кончилась. Спустя год Милютина проводили в Петербург. Генерал-лейтенантом, кавалером орденов Святой Анны 1-й степени, Святого Владимира 2-й степени, Белого орла с мечами.

Помимо сугубо военной работы, которую Дмитрий Алексеевич ежедневно выполнял в Главном штабе кавказских войск, он впервые получил возможность апробировать накопившиеся идеи по изменению положения дел в армии на практике. Шутка ли, под ружьем на Кавказе во второй половине 50-х годов XIX века находилось более 200 тысяч солдат и офицеров. Серьезный масштаб для экспериментов.

Не все предложения осуществились. Но Милютину удалось отработать все важные направления армейской жизни: от стрелковой подготовки строевых частей до интенданства и санитарно-медицинской службы. Пришлось генералу вникать и в административно-гражданские вопросы. Выстраивать систему отношений «армия—флот», что когда-то успешно служила Суворову и Ушакову. Даже к преобразованию Черноморского и Гребенского казачества приложил руку. Как раз с этой руки началась у нас история Кубанского и Терского казачьих войск.

В МИНИСТЕРСТВЕ

С таким солидным и полезным багажом генерал Милютин прибыл в Петербург и получил должность товарища военного министра. То есть зама. С министром, правда, не повезло. Еще сидел в кресле сторонник старой николаевской армии генерал Сухожанет. Но это полбеда, что сторонник. Неучем был генерал – вот беда! Таких в русской армии середины XIX века хватало с избытком. Прапорщики и поручики Отечественной войны 1812 года не слишком нуждались в геометрии и физике, статистике и географии. Линейный строй боя, довольно примитивная артиллерия, «штык-молодец» желанию знать лишнее не способствовали. Если гвардия пополнялась элитной молодежью, получавшей приличное образование в семьях, а потом – в лучших, но немногочисленных специальных учебных заведениях вроде Пажеского корпуса, Николаевской кавалерийской школы, Михайловского артиллерийского и Михайловского инженерного училищ, то армейское офицерство после кадетских корпусов росло и мужало в ротах родных полков в далеких гарнизонах. Некоторые прапорщики и поручики 1812 года к царствованию Александра II выслужились в полные генералы. Сам Александр по этому поводу выразился замечательно: «Мой папа был гений и мог позволить себе роскошь окружать свой трон остолопами». Эта роскошь обернулась серьезными неприятностями во время Восточной войны. Русский солдат и обер-офицер по обыкновению воевали честно и храбро. Но генералы-остолопы частенько этому препятствовали. Тем, что не озаботились вовремя заняться перевооружением армии, не утруждали себя вопросами снабжения и обеспечения, не горели желанием придумывать и продумывать боевые операции, целиком полагаясь на доблесть солдатскую. Чтобы выиграть войну у англо-турецко-французско-пьемонтской коалиции, одной доблести не хватило. Правда, благодаря ей удалось эту войну проиграть чуть-чуть. На следующий раз могло выйти и похуже. Это понимал Милютин. Это понимал Александр II.

В ноябре 1861 года генерал-адъютант (придворное звание, приравненное к званию генерал-лейтенанта. – **Прим. авт.**) Дмитрий Милютин указом государя становится военным министром империи.

Первые недели генеральская каста и придворные еще не могли разобраться, что задумал этот 45-летний умница и выскочка. В министерстве шли совещания, работали подготовительные комиссии, шастали эксперты, свет гасили лишь поздней ночью. Ясность наступила в конце января 1862 года, когда на стол императора легла программа преобразований. На титульном листе было начертано: «Совершенно согласно с моими давнишними желаниями». Далеко не все из того, что было «давнишними желаниями» Александра II, оказалось реализовано. Сам Милютин не раз признавал, что реформы имели половинчатый характер. Впрочем, подобную оценку можно дать практически всем реформам царя-освободителя, не только военной.

При этом нужно определиться с собственным к этому отношением. Кто – за пессимистов, а кто – за оптимистов. У кого стакан наполовину пуст, а у кого – наполовину полон. Мне кажется, не было еще в истории человечества ситуации, когда что-то было сделано идеально и привело к таким же идеальным последствиям. Тот же Керсновский был глубоко убежден, что штабист-бюрократ Милютин провел реформу, которая спустя тридцать-пятьдесят лет разрушила русскую армию. А генерал и ученый Драгомиров считал, что армия помилютински – это будущее русских вооруженных сил. Кто-то думает, что грамотный

солдат и офицер-разночинец стали тем бульоном, в мутной водичке которого старая армия и утонула в начале XX века. Недаром еще в годы Первой русской революции усмирять рабочих отправляли лишь казачьи полки да гвардию. А кто-то уверен, что армию в Первой мировой войне погубили остолопы-генералы, с которыми первым начал бороться Дмитрий Милютин.

Но давайте посмотрим на сами реформы.

ПОСРЕДИ РЕФОРМЫ

Первое, на чем настаивал новый военный министр, – это отказаться от громоздкой армии полного штата, пожирающей значительную часть бюджета государства независимо от того, есть война или ее нет. Но переход на мобилизационную систему требовал радикальных изменений в вопросе солдатского набора. Если нижний чин служит 25 лет, иначе говоря – всю жизнь, то куда его девать из полка в годы мира? Рекрут в запас не уходит.

Пожалуй, это две главные составляющие реформы. Милютин разделил территорию страны на военные округа. По мобилизационному плану там, в округах, и должны были разворачиваться части и соединения на базе кадровых и запасных полков в случае войны. Второе – отказ от рекрутского набора и переход на всеобщую воинскую повинность. Соответственно, сокращался и срок службы: шесть лет в армии и семь лет во флоте.

Остальные нововведения вытекали из этих двух пунктов. Перевооружение и переоснащение войск, создание современной военной промышленности, строительство броненосного флота, выпуск специализированных военных изданий, в первую голову – газеты «Русский инвалид», открытие офицерских собраний и офицерских экономических обществ. Особая статья – военное образование. При Милютине исчезли кадетские корпуса и появились военные гимназии и юнкерские училища, изменилась учебная программа элитных военных училищ и военных академий. Даже если бы все эти планы остались на бумаге, а Дмитрию Алексеевичу удалось бы «пробить» лишь один пункт, он все равно оказался бы достоин светлой памяти в Отечестве. Милютин добился отмены телесных наказаний в армии. Ушли в прошлое шпицрутены, клеймение, кандалы. Зуботычины, конечно, остались. Но – на совести отдельных офицеров-держиморд и неисправимых старых унтеров.

Реформы понравились не всем. Князь Мещерский писал, что из-за них дворянство потеряло привилегии, данные еще при Екатерине Великой. Служить или нет – для представителя высшего сословия было вопросом личного выбора. Теперь – либо учиться на офицера, либо – в университет, либо – в строй.

Между прочим, об университетах. Милютин стал автором первых в России законных армейских отсрочек. Уже при нем люди с высшим образованием от службы освобождались или шли вольноопределяющимися. Он же первым на официальном уровне поднял проблему бесплатного солдатского труда: «Солдат должен учиться военному делу, а не дома начальству строить». Прозорлив был Дмитрий Алексеевич, ничего не скажешь. У полковых и дивизионных командиров отобрали не только солдатские рабочие руки, но и деньги. Раньше полковой командир единолично владел полковой кассой. И как тут не красть, как обидеть себя любимого? После реформы изменились принципы финансирования частей и соединений. Кому такое понравится?

Князю Мещерскому вторил бывший покровитель Милютина князь Барятинский. Неверный курс реформы фельдмаршал объяснял тем, что военный министр излишне либерален по своим взглядам, тяготеет к людям с высшим образованием, к литераторам и прочим инженерам человеческих душ. И тяготится общества титулованного, аристократического. В этом, к слову, князь был абсолютно прав. Милютин любил общество умных людей. Довольно часто встречался с Тургеневым, Некрасовым, с интересом наблюдал за Чернышевским. Дмитрий Алексеевич продолжал заниматься научной и исторической литературой, бывал на писательских посиделках, принимал интеллектуалов у себя. Приемов и балов в Зимнем дворце, обязательных императорских завтраков в Ливадии на отдыхе старался избегать. Дело тут, думается, не в отсутствии любви к аристократии, к коей через мать принадлежал и сам.

Военный министр был чрезвычайно ограничен во времени и мог тратить его только на полезные, с его точки зрения, дела. Кроме того, в светских салонах и императорских покоях встречалось слишком много тех, кто видел в военной реформе более вред, нежели толк.

Во второй половине царствования Александра II реформаторский пыл царя стал угасать. Можно ли винить в этом человека, рьяно взявшегося за преобразования и в обмен на это ставшего объектом систематических покушений?

В правительство пришли люди консервативные, и Милютин оказался в меньшинстве. Хотя и считал себя вовсе не либералом, а последовательным защитником престола. Убежденный монархист, он хотел прогресса, но не переворота. Возможно, все обернулось бы сворачиванием военной реформы, а то и откатом к прежним ценностям. Но несчастье помогло – грянула последняя русско-турецкая война. Трудно утверждать, что именно нововведения привели армию к победе. Тем более что победа досталась куда большим трудом и кровью, чем предполагалось. Сам Милютин, семь месяцев находившийся в действующих войсках, заявлял однозначно: «Вот он – новый русский солдат! Солдат Александра Второго!»

Реформа уцелела. Охранной грамотой явилось взятие Плевны. Как известно, три штурма ключевого турецкого укрепления, открывавшего путь в южную Болгарию и далее – к Константинополю, оказались безуспешными. На военном совете с участием государя склонились было к тому, чтобы свернуть кампанию и отступить за Дунай. Милютин был единственным, кто выступил против. Горячо и убедительно выступил. Царь поверил министру. Плевну взяли. Войну выиграли. После этого факта давление на Милютина несколько ослабло. А он получил орден Святого Георгия 2-й степени, стал шефом 121-го Пензенского пехотного полка, чуть позже, в сентябре 1878 года, – графом.

В свое время князь Барятинский советовал императору произвести военного министра в графское достоинство, чтоб не слишком чурался знати. Милютин и рад был бы чураться – да куда там! После войны он стал членом Государственного совета и, по сути, правой рукой государя в

вопросах внешней политики. А внешняя политика при монархах – это сплошные герцоги, князья, графы и бароны. Весной 1881 года очередное, 14-е по счету покушение на Александра II оказалось результативным. На престол возшел Александр III. Начались, как писали в советских учебниках, годы реакции. Сейчас склонны думать, что годы стабильности. В любом случае, если при новом царе Россия чего и не делала, так это не воевала.

В КРЫМУ

Милютин был умным и опытным человеком. Уже в мае 1881 года он подал в отставку, которая была принята. Генерал от инфантерии, кавалер ордена Андрея Первозванного отбыл в собственное крымское имение в Симеиз. Где и прожил оставшиеся ему двадцать лет. Обычно добавляют – в одиночестве и всеми забытый.

К Дмитрию Алексеевичу это не относится. В браке с Натальей Михайловной, урожденной Понсэ, он прожил счастливо... 69 лет. Они воспитали шестерых детей. В симеизском имении отставника часто навещали многочисленные коллеги и ученики, бывали Иван Аксаков, Айвазовский, Миклухо-Маклай. Он собрал отличную компанию неодоушевленных, но духовных друзей – библиотека графа была одной из лучших в России, по завещанию вместе с архивом она перешла в фонды Николаевской академии Генерального штаба. Милютин вел обширную переписку, публиковался, писал «Воспоминания», несколько лет после отставки консультировал руководителей страны. Будучи глубоким стариком, он все еще давал дельные советы. Например, о необходимости создания военного автомобильного парка.

Дмитрий Алексеевич Милютин умер зимой 1912 года, через три дня после кончины Натальи Михайловны. По всей русской армии был объявлен траур.

На высшем государственном уровне о нем и раньше время от времени вспоминали. В 1898 году по случаю открытия памятника Александру II внук его император Николай II пригласил графа Дмитрия Алексеевича в Москву и поздравил с производством в чин генерал-фельдмаршала. Более это звание в России не присваивалось никому.

Может, и хорошо? Обычно фельдмаршалы появляются, когда не реформа идет, а война. 🇷🇺

Генерал Аркадий
Францевич Кошко
(1867–1928)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

Одно имя этого сыщика приводило в ужас воротил криминального мира. Именно он создал первую в России уникальную по точности картотеку преступников и разработал особую систему идентификации личности, взятую затем на вооружение Скотланд-Ярдом. В начале XX века Аркадий Кошко был личностью легендарной.

Если о времени работы генерала Кошко в Москве (1908–1917), когда Аркадий Францевич возглавлял сыскную полицию и уголовный розыск Российской империи, написано немало, то про годы жизни в Риге, где он начинал свою карьеру рядовым инспектором, известно не так уж много. А между прочим, когда в 1894 году он поступил здесь на работу в сыск, от него на долгие годы отвернулась едва ли не вся родня.

ЛЮБОВЬ К ДЕТЕКТИВАМ

Как рассказывает правнук Аркадия Кошко, гражданин Франции и журналист агентства «Франс-Пресс» Дмитрий де Кошко, его предок, добровольно прервав воинскую службу и уйдя в полицейские сыщики, совершил нечто по тем временам непростительное для выходца из знатной дворянской семьи. Родители, многочисленные тетушки и дядюшки были в ужасе от его решения, но юноша оказался непреклонен. С детства он активно занимался спортом, зачитывался детективными историями, благо книг в поместье его родителей под Минском, где он родился в 1867 году, было великое множество. Нетрудно догадаться, что кумиром юного Аркадия был литературный предшественник Шерлока Холмса, хитроумный сыщик Лекок, главный герой детективных романов французского писателя Эмиля Габорио. Благодаря невероятной проницательности и логическому мышлению, месье Лекок с легкостью раскрывал запутанные преступления, искусно гримировался, переодевался в лохмотья, не гнушаясь в поисках улик общаться с самыми низшими слоями общества. Этот метод расследования позже блестяще использовал Конан Дойль, описывая похождения Шерлока Холмса. Зачитываясь рассказами о проницательном и ловком сыщике Лекоке, маленький Аркадий, конечно, воображал себя на его месте. Но родители мечтали совсем о другой карьере для сына. Поначалу он выбрал компромиссный вариант: поступил в Казанское пехотное юнкерское училище, по окончании которого получил назначение в пехотный полк, расквартированный в Симбирске. Несколько лет молодой офицер стоически переносил тяготы однообразия воинской службы, бесконечные марши на плацу, занятия в классах, но душа его требовала другого. В 27 лет он подал прошение об отставке и в 1894 году уехал с семьей в Ригу, поступив на службу в городскую полицию рядовым инспектором по уголовным делам. Исполнилась его давняя мечта: Аркадий Кошко с небывалым азартом занялся разоблачением и поимкой преступников. А уж они, естественно, не оставляли его без работы...

КАРЬЕРНЫЙ РОСТ

Переодевшись в поношенную одежду, начинающий сыщик бесстрашно бродил по рынкам, рижским притонам и кабакам, прислушивался к пьяным разговорам завсегдатаев, заводил нужные знакомства, вербовал агентов, добывал информацию, создавая и пополняя свою картотеку преступников. В первые же месяцы его службы в Риге произошло несколько жестоких убийств. На пустыре за Христорождественским храмом обнаружили обезображенное

тело 17-летнего гимназиста, зверски убитого и ограбленного неизвестными. На теле юноши было множество ножевых ранений, выбит глаз, переломаны ребра, на шее кровоподтеки. А во рту убитого нашли кусочек фаланги мизинца, что свидетельствовало об отчаянном сопротивлении жертвы... За расследование взялся Аркадий Кошко. Через три дня – новый труп, в котором был опознан известный вор-рецидивист по прозвищу Грешный Затылок. Во рту убитого оказалась записка: «Собаке собачья смерть!» Затем в пригороде Риги произошли еще два убийства с ограблениями – извозчика и дворника. В городе началась паника, на ноги была поднята вся полиция. Да, конечно, фрагмент откушенного пальца одного из преступников мог бы вывести на след убийц, но дактилоскопия в те годы в Риге еще не применялась, хотя эта улика все же потом сыграла свою роль.

Сначала сыщик вышел на скупщицу краденого, когда она пыталась сбыть серебряный портсигар, принадлежавший убитому гимназисту. Некая Наталья Шурман оказалась подружкой убитого рецидивиста, которого устранили свои же бандиты, чтобы не сболтнул лишнего. Женщина и сама опасалась расправы, поэтому выдала полиции имя главаря шайки и других бандитов, в том числе того самого неудачника, с откушенным мизинцем. По этой примете его нашли и арестовали. Главарь банды отсиживался на хуторе у родителей. На его задержание Кошко отправился лично, переодевшись в скупщика овечьей шерсти. Напросился на ночлег к хозяевам хутора. Ночью проследил за хозяйской дочкой, которая понесла корзинку с едой в ближнюю рощу, где оставила ее под старым дубом. Через некоторое время корзина исчезла. Сыщик догадался, что разбойник прятался на дереве. На следующий день вместе с группой вооруженных урядников главаря банды сняли с дуба, в ветвях которого он устроил себе настоящее логово...

Активность находчивого инспектора была замечена высоким начальством, его не раз награждали и продвигали по службе. Кривая преступности в городе пошла вниз, и в 1900 году Аркадию Кошко предложили занять пост начальника Рижской сыскальной полиции. Это назначение он принял не без робости: «Рига и тогда была крупным центром с весьма пестрым населением, особенно преобладали латыши и немцы, а, следовательно, в борьбе с преступностью приходилось учитывать и их психологию, весьма своеобразную и мало схожую с русской», – писал в своих воспоминаниях Аркадий Францевич. Новый начальник сыска завоевал уважение не только среди подчиненных, он умел найти подход практически к любому человеку, даже закоренелые преступники проникались к нему доверием, раскрывая ему свои секреты. Аркадий Кошко не оставлял без внимания ни одну деталь, никогда не пренебрегал мелочами. Именно в этом и был секрет феноменального успеха русского сыщика. Он всегда выслушивал жалобы простых людей, не считая это зазорным, помогал обманутым наивным провинциалкам, возвращал бабушкам украденное серебро, похищенное нерадивыми отпрысками, разыскивал женихов-аферистов, сбежавших с добром невесты, и т.п. По срочным делам Аркадий Кошко принимал людей круглосуточно, о чем свидетельствовала табличка на дверях его служебного кабинета.

Даже являясь начальником розыска, Аркадий Кошко всегда сам принимал участие в задержании опасных бандитов, с азартом заядлого охотника часами мог сидеть в засаде, выслеживая преступника. В те годы под его руководством и при непосредственном участии в Риге было раскрыто несколько громких уголовных дел. Так, с блеском была изболчена группа рижских «алхимиков», которые под видом россыпного золота продавали доверчивым немецким богачам медные опилки. В 1905 году Аркадию Кошко удалось уличить и задержать неуловимого короля шулеров, бывшего армейского кавалериста, некоего Ракова, который под видом испанского гранда с помощью крапленых карт «обул» немало почтенных рижан. Однажды, по личной просьбе лифляндского губернатора М.А. Пашкова, он расследовал серию поджогов в соседнем уезде. Пожары сопровождались кражами и человеческими жертвами. Напуганные местные жители явно что-то знали, но чужакам ничего не рассказывали. Тогда начальник Рижской сыскальной полиции направил туда двух своих тайных агентов, которые под видом обычных торговцев пивом открыли в уезде небольшую забегаловку, рассчитывая, что так у людей быстрее языки развяжутся. Но местная публика на это дело не клюнула, предпочитая прежние пивные. Чем завлечь народ?

Аркадий Францевич предложил по примеру немцев подавать к пиву соленую сушку. Этот ход оказался весьма удачным, уже через неделю агенты едва справлялись с наплывом посетителей. Под пиво, да еще с бесплатной сушкой, посетители быстро забывали об осторожности... Вскоре среди публики люди Кошко вычислили поджигателей, ими оказались местный кузнец, два сына церковного сторожа и... брандмейстер собственной персоной! В домах арестованных нашли большие запасы керосина, пороховые шнуры и часть награбленного. Вся банда была задержана и отправлена на каторгу.

В рижской практике «русского Шерлока Холмса», как называли Аркадия Кошко, было немало курьезов и смешных случаев, о чем он рассказывал с большой охотой. Так, разыскивая крупный бриллиант, украденный с иконы Богородицы в Рижском кафедральном соборе, начальник сыска полиции велел своему агенту спрятаться в спальне у подозреваемых (ими были супруги – ранее судимый за кражу церковный сторож и его жена), чтобы подслушать, о чем они будут говорить. А что делать – других «жучков» в те годы у полиции еще не было! Пока агент устраивался в квартире, Кошко допрашивал в отделении подозреваемых супругов. Сделав вид, что поверил в их невиновность, Аркадий Францевич отпустил обоих домой. Поздно вечером в условленное время начальник сыска вместе с полицейскими окружил сторожку с перепуганной парочкой и громко крикнул своему агенту: «Панкратьев, где бриллиант?» И тут, к неописуемому ужасу хозяев, из-под их кровати вылезает взъерошенный Панкратьев и радостно сообщает, что бриллиант спрятан в дровах – супруги это меж собой обсудили первым делом. Переколов сотни полторы поленьев, полицейские отыскали драгоценный камень. После чего «засланный казачок» долго жаловался начальнику, как тяжело ему было лежать восемь часов под кроватью, укутавшись вонючими тряпками: «Они, сволочи, пружинным матрасом чуть мне всю рожу не расцарапали»...

ГЛАВА ИМПЕРСКОГО СЫСКА

В 1905 году Аркадия Кошко назначили заместителем начальника Петербургской сыскальной полиции. Но дело здесь было не только в продвижении по службе, как это принято считать, хотя слава о хитроумном рижском сыщике к тому времени уже гремела за пределами Латвии. Вот что, ссылаясь на воспоминания своей бабушки Ольги Ивановны Кошко (она была замужем за Иваном Кошко, средним сыном Аркадия Францевича), рассказал Дмитрий де Кошко: «Рапорт о переводе из Риги мой прадед подал по своей инициативе в связи с тем, что в его адрес начали поступать угрозы. В городе в те годы ситуация была очень

непростая, и, хотя Аркадий Францевич не занимался «политическими» и откровенно не ладил с охранкой, он, естественно, участвовал в расследовании ряда уголовных преступлений, совершаемых радикалами из революционных партий. Например, расследовал налеты на рижские банки – «банковские атаки», задерживал виновных, сажал их под стражу. Немудрено, что это вызвало злость у революционеров, они начали угрожать расправой семье Кошко. Рапорт стал основанием для его перевода в Петербургскую сыскальную полицию на должность заместителя начальника. Кстати, позже Аркадий Францевич также арестовывал нескольких революционеров, в том числе и Троцкого».

Из Северной Пальмиры Аркадия Кошко очень скоро затребовала к себе Первопрестольная. В 1908 году ему поручили руководство всем московским сыском. (Говорят, именно с подачи нового начальника на лацкане пиджака московские сыскари начали носить нагрудный знак с надписью «МУС» – Московский уголовный сыск, благодаря чему в дальнейшем на долгие годы за сотрудниками закрепилось прозвище «мусор».) Московский период был наиболее плодотворным и значимым в жизни Аркадия Кошко, он принес ему заслуженную славу, награды и повышение в звании. Он установил строгий порядок в отделении, ввел ежемесячные сводки совершенных преступлений, на основании которых по каждому району и по Москве в целом составлялись графики по всем видам преступлений. Имея перед глазами всю криминальную картину, удалось выявить настоящие эпидемии, охватывающие город в предпраздничные дни, когда в Белокаменную со всех сторон съезжались налетчики, карманники, грабители и прочие уголовные элементы. Так, за один только день перед Рождеством в первый год пребывания Аркадия Кошко в Москве произошло более тысячи краж. Начальник сыскальной полиции периодически организовывал грандиозные полицейские облавы на притоны и ночлежки, но, чтобы

никто не успел предупредить преступников, заранее собирал всех задействованных в акции сотрудников и держал их вместе до самого начала операции. Рассказывают, что в сыском отделении до наступления ночи порой томилось до тысячи городских. В час X они оцепляли намеченный район. Всех подозрительных личностей задерживали, выявляя немало преступников разных мастей. Понятное дело, вскоре уголов-

ники, опасаясь предпраздничных полицейских облав, предпочли не появляться в Москве в эти дни. И как результат – на четвертый год работы нового начальника сыска в Москве на Пасху не было совершено ни одной кражи.

Первым делом Аркадий Францевич внедрил в практику уже опробованную им в Риге систему идентификации личности. За годы его службы московский сыск создал солидную картотеку

преступников с фотографическими, антропометрическими и дактилоскопическими данными. Он лично брался за распутывание сложных преступных схем. Так, под его руководством и при его участии была раскрыта банда мошенников, подделывающих миллионные векселя, был схвачен неуловимый Вася Белоус – главарь налетчиков, грабивших подмосковные поместья. Не раз Кошко бесстрашно проникал в логово бандитов в облике матерого уголовника или с револьвером в руке шел впереди своих людей на задержание опасных преступников. В его кабинете находился гардероб с одеждой на все случаи жизни, у него имелся собственный профессиональный гример, способный за считанные минуты превратить respectable генерала полиции в мужика-извозчика. В 1913 году во время Международного съезда криминалистов в Швейцарии Московская сыскальная полиция, возглавляемая генералом Аркадием Кошко, заняла первое место по раскрываемости уголовных преступлений... Вскоре Аркадий Францевич был назначен заведующим всем уголовным розыском Российской империи. В 1917 году Временное правительство первым делом упразднило все сыскальные отделения, что в скором времени, конечно, отозвалось колоссальным всплеском преступности. С приходом к власти большевиков начались аресты и расстрелы бывших царских министров и генералов. Аркадий Кошко с супругой Зинаидой и младшим сыном, Николаем, в 1918 году уехал в Киев (их старший сын, Дмитрий, погиб во время Первой мировой войны, средний, Иван, дед Дмитрия де Кошко, попал в плен, выжил, позже перебрался во Францию).

По рассказам Дмитрия, который знает о судьбе прадеда со слов бабушки и тетушек, в Киеве Аркадию Францевичу пришлось нелегко. Власти в городе постоянно менялись, он всерьез опасался за свою жизнь. Аркадия Кошко спасли его бывшие «подопечные» из криминальной среды. Они случайно встретили его на улице, но, помня началь-

ника сыска как человека благородного и честного, не только не выдали его большевикам, но и помогли ему перебраться в «белую зону», контролируемую генералом Деникиным. Какое-то время Аркадий Францевич был у него начальником уголовной полиции и отвечал за порядок в Одессе. Оттуда на последнем пароходе Аркадий Францевич выехал с семьей в Турцию. В Константинополе опытный сыщик открыл свое небольшое детективное агентство, отслеживал неверных жен, давал советы клиентам, как уберечь свое добро от мошенников и воров. Опасаясь, что Турция может выдать всех белоэмигрантов России, Кошко перебрался в Париж, где уже жил с семьей его брат, бывший губернатор Иван Францевич Кошко. Капитал для открытия нового бюро опальному генералу накопить не удалось, да и годы были уже не те, и он с трудом устроился управляющим в меховой магазин. В скором времени он начал подрабатывать написанием мемуаров и детективных рассказов, благодаря чему мы сегодня знаем, как в XIX веке раскрывались преступления в царской России.

Англичане предлагали Аркадию Кошко пост в Скотланд-Ярде, но он отказался, надеясь, что в России еще все образуется и он туда обязательно вернется. По этой же причине ни он, ни его брат и их дети так и не взяли гражданства другой страны. Гражданином Франции, в соответствии с законами государства, стал родившийся в Париже внук Аркадия Францевича, Борис, отец Дмитрия. По его словам, приставка «де» появилась у фамилии Кошко (ударение на последней букве) еще в XIX веке, когда его российские предки приезжали во Францию на отдых. Для свободного перемещения по стране им выдавали документы, в которых к фамилиям дворян прибавлялась приставка «де». Именно по этим документам после революции эмигрантам из России выдавали «нансеновские паспорта». Так русский сыщик и его потомки стали де Кошко.

Бывая в Риге, Дмитрий обычно селится в отеле «Метрополь», напротив которого и по сей день располагается Управление Рижской полиции, где более десяти лет работал его легендарный прадед. «Мой прадед так и остался единственным и неповторимым в нашем роду, никто из нас не пошел по его стопам, – признался Дмитрий. – Скончался Аркадий Францевич 24 декабря 1928 года, когда ему исполнился 61 год. Похоронен во Франции. Мне приятно, что и рижане, и москвичи сохранили память о русском начальнике рижского сыска». Добавлю, российское общественное объединение ветеранов оперативных служб «Честь» в 2006 году учредило общественную награду – орден имени Аркадия Францевича Кошко, который вручается за заслуги в области уголовного сыска. Уже около 100 человек удостоены этой награды. 🇷🇺

МУЗЕЙ СВЕТОПИСИ

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Поднимаясь по чугунной лестнице Русского музея фотографии в Нижнем Новгороде, легко представить, что чуть более века назад по ней так же шагали Горький, Левитан, Шаляпин, Менделеев и другие желающие получить свои портреты, которые сейчас можно увидеть в здешней экспозиции. А тогда на втором этаже здания располагался застекленный павильон Максима Петровича Дмитриева – основоположника отечественной публицистической фотографии.

В этом году у Русского музея фотографии своеобразный юбилей: 125 лет назад 28-летний фотограф Максим Дмитриев получил из канцелярии нижегородского губернатора разрешение на открытие собственной фотомастерской именно в этом здании. Тогда, в 1886 году, в «Нижегородском Биржевом листке» появилось объявление о том, что «фотография М. Дмитриева в доме Пальцевой снимает моментально и ежедневно с 9 до 5 вечера». Здесь же ранее располагался фотопавильон Андрея Осиповича Карелина, учителя Дмитриева, всемирно известного мастера художественной фотосъемки. Оба – выходцы из Тамбовской губернии, оба – внебрачные дети крепостных крестьян, оба, приехав в город на слиянии Оки и Волги, остались здесь навсегда. И оба решили связать свою жизнь со светописью, как тогда называли фотографию.

Они познакомились, когда Дмитриеву было 16 лет, а Карелину – 37. У именитого мастера за плечами – Петербургская Академия художеств, золотые медали международных конкурсов, звание фотографа Императорской Академии художеств. У начинающего Дмитриева – ученичество у московского фотографа Настюкова и воскресные рисовальные классы Строгановского художественного училища. Настюков был предприимчивым человеком, имел свой фотопавильон на Нижегородской ярмарке. Встреча молодого Дмитриева с Карелиным произошла именно там, а через три года начинающий фотограф стал лаборантом в ателье известного мастера.

ЖИВОПИСЕЦ В ФОТОГРАФИИ

Дмитриев не зря стремился стать помощником Карелина: у Андрея Осиповича было чему поучиться. Техника фотографии того времени сильно ограничивала возможности фотохудожника. Портретист и исторический живописец по образованию, Карелин первоначально занялся портретной светописью исключительно для материального подспорья. Но потом увлекся, начал серьезно изучать оптику, приемы освещения, экспериментировать с добавочными линзами. Он первым в России научился делать сложные снимки без искажения пропорций. Среди экспонатов музея есть фотография, на первый взгляд ничем не примечательная: снимок мужчины, сидящего на стуле со скрещенными ногами. На самом деле этот «портрет герцога Эдинбургского» – один из памятников мастерству Карелина! Будучи проездом в Нижнем Новгороде, герцог отправился к русскому фотографу с намерением устроить проверку на профессионализм. Гость сам увлекался фотографией и намеренно занял такую позу, что, будь Карелин неопытным мастером с обычной аппаратурой, колени и ноги на портрете получились бы большими, а голова – непропорционально маленькой. То, что нижегородец прошел испытание с честью, видно и сейчас: портрет прекрасно проработан, а все пропорции соблюдены. Карелин творил в то время, когда фотография не воспринималась даже как творчество. Он стал одним из тех, кто доказал, что светописный портрет имеет не меньшую художественную цен-

ность, чем живописный. Его портретные этюды, наполненные светом и воздухом, снятые в контрастно освещенных участках комнаты, получали медали на международных выставках и утверждали фотографию как искусство. С 1870 года Карелин пытался синтезировать живопись и фотографию: многие его пейзажи и городские виды раскрасил акварелью Иван Шишкин.

НОВЫЙ АРЕНДАТОР

История умалчивает, почему в 1881 году «Фотография и живопись художника А. Карелина» выехала из здания на Осыпной улице и переехала в дом Башкирова неподалеку. Известно, что в зрелые годы Карелин много снимал на воздухе: торжественные события жизни города, освящения храмов, отплытия пароходов, солнечное затмение, открытие Всероссийской выставки...

Владелица дома на бывшей Осыпной улице купчиха Авдотья Пальцева не спешила переделывать помещение, приспособленное для фотоателье. Ее следующим арендатором стал решивший начать собственное дело Максим Дмитриев. Следуя его пожеланиям, Пальцева построила новый двухэтажный флигель на месте небольшого старого. Именно там разместился фотопавильон. Фотолаборатория и зал ожидания клиентов находились на втором этаже основного здания, а на третьем поселился Дмитриев с семьей. Современники отмечали, что новая мастерская была сделана на широкую ногу и пришлась по душе публике. Уже при входе будущий клиент мог оценить образцы работы мастера в большой стеклянной витрине. Фотографии были развешаны и вдоль крутой лестницы, по которой посетители поднимались на второй этаж в залитый светом застекленный павильон. Свои фотографии заказчики получали с фирменными паспорту с золотым тиснением: «Новая фотография Дмитриева в Нижнем Новгороде».

Конкуренция у Максима Петровича по тем временам была изрядная: шесть фотографических заведений. Но когда в 1911 году ателье Дмитриева отмечало свой 25-летний юбилей, мастерские прочих владельцев уже прекратили свое существование.

КАМЕРА В ТЕЛЕГЕ

Период подражания знаменитому учителю быстро прошел: Дмитриев понял, что ему интересно снимать быт людей, а предметом фотографии могут быть не только жанровые сцены. В 1892 году на выставке в Париже он получает золотую медаль за снимок «Арестанты на строительных работах». В тот же год он делает свою нашумевшую серию:

отправляется на юг Нижегородской губернии, где в то время свирепствовали засуха, тиф и холера. В Русском музее фотографии сохранились и те снимки, и письмо из канцелярии губернатора с просьбой оказывать фотографу всяческое содействие, и передвижная огромная (общий вес – около центнера) камера. В специальном массивном чемодане – стеклянные негативы: увеличительная техника тогда была не очень развита, и фотограф предпочитал сразу использовать большие стекла и соответствующую камеру, чтобы работы получались хорошего качества.

Эта камера, которую Дмитриев перевозил на рессорной ручной телеге вместе с объективом и треногой, была одной из многих, которые пропутешествовали с ним по всей Волге – в 1894 году Дмитриев снял великую реку, пройдя от ее истока до Каспия. Всю волжскую серию разместить полностью в музее невозможно: Дмитриев снимал через каждые четыре версты, вся «Волжская коллекция» – это 800 фотографий. Здесь и пейзажи, и «волжские типы» – портреты людей разных профессий и национальностей, и разнообразная архитектура – от калмыцких храмов до православных монастырей. Эта работа принесла фотографу действительное членство в Императорском географическом обществе. При этом Дмитриев успевал участвовать в многочисленных выставках, славился как портретист, был членом Нижегородской губернской архивной комиссии и занимался фиксацией памятников старины, организовал на первом этаже фототипию, где издавал альбомы и открытки.

ГОСПИТАЛЬ ВМЕСТО ФОТОСАЛОНА

Свой 60-летний юбилей Максим Петрович отпраздновал в беспокойном 1918 году. Фотограф пытался приспособиться к реалиям нового времени: снимал известных политиков, субботники, строительство заводов,

комсомольцев и делегатов съездов. В 1927-м, на 50-летие творческой деятельности, Дмитриев завещал городу все свои негативы и снимки, сделанные за полвека. А когда два года спустя началась борьба с «враждебными буржуазными течениями в фотографии», фотосалон Дмитриева не избежал национализации: бывший хозяин был нанят павильонным фотографом и заведующим художественной частью. Вскоре преклонный возраст и начавшая прогрессировать потеря зрения заставили его отказаться и от этого: он решил систематизировать свой фотографический фонд и сделал запрос в архив, а ему не только отказали в праве пользования негативами, но даже и не пустили в здание, где они хранились. Последние годы фотограф прожил в доме у зятя, оставаясь, несмотря ни на что, доброжелательным человеком.

В здании его бывшего салона сначала продолжали снимать и печатать фотографии, а во время войны разместили госпиталь. В подвале до сих пор сохранились металлические двери бомбоубежища, застекленную крышу пришлось заложить, а вот знаменитой застекленной стены на втором этаже дом лишился в послевоенные годы, когда там разместилось ателье по пошиву одежды, просуществовавшее до перестройки.

«ПО ИНИЦИАТИВЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ»

История Русского музея фотографии началась не так давно: это самый молодой музей Нижнего Новгорода. В буклетах сказано скупо: «Создан 21 сентября 1992 года по инициативе общественности». За этой емкой фразой – целая история.

– Еще в советское время заслуженный работник культуры, легенда нижегородской журналистики Семен Лозинский обращался в облисполком с идеей создать музей фото-

графии в Нижнем Новгороде. Доказывал, что такой музей нужен, что у нашего города очень богатая фотографическая история, – рассказывает директор Русского музея фотографии (РМФ) Вера Тарасова. – А в 1989-м, к 150-летию появления фотографии, в Выставочном комплексе была организована выставка «Глазами прадедов» – тогда обычные люди впервые смогли увидеть фотографии Карелина и Дмитриева, которые до этого хранились в Госархиве, в фондах различных музеев. Успех был ошеломительным! Организатором выставки выступил Союз журналистов России. Известный журналист того времени Анатолий Новиков с фотокорреспондентом ИТАР–ТАСС Владимиром Войтенко обратились к властям за разрешением на открытие музея фотографии, отметив, что дом №9 на улице Пискунова (бывшей Осыпной) подходит для этого как нельзя лучше. Прошло три года, прежде чем музею выделили 300 квадратных метров на первом этаже этого здания.

Сама Вера Тарасова работала тогда в фотоотделе областного архива, а на время выставки «Глазами прадедов» стала экскурсоводом по экспозиции. Филолог по образованию, когда-то она мечтала стать учителем, но еще студенткой пришла поработать в архив, где увидела потрясающую Россию конца XIX – начала XX века, запечатленную Карелиным и Дмитриевым. Она делала ту работу, которую когда-то не дали сделать Дмитриеву: систематизировала и описывала фотоснимки и негативы и буквально влюбилась в эти «лики прошлого».

– Первоначально Русский музей фотографии был музеем общественным, а не государственным, – подчеркивает Вера Тарасова. – Нам дали площадь, но экспонатов-то не было! То, что представляло для нас интерес, хранилось в архивах, в частных собраниях. Мы, активисты, вкладывали деньги и собственные негативы, коллекции. Я тоже ездила по области, покупала фотографии, открытки. Проводили собрания нижегородских краеведов – кто-то посодействовал, проникся, подарил коллекцию, кто-то дал во временное пользование... На основе этого была создана первая экспозиция.

Первым директором музея стал Владимир Войтенко, и он предложил Вере Михайловне перейти на постоянную работу в музей.

– Я тогда подумала: если уйду в этот маленький музей, где и фондов-то никаких нет, то никогда больше не буду держать в руках фото Карелина и Дмитриева! Я продолжала работать в

архиве, а во время отпуска приходила на работу в музей... Но однажды поняла: то, что могла, в архиве я уже сделала. Даже если в музее нет Карелина и Дмитриева в большом объеме, нужно формировать фонд фотографий XX века – это тоже интересно. И я решилась.

ВТОРОЙ ЭТАЖ

Музей в то время уже перешел под опеку государства, появились ставки и скромное бюджетное финансирование. Вера Михайловна стала заместителем директора и сразу предложила Войтенко изменить концепцию музея, который тогда представлял собой постоянную историческую экспозицию.

– Я понимала, что Карелин и Дмитриев – это прекрасно, но, если мы хотим, чтобы в музей шли люди, нужно заниматься организацией выставок и фестивалей. Войтенко же рассуждал так: когда будут дополнительные площади – будем делать выставки. А я подумала: если мы не будем делать выставки уже сейчас, то никто никогда и площадей не даст!

Вера Михайловна вспоминает, как после длительных уговоров первый директор РМФ все-таки разрешил освободить простенок или снять несколько витрин – так и монтировали выставки. Вместе с популярностью музея росло и доверие к нему: в дар начали приносить различные экспонаты, от старинных фотокамер до уникальных снимков.

Спустя десять лет после открытия музея, в 2002 году, Вера Тарасова заняла место вышедшего на пенсию директора. Но расширения музея ей удалось добиться лишь четыре года спустя, по случайности: ателье, занимавшее третий и часть второго этажа здания, разорилось и съехало. Тарасова отправилась к министру культуры с просьбой о расширении. «Так что ж вы сидите? – удивился министр. – Взламывайте дверь да въезжайте!» Она вышла из кабинета в смятении. Занимать площади, которые тебе не принадлежат, незаконно, но если этого не сделать, то получается, что помещение музею не очень-то и нужно. На имя министра было быстро написано официальное письмо, и уже под ним поставил подпись тогдашний губернатор. Так у музея появилось место для сменных выставок.

– Если экспозиция постоянная, то люди, которые пришли сюда пару раз, вряд ли придут снова, и музей замирает в своем развитии, – объясняет Вера Михайловна. – Когда мы сде-

лали экспозиционный зал, то стали делать по две выставки ежемесячно, а вместе с выездными бывает до шести выставок в месяц! Организуем областные и международные фотографические фестивали, проводим выставки по обмену с другими музеями из разных стран. У нас четыре штатных сотрудника, которые занимаются этим направлением. Тем не менее фонды обрабатываются, а комплектование идет очень хорошо.

На первом этаже теперь помимо исторической экспозиции, рассказывающей не только о Карелине и Дмитриеве, но и об истории фотографии, есть «уголок советского фотографа» и выставка голограмм, на втором – сменная экспозиция и прямо здесь же, в выставочном зале, фотошкола для молодежи. Из 200 тысяч единиц хранения удастся одновременно выставить не более 400 экспонатов.

– Конечно, мы хотели бы восстановить фотосалон Дмитриева и Карелина, вернуть зданию стеклянную крышу и стену, обстановку, превратить это место в ретросалон, – делится Вера Тарасова мечтами.

Но задумка дорогая, да и в здании немало арендаторов помимо музея. Зато жизнь иногда подбрасывает неожиданные сюрпризы.

– В январе этого года мы задумались о том, что грядет 125-летие с того момента, как Дмитриев открыл здесь мастерскую. И тут к нам попал телефон женщины, у которой, как отрекомендовали, есть «интересные документы». На следующий день выяснилось, что в числе этих бумаг – подлинное разрешение губернатора, данное Дмитриеву на открытие фотоателье в 1886 году! О таком подарке судьбы и мечтать было нельзя – мы поняли, что надо делать юбилейную выставку.

Специально к юбилею здесь появились еще один экспонат: макет дома на Осыпной, каким он был в XIX веке. В застекленную стену

почти кукольного по размерам домика заглядывает каждый посетитель: интересно, как же работали фотографы в то время – без электричества, с магнелиевыми вспышками? А оглядишься по сторонам, увидишь снимки Карелина и Дмитриева – и поймешь: работали так, что сделали фотографию настоящим искусством. 📷

ПЕВЕЦ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Вряд ли Юрия Олешу можно причислить к ведущим русским писателям прошлого столетия: у XX века – другие лица и другие главные темы. Он даже и в любимые писатели, кого ни спроси, редко попадает. При этом – бесспорная репутация одного из лучших стилистов. И вечная загадка его личности: почему, умея так много, пребывая на самом взлете таланта, он замолчал навсегда?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

том де Лилем и Гумилевым, а Катаев избрал в качестве ориентира Полонского и Фета (позднее – Бунина), то литературным кумиром юного Олеша был Игорь Северянин. Первое опубликованное стихотворение Олеша носило пышное название «Кларимонда», первые стихи были по-северянински напевны и нездешни.

Сохранились и стихи Олеша, написанные под явным влиянием Катаева, – пейзажная лирика.

Первая мировая и революция раскидали Катаева и Багрицкого – одного на Румынский фронт, другого в Персию; младший из всех, Олеша не воевал: оканчивал гимназию и поступал в университет. Одесса, однако, продолжала тянуть всех к себе – и в хаотичное, бестолковое время чересполосицы властей в городе троица поэтов собралась снова, с новым опытом и новыми стихами. Олеша был студентом юридического факультета Новороссийского университета, там же учился талантливый поэт Анатолий Фиолетов (в жизни его звали Натан Шор), тоже давний знакомец Багрицкого. Кому-то однажды пришла в голову идея собрать всех университетских поэтов – и с осени 1917 года работал студенческий литературный кружок. Из него потом получилось литературное

Одни считают, что во всем виновато пьянство, другие – что режим: мол, не хотел Олеша кривить душой, а поэтому предпочел молчать, а не славословить режим. Иные полагают, что все время, пока он молчал, он потихоньку изобретал собственный язык прозы, чуждый эпохе, и его «Книга прощания» – как раз новое слово на новом языке. Иным, наоборот, «Книга прощания» кажется продуктом распада творческой личности. Сам текст дает основания толковать его и так, и этак: ничего не подсказывает, не дает разгадать.

Олеша сам описал свое детство, и добавить к этому нечего, только коротко рассказать: родился в польской католической семье в Елисаветграде (сейчас – Кировоград), с трех лет жил в Одессе. Отец его, акцизный чиновник, был пьяница и картежник, проиграл и пропил большое наследство. Юрий учился в Ришельевской гимназии, много читал, рано начал писать стихи. В старших классах играл в футбол. В юности познакомился с Эдуардом Багрицким и Валентином Катаевым. Все трое писали стихи и зачитывали ими друга друга до изнеможения – кажется, если их что и занимало всерьез, так это поэзия. Если Багрицкий увлекался Лекон-

объединение «Зеленая лампа». В Одессе менялись власти, стреляли на улицах, грабили по ночам – и тем не менее литературно-поэтические вечера, где студенты и примкнувшие к ним приятели читали с эстрады стихи и доклады о современной поэзии, а артисты пели и декламировали под музыку, собирали полные залы. Олеша считался – да и был – одним из самых талантливых поэтов кружка. 1918 год, когда Одесса была под властью гетмана, когда в городе стояли австрийские войска, стал для «Зеленой лампы» годом расцвета, театральных постановок, гастролей по Новороссии – и жесткой, серьезной поэтической школой для всех участников. Олеша писал тогда стихи о Пушкине и пушкинских героях, кружковцы считали их великолепными. Написал драму «Маленькое сердце» под Пшибышевского. Прозаические его попытки в это время были довольно беспомощны, кажется, он и писал их только ради того, чтобы оттачивать свое мастерство сравнения и метафоры: вот партер в театре похож на открытую коробку конфет, а шея у девушки цвета слоновой кости, а будка суфлера похожа на раковину, а фонарь... У зеленоламповцев даже игра такая была: что на что похоже – надо было моментально подобрать сравнение к вещи. Однажды Олеша с Катаевым так заигрались, что пришли к выводу, что все похоже на все. Оба вспоминали это время как необыкновенно прекрасное – у Олеси есть зарисовка: стоят юные поэты и девушки в широкополых шляпах, все красивые, талантливые, и горят на солнце тюльпаны...

КНИГА, ВИНТОВКА, СОХА, СТАНОК!

Приход Добровольческой армии мало что изменил в положении кружковцев, а вот весной 1919 года в городе появилась Красная армия, и все перевернулось с ног на голову. Кружковцы, подспудно сочувствовавшие большевизму, подались в БУП, Бюро украинской печати, рисовать плакаты и сочинять к ним стихотворные подписи к празднованию Первомая. Время было военное, деникинцы наступали, Красная армия объявила в Одессе мобилизацию. Олеша, как утверждал Шкловский, пошел в армию добровольцем и служил телефонистом в береговой батарее, которая стояла на пляже. Служить пришлось, по-видимому, не очень долго: с конца мая по середину августа, когда Добровольческая армия отбила Одессу. Здесь – короткий пробел в биографии по самую зиму 1919/20 года, когда Олешу и его сестру Ванду свалил тиф. Юрий выжил, Ванда умерла. Когда он пришел в себя, власть в городе снова переменялась. Весной 1920 года он снова на службе красных, в ЮгРОСТА: сочиняет подписи к карикатурам. В Одесском Литературном музее выставлен на витрине первомайский на-

бросок Олеси с указаниями для художников в рамках:

«Трафарет для 1 мая:

Презрительное и надменное лицо
капиталиста

Эта страна трудовая
Празднует первое мая?

Рассвирепевшее лицо капиталиста

К черту советские бредни –
Праздничек будет последний.

Кулак с молотком

Шутишь, проклятое рыло-помощник
царий

Вот он, кулак мой – не милый.
Вот он, кулак пролетарий.

Кулак с молотком ударяет по голове
капиталиста

К двадцать второму, уж знаю
Вряд ли дотянешь ты маю!»

Все начало 20-х он сочинял агитки ради пайков и даже, как вспоминал Катаев, стихи к юбилеям для какого-то военного, щедро платившего за поэзию. В свободное время – опять читали стихи: сначала «Коллектив поэтов», потом поэтические кафе притягивали всю местную поэтическую молодежь. Молодые научились мгновенно рифмовать, писать стихи быстро и не раздумывая, потому что в деле агитации и пропаганды от них требовали не только рифмы и внятности, но и скорости. Они сильно голодали – и в Одессе, и в Харькове, куда потом перебрались всем коллективом ЮгРОСТА, да и позже – в Москве. В Москву Катаев и Олеша попали в 1922 году. Родители Олеси эмигрировали в Польшу, звали его, он не поехал. Юность для этих молодых людей была неразрывно связана с голодом, поэзией и революцией. Голод, поэзия и революция привели к новому шагу в жизни Олеси: он поступил на работу в газету транспортников «Гудок». Главным его занятием довольно скоро стали стихотворные фельетоны, в которые он перерабатывал присылаемые рабкорами-же-

лезнодорожниками жалобы на непорядки. Под псевдонимом «Зубило», который стал знаменит на всю страну (настолько, что в командировки Олеша ездил в собственном вагоне, а пионерские отряды слали ему известия о том, что решили называться его именем), Олеша неустанно клеймил взяточников, мешочников, растратчиков, волокитчиков и прочих безобразников, мешающих развитию советского

транспорта. Куда менее известно, что помимо фельетонов Олеша еженедельно давал в газету стихи на политические темы. Сначала подписывал их «Касьян Агапов», потом стал подписывать своей фамилией. Стихи были откровенно плохие и довольно одинаковые, изобиловали знаменами, штыками, звездами и восклицательными знаками. Писать ему приходилось очень много: раз в неделю политический стих и каждый день по фельетону Зубила. Слава у него была колоссальная, транспортники взахлеб читали новые стихи Олеша. В Москву постепенно перебрались из Одессы и другие участники поэтических кружков – так в редакции появились Илья Ильф и Семен Гехт; Катаев перетащил в Москву брата, пришел Михаил Булгаков, так что четвертая полоса «Гудка» обзавелась, наверное, лучшим коллективом за всю историю отечественной журналистики. Литсотрудники жили в стесненных условиях, ночевали друг у друга, питались вскладчину, писали на типографской бумаге или клочках обоев, смеялись, смешили других, и работать было легко, и все получалось, и впереди уже маячила слава.

В 1924 году Олеша написал сказку «Три толстяка» – революционную, про восставший народ, свергающий власть толстяков. Но детям она не этим была дорога. Она была волшебна от начала до конца. В ней розы плавали в миске, как лебеди, а учитель танцев среди танцующих был похож на поварешку в супе, а гимнаст шел по проволоке над площадью Звезды... и выстрелы расцветали розами на шкуре пантеры, и девочка-кукла в волшебном платье учила наследника свистеть в ключик... и странный человек в конце сказки говорил странные, загадочные, необъяснимые слова, которые сразу запоминались назизусть: «Прощай, Тутти, что на языке обездоленных значит «разлученный». Прощай, Суок, что означает «вся жизнь». Сказку и не восприняли сразу как правильно-пролетарскую, и опубликовали только четыре года спустя – и она сразу оказалась всеми любимой, всем нужной – и пошли переиздания, и вскоре МХАТ запросил у автора инсценировку...

КОНЕЦ ЛИТЕРАТУРЫ

Еще до того Олеша ошеломил читателей и критиков своим романом «Зависть» – с первых строк, с хрестоматийного нынче «он поет по утрам в клозете», поразил новизной и странностью зрения, метафорой, которая целиком охватывает движение, жест, человека, – емкой, упругой, свернутой и способной развернуться, как тугая спираль. Необыкновенная новизна письма ясно сигнализировала, что это совершенно несоветское произведе-

ние. Разумеется, сюжет еще можно было спрямить, замерить уровень советскости и поделить персонажей на положительных и отрицательных, попеняв автору, что положительные недостаточно положительные, а автор недопонял того-сего – так в конце концов с «Завистью» и поступили. Но в 1927 году, когда роман вышел в свет, страна еще не окостенела, режим не застыл, шаблонные формулы не охватили еще всех областей жизни, – и в этом году, последнем мало-мальски вольном, еще были читатели и критики, которые способны были оценить и волшебную изобразительность языка, и полную, до саморазоблачения, откровенность автора, который совершенно явно проступает из-под маски Кавалерова. Тогда еще можно было говорить о важном и волнующем. Впрочем, сам сюжет «Зависти» свидетельствовал, что эти времена проходят, что наступает самодовольное окостенение жизни, что в ближайшем будущем обо всем этом нельзя будет говорить.

И в самом деле, стало нельзя. В ближайшие несколько лет писателей отстроили, подравняли, коллективизировали и отравили на производство. Казалось бы, уж Олеше-то, уж Зубилу-то, с его огромным опытом писания правильных коммунистических строчек левой ногой за продуктовый паек, с его осведомленностью в транспортных проблемах, хотя и набивших оскомину, – уж ему-то будет легче их всех справиться с производственным заданием, уж он-то идеально впишется в новую жизнь. А он не вписался – совсем, никак.

Может быть, дело в том, что он успел распробовать, что это такое – писать как хочешь и как можешь, не думая о крайних сроках, не подстраиваясь под редактора и текущие политические веяния, – писать рассказ о вишневой косточке, подыскивать имена явлениям и событиям... Теперь ему предстояло подравняться и вернуться с воли в клетку, отставить лирику и трудиться над выполнением заданий партии. «Литература окончилась в 31-м году», – говаривал Олеша. Литература, может, и не окончилась, кое-как выжила, понесла жестокие потери, но Олеша почти окончился. Его приснопамятное выступление на Первом съезде Союза писателей потому и произвело на окружающих впечатление неуместного юродства, что он пытался по-прежнему вольно говорить о важном и значительном для него в среде, которая уже успела окостенеть настолько, что исповедальные речи стали звучать дико, как монолог Гамлета на профсоюзном собрании.

«Я мог поехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описать их в очерке, даже в романе, но это не было моей темой, не было темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего дыхания. Я не был в этой теме настоящим художником. Я бы лгал, выдумывал; у меня не было бы того, что называется вдохнове-

нием», – делился Олеша с делегатами. Он вырос в другом мире, он мечтал иначе, он жил другими понятиями и образами – и все это оказалось никому не нужно. Олеша всерьез размышлял, каким он будет, этот новый человек, не знающий душевных мук и сомнений, идеально ясный разумом и духом созидатель и строитель, – и как ему самому, созерцателю, а не созидателю, ужиться в обществе этих людей, где ни он сам, ни его умения не нужны. «Я буду писать пьесы и повести, где действующие лица будут решать задачи морального характера», – обещал Олеша съезду. Задачу морального характера уже попыталась решить героиня его пьесы «Список благодеяний», молодая актриса Елена Гончарова. Она вела два списка – список преступлений и список благодеяний советской власти; в конечном счете главным и перевешивающим благодеянием оказалась возможность умереть за эту власть. Спектакль, изгрызенный цензурой, был поставлен Мейерхольдом, но вскоре запрещен: то, что было терпимо в конце 20-х, в начале 30-х казалось уже преступлением. Вскоре и Мейерхольд подвергся травле за формализм, и Олеша оказался под негласным запретом – а там уже пошли аресты близких друзей, и про это время все стало окончательно понятно. Он уже ничего не обещал ни себе, ни другим, не пытался в прозе решать задачи морального характера – он просто пил. Это был его способ справиться с тогдашней жизнью. Вынести невыносимое и уложить в уме противное разуму – это сложная задача: кто стрелялся, кто сходил с ума, кто прятал голову в песок, кто подыскивал оправдания. Способ Олеша был – пить. Не самый худший способ – и, по крайней мере, позволяющий уничтожать себя алкоголем, а не личной подлостью.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Пьяным он был нехорош: скандалил, говорил грубости и резкости, друзьям за него часто было неловко, неловко было и знакомым, у которых он стрелял деньги. Со многими он поссорился из-за своих алкогольных эскапад. С одними помирился, с другими нет – с бывшим лучшим другом Катаевым разошелся навсегда, хотя ревниво за ним следил. Катаев уже в глубокой старости, отвечая на вопрос, «кто был вашим лучшим другом», сказал, почти не раздумывая: Юрий Олеша.

Олеша – писатель, который не пишет, – стал притчей во языцех, королем «Националя», завсегдатаем буфета в Доме литераторов. Его неписание стало молчаливым укором для пишущих – горшим, чем многописание других. Не писать было честнее и достойнее. Впрочем, после его смерти выяснилось, что он все-таки продолжал работать. То, что он писал «вслух», для публикации, было слабо – вроде переводов туркменских писателей в войну (войну он провел в эвакуации в Ашхабаде). Статьи в печать, редкие рассказы – все это делалось без души. Но он писал на стол, для себя, без всякой надежды на публикацию, даже посмертную. И только когда

его последние записи, собранные Шкловским и опубликованные под названием «Ни дня без строчки», вышли в свет – или, пожалуй, еще позже, когда эти записи в полном виде вышли как «Книга прощания», уже в наши дни, – тогда стало ясно, какой сизифов труд он на себя взвалил и какие танталовы муки испытывал. Хуже, чем безногий летчик Маресьев. Может быть, что-то похожее чувствовал бы оперный певец на необитаемом острове. Или, может быть, в туземной деревне – да еще туземцы кидаются банановой кожурой, стоит только открыть рот. Стареющий, хрипнувший, теряющий голос, он продолжает петь, потому что предназначен для того, чтобы петь. Никто не слушает, ноты забываются, каждый звук дается с большим трудом – а он все поет, потому что если он перестанет это делать, он перестанет быть собой. Может быть, человеку религиозному это было бы легче перенести: у него есть последний и единственный Слушатель и Читатель. У Олеша, пожалуй, и на это не было надежды. Его «Книга прощания» и есть уникальный опыт писательской работы в абсолютной пустоте: искусство даже не ради искусства, а ради жизни, ради сохранения самого себя. Видно, как трудно ему писать, физически трудно; как он возвращает себя к листу бумаги, когда это никому не нужно, как мучительно работает над собой, как заставляет себя оставаться писателем и человеком – несмотря на сопротивление времени, сопротивление материала, сопротивление организма – паралич воли при депрессии и алкоголизме чрезвычайно трудно преодолеть усилием той самой парализованной воли.

Трудно сказать, знает ли литература подобный опыт творчества в вакууме. Разве что, может быть, Татьяна Гnedич, которая в одиночной камере тюрьмы, под следствием переводила с английского – в уме, по памяти – искрометного байроновского «Дон Жуана». Вряд ли стоит задаваться вопросом, что такое «Книга прощания» – свидетельство окончательного писательского и личностного распада Олеша или уникальный образец новой прозы. К сожалению, за уникальность новой прозы приходится платить очень дорого – собой. Но «Книга прощания» – как она есть, без

сквозного сюжета, без выдумки, без морали – оказывается очень важной во времена, когда ни ты, ни все твои умения никому не нужны. Потому что тем, кто привык искать в книгах ответа, бывает нужен не урок, не занимательная история, а только собеседник, который не дает советов, а вполголоса рассказывает о своем.

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

УПАДОЧНЫЙ РЕНЕССАНС

АННА ГАМАЛОВА

Золото – солнечное, серебро – лунное. Золото – богатство, серебро – изысканность. Серебряный век в России оказался богаче золотого: золотой – чуть ли не единолично пушкинский, серебряный – всеохватный.

С каждым годом он все глубже погружается в историю – вот уже за вековой рубеж перевалили 1910-й, год смерти Толстого, и 1911-й, убийство Столыпина, Амундсен на Южном полюсе, дело Бейлиса... Большое видится на расстоянии: с вековой дистанции становится заметен колоссальный масштаб явления, которое мы обозначаем как «предреволюционные годы» в истории – и как Серебряный век в литературе.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД

Откуда вдруг взялся такой неожиданный расцвет искусства и поэзии в России, по-прежнему наглухо застегнутой на все пуговицы, скованной форменным мундиром? Почему в Европе модернизм связывают с концом века, *fin de siècle*, а в России – с «началом века», можно даже не говорить какого: наш как-то не воспринимается в этой роли. Вроде бы мы и конец тысячелетия застали, и начало нового – а расцвета почему-то нет как нет. Может быть, стоим слишком близко, а через сто лет все станет заметнее?

Серебряный век – не только поэзия и проза – целая полуса общественной жизни. Современники считали ее упадком, декадансом, разложением; самым пронзительным, однако, и тогда было ясно, что это не увядание, а цветение, не упадок, а «ренессанс», по выражению Николая Бердяева.

Нет, конечно, XIX век тщательно позаботился об этом расцвете. XIX был веком здравых суждений, общественной пользы и практичности: он опутал весь мир цепью железных дорог, связал регулярными паровозными маршрутами, отменил рабство, продлил жизнь, придумал антисептики, ввел санитарии и гигиену – и резко увеличил население Земли. Планета из огромной пешеходной стала компактной, страны оказались ближе друг к другу, люди – понятней, национальные культуры – прозрачней, новости – быстрее. XIX век с его телеграфом, фо-

А рамки оставались прежними: те же люди, тот же политический строй, те же законы, та же мораль, те же способы познания мира – хотя и они уже уперлись в пределы рационального. Затрещали и эти рамки. Граница между добром и злом, правдой и ложью, моральным и аморальным, умным и глупым стала постепенно размываться и стираться, пока не стерлась окончательно в постмодернизме, полномправном наследнике модернизма. Все эти финде-сьеклевские «цветы зла» и «богодьяволы» к концу XX века логично вылились в пресловутое «снятие бинарных оппозиций» – вплоть до размывания фундаментальных границ между жизнью и смертью или мужчиной и женщиной.

В новых условиях, при стертых границах, оказалось, что герой – не тот, что прав, а тот, что силен; не важно, что ты изображаешь, – важно как; важен не вектор чувства, не стремление к добру или злу, а только сила, последовательность, яркость этого стремления. Настало время героев-одиночек, противостоящих толпе. «Сверхчеловеки стали бродить стадами», сказал Петр Пильский в ядовитой статье о знаковом литературном явлении нового века – романе Арцыбашева «Санин», воспевающим (точнее – скучно объясняющим, как это хорошо) силу одиночек, животную жажду жизни и секса.

Дух времени и новая философия овладевали одиночками, толпами одиночек, потом массами, разменивались на копейки, становились уличной модой. Недаром модерн оказался не только самой необычной, но и самой коммерциализированной эпохой в искусстве, временем взлета бытовой культуры: соборы в нем редки, а пепельницы или сахарные щипчики с характерными изгибами очертаний – неисчислимы. Эта эпоха – первая, которая сделала предметом искусства рекламный плакат и слоган, окончательно смешав высокое с низким.

Дух времени и новая философия овладевали одиночками, толпами одиночек, потом массами, разменивались на копейки, становились уличной модой. Недаром модерн оказался не только самой необычной, но и самой коммерциализированной эпохой в искусстве, временем взлета бытовой культуры: соборы в нем редки, а пепельницы или сахарные щипчики с характерными изгибами очертаний – неисчислимы. Эта эпоха – первая, которая сделала предметом искусства рекламный плакат и слоган, окончательно смешав высокое с низким.

НЕЗНАКОУМКА

Поэты сознательно смешивали грех и святость, земное и небесное. Встреченная уличная женщина становилась Незнакомкой, загадочным образом женственности – и через пару месяцев все уличные женщины таинственно рекомендовались незнакомками: «Я уесь Незнакоумка, хотите познакомиться?» – цитировал Юрий Анненков девушку Ванду у ресторана «Квисисана». Самое удивительное в людях той эпохи – готовность жить согласно принципам или их

тоаппаратом, кинематографом, промышленной революцией основал современную городскую цивилизацию и впервые вывел на историческую арену человеческие массы. Впервые появился не узкоаристократический, а довольно крупный слой грамотных людей, возросли тиражи, появилась читательская аудитория, с которой стало возможно взаимодействовать. Размножились газеты и журналы; выставки, публичные лекции и кинозалы стали привлекать толпы народа. Появилась та самая почва, на которой только и возможен расцвет искусства и словесности. Они и кинулись в рост, как пальма Attalea Princeps в знаменитой притче Гаршина – безумного предшественника наступающих времен.

XIX век, вырвавший монополию на творчество из рук аристократии, наследующий Просвещению с его идеалами, озабоченный утилитарными целями, заменивший Бога наукой и надрывно призывающий к социальным реформам, к концу своему стал уж совсем непозтичен – только стон Надсона и тоска Случевского звучали пронзительной нотой в торжественном, машинном, маршевом шествии промышленного века. XX век не хотел говорить о богатстве и бедности, социальной справедливости и несправедливости – его интересовали понятия более фундаментальные: жизнь и смерть, красота и уродство, любовь и ненависть. Даже суровая реалистическая проза стала у Бунина экзистенциальной, а у Андреева – и реалистической перестала быть, перешагнув грань между реальным и символическим. XX век в своем начале устремлялся не к земному, а к вечному – и требовал поэзии о самой сути жизни.

Нам кажется сейчас, что вся поэзия, вся литература в Серебряном веке была такая – модернистская, поднятая над земным или поднимающая земное до трансцендентного. А это был самый краешек, острие времени, вершина айсберга – штучное, экспериментальное, сверхновое искусство. А снизу плыл огромный массив позитивистской, привычной культуры уходящего века – с уныло-гражданской лирикой и народническими повестями из жизни крестьянства. И с точки зрения этой приземленной культуры все происходящее на острие было чужь и блажь, дикость и вырождение – декаданс, одним словом.

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ

Старая Европа в самом деле переживала кризис. Стало понятно, что начинается новый, непривычный мир с другими порядками и законами, совсем непохожий на то, что было раньше. Древняя, устоявшаяся в крепких жанровых канонах, традиционная европейская культура затрещала по швам под напором новых людей, новых веяний и настроений.

отсутствию. Жить необычно, жить сильными чувствами – этого требовал дух времени. Жизнь под серым российским небом, в привычное межсезонье три четверти года, была так насыщена хандрой и скукой, что требовала прорыва к яркому, удивительному, солнечному – и жизнотворцы рвались к иным небесам, как гаршинская пальма.

В русском интеллигентском быту появились хитоны, пеплосы и диадемы, мистерии и балы-маскарады; жизнотворцы перебирали маски, выискивая для себя подходящую. Подошедшая иной раз прирастала, а цирковой клюквенный сок («истекаю я клюквенным соком», кричит паяц у Блока) оказывался настоящей кровью, что давным-давно заметил еще Ходасевич. И золотые туфельки, и смазные сапоги были одинаково свойственны этому времени; хоть желтая кофта фата, хоть черное траурное покрывало – все это были составные части образа, в котором жизнотворцы пребывали день и ночь. Демоническая женщина Нина Петровская, к примеру, носила черное платье, черные четки и черный крест; загадочная Черубина де Габриак посылала в журнал стихи на бумаге с траурной каймой, переложенной сухими цветами. Растиражированный подражателями, образ этот дошел до трафаретной пошлости – такова «демоническая женщина» у Тэффи: «Она носит черный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой «для цианистого калия, который ей непременно пришлют в следующий вторник», стилет за воротником, четки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке».

Было бы смешно, когда бы не было так грустно: платить за свою маску, позу, литературную игру, волшебные галлюцинации приходилось жизнью. Поэтому в жизни стралялись, травились, нюхали эфир и кокаин, кололи морфин, спивались, сходили с ума и топились в Мойке. У русского Серебряного века – целый мартиролог тех, кто не дождался великих потрясений эпохи. Они стирали не только грань между жизнью и игрой, но и между жизнью и смертью, слишком легко перешагивая из бытия в небытие. Многие и за-

помнились не творчеством своим, от которого мало что сохранилось, а образом, врезавшимся в коллективную память: от легендарного Александра Добролюбова до сумасбродной Паллады Богдановой-Бельской. В жертву легенде, образу приносились жизни и состояния – все на ветер, все растратить; но зато фиалки и подснежники в зимнем Петербурге, но зато вилла «Черный лебедь», но зато «жил на всю катушку».

Пальма росла, росла, проломила стеклянную крышу и вырвалась на мороз, от которого и погибла.

ВСЕ ВСЕРЬЕЗ

Говоря о Серебряном веке, трудно удержаться от соблазна перечислять длинные списки имен, одно другого звонче: вот художники, вот скульпторы, вот поэты такие, а вот сякие – благо они не скупались на пышные названия и торжественные манифесты. Вот композиторы, вот танцовщики – плеяды достойнейших имен и поразительных достижений. И почти за каждым именем – трагическая судьба, биография, изломанная несчастной любовью, болезнью, ошибками, перепаханная вкривь и вкось XX веком.

«Начало века» не скупилось на страшные события. Серебро ярнее светилось на черно-кровавом фоне эпохи: японская война, 9 января, революция 1905 года, еврейские погромы. Глухая реакция: «столыпинские галстуки», эпидемия самоубийств, политические убийства, разгон Государственной думы. Наконец – Великая война, которую затмила собой революция, разом положившая конец мрачному, прекрасным и опасным играм с жизнью и смертью. Теперь все стало всерьез.

И все-таки серебро светится – не стальным, а теплым, эльфийским светом. Время осталось в веках цветным, а не серым, летящим, а не тонущим; и не соловушеская недотыкомка символ его, а врубелевская Царевна-Лебедь – сама прозрачность, сама печаль, сама красота и жизнь.

И вроде бы все в нашем веке повторяется – и земля сжалась в малый шарик, опутанная Интернетом, любой человек – на расстоянии клика мышкой. И социальные реформы не привлекают... Может, и в нашем времени через сто лет потомки найдут что-то прекрасное и упоительное – то нам неизвестно. Но помнить, что за свои слова приходится платить судьбой, стоит и в наш жидкокристаллический век. ♀

АЛМАЗ В СЕРЕБРЕ

МИХАИЛ БЫКОВ

Александр Блок родился 28 ноября 1880 года. В Петербурге. Ушел из жизни 7 августа 1921-го. В Петрограде. Тут есть о чем поговорить.

Сроки жизни русских поэтов – это вообще отдельная тема. Пушкин – 37, Лермонтов – 26, Некрасов – 56, Есенин – 30, Маяковский – 37, Цветаева – 49. Это только первый ряд. Особая гордость. Блок прожил 40. Не 41, как предпочитали излагать учителя словесности в советских школах. Именно – 40. Это важно. Это рубеж. Это знак.

И еще: у Блока довольно современников, что появились на свет и покинули его в одном и том же месте. Географически. Но по остальным параметрам место рождения и место смерти для них оказались разными. Тут – Петербург. Там – Петроград. Блок – не исключение.

И это важно. Потому как это тоже – рубеж и знак.

Мемуаристы, литературоведы, критики, биографы – это о другом. Будучи замкнутым человеком, Блок жил открыто, не таясь. Воспоминаний о нем осталось в достатке. Записных биографов – тоже. Везунчиков в своем роде. Не стремился Александр Александрович к подвигам. Прожил интеллигентно. Без роковых тайн. Строчки поэта изучены и препарированы вдоль и поперек. Каждая строфа пронумерована и оцифрована.

Отдельно – любители «жареного» и «желтого». Пьяницы с глазами кроликов, красный граф Алексей Толстой с Бессоновым, южная казачья кровь жены Любови Дмитриевны. Тесть Дмитрий Менделеев – не

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дед поэта – Андрей Николаевич Бекетов, ученый-ботаник, ректор Петербургского университета. Бабушка Елизавета Григорьевна Бекетова – знаток языков и переводчик. От Дарвина и Брэнда до Бичер-Стоу, от Флобера до Жорж Санд. Оба, судя по записям самого поэта, влияли на него в юные годы весьма сильно. Одно из наиболее ярких воспоминаний детства – привычка деда обра-

щаться к крестьянам купленного им поместья Шахматово под Клином в Тверской губернии по-французски: «Ну что мой маленький друг...»

Блок вспоминает об этом. Но без удивления. Такие были люди. И они жили рядом. Вплоть до 1902 года, когда умерли с разницей в три месяца. Блоку уже шел 22-й. Отец Александр Львович к литературе был довольно холоден. Занимался юриспруденцией, профессорствовал в Варшавском университете. И сын поступил на юрфак Петербургского университета. Но отношение Блока к этой профессии исчерпывается одной дневниковой фразой: «Юридический факультет, как и прежде, не памятен». Написано в 1918-м. А еще спустя много лет он отчетливо помнил противный озноб, бывший его на экзаменах по причине полного незнания предмета. И так – три года, три курса.

Предок Иван Блок получил русское дворянство из рук Петра Великого. Офицером не был, служил лейб-медиком. С другой стороны, кто при Петре Алексеевиче не был офицером, если уж попадался ему под руку? Насколько равнодушен был Александр Блок к юридической науке, настолько же ему претила и военная служба – основная стезя русского дворянства. И так слабое влияние отца закончилось в 9-летнем возрасте. Мать вышла замуж за гвардейского офицера Кублицкого-Поттух. Блок пишет: «Семнадцать лет моей жизни я прожил в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка». Радости – никакой! В другом месте – «Я валялся в казармах, в квартире верхнего этажа, читая массу книг и томась».

еврей ли? «Испысывание» после 1909-го, потеря рассудка, сифилис, самоубийство. И, конечно, «Двенадцать». Не дает покоя вопрос – почему все-таки впереди Иисус Христос?

Ищут, ищут, ищут...

Да без толку, по большому счету. Загулы и романы – это, в принципе, порядок вещей. Не только среди поэтов. Остальное – не доказывается, хоть тресни. А если кое-что, прежде всего состояние рассудка в последние месяцы жизни, и окружено некоторыми смущающими фактами, что с того? Трудно было ему.

И только эти «Двенадцать»... До сих пор идут. И кто там впереди – не разберешь уже.

Так что обойдемся без биографов и литературных критиков. Уж пусть не взыщут. Блок, при всех своих романтических и символических скитаниях по стране Поэзии, ежесекундно пользовался – без этого никак! – родовой кровью. Текла по его венам и артериям мекленбургская кровь. Северная. Предок прибыл в Россию служить по медицинской части при дворе царя Алексея Михайловича. И Александр Александрович слыл за довольно организованного, пунктуального человека. А такой не мог не вести дневник.

Дневник Блока, в отличие от дневника последнего императора, Николая II, также разменявшего Петербург на Петроград, – не ежедневные систематические записи о событиях и погоде. Он довольно обрывочен, схематичен, эмоционален и заполнялся от случая к случаю. Зато сразу видно – были случаи! И северная тевтонская кровь смешивалась с русской. С той самой скифской.

Все это к чему? Если кто хочет о стихах – читайте стихи Блока. В самом деле, что еще надо? Ежели кому угодно о самом Блоке – заглянем в его дневники. Им можно доверять.

В 1915 году 15 октября (ст.ст.) Александр Александрович записал: «И уж во всяком случае, я очень честен».

Странно, но отрочества и юности у Блока не было. Так случается у тех, кто начинает писать стихи в пять лет. И кто окружен литературой и наукой с рождения. Хрестоматийный мальчик со скрипкой (книжкой, микроскопом) – какое тут отрочество и юность?

Наконец в сентябре 1916 года Александр Александрович запишет принципиальное: «Я не боюсь шрапнелей. Но запах войны и сопряженного с ней – есть хамство. Оно подстерегало меня с гимназических времен и вот – подступило к горлу. Запаха солдатской шинели не следует переносить... Эта бессмысленная война ничем не кончится. Она, как и всякое хамство, безначальна и бесконечна, безобразна»...

Интеллигент? Безусловный. Со всем хорошим и всем плохим, что несет это состояние. Но и – дворянин. Что позволяет столь разительно отличаться от талантливых поэтов и писателей, но племеев, ворвавшихся в литературный мир России в начале XX века. И – строками. И – поведением. И – самооценкой. И – тянуться к таким же, как сам. Пусть поначалу счастливым, но потом издерганным мистическими поисками. Пусть декадентствующим напропалую, от письменного стола до постели. Пусть бравирующим на грани пошлости претензиями на человеческую и творческую смелость. Но – своим!

Андрей Белый, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Михаил Кузьмин, Николай Гумилев, Вячеслав Иванов, Николай Пяст... Как так получилось, что, несмотря на разность талантов, взглядов и судеб, все они – а помимо того еще десяток-другой фамилий – воспринимаются все же скопом? Если не кривляться перед зеркалом собственной образованности. Если – честно?

Серебряный век... Нет, не творческий монолит. Скорее, Ноев ковчег, в котором каждой твари по паре. И время такое – надо спастись и спастись. Как уместен тут вопрос из другого времени и другого мира – из Голливуда. Но в исполнении ученика школы Станиславского – Роберта Рэдфорда. «Когда Ной строил ковчег? До потопа, до потопа».

Эти – не строили. Они ждали. Некоторые из них – ломали построенное прежде. И Блок, вопреки дворянскому воспитанию и бекетовской интеллигентности, возражал резко.

Даже оскорбительно. «Не меньше вашего ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как и строительство, и так же традиционно, как оно... Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете». Это – Маяковскому, летом 1918-го! И о том же в феврале 1921-го, за полгода до смерти: «Перед нашими глазами с детства как бы стоит надпись: огромными буквами написано: ПУШКИН... Имена основателей религий, великих полководцев, завоевателей мира, пророков, мучеников, императоров – и рядом это имя: Пушкин».

Блок против пиратов, сбрасывающих хлам с корабля истории. Категорически!

Если требовала жизнь и убеждения, поэт не щадил никого. Не только из новеньких, вроде футуристов, – «Бурлюки, которых я не видал, отпугивают меня», записано в феврале 1913-го. Но и прежних. Друзей-символистов. Товарищеских мистиков. Единомышленников. Или – не «едино»? И были они вообще друзьями, товарищами, единомышленниками в варварском смысле слова?

Июнь 1909-го: «Без Бугаева (Белого) и Соловьева обойтись можно».

Октябрь 1911-го: «Все эти вечера читаю «Александра I» (Мережковского). Писатель, который никогда никого не любил по-человечески – а волнует. Брезгливый, недобрый, рассудочный...»

Апрель 1912-го: «Утверждение Гумилева о том, что «слово должно значить только то, что оно значит», как утверждение – глупо. Но понятно психологически, как бунт против Вяч. Иванова...»

Октябрь 1912-го: «Пяст живет, сцепя зубы, злится и ждет лучшего. Он послал рассказ... в «Русскую мысль». Много никуда негодного... чего не видит. Стихов не пишет. «Западник».

Апрель 1919-го. «Я получил корректуру статьи Вяч. Иванова о «кризисе гуманизма» и боюсь читать ее».

Май 1921-го. «Начало дневника З.Н. Гиппиус. Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво, но – своекорыстно».

Как можно было любить его после этого и считать первым? Вслух не каждый признавался, но во внутренних диалогах

гах оспаривать первенство было крайне сложно.

Блок оценивал не только персоналии. Он тяготел к обобщениям, выражавшимся, правда, в довольно эксцентричной форме. Трудно спорить с тем, что любимым знаком препинания поэта было тире. Оно укорачивало путь.

«Есть два рода литературных декадентов: хорошие и дурные. Хорошие – это те, которых не стоит называть декадентами... Декадентство – упадок. И упадок состоит в том, что иные или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов затемняют смысл своих произведений, причем, некоторые сами в них ничего не понимают...». Такова реакция 21-летнего Блока на новое течение в русской литературе на стыке веков, к которому и он имел прямое отношение.

В 1906 году Блок – еще молодой человек. Как раз оканчивает курс на филологическом факультете Петербургского университета, на который перевелся с юридического. На круг вышло девять лет учебы. Стихотворений уже много. Сотни. Уже за спиной «Стихи о прекрасной даме», перед глазами – поклонение и фанатизм влюбленности. Время, когда уже родились строфы «Девушка пела в церковном хоре» и «Незнакомки». А он в дневнике – вот о чем: «Религия и мистика». И вывод, который не мог понравиться друзьям по оружию: «Мистики – очень требовательны. Религиозные люди – скромны. Мистики – себялюбивы. Религиозные люди – самолюбивы». Проходит менее двух лет, и Александр Александрович разносит в пух и прах и церковь, и интеллигенцию. То есть – самого себя. Литературные течения, споры, поиски несуществующего, интриги, зависть, страх – все есть вокруг. Нет понимания того, что, если не объединиться в простых и ясных истинах, не сложить силы для того, чтобы выбраться из приближающегося тупика, – все кончится. И Россия кончится. Но сама-то Россия вовсе так не думала. Она осиливала столыпинские реформы, оправлялась после нелепой русско-

японской войны, поднимала проценты экономического роста, придавив на время революционную дурь Пресни. И все это – правда.

Тогда почему же Блок задыхался и постепенно исписывался, о чем сам себе и признавался в дневниках? Как это, большой поэт, лидер, олицетворение нового – и тупики? Профессиональной карьере нет и десяти лет!

Личная жизнь? Конечно. Не без этого. Вернее – почти без этого. Поэт не может только думать. Он должен чувствовать. Это – питательная среда. Это – импульс!

Экономический рост, конечно, прекрасно. Но вот парадокс: когда приходит время счета для всех, исчезает интерес к душе каждого. Еще в начале 1907 года Блок отмечает: «Стихами своими я недоволен с весны. Стихи уж писал так себе, полунужные. Растягивал. В рифмы бросался».

В рифмы бросаются, когда они не приходят сами.

А вот совсем страшное, 1909 год. «Думаю о том, что вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чуждых для меня, политиканства, хвастливости, торопливости, гешефтмахерства. Источник этого – русская революция, последствия которой могут быть и становятся ужасными...». Два года минуло, как умер в 9-дневном возрасте их с Любовью Дмитриевной сын Митя. Вывод: надо отказаться от литературного заработка и найти другой способ жить. Эта мысль повторяется спустя шесть лет, когда уже идет Великая война и Россия временно не справляется с нею. «Если бы те, кто пишет и говорит мне о «благородстве» моих стихов, захотели посмотреть поглубже, они бы поняли, что в тот момент, когда я начинал «исписываться» (относительно – в 1909 году), у меня появилось отцовское наследство; теперь оно иссякает и положение мое может сделаться критическим, если я не найду себе заработка. Трудом литературным прожить среднему и требовательному писателю, как я, почти невозможно».

Успешный Блок, обожаемый Блок, независимый Блок! Преувеличивал, утонул в депрессии, потерял веру в себя? И что прикажете делать остальным, если так холодно-жестоко, так сурово судит себя человек, написавший когда-то: «Я по-

Исключений почти нет. Вот, пожалуй, Хлебников, которого так хвалил при жизни Блок, ушел в 1922 году. «Старый символист» Брюсов – в 1924-м... И – Гумилев, которого большевики расстреляли в 1921-м. Но тут – иной случай. Тут – насилие, смерть, которой не ждали и к которой не готовились.

Каждый сыграл отведенную ему роль, внес лепту, положил на алтарь... Потом медленно сошел на нет. Кого-то до сих пор любят, а то и боготворят. Кого-то иногда почитывают. На чьих-то могилах давно выросла катаевская трава забвения.

слал тебе черную розу в бокале // Золотого, как небо, ай»? Про черную розу, воля ваша, – все, что угодно. Но вторая строка – это не под силу среднему, хотя и требовательно-му, писателю. До сих пор спорим об этом небе, ведь миллионы других средних писателей написали бы – да и писали наверняка – «золотого, как солнце».

Блок в прозе не только дневники писал. Изредка – статьи. Он как-то составил собственную биографию. Начал в 1911 году. Закончил – в 1915-м. Все?

Нет, не все. 17-й год не мог не сказаться на настроении и создал надежду. Казалось бы, кто угодно, но только не этот тонкий и требовательно-злой, умный и наблюдательный, привыкший к рафинированному быту и повседневному вниманию человек способен на такие слова: «Октябрьский переворот все-таки лучше февральского». По всему Блок должен был бы сказать иначе – февральский хуже октябрьского...

А он – вон как!

Но это ненадолго. Блок ошибся. Как и многие тогда. Весна 1921-го: «В Москве зверски выбрасывают из квартир массу жильцов... Я иногда дремал на солнце у Смоленского рынка на Новинском бульваре».

Теперь – все!

Очень верно схватил суть Маяковский, он умел. В некрологе на смерть Блока Владимир Владимирович написал о последней встрече с Александром Александровичем. В Москве, на поэтическом вечере. Блок читал старые стихи. Маяковский подвел черту: «Дальше дороги не было».

Знаете, что удивительно?

Мережковский умер в 1941 году. Зинаида Гиппиус – в 1945-м. Андрей Белый – в 1934-м. Михаил Кузмин – в 1936-м. Вячеслав Иванов – в 1949-м. Ахматова – в 1966-м. Бальмонт – в 1942-м. Клюев – в 1937-м. Ходасевич – в 1939-м. Мандельштам – в 1938-м, Пастернак – в 1960-м. А уж Бурлюк – в 1967-м.

А как же «алмазный мой венец»? На чьей голове сверкает драгоценными искрами? Пусть не прямо, но сказано же в книге Валентина Катаева, сильного писателя следующего поколения: «Думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи».

Александр Блок – это явление. Это – состояние. Но это еще и – понятие. Всегда трудно сравнивать великих. Надо ли – другой вопрос. Но сравниваем, что поделаешь.

Пушкин – не только эпохальное, но и понятное. Лермонтов – уже нет. И Тютчев – нет. И Есенин. Хотя в каких мерных системах можно измерить их гений? А соответствие миру? Или – несоответствие? Все, служившие Серебряному веку русской поэзии и умершие после Блока, являются частью этого Серебряного века. Они все – из него. И все они – в нем. Но только Блок и есть Серебряный век. Плоть от плоти. Дух от духа.

В преддверии Рождества 1914 года Александр Александрович написал в дневнике: «Совесть как мучит! Господи, дай силы, помоги мне». И Господь помог. Забрал к себе, но только после того, когда все уже было сказано. 🍷

ЛЮБОВЬ И КРОВЬ

АННА ГАМАЛОВА

Что мы помним про Апухтина? «Пару гнедых», пожалуй, – и то мало кто помнит, что это его строчки. Еще «Сумасшедшего» – «васильки, васильки»... «Васильки» растеряли авторские строки и пополнили девичьи альбомы и песенники в качестве жестокого романа. Таким Апухтин и остался в истории русской литературы – альбомным и романсовым поэтом второго, а то и третьего ряда.

Позов в России так много, что читатель, как разборчивая невеста, может позволить себе выбирать между исключительным и выдающимся. Многие из тех, кто традиционно считается у нас звездами не первой величины, могли бы в одиночку составить гордость иной национальной культуры. Строка в энциклопедии, два-три стихотворения в хрестоматии – вот и все место в анналах. Апухтин с его салонными экспромтами и любовными стихами, расхвачанными на романсы, на первый взгляд кажется несерьезным, мелким для почетного звания «русский поэт». Сама фигура толстого барина в халате, пишущего «о счастье былом» на фоне сгущающихся сумерек русской истории – войн, терактов, царевубийств, – кажется не трагической, а комической. А откроешь том стихотворений – и замрешь где-нибудь над строчкой: «Но разум понимает, // Что в сердце есть у нас такая глубина, // Куда и мысль не проникает...» Как хотите, не салонная это поэзия.

БУДУЩИЙ ПУШКИН

Род Апухтиных очень древний, но не очень богатый. Отец будущего поэта, Николай Федорович, был отставным майором и жил в своем имении Павлодар в Калужской губернии. Там и прошло детство Алексея Николаевича. Мать его, Мария Андреевна, в детстве Желябужская, любила и сильно баловала сына, мальчик был к ней очень привязан. Учился он, как и подобает дворянскому недорослю, дома. Он рано полюбил читать, предпочитая стихи, которые быстро и легко запоминал наизусть, и уже к 10 годам знал на память множество стихотворений Пушкина и Лермонтова – и пробовал писать собственные стихи.

В 12 лет, в 1852 году, он покинул Павлодар: мальчика увезли в Петербург – поступать в закрытое, элитное Училище правоведения, которое готовило кадры для Министерства юстиции. Попал он туда не в лучшие для училища, да и для страны, времена: шел четвертый год «мрачного семилетия» – последних лет жизни Николая I. Царь, испуганный революцией 1848 года, стал закручивать гайки, истребляя дух крамолы, – и Училище правоведения, которое окончил один из самых ярких петрашевцев, Головинский, было сочтено рассадником смуты. Прежнее начальство сняли, назначили нового директора, гражданский персонал заменили военным, насадили военную дисциплину. Домашнему, начитанному, поэтичному мальчику было не так уж легко на казарменном положении. Учился он, однако, лучше всех – был первым учеником в классе, получал одни пятерки, со временем стал редактировать рукописный журнал «Училищный вестник». Писал стихи, и они быстро принесли ему славу «будущего Пушкина»: дошедшие до нас первые стихотворные опыты юного Апухтина, еще подражательные, демонстрируют тем не менее вполне уверенное владение стихом. В 1854 году директор училища А.П. Языков сам попросил едва ли 14-летнего Лёлю Апухтина написать стихи памяти адмирала Корнилова и посодействовал публикации стихотворения, которое автор назвал «Эпаминонд», в газете «Русский инвалид». В следующем году та же газета опубликовала еще одно стихотворение Апухтина – «Подражание арабскому». С его одой на рождение великой княжны Веры Константиновны ознакомили самого государя.

Стихи, которые он писал для себя, не для публикации, почти повзрослому крепко сделаны и отличаются настроением уныния, тоски, разочарования. Пожалуй, это даже нормально для меланхоличного подростка, оторванного от дома и погруженного в казенную, казарменную жизнь. «Скучно!» – восклицает он в стихотворении «Май в Петербурге»; он томится в городе и вспоминает любимую деревню. Его терзала тоска и мучила бессон-

ница, упоминания о которой проскальзывают в его стихах всю жизнь. Окружающие не очень понимали, отчего ему так плохо, на что он так жалуется. В стихотворении «Сегодня мне исполнилось 17 лет...» юный автор приводит упреки товарищей: «И в эти-то года такой тоской бесплодной // Звучит элегия твоя!» Жалобы на разочарование, разбитые мечты и тоску о счастье былом в стихах подростка только на взгляд взрослого скептика могут показаться комичными: это чуть ли не самое трудное время в жизни – смятение, тоска по всему, что было хорошего в детстве, пугающая необходимость быть взрослым...

Впрочем, в дальнейшем лирика Апухтина такой и осталась: печальной, тоскующей, вспоминающей... «Унынье превозмочь // на шумном празднике не мог я...» «И вот я здесь один, с измученной, усталой, // Разбитою душой...» «Под гнетом жгучей, тягостной печали // Я сел на старую скамью, // А листья надо мной, склоняясь, шептали // Мне повесть грустную свою».

СЛАВА И МОЛВА

Слава молодого поэта бежала впереди него: еще во время учебы он познакомился с лучшими писателями своего времени – Толстым, Тургеневым, Некрасовым, вошел в круг Панаевых. Тургенев предсказывал ему блестящее будущее, да, собственно, многие вокруг были уверены, что он станет большим поэтом. Он и сам считал литературу своим главным занятием: знал наизусть множество стихов русских поэтов, читал немецкую и французскую поэзию – и, как положено молодому поэту, мечтал о славе.

*Ты помнишь, как, забившись
в «Музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной...
Искусство было наш кумир.*

И жизнь для нас была обвеяна мечтами. – Это он много лет спустя написал композитору Чайковскому. Петр Чайковский и Алексей Апухтин подружились еще в Училище правоведения и всю жизнь были дружны – гостили друг у друга, переписывались. Апухтин посвящал Чайковскому стихи, Чайковский написал несколько романсов на слова Апухтина. Закончилась эта дружба только со смертью поэта.

В 1859 году Алексей окончил училище с золотой медалью. Способного юношу взяли на работу в Министерство юстиции, в тот же департамент пошел служить и Петр Чайковский. Кажется, хороший старт для будущей карье-

ры – но ни того, ни другого правоведение особенно не интересовало: оба мечтали об искусстве.

В том же году умерла мать Апухтина, нежно любившая его и нежно любимая им. «Посвящение» к его циклу «Деревенские очерки» – это безрадостные размышления над материнской могилой. Он рассказывает, что стремился к будущей прекрасной жизни, что обманулся, что научился ненавидеть – и теперь медлит и не знает, что делать.

Модест Чайковский, брат композитора, ставший первым биографом Апухтина, писал: «Все родственные и дружеские отношения, все сердечные увлечения его жизни после кончины Марьи Андреевны были только обломками храма этой сыновней любви». В цикл вошли «деревенские» стихи Апухтина, написанные годом ранее, поздней весной и летом 1858 года. Стихи очень простые по форме, очень певучие – для 18-летнего юноши удивительно хорошо сработанные и зрелые. Не только их автор стоит на распутье – кажется, на нем стоит вся страна, настоящая героиня «Деревенских очерков», собирательный образ родины с ее запутанными, бесконечными дорогами, с унылыми народными песнями, с усадьбами, где в саду цветут розы и поет соловей, а у окна просиживают ночь влюбленные. Все это вечное, как традиция, – и все-таки есть в этой неизменности какая-то трещина, прозрение иного будущего, иных песен:

*Так вот и кажется, с первым призывом
Грянут оне из оков
К вольным степям, к нескончаемым нивам,
В глубь необъятных лесов.
Пусть тебя, Русь, одолели невзгоды,
Пусть ты – унынья страна...
Нет, я не верю, что песня свободы
Этим полям не дана!*

Стихи эти, столь созвучные времени ожидания больших перемен, увидели свет в 1859 году в журнале «Современник». Молодой Апухтин вообще довольно созвучен демократическим тенденциям: и обличение жестокого города мы находим в его стихах, и сострадание крестьянам, и надежды на падение рабских оков (поэтому по стихам прошла цензура – скажем, строки об оковах из публикации вообще выбросили). Кажется, юный поэт нашел свой журнал, а журнал нашел перспективного автора. Но сотрудничество не сложилось. «Современник» быстро разочаровался в Апухтине, и уже в 1860 году в статье, подводящей литературные итоги года, Иван Панаев написал, что надежды не оправдались.

В 1861 году поэт ответил демократическим литературным кругам стихотворением «Современным витиям», в котором резко

отмежевывается от нигилизма бывших соратников: «Я устал от ваших фраз бездушных, // От дрожащих ненавистью слов! // Мне противно лгать и лицемерить, // Нестерпимо – отрицаньем жить... // Я хочу во что-нибудь да верить, // Что-нибудь всем сердцем полюбить!» Стихи эти он опубликовал в журнале «Время», который издавали братья Достоевские.

Апухтин – погруженный в себя философ, меланхолик, интроверт; чистый лирик, не пессионарий и не революционер; он за свободу для всякого человека, но не интересуется политическими и экономическими теориями, не хочет ниспровергать, мстить и разрушать. Он вовсе не был равнодушен к политике: в том же 1861 году он среди 16 сотрудников Министерства юстиции подписал прошение в защиту арестованных за политические выступления университетских студентов. И от идеи служения он не отказывался, но понимал под ней не хождение в народ и не подрыв основ строя, а служение вечным идеалам «под бременем креста». Стихи, написанные им в дальнейшем, свидетельствуют о серьезном отношении автора к христианской вере: вне опыта христианства ни «Года в монастыре», ни «Моления о чаше» написать было бы нельзя. С другой стороны, не был он и христианским аскетом – напротив: вел обычную для молодых холостых дворян жизнь, в которой много места занимали балы, рестораны, цыганский хор и так далее.

В 1862 году он вместе с Чайковским и несколькими правоведами влип в крупный скандал, происшедший в ресторане «Шотан». О сути скандала мало что известно, но, как писал Модест Чайковский, и Петр Чайковский, и Апухтин «были ославлены на весь город в качестве бугров». Бугры, на тогдашнем жаргоне, – активные гомосексуалисты. И Училище правоведения, и его выпускники имели в те годы довольно дурную славу в этом смысле; о репутации Чайковского, которого мы, разумеется, «любим не за это», можно даже не упоминать. Поскольку Апухтин состоял в тесной дружбе с Чайковским, молва, само собой, причислила его к партнерам композитора. Разбираться в сексуальной ориентации Апухтина совершенно неинтересно. В его лирике любовь сама по себе довольно неконкретна, абстрактна – просто любовь, как просто ночь, просто страдание, просто соловей; там же, где он рассказывает любовную историю, обычно присутствуют мужчина и женщина.

МИМО ВРЕМЕНИ

Ресторанный скандал и дурная слава имели вполне конкретное последствие: Апухтин уехал из Петербурга в провинцию, поселился в своем имении в Орловской губернии и стал чиновником особых поручений при губернаторе. От литературной жизни отошел, политикой не интересовался и даже стихи почти перестал писать. Семь лет он вовсе ничего не публиковал, а может быть, даже не писал. Все 60-е годы, бурные, кипящие, сформировавшие целое поколение «шестидесятников», прошли мимо него, не оставив на его творчестве ни малейшего следа: он так и остался тихим камерным лириком. Он трепетно относился к литературному творчеству, долгое время считал для себя невозможным зарабатывать им на жизнь – все равно что продавать любовь за деньги; он не считал себя профессиональным литератором и с гордостью называл себя дилетантом. Борьба литературных группировок внушала ему отвращение. Он писал Чайковскому в 1865 году: «...Никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и... семинаристами!» Ему, родовитому дворянину, разночинская литература была чужда, вопросов современности он предпочитал не касаться. Литературным идеалом для него был Пушкин, которого он любил с раннего детства – и о котором прочитал в 1865 году две публичные лекции в Орле «О жизни и сочинениях Пушкина».

Это был редкий случай, когда Апухтин счел необходимым вступить в литературную полемику: он отвечал Писареву на его статью «Прогулка по садам российской словесности», опубликованную в «Русском слове»: в ней автор несколько раз резко отозвался о Пушкине. Апухтин бросился на защиту и по горячим следам, через несколько дней после выхода журнала, прочел свои лекции. В эти годы он довольно часто резко отзывался о демократах-шестидесятниках, с которыми связан его громкий дебют в «Современнике». Нет, он не перестал сочувствовать угнетенному крестьянству, напротив, его новая поэма, «Село Колотовка», – совершенно шестидесятническая, почти некрасовская по духу. Однако новая, позитивистская эстетика, которую утверждали демократы, была ему совершенно чужда. Возможно, поэтому он оказался не только вне литературной борьбы, но едва ли не вне литературного процесса.

В 1865 году Апухтин вернулся в Петербург и поступил на службу в Министерство внутренних дел. Министерство время от времени посылало его в командировки – то по стране, то за рубеж. В конце 60-х он побывал во Франции, Германии и Италии; итальянскими впечатлениями продиктована чудесная, торжественно-сумрачная поэма «Венеция». Ездил он и самостоятельно, не по казенной надобности – побывал на моги-

ле любимого Пушкина, съездил вместе с Чайковским в монастырь на Валааме.

В конце 60-х Апухтин вдруг стал много и легко писать, хотя публиковался по-прежнему мало; его стихи и поэмы ходили по рукам в списках. В них уже видна рука мастера: легкость слога, мощное поэтическое дыхание, самостоятельность, глубокая лиричность. Но он по-прежнему не считал нужным печататься – и, хотя работал над своими стихами

очень много и профессионально, казался обычным светским человеком. В свете его ценили за остроумие, за изящность экспромтов и эпиграмм; он охотно шутил, писал много смешных стихов, слыл хорошим рассказчиком, ходил в театр, играл в любительских спектаклях – как-то странно даже, что этот светский лев, этот обаятельный толстяк мог по ночам мучиться бессонницей, тосковать и так остро и лично воспринимать рассказ о евангельских событиях: «О, если б я мог // В саду Гефсиманском явиться с мольбами, // И видеть следы от Божественных ног, // И жгучими плакать слезами!»

Стихи Апухтина становились все более популярными у читателей. Легкие, певучие, полные замечательно чеканных формулировок – они сами просились на музыку, и композиторы охотно писали ее; так началась слава Апухтина как романсового поэта. И впрямь, лирика его очень годилась именно для русского романса – с его классической рифмой «любовь – кровь», с его надрывом, сожалением о невозвратных годах, несбывшихся мечтах и невозможном счастье. Со временем все это стало очень востребовано, поскольку после времени надежд и оптимизма в обществе почти всегда приходит время разочарования и сожаления – и несвоевременные, неактуальные стихи вдруг находят путь к сердцу читателя.

В 70-х его если где и публиковали, то в «Чтецедекламаторе» – апухтинские стихи не только пели, но и охотно читали с эстрады. Публиковаться по-настоящему он стал только в 80-х, и то нужда заставила: Апухтин стал испытывать денежные затруднения. В 1886 году вышел в свет (немалым для того времени тиражом – 3 тысячи экземпляров) первый сборник Апухтина, который принес ему настоящую славу и десять раз переиздавался.

Он жил по-прежнему уединенно, в стороне от любых литературных баталий. Все больше толстел и терял подвижность, шутил над своим ожирением. Его по-прежнему мучили жестокая меланхолия, бессонница и навяз-

чивые мысли. Но если в 70-х его ламентации вызывали в публике мало сочувствия, то в 80-х даже его более ранние стихи стали восприниматься как современные. Он и сам понимал эту болезненную странность наступившего времени – и сам написал о ней в поэме «Из бумаг прокурора». Это история самоубийцы, написанная на основе реальных документов; вопрос о том, что заставляет человека свести счеты с жизнью, живо интересовал Апухтина как художника – а может быть, и как человека... И вот какую характеристику времени он дает в поэме: «Не я один ищу спасения в покое, – // В эпоху общего унынья мы живем. // Какое-то поветрие больное – // Зараза нравственной чумы – // Над нами носится, и ловит, и тревожит // Порабощенные умы».

В 80-х Апухтин оказался настолько ко двору, что Блок даже назвал их «апухтинскими»: здесь сам тип апухтинской личности – слабой, изнемогающей под бременем жизни, чувствительной, ущемленной, слабавольной – оказался главным типом эпохи, а поэт – певцом целого поколения. Впрочем, в нем еще слишком сильна была пушкинская традиция, слишком сильно восхищался он художественной мощью своих великих друзей – Чайковского и Толстого, чтобы измельчать до Надсона, перейти от благородных страданий к унылым слабодушным стенаниям. Однако и меланхолия его была слишком сильна, и воля к сопротивлению слишком слаба, чтобы перепрыгнуть через себя и встать наравне с ними, гением рядом с гениями; кажется, не осилил он, не поднял свой талант на ту ослепительную высоту, которая была ему предназначена, – не справился, потух.

И проза его – легкая, стремительная, настоящая «проза поэта» – осталась невостребованной и непрочитанной, хотя и в ней он осторожно ставит вопрос о смысле жизни, о том, что происходит с человеком во время серьезного душевного перелома, жизненного кризиса, о чем он думает и что чувствует на грани жизни и смерти.

Но даже такой – не победивший, не восторжествовавший над жизнью, ненормально толстый и слабый – Апухтин остался великим подспорьем для меланхоликов любой эпохи, потому что, как и Чайковский, помогает перелить страдания и тоску в поэзию, поднять их от бессловесного угрюмого уныния в музыку – а значит, подняться над собой и преодолеть их силой гармонии.

Умер он тяжело. У него началась водянка, он уже не мог лежать – задыхался, поэтому только сидел в кресле, в нем и спал. И почти не говорил, только читал и читал Пушкина – вслух, наизусть. Это была последняя радость жизни, доступная ему до последнего дыхания. ❀

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИМЕНИТЕЙШИЙ ГРАЖДАНИН ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

Истинный интеллектуал, основоположник русского сентиментализма, автор «Истории государства Российского», которую в XIX веке прочли все, кто умел читать. Николай Михайлович Карамзин – блестящий политический мыслитель, первый и наиболее яркий российский консерватор, один из самых выдающихся сынов России, недооцененный потомками.

Труды Карамзина не оставляли равнодушным никого из образованных современников. Многие с ним спорили, даже император Александр I, которого Николай Михайлович пытался учить жизни и искусству государственного управления. Но почитателей у него было все-таки больше. «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное, – писал Николай Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». – <...> Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именнейший гражданин в государстве. <...> Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству <...>».

В правых кругах деятельность Карамзина воспринималась как потрясение литературных и политических основ. Так, в 1809 году один из современников писал начальству, что сочинения Карамзина «исполнены вольнодумческого и якобинского яда. <...> Не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь». А для революционеров и либералов Карамзин, напротив, был одним из столпов и символов самодержавия. Но и они отдавали должное его таланту.

В российской либеральной историографии отношение к Карамзину было почти негативным, хотя не признавать его заслуг было невозможно. Василий Ключевский обнаружит у него массу фактических ошибок и тенденциозность. Хотя именно благодаря субъективизму и морализаторству Карамзин, по мнению Ключевского, «помог русским людям лучше понимать свое прошлое, но еще

больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой.

Советская же историография – с легкой руки Михаила Покровского и Анатолия Луначарского – объявила Карамзина «реакционной бестией». В СССР его долго не издавали. И лишь в 1950-е годы к творчеству Николая Михайловича обратился известный филолог Юрий Лотман, основоположник современного карамзиноведения. В 1980-е Карамзин вернулся окончательно, произошел всплеск интереса к его наследию. В наши дни академик Юрий Пивоваров охарактеризовал Карамзина как первого русского политолога, положившего начало не только консервативной традиции, но и отечественной теоретической и ретроспективной политологии.

СТАНОВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ И ГРАЖДАНИНА

1 декабря (12 декабря по ст. ст.) 1766 года в Симбирской губернии в семье потомка татарского князя Кара-Мурзы Михаила Егоровича Карамзина родился сын Николай. Воспитывался он дома, читать приистрастился рано, так что учитель мальчика – семейный врач-немец – воспитанником был доволен. В 14 лет Николая отдали в московский пансион профессора Шадена. Учили здесь по университетской гуманитарной программе, главное место в которой занимали языки. Николай прекрасно владел немецким, английским, французским и итальянским. В последний год учебы в пансионе Карамзин слушал лекции в Московском университете, о котором сохранил добрую память, а затем отправился в Петербург, где поступил в лейб-гвардии Преображенский полк. Военная служба его не особо привлекала, с большим рвением он предавался занятиям литературой: в 1783 году был опубликован первый перевод идиллии швейцарского поэта Геснера – «Деревянная нога», выполненный Карамзиным.

После смерти отца Карамзин подал в отставку и в январе 1784 года покинул армию в чине поручика. Для устройства семейных дел ненадолго отправился в Симбирск, где вступил в масонскую ложу «Золотого венца». А вернувшись в том же году в Москву, вступает и в другую ложу – «Дружеское ученое общество»: туда его привел земляк и переводчик Иван Турге-

нев. Здесь Карамзин знакомится с просветителем и книгоиздателем Николаем Новиковым, входит в круг московских литераторов, участвует в издании первого русского журнала для детей «Детское чтение». Там и было опубликовано его первое большое стихотворение, «Поэзия», тогда же появилась на свет и первая повесть – «Евгений и Юлия».

В середине 1789 года, покинув масонов, 23-летний Карамзин отправился в путешествие по Европе, ставшее своеобразным университетом, определившим его дальнейшую жизнь. Он посетил Иммануила Канта в Кенигсберге, был в Пруссии, Саксонии, Швейцарии, Англии, в Париже стал очевидцем Великой французской революции. В итоге появились «Письма русского путешественника», сделавшие Карамзина известным литератором. Именно с этой книги, как считает ряд специалистов, ведет свой отсчет современная русская литература.

Французская революция здорово напугала молодого Карамзина. Его реакция на нее не отличалась от ощущений основоположника мирового консерватизма Эдмунда Берка. Именно эта реакция и стала платформой как для глобального, так и для российского консерватизма. «Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных Французов...<...> Не думайте однакож, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играет нынче во Франции. Едва ли сотая часть действует, все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре. <...>

С 14 июля все твердят во Франции об Аристократах и Демократах; хвалят и бранят друг друга сими именами, по большей части не зная их смысла. <...> Один Маркиз, который был некогда осыпан Королевскими милостями, играет теперь не последнюю роль между неприятелями Двора. Некоторые из прежних его друзей изъявили ему свое негодование. Он пожал плечами и с холодным видом отвечал им: Que faire? J'aime les te-te-troubles! («Что делать? Я люблю мяте-тежи!») Маркиз заика. Но читал ли Маркиз историю Греции и Рима? Помнит ли цыкуну и

скалу Тарпейскую? Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства. <...>

Новые Республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего, величайшего, добродетельного Республиканца, Катона, что безначалие хуже всякой власти!»

Правда, позднее Карамзин даже расположился к Французской революции, но не потому, что принял ее, а потому, что ее очевидные эксцессы дискредитировали революционные идеи. «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благотворительную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; <...> что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; и что с сею доверенностью к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя».

В сентябре 1790 года Карамзин вернулся на родину с ощущением, что ему надлежит исполнить великую миссию: «Жаль только, что недостает таланта и вкуса в артистах нашей словесности, которых перо по большей части незаманчиво и которые нередко во зло употребляют любопытство читателей! А в России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит».

Николай Михайлович зажил как профессиональный литератор, начал выпускать «Московский журнал» – серьезное по тем временам издание, имевшее более 300 подписчиков. Это был, пожалуй, первый в России литературный журнал. Часто единственным его автором являлся сам издатель: здесь публиковались «Письма русского путешествен-

ника», впервые увидели свет повести «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Фрол Силин, благотворительный человек», «Лиодор», критические статьи и рецензии. Молодой издатель сразу сделал заявку на новизну жанра и языка. Карамзин уходил от возвышенного слога, переходя на живой язык повседневной жизни.

Еще один аспект своей миссии Карамзин видел в том, чтобы, по словам Белинского, «заохотить» русскую публику к чтению российских книг на русском языке. Он предпринимает героическую кампанию по реабилитации родного языка среди российской элиты, большинство которой предпочитало французский. «У нас всякий <...> без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем, – доказывал Карамзин. – Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия?» Он повел литературную борьбу за возвращение к народным началам, причем не только в языке, но и в жизни в целом. Его первая историческая повесть, «Наталья, боярская дочь» (1792), начиналась словами: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу?»

«Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чужим языком, известным почти всякому из них, – писал Карамзин. – Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть сам собою, чтобы сказать: «Я существую морально!» <...> Патриот спешит приписать отечеству благотворительное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!» Бурная деятельность писателя привела к невиданному для усилий одного человека достижению: чтение русских книг впервые стало модным среди образованной публики.

В 1792 году по подозрению в масонстве был арестован Новиков. Карамзин отреагировал на задержание учителя одой

«К милости», опубликовав ее в «Московском журнале», но и сам попал под подозрение. Следствие начало выяснять, не была ли его поездка в Европу предпринята по заданию масонов. Журнал пришлось от греха закрыть и перебраться в деревню. До 1795 года Карамзин переживал скандал, выпустив за это время два стихотворных сборника «Аглая».

Вернувшись в Москву, Карамзин начал сотрудничество с газетой «Московские ведомости». В этот период он всерьез заинтересовался историей, много читал и писал, редактировал сборник произведений русских поэтов «Аониды». В 1798 году вновь начинает издавать журнал, на сей раз состоящий из переводных произведений, — «Пантеон иностранной словесности».

Воцарение Александра I Карамзин встретил хвалебной одой, приветствовав в его лице «милое весны явление», несущее «забвенье всех мрачных ужасов зимы», мысли о которых навело правление Павла I.

В 1801 году Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой. Однако через год супруга умерла, оставив дочь Софью. Овдовев, он с головой уходит в работу, начав выпускать литературно-политический «Вестник Европы». Журнал ждал большой успех — и литературный, и финансовый. У него была внушительная плеяда постоянных авторов, в том числе Державин и Жуковский. В «Вестнике» Николай Михайлович публикует свои повести «Марфа Посадница», «Моя исповедь».

В писательстве Карамзин ощущает себя первопроходцем: «Вознамерясь выйти на сцену, я не смог сыскать ни одного из русских сочинителей, который был бы достоин подражания, и, отдавая всю справедливость красноречию Ломоносова, не упустил я заметить штиль его, вовсе не свойственный нашему веку». Стремление сблизить литературный язык с разговорным и подвигает Карамзина писать преимущественно прозу. В противовес композиционной и языковой «нескладнице» классических романов XVIII века излюбленным жанром его становится короткая новелла — «чувствительная повесть». «Письма русского путешественника» и «Бедная Лиза» открыли в России эпоху сентиментализма. Доминантой «человеческой природы» сентиментализм, в отличие от классицизма, объявил чувство, а не разум. Мир для него принципиально непознаваем, делом человеческой деятельности полагалось не разумное пе-

реустройство бытия, а совершенствование естественных чувств.

В поэзии Карамзин тоже идет новым путем, он демонстрирует тяготение к белому стиху, пожалуй, одним из первых введя его в русскую литературу. Его поэзия, развивавшаяся в русле европейского сентиментализма, кардинально отличалась от традиционной, воспитанной на одах Ломоносова и Державина. Объект этой поэзии — «простая жизнь», и для ее описания он использует простые поэтические формы, избегая обилия метафор, столь популярных в стихах его предшественников. Юрий Лотман подчеркивал: «Более литератор, чем поэт, он весь был в своей эпохе. Поэзия его мало что говорит чувству современного человека, но без нее нельзя понять ни поэзии Жуковского и Батюшкова, ни лирики молодого Пушкина. Не создав выдающихся по художественной ценности стихотворений, Карамзин «очинил перья» последующим поэтам...»

Искания «штиля, свойственного веку» ставили Карамзина помимо прочего перед проблемой образования нового языка, близкого живой разговорной речи. В своем творчестве он специально культивирует «средний стиль», в одинаковой степени чуждавшийся как придворной «высокости», так и «грубой простонародности». Своими произведениями Николаю Михайловичу удалось реформировать русский литературный язык, призвав авторов «писать, как говорят». Но такие новации вызвали бурную полемику. Так, против них выступил писатель Александр Шишков («Рассуждение о старом и новом слоге»), образовавший при содействии Державина общество «Беседа любителей русского слова», которое пропагандировало «старый» язык. Сам Карамзин участия в

разгоревшейся борьбе не принимал, но за него вступились как его последователи, писатели-сентименталисты, так и литературная молодежь. В 1815 году образуется литературное общество «Арзамас», иронизировавшее над авторами «Беседы» и пародировавшее их произведения. Его членами стали Батюшков, Вяземский, Давыдов, Жуковский, а также юный

Пушкин. Очевидная победа «Арзамаса» над «Беседой» упрочила торжество языковых изменений, за которые ратовал Николай Михайлович.

И тогда Карамзин обратился к проекту не менее амбициозному: к обеспечению права россиян на собственную историю. В 1803 году он добился указа Александра I о назначении официальным историографом с поручением написать полную историю России.

В следующем году он женится на Екатерине Андреевне Колывановой, внебрачной дочери князя Андрея Вяземского, и начинает свой затворнический самоотверженный труд. Карамзин на долгие годы, как выразился П.А. Вяземский, «постригся в историки».

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАРАМЗИНА

Уже в «Письмах русского путешественника» можно найти обоснование последующего обращения к отечественной истории: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть писанной с философским умом, с критикой, с благородным красноречием». Знакомство с русскими летописями, трудами историков М. Щербатова, В. Татищева, И. Болтина и других привело Карамзина к осознанию необходимости поиска «философической методы для расположения предметов» в изучении богатой великими событиями российской истории.

Для кого он писал? В одном из его писем к баснописцу Ивану Дмитриеву можно найти признание: «Я писал для русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметьева, а не для Западной Европы». Цель — доказать, что у России есть свое прошлое и собственная традиция. И традицией этой является российская государственность, имеющая своей основой принцип самодержавия, в силу которого «Россия развилась, окрепла и сосредоточилась».

Периодизация российской истории, по Карамзину, проста. «История наша делится на Древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на Среднюю от Иоанна до Петра, и Новую от Петра до

Александра. Система Уделов была характером первой эпохи, Единовластие второй, изменение гражданских обычаев третьей. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем».

Патриот до мозга костей, Карамзин, однако, не ставит под сомнение норманнскую теорию происхождения древнерусского государства, которую ранее яростно оспаривал Михаил Ломоносов. «Варяги, под общим именем Норманнов или Северных людей, громили тогда Европу. <...> Нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманны оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию?»

В карамзинской концепции истории предпочтение отдается централизованному и твердым формам государственного правления: древнерусское централизованное государство в его глазах явно привлекательнее Руси периода княжеской раздробленности. Восстановление государственности он связывал с политикой московских князей, которые вывели страну на путь независимости, установив жесткий режим и распрощавшись с вечевыми вольностями. «Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть Первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира». В политическом строе московского централизованного государства Карамзина устраивало почти все. Но он был противником тирании, очевидные признаки которой видел в деяниях Ивана Грозного.

«Историю государства Российского» Карамзин довел вплоть до 1612 года. О том, как он намеревался излагать дальнейший ход событий, мы узнаем не из «Истории», оставшейся неоконченной, а из других его работ. Смутные времена, по Карамзину, несли угрозу распаду государства, ответом которой вновь стала жесткая централизация. Он отдает должное героям: «История назвала Минина и Пожарского Спасителями Отечества: отдадим справедливость их усердию». Кстати, в 1818 году именно Карамзин выступит с инициативой установить памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади.

песке и болотах и положив на это множество людских жизней, денег и усилий. В результате, заключает Карамзин, «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России». Искореня древние навыки, представляя их смешными, государь, полагал Карамзин, «унижал Россиян в собственном их сердце».

Новая династия, Романовых, считал Карамзин, возвратила России стабильность и благополучие, с одной стороны, обратившись к российской традиции, с другой – начав заимствование передовых западных идей. При неравном соотношении уровней развития Запада и России заимствования европейской культуры вполне возможны, и они стали обычными уже в допетровские времена. «Вообще царствование Романовых: Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению Россиян с Европою как в Гражданских учреждениях, так и в нравах от частых Государственных сношений с ее Дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве».

Тем не менее именно от Карамзина ведет начало та интеллектуальная дискуссия об итогах царствования Петра I, которая станет стержневой для российской общественно-политической мысли на двести лет вперед. Он начал полемику об исторической роли Петра в контексте соотношения национальной традиции и внешних заимствований. В дискуссии вокруг «Истории» Карамзина и его оценки Петра выкристаллизовались течения славянофилов, видевших проблемы России в отрыве от допетровских корней, и западников, полагавших цель развития страны в максимальном приближении к западной модели. Нельзя сказать, что Карамзин однозначно негативно оценивал деятельность Петра I. Он отдает должное величию императора. Но Петр для него – еще и разрушитель устоев. В шестом томе «Истории», сравнивая Ивана III с Петром, он впервые публично поставил вопрос об их исторической роли: «Кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее и согласнее с пользою отечества?» По его мнению, «Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы <...> не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных». Петр поступил наоборот. Страсть его «к новым для нас обычаям переступила в нем границы благоразумия», он искоренял древние навыки в основном насильственными методами. При нем произошло расслоение русского, единого до того народа: «...высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах». Петр унизил достоинство бояр, изменил систему госуправления, уничтожил патриаршество и объявил себя главой церкви, ослабив тем самым веру. Он перенес столицу на окраину, построив ее на

Истинной преемницей величия Петра и «вторую образовательницу новой России» он называет Екатерину II. Для Карамзина это был «золотой век» государства Российского. «Возвысив нравственную цену человека в своей Державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления: Устав Сената, губерний, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего Царствования достойна особенной хвалы <...> Петр удивил Европу своими победами – Екатерина приучила ее к нашим победам».

Но Карамзин, оставаясь верным себе, даже в блестящем царствовании Екатерины видел пятна. «У нас были Академии, высшие училища, народные школы, умные Министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и Великая Монархия: не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни».

Гораздо худшего мнения он придерживался о Павле I, в котором видел второго за всю историю (после Ивана Грозного) тирана на российском троне. А вот претензии к Александру I, которые Карамзин не боялся высказывать ему в лицо, сводились в основном к чрезмерному увлечению императора созданием новых государственных учреждений, грозивших в перспективе поставить под вопрос самовластие государя.

Суммировал же суть своей исторической концепции он так: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием». Этот вывод и стал фундаментом политической философии Карамзина.

ЛЮБОВЬ КО БЛАГУ И СЛАВЕ ОТЕЧЕСТВА

В трудах Николая Михайловича Карамзина зарождается консервативная мысль России. С его подачи содержание консервативного политического дискурса в стране определяла национальная идея, синтезирующая патриотизм с уважением к традициям, обычаям, ценностям и идеалам русского народа.

В статье «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин писал: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует

рассуждения – и потому не все люди имеют его. <...> Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, – а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут». Но патриотизм Карамзина не переходит в национализм, не служит основанием для водружения России на пьедестал беспорочного величия. Хорошо известна его фраза: «Если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут». В «Истории» он не скрывал неприглядных черт в характере россиян, когда описывал праздность, пристрастие к крепким напиткам, распутство и корыстолюбие, жестокость и «окаменение сердец». В правдивом изображении событий и нравов и состоит долг патриота.

Поднятая Карамзиным тема «Россия – Европа» тоже оказалась в центре внимания всей последующей социально-политической дискуссии. Он понимал, что Европа опередила нас в развитии. Но она – не единственный свет в окошке. Он уверен, России по плечу догнать европейцев: «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их». К тому же история Запада дает Карамзину немало оснований для упреков, на фоне которых российская выглядит совсем неплохо. Он был уверен: «Иностранные глубокомысленные политики, говоря о России, знают все, кроме России». Но при этом нередко стремятся поучать, что Карамзину представлялось излишним.

Не отделяя Россию от европейской цивилизации, Карамзин отводил ей особое место: если европейские народы в своем развитии шли приблизительно общим путем, то россияне – своим собственным, причем более трудным. Россия, по мысли Карамзина, не Восток и не Запад, а самобытная цивилизация, впитавшая наследие множества великих культур.

Главную цель государственной власти Карамзин видел в «счастьи гражданина», «счастьи народном». Народ, как главный носитель национальных традиций, является гарантом этой власти. Он предстает в единстве национального духа, а правители – его носители, воплощающие лучшие черты национального характера. Причем значение государственного деятеля определяется степенью его связи с народом, и только в ситуации «народ плюс власть» силы государства удаются реализовать в полном объеме. Одна из глав девятого тома «Истории государства Российского» названа «Любовь россиян к самодержавию». Именно это представляется Карамзину главным доводом в пользу российского самодержавия, так как русский народ даже в годы тирании понимал спасительность монархии для России. В вере российских подданных в самодержавное правление Карамзин усматривал главную «силу государственную». Ну а истинное, «мудрое» самодержавие рисовалось ему как равнодействующая и созидательная сила, подчиняющая интересам государства аристократию и олигархию, противостоящая центробежным тенденциям и анархии. «Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! – доказывал Карамзин. – Да приучит подданных ко благу!»

Главное – не степень индивидуальной свободы, а то, что такие качества русских людей, как идеализм, духовность, стихийный аполитизм, почитание верховной власти, мессианство, органически вырастают из особенностей истории народа. Их «природный» характер сводит на нет все критические эскапады недоброжелателей России.

Карамзина можно назвать одним из первых авторов легитимной модели российской государственности. Он обосновывал законность монархической власти не только на фундаменте русского права, но и на основе самобытных, естественно-исторических начал. По его убеждению, преимущество монархии перед республикой заключается не только в том, что «единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие», но и в том, что монархическое правление «не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают». И если в «Письмах русского путешественника» Карамзин весьма сочувственно отзывался о нравах жителей швейцарских кантонов, то в «Вестнике Европы» он писал уже о «моральном падении Гельвеции», разгуле «личных страстей, злобного и безумного эгоизма», господстве «торгового духа».

Тем, что Карамзин считал самодержавие наиболее органичной для России формой правления, он отталкивал многих современников.

Историк и публицист Александр Кизеветтер был убежден, что Карамзин писал «Историю» лишь для того, чтобы «придать внешний блеск и оживление тому, что дряхлело». Это не так. Карамзин доказывал выгоды абсолютной власти не для утверждения существовавшего самодержавия с его недостатками, а для укоренения в сознании русских людей идеи монархической власти как подлинно самобытного русского начала, предопределившего величественное развитие России. Для Карамзина самодержавие являлось синонимом независимости и могущества государства. А государственные нравы он считал гораздо более важными, чем государственные институты. В этом он явно идет вразрез и с настроениями либеральных кругов того времени, и с политикой российской власти. Он не видел большого смысла в активном новом законодательстве. Зато считал совершенно необходимыми исполнение законов и монарший контроль над судом. Как главные средства борьбы с коррупцией. Столпы российской власти для Карамзина – дворянство и православная церковь. Как дворянин и землевладелец, он не мог не задумываться над проблемами крестьянства и крепостничества. Отмену последнего он считал вредной идеей, а решение вопроса видел прежде всего в великодушии просвещенных помещиков: «Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный <...>»

Николай Михайлович Карамзин выводил из русской истории такие рецепты властвования, которые можно признать актуальными для всякого времени. Попробуем суммировать их.

Целостность страны – главный приоритет власти. «Безопасность собственная есть высший закон в политике».

Необходимо понимать, какой страной ты правишь. «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан».

Пишите законы на мраморе. Екатерина II – лучший пример. «<...> Самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия, если оно не следует правилам осторожного благоразумия <...> Она непрерывными шагами шла к своему великому предмету, писала уставы на мраморе неизгладимыми буквами, творила вовремя и потому для вечности <...>».

Опасайтесь нововведений. «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости <...>».

Не узурпируйте власть и не следуйте собственным прихотям. «Самое высшее искусство Монарха состоит в том, чтобы знать, в каких случаях должно употребить власть свою: ибо благополучие Самодержавия есть отчасти кроткое и снисходительное правление».

Используйте стимулы, прежде всего нематериальные. «Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому».

Важны и кнут, и пряник. «Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, то есть добрых и худых вместе».

Не теряйте времени. Фактор внезапности всегда важен. «В случае государственных чрезвычайных опасностей и жертв, главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать».

Проявляйте осмотрительность, берегите себя. Слова, которыми выразил эту мысль Карамзин, запомнил Пушкин, поставивший их эпиграфом к своей статье «Александр Радищев»: «Честному человеку не должно подвергать себя виселице».

В 1811 году Карамзин удостоился чести читать Александру I избранные листы из своей «Истории». Тогда же он представил ему записку «О древней и новой России». Как несложно заметить, Николай Михайлович отзывался критически о некоторых предках Александра I, как, впрочем, и о нем самом.

Записка была рассчитана на одного читателя – императора, которому Карамзин сказал, что правление его не принесло обещанного блага России, но еще более укоренило зло, породив безнаказанность казнокрадов. Погодин назвал ее «важнейшим государственным сочинением, стоящим «политического завещания Ришелье». Записка произведет большое впечатление и на Пушкина, который прочтет ее в конце 1830-х годов. «Карамзин написал свои мысли о Древней и Новой России, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. <...> Когда-нибудь потомство оценит <...> благородство патриота». А вот у Александра I записка, понятное дело, вызвала раздражение. Впрочем, вскоре все обиды померкли перед большой общей бедой.

1812 год – Отечественная война. Карамзин намеревался идти в ополчение. Он отправил семью в Ярославль, вручив супруге «лучший и

полный» экземпляр готовых томов «Истории государства Российского». Из Москвы он спасается за несколько часов до вступления в город войск Наполеона. А вот его знаменитая библиотека сгорает в огне не менее знаменитого пожара. В разрушенную Москву Карамзин вернется в августе 1813-го. Лишь к 1815 году, когда он уже заканчивал работу над первыми томами «Истории», император простил официального историографа. В феврале 1816 года Карамзин приехал в Петербург, где провел два очень непро-

ности; но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад». С того момента как Пушкин отбыл в поездку, о Карамзине он не напишет ни одного дурного слова. Более того, будет защищать его от нападок писателя и критика Николая Полевого, который предлагал не искать в «Истории государства Российского» «высшего взгляда на события» и противопоставил ей собственную «Историю русского народа». «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец, — напишет в ответ Пушкин. — Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегами хронике. <...> Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи».

стых месяца, добиваясь аудиенции у императора и разрешения на публикацию «Истории». Из его писем к супруге в Москву можно понять, что он тогда переживал: надежду, неуверенность в успехе предприятия, постоянные отсрочки приема, унижаемое достоинство... Но все закончилось благополучно. После череды приемов и чтений «Истории» в императорской семье состоялась беседа с Александром I, за которой последовали исключительные знаки отличия. Карамзин сделан статским советником, получил орден Анны 1-й степени, а также 60 тысяч рублей на издание «Истории». В начале 1818 года вышли первые восемь томов «Истории государства Российского». На суд общественности был представлен многолетний труд, прославивший Карамзина не только как историка, но и как писателя. Трехтысячный тираж разошелся менее чем за месяц. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную», — писал Александр Пушкин. Сам он, в то время болевший, читал «Историю» «в постели с жадностью и вниманием». Откуда же тогда его известная эпиграмма на Карамзина: «В его «Истории» изящность, простота // Доказывают нам, без всякого пристрастия, // Необходимость самовластия // И прелести кнута»? Или запись одной из бесед с Николаем Михайловичем, во время которой Пушкин упрекал историка почти в тех же выражениях: «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: Итак, вы работу предпочитаете свободе. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души». У Карамзина были причины обидеться: он нигде не писал о прелестях кнута. У Карамзина и Пушкина был двухлетний (1818–1820) период охлаждения отношений. Кто-то склонен объяснять его ухаживанием Пушкина за супругой Карамзина, которая была на восемнадцать лет старше юного поэта. Полагаю, гораздо большее значение имели обнаружившиеся в те годы политические разногласия. Для Пушкина это было время максимального увлечения революционными идеями, общения с будущими декабристами, оды «Вольность». Александр Сергеевич не появлялся у Карамзиных два года. Но в 1820 году над поэтом сгустились тучи. За вольнодумные стихи ему грозили Соловки. Тут Пушкин и бросился к Карамзину. Николай Михайлович взялся похлопотать у императора, добавив в письме Ивану Дмитриеву: «Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство или великодушие». Позже Карамзин напишет князю Вяземскому: «Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и нескольких эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять. <...> Долго описывать подроб-

В 1821 году вышел в свет девятый том, посвященный Ивану IV. «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углублено в царствование Иоанна Грозного», — констатировал декабрист Николай Лорер. Книга имела эффект разорвавшейся бомбы. Карамзин не пожалел темных красок и не поскупился на кровавые подробности. Удивлен был Рылеев: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». Позже, во время следствия, некоторые декабристы сошлются на девятый том «Истории» как на источник их революционного вдохновения.

...После выхода первых томов «Истории» Карамзин стал чаще видаться с императором. Они подолгу разговаривали. В 1819 году он представил новую записку — «Мнение русского гражданина», где фактически упрекал Александра I в нарушении долга перед отечеством и народом, поскольку его действия начинают принимать черты «самовластного произвола». «Мнение» свое он зачитал императору лично. Как несложно догадаться, разговор вышел непростой. Вот что писал сам Карамзин: «Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, но между прочим вот что я сказал Ему по-французски: «Государь, вы слишком самолюбивы... Я не боюсь ничего — мы все равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы и Вашему отцу... Государь, я презираю скороспелых либералистов, я люблю лишь ту свободу, которой никакой тиран не в силах у меня отнять... Я не нуждаюсь более в Вашем благоволении. Может быть, мы говорим с Вами в последний раз». Но разговор был не последним, о чем известно из «Нового прибавления» к записке для потомства, сделанного в 1825 году. Карамзин переживает Александра I. «Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года)

мы имели с Ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо <...> В последней моей беседе с Ним, 28 Августа, от 8 до 11,5 часов вечера, я сказал Ему как пророк: «Государь, Ваши годы сочтены, Вы не можете более ничего откладывать и должны еще столько сделать, чтобы конец Вашего правления был достоин его прекрасного начала». <...> Я любил Его искренно и нежно, иногда негодовал, досадовал на Монарха и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким. Не боюсь встретиться с Ним на том свете, о котором мы так часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба веря Богу и добродетели».

В 1824 году, когда вышли из печати десятый и одиннадцатый тома «Истории государства Российского», из которых Пушкин черпал материалы для своего «Годунова», император удостоил Карамзина чина действительного статского советника.

«ВИЖУ ОПАСНОСТЬ, НО ЕЩЕ НЕ ВИЖУ ПОГИБЕЛИ»

Восстание декабристов, следовавшее за кончиной Александра I, произвело на Карамзина тягостное впечатление. Об этом он писал Ивану Дмитриеву 19 декабря 1825 года. «Я был во Дворце с дочерьми, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый Император показал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с Полярною Звездой, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами. <...> Как скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: «для чего я женщина в эту минуту!» Добродетельная Имп. Мария повторяла: «что скажет Европа!» <...> В большой зале дворца толпа знати час от часу редела; однакож все было тихо и пристойно. Молодые женщины не изъясляли трусости. <...> В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицам, но в 11 часов утра, 15 Дек., видел еще толпы черни на Невск. Проспекте. Скоро все успокоилось, и войско отпустили на казармы. <...> Солдаты были только жертвою обмана. <...> Я только зритель, но устал душою: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываем на Него благословение Божие». Холодный день 14 (26) декабря 1825 года, проведенный на Сенатской площади, не прошел для Карамзина бесследно: он заболел воспалением лег-

ких. Доктора советовали ехать на лечение в Европу. Император Николай I предоставил для этого и транспорт, и средства. Но Карамзин был уже не в состоянии покинуть Петербург. Он работал над «Историей», описывал Смуту и борьбу Минина и Пожарского с интервентами. Рукопись оборвалась на фразе: «Орешек не сдавался»...

22 мая (3 июня) 1826 года Карамзина не стало.

Незадолго до кончины Карамзин написал «Мысли об истинной свободе» — очень четкое политическое завещание. «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Августы, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод. <...>

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»

Карамзин — истинно великий гражданин России. Он видел ее величие. Но как историк и мыслитель, не мог не испытывать беспокойства, думая о ее будущем. Еще в «Письмах русского путешественника» он философски замечал: «Наблюдайте движения Природы; читайте историю народов; поезжайте в Сирию, в Египет, в Грецию — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадает; народы земные подобны цветам весенним; <...> Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадет весь род человеческий; одни уступают свое место другим — и если запустеет Европа, — то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства, художества». К размышлениям о будущем Карамзин вернется и в записке «О древней и новой России»: «Державы, подобно людям, имеют определенный свой срок: так мыслит Философия, так вещает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человечества; благоразумная система Государственная продолжает век Государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкогоконечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу гибели».

Размеры современной России, границы которой гораздо ближе к ее пределам времен Ивана Грозного, нежели Александра I, не обрадовали бы Николая Михайловича. Но Россия жива. А многие идеи Карамзина сегодня больше, чем в прошлом, вдохновляют людей, которые считают себя государственниками, желают нашей стране могущества и процветания. 🍎

ДВА В ОДНОМ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Знакомые удивлялись: как может быть лирический поэт таким закоснелым крепостником, таким хозяйственником, как у него получается гордиться должностью мирового судьи? Как можно совмещать несовместимое – такую редкую, настоящую поэзию с низкой прозой жизни? Уж не два ли человека в нем живут? А кажется, и в самом деле два: Фет и Шеншин, и поди пойми, кто из них настоящий.

В 1820 году 44-летний офицер Афанасий Неофитович Шеншин лечился в германском Дармштадте. В местной гостинице мест не было, и он поселился у тайного советника Карла Беккера. С вдовцом Беккером жила его дочь Шарлотта Елизавета с мужем Иоганном Фётом и годовалой дочерью Каролиной. 22-летняя хозяйская дочка влюбилась в русского и тайно сбежала с ним в Россию, будучи на седьмом месяце беременности. Девочка Каролина осталась с отцом.

В России у Шарлотты Елизаветы родился мальчик, крещенный в православной церкви Афанасием и записанный в метрической книге сыном помещика Шеншина. Священник в церкви сильно пил и страшно нуждался, так что, по-видимому, ему неплохо заплатили. Сам он потом объяснил, что сделал это потому, что в доме Шеншиных ему оказывали уважение. Через два года после рождения сына мать приняла православие и обвенчалась с Афанасием Неофитовичем, став Елизаветой Петровной Шеншиной.

Она считала ребенка сыном Фёта: в письмах родным Елизавета Петровна сообщала отцу и брату, что Шеншин заботится о мальчике так, что «никто не заметит, что это не кровный его ребенок». Шеншин знал, что мальчик не его сын. Иоганн Фёт шантажировал бывшую жену и соглашался признать ребенка, только если она оплатит все его долги. Умер он в 1826 году и не оставил мальчику никакого наследства. Мать очень беспокоило, что ребенок не имеет права на имя и наследство отца; она просила брата помочь юридически признать ребенка сыном Фёта – «должен же он получить фамилию».

Юный Афанасий Шеншин, однако, ничего об этом не знал и рос русским барчуком, сыном столбового дворянина. Позже у него появились братья и сестры – законные Шеншины. Учился он дома, учителями были семинаристы, которые часто менялись. Детство свое в письме ближайшему другу Ивану Борисову, сыну соседского помещика, Афанасий Афанасьевич вспоминал так: «...С тобой, мой друг, я люблю окунаться душой в ароматный воздух первой юности, только при помощи товарища детства душа моя об руку с твоей любит пробегать по оврагам, заросшим кустарником и ухающим земляникой и клубникой, по крутым тропинкам, с которых спускали нас деревенские лошадки, – но один я никогда не уношусь в это детство: оно представляет мне совсем другие образы – интриги челяди, тупость учителей, суровость отца, беззащитность матери и переживание в страхе изо дня в день. Бог с ней с этой <...> паршивой молодостью».

ГЕССЕН-ДАРМШТАДСКИЙ ПОДДАННЫЙ

Когда Афанасию Шеншину было 14 лет, случилась катастрофа. Орловское губернское правление по чьему-то доносу запросило у духовной консистории подробности о рождении Шеншина-младшего, затребовав и справку о браке родителей. Из документов следовало, что ребенок рожден задолго до венчания родителей и не может считаться их законным сыном. Подросток, как мать его и боялась, в самом деле оказался без фамилии. Шеншиным пришлось просить материнскую родню о содействии – уговорить опекунов Каролины Фёт признать Афанасия сыном покойного отца девочки. В конце концов его действительно признали Фётом, и из русского потомственного дворянина он превратился в иностранца, гессен-дармштадтского подданного.

О хорошо дворянском пансионе в Москве или Петербурге пришлось забыть; родители отправили Афанасия учиться в

эти были вызваны своеобразной внешностью Фета. Однако биограф его Борис Бухштаб однозначно называет эту версию чепухой: дармштадтская семья Беккер занимала довольно высокое социальное положение.

Афанасий Афанасьевич злился, когда ему говорили, что он похож на еврея, и отвечал: я русский потомственный дворянин. Он вырос с этим убеждением, и его *idée fixe* на всю оставшуюся жизнь стало желание вернуть себе утраченное имя, гражданство, семью, дворянство — жизнь, отнятую у него в юности.

Лифляндию — в немецкий пансион Крюммера в городе Верро (сейчас — Выру в Эстонии). Среди немецких подростков он был белой вороной: православный иностранец с немецкой фамилией и русской дворянской семьей. На Афанасия сразу посыпались насмешки и неудобные вопросы. На каникулы его домой не брали — далеко, и он одиноко слонялся по Верро. Никогда впоследствии он не мог ничего прямо ответить о своем происхождении. Хуже того, довольно быстро умами завладела сплетня, что Шеншин на самом деле купил жену у еврея-корчмаря, так что Фет вообще внебрачный сын еврейки-шинкарки — положение, ниже которого в Российской империи трудно и представить. Отчасти сплетни

ПРОГУЛЬЩИК

У Крюммера юноша Фет проучился три года, получив довольно системное классическое образование. Начал писать стихи, переводить с латыни — увлечение, переросшее в работу всей его жизни. Затем переехал в Москву, поступив в пансион профессора Погодина. Сам Погодин показал тетрадку стихов юного воспитанника Гоголю; тот нашел, что у молодого человека несомненное дарование.

В 1838 году Афанасий Фет поступил в Московский университет на словесное отделение. Учился не слишком хорошо, занятия предпочитал прогуливать: писал стихи. Такое отношение к учебе изрядно продлило срок его обучения — он провел в университете шесть лет вместо положенных четырех. Здесь он подружился с юным поэтом Аполлоном Григорьевым и вскоре упросил отца разрешить ему поселиться у Григорьевых на пансионе; тот разрешил. Жизнь в этом семействе поэт вспоминал с явным удовольствием. С Аполлоном Григорьевым они стали почти братьями, подолгу и с удовольствием читали и обсуждали стихи, свои и чужие, — и, как писал в воспоминаниях Фет, иной раз принимали и лужу за Иппокрену. Впрочем, зачитывались более всего Байроном, Лермонтовым, Гейне — и на тогдашнее творчество молодых поэтов именно они и повлияли больше всего.

Первая книга Фета, «Лирический Пантеон», вышла в 1840 году и была полна модных романтических мотивов одиночества и разочарования. Стихи, как обычно бывает у молодых поэтов, были слабыми и подражательными, но все же искра настоящего огня в них мерцала достаточно ярко, чтобы книгу одобрил Белинский и опубликовал сдержанно-положительную рецензию Кудрявцева на нее в своих «Отечественных записках». Фет, обрадованный и вдохновленный, загорелся

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

идея стать настоящим поэтом, начал печататься в журналах, получать первые гонорары — и надеяться на то, что, обделенный наследством, сможет прожить литературным трудом. И в самом деле, в 1842 и 1843 годах стихи студента Фета охотно печатали «Москвитянин» и «Отечественные записки», о нем говорили как о многообещающем поэте.

При первой публикации, подписанной полным именем, буква «ё» в фамилии оказалась замененной на «е», и так он подписывался впредь — «Фет», а не «Фёт».

И это был уже сложившийся Фет, серьезный, зрелый поэт, написавший к этому времени хрестоматийные строчки: «Я пришел к тебе с приветом, // Рассказать, что солнце встало, // Что оно горячим светом // По листам затрепетало...»

БРОЖЕНИЕ СТИХИЙ

Впрочем, разочарование его было не только модной романтической позой. В одном из своих ранних рассказов Григорьев так пишет о герое, явным прототипом которого стал Фет: «Он был художник в полном смысле этого слова; в высокой степени присутствовала в нем способность творения <...>. С способностью творения в нем росло равнодушие. Равнодушие ко всему, кроме способности творить, — к Божьему миру, как скоро предметы оно переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником. Так сознал и так принял этот человек свое назначение в жизни... Страдания улеглись, затихли в нем, хотя, разумеется, не вдруг. Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался <...>. Я не видал человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства <...>. Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять это страшное хаотическое брожение стихий его души».

Не только удары судьбы сделали юношу убежденным скептиком и атеистом, не верящим ни во что хорошее: скорей всего, он унаследовал от матери тяжелую тоску — «меланхолию» на языке того времени. Меланхолия Елизаветы Петровны под конец жизни окончилась сумасшествием. Приезжая домой на каникулы, Афанасий видел, как помрачается рассудок его матери, и не мог не замечать в себе отзвуков ее душевного нездоровья. Мать умерла, когда он едва окончил университет, и в старости

он написал о ее смерти: «Я никогда не забуду минуты, когда, только что кончивший курс 23-летний юноша, я готов был, уступая мольбам болезненно умирающей матери, отказаться от всей карьеры и, зарядив пистолет, одним верным ударом покончить ее страдания». Примерно в это же время умер вдали от дома, в Пятигорске, брат Афанасия Неофитовича, Петр Неофитович, который любил старшего племянника, сочувствовал ему и обещал ему оставить состояние. Но оно после смерти дяди оказалось расхищенным. Это был еще один удар: после университета надо было начинать самостоятельную жизнь, а молодой Фет вновь остался один, ничей, безденежный, без всяких перспектив.

Он решил поступить на военную службу. В армии можно было дослужиться до дворянства: право на него давал первый же полученный офицерский чин. А что на стихи уже не проживешь, ясно стало очень скоро: после смерти Пушкина и Лермонтова, после ухода почти всего поколения «золотого века» русской поэзии, поставившего высочайшую литературную планку, конкурировать с ними в глазах искушенного читателя новое, едва двадцатилетнее поколение поэтов не могло. Романтизм уходил, приходила социальная, бытовая проза, — наступало разочарование в поэзии, падали тиражи, сокращалось количество публикаций, снижались гонорары...

И поэт отправился служить.

МЕЖДУ НАС МОГИЛА

В апреле 1845 года он поступил унтер-офицером в Кирасирский орденский полк. А в мае Николай I издал манифест, согласно которому право на дворянство давал только майорский чин. До первого офицерского Фет дослужился уже через год, но никакого дворянства не получил. Оставалось, стиснув зубы, превращаться из филолога-прогульщика в образцового военного и стремиться к майорскому чину. Терпеть насмешки военных над вчерашним штатским, вечно изыскивать средства (отец присылал денег мало и редко), молчать обо всем, что важно. Он и стихи писать почти перестал. Из немногочисленного собрал к 1847 году сборник, но издателя не нашлось, собственных денег на издание не было, так что книга увидела свет только через три года.

Фет служил в Херсонской губернии. Там он познакомился с дочерью местного помещика Марией Лазич. Девушка была умная, тонкая, поэтичная, вдобавок прекрасная музыкантша. Она знала и ценила стихи Фета и в автора их влюбилась доверчиво и страстно. Он тоже полюбил, но он был нищ, а она — бесприданница. Житейский опыт твердил ему, что жениться на

бесприданнице нельзя, никому это счастья не принесет; выдерживать объяснения с ней ему становилось все труднее. Прошел год – он вновь сказал, что не женится, она просила не рвать отношения, он куда-то уехал по службе, а вернувшись, узнал, что ее больше нет в живых. Мария уронила себе на кисейное платье (или нарочно бросила?) спичку или свечу – платье вспыхнуло, она выбежала в сад живым факелом, а ветер еще сильнее раздул пламя. Умирала тяжело, от обширных ожогов, страшно мучаясь от боли – и все твердила перед смертью, что он не виноват, виновата она сама. Он до конца дней не простил себе этой смерти.

В 1853 году по хлопотам бывшего начальника он распрощался с надоевшим югом – отныне служил в лейб-гвардии Уланском его Императорского Высочества Цесаревича полку в Новгородской губернии. Оттуда можно было ездить в Петербург, а в Петербурге были журналы, писатели, литературная жизнь – так Фет вернулся в поэзию.

С 1854 года Фет начал печататься в некрасовском «Современнике», куда его рекомендовал Тургенев и где ему, новичку, предложен был гонорар в 25 рублей за каждое стихотворение. Именно Тургеневу Фет первому показывал все свои новые стихи и переводы Горация – Тургенев восторгался, критиковал, предлагал правки. Именно Тургенев подготовил к печати новое собрание стихов Фета, нещадно правя чуть ли не каждое стихотворение. Фет, хотя и ошарашенный такой радикальной правкой, не возражал – и не делал попыток восстановить первоначальный текст.

Интерес публики к стихам возобновился, их охотно брали в печать. За много лет армейского неписания Фету и печатать было почти нечего – в ход пошли даже юношеские стихи. Он пытался писать поэмы, Тургенев его отговаривал – в вас, мол, нет эпической жилки. У поэта вновь появилась надежда прожить литературой; в это время он снова много пишет, занимается переводами, печатается и страшно торгуется с издателями за гонорары. Жизнь вел двойную: Фет писал стихи, обедал в веселом дружеском кругу, в который входил практически весь цвет тогдашней литературы; Шеншин служил и не меньше, наверное, чем похвалами Тургенева, гордился выправкой, хорошей ездой на лошади и замечанием «славно ездит!», которое отпустил по его адресу сам цесаревич. Две части его жизни будто исключали друг друга.

СВАДЬБА С ПРИДАНЫМ

Он уже дослужился до штабс-ротмистра, и следующий чин, ротмистра – он соответствовал в гвардии пехотному майорскому, – должен был принести ему долгожданное дворян-

ство. Но в 1856 году Александр II вновь повысил ценз – на сей раз до полковничьего. Дослужиться до полковника хоть сколько-нибудь скоро у Фета не было никакой надежды. Он взял годовой отпуск и уехал за границу. Побывал в Германии, Италии и Франции, гостил в Париже у Тургенева, с которым много и яростно спорил о современности и поэзии; между близкими друзьями намечался разлад из-за идейных расхождений. В самом деле, общественная жизнь бурлила, дело шло к освобождению крестьян; в литературе появились новые силы – разночинские, демократические, но Фет не приветствовал этой новизны: он и в литературе склонялся к идеалам «чистого искусства», а к носителем новых идей относился по-барски брезгливо, как к дурно воспитанным выскочкам. Да и сами их идеи не принимал, видя необходимость не столько в освобождении народа, сколько в воспитании его и попечении о нем. Все это снискало Фету славу закоснелого консерватора и крепостника, которая год от года крепла по мере того, как сам он отходил все дальше от своих бывших литературных соратников. В возможности жить литературой он снова разочаровался, армейская карьера пошла прахом. И если у поэта Фета не было представлений о том, как жить дальше, то помещик Шеншин знал: надо жениться на богатой невесте.

И такая невеста в его окружении была: Мария Петровна Боткина, младшая сестра его давнего литературного знакомого Василия Боткина, дочь известного чаеоторговца. У невесты в прошлом была какая-то любовная драма, у Фета тоже; она была одинока, он тоже. И однажды, когда они «взапуски жаловались на тяжесть нравственного одиночества», он просто предложил ей идти по жизни вместе. Она согласилась. До свадьбы Фет прислал невесте письмо, где открывал тайну своего рождения; ее, женщину разумную и спокойную, это не смутило. Фет взял бессрочный отпуск, стал обустраивать квартиру для буду-

щей семьи. В 1857 году в Париже он обвенчался с Марией Петровной в посольской церкви. В воспоминаниях он рассказывает, как Тургенев, бывший его шафером, подшучивал над ним, когда на молодых надели венцы из искусственных цветов, резко контрастирующие с военной формой жениха. В 1858 году Фет вышел в отставку и вновь задумался о том, как ему следует распорядиться своей жизнью.

МУЗУ ПРОГНАЛ ВЗАШЕЮ

На рубеже 1850–1860-х годов ему, равнодушному к политике и экономике, пришлось определяться со своей общественной позицией и идейной программой. Общественная жизнь после смерти Николая I заурядила; в воздухе носилось предчувствие перемен, журнальные страницы стали не столько приютом муз, сколько ареной идеологических побоищ. Литературные отделы еще печатали дворянскую литературу – романы и усадебную лирику, а в критические отделы уже пришли разночинцы со своими программами. Ужиться с ними Фет не мог и не хотел – да и они считали, что талант свой он разменивает на пустяки. В 1859 году Фет опубликовал в «Русском слове» статью о Тютчеве, где отчаянно защищал «чистое искусство». «Современник» отозвался критической статьей Д. Михайловского о фетовском переводе трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Статья была так оскорбительна и насмешлива, что публиковаться в «Современнике» отныне было невозможно. Затем Добролюбов еще раз припечатал его в статье «Когда же придет настоящий день?», а «Русское слово», тоже сменившее ориентацию на демократическую, перестало с прежней охотой брать его стихи. И Фет с глубокой обидой ушел из литературы.

У него появилась новая идея: купить землю – все равно где, все равно какую – и зажить на ней. Купил на приданое жены землю в Мценском уезде втридорога (голую землю – ни леса, ни реки, ни дома, ни хозяйственных строений) и рьяно взялся за хозяйство. Вкладываться в деревню на грани реформы было делом рискованным и неразумным, но Фет мечтал вести жизнь помещика-землевладельца. «Музу прогнал взашею», – сообщал побывавший у него Тургенев Полонскому, университетскому другу Фета. И еще: «Он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, – отпустил бороду до чресл – с какими-то волосяными вихрами за и под ушами – о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом». Зимой Фет с женой провел в Москве, где сдружился с семейством Льва Толстого; летом уехал в деревню. Тургенев заезжал по-соседски к нему, тот к Тургеневу, вместе охотились, вместе работали над переводами... В воспоминаниях Фета есть забавная сцена, где он обсуждает с Тургеневым свой перевод «Антония и Клеопатры»: Тургенева до того рассмешил предложенный Фетом вариант, что он со страшным воплем упал на четвереньки; дамы, прибежавшие на крик, «не знали, что и думать».

Реформу 1861 года Фет не принял. Годом позже выступил в «Русском вестнике» у реакционера Каткова с циклом статей, где выговаривал властям за то, что они не защищают интересы помещиков. Статью вся либеральная печать встретила бурным негодованием; Фет стал среди бывших друзей почти нерукопожатным. Его собрание сочинений, вышедшее в сле-

дующем году, критики встретили бесцеремонной бранью.

Фет замкнулся в своей Степановке и предавался заботам о конном заводе, мельнице и пр. В 1867 году его выбрали мировым судьей Мценского уезда, и эту должность он тщательно исправлял более десяти лет. В своих воспоминаниях он подробно рассказал об этой работе, и, читая эти страницы, совершенно невозможно поверить, что та же рука, которая некогда начертала «шепот, робкое дыханье, трели соловья», теперь выводила нечто этакое: «Выгнать явного обманщика на работу судья не имеет права, а при постановлении, в силу которого присутствие по крест. делам (какая процедура!) определяет подлежащее у крестьян продаже, – чем большая в условии поставлена неустойка, тем несбыточнее взыскание по исполнительному листу судьи. В нашем уезде был случай указания уездным по крестьянским делам присутствием на двух поросят, подлежащих аукционной продаже, каковые и были проданы приставом за 40 коп., по исполнительному листу в 1200 рублей неуплаченного оброка». Хозяйствовал и судил Фет так же обстоятельно и старательно, как служил; хозяйство пошло на лад и стало приносить прибыль. Дома было безрадостно: сходила с ума любимая сестра Надежда, затем наследственное безумие поразило обоих братьев; позднее сошел с ума и умер племянник, сын Надежды. Сам Фет переживал приступы энергичной деятельности, которые сменялись периодами смертной тоски – тоже отзвук семейного проклятия. Друзья иногда намекали, что и сам он не в себе: Тургенев так и написал однажды, что у Фета «мозг с пятнышком». Чернышевский и вовсе отозвался о нем однажды как об идиоте, хотя и талантливом.

Стихи писать он перестал – появлялись одно-два стихотворения за год; вместо этого занялся философией и стал поклонником Шопенгауэра, которого тоже взялся переводить на русский язык. С литераторами не общался, ограничившись кругом соседей, уездных дворян. Столбовой дворянин по воспитанию и убеждениям, разночинец по статусу и иностранец по фамилии – он все равно отличался от окружающих помещиков; заветная мечта вер-

нуть себе имя и дворянство заставила его в 1873 году обратиться к императору Александру II с просьбой вернуть ему фамилию Шеншин. У него не было никаких документальных доказательств версии, которую он изложил в прошении (отец женился на матери лютеранским браком еще в Дармштадте, до его рождения, но был вынужден вторично венчаться с ней в России). Однако царь проникся

описанием его нравственных страданий и со словами «воображаю, что пережил этот человек» вернул просителю фамилию Шеншин, дворянство и права на наследство. Радость Фета была непередаваема. Он охотно сбросил с себя немецкую фамилию, символ его позора и страдания, и отныне подписывал ею только стихи. Бывшие друзья этого не поняли и не приняли: зачем становиться каким-то Шеншиным, когда вся Россия знает тебя как Фета. Дружба с Тургеневым кончилась в 1874 году резким разрывом. Один Лев Толстой принимал Фета всерьез и поддерживал дружбу и переписку с ним. Впрочем, и с ним Фет впоследствии разошелся после толстовского духовного перелома. С Тургеневым в старости помирился, но прежней дружеской близости между ними уже не было.

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Был ли Фет хорошим помещиком — трудно сейчас судить. Известно, однако, что он стремился не допустить в своем уезде повального голода и начал помогать голодающим раньше, чем тем же занялся Лев Толстой. Хлеб с лебедой, который ели крестьяне, поразил его: «При виде такого хлеба я подумал, что, прежде чем судить людей, надо при малейшей к тому возможности накормить их, хотя бы только в пределах своего участка, помогая наиболее нуждающимся». Два десятилетия упорного хозяйствования принесли свои плоды; к тому же Фету досталось наследство от нескольких родственников. Он разбогател, необходимость безотлучно пребывать в деревне отпала. В 1877 году Афанасий Афанасьевич купил новое имение, Воробьевку, — оно вернуло ему и радость, и досуг, и условия для стихотворчества. На зиму Фет с женой снова уезжали в Москву, а значит, снова появился литературный круг, возможность печататься. И здесь с 57-летним Фетом произошло чудо, которое иногда случается с немолодыми писателями, — чудо позднего творческого цветения. Стихи, как и в юности, снова пришли — уже не одно-два в год, а двадцать-тридцать удачных, законченных стихотворений, по-молодому поэтически мощных, с незабываемыми «золотыми ресницами звезд», и по-взрослому зрелых, продуманных, мудрых.

Он издал подряд несколько сборников, каждый из которых назывался «Вечерние огни», — с такими признанными шедеврами, как «Сияла ночь. Луной был полон сад...». Лаконичные и прекрасные, они запоминаются чуть не с первого прочтения и поддерживают своим философским спокойствием:

*Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней,
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,
Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.*

Он собрал, обработал и издал свои переводы иностранных классиков; его литературное имя вновь засияло прежним светом; его признали и полюбили.

А сам он чуть не больше всех иных щедрот жизни и наград ценил дружбу с великим князем Константином Константиновичем (поэтом К.Р.) и камергерский чин, полученный им к 50-летию литературной деятельности. Его барство, его выстраданное дворянство, его верноподданические стихи к концу его жизни казались окружающим уже нестерпимым анахронизмом, неприемлемым для уважаемого человека поведения; Шеншин душил Фета, Фет не сопротивлялся.

В старости он сильно болел — его мучила одышка, болели веки, ему трудно было видеть. Он нанял секретаршу, чтобы помогала в работе. Перед самой смертью он отослал жену за шампанским, а секретарше продиктовал: «Не понимаю сознательного приумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному», — и схватился за стилет, которым разрезал страницы книг и журналов. Секретарша отняла стилет, тогда старик Фет побежал к буфету за столовым ножом, но упал на стул и умер от разрыва сердца.

Такая же жесткая, своевольная и трудная смерть, как и жизнь, — но здесь, кажется, Фет с его вечно разрывающимся от тоски сердцем победил сухого решительного Шеншина.

Всю жизнь он казался знакомым таким Шеншиным — лишенным всякой сентиментальности, сострадания, заботы о других, способным говорить разве что о порубках и потравах или делах о краже поросят. Как жил в этой негнущейся душе живой и тонкий лирик Фет — не поймешь; сам он говорил о жизни и искусстве как о совершенно различных сферах: жизнь бессмысленна, скучна и тосклива, и лишь чистое искусство дает передышку от ее непрестанного страдания.

Стоик и атеист, не верящий в вечность, он добывает ее сам. Он останавливает время на лету — и любовно вглядывается в каждый штрих, каждую краску на полотне бытия: здесь все значимо, все прекрасно, все несет счастье быть, видеть и дышать:

*Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.*

*Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.*

*Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.*

Только в мире и есть этот чистый

Влево бегущий пробор. ❀

ВЕЧНЫЙ СТРАННИК

АННА ГАМАЛОВА

Не так уж много на свете писателей, которые сделали себе имя в одной культуре, на одном языке, а затем в другой и на другом. Чуть не единственным таким примером остается Набоков. Но то же самое удалось и еще одному нашему соотечественнику – будущему еврейскому драматургу и американскому гражданину Осипу Дымову.

На самом деле его звали Иосиф Перельман. Отец его, служащий Исидор Перельман, был прусским подданным, мать, учительница, имела русское подданство.

Семья жила в Белостоке – польском городе, население которого на три четверти состояло из евреев. Отец умер, когда Иосифу было четыре года, и мать осталась вдовой с пятью детьми: Германом, Иосифом, Яковом, Анной и Соней. Семья была любящая и интеллигентная; говорили в ней по-немецки. Русский язык детям все равно пришлось освоить – но не только потому, что Польша тогда входила в состав Российской империи; русский был еще и языком великой литературы, интерес к которой в Иосифе пробудил его учитель – студент по фамилии Рубинштейн.

В «Дневнике» Иосиф Исидорович вспоминал, что сочинять он начал очень рано. Лет в шесть рассказывал старшему брату, Герману, и сестре Анне небылицы; брат пообещал ему писательское будущее, а сестра пожаловалась маме, и фантазера поставили в угол.

Еще во время учебы в Белостокском реальном училище 14-летний Иосиф отправил свое первое произведение, «Рассказ капитана», в петербургский журнал «Вокруг света». «Рассказ» был опубликован, и по этому поводу в реальном учили-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ще даже собрали педагогический совет, который, к счастью для юного автора, не нашел в деле никакого криминала. Отлично окончив училище, Иосиф Перельман год провел в Белостоке, зарабатывая частными уроками, а в 1897 году поехал в Петербург, где поступил в Лесной институт (в нем были не такие жесткие процентные ограничения по приему евреев). Будучи студентом, получил российское гражданство. В Петербурге, как пишет биограф Дымова Василий Щедрин, Перельман поселился у своего дяди Якова Эрлиха, который был всего на четыре года старше его. Имя Якова Эрлиха знакомо знатокам Серебряного века: студент историко-филологического факультета Петербургского университета, он дружил с легендарным символистом Александром Добролюбовым, вел переписку о публикации его стихов с Брюсовым, входил в литературные и музыкальные круги столицы. Помимо интереса к литературе Эрлих занимался в консерватории теорией музыки. Ско-

рей всего, именно в доме Эрлиха Иосиф Перельман познакомился с Александром Кугелем, редактором журнала «Театр и искусство». В этом журнале он два года работал секретарем и публиковался наряду с Маминим-Сибиряком, Дорошевичем и именитым тогда Потапенко. Для публикаций Перельман избрал себе псевдоним «Осип Дымов» – по имени одного из самых симпатичных и печальных чеховских героев – мужа «попрыгуньи».

Следующие несколько лет многое перевернули в жизни молодого писателя. В 1901 году в Лесной институт поступил его младший брат, Яков Перельман, который в том же году опубликовал в журнале «Природа и люди» свой очерк «Столетие астероидов»; уже в ближайшие годы он стал одним из самых заметных научно-популярных писателей, причем некоторые свои статьи он подписывал псевдонимом «Недымов». В 1902 году сошел с ума и умер Яков Эрлих; в 1903 году умерла мать Перельмана. В том же 1903 году Осип Дымов впервые взялся за драматургию: он написал пьесу «Голос крови», и ее поставил Малый театр, где некоторое время работал Александр Кугель. «Премьера первой пьесы Дымова прошла неудачно, – пишет Василий Щедрин, – спектакль не был даже доигран до конца. Дымов объяснял это тем, что публика не поняла примененного им новаторского приема – последний акт пьесы почти целиком повторял первый». В дальнейшем переработанный вариант этой пьесы (без последнего акта) под новым названием, «Каин», шел в других русских театрах с большим успехом.

Пожалуй, в эти годы самыми большими литературными авторитетами для молодого писателя были Метерлинк и Чехов; под их влиянием написан его первый и самый знаменитый сборник рассказов, «Солнцеворот» (1905), в котором критики разглядели «символизм», «импрессионизм» и «тягу к мистицизму». И в самом деле, много внимания Дымов уделял мимолетным переживаниям, оттенкам настроения. Критики и публика в целом доброжелательно приняли новую книгу.

Время было горячее, революционное; страна бурлила, по ней прокатывались волны еврейских погромов, манифестаций, забастовок. Может быть, именно в это время русский писатель Осип Дымов стал осознавать, что он еврей. В «Солнцеворот» включен небольшой рассказ «Погром», навеянный еврейскими погромами на западных окраинах империи. После Манифеста 17 октября 1905 года, разрешившего свободу печати, в России появилось несметное количество сатирических журналов. Один из них, «Сигнал» (после запрещения – «Сигналы»), издавался при финансовой помощи певца Леонида Собинова и редактировался приехавшим из Одессы молодым

Корнеем Чуковским. Дымов стал сотрудничать в «Сигналах», приобрел славу хорошего юмориста. Чуковский, который был не только издателем, но и литературным критиком, отзывался о его работе так: «Его маленький, но изящный юмор в большую, но не изящную эпоху сатирических журналов 1905–1906 годов сделал из него лучшего юмориста, создавшего несколько таких шедевров сатиры, которые со временем непременно

попадут в хрестоматию»... Правда, дальше злой Чуковский заметил, что шедевры эти были бы еще лучше, если бы Дымов не стремился так приспособиться ко вкусам читателей: «мистицизму на три строки, и юмору на пять»; у него «коротенькие мысли, коротенькие чувства»; он «умеет кокетничать с читателем»; «умеет претворять всякое – и ужасное, и радостное, и громадное, и маленькое явление в жизни в нечто очень приятное, очень коротенькое и милое до чрезвычайности»... Недаром, наверное, «милый» – чуть не ключевое слово в критических отзывах об Осипе Дымове. Любопытно, кстати, что язвительные отзывы не мешали Дымову и Чуковскому оставаться в хороших отношениях; в дневнике Корнея Ивановича есть упоминание, что Дымов приезжал к нему в Куоккалу на блины...

Друг одесской юности Чуковского, Владимир Жаботинский, много беседовал с Дымовым о его литературном будущем, говоря, что быть русским писателем – хорошо, но кто же будет работать для своего народа. Отчасти ответом на эти разговоры стала новая пьеса Дымова – «драма из еврейской жизни», как он сам охарактеризовал ее. Драмы из еврейской жизни на фоне погромов и тянувшегося во Франции «дела Дрейфуса» стали неизбежной принадлежностью театральной сцены в период между двумя революциями. Однако Дымов, скорей всего, обратился к еврейской тематике не столько потому, что она стала актуальна, сколько под впечатлением от известий о погроме в родном Белостоке. Драма называлась «Шма Израэль» – «Слушай, Израиль!» и рассказывала о том, как живет еврейская семья после погрома. В ней Дымов показал на премьере одной семье чуть не все возможные бедствия и конфликты, поговорил на все возможные темы – от сионизма до вынужденного крещения. Вынужденное крещение вообще было его большой темой, он к ней возвращался много раз, даже в своих мемуарах. Небольшой отрывок из них опубликован, и читать его больно и странно и евреям,

и православным: подневольное крещение – издевательство над верой и тех, и других.

Пьесу «Слушай, Израиль!» довольно благожелательно приняла и публика, и критика. А вот второй сборник рассказов, «Земля цветет», встретили куда более холодно. Влиятельный критик Михаил Гершензон, который приветствовал «Солнцеворот» и назвал его автора «образцом настоящего художника», об этом сборнике отозвался неприязненно: «Все, что было лучшего в той книге, здесь опущено, ее наивные неловкости повторены намеренно, ее воздушные намеки стали шаблоном»...

С 1907 года Дымов начал понемногу писать на идиш для варшавского еженедельника «Роман Цайтунг», но работал в основном на русском языке. Его пьесы ставили в Берлине и Вене, он сотрудничал с лучшими литературными журналами России – «Весами», «Золотым руном» и другими. В 1908 году начал выходить журнал «Сатирикон», и Осип Дымов с его ненавязчивым юмором оказался совершенно своим и уместным среди его сотрудников. До наших дней дошла и несколько раз перепечатывалась «Всеобщая история, обработанная Сатириконом» (написана в 1909 году). Дымову в ней принадлежит фрагмент о Средневековье, исполненный вот в таком духе: «Людовик Ленивый был настолько ленив, что умер бездетным. Герцог парижский Гуго Капет воспользовался этой стороной его характера и провозгласил себя королем. Таким образом началась новая династия – Капетингов»... В остроумии Дымов, пожалуй, сильно уступает Тэффи с ее блистательными историями из жизни древних греков и римлян.

Новую драму, «Вечный странник», Осип Дымов написал в 1912 году. Ее темой стала неприязнь еврейского народа, сюжетом – выселение евреев из приграничной полосы в Галиции. Спектакль поставили весной 1913 года в Петербурге, и встречен он был с энтузиазмом – и русской публикой, и еврейской. Пьесу перевели на идиш и иврит, ее несколько раз ставили еврейские театры в черте оседлости в России и за ее пределами. Вскоре собранная Дымовым театральная труппа отправилась с «Вечным странником» на гастроли по стране. И тут в польской Лодзи состоялась судьбоносная встреча: Дымова заметил американский антрепренер Борис Томашевский, который подыскивал в Европе таланты для еврейских театров в США. Он предложил Дымову

поехать со спектаклем в Америку, и Дымов согласился. Так братья Перельман расстались, еще не предполагая, что это навсегда и что странствие в самом деле окажется вечным. Яков Перельман к этому времени уже окончил Лесной институт и работал в журнале «Природа и люди». В поворотном для обоих братьев 1913 году он опубликовал первую часть своей знаменитой «Занимательной физики», которая навсегда прославила его имя.

Америка – не столько даже Америка, сколько Нью-Йорк с его небоскребами и скоростями – сразу очаровала Дымова. Он был преисполнен надежд, и они поначалу оправдывались: его «Вечный странник» имел большой успех. Первую свою пьесу на американской земле («Певец своей печали») он написал по-русски, и театры Америки и Восточной Европы ставили ее в переводах на идиш, иврит, немецкий и польский.

1914 год, одаривший Дымова американской славой, поставил крест на возможности скоро вернуться на родину: началась война. Дымов не собирался навсегда оставлять Россию и продолжал печататься в «Биржевых ведомостях» (скажем, в 1916 году опубликовал страшный рассказ «Голос войны»). Короткая цитата дает о нем некоторое представление: «Человек стоял на коленях перед раздувшимся трупом и кричал собачьим голосом. Пальцы его были зажаты мертвыми зубами повешенного. В расстоянии десяти шагов, высунув языки, уселись в круг два десятка собак и выли, подняв морды»). За войной пришла революция, закрылись газеты, оборвалось сотрудничество, возникли перебои с почтой. И возвращаться в это опасное время тоже вряд ли стоило – тем более что в Америке дела шли хорошо. Одну за другой Дымов писал новые пьесы – уже на идиш; учился понимать здешнюю публику, особенности американского театра, привыкал к новой жизни на других языках. Легко восприимчивый ко всему новому, он быстро освоился и точно вписался в свою нишу. Комедия «Бронкс экспресс», написанная в 1919 году, принесла ему шумный успех. В ней шла речь о работающем и глубоко верующем еврее, который мечтал разбогатеть – и разбогател, но пожертвовал ради богатства и своей семьей, и своей верой. Сначала пьесу поставил еврейский театр, затем, в переводе на английский, – театр «Астор» на Бродвее. Что удивительно – пьеса не сходит со сцены до сих пор и считается одной из лучших еврейских пьес «эпохи джаза».

В это время Яков Перельман, оставшийся на родине, создал и начал редактировать свой научно-популярный журнал «В мастерской природы». Братья переписывались, но о возвращении Дымова из Америки речь пока не шла – напротив, в 1926 году он получил американское гражданство. Хотя наверняка он за-

думывался о возвращении. Ленинградская «Красная газета» иногда печатала его статьи об американском театре.

Возможность вернуться представилась ему в 1920–1930-х годах, когда он работал в Германии. В 1927 году его пригласил туда Макс Рейнхардт, владелец сети театров в Германии, где готовились к постановке несколько пьес Дымова. В Германии Осип Дымов начал работать для кино: написал вместе с немецкими коллегами сценарий к фильму «Распутин, демон женщин».

На его глазах зарождался и набирал силы фашизм, умирала старая Европа, и он с тоской смотрел на крушение мира, в котором родился и к которому принадлежал. Он иногда общался с бывшими согражданами, жителями России, которые бывали в командировках и на гастролях в Америке или Европе, присматривался, задумывался, где осесть окончательно. Европа, стремительно теряющая культуру и человечность, уже не манила к себе. СССР, где быстро оформлялся сталинизм, тоже не привлекал. Давний коллега по журналу «Театр и искусство» Анатолий Луначарский звал обратно в Россию – Василий Щедрин цитирует его письмо 1927 года по «Дневнику» Осипа Дымова: «Пора вернуться домой. Вас встретят в Москве, как подобает большому русскому писателю». Однако в 1932 году, когда фашисты пришли к власти, а Рейнхардт лишился своей театральной империи, Дымов уехал из Германии обратно в Америку.

Яков Перельман тем временем тоже стал мировой знаменитостью: его научно-популярные книги переводились на другие языки, он основал в Ленинграде Дом занимательной науки, вошел в группу изучения реактивного движения и разрабатывал проект первой советской противораковой ракеты (идея управления погодой с помощью научных достижений тогда была чрезвычайно актуальна). С 1932 года переписка между братьями прервалась. Жизнь каждого из них текла по своему руслу, они расходились все дальше.

Осип Дымов, вернувшись в Америку, написал пьесу «Трагедия моего народа», где речь шла о гонениях, которым евреи подвергаются в Германии. А затем – несколько комедий, поставленных в еврейских театрах, и пьес для радио. Еврейские театры переживали тяжелый кризис, и к началу Второй мировой войны Дымов уже ничего не писал для них, он вернулся к журналистике, писал сценарии к фильмам, занялся литературной критикой и мемуарами. Два их тома под

названием «Что я помню» вышли на идиш в самый разгар Второй мировой, когда Дымов постоянно возвращался мыслями в Россию. Там в осажденном Ленинграде оставалась часть семьи. Осип Дымов даже не сразу узнал, что брат его умер от голода весной 1942 года, пережив на два месяца свою жену, что умерла сестра, что погиб племянник... В родном Белостоке фашисты уничтожили все еврейское население: меньшую часть расстреляли, большую вывезли и уничтожили в Освенциме, Майданеке и Трешлинке. Может быть, тема Холокоста оказалась больше, чем мог выразить камерный, изящный, склонный к вычурности талант Дымова, – он, несколько десятков лет писавший о еврейском изгнании, еврейской трагедии, с этой трагедией не справился.

А может быть, дело в другом.

Окончив мемуары, Дымов перенес тяжелую операцию и через несколько недель после нее потерял память. Врачи объясняли это осложнением после наркоза. Он не узнавал близких и не говорил. Амнезия долго не отступала – несколько тяжелых лет писателю пришлось заново обретать бытовые навыки, себя, свое прошлое и настоящее, своего Бога. К концу 40-х годов память вернулась. Однако годы борьбы с амнезией дались Дымову тяжело – в попытках восстановить прошлое он начал записывать всплывающие в памяти фрагменты, из которых позднее сложился его «Дневник» – записи о встреченных им людях, знаменитых и незнаменитых, но дорогих ему.

В последние годы жизни (он умер в Нью-Йорке в 1959 году) Дымов увлекся скульптурой, и она довольно хорошо ему удавалась – состоялось даже несколько выставок. Он вообще был щедро одарен: Чуковский вспоминал его редкостный талант рассказчика; Дымов прекрасно рисовал; ему легко давались языки; ему везло на встречи с удивительными людьми. Воспоминания Осипа Дымова, за исключением нескольких фрагментов, до сих пор не выходили на русском языке, хотя содержат множество живых подробностей о культурной и литературной жизни дореволюционной России. Однако журнал «Лехаим» недавно сообщил, что двухтомник Осипа Дымова, включающий переписку и мемуары, готовится к выходу в русском переводе В. Хазана. Среди героев воспоминаний – замечательные люди, с которыми Дымов встречался: Айседора Дункан, Альберт Эйнштейн, Герман Гессе, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Стефан Цвейг, Франк Ведекинд, Корней Чуковский, Михаил Чехов... Так что есть надежда, что вскоре можно будет взглянуть на великих людей и великие события XX века печальными черными глазами Осипа Дымова, бывшего прусского подданного, русского писателя, американского драматурга и еврейского классика. ♣

СТАРШИЙ РАЗВЕДЧИК

МИХАИЛ БЫКОВ

«Олег Иванович – незаурядный человек и заслуживает глубокого уважения и благодарности всех нас, русских людей, за большое русское дело, которому он себя посвятил». Эти слова принадлежат младшей дочери Льва Николаевича Толстого – графине Александре Львовне.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

У великого писателя было 13 детей, и «потомок Толстого» – это еще не верительная грамота, не гарантия правоты. Однако что касается именно Александры Толстой, тут можно быть уверенным: графиня жизнь знала и похвалам и не разбрасывалась. Сестра милосердия на фронтах Первой мировой войны с тремя знаками отличия ордена Святого Георгия и производством в офицеры; узница Лубянской тюрьмы и лагеря в Новоспасском монастыре; создательница Толстовского фонда в США... Однако ж разговор не о графине Толстой, а о том человеке, которого она характеризовала столь возвышенно. Фамилия Олега Ивановича – Пантюхов. Он родился в марте 1882 года в Киеве. Отец – военный врач и антрополог, мать, урожденная баронесса фон Кнорринг, само собой, домохозяйка. Дворяне средней руки с прекрасным образованием, скромным достатком, хорошей репутацией и большой семьей. У Олега было четыре старших брата. Жили дружно, весело и интеллигентно.

Удивительно, но, когда речь заходит о русском интеллигенте, многим представляются эдакие нигилисты а-ля Базаров или никчемные квартиранты богемы, погруженные в процесс самосозерцания. Разумеется, в обществе второй половины XIX и в начале XX века в России водилось всякое. Иван Иванович Пантюхов наряду с образованием, позволявшим ему размышлять о жизни отстраненно, посвящал себя общественно полезному служению и поступки поверял по Моисеевым скрижалям. Так и сыновей воспитывал, не противопоставляя знание и веру. Может быть, еще и потому, что в семье крайне серьезно относились к преданию, связанному с прадедом Олега – Густавом фон Кноррингом. Этот шведский лютеранин служил офицером в лейб-Московских драгунах. Женился на православной, но рождавшихся детей крестил, понятно, в веру своих предков. Дети в семье рождались и... умирали в младенчестве. Когда появился на свет еще один сын, Николай, супруга умолила Густава Адольфовича крестить ребенка по православному канону. И тот остался жить.

и костры времен Тифлисского кадетского корпуса, разговоры о чести, вере, совести, России, клятвы верности...

На следующий год мысль развить в России идеи, опубликованные британцем, окрепла окончательно. 30 апреля 1909 года штабс-капитан Пантюхов проводит первый предметный разговор с царскосельскими мальчишками прямо на улице. Настроение было приподнятое, в день батальонного праздника казалось, что все получится.

И – получилось!

В России сформировался первый скаутский отряд – «Бобер». Сохранились фамилии первых шести «бобров»: Боровков, Иванов, Ильин, Кирилин, Малафеев, Перминов... Через несколько месяцев Пантюхов встретился в Петербурге с отцом-основателем мирового скаутского движения Баден-Пауэллом, известным среди скаутов всех поколений как Би-Пи. Британец, кстати, оказался в России не просто так: его пригласил император Николай II. Государь, как и гвардейский офицер Пантюхов, рассмотрел в идеях Би-Пи большую воспитательную перспективу.

Британец отбыл, а Пантюхов, в составе полка охранявший резиденцию императора в Царском Селе, использовал «служебное положение» – предложил Николаю II готовую программу действий. И получил одобрение. Власть, государь в том числе, искала новые формы воспитания молодежи и детей – сказались болезненные события 1905–1907 годов. После нескольких командировок Олега Ивановича в Европу, где его познакомили с работой скаутских отрядов Англии и Дании, офицер зарегистрировал в России устав Всероссийского общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут». Справедливости ради надо сказать, что создать организацию национального масштаба – «Всероссийский союз юных разведчиков» – правительство не разрешило. Самого Пантюхова с этого момента стали вполне официально называть Старшим скаутом. Заметьте, не скаутмастером, как это принято в США и Европе. Олег Иванович не мыслил себя учителем-ментором, он чувствовал себя именно старшим товарищем,

Семья Пантюховых из Киева переехала в Одессу, оттуда – в Петербург, из столицы – в Тифлис. Не прелесть приключений манила. Служба заставляла. Но привычка к легкости в перемене мест возникла в детях естественным образом. Что наряду с хорошим домашним воспитанием и религиозностью составило ту основу, которая привела потом Олега Ивановича к главному делу жизни.

Первые походы он совершил, когда ему не было и 10 лет. А разменявши второй десяток лет, мальчик оказался в кадетском корпусе на казенном коште. Там же, в Тифлисе.

Пантюхов-младший оказался прирожденным лидером. Когда жизнь в корпусе вошла в нормальную колею, выяснилось, что другие кадеты охотно признают вожаком умеющего постоять за себя, но при этом отменно знающего поэзию и природу, романтического, заводного Олега. Когда он предложил создать в корпусе «Пушкинский кружок», товарищи откликнулись с охотой. Меньше всего этот кружок походил на формальные посиделки в актовом зале с монотонным чтением стихов Александра Сергеевича. Хотя и стихи читали вовсю. Но не в зале – в походах по прекрасным и суровым окрестностям Тифлиса. Интуитивно Олег Пантюхов предложил «однокорытникам» программу, которая во многом дублировала предложения, спустя десяток лет изложенные в книге «Юный разведчик» (такое название использовано в русском переводе. – **Прим. авт.**) британским офицером, героем Англо-бурской войны Баден-Пауэллом.

Завершалась учеба в Тифлисском кадетском корпусе. «Пушкинский кружок» отметил его 70-верстным походом по маршруту Сурам – Кутаис – Боржом. В ущельях и на горных тропах оказалось непросто. Но отряд Олега Пантюхова с задачей справился, а его выпускной, седьмой класс получил название «Пушкинский». Дело-то было в 1899 году, Россия отмечала 100-летие великого поэта.

Теперь предстояла военная стезя. В 1901 году Пантюхов оканчивает Павловское военное училище в Петербурге и выходит офицером в лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Величества батальон. Часть квартирует в Царском Селе. В 1908 году молодой офицер женится на Нине Добровольской и в том же году знакомится со статьей известного публициста Михаила Меншикова о книге Scouting for boys, написанной Баден-Пауэллом. Ассоциации возникли мгновенно: вспомнились походы

задолго до смерти Олег Иванович написал обращение, которое вполне можно назвать духовным завещанием. Оно короткое: «Помнить Россию... Учиться, трудиться и жить так, чтобы высоко держалось русское имя наших предков и наше Георгиевское знамя. Сторонитесь всяческих разладов. Будьте «один за всех и все за одного». Опора вам – Русская православная церковь... Будь готов! За Россию!»

Старшим разведчиком. И вел себя соответственно. Много позже, когда Пантюхов был уже в весьма преклонном возрасте, знавшие его отмечали, что этот дух здорового мальчишества, это ощущение товарищества, братства, рыцарства присутствовало в пожилом и прожившем непростую жизнь русском полковнике.

В 1915 году появились отряды девочек-разведчиц – герлскаутов. Большую работу в «женском филиале» вела жена Олега Ивановича – Нина Михайловна. К слову, супруга собственноручно сшила скаутам первый флаг и начертила первую эмблему, которую до сих пор называют «Мальчик под деревом». Легенда гласит, что прообразом этого мальчика послужил наследник русского престола царевич Алексей, обладатель жетона «Августейший скаут», врученного ему Пантюховым.

К февралю 1917 года в 140 городах страны насчитывалось более 50 тысяч скаутов. Но сам Пантюхов имел к этому уже весьма опосредованное отношение. Кадровый офицер начал войну с первых дней мобилизации Гвардейского корпуса. На Первой мировой полковник Пантюхов получил и орден, и контузии. В 1915 году стал георгиевским кавалером, за бой с немцами под местечком Майшагола под Вильно (ныне – Литва). После второй контузии в октябре 1916 года отправился на длительное лечение. Выздоровев, стал командиром школы прапорщиков военного времени. Шел август 1917-го...

Во время Гражданской войны скауты, как и все русское общество, раскололись. Но на территориях, контролировавшихся Добровольческой армией Деникина, белые скауты попробовали объединиться. Их руководители даже получали жалованье от правительства Юга России. На Съезде скаутских деятелей весной 1919 года в столице Белого Дона Новочеркасске Олега Ивановича избрали Старшим русским скаутом. Единогласно! Состояние здоровья и обстоятельства вынудили Пантюхова в 1920 году эмигрировать. Ему повезло – удалось уехать вместе с семьей. Неподалеку от Константинополя, на Принцевых островах, полковник сделал невозможное: организовал скаутский отряд в эмиграции. Вскоре помогло знакомство с мировым лидером скаутства – Би-Пи. Организацию русских скаутов приняли во Всемирную скаутскую организацию.

Пантюхов 32 года прожил в США, а в 1954-м перебрался во Францию. Ушел из жизни в 1973 году, похоронен в Ницце. Не-

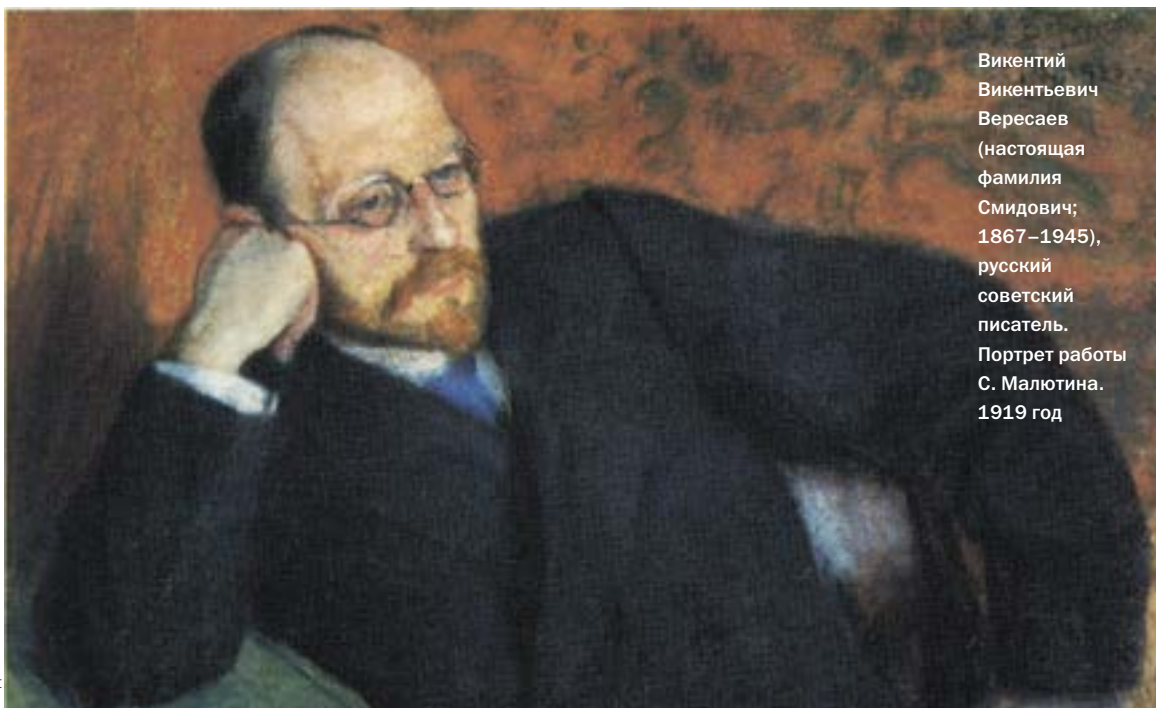
В 1922 году организации русских скаутов в Советской России разгромили окончательно. Многие лидеры были арестованы и оказались на Соловках – в первом советском спецлагере. Начиналось время пионеров, унаследовавших от русских скаутов почти все, вплоть до девиза «Будь готов!». Кроме одного – идеологии. Как бывший пионер поневоле, могу заметить, что мы любили пионерские костры, даже не ведая, что это – скаутская традиция. И походы любили, и спорт, кружки всяческие, и поднятие флага на линейках. Вот только наши «Старшие Пионеры» не рассказывали нам, что придумал все это Старший русский скаут и офицер Русской армии Олег Пантюхов.

Среди прочих довелось присутствовать в Кремлевском дворце на концерте, посвященном профессиональному празднику полицейских 10 ноября. В приветственной речи президент Медведев говорил о традициях, возникших «еще в советской милиции». Невольно подумалось: а что, не было в стране борьбы с преступностью в досоветское время? Не гибли на постах квартальные и приставы? Не изобличали матерых рецидивистов талантливые сыщики?

Долго нам еще, видеть, отсчитывать историю Родины от 1917 года. Привычка, знать, такая.

Девятнадцатого мая следующего года, уверен, отпразднуем 90-летие пионерской организации имени Спартака-Ленина. А вспомним ли 25 марта 2012 года Олега Ивановича Пантюхова, вспомним ли о 130-летию со дня рождения первого русского Старшего скаута? 🇷🇺

Справка: возрожденное российское скаутское движение насчитывает более 30 тысяч «разведчиков».

Викентий
Викентьевич
Вересаев
(настоящая
фамилия
Смидович;
1867–1945),
русский
советский
писатель.
Портрет работы
С. Малютина.
1919 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О РАДОСТИ ДУШЕВНОЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Вересаев был не писатель. Врач – да, мемуарист – да, полемист, публицист, историк литературы, переводчик – все это у него выходило хорошо, но он медленно, трудно, старательно писал второразрядную прозу. Он был не столько профессиональным писателем, сколько профессиональным русским интеллигентом – ее типичным представителем, ее глазами, ее голосом.

Его портретом можно иллюстрировать словарные статьи о русской интеллигенции: очки, борода, высокий лоб, переходящий в лысину, внимательные глаза, слегка поджатые губы. Он родился в 1867 году; что скажет дата рождения? На семь лет моложе Чехова, на четыре – Федора Сологуба, на два – Мережковского. На год старше Горького, на два – Зинаиды Гippiус, на три – Ленина, Бунина и Куприна, на пять – Деникина. Ровесник Бальмонта и патриарха Сергия. Это его поколение делало Россию начала XX века. Это его сверстники до иступления спорили за чашкой чая о судьбах родины, штудировали «Капитал» и со всем юным пылом несли в народ практическую пользу, знания, теории. Его поколение голодало, воевало, эмигрировало, тщетно пыталось уберечь своих детей – пушечное мясо Первой мировой и Граждан-

ской войн. Его поколение пережило красный террор, белый террор, сталинский террор и Вторую мировую. Он был одним из немногих, кому удалось пронести сквозь кошмары истории когда-то мучительно выстраданный и закаленный оптимизм.

Он родился в интеллигентной тульской семье с польскими корнями и по рождению был Смидович. Отец был врач, мать открыла первый в Туле – и, возможно, один из первых в России – детский сад. Семью в городе уважали: отец насаждал в провинции представления о санитарии и гигиене, основал городскую больницу. Семья была дружная, многодетная – восемь детей, верующая и интеллигентная в том самом смысле идейного и бескорыстного служения, который издавна вкладывался в это понятие. Детей растили на классической литературе и внушали им христианскую этику.

Викентий блестяще учился в тульской классической гимназии – всегда был первым учеником и больше всего любил ненавистные многим латынь и греческий. По складу ума это был чистый гуманитарий из тех, что потом идут в науку; писал стихи с 13–14 лет, переводил любимых античных авторов. И мучился вопросом о смысле жизни. Отцовская вера ответа ему не давала, и юноша, окончив гимназию с серебряной медалью, решил поступать в Петербургский университет на историко-филологический факультет, на отделение истории: молодые люди, которые ищут в книгах по истории ответы на свои последние вопросы, есть во все времена. Время было беспокойное – студенчество решало вопросы общественного устройства, собирало кружки самообразования, обсуждало политику и экономику, выбирало способы служения стране и народу и устраивало политические сходки, а то и бунты.

НА ПОВОРОТЕ

За примером служения юноше Смидовичу не надо было далеко ходить: все это он видел в своей семье. Молодой историк увлекался народничеством, зачитывался Михайловским и вопрос о том, что делать дальше, решил для себя однозначно: едва окончив исторический факультет в Петербурге, поехал в Дерпт и поступил на

медицинский факультет тамошнего университета. Поступок был взрослым, осознанным, выношенным – но, конечно, идейных мотивов тут было больше, чем природной склонности к медицине. Медицина была не целью, а средством понять человека – для того, чтобы стать писателем. Шесть лет он учился в Дерпте, продолжая при этом писать стихи и прозу. В 1892 году он поехал на практику в Донбасс, на Юзовский рудник, где разразилась эпидемия холеры. Работать на холере для врачей было опасно не потому даже, что можно было заразиться, а потому, что народ по дремучести своей обвинял врачей в распространении холеры; личные наблюдения и горький опыт Вересаева получили отражение в его повести «Без дороги» – в ней молодой врач умирает, избитый теми самыми людьми, которых приехал лечить. Юношеские иллюзии, столкнувшись с реальной жизнью, потускнели. В рассказе «Товарищи», написанном в это же время, его герои уже не несут света знаний и пользы народу, а тихо тупеют в провинции. В дневнике он повторяет фразу: «Истина, истина, где же ты?»

В 1894 году он окончил Дерптский университет и отправился в Тулу, получив назначение на должность врача. Проработал всего несколько месяцев под руководством отца, но, обнаружив, что знаний его недостаточно для самостоятельной работы и испугавшись колоссальной ответственности, которая ложилась на его плечи, уехал в Петербург. В дневнике он писал в это время: «Кончил я одним из лучших, а между тем с какими микроскопическими знаниями вступаю в жизнь! И каких невежественных знахарей выпускает университет под именем врачей!» В столице он поступил в Городскую барачную в память Боткина больницу на должность сверхштатного ординатора. Сверхштатные работали, как он сам пишет в «Записках врача», не за деньги – за опыт.

В Петербурге он вновь окунулся в стихию интеллигентского идейного бурления, которая и раньше, во время учебы в университете, увлекала его. Сейчас он стал взрослее, приобрел серьезный жизненный опыт и растерял юный пыл, с которым готовился служить народу. Народничество и в общественном сознании, и в сознании молодого врача уступало место марксизму, который, казалось, все толково объясняет и дает замечательную перспективу: вот куда следует идти!

Может быть, профессия врача наложила отпечаток на творчество Вересаева: названия его произведений словно ставят диагнозы его персонажам: «Без дороги» (герой не знает, куда идти) – «Поветрие» (молодая героиня «Без дороги» уверова-

нелегальной литературы в больничной библиотеке, которой заведовал, предоставлял свою квартиру для сходов и печатания прокламаций... Кончилось это обыском, увольнением из больницы по предписанию градоначальника и высылкой на два года в Тулу с запрещением жить в столичных городах. Правда, формаль-

ным поводом для этого стало его участие в протесте против подавления студенческой демонстрации. К этому времени он уже открыто заявлял о себе как о марксисте (и потому разошелся с редакцией «Русского богатства», которая поначалу очень радушно его приняла). В Туле он оставался два года – на самом деле в это время много ездил: сначала в Европу, потом в Крым (где встретился с Чеховым), потом к Толстому в Ясную Поляну. Все это время он работал с местными социал-демократами, устраивал литературные вечера для сбора средств в их пользу и однажды даже написал прокламацию. Когда срок высылки прошел, Вересаев поселился в Москве, где примкнул к литературной группе «Среда». Круг собирался у писателя Телешова, в него входили Бунин, Куприн, Скиталец, Горький, Чириков, Андреев и другие – те, кого вскоре объединят сборники «Знание»; с Горьким и Андреевым подружился.

В ТУПИКЕ

В 1904 году с началом японской войны его как врача запаса призвали на службу. Удручающих впечатлений о хаосе, развале и бездарности руководства армией у него хватило на целый сборник «На японской войне», который даже не был полностью опубликован до 1928 года. Один из персонажей его, обычный русский солдат, задается вопросом, за что он воюет: «Ваше благородие! Вот в «Вестнике маньчжурской армии» пишут, что мы тут за веру воюем! За царя и отечество. Как это так? Веры нашей никто не трогает, царя не обижают. А отечество – китайское».

Революцию 1905 года Вересаев встретил радостно: слишком многого уже насмотрелся и натерпелся. А теперь, казалось, повеяло свежим ветром. Убеденный марксист, уверенный в прекрасном будущем революционных рабочих (и даже пытавшийся изображать прогрессивный класс в своем

ла в марксизм и в этом рассказе объясняет свой идейный выбор) – «На повороте» (герой находит в себе силы выйти из тупика и не покончить с собой). В его произведениях очень много говорят и очень мало действуют – не русская классическая проза, а какие-то сократические диалоги. Впрочем, и в самом деле, как и в древние времена, русская литература в конце XIX века была всем – и публицистикой, и социологией, и думской трибуной; литература решала задачи, которые ей вовсе не свойственны, толстые литературные журналы обсуждали вопросы социального устройства и развития. Произведения Вересаева оказались очень удобным материалом для такого обсуждения: в них не люди жили, а ходячие общественные функции, типичные представители русской интеллигенции, на чьем примере было очень легко обсуждать ее заблуждения, озарения и мучения. И чем больше в прозе типичных интеллигентских диалогов, тем более остросовременной и востребованной была она тогда и тем невозможнее читать ее сейчас: острота проблем ушла, а художественные достоинства вересаевской прозы скромны. Помимо интеллигентских идейных мук была у него и еще одна тема: ужасный народный быт. Благо собственных наблюдений тут у него было больше, чем хотелось бы.

Однако совершенно равен он своему таланту не в художественной прозе, пусть даже и той, где искренне рвется наружу его томление по истине и настоящей жизни, его ужас и тоска от зрелища окружающего его убожества повседневной народной жизни. Лучше всего ему удалось не это, а «Записки врача» – занесенные на бумагу страстные и откровенные размышления о профессии: об ограниченности медицинского знания, о тяжелом личном опыте, об ответственности, о медицинской этике. В книге среди прочего шла речь о необходимости считаться с нравственными чувствами пациента, о недопустимости опытов на живых людях – Вересаев приводит множество случаев, когда медики из исследовательского интереса, например, прививали своим пациентам сифилис. «Записки врача» имели мощный резонанс. Медицинское сообщество возмутилось тем, что молодой врач вынес на суд публики профессиональные вопросы, приоткрыл дверь над тайнами профессии – и, по сути, прокричал во всеуслышание: «Король-то голый!» Вересаеву пришлось даже оправдываться в специально написанной статье «По поводу «Записок врача». Ответ моим критикам».

Все это время он помогал революционерам – «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Он устроил склад

держивал связь с большевистским подпольем, на даче у него даже проходила подпольная конференция большевиков. Белые, предупрежденные осведомителем, нагрянули на дачу; как Вересаеву удалось выкрутиться – решительно непонятно: газеты успели известить о его расстреле.

творчестве), он писал теперь о зародившейся в России «светлой свободе». Впрочем, светлая свобода поманила и ушла, оставив общество в глухой тоске. Реакция закручивала гайки, в культуре стал силен модернизм; писатели заговорили о тоске, о смерти, о потустороннем. Вересаев пытался возразить: написал роман с программным названием «К жизни» – само собой, герой-интеллигент в нем сначала отвернулся от идеи революции, а потом пережил идейный перелом и вернулся к ней. Роман получился еще более головной и сухой, чем прежние произведения, и Вересаев сам счел его неудачным; марксисты, которых он попытался изобразить как положительных героев, тоже не прониклись, сочтя, что он слишком увлекся описанием переживаний ренегата.

Как бы то ни было, переживания ренегата были в какой-то мере его собственными переживаниями. Идея революционного насилия больше не увлекала его: насилием счастья не добыть. После этой неудачи Вересаев временно отошел и от художественной прозы: она не вмещала того, о чем он думал и что хотел высказать. Следующая его книга, «Живая жизнь», – это, скорее, литературное, философское и этическое исследование творчества Достоевского и Толстого в первой части и Ницше – во второй. Аполлоническим и дионисийским тогда кто только не увлекался! Вересаев однозначно утверждает доброе, светлое, аполлоническое, толстовское начало в жизни в противовес темному, дионисийскому, больному, достоевскому.

В 1911 году Вересаев организовал «Книгоиздательство писателей в Москве», которое издавало авторов, входивших в кружок «Среда». Делами издательства он занимался вплоть до самой революции, положившей конец всякой частной инициативе в деле книгоиздания. Первая мировая вмешалась в его работу: врача снова требовали на войну. Четыре года, с начала войны до революции, Вересаев возглавлял военно-санитарный отряд Московской железной дороги.

Революцию, как писали советские литературоведы, он принял восторженно – в конце концов он был чуть ли не единственным последовательным марксистом среди известных русских писателей. Он стал председателем художественно-просветительской комиссии при Совете рабочих депутатов в Москве, однако уже в 1918 году переехал в Крым, где некоторое время удерживалась советская власть. Там он стал заведовать отделом литературы и искусства Феодосийского наробраза. Красная власть продержалась очень недолго, в Крым вступила Добровольческая армия; Вересаев под-

уже тогда, в Крыму, он начал писать свой роман «В тупике», где та самая русская интеллигенция, о которой он писал еще в 1890-х годах, переживает новые потрясения и пытается понять, как жить. Роман получился не особенно удачным – может, потому, что сам художественный метод Вересаева, замешанный на классическом русском реализме, оказался неадекватен вызовам времени. Юрий Тынянов в своей рецензии («Литературное сегодня») очень коротко и четко обозначает главные проблемы романа: «Главные герои – члены одной семьи: отец – старый народоволец, дочь – коммунистка, племянник – коммунист, другая дочь – героиня, русская девушка; это дает возможность племяннику спасти от расстрела дядю, а дочери-коммунистке, которая думает, что отец расстрелян, добровольно отдаться в руки врагов. Роман отличается необычайной интеллигентностью; при всем напряжении фантазии трудно представить, чтобы дело шло о современности, хотя все в этом смысле как будто обстоит благополучно (есть даже расстрел – Впрочем, тоже очень интеллигентный), – вы все время чувствуете себя в небольшом, уютном кузове идейного романа 90-х годов. Герои очень много говорят и любят плакать. Пример: «Иван Ильич рыдал. Долго рыдал. Потом поднял смоченное слезами лицо и ударил кулаком по столу.

– Да! И все-таки... Все-таки, – верю в русский народ! Верю! [...] И будет прежний великий наш, великодушный народ, учитель наш в добре и правде!» Примеры, приводимые Тыняновым, убийственны: тут вам и «красавец-брюнет с огненными глазами», и «глубоко в глазах была просветленная печаль и серьезность»... хорошая, благонамеренная русская проза 1890-х... Роман, в который было вложено столько труда и мысли, читатели не оценили, а критики обругали за идейную вредность.

Вересаев к этому времени уже вернулся в Москву и стал работать в литературной подсекции Государственного ученого совета Наркомпроса. Когда появился литературный журнал «Красная новь», редактировал в нем художественный отдел. Стал председателем Всероссийского союза писателей – кому, как не ему, старому революционеру и русскому интеллигенту, известному своей порядочностью, было его возглавлять. Собственно, у него все было для того, чтобы быть прекрасным писателем. Не было одного – художественной мощи. Потому ему так хорошо дается все невыдуманное, пережитое – и так безнадежно вянет его стиль при всякой попытке художественного обобщения, порождая ужасные «огненные глаза» и «души, наполняемые восторгом». «Я махнул рукою и занялся изучением Пушкина и писанием воспоминаний, – самое стариновское дело», – написал он Горькому в 1925 году. Ездил на юг, жил на даче в Коктебеле, растил цветы, занимался Пушкиным – чего еще желать?

EUTHYMIA

И все же он не вполне отказался от писательства. Он пытался ответить сам себе: что это за общество возникает на руинах привычного ему мира, куда оно идет, что из этого получится? Его опыт не давал ему представления о том, чем живут люди в этом новом мире. Поэтому он устроился на калошную фабрику «Красный Богатырь» санитарным врачом, снял комнату в квартире рабочего и стал заниматься привычным делом, наблюдая жизнь новых людей, размышляя над проблемами, которые мучили его молодых героев: новые отношения, новый быт, новая семья, брак – и привычная общечеловеческая этика. Полтора года, проведенных на фабрике, принесли свои плоды. Рассказы и роман «Сестры», написанные на фабричном материале, явно симпатизируют молодым героям... и остаются стилистически в прошлом веке...

Может быть, он и сам это понимал – по крайней мере, художественной прозы почти не писал, кроме нескольких рассказов. Его сейчас увлекало другое: древние греки, любимые еще с гимназии. Переводы древних дали ему прекрасное дело и заработок во времена, когда художественное творчество само по себе стало почти невозможно и опасно. Вересаев заново перевел «Одиссею» и «Илиаду», всю Сафо, всего Архилоха, оставив немало эталонных,

классических переводов. Другое его достижение – новый для России биографический жанр. Составленные Вересаевым «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни» – произведения без авторского текста, хронологический монтаж из дневниковых записей, писем, свидетельств современников, из которых складывается живой человеческий облик классиков. Литературоведение и переводы позволили ему пережить времена репрессий и даже принесли Сталинскую премию первой степени, присужденную ему в военном 1943 году.

В последние годы жизни он писал книгу, которую назвал для себя «Без плана» – литературные мемуары, воспоминания из жизни, дневниковые записи, философские рассуждения соседствуют в ней, складываясь в необычное произведение вне четких жанровых границ, но с твердым моральным посылом: недостаточно переделать мир, надо еще переделать человека.

Три первых года войны Вересаев провел в Грузии, работая над воспоминаниями; к вручению Сталинской премии вернулся в Москву. Выступал с антифашистской публицистикой. В 1943 году он написал свой последний рассказ, «Euthymia» («Эйтемия»), – такой же дидактичный, как и все его художественное творчество, такой же сократически-диалогический, только вместо привычных интеллигентов-народников в нем действуют советский архитектор, смутный, тревожный, вечно чем-то недовольный, и его смертельно больная жена, в чьи уста старый Вересаев вкладывает свои заветные мысли: «Ясность духа, бесстрашие перед жизнью и перед страданиями – вот счастье!» И еще: «Знаешь, Леня, в смерти определенно есть какая-то скрытая радость. И умирать, оказывается, очень интересно. Вдруг настолько становишься выше жизни! Я никак ничего этого не ожидала. Ой, как хорошо!»

И сам рассказ называется «Радостнодушие», и весь он – о том, какое это счастье – жить. Это он и оставил вместо завещания – выношенное, горячее убеждение в том, что можно научиться жить счастливым. Через два года он умер – вскоре после Победы, в цветущем и радостном июне 1945 года. ☹

ДОДО

МИХАИЛ БЫКОВ

Марина Цветаева не терпела слово «поэтесса». Есть на свете занятия, которые несут в себе некое изначалие, сущность, менять которую и уж тем более бороться с ней – дело бессмысленное.

Солдат, космонавт, игрок, мать... Поэт... «М» и «ж» тут абсолютно ни при чем. Солдатки, космонавтки, игруньи и поэтессы имеют место, разумеется. Как словообразования. Но не как сущности. И первый родивший мужчина, если таковой, упаси бог, все-таки появится, будет, по сути, матерью. И – никем иным. Как бы его там потом ни прозвали.

Можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны. Есть ли качественная разница в словах «поэт» и «поэтесса»? Не эту ли разницу имела в виду Марина Ивановна, когда столь требовательно относилась к определению собственного труда? Согласитесь, присутствует в слове «поэтесса» что-то искусственное, мелкое, глупенькое, лишнее. Все то, чего истинная поэзия не приемлет по определению.

Что так, что эдак, графиня Евдокия Петровна Ростопчина была поэтом. Без всяких натяжек и сантиментов. Правда, в хрестоматиях и биографиях ей частенько приписывают лишнее, называя одной из первых женщин-стихотворцев в России. Не по уровню дарования и влиянию на литературу, а по хронологии.

Одной из первых Евдокия Петровна, известная всему XIX веку как Додо, не была. Если о Додо Сушковой-Ростопчиной сегодня еще помнят, то подавляющее большинство ее предшественниц и современниц вовсе забыты.

Графиня Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова (1812–1858). Портрет неизвестного художника. 1830-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Варвара Анненкова, приходившаяся родственницей Лермонтовым. Анна Бунина, по воспоминаниям Анны Ахматовой – «тетка ее деда». Княгиня Зинаида Волконская, в России почти не жившая и искренне любимая римлянами до сих пор. Надежда Дурова, кавалерист-девица, поменявшая уланскую пику на перо литератора. Софья Закревская, Александра Зражевская, Анна Жукова – все они родились раньше, чем наша героиня, появившаяся на свет в январе 1812 года в семье действительного статского советника Петра Сушкова и его супруги Дарьи Ивановны (она была Пашкова) в басманной части Москвы. Кстати, если уж говорить о первой женщине-поэте, то, скорее всего, это будет Анна Сергеевна Жукова, урожденная Бутурлина. Известен год ее смерти – 1799-й. Но когда родилась и где – тайна. Впрочем, ее стихи, напечатанные в журнале «Иппокрена», говорят нам, что их автор все-таки – поэтесса. Не более.

Впрочем, Ростопчины во главе с отцом семейства графом Федором Васильевичем, знаменитым генерал-губернатором Москвы в 1812 году, появились в жизни Додо несколько позже, чем началась ее взрослая жизнь. Первая любовь – князь Александр Голицын, совсем мальчик. Брак намечался, но сорвался. И тогда среди ухажеров уже «вошедшей в

возраст» девушки появился Андрей Ростопчин. И на сей раз события развивались непросто. С одной стороны, родовитый жених, наследующий гигантское состояние. С другой – репутация графа Андрея, коей он обзавелся в гвардейских кирасирах. Довольно сказать, что он вышел корнетом в полк, так и не окончив курс Пажеского корпуса. Один из современников писал в письме: «Дай Бог, чтоб были счастливы! От нее зависит: ей надобно держать его в руках».

Были ли они счастливы, станет ясно из дальнейших событий личной жизни Додо Ростопчиной. Но начиналось все довольно весело. Настроение не портили даже бесчисленные пересуды в московских салонах. Там откровенно говорили о том, что Ростопчин женился от обиды на опекунов, не позволивших ему жениться по любви на другой, а «маленькая м-ль Сушкова» дала согласие на брак исключительно по расчету.

После венчания в мае 1833 года молодые супруги некоторое время провели в провинции, в одном из имений графа. Но в 1836 году деревенский покой наскучил, и они отправились в Петербург. Там Додо уже ждали и, признаться, заждались.

Еще в 1831 году князь Петр Вяземский, входящий к Сушковым, тайным образом позаимствовал из дневника Додо стихотворение «Талисман» и передал его в Петербург редактору альманаха «Северные цветы». Стих напечатали, подписав условным псевдонимом. Дома Евдокия за это ругали, но дебют состоялся. И успешный!

В Петербурге графиня Евдокия сразу превратилась в светскую львицу. Балы, маскарады, приемы, литературные и музыкальные салоны – жизнь пошла кругом. Муж развлекался по собственному графику: карты, лошади и все остальное, что было свойственно отставному гвардейскому офицеру.

На литературном поприще XIX века Додо Сушкова-Ростопчина не была женщиной-одиночкой. Авдотья Панаева, сестры Надежда и Софья Хвощинские, Юлия Жадовская, рожденные в первой трети столетия, равно как и перечисленные выше представительницы века осмнадцатого, писали с разной степенью успеха. И даже печатались. Почему ж тогда именно Евдокия Петровна воспринимается как главная женская литературная фигура «золотого века» русской поэзии и прозы?

По рождению Евдокия не принадлежала к родовой русской аристократии. Но и к «захудалому дворянству» ее родителей отнести нельзя. Мать Дарья Ивановна умерла, когда Додо едва исполнилось 6 лет. Отец был занят по службе, и воспитанием девочки занимались в доме родственников Пашковых. А двери пашковского особняка в Москве были открыты для самых знатных и ярких людей Первопрестольной. Мальчиком здесь часто бывал Мишель Лермонтов, учившийся в благородном пансионе при Московском университете. Евдокии минуло 16, когда этот порог однажды переступил Александр Пушкин.

К этому времени юная Сушкова получила отличное домашнее образование, свободно читала на пяти языках и уже пять лет, как сочиняла сама. Ее стихи знали, хвалили, находя в них ясность изложения, легкость рифмы и самостоятельность чувств и мыслей. Способствовало первым успехам и то, что дядя Николай Васильевич Сушков держал литературный салон в собственном особняке в Старопименовском переулке. Дом, к слову, сохранился до сих пор.

Ростопчинские места в Москве – это отдельная тема. Додо в этом смысле повезло удивительно. Почти все адреса, связанные с ее именем в столице, можно найти и сегодня. Не только на карте, но и в «живом» виде. Понятно, что почти все перестроено, если не сказать – изуродовано. Но все-таки, все-таки...

На Новобасманной улице уцелел особняк Сушковых, где Додо родилась, на той же улице, ближе к Красным Воротам, стоит храм Петра и Павла, где ее отпевали. В Потаповском переулке стоят остатки дома Пашкова, где Евдокия воспитывалась. На Большой Лубянке сохранился особняк Ростопчиных, родителей ее мужа – графа Андрея Федоровича. На Садовой-Кудринской стоит здание, купленное супругом для семейной жизни, известное в свое время богатой живописной галереей и библиотекой.

въезд в Петербург, и муж решил осесть в Москве. Купил особняк на Садовой, куда перевез знаменитую коллекцию картин, собранную его отцом. Чем был хорош граф Андрей, так это тем, что не был склонен изменять привычкам. Львиную долю времени занимал Английский клуб, карты и лошади. Евдокия Петровна устроила литературный салон. По субботам на втором этаже ростопчинского дома собирался литературно-театральный цвет Москвы. Бывали Тургенев, Гоголь, Толстой, Тютчев, Островский, Полонский, Погодин, Щепкин...

Удивительно, как Додо успевала писать стихи и вести серьезные разговоры в гостях у Жуковского, Вяземского, Соллогуба, Смирновой-Россет, Карамзиных.

Именно у Карамзиных ее посетила большая любовь. «Предмет» – сын великого историка и литератора Андрей Николаевич. Взаимность оказалась полной. По столице поползли слухи. В определенном смысле Евдокии Петровне повезло с мужем. Ему, увлеченному мужскими забавами, оказалось глубоко все равно, как проводит время его жена. Если что и тревожило, так это досужие пересуды света. Поэтому в 1838 году рожать первого ребенка, дочь Ольгу, графиня отправилась в деревню. Вторая дочь, Лидия, появилась на свет при похожих обстоятельствах. Отцовство приписывали Карамзину. Но затем родился сын Виктор, и в данном случае в отцовстве Ростопчина сомневаться не приходилось.

В это время Додо много работала. Ее пьесы ставили в лучших театрах столицы. Пишутся повести, объединенные общим названием «Очерки большого света». В 1841 году вышел из печати первый сборник стихов, написанных в 1829–1839 годах. Она последний раз видится с Лермонтовым, собирающимся возвращаться после прерванного отпуска на Кавказ и мучимым дурным предчувствием.

Хвалят все, даже строгий Белинский. Еще в 1838 году он так реагирует на стихи Ростопчиной, опубликованные в «Современнике»: «Кроме двух произведений Пушкина можно заметить только одно, подписанное знакомыми публике буквами «Г-ня Е. Р-на». Лучшие композиторы, в частности Глинка и Даргомыжский, перекладывают ее стихи на музыку романса.

В жизни разменявшей четвертый десяток Ростопчиной все меньше светских интересов, все больше литературы. И совсем из этой жизни исчезает Андрей Карамзин. Видимо, сила любви самой Додо значительно превосходила интерес к ней со стороны Андрея Николаевича. Отношения зашли в тупик.

В 1846 году Карамзин поставил точку. Женится на известной красавице – вдове уральского магната Павла Демидова Авроре Карловне, урожденной баронессе Шернваль фон Валлен, и уехал управлять Тагильскими сталелитейными заводами. Он погибнет спустя восемь лет на Крымской (Восточной) войне, куда уйдет добровольцем в Дунайскую армию.

Тогда Додо напишет: «Некому теперь разгадывать мои стихи и прозу».

Сами Ростопчины покинули Петербург в 1845-м. Обратной дороги в столицу после заграничного вояжа им не было. Император Николай I весьма нервно отреагировал на публикацию стихотворения «Насильный брак», углядев в нем критику на собственную внешнюю политику. Ростопчиной запретили

Для всех этих людей она оставалась той Додо, что принимала у себя в Петербурге на Дворцовой набережной Александра Сергеевича за день до роковой дуэли. Той Додо, которой спустя год после смерти Пушкина Жуковский передал перевязанный крепко-накрепко пакет. В нем пряталась последняя пушкинская тетрадь. Гений приготовил ее для новых, никогда так и не написанных стихов.

Но стихи самой Додо интересовали публику все меньше. И молодых коллег по литературному цеху – тоже. Уходили последние, влюбленные в «блестящий Александров век», старела на глазах казавшаяся вечной Николаевская эпоха.

Графиня реагировала без сантиментов. В письме Погодину она призналась, что хотела бы часик побыть Богом, чтобы вторым потоком утопить коммунистов, анархистов и злодеев. Чувствовала, чем обернется для России грядущая эпоха варваров, понимала, что принесут ей чернышевские.

Последние годы жизни Ростопчина проводила в основном в подмосковной усадьбе Вороново, верстах в 50 от Москвы по Старо-Калужской дороге. Много, в частности храм, главный дом и чудный голландский домик, сохранились там доселе. В 1857 году обедавший с графиней врач по случаю поставил страшный диагноз – рак.

Графиня Евдокия Ростопчина скончалась в декабре 1858 года.

Александр Дюма, путешествовавший по России в то время, получил от графини приглашение посетить ее в Москве. Он провел в гостях у Додо два часа и был поражен удивительно теплой энергией, которую излучала эта уже обреченная дама.

Брат Сушковой-Ростопчиной Сергей Петрович оставил такое описание юной Додо: «...черты правильные и тонкие, прекрасные и выразительные карие глаза, выражение лица чрезвычайно оживленное, подвижное, часто поэтически-вдохновенное, добродушное и приветливое...»

И видно, годы ничего не изменили. ❀

ЖАР-ПТИЦА РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ

Осень 1905 года... Бьетса на оконном стекле жилка дождя. Мария Клавдиевна Тенишева даже не смотрит на унылый перрон. Она горько плачет, запершись в купе поезда, следующего в Париж. Она прощается с Россией. Позади остается все, что она любила, чем жила: ее «школа грамоты», ее художественные мастерские, ее усадьба Талашкино...

Эти события для нее как снег на голову: «Я была так наивна, что даже когда слово «революция» было уже ходовым словом и приходили уже слухи о разных, происходящих то тут, то там народных возмущениях, погромах помещичьих усадеб, я еще не догадывалась, что у меня в школе тоже происходит «революция».

В классах ее крестьянской школы уже открыто шла политическая пропаганда и распространялись прокламации. В один из дней ученики устроили «забастовку»: побросали учебники и ушли домой. Правда, родители быстро прислали их обратно: ведь в школе дети были сыты, а дома их надо кормить... Как быть? «Между мной и учениками чувствовалась натянутость. Они глядели волками, учителя избегали меня... Мне невыразимо больно было видеть моих питомцев, мною созданных, к которым я всегда любовно относилась, почему-то так непонятно отвернувшихся от меня...».

В мастерских тоже царил разлад. Из-за малейшего пустяка рабочие возмущались, уходили, снова возвращались... Работа не клеилась...

Тенишева не могла понять, почему созданное ею разрушается: «Я чувствовала, что что-то уходит из рук, ускользает помимо моей воли, мало-помалу вырывается из сердца самое дорогое, самое близкое. Отрава вливалась в душу, голова была пуста...»

Когда Мария Клавдиевна вручала в школе аттестаты выпускникам, один из них на глазах у всех вдруг разорвал полученный документ. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Тенишева закрыла школу. Подождала, чтобы законопатили церковь и закрыли ее на зиму, отпу-

стила всех мастеров и столяров, закрыла мастерские и стала готовиться к отъезду. Она поняла, что в Талашкино ей делать больше нечего. Вокруг доморожденные агитаторы кричали о благе народа – и так легко разрушали то, что уже было для него создано в одном отдельно взятом месте.

НАЧАЛО ПУТИ В БЕЖИЦЕ

Перед отъездом пришли тревожные вести и из другой ее усадьбы – Хотылево: сожжен дом в парке, в церкви во время службы разбросаны листовки. А ведь именно там, в этой усадьбе близ Бежицы, над красавицей Десной, княгиня сделала первые шаги навстречу судьбе. Она приехала сюда весной 1892 года вместе со своим мужем – князем Вячеславом Тенишевым. Он – управлять делами крупного рельсопрокатного завода. Она – тогда еще толком не знала, что будет делать в этой глуши...

Рабочие забыты и невежественны, бараки перенаселены. В семьях грубость и пьянство, дети брошены на произвол судьбы, без возможности учиться... Не вдохновляли Марию Клавдиевну бежицкие будни, но екало сердце: «Здесь живут люди маленькие, пришибленные, опаленные огнем литейных печей, оглушенные нескончаемыми ударами молота, по праву, может быть, озлобленные, огрубелые, но все же трогательные, заслуживающие хоть немного внимания и заботы об их нуждах... Кто до этой поры позаботился о них? Кто прислушался к их голосу, их жалобам?... Никто...»

То, что она сотворила потом в Бежице, можно было бы назвать чудом. Возникли новые школы и ремесленные училища, благотворительное общество помощи сиротам и вдовам, народная столовая с качественными обедами за умеренную плату, новый театр... Рабочие семьи расселили из бараков в домики с огородными хозяйствами. Тенишева подарила людям над-

жду: «Не только я уже не боялась завода и его обитателей, но он стал дорог мне, как место моего крещения, как поле брани, где я отличилась и мне удалось стяжать славу, развернуться, выполнить все заветные мечты».

Четыре года спустя она уехала вслед за мужем в Петербург, оставив все, что стало уже ее жизнью. Но разве сможет когда-то забыть это чувство радости – от осознания, что ты кому-то нужен, служишь, полезен...

ПЕРВОЕ БЕГСТВО В ПАРИЖ

Любой шаг, любое решение Тенишевой – не случайны. Каждый шаг – только вперед, ни на секунду не задумывается она об отступлении. Даже если пятнадцать лет назад ранний брак с молодым юристом Рафаилом Николаевым обернулся горьким разочарованием. Рафаил оказался игроком и прожигателем жизни. Спас почти случайный совет ехать в Париж, в оперную студию педагога Маркези – учиться петь. Внешне – Мария Клавдиевна бежит, бросив все, забыв только малолетнюю дочь. Но вот верный признак правильного решения – она переполнена предчувствием нового: «Трудно описать, что я пережила, почувствовав себя наконец свободной... Париж, с его бурно бьющимся пульсом, окончательно опьянил меня. Задышавшись от наплыва неудержимых чувств, я влюбилась во вселенную, влюбилась в жизнь, ухватила за нее...»

Первое парижское путешествие складывалось из будничных занятий: уроки пения, итальянского языка, мимики, декламации, постановки голоса. Редкое меццо-сопрано Марии Клавдиевны очаровывает всех, кто ее слушает, она выступает на концерте Рубинштейна, встречается на репетициях с Шарлем Гуно...

Калейдоскоп парижской жизни увлек, втянул, околдовал. Тогда ей не было и двадцати... Певицей она не станет, но на всю жизнь сохранит страстную любовь к музыке. Мария Клавдиевна погружается в историю искусства... Есть ли в этом мире место более подходящее для изучения искусства, чем Париж? Она проводит дни в музеях, особенно любит Лувр и Музей Средневековья Клюни. Ее тянет к лиможским эмальям, изделиям из слоновой кости, древним коврам, гобеленам...

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Так, переходя от одной витрины к другой, посещая вернисажи и художественные салоны, встречаясь то с именитыми, то с совершенно неизвестными художниками, составляет Мария Клавдиевна свое собственное мнение, прокладывает путь, что не всякому по плечу. Отношения ее с людьми были неоднозначными, но ни одно смелое решение не может быть однозначно принято современниками.

Ее характер – весь из противоречий: недовольство и подавленность сменяются вдохновением и умением очаровывать. Замкнутость и недоверчивость к людям остались у нее с детства. Много сил придется приложить Марии Клавдиевне, чтобы их преодолеть. Резкая, грубоватая, властная. Но есть в ней одно, непреходящее: эта красивая и сильная дама умеет объединить вокруг себя людей, показать им цель, увлечь.

Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская – Киту, как называли ее уменьшительно, – была рядом с Марией Клавдиевной всю жизнь. Дружба этих двух дам уникальна. Вместе они мечтали, строили планы, которые, хотя и могли показаться несбыточными, понемногу осуществлялись. Мы читаем в воспоминаниях Киту: «Проживши на этом свете много лет, я видела много богатств, употребленных на всякие прихоти, но лучшего употребления своего состояния, как княгиней Марией Клавдиевной, я не встречала».

И еще один человек, которому Тенишева могла бы доверить как самой себе: Николай Константинович Рерих. Они оба были устремлены в будущее России. Рерих писал Тенишевой: «Из отношения с Вами во мне возрождается вера в нужное, нежное и вообще человеческое... Мне верится, что наше дело – дело святое и трудами, и верою мы пройдем на истинную пользу Руси». Тенишева отвечала: «Наши отношения – это братство, сродство душ, которое я так ценю и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то много в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного...»

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТАЛАШКИНО

Талашкино – особое имя в русской истории. В 1893 году Тенишевы купили эту усадьбу у княгини Святополк-Четвертинской. Именно здесь свяжутся воедино все нити судьбы княгини. Ее прошлое, настоящее и будущее. Это место в Смоленской губернии станет для Марии Клавдиевны островом духовности,

что искала она на земле, мечтая послужить русскому народу, его искусству и традиции, – таким красивым, трогательным, безвременно забытым...

«С годами все чаще и чаще, все более и более русские древности останавливали мое внимание, манили, – писала Мария Клавдиевна, – и все шире и шире открывался передо мной целый, до сих пор неведомый мне

мир, и этот мир все сильнее приковывал меня к себе. Я вдруг почувствовала, что все это близкое, свое, родное. Любя страстно русскую природу, я в душе была всегда чисто русским человеком. Все, что касалось моей страны, меня глубоко трогало и волновало». Возможно, с подобных мыслей начиналась Тенишевская коллекция русской старины.

Тенишева много путешествует по центральным русским губерниям. Знакомится с древнерусской архитектурой. Встречает мастеров и мастериц... В результате рождается коллекция предметов древней утвари и крестьянского обихода. Постепенно поиск экспонатов для будущего музея становится целенаправленным. Помогать в этом будут историк и археолог Владимир Сизов и историк искусства Адриан Прахов. Они привозят народные изделия и с Крайнего Севера, и из Мордовии, и даже из Туркмении. Первое время экспонаты коллекции заполняют шкафы, чуланы и чердаки в петербургском доме Марии Клавдиевны. Их наберется в конечном счете более 10 тысяч.

В Санкт-Петербурге Илья Репин предложил Марии Клавдиевне взять на себя благородную задачу – дать шанс молодежи подготовиться для поступления в Академию художеств. Дело решилось без проволочек: Репин будет вести занятия, Тенишева предоставила для студии мастерскую в доме, где жила. Бесплатная студия открылась 16 ноября 1895 года. Ученики набивались туда до отказа, «работали по пяти часов в день, не обращая внимания на тесноту и духоту». «Княгиня Тенишева для них какая-то мифическая благодетельница», – скажет Репин однажды. Здесь начинали свой путь многие прославившиеся впоследствии художники: Добужинский, Серебрякова, Билибин.

А в Талашкино княгиня Тенишева задумала Возрождение. Возрождение искусства исконно русского, национального, полного мистической красоты, народного воображения, сказов. Мария Клавдиевна хочет вернуть к жизни русский миф.

В 1900 году в Талашкино появились художественные мастерские. Керамическая, вышивальная и красивая, мастерские мебели, художественнойковки и резьбы по дереву. Возглавил их все художник Сергей Малютин. В имении Тенишевой, словно на перекрестке разных времен и дорог, встречались самые яркие фигуры русского искусства того времени: Репин, Рерих, Врубель, Коровин, Бакст, Стравинский и многие другие.

«Талашкино совсем преобразилось, – писала Тенишева. – Бывало, куда ни пойдешь,

везде жизнь кипит. В мастерской строгают, режут по дереву, украшают резную мебель камнями, тканями, металлами... В другой мастерской девушки сидят за пядьцами и громко распевают песни. Мимо мастерской проходят бабы с котомками за пазухой: принесли работу или получили новую. Идешь – и сердце радуется».

В Талашкино княгиня подружилась с Врубелем. «Это был образованный, умный, симпатичный, гениального творчества человек, которого, к стыду наших современников, не поняли и не оценили. Такие таланты рождаются раз в сто лет, и ими гордится потомство. Сидя со мной, он, бывало, рисовал и часами мечтал вслух, давая волю своей богатой, пышной фантазии... Шутя, он набросал на рамках и деках балалаек несколько рисунков, удивительно богатых по колориту и фантазии, оставив мне их потом на память о своем пребывании в Талашкине».

Так родилась идея Тенишевой расписать в русском стиле балалайки для Всемирной выставки в Париже 1900 года, где генеральным комиссаром от России был назначен князь Тенишев. Врубель с вдохновением принялся за росписи, под его рукой рождался в красках русский дух: морская царевна, богатыри, диковинные рыбы... Российскую экспозицию готовили почти три года, Тенишева во всем помогала супругу. Это она посоветовала ему взять Константина Коровина помощником по художественной части. Сама же – привезла для выставки свои балалайки, расписанные Врубелем, Коровиным, Давыдовой, Малютиным, Головиным... Их хватило на целый оркестр. В честь открытия моста Александра III через Сену Тенишева организовала вечер, на котором пел Шаляпин вместе с оркестром талашкинских балалаечников. Париж запомнил ее светской львицей Всемирной выставки.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА И ХРАМ ДУХА

После светской суеты и европейской славы Тенишева была рада вернуться в родное Талашкино. Она уверена: здесь – будущее России, для ее людей и детей. Главное – дело делать, действовать! Она верна себе в оценках: «Как-то совестно было жить в нашем культурном Талашкине в уbranстве и довольстве и равнодушно терпеть вокруг себя грязь и невежество. Меня постоянно мучило нравственное убожество наших крестьян и грубость их нравов. Я чувствовала нравственный долг сделать что-нибудь для них, и совсем уж было противно в разговоре со многими из богатых помещиков нашего края слушать, как люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали, гнушались ими...»

Еще в 1894 году Тенишева купила хутор Фленово. Было решено построить школу – у подножия горы, на которой растут огромные сосны, ели и липы... В сентябре 1895 года новое школьное здание со светлыми классами, общежитием, столовой, кухней распахнуло свои двери. Она хорошо помнит тот день: «Уже спозаранку во Фленово собралась целая толпа баб и мужиков, таща за собой вереницы ребятишек всех возрастов... Вдоль заборов расположились телеги с семьями в ожидании молебствия. Пришли бабы с пятью-шестью сиротами, прося меня взять их, как они говорили, «совсем, навеки»... В первый день набралось 150 учеников, в том числе 12 сирот, которых я взяла совершенно случайно...»

Тенишева приступила к созданию совершенно новой сельской школы. Никто не отменял основные школьные предметы, но во Фленово создано образцовое учебное хозяйство, метеорологическая станция, пасека и музей пчеловодства. Занятия в ремесленных мастерских обязательны для всех классов. Рядом со школьным зданием построен по эскизу Малютина уютный домик-теремок в русском стиле. В нем разместились библиотеки: учительская и ученическая. Слабых учеников из школы не отчисляют, а стараются научить какому-нибудь полезному делу. Талантливых Тенишева на свои средства отправляет учиться дальше.

Затем она берется за строительство церкви: «Моя школа во Фленове взяла столько моих сил, симпатий и преданности, что... мне захотелось увенчать свое создание храмом Божиим... Мы долго искали место для церкви... и наконец нашли... Здесь, рядом со школой, положено было основание храму во имя Святого Духа. Хотелось дело любви – школу – увенчать негасимой лампадой – церковью, хотелось, чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви – народную школу, где в классах, на полях, в лесу, в огородах, в труде шевелился бы маленький люд, раздавался веселый смех, где совершалось великое дело: из темных дикарей выходили люди...»

Давний и преданный друг Николай Рерих сразу угадал в движении души Тенишевой «начало храма новой жизни». Мечта о Доме Бога на талашкинской земле надолго объединила их обоих. Перебрав много проектов, Тенишева решает отойти от канонов современной

церковной архитектуры. Она пытается соединить образы русской старины, впечатления, вынесенные из своих путешествий по Русскому Северу, с силуэтами местной природы.

Осенью 1900 года на высокой красивой горе начал расти храм, напоминающий одновременно древнюю пирамиду, русский шатер и буддийскую пагоду. У Рериха читаем: «Мы решили назвать этот храм – Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занимать изображение Матери Мира».

Храм Духа во Фленово строился четырнадцать лет, он так и не был закончен. Но даже столетие спустя здесь, у заброшенного и одинокого Дома Бога, кажется, что все, что делала в своей жизни княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, она делала ради этого храма. Кажется, что все годы ее мечтаний, усилий, разочарований и побед прошли под этим ясным, все понимающим, таинственным Взглядом. Этот Взгляд учил ее терять, терпеть... и раз за разом начинать все сначала...

ВЫСТАВКА В ЛУВРЕ

В России разгорается революция, на Дальнем Востоке – война... А Тенишева приезжает на французскую землю. В прошлый раз она была в Париже в 1903 году. Всего два года назад. Она только-только оправилась от дней, когда она сидела у постели слабоющего на глазах от внезапной болезни мужа. Быть может, их пара была не идеальной. И в ней не было той беззаветной любви, которая творит чудеса и остается примером на века... И все же... Они были примечательной парой. Князь не являлся большим ценителем искусства, но он смотрел благосклонно, хотя и не без ворчания, на все задумки Марии Клавдиевны. И давал на них деньги. Князь Тенишев был сказочно богат. Он не принадлежал к высшему обществу и тем более к придворному кругу. Двадцать лет строил железные дороги, был председателем акционерного общества Брянского и Путиловского заводов. Принимал участие в создании первого в России завода по выпуску автомобилей. А еще – писал работы по этнографии, увлекался социологией... и строил школы. 25 апреля 1903 года князя Тенишева не стало. Он любил простоту, не признавал церемониалов, а умереть пришлось в Париже, где ему устроили торжественные похороны. Провожали в последний путь как положено кавалеру ордена Почетного легиона – с музыкой и штандартами, при батальоне пехоты, взводе кирасир и батарее артиллерии.

Мария Клавдиевна осталась одна. Она сдала в аренду дом на Английской набережной, покинула Петербург и поселилась в Талашкино.

Маховик ее судьбы раскручивался все быстрее. На руках – школа во Фленово, мастерские в Талашкино, музей, Храм Духа и т.д. Княгиня еще не знала, какие новые удары готовила ей судьба...

Мария Клавдиевна едет в Париж, где к ней вновь вернулись силы. Она с головой погрузилась в искусство – занялась эмалью, стараясь забыть за любимым делом потери прошлого. Поселилась на улице Октава Фелье. Там же устроила свою эмальерную мастерскую. Понемногу и заветные вещицы, и памятные предметы, и картины – все перекечавало в Париж. Дом ожил, все в его стенах напоминало о России... Совсем рядом Булонский лес, возникает иллюзия настоящей деревни.

Новая идея не дает покоя – выставить предметы русской старины в европейской столице. Княгиня выписывает из России знаменитые вышивки и деревянные изделия – все, что осталось после закрытия талашкинских мастерских и московского магазина «Родник». Репин пополнил экспозицию Тенишевой своими картинами, Билибин прислал свои акварели, Щусев и Покровский – эскизы русских церквей.

Небольшая выставка имела продолжение, которое прославило русское национальное искусство на весь Старый Свет. Апофеоз деятельности Тенишевой в Париже: министр изящных искусств Дюжарден-Боме предложил под ее коллекции залы Лувра. Для 6 тысяч предметов главный музей Франции отвел четыре колоссальных зала отделения прикладного искусства и все витрины в Pavillon de Marsan. С 10 мая по 10 октября 1907 года выставку посетили 78 тысяч человек. Один французский искусствовед писал: «Фантастические рыбы, крылатый гений, странные звери, пейзажи с наивной интерпретацией – все это яркого варварского цвета, но над всем этим доминируют неистовые поиски гармонии: меня это искусство очень привлекает». Европой овладел настоящий русский бум. Даже парижская мода отозвалась на выставку коллекциями одежды с русскими мотивами орнамента и вышивки.

А в России Марию Клавдиевну ругали. Мол, слишком развернулась за границей. Среди защитников был один Николай Рерих. С искренней и естественной благодарностью «за то русское дело, которое она совершает на чужбине, не слыша от своих соотечественников ничего, кроме непонятной, ни на чем не основанной травли».

Но на исходе трех лет, проведенных в Париже, «тоска по родине, – как напишет Мария Клавдиевна, – сделалась невыносимой. Да и неизвестность мучила: уцелеет ли Талашкино?»

Весной 1908 года Тенишева вместе со своей подругой Киту решают вернуться в Россию.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Приехали 2 июня. Возвращение принесло разочарование. Мария Клавдиевна ясно осознала, что никогда больше не увидит Талашкино таким, каким оно было раньше. «Куда ни взглянешь: направо – бывшая мастерская, налево – замолкший, заглохший театр, свидетель былого оживления и веселья, там за лесом – бывшая школа, – пишет она. – Театр пустует, в нем склад ненужной мебели, запас материалов. В школе тоже половина классов пусты, сидятливо глядят со стен картины, пособия, коллекции... Я поняла,

что нет возврата к прошлому, я поняла, что кругом все отжило, потеряло смысл, мне показалось, что я никому и ничему не нужна. Тяжело мне стало, невыносимо больно. И день ото дня делалось все хуже. Я духом упала...».

Спасло продолжение уже начатого дела – строительство храма. За это княгиня была благодарна Рериху, он не оставил ее наедине с главной мечтой: «Я только забросила слово, а он (Н.К. Рерих) откликнулся. Слово это – храм... Только с ним, если Господь приведет, сделаю его».

В 1910 году легли первые росписи на стены храма. Год спустя помогать отцу во Фленово приехали его сыновья – Юрий и Святослав Рерихи. Сама Тенишева сделала для церкви эмалевый напестольный крест, над которым долго трудилась в своей мастерской. А над главным входом, «как осколок вечности», словно чудесное полотно развернулась огромная мозаика «Спас Нерукотворный», выполненная по картонам Рериха. Весть о войне 1914 года застала мастеров в стенах храма. Работы пришлось остановить. Ни Тенишева, ни Рерих тогда еще не могли предположить, что это – последнее лето, проведенное за работой в храме. Впереди были тяготы войны, весть о революции, эмиграция... И прощание с Талашкино... Теперь уже навсегда.

КОНЕЦ ЖИЗНИ

Последние годы жизни Мария Тенишева и ее подруга Святополк-Четвертинская провели в городке Сен-Клу недалеко от Парижа. Небольшую виллу прозвали «Малое Талашкино». Ее часто навещали здесь друзья – Рерих, Билибин, Прокофьев, Рахманинов. До последнего дня в окнах французской тенишевской мастерской и по ночам горел свет. Оставив в России все самое дорогое, она продолжала созидать то, что ей было еще доступно, – любимые эмали...

Ее не стало весной 1928 года. С ней до конца была книжка из детства. Фома

Кемпийский «О подражании Христу». Глава 35-я: «Мужественно действуй и крепись мужественно; не отлагай упования, не отступай, но тело и душу полагай непрестанно за славу Божию. Я воздам преизобильно. Я с тобой во всякой скорби пребуду. Аминь». ❀

СЧАСТЛИВЧИК

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Считается, что мужчина должен за свою жизнь родить сына, посадить дерево и построить дом. Гарин-Михайловский успел больше: и детей у него было много, и посадил он целый сад, и основал город – да еще оставил несколько прекрасных книг. Впрочем, читали у него все разवे что хрестоматийную «Тему и Жучку», ну максимум – «Детство Темы».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

воспламеняла его сердце. Мальчик рос неугомонным и изобретательным на разные шалости. Детство его не было безоблачным: отец, боевой генерал Егор Михайловский, верно воевавший за веру, царя и отечество, не спускал сыну проказ и порол его; эти порки всегда стояли между ними, и душераздирающую сцену наказания Темы в автобиографическом «Детстве Темы» невозможно читать спокойно. Михайловский-младший уважал отца, любил, жалел, когда тот заболел, тосковал по нему, когда он умер, – но никогда не мог забыть этого ужаса своего детства.

Детство кончилось с поступлением в гимназию. Гимназия была хорошая – одесская Ришельевская, из стен которой вышло несколько замечательных людей, в том числе учившиеся позже Гарина-Михайловского художник Врубель и писатель Олеша. Спорный вопрос, благодаря или вопреки гимназическому образованию все они добились своих высот. Михайловский гимназию откровенно не любил и вспоминал как царство скуки, зубрежки, казенщины и унижения. Много страстных и горьких слов сказано в его автобиографической тетралогии, часть которой посвящена гимназии, о бессмысленности классического образования, оторванности его от жизни, о том, как калечит человека система, призванная воспитать лучшие качества.

Он был обычным гимназистом: зубрил, списывал, прогуливал. Убегал с товарищами на море. Благо кругом была Одесса с ее многонациональным говором, с ее простором, благословенным климатом, удивительно подходящим для выращивания

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский был человек чрезвычайно одаренный, наделенный от природы живым умом, остротой восприятия и кипучей энергией. Крестили его царь Николай I и мать революционерки Засулич – можно, пожалуй, сказать, что у колыбели его стояли фея возможностей и фея социальной справедливости. И возможности у него были – те, что дает дворянство и воспитание в хорошей семье, и тяга к справедливости с детства

авантюристов, моряков и литературных классиков. Пожалуй, Гарин-Михайловский, еще в детстве порывавшийся сбежать на лодке в Америку (что тоже нашло отражение в тетралогии), свои детские мечты исполнил и получил во взрослой жизни свою долю экзотики, приключений и авантюр – чего стоит

одна его поездка на Дальний Восток. Из нее он привез сборник поэтических корейских сказок, массу экономических наблюдений, идеи о том, какой полезный опыт стоит перенять и внедрить в России, – и мрачную убежденность в том, что война с Японией неизбежна и кончится поражением России. К слову сказать, он рассказывал о своих впечатлениях царю и царице, будучи специально приглашен ко двору, но был глубоко разочарован: не то и не о том спрашивал царь, не тем подобало интересоваться властелину огромной державы. Кажется, дай державу самому Гарину-Михайловскому в руки – и он бы уж быстро в ней все перевернул и наладил. Правда, его тяга чинить, налаживать и переворачивать проявилась далеко не сразу.

После гимназии он поехал в Петербург – думал пойти в инженеры путей сообщения, но убоился сложных экзаменов и поступил на юридический, откуда в конце первого курса вылетел, не сдав профильный экзамен. И все-таки пошел в Институт путей сообщения. Его продолжало мотать по жизни и вертеть как флюгер – сегодня решал одно, завтра другое; сегодня брался за учебу, завтра отправлялся кутить: он никогда не был аскетом, а деньги жгли ему руки и тратились быстрее, чем он успевал их получать. Он и потом, уже зарабатывая довольно много, так и не приобрел привычки к накопительству: деньги приходили и уходили, иногда по пустякам, а чаще – для помощи другим. Друзей угощал роскошными обедами и дорогими винами. Мог отдать кому-то все, что было в кошельке, – в «порыве сентиментальности», как он сам это называл. Рассказывали, что он приезжал в деревню с деньгами и спрашивал, кто тут нуждается. Уезжал уже без денег – все успевал раздать, когда просто так,

когда на полезное дело. Лучшим применением денег для него было – потратить их на что-нибудь прекрасное, удовлетворяющее его душу – и сибаритскую, барскую, и сострадательную одновременно.

Всякая несправедливость с детства мучила его страшно, не меньше, наверное, чем Некрасова, известного печальника горя народного. И так же изнывал он всю молодость от того, что не видел путей, не мог найти себе применения, не понимал, что делать ему в этой жизни и в этой стране, где все устроено не так, как надо. Отсюда и мрачный конец «Студентов», третьей части его тетралогии: я – Жучка, – думает Тема, – я попал в колодец и не могу оттуда выбраться.

Только после института, поступив на службу и начав строить железную дорогу в Молдавии, он понял, к чему предназначен. Кто читал «Инженеров», где речь идет о первом рабочем опыте Артемия Карташева, бывшего мальчика Темы, помнит, какая это счастливая книга, с каким радостным захлебом в ней повествуется о каких-то изысканиях, поиске песка, бревнах и тому подобных прозаических вещах. Под пером Гарина-Михайловского вся эта скучища превращается в поэзию. Молодой Корней Чуковский в бытность свою литературным критиком еще до революции заметил: героям русской литературы всегда скучно и тошно от их работы, они ее не любят, страдают от нее. Мучаются офицеры, изнывают учителя, пьют от безысходности врачи, теряют человеческий облик чиновники. В России нет представления о поэзии культурного труда, сокрушался Чуковский, – один только Гарин-Михайловский на общем унылом фоне отличается бодростью и счастлив от того, что делает свою работу, и пишет о ней заразительно. Профессор Федор Батюшков писал: «Инженеры» – какое-то упоение работой, заразительное и для совершенно постороннего данной отрасли деятельности читателя». Горький назвал его «веселым праведником» – человеком, щедро и весело отдающим себя работе и другим людям.

В инженерной работе герой Гарина-Михайловского находит едва ли не больше радости, чем в любви. И сам автор что в своем писательском, что в инженерском труде был таков: неуемный и страстный. Пройдя через всю систему мучительства в семье и в системе образования, которые, кажется, должны были отбить у человека всякое желание хоть что-то делать, он нашел наконец

ший путь. Кипучая фантазия оказалась совершенно кстати в его деле, требующем, казалось бы, исключительно трезвого расчета. Впрочем, трезвым расчетом он неизменно поверял свои мечты и идеи. На беды и неурядицы России Гарин-Михайловский смотрел совершенно иными глазами, чем русская литература, склонная к рефлексии, страданию и отчаянию.

У Гарина-Михайловского – взгляд хозяйственника. Все беды

и неурядицы для него – повод все исправить, сделать лучше, починить. Он, может быть, потому и к большевикам прибил, что одни они обещали стремительные, под стать его характеру, перемены, да еще на прочном экономическом фундаменте.

Он так спешил, что воздух вокруг него будто закручивался вихрями. И других втягивал в свою орбиту, увлекал обаянием, красноречием и напором – и люди торопились куда-то с ним ехать, что-то вместе делать... Современники запомнили его уже седым, но с юношеским горячим взглядом, с детской способностью увлекаться. Он и умер почти на бегу – горячо обсуждая перспективы издания журнала. Прихватило сердце – он вышел из комнаты, прилег на диван – и умер. Рассказывают, что крестьяне его незадачливого имения вспоминали его добрым словом и после революции предлагали его вдове передать все доходы от посаженного им фруктового сада. Он сам шпынял себя, что ничего толкового не сделал, жизнь проходит, «езжу туда-сюда, как кучер дьявола, а что я сделал?». А оставил после себя больше, чем, кажется, можно успеть за короткую человеческую жизнь. Километры железных дорог. Дорогу между Симферополем и Ялтой – он мечтал доработать ее до конца, но не дожил. Вместо железной дороги по его проекту через сложный крымский рельеф проложили знаменитую троллейбусную трассу. Сад, город – и несколько томов прекрасных книг, проникнутых радостью жизни и труда. Отличный способ выживания во всякие времена: просто делай свое дело, будь профессионалом. Работа, особенно работа созидательная, один из лучших источников смыслов в бессмысленные времена.

– Счастливейшая страна Россия! – говорил он Горькому. – Сколько интересной работы в ней, сколько волшебных возможностей, сложнейших задач! Никогда никому не завидовал, но завидую людям будущего, тем, кто будет жить лет через тридцать, срок после нас.

Счастливейшая у нас страна, стоит об этом помнить. 📖

свою нишу: работу. Он, по сути, и был человеком работы, не умел ничего другого – работал и работал. В перерывах между инженерской работой занимался писательской: писал в повозках, в вагонах поездов, на оборотах каких-то казенных бумаг и чуть ли не поездных билетов, поправки в редакции слал по телеграфу, самому быстрому тогда средству связи. Торопился, словно знал, что проживет недолго, словно боялся не успеть.

После железной дороги в Молдавии строил дорогу в Батуме. Ему, однако, не терпелось самому попробовать себя в хозяйстве. Уволившись с железной дороги через несколько лет работы, он купил имение в Самарской губернии и решил, что в нем будет все так, как надо. Привез прекрасные сельскохозяйственные машины, племенных лошадей, завел хозяйство по новому образцу и стал железной рукой загонять крестьян в счастливое будущее. Крестьяне упирались, машины ржавели под снегом, лошади тощали и дохли – и кончилась вся эта несостоявшаяся экономическая идиллия тем, что крестьяне сожгли все хозяйство, разорив Гарина-Михайловского дотла. Он не страховал имущество, чтобы никого не оскорбить подозрениями, и спустил на свои хозяйственные начинания не только свои средства, но и богатое приданое жены, которое, впрочем, она сама была рада отдать в руки мужа, на его благие начинания. В своей книге «Несколько лет в деревне» он рассказал и о начинаниях, и об их печальном конце, а в продолжении книги, «В сутолоке провинциальной жизни», сам калялся, что «нагло нарушал» все законы крестьянской жизни, что гнал их к счастью, попирая их человеческие права, что был «деспотом, крепостником, помпадуром!».

Апофеозом его несчастного хозяйствования была история с маком, которую по-разному рассказывали в своих воспоминаниях Горький и поэт Скиталец. Гарин-Михайловский засеял маком огромные площади (сорок десятин – по Горькому, тысяча – по Скитальцу) в надежде на хорошую прибыль. Надежды не оправдались, хозяин прогорел – но всякий раз, рассказывая об этом, он восхищенно восклицал: но видели бы вы, как весь этот мак зацвел!

После неудачи с хозяйством он снова поступил на службу и занялся строительством железных дорог – на этот раз отправился прокладывать Транссиб. Стремился экономить каждую копейку, искал самые эффективные решения, подходил к делу творчески – это и был его способ выживания, способ справиться со страшной действительностью. Он нашел то место, где дешевле и проще строить мост через Обь; вокруг моста вырос Новониколаевск, нынешний Новосибирск. Рассказывали, что однажды, не зная, с какой стороны лучше обойти холм, он следил за полетом птиц: их маршрут подсказал ему кратчай-

РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ

МИХАИЛ БЫКОВ

8 февраля 1837 года на дуэли смертельно ранен Пушкин. На следующий день корнет лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта». Александр Сергеевич скончался днем позже... Как стихи попали к гвардейскому улану Владимиру Глинке – один Бог ведает, но в тот же день, 10 февраля, он дал списать их издателю Бурнашеву в кондитерской Вольфа у Полицейского моста. Вскоре строки, словно электрическая искра, пробежали по всему Петербургу.

С.А. Раевский
(1808–1876)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Они обернулись ответом Лермонтова в 16 строк. «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...». Поэт написал их в пятнадцать минут, на одном дыхании. На этот раз «надменные потомки, жадною толпой стоящие у трона» отреагировали совершенно иначе. Лермонтова поместили в гауптвахту, и началось следствие. Суд свершили быстро, в неделю. В начале марта гвардейский корнет отправился служить на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк тем же чином.

Что тут нового? Собственно, ничего. Биография великого русского поэта известна. А уж начало 1837 года – особенно. Но был еще один человек, чья судьба изрядно переменилась вместе с судьбой Лермонтова именно в эти дни. Его звали Святослав (Святополк) Афанасьевич Раевский.

Подавляющее большинство людей, живших на земле, ничем не запомнились. Их удел – частное существование. Что вовсе не плохо и не хорошо. Что – совершенно нормально. Добрались бы мы до XXI века, будь каждый землянин Наполеоном, Пушкиным или Эйнштейном?

Другое дело, что в жизни почти каждого человека встречается случай. Тот самый, когда дается шанс из частного обывателя превратиться в социальную личность. Многие этот случай пропускают незамеченным, кое-кто сознательно сторонится, повинувшись рефлексу «как бы чего не вышло». Святослав Раевский свой шанс использовал.

Это он первым сделал списки с дополнительных и самых важных 16 лермонтовских строк и начал распространять их по Петербургу. К слову сказать, стихотворение «Смерть поэта» прожило в списках более двадцати лет, и впервые его опубликовали в 1858 году. Когда не было на свете уже ни Лермонтова, ни императора Николая Павловича. А вот Раевский еще жил. Как, впрочем, и Жорж Дантес, и Николай Мартынов...

Само стихотворение не вызвало неудовольствия властей и двора. Даже весьма равнодушный к поэзии младший брат императора Николая I, великий князь Михаил Павлович, почувствовал себя литературным критиком. «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина», – разразился он пророчеством.

Но случилось так, что спустя несколько дней на квартиру Лермонтова в доме Шаховских на Садовой улице зашел родственник корнета Николай Столыпин. Человек светский, но недалекий. Он позволил себе пожуричь Мишеля за поэтические нападки на Дантеса. Мог ли Столыпин предполагать, чем обернутся его банальные сентенции на сей счет?

скому искусству. Короче говоря, готовил себя к взрослой жизни основательно.

При таком разнообразии интересов логично предположить, что Раевский сразу после университета живо определился с карьерой. Ан нет!

Напечатали, разумеется, без последних 16 строчек.

Кем же он был, этот господин Распространитель?

Раевские – фамилия в России известная. Главный монумент Бородинского поля стоит там, где в 1812 году располагался центральный редут, получивший название в честь командовавшего его обороной генерала Николая Раевского. Помнят у нас и княгиню Марию Волконскую, урожденную графиню Раевскую, последовавшую за мужем-декабристом в Сибирь. Ту самую Марию Николаевну, что везла каторжникам пушкинское послание: «Во глубине сибирских руд...» Да и среди самих сосланных декабристов был Раевский – Владимир Федосеевич.

Святослав Раевский в прямом родстве с этими – знаменитыми – Раевскими не был. Оно и неудивительно. Род известен с XII века, когда некто Петр Дунин прибыл в 1124 году ко двору Володаря, князя Перемышля. Спустя четыреста лет на службу московскому государю выехал из Польши потомок Дунина Иван Степанович Раевский.

Родовое древо у рода оказалось ветвистым. К какой именно ветви этого древа принадлежит Святослав Афанасьевич – утверждать не берусь. Твердо известно, что родился он в семье дворянина Саратовской губернии Афанасия Гавриловича Раевского в 1808 году. Человека с образованием, лично знавшего самого Михаила Сперанского, реформатора времен Александра I. Видимо, некоторые предки Святослава крепко осели на средней Волге, раз его бабушка по материнской линии, урожденная Киреева, осталась сиротой во время пугачевского восстания. Ее приняли в доме Столыпиных в Пензе, где росла сверстница Елизавета, впоследствии – бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева. Семьи дружили поколениями, и неудивительно, что Елизавета Алексеевна стала крестной матерью Святославу Раевскому.

В отрочестве и юности тот бывал в поместье Арсеньевой, Тарханах, где по большей части рос и маленький Мишель Лермонтов. Однако в те годы разница в шесть лет возникновению дружбы не способствовала. Сам Раевский отмечал позже, что помнил Лермонтова 12-летним подростком.

К тому времени Святослав уже оканчивал обучение в Московском университете, куда поступил в 1823 году на словесное отделение. После курса Раевский там же еще год изучал право и физику с математикой. Кроме того, посещал лекции по иностранным языкам, нумизматике, геральдике, оратор-

ски три года, вплоть до лета 1831-го, Святослав занят неизвестно чем. Вероятно, не бедствовал, раз мог позволить себе не служить. И, скорее всего, пытался найти себя в московском мире литературы и искусства, куда ввел его однокурсник Краевский, спустя некоторое время ставший известным издателем в Петербурге.

При столь вольном образе жизни у Раевского наверняка находилось время заглядывать к крестной, переехавшей вместе с внуком в Первопрестольную из Тархан в 1827 году.

Свободная жизнь закончилась в 1831 году. Раевский перебрался в Петербург и поступил на службу в Министерство финансов в чине губернского секретаря. Постепенно рос в должностях и в 1834 году получил чин коллежского секретаря. Истинный сын вольнолюбивого Московского университета, учившийся в нем тогда, когда из студентов в солдаты отправили Полежаева, когда завели дело на студентов братьев Критских, поклонник Пушкина и Радищева Святослав служил столоначальником в департаменте... военных поселений. В эпицентре рутины и бюрократии николаевского времени.

В 1832 году в Петербург приехали Арсеньева с внуком. Мишель надумал поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Как и в Москве, в столице Раевский не мог не бывать у них в гостях. Бабушка, правда, вскорости уехала в Тарханы, но внук и крестник успели стать друзьями. Более того, в 1836 году, когда Лермонтов уже служил в царскосельских гусарах, Раевский принял предложение вернувшейся в Петербург Елизаветы Алексеевны и поселился у них в квартире на Садовой.

Эти годы, с 1832 по 1836-й, были годами крепкой дружбы Лермонтова и Раевского.

Так случилось, что именно Святослав стал проводником молодого поэта в дебрях литературного Петербурга. Дорога оказалась не самой длинной: Жуковский, Карамзин, Пушкин знали издателя Краевского, тот поддерживал отношения с бывшим сокурсником Раевским...

Друзья даже пробовали сочинять вместе. Некоторые исследователи творчества Лермонтова убеждены, что главы неоконченного романа «Княгиня Лиговская», посвященные чиновному Петербургу, написаны Раевским. Святослав принимал деятельное участие в попытках пробить для постановки драму «Маскарад». Похоже, он в успех верил больше, чем сам автор. По крайней мере, в письме Раевскому зимой 1836 года Лермонтов крайне скептически оценивал такую перспективу.

В 1837 году дружба продолжилась. До марта. Раевского арестовали через три дня после того, как определили в гауптвахту Лермонтова. В своих показаниях он старался как можно больше вины взять на себя. С делом Святослава Афанасьевича разобрались в два дня, он отсидел месяц под арестом и был выслан в Петрозаводск служить на усмотрение олонекского губернатора.

Лермонтов из первой ссылки вернулся быстро. Уже в апреле 1838 года он – вновь лейб-гусар. Раевский оставался в ссылке вплоть до конца года. Друзья встретились в Петербурге лишь в апреле 1839-го. Очевидцы вспоминали, что едва поэт прознал о возвращении Святослава, как тут же примчался к нему домой и бросился ему на шею с просьбами о прощении. И сразу после ареста, и теперь Лермонтов считал себя виноватым в том, что товарища наказали за его стихи.

В Петрозаводске Раевский не терял времени зря. И пусть Александр Тургенев писал кому-то: «Лермонтов послан на Кавказ.

Раевский, его приятель, – в какую-то губернию холодную», Святослав Афанасьевич в этой «холодной губернии» служил чиновником для особых поручений при гражданском губернаторе, что позволило ему активно действовать на ниве развития местных СМИ, как сказали бы сей-

час. Он способствовал появлению новой печати, писал сам, по большей части исследуя местный быт и фольклор, редактировал приложение к «Олонецким губернским ведомостям».

Не успел Раевский обжиться в Петербурге, как Лермонтов с помощью бабушкиных связей выхлопотал ему место в Ставрополе. Поэт был убежден, что на Кавказе Святослав сумеет отогреться от двух лет олонекской ссылки. Полтора года Раевского по делам службы носило из Ставрополя в Пятигорск, из Моздока в Кизляр... Осенью 1840 года чиновник для особых поручений попросил отставку и выехал с Кавказа. Любопытно, что летом в Ставрополе находился и Лермонтов. Но каких-либо следов о встречах с Раевским не сохранилось. Да и были ли они, эти встречи?

В июне 1838 года Лермонтов-кавказец написал Раевскому-олончанину странные строки: «Твое последнее письмо огорчило меня: ты сам знаешь почему; но я тебя от души прощаю, зная твои расстроенные нервы. Как мог ты думать, что я шутил твоим спокойствием или говорил такие вещи, чтобы отвязаться...»

Шла ли речь все о том же – попытке Лермонтова извиниться за историю с 16-ю строчками – или о какой другой обиде, непонятно. Странно и то, что сестра Раевского, вспоминая о встрече друзей в Петербурге в апреле 1839 года, в деталях описала слова, действия и вид Лермонтова. Но весьма скупой оценила реакцию брата. «Был тоже растроган до слез и успокаивал друга». И ничего не сказал?

После отставки Раевский прожил еще 36 лет. О подробностях его жизни в течение столь долгого времени известно немного. В 1844 году он поселился в собственном маленьком имении в Саратовской губернии. В 1847-м женился на Александре Сумароковой и переехал в имение жены Надеждино (Раевка). Жили, видать, дружно: за семь лет на свет появилось пятеро детей. В 1854 году попробовал было вернуться на службу в Пензе, но надолго не задержался.

По «лермонтовскому поводу» к нему обращались нечасто. Но когда обращались, Святослав Афанасьевич охотно делился воспоминаниями и бумагами с лермонтовскими автографами. Особенно много помог пензенскому учителю гимназии Хохрякову, первому собирателю материалов о жизни Лермонтова. Однако ж сам, профессионально владея словом, о Лермонтове ничего не написал. ❶

Памятник донскому казаку на реке Хопре у станицы Букановской, основанной в 1698 году

ВЛАДИМИР КОЛЕСНИКОВ

ОРДЕН БЕЛОГО ОЛЕНЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

16 августа 1904 года император Николай II прибыл в гости к донским казакам. На станции Персияновка принял парад казачьих частей, помолился у храма Николая Чудотворца, произнес прочувствованную речь в адрес казачьей дивизии, уходившей на русско-японскую войну, и офицеров-казаков, вызвавшихся добровольцами. Спустя десять дней государь подписал очень интересный указ – прямое следствие обретенных на Тихом Дону впечатлений.

О б указе – чуть позже. А пока немного – о самих донских казаках. Тема эта, несмотря на кажущееся обилие информации, сложная и даже рискованная. Например, до сих пор нет ясного понимания, кто такие донские казаки. Стоит заговорить о древних народах, оседлавших берега Танаиса и закрепивших за собой приазовские степи – об азах, гетах, касогах, берендеях, черных клобуках, – как тут же нарвешься на скепсис академических историков. Оттолкнешься от страниц классической истории, от Карамзина до Ключевского, где донские казаки – это

сообщество беглых крестьян и разбойников, сгруппировавшихся в Диком поле в XV–XVI веках, – на самом Дону с такой концепцией лучше не высываться. В станицах могут и... нагнать.

Даже само название «казаки» толкуют их как по-разному. Поэтому – несколько очевидных ключевых фактов, и вернемся к указу Его Величества.

То, что в волжско-донских степях в доордынское время кипела жизнь, очевидно. Но пришла Орда, и земли эти обезлюдели. Насколько – особый вопрос. В 1380 году на Куликовом поле в рядах войска Дмитрия Донского сражались и казаки. Среди других хоругвей русской рати

Сформировался к 1802 году и первый войсковой комплект: 80 пятисотенных полков, свыше тысячи строевых и штабных офицеров плюс лейб-гвардии Казачий полк и две конно-артиллерийские роты. В 1835 году Николай I ввел в действие первый казачий воинский устав. Казаки окончательно получили сословный статус с воинским уклоном.

Ворчали казаки? В массе – пожалуй, нет. Тоска по вольнице, по лихим атаманам осталась в песнях и сказах, а в повседневной жизни на протяжении всего XIX века и вплоть до 1917 года ценности прошлого компенсировались сословными преимуществами настоящего: экономическими льготами, государевым благорасположением, сохранением донской культуры, в том числе военной. После наполеоновских войн статус донского генерала был столь же высок, сколь и статус казачьего атамана. Войско Донское в России уважали. Лишнее тому доказательство – все без исключения императоры XIX–XX веков хотя бы раз приезжали на Дон.

УКАЗ ИМПЕРАТОРА

Благословив льготную донскую казачью дивизию на воинские подвиги в Маньчжурии, Николай II распорядился всем казачьим полкам первой очереди присвоить именное шефство.

Современному человеку осознать значение такого указа весьма затруднительно. Но сто лет назад не всё в стране мерили размером годового бонуса и величиной процента по кредиту. В армии – особенно. Это сейчас при переформировании орденоносной дивизии в безликую номерную бригаду ее солдатам нередко глубоко все равно, что там теперь написано на знамени. Русская армия времен империи была одной из лучших в мире, в том числе и потому, что наряду с профессиональной подготовкой весь личный состав воспитывался в вековой традиции. Уважение к наградам – будь то личные знаки отличия, наградные знамена, серебряные георгиевские трубы, надписи-знаки на головных уборах, элементы парадной формы – впитывалось солдатами с первых дней службы. А офицерами – с кадетских классов. Такая форма поощрения, как полковое шефство, ценилась чрезвычайно высоко. Особенно если носитель имени, дарованного полку или батарее, имел в свое время непосредственное отношение к этой воинской части. Благодаря указу от 1904 года слава донских атаманов и генералов прогремела по всей

была и хоругвь с иконой Донской Богоматери, привезенной казаками с Дона.

Возрождение донского казачества пришлось на XV век. Известно, что отряды донцов участвовали во взятии Астрахани и Казани вместе с армией Ивана Грозного, а в 1570 году царь отправил на Дон грамоту, согласно которой казакам в вечное пользование отдавались и так ими уже обжитые и обживаемые земли. Вплоть от начала XVIII века донское казачество было независимым. В этот период казаков нельзя назвать подданными русского царя в полном смысле слова. Казачество выступало, скорее, как союзник московского трона. И, что особенно важно, этот союз зиждился не только и не столько на политической выгоде, сколько на единстве веры и общности целей.

Да, при царе Алексее Михайловиче донская вольница присягнула русскому трону. Поспособствовали тому и события, связанные с именем Степана Разина. Но управлять Доном продолжало казачье вече – круг, исполнительная власть сохранялась за избранными на кругу атаманами. Этимология слова, кстати, тоже не выяснена окончательно. Донцы не согласны с тем, что в основе лежит немецко-польское понятие «гетман». Их трактовка: у слова восточное происхождение, и переводится «атаман» как «старший, главный мужчина».

ДОНСКОЕ СОСЛОВИЕ

Ситуация радикально изменилась при Петре I. Очередной всполох на Дону привел к восстанию Кондратия Булавина. А поражение булавинцев – к указу царя от 1708 года, отменившему казачьи вольности, прописанные в жалованной грамоте Ивана IV. На гербе Дона вместо пронзенного стрелой белого оленя, символизировавшего независимость, появился казак с саблей и ружьем, сидящий на бочке. Легенда гласит, что голый по пояс казак на винной бочке – выдумка царя Петра, эдакая иллюстрация казачьих нравов. На самом деле бочка-то – с порохом! Казаки, конечно, могли выпить-закусить, вернувшись из удачного набега или после воинского успеха. Но любой казачонок на Дону знает, что в походе донцы блюли сухой закон.

Медленно, но верно весь XVIII век продолжалось втягивание войска Донского в государственную систему Российской империи. И пусть обошлось без крепостного права на донских землях, но появилось казачье дворянское сословие, войскового атамана выбирать прекратили, а его назначением занимались в Петербурге. Есть статистика времен Александра I: донское казачье сословие насчитывало 320 тысяч человек обоего пола, из них 40 тысяч казаков несли воинскую службу.

России. Имена лучших из лучших перестали быть достоянием только казачьего сословия, они стали общеизвестны.

А что представляло собой к этому времени войско Донское в военном отношении? Далеко ли ушло от казачьих ватаг, совершавших набеги на крымцев, турок или ногайцев во времена атамана Сары-Азмана, построившего четыре городка на Дону в 1549 году, и атамана Михаила Черкашенина, получившего жалованную грамоту от Ивана Грозного?

После восшествия на престол Николая II область войска Донского состояла из 7 военных округов. В них набирались казаки для службы в двух гвардейских полках – Казачьем и Атаманском, лейб-гвардии Донской конной батарее, 17 конных полках, 6 отдельных конных сотнях, 7 конно-артиллерийских батареях и 24 вспомогательных частях. Внушительная сила! Вот эти самые 17 конных полков, находившихся на строевой службе в мирное время, и назывались первоочередными. К слову, в случае войны формировались полки второй и третьей очереди, и по мобилизационному расписанию их количество доводилось до 52.

ПЕРВАЯ ОЧЕРЕДЬ

Разумеется, прославленных имен на Дону хватило бы на все без исключения полки. И даже – на отдельные сотни. Но именное шефство по замыслу государя должно было подчеркнуть значимость тех частей, что несли службу в первых рядах. Лейб-гвардии Казачий и лейб-гвардии Атаманский полки, а также гвардейская Донская конно-артиллерийская батарея в таком поощрении уже не нуждались. Все гвардейские части империи имели шефство в лице представителей императорской фамилии. Лейб-казаки носили царский вензель, а атаманцы и конноартиллеристы – имя наследника престола.

В полках первой очереди награды распределялись так. 2-й Донской казачий полк, стоявший в польском Августове и белорусском Гродно, получил в шефы генерала Сысоева. 3-й полк (Вильно) – атамана Ермака Тимофеева. 4-й полк (Щучин) – атамана Платова. 5-й полк (Саратов) – атамана Власова. 6-й полк (Прасныш) – генерала Краснощекова. 7-й полк (Николаев) – атамана Денисова. 8-й полк (Одесса) – генерала Иловайского. 9-й полк (Красник и Люблин) – генерала Орлова-Денисова. 10-й полк (Замостье) – генерала Луковкина. 11-й полк (Владимир) – генерала графа Денисова. 14-й полк (Бендин) – атамана Ефремова. 15-й полк (Томашов) – ге-

нерала Краснова. 1-го. 16-й полк (Могилев) – генерала Грекова. 8-го. 17-й полк (Новая Ушица) – генерала Бакланова.

Донские казачьи полки 1-й, 12-й и 13-й обижены не были. Им достались славные имена – генералиссимуса Суворова, светлейшего князя Потемкина-Таврического и светлейшего князя Кутузова-Голенищева. Куда уж круче! Но все трое казаками не были. Поэтому дальнейший рассказ – не о них.

СЕМЬ ИМЕН ЕРМАКА

При всей известности атамана Ермака точных биографических данных о нем нет. По одним источникам он – природный донской или волжский казак. По другим – выходец из Центральной России. И будто бы дед его по фамилии Аленин был суздальским посадским человеком, позже занимался извозом во Владимире, и сам он родился на Северной Двине в местечке Борок. Дата рождения тоже условна: где-то между 1537 и 1540 годами.

Атаман Ермак, коего величали еще Германом, Ермилом, Ермолаем, Василием, Тимофеем и Еремеем, вошел в историю как покоритель земли Сибирской. Но изгнание сибирского хана Кучума из его столицы города Искер (Кашлык) на Иртыше в 1582 году, гибель атамана на реке Вагай в 1585-м – это славные, но не единственные страницы его боевой биографии. Летописи сообщают, что Ермак уже в 60-е годы XVI века имел серьезный боевой опыт. Сражался в Ливонской войне, замечен в войсках воеводы Михаила Воротынского в битвах с крымско-татарским ханом Девлет-Гиреем. В том числе и в сражении при Молодях, когда крымчакам в крупной, но несправедливо забытой ныне битве был нанесен смертельный удар. Откуда взялся казак Ермак Тимофеевич Аленин в русских войсках, ежели в довольно молодом возрасте пошел в наем к уральским промышленникам Строгановым и занимался делом вдали от европейских театров военных действий? Но сохранились документы, свидетельствующие о том, что Строгановы отправили в помощь царю на Ливонскую войну отряд в полторы тысячи воинов. Так или иначе, но в битве 1581 года под Могилевом «сторожевым полком командовал Ермак Тимофеевич, атаман казацкий».

3-й Донской казачий полк, носивший имя Ермака Тимофеева, – наследник казачьего Ханжонкова полка, сформированного в 1804 году. Воевал против французов в наполеоновских войнах начиная с 1805 года. За Шенграбенское сражение в составе арьергардного отряда генерала Баграциона, случившееся в ноябре 1805 года, получил Георгиевское знамя. С 1872 года полк стал первоочередным и вплоть до роспуска в 1918 году оставался строевой частью. Самым известным казаком, когда-либо служившим в полку, стал урядник Козьма Крючков. В августе 1914 года он первым из участников Первой мировой войны был награжден знаком отличия Георгиевского креста.

забывал. После пожара в донской столице Новочеркасске на свой страх и риск принял решение о строительстве каменной крепости вокруг города. Крепость не сохранилась, но живет праведной жизнью Старочеркасский Ефремовский Свято-Донской мужской монастырь, восстановленный в конце XX века на основе Ефремовской женской обители, открытой в начале XIX века на месте пожертвованного подворья атаманов Ефремовых в 1750 году.

В 2004 году при расчистке территории вокруг Преображенского храма в станице Старочеркасской (бывшая донская столица Черкасск) была обнаружена белая мраморная плита. Надпись на ней сообщала, что под ней «почивает благородный и почтенный господин донской войсковой атаман Даниил Ефремов...». Под плитой нашли кирпичную кладку склепа. Считалось, что место захоронения Ефремова после 1917 года утрачено. Ан нет!

14-й Донской казачий полк перед Первой мировой войной стоял в Петроковской губернии. Это – Восточная Польша. Но в XIX веке вся его боевая жизнь прошла на Кавказе. Георгиевское знамя полк, наследник основанного в середине 1820-х годов донского казачьего Леонова полка, получил за Персидскую войну 1826–1828 годов. То есть в первую же кампанию. Далее казаки 14-го сражались против турок и горцев Шамиля.

СЫН АКСАКА В БЕРЛИНЕ

Иван Матвеев по прозвищу Аксак (хромой. – **Прим. авт.**) отметился еще в Северную войну, в 1722 году царь Петр назначил его походным атаманом во время Персидского похода. Среди донцов этот человек редкой храбрости был известен под другой кличкой – Краснощеков. Вскоре кличка превратилась в фамилию. Бригадир Матвеев-Краснощеков погиб в 1742 году во время очередной русско-шведской войны в болотах где-то между Гельсингфорсом и Або. Будучи раненным, на понесшей лошади оказался на острове среди трясины, отстреливался, пока не убили. Шведы поступили достойно и вернули тело бригадира Краснощекова в русский лагерь. И уже оттуда на берега родного Дона его вез сын Федор Иванович. Сказывали, что тело обложили травами и медом, потому и довели до Преображенского собора в Черкасске.

ЕФРЕМОВСКАЯ ДОБРОТА

Род Ефремовых на Дону помнят до сих пор. И чтят. За фирменную «ефремовскую» доброту, как писал один из исследователей истории донского казачества, Карасев. Что именно составляет суть этого понятия, сказать трудно. Можно лишь догадываться. Скорее всего, дело в том, что отец Данила и сын Степан Ефремовы правили Доном с 1738 по 1772 год. И, несмотря на то, что в Великой России эти годы славны двумя дворцовыми переворотами и прочими могучими интригами, войско Донское под рукой Ефремовых чувствовало себя вполне защищенным. Ефремов-младший пострадал от императрицы Екатерины Великой: арест, следствие, суд в Петербурге, ссылка в Пернов... Но вот что любопытно. Стоило специальной драгунской команде по указу царицы арестовать войскового атамана Степана Ефремова в его поместье «Зеленый двор», как спустя год вспыхнуло на Дону имя Емельяна Пугачева.

Отцу, войсковому атаману Даниле Ефремову, в отношениях с государынями повезло больше. Довольно сказать, что он стал первым на Дону человеком, которому пожаловали чины, ранее тут неведомые: генерал-майора и тайного советника. Более того, Данила Ефремов, донской казак всего лишь во втором поколении, стал первым войсковым атаманом, назначенным из Петербурга. До него атаманы выбирались кругом.

Впрочем, и задел тому был сделан еще при Петре Великом. В 1706 году в битве при Калише во время Северной войны Ефремов со своими казаками четыре часа сдерживал атаки регулярных шведских сил военачальника Реншильда и был замечен.

Благодарное расположение двора, как Анны Иоанновны, так и Елизаветы Петровны, Ефремов-старший получил за заслуги на дипломатическом (!) и военном поприще. Еще будучи войсковым старшиной, он получал весьма интимные в политическом смысле задания из Петербурга. Там пытались – и безуспешно – использовать личные связи Ефремова с сильным калмыцким ханом. Венцом карьеры Данилы Ефремова стал поход на Семилетнюю войну во главе казачьего корпуса в 16 тысяч всадников. Между прочим, среди этих 16 тысяч боевого опыта набирался и рядовой казак Емельян Пугачев. К тому времени Ефремов-старший уже уступил атаманский пернач сыну Степану. В 1753 году он обратился к Елизавете Петровне с просьбой об отставке.

В быту войсковой атаман отличался сибаритством, Дону ранее совершенно несвойственным. Сказались, видать, частые поездки в столицу. Но и про казаков Ефремов не

Сам Федор – уже Краснощеков, без всяких Матвеевых – родился в 1710 году. Отец брал его в военные походы с малолетства. Неслучайно, что к началу Семилетней войны Федор Иванович был назначен походным атаманом. В отличие от пожилого и избалованного уютом куратора казачьих сил Данилы Ефремова Краснощеков оказался под огнем с первых дней. Бился во всех крупных сражениях той войны – под Кенигсбергом, Гросс-Егерсдорфом и Цорнсдорфом, при осаде крепости Кюстрин. И всюду – успешно. Дошло до того, что в Европе появилась печатная реакция на русского казака-командира. Некоторые особо напуганные публицисты сравнивали Краснощекова не с кем-нибудь, а с самим прусским королем Фридрихом. А воинскую удачу бригадира объясняли колдовством.

Но истинное веселье поджидало казака в 1760 году. В составе корпуса Чернышева он вместе со своими станичниками вошел в Берлин. Именно казаки, славившиеся особой шустростью на чужой территории, взяли в плен... парадный мундир, перчатки и белье Фридриха Великого. Эти трофеи до сих пор хранятся в Музее артиллерии в Петербурге. Командующий корпусом генерал-поручик Чернышев рапортовал по этому поводу так: «По всем известиям, кои я получил, весьма отлично в храбрости себя оказали: бригадир Краснощеков...»

На Дону откликнулись более творчески. Сложили песню: «Он лицом-то смугловат, волосами кудреват. Глаза точно сокола, как вот этого орла...»

В 1763 году походный атаман Краснощеков получил регулярный чин генерал-майора.

6-й Донской казачий полк сформировался из донского казачьего Иловайского 11-го полка в начале XIX века. Особо отличился в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах 1813–1814 годов. За что и был награжден Георгиевским знаменем. Во время Первой мировой полком некоторое время командовал легендарный кавалерийский генерал Константин Мамантов.

ПЕРВЫЙ ГРАФ

Дворянство на Дону организовал император Павел I в 1798 году. Но где дворянство, там и титулы. Уже в 1799 году генерал от кавалерии Федор Денисов первым из донских казаков получил титул графа. Но этого мало. По количеству боевых наград, в том числе и степеням ордена Святого Георгия, сравнить-

ся с Денисовым может только атаман Матвей Платов. В любом случае, Денисов стал первым казаком, награжденным орденом Святого Георгия 4-й, 3-й и 2-й степени. Награды сыпались на Федора Петровича не случайно.

Будущий георгиевский кавалер родился в станице Пятиизбянской в 1738 году. Станица в военно-историческом значении уникальна – родина шести донских генералов. Но памятники ставить негде: Пятиизбянская попала в зону затопления при создании Цимлянского водохранилища.

Как и большинство казаков XVIII века, опыт службы Денисов приобрел задолго до 20-летия. Но в серьезном бою впервые оказался в 1770 году. Битва при Ларге сразу сделала из казака легенду. Верхом он вклинился в ряды турок и изрубил семерых. О подвиге есаула донесли фельдмаршалу Румянцеву, гениальному полководцу, не хуже Суворова умевшему видеть в молодых офицерах генеральские задатки. Румянцев поручал Денисову особо сложные задания, тот блестяще с ними справлялся, фельдмаршал его награждал. В итоге Русско-турецкую войну 1768–1774 годов Федор Петрович закончил полковником, кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени, оставшись в памяти турок ужасным «Денис-пашой». Личная смелость Денисова была запредельной. Ему ничего не стоило во время польского восстания Костюшко в 1794 году в одиночку явиться в штаб повстанцев и арестовать их главнокомандующего Вавржецкого. Количество пулевых ранений, полученных генералом в разных войнах, превосходит число его орденов, коих семь, не считая двукратного награждения Золотым оружием «За храбрость».

Таким же беззаветным граф Денисов был и при дворе. За короткое время царствования Павла I генерал дважды попадал в опалу. И в обоих случаях по причине исключительной самостоятельности взглядов. Однако под конец жизни сбылась и последняя мечта кавалера. Он не оставил наследников, и графский титул вместе с фамилией был передан сыну его сестры Дарьи Петровны, Василию Орлову. Так на Дону появился знаменитый род Орловых-Денисовых.

Граф ушел из жизни в 1803 году и сразиться с маршалами Наполеона не успел. За него это более чем успешно сделал граф Василий Орлов-Денисов.

11-й Донской казачий Харитонов полк сформирован в 1835 году. Принимал участие в покорении Кавказа, Крымской, последней русско-турецкой и Первой мировой войнах. Награжден Георгиевским знаменем за «отличие в сражении против турок в 1854 году» и знаками отличия на головные уборы «за Русско-турецкую войну 1877 и 1878 годов».

ОРДИНАРЕЦ СУВОРОВА

Может статься, что генерал-майор Иван Краснов 1-й был последним казачьим начальником, кого уже в XIX веке не оставляла тяга к былой вольнице. Во время Отечественной войны 1812 года в армии немало говорили о том, что казак Краснов назвал русских людьми, чуждыми донцам. Хотя на самом деле контекст был заметно искажен. Сохранился по этому поводу даже комментарий знаменитого генерала Ермолова, вынужденного разбираться в инциденте. «С какого времени почитает он (Краснов) донское войско союзным, а не подданным российского императора?» – интересовался будущий покоритель Кавказа у генерала Платова.

Возможно, после войны Краснову эту историю припомнили бы и попытались бы выяснить, что же имел в виду Иван Кузьмич. Но... Генерал Краснов стал единственным донским генералом, убитым в ходе кампании 1812 года.

В 1803 году Краснов был назначен атаманом Бугского казачьего войска. И такое существовало в империи несколько лет. Так бы и правил себе, но пришел Наполеон. И Краснов запросился в действующую армию. «Дайте возможность умереть на войне», – писал он Платову. И такую возможность ему дали. Краснова поставили командовать отрядом из 9 казачьих полков в армии Багратиона. Он здорово сражался все лето, но в конце августа в бою у Колоцкого монастыря французское ядро оторвало ему ногу. Сделали ампутацию, но жизнь не спасли. Краснов умер спустя несколько часов со словами «Отражая врагов! А я умру радостно, услыша, что враг побежден».

Было генерал-майору Ивану Краснову к этому времени уже 60 лет. Старик! Но какой!

Он родился в 1752 году в станице Букановской. В службу вступил 21 года. Во время очередной русско-турецкой войны в чине сотника был ординарцем у Суворова. В бою под Кинбурном отличился всерьез: будучи послан Александром Васильевичем в один из батальонов с приказом тому идти в атаку, увидел, что в батальоне не осталось офицеров. Кто тяжело ранен, кто убит. «Суворов приказал ударить в штыки!» – крикнул Краснов и повел батальон в штыковую сам. Пулевое ранение в ногу не помешало ему довести дело до конца.

Позже Краснов отличился при Бендерах, взятии Измаила, в польскую кампанию, когда был ранен в ногу вторично. Получил золотую медаль с портретом императрицы на георгиевской ленте, чин генерал-майора.

В последнем бою ядро оторвало ему ту ногу, в которую попадали пули в 1785-м и в 1792-м. Планида...

15-й Донской казачий полк возник из донского казачьего Карпова полка, сформированного в начале XIX века. Воевал на Кавказе, против персов и турок, награжден Георгиевским знаменем «за отличие в Персидскую и Турецкую войны в 1828–1829 годах», знаками на шапки «за отличие в Турецкую войну 1877–1879 годов». К началу Первой мировой войны в полку служили такие впоследствии известные люди, как полный георгиевский кавалер и Герой Советского Союза Константин Недорубов и генерал-лейтенант армии Деникина, командир Донского конного корпуса Александр Секретев, вернувшийся в советскую Россию из эмиграции в 1922 году и расстрелянный НКВД в 1930-м.

СКАЗ О ПРАВШЕ

В художественной литературе образ Матвея Платова раскрыть попытались единственный раз – сделал это Николай Лесков в повести-сказке «Левша». Грубоватый, малообразованный казак-рубака, верой и правдой служивший царю-батюшке, – вот, пожалуй, и весь образ.

В массовом сознании атаман Платов – это прежде всего герой Отечественной войны 1812 года. Бородинское сражение, рейд русской конницы в обход левого фланга французов, паника в свите Наполеона. И, как следствие, приказ Бонапарта остановить двинувшуюся в наступление Молодую гвардию, силами которой предполагалось кардинально изменить ход сражения в пользу Великой армии. И обход был, и смятение, и приказ. Но вот что интересно: среди многих награжденных за Бородино генералов фамилии Платова не оказалось. Рейд легкой кавалерии графа Уварова и казаков Платова позже многие специалисты характеризовали как авантюрный и на ход сражения не повлиявший. Есть предположения, что фельдмаршал Кутузов осерчал на Платова с Уваровым, поскольку ждал от их маневра

большой пользы. Потому и не включил их в наградные листы. Дальше – больше! Возникла версия, что Матвей Иванович, прибывший на Бородинское поле в канун сражения, в бою не участвовал, поскольку с вечера... запил! Но за неделю до Бородинского боя генералу от кавалерии Матвею Платову исполнился 61 год. Многовато для ребячества, верно?

Платов родился в 1751 году в Черкасске, старой донской столице. Отец, войсковой старшина Иван Федорович, хотел одного – дать Матвею истинное военно-казачье воспитание. В чем преуспел.

А что до грамоты и счета, читать и цифры соединять казачонка научили, и ладно. Так сообщает большинство источников. После взятия Парижа в 1814 году Платов в свите императора Александра объездил всю Европу, в частности Британию. Там ему среди прочего пожаловали звание доктора права Оксфордского университета. И право атамана на мантию доктора права никто оспорить не посмел.

В армии Платов оказался в 13 лет, начал службу писарем. Что выглядит странно, если принять во внимание приписываемую Матвею Ивановичу малограмотность. В 1771 году, 19 лет от роду, Платов в чине есаула уже командовал казачьим полком. Вместе с ним и отличился в Румянцевской (Русско-турецкой 1768–1774 годов) войне. Еще тогда его заметил Суворов. Непосредственно под началом Суворова Платов воевал в следующей войне против турок. Брал Очаков, за что получил орден Святого Георгия 4-го класса, вел на штурм Измаила 5-тысячную колонну и прорвался через неприступные стены. В этом бою погиб его брат, другой был тяжело ранен. Платов вышел из сражения кавалером ордена Святого Георгия 3-го класса и генерал-майором.

В 1796 году, едва взойдя на престол, император Павел I решил вернуть войско из похода в Персию. Возвратиться из трудного похода русскому корпусу удалось во многом благодаря военному опыту Платова. Командовавший экспедицией граф Валериан Зубов полководцем, мягко говоря, не был. Зато числился в фаворитах почившей государыни Екатерины Великой. Окончательные итоги Персидского похода выявились не на Каспии, а в Петербурге. Павел разобрался с фаворитом, а заодно – и с его военачальниками. Платов попал в опалу. Отправили его в раваелин Петропавловской крепости. После заключения сослали в Кострому, оттуда снова уехали в Петропавловку. Казалось бы, так и закончилась жизнь в Алексеевском равелине, но в конце 1800 года Павел вдруг сменил гнев на милость. С Платова сняли обвинения в подготовке восстания на Дону и назначили походным атаманом казачьего корпуса, отправлявшегося на сей раз в... Индию. В истории этот поход носит название Оренбургского. Вероятно, потому, что закончился он именно в оренбургских степях. Здесь застала Платова с товарищами весть о гибели Павла I. Казаков отозвали, а Матвея Ивановича пригласили в Петербург, где Александр I поздравил

его с чином генерал-лейтенанта и должностью наказного атамана войска Донского.

Орден Георгия 2-го класса Платов получил в 1807 году. В целом военную кампанию этого года удачной для русских не назовешь. Тем дороже награда, на которые в то время царь был весьма скуп. В войну 1812 года, в Заграничных походах 1813–1814-го донские казаки превратились в легенду. В конце 1812 года заслуги Платова были отмечены графским титулом. По представлению фельдмаршала Кутузова, между прочим.

После сорока с лишним лет службы в действующей армии Платов вернулся на Дон и занялся внутренними делами Войска. Построил новую столицу – Новочеркасск. Он и сейчас там – в бронзе. Умер атаман в 1818 году, а памятник в Новочеркасске поставили в 1853-м. Спустя семьдесят лет бронзовый атаман исчез, а на его постамент забрался металлический Ленин. Но в 1993 году Платов вернулся на законное место.

4-й Донской казачий атамана Платова полк возник из сформированного перед началом Отечественной войны 1812 года казачьего полковника Жирова полка. Сражался против турок в Крымскую войну, отметился в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, бился на фронтах Первой мировой. В 1869 году полку пожаловано Георгиевское знамя за отличия в Отечественной войне 1812 года.

И С СУВОРОВЫМ, И С КУТУЗОВЫМ

Во второй половине XVIII и в начале XIX века Россия воевала очень часто. Как пошло с Семилетней войны против прусского короля Фридриха, так и продолжилось: турки, поляки, персы, французы, шведы... Были войны масштабные, но хватало и скоротечных кампаний, когда победа решалась в стремительных сражениях и молниеносных маневрах. В войне такого рода казаки были незаменимы. И казачьи офицеры имели шансы отличиться. Потому, наверное, это время дало русской армии целую плеяду военачальников-донцов, до последнего слова разделявших заветы великого Суворова.

Одним из таких был генерал-майор Гавриил Луковкин. К моменту его рождения на Дону уже сформировалась военная элита. Гавриил вышел из «генерал-майорских детей войска Донского». Родился в 1768 году. В 15 лет впервые увидел Суворова, во время очередного Закубанского похода. Спустя еще семь лет там же, в кубанских степях, впервые отличился всерьез. Луковкин, как и многие его товарищи, рано получил в командование полк – в 22 года. Едва приступив к охранной службе в предгорьях Кавказа, юный командир столкнулся с именитым турецким

В конце царствования Павла I Денисов вместе с Платовым возглавил 23-тысячный корпус донцов, посланный воевать у англичан Индию. Его выдержка и смекалка спасли многих казаков на обратном пути из оренбургских степей: в ледоход пришлось форсировать Волгу.

Видимо, тогда между Платовым и Денисовым возникла неприязнь. Несмотря на карьерные перепады, Матвей Иванович при

дворе чувствовал себя в своей тарелке. Прямой и упрямый Андриан Карпович в светской борьбе был не силен. В результате во время Отечественной войны 1812 года был удален из армии в тыл для формирования резерва на Дону. С этой задачей Денисов справился блестяще, подготовив для армии 26 казачьих полков. В 1813 году получил чин генерал-лейтенанта. А после смерти Платова в 1818 году стал Донским войсковым атаманом. Тут-то и сказались отсутствие дипломатических навыков. Задумал Карпыч реорганизацию войска Донского. Но местная элита усмотрела в этом опасность потери привилегий. Нашла союзника в Петербурге – графа Чернышева, пользовавшегося дружбой императора Александра I. В 1821 году Денисова из атаманов убрали, имущество описали и отдали под суд. Разбирательство длилось двадцать лет! Но доказать хоть что-то из приписываемых Карпычу нарушений так и не удалось.

командующим Батал-пашой. В бою у Малого Зеленчука казаки опрокинули превосходящие силы противника, захватили все его знамена и орудия, взяли в плен и самого сераскира Батал-пашу. В память о той схватке возникшая по соседству станица получила название Баталпашинской.

В 1799 году Луковкин, будучи одним из первых и крупных донских помещиков, оставил службу по семейным обстоятельствам. Хозяйство после смерти отца требовало крепкой руки. Но в 1808 году вернулся в армию – на очередную турецкую войну. Там отличился в сражении у Шумлы, стал георгиевским кавалером. И вскоре познакомился с командующим Молдавской армией Кутузовым. В 1811 году Луковкин поставил своеобразный рекорд: всего за один час взял сильную турецкую крепость Силистрию на Дунае. Да еще – ночью!

В ходе кампаний 1812–1814 годов сражался много и рьяно. В особом ряду – участие в Битве народов под Лейпцигом. Отряд новоиспеченного генерал-майора взял в плен более 2 тысяч французских пехотинцев. После взятия Парижа георгиевский кавалер 3-й и 4-й степени вернулся на Дон, где продолжал служить до 68-летнего возраста.

10-й Донской казачий генерала Луковкина полк – наследник традиций казачьего Мельникова полка, сформированного в 1806 году. Воевал в Русско-турецких войнах 1806–1812 и 1877–1878 годов, в Крымскую, Польскую и Первую мировую. Имел Георгиевские знамена за отличия в Отечественную войну 1812 года.

ПРОСТО КАРПЫЧ

Карьера Андриана Карповича Денисова поначалу складывалась традиционно для донских офицеров. Рожденный в 1763 году в станице Пятиизбянской в казачьей дворянской семье, Андриан в 12 лет уже начал службу. С 20 лет – в боях. При взятии Измаила командир полка Денисов первым забрался на крепостной бастион, получил контузию и орден Святого Георгия 4-го класса. Отличился в Польской кампании 1791–1794 годов. При его непосредственном участии был пленен руководитель польского восстания Тадеуш Костюшко. В 1799 году назначен командиром казачьих частей, влитых в армию фельдмаршала Суворова, отправившуюся в Италию бить Бонапарта.

Среди прочих подвигов Итальянской кампании за Андрианом Денисовым числится и спасение Суворова под Турином. Как ни сопротивлялся фельдмаршал, желая остаться под огнем французских пушек, могучий казак вынес его из-под огня на руках. Суворов всегда особенно благоволил к исполниту, ласково обращаясь к нему без чинов – Карпыч.

7-й Донской казачий атамана Денисова полк наследовал Донскому казачьему Грекова 18-го полку, сформированному в начале XIX века. Полк сражался в Отечественную войну 1812 года, за отличия в которой получил Георгиевское знамя. Далее долго воевал на Кавказе, участвовал в событиях Крымской и Первой мировой войн.

НЕ ТОТ ГРЕКОВ

Военные династии в Российской империи – штука распространенная. Во избежание путаницы придумали следующее: каждый служивший офицер одной фамилии получал номер. Так и пошло: Краснов 1-й, Иловайский 12-й, Греков 8-й... В 1812 году в армии числилось 6 Платовых, 9 Денисовых, 24 Иловайских, 38 Грековых! Немудрено заблудиться.

Петр Матвеевич Греков 8-й родился в 1762 году в простой казачьей семье. В офицеры выслужился из рядовых казаков, но к 37 годам носил чин полковника. За плечами уже были две русско-турецкие войны и по-

КАЗАК ИЗ КАЛМЫКОВ

Василий Алексеевич Сысоев 3-й родился в станице Грушевской в 1772 году. Род Сысоевых пришел на Дон из калмыцких степей еще в XVII веке.

Первые бои и первые раны Сысоева прились на 1789–1790 годы, время русско-шведской войны. Дважды вражеские штыки

достали юного офицера. Это впоследствии превратилось в недобрую традицию. В ходе военной карьеры Василий Алексеевич получил пять серьезных ран. Помимо двух штыковых на старте сабельное в голову, пулевое в ногу и пикой в руку. Что вовсе не помешало ему служить вплоть до 1831 года, едва 60 лет в строю не разменял.

Как и большинство коллег по военному делу, Сысоев отметился почти во всех войнах, что застал. К Отечественной войне 1812 года Василий Алексеевич уже имел «Георгиев» 4-го и 3-го класса. Наряду с прочими высокими наградами. Имел он и отменный боевой опыт супротив Наполеона. Сысоев участвовал в знаменитом Шенграбенском сражении 1805 года, когда 5-тысячный отряд князя Багратиона встал на пути 30-тысячной французской армии. Встал и стоял целый день, пока измученная армия Кутузова, брошенная союзниками-австрийцами, выбиралась из стратегической ловушки. Встречался Сысоев с французами и в 1807-м, у прусского Прейсиш-Эйлау. Так что хорошо знал, как именно воевать против «армии двенадцати языков». По части пленных Сысоев уступил Грекову 8-му, но что до захваченных орудий – переиграл почти в два раза: 57 пушек отобрали его казаки у французов. В самом конце 1812 года полковник превратился в генерал-майора. Но на Париж не пошел, отправился домой, лечиться.

В службу Сысоев вернулся в 1817 году. Получил назначение на Кавказ. Следующие полтора десятка лет воевал с горцами, поляками и турками. За победу над последними получил чин генерал-лейтенанта. И что особо стоит выделить – должность генерал-адъютанта. Это звание казакам доставалось крайне редко. Но Сысоев был особенно сметлив.

давление польского восстания. И – орден Святого Георгия 4-го класса.

Греков 8-й был отличным командиром. Что и доказал во время Итальянского и Швейцарского походов, где воевал под руководством Андриана Денисова и Суворова. В Русско-турецкой войне 1806–1812 годов здорово отличился под Рущуком и Туртукаем, за что получил чин генерал-майора и «Георгия» 3-й степени. Достоин воевал против Наполеона в 1812 году, но в ноябре получил тяжелое ранение в голову и временно оставил армию. После излечения попал в самое пекло под Бауценом в Пруссии. Далее были Кольберг, Лейпциг, Париж. Специалисты подсчитали, что, сражаясь против французов, подчиненные Грекову 8-му части взяли в плен 2 генералов, около 200 офицеров и свыше 10 тысяч солдат противника. Кроме того, захватили 23 знамени и 30 орудий. А в те годы взятие орудия приравнивалось к пленению знамени.

По всему генерал Греков 8-й заслужил место в Военной галерее 1812 года в Зимнем дворце. Но, увы. По одной версии, Петру Матвеевичу не подфартило потому, что он принадлежал к так называемой платовской партии. А списки для художника Доу формировали при войсковом атамане Андриане Денисове. Есть и иное толкование. Греков 8-й после войны вернулся на Дон и вскоре тихо ушел из жизни. Толком даже неизвестно, в каком году – в 1817-м или 1818-м? Во время очередного реестра офицеров и генералов, затеянного Генеральным штабом, «восьмой номер» приписали другому Грекову – Гавриле Васильевичу, закончившему службу полковником. Но полковникам в Военную галерею 1812 года путь был заказан. Повторная проверка запоздала. Истинный Греков 8-й уже скончался. Так и осталась в Эрмитаже пустая рама с соответствующей надписью.

16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го полк, вернее, его предшественник, полк Сергеева, был сформирован уже после наполеоновских войн, в 20-е годы XIX века. Но и на его долю хватило. Персия, Турция, Кавказ, снова Турция, Первая мировая. В 1869 году полк был награжден Георгиевским знаменем за отличия в Персидскую и Турецкую войны 1827–1828 годов.

Даже по казачьим меркам. До сих пор живет на Кавказе легенда на сей счет. Как-то на Кубань с южного берега вышли горцы. А у Сысоева – приказ: отогнать, но на их берег не переходить. Распорядился тогда казачий генерал собрать всех свиней в округе и не кормить их. Два дня выжидал, а на третий, когда к вечеру в лагере горцев стали варить баранину, выпустил свиную армию на берег. Голодные животные рванули на запах, форсировали реку и в клубах пыли помчались к биваку кавказцев. Те разобрать не могут, кто атакует. Для пехоты – слишком быстро, для кавалерии – слишком низко... А когда свиньи ворвались в лагерь, с криками «Шайтан!» разбежались.

2-й Донской казачий генерала Сысоева 3-го полк был сформирован в начале XIX века отцом Василия, Алексеем Сысоевым, и изначально носил его имя. Прошел все наполеоновские войны начиная с 1805 года. Георгиевское знамя получил за Шенграбен. Позже умирал восстание в Венгрии, сражался в Крымской и Первой мировой войнах.

ДВЕНАДЦАТЫЙ НЕДЮЖИННЫЙ

Василий Иловайский родился под счастливой звездой. Довольно того, что его отец – генерал от кавалерии и наказной атаман войска Донского Дмитрий Иловайский. Но везение – не только в этом. Родитель Василия одним из первых на Дону сообразил, какие преимущества для карьеры детей сулит практика ранней записи в полки, существовавшая при Екатерине Великой. Уже 5 лет от роду Василия записали в службу в элитном Атаманском полку, а в 7 лет мальчик значился есаулом. Затем его определили во 2-й Кадетский корпус. Василий получил отменное образование и действительно службу начал весьма квалифицированным офицером. Первые успехи пришли во время войны с Наполеоном в 1805–1807 годах. К слову, вместе с Василием в той войне участвовало шесть его братьев. О чем и рассказал Александру I и Наполеону во время тильзитских переговоров атаман Платов.

После Русско-турецкой войны 1806–1812 годов полк Иловайского 12-го стали считать чуть ли не лучшим во всем войске Донском. А сам Василий Дмитриевич стал георгиевским кавалером.

Но особенно часто фортуна улыбалась Иловайскому в кампаниях 1812–1814 годов. Он не уступал коллегам-донцам в умении наносить неожиданные удары и пускаться в хитрые рейды. Как следствие – пленные, захваченные знамена и пушки. Именно Иловайский оказался тем командиром, части которого первыми вошли в покидаемую французами Москву. И если в сентябре 1812-го Первопрестольную оставили без боя, то при возвращении Иловайскому пришлось выдержать нешуточную схватку. У стен Петровского дворца его атаковали полторы тысячи кавалеристов противника. И сильно пожалели об этом! Императору Александру доносили о происшедшем в самых восторженных тонах.

Генерала Иловайского можно назвать специалистом по пленению генералов. Но в 1813 году под Кульмом он взял в плен наполеоновского маршала Вандама со всем его штабом! Орден Святого Георгия 3-го класса Василий Дмитриевич получил также в 1813-м, но за другое дело – под Денневице в Пруссии. При вступлении русской армии в побежденный Париж Иловайский 12-й оказался поблизости от ехавших шагом Александра I и его брата, великого князя Константина. Указав на казачьего генерала, Константин Павлович молвил: «Он по номеру двенадцатый, а недюжинный!»

На Дон Иловайский вернулся в 1823 году. Но еще служил, воевал на Кавказе и против персов. Вышел в отставку только в 1840 году. Прожил еще двадцать лет и упокоился в Москве, в Донском монастыре.

8-й Донской казачий генерала Иловайского 12-го полк – это полк Дячкина, сформированный прямо перед Отечественной войной 1812 года. Полк воевал с армией Наполеона, на Кавказе, в Крымскую войну дислоцировался на Балтике, прикрывая рубежи от возможного десанта англо-французских сил. Потом была Русско-турецкая война 1877–1878 годов, Первая мировая. Полк награжден Георгиевским знаменем за Отечественную войну 1812 года и знаками на головные уборы за последнюю русско-турецкую войну.

СЫН ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ

Дед Василия Орлова-Денисова, первый донской граф Федор Петрович Денисов, твердо знал: путь к успеху лежит через Петербург. Тем более что внук, родившийся в 1775 году, был сыном не менее известного на Дону войскового атамана Василия Орлова. Впоследствии дед помогал внуку как мог. И даже, ссылаясь на бездетность, «выбил» при дворе указ о передаче внуку графского титула.

После трехлетней службы на южных границах 16-летний будущий граф был переведен в столицу в чине войскового старшины (подполковника). Там в 1791 году его представили придворному поэту Гавриилу Державину, и тот убедил юного офицера в необходимости получить хорошее образование. Толком пройти курс в частном учебном заведении не удалось, помешало восстание в Польше. И Орлова-Денисова отправили в действующую армию. В 1806 году специальным указом его, уже графа, перевели старшим офицером в лейб-гвардии Казачий полк.

В первой войне Александра и Наполеона русский император пожелал участвовать лично. Проследовали на фронт, охраняя государя, и лейб-казаки. Близость к царской особе сказалась: по итогам кампании в 1807 году Орлов-Денисов получил чин генерал-майора и орден Святого Георгия 4-го класса. Но подвиги он совершал на самом деле. Чего стоит дело под Гутштадтом весной 1807-го, когда гвардейские казаки под его началом опрокинули любимый полк Наполеона – гвардейских конных егерей!

Видимо, убедившись в боевых качествах лейб-казаков, царь не держал их при себе. Отправил на русско-шведскую войну, в которой Василий Орлов-Денисов, уже в качестве командира, отличился не раз. Затем, в 1812-м, двинул полк на западную границу, к берегам Немана. Именно разведки Орлова-Денисова первыми обнаружили переправу наполеоновской армии на русский берег. И первыми приняли бой. После полугода сражений, включая Бородинское, граф сопровождал остатки французов к тому самому берегу Немана. Во время Заграничных походов 1813–1814 годов Василий Васильевич был при императоре. И по его же приказам в острые моменты боев ходил с лейб-казаками в атаки. Так было под Люценом, Бауценом, Кульмом, Дрезденом. А в Битве народов при Лейпциге Орлов-Денисов с 400 казаками спас от плена не только императора русского, но и австрийского вкуче с прусским королем. Стремительной контратакой он задержал рвущиеся к ставке французские колонны до подхода русской дивизии гвардейской кавалерии.

После войны в течение десяти лет граф находился при государе, но 25 августа 1825 года получил назначение – при-

нять под команду 5-й резервный корпус. Не успел он прибыть к новому месту службы, как пришлось спешить в Таганрог. Орлову-Денисову выпало сопровождать гроб с телом почившего императора в Петербург.

Генерал от кавалерии граф Василий Орлов-Денисов вышел в отставку в 1826 году, скончался в 1843-м, погребен в соборной церкви харьковского Преображенского монастыря.

9-й Донской казачий графа Орлова-Денисова полк первоначально сформирован в начале XIX века как полк Мельникова 4-го. Сражался в Русско-турецких войнах 1806–1812 и 1877–1878 годов, в Отечественную войну 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 годов, в Крымскую и Первую мировую. Награжден Георгиевским знаменем за наполеоновские войны и знаками отличия на головные уборы за 1877–1878 годы.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КАЗАКОВ

Максим Григорьевич Власов родился в 1767 году в станице Раздорской, там, где Северский Донец впадает в Дон. Отец, казачий офицер, поступил неожиданно: отдал сына на воспитание в Киево-Печерскую лавру. По этой причине Власов отличался особой набожностью и строгостью в быту. В службу пошел 17 лет, боевое крещение принял в 1792 году в Польше... Потом отгремели наполеоновские войны, за подвиги в которых Власова пожаловали чином генерал-майора и орденом Святого Георгия.

Воюя на Кавказе, генерал оказался дважды под судом. Что инкриминировали в первом случае – не ясно, но весной 1826-го Максим Григорьевич получил «Анну» 1-й степени, значит, вины за ним уже не числилось. Однако в том же году генерала судят вновь. На этот раз причина в том, что под любыми предлогами император Николай I решил избавиться от «ермолковской гвардии» на Кавказе – либералов и

вольномудцев. Власов теряет пост атамана Черноморского казачьего войска. В 1830-м он оправдан и отправляется на подавление восстания в Польше. Там 64-летний генерал лично водил полки в конные атаки. В одной получил восемь сабельных ран в лицо и два удара пикой в грудь. Но – выжил и даже сражался вскоре под Остроленкой и Варшавой.

В 1836 году Власов становится войсковым атаманом на Дону. Последним в истории империи атаманом казачьего происхождения. Умер Максим Григорьевич, разменяв девятый десяток. Поехал в станицы верхнего Дона в 1848-м помогать бороться с эпидемией холеры. От нее и сгинул.

7-й Донской казачий атамана Власова полк, пожалуй, самый «мирный» из всех первоочередных донских полков. Родословную ведет от казачьего Власова полка, сформированного перед Отечественной войной 1812 года. Сражался с Наполеоном, усмирял восстание в Польше в 1863–1864 годах, бился на фронтах Первой мировой. Однако ж Георгиевское знамя имел. За Отечественную.

ПОД «БАКЛАНОВСКИМ ЗНАЧКОМ»

Яков Петрович Бакланов – единственный из вечных шефов лучших донских казачьих полков, рожденный в XIX веке. К тому моменту, когда в 1904 году 17-й Донской казачий полк был пожалован его именем, еще жили на свете те казаки, что служили под началом генерала и походного атамана Бакланова.

За четверть века до этого события по всей стране собирали деньги на памятник герою Кавказской войны, похороненному в Петербурге в 1873-м. А родился легендарный казак в 1809-м в станице Гугнинской в семье казачьего офицера. На службу поступил в 16 лет. После Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Бакланов получает офицерские погоны и служит на Кавказе. Пугающая внешность, рост 202 см, гигантская физическая сила и лютая храбрость – все это не могло не обратить внимания сослуживцев и командиров. Однако скоро сказка сказывается...

Только в 1845 году войсковой старшина Бакланов прибыл в 20-й Донской полк, а в 1846-м получил его под начало. Полк слабенький, казаки озлоблены службой в горах. Многих строевых растащили по штабам и в прислугу. За считанные месяцы Яков Петрович создал из 20-го эталонную часть. Под девизом «Казак воин, а не денщик» он поднял боевой дух, провел переподготовку, и горцы стали относиться к баклановцам с уважением и страхом. Сам командир порой воевал так, что о нем стали слагать анекдоты. А личная его доблесть приобрела легендарный характер.

«Если бы боялись Аллаха так же, как шайтан-Боклю, давно стали бы святыми», – говорил своим мюридам знаменитый имам Шамиль.

О том же, видно, думал тот, кто вышил серебром по черному шелковому плату адамову голову и слова из православного «Символа веры»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь», а затем посылкой отправил Бакланову. Генерал, если и знал отправителя, тайны никому не открыл. Но сделал платок своим командирским значком, развевавшимся на пике за его спиной. На Кавказе Бакланов был награжден Золотой шашкой «За храбрость!» и орденом Святого Георгия. Там навсегда запомнили исполина в красной рубаше со свирепым, изрытым оспой лицом и огромными бакенбардами, развевающимися на ветру.

В 60-е годы Бакланов служил в Польше, усмирял вместе с командующим Муравьевым восставших. На Висле запомнили его другим, говорившим: «В помыслах моих ослабить толки о русской свирепости»...

Вскоре генерал-лейтенант Бакланов вышел в отставку и поселился в Петербурге. Жил на военную пенсию, писал мемуары. Умер в 1873 году. В 1911-м его прах перезахоронили в Новочеркасске, рядом с могилой Платова. Туда же перенесли из столицы памятник – черный камень с брошенной на него буркой, лежащей сверху папахой и «баклановским значком».

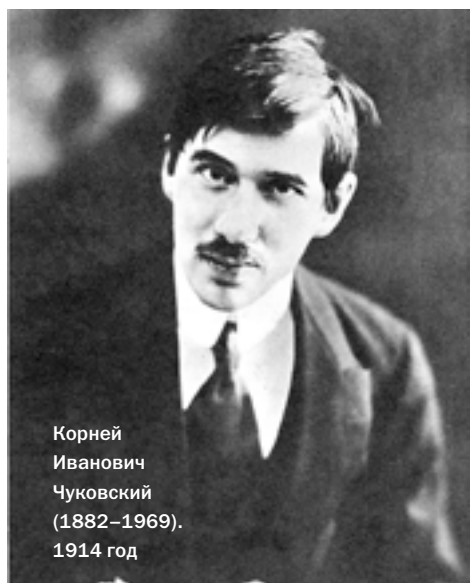
17-й Донской казачий полк наследовал традиции казачьего Рыковского полка, основанного в 20-е годы XIX века. Воевал в русско-турецких войнах и в Первой мировой. Участвовал в Брусиловском прорыве. Имел Георгиевское знамя за Русско-турецкую войну 1828–1829 годов и знаки отличия на головные уборы за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Полковой значок в точности повторял личный значок командира полка в 1850–1853 годах генерала Бакланова – адамову голову на черном фоне.

Останется в истории и символ генерала Бакланова и его боевого 17-го полка. И герб с веселым казаком, сидящим на бочке с порохом по воле Петра I. И безвременье, когда рушили на Дону старые храмы и памятники великим казакам-воинам, когда спарывали старики красные лампасы с синих штанин. Все – останется. А теперь вот на герб и белый олень вернулся. Пусть и пронзенный стрелой, но бежит...

ЗАЙМИТЕСЬ, ГОСПОДА, КУЛЬТУРОЙ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

На первый взгляд кажется, что история жизни Чуковского – это история очевидного успеха: одесский мальчишка, рожденный вне брака крестьянкой-прачкой, стал самым публикуемым русским писателем и почетным доктором литературы Оксфордского университета. Начавший жизнь в полуподвале – к концу ее он имел все, чего только могли захотеть непритязательные соотечественники: дачу в Переделкино, квартиру на Тверской, машину и много денег за всё новые и новые тиражи ставших классикой книжек. Он купался в народной любви, ему мешками носили читательские письма – но был ли он счастлив?

Корней
Иванович
Чуковский
(1882–1969).
1914 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАЧАЛО

При крещении он получил имя Николай, а отчество в церковную книгу записали по батюшке, совершившему обряд, – Васильевич. На самом деле должно было быть – Эммануилович. Отец его, Эммануил Левенсон, сын одесского врача, учился в Петербурге, куда взял с собой горничную Екатерину Корнейчукову. За несколько лет у этой пары родились двое детей – Маруся и Коля. А потом отец оставил их: семья нашла ему богатую невесту. Мать с детьми вернулась на родину, где стала зарабатывать на жизнь стиркой; дети все детство таскали ей ведрами воду. С мамой соседи не здоровались. Клеймо незаконного лежало на Коле долго, он уже вырос, уже писал статьи в газету, а все не знал, как отвечать на вопросы об отце и отчестве – мялся, краснел и мучительно ненавидел себя.

В остальном его детство было, пожалуй, обычным детством одесского мальчишки – с беготней по дворам, рыбалкой, играми, марками и скучной гимназией. Учился он неровно (по гуманитарным предметам – блестяще), был неистощим на проказы, нередко прогуливал и постоянно получал выволочки от гимназического начальства. С детства любил стихи, пробовал их писать, но тетрадка с первыми попытками попала в руки к недругам, и его задразнили. Он спрятался во дворе в каламашку-колымажку – такой полукруглый ящик – и проплакал остаток дня. В этих каламашках Коля Корнейчуков любил прятаться один или вместе с приятелем, мечтать, говорить о других странах. Читал стихи, волнуясь и радуясь их красоте. Он даже грузчикам и извозчикам пытался читать стихи – «Энеиду» Котляревского. Характер у него был нелегкий – нервный, взрывной. На обидчиков налетал с кулаками, домашним устраивал тяжелые сце-

Когда вчитываешься в страницы его дневника, с детства знакомый портрет седого джентльмена с коварной улыбкой обнаруживает не замеченные дотоле черты: горькие складки у рта и нечеловеческую тоску в глазах. Дневник Чуковского – чтение для сильных духом: через некоторые страницы трудно даже продираться без постоянного понукания себя, столько на них густого, бескрайнего, самого черного отчаяния. И в самом деле, в его долгой жизни было столько потерь, что не понять, как он смог это все вынести. Он пережил троих из четверых своих детей, жену и многих близких друзей. Терял работу, несколько раз был всенародно ошельмован и изгнан из литературы, отлучен от печати – казалось, навеки. И каждый раз он поднимался и жил дальше.

ветовал Чуковского: ведь он знает английский. Чуковский срочно женился на девушке Маше, которую давно любил (Маша, девушка из хорошей еврейской семьи, ради этого убежала из дома и крестилась). И молодая пара отправилась в Англию. Денег было мало, они кочевали из пансиона в пансион, один хуже и дешевле другого. Молодой Чуковский ежедневно ходил в Библиотеку Британского музея, изо дня в день читал; в конце концов его взяли туда на работу – поручили составить каталог книг на славянских языках.

ны. Из гимназии вылетел – сам писал везде, что из пятого класса, на самом деле, похоже, из седьмого, и не по закону о кухаркиных детях, а за издание рукописного журнала, что гимназистам строго воспрещалось. Крестьянское происхождение все-таки играло свою роль – и сейчас, и потом. Как крестьянин, он, уже взрослым, не имел права редактировать журнал и был ограничен в избирательных правах. Окончил он потом гимназию экстерном или нет – так толком и неизвестно, дальше было только самообразование, постоянное, изо дня в день, на протяжении всей жизни.

С мамой он поссорился в подростковом возрасте, ушел из дома, снимал у кого-то жилье, работал маляром, учил по случаю купленному самоучителю английский язык и выписывал английские слова кистью на крышах. Читал много, и не только поэзию, но и книги по философии, экономике – его юношеские дневники пестрят конспектами какого-нибудь Спенсера или Бокля, которых он тоже штудировал. Читал много, беспорядочно, страстно – и на основании прочитанного складывал свою всеобщую теорию всего, как это и делают много думающие молодые люди. Из этой юношеской теории потом выросли его воззрения на роль искусства и литературы в человеческой жизни – воззрения, которым он на всю жизнь остался верен. Заключались они в простом тезисе: искусство делается ради искусства, ради красоты и гармонии. Литература абсолютна – она не может и не должна ничему служить. Всякая полезность только тогда полезна, когда дело делается с полным осознанием его бесполезности: пишу потому, что не могу не писать, пою потому, что не могу не петь, а какая-то польза от этого, может быть, произойдет сама собой, если я хорошо сделаю свое дело. За эту теорию ему немало попадало всю жизнь: ему довелось жить во времена, которые ценили «что» и не придавали значения «как». А Чуковский – этот псевдоним он себе придумал для первых публикаций, разбив на кусочки свою «мужицкую» фамилию Корнейчуков, – Чуковский всю жизнь говорил о том, что только эстетика – надежный критерий оценки художественного произведения.

Его штудии принесли плоды: свой трактат Коля Корнейчуков показал другу – Владимиру Жаботинскому. Тогда он был молодым корреспондентом «Одесских новостей» (потом пути друзей разошлись; журналистику бросили оба, но один ради литературы, а другой – со временем основал Государство Израиль). Жаботинский отнес в редакцию работу друга, она повалилась там какое-то время и увидела свет, и автору даже заплатили гонорар, на который, как говорят свидетели, он купил себе новые штаны. Когда встал вопрос о том, кого послать в Лондон корреспондентом газеты, Жаботинский посо-

РЕВОЛЮЦИЯ

Он вернулся в Россию, когда газета перестала ему платить, полный впечатлений и нового опыта. Одесса после Лондона казалась слишком маленькой, слишком мешанской, его тянуло в Петербург, он поехал туда, пытался пристроиться корреспондентом, но ничего не вышло. А дома уже был маленький сын, тоже Коля, и семью надо было кормить, а он был еще совсем молод, едва за двадцать, и, честно говоря, мало что умел. Лондонские штудии заострили его перо, научили его писать короче, ядовитее, чем раньше – первые его корреспонденции были удручающе громоздки и многословны. Новый Чуковский писал легко, изящно и обо всем, но его никто не торопил взять на работу.

Грянула революция 1905 года; в одесский порт пришел мятежный броненосец «Потемкин», город взволновался. Чуковский с компанией воодушевленных неслыханными событиями людей плавал на броненосце – просто так, квасу повезли, вдруг им там надо... Увез с него матросские письма родным, весь вечер наблюдал пожар в гавани и подавление мятежа, смотрел, как увозят трупы расстрелянных и сгоревших людей. После этого он заболел революцией – ни о чем не мог думать и говорить, кроме того зверства, которое свершилось у него на глазах. Хотел как-то участвовать в революционных событиях, но не знал как, чем помочь... Осенью снова уехал в Петербург и там – после царского манифеста, даровавшего свободу печати, – стал издавать сатирический журнал «Сигнал», хотя и не имел на то права. На редактора журнала, шутившего над властью, завели уголовное дело по нескольким статьям, от оскорбления членов царской фамилии до призывов к свержению существующего строя. Чуковскому грозило заключение в крепость; он даже просидел в предварительной тюрьме на Шпалерной. Читал в камере Марка Твена и хохотал. Культура, писал

растающим детям книжки и не мог не задумываться о том, как убого большинство этих книг. Он сам начал сочинять для них – не то для Коли, не то для Бобы, третьего ребенка, он придумал «Крокодила», – быстро-быстро плел все, что приходит в голову, забалтывая в дороге больного мальчика, чтобы он не хныкал... «Крокодил», вобравший в себя всю музыку улиц, всю скороговорку уличной речи, вышел в свет в 1916 году.

он потом в одной из своих статей, уже тем замечательна, что прекрасно занимает ум, когда сядут тебе на голову всем седалищем; займитесь же, господа, культурой. Время подтвердило справедливость этой мысли: в иные времена культура в самом деле оказывалась единственной отдушиной, когда садились на голову всем седалищем.

Уголовное дело тянулось до самого 1907 года и навсегда отбило Чуковскому охоту лезть в политику.

КРИТИКА

К этому времени он уже переехал в финскую Куоккалу под Петербургом: там недорого сдавались дачи. Там не было столичной суматохи, там у него был кабинет, там было море и лес – там он, с юности страдавший бессонницей, мог нормально жить. В семье появился второй ребенок – Лида. Чуковский подружился с соседями – ближним, куоккальским, Репиным, и дальним, из Ваммельсуу, Леонидом Андреевым. Его работа во множестве мелких изданий принесла свои плоды: молодую звезду русской литературной критики заметили и пригласили работать фельетонистом в газете «Речь», которую издавала партия кадетов. Именно в «Речи» Чуковский опубликовал лучшие свои критические статьи о современной литературе. Одновременно много выступал с лекциями о литературе. Лектор он был прирожденный: аудиторию держал цепко, ошарашивал неожиданными сравнениями, поворотами сюжета. Читатели и слушатели недоумевали: разве можно с такой стороны смотреть на писателя? С какой? Через призму его текста. Текст выдает все тайны писателя, уверял Чуковский. Даже такие, о которых он и сам не знает.

Не могла публика понять и его пристрастия к анализу совсем уж второсортной популярной литературы, глупых книжек для детей, дешевых брошюр для рабочих, бездарных детективов, плохих стихов. А он предупреждал: массовая любовь к таким подделкам – грозный призрак наступления на культуру огромных бескультурных масс. Наступает армия полубразованных, невежественных, энергичных варваров, видел он и пытался предупредить: массу надо учить, просвещать. Иначе очень скоро культуре придет конец. Над его пророчествами смеялись – недолго, правда. Пока они не сбылись. Много позже он написал, что уже тогда в примитивной жестокости первых кинофильмов и детективных выпусков было видно зарождение той мещанской, самодовольной силы, которая через несколько десятилетий оформилась в фашизм.

СПАСТИ ЛИТЕРАТУРУ

Подрастающие дети заставляли его задумываться о законах развития детской психики, о том, как ребенок овладевает языком, о детском творчестве и творчестве для детей. Он читал под-

В Первую мировую Чуковский в компании Алексея Толстого, Владимира Набокова и еще нескольких человек ездил в Англию – смотреть, как союзники воюют. Он написал оттуда несколько больших корреспонденций для журнала «Нива».

Вернулся из Англии, занял у Репина денег, выкупил в собственность дачу, в которой жил. Вскоре грянула революция, и дача осталась по ту сторону государственной границы, в независимой Финляндии. А Чуковские, уехавшие в город отдать детей в школу, так там и застряли. Революция принесла голод и безработицу – Чуковский со старшим сыном даже газетами торговали. Корней Иванович читал лекции за продукты, за дополнительные пайки семье. Литература кончилась: встали издательства, не было бумаги, писатели и поэты голодали. Чуковский задумал спасти русскую литературу от гибели, собрав литераторов вместе в помещении, где тепло, есть еда, где можно хотя бы поговорить друг с другом, где можно читать лекции на литературные темы и услышать новости о том, кто что пишет... С помощью Горького ему удалось выбить для этой цели и здание, и деньги; Дом искусств помог выжить в голодную зиму многим писателям, поэтам и художникам. А еще он работал в горьковской «Всемирной литературе» – невероятной затее, которая должна была дать победившему пролетариату библиотеку лучших произведений мировой классики. Чуковский заведовал англо-американской секцией. Блок – немецкой. Гумилев – французской. В 1921 году один за другим ушли и тот, и другой. Он уже раньше видел, как один за другим умирали от голода и уезжали друзья, но впервые на его памяти власть расстреляла одного поэта и уморила другого.

СКАЗКИ

Наверняка он тоже думал, уезжать или нет. Решил остаться. По призванию он был культурным работником, а сейчас культурная работа была нужна родине как никогда. И он остался делать эту ежедневную, неблагодарную, иногда скучную, иногда захватывающую работу: воспитывать читателя. До середины 1920-х го-

дов он еще мог писать то, что думает, и публиковаться. Гайки, однако, завинчивались, и довольно скоро с критикой пришлось покончить: она не могла выжить в условиях постоянного идеологического давления. И, как обычно на стыке эпох, он менял занятие и брался за что-то новое. Сейчас у него подрастала дочка Мурочка, Мария, четвертая, младшая и, может быть, самая любимая. Именно ей досталось его взрослое, умудренное опытом отцовство – игры, разговоры, стихи... Для Мурочки он пересказывал любимые сказки – так появился Доктор Айболит и другие переводные, пересказанные истории. И посыпались свои – как из рога изобилия. За несколько лет домашнего счастья он написал почти все свои главные сказки – для нее, Мурочки.

К концу 20-х тучи над его головой стали сгущаться. Сначала под суд попала дочь Лида, угодившая в политический кружок и высланная из Ленинграда. Затем началась коллективизация – не только колхозная, но и писательская. Писателей-кустарей власть захотела объединить в артели для коллективного полезного труда. Сказки были объявлены вредным пережитком прошлого, а сам Чуковский – едва ли не вредителем. Его вынуждали отречься от сказок, признать свою неправоту, дать обещание служить социализму. Истерзанный критикой, которая требовала выбросить книги Чуковского из библиотек, выброшенный вон из профессии, он дал вымученное согласие. Пообещал какую-то «Веселую колхозию», сборник новых песен и частушек о колхозе для советских детей. И надорвался на этом. Всю жизнь не мог себе простить этого шага. И болезнь Мурочки расценил как наказание за малодушие.

ТЯЖКОЕ

У Мурочки был костный туберкулез. Лечить его тогда не умели – только помещали больного в мягкий климат и давали усиленное питание, чтобы организм окреп и сам боролся с болезнью. Но еды было мало, не за горами был голод начала 30-х; оставалась надежда на климат. Мурочку – ослепшую на один глаз, с гипсом на обеих ногах – увезли в Крым, в алупкинский санаторий, где таких детей умели лечить. Порядки в санатории были свирепые: ребенка забирали у родителей, свиданий почти не разрешали – и, чтобы пробраться к Мурочке, отцу приходилось то выдумывать журналистское задание и писать очерк о санатории для «Нового мира», то приходить к детям в качестве детского писателя... Крымский климат не помог. В 1931 году Мурочка умерла. Чуковский вернулся в Москву посевевший, постаревший, с ампутированной половиной души.

В Москве тем временем появились признаки перемен. Власти изменили отношение к писателям: их перестали шельмовать и травить, партия осудила перегибы – и теперь к писателям стали проявлять уважение. Печатать книги, давать зарплаты, переселять в новые квартиры. Понемногу вернулся к жизни и Чуковский, оглушенный своим горем. Тогда-то он и понял, как справляться с тоской и отчаянием: надо помогать другим людям. «Расширять сердце», – написал он однажды. Расширять, впускать в него других людей с их бедами и помогать им.

Писать сказки он больше не мог: он сам много раз говорил, что детский поэт должен быть прежде всего счастлив. Критика для него тоже была закрыта. Он ушел в некрасоведение (Некрасовым занялся еще до революции) и переводы. Всерьез занялся проблемой комплектования школьных библиотек и преподавания литературы в школе, написал об этом множество блестящих статей.

Когда начались репрессии, он помогал детям арестованных, хлопотал за севших в тюрьму и канувших в неизвестность – а среди них был его зять, муж Лидии Корнеевны, талантливый физик Матвей Бронштейн. Кольцо постепенно сжималось вокруг его семьи – Лидию Корнеевну он насилу уговорил уехать из Ленинграда – ордер на ее арест был уже выписан; органы разрабатывали версию о шпионской деятельности сына Коли... Почему-то, однако, репрессии приостановились, не успев зацепить Чуковских, – почему, вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Но оставаться в Ленинграде было опасно. Так что в 1938 году Корней Иванович с женой и сыном Бобой переехали в Москву. Вскоре они получили дачу в новом писательском поселке Переделкино – там пройдут следующие тридцать лет жизни Чуковского.

ИЗГОЙ

Переделкино напоминало Куоккалу – разве что моря не было. Здесь он снова мог работать в тишине и покое. Покой был недолгим: едва переделкинский дом успели утеплить и обжить, как началась война. Оба сына ушли на фронт; любимый Боба погиб осенью 1941 года под Москвой, старший, Николай, стал свидетелем страшного умирания блокадного Ленинграда. Сам Корней Иванович писал статьи для Совинформбюро; потом, в ташкентской эвакуации, помогал искать семьи потерявшихся эвакуированных детей, написал книгу «Дети и война», где рассказал, как много и умно дети воюющей страны помогают взрослым в работе. Он затеял почти невыполнимое дело: рассказать малышам, что это – война. На понятном им сказочном языке объяснить, за что сражаются взрослые. Попробовал включить в язык сказки языковые клише из сводок Совинформбюро. Мучился, переписывал заново и заново, читал детям в госпиталях и школах, проверяя, как они воспри-

нимают сказку «Одолеет Бармалея». Наконец издал в Ташкенте и попытался издать в Москве. Но сказка, где отважные зверушки ездили на танках и защищались от наступающих гиен, многими была воспринята как злая насмешка над горем и подвигом советского народа... «Правда» написала о «пошлой и вредной стряпне Корнея Чуковского», он снова оказался отлучен от детской литературы. Еще одну попытку написать сказку он сделал после войны. В его «Бибигоне» были дача и мирное лето. Отважный лилипут Бибигон в треуголке храбро сражался с индюком и спасал сестру Цинцинелу от дракона. Дети приняли новую сказку, которую он прочитал по радио, с восторгом. Чуковского завалили письмами, в которых наперебой звали Бибигона в гости, слали ему рисунки и подарки... Он хотел даже сделать выставку этих трогательных писем, присланных детьми, только что пережившими страшную войну. Но «Бибигона» тоже объявили пошлым и вредным, аполитичным. Мешки писем на радио уничтожили, выставка не состоялась.

Следующие несколько лет – вплоть до смерти Сталина и «оттепели» – он жил изгнанником. Писал в газеты статьи к юбилеям писателей – то Чехова, то Некрасова, то Шевченко. Занимался Некрасовым, восстанавливал в текстах места, вымаранные цензурой, и готовил к печати его произведения. Писал свое «Мастерство Некрасова» – трудно писал, потому что так, как он привык – легко, парадоксально, остроумно, – ему не давали редакторы, которые из всякого его труда вымарывали любое неказенное слово, всякий удачный образ – и вставляли штампы и ссылки на основоположников. «Мастерство Некрасова» на сегодняшний взгляд кажется вымученным, тяжелым текстом, даже подневольным – однако современники восприняли его горячо и с сочувствием, и не только потому, что вопрос о формальном мастерстве Некрасова был принципиально нов для советского литературоведения, занятого поисками революционного содержания. Еще и потому, что угадывали в судьбах некрасовского поколения свою судьбу, в их жизни при политическом терроре – свою жизнь, и искали ответов на свои вопросы. Ответ у Чуковского был, и он не изменился с давних времен: займитесь, господа, культурой. В последние десятилетия жизни, когда душная атмосфера позднего сталинизма сменилась энтузиазмом «оттепели», он занимался культуртрегерством – объяснял, как грамотно и с любовью писать для детей стихи, преподавать им литературу, как делать переводы, как говорить и писать по-русски, избегая казенной пошлости и дешевых штампов. Шумно радовался любым свежим мыслям, новым талантам, защищал их

от гонений: вступался за Василия Аксенова, за Бродского, у него на даче подолгу жил Солженицын... Переделкинская дача Чуковского стала, как некогда его куоккальский дом, центром тяготения для интеллигенции. К нему ехали поэты, писатели, переводчики, педагоги, иностранные делегации. Не просто как к детскому поэту, критику, литературоведу и теоретику перевода – он уже стал живым воплощением русской культуры, полуразрушенной за годы советской власти, но живой и непобежденной.

О СЧАСТЬЕ

Как же получилось, что одесский недоучившийся гимназист в дырявых штанах к концу жизни стал непререкаемым авторитетом в русской литературе? Может быть, дело в его колоссальной воле, непрерывном самообразовании и самовоспитании. «Я каждое утро заново над собой кнут», – писал он на старости лет. Непрерывное чтение по-русски и по-английски, непрерывная работа каждый день, как бы плохо ни было на душе, какая бы ни стояла погода, каков бы ни был политический климат. Работа была и его отдушиной, его радостью, и его проклятием. Всю жизнь он много, систематически работал, воспитывал себя русским интеллигентом. Нравственным ориентиром для него всю жизнь был Чехов, у которого он учился вниманию к людям, участию, мягкости в обращении, по примеру которого построил в Переделкино детскую библиотеку. Он всю жизнь верно и бескорыстно служил русской литературе, про которую еще в 1906 году сказал: «Литература абсолютна». Литература для него воплощала все лучшее в людях, весь их культурный опыт, все духовное богатство, всю красоту и гармонию. Он сам не прощал себе редких отклонений от прямого курса и всякий раз возвращался на него, жертвуя карьерой, деньгами, возможностями – просто не мог иначе.

Был ли он счастлив, став седым патриархом русской словесности, хитрый дед, окруженный деточками, седой и одинокий литературный волк, проживший долгую и трудную жизнь? В его дневниках мы находим не только бездны отчаяния, но и свидетельства редких и ослепительных взлетов радости, когда, кажется, весь мир танцует вокруг: солнце в небе качается в пляске, летучие мыши на крыше платочками машут и пляшут, на березах от радости выступают слезы, а на осинах зреют апельсины. Он, человек сложный, неровный, депрессивный, умел делиться этой радостью как никто – и в своих сказках, где добро, победив зло, закатывает пир на весь мир, и в критике, где умеет не только браниться, но и замирать от счастья перед гением Толстого, Чехова или Блока. Он всю жизнь видел красоту языка, стиля, человеческой души, мира вокруг – и щедро делился этой красотой с читателем. Может, потому и выжил, и выстоял, и не сломался. 📖

Территория
Охтинского
мыса чудом
уцелела во время
строительства
Петербурга

ИТАР-ТАСС

РУССКАЯ ТРОЯ

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

Находки археологов на Охтинском мысе не только остановили планировавшееся здесь строительство резиденции «Газпрома», но и заставили говорить об Охте как о «Русской Трое».

Сравнение, возможно, грешит преувеличением. Но не сбросишь со счетов тот факт, что крепость Ниеншанц, на месте которой собирались строить 403-метровую высотку, возникла на месте поселений, не уступающих по возрасту Пскову и Великому Новгороду. Более того, первые стоянки людей, обнаруженные во время раскопок на Охте, ученые относят к эпохе неолита.

ПЫЛЬ СТОЛЕТИЙ

Проект резиденции «Газпрома» на Охте с самого начала вызвал жаркие споры. В Петербурге возникло мощное общественное движение, которое не устраивали ни высота будущего здания, ни место его расположения, ни огромные расходы городского бюджета на сопутствующую инфраструктуру. Но «Газпром» был непоколебим.

— Они говорили, что их проект оживит депрессивный район Охты, — вспоминает сопредседатель петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) Александр Марголис. — При этом здание вторгалось бы в большинство парадных видов Петербурга. К тому же на Охте нет метро и мало современных дорог — проект создал бы жуткий транспортный коллапс. Знаменитые Полустровские минеральные воды и остатки Ниеншанца поначалу даже не обсуждали — на кону стояли куда более серьезные вещи.

Противники строительства часто повторяли, что разрешение на строительство выдано незаконно, а градостроительная экспертиза проведена с нарушениями. Споры разгорались. Между

тем на месте будущей стройки начала работать финансируемая «Газпромом» археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН и Северо-Западного НИИ культурного и природного наследия под руководством Петра Сорокина. В результате здесь были обнаружены неизвестные ранее культурные слои. Эти находки доказали, что захваченная войсками Петра I шведская крепость Ниеншанц строилась на месте древнерусского городища, а первые поселения возникли здесь 5 тысяч лет назад.

– На Охтинском мысе и раньше совершалось 90 процентов находок допетровского времени, мы нашли здесь более 10 тысяч артефактов, – рассказывает Петр Сорокин. – Фрагменты крепости Ландскрона, на месте которой возведен Ниеншанц, хорошо сохранились. Ландскрона была деревоземляным замком – такие были распространены в Западной Европе в XIII веке. Правда, ни один из них не сохранился. Помимо средневековых сооружений мы раскопали остатки жилищ и утварь эпохи неолита. Теперь можно с уверенностью говорить, что люди жили здесь 3–5 тысяч лет назад и вплоть до первых петровских проектов.

ОКНО В ЕВРОПУ

Петр I распорядился построить на месте обитого у шведов Ниеншанца судовой верфь. В советские времена она превратилась в «Петрозавод» – главное в регионе предприятие по обслуживанию буксиров. Завод был режимным, всерьез развернуться здесь у археологов возможности не было. Тем не менее экспедиция Петра Сорокина работала с 1992 года. В результате в 2001 году Охтинский мыс объявили археологическим памятником. А к 300-летию Санкт-Петербурга в ближайшем бизнес-центре открылся музей, посвященный Ландскроне и Ниеншанцу. Новые уникальные возможности появились у археологов в 2006 году, когда снесли корпус «Петрозавода».

– Когда вывезли руины предприятия, мы смогли открыть части крепости Ниеншанц со рвами, куртинами и бастионами, – объясняет заведующий отделом славяно-финской

археологии Института истории материальной культуры РАН профессор Анатолий Кирпичников. – Никто не ожидал, что здесь хоть что-нибудь сохранилось. Выяснилось, что крепость была огромной, вместе со рвами занимала 17 тысяч квадратных метров. Но настоящие сенсации начались по мере погружения вглубь культурных слоев. Археологам поэтапно открылись: поселение времен неолита, затем – Новгородской Руси, после – итало-шведская Ландскрона, потом – русское поселение XVI века. И, наконец, уровни, свидетельствующие о двух этапах строительства Ниеншанца. Это – многослойный памятник, во многом похожий на знаменитую Трою.

О том, что Ниеншанц возник не на пустом месте, археологи догадывались и раньше. Но одно дело смутные упоминания в источниках и совсем другое – реальные находки. В новгородских летописях говорится, что около 1300 года шведы заложили в устье Невы мощную крепость Ландскрона. А в шведской «Хронике Эрика» сообщается, что в 1301 году Ландскрону захватили и сожгли новгородские войска во главе с сыном Александра Невского, князем Андреем Городецким. Из документа следует, что в финале штурма полтора десятка шведов укрылись в главной башне, но затем сдались и были отпущены. Археолог Петр Сорокин спустя семьсот с лишним лет обнаружил часть этой башни в виде сруба 5,5х5,5 метра. А ведь считалось, что от Ландскроны остались одни воспоминания.

– В «Хронике Эрика» говорится, что прорыт ров между двумя реками и за ним возведена стена, – рассказывает Петр Сорокин. – Но раскопки показали нечто иное: Ландскрона оказалась типичным западноевропейским замком того времени. К XV веку деревоземляных сооружений в Европе не осталось, потому что их сносили и перестраивали в камне. Кто бы мог подумать, что такая крепость отыщется в нескольких тысячах километров от Италии – на берегах Невы?

Возраст неолитического поселения, которое существовало на месте Ландскроны и Ниеншанца, оценивается в 5 тысяч лет! Строго говоря, в то время не было еще и самой Невы, которая возникла тысячу лет спустя в результате прорыва ладожских вод. Поселение занесло песком, и столетиями никто не до-

гадывался о его столь древней истории. Хотя люди, жившие в окрестностях, никогда не уходили отсюда далее километра.

– Охтинский мыс во все века привлекал людей тем, что не затапливался даже во время серьезных наводнений, – говорит Анатолий Кирпичников. – Петр I почему-то не придал этому большого значения. Хотя и до него эти места осваивали скорее русские, чем шведы. До Ландскроны здесь была новгородская деревня Венчище, а рабочих на строительство крепостей явно не из Швеции везли.

При раскопках в устье Охты экспедиция Сорокина обнаружила укрепление, не упоминавшееся в источниках, – мысовое городище, существовавшее здесь до Ландскроны. По словам археологов, пока нельзя точно сказать, кому оно принадлежало – новгородцам или зависимой от них ижоре. Зато известно имя фортификатора Ивана Грозного, который в 1557 году руководил строительством крепости в устье Невы, – Иван Выродков. Очевидно, что русский царь прекрасно понимал стратегическую важность этого места. То есть устремления Петра Алексеевича прорубить окно в Европу не были «лучом света в темном царстве», а давно находились в русле государственной политики. В документе 1599 года говорится о наличии на Охте православного храма, государева гостиного двора и корабельной пристани.

«НЕБЫВАЕМОЕ БЫВАЕТ»

Шведы также понимали выгодность и значение Охтинского мыса. К тому же к началу XVI века они располагали гораздо более современной армией и флотом, чем Русь. Отвоевав Охтинский мыс, шведы построили Ниеншанц – совершенно по тем временам крепость из пяти бастионов, двух равелинов и двух кронверков. А на противоположном берегу, на месте, где позже был возведен Смольный монастырь, появилась цитадель с люнетами и равелинами. Такие мощные укрепления позволяли шведам пребывать в уверенности, что по Неве и мышь не проскочит. Очень быстро вокруг новой крепости сложился крупнейший город Нотебургского лена, часто на-

зываемый Ниенбургом, – 400 податных домов, не считая общественных, военных и чиновничьих.

Но в 1656 году неприступную крепость взял штурмом русский полководец Петр Потемкин. Правда, удержать твердыню ему не удалось. После этого шведы построили дополнительное кольцо укреплений, а постоянный гарнизон Ниеншанца вырос до 600 человек, в распоряжении которых было 80 пушек. Дальнейшее занесено в учебники: 20-тысячная армия петровского фельдмаршала Бориса Шереметева вынудила гарнизон Ниеншанца сдать в мае 1703 года. Восхищенный государь переименовал крепость в Шлотбург, а героев осады наградил памятной медалью «Небываемое бывает».

– С этого момента берет начало история Петербурга, хотя многим специалистам теперь не дает покоя вопрос: а как называть то, что происходило на берегах Невы до Петра? – говорит историк Сергей Ачильдиев. – Безусловно, Охтинский мыс – интереснейшая часть российской истории, а сравнение этого памятника с Троей вполне уместно. И строительство небоскреба поверх культурного слоя стало бы колоссальным ударом по престижу страны. Но теперь никто не мешает рекламировать Ниеншанц как «единственный в Европе деревянный замок XIII века».

Археологи говорят, что на Охтинском мысе не обследовано еще 40 процентов культурного слоя. Это значит, что можно ждать новых сюрпризов. Сегодня находки на месте «Русской Трои» – это остатки полусотни древних построек, фрагменты керамической посуды, каменные наконечники стрел, тесла, топоры, янтарные украшения, промысловые ямы с заостренными кольями на дне и фрагменты рыболовецких вершей. Стены Ниеншанца частично сохранились, «выжили» также потайной ход в ров и остатки меднолитейной мастерской. Обнаружились и захоронения: в могильниках XVI–XVII веков найдено около 500 человеческих останков.

Археологи уже столкнулись с проблемой хранения находок: ни один музей не готов принять такое количество экспонатов, нередко имеющих значительные размеры. Лучшим выходом было бы создание музея Ниеншанца в новом качестве.

ИТАР-ТАСС

ОЗЕРО ЛЕБЕДЕЙ

ОЛЬГА ГОРКИНА

Поверить в это трудно, но 135 лет назад премьера балета «Лебединое озеро» с треском провалилась. Первый из трех великих балетов Чайковского, ставший впоследствии самым знаменитым и исполняемым в мире, был весьма прохладно принят московской публикой.

Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» назвал спектакль «странным скоплением на сцене дам разного возраста и разной комплекции в тяжеловесных костюмах с перьями, тщетно старавшихся изобразить горделиво плывущих лебедей». «К радости публики, — съязвил журналист, — в конце спектакля вся эта разномастная птичья стая утонула в озере вместе с немецким принцем Зигфридом, бросившимся вслед за ними в воду». Его коллега в одной из московских газет сообщал, что «балет был так тривиален и скушен, что публика, досидевшая до конца, не покинула зала только из-за красивой музыки Петра Чайковского, которую слушали как симфонический концерт...». Известный критик Герман Ларош также заметил, что «по музыке «Лебединое озеро» — лучший

балет, который я когда-либо слышал... Мелодии, одна другой пластичнее, певучее и увлекательнее, льются как из рога изобилия...».

Но, увы, волшебная музыка не спасла сам спектакль. Рецензии были разгромными. Причинами провала стали неудачное либретто и невыразительная хореография, которую один из критиков назвал «удручающе банальной и безнадежно бездарной».

БАВАРСКИЕ ТАЙНЫ

«По приглашению Московской дирекции (Императорских театров. – **Прим. авт.**) пишу музыку к балету «Озеро лебедей», – сообщал Петр Ильич Чайковский в письме к Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову в сентябре 1875 года. – Взятся за этот труд отчасти ради денег, в которых нуждаюсь, отчасти потому, что мне давно хотелось попробовать себя в этом роде музыки». Работа была закончена композитором 10 апреля 1876 года.

...К этому моменту 36-летний Чайковский уже десять лет, как живет в Москве, перебравшись сюда из столицы. За плечами – годы учебы в Петербургском училище правоведения и Петербургской консерватории, служба в Департаменте юстиции, десятки музыкальных произведений и признание публики и музыкальной общественности. В Москву же Петр Ильич переехал, когда его пригласили преподавать в только что открывшейся консерватории. В 26 лет он становится профессором, пишет учебники по теории музыки и гармонии, переводит иностранные учебники и статьи. Нередко «ради денег», в которых постоянно нуждался, он пишет музыку по заказу, подрабатывает музыкальным критиком в ряде московских изданий. Его произведения пользуются успехом, партитуры издаются в лучшем музыкальном издательстве Юргенсона. В письме к своему другу и меценатке Надежде фон Мекк, размышляя о природе творчества, он в 1878 году замечал, что заказное произведение часто выходило вполне удачным, в то время как, «наоборот, вещь, задуманная мной самим... удавалась менее».

На сочинение балета «Лебединое озеро» Чайковского вдохновило путешествие в Германию. В 1876 году он поехал на фестиваль опер Рихарда Вагнера, который проводился в

баварском городе Байрейте. В Баварии композитор решил посетить места, связанные с очень модной тогда оперой Вагнера «Лоэнгрин» – «родину» рыцаря Лебеда, замок Нойшванштайн, построенный королем Людвигом Баварским. Композитор был потрясен сказочной красотой Нойшванштайна (буквально: «новейший лебединый утес» – нем.) в

окружении величественной альпийской природы. Людвиг Баварский построил свой волшебный замок под влиянием опер Рихарда Вагнера, чьим страстным поклонником и меценатом он был. Обсуждая с архитекторами проект, король не раз говорил, что замок должен выглядеть как музыка Вагнера, застывшая в камне. Таким он его и построил. Замок пронизан лебединой тематикой и символикой. Король-мистик считал и себя рыцарем Лебеда. Его любимый Нойшванштайн, сам словно декорация к операм Вагнера, украшен росписями на сюжеты опер немецкого композитора и изображениями лебедей. Вся жизнь Людвига Баварского была мистически связана с лебедями: он вырос в замке Хозншвангау (буквально: «высокий лебединый край» – нем.), его герб украшал белый лебедь, он любил плавать по озеру в лодке, изготовленной для него в форме лебеда, как герой оперы «Лоэнгрин»... А подданные короля все больше опасались за его рассудок: Людвига мучили приступы страшной агрессии, он спал днем и бодрствовал ночью, за что его прозвали Лунным Королем, отдавал странные распоряжения...

Как мы помним, в финале балета Зигфрид и Одетта погибают, утонув в озере. Так же окончил жизнь и Лунный Король. Правда, спустя десять лет после того, как Чайковский написал свой балет. Июньским днем 1886 года Людвиг Баварский, перевезенный в замок Берг и уже изолированный от общества, отправился на прогулку в парк вместе с врачом – профессором фон Гудденом. Оба погибли в водах Штарнбергского озера при невыясненных обстоятельствах...

В либретто первой постановки балета есть указание на место действия – Бавария. Декорации первой постановки изображали замок Нойшванштайн и его окрестности. Нет сомнений в том, что впечатления от поездки в Баварию и стали источником вдохновения для Чайковского при создании «Лебединого озера».

До сего дня точно неизвестно, кто является автором первого либретто балета. Современники считали, что это либо управляющий Московской дирекции Императорских театров Владимир Бегичев, либо известный артист и педагог балета Василий Гельцер. Но от авторства в Большом театре отказались все. Не сохранилось и архивных записей о создателе либретто спектакля Большого театра, контрактов и финансовых документов, подтверждающих получение гонорара. Большинство исследователей творчества Чайковского считают, что автором либретто балета был сам композитор.

Одно можно сказать с уверенностью: либретто первой постановки заметно отличалось от известного нам сегодня. Вместо Ротбарта, олицетворяющего неумолимый рок, действовала некая Мачеха-Сова. Либретто было перегружено действующими лицами, сложными сюжетными деталями и подробностями. Например, в пантомимных сценах рассказывалось о судьбе Одетты и о том, как она и ее подруги оказались заколдованными.

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК

Однако вернемся к музыке балета, которой, в отличие от премьеры спектакля, восхищались все. Она поразила современников Чайковского своей новизной и симфонизмом. Позже Петр Ильич скажет: «Балет – это та же симфония». Для современного зрителя, привыкшего к балетным спектаклям на симфоническую музыку, в том числе и сочиненную композиторами не для балета, в этом нет ничего удивительного. Но для театральной публики 70-х годов XIX века услышать в балетном театре

музыку, написанную Чайковским для «Лебединого озера», стало настоящим культурным шоком.

В XIX веке музыка в балетном театре играла прикладную роль. Процесс создания балетного спектакля сильно отличался от современного. Автором балета являлся прежде всего балетмейстер-постановщик, работавший совместно с либреттистом. Композитора привлекали только тогда, когда основная сюжетно-хореографическая канва спектакля была готова. То есть композитору фактически предлагалось

ГРУСТНАЯ СКАЗКА

Основой сюжета «Лебединого озера» стала старинная немецкая легенда. Главный герой, принц Зигфрид, отмечает свое совершеннолетие в замке, но его увлекает за собой пролетающая стая лебедей. Следуя за ними, он попадает на берег лесного озера, где видит девушку-лебедя Одетту, королеву прекрасных птиц. Раньше она была принцессой, но злой колдун Ротбарт превратил ее в белого лебедя. Каждую ночь с восходом луны чары рассеиваются, и лебедь превращается в красавицу Одетту. Заклинание Ротбарта может быть уничтожено только любовью юноши к Одетте, но, если он нарушит свою клятву, она навсегда останется лебедем. Зигфрид покорен Одеттой и клянется ей в вечной любви. Мать Зигфрида устраивает в замке роскошный бал, чтобы сын выбрал себе невесту. Зигфрида не увлекает ни одна из девушек, пока на балу не появляется Одилия, которую принц принимает за Одетту. Одилия, дочь злого Ротбарта, в образе черного лебедя обольщает Зигфрида, притворившись Одеттой. И принц признается ей в любви. Поняв, что совершил ошибку и изменил клятве, Зигфрид бежит к озеру. Он умоляет Одетту о прощении, но девушка отказывается простить измену, теперь она навсегда останется лебедем. Ротбарт торжествует победу. Зигфрид вступает с ним в поединок и побеждает. Но начинается буря, и Одетта с Зигфридом погибают в волнах озера...

«озвучить» готовый спектакль: музыка сочинялась как аккомпанемент под конкретные, уже поставленные хореографом сцены. Нередко музыку к одному балету писали сразу несколько композиторов. А иногда музыку вообще заменяли, оставляя хореографию. Дело в том, что балетный спектакль в XIX веке был именно спектаклем с танцами.

Музыкальный лейтмотив балета Чайковского – элегическая «Лебединая песнь». Она впервые звучит в начальных тактах увертюры и повторяется в вариациях вплоть до финала. Благодаря такому новаторскому для балетного театра музыкально-композиционному решению балет не распадается на музыкальные фрагменты. А музыкальная стихия «Лебединого озера» – это вальс – романтический, элегический, меланхолический, бравурный.

Принципиально новым для балетного театра стало решение композитором образа главного героя, принца Зигфрида. Для него Чайковский написал яркую музыкально-драматическую партию. Мужской танец у Чайковского – стремительный, мощный, рассчитанный на виртуозное исполнение. Впервые в «Лебедином озере» на балетной сцене появился герой-мужчина. У большинства балетных премьеров XIX века даже не было сольных танцевальных номеров – только мимические сцены и поддержки балерин в дуэтах. Недаром высшим комплиментом для артиста балета того времени было признание, что он хороший «кавалер», то есть партнер балерины.

В начале века XX в спектаклях Русских сезонов будет сделан следующий шаг: танцовщик и балерина станут равными в спектакле, а в балетах с участием Вацлава Нижинского, к примеру в «Гибели розы», танцовщик выйдет на лидирующие позиции, во многом предопределив развитие балетного театра XX века.

Впервые на балетной сцене так отчетливо прозвучала тема рока. Нежные, лирические музыкальные темы балета переплетаются с тревожными и мрачными. Тема рока слышится и в других сочинениях композитора, над которыми он работал в это время, – симфонической фантазии «Франческа да Римини» на сюжет из пятой песни «Ада» Данте и Четвертой

симфонии. Год премьеры первого балета был отмечен драматическими событиями и в личной жизни композитора. Чайковский женится, но брак оказывается столь неудачным, что он совершает попытку самоубийства и после пережитого потрясения надолго уезжает за границу – в Италию и Швейцарию.

Провал постановки расстроил великого композитора, и он надолго отказался от сочинения балетов. Только через двенадцать лет по настоятельным просьбам Дирекции Императорских театров он напишет «Спящую красавицу», а еще через три года – «Щелкунчика». Оба балета поставит в Мариинском театре Мариус Петипа, и они будут иметь огромный успех у публики.

МОСКОВСКИЙ ПРОВАЛ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТРИУМФ

Премьера «Лебединого озера» состоялась в Большом театре 4 марта (по новому стилю) 1877 года. Хореографом первой постановки стал балетмейстер Вацлав Рейзингер, не оставивший яркого следа в истории балетного театра. Партию Одетты–Одиллии исполняла на премьере любимица московской публики Полина Карпакова. В следующих спектаклях она танцевала главную партию в очередь с другой примой-балериной Большого театра, Анной Собошанской.

Собошанская в своих мемуарах вспоминает, что сюжет балета был настолько сложен, что, выходя на сцену во втором акте, где ей предстояло посредством пантомимы «рассказать» Зигфриду о своем происхождении и о том, как ее заколдовали, она, чтобы ничего не забыть, брала с собой шпаргалку с «текстом» роли, которую

прятала в складках украшенной перьями пышной юбки...

Балет Первопрестольной в те годы переживал не лучшие времена, уступая столичному по качеству репертуара и труппы. «Лебединое озеро» выдержало 39 представлений в Большом театре, но так и не заслужило благосклонности публики. И кто знает, может, он так и канул бы в Лету, если бы в Мариинском театре не решили поставить «Лебединое озе-

ро» в память о Петре Ильиче Чайковском, скончавшемся в 1893 году. За постановку взялся Мариус Петипа. Работая в Мариинском с 1862 года главным балетмейстером, он уже поставил принесшие ему мировую славу спектакли – «Венецианский карнавал», «Пахиту», «Дочь фараона», «Дон Кихота», «Две звезды».

Петербургская премьера состоялась 15 января 1895 года. Балет ставили сразу два великих балетмейстера – Мариус Петипа (I и III акты) и Лев Иванов (II и IV акты). Именно этот спектакль известен сегодня во всем мире как вершина русского хореографического академизма.

Поразительно, как были несхожи между собой эти два хореографа. Скромный труженик, сторонящийся сильных мира сего и театральных интриг, как его называли в театре, «тишайший Лев» – Лев Иванович Иванов всегда оставался в тени своего коллеги – властного, амбициозного, обласканного двором главного балетмейстера Мариинского театра Мариуса Петипа. «В этом балете гениально дополняют друг друга русская мечтательность и одухотворенность Иванова и неистовый, изобретательный галльский темперамент Петипа», – отметил один из величайших танцовщиков XX века, Серж Лифарь.

Особенность хореографического дара Льва Иванова состояла в том, что он мог создавать гениальную хореографию только на гениальную музыку, в отличие от Петипа, для которого музыкальный материал не был так важен. Из многочисленного хореографического наследия Иванова до нас дошли только фрагменты двух балетов на музыку Чайковского – «Щелкунчика» и «Лебединого озера», но именно их десятилетие за десятилетием используют большинство постановщиков этих балетов в мире.

Кстати, именно Лев Иванов провел реформу балетного костюма. До его постановки «лебединых» сцен в балете «Лебединое озеро» все персонажи-птицы выходили на сцену с громоздкими, прикрепленными к спине и рукам крыльями, украшенными птичьими перьями. В театральных музеях мира хранятся старинные эскизы костюмов и фотографии, рассматривая которые удивляешься, как такие «птицы» могли свободно передвигаться по сцене. Они напоминают дирижабли – размашистые и неуклюжие.

Движения рук балерин у Льва Иванова лишь напоминают взмахи лебединых крыльев, не копируя, как было прежде, движения птиц. Одна из гениальных находок Иванова – «лебединый» кордебалет, который повторяет, усиливая впечатление, основные позы и жесты Одетты, подчеркивая ее душевное состояние. Именно «лебединые» сцены, поставленные

Ивановым, – адажио Одетты и Зигфрида II акта, Танец маленьких лебедей, Танец больших лебедей – прославили этот балет. Лирические сцены, поставленные им же, органично дополнили яркие, бравурные и эффектные сцены, поставленные Мариусом Петипа. Петипа был непревзойденным мастером хореографического дивертисмента, что блистательно продемонстрировано в сцене бала (III акт «Лебединого озера»).

Петербургский спектакль кардинально отличался от московского и музыкально. Дирижер Риккардо Дриго произвел постановки отдельных сцен в партитуре и сократил ее, добавив новые сцены – па-де-де I акта, использовал фортепьянную пьесу Чайковского «Шалунья» и мазурку «Немного Шопена». А младший брат композитора, Модест Чайковский, тактично отредактировал либретто балета. Вместо Мачехи-Совы появился мужской персонаж – Злой Гений. Таким образом образовались две пары героев: белый лебедь Одетта и принц Зигфрид и черный лебедь Одиллия и Злой Гений.

«Лебединому озеру» в Большом театре не повезло, Рейзингер поставил спектакль в устаревшей эстетике. Балет, поставленный в Санкт-Петербурге, имел огромный успех. Но и Мариинский театр 1894 года нельзя сравнить с Большим 1877-го. За семнадцать лет, прошедших между московской и петербургской премьерами, балетный театр сильно изменился: на смену доживающему свой век романтизму пришел блистательный балетный академизм.

32 ФУЭТЕ НА СПОР

Балетная труппа Мариинского театра во второй половине XIX века была лучшей в мире, в ней блистали и выпускники Импе-

раторского хореографического училища, и приглашенные зарубежные артисты. Главную партию Одетты–Одиллии на премьере в Санкт-Петербурге танцевала одна из лучших балерин Европы того времени, прославленная итальянская виртуозка Пьерина Леньяни. Партию Зигфрида исполнил первый танцовщик труппы, Павел Гердт. К моменту постановки «Лебединого озера» 32-летняя Леньяни находилась в зените славы. Кстати, она вошла в историю балетного театра как первая балерина, исполнившая фуэте. Ставя сцену бала, Петипа предложил ей совершить вращения в быстром темпе. Таких вращений набралось 32. С тех пор исполнение балеринами 32 фуэте считается нормой.

Для того чтобы исполнить фуэте, необходимо обладать как минимум развитым вестибулярным аппаратом. Когда Леньяни спросили, почему фуэте получилось именно 32, она рассказала, что однажды, когда еще училась в хореографической школе в Милане, поспорила с подружками, кто дольше сможет продержаться, кружась на городской карусели. Пьерина победила: она смогла выдержать подряд 32 стремительных круга! И, исполняя фуэте на сцене Мариинского театра, она считала до 32, стараясь повторить свою детскую победу. Несколько лет Леньяни оставалась единственной балериной на русской сцене, исполнявшей фуэте – виртуозный номер, приводивший публику в неистовый восторг. А первой русской балериной, исполнившей фуэте, стала Матильда Кшесинская. Ее мастерство было столь совершенно, что Кшесинская могла бисировать фуэте иногда два раза подряд!

Балерины театра Петипа танцевали не так, как их предшественницы. От исполнительниц партий в романтических балетах требовались прежде всего легкость, воздушность, эфемерность. Это были феи, порхающие с ветки на ветку. Балерины же балетов Петипа должны были обладать отточенной техникой, уверенным апломбом, четкостью в поддержках и дуэтах. Танцовщицы из балета «Спящая красавица» больше походили на светских дам в Версале, уверенно чувствующих себя в присутствии королевских особ, чем на бестелесных обитательниц заколдованных лесов.

Кардинально изменилась не только техника танца, но и внешний облик балерин. На смену все тем же бледным загадочным феям в длинных полупрозрачных одеждах пришли вполне земные дамы – энергичные, элегантные и обворожительные. Балерины стали выступать на сцене в нарядных пачках, причесанные модными парикмахерами, в своих собственных ювелирных украшениях, откровенно бравируя статусом и числом своих поклонников, одаривающих их подарками.

Мариинский театр второй половины XIX века, как и другие столичные музыкальные театры, был не только театром в современном понимании, но и неперенным атрибутом светской жизни, своего рода клубом. В театр приезжали не просто посмотреть спектакль, а еще пообщаться со знакомыми, пофлиртовать... В партере в те времена сидели только мужчины, главным образом офицеры и генералы. Из партера было удобно не только смотреть на сцену, но и лорнировать, как тогда говорили, светских дам в ложах. Разночинная публика теснилась на галерке. Было принято приезжать в театр не на весь спектакль, а на самую интересную сцену... Помните, как в «Анне Карениной» приезжали послушать одну арию в опере в исполнении знаменитой Патти? Так вот, на «Лебединое озеро» некоторые приезжали специально «на фуэте».

Ну а как же Большой театр, визитной карточкой которого уже давно является «Лебединое озеро»? Да, балет был поставлен с успехом в Москве. Но уже в XX веке. В 1901 году спектакль, поставленный молодым балетмейстером Александром Горским, покорила московскую публику. Взяв за основу постановку Иванова–Петипа, Горский добавил несколько удачных сцен, например новое па-де-труа в I акте. «Маленьких лебедей» стало шесть, а не четыре, как у Иванова, в III акте появились новые танцы, в том числе испанский. Именно Горский усилил финальную сцену: герои погибли во время бури, а Ротбарт торжествовал. Многие балетмейстеры впоследствии использовали удачные находки Горского, хотя его фамилию редко упоминают на афишах в качестве сопостановщика балета... 🎭

АЛЕКСАНДРИЯ

МИХАИЛ БЫКОВ

В древней Руси знали о романе, воспевавшем подвиги македонского царя Александра, – эллинистическое сочинение называли «Александрия». Известно о пяти редакциях «Александрии» – четырех русских XII–XIII веков и переводе сербской «Александрии» XIV века. Кто знает, может быть, сын великого князя Всеволода Большое Гнездо переславский княже Ярослав тоже ведал про «Александрию»? Пуще того – увлекался подвигами македонского царя? И потому второму своему сыну дал имя Александр?

Родословное древо великих и удельных князей из рода Рюриковичей ветвисто. Разные имена встречаются: славянские Святославы, Ярослав, Мстиславы, Владимиров; библейские Иоанны, Михаилы, Даниилы; скандинавские Игори и Олеги; греческие Василии, Федоры, Дмитри. Имя Александр на этом древе – большая редкость. Широко известен лишь один его носитель – великий князь Киевский и Владимирский Александр Ярославич, получивший при жизни прозвище Храбрый, а два столетия спустя другое – Невский.

Вот уж, казалось бы, о ком о ком, а об Александре Невском мы знаем достаточно. Особенно ясно сие стало после того, как три-четыре года назад телевидение развязало крупномасштабное мероприятие под названием «Имя России». Целый год страна наблюдала и частично участвовала в определении самого-самого русского. Путем голосования определили – Невский. За победителя шведов, тевтонских рыцарей и литовцев проголосовало более полумиллиона человек. Несмотря на то, что в исторической перспективе великий князь – самая удаленная от нашего времени фигура из дюжины главных претендентов, среди которых столь очевидные претенденты, как Столыпин, Сталин, Петр I, Достоевский, Пушкин, Менделеев, Суворов... Отсюда и вывод: полной нелепицей было бы предположить, что голосова-

ли «втемную», по наитию, полагаясь только на впечатления от кинофильма-агитки «Александр Невский» 1938 года выпуска и кинофильма-глупости «Александр. Невская битва» 2008-го.

Но давайте попробуем ответить на простой вопрос: почему главным подвигом князя в истории осталось Ледовое побоище на Чудском озере в апреле 1242 года, а скромная по военным меркам стычка со шведским десантом на берегу Невы в 1240-м одарила Александра Ярославича бессмертным прозвищем?

Попробовать-то можно, полагаясь на догадки и предположения. Однако исторически выверенного ответа постичь нам, видимо, не дано. И таких загадок великий князь нам оставил в достатке.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ

Первое летописное упоминание о малолетнем князе Александре Ярославиче датируется 1228 годом. Связано это с тем, что его отец Ярослав Всеволодович вступил в конфликт с боярами Новгорода, где он княжил, и посчитал за лучшее вернуться в Переславль-Залесский. Будучи прямым вассалом великого владимирского князя, на родине Ярослав чувствовал себя спокойнее. Психика у князя, видать, была крепкая, раз он посчитал возможным оставить в недовольном Новгороде двух маленьких сыновей – Федора и Александра. Впрочем, Яро-

Из поздних родословных книг сочтется другая информация. В 1218 году Ярослав женится еще раз: опять-таки – на Феодосии, но уже дочери рязанского князя Ингвара (Игоря). И вот именно эта – рязанская – Феодосия и была матерью Александра Невского.

слав, не в пример великому отцу и великому сыну, всю жизнь отличался повышенной импульсивностью.

Но нас более интересует его второй сын. Итак, летопись повествует о 1228 годе. И в таком случае крайне любопытно было бы знать, почему некоторые историки столь уверенно говорят о дате рождения Александра. Говорят уверенно, но дни и даже годы называют разные. Амплитуда приличная: от 13 мая 1219-го до 30 мая 1221-го. Присутствует и 1220 год. И ноябрь наряду с маем. Только очень квалифицированные специалисты, как, например, профессор МГУ Антон Горский, выражаются на сей счет очень осторожно, используя такие обороты, как «предположительно».

Историческую смелость проявил даже патриарх Кирилл, предложивший назначить день рождения благоверного святого князя на 12 июня. И совместить его, таким образом, с официальным праздником – Днем России. С одной стороны, радикально. А с другой – если точная дата все равно неизвестна, почему бы нет? Но если серьезно, то логика такова: первенец князя Ярослава родился в 1219–1220 годах. Следовательно, второй сын вряд ли мог появиться на свет раньше, чем через десять-одиннадцать месяцев после первого.

С той же уверенностью, что и по части дат, многие историки говорят о месте рождения Невского. Переславль – и точка! Скорее всего, оно так и было. Но и в этом случае уместнее рассуждать с осторожностью. Ведь о жизни отца в период после проигранной им собственному тестю междоусобной Липицкой битвы 1216 года и вплоть до 1223 года почти ничего не известно. Равно как и о том, кто в это время делил с ним княжеское ложе. Да-да, какая именно женщина родила князя Александра Невского, твердо сказать нельзя. В 1213 году 23-летний Ярослав женился на дочери великого воина – торопецкого князя Мстислава Удатного (Удалого). Звали ее Ростислава, в крещении – Феодосия. Из жития Невского известно только то, что его мать носила именно это имя. Коллизия же в том, что после страшного поражения владимиро-суздальцев в Липицкой битве победитель Мстислав Удатный наказал Ярослава довольно оригинальным образом. Использовал право отца и забрал Феодосию домой. Ярослав оказался вдовцом при живой супруге. Ни одна из летописей о концовке этой семейной истории не сообщает. Потому и неведомо, вернулась Феодосия к мужу или нет.

В пользу этой гипотезы говорит исключительно «физиологический» аргумент. В течение двух-трех лет брака с Феодосией Мстиславовой у князя детей не появилось. А вот после 1218 года княгиня (Феодосия Игоревна?) рожала с завидной регулярностью, подарив Ярославу десять детей. У Александра оказалось семь братьев и две сестры.

Итак, что мы знаем? Александр Ярославич родился предположительно в 1221 году, предположительно – в Переславле-Залесском, был сыном князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии, предположительно Игоревны, но возможно, и Мстиславовны...

ТО ЛИ ОСТРОВ, ТО ЛИ КАМЕНЬ

Боевое крещение князь Александр получил рано, как и полагалось княжатам в раннем Средневековье. 13 лет – вполне зрелый возраст для мужских поступков! И в 1234 году Ярославич принимает участие в военных походах отца против ливонцев и литовцев. В 1236-м отец садится на киевский великокняжеский престол, и юный Александр остается править Новгородом. Так что к 1240 году, когда случилась Невская битва, князь уже набрался опыта: и военного, и административно-хозяйственного. Тезис некоторых исследователей на тему «откуда что взялось» не выдерживает критики. В XIII веке 6 лет – это сегодня все 20. Невское сражение больших секретов для потомков не оставило. То ли дело – Чудская битва!

До сих пор взмахнет спорят о влиянии этого сражения на будущее Руси, а также Тевтонского ордена. Дискутируют по части численности противоборствующих сторон и величине потерь. Но самое удивительное: ищут место сражения!

Хрестоматийная точка зрения – дрались на льду Чудского озера. А потом, согласно летописям, гнали немца по этому льду на западный берег 7 верст. Апрельский лед не выдержал – и закованные в железо рыцари потопли. Но вот незадача: даже академическая экспедиция, организованная в конце 50-х – начале 60-х годов XX века, не смогла обнаружить материальных следов побоища. Ни останков воинов, ни остатков вооружения. Искали Вороний камень, упомянутый в древних источниках, но в наличии имелся только Вороний остров в южной части Чудского озера. Сошлись на том, что камень разрушился ветрами времен, а погибших воинов по традиции средневековых сражений унесли с собой, чтобы похоронить в родной земле.

Последний тезис довольно курьезен, если принять во внимание, что часть рыцарского войска очутилась на дне. Плохо представляю себе, каким образом утонувших извлекли оттуда в апрельские дни 1242 года. Но даже если так, то уж погибших коней вряд ли тащили с собой для захоронения. Что наши – в сторону Пскова, что тевтоны – в сторону Дерпта. Однако ж, повторюсь, ни черепа, ни косточки никак не находилось. Кстати, более ранние попытки обнаружить следы сражения дали повод немецким историкам в 30-е годы XX века усомниться в том, что битва вообще была. Несмотря на то, что о ней рассказывают не только русские, но и германские летописи.

В 70-е годы прошлого столетия группа энтузиастов-археологов во главе с Кольцовым, оснащенная спецоборудованием, отправилась в Гдовский район Псковской области, на берега Теплого озера, соединяющего Чудское и Псковское озера. Отправилась – и нашла! И воинские захоронения, и остатки оружия, и останки лошадей. И – Вороний камень. Результаты экспедиции довольно аргументированно доказывают, что Ледовое побоище произошло на земле, в нескольких сотнях метров от берега. А также тот факт, что и рыцарское войско, и русские отряды пришли на поле битвы иными маршрутами, чем считалось ранее. Часть рыцарей на самом деле провалились под лед, но совершенно в другом месте.

Академическая наука по этому поводу молчит, как та самая «рыба об лед». Не отрицает, но и не признает. А в учебниках истории и энциклопедиях по-прежнему публикуют карты сражения, созданные исключительно умозрительным способом.

ЖЕНА ИЛИ НЕВЕСТКА

Если учить историю по кинематографу, как это нынче принято, то легко поверить, будто после Чудского успеха князь Александр более ничем на военном поприще не прославился. Да и вообще – ничего важного больше не делал. Сгинул, погрузившись в быт и семейную жизнь. Однако и Невская, и Ледовая победы – это лишь яркое начало его блистательной карьеры правителя.

В 1245 году Ярославичу пришлось столкнуться еще с одним врагом Руси, атакующим с запада. Не только шведы и тевтоны, но и просыпающиеся литовцы тешили себя мечтами о том, чтобы откусить от обескровленной нашепствием Чингизидов Русской земли куски пожирнее. А Новгородская и Псковская земли были на тот момент самыми жирными. Их тумены Батые в 1238 году не тронули, не дойдя до Новгорода чуть более ста верст.

Спустя три года после Ледового побоища Невский трижды наносит поражения литовскому войску, вторгшемуся в пределы Смоленского, Витебского княжеств и Новгородской земли – у Торопца, под Жижицами и Усвятами. С этой стороны он предчувствовал опасность давно. Еще в 1239 году строил укрепления по реке Шелони. А Торопец, ставший городом еще в XI веке, представлял для князя не только стратегический, но и сугубо личный интерес. И не защищать он его попросту не мог.

В том же 1239 году Александр Ярославич женился. В жены выбрал дочь витебского князя Брючислава Васильковича – Параскеву, в крещении Александру. Свадьбу играли как раз в Торопце, венчались в храме Святого Георгия. Вопреки традиции того времени первый пир устроили на родине невесты, а уж потом праздновали в Новгороде, где Александр княжил.

Александре Брючиславовне было всего 16 лет, но девушка была воспитана блестяще: знала языки, умела управлять, отличалась самостоятельностью. В год Невской битвы княгиня принесла Ярославичу первенца. Всего же в семье родилось четверо сыновей и дочь.

Дата смерти княгини Александры неизвестна. Впрочем, один источник – сайт Городецкого Феодоровского мужского монастыря – уверенно утверждает, что она умерла в 1264 году. Похоронили ее в соборном храме владимирского Княгинина монастыря. Там же упокоилась и дочь великого князя Евдокия. А рядом лежит еще одна тайна, связанная с Невским.

Во многих официальных источниках упоминается вторая жена князя – Васса. Основанием служит тот факт, что в Княгининском монастыре покоится прах княгини Вассы в соседстве с прахом Александровой дочери. Более ничего и нигде о супруге по имени Васса не сообщается.

В том же Феодоровском монастыре считают, что Васса – это та же Александра Брячиславовна, принявшая это имя в иночестве после смерти мужа. Есть версия, что Васса – вторая супруга князя Андрея, сына Александра Невского, а ошибка – на совести камнерезчика, сделавшего неверную запись. Чудно, что в самом древнем Княгининском монастыре убеждены: Васса – это все-таки вторая жена самого Невского.

БРАТ НА БРАТА

Жизнь новгородского князя Александра Ярославича кардинально изменил 1246 год. Далеко, в столице монголов Каракоруме, умер его отец. Яд великому князю подсыпали по приказу матери великого хана Гююка – Туракины. У Чингизидов разгорались собственные дразги, хан Гююк, мягко говоря, недолюбливал Батю, управлявшего северо-западной частью империи – улусом Джучи, в который входили и русские земли. В Каракоруме Ярослава считали ставленником Батю. После смерти князя на Русь полетел гонец с требованием к Александру явиться в Каракорум.

На этот зов Ярославич не явился. Но в следующем году вместе с братом Андреем отбыл в Орду к Батю. И только после этого они направились в столицу империи. В целом путешествие заняло более двух лет. Итог: Александр получил ярлык на киевское

княжение, но остался в Новгороде. Андрей сел на престол во Владимире.

Там, в Орде, у братьев окончательно сформировались представления о том, какая политика необходима в отношении сюзерена. Вернее, у каждого появилась своя политика. Александр пришел к убеждению, что с монголами надо договариваться. Андрей – к тому, что с Ордой надо сражаться. Думаю, не ошибусь, если скажу: это решение, а вовсе не победы над шведами, тевтонами и литовцами, сделало Александра Ярославича великим. Полководцев на Руси хватало. Политиков, способных на столь масштабные решения, – не всегда. В тот час страна нуждалась именно в политиках.

Именно этот выбор Невского является камнем преткновения для тех, кто и сегодня пытается оценить его роль в русской и мировой истории. Довольно тех, кто доказывает, будто князь, согласившись на протекторат Орды, преследовал сугубо личные цели. Хотел усидеть на престоле – вот и склонился перед монголами. Властолюбие и страх – простые и ясные мотивы поведения Александра. Согласитесь, было бы странно, если б потомок Рюриковичей не хотел сохранить власть, данную ему по крови его. Еще более странно, если б Александр, зная о судьбе отца, не испытывал бы страха перед монголами. Но был ли это страх за собственную жизнь? Или это был страх за всех, кто остался в русских пределах в ожидании дальнейшей судьбы? Менталитет людей в раннем Средневековье заключался в том, что Бога они боялись больше смерти. А чего хотел от князя Бог?

Андрей посчитал, что Бог хочет сопротивления. Его союз с Даниилом Галицким кончился тем, что южнорусский князь привел свой народ под папскую унию, а земли свои – под многовековую власть литовцев, поляков, австрийцев. Сам Андрей после неврюевского нашествия, изувечившего Переславль, бежал в Швецию. Вернувшись впоследствии, тихо сидел-княжил в скромном Суздале.

Александр рассудил иначе. В течение двух лет наблюдая Орду изнутри, он понял, что тягаться с ней на тот час – смерти подобно. Не ему лично, всей Русской земле. Спровоцируешь – добьют! А что там осталось добивать после «визитов» Батю в 1237–1240 годах? Разве что нетронутый Новгород... Он также видел, что ордынцы не посягают на веру православную. В от-

личие от западных соседей, навязывавших католичество как обязательное условие союзничества против монголов. Но, кроме католических соборов, предметно не предлагавших ничего. Хуже того, в 1248 году папа Иннокентий шлет Александру буллу

о союзничестве, а в 1249-м, когда князь все еще в Орде, папский легат санкционирует очередной поход шведов в центральную Финляндию, входившую тогда в сферу интересов Новгорода. Папские буллы и набег хана Неврюя – вот события, вокруг которых выстраивается «антиневская коалиция» не столько ученых, сколько политологов.

Послания от папы действительно были. Первое Александр получил в ставке Батыя. Ответ не сохранился. Но, судя по второму письму из Рима, князь отвечал крайне уклончиво. Оно и понятно: еще не было ясно, чем кончится поездка на восток. Когда отношения с Каракорумом стали определенными, Невский, уже находясь дома, отказался от сотрудничества с папой весьма категорично. Прагматик? Безусловно. Но для политика это важное качество. Политик-романтик – это куда опаснее.

Виновником неврьюевского похода на Владимировское княжество в 1252 году Александра Ярославича сделал историк Татищев. Никаких оснований, кроме логических умопостроений, у него не имелось. Тему подхватили не только в России, но и на Западе. Помнят, что ли, там, как Невский отказал им в союзничестве три четверти тысячелетия назад? Появились такие, что прямо обвинили князя в предательстве братьев, разорении родного Переславля и гибели невестки от рук монгольских карателей. Татищев и иже с ним рассуждали так: в 1252 году Невский отправился к Батью, вскоре на Русь пришла рать Неврюя с целью наказать владимирского князя Андрея, после бегства одного Александр вернулся домой и сел на владимирский престол. Проще некуда! Съездил к хозяевам, пожаловался, получил награду...

События развивались несколько иначе. Ярославичей в ставку Батыя вызвали. Алек-

сандр поехал, Андрей – нет. Младший брат догадывался, что Батый знает о его нелояльности и переговорах с Даниилом Галицким. В Каракоруме в очередной раз сменилась власть, и великим ханом стал ставленник Батыя – Мунке. А это означало, что ярлыки, выданные прежней властью, могут отнять. Вернее, должны отнять. Ошибка Андрея была в том, что он не захотел явиться на ковер. И тогда хозяева ковра явились к нему сами. Это был как раз тот самый случай, когда русский князь спровоцировал монголов на радикальное вмешательство. Батью не нужно было разорять русские земли, исправно платившие дань. Ему требовалось наказать и изгнать носителей крамолы.

Этот урок прагматичный Александр Ярославич усвоил хорошо. В 1257 году, когда ордынцам вздумалось провести на Руси перепись, дабы упорядочить налоговые сборы, великий князь пресекал всякое неповиновение этому процессу. Не он привел иго на Русь. Когда тумены Батыя впервые появились в русских пределах, Александр княжил в далеком Новгороде и на решение киевского и владимирского стола не влиял. Но иго пришлось. И главную свою задачу в качестве великого князя Владимировского и Киевского он видел в том, чтобы не опровергнуть приписываемое ему изречение: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». В середине XIII века от меча наверняка погибла бы сама Русь.

ПРИ НЕВЫЯСНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

В начале 1262 года в северо-восточных городах Руси случилось непредвиденное. Перебили монгольских сборщиков дани. Это могло кончиться карательной экспедицией. И великий князь Александр Ярославич выехал в Орду к хану Берке – улаживать вопрос. Видимо, получилось, раз ордынцы в поход не собрались. Но на обратном пути князь заболел и поздней осенью того же года скончался в Городце на Волге.

Версию об отравлении великого князя в ставке Берке муссируют до сих пор. Что ж, монголы вполне заслужили подобную подозрительность, уж больно много высокопоставленных лиц, как приезжих, так и местных, окончили жизнь в шатрах Орды при странных обстоятельствах. Но применительно к Александру Невскому никаких, даже косвенных, доказательств нет. Или они не сохранились. С другой стороны – была ли смерть Невского выгодна ордынцам в тот год? Вряд ли...

Мог ли князь умереть от естественных причин? Вполне. В начале 50-х он уже перенес серьезное заболевание с прямой угрозой для жизни. И пусть в воспоминаниях современников он предстает очень высоким, красивым мужчиной с голосом «подобно трубе», многочисленные походы, сражения, поездки по Руси и в Азию, наконец, постоянное напряжение могли ослабить и состарить тренированное тело. В XIII веке мужчина, разменявший пятый десяток, считался весьма пожилым человеком.

ПАШУТО ПРОТИВ ПАШУТО

Князь давно покинул грешную землю, но его присутствие ощущается до сих пор. Я не о судьбах Родины, на которые он так повлиял при жизни. Есть вещи куда более мелкие, прозаические.

Одним из крупных исследователей жизни средневековой Руси и Восточной Европы был советский историк, член-корреспондент Академии наук Владимир Терентьевич Пашуто. Среди прочего занимался и исследованиями, посвященными Александру Невскому. В этом аспекте на него ссылался другой «специалист по Невскому» – доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института российской истории РАН Андрей Петрович Богданов.

В 1974 году в знаменитой серии ЖЗЛ вышла книга «Александр Невский». Этот труд более похож на историческую беллетристику или «науч-поп», чем на серьезную исследовательскую работу. На обложке – автор, В. Пашуто. И все. Зато в интернет-аннотации можно вычитать, что зовут автора Валерий Петрович, что он доктор исторических наук.

Если о Владимире Терентьевиче можно много найти в энциклопедиях, а также в Интернете, то биография Валерия Петровича еще более загадочна, чем его героя, Александра Ярославича. Ну, то есть – абсолютная загадка. Ничего нигде нет. Положение усугубляется тем, что в разных анонсах разные книжные магазины сообщают о разных авторах одной и той же книги ЖЗЛ. У одних ее написал Валерий Пашуто, у других – Владимир.

Недавно книга переиздана. И на обложке уже не инициал, а полное имя. Думаете, доктор наук Валерий Петрович? Не угадали. Член-корреспондент Владимир Терентьевич. А текст под обложкой – похоже, Владимира Петровича...

Попробовал позвонить в эти самые книжные магазины. А-а, уже догадались, в какое место меня отправили?

Ну, князь!

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Чехардой с Пашуто история Александра Невского не ограничивается. Что там доктора наук – академики рвут удила! Прочитав академика Российской академии наук Юрия Пивоварова: «Тот же Александр Невский – одна из спорных, если не сказать, смрадных фигур в русской истории... Ледовое побоище – всего лишь небольшой пограничный конфликт, в котором Невский повел себя как бандит, напав большим числом на горстку пограничников. Так же неблагородно он поступил и в Невской битве, за что и стал Невским...» (журнал «Профиль»). И еще: «Александр Невский – вы знаете кто такой? Это – идеальный Сталин» (Пятый канал «Суд времени»).

А я тут осмелился в начале о том, что о Невском мы знаем достаточно...

Восемнадцатого апреля в стране – государственный праздник, День воинской славы России. День победы русских воинов Александра Невского над Тевтонским орденом на Чудском озере. Не уверен, будет ли праздновать в этот день академик Пивоваров, но зато уверен в себе: не буду. По той простой причине, что, в отличие от академика Пивоварова, очень уважительно отношусь к фигуре великого князя. Не думаю, что он – Невский – позволил бы отмечать его славную победу не в тот день, когда она случилась.

Дело в том, что, принимая закон о Днях воинской славы России в 1995 году, депутаты Госдумы, движимые глубокими патриотическими чувствами, переволновались и поторопились. И второпях забыли о том, что превратили старый стиль в новый путем прибавки к дате 12 дней можно только применительно к XIX веку. Ледовое побоище случилось несколько ранее. При переводе дат XIII века прибавляют только 7 дней. Битва

состоялась 5 апреля по юлианскому календарю, следовательно – 12 апреля по григорианскому, ныне действующему.

Вот такая у нас с вами Александрия получается! Не чета греческой. 🍷

И ГОГОЛЬ, ТАКОЙ МОЛОДОЙ

АННА ГАМАЛОВА

Некоторые книги были в нашей жизни всегда – вечные, как солнце, трава или новогодняя елка. Поэтому нам трудно понять, что когда-то и они ворвались в литературу неожиданными кометами, ошеломляя и радуя, – так же трудно, как представить себе бабушку молодой, а маму – девочкой. С «Вечерами на хуторе близ Диканьки» ровно так и обстоит дело.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Чуть более 180 лет назад критик Петр Плетнев рассказал Пушкину о молодом писателе Гоголе-Яновском, «который обещает что-то хорошее» и заметил: «Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение». Тогда Гоголь в самом деле еще только много обещал: названия его первых произведений (ну, кроме неудачного «Ганца Кюхельгартена») – «Глава из исторического романа», «Учитель», «Женщина» – нынешнему читателю даже и не говорят почти ничего.

Николай Васильевич тогда преподавал в Патриотическом институте, куда его устроил Плетнев, и учительствовал частным образом, в том числе был педагогом у слабоумного Васи, сына Александры Васильчиковой, которая приходилась теткой писателю Владимиру Соллогубу. Соллогуб так описывает первое знакомство с Гоголем: «Мы вошли в детскую, где у письменного стола сидел наставник с учеником и указывал ему на изображения разных животных, подражая при том их блеянию, мычанию, хрюканью и т.д. «Вот это, душенька, баран, понимаешь ли? баран, – бе, бе... Вот это корова, знаешь, корова, му, му». При этом учитель с каким-то особым оригинальным наслаждением упражнялся в звукоподражаниях».

Работать над «Вечерами» Гоголь начал еще в 1829 году – ему едва исполнилось двадцать.

В письмах домой он засыпал свою маму требованиями рассказывать ему «о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи», описать наряд сельского дьячка, описать свадебный обряд, сообщать мало-мальски интересные анекдоты... Вся работа уложилась в три года и была закончена в 1832 году; автор еще и отвлекался на исторический роман «Гетьман» и заграничную поездку. Спрятаться при публикации под маской «пасичника Рудого Панько» ему посоветовал все тот же Петр Плетнев.

Как вспоминал Соллогуб, по вечерам молодой учитель читал Васильчиковой, ее старой матери и сонму домашних приживалок свою «Майскую ночь»: «Кто не слышал читавшего Гоголя, тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробегавшими по его оригинальному

остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами. Описывая украинскую ночь, он как будто переливал в душу впечатления летней свежести, синей, усеянной звездами выси, благоухания, душевного простора. Вдруг он остановился. «Да гопак не так танцується!» Приживалки вскрикнули: «Отчего не так?» Они подумали, что Гоголь обращался к ним. Гоголь улыбнулся и продолжал монолог пьяного мужика. Признаюсь откровенно, я был поражен, уничтожен; мне хотелось взять его на руки, вынести его на свежий воздух, на настоящее его место».

Очень скоро первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» увидела свет – четыре повести: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Десятью годами позже Гоголь, составляя собрание сочинений, раздумывал, не выкинуть ли их вовсе, но не стал: «...то первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя; но при них чувствовались первые сладкие минуты молодого вдохновения, и мне стало жалко исключать их, как жалко исторгнуть из памяти первые игры невозвратной юности». В самом деле, Гоголь, автор хрестоматийного «Знаете ли вы украинскую ночь», был чуть старше 20 лет – редкое даже для избалованной талантами русской литературы явление совершенно оформившегося уже на выходе из отроческих лет чистого и ясного гения. Сейчас трудно представить, какое ошеломляющее впечатление произвели живые, поэтичные и прекрасные «Вечера» на русскую публику. Отечественная литература в те времена была еще очень молода, золотой фонд ее был чрезвычайно мал и активно пополнялся действующими писателями. По преимуществу дворянская, она была салонной, библиотечной и кабинетной – ну, может, выбиралась иногда на лоно романтической природы... но деревня как она есть, со всеми ее обитателями возникала

в литературе разве что где-то на обочине, где-то на полпути между Петербургом и Москвой. А тут вдруг вломился в нее и крепко обосновался целый мир – яркий, шумный, со своими преданиями и поэзией, смешной, страшный, трогательный. Гоголь писал Пушкину (Плетнев их познакомил в мае 1831 года) о том, как рассмешил наборщиков: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он, после некоторых ловких уклонений, наконец, сказал, что *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, очень до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни». Пушкин отвечал: «Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканием наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца». Под «остреньким сидельцем» он имел в виду Николая Полевого, издателя «Московского телеграфа».

Искушенный, начитанный Пушкин – под стать простосердечным наборщикам – долго ходил очарованный новой книгой, о чем писал издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» Воейкову: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился». И напоминал в 1836 году в рецензии: «Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени, поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!» А со времен Фонвизина к тому времени прошло сорок полных лет, за которые ничего равного «Недорослю» на свет не появилось – пока не затмил его славу тот же Гоголь со своими «Ревизором» и «Женитьбой».

Пушкин, правда, замечал в «Вечерах» «неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов»; кто сейчас предъявит книге, словно высеченной из цельного куска мрамора, упрек в стилистическом несовершенстве? Но 180 лет назад она еще была только что вышедшей из типографии книжкой, а критики делали свое дело: придирались и бранились. Так что Пушкин, предвидя упреки, которые посыплются на молодого сочинителя, про-

сил издателя приложения к «Русскому инвалиду»: «Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч.». Желая напасть, разумеется, нашлись. И первым был «остренький сиделец» Николай Полевой, сам недавно опубликовавший в «Московском телеграфе» статью «Малороссия, ее обитатели и история». С этой статьей спорил в «Литературной газете» друг Гоголя Орест Сомов, а Полевой подозревал, что «пасичник Рудый Панько» Сомов и есть; так или иначе, в «Московском телеграфе» он безжалостно разобрал книгу, обращаясь непосредственно к автору: «воля ваша, мы своим русским умом не понимаем этого высокопарения», «желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и всё ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься»... Полевой вменил в вину Гоголю даже «бедность воображения» и «скудость изобретения», не говоря уже об ожидаемых Пушкиным упреках в «отступлении от устава вкуса и законов изящного» и даже «ошибках против правописания».

Писатель Андрей Стороженко в «Сыне Отечества и Северном Архиве» на протяжении четырех номеров печатал свою этнографическую экспертизу «Вечеров» под псевдонимом «Андрей Царынный»; он въедливо указывал, что Левко на бандуре играть не мог, потому что на бандурах играют только слепые, а гетманский гонец в «Пропавшей грамоте» не мог ехать через Конотоп, а песня, которую поют парубки под окном головы, есть «смешение наречий малороссийского с русским» и т.д. и т.п., — живописность и занимательность книги, правда, он признавал. Споры об этнографической точности «Вечеров» тянулись еще несколько десятилетий, полемисты находили у Гоголя все новые неточности, хотя каждому было очевидно, что этнографически верное описание украинского быта в задачи этой сказочной книги вообще не входило.

Полевому спешили возразить Орест Сомов все в тех же «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и Николай Надеждин в «Телескопе». К выходу второй книги «Вечеров» в общественном мнении — пожалуй, с легкой руки Пушкина — устоялся взгляд на книгу как на произведение живое, веселое, остроумное, несмотря на глубокую печаль, пронизывающую даже светлую и ясную «Майскую ночь», на фантазмагорию и чертовщину, которых в этой веселой и зани-

мательной книге хоть отбавляй. Во вторую книгу, увидевшую свет в марте 1832 года, входили еще четыре рассказа: «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», отмеченная чуть не всеми рецензентами как самое сильное произведение в сборнике, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», рецензентами не замеченный, и «Заколдованное место». Баратынский, которому Гоголь подарил свою книгу, писал о ней: «Еще не было у нас автора с такою веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский — человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей «Страшная месть» он не однажды был поэтом». «Телескоп» заметил, что «Рудый Панько владеет кистью смелою, роскошною, могущественною. Его картины кипят жизнью», а Полевой в «Московском телеграфе» вынужден был признаться, что вторая книжка хороша, но опять усмотрел «большие неправильности в языке». И тоже нашел «неистощимую веселость», далась же она им, эта веселость. И ладно «Ночь перед Рождеством», в самом деле уморительно смешная, но «Страшная месть»! В самом деле страшная, томительная, с мятущейся и стонущей душой пани Катерины, поэзию увидели в ней, но как же не увидели этого другого Гоголя — с его страхом смерти, с его метафизическими прозрениями и острой тоской. Как же не увидели Шпоньки — откуда начался третий Гоголь, миргородский, ревизорский, с острым глазом и ехидцей...

Впрочем, «Вечера на хуторе близ Диканьки» — это в самом деле юность русской литературы, со всем тем лучшим, что есть в юности: силой и искренностью чувств, непосредственностью, органичностью и красотой. Это хорошо разглядел Белинский, который в 1835 году отозвался о «Вечерах» так: «Это были поэтические очерки Малороссии, очерки полные жизни и очарования. Всё, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, всё, что народ может иметь оригинального, типического, всё это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная».

Молодой Гоголь не ставил себе никакой задачи, когда писал «Вечера». Ничему не учил, ничего не проповедовал, не ставил целей обличать и исправлять нравы — просто писал, потому что пишется, как птица поет, потому что поется, не зная даже, что из этого получится. Это потом он станет бичевать и горько осмеивать, поучать и наставлять, получит свою долю славы, осуждения и осмеяния... А «Вечера на хуторе близ Диканьки» так и останутся памятником счастливой молодости, полной сил и любви, — молодости, у которой еще все впереди, которая живет, поет и радуется миру, потому что не может иначе. ■

НОЧЬ СВЕТЛА

МИХАИЛ БЫКОВ

Стратеги государств-полисов, цари Спарты и Македонии, императоры Рима и Византии, султаны Блистательной Порты, «черные полковники» и президенты... Какой только не была власть в греческих землях! Но имелись там и короли с королевами. Правда, недолго, немногим более столетия.

Ольга
Константиновна
(1851–1926),
королева
Греции

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 15 километрах от Афин на склоне горы Парнита есть место – Татой называется. Здесь, на территории заброшенного королевского дворца, погребены все греческие короли династии Глюксбургов. Георг I и Георг II, Константин, Александр, Павел. Лежат на этом кладбище и три представительницы русского императорского дома. Великая княжна Елена Владимировна, великие княгини Александра Георгиевна и... Ольга Константиновна, королева эллинов.

Дворец был задуман королем Георгом I как греческий Петергоф. Так и строился. Но вот уже более сорока лет владетельных особ там нет, а у греческих властей все руки не доходят. Последний раз обещались сделать в Татое музей в 2007 году. Но грянул первый кризис, а сейчас, на пике второго, грекам не до музеев. Потому и туристов в Татое мало. Кроме того, Королевство Греция в сравнение с древней

Элладой не идет, досужим путникам почти ничего не говорит. Специально в Татой приезжают в основном русские. Те, что с иностранными паспортами. Отдать дань королеве Греции Ольге Романовой.

Оно, конечно, удивительно: королева Романова, короли Глюксбурги – и при этом греки...

А дело было так. После гибели Византийской империи, в которой Греция веками сохранялась как скромный по размерам, но самой чистой воды бриллиант, в эти земли пришли турки. Надолго пришли – на четыреста лет почти. История Греции временно прекратилась. Но в 1830 году мощное восстание привело к освобождению от ига. То самое, в котором погиб английский поэт лорд Байрон и персонаж Пушкина из повести «Выстрел» Сильвио. Не последнюю роль в счастливом для греков финале сыграла победа России в очередной русско-турецкой войне в 1829 году и условия Адрианопольского мира, навязавшие Турции греческую независимость. Великие державы Европы определили: быть Греции королевством. На трон сел баварский принц Оттон, но династию основать ему греки не дали. Не понравился.

В 1863 году греческий трон перешел к датской династии Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург. Запоминать, честно говоря, не обязательно. Греческий король Георг I был вторым сыном датского короля Христиана IX. Одна его сестра вышла замуж за английского короля, дедушку нынешней королевы Елизаветы. Другая, под именем Марии Федоровны, стала женой русского наследника – великого князя Александра Александровича и в 1883 году короновалась русской императрицей. Все родственные связи перечислять нет смысла. И так понятно, что Британия и Россия относились к греческому престолу трепетно.

Но какой престол без королевы? Требовалось создать новую европейскую династию. Выбор родственников всех кровей, а заодно и самого Георга, гостившего в России, пал

Отдельный вопрос – медицина. Будучи сама хорошо обученной сестрой милосердия, королева много усилий тратила на создание лечебной отрасли в стране. По ее распоряжениям строились больницы, госпитали, дома престарелых, школы медсестер и даже бани для солдат и матросов афинского гарнизона. В 1877 году она организовала в Афинах отделение Общества Красного Креста. Особая гордость Ее Величества – русский военно-морской госпиталь в афинском городе-порте Пирее.

на 16-летнюю внучку Николая I, дочь великого князя Константина Николаевича – Ольгу. Георгу ко дню свадьбы исполнился 21 год. Уже более четырех лет он грустил на греческом троне.

Церемония венчания, между прочим, прошла вовсе не в Афинах. И даже – не в Копенгагене. В Царском Селе под Петербургом. После чего молодые и отбыли в Элладу. Прожили Георг и Ольга вместе долгую и счастливую жизнь – с 1867 по 1913 год, когда пуля греческого социалиста Схинаса, нетвердого в уме, настигла короля во время богослужения в Салониках. У четы родилось семеро детей.

Что с того, казалось бы? За кого только не отдавали многочисленных царских дочерей на Руси! Особенно в XIX веке. Романовы, начиная с Николая Павловича и его братьев, в количестве детей себя не ограничивали. Но королева эллинов Ольга Константиновна – случай особенный. Не потому вовсе, что была счастлива в замужестве. Причина в другом – грекам с королевой на редкость повезло!

Да и русским – тоже.

Первое, что посчитала необходимым для себя Ее Величество, – это выучить греческий язык. Да так, чтобы говорить вовсе без акцента. И мужа к этому подвигла. Ольга Константиновна была убеждена, что если выпала ей столь неожиданная миссия, то выполнять ее надо с усердием. И она, и Георг относились к Греции как к родной стране.

Далее королева принялась за решение социальных проблем, как сказали бы сейчас. На глобальное не замахивалась, зато занималась вопросами конкретными и актуальными. Например, добилась разделения тюрем на мужские и женские. До нее преступники обоих полов содержались в Элладе вместе. Гористая Греция часто страдала от землетрясений, и королева организовала систему помощи жертвам стихийных бедствий. В то время в Греции процветала такая отрасль рыболовства, как лов морской губки. Добычу гнали на экспорт. Но сами губколовы от щедрот морских получали крохи. Оказались чем-то сродни ловцам жемчуга восточных морей. Жили в нищете, гибли в море, умирали рано от «кессонки» и других профессиональных болезней. Ольга Константиновна поставила жизнь и работу губколов под особый контроль.

Общества Красного Креста. Особая гордость Ее Величества – русский военно-морской госпиталь в афинском городе-порте Пирее. В 1891 году в подмосковном имении великого князя Сергея Александровича Ильинское скончалась 21 года от роду дочь королевы, Александра. Ольга Константиновна почти все личные средства – 150 тысяч драхм – потратила на покупку земли в Пирее и строительство там госпиталя для русских моряков. Во второй половине XIX века русские военные корабли несли боевое дежурство у берегов Греции, на всякий случай. Пирей был военно-морской базой. Служба во флоте всегда была нелегкой, и дочь генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, любившего и знавшего море и моряков, имела об этом представление с детских лет по разговорам в семье. Военно-морской госпиталь получил имя безвременно ушедшей дочери – великой княгини Александры Георгиевны.

Госпиталь укомплектовали русскими специалистами. При нем работала библиотека, был клуб, открылся православный храм с русским батюшкой. Помимо помощи русским морякам госпиталь служил и грекам. В год амбулаторно принимали до 100 тысяч человек. Когда позволяло время, простой сестрой милосердия дежурила в госпитале сама королева эллинов.

Не будет преувеличением сказать, что именно Ольга Константиновна в бедной, управляющейся после многовековой колонизации Греции подавала пример всей Европе по части системного подхода к благотворительности.

Разумеется, православная королева в православной стране строила храмы. Известно, по крайней мере, о пяти церквях, появ-

лением которых Греция и Крит обязаны Ее Величеству.

Храм и погост – что еще нужно человеку? В том же, 1891 году Ольга Константиновна озаботилась созданием русского кладбища в Пирее. Случались смертные случаи и на кораблях русской эскадры, и на военно-морской базе, и среди русских, проживавших в Греции. В 1907 году указом королевы кладбище расширили. Может быть, мудрая женщина чувствовала, что через несколько лет понадобится куда больше места для русских захоронений?

В Первую мировую войну на Македонском фронте воевали две отдельные русские бригады Экспедиционного корпуса. А после 1917 года хлынул эмигрантский поток – более 30 тысяч человек осело в Греции.

О военно-морском кладбище в Пирее стоит сказать подробнее. При королеве Ольге моряков там хоронили с почестями, из королевского дворца присылался венок, в газетах печатались некрологи...

В 1927 году, уже после смерти Ольги Константиновны, афинские власти передали кладбище в распоряжение Союза русских эмигрантов и советов двух местных русских церковных приходов. Но после свержения королевской династии в 1967 году пришедшая к власти военная хунта «черных полковников» это решение аннулировала. Кладбище перешло под контроль муниципальных властей.

Дальше – больше. Под разными предложениями из почти 800 захоронений оставили не более сотни. Остальной прах и могильные плиты предложили перенести в часовню Святой Ольги, построенную на средства эмигрантов в 1980 году у кладбищенской ограды на «русском участке». Наверное, другой такой часовни в мире нет. Ее стены снаружи – сверху донизу – обложены фрагментами надгробных плит. И на каждом фрагменте – русская фамилия и даты жизни.

По решению суда все постановления, принятые во время правления «черных полковников», в Греции отменены. Не-

отмененным осталось только одно – касающееся русского кладбища в Пирее. На него не распространяется международный мораторий, обеспечивающий неприкосновенность всех воинских захоронений в Европе. Тут лежат не только солдаты и офицеры...

Начиная с 2000-х тему несколько раз поднимали представители русских дипломатических кругов и общественных организаций России и Греции. Но, очевидно, пока не подняли на нужную высоту.

Всего этого не знала русская королева Греции. Она упокоилась в 1926 году в Риме. Но и на ее долю хватило испытаний, когда в начале XX века мир затрясло.

После трагической смерти мужа и прихода к власти сына Константина, тяготевшего к германскому императорскому дому, Ольга Константиновна переехала в Россию, жила в Мраморном дворце Петербурга у брата – великого князя Константина. Началась Первая мировая война, и королева эллинов с головой ушла в благотворительные мероприятия. Но в сентябре 1914-го на фронте погиб племянник – князь императорской крови Олег Константинович, в 1915-м скончался брат...

Спустя три года счет пошел уже на десятки жертв среди близких людей. Из Греции приходили печальные новости. Сын королевы Константин правил недолго, вынужден был отречься в пользу внука Ольги Константиновны – Александра. В 1920-м он скоропостижно скончался от заражения крови после укуса домашней обезьяны. Королева вернулась домой – кто-то должен был взять на себя бремя власти, и она стала регентшей. Потом на считанные месяцы на трон вернулся Константин I, но в 1922 году вновь был вынужден отказаться от короны в пользу второго сына, Георга. Формально так оно и вышло, но правительство и народ Греции предложили королевской семье временно покинуть страну. Ее Величество, разменяв восьмой десяток, отправилась в изгнание...

В 1936 году останки Ольги Константиновны перевезли из флорентийской православной церкви Рождества Христова в Грецию, в Татой. На могиле выбиты слова из псалма: «Но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла как день».

В современной Элладе трудно найти сувенирную лавку, в которой не продавали бы предметы с изображением короля Георга I и королевы Ольги.

Да уж, где русские не пропадали! 🍷

СЛАДКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ КУПЦА ПРОХОРОВА

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

В конце XIX века купец из города Белёва придумал для своей бабушки лакомство. Бабушка очень любила печеную антоновку и попросила внука придумать, как бы ей и зимой можно было яблочек поесть. То, что получилось у купца, понравилось не только бабушке: белёвская пастила стала легендарным деликатесом, которым лакомились даже европейские монархи.

Путь от Перемышля до Белёва приятно удивил. Вместо разбитого асфальта и отсутствия указателей – нормальное шоссе и аккуратные таблички. Но вот после указателя «Белёв» дорога превратилась в решето: яма за ямой. Местные успокаивают: «Сейчас еще снег не сошел, он сглаживает ямы. Летом же... От ударов днищем о землю случалось срабатывали подушки безопасности».

Исторический центр города – не в лучшем состоянии. Белёв стоит на холмах, или, как говорят историки, древних валах. Деревянные дома, часть из которых заброшена, прилепились прямо к склонам. По крутым тропинкам взбираются мамы с колясками, школьники, студенты, даже старики с палочками преодолевают подъем. В городе есть старые, полуразрушенные храмы, есть и действующие. Это – Алексеевская надвратная церковь, Николо-Часовенский храм, полны верующих крупнейшие в городе Свято-Троицкий храм и церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Восстановлен Спасо-Преображенский монастырь, белоснежная колокольня которого – архитектурная доминанта современного Белёва.

А в XIX веке Белёв был крупным купеческим городом. Сельскохозяйственный грузооборот его торговой пристани был завидным: более 1,5 тысячи судов ежегодно грузилось в городе. Караваны барж с хлебом, маслом, салом, воском, пенькой, шерстью и другими товарами тянулись по Оке в Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Ригу.

ЗАВОД ОГНЕВОЙ СУШКИ

Основателем купеческого рода Прохоровых считается крепостной на откупе, который с сыновьями возил по Оке лыко из Белёва в строящийся Петербург. Доподлинно не известно, каким образом они смогли добраться до Северной столицы, где использовали мелкие реки, где тащили судно волоком. Как бы то ни было, в XIX веке на восточной окраине Петербурга возник целый городок белёвских купцов, склады, дома для приказчиков и рабочих. Эту местность называли Белёвским полем еще сорок лет назад, а Белёвский переулочек существует и поныне.

Петр I наградил смешленного Прохорова медалью, даровал ему вольную и 5 рублей серебром. На эти, немалые по тем временам, деньги бывшие крепостные купили землю в окрестностях Белёва, построили дом, насадили яблоневые сады. Дело у новых купцов развивалось бурно. Они торговали пенькой, конопляным маслом, лесоматериалами, яблоками. С конца XVIII века Прохоровы становятся виднейшей купеческой фамилией в городе. А открывшийся в 1865 году Банк Прохоровых стал одним из первых народных банков в Тульской губернии. С того времени Прохоровы становятся виднейшей купеческой фамилией в городе.

Около 1850 года в семье родился сын Амвросий. Стремление осваивать что-то новое, изобретательность, тяга к образованию – таковы были черты характера молодого купца. В 1888 году Амвросий открыл в Белёве первый в России сушильный завод. При оформлении нового предприятия чиновники не смогли дать ему верного определения. Назвали «Завод растительных консервов». Лишь спустя два десятилетия предприятие переоформили как «Завод огневой сушки овощей и плодов». Амвросий Павлович, не имея прежде никакого опыта работы с техникой, сам конструировал «механизмы». Из чугунной печи, листового

железа и досок Прохоров смастерил сушильный аппарат в виде трубы. Для извлечения сердцевин у яблок, снятия кожицы, резки плодов, удаления косточек использовались разные заграничные механизмы, приспособленные под нужды производства купцом-изобретателем. Позже, с развитием предприятия, инженерный гений Прохорова проявился в создании особой системы воздуховодов, позволявшей поддерживать в сушильном цеху необходимую температуру.

Основную массу своей продукции – сухофрукты, сушеные ягоды и овощи – завод готовил для нужд армии. Но Амвросий продолжал экспериментировать, и вскоре солдатский рацион пополнился новым изобретением: супами быстрого приготовления. Затем появились фруктовый чай и кофе из засушенной или обжаренной яблочной кожуры. С началом Первой мировой войны завод стал перерабатывать овощи сотнями тонн.

ПАСТИЛА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Завод выпускал и еще один продукт, изначально придуманный для семейных нужд, но прославивший Прохоровых на всю Европу.

– Иногда пишут, – рассказывает белёвский краевед Александр Олейник, – что белёвская пастила существовала и до Прохорова, он лишь использовал народные рецепты и наладил производство в промышленном масштабе. Конечно, пастила существовала в Белёве и раньше, так же как она существовала и в других странах, например в Азии, где ее готовят в виде разноцветных тонких листов. Но нигде нет даже упоминания о пастиле в виде пышного пирога, какой ее готовил Прохоров. Всего три компонента: печеные яблоки, белок, сахар. Поэтому белёвская пастила – это изобретение Амвросия Павловича. Да и неслучайно поначалу пастила называлась «прохоровской». Позже сами Прохоровы – настоящие патриоты своего города – стали называть пастилу «белёвской». Они не искали славы, а хотели процветания своей малой родины.

Белёвская пастила оказалась настолько необычным и вкусным лакомством, что не только быстро завоевала славу в России, но и покорила европейскую аристократию. В 1890 году пастила Прохорова получила медаль на Выставке садоводства в Санкт-Петербурге. За сезон завод производил до 11 тонн пастилы. Прохоровы держали лавки в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Тбилиси, Риме, Париже. Во французской столице Прохоровы выставляли пастилу на международных выставках, откуда она развозилась по всему миру. Дело приносило семье около миллиона рублей в год. Немалая часть этих денег шла на благотворительность: строительство храмов, больниц, столовой для бедных, помощь Белёвскому духовному училищу. Амвросий Прохоров – потомственный почетный гражданин Белёва, гласный Тульского губернского собрания. В 1918 году Прохоровы должны были получить дворянский титул, но настал октябрь 1917-го.

СУШКА ПО-СОВЕТСКИ

После революции завод и все имущество Прохоровых было экспроприровано. Амвросий так и прожил до конца своих дней в Белёве в небольшом доме рядом с бывшим своим предприятием. Старший сын, Павел, с 1915 года управлявший производством отца, уехал в Москву, где работал с Анастасом Микояном. Павел Амвросиевич переживал о семейном заводе, приезжал проверять производство, брал образцы продукции для павильона на ВСХВ, организовал курсы техминимума для рабочих. Прошедшим эти курсы выдавалось свидетельство Народного комиссариата пищевой промышленности, квалифицировавшее его владельца, например, как «рабочего варенье-варочного и пастильного производства».

Сушильное производство в Белёве росло. Были возведены новые овощесушильные цеха, на Пролетарской площади – месте древнего городища, с которого начинался Белёв. Их строили с советским размахом. Печи топили цельными бревнами, которые закладывались в специальные траншеи. Пастилу стали выпускать даже 7-килограммовыми буханками, тогда как до революции фасовка не превышала килограмма. В новых цехах систему воздухопроводов Павел Прохоров разработал сам.

– В довоенное время, – рассказывает Александр Олейник, – пастилу хоть и производили в достаточных объемах, но купить ее даже в Белёве было сложно. Рабочим завода пастилу продавали только по большим праздникам. Простым белёвцам лакомство было недоступно. Пастила расходилась по высоким партийным кабинетам, министерствам, а также каким-то образом экспортировалась за границу. Когда в 1937 году экипаж Валерия Чкалова совершил свой знаменитый перелет через Северный полюс, то в Ванкувере наших летчиков угощали белёвской пастилой как вкуснейшим деликатесом. И это не байки. Об этом пишет в своих мемуарах второй пилот экипажа Георгий Байдуков.

Во время войны сушильный завод был разрушен. Но цеха на Пролетарской продолжали работать. С 1960 года сушильни переместили на территорию дореволюционного Казенного винного склада. А затем сменился и профиль предприятия: оно превратилось в Белёвский консервный завод.

ВОСПИТАНИЕ ОТ ГРАФИНИ ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Сегодня единственной представительницей рода Прохоровых является внучка Амвросия Павловича – Ольга Николаевна. В свои 88 лет она полна энергии и обаяния. Живет Ольга Николаевна в небольшом деревянном доме на окраине города.

– Меня девятимесячным ребенком увезли из Белёва в поселок Иваново Рузского района к бабушке по материнской линии, – вспоминает Ольга Николаевна. – Моя бабушка, Ирина Дмитриевна Соколова, была из дворян, воспитанница графини Шереметевой. Она навсегда осталась для меня образцом для подражания.

В Иванове у нас на стене висели работы Репина и портрет Льва Толстого с дарственной надписью графа. Как-то зашел к нам один в кожаной куртке и увидел их. Ах ты, говорит, с графьями знаешься?! Как начал из пистолета по картинам стрелять! Я хоть была маленькая, но и сейчас бы его голос узнала. Как ему тогда в руку вцепилась!

В школьные годы жила в Москве, на Пресне, у дяди с тетей. О Прохоровых я вообще не знала. У меня до получения паспорта фамилия была Соколова. Все открывалось постепенно. Однажды в 41-м у Никитских Ворот нас с тетей настигла воздушная тревога. Мы забежали во дворы, чтобы спрятаться. Тетя мне и говорит: это магазин твоего отца. Там тогда все еще оставалась старая вывеска «Прохоровъ и сыновья»...

Всю войну до Берлина я прошла с 31-м артополком. А мой двоюродный брат Константин, единственный сын Павла Амвросиевича, был адъютантом Жукова. Погиб 9 мая 1945 года.

Мне тоже однажды довелось встретиться с Жуковым, в Белоруссии, в 44-м году. Командующий фронтом огрел железным черпаком по спине нашего престарелого повара. А я его пристыдила.

В Белёв я вернулась в августе 1945 года. Встретилась с матерью. Тогда-то и стала узнавать про Прохоровых.

У дедушки было шестеро детей. Петр умер в 1920 году от «испанки», которая выкосила тогда многих белёвцев. Ольга знала восемь языков. Воевала в составе юнкерского корпуса против Красной армии и погибла в 1922 году. Мария вышла замуж за болгарина и уехала в Софию. Последнее письмо от нее отец получил в 1921-м. Больше ничего о ней не известно. Макарий стал художником, учился в Италии. Имел специальное разрешение рисовать Ленина. За это и поплатился. Получил десять лет – за то, что лишнюю морщинку вождю нарисовал. И жене его десять лет дали.

Помню, мы с мамой идем по разоренным войной улицам, а меня прохожие узнают. Да это же, говорят, внучка Елены Петровны Прохоровой, как похожа... Тогда в Белёве было много тех, кто работал на дореволюционном заводе. Люди плакали, вспоминая дедушку. Амвросий Павлович, говорят, такой был добрый, так относился ко всем рабочим. Всегда помогал нуждающимся, малоимущим семьям платил больше. А день на заводе дедушка всегда начинал с чаепития за общим столом с рабочими. Читали «Отче наш» и садились за чай с белёв-

ской пастилой, которая работникам была не по карману (в начале XX века килограмм белёвской пастилы стоил 1,5 рубля, а килограмм ржаного хлеба – около 8 копеек. – Прим. авт.).

Об отце моем, Николае, младшем сыне Амвросия, тоже сохранилась хорошая память. Рассказывали, что, если отец встречал на улице человека в дырявых ботинках, тут же снимал свои и отдавал бедному, а дырявые сам надевал. Но до революции в Белёве таких нищих было мало. Простой факт. Белёв, конечно, маленький город, но до революции здесь действовало 19 церквей, два собора и два монастыря. Вдумайтесь, как жили люди, ведь все храмы содержали прихожане.

В 40-х годах еще и храмы многие стояли, и можно было встретить на улице святых людей. Зимой 45-го я опять приехала в Белёв и столкнулась там нос к носу с блаженным Прошкой. Он зимой и летом ходил в домотканой рубахе, шароварах, лаптях. В монастыре за ним ухаживали, кормили, он всегда был опрятный. Помню, считалось, что Прошка плевал на тех, кого ждала скорая смерть. Военные, когда замечали его, переходили на другую сторону улицы. А за несколько дней до начала войны Прошка побил палкой стекла в райкоме и военкомате. И плевал на многих прохожих.

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

– В годы нэпа отец наладил в Белёве небольшое производство пастилы и варенья, – продолжает Ольга Николаевна. – А когда в 1926 году предприятие закрыли, ему предложили место главного инженера сушзавода. Но отец отказался. Вы, говорит, кто? Неверующие. А я – православный. Я не могу на нехристь работать. За это и получил десять лет. Отсидел десять лет, потом новый суд – и опять десять лет. Но мой папа много экспериментировал, изобретал. Он на Колыме выращивал капусту, горох. А главное – изобрел сухой кисель. На том они с начальником лагеря и договорились. Отец передал ему свое изобретение, а тот выхлопотал ему освобождение.

Но после возвращения из лагеря отец не имел права жить ни в Москве, ни в Белёве. Всю оставшуюся жизнь он провел в Западной Белоруссии, в городе Пинске. Когда в 1947 году я почти одновременно потеряла мужа и единственного ребенка, то поехала в Пинск. Отец жил в ужасных условиях, хотя работал главным инженером Облпищепрома. Я первым делом стала добиваться нормального жилья. Республиканскому министру пищевой промышленности так и сказала: значит, когда люди жили плохо, в этой комнате была ванная. А теперь, когда живут хорошо, здесь столовая, спальня, гостиная. И ванная.

Отец был глубоко верующим человеком. Он и в храмы постоянно ходил, посты соблюдал, носил бороду до пояса. А однажды к нам зашел странник. Говорит: если можно, пожалуйста, дайте три рубля, не могу доехать до Давид-городка, из тюрьмы еду. Я возмутилась: такой верзила! Работать надо! Папа на меня посмотрел строго, дал ему пять рублей и пожелал счастливой дороги. Разве, говорит, Бог так учит? Ты что – без хлеба сидишь? Ты под крышей... После того случая я всем нищим подаю.

Папа умер в 1953 году на третий день Пасхи. Мы не смогли похоронить его в Белёве, хотя он так хотел этого, лежать рядом с дедом... Отец и представить себе не мог, что вскоре произойдет с

могилой почетного гражданина. Дедушка был старостой Покровского храма, на свои деньги отстроил его после пожара. Когда он умер в 1924 году, его похоронили у алтарной части любимой церкви. В том же году рядом положили и бабушку. Во время хрущевских гонений могилы сровняли с землей, надгробия разбили и увезли неизвестно куда. Сейчас храм в разоренном состоянии, место захоронения Прохоровых поросло бурьяном. Уже много лет идут разговоры, что нужно найти могилы, восстановить надгробия. Все обещают, обещают...

С 1966 года мы с моим вторым мужем поселились в Белёве. Я пошла работать на консервный завод. Вот так судьба вернула меня к делу Прохоровых. Завод продолжал выпускать сушё для армии. А цех по производству пастилы работал сезонно, обычно с октября по январь. В самые лучшие годы завод выпускал не более 5 тонн пастилы за сезон. В период производства пастила в Белёве была доступна всем желающим, стоила около 2 рублей за килограмм. Рецептуру пытались соблюдать старинную. Даже сушильные печи топились березовыми дровами. Но...

Однажды я пробовала пастилу, сделанную Прохоровым. За год до смерти отец решил наладить производство белёвской пастилы. Сделал образцы, готовился везти их в Министерство пищевой промышленности Белоруссии для утверждения и постройки в Пинске завода. Но умер. Сердце отказало. Эти образцы мы с братом нашли через два года на шкафу, когда решили переклеить обои. Три кусочка пастилы лежали в деревянном ящичке. Прележав столько времени, пастила осталась мягкой. А во рту просто растаяла. Именно такими качествами и должна обладать настоящая белёвская пастила. Такая и подавалась европейским монархам. Отец рассказывал, что, как только начинался сезон, к дедушке съезжались гонцы со всей Европы заказывать пастилу для королей и князей.

ПАСТИЛА ДЛЯ АНТАРКТИДЫ

В начале 90-х консервный завод остановился. С тех пор цех по производству пастилы несколько раз запускали, но скоро останавливали. За это время в Белёве расцвело кустарное изготовление пастилы. Этим занимаются не менее ста человек в городе. И у каждой хозяйки свой рецепт, свой способ сушки и выпекания. Одни пытаются максимально приблизиться к оригиналу и пекут яблоки в русской печи. Другие делают пастилу, используя газовые плиты. Причем иногда процесс приобретает весьма экстремальный характер: некоторые хозяйки для сушки пластов открывают газовую духовку и плотно закрывают дверь в кухню. Так в помещении создается необходимая температура – около 60 градусов по Цельсию. Конечно, таким делом в Белёве занимаются не от хорошей жизни, а из-за дефицита работы. Женщины пекут пастилу, возделывают огороды и сады, собирают грибы и ягоды, занимаются рукоделием. Мужчины разводят пчел и охотятся. А вот коренной белёвец Юрий Тимохин решил возродить промышленное производство пастилы. Построил небольшой цех рядом с домом, приобрел специальное оборудование. Сложил из кирпича дровяную печь для яблок. У Юрия помимо членов его семьи трудятся мастерицы, более четверти века проработавшие на производстве пастилы на консервном заводе.

– Идея выпускать пастилу у меня появилась давно, – говорит Юрий, – но с созданием какого-либо предприятия у нас такие сложности... Спасибо Дмитрию Анатольевичу за послабления с Роспотребнадзором. Теперь я смог начать производство, и никто меня три года трогать не будет. Я, конечно, санитарные нормы соблюдаю, но стараюсь следовать традиционной рецептуре. А то мне говорят: что это у тебя за крышка на боечной машине? Вся черная! А эта крышка из цельного дуба, я специально ее поставил, чтобы отдушка у пастилы была натуральная, а не металлическая... Я все это затеял в первую очередь ради возрождения нашего традиционного продукта, ради нашего города. Чтобы белёвцы не ездили работать в Москву охранниками, чтобы молодежь не уезжала из города. Конечно, изготовление пастилы – очень трудоемкий процесс. А у нас многие уже обленились, сидя в будке секьюрити. Здесь во многом ручная работа, заменить ее машинами невозможно. И сушка требует немалого времени. Я могу не более 80 килограммов пастилы за неделю изготовить. А вообще, я мечтаю отправлять белёвскую пастилу нашим полярникам в Антарктиду.

А известен ли точный рецепт белёвской пастилы? Сам изобретатель пастилы написал в 1899 году небольшую книжечку «Приготовление белёвской чисто-яблочной пастилы», в которой подробно расписал, как готовить пастилу в домашних условиях. Однако... «Мне удалось найти эту книжечку только в Тульской областной библиотеке, – рассказывает Александр Олейник. – Она там в единственном экземпляре. И у этого экземпляра вырвана страница, на которой описывались пропорции и правила приготовления яблочного теста. Косвенным образом я нашел эти данные в одном садоводческом журнале за 1910 год».

Кстати, ту свою книжечку Амвросий Прохоров закончил такими словами: «Если изложение окажется достаточно ясным и будет применено почтенными читательницами, то я это узнаю по сокращению сбыта «белёвской чисто-яблочной пастилы» в моем магазине на Петровке и, порадовавшись, что семья упало на добрую почву, постараюсь, в утешающем меня саду Белёвского уезда, сделать другие подходящие чисто фруктовые лакомства из тех драгоценных плодов, которые он мне дает, твердо веруя, что, если Бог поможет, мне продолжать работать в том же направлении, то я никогда в убытке не останусь». 🍎

И ЛИЦО, И МЫСЛИ, И ОДЕЖДА

АННА ГАМАЛОВА

Общеизвестно: чем больше в писательской биографии фактических, а лучше бы стилистических совпадений с его сочинениями, тем прочнее слава.

Мы ведь любим тех, кто соответствует себе, а несоответствий не прощаем: не мог Шолохов написать «Тихий Дон»! Не мог перчаточник Шекспир знать людей и латынь лучше аристократов-современников! Зато Конан Дойл и сам раскрыл пару хитрых дел и увлекался вдобавок спиритизмом; Мелвилл, Джозеф Конрад и Грин не только описывали моря, но и странствовали по ним; Джек Лондон – сам бродяга и золотоискатель! И даже Гончаров, страшный лентяй и психопат, вечно боровшийся с апатией, любим нами за сходство с Обломовым: не просто писал человек, но жизнью расплачивался за литературу!

РИА «НОВОСТИ»

В этом смысле Иван Ефремов – самый удачливый советский фантаст. Потому что никто из писателей его поколения не соответствует так точно собственной стилистике – холодноватой, загадочной, восходящей то ли к викторианской Британии, то ли вообще к античности с ее культом силы и совершенства. – Откуда вы такой взялись? – спрашивал его в недоумении Алексей Толстой зимой 1945 года. Он лежал в Кремлевской больнице с воспалением легких, понимал, видимо, что умирает, и утешался чтением познавательной литературы – присланных ему на отзыв рассказов Ефремова о путешествиях. В самом деле, очень успокаивает – как гимназический роман. – Откуда у вас стиль такой... точеный?

– Хаггард, – пожимал плечами Ефремов. И то сказать, у кого из дореволюционных подростков не было зачитанных до дыр «Копей царя Соломона» и сколько копий царя Соломона пошло гулять по страницам подростковой прозы? Но помимо Хаггарда, Буссенара, Жаколио, которых читали гимназисты начала века, Ефремов осилил гигантские тома справочников, энциклопедий, путешествий и классификаций: сам археолог, палеонтолог, основатель тафономии (дисциплины, исследующей сохранение органических останков в разных средах), он обладал дотошностью и нейтральностью истинного натуралиста. Спокойный, мощный, позитивный ум, добросовестность ученого при описании фантастического и невообразимого – вот что заставляло поколения читателей Ефремова верить в олгой-хорхой, которого не было и не бывает, или в магические серые кристаллы, воздействующие на человеческую память. А сколько советских – и западных – читателей представили себе будущее по Ефремову и не могут вообразить иной модели будущей цивилизации, кроме того стерильно-гармонического и все-таки трагического мира, о котором написана «Туманность Андромеды»? Наконец, «На краю Ойкумены» – едва ли не самая убедительная и наглядная книга о Древнем Египте, хотя здесь-то уж есть из чего выбирать. Ефремов – абсолютная загадка: никто ведь не привык выстраивать генезис крупного автора по таким сомнительным источникам, как развлекательная литература начала века, да и в научных трудах редко ищут корни художественного дара. А между тем именно эти вещи – занимательность и азарт пер-

вооткрывателя от Жюль Верна и Буссенара, таинственность и экзотика от Хаггарда, основательность и познавательность от научной прозы – сформировали неповторимый ефремовский стиль.

Да и судьба его полна загадок, явных или мнимых. Начать с того, что собственный год рождения он скрыл, и, когда отмечать юбилей, мы не знаем. А «Час Быка», невероятным образом опубликованный в 1968 году и тут же накрепко закрытый для экранизаций и переизданий, не выдававшийся в библиотеках, вычеркнутый из справочников? А таинственный – сразу после смерти – обыск в кабинете Ефремова и конфискация всего его архива на два года с полным возвращением вдове? А слух о связи Ефремова с западными разведками, усердно культивировавшийся неизвестными врагами его таланта? Наконец, сам фантастический разброс его интересов – медицина, эстетика, космизм, футурология, археология, история Египта, жизнь Александра Македонского – все наводило на мысль о некоем существе небывалой породы, представителе будущей расы, заброшенном в бурную Россию XX века бог весть какими космическими ветрами.

И даже внешность его – богатырский рост, густой бас, сказочная физическая мощь – внушала трепет тем немногим, кто бывал к нему близко допущен. Ефремов мыслил не привычными, бытовыми категориями, не причислял себя ни к западникам, ни к почвенникам, и вовсе уж немыслимо было представить его в магазинной очереди, в транспортном потоке. Зато в бесчисленных своих экспедициях, среди монгольских пустынь, в среднеазиатских сумерках, на качающейся палубе – он был идеально на месте; нелюдимый, он редко допускал к себе коллег и остался такой же загадкой, как непостижимо возникшая в советской литературе «Туманность Андромеды». Утопия Серебряного века, прерванная революцией научно-фантастическая линия, идущая от Брюсова, Богданова, отчасти Сологуба, – вот что такое сказки Ефремова, в которых от коммунизма в его социальном, Марксовом, ленинском смысле не осталось решительно ничего. Он, конечно, был бы идеально на месте среди символистов – именно их практику продолжают его лучшие книги, ставшие окном в волшебный мир для всех послевоенных советских школьников.

Ефремовская фантастика – продолжение спора о сверхчеловеке, начатого русской литературой задолго до Ницше. Ни

европейский соблазн наполеонизма он не принимает, ни русский ответ на него, по преимуществу христианский, этический; чужды ему и масскультовые супергерои с суперспособностями: все суперспособности его людей будущего – из области принципиально возможного, в отличие от способности, скажем, летать. Как сам он – явление прежде всего ренессансное, человек из редкой породы титанов, так и супергерои его – порождение гуманистической традиции, идущей от античности через Возрождение, люди, в которых совершенно по-чеховски все прекрасно: душа, и мысли, и все остальное. Правда, после всемирного разочарования в коммунистической идее от гуманистической традиции в литературе вообще и фантастике в частности остались рожки да ножки. В массовом сознании, пожалуй, восторжествовала та самая модель мира будущего, с которой Ефремов страстно спорил в своих литературных произведениях и посвященных литературе статьях, противопоставляя жадному, эгоистичному и беспринципному герою с бластером – своего, сильного и уверенного альтруиста, апокалиптическим картинам будущего – уверенность в другом пути, позволяющем человеку жить в согласии с природой.

Тем не менее Ефремов и сегодня читается без кривой всепоглощающей ухмылки и даже по-прежнему завораживает читателя ощущением спокойной, неагрессивной и уверенной силы, которая не имеет ничего общего со стремлением подчинять себе других. Даже Александр Македонский у него – не завоеватель в первую очередь, а титан, человек исключительной внутренней силы; не разрушитель царств, а созидатель огромной империи. Мир будущего, выстроенный могучим воображением Ефремова, – мир без сознательного зла. Он исходит из традиционного для гуманистов-просветителей аспекта, что стремление к злу не есть неотъемлемое свойство человека, что можно правильно воспитать каждого члена общества, что люди будущего могут быть совершенно свободны от привычных современному человеку страстей, пороков, ошибок. Тут он спорил с братьями Стругацкими, чей мир будущего – тоже мир добра и разума, волшебно-прекрасный, однако населен он совершенно человеческими людьми, а не мраморными колоссами, ожившими титанами «золотого века». В интервью, посвященном созданию «Часа Быка», Ефремов говорил: «Некоторые фантасты, например братья Стругацкие у нас, надеются своих героев теми же чертами, которые вообще присущи человеку сегодняшнего дня, теми же положительными чертами, страстями, недостатками. И искусственно переносят их в самое отдаленное будущее. Разумеется, делать это легко, для этого даже и не надо быть писателем-фантастом. Но поступать так – значит поступать неправильно.

Ведь, несомненно, человек будущего будет во многом отличаться от человека сегодняшнего дня. А предметом литературы всегда был человек. Следовательно, писатель-фантаст обязан прежде всего сказать что-то новое, что-то свое о человеке грядущего. Если

он не может сказать ничего нового, то тут нет и литературы. Когда я пишу своих героев, я убежден, что эти люди продукт совершенно другого общества. Их горе не наше горе, их радости не наши радости. Следовательно, они могут в чем-то показаться непонятными, странными, даже неестественными. И я создаю образы своих героев, исходя из этого. Они и в самом деле таинственно-непонятны; непонятно общество с коллективным воспитанием детей – так и подыскиваешь себе мысленно местечко на Яве, острове Матерей, куда отправляются женщины, не желающие препоручать воспитание детей социуму... Непонятны поступки, непонятны реакции, но колоссальная витальная сила обитателей ефремовского мира не может не увлекать.

Это ведь древний механизм чтения и отождествления себя с героем: чтение Ефремова заставляет вспомнить не о своей малости и слабости, а о своей внутренней силе и достоинстве; Ефремов не проповедует их, а делится ими – ясно и щедро. Одно это уже обеспечивает его книгам почетное место на полке лучших и любимых. Не говоря уже о таинственных, прекрасных и страшных образах неведомого будущего: о гигантских черных медузах с чужой планеты, о краснокожей красавице с Эпсилон Тукана с ее загадочным призывом «Оффа алли кор!», о празднике Пламенных Чаш...

Читателей так впечатлил этот ослепительный мир, что «Туманность Андромеды» со своего выхода в 1957 году до 1963-го, когда вышло «Лезвие бритвы», переиздавалась ежегодно огромными тиражами – до 500 тысяч экземпляров в 1959 году; за советские годы всего было около 20 переизданий. Не прекратились они и в постсоветские времена, хотя Ефремову многие ставили в вину, что он – уже после разоблачения сталинизма – пытался оправдать

и реанимировать скомпрометировавшую себя коммунистическую идею.

Но идея будущего по Ефремову – больше и шире, чем апология или обличение того или иного социального строя. Недаром так никто толком и не разобрался, имел ли он в виду Советский Союз в «Часе Быка» – и вообще, социалистическую идею разоблачал или капиталистическую. Сам писатель говорил, что развил до логического предела тенденции, имеющие место в США и Китае при «великом кормчем»; его Торманс отвратителен сразу и по-коммунистически, и по-капиталистически – на что бы это было так похоже, так неприятно актуально?

Советская власть разглядела в книге свой портрет по принципу «на воре шапка горит» и отреагировала запретом: книжное издание 1970 года (до этого роман выходил в журнале «Техника – молодежи») стало последним при социализме, в следующий раз «Час Быка» увидел свет только в 1988 году.

Пожалуй, и Стругацкие, с которыми мэтр так спорил, ясно видели, что проблемы будущего у Ефремова шире узкосоциального толкования. Борис Натанович писал однажды: «Да, мы (с АН) очень хорошо понимали, что живем именно в Советском Союзе и именно в «такой момент», и тем не менее мысль написать утопию – с одной стороны вполне а la Ефремов, но, в то же время, как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем».

Что Ефремов ставил вопросы скорее антропологические, чем социальные, особенно ясно, если углубиться в его «Таис Афинскую» или «На краю Ойкумены», где всякое движение в мир приносят сильные и мудрые герои, или в «Лезвие бритвы», где он прямым текстом говорит о том, что единственно верен только срединный путь, хотя найти его и не впасть в крайность – немислимо трудно. Роман напоминает, что по лезвию бритвы ходит каждый из нас; свалиться легко; оправдать падение своим человечеством – эзре же хуманум эст – еще легче, но жизнь только тогда жизнь, когда она ищет не легкие пути, а верные.

В этом смысле Ефремов сейчас – хорошая прививка от уныния, свойственного эпохе разочарований: даже если утопического мира не вышло, а в нашем краю Ойкумены как жили при фараонах, так и живут, – то от нас самих зависит, быть титаном или не быть, удержаться на лезвии или брякнуться с него, тянуться вверх или продолжать валяться. ❶

«ПОРА ПОПУЛЯРИТЬ ИЗЫСКИ»

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Поэты – заложники эпохи: она выбирает из их стихов только созвучные и забывает остальное. Кому-то везет больше, кому-то меньше. Игорь Северянин – из невезучих. Он остался в истории русской литературы автором грезэрок, экстазов и морефей, воплотивших самый дух времени, пошлого, мещанского – и все равно полного самой неподдельной поэзии.

Игорь Лотарев, названный по святам в честь князя Игоря, был по рождению аристократом, состоял в родстве с Карамзиным (даже называл его дедом) и Фетом (мать его была урожденная Шеншина). Отец его, военный инженер, штабс-капитан, был моложе жены на пятнадцать лет; брак их развалился, когда будущий поэт был еще ребенком. Игорь остался с отцом – уехал вместе с ним из Петербурга в Череповец, где учился в реальном училище. Окончил всего четыре класса: сам дух торговли ему претил, и мальчик однозначно заявлял, что будет поэтом.

*Из меня хотели сделать торгаша,
Но торгашеству противилась душа.
Смыслу здравому учили с детских дней,
Но в Безразумность влюбился соловей.*

Стихи он писал с восьми лет. Учиться он больше нигде не учился, а жаль: при всей его ошеломительной одаренности и любви к литературе ему остро не хватало общей культуры. Может быть, доведись ему получить приличное образование, и поэт был бы другой – глубже, сильнее, умнее. Все задатки, все предпосылки для этого были. Но не сложилось.

Отец умер в 1904 году, когда Игорю было 17 лет. Юный поэт поселился у матери в Гатчине. Там и познакомился с вечно пьяным, одетым в отрепья, странным поэтом Константином Фофановым, который, собственно, и убедил молодого Лотарева, что он гений. Фофанова, да еще Мирру Лохвицкую, рано умершую поэтессу, юноша ценил больше других поэтических авторитетов и был верен этой любви всю жизнь. «Я Лохвицкую ставлю

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Игорь
Северянин.
1933 год

выше всех: // И Байрона, и Пушкина, и Данта», – признавался он в стихах. Удивительно, что он считал Цветаеву бездушной, а Пастернака – назвал «бездарью» и «заурядью»; вкус подводил его постоянно. Фофанов и Лохвицкая – последняя заря поэзии XIX века; от них, пожалуй, он унаследовал легкость и певучесть. Но пошел дальше – и стал одним из

тех русских поэтов, которым суждено было основать целое направление в поэзии, сделать множество открытий, исчерпать обнаруженные возможности до дна – и направление закрыть: после него здесь сделать ничего нельзя.

В его первых любовных стихах то и дело сквозь поэтические красоты прорывается совершенно детское отчаяние: «И я, и я в разлуке изнемог! // И я – в тоске! Я гнусь под тяжкой ношей... // Теперь я спрячу счастье «под замок», – // Вернись ко мне: я все-таки хороший...» (А неуместные, ненужные, бескультурные кавычки так и торчат по его стихам, до самых последних дней...)

Любовная лирика адресовалась не только Жене-Злате: Северянин был влюбчив, как Дон Жуан, одна возлюбленная в его стихах и жизни сменяет другую – а то и появляется рядом, параллельно; писать о них – никаких журнальных площадей не хватит. Возлюбленные получали пышные, помпезные имена – одна была Мадлена, другая Королева, третья – Балкис Савская... Они рожали ему детей, и все дети его жили порознь, в разных странах, носили разные фамилии – одна дочь, последней его гражданской жены, Веры Коренди, получила фамилию Северянина. Сколько было возлюбленных – пересчитать невозможно; пятое издание книги «Громокипящий кубок» он посвятил своей «тринадцатой», Марии Волнянской, она же Балкис; прожил с ней семь лет и расстался – потому что она «не смогла жить с поэтом»...

«Громокипящий кубок», вышедший в 1913 году, принес Северянину оглушительную славу. Все графоманы страны (ну, может, за исключением графоманов-народников) стали писать под Северянина. Отметился среди северянинских эпигонов, кстати, и молодой Юрий Олеся, году этак в 1915-м опубликовавший свое первое стихотворение с совершенно северянинским названием «Кларимонда».

«Если вы желаете меня оскорбить, подражайте мне», – изрек Северянин в публикации своих афоризмов, которой дал название «Блестки».

РЯДОВОЙ МЕРСИ

«Громокипящий кубок» был ошеломительно нов: он принес в русскую литературу совершенно неслыханные напевы, струнные, мандолинные, томные... Сам мир его стихов был до невозможности, как сказали бы сейчас, гламурен: здесь вам и салоны, и автомобили с «шофэрами», и рестораны, и аэропланы, и модные места для прогулок... Актуальные до карикатурности, благозвучные до пустозвонности северянинские «поэзы» балансировали на грани автопародии, время от времени заваливаясь за эту грань. Впрочем, иногда это была совершенно сознательная установка. Он

Ту же жилу несколько раньше взялся разрабатывать Бальмонт, изучавший формальные возможности русского стиха, способный придать ему особую музыкальность, напевность, пластичность. Северянин пошел дальше: его музыкальность – почти нестерпима, на грани приторности, напевность навязчива и гротескна, он будто стремится сделать из русского языка французский, если не эльфийский; свою поэтическую речь он насыщает варваризмами и макаронизмами, особенно упирая на «э»: «элегантная коляска, в электрическом биенье, эластично шелестела по шоссе по песку»... Иной раз и вовсе не поймешь, на каком языке это написано:

*Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улице специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!*

Начало поэтической карьеры Северянина (считается, что этот псевдоним он выбрал, покоренный северной природой Череповца, а потом – окрестностей Петербурга) было не особенно радужным: он печатал за свой счет не книжки даже, а брошюры, некоторые по две страницы, и напечатал их целых 35 штук. Первой всероссийской славой он обязан Льву Толстому, которому в 1909 году привезли одну из северянинских брошюр, с «Хабанерой II»: «Вонзите штопор в упругость пробки, – // И взоры женщин не будут робки». Лев рыкнул: «Чем занимаются, чем занимаются... И это – литература? Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки...» Северянин говорил потом: «С легкой руки Толстого... меня стали бранить все, кому было не лень». Но вместе с руганью пришла скандальная слава, выступления, публикации – и деньги.

Я ВСЕ-ТАКИ ХОРОШИЙ

В деньгах он нуждался отчаянно. Одну из самых больших ошибок в своей жизни он сделал в юности не в последнюю очередь из-за безденежья. Он был влюблен в дочь гатчинского сторожа-алкоголика Женю Гуцан, ученицу швеи. Золотоволосую красавицу он назвал Златой и какое-то время был с ней безоблачно счастлив: продал библиотеку, которую любовно собирал, снял квартиру... денег хватило на три месяца радости: «Такое счастье, истинное счастье, которое спустя шестнадцать весен и разлука с тех пор полсотни женщин, испытываю всей своей душой!»

Потом оказалось, что Злата ждет ребенка, а он – без денег, без профессии, без работы – ну что за жених... Злата ушла на содержание к богатому старику, родила дочь Тамару, потом, после смерти покровителя, вышла замуж за немца и уехала в Берлин... Свою дочь поэт увидел уже 16-летней. Злату он любил много лет, о ней написал поэму «Падучая стремнина» – печальную и предельно откровенную историю первой любви.

уже стал основателем «эгофутуризма», благополучно развалившегося довольно скоро (из эгофутуристов стоит назвать, пожалуй, Константина Олимова, сына Фофанова, да еще Василиска Гнедова и молодого Георгия Иванова, который быстро переметнулся к акмеистам). Эпатировать буржуа – это было самое футуристическое занятие. Публику Северянин (как и кубофутуристы, в их числе Маяковский) не любил и щедро поливал стихотворными ругательствами – достаточно вспомнить только «великосветских олухов», которые «в княжьем гостини наструились, лица свои оглупив», с торжественной кодой «Я презираю вас пламенно, тусклые ваши сиятельства...», звучащей как «свинные ваши морды»... А публика его обожала – в основном, конечно, женщины и молодые поэты. Письма от поклонниц носили мешками, по провинции разъезжали с выступлениями фальшивые Северянины... Он в самом деле был «повсеградно озкранен» и «повсесердно утвержден». Северянин давал «поззоконцерты» в столицах и гастролировал по провинции. Бунин ревниво писал: «Игоря Северянина знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерицы, коммивояжеры, юнкера, не имевшие в то же время понятия, что существует такой русский писатель Иван Бунин».

Впоследствии, когда Северянина просили прочитать что-нибудь из его салонных, парфюмерных стихотворений, он мрачно отвечал: «Эти стихи неуместны здесь. Они – для дураков».

В своем презрении к «двуногим», к обывательской массе он страшнее Пушкина, говорившего о «черни», и очень близок к Саше Черному и Маяковскому с их физиологическим отвращением, с животной брезгливостью к «мясу»: «Мясо наелось мяса, мясо наелось спаржи, // мясо наелось рыбы и налилось вином. // И расплатившись с мясом, в полумясном экипаже // Вдруг покатило к мясу в шляпе с большим пером. // Мясо ласкало мясо и отдавалось мясу...»

А о себе замечал философски: «Он тем хорош, что он совсем не то, // Что думает о нем толпа пустая. // Стихов принципиально не читая, // Раз нет в них ананасов и авто». Ананасов в шампанском, которые ему всякий раз норовили подсунуть угощавшие его поклонники, он тоже не ценил – предпочитал обычную русскую еду. Рассказывают, как удивился молодой Антокольский, увидев, что Северянин вместо какого-нибудь мороженого из сирени заказал в ресторане штоф водки и соле-

ный огурец. Те, кому доводилось посетить Северянина дома (а у него были специальные приемные дни для молодых поэтов, для поклонниц и для издателей), удивлялись и темному, грязному подъезду, и плохонькой квартирке с развешанным на просушку постиранным бельем: за фанерной перегородкой была прачечная...

Впрочем, есть и обратные свидетельства. В Первую мировую Северянина забрали в армию. Писатель Леонид Борисов рассказывал в своих воспоминаниях, что рядовой Лотарев стрелял из рук вон плохо, но однажды три выстрела из пяти у него все же угодили в цель. «Батальонный командир похвалил Лотарева:

– Молодец, солдат!

На что Северянин, он же солдат Лотарев, чуть повернувшись в сторону батальонного командира, небрежно кивнул:

– Мерси, господин полковник!»

Ответить полагалось: «Рад стараться, ваше высокоблагородие». Лотарев получил прозвище «рядовой Мерси». Впрочем, из армии его вскоре комиссовали: сам профессор Бехтерев освидетельствовал его и нашел у рядового Мерси тяжелую неврастению.

Но даже с ананасами и авто он был не только претенциозен, парфюмерен и дурновкусен, но еще и нов, и свеж, и музыкален, о чем непременно говорил всякий пишущий о нем критик. Чуковский, автор первого большого литературного обзора о футуристах, отзывался о Северянине так: «Дух дышит где хочет, и вот под вульгарной личиной сноба – радующий и светлый поэт. Бог дал ему, ни с того ни с сего, такую певучую силу, которая, словно река, подхватит тебя и несет, как бумажку, барахтайся сколько хочешь: богатый музыкально-лирический дар. У него словно не сердце, а флейта, и, сколько бы ему ни было лет, ему вечно будет восемнадцать». Музыкален он был не только в переносном смысле, но и в самом прямом: свои стихи он пел – отчасти на какие-то свои мотивы, отчасти на популярные мотивы из Амбруаза Тома, своего любимого композитора. Публику он зачаровывал, как удав кроликов:

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом

По аллее олуенной Вы проходите морево...

Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,

А дорожка песочная от ливны разузорена –

Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Выходил мрачный, не улыбочивый, в сюртуке под цвет волос – воронова крыла, с орхидеей в петлице, расхаживал по сцене огромными шагами, декламировал-пел свои стихи, не обращая на публику ни малейшего внимания, – и уходил без поклона. Публика трепетала и рукоплескала.

Я САМ СЕБЯ НЕ ПОНИМАЮ

В отрыве от ананасов и авто это был совсем другой поэт, не городской даже, не публичный, а тихий и счастливый лирик, влюбленный в мир, солнце, лето, цветы. Недаром так часто появляется в его лирике образ сирени – счастливой, обильно цветущей, иногда прекрасной, иногда страшной, даже хохочущей; сирень у него – это, пожалуй, жизнь, цветная и остро пахнущая...

Как и у Саши Черного, у Северянина очень сильны гамсуновские мотивы ухода из города – куда-нибудь в деревню, в тишину, к рекам, к простой, спокойной жизни... Он и уезжал из Петербурга – снимал с матерью дачу в эстонской деревне Тойла, по примеру Федора Сологуба, отдохавшего там же. Любил рыбачить. Любил просто гулять. Тишина, лесное и речное спокойствие вселяли в него немую радость жизни, громкую и ликующую.

Теперь ли тосковать,

Когда поспел ячмень?

Я всех расцеловать

Хотел бы в этот день!

После революции и объявления независимости Эстонии Северянин оказался в вынужденной эмиграции. Он специально подчеркивал: я не эмигрант, я дачник. На родине остались друзья, литературные связи, издатели... Впрочем, издательства довольно скоро позакрывались. В Эстонии не было страшного петроградского голода, но литературной работой прожить было очень трудно. Не было читателя, не было слушателя, не было среды. Он пытался работать в одиночестве.

Среди глуши, бумаги и чернил,

Без книг, без языка, без лживой кружки

Я заживо себя похоронил

В чужой лесной озерной деревушке.

В 1921 году умерла мать Игоря Васильевича. Очень скоро после ее смерти он женился на 19-летней эстонской поэтессе Фелиссе Круут, как говорил – спасаясь от ужаса одиночества на чужбине. Это оказался единственный в его жизни венчанный брак. Серьезная, взрослая не по летам, Фелисса взяла на себя заботы о повседневной семейной жизни. Делала подстрочники эстонской поэзии, Северянин переводил их на русский стихами, в его переводах вышли лучшие стихи современных ему эстонских поэтов. Дела все равно не слишком ладились. В 1925 году он жаловался в письмах, что сидит без хлеба, на одном картофеле, дров нет, зарабатывать не может, поскольку болен... Одному знакомому он жаловался:

«Подумать страшно, – я живу нахлебником у простого эстонца... только оттого, что женился на его дочери. Я для него не знаменитый поэт, а барин, дворянин, сын офицера. За это он меня и кормит. Ему лестно. А я ловлю рыбу. И читаю свои стихи речным камышам и водяным лилиям. Больше ведь некому. Кругом глушь, мужичье. Ночью я часто сажусь в лодку и выезжаю на середину реки. Звёзды отражаются в воде, камыши так мелодично, так ритмично шуршат, как аккомпанемент моим стихам. Я читаю и сам слушаю свой голос и плачу. Мне начинает казаться, что я не читаю, а только слушаю то, что поют «хоры стройные светил». И тогда почти смиряется души моей тревога...»

В 1931 году Северянин издал сборник «Классические розы», который считается лучшим в его творчестве. Заглавное стихотворение – это те самые «как хороши, как свежи были розы» – строки, которые потом начертали на его могиле и по которым Северянина помнят едва ли не лучше, чем по «ананасам в шампанском».

«Классические розы» – это густая, отстоявшаяся, трудная тоска по родине.

О России петь – что стремиться в храм

По лесным горам, полевым коврам...

О России петь – что весну встречать,

Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь – что тоску забыть,

Что Любовь любить, что бессмертным быть!

Весь сборник – о том, что там, за государственной границей. О счастливых воспоминаниях и угнетающих размышлениях, о постоянной дилемме – вернуться или нет, о надежде, о себе:

Я – русский сам, и что я знаю?

Я падаю. Я в небо рвусь.

Я сам себя не понимаю,

А сам я – вылитая Русь!

Стихи сборника – прочувствованные, искренние, горькие... иногда слишком декларативные, рассудительные, резонерские; чем старше Северянин – тем больше резонерства в его стихах... и сквозь декларацию и пафос прорывается страшное, заветное:

Ничего! – ни от вас, лепестки белых яблонек детства,

Ни от вас, кружевные гондолы утонченных чувств:

Я растратил свой дар – мне врученное Богом наследство –

Обнищал, приутих и душою расхищенной пуст...

Ради заработка он ездил с женой по Европе, выступал перед эмигрантами с чтением стихов. Фелисса родила ему сына, которого называли Вакхом, боролась с пьянством мужа, которое приводило ее в отчаяние. Василий Шульгин, хорошо зна-

комый с этой парой, писал в воспоминаниях: «Она была от балтийской воды; он – от российской водки. Он, по-видимому, пил запоем, когда она стала его женой. Но у нее был характер, у этой принцессы с эстонской мызы. Она не отступила перед задачей более трудной, чем выучиться писать русские стихи; а именно: она решилась вырвать русскую душу у боярина Петра Смирнова. Ей это удалось, в общем. Когда я с ними познакомился, он не пил ничего; ни рюмки. И в нем не было никаких признаков алкоголика; кроме разве вот этой полупечали». И дальше, говоря о том, как часто муж огорчал и обманывал Фелиссу, Шульгин замечал: «Она его все же не бросила; она не могла бросить дело своей жизни, она была и тверда, и упряма; но она бессильна удерживать в своем собственном сердце два отношения к своему собственному мужу; к мужчине бесконечно спасаемому и вечно падающему». Брак дал трещину; поводом для окончательного разрыва стало увлечение Северянина учительницей Верой Коренди. Фелисса не простила.

МИРА НЕ ПЕРЕДЕЛАЕШЬ

С Верой Коренди Северянин прожил до конца своих дней, и не слишком-то счастливое это было время. Стихов, посвященных ей, не существует – да он на склоне лет и вовсе перестал записывать стихи. Он старел и болел, мучился безденежьем и отсутствием смыслов.

*Мира не переделаешь,
Благородства в него не вложишь,
Черное подло, как белое,
Повсюду одно и то же.
Все партии отвратительны,
Потому что они партийны.
Поэтому с людьми мучительно:
Их подлость почти стихийна.
В деревне ли жить ли, в городе ль,
Ах, люди повсюду люди.*

*Уж лучше к простору озер идти:
Там все же их меньше будет.
Вздыхнешь на безлюдьи чуточку
От взора, вражды и каверз,
Спасительную взяв удочку,
К зеленой идя дубраве...*

Книги не продавались; он ловил рыбу и пытался продавать ее дачникам; предлагал приезжим в местной гостинице свои книги с автографами... Ему предлагали поступить на службу – он возмущался: он поэт, поэт не должен служить. Жил фактически на средства гражданской жены.

В своей вынужденной эмиграции он не раз задумывался о возвращении – но

уже был крепко привязан к Эстонии – сначала одной семьей, потом другой. Чем тяжелей становилось его положение, тем больше он задумывался о том, чтобы вернуться. Кажется, просвет для него наметился в 1940 году, когда Эстония была объявлена советской. Он стал получать первые письма из Москвы и Ленинграда, задумываться о переезде; его стихотворение увидело свет в «Огоньке», к нему приезжали корреспонденты из «Известий», он отправил рукопись в ленинградское издательство... Все планы нарушила война, рукопись погибла вместе с издательством при первой же бомбежке, Северянин просил, чтобы советские власти выделили ему машину для выезда из Эстонии, но из этого ничего не вышло... Имущество Северянина и Коренди практически погибло при бомбежке, Северянин заболел воспалением легких (это – не считая туберкулеза и болезни сердца); по воспоминаниям Коренди, бредил и в бреду разговаривал с Пушкиным, Маяковским, Миррой Лохвицкой... Врачи не надеялись его спасти, но он выжил; встал вопрос о том, чтобы лечиться в Таллине. Больного поэта подкармливал трехразовым пайком немецкий врач, который сказал Вере Коренди, что он сам поэт и ненавидит фашистов; он же устроил пару на поезд в Таллин. Ехали два дня поездом, Северянин не мог уже сидеть, был слаб, начальник битком набитого поезда уступил ему свое купе... Впрочем, спасти умирающего Северянина нельзя уже было ни пайками, ни переездами: вслед за вторично утраченной Россией на его глазах гибла и Европа, уходил мир, уходила жизнь, уходили все смыслы. В жизни не оставалось ничего, за что он мог бы держаться – и 20 декабря 1941 года Игорь Северянин умер от сердечного приступа.

Чуть не всякую статью о нем принято заканчивать двустихием о розах, брошенных в гроб, но у него много и других хороших стихов. Вот, например:

*Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит,
Что поправимы страшные потери, –
Еще весной благоухает сад...
О, нежная сестра и милый брат!
Мой дом не спит, для вас раскрыты двери...
Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит...* 🍷

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТОЙ МАРИИ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В Риге на улице Элизабетес, 21 по инициативе русской общественности установлена памятная доска с барельефом единственной православной святой, родившейся в столице Латвии, – Матери Марии (Скобцовой). Она появилась на свет в этом доме 8 декабря 1891 года. Погибла русская монахиня за два месяца до окончания Второй мировой войны, в марте 1945 года, в Германии. За активное участие во французском Сопротивлении она была сожжена в газовой камере концлагеря Равенсбрюк...

Н а открытии памятного барельефа святой Марии ажиотажа не было. Как не было и представителей городской Думы и иностранных посольств. Мероприятие прошло скромно в присутствии нескольких десятков активистов-общественников и журналистов. Спешащие мимо немногочисленные прохожие останавливались и с удивлением наблюдали за происходящим. Кто-то высказал предположение, что в гостинице «Моника», расположенной в этом доме, видимо, поселилась какая-то знаменитость. Что ж, они были недалеки от истины. Когда с памятной доски наконец было снято белое покрывало, все ахнули. Казалось, монахиня, с доброй и чуть лукавой улыбкой глядевшая с барельефа на суету, тихо произнесла: «Ну, здравствуй, Рига! Я вернулась...»

Увы, на родине до недавнего времени имя матери Марии, урожденной Елизаветы Пилленко, мало кому было известно. Она родилась в семье помощника рижского прокурора Юрия Дмитриевича Пилленко. Как выяснила местный историк, сопредседатель «Общества матери Марии» Елена Павлова, девочка была крещена в Рижском кафедральном соборе в канун Рождества Христова, о чем сохранились записи в церковных книгах. Во время крещения она чуть не захлебнулась в купели, ее с трудом спасли. Плохой знак? Действительно, жизненный путь самой необычной православной монахини, возведенной после ее мученической смерти в ранг святых, оказался невероятно богат на тяжелейшие испытания. Еще в ранней молодости Лиза была уверена, что ее ожидают страдания, мучительная смерть и сожжение. В общем, все так

и случилось. Она прожила всего 53 года, которые можно разделить на четыре этапа: детство принадлежит Лизоньке Пилленко, бурная юность пришлась на долю взявшей фамилию мужа Елизаветы Кузьминой-Караваевой – поэта Серебряного века и пламенного члена партии эсеров, а молодость и зрелость Елизавета Скобцова (по второму мужу), мать троих детей, провела в эмиграции в Париже. Здесь же, вскоре после смерти младшей дочери, Насти, приняла монашеский постриг и получила новое имя, под которым ее будет знать весь мир – Мария, в честь святой Марии Египетской. Под этим именем она и вошла в газовую камеру, вместо другой узницы, пришив на свою одежду ее лагерный номер...

– У матери Марии нет могилы, поэтому мы посчитали своим долгом увековечить хотя бы место рождения нашей великой соотечественницы, – сказал на церемонии открытия памятной доски сопредседатель рижского «Общества матери Марии» Геннадий Котов. – Сотни рижан откликнулись на наш призыв и приняли участие в сборе пожертвований на изготовление памятной доски. Финансовую помощь оказала и еврейская община Латвии в знак уважения и благодарности матери Марии за спасение евреев в годы Холокоста во Франции. В Иерусалиме в ее честь было посажено дерево в Аллее Праведников мира. Памятник православной святой есть и в Анапе, городе, в котором жила Елизавета Пилленко вместе с родителями, переехавшими сюда из Риги в 1895 году. Чтят ее память и в Санкт-Петербурге, где прошла ее юность, где она познакомилась и сблизилась с Александром Блоком, Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым. Во Франции в 2004 году мать Мария была канонизирована Константинопольским патриархатом вместе еще с пятью участниками французского Сопротивления, в том числе ее сыном Юрием, тоже погибшим в концлагере.

в советский художественный фильм «Мать Мария», главную роль в котором прекрасно сыграла замечательная советская актриса Людмила Касаткина.

По воспоминаниям современников, мать Мария никогда не теряла веру в победу над фашизмом. В своей келье она установила радиоприемник, по ночам слушала и записывала советские военные сводки, а утром на карте отмечала продвижение советских войск. Своим друзьям и постояльцам из приюта она говорила: «Я не боюсь за Россию, я знаю, что она победит.

Наступит день, когда мы услышим по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Россию ждет великое будущее! Но какой океан крови...» В феврале 1943 года фашисты ворвались в дом на улице Лурмель. Монахини в тот момент там не было – она уехала в пригород за продуктами для своих подопечных. Фашисты арестовали ее сына Юрия Скобцова и священника Димитрия Клепинина. Чуть позже в лапы гестаповцев попала и мать Мария. Перед отправкой в Германию в 1943 году она случайно встретила в лагере со своим сыном. Через год Юра, как и о. Димитрий, умрет от болезней и истощения в концлагере Дора, подразделении Бухенвальда. Его мать будет до самой своей гибели в лагере Равенсбрюк оказывать огромную духовную поддержку своим сестрам по несчастью. По воспоминаниям выживших узниц, мать Мария никогда не отчаивалась, она переводила на французский язык советские военные песни, и их потом тайком пели все заключенные. С особой теплотой монахиня опекала русских пленных девушек, поддерживая в них надежду на спасение. И оно действительно пришло, правда, не для матери Марии. 31 марта 1945 года она была казнена в газовой камере, пойдя добровольно на сожжение вместо другой женщины.

С ВЕРОЙ В РОССИЮ

Председатель обществ национальных меньшинств Латвии «Содружество» Артур Невицкий, принимавший активное участие в реализации проекта, на церемонии открытия памятной доски, напомнив, что старшее поколение когда-то воспитывалось на примерах Александра Матросова и Зои Космодемьянской, назвал мать Марию героем нашего времени, с которой нынешняя молодежь могла бы брать пример беззаветного служения людям.

...Оказавшись в 1925 году вместе с матерью, мужем и маленькими детьми в эмиграции в Париже, Елизавета Скобцова начала посещать лекции Николая Бердяева в Православном Богословском институте. Спустя годы с его подачи она вместе с единомышленниками основала благотворительную организацию «Православное дело», поставив своей целью помощь обездоленным русским эмигрантам. В 1934 году она открыла приют в «русском районе» Парижа, на улице Лурмель, 77. Ходила по трущобам и ночлежкам, собирая бездомных и нищих соотечественников, нередко спасая их от голодной смерти, от тюрем и психиатрических больниц. Николай Бердяев назвал ее одной из самых замечательных и одаренных русских женщин: «У нее была страстная любовь к России и русскому народу, – писал Бердяев о матери Марии. – Последний период ее жизни был окрашен в цвет страстного патриотизма, который принимал крайние формы. Исключительная любовь к России, к русской земле и русскому народу делали ее часто несправедливой к Западу и западным течениям». Во время немецкой оккупации Франции были арестованы тысячи русских эмигрантов, к которым она тут же бросилась на помощь. Через французский Красный Крест мать Мария организовала сбор и отправку сотен посылок семьям заключенных. После разгрома гитлеровцами Тургеневской общественной библиотеки она спрятала на улице Лурмель личный архив Ивана Бунина, который он получил обратно в целостности и сохранности в мае 1945 года. С началом массовых арестов евреев в ее приюте их прятали, изготавливали поддельные документы о крещении и переправляли целыми семьями в безопасные места. Однажды мать Мария лично проникла на зимний велодром на бульваре Гренель, куда было согнано более 10 тысяч евреев, в течение трех дней она пыталась накормить и утешить приговоренных к отправке в Освенцим еврейских детей. Невероятными усилиями ей удалось спастись самой и организовать побег четверых ребятшек, спрятанных в мусорных корзинах. Одно время в доме у матушки Марии прятали и двух советских военнопленных, бежавших из немецкого лагеря. Эти эпизоды потом вошли

ВО ИМЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

В прошлом году активисты рижского «Общества матери Марии» побывали в Париже и посетили места, связанные с именем своей великой соотечественницы, ставшей святой покровительницей Франции. На дискуссии, устроенной после церемонии открытия памятной доски, участники делегации показали фильм, снятый во время их экспедиции «по следам матери Марии», рассказали о встречах с парижанами, которые когда-то знали ее лично. Среди них – Мария Александровна

Струве, супруга внука русского философа и политика Петра Струве, Никиты Алексеевича Струве. «Я впервые познакомилась с матерью Марией, когда мне было 6 лет, тогда она еще не приняла постриг. Я прекрасно помню и ее сына Юру, и старшую дочь, Гаяну, которая уехала в 1935 году в Россию и через два года умерла там от дизентерии, – рассказала Мария Александровна. – После смерти моего отца, православного священника Александра Ельча-нинова, мы поселились в Париже недалеко от дома на Лурмель. Жили крайне скудно. Когда у мамы совсем не было денег, то я или мой брат брали бидончик и шли к матери Марии. Она обычно стояла на кухне на цементном полу и варила большую кастрюлю супа, в который шли те продукты, что ей давали из остатков на ночном базаре. Моя сестра тоже часто ходила с ней на этот рынок... В общежитии на Лурмель люди спали даже в коридорах, и мы все были уверены, что не умрем с голоду, потому что всегда можно пойти к матери Марии. Сюда приходили и нищие, и проститутки, и городские сумасшедшие, и горькие пьяницы – она никого не выгоняла. Из бывшего гаража мать Мария сделала церковь и сама написала ее сюжетами из жития Марии Египетской. После службы мы иногда шли к ней в комнату, и мать Мария читала нам стихи – и свои, и пушкинские. Какой она была по характеру? Знаете, у нее не было преподобного вида, она всегда была сияющая, живая, очень смешливая и веселая. Одевалась очень просто, ряса всегда немного заляпана, потому что все время приходилось убирать дом, стоять у плиты. Помню, выходит она из церкви и на ходу сбрасывает свои сапоги, чтобы побегать босиком по грязной земле...». В Париже хранятся иконы, вышитые ее руками. Последнюю икону мать Мария вышивала в Равенсбрюке на лагерной косынке. Краски раздобыла польская узница, работавшая на окраске эсэсовских рубашек, нитки удалось вытащить из обмоток электропроводов, а иглу девушки тайком вынесли из немецкой швейной мастерской... Приехавшие к рижанам на открытие памятной доски святой Марии гости из России и Франции тоже выступили с сообщениями, посвященными жизни и творчеству великой монахини. Так, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва) Наталья Ликвинцева рассказала, что сейчас в издательстве

«Русский путь» готовится к выходу первая часть из пятитомного собрания сочинений матери Марии. Это будет максимально полное собрание, в которое войдут ее стихи, проза, публицистические статьи и написанные ею жития святых, мистерии и богословские труды. В эпистолярном наследии главное место занимает переписка Елизаветы Кузьминой-Караваевой с Александром Блоком. Доцент Страсбургского университета Татьяна Викторофф свое выступление посвятила дружбе Елизаветы Юрьевны с Николаем Бердяевым и ее путешествию по Прибалтике, совершенному в 1932 и 1935 годах. Она посетила женские монастыри и обители, участвовала в дискуссиях по церковным вопросам, выступала перед молодежью в студенческом кружке с рассказом об Алексее Толстом, с которым тоже была дружна. По возвращении в Париж деятельная монахиня опубликовала в «Современных записках» пять глубоких по содержанию исторических очерков, посвященных церковному укладу и жизни православных в Прибалтике.

Остается добавить, что модель рижского барельефа была изготовлена известным латвийским скульптором Геннадием Степановым, воплотил ее в камне Виктор Ванюков, руководил проектом ведущий латвийский художник, медальер, автор современных латвийских монет Янис Струпулис. Как рассказал журналистам автор проекта, о матери Марии он впервые услышал еще в 1980-е годы, когда работал над циклом медалей поэтов Серебряного века. По его словам, это не только мощная историческая фигура, но и пример высокого экуменического звучания: «Мать Мария никогда не смотрела не то чтобы на национальную или конфессиональную принадлежность, она совершенно одинаково относилась к людям разных взглядов: когда нужно было помочь, для нее не существовало ни различий, ни условий. Это была безграничная и безусловная любовь к людям».

С открытием памятной доски рижан поздравили краеведы из Анапы от Краснодарского краевого общества «Православное дело» им. матери Марии. «Сегодня ее имя принадлежит всему миру, она показывает своим жизненным примером, что есть истинные ценности, за которые можно и нужно сражаться и даже идти на смерть. Вся ее жизнь – это подвиг во имя человека, во имя православия, во имя жизни и любви. Нам предстоит еще много сделать для сохранения памяти о ней и ее трудах. И сегодня мы рады сознавать, что еще в одном уголке земли – на берегу древней Даугавы – отмечено еще одно место, связанное с именем нашей великой святой. А это значит, что она уже в третий раз вернулась к жизни. И мы уверены, что навсегда», – написали краснодарцы. 🇷🇺

«Я – ИЗЫСКАННЫЙ СТИХ»

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Полагают, что прадед Бальмонта носил фамилию «Баламут». Как украинский Баламут превратился в звонкозвучного Бальмонта, никому не известно. Но эта экзотическая фамилия очень идет поэту, похожему на тропическое растение, неожиданно выросшее под холодным среднерусским небом.

По происхождению Бальмонт был помещик из самой русской глубинки: из Шуйского уезда Владимирской губернии. На русского помещика он походил, правда, весьма мало: усы, слишком большие и острокопечные, чтобы быть консервативными, борода в донкихотском духе, поэтическая шляпа, ударение на «о» в фамилии – считается, что он сам его стал туда ставить, все родственники ударили на «а»...

До 10 лет Константин, третий из семерых сыновей в семье, жил в деревне, в родительском поместье. Отец был поглощен земскими делами и охотой, которую очень любил; мать, женщина деятельная и одаренная (как говорил ее сын – необузданная и страстная), любила литературу, знала несколько языков, устраивала любительские спектакли – она-то и воспитывала сына в любви к истории, литературе и языкам. Языки ему давались легко, читал он много и в особенности любил русских поэтов – Пушкина, Некрасова, Кольцова, Никитина; иностранные книги читал в оригинале. В 10 лет он уже писал стихи; свои первые стихотворные опыты показал матери, но она так жестоко раскритиковала их, что Константин «замолчал» на шесть лет.

Детство Бальмонта – классическое русское усадебное детство – прошло во владимирской деревне Гумнищи, где стоял небольшой и уютный родительский дом. «Моими лучшими учителями в поэзии были – усадьба, сад, ручьи, болотные озерки, шелест листвы, бабочки, птицы и зори», – признавался он. И говорил, что любит деревню и видит в ней «малый Рай». При этом, кажется, трудно найти в современной ему литературе поэта, более городского по настроению и мироощущению; его будто разрывало пополам – тянуло и к городу с его соблазнами, и вон из него – в любимую деревню, за границу, к морю и солнцу. Удивительно, что он, уроженец неяркой, негромкой и печальной Центральной России, стал поэтом бурных страстей и певцом Солнца:

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.*

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.*

Константин
Дмитриевич
Бальмонт.
1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ХОЧУ БЫТЬ ДЕРЗКИМ

Чтобы дать детям образование, родители переехали из любимых Гумниц в фабричную Шую. Гимназию Константин не любил, сильно скучал, а к старшим классам попал в нелегальный народовольческий кружок – из искреннего желания изменить мир и чужую жизнь к лучшему. За участие в кружке его выгнали из седьмого класса, хлопотами матери Бальмонта устроили в гимназию во Владимире, где он уже жил один, на квартире у учителя. Эту гимназию он тоже не особенно любил и кое-как ее окончил полтора года спустя, иначе как о «тюрьме» о ней не отзывался. И с высшим образованием у него

не сложилось: с юридического факультета Московского университета его отчислили за участие в студенческих волнениях, он пытался учиться в ярославском Демидовском лицее, но не окончил и его; изучение биографий русских поэтов показывает, что большинство из них плохо

ладили с формальным образованием, но занимались постоянным самообразованием, много и систематически работая; таков был и Бальмонт.

Он рано женился – против воли матери, и с женьбой не заладилось. Красавица Лариса Гарелина оказалась такой же нервной особой, как и он сам, он жаловался на ее непонимание и равнодушные и к его стихам, и к его революционным порывам. В стихотворении «Лесной пожар», по убеждению исследователей – автобиографическом, он говорит о ее пьянстве:

*Мне стыдно плоскости
печальных приключений,
Вселенной жаждал я,
а мой вампирный гений
Был просто женщиной,
познавшей лишь одно,
Красивой женщиной,
привыкшей пить вино.*

Считается, что она и втянула Бальмонта в пьянство; пил он много и, по воспоминаниям современников, в пьяном виде, даже от небольшой дозы алкоголя, становился страшен и неприятен, в нем просыпалось что-то зверское, нехорошее.

Несчастливая семейная жизнь, неустроенность, тоска, неудача первого стихотворного сборника (он сжег весь тираж) – все это заставило молодого Бальмонта пытаться покончить с собой. В 1890 году он выбросился из окна третьего этажа. Остался жив, но после этого год пролежал в постели, многое пережил, о многом передумал, встал с одра с новыми силами – и начал медленное восхождение к славе.

«В долгий год, когда я, лёжа в постели, уже не чаял, что я когда-нибудь встану, я научился от предутреннего чирикания воробьёв за окном и от лунных лучей, проходивших через окно в мою комнату, и от всех шагов, достигавших до моего слуха, великой сказке жизни, понял святую неприкосновенность жизни. И когда наконец я встал, душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже более не был над нею властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом...» – вспоминал он.

Однако всю жизнь с тех пор хромал – и еще раз потом пытался покончить с собой, и опять выбросившись из окна; что-то в этой склонности к полету есть очень характерное именно для Бальмонта. Уж чего-чего, а приземленности в его характере не было ни на грамм. Может быть, потому современникам казался таким удачным его второй брак: переводчица Екатерина Андреева, происходившая из крепкой купеческой семьи, была женщина разумная, спокойная, рассудительная, умевшая не давать Бальмонту совсем оторваться от почвы и улететь...

Со временем, впрочем, он ушел от Андреевой к Елене Цветковской, такой же сумасбродной, нервной и хаотичной, как он сам; жил на два дома. Потом от Цветковской его шатнуло к Дагмар Шаховской...

А в промежутке был долгий роман в стихах и письмах с поэтессой Миррой Лохвицкой, конец которому положила только ее преждевременная смерть...

Страстный и влюбчивый Бальмонт на рубеже веков изумил всю русскую читающую публику своими откровенными, не без вызова, признаниями:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!*

Вторая половина XIX века пригнула русскую поэзию к земле, обременив страданиями о народной доле и предсмертной надсоновской меланхолией. Бальмонт со своей пьянящей весной и немислимим предложением «Будем как Солнце» ошеломил, обрадовал и покори́л и читающую публику, и коллег-поэтов.

ПОПОКАТЕПЕТЬ И ВЛАДИМИРЩИНА

В стихах своих он был «многоязычен и многолюбив», как сам о себе сказал, – в них целый калейдоскоп чужих стран и экзотических образов.

*На Попокатепетле
Огням свершился срок.
Лишь след огнистой лавы
Еще хранит светло
Внесенной Оризавы
Могучее жерло.*

Правда, находим мы у него и удивительной точности строки о русской природе:

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, без-
брежность,
Холодная высь, уходящие дали.*

<...>

*Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.*

Можно даже не сравнивать всю эту декоративную пышность Попокатепетлей и Оризав с холодной высью и уходящими далями; понятно все без слов. При всей своей космополитичности Бальмонт имел все основания заявлять о себе в стихах «я – русский».

МИНУЯ ЗЕМНЫЕ ПУТИ

Правда, заявлял он о себе не только это. «Я ведь только облачко, полное огня», – предупредил он в одном стихотворении. И в другом: «Я – внезапный излом, // Я – играющий гром, // Я – прозрачный ручей, // Я – для всех и ничей». И в третьем:

*Пойми, о нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я весь – весна, когда пою,
Я – светлый бог, когда целую!*

И в четвертом: «Как воздушно в нежном сердце у меня!»

Бальмонт был искренне, от всей души, счастливо влюблен в себя и свой поэтический дар; современники вспоминали о его постоянной поэтической позе, о неврастеническом надрыве и бесконечной любви к себе самому. «Изнемогал от самовлюбленности, был упоен собой», – желчно припечатал его Бунин.

С другой стороны, он и был неврастеником; неврастения его к старости перешла в душевную болезнь, душевно болен был его брат и его сын; это не сознательно избранная поэтическая поза, а врожденная беда. И в счас-

тье его самоупоения было много хорошего: в первую очередь ощущение внутреннего солнца, которое заставляло его желать осчастливить всех. Марина Цветаева, которой Бальмонт много помогал в голодные 20-е, говорила о его способности отдать последнее полено, а переводчик Марк Талов вспоминал, как небогатый Бальмонт тайком совал ему, совсем безденежному, деньги в карманы пальто.

Бальмонт называл себя «поэт», в третьем лице – «Хотите, поэт придет к вам по воздуху, минуя земные пути?» – и последняя жена его, такая же сумбурная, экзальтированная и взбалмошная, тоже звала его «поэт». И Цветаева говорила – Бальмонт был весь Поэт, воплощенный поэт.

Отсюда, может, и его странная самовлюбленность, что он не разделял себя и поэзию, что любил в себе ее стихию, чувствовал ее мощь:

*Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.
Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.*

*Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая –
Все пойму, все возьму, у других отнимая.
Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.*

Он и был – стих; как писал о нем Борис Зайцев – «великолепный шантеклер, приветствующий день, свет, жизнь...», как говорил Блок: «Когда слушаешь Бальмонта – всегда слушаешь весну».

НА БАЛЬМОНТСКОМ

Он, такой отвлеченный, такой вакхический, такой неземной – облачко, полное огня, – был серьезным и стабильным работником. После неуспеха своего первого сборника и расставания с первой женой – а этот брак рассорил его с родителями и лишил их финансовой поддержки – он

едва только не голодал, сильно нуждался. Профессор Московского университета Стороженко подбросил ему работу над большими переводами, так у Бальмонта появилась работа, которая его долго кормила. Он много переводил, преподавал, занимался постоянным самообразованием. И писал, что надо уметь сидеть над книгами и словарями, даже если на улице прекрасный весенний день и хочется целоваться.

Много ездил по всему миру, учился, привозил из своих поездок интересный этнографический и историко-культурный материал: например, издал целую книгу о Египте по материалам своей египетской поездки... Переводил Шелли, Уитмена, французских и немецких поэтов, Эдгара По... Правда, многие критики считали, что он слишком бальмонтизирует поэтов, перелицовывает их, переписывает со своей фирменной струнной звучностью; суровый «напостовец» Лелевич в советском биографическом словаре прямо-таки припечатал: большинство переводов испорчены «крайним субъективизмом Бальмонта и чрезмерно вольным обращением с оригиналом». Немногим лучше отзывался о бальмонтовских переводах Шелли и Уитмена Корней Чуковский, утверждавший, что у переводчика «каждая шейка фатально делается лилейной» и вообще все превращается в сплошную «сень струй». И в самом деле – музыка стиха имела над Бальмонтом слишком большую власть. Он слишком сильно упивался ею, слишком поддавался соблазну сладкозвучия – но ведь и открыл при этом целое направление поэтических экспериментов, путь, по которому потом прошел до конца Северянин. Бальмонт обнаружил способ сделать из русского языка – привычного уже языка русской классики, пригодного для критического реализма и народной поэзии, – язык необыкновенный, не вполне русский, бальмонтский (современники говорили, кстати, что он даже читал свои стихи с небольшим акцентом, непонятно каким). Он исследовал музыкальные возможности русского стиха – и иногда музыка захватывала его и уносила:

*Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей, –
Грустные, безбольные
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей...*

Это ведь музыка, иногда чистая музыка, даже теория музыки, исследование звуковых возможностей в ущерб красоте и смыслу:

*Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.*

«...Я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые», – позже писал он сам о своих первых опубликованных стихах. Читатели музыку слышали и Бальмонта оценили: в первые годы XX века он стал одним из самых читаемых и любимых русских авторов – из тех, чьи стихи переписывают себе в тетрадки и читают дорогим людям в минуту внезапного душевного откровения.

Впрочем, далеко не все его стихи – музыкальное счастье бытия; как в жизни был «хороший Бальмонт» и «плохой Бальмонт» – о его дурных минутах вспоминали все его знавшие; так и в поэзии его была оборотная сторона солнечного Бальмонта: заигрывание с дьяволом хорошей поэзии не родит. И в жизни солнечность обращалась солнцепоклонничеством, готовность любить – банальным развратом, душевная смута – алкоголизмом, повышенная впечатлительность и чувствительность – истериками. После взлета славы Бальмонт прожил еще несколько десятилетий, но так и остался поэтом Серебряного века – поэт-мимолетнейшей, импрессионистом, ловящим смутные образы и впечатления, музыкантом слова. А дальше были самоповторы, быстро прискучившие читателю.

Я ХОЧУ РОССИИ

Всегда революционно настроенный, в 1901 году Бальмонт принимал участие в массовой политической демонстрации, а после ее разгона написал стихи «Маленький султан». Там рассказывалось, конечно же, про Турцию, «где совесть – вещь пустая, там царствует кулак, нагайка, ятаган, два-три нуля, четыре негодяя и глупый маленький султан»... Но все, кому надо, поняли, о чем это, так что автора на три года выслали из столицы, а он уехал в Европу.

Во время революции 1905–1907 годов он написал довольно много революционных стихов, которые никак нельзя отнести к достижениям его творческого гения; стихи откровенно плохие – может, потому, что автор занялся не своим делом. Среди них были два стихотворения, опять-таки, о Николае II – со знаменитыми и часто вспоминаемыми (как выяснилось – пророческими) строками:

*Кто начал царствовать – Ходышкой,
Тот кончит – встав на эшафот.*

Жена его, Екатерина Андреева-Бальмонт, вспоминала, что он все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы. Он считал, что его будут преследовать за его революционную деятельность (считал не без оснований: за ним был установлен негласный полицейский надзор), и уехал за границу на семь лет. И тосковал, тосковал по родине. Египет, Южная Африка, Австралия, Океания, Полинезия...

В 1913-м он вернулся, поскольку к 300-летию дома Романовых была объявлена амнистия политическим эмигрантам. Его встречали на вокзале толпы поклонников; говорить речь ему не разрешили, и он стал кидать в толпу ландыши. На родине, по которой Бальмонт так тосковал, он не задержался: жажда приключений и впечатлений гнала его дальше – он снова в разъездах; Первая мировая застала его в Париже, он рванул в Россию, ехать пришлось через Англию и Скандинавию. Но на месте ему не сиделось, и уже в России он покатиł через всю страну с выступлениями, оказался на Дальнем Востоке, оттуда перебрался в Японию...

Февральскую революцию он радостно приветствовал, но Октябрьской не принял. Бедствовал, не желая печататься у большевиков; да если и желал бы – бумаги не было, книгоиздание остановилось... В Петрограде выжить было трудно, и в 1920 году Бальмонт перебрался в Москву – с третьей женой, Цветковской, и их общей дочерью Миррой. В Москве написал несколько дурных лояльных советской власти стихотворений и стал хлопотать о выезде за границу: он бедствовал, голодал, жена и дочь болели – это была просто попытка спастись. Выезд ему был разрешен, предполагалось, что поездка займет год, но она продолжалась до конца жизни. За границей он сразу заявил о своей антисоветской позиции, о том, что большевики губят страну... Большевики его обвиняли во лжи; ему часто ставили в вину то, что он, выбравшись из страны фактически обманом, закрыл для многих возможность выехать на лечение – вот хоть тому же Блоку...

За границей, в Париже, он много печатался, ездил с лекциями по Европе, много переводил. И не раз раскаивался, что уехал. Писал бывшей жене: «Я хочу России... пусто, пусто. Духа нет в Европе». И еще: «Мой траур не на месяцы означен, он будет длиться много странных лет». Денег работа приносила мало, Бальмонт очень нуждался. А с начала 1930-х годов начал сходить с ума. Периодически жил в пансионе-общезитии «Русский дом», организованном матерью Марией – Елизаветой Кузьминой-Караваевой, в нем и умер от воспаления легких в 1942 году. Хоронили его в сильный дождь, могила была полна воды, и гроб всплывал; его держали шестом, засыпая могилу.

Впрочем, заканчивать жизнеописание поэта могилой – довольно глупо: жизнь поэта после смерти только начинается. Так что – о прекрасном:

Жизнь проходит, – вечен сон.

Хорошо мне, – я влюблен.

Жизнь проходит, – сказка – нет.

Хорошо мне, – я поэт.

Душен мир, – в душе свежо.

Хорошо мне, хорошо. ♪

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

МИХАИЛ БЫКОВ

Каждый год в конце июля тут звенят клинки и стреляют пушки. Съезжаются люди из военно-исторических клубов и сражаются неподалеку от памятного камня. Печально и строго смотрят на них кресты с куполов церкви Воскресения Христова. Здесь до сих пор, вооружившись примитивным металлоискателем и лопатой, можно найти проржавевшие фрагменты оружия и упряжи... Берег Чудского озера? Нет. Куликово поле, Полтава, Бородино, Прохоровка? Нет. В 50 километрах от Москвы строго на юг есть место – называется Молоди.

«И поехал я в Белые Столбы на братана да на психа поглядеть». Сейчас эти строчки Александра Галича почти не поют. В 70-е песней захлебывались интеллигенты на ночных кухнях под стакан неповторимого советского портвейна. Белые Столбы – символ эпохи, точка, где политические амбиции заканчивались и начинались уколы аминазина. Это – психушка для принудительного лечения.

Нюанс в том, что Белые Столбы – это населенный пункт в Домодедовском районе Московской области, никогда никакого отношения к психиатрии не имевший. Зато имеющий отношение к кинематографу: тут располагаются хранилища Госфильмофонда. С легкой руки Галича, с советским кино знакомого не понаслышке, «Белыми Столбами» стали называть станцию Столбовую, что находится в той же Московской области, но совершенно в другом ее месте – между Подольском и Чеховом. В Столбовую действительно ездили навещать «психов». В 5 километрах от станции с 1907 года и по сей день успешно работает знаменитая на всю страну психлечебница №5. Большая лечебница, на 2 тысячи коек.

А при чем тут клубы военной реконструкции и поселок Молоди? Вопрос резонный, но ответ на него созреет позже и сам собой.

КУСОЧЕК ЗОЛОТА

Бедный Чингисхан и подумать не мог, что созданное его титаническими усилиями могучее государство проживет менее трех веков. В XV столетии империя Чингисидов развалилась на куски. Один из таких кусочков окончательно отделился от слитка в 1443 году. Этому предшествовала довольно короткая, но кровавая история крымского улуса. Есть основания полагать, что Крым вошел в состав Орды еще при Бату-хане. То есть в те годы, когда нашествию ордынцев подверглись земли Руси. Как бы то ни было, но известно, что в середине XIV века в Крыму обретался сам золотоордынский хан Узбек. Пораженец в Куликовской битве темник Мамай бежал от великого князя Дмитрия Донского именно в Крым, где и принял смерть в городе Кафе (ныне – Феодосия).

Основателем Крымского ханства стал некто Хаджи-Гирей. Даже дата рождения первого из династии Гиреев неизвестна. Однако ж правила династия своим чрезвычайно энергичным государством вплоть до 1792 года, когда Крым окончательно

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

Великий князь
Московский
и татарский
хан.
Гравюра
XVII века

вошел в состав Российской империи. Надо оговориться, что это правление не было в полной мере суверенным. Стоило Хаджи-Гирею умереть, как разгорелась борьба за его наследство. Верх одержал один из сыновей — Менгли. Его поддерживали турки-османы. Расплатой за помощь стало признание васальной зависимости ханства от Стамбула в 1478 году.

Жители Дикого поля и Тавриды всегда беспокоили русские пределы. Ничего оригинального не было и в поведении крымских татар. Другое дело, что их никак нельзя назвать дикими кочевниками, лишенными представлений о внешней политике. Поначалу крымчаки, наследовавшие ордынские представления о Руси и ордынское же к ней отношение, вели себя с позиции силы. Чего стоит только нашествие Тохтамыша на Москву в 1382 году. Позже, когда Русь окрепла и превратилась в региональную державу, крымские ханы искали правду, чередуя жестокие набег с мирными соглашениями. А подчас — и союзничеством с русскими царями. Есть примеры, когда отряды крымчаков сражались вместе с русскими полками против общего врага.

И все-таки в отношениях с южным соседом доминировала враждебность. Помимо больших походов на Русь, предпринимаемых ханами с завидной периодичностью, мелкие шайки татар грабили и охотились за пленниками в южных землях Московии постоянно. Это была одна из основных экономических статей дохода. Наивно думать, что сегодня можно в точности высчитать количество русских, захваченных крымскими татарами и проданных в рабство на турецких рынках. Но порядок человеческих потерь исчисляется миллионами.

В 1551 году ханом стал Девлет (Деулет). Поначалу очередной Гирей вел себя относительно спокойно. Попробовал было с огромной ратью помешать казанскому походу царя Ивана, но обломал зубы о стены Тульского кремля и вернулся домой. Активизировался после того, как Иван Грозный вступил в Ливонскую войну. Девлет, достойный сын своего рода, делом доказал приверженность крымчаков тактике «пристраивания в хвост». Пока главные русские силы бились на северо-западных своих границах, тут, в южных пределах, бесчинствовали татарские орды. Только в 1562 году Девлет погубил предместья Мценска, напал на Одоев, Белев, Новосиль... В 1569 году в составе турецкой армии атаковал недавно присоединенную к Москве Астрахань, в 1570-м — двинул 50-тысячную орду на Рязань и Каширу. Спустя два года крымский властитель решился на большее: не ограничился разграблением калужских уездов и, узнав, что главные силы русского войска отправились в поход на Ревель, повернул на Москву. И у него получилось. Правда, сам Кремль взять не удалось, но Земляной город и посады пожег, а земли вокруг разорил. Царь Иван вместе с опричным отрядом вынужден был отсиживаться в Ростове. Отстоять Москву от 40-тысячной крымской орды помог вместе с другими воевода передового полка князь Михаил Воротынский. Было у него под рукой от силы 6 тысяч человек.

СПЕЦИАЛИСТ ПО ЮЖНЫМ РУБЕЖАМ

Различно складывались судьбы русских князей, ездивших за ярлыками на княжеские престолы в Орду после Батыева нашествия. Одних отпускали с миром, других держали в ханской ставке месяцами, третьих травили на пирах и обратной дороге. Были и такие, что приняли в Орде мученическую смерть. Среди них — Михаил Всеволодович, князь Черниговский. В 1246 году в Орде он отказался поклониться языческим идолам и по

приказу Бату-хана был казнен. В 1547 году причислен к лику святых. Важно добавить, что Михаил Черниговский – один из первых русских князей, столкнувшихся с ордынцами на поле брани. Он вышел к ним с оружием в руках еще на Калке в 1223 году.

Эта ветвь Рюриков дала России несколько знаменитых княжеских фамилий: Волконских, Репниных, Одоевских, Оболенских, Долгоруковых, Воротынских.

Князь Михайло Иванович Воротынский – шестое колено рода, угасшего в XVII веке. Он родился в 1510 году. Или около того. Отец его, князь Иван, владевший уделом в литовской земле, тоже служил по военной части, перейдя под руку великого князя Московского. Перед смертью попал в опалу, да не один, а с сыновьями. Посему Михаил вступил в службу довольно поздно. В Разрядных книгах его фамилия впервые упоминается только в 1543 году – речь шла о воеводе пограничного городка Белева Воротынском.

Служил князь Михайло изрядно и к 1552 году в военной иерархии государства занимал уже вторую строчку, после князя Андрея Курбского. Он-то как раз под Тулой и отражал дебютный набег Девлет-Гирея на Русь.

Михаил Иванович вслед за экранным персонажем Юрия Яковлева мог бы с полным правом повторить: «Казань брал...» Причем брал в качестве воеводы большого полка.

Практически вся служба Воротынского проходила в южном порубежье. Член «ближней» Боярской думы, царский воевода – он даже не рассматривался Иваном Грозным среди кандидатов в командующие на Ливонской войне, грянувшей в 1558 году. И царь, и остальные справедливо были убеждены в том, что князь Михайло незаменим там, где непреходяща крымская угроза. Словно

в доказательство этого в 1571 году Воротынский подготовил первый в истории России военный устав пограничной службы. На основе многолетнего опыта борьбы с ордынцами Михаил Иванович создал потрясающий по глубине понимания вопроса и одновременно простоте практического использования

документ, коему следовали на Руси еще более ста лет. Уникальный случай в истории военных уставов! В этом уложении Воротынский расписал все: количество и местонахождение застав и станиц вдоль 1000-верстной пограничной линии, систему оповещения и правила поведения на дежурствах, вопросы довольствия и денежного содержания пограничников, оперативные линии движения полков и отрядов в случае прорыва врагом засечной черты и форсирования рек...

Правда, труд был сделан после того, как Воротынский второй раз познал опалу. В конце 50-х и в начале 60-х годов обострились отношения Ивана Грозного и представителей аристократических родов. Началась драка царя за единовластие. Были ли основания у самодержца включать Михаила Ивановича в число князей-заговорщиков – неизвестно. Но в 1562 году Воротынский с семьей отправился на поселение в Белоозеро. Привычный штамп о патологической жестокости царя Ивана не срабатывает: в ссылке Воротынский живет безбедно и на казенный счет. А счет этот достигал 100 рублей в год, большие по тем временам деньги.

Через три года Воротынскому вернули отнятые уделы, а самого князя вернули к ратным делам. С 1566-го он вместе с князьями Бельским и Мстиславским руководит Боярской думой. И – воюет...

Как уже было сказано, к этому времени крымский хан Девлет-Гирей весьма оживился. Он знал, что дела на ливонском фронте пошли неважно, что Польша жаждет найти союзника в Крыму. Он ведал, что его сюзерен в Стамбуле не прочь поднять границы империи выше к северу и включить в состав своих земель бывшие ордынские цитадели на Волге. Понимал все это и опытный воевода Михаил Воротынский. Потому и спешил с уставом пограничной службы и усиливал войско на южных границах. Потому и выжгли казаки осенью 1571 года сухую траву в Диком поле...

ОТ ОКИ ДО РОЖАЙКИ

Крымчаки с точки зрения военной организации и тактики изысками не отличались. В случае войны, вернее сказать, набега «под ружье» призывались мужчины, способные сидеть в седле и держать оружие – сабли и луки. Пешего строя почти не признавали, артиллерии и осадной техники по большому счету

мощники – опричный воевода Дмитрий Хворостинин, князя Одоевский и Шуйский – собрали под хоругви около 25 тысяч бойцов, включая 3 тысячи казаков донского атамана Михаила Черкашенина, тысячу волжских, тысячу украинских казаков-пластунов и немногочисленный отряд наемников немца Фаренсбаха.

не имели. Тактика боя была проста: налететь лавой на противника, заходя ему справа во фланг, под удобную для стрельбы из лука руку. Дальше – «конная пляска» с постоянной сменой атакующих рядов (колчаны не бездонны), в случае первичного успеха – ближний бой и рубка!

Были у этой тактики и преимущества. Быстрое продвижение по вражеской территории и мгновенная смена направления удара. Скорость атаки и – в случае чего – отхода. Боевые навыки каждого воина, хорошо владевшего конем, луком и саблей, «втянутого в работу», как говорили когда-то в русской армии. Были и недостатки. Крымские татары не любили крепостей и засек. Пугались точного артиллерийского и пищального огня. Зависели от кормовых запасов по ходу марша. А степь казаки в 1571-м выжгли...

В результате поднять орду в поход Девлет-Гирей сумел только летом 1572 года, когда зазеленела в Диком поле новая трава. Перед набегом он пообещал своему хозяину в Стамбуле, что приведет плененного русского царя в Бахчисарай, а всю Русь покорит за один год. Потому под бунчуки собралось все дееспособное мужское население ханства. Военной статистикой в те времена не сильно увлекались. Особенно в Крыму. И точное число воинов Гирей неизвестно. По разным оценкам, он повел на Русь более 60 тысяч собственных всадников плюс орды ногайцев. Султан не пожалел для авантюры 20 тысяч пеших янычар при 200 орудиях. Итого собралось свыше 120 тысяч. Колоссальная сила! Для сравнения: спустя 240 лет на Бородинском поле Наполеон выставил не более 135 тысяч.

Главный воевода русского порубежья Воротынский времени не терял. Основные укрепления реконструировали и строили заново по реке Оке. Рубили сплошные полутораметровые частокоты, копали рвы, ставили прототипы фортов на северном берегу у бродов. Отдельная забота – «гуляй-город». Была у русских тогда такая военная забава: передвижная крепость из толстенных досок, способная свернуться в кольцо или развернуться в стену длиной до 10 километров.

По части разведки и инженерии все делалось справно. Другая проблема одолевала воеводу: не хватало людей. В Московии тогда уже существовала войсковая роспись, то есть штатное расписание полков и отрядов. Воротынский и его главные по-

Эти силы надо было распределить так, чтоб закрыть прямую дорогу на Москву: от Коломны до Калуги. Полки поставили в этих городах, а также в Тарусе, Лопасне, Серпухове, Кашире. По Оке моталась туда-сюда судовая рать из 900 вятчан на стругах.

Боевые действия начались 26 июля (5 августа по новому стилю). Первая попытка форсировать Оку передовыми отрядами Девлет-Гирей была отбита под Серпуховом. Русские пушкари готовились к большой канонаде, но татары притормозили, дожидаясь подхода основной массы конницы. А когда десятки тысяч всадников сконцентрировались на южном берегу у Сенькиного брода, хан оставил у «перелаза» 2 тысячи всадников с задачей имитировать жизнь ночного лагеря. Глубокой ночью армада перевалила через Оку в другом месте – у села Дракино, в то же время ногайцы Теребердей-мурзы, смяв крошечный отряд охранения из 200 человек дворянской конницы, форсировали реку по Сенькиному броду. Дворяне Шуйского дрались героически, положили множество ногайцев, но и сами пали почти все.

28 июля (7 августа) конные потоки крымчаков стали растекаться по дорогам, ведущим к столице. Особенно далеко на север продвинулась ногайская орда Теребердей-мурзы, блокируя пути вокруг Москвы. Воевода Воротынский, находившийся с большим полком в 8 тысяч человек в Коломне, двинулся к серпуховской дороге. Нужен был новый план войны.

Сейчас трудно сказать, родился ли он в голове воеводы, а затем был передан гонцами для исполнения заместителям, или Хворостинин, Шуйский, Одоевский, Шереметев сами сообразили, как действовать. Но получилось так, как замыслил Воротынский. Ему было ясно, что перехватить крымчаков

с фронта и преградить путь к Москве уже невозможно. Стало быть, надо атаковать татар с тыла, навязать им бой и заставить развернуться. И если все будет сделано правильно, «гости» ни при каких обстоятельствах не смогут вернуться домой.

Пока Воротынский вел своих воинов, 3 тысячи бойцов Хворостинина трепали фланги главных сил Девлета на серпуховской дороге. 3 с половиной тысячи ратников Одоевского и Шереметева дали серьезный бой крымчакам на реке Наре.

Дороги в XVI веке – это не нынешние автострасы. Узкая полоска очищенной и утоптанной земли меж стенами леса – таким был серпуховской шлях тогда. Огромная конная масса крымчаков растянулась по нему на добрых 2 десятка километров. Авангард уже примеривался к переходу через Пахру, а аррьергард под командой ханских сыновей только приближался к деревне Молоди. Тут его и достал отряд воеводы Хворостинина вкупе с казаками. Всего 5 тысяч русских врубались в хвост вражеской колонны, а уничтожив аррьергард, принялись за большую орду. Развернуть такую массу конницы на марше да на узкой дороге – дело непростое и небезопасное. Пока суд да дело, выяснилось, что к Молодям уже подоспели Михайло Воротынский, другие воеводы. Уже вырос на холме над рекой Рожайкой «гуляй-город», уже поднялись в сторону врага жерла пушек. А в татарском штабе росло беспокойство. Ханские дети, пострадавшие от дворян и казаков Хворостинина, жаловались папе на большие потери и выражали сомнение в том, что надо идти дальше, имея сзади и по бокам столько русских. «На автомате» Девлет форсировал Пахру и замер в 30 верстах от Москвы. Он не знал, есть ли военная сила в русской столице. Но если есть – значит, вот-вот сдавят клещами со всех сторон!..

Хан повернул назад. Дополнительно мотивировать своих всадников ему не понадобилось. Каждый понимал, что, если не пробьются к Оке, не перейдут широкую русскую реку, останутся в русской земле. И 30 июля (9 августа) крымчаки атаковали «гуляй-го-

род» остервенело. Но – безуспешно. 31 июля (10 августа) сражение продолжилось. У подножия холма, на котором стоял «гуляй-город», полегли все 3 тысячи московских стрельцов. Но крымчаки до дощатых щитов так и не добрались.

После боя Девлет-Гирей целый день приводил расстроенные потери ряды орды в порядок. Рыскавший в поисках пищи по окрестным деревням разъезд приволок перехваченную грамоту. Из нее следовало, что с севера к русским идет большое подкрепление – вся новгородская рать. Не ведал хан, что грамоту состряпал московский воевода князь Токмаков...

2 (12) августа начался новый, и последний, штурм. В перерыве меж атаками русский «гуляй-город» вышел на встречный бой. Под непрерывный огонь из всех орудий и пищалей из-за дощатых щитов на вылазку поспешили люди Хворостинина. Но людей Воротынского, да и самого Михаила Ивановича, с ними не оказалось. Скрытно, глубокой ложбиной они вышли в тыл татарам с московской стороны. Ударили одновременно!

Татарские отряды сплющило, а тут кто-то закричал, что это подошли от Москвы полки Ивана Грозного. Одним из первых бросил позицию и помчался в сторону Оки сам Девлет-Гирей. За ним – приближенные. Но среди них уже не было плененного главнокомандующего Дивей-мурзы и убитого в бою ногайского мурзы Теребердея.

Основные силы крымчаков полегли у Молодей, но и добравшихся до Оки ждала смерть. 5-тысячный отряд прикрытия был полностью вырублен на северном берегу. Переправлявшихся вплавь уничтожали не только огнем пищалей, но и веслами со стругов. Уж больно долго и часто приносили крымские татары страдания на русскую землю. Воины Воротынского, изнуренные голодом, бессонницей, ранами, стремились на сей раз доделать дело до конца.

Хан сумел спастись. Вместе с ним вернулось в Крым не более 10 тысяч человек. Боееспособное население ханства перестало существовать. Конечно, и потом были лихие набеги и жестокие грабежи пограничных селений Руси. Но постоянная угроза русской государственности со стороны Крыма исчезла. Битва при Молодях поставила последнюю точку в отношениях России и Орды. Более того, она послужила основанием для полного переосмысления внешней политики на южном направлении. Когда-то киевские князья ходили в Византию походами, когда-то на берегах Черного моря процветало богатое русское княжество Тмутаракань и русская крепость Олешье. Потом пришли века,

в течение которых Москва только отбивалась от набегов с юга и юго-запада. Сама мысль о том, что когда-то кончится это бесконечное противостояние, даже в голову не приходила. Но после Молодинской победы, уже при царе Алексее Михайловиче, Московия повела активную борьбу за Малороссию и Днепр. Спустя сто лет Россия сама пошла на юг – возвращать утерянные некогда славянами берега Черного моря. И пусть первые Крымские походы князя Василия Голицына были неудачны, пусть в Азовских походах царя Петра страна поставленные вопросы не решила, еще через сто лет все это воздалось сторицей. И Крым вместе с Тавридой–Новороссией, Приазовьем и Кубанью стали русскими.

СТОЛБОВАЯ ДОРОГА

Через девятнадцать лет после битвы при Молодах крымский хан Казы-Гирей попробовал отомстить. Вновь собрал по улусам десятки тысяч воинов и повел их на Москву. Как и раньше, крымчаки выбрали удачное время: Россия готовилась к войне со шведами. 4 июля татары подошли к стенам русской столицы. Увидели «гуляй-город» у Данилова монастыря, вспомнили о былом и – отправились восвояси. И пусть не было уже на свете князя Воротынского, месяц жизни оставался постаревшему воеводе Хворостинину, уроки Молоди крепко запали в память крымским ордынцам. А нам?

Героическая жизнь Михаила Ивановича Воротынского сегодня мало известна. Зато публика, нервно относящаяся к фигуре царя Ивана Васильевича, постоянно пытается спекулировать на его смерти. Любый спор на тему «Грозный – тиран» обязательно включает в себя и такой аргумент: государь самолично пытал старого воина в 1573 году. Мол, чем-то не угодил лучший воевода своему царю, и тот распорядился положить Воротынского на бревно, разжечь с двух сторон под ним угли, а сам подгребал эти угли под бока мучаемого кочергой. То, что Воротынский попал в опалу третий раз, – факт. И что умер по дороге в ссылку в знакомое уже Белоозеро – тоже.

О мотивах Грозного, принявшего решение об изгнании воеводы, можно только догадываться. Самое распространенное предположение: зависть царя к славе полководца. И сомнительный навет княжеского слуги стал своевременным поводом к опале. Но документальных источников, подтверждающих эту или какую другую версию, не сохранилось. Что касалось страшных пыток и личного в них царского участия, то тут источник – князь Андрей Курбский. Он единственный, кто в мемуарах «История о великом князе московском», в шестой главе, описал пытки, которым подвергся Воротынский. Так описал, будто сам рядом стоял. Но к тому времени Курбский уже с десяток лет, как сбежал в Польшу на службу к королю Сигизмунду. Идеального врага Ивана Грозного и предателя родины, воевавшего против нее, трудно заподозрить в абсолютной объективности. С таким же успехом сегодня можно судить о жизни России по интервью господина Березовского из Лондона.

Когда в 1862 году праздновали 1000-летие Руси, в Новгороде Великом открыли знаменитый памятник. Он весь – шар-державы и 128 скульптур. Все – великие люди России. Среди этих фигур – и скульптура, изображающая Михаила Ивановича Воротынского. Его фамилию включили в список величайших людей государства по прямому повелению императора Александра II. Знать, читал государь слова историка Карамзина о подвиге Воротынского под Москвой, интересовался историей Отечества...

Самое время вспомнить о психиатрической лечебнице №5 в славной Столбовой. Согласитесь, печально, что о «Белых Столбах» в современной России слышали куда больше людей, чем о битве при Молодах. Битве, по размаху и результатам сопоставимой с величайшими сражениями, вписанными в историю Отечества. С Куликовским, Полтавским, Бородинским, Прохоровским...

Кстати, 100-летие клиники отмечали с некоторой помпой. На фасаде главного корпуса из старого красного кирпича долго висели пластиковые цифры: «1907–2007». Трепетно.

В 8 километрах по прямой от больничного забора стоит памятный камень красного мрамора. На нем дата – 1572. И название – Молоди. Нынешним летом исполнится 440 лет с тех пор, как эти цифры и буквы приобрели национальный смысл.

Но вот сохранили ли? Или все наши смыслы – там, в 8 километрах по прямой в обратную сторону? Да простит меня Александр Галич. 🍷

«СЕ ЧЕЛОВЕК»

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

«Сия икона писана в Самарской губернии, Бузулукского уезда, Утевской волости того же села зубами крестьянина Григория Журавлева, безруким и безногим. 1855 года, 2 июля», – прочитал на обороте старой иконы святых равноапостольных Кирилла и Мефодия югославский историк и реставратор Здравко Каймакович. Удивился, конечно, но не поверил. «Наверняка чья-то мистификация», – подумал ученый.

В 1963 году Каймакович проводил учет памятников культуры в сербской православной церкви в селе Пурациц, что у городка Тузла (Босния, в то время – Республика Югославия). Икона со странной подписью его все-таки заинтересовала: работа была тонкая и тщательная. И он решил отправить запрос в Советский Союз. Каково же было его удивление, когда из Госархива СССР был получен ответ: да, был такой иконописец, жил в самарском селе Утевка, встречался с Николаем II, пожаловавшим ему пенсию, умер в 1916 году. И что самое главное: действительно он родился без рук и без ног.

ИЗ НЕБЫТИЯ

О находке в Пурацице в самарском селе Утевка узнали из районной газеты, где было напечатано письмо югославского реставратора, адресованное учителю истории утевской школы Кузьме Емельяновичу Данилову. Краеведу односельчане на улице проходу не давали: засыпали вопросами. Оказывается, даже за границей, в Югославии, чтут иконы их земляка? Правда, иконы Кузьма Емельянович осторожно называл «картинами» и «работами». Слово «икона» было тогда не в чести. Данилов больше говорил о крестьянском происхождении художника и его физических недостатках, которые не помешали Журавлеву проявить свой дар. В школьном музее отвели уголок, посвященный памяти художника-самородка. Данилов стал вести реестр всех приносимых икон и картин, о чем педантично сообщал через ту же районную газету. Коллекционер Владимир Якимец принес икону кисти Журавлева с изображением псалмопевца Давида с арфой в руках. Он отыскал ее у

кого-то на чердаке. Сестры Трегубовы принесли журавлевские иконы, найденные в сарае. А Петр Галкин пожертвовал карандашный портрет деда работы Журавлева, который пылился на дне сундука. Пенсионер Иван Филиппович Гурьянов заявил, что знает, в чьем чулане есть портрет работы Журавлева, на котором изображен утевский портной начала XX века Гордей Афанасьев...

Так, благодаря сенсационной находке в Боснии, на родине забытого художника вспомнили о безруком и безногом иконописце. В давно закрытом утевском храме еще можно было увидеть фрески Журавлева, которые он, как и иконы, писал, зажав кисть в зубах. Говорили, что художник похоронен слева от северного крыла храма. А где – точно никто не знал. Больше всего вспомнить о Журавлеве не могли даже самые древние старики, видевшие иконописца, когда им было по 5–6 лет. А может, не хотели особо распространяться? От югослава Каймаковича тоже ничего больше не было слышно. Поэтому вспыхнувший было интерес односельчан сошел на нет, члены краеведческого кружка, созданного Даниловым, стали заниматься другими темами, потом выросли и разъехались кто куда. Увы, но после смерти учителя Данилова школа не смогла сохранить работы Журавлева... А в старом утевском храме разместили склад «Заготзерно», здесь же установили работающую на солярке машину для сушки зерна. Через некоторое время копать и пыль покрыли стены слоем грязи, скрывшей великолепные фрески необычного иконописца...

Земляки о Журавлеве совсем забыли. Спустя десять лет после истории с письмом из Югославии в селе Утевка, где проживает 6 тысяч человек, можно было даже не пытаться спрашивать о том, кто такой Григорий Журавлев. Большую часть населения села теперь составляли пришлые, приехавшие сюда трудиться на нефтепромысле. Коренные же сельчане позабыли даже то, что слышали от дедов. А ведь в Утевке ни до, ни после Журавлева больше не появился на свет ни один художник, а уж

Григорий отличался веселым нравом и был очень уважаемым человеком. Мальчишкой Корнев приходил к нему с друзьями домой на Рождество славить Христа, и тот без подарков не отпускал. Были у него лошадь и тарантас, которые дал ему самарский губернатор, после того как Григорий побывал у царя.

Подтверждение тому, что Журавлев встречался с Николаем II, Малиновский нашел в архивах самарского губернатора А.Д. Свербева.

Там сохранилось письмо, написанное Григорием. В конце 1884 года Журавлев, написав икону святого Николая Чудотворца, обратился к самарскому губернатору, всегда принимавшему участие в делах калек-живописца, с просьбой представить икону Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу. Икону он сопроводил письмом: «От всего моего сердца желаю поднести Вашему Императорскому Высочеству икону – Святителя и Чудотворца Николая, которую я написал ртом, а не руками по той причине, что от своей природы не имею силы и движения в руках и ногах своих. Покорнейше прошу Вас допустить препровождаемую сию икону до Вашего Высочайшего имени потому, что я не имею у себя рук и ног. И написал сию икону по вразумлению Всемогущего Бога, который допустил меня на Свет Божий. И даровал мне дар. Потому открылось движение моего рта, которым я управляю свое мастерство по повелению Божию».

О том, что иконы безрукого иконописца из Утевки разбросаны по всей стране, Малиновский узнал из ответа на свой запрос в Троице-Сергиеву лавру. И даже в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии, которая располагается в стенах Лавры, хранится икона, подписанная Журавлевым. На ней святой Лев, папа римский, на тыльной стороне надпись: «Сию икону писал зубами крест. Григорий Журавлев Самарской губ. С. Утевки. Июля 30. 1892 года». На эту икону когда-то обратил внимание учившийся в МДА будущий настоятель утевского храма во имя Святой Троицы о. Анатолий. Ему запомнились слова «Сию икону писал зубами...». «Как это могло быть?» – подумал он тогда. Об этой иконе он и рассказал Малиновскому, после того как последний буквально огоршил только что приехавшего в село батюшку повестью об авторе фресок в храме, давнем письме из Югославии и своих последних открытиях. Правда, фрески потемнели, во многих местах облупились. Незадолго до того, как было получено разрешение вновь освятить и открыть

тем более иконописец. Кисть жители села берут в руки только во время ремонтных работ или весенней побелки деревьев и пеньков. А на редкого гостя, который интересовался в то время иконописцем Журавлевым, смотрели с подозрением.

В этом убедился директор одного из самарских заводов, увлеченный писательством. Александр Малиновский детство провел в Утевке и запомнил рассказы своего деда о необычном безруком и безногом иконописце, который умудрялся даже повозкой править, держа вожжи в зубах. А в 60-х годах Малиновский впервые увидел фотокопии с одной из картин Журавлева. На ней была изображена крестьянка в белом платке и с младенцем на руках. Нежный овал лица, большие темные глаза, на губах – еле заметная улыбка. Обычная картина, вовсе не икона. Но все же воспринималась она почти как икона. Называли картину «Утевская Мадонна». Фотокопию по просьбе Малиновского сделал ученик сельской школы Владимир Игольников. Видел Малиновский и оригинал картины у Александры Михайловны Подусовой. Разглядывая ее, Малиновский все никак не мог поверить: как человек без рук создал такой образ?!

Малиновский решил собрать материалы о жизни Журавлева. Успел даже встретиться с учителем Даниловым. Краевед сумел найти только справку о смерти иконописца. Но ни у кого не было ни одной фотографии Григория Журавлева, все только твердили, что он был без рук и без ног. Малиновский обратился в Самарский краеведческий музей, рассказал директору об иконописце, попросил поискать какую-нибудь информацию в фондах. Не может быть, чтобы о Журавлеве в музее ничего не было! Но именно так директор и ответила. Тогда директор завола поинтересовался нуждами музея. Выяснилось, что музею срочно нужны стеллажи. После оказанной помощи Малиновскому наконец-то показали старую, поцарапанную фотографию двух мужчин. Один сидел, а второй хоть и стоял, но едва доставал первому до подбородка...

«И НАПИСАЛ СИЮ Икону...»

Григория Журавлева и его брата Афанасия сразу узнал на фотографии старый житель села Утевка Николай Корнев. Он вспомнил, как художника мужики носили на руках в храм. Встав на колени, Корнев показал Малиновскому, как Григорий работал за маленьким столиком. Старик даже назвал тех, кто обучал Григория: земский учитель Троицкий и самарский художник Травкин. Григорий писал для односельчан письма и прошения красивым каллиграфическим почерком. Умел красиво расписываться. Отец его держал столярную мастерскую, а брат был хорошим чеканщиком. Журавлевы мастерили деревянные заготовки для икон, оклады. В церковь иконописца доставлял брат Афанасий.

храм, крыша прохудилась, дожди и снег только ухудшили состояние фресок. Да к тому же здесь до последнего дня работала та самая машина для просушки зерна, а на ночь в храм загоняли грузовики... Так что храм настоятелю достался, мягко говоря, не в лучшем виде. Колокольня отсутствовала, в куполе зияла огромная дыра, стены рушились, вместо пола — земляные ямы... Но, как признался о. Анатолий, его вдохновлял духовный подвиг иконописца Григория Журавлева, который сто лет назад, не имея рук и ног, расписывал этот храм.

Прослышав о том, что храм снова действует, люди стали возвращать в него иконы Журавлева, которые прятали дома их родители. Когда в 1934 году храм закрыли, иконы баграми сдирали со стен и выбрасывали на улицу. Многие их подбирали и уносили домой. Самая большая икона работы Журавлева, в человеческий рост, «Крещение Господне», была привезена из соседнего села Малая Малышевка.

Снова вспомнили о Григории Журавлеве и о том, что рассказывали деды. Расписывать стены Григория поднимали в люльке на кожаных ремнях. Кисть в зубах он сжимал так сильно, что вынуть ее можно было, только предварительно наложив на скулы мокрые теплые полотенца...

Из села Старая Кармала на другом конце Самарской области привезли в Утевку альбом с рисунками Журавлева. Выпросить его было нелегко, но с задачей справился предприниматель из Утевки Владимир Петрушин. Он организовал поездку и выкупил альбом. Рисунки из альбома потрясли всех. На лицевой стороне были гравюры, иллюстрирующие Ветхий Завет. А на обратной стороне гравюр — карандашные рисунки, выполненные Журавлевым. Этот альбом он привез из Петербурга, куда был приглашен императором. После аудиенции художнику-иконописцу была назначена пенсия в размере 25 рублей в месяц, а самарскому губернатору приказано дать Журавлеву иноходца с летним и зимним выездом. Можно предположить, что гравюры из альбома нужны были художнику как образцы для его будущих работ. А в Старую Кармалу альбом попал вместе с художником, учеником Журавлева, помогавшим ему расписывать утевский храм. Кстати, возвращение Журавлева из Петербурга в Утевку обросло легендами: он якобы попал в цирк, где его насильно удерживали и показывали как диковинку. Потом его якобы продали цыганам, а художник от них откупился.

СИЛА ДУХА

...Чтобы добраться до храма, надо пройти мимо столетних ветел, охраняющих овраг с ручьем. Это сейчас через него перекинут мост, а век назад спуститься в овраг и выбраться из него было непросто. Тем более пожилому человеку. А ведь дед Григория Журавлева, Петр Васильевич Трайкин, почти каждый день преодолевал этот овраг с внуком. Зимой возил Григория на санках, в теплые дни — на тележке, а то и вовсе таскал на руках. Я шел над оврагом и невольно представлял картину, свидетелями которой были древние ветлы. Встречные односельчане, наверное, смотрели на Трайкина с сожалением, крестились: «Помоги тебе Господь!» и крепче прижимали к себе своих детей. Все село знало, какой крест он на себя взвалил. Его дочь родила мальчика без рук и ног. В отчаянии хотела умертвить и себя, и сына, но старик отговорил ее, взялся сам воспитывать внука и возить в земскую общественную школу.

Ничем особым семья Журавлевых не выделялась, держали столярную мастерскую, в которой выполняли и жестяные работы. От убогого ребенка не отказались. Два года дед носил Григория в школу, часто отдыхал под ветлами, наверное, молился и просил сил не для себя, а для внука. О чем-то они между собой говорили. Какие-то рисунки чертил прутиком на песке внук...

Петр Васильевич спас жизнь Григорию и дал ему начальное образование. Он не дождался того времени, когда Григорий Николаевич Журавлев превратился в опору семьи, содержал не только себя, но и своих родных, став известным иконописцем. Уголь, которым он рисовал на стене, и прутик, которым чертил на песке, Григорий сменил на карандаш. А затем задумал выучиться писать масляными красками «настоящие образа». В 15 лет он отправился в Самару, где обратился к живописцу Травкину. Тот принял необыкновенного ученика, оставил на несколько дней в своей квартире и познакомил с первыми приемами живописи, а его брата Афанасия, который теперь вместо деда носил Григория на руках, научил растирать краски. Закупив в Самаре все необходимое, Григорий вернулся в Утевку и, заказав себе стол особой конструкции, принялся учиться живописи.

В семье он быстро стал не только кормильцем, но и командиром. Через пять лет непрерывного труда Григорий стал писать «образа» настолько удовлетворительно, что решился подарить несколько икон своей работы высокопоставленным лицам Самары. Самарский губернатор Свербеев дал ему благожелательный отзыв и заказ на работу. Об этом сообщили в 1885 году «Губернские вести».

В конце 1884 года Журавлеву пришла счастливая мысль изготoвить икону для цесаревича. Икона была милостиво принята, а художнику пожаловали 100 рублей. С этого времени Журавлев начал получать заказы постоянно. Губернское земское собрание, приняв во внимание бедственное положение семейства Журавлева и его личные труды по части самоусовершенствования в искусстве живописи, назначило ему ежегодную пенсию в размере 60 рублей. А когда в Самаре встал вопрос о том, кому поручить написать главную икону (икона святого Алексия, митрополита Московского, покровителя Самары) для строящегося самарского кафедрального собора Христа Спасителя, то выбор пал на безрукого крестьянина Журавлева из далекой Утевки.

...И вот я стою в храме во имя Святой Троицы вместе с о. Анатолием и самарским писателем Александром Малиновским. Волнуюсь. Все, что они знали о Журавлеве, они уже рассказали. Но все равно было ощущение недосказанности, что-то главное о Журавлеве оставалось неизвестным. Это особенно чувствовалось тут, рядом с его работами.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь окна, освещают фигуры святых на огромном куполе. Их можно разглядеть во всех деталях. Глаз не оторвать.

А вот фрески на стенах нужно долго и внимательно разглядывать: они пострадали больше всего. Хорошо сохранились только те, что у северного входа. Но все равно видна поразительная тонкость и одухотворенность работы. И по-прежнему не отпускает только одна мысль: «Как?! Как можно написать такое, не имея рук?!»

— Часть росписей сделали его ученики, а Григорий писал только лики и руки святых, — рассказывает о. Анатолий. — Росписи соответствуют каноническим образцам. Только в одном случае Григорий отступил от канона. Святой Феодосий Черниговский написан по словесным описаниям его образа, которые Журавлев слышал от странников и богомольцев. Икона Феодосия Черниговского, тогда недавно причисленного к лику святых, еще не попала в Утевку. А потому писал он этого святого с одного из своих земляков.

Об этом, сославшись на воспоминания родителей, о. Анатолию рассказал кто-то из прихожан. Они же показали и то место, на котором обычно стоял иконописец на службах в храме: напротив хора певчих, с правой стороны алтаря. Когда брат Афанасий приносил и ставил Григория на табурет, то прихожан поражал его цепкий и зоркий взгляд, которым он поглядывал вокруг себя. С этого места он разглядел в толпе прихожанок крестьянку Екатерину Грачеву со светлым и благообразным лицом, которое поразило его своей одухотворенностью. Это ее он изобразил на картине, получившей название «Утевская

Мадонна». Сейчас эта работа Журавлева считается пропавшей. Но надежда найти ее и вернуть в Утевку есть. Самарский фотохудожник Виктор Пылявский, сделавший с парaplана фото всех храмов Самарской области, устроил выставку своих работ. Одна из записей в книге отзывов этой выставки вселила в Малиновского надежду найти «Утевскую Мадонну».

— Кто-то написал, что, увидев утевский храм и его росписи, вспомнил о работе Журавлева — картине с изображением крестьянки в виде Мадонны, с ребенком на руках. Она у них дома! — с радостью рассказывает Малиновский. — Она вернется! Хочется в это верить. Ведь вернулась на Самарскую землю та самая икона Журавлева «Кирилл и Мефодий», которая была увезена кем-то из эмигрантов после революции 1917 года из Утевки, а потом найдена историком Каймаковичем. Ведь нашлись и крупицы сведений о жизни иконописца.

...В Утевке до сих пор считают, что окончательные контуры главному куполу храма приданы по особым рекомендациям Журавлева, который сумел убедить архитекторов внять его советам. Храм и дом Журавлевых разделяли всего 260 шагов. По воспоминаниям односельчан, когда Афанасий не имел возможности принести Григория в храм, то иконописец сам, перекачываясь по лужам, пыли и грязи, добирался до крыльца храма и вскарабкивался по ступеням. Храм строился для сельской бедноты Утевки (в другой храм, который уже давно не вмещал всех прихожан, ходили в основном местные купцы). Краски, которые не могут не попасть в рот, если человек рисует кистью, зажатой в зубах, испортили ему пищевод. А черенки кистей сточили зубы. Остатки зубов он берег для настенных росписей храма, которыми занимался до самых последних дней своей жизни и после освящения храма. Однажды, работая под куполом, он сильно простудился. Но Журавлев не обращал внимания на болезнь, продолжал расписывать храм. Через некоторое время ему был поставлен страшный диагноз: чахотка.

В феврале 1916 года уникальный иконописец Григорий Николаевич Журавлев скончался в селе Утевка и с разрешения епископа Самары был похоронен в ограде храма, который он расписывал.

На кресте, поставленном на его могиле, было написано: «Св. Человек». ❶

В СОПРОВОЖДЕНИИ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Отец Алексея Ремизова был купец, и мать, Мария Найденова, тоже родом была из купеческой семьи. Дядя ее много лет председательствовал в Московском биржевом комитете, основал его библиотеку – вообще был одним из тех просвещенных купцов, кому многим обязана русская культура.

Маша Найденова, как подобает девушке из культурной семьи, занималась поисками себя и своего предназначения, состояла в кружке нигилистов, была страшно влюблена. И назло любимому, из мести, вышла замуж за галантерейщика Ремизова, родила ему пятерых сыновей, а потом без объяснения причин забрала детей, ушла от него и потребовала развода. Отец Ремизова, человек глубоко порядочный, недоумевал, пытался добиться объяснения, понимания, руководства какого-нибудь... Вернул братьям бывшей жены ее приданое и, кажется, так никогда и не понял, что и почему она сделала с ним, с собой, с детьми. Братья, красильщики, поселили сестру с детьми на территории фабрики, в одном из корпусов, там и прошло детство будущего писателя. Биограф Ремизова Наталья Резникова рассказывала, что мать писателя, поглощенная собственными страданиями, запиралась в комнате и целыми днями читала и пила, не обращая внимания на детей, иногда страшно кричала; постепенно сходила с ума. Братья прибрали ее приданое к рукам, а потом, когда умер отец младших Ремизовых, та же судьба постигла и их наследство. Так что в юности Ремизов довольно сильно нуждался.

Детство его было особенное – купеческая среда совершенно по Островскому: жадная, богатая, умеющая считать деньги; среда, где говорили старым, сдобным московским языком – Ремизов просто и естественно говорил им, как мать, нянюшка, кормилица, рабочие фабрики. В этой среде просто и естественно умели петь знаменным распевом по крюкам, читали дома вслух старые Четьи-Минеи, где мученик Меркурий шел, держа в руках свою отрубленную голову, и «любезно лобызал ее»; где бытовали страшные сказки и чудесные истории; где сказочные чудища какой-нибудь старинной «Александрии» или «Шестоднева» были живой частью жизни – все эти мравольвы или люди с песьими головами. Был дядин круг – историки, археологи, профессора, искусствоведы; а были цыганки, богомолки, староверки; была тетушка-хлыстовка; тут тебе и жизнь как она есть, и осмысление ее, умственное постижение.

Мальчик Алеша, некрасивый, странный, большеголовый, с носом «чайником», с малолетства был влюблен в красоту мира вокруг: в его цвета, звуки, краски, очертания. Он везде находил сказку и тайну – замирал от счастья, вглядываясь в квадратики лоскутного покрывала, слушая колокольный звон ближайших и отдаленных церквей, разглядывая тонкие рисунки на обоях... Он любил окружающие его

ДЕРЕВЬЯ ШЕЛЕСТЯТ ПЕСНЯМИ

Частью души он, наверное, навсегда остался в детстве – старинном, полухристианском-полуязыческом, полном наивной поэзии, тайны и повседневных, почти бытовых чудес. Он жил в этих чудесах естественно – сказочник он был прирожденный, невыдуманный, сказочные образы сами складывались у него легко – легче дыхания. В одном из пи-

сем к Наталье Кодрянской, которую он называл своей внучкой и которая издала его письма целым томом, он начал вдруг перечислять такие сказочные образы, которые он старательно отыскивает: «кусаящиеся двери; двери с зубами; дождь из горного хрусталя (если всего замочить, человек полетит); «волшебный песок» из кварца. Дочь солнца замотала свои ало-шелковые волосы на серебряный кол, расчесывает золотым гребнем. Идти не по звездам, а в сопровождении утренней звезды (зеленый сокол). Деревья под ветром шелестят песнями. Уточка – золотой хвостик». Каждый образ – туго свернутая сказка, а он сыплет ими щедро, с кажущейся легкостью, даже расточительностью. Сказочникам непременно надо читать Ремизова: он поразительно расширяет горизонты возможного, позволяя не циклиться на знакомых образах афанасьевского собрания, у него сказкой дышит каждая строчка.

Может быть, все дело в его уникальном зрении, его «подстриженных глазах» – так называется его поздняя книга прозы, посвященная детским впечатлениям. Там он рассказывает о счастливом, богатом, красочном предметном мире, окружавшем его с детства; о том, как предметы жили своей жизнью, обнаруживая свою тайную сущность; как на его детских рисунках с натуры вылезало «испредметное» – загадочные чудовища, таинственные существа, приводившие в отчаяние и недоумение его учителей рисования.

Мир представал его глазам удивительным единством звука и краски, пятен, плоскостей, образов; из него выплывали чудесные мелкие детали вроде морозных узо-

вещи, и они отвечали ему взаимностью: во всякой находилась поэзия и волшебство: ходил, стучал по стенам стальной кочергой и вслушивался в ее звон... Он рано полюбил каллиграфию и довольно скоро стал изображать удивительно интересные буквицы; любовь его к старинным шрифтам, к уставу, полууставу и неразборчивой скорописи древних рукописей осталась в нем навсегда и укрепилась еще, когда он вместе с женой, палеографом Серафимой Ремизовой-Довгелло, разбирал старинные книги.

Алексей
Михайлович
Ремизов
(1877–1957).
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ров на стекле; тайну этого зрения открыл учитель географии, когда Ремизову было 13 лет. Тогда он провалил задание у доски, ткнув указкой в карту невтопад; учитель заподозрил, что мальчик плохо видит, а доктор нашел 11 диоптрий – странно, как при этом он ухитрялся заниматься каллиграфией, что-то рисовать, как-то учиться... Взгляд на мир через подобранные очки, писал он в «Подстриженных глазах», привел к шоку: мир оказался скучно-подробным и мелочным, полным пошлых деталей, и к нему пришлось долго привыкать. Волшебство будто изъяли из его мира, но он уже был сам себе волшебник.

КОЛПАЧКИ ЗАДОМ НАПЕРЕД

Друзья и знакомые, скорее, признавали его родство с разнообразными «чудовищами», полулюдьми, полунечистью из русских сказок – не то леший, не то домовый, не то и вовсе кикимора; что-то такое скорченное, съезженное, хитроватое – не то одарит золотом, не то окончательно погубит. Блок таким и запечатлел его в своих стихах, в «Пузырях земли», болотным чертенком:

*Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав –
Захудалый черт.
На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами – вдалеке –
Сеть речных излук...
И сидим мы, дурачки, –
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.*

Да и сам он, обращает внимание читателя Андрей Синявский в своей статье о Ремизове, изображает себя, больного, не по-блоковски – падшим ангелом, а травмированной лягушкой: «Я лежу на земле, обтянутый сырой перепонкой, и не разбитое крыло, прячу я за спиной мою переломанную лягушину лапку». Ремизов в своей автобиографической прозе часто говорит о своих «безобразиях» – каких-то шутках,

выходках, иногда глупых, иногда удачных, никогда не скучных. Правда, если кто пострадал от его «безобразия» – он жалел и раскаивался, как тогда, когда постриг под пуделя дворовую собачку Шавку, а она стала мерзнуть, лишившись шубки.

Болотный, странный, двоящийся, путающий следы – таким он вошел в русскую литературу по гоголевскому следу, с Гофманом под мышкой, мистификатор и жизнетворец. Но пошел своей дорогой, и был на этой дороге мало кем понят. Удивительно, что вышедшая после первых, мрачных и реалистических, его повестей насквозь светлая и волшебная «Посолонь» была так плохо принята окружающими, которые решили, что это вообще не по-русски. Академик Шахматов, впечатленный красотой и свежестью книги, выдвинул ее на Пушкинскую премию, но премии Ремизову не дали: великий князь Константин Романов, он же поэт К.Р., решил, что написано не по-русски. Ремизов публиковал свои сказки в модернистских журналах – и те брали их неохотно, упирались, просили убрать областные словечки, «Кота Котофеича» в «Золотом руне» не захотели брать потому, что у них тексты выходили сразу с переводом на французский, а «Кота» оказалось трудно переводить. И в самом деле: «А Коза всех перебодала, да и опять в лес за кленовым листочком, только Козу и видели. А Чучела-чумичела чуть было Котофей Котофеич не съел: такая у Чучела соблазнительная мышинная мордочка выросла!»

А ему самому, с его густым, совершенно аутентичным московским языком вымученные, головные петербургские литераторы, стилизаторы казались нерусскими, и ненастоящим – стиль рюсс, и Билибин, образец, на наш сегодняшний взгляд, иллюстратора русской сказки, – тоже ненастоящим. Потому что Ремизов был из тех, которые не только помнят, но и гениальным своим художническим чутьем знают, как оно – правильно, где оно – настоящее, русское, подлинное до каждой буковки.

КРЫЛЬЯ МОИ БЕЛЫЕ

Возвращаясь назад, в детство: мало радости было в его жизни – кроме вот этой тайной радости растворенного в мире волшебства. О детстве и юности он написал жестокий и страшный роман «Пруд» – по количеству свинцовых мерзостей сравнимый, может быть, с горьковским «Детством», но ледяной и жуткий в своем безвыходном отчаянии. В этом романе появился в первый раз сквозной образ крысы, которую казнят, поливая кипятком – а крыса плачет, кричит и умывается лапкой. Ошпаренная крыса, прибитая собачка Розик со сломанной лапкой, которая лежит и молча плачет, – Ремизов умеет надорвать читателю сердце и даже не слезу вышибить, а вопль ужаса и отчаяния. Ползет, ползет по миру страшная змея Скарапея о двенадцати головах: пухотных, рвотных, блевотных, тошнотных, волдырных...

Мир его юности ужасен: в нем нет радости, нет даже Воскресения в Пасху: недаром именно в пасхальную ночь вешается спившаяся Варенька, мать главного героя. А в финале – дьявол тоскует в своем царстве, Матерь Божия плачет над бессмысленно мучающимися друг друга людьми: «Прости им» – и Христос висит на кресте... И вроде бы его воспитывали в вере – он жил в монастырях, читал церковные книги, ходил в паломничества, – но веру надломили ужас и тоска; какое-то примирение нашел он в религии сострадания; его лучшие герои – кроткие страдальцы и мученики, возносящие из тошной жизненной каши хрустальные, чистые молитвы. «Крылья мои белые, тяжелые, вы в слипшихся комках кровавой грязи». «Моя душа, обжигаясь, плачет тяжелыми слезами», – написал он однажды; вот эти вскипающие, набухающие в душе слезы – совершенно неотъемлемое ремизовское; без них нет и его повестей.

И не только купеческая Москва у него страшна, но и Петербург доходных домов – гоголевский, Некрасовский, Достоевский, мучающий маленького человека; страшна вообще жизнь – это, пожалуй, не с Достоевским его уже сближает, а с Сологубом – с его недотыкомкой, с его «бабищей румяной» – жизнью...

В общем-то немудрено, что от такой жизни юноша решил стать революционером. Времена были переломные, Россия в конце XIX века закипала, социал-демократические идеа-

лы казались близкими и понятными. Ремизов уже поступил вольнослушателем на математический факультет Московского университета, но не доучился: за участие в студенческих волнениях был арестован, судим и выслан из Москвы на Север на шесть лет. Жил в Пензе, в Вологде, в Усть-Сы-

сольске, там написал свой «Пруд», там же встретил Серафиму Довгелло, любовь на всю жизнь. Оба они отошли от революции: литература была интересней. Из ссылки он приехал в Петербург в 1905 году, получил разрешение жить в столицах, и занимался с тех пор уже только литературой, а не революцией. Впрочем, литература довольно долго его не кормила, друзья пытались устроить его на службу – и он чем только не занимался: участвовал в переписи петербургских собак, хотя их боялся, вел какую-то статистику по грудным младенцам... Впрочем, в глазах друзей и эти странные занятия ему шли: казалось, и со зверями, и с бессловесными младенцами он умеет говорить на их языке. В 1904 году родилась его дочь Наташа. Прозрачная, нежнейшая «Посолонь» рождена его счастливым отцовством: Наташа там Зайка, в сказках полно ее словечек; отца она звала Алалеем – от Алексея. Он все пытался одарить ее, осчастливить тем, что знал и любил, но Наташа, которая воспитывалась у теток на Украине, подрастая, его странноватым дарам не особенно и радовалась – это его горько печалило.

Уже первые книги Ремизова показали, что в русскую литературу пришел незаурядный и сильный автор. В Петербурге Серебряного века Ремизов прижился, будто специально для него был создан – со своими стилизациями, мистериями, дурачествами и мистификациями. Тогда и сложился его привычный образ – сутулого, сгорбленного человека в больших очках, кутающегося в какие-то экзотические тряпки, бесхитростно-лукавого, непростого... В Петербурге он много работал со старинными рукописями – перерабатывал, писал сказания и пьесы на их основе, пересказы-

вал сказки – поднимал это лежащее под спудом богатство, приносил в современный мир, заставлял звучать, удивлять и восхищать. В одной из пьес появился обезьяний царь Асыка – образ, который остался с Ремизовым на всю жизнь. Это была ремизовская игра, охотно подхваченная окружающими: Обезьянья Великая и Вольная Палата, Обезвөлволпал, которой он был вечным канцеляриусом. О царе Асыке, «верховном властителе всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился» никто, как говорил Ремизов, ничего не знает, и его никто никогда не видел. Обезвөлволпал – это было тайное общество, членам которого Ремизов вручал «собственнохвостно» царем Асыкой подписанные грамоты. Грамоты были исполнены по всем правилам древней каллиграфии и снабжены ремизовскими рисунками. В палату принимали тех, кто был Ремизову симпатичен. Кто был готов играть в эти игры, кто любил литературу, свое дело – и самого Ремизова. Современники охотно включались в игру; Ремизов рассказывал во «Взвяхренной Руси», как уже после революции Гумилев попросился в графы Обезвөлволпала, а графский титул был уставом не предусмотрен. Впрочем, царь Асыка пожаловал Гумилева графством – кого же еще, как не Гумилева?

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Игра эта особенно расцвела в голодном послереволюционном Петербурге – писатели в это время вообще много играли и дурачились: иначе было не выжить. Ремизов работал в театральном отделе Наркомпроса. Бедствовал. Писал своим затейливым почерком с завитушками замечательные по красоте и совершенно бестолковые просьбы о помощи продуктами и вещами – обращая их не к тем людям, которые могли помочь.

«Революции он не принял», пишут биографические справочники. Да – понимал, что великая буря, что уничтожает старое и дает прорасти новому, но в этом новом были зачатки страшного зверства. Недаром еще до Октябрьской революции, ранней осенью 1917 года, Ремизов написал свое «Слово о гибели русской земли», «в котором раскрыл свою реак-

ционную сущность», как утверждало советское литературоведение. О послеоктябрьской жизни Петрограда он рассказывает в своей «Взвяхренной Руси» – книге, которая пришла к русскому читателю только на волне возвращения запретной литературы, в перестройку. Служба в Наркомпросе, голод, смерти друзей, приют в Доме искусства, бытовые трудности, которые он решал странно, по-ремизовски: ходил за водой

и заполнял ею десятки стоящих в квартире бутылок из-под боржоми... У него были свои ученики: Пришвин, Леонов, Замятин, Пильняк – что-то неуловимое ремизовское видно в каждом.

В день смерти Блока Ремизов с женой выехали за границу на лечение: в измученном, голодном и нищем Петрограде даже бинтов в аптеках не было. Думали, вернутся. Дочь-подросток осталась на родине. Какое-то время жили в Берлине, затем перебрались в Париж, где и осели навсегда. Там Ремизов и прожил до конца своих дней, пережив и жену, которая умерла в 1943 году, и дочь, умершую в том же году в оккупированном Киеве, но о смерти ее отец узнал только спустя два года... Горе не убило его, не сделало жестким; всегда чуткий и сострадательный, он умел утешить и подобрать нужные слова там, где все теряются. Наталье Кодрянской, потерявшей мать, он писал: «Послушайте меня, тихо примите ваше горе... но это верное: горем растет душа». И дальше, рассказывая о своем опыте жизни с горем: «И я заметил, все надо принять, не отбрыкиваясь, но и не поддаваясь. Надо научиться как-то побеждать, крепко держась за жизнь. Вам сейчас надо тишину. И она придет. Я знаю, всякое прикосновение сейчас больно. Вас чем-нибудь надо обрадовать или сами себя удачей обрадуете». Вот это всегда в нем было живо: обрадовать кого-то, пусть рукописной грамотой, рисунком, игрушкой. Радовать, удивлять – во «Взвяхренной Руси» он, довольный, рассказывал, как замирали при виде висящих у него на стене игрушек непрощенные гости: красноармеец, какая-то баба из комиссии, которая уплотняла буржуев...

Игрушки, трубки, шкурки, слоненок, птички, безделушки – все это у него было живое, теплое, дышащее – или, вернее, его дыханием согретое и оживленное; со всякой собакой, со всякой мышью ему было о чем поговорить, может, поэтому у него такие все настоящие – и мышки, и собаки, и зайчики. Впрочем, и старуха Буроба настоящая, и дед Корочун... бррр.

Во Франции он перерабатывал русские сказки, занимался историей древнерусской литературы, много писал, но публиковался мало, ничтожными тиражами. Много рисовал; сохранились книги с его собственноручными иллюстрациями. Графику Ремизова – таинственную, тугую, плотную, вплетенную в его каллиграфию – очень ценили профессиональные художники, в том числе Пикассо. Удивительно твердая линия, характерные плоскости цвета, путаница древних букв – ремизовская рука узнается сразу, если хоть раз довелось посмотреть на его работы. Когда у него совсем не было денег, а книги не издавали (за двадцать лет, с 1931 по 1953 год, у него не вышло ни одной книги) – он делал на продажу рукописные альбомы.

Он много бедствовал, одно время питался бесплатным супом, его подкармливал знакомый повар. С Серафимой Павловной было легче: она работала, преподавала палеографию; после ее смерти – уже совсем немощный, слепнувший – зрение упало до 15 диоптрий и продолжало портиться – он целиком полагался на друзей и зависел от них. И такие друзья у него были, притянутые к нему крепко, привязанные не только его талантом, его местом в литературе, но и его кроткой человечностью и неподдельным обаянием. Друзья создали для него издательство. Друзья читали ему вслух – сам читать не мог; записывали под его диктовку. Ходили по поручениям, опекали. Александр Бахрах, который часто у него бывал, рассказывал: «Не могу забыть, как среди всей внешней неорганизованности его жизни, среди всех ее повседневных трудностей он как-то в случайном разговоре воскликнул: «Боже, как я богат!» В этих словах не было ни позы, ни иронии. Он действительно считал себя богатым той ревниво им охраняемой творческой свободой, богатым нежеланием подчиниться жизненной прозе, богатым неспособностью идти навстречу читателю, хотя бы в какой-то крошечной степени заискивать перед ним». В конце жизни он даже не был так заброшен, как на то жаловался: его ценили, переводили на французский,

звали выступать на радио, о нем писали французские газеты...

Улица Буало, каштан под окном – то белая свечка, то темная зелень, то зеленые ежики; когда-то он мечтал, что эмиграция окажется сном, и он проснется в России... «Но странно, или так всегда бывает и иначе не мог бы человек вынести разлуку, с годами этот сон, я чувствую, меня окутал, и все плотнее, и порой мне снится, что Россия – это только мой волшебный сон». Одно время он стремился в Россию, думал поселиться с дочерью... Оказалось, стремиться некуда. Тем не менее в 1946 году он получил советское гражданство – на волне всеобщего возвращения, но возвращаться не стал. Куда ему было – старому, почти слепому, с «реакционной сущностью» и «звериной ненавистью к революции». Уже в 1957 году, когда Россию наконец отпустил ужас террора, с Ремизовым вступил в переписку филолог Владимир Малышев из Пушкинского Дома, он позвал Ремизова на торжественные заседания по случаю 275-летия со дня смерти протопопа Аввакума – литературной фигуры, которая была предметом неизменного интереса Ремизова и его текстологических штудий. Началась переписка, обмен книгами; Ремизов задумал передать в Пушкинский Дом свой архив... Но через месяц с начала переписки он умер.

Малышев пытался в «Литературной газете» опубликовать некролог, однако газета его публиковать не стала. И в русскую литературу Ремизов вернулся только через тридцать лет – сложный, неуловимый, неповторимый.

Принес ужас, жалость, мольбу, сердечный надрыв – но и безмятежное счастье, живую весеннюю ветку, как его монашек из «Посолони»:

«– Что это, монашек, никак листочки!

– Листочки, – и улыбается.

А я уж от радости не знаю, что и делать. Комната, рамы и вдруг эта ветка с зелеными, совсем-совсем крохотными масляными листочками». ■

ПОБЕДА С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

МИХАИЛ БЫКОВ

Кутузов, Барклай-де-Толли, Багратион – три имени, ставших синонимами победы России в Отечественной войне 1812 года. И кто бы с этим спорил. Вопрос в другом: почему этот список столь короткий? За двести лет, что минули с той героической поры, он так и не пополнился еще тремя фамилиями тех, кто имеет на это полное право. В 1812-м генерал Витгенштейн, генерал Тормасов и адмирал Чичагов командовали русскими армиями, прикрывавшими север и юг империи. Почему они так и остались на флангах национальной памяти?

Дислокация русских вооруженных сил перед вторжением наполеоновской армии «двунадесяти языков» была такова: по центру, на оперативной линии «граница – Смоленск – Москва», стояли 1-я армия Барклая и 2-я армия Багратиона. Северо-западное направление держал 1-й корпус Петра Витгенштейна, которому предстояло остановить 100 тысяч солдат двух французских корпусов на пути к Петербургу. Дорогу на Украину защищала 3-я обсервационная армия Александра Тормасова. Юго-западные пределы, граничившие с союзной

Бонапарту Австрией, охраняла Молдавская (она же – Дунайская) армия Павла Чичагова, освободившаяся после окончания в апреле 1812 года войны с турками. В отличие от главного направления, где русские войска дрались, но отступали два с лишним месяца вплоть до сентября, и Витгенштейн, и Тормасов первые удары французов выдержали. Более того, нанесли наполеоновским генералам и первые чувствительные поражения.

Итак, в ночь с 23 на 24 июня 1812 года у города Ковно (Каунас) французские саперы навели четыре понтонных моста через Неман, и главные силы Наполеона вступили на территорию России. В тот же день севернее, у городка Тильзит (Советск), форсировали Неман части из корпуса маршала Макдональда. Спустя 8 дней австрийский корпус генерала Шварценберга перебрался через Западный Буг и с ходу взял Брест-Литовск и Кобрин. В паре с ним корпус генерала Рейнье перешел границу у Белостока.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ТОРМАСОВ

Дворянский род Тормасовых известен с XVI века. В 1600 году предок генерала Павел Тормасов служил приставом у английского посла при московском дворе. Будущий герой родился в 1752 году в Первопрестольной, в 10-летнем возрасте оказался в пажах. В 1772 году, имея чин поручика, перешел на службу в Вятский пехотный полк. Образованный и энергичный офицер быстро обратил на себя внимание отцов-командиров. К 1778 году он уже подполковник и командир им же сформированного Финляндского егерского батальона. Внимание начальствующих лиц не ослабевало, но особенно важно, что среди этих лиц оказался светлейший

князь Потемкин. Властитель Тавриды вытребовал Тормасова к себе. В 1784 году Александр Петрович уже полковник, командир Александрийского легкоконного полка. Того самого, что позже войдет в историю как полк бессмертных александрийских гусар. Дальнейшему карьерному росту помогла оче-

редная русско-турецкая война. Весной 1791 года генерал-майор Тормасов успешно командует кавалерийской бригадой, а 9 июля в крупном сражении при Мачине отличается особо. Награда не заставила ждать – и сразу орден Святого Георгия 3-го класса!

В 1794 году Тормасов воюет в Польше. В первом же сражении с отрядами Костюшко он терпит поражение. Но долг платежом

красен, и осенью генерал принимает активное участие в бою при Мацеёвицах, где армия повстанцев была разбита, а сам Костюшко пленен. Важно отметить, что в этой войне Тормасов находился под непосредственной командой Александра Суворова.

В царствование Павла I у Александра Петровича судьба сложилась так же, как у многих боевых генералов. Сначала – милость государя, чин генерал-лейтенанта, потом – гнев императора и опала. Наконец, прощение и возвращение в строй. На сей раз – в Петербург, командиром лейб-гвардии Конного полка. Сие означало близость ко двору и личное знакомство с великими князьями Александром и Константином Павловичами. Едва первый вззошел на престол в 1801 году, как Тормасов получил чин полного генерала. Далее была служба скорее административная, чем боевая. Военное губернаторство в Киеве и Риге.

Но когда в 1809 году Турция и Персия вознамерились проверить на прочность русские границы в Закавказье, Тормасов, назначенный главкомом на Кавказ, приступил к ликвидации этих позывов. Заодно приводил в чувство мятежные аулы в Имеретии и Абхазии, успокаивал разволновавшийся Дагестан. Приказ принять 3-ю обсервационную армию стал для него весьма неожиданным. Что представляла собой эта группировка? Элитных войск там не было. А были обычные армейские пехотные и егерские полки, сводные гренадерские батальоны, полки легкой кавалерии и драгуны, казаки... В общей сложности чуть более 40 тысяч человек, включая запасных, и 168 орудий. Сила? Конечно. Правда, командир 15-й дивизии князь Вяземский позже писал о том,

что боеспособных солдат под рукой Тормасова оказалось более 25 тысяч. А супротив стоял австрийский корпус Шварценберга – 33 тысячи штыков и сабель и саксонский корпус Рейнье числом в 17 тысяч, присланный Наполеоном на подмогу. Французский император планировал разбить русских на юго-западе молниеносными ударами и открыть дорогу из южной Белоруссии на Украину. Но ошибочно посчитал, что для этого будет достаточно одних саксонцев. Шварценберг, выполняя приказ, двигался на соединение с главными силами под Смоленск.

Семнадцатого июня Тормасов получил приказ атаковать. И приступил. План генерала от кавалерии был таков: наносить резкие удары в разных местах 170-километрового фронта, дабы запутать австрийцев и саксонцев. 24 июня врага выбили из Бреста, 25-го – из Пинска. А 27-го главные силы Тормасова подошли к Кобрину. Городок небольшой, но стратегически выгодный. Его занимала саксонская бригада генерала Кленгеля.

Бой под Кобрином начался ранним утром, а к полудню от саксонской бригады уцелело менее половины. И то, что уцелело, сдалось в плен: 2300 солдат и офицеров, 8 орудий и... сам генерал-майор Кленгель. Русская армия потеряла 250 человек, из них убитыми 77.

Спешивший на помощь Кленгелю генерал Рейнье остановил свои части и на всякий случай повернул назад. Тормасов получил оперативный простор. Едва о случившемся стало известно Наполеону, тот тут же распорядился вернуть корпус Шварценберга на прежние позиции и остановить Тормасова.

Стало ясно, что на юге в Россию не прорваться и в то же время необходимо держать там значительные силы, чтобы русские не вышли Великой армии в тыл. Тем более что французы знали: вот-вот с Дуная выступит на соединение с Тормасовым адмирал Чичагов с 30 тысячами солдат.

Конечно, это было не первое боестолкновение. Отступать-то мы отступали, но не лишали себя возможности жалить авангарды Наполеона. Случилось дело у местечка Мир, где 9 июля арьергард Багратиона под командованием Платова уничтожил три полка польских улан Турно. Сильный бой произошел у дерев-

ни Салтановка на Днепре. Это там, согласно легенде, генерал Раевский лично пошел в атаку вместе с двумя сыновьями-подростками. Однако именно победа под Кобрином стала первым крупным успехом русской армии в 1812 году. Это не был обычный арьергардный бой вроде тех, что вели отступающие армии Барклая и Багратиона. Это было спланированное сражение, которое привело к изменению стратегической обстановки.

Тормасову удалось стянуть и до конца кампании приковать к себе значительные силы Великой армии. Это стало очевидно к концу августа, когда австро-саксонские войска после сражения с тормасовцами у Городечно уgomонились и стали выполнять единственно доступную им задачу: сдерживать армию Тормасова в районе Луцка.

Четвертого октября корпуса Шварценберга и Рейнсье переправились на правый берег Западного Буга в районе Брест-Литовска. То есть вернулись туда, откуда начали свой поход на Россию. Правда, сам Александр Петрович этого уже не застал. Несколькими днями ранее обсервационную и Дунайскую армии слили и поставили над ней адмирала Чичагова. Тормасов был отозван в главную квартиру. Его административный опыт потребовался главному Кутузову. Генералу пришлось заниматься вопросами внутреннего управления и организации всей наступающей русской армии. Это не помешало Тормасову принять участие в сражениях под Малоярославцем, Вязмой, Красным, форсировать Неман и начать подготовку к кампании 1813 года.

Весной 1813-го в течение короткого периода, связанного с болезнью и смертью Кутузова, Тормасов был исполняющим обязанности главнокомандующего. Правда, здоровье настигло и его самого. Тормасов, больной и по-прежнему чувствующий себя оскорбленным в связи с отзывом из обсервационной армии, подает в отставку. Государь реагирует так: «Александр Петрович был незаслуженно обижен. Обещаю исправить ошибку». И держит слово, сообразно моменту и возможностям самого генерала. Тормасов становится генерал-губернатором Москвы. За семь лет, что Александр Петрович занимается восстановлением сожженного в 1812 году города, он успевает очень много. В 1816 году, прибывший в Белокаменную император Александр I возводит губернатора в графское достоинство.

Тормасов уходит из жизни в 1819 году. Похоронили генерала, члена Государственного

совета, кавалера всех российских орденов, в том числе Андрея Первозванного и Святого Георгия 2-го и 3-го класса, на Донском кладбище. Единственный сын Александра Петровича, тоже Александр, умер в 1837-м, не оставив потомства. И род пресекся.

Нельзя сказать, что о Тормасове забыли совершенно. Его портрет висит в Военной галерее 1812 года в Эрмитаже, другой – в галерее руководителей Москвы, что в здании мэрии. Но разве этого достаточно?

ПЕТР ХРИСТИАНОВИЧ ВИТГЕНШТЕЙН

О таких говорят: из офицерских детей. В том смысле, что никакой иной судьбы, кроме как воинская служба, у них и быть не может. Род графов Витгенштейнов – из Рейнской Франконии. Отец будущего генерал-фельдмаршала поступил в русскую службу при Елизавете Петровне и закончил ее в чине генерал-поручика.

Петр родился в 1769 году в Полтавской губернии. В 12 лет, согласно традиции того времени, был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк, но действительную службу начал 20-летним, в кавалерии. Девять лет понадобилось Витгенштейну, чтобы из корнетов Конной гвардии превратиться в генерал-майора. Но паркетным офицером он не был. Сражался в Польше, во время подавления восстания Костюшко. Там и получил орден Святого Георгия 4-го класса. В бою под Остроленкой генерал-майор Козенц поинтересовался у 25-летнего офицера, не желает ли тот получить «Георгия». Командир гусарского эскадрона молча кивнул. «Тогда заставьте ее замолчать», – сказал генерал, указывая на вражескую батарею. Через считанные минуты эскадрон уже развернулся в боевой порядок и пошел в карьер. Витгенштейн первым рубанул саблей...

Дрался Петр Христианович на Кавказе, где брал Дербент – крепость, считавшуюся наравне с Измаилом неприступной. Именно Витгенштейна отправили в Петербург с ключами от этого города.

При Павле I граф попадает в опалу. При Александре Павловиче возвращается к командованию Елисаветградским гусарским полком. С гусарами в жизни Витгенштейна связано многое. Впоследствии он станет шефом Мариупольского гусарского полка, потом – лейб-гвардии Гусарского. Потому, наверное, самый известный портрет Петра Христиановича – в генеральском гусарском парадном мундире.

«Георгия» 3-го класса генерал-майор получил в 1805 году, когда в кампании против Наполеона русская армия особыми успехами похвастаться не могла. В военной среде хорошо знают, что ордена в победоносных войнах раздают куда обильнее,

чем в войнах неудачных. Генерал-лейтенантский чин граф обрел в 1807-м. Тоже не самое лучшее время. Можно спорить, были ли сражения при Фридланде и Прейсиш-Эйлау проиграны нами, но что Наполеон в них не был побит — это точно.

Если посмотреть на список войн, которые велись Российской империей в начале XIX века, то фамилия Витгенштейна присутствует в каждой позиции. Отечественную же войну 1812 года граф начал командиром 1-го пехотного корпуса 1-й армии Барклая-де-Толли. Но это — формально. На самом деле корпус Витгенштейна напоминал, скорее, небольшую армию, призванную действовать самостоятельно на важном стратегическом направлении.

Насколько оно было опасно, можно судить по тому, что в самом начале войны из Петербурга в Петрозаводск вывезли ценные коллекции и архивы. Сомневались, значит, в возможностях Витгенштейна остановить маршалов Макдональда и Удино, чьей задачей был захват столицы. Да и как тут не сомневаться? Против 100 тысяч французов оказался 26-тысячный корпус!

План выхода к Петербургу у Наполеона был таков: Макдональд забирает севернее, ближе к Риге, а Удино идет южнее, на Псков. Далее корпуса объединяются, сбивают русских и прижимают их к колоннам главных сил,двигающихся через Витебск к Смоленску. Витгенштейн, разумеется, сдается. И дорога на Петербург открыта. Но русский генерал посчитал иначе. Понимая, что маршалов Франции надо бить поодиночке, он сделал по-кавалерийски рискованный, но одновременно и толковый выбор. Бить Удино! Местом встречи Витгенштейн выбрал селение Клястицы.

Остальное, как говорится, было делом техники. 30 июля первыми французов потрепали Гродненские гусары генерала Кульнева. Но куда важнее было то, что командующий 1-м корпусом ясно понял силу Удино. Тот умудрился растянуть свои дивизии и под Клястицами располагал неполным корпусом. Витгенштейн решил атаковать рано утром. Бой получился долгим и кровопролитным. Но как ни крепились французы, а побежали. Сначала — вернулись в захваченные ими ранее Клястицы, потом — и оттуда, за Западную Двину. Общие потери французской армии вдвое превысили потери русских.

Под впечатлением случившегося Макдональд остановил движение на Ригу, а Наполеон отправил к двум маршалам третьего, Сен-Сира, лишившись таким образом еще одной части войск в главной армии. Назад Сен-Сир уже не вернулся, а Макдональд и Удино замерли на дальних рубежах, пока их всех, вместе взятых, осенью не погнали вон.

Витгенштейн не стал медлить с победной реляцией, дабы успокоить напряженный Петербург. В ответ получил извещение о награждении орденом Святого Георгия 2-го класса. Неофициально из столицы уже катилась волна признания — Витгенштейна называли «спасителем града Петрова».

После ухода Великой армии из Москвы граф действовал весьма энергично и успешно. В октябре он освободил Полоцк от войск Удино, под Чашниками разгромил части Сен-Сира и Виктора, присланного в помощь, в канун зимы добил Виктора при Смоленцах. Осечка произошла на Березине. Александр I мечтал о том, чтобы ни один вражеский солдат не пересек Березину. Не меньше жаждал пленения Наполеона там же, на стылых берегах этой реки. Отсюда и — приказ! Всем силам сойтись к Борисову, где, скорее всего, французы и постараются навести переправы. С юга должна была подойти армия Чичагова, на плечах отступающего неприятеля — Кутузов с главными силами, с севера — теперь уже полный генерал Витгенштейн.

Подойти-то армии подошли, но и Кутузов, и Витгенштейн повели себя странно. Остановились в отдалении да так всерьез и не вмешались в процесс.

Впрочем, сей факт несколько не уменьшил любви императора и народа к Витгенштейну. После смерти Кутузова в апреле 1813 года, вопреки мнению Тормасова и Милорадовича, Александр I назначил Петра Христиановича главнокомандующим. Современники признавали, что Витгенштейн был прекрасным генералом, но такой масштаб руководства ему не по плечу. Что и показали дальнейшие события. Вскоре случились битвы при Люцене и Бауцене, хороших результатов армии союзников не принешие. Наполеон вновь продемонстрировал мощь личного полководческого искусства. А Витгенштейн благородно подал прошение об отставке с поста главкома.

Последнее сражение наполеоновских войн для графа — бой в феврале 1814 года у Бар-

Сюр-Об. Против Витгенштейна выступил старый знакомец маршал Удино. По такому случаю генерал сам сел в седло и повел в атаку Псковский кирасирский полк. Получил тяжелое ранение, но бой не покинул, пока не выиграл его.

Настал мир, и Витгенштейн получил под начало 2-ю армию, дислоцированную на юге империи. В 1825-м тяжело пережил известие о том, что его сын Лев, офицер-кавалергард, замешан в деятельности тайных обществ и восстании на Сенатской. По

личному распоряжению Николая I персональное дело Витгенштейна-младшего замяли. А отец в утешение получил чин генерал-фельдмаршала.

В 1828 году началась очередная русско-турецкая война. Витгенштейн двинул армию через Прут и захватил дунайские княжества. Но затем в армию приехал государь со свитой, и фельдмаршал оказался практически не у дел. Не желая терпеть такое положение дел, он подал в отставку.

Жил скромно, в усадьбе Каменка, что в Подольской губернии (ныне – Приднестровская Молдавская Республика). Умер ставший к тому времени светлейшим князем Пруссии генерал-фельдмаршал Витгенштейн в 1843 году во время путешествия на лечебные воды в Лемберге (Львове). За шесть лет до смерти Петр Христианович появился на Вознесенских маневрах под Киевом. Навестил родных ему мариупольских гусар, полковым шефом которых числился с 1826 года. Там же перед строем его увидела императрица и обронила: «Первый раз вижу вас перед войсками, фельдмаршал». Витгенштейн поклонился и ответил: «И, вероятно, последний, ваше Величество».

Так оно и оказалось.

Памятники-бюсты Витгенштейну стоят в Приднестровье – в Бендерах и Каменке. В Пскове собирались было, да все никак. А в Гатчинском районе Ленинградской области сохранилась усадьба Витгенштейнов, купленная Петром Христиановичем на деньги, преподнесенные ему жителями Петербурга в знак благодарности. Называется усадьба – Дружноселье. Впрочем, усадьба – это громко сказано. Скоро совсем развалится.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЧАГОВ

Род Чичаговых был богат на яркие индивидуальности. Довольно вспомнить Леонида Чичагова, более известного как митрополита Серафима, заново открывшего России преподобного Серафима Саровского и расстрелянного на Бутовском полигоне в 1937 году. Отцом будущего адмирала и героя войны 1812 года был Василий Чичагов, первооткрыватель Северного морского пути.

Сам Павел Чичагов родился в 1767 году в Петербурге, в районе под названием «Колонна». Там жили моряки и портовые работники. Да и где еще должна была жить семья капитана российского флота?

Однако военную службу Павел начал не во флоте, а в гвардии, в 1779-м. Спустя три года получил офицерский патент. И вот тут судьба

в лице императрицы Екатерины вернула его на должную стезю. Отец, получивший под команду эскадру, собирался в долгий поход к берегам Италии. Ему позволили зачислить сына в корабельный штат адъютантом. Видимо, государыня угадала. В 1790 году Павел Чичагов уже командовал 100-пушечным линейным кораблем «Ростислав». Позади – три сражения со шведским флотом, об одном из которых стоит сказать подробнее. Русская эскадра стояла на якорях в Ревельской бухте, когда неожиданно появился шведский флот в составе 22 линейных кораблей и 4 фрегатов. Командующий эскадрой Чичагов-старший стоял перед простым выбором: по уставу сняться с якорей, развернуться в боевой порядок и сгореть под огнем шведских пушек или остаться на месте, уповав на меткость русских канониров. Он выбрал второе. И правильно сделал. Шведы мазали на высокой волне, а русские пушкарки соревновались в меткости. Лучше других стреляли орудия «Ростислава», они-то и подожгли шведский флагман, а заодно взяли в плен другой корабль. Павел Чичагов стал георгиевским кавалером и капитаном 1-го ранга.

Будучи прекрасным офицером, Чичагов слыл за либерала и новатора. А таких при дворе не очень жаловали. Имея независимый нрав, морской офицер принципиально не примыкал к каким-либо партиям, за что вскоре и поплатился. Когда на престол вззошел Павел I, Чичагов испросил разрешения на женитьбу с подданной британской короны. Государь поначалу ничего плохого в этом не увидел и дал согласие, добавив неременное условие службы на Балтийском флоте в чине контр-адмирала. Но нашлись люди, сумевшие убедить Павла в том, что брак – это лишь предлог для перехода на службу к англичанам, а то и к шпионскому делу. В результате вместо плавания в Англию пришлось переселиться в Петропавловскую крепость. Едва избежав там смерти от горячки, Чичагов счастливым образом был помилован и... отправлен с эскадрой в Англию, где взял на борт британский десант и осуществил успешную операцию против французов в Голландии. За что получил «Анну» 1-й степени и право жениться на англичанке Элизабет Проби.

Александр I, как известно, флот не любил. Однако вынужден был считаться с его существованием и понимал необходимость морской реформы. Лучше других, по его мнению, добиться этого мог Павел Чичагов. В 1802 году он уже вице-адмирал и товарищ морского министра. А вскоре – исполняющий оные обязанности. Новый «почти министр» очень близок к Александру. В 1807 году Чичагов – полный адмирал и министр. Его реформы, как государственного, так и собственного хозяйства, – это предмет отдельного разговора. В любом случае их прервали два собы-

тия. Смерть жены в 1811 году и назначение на должность командующего Дунайской армией весной 1812-го. Вместо Кутузова. Императору казалось, что против турок сухопутная армия и Черноморский флот должны действовать слаженно. Потому и понадобился адмирал. Однако Кутузов успел заключить победоносный мир раньше, чем Чичагов прибыл к войскам. Впрочем, не за горами была следующая война – с Наполеоном.

Вплоть до соединения с армией Тормасова 14 сентября 1812-го чичаговцы не воевали. 30-тысячная армия медленно двигалась в сторону Луцка. Боевые действия для новоприбывших начались по большому счету лишь 23 сентября с очередной оплеухи саксонскому корпусу генерала Рейнье. Вскоре в главную квартиру отбыл Тормасов, а Чичагов остался на хозяйстве. Медленно, но верно его части гнали саксонцев и австрийцев к границе, а 30 октября двинулись к Березине. Каких-то ярких событий вплоть до конца ноября не происходило. Ясно было одно: остатки Великой армии надо, согласно пожеланию Александра, добить на этом берегу белорусской реки.

Тут и случилось то, что в итоге выдавило Чичагова за пределы России в вечную эмиграцию, что фактически стерло из нашей исторической памяти эту сильную и яркую фигуру.

Наши командующие долго гадали, где же именно попытается наладить переправы противник. Наполеон пустился на хитрости и войну разведок выиграл. Заставил ждать себя в другом месте, а сам навел мосты у Студенки и 25 ноября вместе с полуразбитой гвардией пересек Березину. Да, с ним ушло около 10 тысяч человек. А десятки тысяч навсегда остались в районе белорусского городка Борисов: кто погиб в бою, кто утонул, кто замерз вместе с конем в бродах. Но приказ государя оказался не выполнен, ошибки совершили все, а козлом отпущения хотелось сделать кого-то одного. «Спасителя Петербурга»

Витгенштейна – нельзя: он спаситель. Кутузова – нельзя: он победитель. Остался Чичагов, за которым не было в этой войне сверхзаслуг. Ведь это именно он повернул свою армию на юг от Борисова, в то время как Наполеон подался севернее. И не важно, что и Кутузов, и Витгенштейн были убеждены в том, что француз уйдет на юг. Ведь это именно Чичагова счастливый от чудесного спасения Бонапарт назвал «глупым адмиралом». Ведь это подчиненный Чичагову генерал потребовал от другого генерала срочно снять охра-

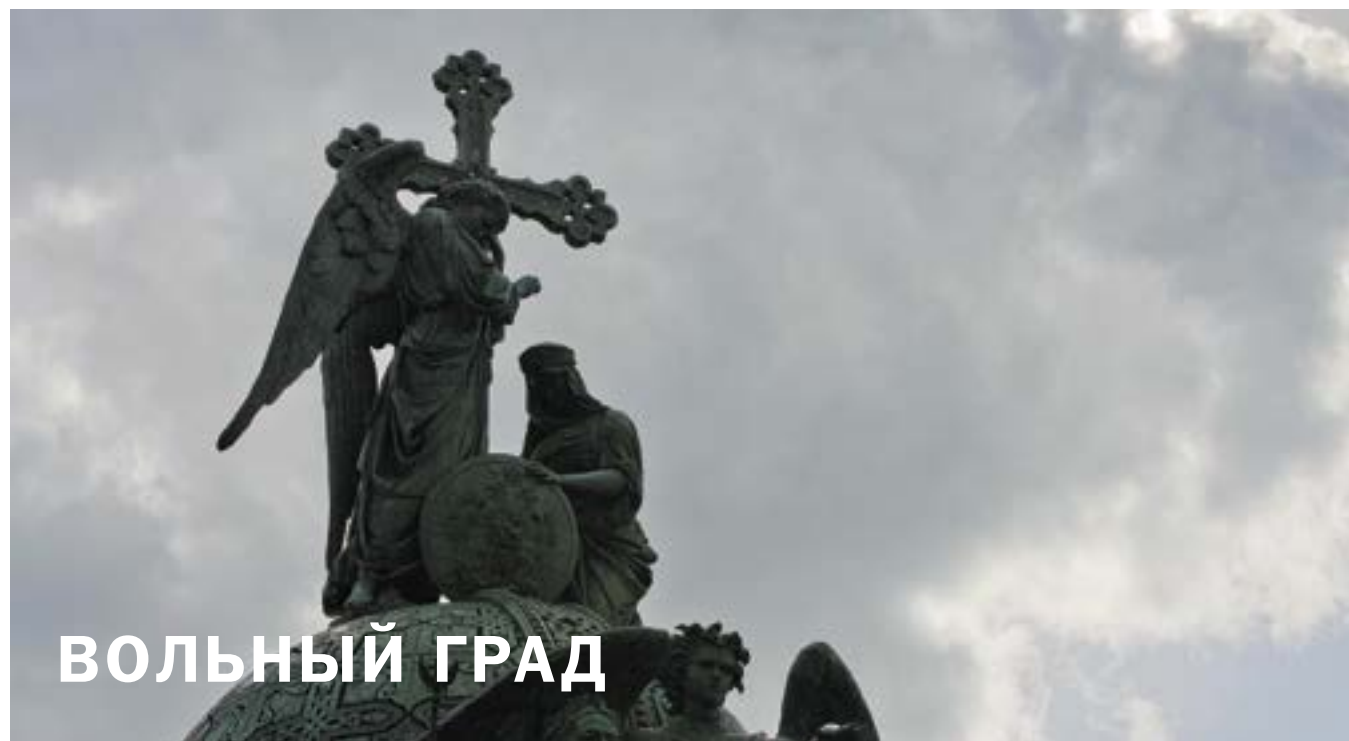
нение на «чужом» берегу Березины. Как раз там, где и проскочил противник. Наконец, независимый нрав Чичагова не являлся секретом. И его поведение в случае придиорок и гонений легко предсказывалось. Уж этот точно интриговать не станет.

Так и вышло. Павел Васильевич довел свою армию до польской крепости Торн, осадил ее и получил-таки бессрочный отпуск вместо запрошенной отставки. С чем и уехал из России навсегда. Осел у младшей дочери во Франции, где и умер в 1849-м.

В 1816 году он начал писать «Записки». Надо думать, весьма острые и точные, каким и сам был всю жизнь. Но «Запискам» не повезло. Перед смертью адмирал просил их сжечь, но дочь умолила оставить для потомков. Ее муж граф де Бюзе сначала без разрешения опубликовал их в купированном виде, чем сильно исказил смысл написанного. А во втором издании дополнил собственными измышлениями. Только в XXI веке приступили к корректному изданию «Записок» Павла Чичагова.

Но тогда, при жизни адмирала, «Записок» никто не читал. Читали, писали и говорили другие и другое. Баснописец Крылов написал басню «Щука и кот», где прямо намекал на адмирала строчкой «беда, коль пироги начнет печи сапожник». Изощрялся в эпиграммах Державин, которого Чичагов в бытность министром уличал в недобросовестности при поставках флоту угля и леса. Шумели в праведном гнев паркетные генералы и адмиралы. Шушукались в свете. В 1827 году не включили фамилию Чичагова в списки военачальников, чьи портреты планировалось разместить в Военной галерее войны 1812 года в Зимнем дворце. В 1834-м согласно указу Николая I на родину должны были вернуться все пребывающие за границами. Не подчинились многие. Наказали только Павла Васильевича, лишив его обещанной навсегда пенсии члена Государственного совета.

Как-то забылось, что французов на переправах через Березину встретили солдаты Чичагова. Что это 26 тысяч подчиненных адмиралу воинов оставили там навечно более 50 тысяч вражеских трупов. Что до сих пор во французском языке живет нарицательное слово *berezina*, означающее полную катастрофу. На кладбище парижского пригорода Со силами представителей чичаговского рода привели в порядок могилу полководца, а 18 мая 2012 года в присутствии офицеров российского ВМФ и посольства установили памятник. Правда, на доме, где жил Чичагов и который местные доселе называют «Усадьба адмирала», мемориальной таблички пока не появилось. В этом доме сейчас контора каких-то электросетей...

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Упитанный рыжий кот растянулся на скамейке, нежась на утреннем солнце. Рядом на брусчатке кремлевской мостовой дремал лохматый серый песик. Когда мы в четвертый раз обошли памятник «Тысячелетие России», он поднялся и подошел к нам, помахивая хвостом. Так в первый же день пребывания в Великом Новгороде у нас появился необычный экскурсовод.

Песик, которого мы окрестили Ицукеном, оказался отменным гидом. Во-первых, он поддерживал дружеские отношения с дворниками и зрителями Детинца, а потому все встречные знакомые Ицукена тепло приветствовали и нас. Во-вторых, песик демонстрировал чудеса воспитания: даже когда один из дворников сообщил, что зовут нашего провожатого Тобик, последний из

вежливости продолжал откликаться на имя Ицукен. В-третьих, Тобик–Ицукен не только провел нас по всем уголкам Детинца, но и устроил прогулку вокруг него. От предложенных в знак благодарности конфет Ицукен отказался, дав понять, что меркантильность и новгородские музейные дворняги – понятия несовместимые.

Памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в 1862 году, венчают фигуры ангела с крестом и преклонившей колени женщины, олицетворяющие православную церковь и Россию

СЕРДЦЕ ГОРОДА

...Памятник Ленину на площади перед древним Новгородским кремлем (он же – Детинец) выглядит нелепо: вождь революции здесь явно лишний. Большинство туристов минуют его, не останавливаясь. И только толпа китайцев с энтузиазмом фотографируется на фоне Ильича, вызывая снисходительные улыбки прохожих. Полчаса спустя те же китайцы, притихшие и растерянные, стоят перед главной святыней Детинца и Великого Новгорода – собором Святой Софии, древнейшим сохранившимся храмом России.

София – сердце города, свидетель почти всех главных событий его истории. «Умрем за Святую Софию!», «Где Святая София, там и Новгород!» – кричали новгородцы, собравшись на вече у стен собора. Здесь принимали важнейшие решения и вершили суд, встречали великих князей и царей. Отсюда начинались военные походы Мстислава Храброго и Александра Невского, отсюда Михаил Скопин-Шуйский повел новгородские полки против Лжедмитрия II. Но здесь зарождались и бунты – яростные и страшные. Как в марте 1650 года, когда новгородцы, взбешенные нехваткой хлеба, отстранили воеводу, разгромили дома бояр и избрали во власть своих представителей. Тогда же был сильно избит новгородский митрополит Никон (будущий патриарх и реформатор. – **Прим. авт.**), проклявший управителей от бунтовщиков.

Здесь же, в Святой Софии, на высоких «полатах» (хоры. – **Прим. авт.**), где новгородские князья принимали иноземных гостей, хранились городская казна и великолепная софийская библиотека, большой урон которой нанес Иван Грозный в 1570 году. Царь получил ложный донос об измене в Новгороде и, придя сюда, лютовал, пытая и казня людей. Даже новгородский архиепископ не избежал позора: Грозный велел надеть на него шутовской колпак, посадить задом наперед на лошадь, дать в руки гусли и в таком скоморошьем виде отправил владыку Пимена в Москву. А покидая город, царь забрал с собой большую часть библиотеки... С того времени в Новгороде живет красивая

легенда. Во время расправы Грозного над новгородцами на крест центрального золотого купола Софии опустился голубь и, увидев зверства oprичников, окаменел от горя. Новгородцы говорили: когда голубь слетит с креста, тут городу и конец придет. В 1942 году во время артобстрела купольный крест с голубем был сбит снарядом. И сбылось предсказание: за два года оккупации Новгород был практически полностью разрушен. Но сегодня на кресте золотого купола Софии снова красуется металлический голубь...

КОКУЙ

Дозорная башня, или Кокуй, – одна из 9 сохранившихся (раньше их было 12) башен, самая высокая в Новгородском кремле. 41 метр! Если не считать чердак, на котором живут летучие мыши, то придется преодолеть 30 метров высоких ступенек. Сама лестница так узка, что по ней можно пройти только в одиночку. Почти на самом ее верху потолок резко снижается: в этом месте над лестницей сделана ниша, в которой вполне комфортно может разместиться человек. Например, с боевым топором. Именно для этого ниша и была устроена: в Средние века знали толк в подобных военных уловках.

Бормоча проклятия, собрав пыль и известку с древних стен, выползаем в светлую круглую комнатенку. Посреди нее высится деревянная лестница да Винчи – значит, путь вверх еще не окончен. Вздыхаем и продолжаем подъем. Но мучились мы не зря: наверху гостей поджидает колоритный новгородский боярин Димитрий, а из окон открывается великолепный вид на город и окрестности.

Порывы ветра заставляют звенеть стекла в окнах, сквозняк хозяином гуляет по башне, так что длинный кафтан и подбитая мехом шапка боярина и нам бы тут пригодились. Боярин Димитрий сурово хмурит брови, рассказывая о Дозорной башне, заложенной в XV веке и достроенной спустя два столетия. Мы интересуемся легендами, связанными с Кокуем: вроде бы из башни были прорыты подземные ходы. Вели они то ли к Юрьеву монастырю, что за городом, то ли к дому мятежной Марфы Посадницы, который находился на другой стороне реки, на Торговой стороне. Боярин Димитрий, по совместительству

римского цезаря Августа, что дало повод Ивану Грозному вести свою родословную от кесарей. Как бы то ни было, точного ответа на вопрос о происхождении легендарного князя нет. Раскопки на Юриковом городище, идущие с перерывами с 1901 года, ясности пока не внесли, хотя теперь известно, что люди жили там как минимум с IX века. Городище было ставкой новгородских князей. Здесь жили и Александр Невский,

и Симеон Гордый, и Дмитрий Донской, и Василий Темный, и Дмитрий Шемяка...

А вот «Юриковым» это место стали называть лишь в XIX столетии, а до того оно было просто «Городищем». Николай Рерих, приехавший сюда на раскопки в 1910 году, писал: «Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются – Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Все, как на блюдечке за золотым яблочком».

Кстати, о золоте. Поговаривают, что самая большая мечта археологов – найти могилу Рюрика. По устным старолადожским и новгородским преданиям, он пал в битве (в 879 году, на 17-й год правления. – **Прим. авт.**) и был похоронен со своим оружием в золотом гробу. Рядом были погребены 12 воинов, павших вместе с ним. Якобы они были уложены вокруг гроба князя «головами по кругу». Где именно похоронили Рюрика – версии расходятся. Местом его упокоения называют и старолადожскую Танечкину пещеру, и Шум-гору в Передольском погосте, и дно Волхова у Тайничной башни в Старой Ладоге, и Городище. В общем, копать – не перекопать.

Сегодня, правда, археологи больше озабочены тем, что вокруг Городища разрастается кладбище, грозя поглотить территорию потенциальных раскопок. Многие считают, что находки, извлеченные из новгородской земли до сего дня, едва ли превышают несколько процентов от того, что еще может

новгородский детский писатель Дмитрий Иванов, смеется: археологи никаких подземных ходов из Кокуя не нашли...

Разговор незаметно переходит на литературу, и мы вспоминаем, сколько писателей и поэтов писали о Новгороде: Радищев, Херасков, Рылеев, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Княжнин... Всех не перечислить. «А вы знаете, что Екатерина II писала пьесы из новгородской истории?» – спрашивает боярин. А как же! «Из жизни Рюрика, подражание Шекспиру», «Новгородский богатырь Боеславич»... «Только, – замечаем, – современники-литераторы всерьез их не воспринимали. Вот Новиков, например...». Тут боярин Димитрий снова нахмурился, и мы выслушали маленькую и очень интересную лекцию о том, как надо правильно читать пьесы императрицы, зачем она их писала и почему современники их критиковали... Хотите подробностей? Вот и поезжайте в Великий Новгород к боярину Димитрию, он до ноября на башне гостей поджидать будет.

ТАЙНА ЗОЛОТОГО ГРОБА

Между прочим, имя Шекспира по меньшей мере дважды всплывало в связи с Новгородом. Сначала Екатерина Великая в 1786 году написала пьесу о Рюрике в «подражание Шекспиру». А полвека спустя профессор истории Дерптского университета Фридрих Крузе выдвинул очередную версию о том, кем был загадочный Рюрик. Он отождествил его с датским королем Рориком Ютландским, дедом принца Амледа. Того самого «принца Датского», которого Шекспир назвал Гамлетом. Первоисточник, из которого британский драматург извлек сюжет, – хроника «Деяния данов», написанная Саксоном Грамматиком в XII веке...

Историки до сих пор ломают копья, споря, кем же был легендарный Рюрик и был ли он вообще. Всяких Хрёриков, Родрихов и Рорики в скандинавских хрониках насчитывают не меньше пяти. Кое-кто уверен, что Рюрик – это шведский конунг Эйрик Эмундарсон. Одни настаивают, что Рюрик происходил из пруссов, а другие – что из славян-ободритов. А некоторые, несмотря на спорность Иоакимовской летописи, склоняются к тому, что Рюрик был внуком первого новгородского старейшины, Гостомысла. Ну а «Сказания о князьях Владимирских» вообще объявляют его потомком Пруса, брата

быть здесь найдено. И, похоже, так оно и есть. В Новгороде, как уверяли нас новгородцы, совсем не редкость забавные только на первый взгляд истории, когда, например, на огородах счастливые владельцы шести соток находят горшки с кладами, старинные монеты или нателные кресты. Купить последние по весьма сходной цене можно даже в художественных салонах на Софийской и Торговой стороне.

ВЕЛИКИЙ МОСТ

С древности две стороны Великого Новгорода – Софийскую и Торговую – соединяет перекинутый через Волхов мост. Сначала его именовали Великим, потом – Горбатым, а теперь называют Пешеходным. Строго говоря, все три названия оправданны. В любое время дня по этому мосту снуют толпы пешеходов – новгородцев и туристов. Под выгнутыми дугой – горбатыми! – пролетами моста всегда можно встретить рыбаков, влюбленных и собак. Ну а что до Великого... Да он первым был в Новгороде, уже в 1133 году о нем летописи сообщали!

...Едва мы дошли до середины моста, как с софийской звонницы грянули колокола. На золотой купол Софии красным огнем пролились первые лучи заката. Холодное серебро Волхова будто замерло. В чистом звоне потонули звуки, лица, слова... Казалось, закрой глаза – и окажешься в древнем Новгороде, в котором на Великом мосту казнили преступников (камень на шею – и в воду!) и сходились стенка на стенку горожане с Софийской и Торговой стороны. Ох, и жестоко дрались новгородцы! Не зря ж о них в Никоновской летописи говорится: «Бояху-бо ся зверинаго их нрава»! Так что нередко новгородским епископам приходилось брать иконы и крест и идти на мост – разнимать сограждан.

Современные новгородцы свой Великий мост явно уважают. Нелепая традиция вешать на мосты замки с надписями «Ваня+Маня=любовь» здесь, в отличие от других городов, не приживается. Замков таких тут мало. Но главное – нет глумливых надписей. Когда мы заметили, что

написано на перилах, то сначала не поверили своим глазам. Уж слишком непривычно: вы где-нибудь видели мост, аккуратно исписанный цитатами из Нового Завета?

Впрочем, к чести новгородцев заметим, что в городе вообще не любят пачкать стены неприличными надписями. А если и напишут что-нибудь, то чаще полезное и познавательное. Вот идешь, например, по Большой Московской улице – и раз! – читаешь послание, выведенное корявыми буквами на стене: «Человек лучше, чем учреждение! П.А. Кропоткин». И правда ведь...

ТОРГ И ДВОРИЩЕ

Красные стены и башни Детинца мощны и непоколебимы. А напротив, на другом берегу Волхова, изящным кружевом белеет аркада Гостиного двора, полностью разрушенного во время Великой Отечественной. Здесь начинается Торг и Ярославово дворище, поименованное в честь Ярослава Мудрого, без малого четверть века княжившего в Новгороде...

Все-таки история – непредсказуемая шутница. Древнюю Русь называют в первую очередь Киевской – и это верно. Но, с другой стороны, Рюрика в 862 году призвали новгородцы – с этого момента историки ведут отсчет русской государственности. Князь Олег с сыном Рюрика, Игорем, отправился из Новгорода в Киев и захватил город, после чего Рюриковичи правили Русью вплоть до конца XVI века. Киевские князья сажали править на новгородский стол либо старших, либо лучших сыновей. Правда, это продолжалось недолго. С 1136 года начался век Новгородской республики, когда Новгородом управляли вече, посадники, Совет господ, «300 золотых поясов». Новгородцы стали приглашать к себе князей, в первую очередь как защитников от угрозы извне и охранителей порядка. В годы расцвета Новгородская республика владела землями от Белого моря до Уральских гор и являлась крупнейшим торговым центром. Но в 1478 году Иван III Великий покончил с «новгородской вольницей», разбив республиканские войска на реке Шелони...

А на Ярославовом дворище и Торге до сих пор стоят древние церкви, большинство из которых были построены богатыми новгородскими купцами. Каждая из них красива по-своему, каждая – уникальна, с каждой связаны интересные истории.

Нас же особо привлекла церковь Параскевы Пятницы на Торгу, возведенная в самом начале XIII века на деньги «заморских» купцов. Так, кстати, называли не иностранцев, а новгородцев, торговавших «за морем». Святая Параскева считалась покровительницей торговли, к тому же новгородский Торг начинал работать по пятницам.

Остальные храмы Торга и Ярославова дворища действительно, как писал Рерих, белые и «кустом стоят». А вот церковь Параскевы Пятницы выделяется как архитектурой, так и своими нештукатуренными стенами.

Внешний вид смотрительницы нас сначала удивил: у толстенной распахнутой двери сидела женщина в теплой телогрейке, валенках и шерстяном платке. И это при том, что день был солнечный и теплый. Но когда мы вошли в церковь, все стало ясно. Здесь было не просто прохладно, а довольно холодно, заметно холоднее, чем во всех остальных древних церквях Новгорода, в которых мы успели побывать. Весь храм словно прошит огромными темными деревянными балками – в таком количестве мы их еще нигде не видели! Оказывается, церковь перестраивали 15 раз. «И не только по причине пожаров, от которых нередко страдал город, – объяснила смотрительница. – Под церковью сильные подземные воды, они не раз подмывали фундамент, стены рушились». Но упрямые новгородцы раз за разом возводили храм снова и снова. «Приложите ладони к камню, а потом к тому месту, где много штукатурки», – загадочно посоветовала нам смотрительница. Мы так и сделали. Положили ладони на старые камни и... будто в морозильную камеру холодильника руки засунули. Прикоснулись к штукатурке – она теплая и словно живая...

СВИДАНИЕ С ФЕОФАНОМ

...Мы почти бежали по Ильиной улице: небо как назло затягивали тучи. Если пойдет дождь, церковь Спаса Преображения закроют из-за сырости: уникальные фрески Феофана Грека, сохранившиеся только в этом храме, берегут как зеницу ока. «Дождь еще не начался?» – встретила нас вопросом сотрудница музея. «Нет!» – одновременно выдохнули мы. Успели!

Можно сколько угодно читать о том, что неподражаемость стиля Грека кроется в «скорописи» и экспрессии его почти монохромной живописи, можно под лупой рассматривать фотографии, изучая технику нанесения белилами «движков» на лики

и тела фигур, но, если вы не видели его фрески «живьем», все это – лишь бледная тень...

Пройдите в центр церкви и взгляните вверх: Спас Вседержитель, окруженный архангелами, серафимами и херувимами, строго посмотрит вам в глаза прямо с купола церкви. Вопреки всем невзгодам, которые выпали на долю храма, роспись купола и барабана сохранилась. Даже несмотря на то, что во время войны фашисты оборудовали там наблюдательный пункт. Оккупанты вообще вели себя в Новгороде как варвары: в древних церквях устраивали конюшни, оставляли гадкие надписи на стенах, крушили, грабили, жгли... Но фрески Феофана Грека все-таки дожили до нашего времени. И как после этого согласиться с тем, что чудес не бывает?

Мы поднимаемся по высоким ступеням узкой лестницы, кладемся едва ли не в пояс – иначе в низкую арку не войти, и попадаем на хоры. Спешим в Троицкий придел. На стенах этой маленькой молельни сохранились Ветхозаветная Троица, фигуры святителей и столпников, Богородица «Знамение». Здесь легко забыть о времени, веке и суете: удивительно тихий, нежный и живой свет исходит от фресок, которые художник писал больше шестисот лет назад!

Возможно, роспись церкви Спаса на Ильиной улице была первой большой работой Феофана Грека на Руси, куда он прибыл из Восточной Римской империи. В Новгороде он поселился в 1370 году, а спустя восемь лет уже расписывал церковь Спаса. Нанял его на эту работу новгородский боярин Василий Данилович Машков. Сама церковь Спаса была возведена в 1374 году. Раньше на этом месте стоял деревянный храм, в котором хранилась чудотворная икона «Знамение Пресвятой Богородицы». По преданию, в 1170 году она спасла Новгород от осады союзного войска пяти русских княжеств под командованием сына Андрея Боголюбского, суздальского князя Мстислава. Силы были неравны, и новгородцев охватила «печаль и скорбь великая». Новгородский архиепископ Иоанн по велению свыше взял икону из церкви Спаса и, когда суздальцы пошли на приступ, вынес ее на крепостную стену. «И полетели на город стрелы, словно дождь проливной», – говорит летопись. Одна из стрел попала в лик Богородицы, после чего икона сама повернулась к городу: «...и увидал архиепископ текущие слезы от иконы, и подставил он под них фелонь свою». В тот же миг на суздальцев нашло безумие, и они стали убивать друг друга. Новгородцы же вышли из крепости и разбили нападавших... В 1356 году икона была перенесена в специально построенную прямо напротив церкви Спаса Преображения Знаменскую церковь, на месте которой в 80-е годы XVII века был возведен Знаменский собор. Спустя десять лет его расписывала артель костромских иконописцев,

руководил которой Иван Бахматов, работавший до того со знаменитым Симоном Ушаковым.

...А Феофан Грек в 90-е годы XIV века уже находился в Москве, где, кроме прочего, вместе с Андреем Рублевым и Прохором с Городца расписывал церковь Благовещения в Кремле. Преподобный Епифаний Премудрый, сблизившийся с Феофаном в столице, так описывал великого изографа: «...никто не видел, чтобы он когда-либо взирал на образцы, как [это] делают некоторые наши иконописцы, которые в недоумении постоянно [в них] всматриваются, глядя туда и сюда, и не столько пишут красками, сколько смотрят на образы. Он же казалось, руками пишет роспись». В Новгороде Феофан Грек, видимо, больше никогда не бывал...

СЕВЕРНЫЕ КРОКОДИЛЫ

...У истока Волхова, на маленьком полуострове, с которого суровый Ильмень – как на ладони, безлюдно и спокойно. Тишину нарушает лишь щебет птиц да легкий шелест волн у крошечного причала. По пологому холму, заросшему соснами, поднимаемся к Перынскому Рождества Богородицы мужскому скиту. Здесь, посреди заросшей травой лужайки, тихо сияет белоснежная жемчужина – церковь Рождества Богородицы. Это – один из самых маленьких храмов Новгородской земли, построенный в начале XIII века... Сегодня трудно представить, что на заре Крещения Руси тут разыгрывались бурные события, связанные с противостоянием язычества и христианства. «Повесть временных лет» утверждает, что здесь располагалось языческое святилище громовержца Перуна, звавшееся Перынь. О том же говорит менее известное сейчас «Сказание о Словене и Русе», до XIX века считавшееся официальной версией истории зарождения Русского государства. Основными действующими лицами в нем являются потомки князя Скифа, братья Словен и Рус, а вовсе не Рюрик. По сказанию, у Словена, основавшего город Словенск, ставший впоследствии Новгородом, был сын Волхов, могущественный чародей. Жил он как раз здесь, в маленьком, им же основанном городке Перынь. И имел крайне вредную привычку: оборачивался крокодилом, перегораживал устье Волхова и пожирал всех, кто отказывался покориться. Летопись расписывает, как крокодил, вернее, Волхов-оборотень, был низвергнут в ад за колдовство и убийства. И, наверное, вряд ли можно было бы всерьез воспринимать эту историю, если бы не одна запись в Псковской летописи под 1582 годом: из реки Великой «изыдоша крокодили лютии звери» и «людей много поедоша». Что за крокодилы обитали у Новгорода и Пскова – неведомо. Но в том, что наши предки хорошо знали, кто такой крокодил, можно не сомневаться: «коркодилы» и «крокодилы» встречаются в русских летописях аж с XII века. Только вот откуда им было взяться в северных

реках? Большинство историков считают, что «северные крокодилы» – это отголоски языческого культа хтонического Ящера. Но есть и те, кто предполагает, что это были настоящие крокодилы, привезенные для домашних зоопарков русских князей. Если вспомнить, что движение по пути «из варяг в греки» в то время было весьма оживленным, а вояжи в страны Средиземноморья не являлись чем-то из ряда вон выходящим, то и эта версия может иметь право на существование. Между прочим, в 2003 году на Рюриковом городище в слоях XII века был откопан череп... макаки.

Однако вернемся к Перыни. По «Повести временных лет», новгородцы обратились к киевскому князю, знаменитому воину Святославу, с просьбой дать им одного из своих сыновей на княжение. Выбор пал на младшего, Владимира, отправившегося на север в сопровождении дружины и своего дяди Добрыни. По приказу нового князя в 980 году воевода Добрыня поставил на Перыни большой кумир Перуна. А в 988 году, когда Владимир – уже великий киевский князь – принял христианство и крестил Русь, Добрыня был отправлен в Новгород для того, чтобы уничтожить языческое капище. Идол выкопали и поволокли к Волхову. Отхлестав кумир плетью, его, под причитания новгородцев, сбросили в реку... Археологические раскопки, проводившиеся на Перынском скиту во второй половине XX века, подтвердили: здесь действительно располагалось древнее языческое капище...

ЭТО – ИСТОРИЯ

– И откуда же вы к нам такие приехали? – Маленький опрятный старичок в белой кепке и круглых очках сильно смахивал на «всероссийского старосту» Калинина.

– Из Москвы.

– Это что за город такой? – ехидно поинтересовался «Калинин», многозначительно посмотрев на табличку с названием улицы у нас над головой – «Большая Московская».

– Столица, между прочим, – смеемся мы.

– Ах, столица! Так ведь Новгород постарше будет! Аль нет? – наступал на нас наследник традиции свободолюбивой Новгородской республики.

– Постарше, конечно. И вообще – город у вас замечательный.

– То-то. Это не просто город! Это – история! Самая настоящая история, – важно поднял палец довольный «Калинин» и бодро зашагал по Большой Московской улице.

Вы даже не представляете, насколько он прав. 📍

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ. КРАСНОЕ

МИХАИЛ БЫКОВ

Рулетка войны выбросила Дмитрию Неверовскому число «27». Этот номер получила сформированная им пехотная дивизия. С ней генерал прошел дорогами славы – с августа 1812-го по ноябрь 1813-го. От сражения у села Красное, что в полусотне верст от Смоленска, до Битвы народов под Лейпцигом, где получил смертельную рану.

Д.П. Неверовский
(1771–1813).

Портрет работы Дж. Доу.
1820-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В конце 30-х годов XIX века император Николай I поручил министру финансов графу Канкрину выбрать места для установки памятников героям Отечественной войны 1812 года. Решили так: на

Бородинском поле, в Смоленске, Ковно (Каунасе), Полоцке, Малоярославце, Красном. Единый проект разработал архитектор Антонио Адамини. Все шесть монументов отлили в Петербурге на Александровском литейном заводе. Памятник в селе Красном воздвигли в 1847 году. На постаменте выбили надпись: «Битва при Красном. 3, 4, 5 и 6 ноября 1812 года. Поражение Нея». И еще одну: «Взято в плен неприятеля 26 000 человек, отбито 116 ору-

дий». Напротив построили дом для зрителей из отставных солдат – участников Отечественной войны.

В 1931 году памятник у Красного взорвали. Причина? Конечно, мешали жить новой власти царские орлы, но и без прагматических соображений не обошлось. Тогдашний директор Смоленского краеведческого музея Палашенков позже вспоминал: «Я стоял в кабинете зампредоблисполкома тов. Клявс-Клявина. Решительным тоном Клявс-Клявин заявил, что стране нужен чугун. В городе торчит никому не нужный с крестом и царским гербом памятник 1812 года, в соборе заслан чугунными плитами пол... Составьте акт на разборку памятника и снятие плит». Спорить было бесполезно. Приходилось только выбирать: либо уничтожить памятник в Смоленске, либо в Красном. Смоленский удалось сохранить. А красненский даже не стали разбирать. Просто взорвали. Видимо, нужда в чугуне уже отпала. Хотя местная легенда гласит: после взрыва остатки монумента добросовестно собрали и погрузили на баржу. Правда, поживиться чугуном все равно не удалось. Перегруженная плоскодонка перевернулась, и все добро затонуло. Все 400 тонн...

Какое отношение все это имеет к генералу Неверовскому и его 27-й пехотной дивизии? Самое прямое. Крупный бой с войсками Наполеона под Красным в 1812 году приняли именно полки Неверовского. И случилось сие 14 августа по новому стилю.

Отменное состояние вверенного Неверовскому полка морской пехоты приводит государя к мысли доверить генералу один из лучших гренадерских полков империи – Павловский, дислоцированный в Петербурге. Что и происходит в 1809 году.

...Формирование 27-й пехотной дивизии из рекрут Московской губернии заняло у Неверовского два месяца. Затем он приступил

к обучению полков по уже привычной для него методе. Памятуя о суворовской школе штыкового боя, особенно внимательно относился к тренировке навыков меткой стрельбы. В июне 1812-го, когда дивизия получила приказ выдвинуться в места дислокации 2-й армии Багратиона, в Первопрестольной ее называли «Московской гвардией».

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

К началу августа 1812 года стало совершенно ясно: основные силы армии «двунадесяти языков» стремятся к Москве. По прямой. А прямая эта пролегла от Витебска, где сконцентрировались французы, к Смоленску. Как получил он когда-то прозвище «Ключ-город», так и оставался таковым. Здесь же, под Смоленском, планировали объединиться и две русские армии – Барклая и Багратиона.

Еще в конце 1811 года генерал-майор Неверовский получил новое назначение. Ему предстояло проститься с Павловским гренадерским полком, коим он командовал, и переехать в Москву. Там и сформировать новую пехотную дивизию из только что набранных рекрут. Император Александр I лично благословил генерала на этот труд, добавив: «Совершенно уверен, что ты оправдаешь мое ожидание».

И к тому были веские основания.

Дмитрий Неверовский родился в 1771 году в Полтавской губернии в семье дворян среднего достатка. Поначалу получал домашнее воспитание, знал языки, точные науки, проявлял склонность к военному делу. Благо рос не только в уме, но и в плечах, опережая сверстников по части физической силы. В 14 лет, благодаря протекции друга семьи, графа Завадовского, Дмитрия определили на службу в лейб-гвардии Семеновский полк рядовым. Спустя два года Неверовский бежит на войну – русско-турецкую. Определяется в службу поручиком в Малороссийский гренадерский полк. Участвует в боях. Но замечают его несколько позже, во время Польской кампании 1794–1795 годов. Сам Суворов производит Неверовского вне очереди в чин секунд-майора. Будущему генералу шел 24 год.

В 1803 году в русской армии возникают так называемые морские полки. Их формируют из матросов гребных батальонов, надобность в которых к тому времени фактически отпала. Полковник Неверовский получает под команду 3-й Ревельский морской полк. И быстро превращает своих морпехов в одну из лучших частей армии. Что и было отмечено государем на смотре в Ревеле (Таллине) в 1806 году.

Во время службы в Ревеле теперь уже генерал-майор Неверовский создает семью. Жена – юная графиня Елизавета Мусина-Пушкина, вскоре рождается единственный ребенок – дочь.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЬВА

Оказавшись в действующей армии, Неверовский получил приказ выдвинуться к селу Красное. Тут, на Старой Смоленской дороге, ждали основные силы Наполеона – войска маршалов Даву, Богарне, Мюрата, Нея. Тут ждали гвардию Бонапарта. Ждать с оружием в руках поручили Неверовскому с 27-й пехотной дивизией и приданными ему несколькими пушками артиллерийской роты, Харьковским драгунским полком и считанными казачьими сотнями. 8 тысяч против десятков тысяч... Не густо!

Сейчас чего только не вычитаешь на форумах любителей военной истории! Сидят люди в Интернете и рассуждают: то ли Мюрат – придурок, то ли Неверовский – примитивный служака... Мол, спокойноенько мог уйти от боестолкновения с кавалерийскими корпусами неаполитанского короля. Людей бы не потерял, пушки сохранил. Уж я бы на его месте... Уж мы бы там...

Приказ у командира 27-й дивизии был ясный: наблюдать за Оршанской и Мстиславской дорогами и стоять у Красного как можно дольше. 14 августа в 9 утра стало ясно, что просто наблюдать не получится. Казачьи разъезды уже несколько раз приносили вести: по дороге от деревни Ляды движется огромная масса войск. И вот в 10 утра эта масса появилась перед глазами. Более 15 тысяч кавалеристов

из корпусов Нансути, Груши и Монбрена. А кроме того — свыше 8 тысяч пехоты и 60 орудий.

Конные колонны французов растеклись по полю перед селом и, едва успев перестроиться в боевой порядок, с ходу ринулись в атаку. Смяли эскадроны харьковских драгун, ворвались в Красное. Русский генерал понял, что село не удержать. И что самое важное впереди — удержать дорогу на Смоленск.

Еще перед боем он обратился к своим необстрелянным полкам: «Ребята, помните, чему вас учили... Никакая кавалерия не победит вас. Не торопитесь в пальбе, стреляйте метко...» Пришел час, когда слова дивизионного пришлось превращать в дела.

Полки построились в каре и начали отход по Старой Смоленской дороге. Шли среди берез, высаженных когда-то по приказу императрицы Екатерины Великой. Шли, отражая одну атаку за другой.

Потерявший самообладание от неудач великий маршал Франции Иоахим Мюрат раз за разом посылал кавалерийские строи на русские каре. И раз за разом элитные полки французской конницы откатывались в стороны. Пехота Неверовского в течение пяти часов — с двух до семи пополудни — выдержала более 40 атак!

И что бы ни писали сегодня интернет-стратеги об отходе 27-й дивизии к Смоленску, лучше довериться мнению тех, кто сражался тогда под Красным. Тот же Мюрат вспоминал: «Никогда не видел большего мужества со стороны неприятеля». «Это было отступлением льва», — вторили маршалу наполеоновские офицеры.

В русском лагере тоже не скупилась на похвалы. Багратион писал в донесении: «Дивизия новая Неверовского так храбро дралась, что и неслыханно. Можно даже сказать, что и примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя».

В штаб-квартире Наполеона царил недоумение. Бригадный генерал из свиты императора Филипп-Поль де Сегюр отмечал в мемуарах, что его государь никак не мог поверить в то, что блестящим корпусам Мюрата противостояла одна-единственная дивизия русских, состоявшая из вчерашних новобранцев. Никто ранее не видел императора Франции таким потеряннным.

Французы прекратили наступать, когда уже стало темнеть. До Смоленска оставалось 25 верст.

А в самом Ключ-городе готовились к бою. Генерал Раевский располагал от силы 15 тысячами

солдат. На него двигалась армада, превосходящая более чем в 10 раз. И быстрой помощи ждать было неоткуда. Всем казалось очевидным, что 8 тысяч воинов Неверовского легли под Красным.

Пятнадцатого августа в три часа пополудни с запада, у смоленских посадов, появилась пехотная колонна. Вот он, встрепелулись в дозорах, француз! Оказалось, к городу подходят батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык ее горел лучом бессмертия!» — так писал о возвращении 27-й в Смоленск не склонный к лишним сантиментам боевой офицер Денис Давыдов.

Под Красным дивизия потеряла до 1,5 тысячи солдат и 20 офицеров. Но оставшиеся в строю сразу влились в ряды защитников Смоленска. И еще три дня бились за древний русский город.

ОТ ШЕВАРДИНА ДО ЛЕЙПЦИГА

О Шевардинском сражении, предшествовавшем Бородинскому, упоминают обычно вскользь. Стратегического смысла эта стычка не имела, весь резон — уgomонить француза на пару дней, чтобы успеть выстроить достойные полевые укрепления на месте главной битвы. Так оно и было. Но сие несколько не умаляет подвигов тех солдат и офицеров, что в течение целого дня сражались с врагом, обороняя Шевардинский редут. Тот самый, который французские офицеры отмечали как важный пункт обороны русских, прикрывавший левый фланг расположения армии Кутузова.

Если под Красным Неверовский увел большую часть дивизии живыми, то иная судьба была уготована ее полкам под Шевардином. Именно 27-я пехотная стояла на редуте насмерть в буквальном смысле слова.

Сам Дмитрий Петрович писал об этом по-военному скупно: «После сдачи Смоленска армии начали ретироваться к Москве. И, не доходя 12 верст от Можайска, при селе Бородине взяли позицию. Левый наш фланг был слаб, и потому укрепили его батареями. 24 августа (5 сентября по новому стилю. — Прим. авт.) неприятель атаковал... и я был первый послан защищать батарею. Страшный и жестокий был огонь. Несколько раз брали меня батарею, но я ее отбирал обратно. 6 часов продолжалось сие сражение в виду целой армии... В сражении потерял я почти всех своих бригадных шефов, штаб- и обер-офицеров. Накануне сражения дали мне 4000 рекрут для наполнения дивизии; я имел во фронте 6000, а вышел с тремя. Князь Багратион отдал мне приказом благодарность и сказал: «Я тебя поберегу»... Берегли 27-ю пехотную в течение полутора суток. 7 сентября грянуло Бородинское сражение. И остатки дивизии Неверов-

ского попали в самое пекло — на Семеновские флешы. Вместе с гренадерами графа Воронцова они держались до последнего. Сам Неверовский в письмах признавался жене, что не раз вместе с полками ходил в штыковую. И вроде не стоило бы это делать командиру дивизии, но так уж было надо.

От той половины дивизии, что сохранилась после Шевардина, тоже осталась половина. Даже меньше. Солдаты расстреляли все заряды. 1,5 тысячи человек после Бородинского сражения отвели в далекий тыл на переформирование, а командира, получившего чин генерал-лейтенанта, вместе с графом Воронцовым отправили на простой крестьянской телеге в лазарет. Неверовский получил контузию от ударившего в руку ядра. Его походный сюртук оказался простреленным в трех местах.

Едва оправившись от контузии, генерал прибыл в дивизию. Русская армия готовилась к наступлению. И 27-я пехотная вновь оказалась в гуще событий. Сражения при Тарутино и Малоярославце чего стоят! Но ведь было дело и под Красным в ноябре 1812-го, когда били маршала Нея там, где несколькими месяцами ранее обретали первую славу!

Перед Заграничным походом 1813 года государь принял кавалера ордена Святого Георгия генерал-лейтенанта Неверовского в своем штабе в Вильно (Вильнюс). При большом стечении светского народа сказал: «Дивизия ваша отличилась славою бессмертною, и я никогда вашей славы и дивизии не забуду!» Эти слова точь-в-точь процитировал офицер 27-й дивизии Даргаган, служивший под началом Неверовского. И вот что примечательно: царь обыкновенно обращался к подданным на ты. А тут...

Неверовский успел отличиться и в Заграничном походе 1813 года, в частности в сражении у Кацбаха в Пруссии. К прочим наградам добавил высший прусский военный орден — Красного орла. Известно, что был принят и высоко оценен прусским фельдмаршалом Блюхером. Тем самым, что раньше французского маршала Груши успел подойти к Ватерлоо в 1815 году.

В Битве народов под Лейпцигом Неверовский должен был в последний раз командовать родной ему 27-й дивизией. Незадолго до этого император поручил ему сформировать 13-й пехотный корпус, сохранив при этом должность командира дивизии. Кто ж знал, что выражение «в последний раз» приобретет столь трагический смысл?

Во время боя Неверовский получил ранение в ногу. Остался в седле, даже несмотря на требование корпусного командира немедленно отправиться в тыл. Генерала смогли доставить в госпиталь только после того, как он потерял сознание. И то пришлось пойти на хитрость. Командир корпуса барон Сакен вытребовал Неверовского к себе на срочный совет. И лишь в штабе корпуса Дмитрий Петрович позволил снять себя с коня.

Он жил еще несколько дней. Перенес без наркоза страшную боль во время операции по извлечению французского железа и собственных раздробленных костей из ноги. С третьей попытки все лишнее из раны убрали. Но от гангрены спасти уже не смогли. Дмитрий Петрович ушел из жизни 2 ноября 1813 года в немецком городке Галле. Последними словами генерала, находившегося уже в беспомощности, были: «Вперед! На штыки!!!»

Прошло несколько месяцев. В Галле наладилась вполне мирная жизнь. И вдруг по осени в городок вошли русские роты. По разведывающимся знаменам и барабанному бою знающие сразу могли определить: идет лейб-гвардии Павловский полк. Тот самый, что назывался Павловским гренадерским, когда им командовал Неверовский. Полк свернул к местному кладбищу, где покоился прах генерала, и после поминальной молитвы прошел мимо могилы в парадном строю.

Русская армия возвращалась домой. Павловцы шли походным порядком по намеченному в штабах маршруту, но испросили разрешения сделать крюк. Через Галле...

Впрочем, может быть, это были и не павловцы. Пишут, что через Галле прошла вся 27-я пехотная дивизия.

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

В 1912 году, когда вся Россия праздновала 100-летие победы в Отечественной войне, прах генерал-лейтенанта Неверовского перенесли из Галле на Бородинское поле. Перезахоронили гроб на Багратионовых флешах, где сражалась 27-я пехотная. Там, где стоит памятник ее солдатам и офицерам. Генерал Джунковский, участвовавший в церемонии перезахоронения, вспоминал, что в Галле прибыла депутация офицеров, служивших в полках, которыми командовал Неверовский, и что на вокзале траурную процессию провожала 8-я пехотная германская дивизия и местный гарнизон.

В плане-графике проведения торжественных мероприятий, посвященных 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года и

разработанных государственной комиссией, значится: август — открытие воссозданного памятника Героям в селе Красное Смоленской области. Крестный ход, молебен, военно-историческая реконструкция, гала-концерт...

Не знаю, помянут ли на этой церемонии в Красном генерала Неверовского и его Двадцать Седьмую (27-ю), но все равно хорошо...

И ТАЙНА ВЕЧНОСТИ СПОКОЙНА И ПРОСТА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Константину Случевскому не повезло со временем – глухим, непоэтическим временем между двумя веками русской поэзии, золотым и серебряным. Не хватило музыкальности, не хватило поэтического дыхания, не хватило среды, поддержки критики, – может быть, не хватило и уверенности в собственном поэтическом даре, чтобы остаться в русской литературе в числе безусловных гениев, «крупнейших» и бесспорных. Он остался скорее переходом, мостиком между двумя веками – недооцененный и недопонятый в своем горьком и стоическом трагизме.

Трудно сказать, что лучше – быть первым в деревне или вторым в Риме; кажется иной раз, что поэту в Серебряном веке было трудно: слишком много вокруг звезд первой величины, легко затеряться между ними. Но лучше ли быть неяркой и некрупной звездой на глухом и темном осеннем небе? Чего-то Случевскому не хватило, чтобы состояться в полной мере. Но состоялись же Тютчев и Фет в век практической полезности и позитивизма? Правда, они оба были поколением старше, успели подышать волшебным воздухом пушкинской поры, а Случевскому, рожденному в год смерти Пушкина, достался воздух уже совсем другой, тяжелый, мертвящий.

ЗАЙКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Историк русской литературы Петр Святополк-Мирский писал: «Поколение родившихся между 1825 и 1850 годами оказалось поэтически самым бесплодным из всех в истории России. С 1860 года и до конца 70-х не появилось ни одного хотя бы средне одаренного поэта. Враги поэзии, опираясь на непреложные факты, могли торжествовать победу своей антиэстетической кампании. Как гражданскому направлению, так и направлению «чистого искусства» нечем было похвалиться. Правда, последнее направление выдвинуло Константина Случевского (1837–1904), поэта в самом деле значительно. <...> У него было по-настоящему оригинальное видение мира – основа гениальности, и казалось, что он способен создать действительно новую, действительно современную поэзию, но ему не повезло – его деятельность пришлось в то время глубочайшего падения поэтической техники, и в поэзии он так и остался зайкой». Он и в самом деле заикался в стихах: стихи его иной раз ужасают косноязычием, то намеренным, то

нечаянным. Иногда не успеешь обрадоваться одной строке, как следующая напрочь убивает всю радость.

Сколько белых, красных маргариток

Распустилось в нынешней ночи!

Воздух чист, от паутинных ниток

Реют в нем какие-то лучи.

Ну что мешало не бросать здесь небрежное «какие-то», а подобрать эпитет? Но ему это не важно, кажется. О сладкозвучии он не заботится, гнет и ломает свой стих, подчиняет себе властно и равнодушно – настолько, что некоторые исследователи сравнивают его опыты с поэтическими экспериментами футуристов. А это? «Лес полн кикимор резвых шуток»? Кикиморы резвы или их шулки? Грань между смелостью и небрежностью в его стихах неразличима; философ и поэт размышления, формой он пренебрегает, отчего острота его холодной мысли иногда размывается, чеканные формулировки прихрамывают, а чувство становится косноязычным.

МРАЧНЫЙ ГОЛОС МЕРТВЕЦОВ

С первых до последних своих публикаций Случевский был поэтом одной главной темы – смерти. Более сосредоточенного на смерти, зачарованного ею поэта в русской литературе, кажется, не найти – один Федор Сологуб тут Случевскому достойный соперник. Но если у Сологуба смерть – всегда бледное, печальное, прекрасное избавление от ужаса жизни, то в лирике Случев-

ского мы найдем целый учебник смертеведения: болезнь, умирание, кладбище, загробная жизнь, призраки и привидения... Разумеется, во времена, когда в литературе главенствовали соображения обществен-

Константин
Константинович
Случевский
(1837–1904).
Фотография
1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ной пользы, а в поэзии, с некрасовской подачи, царила муза мести и печали, вся эта теоретическая и прикладная танатология мало кого могла увлечь. Уже в самом начале поэтического пути задиристые демократические критики жестоко высмеяли Случевского, и начало вышло скомканным.

Но все по порядку. Родители его были помещики из Черниговской губернии. Отец одно время служил полицмейстером Петербурга, затем занимал высокий пост в Министерстве финансов, был тайным советником и сенатором. Юноша учился в Первом кадетском корпусе, окончил его с отличием. После выпуска из корпуса в 1855 году он поступил прапорщиком в Семеновский полк, из которого довольно скоро перешел в лейб-гвардии стрелковый Его Императорского Величества батальон.

Самые ранние из известных его произведений датированы 1857 годом. В этом году он съездил за границу – в Италию и Францию; отсюда в его ранних стихах образы оживающей античности. Автору было уже 20 лет, и стихи его уже довольно взрослые и крепкие. В них и жизнь, и радость от музыки, от созерцания природы, от собственной силы – и философская печаль, и надежда на иную жизнь:

*И в зарослях твоих, безмолвных и густых,
Одна надежда есть, одна – на обновление:
Субботний день к концу... Последний из твоих.
А за субботой что? Конечно, воскресенье.*

А двумя годами позже 22-летний офицер описал в ехидных стихах свои будущие похороны:

*Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дыякон,
И хриплые певчие пели.*

Кончается все тем, что «объелись на сытных поминках родные, лакеи и гости».

Литературного дебюта Случевского никто не заметил. Первые его стихи и переводы из Байрона, Гюго и Барбье вышли в журнале «Общезанимательный вестник» в 1857 году, подписанные инициалами «КС». На вторую публикацию, в «Иллюстрации» в 1859 году, тоже никто не откликнулся. В «Иллюстрацию» его стихи и рассказ («Возвращение покойника», между прочим) сосватал поэт Мей, чей литературный кружок Случевский стал посещать.

В 1859 году Случевский поступил в Академию Генштаба. А в 1860 году неожиданно для автора его стихи появились в некрасовском «Современнике». Приятель Случевского по литературному кружку Всеволод Крестовский передал его стихи знаменитому критику Аполлону Григорьеву. «Григорьеву стихотворения мои очень понравились, – вспоминал поэт. – Он просил Крестовского привести меня к нему, что и было исполнено. <...>

Покойный критик был, по обыкновению, навеселе и начал с того, что обнял меня мощно и облобызал. Затем он потребовал, чтобы я прочел свои стихотворения. Помню, как теперь, что я прочел «Вечер на Лемане» и «Ходит ветер избочась». Григорьев пришел в неопределимый восторг, предрек мне «великую славу» и просил оставить эти стихотворения у себя. Несколько дней спустя, возвратившись с какого-то бала домой, я увидел, совершенно для меня неожиданно, на столе корректуру моих стихотворений со штемпелем на них – «Современник», день и число». Григорьев был известен своей позицией, резко противоположной демократическому направлению Некрасова и Добролюбова, и неумеренностью восторгов. Павел Анненков вспоминал: «Едва А. Григорьев завидел меня в дверях кабинета, как вскочил с дивана, где сидел, и, указывая мне на своего соседа, молодого морского офицера очень скромной и приличной наружности, торжественным и зычным голосом воскликнул:

«На колени! Становитесь на колени! Вы находитесь в присутствии гения!» Молодой офицер был поэт Случевский, никому тогда не известный. Он покраснел и не знал, что

делать от смущения. Поднявшийся Тургенев тоже проговорил: «Да, батюшка, это будущий великий писатель».

Григорьев довольно скоро опубликовал свои восторги: «...Давно, давно неизведанное физическое чувство испытывал я, читая эти могучие, стальные стихи!.. Да! Стальные... блестящие, как сталь,

причиной отъезда стало желание учиться; следующие несколько лет он провел, слушая лекции в университетах – в парижской Сорбонне, в Лейпциге, в Берлине. Степень доктора философии Случевский получил в Гейдельбергском университете в 1865 году. Он вообще немножко немец в русской поэзии – с его брутальной формой и мрачной глубиной тяжелой мысли; широко известно и его увлечение Шопенгауэром.

гибкие, как сталь, с лезвием, как сталь... Тут сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт... а коли уж на кого похожий – так на Лермонтова... Да-с! Это не просто высокодаровитый лирик, как Фет, Полонский, Майков, Мей, это даже не великий, но замкнутый в своем одиноком религиозном мирозерцании поэт, как Тютчев...»

Все это чрезвычайно повредило молодому поэту. Демократы, задававшие в литературе тон, увидели в нем чужака и сделали из его стихов удобную мишень для упражнений в остроумии. Знаменитые Курочкин и Минаев, поэты сатирического журнала «Искра», смеялись над начинающим стихотворцем, высмеивая и стиль его, и темы: видения древнего Рима и Мемфиса, лежащие на кладбищенской доске, под которой копошится мертвец и хочет на волю... Доставалось ему даже за его поэтический словарь, далекий от привычного абстрактно-лирического арсенала с неперменными ночами, звездами и ветрами. Ветер у молодого поэта, вместо того чтобы веять, как положено всякому приличному ветру, ходил по Неве «избочась» и порошил снегом калачи у «бабы кривобокой»; Курочкин назвал эти стихи «бессмыслицей». А уж чудесных, на нынешний взгляд, жуков, которые в полете сталкиваются лбами, ему поминали еще несколько лет. Стихотворение «Мои желанья», где Случевский неосторожно проговорился о своем заветном – о желании найти девушку с ясными очами и косой и хороших понимающих друзей, путешествовать, изучать мир и жизнь, а умирая, передать все, чему научился, другим людям, – настолько рассмешило Добролюбова, что тот откликнулся пародией в «Свистке»...

Все происходящее имело характер «неистойвой травли», по выражению самого поэта. Он просто подвернулся под руку; несовершенства его стихов, мнимые или реальные, оказались удобным аргументом в битве титанов – левых с правыми – за идеалы искусства ради общественной пользы или искусства ради искусства. Случевского заклали во имя общественной пользы. Он был совершенно не готов к такой свистопляске, критика была и болезненна, и оскорбительна – не только по-человечески, задевала она и его офицерскую честь.

Одновременно разворачивалась личная драма: уезжала за границу его любимая женщина, переводчица Наталья Рашет, молодая, красивая и разведенная. Чтобы быть с нею, осенью 1860 года он вышел в отставку и уехал за границу. Еще одной важной

За границей он провел несколько лет, принимая самое деятельное участие в жизни русского студенчества в Гейдельберге. Как сообщает автор биографии Случевского Елена Тахо-Годи, «он стал в 1862 году одним из основателей тамошней знаменитой русской читальни, где помимо книг немецких материалистов на первом плане были запрещенные русские книги, брошюры и газеты, в том числе герценовские «Колокол» и «Полярная звезда». Все это время он состоял в переписке с Тургеневым, добрые отношения с которым стали постепенно портиться. Причиной этого была Рашет. Сергей Маковский рассказывал со слов дочери Случевского Александры: «Влюбился он по уши и мечтал о браке. В те годы дружил с ним И.С. Тургенев, которого он поспешил представить своей «невесте». На свое горе! Рашет, продолжая очаровывать влюбленного студента, решила за его спиной покорить Тургенева, «скрестив шпаги» с Виардо... Но все узнается. Случевский тяжело пережил двойное «предательство» – и любимой женщины, и старшего друга и покровителя. Хотя и не удалось Рашет серьезно увлечь Тургенева, рана, нанесенная Случевскому ими обоими, не зарубцевалась никогда». Тургенев после этой истории стал отзываться о Случевском все более зло – хотя охлаждение между ними намечалось уже давно – и вскоре изобразил его в своем романе «Дым», где от него жестоко досталось всему гейдельбергскому кружку. Полина Виардо писала, что именно Случевский стал прототипом Семена Ворошилова. Ворошилов – человек совершенно никудышный, болтун, который кстати и некстати демонстрирует свою эрудицию. В этом ядовитом описании была некоторая доля правды: Случевский в самом деле был эрудитом и всю жизнь стремился к знанию. Сергей Маковский, знавший его уже в

старости, писал: «В те дни он был старше меня в три раза, но не производил впечатления отягченного годами мудреца. Обворожительно был молод, умственно деятелен, отзывчив. И, повторяю, необыкновенно скромнен. <...> Он всю жизнь учился, читал на многих европейских языках, обо всем любопытствовал. Кого еще назовешь из русских поэтов, так широко охватывавших все доступное уму человеческому и все, что грезится за границами постигаемой яви? Из моих современников — поистине никого, несмотря на культурную универсальность таких вдохновителей символизма, как Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский».

ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ

«Ученым специалистом он не сделался ни в одной области, — писал Маковский, — но приобрел большие познания в метафизике, истории, литературе, а также — физике, ботанике, зоологии, химии, биологии и т.д. К тому же не угас в нем и писательский пыл. Он вернулся в Петербург (в 1866 году) и начал снова печататься... Но нелегко было «пробиться» писателю в эпоху великих реформ, да и во времена более уравновешенные, если писатель не был связан с радикальной общественностью, — ведь за свою «правизну» долго оставался в тени даже Лесков!»

В России Случевский попытался сразу включиться в литературную полемику, за ходом которой следил из-за границы. Теперь ему представился шанс публично изложить идеи, которые он давно вынашивал, и в 1866–1867 годах он издал три брошюры под общим названием «Явления русской жизни под критикой эстетики». Его мишенью стала демократическая критика — в первую очередь Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Правда, пыл его несколько запоздал, потому что Добролюбов к этому времени уже несколько лет лежал в могиле, а Чернышевский пребывал в ссылке; Писарев довольно скоро скончался — в 1868 году. Полемическая злость Случевского, накопленная за несколько лет, оказалась почти неприличной. Печать снова подняла его на смех, в «Книжном вестнике» его называли «жалким рифмотвором», друзья-ли-

тераторы нашли его выступление бестактным и озлобленным. О том, чтобы печататься под собственным именем, пришлось опять забыть на много лет. Он поступил чиновником в Главное управление по делам печати, а публиковался теперь только под псевдонимами. С 1871 по 1875 год он редактировал журнал «Всемирная иллюстрация», но даже в своем журнале не позволял себе, как то обычно делают редакторы, обильно печататься и подписывался обычно одной буквой — Н. или С., например.

В 1870 году он женился на Ольге Лонгиновой («старше его, богатой, своенравной и претенциозной», замечал Маковский), дочери состоятельного курского помещика и домовладельца, у которого снимал квартиру; венчались в курском имении Головино. Через два года родился первый сын. Всего детей было пятеро — три сына и две дочери. Современники замечали, что с женой Случевский довольно холоден. Брак был несчастлив. «После многих ссор и примирений, а также бурных его увлечений он обрел «тихую пристань» с женщиной совсем другого типа, простой и любящей, Агнией Федоровной Рерих (отец ее был выходцем из Швейцарии). Но жена долго не давала развода, лишь на пятьдесят третьем году писателя завершилась эта связь новым браком», — рассказывал Маковский. Детей своих Случевский очень любил, дети его тоже. В новом, позднем браке у него родилась еще одна дочь, Александра.

Он снова совершил попытку вернуться в литературу в 1878 году, когда, посоветовавшись с Аполлоном Майковым и Николаем Страховым, отдал в «Новое время» свою поэму «В снегах». Поэма рассказывает о старом мордвине Андрее, который живет в избушке среди снегов со своей собакой Лайкой; к нему является замерзшая до полусмерти старуха Прасковья, идущая на покаяние. Андрей согревает старуху и выхаживает, старуха обращает его к вере своими рассказами, а перед смертью исповедует ему свой грех и просит вымолить ей прощение за него. Поэма, написанная монументальным, торжественно-мощным стихом, полная дикой красоты (в ней, кстати, появляются сидящие вокруг костра двенадцать братьев-месяцев, памятные нам по позднейшей маршаковской сказке), вернула Случевскому внимание публики. Со следующего года и до самой смерти он уже не делал перерывов в публикациях: в печати появились еще две поэмы, затем три сборника стихов, затем несколько книг прозы.

Из прозы его особенно любопытна, наверное, повесть «Профессор бессмертия»: она наполовину состоит из описания степного края, где проживает чудаковатый доктор с распутной женой, а наполовину – из скучнейших абстрактных рассуждений доктора, который пытается логическим, научным путем доказать бессмертие души. Кончается, как обычно у Случевского, за упокой: распутная жена тонет в реке, а искренне любящий ее доктор обретает утешение в вере и покой – у ее могилы. Нигде в мире такого покоя его герои не находят: жизнь отвратительна. Лирический герой Случевского странствует, многое видит, многое знает – но ни в чем не находит утешения и успокоения. Он желчен, раздражен, раздвоен; Случевский подхватывает тему двойничества у Гоголя и Достоевского – и передает ее дальше – Блоку, Серебряному веку. Повседневная жизнь вызывает у него скептическое отвращение, какое мы позже найдем у Саши Черного; повсюду зло, по миру ходит Мефистофель (целый цикл ему посвятил Случевский) и вертит людьми. Настолько герою Случевского нехорошо в этом мире, что даже Новый год он предлагает в одном стихотворении встречать панихидой.

Но, в отличие от скептиков Серебряного века, для которых отчаянием все и кончается, у Случевского есть классический выход. Могила подводит все итоги, всех примиряет, все решает; за могилой будет другая жизнь и воскресение. Одно из интереснейших его стихотворений – о том, что людей неправильно воспитывать в страхе смерти:

Нет! надо иначе учить от колыбели...

Долой весь темный груз туманов с головы...

Нет, надобно, чтоб мы совсем светло глядели

И шествовали в смерть, как за звездой волхвы!

Тогда бы верили мы все и безгранично,

Что смерть – желанная! что алые уста

Нас зацеловывают каждого, всех, лично, –

И тайна вечности спокойна и проста!

Поразительно, как в нем в самом деле уживались двое: поэт, мучимый тяжкими мыслями и воспоминаниями, одержимый смертью,

и государственный служащий, семнадцать лет отслуживший в Министерстве внутренних дел и государственных имуществ. На протяжении долгого времени он ездил в бесконечные рабочие командировки, а кроме того, сопровождал в поездках по России великого князя Владимира Александровича и вел летопись этих поездок, которая потом сложилась в книгу «По северо-западу России». В старости он – камергер, гофмейстер, редактор газеты «Правительственный вестник» (с 1891 по 1902 год). Почтенный бородатый старец снаружи, изъеденная мукой, сомнением, тоской душа – изнутри.

А теперь я что? Я – песня в подземелии,

Слабый лунный свет в горячий полдня час,

Смех в рыдании и тихий плач в веселии...

Я – ошибка жизни, не в последний раз...

Я НЕ НОШУ ВЕРИГ ЗЕМЛИ

Из своих поездок по России он привозил многочисленные стихи – часто замечательно мощные по изобразительной силе; чего стоят одни только играющие киты из мурманского цикла, похожие на «подводных витязей щиты», или замечательные стихи о северных бабах, женах рыбаков. Он как будто отдыхает и душой, и стихом от своих напряженных размышлений о смерти, уходя в живописание красот природы, в размышления о российской истории (у него несколько исторических поэм). Однако он может быть каким угодно жизнерадостным силачом и живописцем, когда рассказывает о своих многочисленных странствиях и путешествиях, но только дуновение смерти заставляет его стих звучать с исступленной силой и страстью. Вот в одном из его стихотворений, привезенных из поездки по Русскому Северу, ребенок замечает призрак крадущейся к нему цинги:

Какой он белый и слепой!..

Он шарит пальцами в стене...

Он копошится за стеной...

Ах, не пускай его ко мне!..

И если бы не это мелодраматичное «ах» – то какая была бы холодная жуть.

В позднем, предсмертном цикле, так и названном – «Загробные песни», – он рассказывает о своих смертных видениях с редкой убедительностью:

*Вся земля умерла! с резким хрустом
в костях*

*Смерть в венце надо мною носилась,
И под ней расстился один только прах...*

Смерть металась, вопила и билась.

Выходила из впадин очей ее мгла,

И в меня эта мгла проникала;

Свисли челюсти Смерти, ослабла скула...

Обезумела Смерть! Голодала!

Все возвращало его к памяти смертной, внушавшей ему и животный ужас, и смирение. Подобно воину-самураю или христианскому аскету, он много раз представлял себя уже умершим – то умирающим, то лежащим в гробу в ожидании погребения, то уже прошедшего загробные муки, очищенного и освобжденного:

Я отпетый, я отчитанный,

Молча вслед тебе смотрю,

И в трудах, в скорбях воспитанный,

Смерть пройдя, – благодарю...

«Загробные песни» восхитили символистов; он в самом деле попал в нерв. Dance Macabre (Пляска смерти. – **Прим. ред.**) стал своего рода символом времени (и здесь Случевский – тоже мостик между Западом и Россией, классикой и модерном – от Гете к Блоку, через целый ряд имен). Особенно жутка его «Камаринская», где из больниц выходят в пляске души усопших сумасшедших и убогих.

В «Загробных песнях» уже почти нет кладбищенского умиротворения – в них страх, ужас, хождение души по миру мертвых. Смерть, о которой он думал всю жизнь, становилась пугающе реальна и оказалась куда безобразнее, чем представлялось умозрительно. Он терял зрение и мучительно умирал от рака желудка. Эти поздние его стихи – то смиренное принятие, то ожесточенный вызов Творцу, то торжественное прорицание о будущем.

В последние годы он жил со второй женой, Аглаей Рерих, и дочкой Шурочкой в усадьбе, которую назвал «Уголком» и где написал целый поэтический цикл, по настроению своему, пожалуй, родственной древней философии – не то киников, не то стоиков:

Я никого не ненавидел,

Но презирал – почти всегда,

И вот теперь, на склоне жизни,

Могу порой совет подать:

Как меньше пользоваться счастьем,

Чтоб легче и быстрее страдать.

Здесь из бревенчатого сруба,

В песках и соснах «Уголка»,

Где мирно так шумит Нарова,

Задача честным быть легка.

Ничто, ничто мне не указка, –

Я не ношу вериг земли...

С моих высоких кругозоров

Все принижается вдали.

После смерти поэта Полонского, у которого по пятницам собиралась литературная компания, Случевский стал принимать ее у себя; к нему ходила чета Мережковских, Бальмонт, Сологуб, Фофанов, иногда Владимир Соловьев. Он, как и мечтал некогда в стихотворении, высмеянном Добролюбовым, в самом деле передавал дальше то, что накопил сам, – глубину философского поиска, ощущение натянутой струны, мучительную тоску – ту, что так страшно звенит в его знаменитом «После казни в Женеве» и отзывается струнной мукой у Иннокентия Анненского. Он и сам понимал свое место – моста, перехода. Об этом его стихи «Быть ли песне?»: о неповторимости «пушкинской весны», о горечи прозаического времени, в котором ему довелось быть поэтом, о том, что стих переломается в мученьях и обретет новую гармонию:

То будет время наших внуков,

Иной властитель дум придет...

Отселе слышу новых звуков

Еще не явленный полет.

И поколение внуков действительно принесло в русскую поэзию «новых звуков полет». О победе поэзии над временем – единственное, пожалуй, стихотворение Случевского, из которого выпали и зажили самостоятельной жизнью крылатые слова:

Смерть песне, смерти!

Пусть не существует!..

Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..

А Ярославна все-таки тоскует

В урочный час на каменной стене... ❀

БРАТЦЫ

МИХАИЛ БЫКОВ

Сейчас бы это назвали инструкцией. Или – справкой. А в 1908 году специального слова еще не придумали. На титульном листе написали просто – «Памятка Лейб-Гренадера». Тонкая книжечка выдавалась каждому новобранцу знаменитого полка Русской императорской гвардии, получившего гвардейство после Отечественной войны 1812 года. По разумению начальства, солдат обязан был знать историю части, фамилии успешных офицеров, даты суровых боев. Дабы – преисполнялся и соответствовал.

Однако в «Памятке» не найти фамилий отличившихся нижних чинов. Такова была кажущаяся сегодня несправедливой, но вполне объяснимая логика военной историографии в Российской империи. Офицер был учителем и примером, он вел в бой и брал на себя ответственность. Он олицетворял власть и распоряжался ею. А солдат... Солдат выполнял приказ. В сражении под Островно в конце июля 1812 года французская артиллерия была прямой наводкой по русской пехоте. В ответ на вопросы полковых командиров «Что делать?» генерал Остерман-Толстой приказал своему корпусу «Стоять и умирать!» И что корпус? Стоял и умирал... Как стояли и как умирали нижние чины и унтер-офицеры – это не являлось предметом памяти. Это было нормой поведения в бою. Что интересно, и в самой солдатской массе боевые подвиги не воспринимались как нечто выходящее из ряда вон. Первым врубиться в ряды вражеской кавалерии, вытащить из боя раненого командира, терпеливо стоять в резерве под артиллерийским огнем – разве это подвиги? Разве можно русскому солдату вести себя иначе? Так воспитывали самих солдат, так формировали восприятие воинской отваги в остальном обществе. И потому свидетельства героических поступков, совершенных солдатами во время войны 1812 года, немногочисленны и скупы на подробности. Но тем ценнее сведения, дошедшие до нас спустя двести лет.

ЛЕОНТИЙ КОРЕННОЙ

Пожалуй, это единственный солдат – герой Бородинского сражения, чья фамилия присутствует в некоторых школьных учебниках и, соответственно, в общественном сознании. Ефрейтора Коренного даже в «Википедии» не забыли. Что ж, с него и начнем.

На Бородине лейб-гвардии Финляндский полк попал под атаки французской тяжелой кавалерии за Багратионовыми флешами. Тот самый случай, когда пехотному каре дрогнуть нельзя. Иначе растопчут и изрубят. Дядька Коренной, заслуживший этот статус в силу 5-летнего опыта службы и феноменальных физических данных, был правофланговым 3-й гренадерской роты, куда по полковой традиции зачисляли самых видных и толковых солдат.

Во время очередной атаки французских кирасир надо было во что бы то ни стало удержать опушку леса. Батальонные каре кое-где уже рассыпались на мелкие группы солдат, ошметинившихся штыками. Коренной собрал вокруг себя пять нижних чинов и занял опушку. Великолепная шестерка метким огнем в упор отогнала кавалеристов и еще умудрилась пойти в штыковую контратаку. Все до одного получили солдатских «Георгиев».

Весьма сумбурно изложил это событие полковой писарь: «Во все время сражения находились в стрелках и неоднократно опровергали усиливающиеся его цепи, поражая сильно, и каждый шаг ознаменовали мужеством и храбростью, чем, опрокинув неприятеля, предали его бегству и, выгнав его на штыках из лесу, заняли то место, которое ими несколько часов упорно было защищено».

В похожей ситуации Коренной отличился спустя год с лишним – в Битве народов под Лейпцигом, когда русская армия вместе с союзниками гнала Наполеона во Францию. Разница в том, что в ходе боя лейб-финляндец остался один в окружении вражеских солдат и бился до тех пор, пока не рухнул израненный штыками. Потерявшего сознание Коренного взяли в плен и предъявили само-

му Бонапарту. Тот, увидев на груди русского солдата Георгиевский крест, спросил:

— За что?

Услышав в ответ страшное слово «Бородино», распорядился отпустить Коренного, а кроме того — издать приказ по армии, в котором подвиг нашего гвардейца приводился в пример французским пехотинцам.

ГРЕНАДЕРЫ-РЯЗАНЦЫ

Мы знаем замечательного русского генерала Михаила Скобелева. Генерал Иван Скобелев известен куда меньше. Но дед героя последней русско-турецкой войны тоже славно воевал. В Наполеоновских войнах получил орден Святого Георгия 4-го класса. И был популярен в середине XIX века как военный беллетрист. Его маленькими рассказами о солдатской жизни в «Северной пчеле» зачитывались многие. Были среди героев Скобелева и те солдаты, что служили в Рязанском пехотном полку, которым он командовал в 1813 году, и отличились в Бородинском сражении.

Полк стоял на стыке батареи Раевского и левого фланга русской обороны в отряде генерала Сиверса. Сражался целый день и с позиций не сдвинулся.

Первая же атака французов — и завязалась рукопашная. На командира полка набросились два француза. Солдат Ручкин бросился на помощь, заколол штыком одного, но и сам напоролся на французский штык, закрыв собой полковника от удара. Повезло: сталь ударила в ребро со спины и дальше не пошла. Повторить удар француз уже не успел. А Ручкин, едва вырвали из него чужой штык, рванул вперёд и уже своим штыком успокоил еще трех французов. Видевший это Барклай-де-Толли поздравил Ручкина унтер-офицером и георгиевским кавалером и строго-настрого приказал отправляться в тыл на перевязку. Через пять дней свежеспеченный унтер снова был в строю полка. Другой пехотинец-рязанец своего «Георгия» не дождался. Скончался прямо на поле боя. Но прежде... Солдату Сучкову ядром оторвало обе ноги. Потащили было с передовой линии, а он — ни в какую. Спасти все равно не спасти, а в сумке еще патроны остались. Упросил товарищей посадить его на холмике у леса — так, чтоб спиной к дереву. И — открыл огонь. 18 точных выстрелов успел сделать, пока душа не отлетела.

Капралу 1-й гренадерской роты Свистунову ядром оторвало кисть руки. Не побежал, не рухнул, не заснул Свистунов. Подобрал

амуницию, взял оторванную кисть и отправился в тыл. Кто-то спросил, мол, зачем тебе оторванная рука, о душе пора подумать. Свистунов, будто и не под огнем вовсе, спокойно ответил: «Ведь не басурманам же ее оставить. Покажу лекару. Коли не годится, окурю ладаном, зарю с молитвою...»

СОН АРТИЛЛЕРИСТА ВОЛКОВА

Гвардейская пешая артиллерия на Бородине выглядела более чем достойно. Роту Его Высочества двинули в первую линию к Семеновским флешам в тот момент, когда смертельную рану получил князь Багратион. Огонь противника был так силен, что еще в движении к позиции рота потеряла свыше 30 человек и несколько зарядных ящиков. К счастью, все орудия оказались целы и немедленно приступили к делу. За исключением одного «единорога».

Еще до первого выстрела вражеское ядро ранило первого номера расчета Осипа Поздеева и, разнеся в щепы банник, влетело прямо в ствол «единорога». Того хуже — вместе со щеткой банника, которую там, в жерле, и заклинило. Как ни пытались вытащить ядро — ни в какую! Пушку потащили в резерв, а расчет перераспределили меж других орудий. С «единорогом» с позиции откомандировали только фейерверкера Ивана Волкова. Вот, казалось бы, счастье привалило! Сиди себе в тылу при пушке, охраняй и радуйся...

Еще под Смоленском Волкову приснился сон, как чужое ядро залетает в его «единорог». Во сне фейерверкер так и не смог узнать, что делать в таких случаях. Зато наяву замучил всех ротных офицеров вопросом: как поступать? Видать, кто-то из них и дал толковый совет. Иван все сделал так, как присоветовал офицер: разжег огонь, накалил снятую с колеса шину, выжег банниковую щетку в стволе. Французское ядро само и выкатилось. Часа не прошло, как Волков приволок «единорог» назад на позицию. С банником — щеткой на длинной ручке, которой чистят стволы, — в русской артиллерии много баек связано. Самая известная — про генерал-майора Костенецкого, отличавшегося невиданной физической силой. Он на Бородине хоть и был в солидной должности — начальником артиллерии 6-го пехотного корпуса, — но в драке лично поучаствовал. Когда на одну из батарей ворвались французские уланы, схватил банник и ну выбивать им уланы из седел. После Костенецкий испрашивал у Александра I разрешения на замену деревянных банников металлическими. Мол, так ими врукопашную работать сподручнее. А государь отвечал, что ввести банники из металла — дело не хитрое. Но где столько Костенецких взять? Оказывается, некоторое количество нашлось бы прямо на Бородинском поле. В той же роте Его Высочества Пешей гвар-

дейской артиллерии. Когда кирасиры Нансути наскочили на каре лейб-гвардии Измайловского полка, досталось и артиллеристам. Всадников, прорвавшихся на батарею, бомбардир Афанасьев обрабатывал то ли банником, то ли прибойником. Это тоже такая специальная штука на длинной ручке. Примерялся – и точным ударом в висок выбивал из седла одного кирасира за другим.

БЕЗЫМЯННЫЙ ЕГЕРЬ

Бородинское сражение началось ранним утром атакой пехотной дивизии Дельзона на село Бородино и мост через реку Колоочь на крайнем правом фланге русской армии. Так вышло, что занимавший село лейб-гвардии Егерский полк в ночь с 6 на 7 сентября отправился в баню. Понятно, что деревенские бани невелики, а егерей – не менее 2 тысяч. Вот и затянулась процедура до рассвета. Француз ударил в тумане.

Само село вскоре пришлось оставить. Лейб-егеря зацепились за мост. Там-то и совершил свой подвиг недавний новобранец полка. Почему он не стал стрелять или брать вражеского офицера на штык, мы уже никогда не узнаем. То ли ружье оказалось незаряженным, то ли штык в суматохе затерялся или застрял в теле неприятеля... Короче говоря, егерь схватил набегавшего на него французского лейтенанта за шиворот, вырвал шпагу из руки и потащил через мост на русскую сторону. Тащил не останавливаясь, прямо в ставку Кутузова. И сдал пленного, что называется, с рук на руки светлейшему князю. Главнокомандующий всяко видел, но тут полюбостовал на французском, как было дело. Лейтенант все и рассказал, добавив с искренним удивлением, что егерь его не обижал по дороге и даже кошелек не отнял. Наградить-то героя Кутузов наградил. Но спросить фамилию в свите не догадались. Так и помчался новопеченный георгиевский кавалер на позиции полка.

КОННОГВАРДЕЙЦЫ

Гвардейские полки русской тяжелой кавалерии вступили в дело во второй половине дня. Наполеон, озадаченный рейдом конного корпуса графа Уварова и казаков Платова к себе в тыл, решил сосредоточить все усилия на центральном направлении и взять-таки Курганную высоту, получившую впоследствии название батареи Раевского. К этому времени генерала Раевского на высоте уже не было. Его измотанные части сменил корпус Остермана-Толстого. В помощь пехоте и отрядили кавалергардов и Конную гвардию.

Рубка была изрядная. И в истории лейб-гвардии Конного полка остались фамилии отличившихся нижних чинов с короткими формулировками, объясняющими причину представления к наградам. Вахмистр Ярославцев спас эскадронного командира полковника Андреевского из толпы неприятелей. Унтер-офицеры

Тищенко, Перцовой, рядовые Андреев, Тарасенко, Михайлов и Добропасенко, видя поручика Шарлемонта в толпе неприятелей, наскочили на них и вывели его оттуда. Рядовой Бабенко спас ротмистра Орлова. Рядовые Лагутин и Хохлов спасли поручика князя Голицына. Вахмистр Дакунин врубил в неприятельскую колонну. Трубач Емельянов взял в плен французского рядового. Рядовые Величко, Котиль, Пашенко, Олеников спасли штабс-ротмистра графа Тишкевича, поручиков Тимирязева и Шарлемонта. Вахмистр Иванов напал на неприятеля, устремившегося на командира полка генерал-майора Шевича. Рядовой Музыка взял в плен штаб-офицера и рядового. Скоробогатов, Ляпин, Мамакин и Гринюк спасли от плена двух офицеров Лейб-кирасирского Ее Величества полка.

Слишком буднично выглядит этот перечень. Слишком пресно. Но немного фантазии – и можно представить себе стройные шеренги эскадронов лейб-гвардии Конного полка в ожидании команды «Марш-марш!»...

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ЛЕХНОВ

Батальонные каре лейб-гвардии Измайловского полка ждали кавалерию Нансути и Латур-Мабура за Семеновскими флешами. Рядом стояли живые стены лейб-гвардии Литовского полка. В первую атаку бросились саксонские кирасиры. Их подпустили на 50 шагов и дали залп. Этого оказалось достаточно, чтобы тяжелые кони с одетыми в железные кирасы всадниками развернулись и ускакали. Те, кто не остался лежать перед шестью каре измайловцев и литовцев.

В следующую атаку двинулись французские конные гренадеры. Всем видом они давали понять, что время шуток прошло. Что там саксонцы? Вот перед вами цвет европейской кавалерии! Но «цвет», преодолев залповый огонь, оказался на флангах каре, где напоролся на измайловские штыки. Лавина всадников откатилась на исходную. Какой-то храбрый французский полковник выскакал перед расстроенными эскадронами и личным примером попытался поднять их боевой дух. Далековато для прицельной

стрельбы. Но фельдфебель-измайловец Георгий Лехнов степенно обратился к офицеру, испросил разрешения на выстрел, приладился и нажал на курок. Видно было, как полковник привстал в стременах, замер на мгновение, схватился за грудь и рухнул оземь. Напавал!

Лехнов так же степенно вернулся в строй.

Прошло некоторое время под картечным огнем. Каре стояли там же. Кавалерия Мюрата приготовилась к третьей атаке. Двинулись кони, перешли на рысь, потом – в карьер... И снова залпы останавливают эту массу всадников. И снова те немногие, что прорываются к каре, гибнут, накаляясь на штыки измайловцев и литовцев.

Подпрапорщик Безобразов, стоявший в углу каре, выскочил из ряда и успел штыком свалить с лошади скакавшего мимо кирасира. Рядовой Головкин закалывать никого не стал. Вышел из строя, выловил четырех кирасир, под которыми рухнули раненые кони, и привел их в плен. Комбинированный план предпочли рядовые Щедров, Лытаин, Романов, Руслов, Василев и Павлов. Поработав штыками над оставшими всадниками, шестерых привели с собой.

Умирали измайловцы так же достойно, как сражались. Рядовой Черкасов получил смертельную рану, но прежде, чем отдать Богу душу, сорвал с мундира Георгиевский крест и крикнул: «Отдайте ротному командиру, а то попадет в руки басурманам».

УФИМСКИЙ СПИСОК

Среди прочих полков русской армии, покрывших себя славой на Бородине, числится и Уфимский пехотный. Полк как полк, не лучше и не хуже остальных. К началу Отечественной войны 1812 года его история насчитывала всего полтора десятка лет. И это как нельзя лучше подчеркивает, что и русская армия в тот период была в отличном состоянии, и солдаты простых армейских полков из отдаленных окраин империи готовы были воевать достойно.

В полковой истории не осталось описаний конкретных подвигов на Бородинском поле. Но в фондах Бородинского военно-исторического музея хранится наградной список нижних чинов Уфимского полка, представленных к награждению Знаком отличия ордена Святого Георгия. Есть и формулировка: «Сии воины были отменной храбрости преисполнены. Во все время сражения находились впереди, ободряли своих товарищей, когда же неприятель пошел на редут, то, несмотря на сильный картечный огонь, оные воины первыми в штыки устремились, многие из них ранены были, но побоище до самой ночи не оставили». Вот их фамилии: Арслан Ахметов, Ислам Бакиров, Павел Жуков, Яков Иванов, Салават Нуриев, Тимирзан Султанов, Данила Хавтурин, Корней Шкурлатен.

Есть еще один удивительный список. В Уфимском пехотном полку в нижних чинах, а также подпрапорщиками и портупей-прапорщиками служили и представители дворянского сословия. Всего таковых, участвовавших в Бородинском бою, – 8 человек. Среди них два брата: Шамшев А.П. и Шамшев Д.П. Оба – рядовые. От роду – четырнадцать лет...

ПРЕОБРАЖЕНОЦ-ВЕТЕРАН

Случалось и обратное. Среди прочих награжденных за Бородино оказался и унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка Федор Черняев. Он успел повоевать с турками. Брал Очаков в 1788 году и Измаил в 1790-м. Сражался с французами в 1805-м под Аустерлицем. К тому моменту, когда началась Отечественная война, прослужил в армии... 35 лет!

После Бородинского сражения ветеран, кстати говоря, тоже не успокоился. Дрался с Наполеоном под Кульмом в 1813 году, брал Париж в 1814-м.

Год спустя его произвели в офицеры, наградили орденом Святого Георгия. Редкий случай по тем временам, когда на мундире одного человека можно было увидеть и солдатского, и офицерского «Георгия». В отставку Черняев вышел в чине штабс-капитана только тогда, когда наступили в России мирные времена, – в 1816-м.

Солдат и унтер-офицеров за подвиги в Отечественной войне 1812 года награждали только одной наградой – Знаком отличия ордена Святого Георгия. Тогда не было степеней, и в случаях, когда кто-то отличался повторно, жаловали деньгами – прибавкой в треть жалованья. На третий раз денежное довольствие увеличивали вдвое. Повторные награждения не практиковались. Но один и тот же крест могли получить несколько человек. Дело в том, что солдатский «Егорий» после смерти владельца сдавался в орденский Капитул и дальше им могли наградить следующего героя.

Тем не менее имеется довольно точная статистика по награждениям. А следовательно – и по числу официально признанных солдатских подвигов в 1812 году. Всего в Отечественную войну было произведено 6783 награждения.

Сохранились послужные формуляры, наградные списки, рапорты с представлениями. Но сухими документами не заменить живое описание подвига. И утерянное единожды нам не вернуть.

Но такова уж была традиция в русской армии. Подвиг – это и есть солдатская работа. Хотя всем и всегда было очевидно: солдатская работа – это и есть подвиг. 🍷

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Хронологически старшим из трех великих Толстых в русской литературе был Алексей Константинович. Рожденный в 1817 году, он вошел в поэтическую силу со смертью Пушкина и унаследовал от него не лиру, нет – но ясность духа, гармонию и меру.

Алексей Толстой – поэт редкого душевного здоровья, которое отчасти стало причиной того, что его произведения охотно рекомендовали «для детского и народного чтения», по выражению Семена Венгеров. И не только здоровья, но еще и огромной силы, не всегда очевидной в его лирике. Однако она понятна всякому, кто не прошел мимо его «Иоанна Дамаскина»: чтобы писать о гениальном поэте и не опозориться, надо самому быть если не равно-великим, то, во всяком случае, настоящим. Толстой нигде не проседает, не сбивается на скороговорку – он держит поэтическое дыхание под стать своему герою.

Поэтическая сила Толстого не уступала его физической силе. Он пальцами сворачивал зубья вилки винтом, разгибал подковы, гнул кочерги и вдавливал пальцами гвозди в стены. Немудрено, что его так тянуло к богатырским, былинным временам. Он вообще был удивительно щедро одарен: не только силен, умен, образован, хорош собою, наделен исключительной памятью (мог воспроизвести только что прочитанную страницу текста наизусть), но и богат, и счастлив в любви, и привечаем при дворе. При этом – никаких сделок с совестью и безупречная репутация.

Удивительная биография для русского писателя: в нашей литературе мало счастливых и много мучеников. А чтобы счастье сочеталось со здравым умом, крепкой психикой, челове-

ской порядочностью и недюжинным талантом – второго такого еще поди найди (может, Короленко?).

И распорядился он всем этим богатством как положено: не растратил, не закопал, а приумножил, как в притче про таланты. Но при этом – несколько раз в его стихах встречается образ богатыря, который несет на себе горе. Но это, наверное, и нормально. Ненормально было бы, наверное, наоборот: жить в этом месте и времени и не испытывать никакого горя.

АЛЕША И ВЕЛИКИЕ

По рождению Алексей Толстой принадлежал к двум аристократическим фамилиям. Отец его, Константин Толстой, был потомком петровского вельможи Петра Толстого, братом известного живописца Федора Толстого – того самого, с «кистью чудотворной». Сам Константин Толстой, отставной полковник, был человеком ничем не примечательным. Мать, Анна Алексеевна Перовская, была внебрачной дочерью князя Алексея Кирилловича Разумовского и мещанки Марии Соболевской. Отец выхлопотал всем детям от этого союза дворянство, дал образование и богатство; семейный клан Перовских подарил России ученых, писателей, государственных деятелей.

Семейная жизнь родителей не заладилась, мать ушла от отца очень скоро и шестинедельного сына забрала с собой. Родные сочли, что семейный союз был изначально обречен: муж пил, жена была слишком умна, независима и с «причудами», о чем вспоминала ее младшая сестра. Вместо отца растить и воспитывать крошку-графа стал брат его матери Алексей Алексеевич Перовский – писатель Антоний Погорельский. Мать с

славился), нанимал лучших учителей. В 6 лет Алеша говорил и писал по-немецки, по-английски и по-французски, а по-русски сочинял стихи. Они, увы, не сохранились. В 1826 году Анна

ребенком подолгу жили у него в Погорельцах. Когда Разумовский умер, Перовский унаследовал его имение Красный Рог (в нынешней Брянской области), и Анна Алексеевна с малолетним сыном поселилась там.

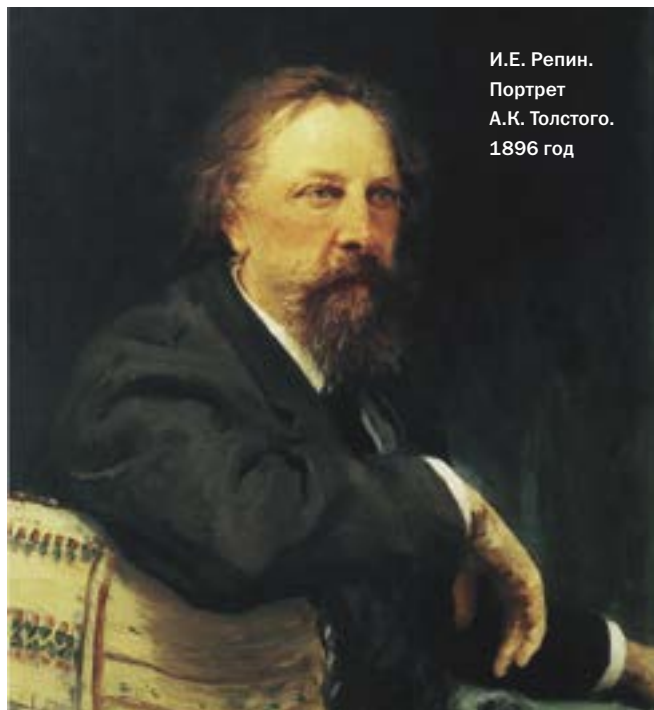
«Мое детство было очень счастливо и оставило во мне одни только светлые воспоминания, – писал Алексей Толстой. – Единственный сын, не имевший никаких товарищей для игр и наделенный весьма живым воображением, я очень рано привык к мечтательности, вскоре превратившейся в ярко выраженную склонность к поэзии. Много содействовала этому природа, среди которой я жил; воздух и вид наших больших лесов страстно любимых мною, произвели на меня глубокое впечатление, наложившее отпечаток на мой характер и на всю мою жизнь и оставшееся во мне и поныне». Мать его любила и баловала. Дядя внимательно и чутко относился к его воспитанию, писал ему, совсем маленькому, серьезные письма, сочинял для него сказки (одной из них, «Черной курицей», и про-

Алексеевна переехала в Москву, ее произвели в статс-дамы, а Алеша Толстой попал в число товарищей наследника престола, будущего царя Александра II. В Москве к Алексею Перовскому приходил в гости Пушкин; Алеша Толстой был уже вполне подростком и начитанным ребенком, чтобы осознать значение гостя.

На следующий год Перовский повез сестру с племянником в Германию – и самому лечиться, и часто болевшего Алешу подлечить. В Германии они навестили Гёте. Известно, что великий поэт посадил русского мальчика на колени, а потом подарил ему кусок мамонтового бивня, на котором сам изобразил фрегат. Толстой вспоминал: «От этого посещения в памяти моей остались величественные черты лица Гёте... к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением, ибо слышал, как о нем говорили все окружающие».

С 12 лет Толстой с матерью и дядей жил в Петербурге. По выходным его возили играть с наследником. Фрейлина Александра Россет (в замужестве), увидев однажды возню наследника с друзьями, записала, что маленький Толстой отличается «баснословной силой» – он даже предложил помериться силами Николаю I и всерьез пытался побороть его.

Тринадцати лет Алешу возили в Италию; к этому времени он уже говорил и по-итальянски. Италия его совершенно очаровала – своей историей, ветшающей роскошью, романтическими разбойниками. Эта Италия появится, пленительная и страшная, в его «Упыре» – и всю жизнь будет манить к себе. В Италии он познакомился с Брюлловым; спустя несколько лет Брюллов гостил в семье Перовского и Толстых и написал портрет Алеши Толстого – белолицего и румяного блондина с фигурой борца... Алексей продолжал писать стихи, дядя даже устроил ему первую публикацию, но – чтобы племянник не возгордился

И.Е. Репин.
Портрет
А.К. Толстого.
1896 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся – рядом со стихами был напечатан и критический разнос. Некоторые стихи дошли до наших дней, но, как и всякая юная лирика, – за редким исключением – особыми достоинствами они не блещут. Впрочем, сохранились устные свидетельства, что первые стихотворные опыты молодого поэта хвалили Пушкин и Жуковский.

СЛУЖБА, ЧИН, ВИЦМУНДИР

Надо было определяться с карьерой. Он поступил на службу в Московский архив Министерства иностранных дел – разбирать старинные документы и стал готовиться к университетским экзаменам на факультете словесности «на право чиновников первого разряда». Экзамены сдал успешно. Однако вместо того, чтобы делать карьеру, повез заболевшего дядю на лечение в Европу. Алексей Перовский чувствовал себя все хуже и вскоре умер, оставив племяннику все, что имел. Алексей, придя в себя после похорон, явился на службу, где давно не бывал. Из департамента хозяйственных и счетных дел он перевелся в департамент иностранных дел, а оттуда был направлен в миссию во Франкфурте-на-Майне. Толкового чиновника из него не вышло, как ни пытались наставить его на путь государственной службы дяди Перовские: литература и путешествия его интересовали куда больше.

Вскоре после смерти дяди Алексей в первый раз влюбился – в княжну Елену Мещерскую. Мать воспротивилась этой любви, и послушный сын от нее отказался. Еще одна его любовь – девушка Пеппина, встреченная им на озере Комо во время второй итальянской поездки; эту Пеппину мы встречаем в его первой крупной публикации – повести «Упырь». «Упырь» вышел в свет в 1841 году, подписанный псевдонимом «Красногорский», и сразу обратил на себя внимание Белинского, заметившего в нем «все признаки еще молодого, но тем не менее замечательного дарования».

«Упырь» и другие страшные рассказы Толстого – «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет» (эти два были изначально написаны

по-французски) – и сегодня читаются с упоением. Это классика русского «хоррора», замечательная по изобретательности сюжета и мрачной атмосфере; чего стоит одна только жуткая, до мурашек по коже, рыцарская баллада из «Упыря» – «пусть бабушка внучкину высосет кровь»...

Знакомство с Гоголем, благословение великих современников, многообещающий литературный дебют в духе гоголевско-гофмановской романтики – казалось, все это открывало перед молодым графом прекрасные перспективы. Но вместо литературы он занимался службой под присмотром дядей, Василия и Льва Перовских, и восходил их усилиями по карьерной лестнице, что его нимало не интересовало. Он подолгу жил в усадьбе, охотился, учился рисовать, читал, мало занимался хозяйством: управление имением целиком взяла на себя мать. Мать – его деспот, хотя и горячо любимый; она бдительно следила за его карьерой и расстраивала любой его роман. Он не показывал любящим родственникам, насколько эта благополучная жизнь, ими созданная, ему не по мерке. Он был человек хороший, деликатный, воспитанный – вообще джентльмен, как называл его историк литературы Святополк-Мирский. Он не любил, не мог и не хотел служить, служба не давала ему заниматься литературой. В одном из писем он делился заветным: «Но как работать для искусства, когда слышишь со всех сторон слова: *служба, чин, вицмундир, начальство* и тому подобное? <...> Я не могу восторгаться вицмундиром, и мне запрещают быть художником; что мне остается делать, если не заснуть? Правда, что *не следует* засыпать и что нужно искать себе другой круг деятельности, более полезный, более очевидно полезный, чем искусство; но это перемещение деятельности труднее для человека, родившегося художником, чем для другого...»

Он убежден, что он художник, но семья требует от него службы. Он работает в стол, пишет по ночам. Днем – служба, придворные обязанности. Читатели никогда не увидели того, что он написал этими ночами – позднее он сам уничтожил множество стихов этого времени, сомневаясь в своей поэтической силе. Хотя в это десятилетие, в 40-х годах, написано несколько замечательных баллад, в том числе хрестоматийный «Василий Шибанов». И безукоризненное по форме, ослепительно-счастливое стихотворение «Где гнутся над омутом лозы»: кожей чувствуешь тепло, видишь «бирюзовые спинки, а крылышки точно

стекло». И «Колокольчики мои, цветики степные». И стихи «Ты знаешь край, где все обильем дышит», полные самых живых красок и острой тоски по любимой с детства Украине. Его тянет к простору, к природе, наедине с которой он сам себе равен, к свободе. Но жизнь течет в другую сторону – настолько против его воли, что иногда он готов биться головой об стену от отчаяния.

...Грянула Французская революция 1848 года, а за ней началось стремительное закручивание гаек в России – известное «мрачное семилетие», время цензуры, ссылок и мертвящей бюрократии. Толстой все-таки нашел для себя отдушину в этом царстве стоячего воздуха. Вместе с братьями Жемчужниковыми – большой, шумной семьей кузенов, детей его тетки по матери, – он придумал Козьму Пруткува, персонаж в российской словесности непревзойденный. Впервые Прутков появился примерно в первой половине 1850-х годов – и вскоре зажил своей жизнью, обзавелся биографией и родственниками. Алексей Толстой с кузенами стали, пожалуй, первыми абсурдистами в русской литературе (ну, если не считать некоторых пассажей у Гоголя). С Гоголем, кстати, именно в это время Толстой сильно сдружился; Гоголь приехал из-за границы работать над вторым томом «Мертвых душ», Толстой много проводил с ним времени и, по некоторым свидетельствам, читал ему одну из первых редакций своего «Князя Серебряного». Может быть, под влиянием гоголевской религиозности, находясь по службе в Калуге, Толстой несколько раз ходил пешком в Оптину пустынь.

История тоже была своего рода отдушиной для Толстого: куда и уходить в трудные времена, как не в историю еще более трудных времен. При всей симпатии к баснословной древности, к богатырским временам Киевской Руси больше всего интересовали Толстого времена мучительные, трудные, поворотные: царство Ивана Грозного, царство Годунова, Смута... – времена сильных характеров и острых сюжетов, позволяющие говорить самое важное о стране, ее истории, ее народе и власти.

КОЛЬ ЛЮБИТЬ, ТАК БЕЗ РАССУДКУ

В 1851 году на бале-маскараде Толстой встретил незнакомую даму. Разговорился с ней и был совершенно очарован: дама оказалась умным и внимательным собеседником. Но маску не сняла – только взяла его карточку. «Средь шумного бала, случайно» – это о ней, о смутной влюбленности, которая едва за-

родилась и обещает и счастье, и боль. Таинственная незнакомка через несколько дней пригласила его в гости – и с этого началась история любви на всю жизнь. Софья Андреевна Миллер, урожденная Бахметьева, была женой конно-гвардейского ротмистра, жила отдельно от мужа, хотя и не в разводе. Она знала 14 языков, прекрасно пела, отлично разбиралась в музыке и литературе и была хотя и нехороша собой – небольшие глаза, нос уточкой, жесткий подбородок, – но необыкновенно обаятельна. В первых письмах влюбленный Толстой рассказывал ей всего себя. Делился сомнениями о своей службе и своей бесталанности, посвящал в планы заняться литературой. Она поддерживала и одобряла. Мать, услышав, что сын влюбился в чужую жену, поспешила принять меры: отговаривала, щедро делилась сплетнями, которые заставили его очертя голову мчаться к Софье Андреевне в имение ее братьев и объясняться. Теперь уже возлюбленная рассказывала ему свою не очень счастливую жизнь: ошибки молодости, неудачный брак... Он жалел ее и от жалости, кажется, любил еще больше.

Любовь как будто заставила его, застывшего в отчаянной нерешительности, двигаться и бороться. Несколько последующих лет он уговаривал мать принять его выбор. А Софья Андреевна пыталась добиться от мужа развода.

Именно сейчас, когда он, как Илья Муромец, много лет просидевший на печи, встал и двинулся, когда он начал писать, когда, собственно говоря, начал жить в полную силу и дышать полной грудью, – он написал свое знаменитое стихотворение:

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой.
Коли пир, так пир горой!*

Все от души, все по большому счету, честно, открыто и в полную силу. И в литературе, и в жизни Толстой таким и был. Заступался перед царем Николаем I за Тараса Шевченко, выпрашивал арестованному Тургеневу право жить в Петербурге; позднее пытался заступиться перед Александром II за сосланного Чернышевского, но добился только ссоры; а вот за Шевченко хлопотал безуспешно. Это – пушкинская традиция «милость к падшим призывать», одинаковые для всех времен добрые нравы русской литературы, в которой, как и в жизни вообще, Толстой вел себя безукоризненно.

Князь Мещерский, брат его первой возлюбленной, писал о нем: «Подобной ясной и светлой души, такого отзывчивого и нежного сердца, такого вечноприсущего в человеке нравственного идеала я в жизни ни у кого не видел». Современники в один голос рассказывают о Толстом одно и то же: скромный, спокойный, удивительно милый человек, рядом с которым хорошо и радостно.

ДВУХ СТАНОВ НЕ БОЕЦ

В 1855 году началась война с англичанами. Толстой, возмущенный точечными высадками противника на Балтике, сначала пытался купить и оснастить свой корабль и нанять команду матросов, чтобы противостоять им. Затем, с началом Крымской войны, стал собирать стрелковый полк. Он был хорошо организован и хорошо вооружен, Толстой получил чин майора. Полк прибыл в Одессу, но не успел вступить в военные действия: началась эпидемия тифа. Заразился и сам Толстой, который долго болтался между жизнью и смертью. Новому императору, Александру II, телеграфными депешами докладывали о состоянии друга детства. Софья Андреевна поехала в Одессу ухаживать за любимым. Потом он долго выздоравливал. Жили в Одессе, путешествовали по Крыму, ссорились, мирились и тосковали о невозможности по-настоящему быть вместе. Стихи, которые написаны тогда на юге, полны любви, тоски и ощущения чужда:

*...Скажи, о чем твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам,
Но в жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?
Из синих волн не для тебя ли
Восходят солнечные дни?..*

Это недолгое краденое счастье закончилось, когда мать вызвала Толстого к себе. Наговорила очередных сплетен о Софье Андреевне. Новый царь требовал Толстого ко двору, его ждала должность флигель-адъютанта. Толстой в ужасе пытался отбиться от нее – рассказывал о своей непрактичности, неспособности к службе, просил отпустить. «Послужи, Толстой, послужи», – ответил император...

Козьму Прутков охотно печатал некрасовский «Современник». Но теперь он изменился, и тон в нем стали задавать не писатели, а критики – в первую очередь Чернышевский и Добролюбов. Толстому, влюбленному в красоту, их утилитаризм был отвратителен.

Воздух раскалялся, в нем носилось ожидание реформ. Литература раскололась на прагматиков и приверженцев чистого искусства; западники боролись со славянофилами, демократы – с консерваторами-монархистами. Толстой лавировал между лагерями, не вливаясь ни в один: собственная независимость была ему дороже всякой идеологии.

*Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!*

Со временем он станет жестче и язвительней, и достанется от него всем.

«Идут славянофилы и нигилисты, у тех и других ногти нечисты». «Ибо нет ничего слюнявее и плюгавее русского безбожия и

православия». Он всегда в стороне, всегда над схваткой, потому что чувство меры и справедливости всегда тянет его возмражать и тем, и другим. Может, потому одним из лучших его героев стал Поток-богатырь, проспавший несколько столетий и крайне изумленный увиденным в XIX веке:

*И подумал Поток: «Уж, господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?»*

Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они

Обожали московского хана,

А сегодня велят мужика обожать!

Мне сдается, такая потребность лежать

То пред тем, то пред этим на брюхе

На вчерашнем основана духе!»

Демократы не простили ему «Потока» – записали в ретрограды и долго еще поминали ему авторство возмутительного стихотворения. Хотя и в другой огород он камней накидал предостаточно: чего стоят только «Сон Попова» и прутковский «Проект: о введении единомыслия в России». Каменьев Толстой не жалел для обоих лагерей – куда только девалась в таких случаях его кротость.

О, ОТПУСТИ МЕНЯ, КАЛИФ!

1858 год многое изменил в его жизни. Умер один дядя, Лев Перовский. Затем умерла мать. Ее смерть примирила Толстого с отцом, к этому времени тихим и богобоязненным стариком: раньше он с ним не знался, чтобы не огорчать матушку. Следом за матерью умер второй дядя, Василий Перовский. Толстой унаследовал имения и состояния всех троих. Но ни воссоединиться с любимой, чье дело о разводе с мужем, уже полковником Миллером, так и не было закончено, ни отказаться от обязанностей при дворе он не мог.

Именно это бремя придворной службы пытается сбросить с себя его Иоанн Дамаскин, страстно и убедительно уговаривающий царя отпустить его:

«...Простым рожден я быть певцом,

Глаголом вольным бога славить!

В толпе вельмож всегда один,

Мученья полон я и скуки,

Среди пиров, в главе дружин,

Иные слышатся мне звуки.

Неодолимый их призыв

К себе влечет меня все боле –

О, отпусти меня, калиф,

Дозволь дышать и петь на воле!»

Дамаскин создан, чтобы петь хвалу Господу и утешать людей.

Ни калиф ему не может помешать, ни монах-наставник, запретивший ему слагать стихи: за поэта вступается Богородица – и ликующая песнь разливается по свету:

Раздайся ж, воскресная песня моя!

Как солнце взойди над землею!

Расторгни убийственный сон бытия

И, свет лучезарный повсюду ляй,

Громи, что созиждено тьмою!

В конце концов Толстой подал царю прошение о бессрочном отпуске, и тот вынужден был отпустить поэта. Царица вздохнула: этот Толстой покидает царя именно тогда, когда ему нужны честные люди!

...Неумолимо надвигалась отмена рабства.

В 1861 году Толстой примчался из Англии, чтобы самолично прочитать своим крестьянам царский манифест. Крестьяне его не поняли. Хозяина из Толстого не получилось: управлять имениями он не мог, не имел к этому никакой склонности, распоряжений его никто не исполнял, управляющие его откровенно грабили. Бессрочный отпуск оказался половинчатым решением проблемы, Толстого постоянно призывали на службу ко двору, суля высокие посты. Наконец, он решился на отчаянный шаг и написал царю не прошение даже, а личное письмо: «Государь, служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природе. Я сознаю, что всякий в меру своих сил должен приносить пользу своему отечеству, но есть разные способы быть полезным. Способ, указанный мне Провидением, – мое литературное дарование, и всякий иной путь для меня невозможен. Я всегда буду плохим военным, плохим чиновником, но, как мне кажется, я, не самообольщаясь, могу сказать, что я хороший писатель. Это призвание для меня не ново; я бы давно отдался ему полностью, если бы в продолжение длительного времени (до сорока лет) не насиловал себя из чувства долга и уважения к моим родным, которые не разделяли моих взглядов на этот счет. <...> Я надеялся тогда победить мою природу – художника, но

опыт показал, что я боролся с ней напрасно. *Служба и искусство несовместимы*. Одно вредит другому, и нужно выбирать одно из двух». А царю он обещал верно служить в главном: всегда говорить правду. «И истину царям с улыбкой говорить», он и тут был верным наследником Пушкина, с которым пребывал в постоянном диалоге – то спорил с его пониманием Годунова, взявшись за тему, с которой, казалось, после Пушкина нечего делать. То дружески возражал в уморительных надписях на стихотворениях Пушкина: на «зачем ты, грозный аквилон...» отвечал: «И как не наскучило вам всем пустое спрашивать у бури? Пристали все: зачем, зачем? Затем, что то – в моей натуре!»

Царь, получив прошение, дал ему отставку. Толстой получил свободу. Закончил «Князя Серебряного», над которым мучился двенадцать лет. Написал «Смерть Иоанна Грозного». Софья Андреевна получила развод, и они наконец обвенчались – в Дрездене в 1863 году, через двенадцать лет после встречи на маскараде. Но ко времени этой подоспевшей свободы Толстой начал сильно болеть: появилась астма, заболел желудок; болело сердце; начались головные боли, которые в конце концов и свели его в могилу. Лечиться тогда ездили на курорты; казалось, ему помогал Карлсбад. Все следующие годы прошли в разъездах между Карлсбадом, имением Пустынька, где он жил с женой, и европейскими столицами, где был круг общения, друзья, дела, где готовились его театральные постановки. Начал писать «Царя Федора Иоанновича» – поразительную драму с совершенно неслыханным царским характером. Толстовский Федор Иоаннович слаб духом до неумняемости, но при этом – как и толстовские богатыри, как князь Серебряный, как сам Толстой – так прост и устойчив ко всякому злу, что почти свят. Трагедию запретила цензура. Такая писательская судьба: лучшая пьеса не увидела сцены, лучшие сатиры, «Сон Попова» и «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» не были опубликованы при жизни автора. Первый сборник стихов вышел, когда поэту уже стукнуло 50 – притом что стихи он писал с 6 лет! И к этому

сборнику он тщательно перебирал всю свою работу и выбрасывал все, что ему казалось лишним. И Каролине Павловой, переводчице его пьес на немецкий, проповедовал ту же жесткую требовательность и рассказывал, что выбрасывал из пьесы не только целые страницы, но и целые тетради...

Он закончил «Царя Бориса», третью часть исторической трилогии, но «Посадника», свою последнюю пьесу, так и не завершил.

Он задыхался и страдал невыносимыми головными болями; в воспоминаниях о последних годах его жизни современники говорят о страшном багровом цвете его лица. В приступах боли он лежал на полу, положив на голову лед; ничего не помогало. Наконец кто-то посоветовал ему морфин. Наркотик давал облегчение, но вызвал немедленную зависимость. Осенью 1875 года Толстой по ошибке вколол себе слишком большую дозу морфина, уснул и не проснулся. Есть какая-то печальная ирония судьбы в том, чтобы самый добродетельный русский классик умер от передозировки, как непутевый рокер XX века.

Наверное, во всем XIX столетии не найти более аутентичного русского писателя, чем западник и полиглот Толстой. Именно его глазами мы видим допетровскую Русь, совершенно внутренне достоверную – как глазами Дюма видим время мушкетеров. С удивительным тактом и вкусом, нигде не свалившись в разлюли-малину, он принес читателю лучшее из того, что сам нашел в народных песнях и былинах. Именно его насмешливый ум помогает впервые понять и осилить непостижимую логически русскую историю – так же, как и русскую бюрократию, и графоманию, – осилить и не бояться, вот что важно. Помогает навсегда получить иммунитет от лазоревых полковников и слишком серьезного отношения ко всяким идеологическим побоищам, где не сходятся в теории вероятности, но сходятся в неопрятности. Ну и сам по себе опыт такого щедрого, счастливого, принимающего и любящего отношения к жизни, к природе, к любимой женщине и к своей стране – он ни для кого не лишний: это как раз тот витамин, которого никогда не хватает. 🍷

В ГОСТЯХ У ГЕНИЯ

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

Еще при жизни его называли русским Леонардо. В советские времена имя этого человека и его работы были преданы забвению. Признание лишь недавно вернулось к нему. В 2010 году в Калуге открылся Дом-музей Александра Леонидовича Чижевского.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Калугу часто называют колыбелью космонавтики: здесь много лет работал Константин Эдуардович Циолковский, труды которого стали фундаментом современных теорий освоения космического пространства. Но в это же время в Калуге жил и другой выдающийся мыслитель, Александр Чижевский, сделавший невероятно много для понимания солнечно-земных связей и развития космологии.

НАЧАЛО

Небольшой двухэтажный особняк в центре Калуги – здесь прошла юность Александра Чижевского, состоялось становление его как ученого, здесь он проводил свои первые опыты. На первом этаже, при входе, установлены три фотопортрета, выполненные в полный рост: сам Александр Леонидович, его отец Леонид Васильевич и тетя Ольга Васильевна, заменившая маленькому Шуру

рано умершую мать. Кажется, будто семья Чижевских встречает всех, кто приходит в этот дом.

Чижевские приехали в Калугу в 1913 году, когда Леонид Васильевич офицер-артиллерист, служивший в Польше, получил новое назначение. Утопавшая в зелени, тихая провинциаль-

Чижевский относился не слишком серьезно, но его сочинения ценили Маяковский, Брюсов, Алексей Толстой. У окна стоит рояль – Чижевский неплохо владел этим инструментом. А еще увлеченно играл на скрипке. Отец разделял эту страсть и купил Александру очень дорогую скрипку мастера Давида Техлера, на которой, по преданию, играл сам Паганини. Леонид Васильевич вообще с большим вниманием относился к занятиям сына и, пожалуй, баловал его. Когда Александр увлекся фотографией, ему была куплена новейшая по

тем временам камера, которой он сделал немало снимков – некоторые из них теперь висят на стенах его комнаты. По соседству с фотографиями – картины, написанные Чижевским-младшим. Живописи он учился у французского художника Нодье, ученика знаменитого Дега. Нодье считал, что у Чижевского очень тонкое чувство цвета и что из него выйдет превосходный живописец.

Предсказание француза сбылось: в голодные годы, последовавшие за революцией, пейзажи Александра хорошо расходились на калужской ярмарке в обмен на муку, сахар, яйца, дрова. Рядом с роялем стоит телескоп – дань еще одному увлечению Александра, которое со временем переросло в серьезную научную работу. Наблюдениями за планетами и солнцем Чижевский-младший увлекся еще в 9 лет. Интерес к этому занятию привил мальчику его дядя со стороны матери Александр Невиандт, астроном-любитель. Леонид Васильевич приобрел для сына телескоп и с помощью этого прибора Чижевский-младший ежедневно совершал путешествия по звездному небу и зарисовывал солнечные пятна, устроившись во дворе дома или в мезонине. Мальчик перечитал все книги о Солнце, которые он нашел в библиотеке отца, а затем и в Калужской городской библиотеке. В 10 лет он написал свой первый труд-конспект «Популярная космография».

По приезду в Калугу Леонид Васильевич тщательно подыскивал гимназию для сына. В конце концов его выбор пал на частное реальное мужское училище, директором которого был доктор зоологии Федор Ме-

ОДАРЕННЫЙ ГИМНАЗИСТ

Принято считать, что о характере и привычках человека многое можно узнать, взглянув на его жилище. Комната Александра Чижевского свидетельствует: тут обитал необычайно разносторонний, увлеченный и талантливый человек. На письменном столе лежат книги по астрономии, климатологии, космологии. А рядом – два поэтических сборника, принадлежащих перу хозяина комнаты. К своим стихотворным опытам

Чижевский относился не слишком серьезно, но его сочинения ценили Маяковский, Брюсов, Алексей Толстой. У окна стоит рояль – Чижевский неплохо владел этим инструментом. А еще увлеченно играл на скрипке. Отец разделял эту страсть и купил Александру очень дорогую скрипку мастера Давида Техлера, на которой, по преданию, играл сам Паганини. Леонид Васильевич вообще с большим вниманием относился к занятиям сына и, пожалуй, баловал его. Когда Александр увлекся фотографией, ему была куплена новейшая по

тем временам камера, которой он сделал немало снимков – некоторые из них теперь висят на стенах его комнаты. По соседству с фотографиями – картины, написанные Чижевским-младшим. Живописи он учился у французского художника Нодье, ученика знаменитого Дега. Нодье считал, что у Чижевского очень тонкое чувство цвета и что из него выйдет превосходный живописец. Предсказание француза сбылось: в голодные годы, последовавшие за революцией, пейзажи Александра хорошо расходились на калужской ярмарке в обмен на муку, сахар, яйца, дрова. Рядом с роялем стоит телескоп – дань еще одному увлечению Александра, которое со временем переросло в серьезную научную работу. Наблюдениями за планетами и солнцем Чижевский-младший увлекся еще в 9 лет. Интерес к этому занятию привил мальчику его дядя со стороны матери Александр Невиандт, астроном-любитель. Леонид Васильевич приобрел для сына телескоп и с помощью этого прибора Чижевский-младший ежедневно совершал путешествия по звездному небу и зарисовывал солнечные пятна, устроившись во дворе дома или в мезонине. Мальчик перечитал все книги о Солнце, которые он нашел в библиотеке отца, а затем и в Калужской городской библиотеке. В 10 лет он написал свой первый труд-конспект «Популярная космография».

По приезду в Калугу Леонид Васильевич тщательно подыскивал гимназию для сына. В конце концов его выбор пал на частное реальное мужское училище, директором которого был доктор зоологии Федор Ме-

фодьевич Шахмагонов, слывший человеком прогрессивных взглядов. При гимназии имелся подготовительный класс Московского археологического института, куда также поступил Чижевский-младший. Благодаря гимназии в жизни Чижевского произошла встреча, многое предопределившая в его дальнейшей судьбе. Как-то раз Шахмагонов пригласил преподавателя Епархиального училища Константина Эдуардовича Циолковского прочитать детям лекцию о воздухоплавании. На этой лекции присутствовал и Чижевский. В Калуге у Циолковского репутация была не самая лестная, его считали чудачком, едва ли не городским сумасшедшим. Однако рассказчик он был замечательный, лекция очень всем понравилась, гимназисты засыпали Циолковского вопросами о дирижаблях, которые он строил, а затем, стоя, провожали аплодисментами. Прощаясь, Циолковский предложил всем прийти к нему домой в ближайшее воскресенье, чтобы посмотреть модели дирижаблей. Желающих было много, но в воскресенье пришел только Чижевский. После нескольких минут общения он задал Циолковскому давно интересовавший его вопрос: «Могут ли циклы солнечной активности оказывать влияние на растения, животных и даже человека?» Циолковский этот вопрос обескуражил, подумав, он ответил: «Было бы совершенно непонятно, если бы такого действия не существовало». С этого началась дружба двух мыслителей, продлившаяся много лет. Несмотря на большую разницу в возрасте, Циолковский и Чижевский прекрасно понимали друг друга. Нередко их можно было увидеть увлеченно беседующими на какой-нибудь калужской улице, когда они обсуждали очередную научную проблему, не замечая ничего вокруг...

В 1914 году Александр Чижевский окончил гимназию. Его юность пришлось на годы Первой мировой войны, о чем напоминает висящий в комнате военный плакат тех времен. Оказаться на фронте тогда мечтали многие юноши. Александр не был исключением. О своем страстном желании он написал отцу, который уже в чине генерала воевал на Галицийском

фронте. Леонид Васильевич отреагировал резко – он ответил сыну, что пушечного мяса на войне хватает, и посоветовал использовать избытки рвения в учебе. Эта суровая отповедь подействовала: Александр поступил одновременно в два московских института – коммерческий и археологический. К этому же периоду относятся его первые попытки осмыслить влияние Солнца на события, происходящие на Земле. В комнате Александра над его кроватью висит вычерченная им карта боевых действий на русско-германском фронте. Ежедневно получая письма от отца, Александр флажками отмечал перемещения войск. Столь же скрупулезно он вел наблюдения за Солнцем и заметил, что солнечная активность весьма точно совпадает с активностью на фронте. Это небольшое исследование подстегнуло его интерес к проблеме солнечно-земных связей.

В октябре 1916 года из своего калужского дома Александр все же отправился на фронт. Ни проблемы со здоровьем, ни категорические возражения отца не остановили его. Воевал Александр недолго, всего лишь три месяца, был ранен, контужен и отправлен домой на лечение. Но за этот короткий срок рядовой Чижевский успел отличиться в боях и за храбрость получил солдатский Георгиевский крест.

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

Для Александра непререкаемым авторитетом, другом, а впоследствии и помощником в научных исследованиях был отец. Его комната находится рядом с комнатой сына. Привычная для военного аскетичная обстановка – ничего лишнего. Письменный стол с чертежами по баллистике, заполненные книгами шкафы, кабинетные часы. В одной из музейных витрин – мундир генерал-майора артиллерии Леонида Васильевича Чижевского, тут же ордена – Святого Владимира, Святой Анны, Святого Станислава. Леонид Васильевич был потомственным военным, в армии служили и его отец, и его дядя, и брат. Развешанные по стенам портреты напоминают об именитых предках, также избравших армейское поприще, – фельдмаршале Голицыне, адмирале

Нахимове, фельдмаршале Кутузове. И портрет Елизаветы Петровны как дань уважения императрице, даровавшей дворянство роду Чижевских.

Леонид Васильевич окончил Александровское военное училище. Это был человек незаурядный и хорошо образованный. Ему принадлежит честь изобретения артиллерийского угломера, который позволял вести огонь с закрытых позиций, не рискуя понапрасну солдатами и орудиями. О порядочности и честности Леонида Васильевича ходили легенды. Во время Первой мировой войны он служил под началом своего друга генерала Брусилова, отличился в боях на Галицийском фронте. Семью брата, погибшего на этой войне, Леонид Васильевич перевез в Калугу. Вдове и детям он уступил свою комнату, а сам сделал себе выгородку в гостиной, где работал и занимался переводами иностранных трудов по баллистике. После революции Леонид Васильевич решил, что должен принять выпавшие на долю родины испытания, и остался в России. Ему повезло: новая власть отнеслась к царскому генералу лояльно и доверила создание Калужских пехотных командных курсов, начальником которых он проработал год, а затем вышел в отставку по состоянию здоровья.

В одной из комнат этого дома жила Ольга Васильевна Чижевская. Двое ее детей умерли в младенческом возрасте, и она решила посвятить свою жизнь воспитанию племянника. С Александром их связывали самые теплые отношения. В своих письмах с фронта он неизменно обращается к Ольге Васильевне: «Дорогая моя мамочка». Она прожила вместе с братом и племянником 28 лет и умерла на руках у Александра. Комнату Ольги Васильевны в музее называют «комнатой двух матерей», поскольку часть этой экспозиции посвящена Надежде Александровне Невиандт, родной матери Чижевского, о которой он никогда не забывал. Здесь выставлена ее фотография, фотография церкви в брянском селе Алешня (рядом с этим селом располагалось имение Невиандтов Александров-

ка), где Надежду Александровну крестили, где она венчалась и возле которой была похоронена, а также картина Чижевского «Дорога в Александровку».

К ВЫСОТАМ НАУКИ

В 1917 году Александр Чижевский окончил Московский археологический институт, защитил диссертацию и почти сразу приступил к подготовке докторской диссертации, в основу которой легли собранные им материалы о солнечно-земных связях. Эту тему он не раз обсуждал с Циолковским, который посоветовал молодому ученому проанализировать архивные сведения, «зарыться в статистику». Солидная подготовка, пройденная Чижевским в археологическом институте, помогла ему в работе с огромным объемом архивных документов, а математическое образование, полученное в коммерческом институте, позволило систематизировать собранные данные. Диссертация Чижевского «О периодичности всемирно-исторического процесса» сделала его имя известным в научных кругах. Суть концепции Чижевского сводилась к тому, что изменения солнечной активности воздействуют на биосферу Земли, влияя на все биологические процессы, от урожайности растений до психологического состояния человечества, что, в свою очередь, отражается на ходе исторических событий. Эта работа вызвала бурную дискуссию и самые противоречивые отклики.

Примерно в это же время Чижевский заинтересовался одним из аспектов солнечно-земных связей – проблемой ионизации воздуха. В Москве, охваченной революционными событиями, условий для научной работы у Чижевского не было, и он вернулся в Калугу, задумав устроить лабораторию на дому. За помощью и поддержкой он обратился к отцу и тете. На семейном совете Чижевские приняли непростое решение – лаборатории быть. Для этого пришлось продать немало личных вещей и предметов обстановки. В гостиную, где когда-то устраивали музыкальные и поэтические вечера, завезли клетки с подопытными крысами, корма, разнообразное измерительное оборудование, сконструированные Чижевским приборы для ионизации воздуха. Трудно представить, как на протяжении нескольких лет, несмотря на то, что в стране шла Гражданская

война, здесь изо дня в день проводились научные наблюдения. Около года у Чижевского ушло только на то, чтобы опытным путем установить оптимальное значение напряжения электрического тока для ионизации воздуха. Еще два года он занимался исследованиями. В этой работе Чижевскому неизменно помогали отец и тетя, часто в опытах принимал участие Циолковский. Эксперименты подтвердили блестящую догадку Чижевского: отрицательно заряженные аэроионы благотворно влияют на живые организмы, положительные – воздействуют губительно. О результатах многолетних опытов Чижевский сообщил в докладе, прочитанном им в Калужском обществе по изучению природы. Текст этого доклада Чижевский послал лауреату Нобелевской премии шведскому ученому Сванте Аррениусу. Вскоре из Швеции пришел ответ. В своем письме Аррениус признавал приоритет Чижевского и необычайную важность его работы и приглашал продолжить исследования в Нобелевском институте. Чижевский с радостью это приглашение принял, но выехать из страны было непросто. Начались хлопоты, за Чижевского просили Луначарский и Горький. Наконец разрешение было получено. Однако за день до отъезда Чижевскому сообщили – пределы Советской России он покидать не может.

В гостиной, где когда-то Чижевский ставил свои опыты по аэроионизации, теперь демонстрируют фильмы о нашем великом соотечественнике. На стенах и в витринах – многочисленные фотографии и документы, рассказывающие о его жизненном пути и научных открытиях. Одна из фотографий запечатлела Чижевского в знаменитом Уголке Дурова, где он на протяжении нескольких лет работал в Практической лаборатории зоопсихологии, ставил эксперименты по влиянию аэроионов на животных и людей и добился великолепных результатов. Рядом – «Постановление Совнаркома СССР о работе профессора А.Л. Чижевского» от 1931 года, которым была учреждена Центральная научно-исследовательская лаборатория во главе с Чижевским. Труды этой лаборатории привлекли внимание научного сообщества как в СССР, так и за рубежом. В витринах – дипломы о присвоении Чижевскому научных

званий университетами Европы, Америки, Азии, приветствие Первого Международного конгресса по биофизике, почетным президентом которого был избран Чижевский, его книги, фотокопии статей, переписка с учеными, писателями, поэтами. И тут же – разгромная статья в «Правде», где Чижевского называют лжеученым и мракобесом.

Свой калужский дом Чижевский покинул в середине 20-х. Впереди были годы преподавательской работы, научных исследо-

ваний, учебы, мировое признание открытых им новых направлений науки – гелиобиологии, аэроионизации, электрогемодинамики. Впереди были арест, лагеря и ссылка. Снова приехать в Калугу Чижевский смог лишь незадолго до смерти, в начале 60-х. Он побывал на кладбище у могил отца и тети, посетил места, связанные с Циолковским, а потом пришел к своему дому, в котором тогда размещалось общежитие железнодорожников. Долго стоял напротив, смотрел на родные окна, но зайти так и не решился...

Идея создания в Калуге Дома-музея Чижевского принадлежит его жене Нине Вадимовне Энгельгардт. Она никогда не сомневалась, что рано или поздно такой музей появится. Бороться за его создание пришлось долго и трудно, музей и сейчас еще продолжает работу над совершенствованием экспозиции. Возможно, открытие Дома-музея Чижевского – это первый шаг к подлинной оценке его научного наследия. В меморандуме Первого Международного конгресса по биофизике о работе Чижевского говорилось: «Гениальные по новизне идей, по широте охвата, по смелости синтеза и глубине анализа труды поставили профессора Чижевского во главе биофизиков мира и сделали его истинным Гражданином мира, ибо и труды его – достоинство Человечества». Эти слова, написанные более семидесяти лет назад, справедливы и сегодня. 📌

«ГРАД НЕБЕСНЫЙ». «ГРАД ОГУРЕЧНЫЙ»

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Площадь у Гостиного двора Суздаля – муравейник: толпы туристов теснятся у лотков, заваленных сувенирами, павловскими платками и разноцветными ушанками. Рядом бабушки торгуют провиантом: на шатких табуретках «ржавеют» лисички, в ведрах жирно поблескивает черника, сияют стеклянные бока банок с засоленными огурцами. Один огурец – 5 рублей. Во времена СССР сей овощ стоил здесь рубль, и говорят, что тогда в Суздале жили 11 официальных миллионеров...

За Гостиным двором зазывают в дегустационный зал – попробовать медовухи. Дальше – лубочное «Подворье мастеров», где снова – сувениры и валенки. Напротив – солидные «яти» на вывесках антикварных магазинов... Кафе, рестораны, пирожки и леденцы, «молодые люди, прокатимся на лошадке?», гомон... То и дело попадаются иностранцы, обвешанные платками, ушанками и матрешками... Раскрасневшиеся от медовухи соотечественники... Утомленные экскурсоводы... На столбах и заборах объявления о проведении «Дня огурца»... Есть также «День лаптя», гусиные бои и много еще чего... Хохочущий, хмельной, разухабистый Суздаль, как нахальный коробейник, тербит вас за рукав, лъстиво заглядывает в глаза и подсовывает всякую всячину: купи!

Ошалев от суеты, мы присели передохнуть на паперти Рождественского собора в Кремле. Рядом топталась группа японских туристов. Из собора вышла пара: девушка с хмурым лицом что-то тихо выговаривала высокому мужчине, кивая то на храм, то на японцев. Когда они поравнялись с нами, до нас донесся ответ мужчины: «Чем больше экскурсовод сочиняет, тем лучше». Мы переглянулись. А мужчина и девушка, собрав японцев, бодро повели их по Кремлевской улице...

Ох, не верьте всему тому, что видите и слышите! Это – не настоящий Суздаль. Это – «Град огуречный», туристический конвейер, заправлять который рекомендуется исключительно рублями и долларами. Чтобы встретиться с истинным Суздалем, найти воспетый летописями русский «Град Небесный», нужно перевести дух, взять в руки карту и не спеша отправиться на встречу с историей.

МЕСТО КРАСНОЕ

«По положению места, той град имеется построенный на месте красном, ни весьма гористом, ниже паки доловатом и мокрому; но несколько хотя местами и долины имущее, но сухое и приятное, и к плодоношению всякому удобное, не токмо овощия, но и древес садовых множество плодящее; от царствующаго града Москвы к северовостоку склоняющееся сто осмьдесят верст разстоянием...» – писал более 250 лет назад ключарь Рождественского собора Анания Федоров. Его «Историческое собрание о Богоспасаемом граде Суждале» было первой серьезной краеведческой работой, а потому стоит помянуть добрым словом этого человека. Чтобы убедиться, что город был построен в «красном месте», нужно по

изгибы реки Каменки обширные луга, и редко где их плавное спокойствие возмущается рощицами. И в какую сторону ни оборотись, куда ни кинь взгляд – всюду взмывают в небо купола церквей и вогнутые шатры-дудки суздальских колоколен. Не мешают друг другу, соседствуют дружно, будто кто-то очень бережно расставлял их, отмечая каждый квартал, каждый угол и каждую границу города – по всем сторонам света. Вот он – «Град Небесный», на-

стоящий Суздаль, звон колоколов которого разносился по округе на многие километры. Но снова и снова притягивают взгляд усыпанные золотыми звездами пять синих куполов Рождественского собора. Там, в Кремле, где высятся белые стены храма с добрыми львами (именно львы украшали герб владими́ро-суздальских князей. – **Прим. авт.**), в древнейшей части города, все и начиналось...

шаткой и крутой лестнице забраться на колокольню церкви Вознесения на торгу. В нескольких метрах от Гостиного двора сияет белизной ее строгий четверик, а рядом притулилась зимняя Казанская церковь. В Суздале так обычно и строили: летняя, не отапливаемая церковь почти всегда соседствует с парной зимней.

С колокольни, оккупированной голубями, весь город как на ладони. Прав был священник Федоров: место действительно «красное». Словно зеленым бархатом обволакивают змеиные

ГРЕКИ, ВОЛКИ И СМОРОДИНА

В излучине Каменки, на высоком левом берегу, и обосновались первые пришедшие на эту землю славяне. Археологи считают, что славяне жили здесь уже в первой половине X века, причем, скорее всего, это были кривичи и ильменские словене (то есть смоляне и новгородцы. – **Прим. авт.**).

Река хоть и не слишком широка, но как-никак – преграда для врагов. Нет, местное население, меря, пришельцев приняло дружелюбно. Сражаться им пришлось с другим противником. В том же, X столетии здесь ураганом пронесли свирепые угры. Согласно хронике «нотария короля Белы», будущие венгры под предводительством родственника Атиллы, воеводы Альма, разорили Суздальскую землю, которую хронист называет «Susudal».

Между прочим, до сих пор идет спор о том, откуда пошло название города. Одни, не мудрствуя, утверждают, что здесь князь судили народ, а потому и назвали местечко «Суждалем» (в русских летописях он именно так писался. – **Прим. авт.**). Другие считают, что имя произошло от славянского глагола «создать», третьи – что это славянская форма от племенного имени «Сужда», как, к примеру, Ярославль – от Ярослава. Некоторые уверены, что «Суздаль» пошло от угро-финских «шукштору», «суштар», то есть смородина: ягода эта в обилии произрастала в окрестностях. Но были и совсем экзотические версии. Например, «Суздаль» выводили то от греческого «сос дулос», что значит «твой раб», то от финского susi – «волк»...

КНЯЖЕСКАЯ РАСПРЯ

Спустившись с колокольни, мы столкнулись с парнем в пыльных кроссовках и с тяжелым рюкзаком за плечами, озадаченно рассматривающим карту. К стене колокольни был прислонен выдавший виды велосипед. Увидев нас, путешественник явно обрадовался: «Excusez, comme passer vers le Kremlin? Де... Дэ-ти-нЭц?!» Да не волнуйся, сами туда направляемся. Но француз мотает головой, стучит пальцем по часам – опаздывает. Показываем дорогу. Оседлав велосипед, парень рванул вниз по Кремлевской улице, переполошив «припаркованных» тут же лошадок.

Мы идем следом, но не спешим: как же не остановиться на середине улицы, чтобы увидеть уходящие вправо и влево от Кремлевской земляные валы? Как не подняться на них? Это ведь те укрепления, что защищали княжеский двор – будущий Кремль. Во второй половине XI века Ростово-Суздальские земли уже были вотчиной Владимира Мономаха. Но русские князья, как известно, постоянно зарились на княжества родичей. Вот и Мономах утвердился в Чернигове – вотчине своего племянника Олега Святославича, изгнанного из Руси и отсиживавшегося то в Тмутаракани, то на Родосе. Но Олег, прозванный Гориславичем за то, что, воюя с родственниками, не раз приводил на Русь половцев, вернулся и отбил Чернигов. Мономах с дружиной ушел в Переславль, причем, как писал сам князь, сопровождали их половцы Олега, которые на него «скалили свои зубы, как голодные волки». Гориславич же решил закрепить успех и пошел с войском в Ростово-Суздальские земли. В бою с Олегом под Муромом пал один из сыновей Мономаха, Изяслав, после чего Гориславич захватил Суздаль. Другой сын Мономаха, новгородский князь Мстислав, двинул сюда полки, чтобы отомстить за брата. Олег спешно покинул Суздаль, но приказал сжечь весь город дотла – уцелело лишь подворье киевского Печерского монастыря. Мстислав же разбил Олега на реке Колокше, после чего Гориславич был вынужден явиться в 1097 году в Любеч на съезд русских князей во главе с Мономахом, чтобы заключить мир и признать разделение Руси на волости.

Вот после этого Мономах и решает укрепить Суздаль, возведя вокруг княжеского двора

земляные валы с острогом – рублеными деревянными стенами. А также закладывает первое в Северо-Восточной Руси каменное здание, Успенский собор, на месте которого позже вырастет Рождественский храм Кремля.

Видно, не зря Мономах именно здесь решил строить первый каменный собор. Суздальское предание гласит, что православию сюда принес аж сам святой равноапостольный князь

Владимир, поставивший епископом грека Феодора в 990 году. Насчет присутствия в Суздале князя Владимира можно усомниться, а вот захоронение Феодора было найдено в Рождественском соборе. И сейчас здесь можно увидеть деревянную колоду, на крышке которой нацарапано: «а се Феодор епискуп Суждальский».

Но даже в XI столетии местное население по большей части оставалось языческим. В Ростове в начале века убивают епископа Леонтия, а в Суздале в 1024 году (тогда Суздаль впервые и упоминается в русских летописях. – **Прим. авт.**) происходит одно из первых в Древней Руси народных восстаний. И возглавили его волхвы. Бунт был серьезным, раз для его подавления сюда прибыл великий князь Киевский Ярослав Мудрый с дружиной. Людей усмирили, волхвов Ярослав казнил. Но язычество упорно сопротивлялось: в 70-х годах XI века по Суздалию, Ростову и Новгороду прокатилась волна народных восстаний, во главе которых вновь стояли волхвы...

А земляные валы Мономахагодились, кстати, очень скоро. В 1107 году Суздаль осадили волжские булгары, но взять город не смогли. Пограбили окрестности и ушли. В том же году Владимир Мономах женит одного из своих младших, любимых сыновей, Юрия Долгорукого, на дочери половецкого хана Аепы. Такой династический брак уменьшал возможность помощи половцев другим княжеским родам и усиливал позиции Мономаховичей в борьбе с булгарами, с которыми степняки люто враждовали.

А земляные валы Мономахагодились, кстати, очень скоро. В 1107 году Суздаль осадили волжские булгары, но взять город не смогли. Пограбили окрестности и ушли. В том же году Владимир Мономах женит одного из своих младших, любимых сыновей, Юрия Долгорукого, на дочери половецкого хана Аепы. Такой династический брак уменьшал возможность помощи половцев другим княжеским родам и усиливал позиции Мономаховичей в борьбе с булгарами, с которыми степняки люто враждовали.

СТОЛЬНЫЙ ГРАД

По преданию, когда Мономах отдал Юрию Ростово-Суздальскую землю, Долгорукий с горечью воскликнул: «Неужели мне нет и удела в Русской земле?» Нет-нет, он вовсе не хотел сказать, что Ростов и Суздаль – не русские земли. В те времена понятие «Русская земля» нередко фигурировало и в узком смысле: если проследить его «географию» по летописям, то оно включало Киев, Чернигов, реку Рось и Поросье, Переяславль-Русский, Северскую землю и Курск. Так сказать,

древние родовые земли киевской династии. Да и пределом амбиций любого Рюриковича того времени являлся именно киевский стол.

Неизвестно, какими соображениями руководствовался мудрый Мономах, когда решил отдать северо-восточные земли своему любимчику, но расчет его оказался верным. Именно здесь, именно с Юрия Долгорукого начнется формирование мощного Московского княжества, выросшего сначала в Великую Русь, а затем и в Российскую империю.

Молодой князь оказался очень деятельным. Он с невероятной скоростью закладывает новые города-крепости, всюду строит храмы, успевает вести войны с булгарами, не забывая следить за тем, что происходит в «Русской земле» на юге. Манит Юрия Владимировича киевский престол, ох как манит! А ведь уже и старший сын, Андрей, подрастает – любимец, умница, бесстрашный боец и помощник отцу во всем, тот, кого в будущем назовут Боголюбским. Набирает Ростово-Суздальская земля силы, богатеет. Вот только в Ростове, крупнейшем городе княжества, Юрий жить не хочет. Может, потому, что Ростов Великий расположен ближе к главному, если не считать булгар, врагу Долгорукого – Великому Новгороду? Новгородская и Ростово-Суздальская земли постоянно враждовали и воевали друг с другом. И продолжится это еще десятилетия – до того момента, когда Андрей Боголюбский уже после смерти отца устроит северному соседу «хлебную блокаду». Ведь, несмотря на вражду, основной поток зерна шел в Новгород из Ростова и Суздаля. Эта мера надолго усмирит гордых новгородцев, но даже в конце XIX века, как отмечал автор путеводителя по Суздалию Милий Достоевский, на местных ярмарках «лубочные картины, разбрасываемые суздальскими и палехскими офенями, трактуют излюбленный сюжет битвы с новгородцами».

Итак, столицей земли стал Суздаль. Сюда съезжались купцы и послы, князья и паломники, город стал центром религиозной образованности. Рядом с Суздалем, в Кидекше, Юрий заложил еще одну княжескую резиденцию, обнес ее валами и построил церковь Бориса и Глеба, в честь младших сыновей. В данном случае выбор места тоже не был случайным. Во-первых, по

преданию, именно в Кидекше святые князья мученики Борис и Глеб встретились перед тем, как идти к Киеву на погибель. Во-вторых, крепостица в Кидекше позволяла контролировать водные пути в Суздаль.

Крепости той давно нет и в помине. В Кидекше сохранились лишь остатки валов, но главное – стоит прекрасный белокаменный Борисоглебский храм, датируемый 1152 годом. В нем похоронены сын Юрия, белгородский князь Борис, его жена Мария и их дочь Евфросиния...

В конце концов Юрий Долгорукий добился своего: после нескольких неудачных походов он все-таки занял киевский стол в марте 1155 года. Но правил там недолго: в мае 1157 года киевские бояре отравили великого князя. А Ростово-Суздальская земля к тому времени уже находилась в надежных руках: Андрей Боголюбский, талантливый политик и правитель, продолжал наращивать силы. Его княжество стало ядром рождающейся новой Руси, приоритет Андрея никем не оспаривался, Киев угасал, Новгород был смирен. Андрей перенес столицу из Суздаля во Владимир, а также по примеру отца устроил себе вторую резиденцию – в Боголюбове. Здесь 29 июня 1174 года он был подло убит своими приближенными...

После смерти Андрея Ростов, Владимир и Суздаль ушли на второй план во внутренней политике Руси, уступив главенствующую роль Москве. В начале XIV века суздальские князья предприняли последнюю попытку противостоять растущей силе нового лидера, создав Суздальско-Нижегородское княжество. Но в 1392 году Суздаль окончательно потерял самостоятельность, войдя в состав Московского княжества...

ОПАЛЬНЫЕ ЖЕНЫ

Все, кто в первый раз попадает в Покровский монастырь, поражаются его красоте. Монастырь действительно прекрасен: весь белый, будто сахарный, он сияет на солнце, как жемчужина. Яркие цветники, словно затейливый ковер, окружают постройки со всех сторон. Ажурная галерея, соединяющая колокольню и Покровский собор, придает старой каменной постройке ощущение невесомости и даже праздности. Любуясь этой дивной красотой, трудно представить

себе, сколько горьких слез было пролито в этой обители, сколько разбитых женских сердец погребено здесь и сколько тайн надежно хранят эти толстые монастырские стены!

Монастырь был основан в 1364 году, но только к началу XVI века он вырос в одну из крупнейших и богатейших обителей Руси. И знаете почему? Потому что превратился в место заточения царских и княжеских жен и дочерей.

Первой «пленницей» стала одна из дочерей Ивана III, жертва придворных интриг. Имени ее история не сохранила, но в монастыре она была известна как инокиня Александра. Скончалась дочь Ивана Великого в 1525 году, и ровно тогда же сюда была доставлена великая княгиня, жена Василия III Соломония Сабурова. Муж, обвинив ее в бесплодии, заставил церковь узаконить развод, а жену насильно постриг в монахини. Случился крупный скандал: такое на Руси происходило впервые. А Василий III, женившись на Елене Глинской, получил долгожданного наследника, будущего Ивана Грозного.

Но что же Соломония, ставшая Софией? Монахиня София славилась праведностью и скончалась через семнадцать лет после пострига. На могиле ее стали происходить чудеса, а в XVII веке она даже якобы спасла Суздаль. Но еще при жизни бывшей великой княгини упорно ходила странная легенда. Говорят, уже во время пострига Соломония была беременна и в монастыре родила сына, которого назвала Георгием. Чтобы уберечь его, она объявила, что мальчик умер, а сама отдала ребенка в надежные руки. Видимо, руки эти были не слишком надежны, раз далее легенда гласит, что Георгий стал знаменитым разбойником Кудеяром... Как бы то ни было, но в 1934 году при реконструкции монастыря было найдено детское захоронение XVI века, в котором в деревянном гробике находилась одежда для маленького мальчика. И никаких следов тела! Тайна так и осталась тайной.

По злой иронии судьбы следующей высокопоставленной особой, томившейся в Покровском монастыре, стала родствен-

ница Соломонии, Евдокия Сабурова, она же – первая жена царевича Ивана, старшего сына Ивана Грозного. В 1572 году Евдокия стала монахиней Александрой по тому же обвинению, что и ее тетка Соломония, – бездетность. Через семь лет к ней присоединилась вторая жена царевича, Феодосия Соловая (в постриге – Параскева), – и тоже по причине бесплодия. Но самая скандальная история произошла с первой женой Петра I, Евдокией Лопухиной, матерью царевича Алексея.

Царь не особо церемонился с раздражавшей его супругой и в 1698 году под конвоем отправил ее в Покровский монастырь, где она была насильно пострижена под именем Елены. Причем расходы на ее содержание были возложены на родственников. Через полгода пребывания в монастыре, бывшая царица стала жить как мирянка, не носила даже монашескую рясу. А в 1709 году завела роман с майором Степаном Глебовым. Через девять лет история эта всплыла на поверхность во время расследования по делу царевича Алексея, которого Петр подозревал в измене. Царь узнал, что мать и сын состояли в переписке, а потому отправил в Суздаль дознавателей. Те арестовали Евдокию, ее приближенных, нашли ее переписку с Глебовым и... Последствия были ужасные. Царь лично жестоко пытал Глебова на глазах Евдокии, а затем приказал казнить его так, как в России не казнили уже очень давно. Майор был посажен на кол, причем Евдокию заставили смотреть на его мучения. Дни свои Лопухина окончила в московском Новодевичьем монастыре, пережив своего царственного мужа на шесть лет...

СТРАШНЫЙ ВЕК

Есть в Суздале место, где в любое время дня можно застать как горожан, так и туристов. Нужно миновать вход в Спасо-Евфимиев монастырь, пройти дальше вдоль колоссальной стены – и вот вы уже вышли на лучшую местную стихийную смотровую площадку. Посмотришь направо – тянется вдоль обрывистого берега Каменки мощная стена монастыря со смотровыми башнями, посмотришь прямо – белеет кружевной накидкой Покров-

ская женская обитель, глянешь налево – высится колокольня Александровского мужского монастыря... Здесь можно сидеть часами. Особенно если прийти сюда на рассвете и дожидаться открытия музея в Спасо-Евфимиевом монастыре...

Этот монастырь, который «яко град» стоит на левом берегу Каменки, основан в 1352 году. Один из последних независимых князей Суздальско-Нижегородского княжества, Борис Константинович, пригласил «сомолитвенника» Сергия Радонежского, монаха нижегородского Печерского монастыря Евфимия выбрать место для обители и возглавить ее. Почти через сто лет после основания монастыря под его стенами разыгралась битва между Василием II, прозванным позже Темным из-за слепоты, и казанскими царевичами Махмудом и Якубом, сыновьями хана Улу-Мухаммеда. Великий московский князь был разбит и попал в плен, но его отпустили через два месяца. Это, кстати, не ханы ослепили князя, а пленившие его годом позже князя Дмитрий Шемяка, Иван Можайский и Борис Тверской. Сия позорная традиция перекочевала на Русь из Византии, где сверженных императоров или опасных претендентов на престол либо ослепляли, либо оскотачивали. После такой «обработки» несчастные уже не могли претендовать на власть, поскольку считалось, что «божий избранник» должен быть физически здоров. Но Василий II все же сумел вернуться в Москву и выгнать из столицы захватившего трон Шемяку.

Следующее тяжелое испытание для Суздаля и Свято-Евфимиева монастыря пришлось на годы Смуты. Окончательно запустевший в чехарде, творившейся в Москве, и лезущих на Русь со всех сторон самозванцах, некоторые волости, в том числе и суздальская, присягнули на верность Лжедмитрию II. Но это не спасло Суздаль от разгрома. В 1609 году в Спасо-Евфимиевом монастыре обосновался польский авантюрист Александр Лисовский, в отряд которого входили поляки, литовцы и «русские воры». Они убивали мирных жителей, зверствовали, грабили, жгли... По легенде, Лисовский не тронул лишь Покровский монастырь, поскольку во сне ему в грозном облике явилась монахиня София (Соломония Сабурова) и велела оставить

в покое и город, и обитель. У проснувшегося Лисовского от страха парализовало правую руку. Суздаль он покинул в 1611 году, бежав от приближавшихся войск князя-героя Дмитрия Пожарского. Есть что-то завораживающее в том, что именно Пожарский, один из потомков Юрия Долгорукого, пришел освобождать город, являвшийся столицей княжества его предка, не правда ли?

...Надо сказать, XVII век оказался для Суздаля едва ли не самым тяжелым за все время существования города. Сначала польское разорение, после которого, согласно описи 1612 года, сделанной по приказу стольника и воеводы Дмитрия Пожарского, в городе и окрестностях насчитывалось всего 78 жилых дворов! Около 300 оставшихся стояли пустыми, ибо, как сухо сообщала опись, «люди побиты от литовцев и померли»... Едва город оправился от жесточайшего польского «постоя», как его разоряют крымские татары, а в 1644 году в страшном пожаре выгорает почти весь Суздаль. Мало того, спустя десять лет здесь начинается моровая язва, которая уносит в могилу 1177 человек! Из всего населения города в живых остается лишь 1390 суздальцев...

ЛИХОЛЕТЬЕ

...Ранним утром, пока в городе еще нет туристов, мы гуляем по тихим, почти деревенским центральным улочкам Суздаля. В это время можно без особых усилий представить, что находишься не в XXI, а в XIX веке. Того и гляди, из-за угла, помахивая тросточкой, выйдет Михайло Бальзаминов, а вон из того окна, потирая сухие руки, ехидно улыбнется Иудушка Головлев... Как все это удалось сохранить? Говорят, когда строили планы по прокладке железной дороги в этих краях, суздальские купцы, скинувшись, дали солидную взятку «большому начальнику» в столице, а потому рельсы «дошли» до Владимира, а Суздаль обошли стороной...

Кажется, Суздаль дремлет, погрузившись в патриархальную тишину. И трудно поверить, что этот старинный провинциальный мирок

даже в XX столетии в очередной раз переживал очередной разгром и разграбление.

Но стоит оказаться у Ризположенского женского монастыря, и недавнее прошлое тут же напоминает о себе. Один из древнейших монастырей Руси (основан в 1207 году. – **Прим. авт.**) по-прежнему практически лежит в развалинах. Нет, это постарались не монголы, разрушившие Суздаль в 1238 году. Тогда из всего города уцелел как раз Ризположенский монастырь, где спаслись выжившие горожане. Это – следы советской «культурно-просветительной» деятельности. Практически все памятники архитектуры в Суздале подверглись разграблению, отношение к ним было поистине варварским. Их разрушали, перестраивали, разбирали на кирпич, взрывали. В Покровском монастыре разместили Базу особого назначения, где создавалось бактериологическое оружие, потом организовали детдом. В Спасо-Евфимиевом монастыре на основе острога для «безумствующих колодников» екатерининских времен сначала устроили тюрьму НКВД, затем лагерь для военнопленных, а позже селили сюда колонии для несовершеннолетних преступников. Там же не пожалели даже мавзолеев над могилой Дмитрия Пожарского – в начале 1933 года он был разобран. Несчастному, пришедшему в ужас директору Суздальского музея Василию Ивановичу Романовскому объяснили, что каррарский мрамор мавзолея национального героя пойдет на строительство Дома Советов в Москве... Ныне восстановленные Александровский и Васильевский монастыри, как и многие церкви города, тогда рассыпались на глазах, в оставшихся храмах устраивали зернохранилища и склады...

Суздаль пережил и это лихолетье. Восстал из руин, отряхнулся от пепла и пыли. И вновь, несмотря ни на что, засиял в русском ополье древний Град Небесный. Потому что «существуют места, где история неизбежна, как дорожное происшествие, места, чья география вызывает историю к жизни». Разве можно поспорить в этом с поэтом Бродским?